

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

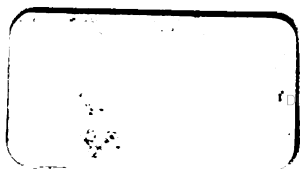
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190625 1

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИ ДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

1878

М А Р Т Ъ

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

- I. ШЕКСПИРЪ ВЪ ПЕРЕДѢЛКАХЪ ЕКАТЕРИНЫ II.
В. А. Лебедева.
- II. ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. Гл. XL—
XLI. А. Л. Эиссермана.
- III. МУРОМСКАЯ ДРАМА. Разказъ судебнаго сѣдовате-
ля. С. А. Панова.
- IV. СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ. Романъ. Часть третья.
В. Г. Азѣенка.
- V. ПОДЪ ГРОМОМЪ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. (Изъ днев-
ника веденнаго покойнымъ А. Д. Камовскимъ въ
Крыму, во время военныхъ дѣйствій 1853 года.)
- VI. ПИЙ IX И ВИКТОРЪ-ЭММАНУИЛЬ. Н. В. Щербаня.
- VII. ПРИНЦЪ АЛЬБЕРТЪ ВЪ ИНТИМНОЙ ПЕРЕПИСКѢ.
Новая англійская книга о Крымской войнѣ. Р.
- VIII. РУССКІЕ МОЛЯКИ НА КРАЙНЕМЪ ВОСТОКѢ. В.
- IX. РАКУШАНСКІЙ МЕЛАМЕДЪ. Разказъ на бивуакѣ.
Н. С. Лѣскова.
- X. РАЗКАЗЫ БАБУШКИ. Изъ воспоминаній пяти поко-
лѣній. Записанныя и собранныя ея внукомъ. Гл. I—IX.
- XI. НАЧАЛО ДРУЖЕСТВЕННЫХЪ СНОШЕНІЙ РОССИИ
СЪ ПРУССІЕЙ. Русскіе великаны въ прусской сауж-
бѣ. М. П. Пущако.
- XII. ФУРАЖИРОВКА ЗА ВИСЛОЙ ВЪ ПОЛЬСКУЮ КАМ-
ПАНИЮ 1831 ГОДА. А. В. Дренякина.
- XIII. ДЕНЬГИ МИЛЕДИ. Эпизодъ изъ жизни молодой дѣ-
вушки, разказанный Унаки Коллинзомъ. Переводъ съ
англійскаго. Часть вторая.
- XIV. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПЕРВОМЪ ПОХОДѢ ЗА
БАЛКАНЫ. Князя Л. В. Шаховскаго.
- XV. ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ
ТРИДЦАТИ СЕДЬМОМУ ИЗДАНІЮ РОМАНА НА-
БАЕЪ.
- XVI. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Л. Эиссермана.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

11

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

49
издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

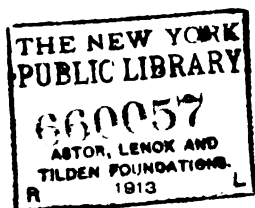
ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

11
МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1878

ШЕКСПИРЪ

ВЪ ПЕРЕДЪЛКАХЪ ЕКАТЕРИНЫ II

Въ многосторонней дѣятельности императрицы Екатерины II видное мѣсто занимаетъ дѣятельность литературная, а въ этой послѣдней драматическій родъ. Мы не находимъ въ ея сочиненіяхъ слѣдовъ теоріи которой она слѣдовала при составленіи своихъ драматическихъ произведеній. Но вліяніе на ея произведенія образцовъ французской литературы слишкомъ извѣстно чтобы говорить о немъ. Довольно припомнить о ея сношеніяхъ съ энциклопедистами. Тѣмъ замѣчательнѣе тотъ фактъ что между драматическими произведеніями ея находится нѣсколько и такихъ, которыя указываютъ на знакомство съ Шекспиромъ и даже на прямое его вліяніе. Вліяніе это хотя и не обширно, но настолько сильно что одно изъ произведеній Екатерины представляетъ почти сплошь сокращенное изложеніе пьесы Шекспира. Это передѣлка *Виндзорскихъ Кумушекъ*. Далѣе мы находимъ *дѣяніи* съ сюжетомъ изъ русской исторіи, въ заглавіи которыхъ однако стоитъ имя Шекспира. Вотъ, впрочемъ, и все. Правда въ запискахъ Храповицкаго, годъ 1786 годомъ, 23го ноября, значится: „Читано начало *Расточителя*, подражаніе

Шекспиру“ *. Но пѣса эта не была окончена и не напечатана. Тотъ же Храповицкій утверждаетъ что и еще одна пѣса Екатерины II, *Шаманъ Сибирскій*, есть передѣлка изъ Шекспира. Но въ самой пѣсѣ нѣтъ никакихъ указаній на это ни въ заглавіи, ни въ содержаніи. *Шаманъ Сибирскій* одна изъ самыхъ безцвѣтныхъ пѣсѣ, почти не имѣющая завязки. Главное лицо въ пѣсѣ, какимъ является новоприбывшій изъ Сибири саложникъ по ремеслу шаманъ Амбанъ-Лай вовсе не имѣетъ отношенія къ развивающемуся въ пѣсѣ дѣйствию.

Все дѣйствіе пѣсы держится на любви Пернатова (купеческаго сына, пріѣхавшаго изъ Сибири съ богатымъ наслѣдствомъ послѣ дяди) къ Прелестѣ Бобинѣ, дочери Сибиряка Бобина, пріѣхавшаго въ С.-Петербургъ и привезшаго съ собой шамана. Бобинъ сначала отказывалъ Пернатову, когда тотъ былъ бѣденъ, въ рукѣ своей дочери, а потомъ измѣнилъ свое рѣшеніе. Между тѣмъ явилось другое препятствіе. Пернатовъ дорогой любезничалъ съ Устиньей Мелентьевной Маткиной, а та привыкнувъ всѣхъ считать влюбленными въ себя, разказала Бобинѣ что Пернатовъ на ней женится. Прелеста возмущена и не хочетъ выходить замужъ за Пернатова, но въ то же время отказывается и другимъ женихамъ. Тогда отецъ требуетъ чтобы она непременно сдѣлала выборъ. Узнавъ отъ самого Пернатова что онъ и не дѣлалъ даже предложенія Маткиной, Прелеста отдаетъ ему свою руку. Пѣса заключается словами Кромова, брата жены Бобинѣ, обращенными къ Маткиной:

„Вы однако сходствуете съ шаманами: вы и они слѣдуя мнимымъ правиламъ обманываютъ сначала сами себя, а потомъ и тѣхъ кои вамъ подають вѣру“ **.

Шекспировскаго въ этой пѣсѣ рѣшительно ничего нѣтъ. Мы внимательно просматривали весь репертуаръ пѣсѣ Шекспира, но всѣ наши розыски остались напрасны. А между тѣмъ Храповицкій подъ тѣмъ же 1786 годомъ 16го и 26го іюня пишетъ слѣдующее: „15го. Свѣрзлѣ съ подлинникомъ комедію *Корзина* изъ Шекспира; 16го. Для того же (?) получилъ *Шамана Сибирскаго*.“ ***

* Записки Храповицкаго изд. Геннади. М. 1862 года стр. 17.

** Соч. Екатерины II изд. 1849 года Смирдина стр. 513.

*** См. Пам. Зал. Храповицкаго изд. Геннади 1862 годъ стр. 10.

Извѣстно что Храповицкій исправлялъ слоги и писалъ арии и куплеты къ произведеніямъ императрицы Екатерины II. Не означаютъ ли здѣсь слова: „для того“, то-есть для исправленія, а не для свѣрки съ подлинникомъ, тѣмъ болѣе что требовалась какая-то особая провѣрка. Какъ видно личность Машкиной въ *Шаманъ Сибирскомъ* содержала на-меки на дѣйствительное лицо. Черезъ двадцать дней, подъ 5мъ іюля, Храповицкій замѣчаетъ: „При газетахъ Московскихъ изъ Зарайска... (многогочіе въ подлинникѣ) я усмѣхнувшись далъ знать что узналъ Машкину.“

Въ самой піесѣ Машкина при первомъ своемъ появленіи на вопросъ Дробиной: „Откудава матушка ты пріѣхала?“ говоритъ: „Изъ Зарайска, матушка, изъ Зарайска.“

Д р о б и н а: Я чаю, оттудова много вѣстей навезла.

М а ш к и н а. Я изъ Зарайска напередъ заѣхала къ Москвѣ а тамъ, нашедъ знакомыхъ, съ ними сюда пріѣхала.

Во всякомъ случаѣ вопросъ остается открытымъ и рѣшительно нельзя указать основаній, почему Храповицкій поставилъ *Шамана* наряду съ *Корзиной*.

Къ 1786 же году относятся и первыя двѣ піесы, обнаружившія вліяніе Шекспира на драматическія произведенія имперарицы. Вотъ ихъ заглавія:

1) *Подраженіе Шекспиру, историческое предствленіе, безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ, изъ жизни Рюрика*, въ С.-Петербургѣ, при И. А. Н. 1786 (перепечатано въ *Россійскомъ Театрѣ*, 1787 года, XIV, стр. 107—166; то же 1792, съ примѣчаніями Болтина; 1793, третье изданіе); есть нѣмецкій переводъ Фелькнера и французскій въ сборникѣ *Théâtre de l'Hermitage*; 2) *Начальное управленіе Олега, подраженіе Шекспиру, безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ*, въ типографіи Горнаго Училища, 1786 и 1791 годовъ, въ листъ (перепечатано въ *Россійскомъ Театрѣ*, 1787 гда, XIV, стр. 167—248). Піеса была поставлена съ хорами сочиненными Сарти и великолѣпною обстановкой. Извѣстія о времени появленія этихъ піесъ мы находимъ у того же Храповицкаго въ его запискахъ относительно *Рюрика* подъ 7, 20 и 23 августа, 1, 4, 5 и 8 сентября; объ *Олегѣ* подъ 8, 19, 21, 22, 25 августа и 2 сентября и подъ 5, 7, 8 и 10 октября 1786 года. Особенно замѣчательно указаніе на поправку Потемкина. *

* Зап. Храп., изд. Генл. 1862, стр. 13—15.

„4го сентября: Не спалъ ночь. Переписывали мои секретари два экземпляра *Рюрика*. Были поправки князя Потемкина.“ Октября 7го: „Призванъ былъ въ шестомъ часу послѣ объѣда и отданъ мнѣ *Олеги* съ поправками князя Потемкина для переписки бѣлыхъ экземпляровъ. Наломать изволила мое слово что національныя лѣсы намъ родны.“

Почему Екатерина II назвала эти историческія представленія подраженіемъ Шекспиру, рѣшить трудно. Было бы излишне излагать ихъ содержаніе, потому что въ нихъ нѣтъ даже никакихъ намековъ на драму и историческія хроники Шекспира, кромѣ упомянутаго указанія въ заглавіи. Г. Щербальскій, * вѣроятно вслѣдствіе словъ въ заглавіи: „безъ соблюденія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ,“ видитъ подражаніе Шекспиру именно въ этихъ уклоненіяхъ отъ ложно-классической трагедіи: замѣнѣ повѣствовательныхъ монологовъ въ первой сценѣ *Олега* диалогическою сценой и допущеніи простонароднаго элемента въ видѣ пѣсень. Но тогда нужно было бы видѣть подраженіе Шекспиру и въ операхъ *Федей* и *Новгородскій богатырь Бославичъ*, которыя притомъ относятся къ тому же 1786 году.

Можетъ - быть Екатерина обратила вниманіе собственно на рядъ историческихъ драмъ у Шекспира, и начала писать „историческія представленія“, имѣя предъ глазами эти историческія драмы.

Очевидное и не подлежащее сомнѣнію вліаніе Шекспира на произведенія Екатерины II представляетъ ея передѣлка *Виндзорскихъ Кумушекъ*. Передѣлка относится къ 1786 году и представляетъ *первую* въ Россіи пьесу поставленную на театрѣ съ именемъ Шекспира. Сумароковъ, какъ извѣстно, въ своей передѣлкѣ Шекспирова *Гамлета* вовсе не упоминаетъ имени Шекспира. Полное заглавіе передѣлки Екатерины слѣдующее: „*Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, вольное, но слабое предложеніе изъ Шекспира, представлена была въ С.-Петербургѣ, печатана въ С.-Петербургѣ при И. А. Н. 1786 года“.

Поводомъ къ заглавію пьесы послужилъ тотъ эпизодъ изъ *Виндзорскихъ Кумушекъ* который показался Екатеринѣ особенно смѣшнымъ, эпизодъ съ корзиной чернаго бѣлья.

* *Русскій Вѣстникъ*, 1871 № 6, Драмат. Произ. Екатерины II, стр. 544.

Но безъ указанія въ заглавіи піесы трудно было бы напастъ на оригиналъ.

Дѣйствіе перенесено въ Россію и передѣлано на русскіе нравы. Впрочемъ фамиліи дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ Фальстафа, который преобразился въ Якова Власьевича Полакова и мистера Слендера, окрещеннаго Лялюкинымъ, удерживаютъ вѣдшее сходство съ именами Шекспира. Такъ Фентонъ названъ въ передѣлкѣ Екатерины Филатовымъ; Шалло—судья Шаловъ; мистеръ и мистрисъ Фордъ Фордовы—мужъ и жена; Пэдждъ, его жена и миссъ Анна Пэдждъ обратились въ Егора Авдѣича Палина, его жену Акулину Терентьевну и дочь Анну Егоровну; пасторъ сэръ-Гугъ Эвансъ въ Ванова, свата Шалова и Лялюкина; докторъ Каюсъ переименовался въ доктора Кажу, а его служанка мистрисъ Кукачи—во французскую торговку Къелу; спутники Фальстафа—Бардольфъ, Пистоль, Нимъ въ передѣлкѣ названы друзьями Полакова—Бардолиномъ, Пиковымъ и Нумовымъ; Симплъ, слуга Слендера, сталъ Зивькой, слугою Лялюкина. Наконецъ дѣйствіе перенесено изъ Виндзора въ городъ Св. Петра (С.-Петербургъ) на постоянный дворъ, въ соотвѣтствіе чему и хозяинъ гостиницы „Подвязки“ названъ хозяиномъ постоялаго двора.

Число актовъ въ обѣихъ піесахъ одинаковое (пять), но каждый выходъ и уходъ кого-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ въ піесѣ Екатерины II обозначается особымъ явленіемъ, а дѣленія на сцены какъ у Шекспира нѣтъ, хотя въкоторыя явленія (напримѣръ въ 1 дѣйствіи явленія X и XI) совпадаютъ со сценами у Шекспира (2ю и 3ю того же дѣйствія). Затѣмъ Екатерина совсѣмъ выпустила эпизодъ относящійся къ поединку между сэръ-Гугомъ Эвансомъ, валлійскимъ пасторомъ, и Каюсомъ, французскимъ докторомъ.

Далѣе пропущена 1я сцена 4го дѣйствія, экзаменъ маленькаго Вильяма Пэджда, дѣлаемый пасторомъ Эвансомъ по просьбѣ мистрисъ Пэдждъ. (Экзаменъ Митрофанушки въ *Недоросль* Фонвизина живо напоминаетъ эту сцену.) Не переведена 3я сцена того же дѣйствія, рассказывающая проѣзду друзей Фальстафа, выманившихъ у хозяина гостиницы лошадей подъ предлогомъ встрѣчи какого-то нѣмецкаго герцога. Наконецъ выпущена пятая сцена, доканчивающая исторію проѣздки и четырнадцатая (между хозяиномъ и

Фальстафомъ) и также первая сцена 5го дѣйствія, сцена между Фальстафомъ, Куикли и Фордомъ. * Кромѣ этихъ сокращеній, какъ на особенность передѣлки можно указать на тотъ фактъ что всякій разъ когда у Шекспира рѣчь переходитъ изъ прозы въ стихъ, передѣлка представляетъ тощее, едва напоминающее подлинникъ сокращенное изложеніе монолога. Для примѣра укажемъ на четвертую сцену 3го дѣйствія, объясненіе Фентона съ своею невѣстой миссъ Анной Пэдждъ.

ФЕНТОНЪ.

Нѣтъ, ужъ любви у твоего отца
Я не добьюсь, какъ видно; перестань же
Меня къ нему все отсылать мой другъ.

АННА.

Что жъ дѣлать намъ?

ФЕНТОНЪ.

Ты собственную волю
Должна имѣть. Онъ говорить что я
По своему рожденію слѣшкомъ знателъ,
Что будто бы, разстроивъ мотовствомъ
Отцовское наслѣдство, я желаю
Поправиться на ваши деньги. Онъ,
Сверхъ этого, находитъ и другія
Препятствія: прошедшія мои
Дурачества, безпутныя знакомства,
И говорить что я тебя люблю
Не иначе, какъ славное наслѣдство.

АННА.

Онъ можетъ-быть и правду говорить.

ФЕНТОНЪ.

О, нѣтъ, клянусь всѣмъ счастьемъ что отъ неба
Я жду себя! Не скрою отъ тебя,
Что твоего отца богатство было
Мнѣ первымъ побужденіемъ къ сватовству;
Но сблизившись съ тобой, я убѣдился,
Что ты цѣнишь всѣхъ золотыхъ монетъ,
Всѣхъ сундуковъ съ червонцами—и только
Къ сокровищамъ, тающимъ въ тебѣ,
Стремаюсь теперь!

* Цитую по изданію Некрасова и Гербеля т. IV стр. 270—271.

АННА.

Но все-таки старайтесь
Чтобъ мой отецъ васъ полюбилъ, Фентонъ,
Старайтесь постоянно. Если жъ просьбы
Покорныя, настойчивыя къ цѣли
Не приведутъ — тогда... Сюда паутъ!

Въ передѣлѣ эта сцена передана такъ:

Ф и н т о в ъ. Не отсылайте меня болѣе къ отцу вашему; онъ ко мнѣ несклоненъ.

А н н а П а л и н а. Что же мнѣ дѣлать?

Ф и н т о в ъ. Батюшка вашъ мнѣ говоритъ что я роскошно живу и обхожусь съ такими людьми, кои ему не нравятся... Прискорбьте всего что онъ думалъ, будто ищу только теперь поправить свое состояніе женитьбою.

А н н а П а л и н а. Можетъ-быть и правда...

Ф и н т о в ъ. Узнавъ васъ, могу ли я имѣть иныя мысли... окромѣ тѣхъ чтобы любить и почитать внутреннія и виѣшнія ваши дарованія.

А н н а П а л и н а. Если вы правду говорите, то старайтесь отцу моему угодить... буде же паче чаянія не услѣдете, такъ... Люди паутъ... впредь поговоримъ.

Разсорившись съ своими друзьями и отказавшись отъ ихъ услугъ, Фальстафъ намѣренъ продолжать свои любовныя похождения на свой страхъ. Обращаясь къ своему маленькому лажу Робену (лицо это выпущено въ передѣлѣ) онъ говоритъ:

Неси же ты, мальчишка, эти письма
Проворнѣе; несись, какъ мой корабль,
Къ тѣмъ золотымъ странамъ. А вы, мерзавцы,
Вонъ! къ чорту вѣсь! Исчезните, какъ градъ!
Не вѣдайте покоя, пресмыкайтесь,
Пристанище ищите, безпрестанно
Взадъ и впередъ мечитесь! Вонъ сейчасъ!
Фальстафъ духъ времени усвоить — и отлично
Одинъ съ своимъ лажомъ онъ заживетъ практично.

Екатерина II въ томъ же мѣстѣ заставляетъ Полкадова въ отвѣтъ на убѣжденія друзей *декламировать* съ комическимъ пафосомъ:

П о л к а д о в ъ (*декламируя*). Напрягайте ларуса... направляйте судно прямо къ золотымъ пристанищамъ... скорѣе гряньте какъ крупный градъ... Полкадовъ такъ учился, вѣдя по

Ераоля... ояъ привозилъ съ собою счастье залахомъ оо всего свѣта аки награду... за его немалые труды и примѣчанія... о завиваніи кудрей по послѣдней модѣ... о новѣйшемъ покровѣ фраковъ и бестрочковъ... о удобнѣйшей заправкѣ восмерика, подѣ управленіемъ единого кучера... какъ пригоже обувь завязывать или застегивать... сапоги спускать или натягивать... также какія игры для общей и частной пользы превосходны къ скѣрѣйшему и кратчайшему выигрышу.

Только два раза стихи подлинника переданы стихами же въ переводѣхъ.

Свои дословно одинаковыя письма къ мистриссъ Фордъ и къ мистриссъ Пэдждъ Фальстафъ у Шекспира заключаетъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Вѣчный рыцарь твой,
И днемъ, и ночью порой,
И во всякій часъ другой,
За тебя готовый въ бой

Джонъ Фальстофъ.

У Екатерины II это четверостишіе приняло слѣдующій видъ:

День и ночь,
Сколько ночь,
На брань, на бой,
На водопой:

Пребуду вашъ покорный услужникъ
Іаковъ Полаковъ.

Перерядившись въ фей, сатировъ и лѣсныхъ духовъ чтобы напугать бѣднягу Фальстафа, лица въ піесѣ Шекспира измѣняютъ и свою рѣчь. Они говорятъ стихами.

ЦАРИЦА ФЕЙ.

Фей зеленыя, бѣлыя, сѣрыя феи,
Луннаго свѣта подруженьки, дѣти—сиротки судьбинъ,
Тѣмъ нѣчной темноты, принимайтесь за дѣло скорѣй.
Долгъ исполняйте! Зови ихъ на дѣло, герольды Гобгобинъ.

ПИСТОЛЬ.

Эальфы, внимайте, внимайте! умоакните рѣзвые духи!
Слушай сверчокъ: облоги ты всѣ кухни Виндзора и тамъ
Гдѣ очага не убрали, огня не гасили страпухи,
Такъ ихъ щипи ты чтобъ цвѣтъ ежевики придать сивакамъ.
Не терпите владычица свѣтлая фей
Ни грязныхъ покоевъ, ни грязныхъ людей! и т. д.

Екатерина II замѣнила сцену фей сценой колдуновъ и колдуній, которая начинается слѣдующими стихами, или точнѣе разсѣянною прозою:

КЪЕЛИ.

Зеленыя, бѣлыя, черныя, силія вѣдмы,
Птицы и тѣни во тѣмѣ присѣдащи,
Пріемыши и чады воображеній страшныхъ,
Что должно творить вамъ здѣсь, о томъ бдите....
Да молчатъ колдуны, колдуньи и лѣшіе.

Эти стихи вѣроятно принадлежатъ Храповицкому, если принять къ свѣдѣнію его собственное заявленіе что составленіе стиховъ лежало на его обязанности. Не менѣе любопытно сличить подлинникъ съ передѣлкою въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ юморъ Шекспира является въ непереводимыхъ островахъ и игрѣ словъ.

Въ большинствѣ эти мѣста Екатериной II совершенно опускались или передавались въ видѣ самаго краткаго изложенія сущности дѣла, если такое мѣсто нельзя было опустить совсѣмъ безъ существеннаго ущерба для піесы. Такъ опущена въ самомъ началѣ перваго дѣйствія острота, основанная на сходствѣ словъ *luses* (щучки) и *louses* (вши). Также опущено *qui-pro-quo* въ сценѣ между Сэмлемъ, службой Слендера, и Куикан, служанкой Каюса, когда Сэмплъ пробуетъ описать наружность своего господина.

Всѣ разговоры Фальстафа и Брука (переряженнаго Форда) также остаются непереданными. Выпущены также вся пятая сцена III дѣйствія и первая, а также пятая и шестая сцены IV дѣйствія и первая V дѣйствія и наконецъ заключительныя слова піесы.

Екатерина пыталась иногда замѣнить остроты и юмористическія мѣста комедіи остротами собственного изобрѣтенія. Обращенія Слендера къ Пэджу, какъ будущему тестю: Батюшка Пэдждъ! Екатерина замѣнила слова: „Отче Паликз“, брань Бардольфа и Пистоля, которою они осыпаютъ глуповатаго Слендера: „Ахъ, ты, бенбургскій сыръ! Мефистофель!“ въ передѣлкѣ явилась такою: „Что ты, полуумненькій, говоришь? Что ты, бубновый хланъ, болтаешь?“

Нѣсколько ниже, когда Фальстафъ грозно обращается къ Пистолю, Пистоль отвѣчаетъ ему отъ себя въ третьемъ лицѣ: „Онъ слушаетъ ушами,“ а пасторъ Эвансъ замѣчаетъ: „Что

за чертовщина такая:—онъ слушаетъ ушами? Развѣ такъ говорить? Вычурно и неестественно!“ Въ этомъ мѣстѣ у Екатерины слѣдующая острота:

Пиковъ. Слушаю обоими ушами.

Вановъ. На чтѣ говорить: слушаю обоими ушами? Всякій знаетъ что не носомъ.

Въ третьей сценѣ Iго дѣйствія Фальстафъ обращаясь къ Пистолу, говоритъ: „Честные друзья мои, я хочу сказать вамъ что теперь во мнѣ...“

Пистоль. Два ядра, а пожалуй и больше.

Въ передѣлкѣ императрицы здѣсь тоже игра словъ.

Полкадовъ. Слушайте, я вамъ скажу какія *мърты* я беру.

Пиковъ. Если *мърту* брать, то постарайтесь чтобы кафтанъ не узокъ кроенъ былъ... дабы и намъ годился.

Въ III дѣйствіи, сцена 4я, у Шекспира игра словъ въ отвѣтъ Слендера. Шалло ободраетъ его къ объясненію съ невѣстой: Не робѣй.

Слендеръ. Нѣтъ она не лугаетъ меня, это-то меня не беспокоитъ, но главное дѣло въ томъ что я боюсь.

У Екатерины эта игра словъ сохранена.

Шаловъ. Не пугайся... Ванька... не пугайся.

Лялюкинъ. Нѣтъ, я и смолоду услугавъ не былъ, этого я не оласаюсь... а только иногда маленько боюсь... Хи, хи, хи!

Попытаемся теперь сравнить обѣ ліесы по ихъ ходу дѣйствія (завязкѣ и развязкѣ) и по обрисовкѣ характеровъ главныхъ и второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ *Виндзорскихъ Кулушкахъ* и во многихъ другихъ своихъ ліесахъ, Шекспиръ ведетъ, такъ-сказать, двойную интригу. Главнымъ образомъ дѣйствіе сосредоточивается на похожденияхъ Фальстафа, на его ухаживаніяхъ за мистриссъ Фордъ и мистриссъ Пэдждъ. Ухаживанія эти объясняются съ одной стороны непоколебимостью убѣжденія Фальстафа что противъ него не можетъ устоять ни одна женщина въ свѣтѣ, а съ другой — полнымъ истощеніемъ кошелька и необходимостью какъ-нибудь поправить свои плохія обстоятельства.

Его положеніе становится драматичнымъ, когда всѣ его надежды разбиваются о добродѣтельный нравъ мистриссъ Фордъ и мистриссъ Пэдждъ. Къ концу пьесы онъ узнаетъ что былъ одураченъ тѣми самыми леди которыхъ хотѣлъ одурачить. Къ довершенію всего его проказы становятся извѣстны ревнивцу Форду. Отсюда возникаетъ рядъ трагикомическихъ положеній Фальстафа: то его укрываютъ отъ глазъ ревнивца Форда въ корзину съ чернымъ бѣльемъ и потомъ вываливаютъ въ грязную лужу, то онъ долженъ переодѣваться въ костюмъ тетки мистриссъ Фордъ, брентфордской вѣдьмы, и испробовать палочныхъ побоевъ отъ раздраженнаго Форда, то наконецъ, когда супруги примиряются, онъ подвергается всякимъ истязаніямъ отъ переряженныхъ фей, собравшихся проучить сластолюбца. Съ другой стороны, рядомъ съ этими положеніями Фальстафа развивается другой родъ сценъ. Семейство Пэдждъ озабочено устройствомъ судьбы своей дочери миссъ Анны Пэдждъ. Отецъ хотѣлъ бы видѣть ее замужемъ за глуховатымъ лаяманникомъ судьи Шалло Слендеромъ, а мать мѣтитъ выдать ее за доктора Француза Каюса. Сама миссъ Пэдждъ не расположена ни къ тому, ни къ другому. Она любитъ Фентона. Въ судьбѣ этого послѣдняго горячее участіе принимаетъ хозяйка гостиницы и служанка доктора Куикли. Особа эта вхожа въ домъ Пэдждъ и Фордъ. Пользуясь общою суматохой во время праздника фей, устроеннаго для заключительнаго наказанія Фальстафа, Фентонъ и Пэдждъ являються въ ближайшей приходской церкви, въ то время какъ Слендеръ уводитъ съ собой вмѣсто миссъ Пэдждъ почталіона, одѣтаго въ бѣлое платье, а Каюсъ мальчика въ зеленомъ платьѣ. Въ виду совершившагося факта родителямъ остается только примириться со случившимся и благословить бракъ Фентона съ миссъ Пэдждъ. Къ этому параллельному развитію комическаго дѣйствія въ двухъ семействахъ, какъ эпизодъ, прибавленъ поединокъ доктора Каюса съ пасторомъ Эвансомъ за намѣреніе пастора содѣйствовать женитьбѣ Слендера на Пэдждъ. Таковъ ходъ дѣйствія у Шекспира.

Фальстафъ является главнымъ лицомъ комедіи. Шекспиръ въ *Виндзорскихъ Кулушкахъ* представилъ намъ его вдали отъ приаца, вдали отъ облагораживающей среды остроумной компаніи будущаго короля въ эпоху его бурной

молодости, показалъ намъ его, по выраженію Гервинуса, совершенно предоставленнымъ самому себѣ, улаждающимъ въ той же мѣрѣ, въ какой возвышался принцъ; показалъ наконецъ — чего ужъ никакъ нельзя было ожидать — какъ онъ лалъ въ собственномъ своемъ мѣтнѣи.

„Нигдѣ, можетъ-быть, замѣчаетъ Пушкинъ, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣль, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ что главная черта его есть сластолюбіе; смолodu, вѣроятно, грубое дешевое волокитство было первою для него заботой, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерой. Вторыхъ, онъ трусъ, но проведя свою жизнь съ молодыми ловѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивою и насмѣшливою; онъ хваставъ по привычкѣ и по расчету. Фальстафъ совсѣмъ не глулъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка нерѣдко видѣвшаго хорошее общество. Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое испанское вино, жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобы достать ихъ, онъ готовъ на все, только бы не на явную опасность!...

„Въ молодости моей, случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе. Это былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хваставъ, неглулъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогаатымъ супругомъ, ни отцомъ семейства. Сколько сценъ потерянныхъ для кисти Шекспира! Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленький Фальстафъ III, однажды въ его отсутствіи повторялъ про себя: „какой лаленька хлабѣд! какъ лаленьку госудаль любить!“ Мальчика подслушали и клаукали. „Кто тебѣ это сказалъ, Володя?“ „Паленька“, отвѣчалъ Володя.“

Уже изъ замѣчанія Храповицкаго что ему дана была комедія *Корзина* для свѣрки съ подлинникомъ видно что передѣлка близко держалась образца. Дѣйствіе комедіи въ передѣлкѣ является какъ бы скопированнымъ съ образца. Завязка пьесы распутывается такъ же какъ и у Шекспира, интригой въ двухъ семействахъ, основанною на похожденіяхъ Полкадова и несходственныхъ желаніяхъ семейства Паливыхъ: мужъ и жена каждый пріискиваетъ дочери жениха по собственному вкусу, а она тѣмъ временемъ выходитъ за человѣка заранѣе намѣченнаго ею. Всѣ трагикомическіе моменты Шекспировой комедіи сохранены: Полкадовъ спасается отъ ревниваго Фардова въ корзину съ чернымъ бѣльемъ, уходитъ переодѣвшись въ костюмъ поповальной бабки и, наконецъ, подвергается щипкамъ и побоямъ отъ козлуниі постоялаго двора въ С.-Петербургѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ комедія передѣлана на русскіе нравы. Передѣлка главнымъ образомъ коснулась характера Фальстафа. Екатерина старалась создать свой самостоятельный типъ современнаго ей петербургскаго Фальстафа въ лицѣ Полкадова. Полкадовъ совмѣщаетъ въ себѣ типы Кантемировскаго петиметра (2я сатира) и Фонвизинскаго Иванушки въ *Бригадирѣ*. Полкадовъ былъ за границей и у него съ языка не сходитъ Европа, хотя даже онъ не можетъ путемъ произнести этого слова. Горячася противъ Шалова съ племянникомъ, онъ кричитъ: „Чего на него смотрѣть... Ни онъ, ни его племянникъ не ѣздили, какъ я, по Еуропѣ“. Онъ гордится этимъ, хотя у него вслѣдствіе заграничной поѣздки средства совершенно разстроились. „Я ѣздилъ по Еуропѣ... проѣзжалъ много... правду сказать... почти до того... доѣзжалъ... что у меня не осталось... окромѣ того... что на мнѣ.“ „Еуропа“ у него не сходитъ съ языка даже когда съ нимъ случаются плохія шутки: „Мне Къела... подумай пожалуй... вынесли меня въ корзину и кинули въ лужу... Небось въ другой разъ не дамъ въ такой срамъ и обманъ... Я сколько по Еуропѣ ни ѣздилъ, но подобнаго не слышалъ.“

Полкадовъ. Вотъ еще какія бездѣлицы... и забавляться нашему брату нельзя... всякую малость des simples tours de j'espere за бѣду ставить... Спросите у женскаго пола... какъ я съ ними учтивъ былъ... Chez nous à Paris такъ водится... вольно вамъ шутить не разумѣть...

Хозяинъ гостиницы, желая польстить ему, только и за-
слугъ находить въ немъ что онъ побывалъ во Франціи, въ
Парижѣ.

Хозяинъ. Да вы, сударь... изъ Франціи пріѣхали... вы
были въ Парижѣ... вы должны жить какъ король... быть
щедръ какъ... какъ царь...

Какъ летиметръ онъ вывезъ изъ своей поѣздки умѣнье
завивать кудри, одѣться и обуться по послѣдней модѣ,
устроить игры въ обществѣ для веселаго времяпровожденія.

Выбросивъ сцену поединка пастора Эванса съ докторомъ
Камсомъ, Екатерина сохранила личность свата Ванова, но
въ весьма безцвѣтной передѣлкѣ. За то тилъ простоватаго
Слендера удался императрицѣ нѣсколько лучше. Впрочемъ
она употребила очень простое средство представить рус-
скаго недоросля. Екатерина заставила его при каждомъ словѣ
хохотать. Вотъ его куріозное объясненіе съ невѣстой, въ
которомъ онъ весь налицо.

Шаловъ. Мадамъ Кьела (*указывая на Анну Папину и
Финтова*), перебей у нихъ разговоръ... Пусть Ванька за
себя поговорить.

Лялюкинъ. Мои слова будутъ какъ стрѣлы, сквозь
насквозь пролетать... Надо осмѣлиться только... Хи, хи, хи!

Шаловъ. Не пугайся... Ванька... не пугайся.

Лялюкинъ. Нѣтъ, я и смолodu испуганъ не былъ,
этого я не опасался... А только иногда маленько боюсь...
хи, хи, хи!

Шаловъ (*Лялюкину*). Она сама къ тебѣ пришла... Ско-
рѣй говори ей.

Лялюкинъ. Что говорить? Хи, хи, хи!

Шаловъ. Что у тебя былъ отецъ...

Лялюкинъ. Хи, хи, хи! У меня былъ отецъ, Анна
Егорьевна... Хи, хи, хи! Дядюшка вамъ скажетъ про него
шутку много... хи, хи, хи! Дядюшка, скажи Аннѣ Егорьев-
нѣ, батюшкину шутку, какъ онъ гусей у сосѣда со двора
тянулъ... хи, хи, хи!

Шаловъ. Анна Егорьевна! Ванька васъ очень любитъ.

Лялюкинъ. Да, очень... хи, хи, хи! то-есть... больше
другихъ... бабъ и дѣвокъ... хи, хи, хи!

Шаловъ. Онъ вамъ сдѣлаетъ хорошее состояніе...

Лялюкинъ. Да, хорошее... хи, хи, хи!... только я не-
доросль и въ службѣ не бывалъ... хи, хи, хи!

Шаловъ. Онъ вамъ укрѣпитъ, сверхъ седьмой части,
нѣсколько имѣнія еще.

Анна Папина. (*Шалову*) Пожалуй, дайте ему самому
говорить.

Шаловъ. Хорошо. Ванька, говори.... Анна Егорьевна хочетъ чтобы ты самъ говорилъ.

Анна Палива. (Дялюкину). Ну, сударь....

Дялюкинъ. Ну, Анна Егорьевна.... хи, хи, хи!

Анна Палива. Что же вы не говорите?

Дялюкинъ. Я?... и вѣдомо.... поговорить было.... я здоровъ.... очень здоровъ.... болень не бываю.... окромѣ разговѣнья.... хи, хи, хи!

Анна Палива. Что же еще?

Дялюкинъ. Еще.... хи, хи, хи!... еще ничего.... Дядюшка съ вашимъ отцомъ дѣло затѣяли.... хи, хи, хи! пойдеть хорошо, такъ хорошо... мнѣ все равно.... пусть скажутъ, какъ пойдеть.... спроси у отца.... хи, хи, хи!... вонъ идетъ.... отсель пойду въ бабки играть.... вотъ и все тутъ.... хи, хи, хи!

Относительно другихъ лицъ можно замѣтить что вѣншее подражаніе Шекспиру завлекло Екатерину такъ далеко что она заставляетъ Паливу говорить что Кажу ходить во дворецъ. Такъ какъ дѣйствіе перенесено изъ провинціи (Вандзорскаго графства) въ столицу, Петербургъ, то замыселъ заманиванія въ садъ и переряживаніе въ вѣдмъ и колдуновъ выходитъ мало естественнымъ. Любопытно что, перерядивъ Куикли въ вѣдму, Екатерина заставила ее говорить чисто по-русски, тогда какъ во всѣхъ прежнихъ дѣйствіяхъ, разъ назвавъ ее француженкой-торговкой, поддерживала и въ самомъ языкѣ французское происхожденіе и заставляла ее говорить ломанымъ русскимъ языкомъ съ примѣсью французскихъ фразъ.

В. ЛЕБЕДЕВЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ *

XL.

Скучно тянулись осенніе дни на зимнихъ квартирахъ въ Большихъ Казанищахъ. Въ саклѣ съ бумажнымъ окномъ становилось совсѣмъ темно, а выходить не хотѣлось, потому что рѣзкій сѣверный вѣтеръ прохватывалъ насквозь, а дождь смѣнялся хлопьями мокраго снѣга; квартиры другихъ офицеровъ были довольно далеко раскинуты другъ отъ друга и посѣщенія совершались рѣдко. Всѣ четыре ротные командира, съ которыми я находился въ наилучшихъ товарищескихъ отношеніяхъ, были по-своему хорошіе офицеры и не менѣе хорошіе люди; каждый имѣлъ свой типическій образъ и наблюдательному человеку не могли не кидаться въ глаза эти характеристическія особенности; талантливому художнику каждый изъ нихъ доставилъ бы богатый, благодарный матеріалъ. Командиръ 3й гренадерской роты Добржанскій, изъ мелкой бѣдвой шляхты западнаго края, протянувшій нѣсколько лѣтъ ламку вольноопредѣляющимся въ Тобольскомъ полку, перепросился въ Волынскій полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ его старшій братъ, и въ 1844 году прилепился на Кавказъ съ этакими, лѣшкомъ, кормясь казеннымъ лѣйкомъ.

* См. *Русск. Вѣст.* №№ 3, 4 и 12ѣ 1876 и 1, 2, 3ѣ 1877 и 2ѣ 1878.

Здѣсь ему повезло и чрезъ семь лѣтъ онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ. Имя его было Яковъ, но весь полкъ иначе не звалъ его какъ Якубъ. Исправнѣйшій ротный командиръ, отлично знавшій службу, скромный, разчетливый, молчаливый, усердно по два раза въ день молившійся по католическому обычаю предъ Распятиемъ съ молитвенникомъ въ рукахъ, невзрачный, сутуловатый, Якубъ дослужился до майорскаго чина, женился, былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ, но въ пустѣйшей перестрѣлкѣ въ Иккеріи въ мартѣ 1859 года убитъ. Командиръ 7й мушкатерской роты штабсъ-капитанъ Вертгеймъ—старый служака, тоже протянувшій, за неразысканіемъ какихъ-то документовъ—чуть-ли не двѣнадцать лѣтъ до офицерскаго чина въ одномъ изъ полковъ, былъ также исправнѣйшій, отлично знавшій свое дѣло ротный командиръ, но строгій, съ какою-то презрительною жесткостью относившійся къ солдатамъ, которые его за то и не терпѣли; ни въ одной ротѣ не было столько дезертировъ какъ въ 7й, и Якубъ, пріятель Вертгейма, одинъ разъ весьма мѣтко сострилъ: „онъ отлично довелъ свою роту до бѣглаго шага.“ Какъ товарищъ по службѣ Вертгеймъ былъ человѣкъ обязательный, и интересный разсказчикъ чисто полковыхъ старой окраски анекдотовъ. Оба они съ Якубомъ были, конечно, люди безъ всякаго образованія, едва грамотные, ничего кромѣ приказовъ по полку не читавшіе; меня и еще одного офицера Астафьева они звали „бонжурами“, потому только что мы читали книги и ѣли чаще супъ, чѣмъ солдатскія щи... Вертгеймъ уже въ апрѣлѣ слѣдующаго 1852 года умеръ скоростижно отъ удара въ Шурѣ. 8ю ротой командовалъ штабсъ-капитанъ Астафьевъ—одинъ изъ тѣхъ милыхъ типовъ, созданныхъ барскою Россіей временъ крѣпостнаго права, типовъ которые были много разъ, въ различныхъ видахъ нарисованы лучшими нашими писателями. Обломова болѣе всего напоминалъ онъ по своему добродушію, по своей дѣлн, распущенности; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ было много комически-шалопайскаго, наивно-тщеславнаго; хотя онъ вовсе не былъ гауль, съ хорошимъ домашнимъ воспитаніемъ и образованіемъ, про которое ничего больше нельзя сказать какъ: „и онъ учился понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“. Довольно крутой помѣщикъ Нижегородской губерніи, Астафьевъ молодымъ офицеромъ попалъ въ адъютанты

къ бывшему въ Тифлисѣ помощнику начальника главнаго штаба генералу Норденстаму и въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ пребыванія въ Тифлисѣ промоталъ достаточное количество денегъ и не меньшее количество способности къ какой-нибудь работѣ, хотя бы даже такой не мудреной, какъ фронтовая служба и командованіе ротой. Все къ чему онъ еще былъ способенъ — читать, и то не усидчиво, какой-нибудь французскій романишко, да лежать по часамъ, покуривая и глядя на потолокъ. Вѣчно безъ гроша въ карманѣ, весь въ долгахъ, самъ больной, залерты въ жарко натопленной саклѣ, милѣйшій Модестъ Астафьевъ бывало лежитъ и занятъ — чѣмъ, какъ бы вы думали? — укладываетъ какой-то узоръ изъ морскихъ мелкихъ ракушекъ для будущаго преслалы, который онъ намѣренъ заказать!.. При мѣѣ его пройда фельдфебель Батмановъ докладываетъ: „Ваше благородіе, подполковникъ (т.-е. Соймоновъ) изволили замѣтить что въ нашей ротѣ лица не въ примѣръ хуже прочихъ, и полшубковъ больше изодранныхъ на людяхъ, приказали безпремѣнно озаботиться“. А Астафьевъ ему самымъ добродушнѣйшимъ тономъ отвѣчаетъ: „Теперь у меня денегъ нѣтъ, ты вѣдь знаешь, а вотъ скоро получу изъ деревни, тогда, братецъ ты мой, на свой счетъ хоть всей ротѣ полшубки построю.“ Живетъ человекъ только благодаря марки-танту, отпускающему припасы подъ книжечку, а самъ ли-шетъ въ деревню и требуетъ немедленной высылки какого-то крѣпостнаго повара, служащаго въ Нижнемъ, въ клубѣ. И вѣдь пріѣхалъ этотъ человекъ, и явился въ Казанищи въ саклю къ барину, у котораго едва ли былъ рубль чтобы купить табаку!.. Соймоновъ, для испытанія искусства повара, заказалъ у себя обѣдъ и мы дѣйствительно пальчики облизывали и отъ пожарскихъ котлетъ, и отъ какого-то компота, покрытаго сахарно-леденцовою сѣткой. Жилъ Астафьевъ одо время въ Шурѣ и выкопалъ себя откуда-то Араба, одѣлъ его въ фантастическій костюмъ — красную куртку, бѣлыя шальвары, зеленую чалму, и заставилъ торчать на крыльцѣ своей квартиры въ качествѣ швейцара. Но насталъ холодъ, Арабъ мерзнетъ, требуетъ теплаго платья, а у Астафьева нечѣмъ въ комнатѣ протопить, а не то чтобы Арабу шубу покупать, ну и убирается Арабъ куда-то, а офицерство, конечно, хохочетъ... При всемъ

томъ, добрый, милый, симпатичный, разсердиться на него не было никакой возможности; и даже наш суровый игуменъ—полковой командиръ, казвившій безъ снисхожденія направо и налево, какъ будто сквозь пальцы смотрѣлъ на службу Астафьева. Вскорѣ Астафьевъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ свое Нижегородское имѣнiе, по слухамъ, до насъ дошедшимъ, женился и вѣрно до сихъ поръ поживаетъ мирнымъ семьяниномъ, со смѣхомъ вспоминая какую-нибудь кутишинскую или казанищенскую жизнь. Еслибы эти строки попали ему на глаза, я бы просилъ его не сердиться за слишкомъ откровенный набросокъ его портрета. Онъ былъ одинъ изъ тысячи сыновей своего круга, своего общественнаго развитія, продуктъ той праздной, пустой жизни, которая царила среди высшихъ классовъ Россіи. Тѣмъ не менѣе, это были симпатичные джентльмены, среди грубаго до цинизма большинства офицеровъ Модеста Астафьевъ былъ пріятное явленіе, къ которому я чувствовалъ тогда и сохранялъ до сихъ поръ самое дружеское расположеніе.

Эю ротой командовалъ упомянутый выше капитанъ Багизаровъ или Багирзадовъ (этого никакъ не удавалось разрѣшить окончательно) изъ кизлярскихъ Армянъ, проведеншій всю свою жизнь съ 17лѣтняго возраста на службѣ въ Дагестанѣ, въ Алшерскомъ, а съ 1850 въ Дагестанскомъ полкахъ. Въ бѣдственную катастрофу 1843 года, когда Шамиль овладѣлъ всеми нашими мелкими укрѣпленіями, уничтоживъ ихъ гарнизоны, Багизаровъ, въ чинѣ подпоручика, командовалъ ротой и стоялъ въ Гимры, въ кое-какъ устроенномъ редутикѣ. Благодаря своему происхожденію и знанію кумыкскаго нарѣчія, которое знакомо почти всѣмъ горцамъ ближайшихъ къ Шамхальскому обществу, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со многими изъ мѣстныхъ жителей и отъ нихъ своевременно узналъ о судьбѣ постигшей другія укрѣпленія. Багизаровъ не могъ не сознавать, что съ его 120 человѣками защищаться отъ нѣсколькихъ тысячъ горцевъ, по приходѣ коихъ, въ нападеніи примутъ самое дѣятельное участіе и мѣстные жители, было бы безумнымъ дѣломъ, напрасною жертвой и лишнимъ торжествомъ для непріятеля. Онъ зналъ очень хорошо, что помощи, выручки ждать не откуда, что въ Шурѣ оставалось небольшое количество войска едва достаточное для ея прикрытія, и что

другимъ укрѣпленіямъ помощи оказано не было. Когда же его друзья дали ему знать что Шамиль взялъ соседнее укрѣпленіе Ундуккуль, уже движается къ Гимры, Багизардовъ рѣшился бросить редутъ и отступить въ Шуру. Ночью онъ перетаскалъ и потопилъ въ Койсу чугунную пушку, запасы провіанта, пороху и сварядовъ, затѣмъ тихонько вышелъ и до свѣта успѣлъ податься по единственной дорогѣ ведущей въ Шуру и выйти изъ мѣстности, которую сами Гимринцы въ угоду Шамилю могли занять и преградить всякую возможность отступленія. Къ вечеру они достигли Шурь, гдѣ были встрѣчены какъ воскресшіе изъ мертвыхъ, потому что тамъ уже считали всѣхъ безъ исключенія гарнизоны погибшими; да рота Багизардова и дѣйствительно была единственная спасшаяся. Были люди обвинявшіе Багизардова въ трусости за это дѣло, но это былъ фальшивый взглядъ и лучшимъ доказательствомъ этому служило то что такой безупречной храбрости человѣка какъ генералъ Ключи фонъ-Клугенау встрѣтилъ тогда Багизардова благодарностью за его благоразумную распорядительность и спасеніе 120 Апшеронцевъ отъ напрасной гибели; время же тогда было такое критическое, что и эта горсть людей была не малою поддержкой для гарнизона самой Шурь. Какъ ротный командиръ, Багизардовъ былъ безупреченъ; но какъ человѣкъ, не пользовался расположеніемъ даже среди своихъ соотечественниковъ. По выходѣ въ отставку подполковникомъ, онъ былъ кизлярскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ.

Кромѣ четырехъ ротныхъ командировъ, были въ баталіонѣ еще кажется человѣка три-четыре субалтернъ - прапорщиковъ, но это были такъ-сказать какіе-то невозможныя личности, и мнѣ, новичку въ сферѣ полковой жизни, эти господа казались воплощеннымъ безобразіемъ. И третиrowалъ же ихъ полковой командиръ Броневскій! Какіе приказы отдавались объ этихъ офицерахъ по полку! Объявлялось въпримѣръ официально, что маркитанту разрѣшалось отлускать прапорщикамъ N N не болѣе какъ на десять рублей въ мѣсяцъ продуктовъ, въ противномъ случаѣ остальные деньги казначеемъ полка выданы не будутъ, при этомъ и отлускъ долженъ былъ производиться только въ такомъ случаѣ, если книжечка выдана прошнурованная тѣмъ же

казначеемъ. То же самое дѣлалось и на счетъ платья, которыми снабжалъ весь полкъ одинъ за контрактованный портной: безъ выданной казначеемъ книжки, онъ не долженъ былъ ничего шить господамъ офицерамъ подъ угрозой не получить денегъ... Между тѣмъ, эти господа вѣчно въ долгу, безъ всякихъ видовъ получить жалованье, думали однако о томъ, какъ бы выпить и поиграть въ карты, да подебосировать въ Шуриновскихъ трущобахъ (были и тамъ таковыя). И доходили они до того, что выданную казначеемъ книжку на право заказать портному платья на 30 р. продавали тому же портному за 20 р. на наличныя деньги, вливая что получили платьемъ сполна. За тѣмъ, конечно, ходили чуть не въ лохмотьяхъ и въ однихъ сюртукахъ зимой. Такая же участь постигала и маркитантскія книжки, гдѣ вмѣсто постелевнаго забора въ теченіе трети продуктовъ на опредѣленную сумму, забиралось въ одинъ вечеръ все сполна винами и водкой; а за тѣмъ лутаніе происходило нѣкоторымъ образомъ чуть не Христа-ради у другихъ по порядочнѣе офицеровъ, или большею частью изъ ротнаго солдатскаго котла, съ позволенія ротнаго командира и по благоволенію фельдфебеля. Выговоры, аресты, не въ очередь наряды, временныя прикомандированія къ другимъ полкамъ въ своей дивизіи, всѣ эти мѣры мало дѣйствовали на потерянныхъ окончательно людей; а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ были изъ порядочныхъ дворянскихъ домовъ, нѣкоторые славные ребята, чрезвычайно смѣтливые, распорядительные и въ сраженіяхъ, для посылки въ цѣль, въ секретныя залоги, съ охотниками и т. п. опасныя командировки, незамѣнимыя. Въ этомъ отношеніи Дагестанскій полкъ не составлялъ исключенія; такіе офицеры были и во всѣхъ другихъ полкахъ на Кавказѣ, можетъ-быть только въ меньшемъ количествѣ, да вѣроятно и въ Россіи вообще въ нихъ недостатка тогда не было. Таково было время, состояніе общественнаго развитія, низкій уровень просвѣщенія, отсутствіе потребности въ чтеніи или какомъ бы то ни было умственномъ занятіи и развлеченіи и проч.

Предъ самыми рождественскими праздниками получилъ я изъ Тифлиса отъ добрыйшаго В. П. Александровскаго письмо съ наипріятнѣйшимъ извѣщеніемъ о благополучномъ окончаніи надѣлавшаго мнѣ столько хлопотъ и огорченій дѣла на счетъ неоказавшихся послѣ смерти Михаила

Челокаева денегъ. Не взирая на увѣренія губернатора князя Андроникова что онъ отлично знаетъ все и вполнѣ убѣжденъ въ моей невиновности, не взирая на его обѣщанія сдѣлать все къ моей защитѣ, оказалось что онъ не обратилъ никакого вниманія на дѣло и представилъ его въ совѣтъ главнаго управленія Кавказскимъ краемъ съ заключеніемъ губернскаго правленія „передать дѣло на разсмотрѣніе уголовной палаты,“ а совѣтъ согласился съ этимъ и представилъ на утвержденіе намѣстника. Счастливому случаю угодно было чтобы докладъ этотъ былъ доставленъ князю именно въ день дежурства Василя Павловича, на обязанности коего лежало читать князю присланные доклады и писать на боку резолюціи намѣстника, тутъ же имъ подписываемыя. Увидавъ въ числѣ докладовъ мое дѣло, съ такимъ неблагопріятнымъ заключеніемъ, Александровскій рѣшился употребить все возможное къ огражденію меня и воспользовавшись присутствіемъ у князя покойнаго Илья Орбельяни упросилъ его поддержать свое ходатайство. Благодаря этому, а отчасти конечно и личному ко мнѣ благоволенію князя, резолюція состоялась слѣдующая: „такъ какъ главный виновникъ настоящаго дѣла князь Челокаевъ уже умеръ, то не передавая въ уголовную палату, возвратитъ въ губернское правленіе для постановленія о мѣрахъ къ пополненію недостающихъ денегъ“. Губернское же правленіе въ послѣдствіи опредѣлило взыскать деньги съ имѣнія Челокаева.

Слава Богу! тяжелый камень свалился съ груди, четырехлѣтнее непріятное ожиданіе ничѣмъ не заслуженной грозой кончилось. Я послѣдилъ выразить чувства сердечной благодарности обоимъ моимъ защитникамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ получился приказъ по полку о назначеніи меня начальникомъ команды крѣпостныхъ ружей и предписывалось мнѣ немедленно явиться въ штабъ полка.

Распрощался я съ своимъ баталіонеромъ Соимоновымъ, давшимъ мнѣ нѣсколько добрыхъ наставленій, со всѣми ротными командирами, и уложивъ свой скарбъ на вьюкъ отправился въ Шуру, а на другой день прибылъ съ оказіей въ Ишкарты, гдѣ и нанялъ квартиру у полковаго толумбасиста, то-есть музыканта играющаго на турецкомъ барабанѣ.

На слѣдующее утро, при описанной уже мною въ прежнихъ главахъ обстановкѣ, явился я къ полковому командиру. Встрѣтилъ онъ меня довольно любезно, и объявилъ что

имѣть въ виду дать мнѣ роту когда откроется вакансія, но что предварительно я долженъ заняться изученіемъ фронтовой службы, подъ руководствомъ командира 5го баталіона майора Котляревскаго, и что отъ степени моихъ успѣховъ будетъ зависѣть время моего назначенія. Между тѣмъ, я долженъ заведывать командой крѣпостныхъ ружей, имѣющею свою отдѣльную организацію, свое маленькое хозяйство, и потому она будетъ для меня тоже школой.

Петръ Федоровичъ Котляревскій, о которомъ я уже упоминалъ, когда я явился къ нему, прочиталъ мнѣ цѣлую лекцію о разныхъ ученіяхъ, особенно о восьмирядномъ и ротномъ егерскомъ (то-есть разсыльномъ строѣ); далъ мнѣ нѣсколько уставовъ для внимательнаго чтенія и приглашалъ приходить каждый вечеръ къ нему чтобы вмѣстѣ съ другими офицерами, тоже собранными въ штабъ для изученія службы, выслушивать толкованія уставовъ; а послѣ Нового Года, какъ только немного потеплѣетъ, начнемъ уже практику на плацу, съ людьми. И началась у меня новая жизнь, новое дѣло, въ которомъ первые шаги рѣшительно оправдывали известное изреченіе: „корни ученія горьки, но плоды его сладки“. Чтеніе уставовъ, сколько я ни напрягалъ своего вниманія, застиладо голову туманомъ, и всѣ эти: „четверть круга направо заходи“, „первый взводъ направо, осьмой взводъ налево“ и т. д. выходили какою-то тарабарщиной. Я сталъ сознавать полнѣйшую свою неспособность къ этому мудреному дѣлу и никакъ не могъ къ тому же сообразить, для чего собственно это нужно, когда за весь лѣтній походъ ни разу не видѣлъ чтобы кто-нибудь заходилъ четверть круга налево, или строился въ колонну справа?

По вечерамъ у Котляревскаго собиралось съ десятокъ офицеровъ, познанія коихъ не далеко ушли отъ моихъ. Это меня крайне удивляло: ну, положимъ я, недавній гражданскій чиновникъ, отъ роду во фронтѣ не стоявшій, ничего не смыслю въ этой наукѣ; но какъ же они-то, думалъ я, все изъ юнкеровъ произведенные, и тоже ничего не знаютъ? А были между ними вѣдь и поручики, и штабсъ-капитаны даже, сѣдовательно уже по нѣсколько лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ. Въ послѣдствіи мнѣ это объяснилось очень просто: кавказская боевая служба и постоянно походная, тревожная жизнь выработала своеобразные порядки, свою особую тактику, ограничивавшуюся главнѣйше разсыльнымъ строемъ

и разными пріемами, ни въ какихъ уставахъ не обозначенными. Баталіонные и ротные командиры, да и то не все, знали кое-что; изъ субалтерновъ же весьма рѣдкіе, именно выпущенные изъ кадетскихъ корпусовъ, или недавно переведенные изъ Россіи. Но большинство ничего не знавшихъ, изъ старыхъ кавказскихъ юнкеровъ, между тѣмъ въ дѣлахъ съ непріателемъ, и вообще въ походахъ, въ авантажной службѣ и т. п. исполняли свои обязанности очень хорошо, просто по практикѣ, а новички сами отдавались въ распоряженіе опытнымъ унтеръ-офицерамъ. Въ старыхъ же кавказскихъ полкахъ, особенно въ Чечнѣ, а частью и въ Дагестанѣ, фронтовое образованіе, такъ-сказать, игнорировалось, или ограничивалось рѣдкими гомеопатическими дозами. Дагестанскій полкъ, недавно сформированный изъ баталіоновъ 5го корпуса, и получившій такого исключительнаго педант-командира, составлялъ нѣкоторымъ образомъ исключеніе, что не мало сердило служившихъ въ немъ офицеровъ, не изъ внутренней Россіи переведенныхъ.

Вечернія лекціи происходили такимъ образомъ. На столѣ раскладывались дощечки, означавшія взводы; одинъ изъ офицеровъ читалъ громко какой-нибудь параграфъ построенія, а майоръ двигалъ дощечками (взводиками) въ такомъ порядкѣ какъ бы слѣдовало производить это на самомъ дѣлѣ съ людьми, и объяснялъ что каждый изъ взводныхъ командировъ долженъ былъ командовать. Затѣмъ назначалъ насъ во взводы, и заставлялъ продѣлывать то же, т. е. двигать дощечками и выкрикивать команду. Понятливыхъ оказывалось весьма мало, выходила какая-то путаница, майоръ и смѣялся, и сердился, и острилъ, употребляя иногда такіе казарменные, почти неудобопечатаемые эпитеты и сравненія что при другихъ обстоятельствахъ, казалось бы невозможнымъ не оскорбиться; но онъ и не думалъ оскорблять, онъ добродушно трунилъ.... Откровенно говоря, я тоже все хлопалъ глазами, тоже ничего не понималъ, за что подвергался разнымъ шутивно-дружественнымъ замѣчаніямъ, въ родѣ: „а еще приставъ, а еще съ самымъ главнокомандующимъ знакомъ“ и т. п. Я наконецъ сталъ думать что вся эта „службистика“, какъ въ насмѣшку называли все фронтовые занятія, и впрямь нѣчто вовсе не легкое, требующее не мало ума и сообразительности. Вообразите же мое удивленіе когда послѣ двухъ, трехъ *практическихъ* за-

натиі тою же премудростію, не съ дощечками, а на плацу и съ людьми, я вдругъ какъ будто просвѣлъ и убѣдился что не можетъ быть ничего проще. Съ каждымъ новымъ днемъ я такъ подвигался на пути *прогресса*, мнѣ такъ ясно стало все темное, что мнѣ вовсе не было надобности въ особыхъ толкованіяхъ, и не успѣвала раздаться команда, какъ я уже схватывалъ въ воображеніи форму ея исполненія и до очевидности сознавалъ что второму взводу нужно идти направо, а седьмому направо и т. д. Оставалось только преодолѣть нѣкоторую робость при выходѣ впередъ и громкомъ командованіи взводу, что сначала меня немножко конфузило, точь-въ-точь какъ первый выходъ на сцену въ любительскомъ спектаклѣ.

Черезъ какую-нибудь недѣлю майоръ Котляревскій, вообще приходившій въ восторгъ если какое-нибудь построеніе совершалось удачно, не зная какъ выразить свое удивленіе по поводу успѣховъ моихъ и еще одного офицера, поручика Басова. Послѣ ученія соберетъ онъ бывало всѣхъ и начнетъ дѣлать разныя замѣчанія, толковать, выговаривать, а наконецъ обратится къ Басову: „ты, *Басинька*, молодецъ; ну, да и неудивительно, вѣдь изъ нашихъ юнкеровъ, изъ Воляскихъ; а вотъ *приставай* такъ уже это просто мое почтеніе. Да вы не надували ли насъ, показывая будто ничего не знаете? Не въ пять же дней выучились?“ И на радостяхъ потащитъ меня съ Басинькой *на колбасу*.

Должно быть Котляревскій счелъ нужнымъ о результатахъ своихъ занятій и нашихъ отличіяхъ доложить полковому командиру, ибо въ одинъ прекрасный день мы съ Басовымъ были приглашены обѣдать и—что было еще неожиданнѣе—полковникъ сказалъ намъ: прошу каждый день ко мнѣ обѣдать. И вѣдь что значать извѣстные условія, окружающія положеніе человѣка: я, столько разъ обѣдавшій у князя Воронцова и другихъ высшихъ начальствующихъ лицъ, отъ приглашенія полковника Броневскаго пришелъ въ весьма торжественное настроеніе, я видѣлъ въ немъ какое-то особое отличіе, я былъ польщенъ такимъ необычнымъ знакомъ вниманія педантически-суроваго командира, предъ которымъ полкъ ходилъ по стрункѣ. Да, когда Павелъ Николаевичъ Броневскій „жаловалъ“ кого-нибудь къ своему столу, то, за исключеніемъ двухъ-трехъ „вольводумцевъ“, въ цѣломъ полку, всѣ прочіе счи-

тали это за особую награду. Я не раздѣлялъ взгляда этихъ двухъ-трехъ потому что не могъ не видѣть что „вольнодумство“ имѣло источникомъ просто личное не-удовольствіе. Обѣды эти носили тотъ же педантически-служебный характеръ. Всѣ должны были собраться въ назначенную минуту; выходилъ полковникъ, дѣлалъ общій поклонъ, произносилось повелительно „подавать“ и „прошу садиться“,—само-собою по чинамъ. Кромѣ Котляревскаго, какъ штабъ-офицера, никто не позволялъ себѣ заговорить; одинъ майоръ оглашалъ безмолвный столъ разказами, большею частію изъ фронтоваго или походнаго міра. Ораторскими способностями онъ не отличался, привиралъ и подчасъ заговаривался до изумительныхъ вещей. Такъ одинъ разъ онъ увѣрялъ что Жиды сѣлые рождаются, какъ щенята!.. Разсмѣяться не позволялось, ибо говоритъ штабъ-офицеръ; и мы передавали что былъ случай когда одинъ изъ обѣдавшихъ офицеровъ не воздержался и фыркнулъ громкимъ смѣхомъ при какомъ-то разказѣ майора о томъ что онъ пресѣдая непріятеля попалъ въ трясину одной, другой, *третьей* ногой. Полковникъ тутъ же сдѣлалъ разсмѣявшемуся замѣчаніе и пересталъ приглашать къ обѣду. Я однако рѣшился разъ прервать тишину и разказалъ что-то изъ моей жизни въ горахъ, среди Тушинъ. Всѣ взглянули на меня съ какимъ-то смущеніемъ, какъ бы боясь за мою участь; но, сверхъ ожиданія, разказъ былъ встрѣченъ благосклонно, дополнительными вопросами, что и ободрило меня на этомъ пути: я пользовался антрактами рѣчей майора и разказывалъ о мѣстности Аргуна или Андійскаго Койсу, о Кистинахъ, набѣгахъ или моихъ походахъ съ горцами и проч. Полковникъ слушалъ съ видимымъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Какъ офицеръ генеральнаго штаба и образованный человекъ, онъ само собою интересовался краемъ, еще мало ему знакомымъ.

Такъ проходило время въ Ишкартахъ и въ этотъ разъ мѣсто не казалось мнѣ уже до такой степени антипатичнымъ и унылымъ, тѣмъ болѣе что въ полковой библіотекѣ получались *Отечественныя Записки* и имѣлось много порядочныхъ книгъ. Полковой хоръ былъ у насъ очень хорошій, и я часто, бывало, зайдя въ музыкантскую школу, дамъ старшему на чай, да цѣлый часъ и слушаю музыку; особенно нѣкоторыя нравившіяся мнѣ піесы—варіаціи на

малороссійскій мотивъ и увертюру изъ *Вильгельма Телля* исполняли они отаично.

На шестой недѣлѣ Великаго Поста наконецъ былъ назначенъ всѣмъ намъ, офицерамъ, экзаменъ. Для этого былъ выведенъ въ полномъ составѣ баталіонъ и мы въ полной формѣ, при шлагахъ, стали во фронтъ уже со всѣмъ какъ слѣдуетъ — кто въ званіи ротнаго, кто взводнаго командира. Явился майоръ, прочиталъ намъ торжественнымъ голосомъ наставленіе, произвелъ маленькую релетицію, а затѣмъ пришелъ на плацъ и полковникъ. Было произведено полное баталіонное ученіе и церемоніальный маршъ съ музыкой. Затѣмъ люди отпущены въ казармы, а офицеры вызваны предъ командира. Полковникъ прежде всего поблагодарилъ Котляревскаго за его труды. Послѣ похвалилъ Басова, меня и еще кого-то, остальнымъ выразилъ неудовольствіе, а штабъ-капитану Васильеву намылилъ жестоко голову за совершенное незваніе дѣла, прибавивъ: „извольте взять примѣръ съ поручика Зиссермана, первый разъ ставшаго во фронтъ; я вынужденъ дать ему, маядшему, роту прежде васъ; извольте учиться, и если въ слѣдующій разъ вы не окажете лучшихъ познаній, представляю по начальству къ увольненію за неспособность.“ Еще разъ поблагодаривъ меня за успѣхи, полковникъ прибавилъ: „теперь прошу заняться еще егерскимъ ученіемъ и учиться къ командованію ружейныхъ приемовъ.“

Служба во все это время не ограничивалась, впрочемъ, одними лекціями майора Котляревскаго; кое-что приходилось дѣлать и по заведенію командой крѣпостныхъ ружей, люди коей, въ числѣ 27 человекъ, постоянно требовались для исполненія разныхъ обязанностей, до ихъ специальности вовсе не относившихся; кромѣ того, не рѣдко наряжался я дежурнымъ по штабъ-квартирѣ, или визитиръ-рундомъ, что въ Ишкартахъ, въ виду строгости полковника, исполнялось гораздо педантичнѣе чѣмъ въ Шурѣ, и двукратный обходъ ночью, кругомъ довольно обширнаго штаба, въ грязь или холодную непогоду, было крайне тяжелою обязанностью.

За время бытности моей въ Ишкартѣ случилось замѣчательное происшествіе. Въ началѣ ноября, еще до моего туда прибытія, ожидался пріѣздъ бригаднаго генерала Волкова для инспекторскаго смотра. Начались приготовления и въ ротахъ было отдано строгое приказаніе всѣмъ людямъ къ смотру чиститься, имѣть все положенное по штату въ

равдахъ, вообще быть въ полной исправности. На другое утро послѣ отдачи этого приказанія, въ 13й мушкатерской ротѣ оказался одинъ солдатъ бѣжавшимъ ночью 3го числа. Для ротнаго командира, конечно, происшествіе не-пріятное, тѣмъ болѣе что этотъ солдатъ былъ хорошій по фронту, но побѣги случались тогда не рѣдко и потому дѣло пошло обычнымъ порядкомъ. 22го ноября рано утромъ, въ мое дежурство, изъ ближайшаго покорнаго аула Ишкарты явились два Татарина и объявили, что наканунѣ были они на охотѣ въ горахъ и среди разваливъ Караная, привлеченные сильнымъ лаемъ своихъ собакъ, совершенно нечаянно нашли въ сѣтѣгу больного солдата; но какъ онъ не въ состояніи былъ подняться, они же вдвоемъ нести его не могли, то и пришли дать намъ знать объ этомъ. Я тотчасъ доложилъ полковому командиру, а онъ распорядился послать офицера съ сорока человѣками и полковою повозкой за найденнымъ солдатомъ. Въ сумерки команда возвратилась и доставила въ полковой лазаретъ полуживаго солдата съ отмороженными ногами. Когда его обогрѣли и дали ему немного теплаго супу, онъ пришелъ въ себя настолько, что могъ отвѣчать на вопросы. Вотъ что онъ показалъ: получивъ приказаніе готовиться къ инспекторскому смотру и испугавшись отвѣтственности за какую-то утраченную вещь, кажется рубаху, онъ рѣшился бѣжать. Въ сумерки, воспользовавшись туманомъ, онъ успѣлъ проскользнуть мимо часоваго въ ворота и пустился въ горы, разчитывая къ утру добраться въ Гимры. На немъ была только шинель сверхъ бѣлья и короткіе салого на ногахъ, да захватилъ онъ фунта два хлѣба. Туманъ однако такъ сгустился, что онъ скоро потерялъ дорогу и, проплутавъ всю ночь, очутился надъ какимъ-то ужаснымъ обрывомъ. Отдохнувъ нѣсколько часовъ и съѣвъ свой хлѣбъ, онъ пустился дальше; но туманъ въ горахъ не исчезалъ, никакой дороги онъ не находилъ, всѣ поиски въ разные стороны постоянно приводили его къ ужаснымъ обрывамъ, такъ что на третій день, выбившись изъ силъ, мучимый голодомъ, прорвавъ по камнямъ салого и поранивъ до крови ноги, онъ рѣшился пуститься по склону горъ назадъ, чтобы попасть въ Ишкарты и явиться съ повинною. И это ему не удавалось въ теченіе двухъ сутокъ: онъ, казалось ему, спускался внизъ уже столько времени, что долженъ былъ бы

давно быть въ Ишкартахъ, или по крайней мѣрѣ услышать барабанный бой утренней или вечерней зори, а между тѣмъ попадалъ въ какія-то балки, заваленныя крулыми камнями, въ водомоины; туманъ же все не проходилъ, холодъ становился рѣзче, а голодъ уже производилъ судороги въ животѣ... Проведя въ одной изъ такихъ балокъ ночь, онъ на разсвѣтѣ, уже почти ползкомъ, все придерживаясь ея направиленія, лусился дальше и чрезъ нѣсколько часовъ очутился въ старомъ Караванѣ, мѣстности ему знакомой (сюда часто хаживали наши команды по трезогамъ, за фуражомъ и т. п.), откуда онъ уже могъ навѣрно попасть въ штабъ, до котораго оставалось верстъ восемь. Но силъ идти дальше не хватило; онъ прилегъ подъ старую стѣной, закрываясь ею отъ вѣтра, и думалъ что отдохнувъ можетъ-быть еще въ силахъ будетъ дойти до мѣста... Заснулъ онъ тутъ. Но чрезъ нѣкоторое время муки голода возобновились до нестерпимой боли, онъ открылъ глаза,—на дворѣ темная ночь, рѣзкій вѣтеръ свищетъ и снѣгъ огромными хлопьями носится въ воздухъ... Пршла ночь, развиднѣло, но занесенный почти весь снѣгомъ, несчастный не могъ уже подняться съ мѣста: къ совершенному упадку силъ, къ голоднымъ спазмамъ, присоединилась жестокая боль отмороженныхъ ногъ... Онъ то впадалъ въ забытiе, то очнется, глотаетъ разъ другой снѣгу. Въ такомъ положеніи онъ пробылъ пятнадцать сутокъ, пока его не нашли татарскія собаки, обратившія своимъ лаемъ вниманіе своихъ хозяевъ. Не забудьте, что предъ этимъ онъ уже четверо сутокъ блуждалъ по горамъ, съѣвъ за все время два фунта хлѣба! И что еще удивительнѣе: солдатъ этотъ, видный, большого роста, отлично сложенный человекъ, обладалъ громаднымъ апетитомъ, такъ что никогда не довольствовался отпущаемою порціей хлѣба и щей, а прикупалъ бѣлый хлѣбъ, или другіе съѣстные припасы. Онъ былъ изъ зажиточнаго мѣщанскаго семейства города Сумы (Харьковской губерніи) и часто получалъ письма съ деньгами.

Снявъ съ него это показаніе, я отправился доложить о немъ полковому командиру. Удивленіе по поводу такого почти невѣроятнаго случая было всеобщее. *Осьмнадцать сутокъ* пробыть безъ пищи, при той обстановкѣ въ которой этотъ несчастный солдатъ очутился, казалось намъ

чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Докторъ объяснялъ это тѣмъ, что гастаніе снѣга служило нѣкоторымъ питаніемъ, хотя и эскулапъ нашъ соглашался, что случай замѣчательный, едва ли бывалый. Въ правдивости же разказа несчастнаго страдальца не было никакого сомнѣнія.

Пріятыя медицинскія мѣры ни къ чему не повели, антоновъ огонь въ обѣихъ ногахъ уже поднялся слишкомъ высоко и въ ту же ночь солдатъ отдалъ Богу душу.

Въ январѣ 1852 года случилось другое происшествіе, меня въ особенности глубоко поразившее.

13го числа получено извѣстіе, что наканунѣ мой милѣйшій баталіонный командиръ, подполковникъ Соймоновъ, на дорогѣ изъ Казаници въ Шуру, убитъ горцами... День былъ субботній и онъ, по обыкновенію, поѣхалъ въ Шору полариться въ банѣ, затѣмъ въ воскресенье нарядиться въ форму и представиться съ почтеніемъ по начальству, сдѣлать визиты второстепеннымъ, но вліятельнымъ лицамъ, отобѣдать у командующаго войсками, провести вечеръ у знакомыхъ, а въ понедѣльникъ утромъ вернуться къ баталіону. Все время расположенія баталіона въ Казаници, Соймоновъ акуратно всякую недѣлю совершалъ такую поѣздку. Такъ и 12го января, послѣ обѣда, онъ приказалъ унтеръ-офицеру съ шестью рядовыми идти лотихоньку по дорогѣ къ Шурѣ, а самъ, отдавъ различныя приказанія, сѣлъ на коня и уѣхалъ. Верстахъ въ двухъ догналъ команду, поѣхалъ съ ними съ полверсты и, по всегдшнему, исподволь сталъ все болѣе и болѣе отъѣзжать впередъ; это дѣлалось незамѣтно, благодаря хорошему ходу лошади. Не прошло пяти минутъ, солдаты, только-что спустившіеся въ небольшую балку, услышали выстрѣлъ; выбѣжавъ на верхъ, они увидѣли четырехъ конныхъ горцевъ, скачущихъ въ сторону отъ дороги съ лошадыю Соймонова; солдаты пустились бѣгомъ, сдѣлали на бѣгу нѣсколько выстрѣловъ и пробѣжавъ еще сажень триста увидали на дорогѣ уже бездыханное тѣло, съ глубокою раной въ груди... Кромѣ лошади, хищники успѣли еще сорвать съ него обдѣланную въ себрю шамку.

Такъ погибъ человекъ, участвовавшій въ теченіи многихъ лѣтъ походовъ, жаркихъ дѣлъ съ непріятелемъ; погибъ въ минуту самыхъ завѣтныхъ мечтаній о полковничьемъ чинѣ, и командованіи полкомъ, отличіяхъ, наконецъ о какой-то

молодой вдовѣ, уже давно ждавшей его въ Орловской губерніи. И вотъ этотъ-то опытный, бывавшій на Кавказѣ человекъ, мнѣ же читавшій нотаціи за неосторожность, за рискованныя поѣздки безъ конвоя, погибъ отъ руки гнуснѣйшаго хищника, не въ честномъ бою, а на большой дорогѣ и, какъ послѣ по разсказамъ туземцевъ выяснилось, не предчувствуя никакой опасности, принявъ вѣхавшихъ по дорогѣ на встрѣчу четырехъ человекъ за мирныхъ жителей и привѣтствуя ихъ татарскимъ „Аллахъ сахла-сынтъ...“

Бѣдный Илья Алексѣевичъ, царство ему небесное! Печальное извѣстіе о его смерти нѣсколько дней не выходило у меня изъ головы и все стоялъ онъ предо мною въ своей комической позѣ, отдающій разомъ приказанія и мнѣ, и фельдфебелямъ, и повару своему, и доктору...

XLI.

Я пишу настоящія воспоминанія, черпая единственно изъ моей, не совсѣмъ еще отупѣвшей памяти. Неудивительно поэтому, что строгаго хронологическаго порядка событія не могу. Прочитывая написанное, вдругъ воспоминаешь какое-нибудь обстоятельство, случившееся гораздо раньше, но пропущенное, а между тѣмъ оно, въ ряду другихъ, не менѣе заслуживаетъ упоминанія. Такъ и теперь, разказавъ два происшествія, случившіяся въ ноябрѣ 1851 и январѣ 1852 года, я вижу что на предшествовавшихъ страницахъ говорилъ уже о смотрѣ и экзаменѣ, бывшихъ на шестой недѣлѣ поста, слѣдовательно не раньше конца марта 1852 года; а между тѣмъ совсѣмъ забылъ упомянуть еще объ одной интересной командировкѣ, имѣвшей мѣсто въ февралѣ и теперь только всплывшей на поверхность въ моей памяти.

Дѣло въ томъ что въ Самурскомъ лѣхотномъ полку произошли безпорядки по денежной части, казначей былъ отданъ подъ судъ, дѣло тянулось по тогдашнимъ обычаямъ весьма долго и кончилось вложеніемъ взысканія на всѣхъ офицеровъ, какъ выбирающихъ казначея. Вскорѣ однако возникли новыя претензіи разныхъ маркитантовъ, и поставщиковъ, предъявившихъ массу росписокъ и счетовъ и требовавшихъ уплаты; между тѣмъ полкъ отказывался отъ

этого, увѣряя что всѣ эти счеты въ свое время были уже выплачены. Главнокомандующій приказалъ составить особую комиссію для разслѣдованія и разбора всѣхъ этихъ претензій; а князь Аргутинскій возложилъ дѣло на командира 4го баталіона Дагестанскаго полка полковника Асѣва, своего любимца и бывшаго полковаго казначея, когда князь Моисей Захаровичъ еще командовалъ Тифлисскимъ полкомъ, предписавъ вмѣстѣ съ тѣмъ командирамъ Алшеронскаго и Дагестанскаго полковъ командировать по одному опытному офицеру, коимъ и явиться къ Асѣву. Выборъ въ Дагестанскомъ полку палъ на меня. Я тотчасъ отправился въ Шуру, явился къ Асѣву, познакомился тутъ же съ назначеннымъ отъ Алшеронскаго полка поручикомъ Шиманскимъ, и чрезъ день мы всѣ, на двухъ перекладныхъ, выѣхали въ Дешлагаръ, штабъ Самурскаго полка, верстахъ въ восьмидесяти отъ Шуры.

Дешлагаръ—названіе урочища, до 1848 года никѣмъ не заселеннаго, было выбрано подъ полковой штабъ весьма удачно. Мѣсто удаленное отъ непокорныхъ обществъ, окруженное, и то не въ весьма близкомъ разстояніи, аулами съ запада и сѣвера Шамхальцевъ, съ востока Терекмейцевъ и съ юга Акушою, все населеніемъ давно покорнымъ, мирнымъ и не особенно воинственнымъ; всѣ угодья для полковаго хозяйства имѣлись въ изобиліи; единственный недостатокъ былъ въ отсутствіи рѣчки или озера, вообще чувствовалось отсутствіе достаточнаго количества воды. Въ теченіи трехъ съ небольшимъ лѣтъ Дешлагаръ успѣлъ такъ устроиться и разростись, что многимъ уѣзднымъ городамъ Россіи пришлось бы ему позавидовать. Оборонительныя казармы, полковыя мастерскія, лазаретныя флигеля съ соединительными стѣнками, составили кварталъ, родъ цитадели, съ обширною посрединѣ площадью, на которой воздвигали каменный храмъ. За воротами этого укрѣпленнаго квадрата раскинулся базаръ съ десяткомъ лавокъ и духовъ; далѣе правильными линіями тянулось нѣсколько улицъ съ чистенькими офицерскими и женатыхъ солдатъ домиками; еще далѣе ротные дворы, бани, кухни; на другой окраинѣ раскинулся прекрасный садъ съ прудомъ, бесѣдками и проч., въ немъ же видѣлъ я и памятникъ убитому хищниками на почтовой дорогѣ изъ Дербента къ Дешлагару инженеръ-капитану Попову. Кругомъ всей штабъ-квартиры,

для усиленія обороны, возведены четыре красивыя башни. Все вообще имѣло видъ прочности и благообразія, что впрочемъ и не удивительно, какъ по самому выгодному положенію Дешлагара, такъ и потому, что полкомъ командовалъ Эдуардъ Федоровичъ Кеслеръ, извѣстный инженеръ, заведывавшій всѣми работами при осадѣ Салты и Гергебиля.

Окрестности Дешлагара не лишены живописности. На сѣверъ открытая равнина, пересѣченная кое-гдѣ волнообразными холмами, а за ними едва видѣлось Каспійское море и въ хорошую погоду изъ оконъ дома полкового командира можно было видѣть и парусъ мимо плывущаго судна. На югъ лѣсистыя горы, разсѣкаемыя скалистыми, но не лишенными растительности ущельями, по коему пролегла хорошая колесная дорога въ Акушу и чрезъ нее къ Цудахару, Казикумуху и на Турчидагъ. Съ востока и запада спускались довольно отлогія, покрытыя хорошею травой покато-сти, по которымъ видѣлись пасущіяся стада овецъ. Мы прожили тогда въ Дешлагарѣ довольно долго, пока успѣли распутать и привести хоть въ нѣкоторое подобіе порядка кучу счетовъ, претензій и жалобъ, и положить основанія правильному окончанію всего этого дѣла. Все время мы пользовались извѣстнымъ кавказскимъ гостепріимствомъ Э. Кеслера и его семейства, съ которыми съ тѣхъ поръ я уже и остался въ тѣхъ дружески-родственныхъ отношеніяхъ, какія въ нашъ исключительно практическій вѣкъ стали попадаться все рѣже и рѣже. Были мы не менѣе любезно приняты и въ другихъ семейныхъ домахъ Дешлагара, такъ что время между усидчивою работою и развлеченіями проходило быстро и пріятно, и воспоминаніе о немъ до сихъ поръ составляетъ свѣтлую точку въ панорамѣ прожитыхъ мною въ Дагестанѣ годовъ.

Нужно сказать, что и комиссія составилаь особенно удачно: всѣ трое сошлись какъ нельзя лучше, не взирая на самые рѣзкіе контрасты лѣтъ, характеровъ, понятій и познаній. Дмитрій Кузьмичъ Асфевъ, напримѣръ, хоть и былъ полковникъ, а мы только поручики, хоть и предсѣдатель, а мы члены, хоть изъ подражанія полковому командиру и доказывалъ что чинопочитаніе первая основа военной службы, что слѣдуетъ соблюдать ее педантически даже и въ частныхъ отношеніяхъ и т. д., тѣмъ не менѣе самъ съ какимъ-то чисто-солдатскимъ добродушіемъ говорилъ намъ

обоимъ „ты“, разказывалъ намъ и выслушивалъ отъ насъ анекдоты и приключенія самаго уморительнаго качества, держалъ себя самымъ товарищескимъ образомъ—и что важнѣе всего—не отказывалъ намъ давать въ займы деньжонки, въ которыхъ мы крайне нуждались, ибо безпрестанно проигрывали дешлагарскимъ дамамъ въ преферансъ... Во избѣжаніе отеческихъ наставленій, которыя приходилось при этомъ выслушивать, я придумалъ обращаться къ „Кузьмичу“ (подъ этимъ именемъ зналъ его весь Дагестанъ отъ командующаго войсками до солдата въ полку) письменно, въ смѣхотворной формѣ. Послѣ обѣда, возвратясь отъ Кеслера, мы съ Шиманскимъ сѣли за работу, а Кузьмичъ отправлялся *дрыжнуть*, какъ самъ онъ говорилъ. Если требовались деньги, мы составляли за общюю подписью „слезно-рыдающее“ прошеніе, въ самыхъ жалостныхъ словахъ, выражали грозящую намъ при отказѣ гибель и клали бумагу на столѣкъ около кровати. Кузьмичъ, проснувшись, тотчасъ звалъ деньщика и тотъ долженъ былъ являться со свѣчкой и чаемъ. Первый предметъ кидавшійся въ глаза было наше прошеніе, и громкій хохотъ густымъ басомъ раздавался изъ-за двери.

— Ахъ ты, шустрый бонжурикъ, обращался онъ ко мнѣ.— Ахъ вы, шаромыжники, чужеземныя поклонники, говорилось уже обоимъ вмѣстѣ. Но въ результатѣ удовлетвореніе просьбы съ резолюціей чтобы отянуть уже больше его не беспокоить, ибо никакія слезнорыданія не помогутъ. А чрезъ недѣлю новая просьба и опять та же исторія. Д. К. Астевъ былъ своего рода кавказскій типъ. Уроженецъ Курской губерніи, изъ класса самобѣднѣйшихъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ, за которыми числилось полторы души крѣпостныхъ, онъ юношей добрался до Кавказа, вступилъ вольноопредѣляющимся въ Тифлисскій егерскій полкъ, и благодаря хорошему знанію грамоты, природному уму и трезвому поведенію, довольно скоро былъ произведенъ въ офицеры, избранъ полковымъ казначеемъ и сталъ близкимъ человѣкомъ тогдашняго полковаго командира князя Аргутинскаго, который уже не оставлялъ ему покровительствовать до самой смерти своей. Такимъ образомъ Астевъ достигъ полковничьяго чина, командовалъ въ послѣдствіи Апшеронскимъ полкомъ и произведенный въ генералъ-майоры былъ назначенъ дербентскимъ губернаторомъ, и въ этой

должности умеръ, кажется, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Покойникъ былъ толковый, дѣловой человекъ, хорошо знавшій Прукашнѣйскій край и съ пользою служилъ все время, хотя боевымъ офицеромъ не былъ и особыхъ военныхъ способностей не выказалъ.

Товарищъ мой по комиссіи Николай Андреевичъ Шиманскій, если не ошибаюсь, былъ присланъ на Кавказъ рядовымъ прямо изъ гимназистовъ одной изъ гимназій Царства Польскаго за участіе въ какихъ-то политическихъ мечтаніяхъ, сочиненіе или декламированіе возмутительныхъ виршей, или за что-то въ этомъ родѣ. Подобно многимъ своимъ соотечественникамъ на Кавказѣ вмѣсто осмысли и страданій, онъ нашелъ радужнѣйшее благорасположеніе и поддержку. Произведенный въ офицеры Алшероваго полка, онъ оказался хорошимъ исправнымъ служакой, добрымъ скромнымъ человекомъ и товарищемъ, постепенно подвигался по іерархіи фронтовыхъ должностей, командовалъ баталіономъ стрѣлковъ своего полка, въ 1862 году при успешныхъ дѣйствіяхъ на Западномъ Кавказѣ, за рѣкой Бѣлою, съ баталіономъ и одною казачьею сотнею совершилъ блистательный подвигъ, отбившись отъ окружившей его въ дѣсу въскольکو-тысячной толпы Черкесовъ, за что получилъ Георгіевскій крестъ; наконецъ произведенный въ полковники, получалъ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Съ большимъ сожалѣніемъ расстались мы, особенно я, съ Дешагаромъ и возвратились въ Шуру, откуда я, чрезъ день, съ бумагой отъ Астѣва отправился въ Ишкарты. Явившись къ своему командиру, я вручилъ ему бумагу и на словахъ объяснилъ въ чемъ заключалось наше порученіе. П. Н. Броневскій, сказавъ что полковникъ Астѣвъ въ своемъ рапортѣ весьма лестно отзывался обо мнѣ, выразилъ мнѣ свою благодарность.

Тотчасъ послѣ Святой Недѣли явился приказъ по полку о назначеніи меня командиромъ 2й мушкетерской роты, для припятія коей я и долженъ отправиться въ аулъ Кяфыръ-Кумызъ, вблизи Шурмы, въ окрестностяхъ коей былъ тогда расположенъ 1й баталіонъ нашего полка.

Полковой командиръ, когда я явился къ нему предъ отъѣздомъ, встрѣтилъ меня сѣдующими, памятными мнѣ словами: „Я чрезвычайно доволенъ всею вашею службой, и назначаю васъ ротнымъ командиромъ, хотя есть много старше

васъ офицеровъ не командующихъ; надѣюсь что въ новомъ званіи вы окажетесь такимъ же исправнымъ, какъ до сихъ поръ. Вы примете роту распущенную и доведенную до того что она рѣшилась оказать неповиновеніе своему баталіонному командиру. Дѣло объ этомъ чрезвычайномъ происшествіи уже окончено, главные виновники наказаны и переведены въ другія части; но вамъ предстоитъ подтянуть роту, строго соблюдать дисциплину, усердно заняться ея фронтовымъ образованіемъ, за малѣйшій беспорядокъ взыскивать и не допускать никакихъ послабленій. Если нужно будетъ, пишите прямо мнѣ, я васъ поддержу. За тѣмъ извольте ѣхать, приѣмъ произвести со всею аккуратностью и вниманіемъ, чтобы не отвѣчать въ случаѣ какихъ-нибудь недостатковъ.“ И подалъ мнѣ руку.

— Постараюсь, господинъ полковникъ, исполнить все и оправдать ваше довѣріе.

Я уже довольно подробно говорилъ о П. Н. Броневскомъ, о его строгости, ледянтичности, неприступности, о томъ какъ онъ поставилъ себя съ подчиненными, и потому читатель пойметъ что такое вниманіе, такіа слова, не могли не польстить моему самолюбію, тѣмъ болѣе что если я не могъ чувствовать къ нему особой симпатіи, то литалъ за то полное уваженіе и сознавалъ что служба подъ его начальствомъ была хорошею школой. Я вышелъ отъ него совершенно довольный и приѣмомъ и самимъ собою, и далъ себѣ слово сдержатъ обѣщаніе оправдать его увѣренность въ моей готовности и усердіи въ новой должности.

По прибытіи въ Шуру, я тотчасъ явился къ баталіонному командиру подполковнику Козляникову, котораго до тѣхъ поръ никогда не встрѣчалъ.

Молодой, симпатичный, образованный, переведенный на Кавказъ изъ гвардіи Измайловскаго полка, Козляниковъ былъ изъ тѣхъ офицеровъ, которые въ тѣ времена рвались на Кавказъ „для битвъ, для жизни боевой и для отличій“. При штурмѣ Салты въ 1847 году онъ былъ раненъ, участвовалъ послѣ того еще во многихъ дѣлахъ и наконецъ принялъ 1й баталіонъ въ Дагестанскомъ полку. Не подходя къ общему типу тѣхъ офицеровъ, которые старались дѣйствовать въ духѣ полковника Броневского, жившій на товарищеской ногѣ съ своими офицерами, ласковый въ обращеніи съ солдатами, онъ не пользовался расположеніемъ полко-

ваго командира, державшагося совѣмъ другихъ взглядовъ. Наконецъ въ Чирьюртѣ, гдѣ былъ расположенъ баталіонъ, случилось важное во фронтовой службѣ происшествіе. Козляниновъ протезировалъ своему баталіонному адъютанту, молодому офицеру изъ кадетъ, этотъ въ свою очередь протезировалъ фельдфебелю 2й роты, какому-то ловкому унтеру изъ кантонистовъ, а тотъ пользуясь такимъ покровительствомъ, позволялъ себѣ въ ротѣ разныя мелкія злоупотребленія и третировалъ уже слишкомъ свысока не только рядовыхъ, но даже и старыхъ унтеръ-офицеровъ, что и вызвало общее неудовольствіе. Ротный же командиръ штабсъ-капитанъ Шульманъ, добрыйшій, тихій человекъ, одинъ изъ тѣхъ про коихъ говорятъ: „мухи не обидитъ“, не имѣлъ достаточно характера прекратить дѣло въ зародышѣ. Кончилось тѣмъ, что рота оказала неповиновеніе фельдфебелю при какомъ-то нарядѣ, не послушала и Шульмана, когда онъ сталъ ихъ успокоивать, и съ шумомъ требовала смѣнить фельдфебеля. Явился самъ баталіонеръ, вызвалъ всю роту во фронтъ и сталъ требовать зачинщиковъ безпорядка.

— Мы всѣ зачинщики, крикнула рота въ одинъ голосъ.— Не желаемъ служить съ этимъ фельдфебелемъ!

Козляниновъ вызвалъ остальные три роты, окружилъ *бунтовавшую* и перепоролъ роту кажется чрезъ десятого человека, а унтеръ-офицеровъ арестовалъ. Кроме того, при выстулѣ баталіона изъ Чирьюрта, велъ всю дорогу 2ю роту съ отомкнутыми штыками.

Окончилось все же тѣмъ что фельдфебель былъ признанъ виновнымъ въ растратѣ какой-то ротной экономической муки и превышеніи власти, за что и разжалованъ въ рядовые; ротный командиръ былъ устраненъ за слабость, а нерасположеніе полковаго командира къ Козляникову усилилось до того что оставаться послѣднему въ полку уже очевидно было неудобно. Онъ и хлопоталъ о переводѣ въ другой полкъ, а до того собирался въ отлукъ.

Когда я явился къ Козляникову, онъ мнѣ тотчасъ же и объявилъ что онъ уже только калифъ на часъ, что скоро вѣроятно уѣдетъ, потому особаго интереса къ дѣламъ баталіона уже не имѣетъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, очень радъ познакомиться, и жалѣю что не придется вмѣстѣ послужить.*

* Въ послѣдствіи Козляниновъ перешелъ на службу въ Россію, былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ

Баталіонъ стоялъ верстахъ въ четырехъ отъ Шуры. Пріѣхавъ, я былъ очень радъ встрѣтивъ штабъ - капитана Верецагина командиромъ 1й мункетерской роты; старый знакомый по службѣ въ 3мъ баталіонѣ и опытный офицеръ могъ мнѣ дать не мало полезныхъ совѣтовъ, особенно по части приѣма роты. Благодаря его указаніямъ, я покончилъ приѣмъ довольно скоро и безъ особыхъ затрудненій, а затѣмъ уже всецѣло отдался командованію, стараясь знакомиться съ людьми, запоминать ихъ фамиліи, выкалъ въ мельчайшія условія ротнаго хозяйства (въ тѣ времена довольно сложнаго), въ правильность нарядовъ и пр. „Хочу — половина могу.“ Стоить только искренно захотѣть и съ энергіей взяться за дѣло, тотчасъ и окажется что „не святые горшки дѣлаютъ“. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, я уже такъ вошелъ въ свою роль что нѣкоторое презрительно-пропицеское ко мнѣ отношеніе старыхъ ротныхъ командировъ, какъ къ „штафиркѣ“, то-есть статскому, совершенно исчезло, и когда приходилось обсуждать какое-нибудь обстоятельство до ротныхъ дѣлъ относящееся, мое мнѣніе тоже выслушивалось.

Въ концѣ апрѣля насъ перевели изъ ауловъ въ самую Шуру и расположили лагерь. Баталіонъ нарядили на работы по укрѣпленію, люди рыли канавы, насыпали брустверъ и т. п., а намъ приходилось простаивать при вихъ цѣлые дни напролетъ. Когда не было наряда на работы, производились ученія каждой ротѣ особо. Тогда я преимущественно занялся ружейными приѣмами съ тою безплодною, напрасно мучившею людей эквилибристикой, которая тогда считалась чуть не альфой и омегой военной науки.

Довольно вспомнить одни *ефрейторскіе приѣмы*, чтобы стать въ туликъ предъ ослѣпленіемъ царствовавшимъ въ сильныхъ оферахъ военного міра! А нечего было дѣлать: требовалось знать и требовалось чтобы все это дѣлалось чисто, въ тактъ, чтобы весь баталіонъ сдѣлалъ приѣмъ, „какъ одинъ орѣхъ щелкнулъ“. Ну вотъ и разведешь бывало роту „локоемъ“, то-есть три шеренги строились на подобіе буквы П, да часа два и дерешь глотку командуя „отъ дождя, на погребеніе“ и т. п., а тамъ опять сведешь шеренги и начнется „заряжаніе на двѣнадцать темповъ“.

Муромскаго пѣхотнаго полка. Во время польскаго возстанія, онъ съ ротой, преслѣдуя банду повстанцевъ, ворвался въ дѣсь впереди своихъ солдатъ и былъ изрубленъ топорами...

Еслибы теперь продѣлать что-нибудь подобное, то это было бы наипотѣшнѣйшее для военнаго человека зрѣлище.

Мы съ Вертгеймомъ занимали вмѣстѣ на окраинѣ Шуры близъ лагеря квартирку и вообще были въ хорошихъ отношеніяхъ, хотя ни по дѣламъ, ни по помятїямъ ничего общаго у насъ не было. Я часто пользовался его совѣтами въ разныхъ „вопросахъ“ по командованію ротой, но не могъ подражать его способу обращенія съ солдатами, а онъ не скрывалъ своего неудовольствія за „нѣжности“, какъ онъ называлъ мои отношенія къ людямъ. Въ одно утро я услышалъ изъ комнаты Вертгейма сильнѣйшее хрипѣніе; сбѣжалъ туда, засталъ его лежащимъ на кровати съ налившимися кровью глазами, безъ движенія, только сильный хрипъ обнаруживалъ жизнь. Тотчасъ призванный докторъ нанесъ сильный апopleктическій ударъ; всѣ принятыя мѣры ни къ чему не повели; перевезли его въ госпиталь, гдѣ онъ ночью и умеръ, уже не приходя въ сознаніе.

Хожденія на работы и ученія продолжались до конца мая. Въ это время прибылъ въ баталіонъ недавно произведенный изъ капитановъ Ширванскаго полка майоръ Д—цкій, въ качествѣ младшаго штабъ-офицера. Уже съ первыхъ дней онъ обратилъ на себя вниманіе своею фигурой, своимъ особаго рода забавнымъ франтовствомъ — перетавутою въ рюмочку таліей, какими-то панталонами съ *раструбалы*, преуморительною палахой (тогда въ кавказскихъ войскахъ палахи замѣняли каски), но еще болѣе своимъ пискливымъ фальцетомъ и особымъ складомъ рѣчи, пересыпаемой фразами изъ переводныхъ романовъ и повѣстей отечественныхъ писателей, нынѣ давно забытыхъ. О чемъ бы ни зашла рѣчь, онъ тотчасъ прерывалъ всякаго стереотипною фразой: „дѣтъ, ужъ позвольте, это вовсе не такъ.“ Впрочемъ, какъ лицо не начальственное, держалъ себя пока не свысока, а какъ бы снисходительно товарищески. Въ первыхъ числахъ іюня объявлено было выступленіе отряда въ горы, и майоръ Д—цкій, за болѣзнію Козляникова, назначенъ командиромъ 1го баталіона. Съ этой минуты онъ былъ неузнаваемъ. Строгій начальническій тонъ, рѣзкій повелительный голосъ, поминутныя требованія къ себѣ ротныхъ командировъ, внимательства во всякое ихъ распоряженіе, прямыя приказанія фельдфебелямъ, противорѣчившія нашимъ приказаніямъ, придирка, мелочность, — однимъ словомъ, несноснѣйшее командованіе, еже-

часно волновавшее нашу желчь. Перспектива впереди видѣлась далеко не привѣтливая.

3го іюня собрался отрядъ, выѣхалъ на плацъ генераль-майоръ князь Григорій Дмитриевичъ Орбеляни, временно командовавшій войсками въ Дагестанѣ за болѣзнію князя Аргутинскаго-Долгорукаго, отслужили молебень, священникъ обошелъ ряды со святою водою и лѣніемъ „спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое“, усердно крестились, обнаживъ головы, наши бодрые, славные солдаты, подходя съ своими колѣнками къ аналою, прошли церемониальнымъ маршемъ — съ лѣсенниками впереди, и тронулись мы, баталіонъ за баталіономъ, чрезъ Джангутай по знакомой дорогѣ на Кутатинскія высоты, куда и пришли на третій день.

Въ два мѣсяца командованія ротой я узналъ всѣхъ людей и полюбилъ ихъ всею душой. Ни лѣнящихъ, ни воровъ, ни буяновъ; усердные, исправные, добродушно-веселые, всегда радостно меня привѣтствовавшіе, эти истинные представители безропотнаго, выносливаго, мужественнаго Русскаго народа не могли не вселить къ себѣ въ маломальски порядочномъ человѣкѣ чувства поанѣйшаго уваженія и расположенія. Не приученный предшествовавшей службой ко грубымъ казарменнымъ выраженіямъ я не имѣлъ духа подражать въ этомъ отношеніи большинству моихъ сослуживцевъ и, не вдаваясь въ фамиллярности, не прибѣгалъ никогда къ ругани и кулакамъ. Солдаты очевидно цѣнили это человѣчное обращеніе не менѣе моей заботливости объ ихъ *интересахъ*, а интересы у нихъ были, и нарушались они сплошь и рядомъ. Правильная раздача скуднаго жалованья (1 р. 10 к. въ треть), правильные изъ этого мизернаго жалованья вычеты—на образъ, на цирюльника, въ артельную сумму, на содержаніе ротныхъ лошадей и т. л., бдительный надзоръ за калтенармуеами и артельщиками при покупкахъ и расчетахъ съ маркитантами, наконецъ правильная раздача спирта,—все это, не у всѣхъ дѣлавшееся безупречно, велось у меня подъ строгимъ контролемъ. Разныя льготы фельдфебеля, капральныхъ и другихъ не улускавшихъ случая пользоваться на счетъ роты лишними фунтами мяса, лишнею чаркой спирта, я прекратилъ, не взирая на издавна укоренившійся обычай. Денежныя лисья получавшіяся на имя людей моей роты не задерживались ни въ полку казначействъ, ни у меня, лисья солдатъ на родину доставлялись въ ротную канцелярію и

я строго слѣдилъ, чтобъ они съ первою оказіей вѣрными руками были сданы на почту. Ни своихъ, ни другихъ офицерскихъ вещей возить на ротныхъ лошадяхъ я не допускалъ, а напротивъ съ уставшаго иногда въ походѣ чело-вѣка велю снять ранецъ и положить на свои выюки. Подобный образъ дѣйствій не ускользнулъ отъ солдатъ и на каждомъ шагу старались они доказать мнѣ свою благодар-ность. Иногда, въ несносный жаръ, утомительный маршъ въ гору, по камнямъ, становился для тяжело-навьюченныхъ людей уже слишкомъ труднымъ. Обливаясь потомъ, глотая пыль, мучимые жаждой, солдаты начинали растягиваться, отставать, ложиться у дороги. Я боѣею частью шелъ впереди самъ лѣпшій, и стоило мнѣ подойти и сказать: „ре-бята, не растягиваться, не отставать, не стыдите 2й роты предъ отрядомъ“, и все сейчасъ поднималось, догоняло и плелось въ своемъ мѣстѣ. Очень ободрительно дѣйстви-вало на нихъ и то, что обращаясь къ кому-нибудь, я на-зывалъ его по фамиліи, да еще съ прибавленіемъ какого-нибудь слова, доказывавшаго что я ихъ хорошо знаю.

— Максимовъ, ахъ ты старый шутъ, а еще подъ *Аршаву* ходилъ (то-есть участвовалъ въ кампаніи 1831 года въ Польшѣ); или Сливка, не иголку въ рукахъ держишь (онъ былъ портной), а ружье—и улыбаются Максимовъ или Слив-ка, и изъ кожи лѣзетъ сдѣлать пріемъ получше, пройти ровнѣе во фронтѣ.

Одно меня сердило, что никакъ не могъ приучить солдатъ называть меня правильно: сколько ни бился, а какъ спро-сить какого-нибудь Михальчука — какъ зовутъ ротного командира?—поручикъ *Басурмановъ*, ваше благородіе. Такъ я остался навсегда у солдатъ Басурмановымъ.

Стали мы на Кутушевскихъ высотахъ, на прошлогоднемъ знакомомъ мѣстѣ, разбили лагерь и началась служба. Если баталіонъ не получалъ какого-нибудь наряда и погода позво-ляла, то производились ротныя ученья, особенно разсылкой строй или егерское, какъ тогда называли. Эта часть, какъ боѣе осмысленная, боѣе живая, напоминавшая бои, мнѣ на-столько нравилась, что я занимался ею съ нѣкоторымъ увле-ченіемъ, особенно когда не подходилъ майоръ съ своими рѣзкими замѣчаніями, крикомъ и руганью. Въ нѣсколько ученій, благодаря нѣкоторымъ моимъ старымъ отаичнымъ унтеръ-офицерамъ, прошедшимъ строгую фронтную школу еще въ полкахъ 5го корпуса, и моей, къ стати, приба-

вить, необычайной памяти, я просто съ удовольствіемъ и пологою увѣренностью въ знаціи дѣла выходилъ съ ротой за лагерь и разыгрывалъ примѣры въ маломъ видѣ сраженія съ воображаемымъ непріятелемъ. Наступленіе и отступленіе съ перестрѣлкой, переправы, усиленіе цѣли, кучки для защиты отъ атакъ кавалеріи, наконецъ атака и штурмъ какой-нибудь мѣстности, все это по сигналамъ и барабанному бою—просто увлекали, настраивали на воинственный ладъ, и возвращаясь бывало въ лагерь съ лихими тѣснотами впереди, какъ будто въ самомъ дѣлѣ послѣ жаркаго боя и побѣды... Молодость, вся окружающая обстановка, сама природа, дикая, грозная, какъ бы насыщенная воинственною тревогой, все дѣйствовало на человѣка съ усиленно работающимъ воображеніемъ, легко увлекающаго и бывшего подъ живыми впечатлѣніями предшествовавшаго образа жизни, среди Горцевъ и различныхъ опасностей. Теперь, болѣе чѣмъ чрезъ четверть вѣка, со скептической улыбкой переношусь къ этимъ увлеченіямъ; мелочны, забавны кажутся онѣ, въ виду обуревающихъ насъ болѣе серьезныхъ, за то и болѣе раздражающихъ интересовъ. Но, какъ всякое воспоминаніе, связанное съ молодыми годами человѣка, когда и физическая и духовная жизнь бьетъ ключомъ, и эти мелочныя событія, живо проходя предъ глазами, доставляютъ особое, трудно передаваемое удовольствіе, понятное всякому, кто

Смолоду былъ молодъ,
Кто во время созрѣлъ...

Въ числѣ окупныхъ, антилатичныхъ служебныхъ обязанностей были наряды: *въ ночные* и *въ прикрытіе отряднаго табуна*. Первое означало что рота должна была находиться всю ночь въ цѣли, кругомъ лагерь, а мы приходилось или закутавшись въ бурку лежать съ резервомъ на холодной землѣ, не имѣя даже утѣшенія въ куреніи (это строго запрещалось, чтобы огнемъ не открывать непріятелю мѣста нахожденія цѣлей и секретовъ), или же обходить цѣль. Еще въ хорошую погоду ночь проходила кое-какъ и я развлекался разказами въ полголоса моихъ юнкеровъ, особенно одного, о которомъ скажу подробнее ниже, но когда дождь лилъ какъ изъ ведра, или густой сырой туманъ, рѣзкій холодный вѣтеръ и изморозь на высотѣ шести тысячъ фу-

товъ пробирали насквозь и не было средствъ согрѣться, провести какихъ-нибудь восемь-девять часовъ ночи въ цѣли было просто пыткой. Я завидовалъ тогда своимъ солдатамъ; только-что смѣнать его изъ цѣли, онъ повалится на землю, прямо въ лужу, и чрезъ минуту уже спитъ.

Второе, *въ прикрытіе табуна*, было тоже своего рода скучнѣйшею процедурой, а въ дурную туманную погоду и тяжело и довольно опасно въ смыслѣ ответственности. Послѣ пробитія утренней зары, рота выходила за лагерь, выгонялся весь табунъ отрядныхъ, подземныхъ офицерскихъ и другихъ лошадей, весь маркитантскій порціонный скотъ, при фуражникахъ и разной нестроевой *безпардонной* командѣ, а прикрывая весь этотъ таборъ, я долженъ былъ отойти нѣсколько верстъ, гдѣ была лучше трава, и весь день до сумерекъ стоять на сторожѣ. Придя на мѣсто, разставивъ кругомъ пикеты, къ болѣе опаснымъ по соображенію мѣстамъ вышаешь съ унтеръ-офицерами усиленные лѣсты, а съ остальными людьми, выбравъ ловше мѣсто для удобства наблюденія—расположишься и торчишь такъ весь день, въ роли оберъ-ластуха. При хорошей погодѣ ничего: кругомъ все видно; читаешь, прогуливаешься, умиряешь какихъ-нибудь подравшихся конюховъ, возмешь съ собою все нужное и велишь варить обѣдъ, ставить самоваръ,—время проходить незамѣтно; но въ непогодъ, въ туманъ и ливень, это было божескимъ наказаніемъ. Двѣнадцать часовъ мокнешь, кругомъ никого не видно, боишься чтобы какой-нибудь пикетъ не оплошалъ, чтобы какія-нибудь казенныя лошади не отбились и не свалились подъ кручу; читать нельзя, огонь заливаютъ, приходится довольствоваться самою скудною походною закуской, тоска одолевала просто невыносимая и только поминутно бывало смотришь на часы чтобы поскорѣе ударить сборъ и уходить въ лагерь.

Случалось ходить съ ротой въ ближайшія укрѣпленія Хаджалъ-Махи или Аймяки для прикрытія пріемщиковъ всего отряда, отправлявшихся за полученіемъ провіанта, спирта, для сдачи больныхъ въ лазареты и т. п. Это были лучшія изъ командировокъ, потому что представляли нѣкоторое разнообразіе.

Прошло уже съ мѣсяцъ нашего расположенія на Кутишскихъ высотахъ; никакихъ тревожныхъ извѣстій, никакихъ движеній, вообще чего-нибудь похожего на войну

не оказывалось. Лагерь сталъ походить чуть не на лагерь внутри Россіи. Ученія, гдѣ-нибудь въ лоцинкѣ уши раздражающіе звуки обучающихся горнистовъ, или колющихъ барабанчиковъ; по воскресеньямъ богослуженія и парадъ съ церемоніальнымъ маршемъ, съ неизбѣжнымъ „перемѣна дирекціи направо“, и еще болѣе неизбѣжнымъ визгомъ майора Д—цкаго на меня за несоблюденіе дистанціи, и еще болѣе что я марширую предъ взводомъ небрежно, „не выношу носка“. „Такъ нельзя служить-съ“, прибавлялъ онъ, уже видимо чувствуя приливъ вдохновенія для дальнѣйшаго ораторства; но я пользуюсь секундой паузы, отвѣшивалъ поклономъ и удалялся, и майоръ становился въ туликъ—звать ли меня обратно, или же считать дѣло оконченнымъ. Я постоянно держался съ нимъ такой системы. Другіе офицеры входили въ объясненія, оправдывались, препирались, но конечно напрасно, — майоръ выходилъ изъ себя, кричалъ, бѣсновался, но на другой день, какъ ни въ чемъ ни бывало, встрѣтится съ тѣмъ же офицеромъ, заведетъ частный разговоръ и зазоветъ къ себѣ закусить. Я же напротивъ, стою какъ истуканъ и слушаю, не произнося ни единого слова; шумитъ, шумитъ, подбираетъ разныя грубости изъ богатаго лексикона, бывшаго во время оно въ болышомъ ходу, — я стою и молчу; при первой же паузѣ отвѣшиваю поклономъ и ухожу, или спрашиваю самымъ наивнымъ тономъ: *больше ничего не изволите приказать?*

— Ничего-съ, извольте идти!

Я поворачивался чуть не по-солдатски налѣво кругомъ и выходилъ.

Это выводило его изъ себя.

Къ началу іюля пріѣхалъ въ отрядъ и полковой командиръ нашъ, отдавъ приказаніе представить ему по очереди всѣ роты на смотръ. Дошла очередь до моей и я съ нѣкоторымъ безпокойствомъ выступилъ изъ лагеря. Я опасался болѣе всего что Д—цкій настроитъ полковника не въ мою пользу, тотъ отнесется пристрастно, станетъ придираться, дѣлать замѣчанія и—самодлюбію моему будетъ навеселъ сильный ударъ. Вышло противное: самый строжайшій экзаменъ, начатый съ ружейныхъ приѣмовъ, кончившійся полнымъ егерьскимъ ученіемъ съ пальбой и т. д., далъ блистательнѣйшіе результаты. П. Н. Броневскій безпрерывно повторялъ свою благодарность и мнѣ и людямъ роты,

такъ что вернуся я съ продолжительнаго муштрованія, не чувствуя никакой усталости, подмываемый чрезвычайно щекочащими ощущеніями самодовольства. Поблагодарилъ я сердечно своихъ мушкетеровъ что постарались на смотру и подарилъ имъ отъ себя ведро водки. Черезъ нѣкоторое время появился приказъ по полку о результатахъ осмотра полковымъ командиромъ осьми ротъ 1го и 4го баталіоновъ и моя 2я мушкетерская написана въ первомъ номерѣ по своему отличному состоянію и фронтовому образованію.

Можетъ ли быть что-нибудь мелочнѣе и забавнѣе въ настоящее время, какъ это хвастливое сознаніе въ чрезвычайномъ удовольствіи отъ похвалы полковаго командира за хорошее знаніе ротнаго ученія? Я не сомнѣваюсь что подобный вопросъ невольно явится у большинства читателей. Но это меня не смущаетъ, и я чистосердечно признаюсь что два-три дня послѣ изданія помянутаго приказа по полку я былъ въ такомъ радостномъ настроеніи, какъ гимназистъ выдержавшій съ успѣхомъ выпускной экзаменъ и получившій аттестатъ зрѣлости. Все сводится къ данному времени, мѣсту и обстоятельствамъ. Бываютъ событія для современниковъ первостепенной важности, событія производящія замѣшательство между государствами, сопровождающіяся кровопролитіями, и въ глазахъ потомства оказывающіяся ничтожными, не стоящими не только крови, но тѣхъ чернилъ которыя изъ-за этихъ обстоятельствъ потрачены. Въ жизни каждаго человѣка нѣчто подобное тянется отъ дѣтства до гробовой доски. Подумаешь, какъ цной человѣкъ хлопочетъ, суетится съ чрезвычайнымъ жаромъ и увлеченіемъ, выступаетъ съ какимъ-нибудь дѣломъ кажущимся и ему и многимъ другимъ необычайно важнымъ, чуть не судьбы человѣчества рѣшающимъ,—а пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и Боже мой, съ какою улыбкой (хорошо еще если добродушною) будутъ читать объ этомъ жарѣ увлеченія другіе люди, въ свою очередь занятые олять крайне важными—не чета де тѣмъ, прежнимъ дѣламъ!... Все условно.

Между тѣмъ время проходило, ни о какихъ военныхъ дѣйствіяхъ не было и слуха, а слѣдовательно главные мечты и желанія оставались неудовлетворенными. За Табарскаго похода 1859 года вышли награды и я получилъ Анну 4й степени „за храбрость“. Самая низшая награда,

какую только офицеру и можно было дать, награда никого не удовлетворявшая. Я поэтому только и мечталъ, какъ бы скорѣе опять въ дѣло, чтобы получить болѣе существенную награду. Но желанія не осуществились: прошло все лѣто до поздней осени и ни единого выстрѣла... Одинъ разъ была снаряжена маленькая экспедиція въ ближайшій непріятельскій аулъ Кудухъ, въ которой приняли участіе главнѣйшіе милиціонеры, поддерживаемые вторымъ баталіономъ нашего полка; экспедиція кончилась пролитіемъ крови нѣсколькихъ барановъ, уведенныхъ въ плѣнъ и розданныхъ въ жертву участникамъ экспедиціи...

Кромѣ этого эпизода былъ и еще одинъ, дававшій съ начала нѣкоторыя надежды на драку. Именно: въ сентябрѣ отдало было приказаніе сняться всему лагерю и двумъ Апшеровскимъ и нашему 1му баталіонамъ быть готовыми къ выступленію съ командующимъ войсками, а 4му баталіону расположиться у подножья Кутишскихъ высотъ, близъ аула Чоглы (солдаты перекрестили въ Щеглы), съ четырьмя орудіями и милиціей для охраны этой части края отъ набѣговъ непріятеля. 8го сентября мы выступили въ Акушу и прибыли 9го на Дюзъ-Майданъ, гдѣ встрѣтились съ двумя баталіонами Самурцевъ и дивизіономъ драгунъ. На другой день тронулись дальше и прибыли въ аулъ Губденъ, оказавшійся цѣлью похода.

Дѣло было вотъ въ чемъ: Губденъ, весьма значительный (въ нѣсколько тысячъ душъ), аулъ Шахмальскаго владѣнія, удаленный отъ Кяфыръ - Кумыка—резиденціи Шамхала, окруженный густыми лѣсами, искони плохо подчинялся своему владѣтелю, а въ послѣдніе годы, войдя въ тайныя сношенія съ мюридами, сталъ уже почти совсѣмъ не признавать власти Шамхала, отказываясь отъ уплаты ему положенныхъ податей и повинностей, скрывать у себя разныхъ абрековъ (бѣглецовъ), содѣйствовать хищническимъ мелкимъ лартіямъ и т. п. По жалобѣ Шамхала, князь Орбеліяни и двинулся съ отрядомъ въ Губденъ, чтобы заставить жителей возвратиться на путь смиренія предъ своимъ владѣтелемъ, а также пугнуть ихъ и за сношенія съ нелокорными. Думали мы, что Губденцы рѣшатся оказать сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ, тѣмъ болѣе что окружающій ихъ лѣсъ, чрезвычайно крѣпкое мѣстоположеніе самаго аула, каменные сакли и башни коего обѣщали отдѣль-

ую гору и могли представить весьма и весьма хорошую оборону, наконецъ и многолюдство, да надежды на сочувствіе и помощь Акуши въ случаѣ успѣха,—могли увлечь ихъ къ рѣшимости вступить съ отрядомъ во враждебныя отношенія. Намъ уже мерещилась горячая перестрѣлка въ лѣсу, затѣмъ штурмъ аула.... Все это вышли пустыя мечтанія. 11го числа прибылъ въ отрядъ, уже расположившійся на полянѣ въ верстѣ отъ аула, его *высокопоставлено* генераль - адъютантъ, генераль - лейтенантъ Шамхалъ Тарковский, для встрѣчи коего, чтобы произвести должное впечатлѣніе на жителей, всѣмъ войскамъ приказано было выйти на линейку, и Шамхалъ (весьма невзрачный, сгорбленный, съ тулымъ выраженіемъ безжизненныхъ глазъ) объѣзжалъ ряды, произносилъ „здорово братцы“, на что раздавалось обычное „здравія желаемъ ваше в—ство!“ (Впрочемъ, этотъ возгласъ обошелся Шамхалу не дешево, ибо онъ пожаловалъ на каждую роту по быку на порцію.) Затѣмъ происходили какіе-то переговоры, споры, увѣщанія, цѣлыя сутки толпились жители то у палатки Шамхала, то у князя Орбеляни; наконецъ, повидимому, достигли миролюбиваго разрѣшенія возникшихъ неудовольствій и отрядъ 12го числа снялся съ мѣста. Самурцы ушли въ свою штабъ-квартиру Дешлагаръ; драгуны уѣхали съ княземъ въ Шуру; Алшеронцамъ приказано идти въ Джеугутай, а намъ возвратиться другою дорогою къ Чоглы и тамъ расположиться вмѣстѣ съ 4мъ баталіономъ, впредь до особаго приказанія. Пришли мы къ этой позиціи 14го числа. Семь дней утомительнаго безплоднаго марша въ довольно сильный жаръ, казавшійся намъ такимъ послѣ цѣлаго лѣта проведеннаго на высотахъ, гдѣ и въ іюлѣ, особенно по ночамъ, иногда зубъ на зубъ не попадалъ, скоро были забыты, и опять потянулись еще болѣе скучные, однообразно монотонные дни. Для разнообразія, я предложилъ двумъ изъ ротныхъ командировъ, съ которыми болѣе сблизился, очередоваться обѣдами и являться съ своею свитой, то-есть съ юнкерами своей роты. Такимъ образомъ чрезъ два дня на третій обѣды были шумные, вслѣдъ приходилъ съ своею посудой, своими стаканами, разсаживались на походныхъ кроватяхъ, барабанахъ, и за борщомъ, да неизмѣнными битками, съ прибавленіемъ кахетійскаго вина, мы большею частію занимались безко-

нечными разказами анекдотическаго характера и разбирали по косточкамъ начальство.

На позиціи у Чогаы простояли мы до 7го октября. Последнее время дни стояли великолѣпные, такіе осенніе дни, какіе я только на Кавказѣ и встрѣчалъ. День теплымъ; мягкій, живительный воздухъ; къ сумеркамъ легкій туманъ; ночью холодъ; къ утру морозъ, все покрывалось инеемъ, вода тоненькимъ слоемъ льда; а съ восходомъ солнца все это исчезало и самая прекрасная погода, чистое синее небо, какая-то неподвижность въ воздухѣ и во всей природѣ, тишина, нарушаемая стрекотаніемъ множества кузнечиковъ. Ляжешь на какомъ-нибудь холмѣ и подъ этотъ шумъ, подъ едва слышимый звукъ скользящихъ кругомъ стѣнныхъ добродушнѣйшихъ ащерицъ, проводишь цѣлые часы, перенося взглядъ съ синевы неба на сѣрыя безжизненные горы, съ журчащей между камней рѣчунки на закоптѣлыя каменные сакли аула, съ бѣлѣющихъ палатокъ лагеря и блестящихъ подъ солнечными лучами ружейныхъ козловъ на дымки, ровною струей поднимающіеся изъ-подъ ротныхъ кухонь, или на ласущихся вблизи, по скату горы, барановъ. Такая мирная картина, такъ располагающая къ спокойствію, а между тѣмъ каждую минуту можно ожидать тревоги, нападеній, убійствъ, стрѣльбы...

6го октября, вечеромъ, было получено приказаніе: 4му баталіону съ двумя орудіями выступить въ Шуру, а нашему 1му съ другими двумя горными пушками или „сѣчулками“, какъ мы ихъ называли, отправиться въ аулъ Кутуши и расположиться тамъ на зимнія квартиры.

7го числа 4й баталіонъ съ полковымъ командиромъ ушелъ, а мы вслѣдъ затѣмъ отправились въ знакомые мѣста Кутуши, съ ужасною перспективой провести тамъ мѣсяцевъ восемь. Восемь длинныхъ зимнихъ мѣсяцевъ, среди дикаго туземнаго населенія, въ сырой подумрачной саклѣ, безъ всякаго дѣла, подъ ежедневными огорченіями со стороны противнѣйшаго майора и въ обществѣ офицеровъ, большинство коихъ, при всей свисходительности къ намъ, не могли вызывать ни малѣйшей симпатіи,—по истинѣ перспектива, для примиренія съ которою нужно было не мало силы воли.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. ЗИССЕРМАНЪ.

МУРОМСКАЯ ДРАМА.

РАЗКАЗЪ СУДЕБНАГО СЛѢДОВАТЕЛЯ

I.

Я служилъ въ мѣстности окруженной густыми сосновыми Муромскими лѣсами, въ которыхъ, согласно съ народными преданіями, нѣкогда свисталъ Соловей-разбойникъ.

Мое мѣстожительство находилось въ уѣздномъ городѣ N.

Во многія села и деревни моего слѣдственного участка мнѣ приходилось проѣзжать по лѣсу не иначе какъ въ маленькой бричкѣ, въ которой едва можно было помѣститься вдвоемъ съ моимъ писмоводителемъ Канарскимъ. Узкость и извилистость лѣсной дороги, толстые корни и лви деревъ мѣшали быстрой ѣздѣ; нѣкоторые источники рѣкъ Волжскаго бассейна пересѣкали лѣсную дорогу, такъ что намъ приходилось оберегаться не только отъ синаковъ, отъ ударовъ о слинку и ручки брачки, но и отъ уколовъ вѣтвями сосновыхъ деревъ и отъ брызговъ при переездахъ черезъ ручьи. Кроме того, въ болотистой просѣлкѣ грунтъ былъ умоощенъ „гатью“—засмоленными поперечными сосновыми бревнами, плохо связанными между собою, такъ что ѣздить по нимъ была настоящая лытка.

По такой-то тряской дорогѣ ѣхалъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ 27го августа и едва добрался домой въ десять

часовъ вѣтра. Начавшись чаю, я легъ спать, и только-что опустил голову на подушку, какъ зашумѣлъ жертвенный огонь; но мнѣ не суждено было отдохнуть какъ слѣдуетъ; въ полночь послышался страшный стукъ во входные двери; лакей мой, Иванъ, вошелъ ко мнѣ въ спальню съ зажженнымъ лампой въ одной рукѣ и съ разсыпавшою книгой въ другой.

— Отъ кого пакетъ? спросилъ я у Ивана.

— Отъ пристава 2го стана, отвѣтилъ сынъ.

Я распечаталъ конвертъ и вынувъ изъ него четвертушку бумаги прочелъ слѣдующее:

„Господину судебному слѣдователю 2го участка Нскаго уѣзда

„Отрадное подворье, такъ названное по соседству съ селомъ Отраднымъ, въ ночь на сегодня его тѣа сгорѣло. Увѣдомая о семъ ваше высокоблагородіе, для производства слѣдствія, имѣю честь извѣстать что, по мнѣнію оковыхъ жителей, пожаръ произошелъ отъ поджога.

„Приставъ 2го стана К. Кириловъ.“

Замѣчаніе Кирилова что пожаръ произошелъ отъ поджога мнѣ было не очень пріятно: мнѣ нельзя было выспаться какъ слѣдуетъ; въ четыре часа надо было вѣхать впопъ по лѣсной дорогѣ чтобы скорѣе поспѣть на мѣсто: а до Отраднаго подворья было тридцать пять верстъ, а можетъ-быть и болѣе, потому что версты эти никто не измѣрялъ, а считалось ихъ такое количество по произволу ямщиковъ.

Я велѣлъ лакею призвать разсыпавшаго который привезъ пакетъ. Скоро вошелъ ко мнѣ рослый, плечистый, рыжій дѣтина, въ которомъ я узналъ лучшаго во всемъ уѣздѣ сотскаго Бакина.

— Какимъ образомъ привезъ ты этотъ пакетъ, обратился я къ нему:—ты вѣдь служишь въ первомъ станѣ?

— Дѣло въ томъ что по дорогѣ въ станъ я остановился въ селѣ Лемета, гдѣ узналъ что десятскій который везъ къ вамъ пакетъ захворалъ; ни сотскаго, ни десятскаго, ни старосты въ селѣ не было, которые могли бы распорядиться дальнѣйшею отправкой пакета, и я, увидавъ на конвертѣ надпись „экстренно“, сѣлъ верхомъ и прискакалъ къ вамъ съ нимъ.

— На вотъ тебѣ полтинаикъ, сказалъ я кладя ему въ руку монету,—а гдѣ же находится леметская полиція?

— Покорно благодарю, ваше высокоблагородіе, за полтинаикъ! воскликнулъ сотскій,—Сотскій, и десятскіе, и сте-

роста отравились въ догонку за тремя Татарами которые увели тройку лошадей у леметскаго крестьянина.

— Слушай, вотъ что, сказалъ я сотскому:—не можешь ли ты захватить въ село Отрадное?

— Могу; крѣку всего только будетъ версты три де ста-на, отвѣтилъ онъ.

— Такъ захватъ въ Отрадное, разбуди пристава, и скажи ему что я прошу его быть на мѣстѣ пожара въ семь ча-совъ утра съ двѣнадцатью изъ старѣйшихъ крестьянъ и чтобъ онъ велѣлъ принести на мѣсто пожара какой-нибудь столъ и стулъ чтобъ я могъ написать на мѣстѣ протоколъ осмотра. Появля?

— Какъ не понять-сь, отвѣтилъ сотскій:—миѣ хватъ можно?

— Конечно, съ Богомъ!

Сотскій отвѣсилъ поклонъ въ поясъ и удалился.

Я вышелъ въ другую комнату и сѣвъ за письменный столъ, написалъ объявленіе что вызванные на слѣдующее утро къ допросу мѣщане должны явиться черезъ три дня.

— Прибей это объявленіе ко входнымъ дверямъ, сказалъ я Ивану.

— Снаружи, или внутри дверей? спросилъ онъ.

— Дуракъ! сказалъ я:—кто же внутри-то читать будетъ? развѣ ты съ разсмысленнымъ? Прибей объявленіе снаружи.

Затѣмъ я распорядился чтобы привели къ четыремъ ча-самъ утра тройку, а Ивану велѣлъ разбудить меня въ четы-ре часа и приготовить къ тому времени самоваръ. Затѣмъ я легъ спать, и немедленно заснулъ. Миѣ показалось что я спалъ только нѣсколько мгновений, когда Иванъ меня раз-будилъ.

— Что ты такъ рано меня будишь? спросилъ я.

— Сейчасъ пробило четыре часа, отвѣтилъ онъ:—лошади запряжены.

— Разбуди писаря!

— Я готовъ! отозвался изъ сосѣдней комнаты Канарокій.

Я быстро умылся и одѣлся, выпилъ чаю и затѣмъ уѣхалъ съ письмоводителемъ въ бричку.

Дорога была лѣсная, но отащчалась отъ той лѣсной до-роги по которой я ѣхалъ вечеромъ тѣмъ что грунтъ былъ песчаный, такъ что ѣхать приходилось большею частію шагомъ. Въ сонливомъ настроеніи моемъ при слабомъ освѣ-

щени луны, лѣсъ принялъ въ глазахъ моихъ фантастическій оттѣнокъ: лви и кусты лоходили на волковъ и медвѣдей; казалось что вдали пляшутъ дриады, играютъ фавны на свирѣяхъ, и богъ лѣсовъ спитъ съ громкимъ храпомъ...

Скоро я заснулъ и проснулся когда мы уже прѣѣхали на мѣсто разрушеннаго зданія. Подлѣ брочки моей стоялъ становой приставъ Кириловъ и двѣнадцать понятыхъ убѣленныхъ сѣдинами. Я удивился громадной толпѣ окружавшей груды лѣла и обгорѣлыя бревна: то были крестьяне и крестьянки, и ребятишки, которыхъ привлекло сюда изъ села любопытство посмотрѣть что тутъ будетъ дѣлать сѣдователь, и чѣмъ поможетъ онъ бѣдѣ.

— Вы, конечно, спрашивали хозяина подворья, обратился я къ становому приставу:—отчего его подворье сгорѣло.

— Я прѣѣхалъ сюда вчера утромъ, отвѣтилъ приставъ:—и нашелъ то же что вы теперь здѣсь видите: массу лѣла, угли, и обгорѣлыя бревна, а также подобную толпу. Я спросилъ у толпы не тутъ ли находится Пименъ Васильевъ Архиловъ, содержатель подворья; но десятки голосовъ отвѣтили что его здѣсь нѣтъ. Я послалъ разыскивать его въ селѣ, но нигдѣ его не могли найти, ни жены его, ни дѣтей, еще малыхъ ребятъ.

— А кто еще жилъ съ этою семьей? спросилъ я у пристава:—были же рабочіе при нихъ?

— Этого я хорошенько не знаю, отвѣтилъ приставъ.

Но сотскій предупредилъ отвѣтъ пристава; онъ сказалъ:

— Съ ними жили работникъ Андрей и работница Марья.

— Ну что же, гдѣ они?

— И ихъ никто не видалъ. Я самъ ходилъ по всѣмъ дворамъ, но ихъ не нашелъ.

— Кто первый прибылъ на пожаръ? спросилъ я.

— Я! отвѣтилъ, выстулая впередъ, мужикъ стоявшій сзади станового пристава.

— Кто ты такой?

— Я староста, Андрей Сидоровъ! отвѣтилъ онъ.

— Какъ же ты узналъ что подворье горитъ?

— Изволите ли видѣть, дѣло было вотъ какъ: хозяйка забыла на ночь закрыть окна въ избѣ. Я проснулся отъ холода и подошелъ къ окну, хотѣлъ закрыть, но почувалъ залахъ гари. Что такое? подумалъ я, не горитъ ли село?

Вышелъ, осмотрѣлся, нигдѣ огня не вижу; но взглянувъ по направленію къ подворью, я увидалъ облака дыма и пламя. Вѣтеръ оттуда дулъ на село, оттого-то и чувствовался запахъ дыма. Я поднялъ тревогу, крестьяне ловыскакали на улицу. Я велѣлъ везти бочки и созвать всѣхъ хозяевъ чтобы они послѣдили на пожаръ съ лопатами, топорами, ломами и ведрами. Самъ я сѣлъ верхомъ и поскакалъ къ подворью. Только-что я подѣхалъ, подворье все разрушилось со страшнымъ трескомъ, стѣны и деревянная крыша на щелки разлетѣлись и столбы грянули наземь. Тутъ подбѣжали крестьяне, человекъ триста, бочки съ водой прикатили, но заливать было нечего. Вотъ что, сударь.

— А хозяина подворья, его жену и дѣтей и рабочихъ видѣлъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, тутъ никого изъ нихъ не было. Вѣрно всѣ куда-нибудь ушли, отвѣтилъ староста.

— Да куда же они могли уйти если ихъ въ селѣ Отрадномъ нѣтъ?

— Когда господинокъ становой пріѣхалъ, и велѣлъ ихъ искать, я со многими крестьянами разыскивалъ ихъ по всѣмъ избамъ и никого изъ нихъ не нашелъ. Я подумалъ не ушли ли они въ деревню Турталки, въ двухъ верстахъ отселева, гдѣ Архилова братъ живетъ, значить чтобы въ его избѣ найти пристанище, и повѣхалъ въ самую въ эту деревню, но ихъ тамъ не нашелъ.

Страшное подозрѣніе мелькнуло у меня въ мысляхъ: не сгорѣли ли эти люди? Если такъ, то подъ лепломъ должны были быть скелеты.

— Достань лопаты! крикнулъ я сотскому.

У многихъ крестьянъ оказались въ рукахъ лопаты; ихъ подхватили шесть десятскихъ, которымъ я велѣлъ раскалывать лепелъ, начиная отъ уцѣлѣвшихъ каменныхъ плитъ бывшей лѣстницы, при входѣ въ стѣны подворья. Они принялись быстро раскалывать лепелъ.

— Осторожно! легче, чтобы не повредить чего-нибудь! крикнулъ я имъ.

Только-что я произнесъ эти слова, какъ крайній слѣва десятскій громко вскрикнулъ и далеко откинувъ лопату свою подбѣжалъ ко мнѣ.

— Тамъ показались ступни человѣческихъ ногъ, одинъ черная кость, воскликнулъ онъ задыхаясь.

— Ну такъ что же? зачѣмъ ты бросилъ лопату?

— Очень боязно, сударь! сказалъ онъ дрожа.

Я пошелъ къ десятскимъ, которые продолжали раскопку и ужаснулся, увидавъ пять взрослыхъ скелетовъ лежавшихъ на пространствѣ двухъ квадратныхъ сажень, въ разныхъ мѣстахъ. Ясно что это были люди сгорѣвшіе въ прилавкѣ подворья, то-есть въ той комнатѣ, гдѣ находилась буфетъ. Бабы приблизились изъ любопытства и увидавъ въ чемъ дѣло, завывли и передавая сзади стоявшимъ крестьянкамъ что человѣческія кости найдены въ леплѣ возбуждали страшные стоны во всей толпѣ. Я попросилъ пристава велѣть крестьянамъ удалиться. Толпа хотя неохотно стала расходиться.

Минутъ черезъ пять, скелеты были перевесены на ту сторону дороги и положены на траву; за неимѣніемъ рожекъ, понатые прикрыли ихъ чѣмъ могли.

Затѣмъ я велѣлъ продолжать изысканія и чрезъ какія-нибудь три минуты были открыты два дѣтскіе скелета и нѣсколько правѣе два скелета взрослыхъ людей. Я велѣлъ и ихъ бережно перенести и уложить подлѣ другихъ и ихъ также накрыли верхними крестьянскими одеждами. Затѣмъ дальнѣйшія изслѣдованія въ леплѣ, на всемъ пространствѣ подворья, не привели къ новымъ находкамъ.

Раскопку по моему порученію начали сѣмь отъ бывшего подворья, на томъ мѣстѣ гдѣ повидимому находилась ко-нюшня. Тутъ подъ золой были найдены скелеты двухъ лошадей.

Потомъ мы спустились въ подвалъ, сводъ котораго былъ кирпичный, на немъ въ двухъ мѣстахъ оказались широкія трещины. Обугленные обручи и страшный смятъ доказывали что тутъ были бочки съ легко возгорающимися жидкостями. По словамъ старосты, тутъ были бочки со спиртомъ, съ терпентиномъ, съ дегтемъ и смолой. Неудивительно что подворье такъ быстро сгорѣло.

Оставивъ шесть повятыхъ на мѣстѣ гдѣ лежали скелеты, сотскій отправился въ село нарядить нѣсколько крестьянъ съ дубинами для замѣны повятыхъ въ охраненіи скелетовъ. Между тѣмъ я занялся писаніемъ протокола осмотра пожара, мѣста на которомъ прежде стояло Отрадное подворье и находенія девяти скелетовъ взрослыхъ людей и скелетовъ двухъ дѣтей; скоро появились стражи. Изъ двѣнадцати повятыхъ оказались только двое грамотныхъ,

они сами подписали каракулями прочитанный имъ мною протоколъ, а за другихъ, неграмотныхъ, подписался мой писмоводитель, по ихъ личной просьбѣ.

Мы пошли со становымъ приставомъ и съ писмоводителемъ въ село, на въѣзжую; такъ какъ мостъ, черезъ который намъ бы слѣдовало прѣхать чтобы попасть въ село, былъ въ полудверстномъ разстояніи, то приставъ предложилъ мнѣ перейти черезъ плотину; мы поднялись по четыремъ ступенямъ на мостъ который долженъ бы быть названъ „чортовъ мостъ“. Двѣ плохо сплоченныя доски, безъ перилъ даже со стороны колеса, замѣняли мостъ.

— Что это за мостъ такой? обратился я къ становому приставу:—вамъ бы слѣдовало приказать устроить перила. Видъ тутъ долго ли шеею саомать?

— Вы знаете, отвѣтилъ Кириловъ, — русское авось. Я уже нѣсколько разъ приказывалъ мельничихѣ сдѣлать перила съ обѣихъ сторонъ этихъ досокъ. Теперь я зайду къ ней и скажу что если черезъ три дня перила не будутъ готовы, то она будетъ оштрафована и перила будутъ сдѣланы на казенный счетъ, а деньги за матеріалъ и работу высканы будутъ съ нея.

Приставъ вошелъ въ мельницу, а я съ писмоводителемъ отправился по направленію ко въѣзжей. Тамъ я написалъ отношеніе къ уѣздному врачу, приглашая его прибыть для осмотра скелетовъ.

Затѣмъ я написалъ запросъ къ священнику села Отраднаго, о сообщеніи мнѣ списка жителей села.

Писмоводитель услышавъ что кто-то вошелъ въ сѣдцы пошелъ поглядѣть кто тамъ находится. Вернувшись изъ сѣдцевъ, онъ доложилъ мнѣ что хозяйка усадьбы прислала ко мнѣ своего лакея.

— Пусть войдетъ сюда, оказалъ я.

Лакей вошелъ и поклонившись оказалъ:

— Аделаида Ивановна Грушевокая приказали вамъ кланяться и просить васъ къ нимъ на завтракъ.

— Отвѣть имъ что я имъ кланяюсь, и буду скоро у нихъ.

Я три года не видалъ Аделаиду Ивановну, съ которою познакомился при посѣщеніи ея покойнаго отца, по случаю сѣдства о поджогѣ его ржи. Отцу ея, Ивану Григорьевичу Грушевскому, было болѣе семидесяти лѣтъ; онъ былъ уже слабъ здоровьемъ, всегда угрюмъ и суровъ. Молва шла

что у него на совѣсти должно-быть не одно темное дѣло. Сомною почему-то онъ любилъ разговаривать, что было довольно тяжело, такъ какъ онъ былъ ужасный спорщикъ. Онъ говорилъ много о своей дочери, что онъ ее очень любить, но что она все груститъ и плачетъ.

— Правда, я слишкомъ старъ чтобы доставлять ей удовольствія, развѣзжая съ нею по сосѣдямъ; за то они часто меня навѣщаютъ, но ей не нравятся; говорить что съ ними скучно разговаривать.

— Въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ, замѣтилъ я старику:—что вашей дочери скучно говорить со стариками и со старухами. А развѣ у нихъ дочерей нѣтъ?

— Всѣ повышли замужъ! А двухъ барышень, Кривицыну и Лисицыну, она находитъ глупыми и необразованными.

— И этому я не удивляюсь, возразилъ я.—Аделаидѣ Ивановнѣ хотѣлось видѣть молодыхъ людей. Это очень естественно.

— Охъ, эти кавалеры! я ихъ черезъ порогъ не пускаю.

У него былъ старый слуга Эксакустидіанъ, которому, какъ мнѣ Аделаида Ивановна жаловалась, отецъ ея поручалъ за ней слѣдить, какъ будто она что-нибудь дурное дѣлала.

Мнѣ было любопытно вновь увидѣть Аделаиду Ивановну. Черезъ четверть часа я былъ уже у нея. Она сидѣла на балконѣ и вышивала. Увидавъ меня, она встала и пошла ко мнѣ на встрѣчу, весело и любезно со мною поздоровалась и повела меня въ столовую, усадила за столъ уставленный разными яствами.

II.

— Надо было случиться пожару чтобы доставить мнѣ удовольствіе васъ видѣть. Отчего вы никогда не навѣщали меня? Вѣдь при жизни отца вы, встрѣчаясь со мною, дѣлали мнѣ *un brin de cour*! сказала Аделаида Ивановна.

— Позволю отвѣтить вамъ что если два года тому назадъ я дѣлалъ вамъ *un brin de cour*, то теперь готовъ *faire une cour sérieuse* столь роскошной красавицѣ.

— Ну, это слишкомъ, воскликнула она.

— Напротивъ, отвѣтилъ я,—этого мало.

Я не могъ не восторгаться прелестью этой прекрасной

женщины: высокая ростомъ, стройная, съ каштановыми волосами въичавшими ея прелестную головку, съ румянцемъ на щекахъ и лицомъ бѣлѣ снѣга, съ блестящими жизнью голубыми глазами, она вполнѣ заслуживала названіе красавицы.

— Я надѣюсь, сказала она, замѣтить съ какимъ восхищеніемъ я смотрѣлъ на нее, — что впредь вы не будете ожидать слѣдствія въ селѣ Отрадномъ чтобы навѣстить меня.

— Я вамъ очень благодаренъ за любезное приглашеніе, но я обыкновенно такъ занятъ что какъ бы ни тянуло меня сюда, я сдерживаюсь чтобы не запустить дѣла.

— Еслибы всѣ слѣдствія были подобны тому которое вы здѣсь производите, то я полагаю вы бы не были отягчены работой.

— Напротивъ, Аделаида Ивановна, это слѣдствіе которыми я здѣсь теперь занятъ вовсе не пустое. Напротивъ, оно очень сложно, таинственно и, даже скажу, драматично.

— Я читала всѣ романы знаменитаго Габоріо, воскликнула красавица, — и по нимъ немного изучила порядокъ производства слѣдствія: описать пепелъ и обгорѣлыя бревна, составить объ этомъ протоколъ, а бы сама сумѣла.

— Но вы, еслибы были слѣдователемъ, догадались ли бы рыться подъ пепломъ доплатами? спросилъ я у нея съ улыбкой.

— Можетъ-быть, въ надеждѣ найти есколки разбитыхъ штофовъ, которыми подворье было помято, отвѣтила она, пожимая плечами.

— Хотите вы, спросилъ я у нея, — прочесть мой протоколъ осмотра?

— Развѣ въ немъ есть что-нибудь особенное?

— Я вамъ оказалъ уже что дѣло это драматично и лажаетъ древними преданіями этихъ дремучихъ лѣсовъ.

— Давайте, давайте же скорѣе протоколъ, поуждала она меня.

Я вышелъ въ гостиную, гдѣ оставилъ свой портфель, взялъ его и подавъ Аделаидѣ Ивановнѣ.

Какъ ни старалась она открыть замокъ, у котораго ключа не было, она не могла справиться и найти секретъ пружины.

— Помогите моему любопытству, съ кокетливою грустью сказала она.

Я подошелъ къ ней и сказалъ:

— Видите ли этого маленькаго амура съ лукомъ и стрѣлой, дѣлающаго въ ваше сердце? Выдерите его за ухо, и замокъ отперется.

Аделаида Ивановна разсмѣялась.

— Выдеремъ шалуну уши! и придавивъ ухо амура, она привела въ дѣйствіе пружину и половина стальной полосы открылась.

— Вотъ, познакомимся съ этою драматическою бумагой. Ахъ, тутъ одинъ только листъ и есть!

Она быстро стала пожирать глазами протоколъ и, подвигаясь въ чтеніи, сильнѣе и сильнѣе краснѣла и швырнула бумагу на полъ когда дочитала ее.

— Можетъ ли это быть! девять скелетовъ! Несчастные люди! И скажите, вы знаете кто они? Кому они принадлежатъ?

— Два скелета лежавшіе подлѣ скелетовъ дѣтей принадлежатъ безъ всякаго сомнѣнія Архиповымъ—мужу и женѣ. Дѣтскіе скелеты—дѣти ихъ. Что же касается пяти скелетовъ найденныхъ въ буфетной сгорѣвшей комнатѣ, то можно подозрѣвать что одинъ изъ нихъ принадлежитъ работнику содержателя подворья, а другой работницѣ.

— И вы разобрали, которая именно работница? съ улыбкой спросила Аделаида Ивановна.

— Этого я не сумѣлъ сдѣлать; чтобы разобратъ полъ этихъ скелетовъ прійдетъ часамъ къ пяти уздвый врачъ.

— Какъ, Тарховъ?

— Да, онъ самый, отвѣтилъ я.

— Онъ мнѣ очень нравится, уменъ и хорошо дѣлать. И вы думаете добратъся отчего произошелъ пожаръ?

— Безъ сомнѣнія узнаю произошелъ ли онъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, или отъ поджога.

— И найдете виновнаго?

— Полагаю что найду.

— Ну, очень сомнѣваюсь. Да и поджога никакого нѣтъ. Просто перепилились и заровняли, рѣшила она.

Въ это время лакей подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Сударь, письмоводитель желаетъ васъ видѣть.

— Вы позволите ему сюда войти? спросилъ я у красавицы.

— Да, отчего бы нѣтъ? пусть онъ войдетъ.

Скоро появился письмоводитель мой.

Я спросилъ у него:

— Что вамъ понадобилось?

— Шина у задняго колеса вашей брички лопнула; прикажите ее исправить?

— Безъ сомнѣня, объ этомъ и спрашивать нечего! отвѣтилъ я.

— Маланья, Маланья! воскликнула Аделаида Ивановна, и когда вошла краснощекая, толстая горячная, она приказала ей:—поди, вели кучеру Амплеевѣ свезти бричку господина сѣдователя въ кузницу и починить ее.

— Да Амплеевѣ вторую ночь дома нѣтъ, сударыня, мы ужъ хотѣли доложить вамъ, отвѣтила Маланья.

— Ну прикажи это сдѣлать садовнику, Григорію, сказала Аделаида Ивановна.

Маланья удалилась.

— Вы наблюдайте за работой кузнеца, чтобъ онъ ярочно сварилъ шину, сказалъ я письмоводителю.

— Хорошо-съ, отвѣтилъ письмоводитель, удаляясь.

— Ужасный пьяница, мой кучеръ Амплеевѣ, сказала красавица:—постоянно таскается по кабакамъ; и садовникъ тоже пьяница, хотя свое дѣло хорошо знаетъ.

Тутъ вернулась Маланья и доложила:

— Сударыня! да и Григорія дома нѣтъ. Говорятъ вмѣстѣ ушли. Жена горюетъ не случилось ли чего съ нимъ.

— Ужъ не они ли это сгорѣли на подворьѣ? встревожилась Аделаида Ивановна.

Только-что она произнесла эти слова, не вдалекѣ раздались страшные воли. Мы вышли на балконъ, и увидѣли что толпы крестьянъ обѣгали съ горы направляясь къ углу на поворотѣ рѣки; но невооруженными глазами мы не могли разглядѣть что тамъ происходило, хотя и замѣтили что три мужика стоявшіе въ лодкѣ доставали какой-то длинный предметъ изъ трюмника, и положили его на берегъ.

— Боже мой! что тамъ случилось? ужъ не утопленникъ ли! воскликнула Аделаида Ивановна.

Въ это мгновеніе ко мнѣ подошелъ письмоводитель и доложилъ что и кузнеца въ селѣ нѣтъ. Онъ разыскалъ избу жены кузнеца, которая разказала что онъ, мужъ ея, третьего дня вечеромъ уходилъ въ подворье праздновать канунъ именинъ Архипова, и что онъ, вѣроятно, сгорѣлъ.

— О, ужасъ! воскликнула Аделаида Ивановна:—и третій человекъ пропалъ!

Къ намъ быстро подбѣжалъ крестьянинъ съ бляхой на груди.

— Ваше высокоблагородіе! кричалъ онъ,—наша утопленницу прибитую теченіемъ рѣки къ тростнику, въ томъ мѣстѣ гдѣ олушены топи.

— Кто она такая? не изъ здѣшнихъ ли? спросилъ я.

Но сотскій, хотѣвшій что-то отвѣтить, замаялся и съ разинутымъ ртомъ сталъ глядѣть на хозяйку.

— Ну, говори же! приказала Аделаида Ивановна:—кто эта женщина?

— Это... это ключница ваша Дарья, отвѣтилъ сотскій едва внятно.

Аделаида Ивановна всплеснула руками и зарыдавъ воскликнула:

— Боже мой! Боже мой! Чтѣ за несчастіе! Бѣдная женщина! любимая моя прислуга! Царствіе ей небесное! Третьяго дня вечеромъ она отпросилась у меня идти къ родственникамъ въ деревню Турпанки, на два дня. И, вотъ, она вѣрно провалилась съ плотины! И съ этими словами она удалилась въ комнату.

Я ушелъ осмотрѣть трупъ; спустившись съ горы и подходя къ мѣсту происшествія я увидѣлъ трупъ одѣтый въ розовую юбку, положенный лицъ на землю.

— Убирайтесь всѣ вонъ, крикнулъ я толпѣ,—вамъ здѣсь дѣлать нечего!

Крестьяне неохотно стали уходить.

— Староста здѣсь что ли? крикнулъ я группѣ оставшихся мужиковъ.

— Я! отозвался одинъ изъ нихъ.

— Пришли сюда четверехъ лонатыхъ!

Понятые подошли, вопросительно глядя на меня.

— Я васъ призвалъ чтобы вы были свидѣтелями при осмотрѣ мною трупа утопленницы. Вы должны обращать вниманіе на всѣ знаки и поврежденія которые быть-можетъ окажутся на тѣлѣ утопленницы. Понимаете?

— Понимаемъ! отвѣтили они хоромъ.

Когда трупъ былъ обнаженъ, я увидѣлъ на спинѣ около праваго плеча большой синакъ и на немъ четыре углубленія, какъ будто происшедшія отъ щиколокъ булака. Когда перевернули тѣло и положили его на спину, лицо оказа-

лось все исцаралано, грудь и бока въ крови, животъ и колѣна въ ссадинахъ, и ступни въ царяпинахъ.

Я велѣлъ вновь одѣть трулъ и приказалъ сотскому приставити носилки. Онъ отправился за ними, и я крикнулъ ему вслѣдъ чтобъ онъ справился нѣтъ ли на барскомъ дворѣ пустаго сарая.

Я сталъ осматривать олухлое лицо утопленницы; выраженіе его изображало ужасъ въ которомъ она находилась въ предсмертной агоніи.

Вѣрно, подумалъ я, она упала съ платформы на колесо водяной мельницы и ушиблась и расцарапалась объ него; затѣмъ уносимая теченіемъ рѣки утонула и неслась до поворота рѣки, гдѣ и застряла въ тростникѣ. Но это лятво въ предпечіи? не свидѣтельствуетъ ли оно что она была кѣмъ-нибудь столкнута съ платформы?

Скоро принесли носилки, и мы, положивъ на нихъ трулъ, поднялись въ гору, пробираясь на барскій дворъ въ сарай, который по словамъ сотскаго былъ свободенъ. Тутъ я велѣлъ положить трулъ на солому и обложить его льдомъ, который привезли изъ ледника. Затѣмъ я велѣлъ накрыть трулъ рогожей и велѣлъ сотскому созвать всю дворню и хозяйскую прислугу чтобы предъявить имъ трулъ.

Мало-по-малу стекались женщины и мужчины, я имъ указалъ на лицо утопленницы и спросилъ у нихъ, узнаютъ ли это лицо. Они всѣ отвѣтили что узнаютъ въ ней ключницу Дарью Григорьеву. Еще нѣсколько человекъ дворни собрались и всѣ признали трулъ за ключницу Дарью.

Вдругъ вошла въ сарай Аделаида Ивановна и ставъ на колѣна поцѣловала трулъ въ лицо и сказала: „Прости! прости!“ Громко рыдая она встала, и ушла домой.

Я приставилъ двухъ мужиковъ на стражу къ трулу чтобъ они охраняли его отъ чьего-либо прикосновенія, чтобы сохранить его въ цѣлости до пріѣзда врача.

Затѣмъ я отправился съ полатыми и со всею дворней въ барскій домъ; Аделаида Ивановна услышавъ шаги многихъ лицъ пришла въ переднюю; я попросилъ у нея позволеніе войти въ какую-нибудь комнату чтобы написать протоколъ осмотра, къ которому должны будутъ всѣ приложить руку. Она свела меня въ бывшій кабинетъ своего отца, гдѣ на письменномъ столѣ находились всѣ письменныя принадлежности.

Написалъ протоколъ объ осмотрѣ трупа на берегу рѣки и описавъ сложеніе его въ сарай и представленіе трупа всей прислугѣ и дворнѣ, и хозяйкѣ села Отраднаго. Аделаида Ивановна подписалась подъ протоколомъ первая. Затѣмъ грамотные изъ прислуги подписались, а за неграмотныхъ расписался лисьмоводитель.

Когда всѣ вышли изъ комнаты, Аделаида Ивановна сѣла на диванъ и попросила меня сѣсть подле нея. Я присѣлъ. Она съ грустнымъ выраженіемъ лица спросила у меня:

— Неужели трупъ будутъ вскрывать?

— На трупѣ есть наружныя царапины, ссадины и раны, а можетъ-быть есть и внутреннія поврежденія.

— Бѣдная, вѣрно ударилась падая о колесо мельницы, замѣтила Аделаида Ивановна.

— Она не упала съ плотины на колесо мельницы, а была столкнута кулакомъ кѣмъ-то, что доказывается багровымъ пятномъ съ четырьмя пятнами на правомъ предплечіи.

— Какъ! вскричала Аделаида Ивановна: — значитъ она убита?

— Да, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! отвѣтилъ я.

— Кто могъ быть этотъ извергъ? Такая добрая женщина. Я такъ ее любила!

— Мало ли на свѣтѣ свирѣпыхъ людей какихъ вы, дѣвушка и красавица, и представить себѣ не можете, возразилъ я.

— Не дѣлайте мнѣ такихъ комплиментовъ, не называйте меня красавицей! Я никогда, никогда ни за кого замужъ не выйду: я любила одного человѣка, котораго имя мнѣ дорого, и считаюсь его вдовой!

— Да развѣ онъ умеръ?

— И ужасною смертью! воскликнула она.

— А именно какую? спросилъ я.

— Этого я рассказать не могу! не могу и не хочу, съ живостію произнесла Аделаида Ивановна.

Сцена эта была прервана входомъ лекаря доложившаго что обѣдъ поданъ. Аделаида Ивановна подала мнѣ руку, и мы пошли въ столовую.

Едва окончили мы обѣдъ какъ лисьмоводитель пришелъ доложить что докторъ пріѣхалъ и находится на вѣзжѣй.

III.

Распростившись съ Аделаидой Ивановной, я отправился на свиданіе съ врачомъ. Иванъ Ивановичъ Тарховъ былъ средняго роста, брюнетъ, съ длинными черными волосами; характеръ у него былъ отличный; весь городъ его уважалъ какъ хорошаго медика, помогающаго всѣмъ кто бы ни попросилъ его совѣта; бѣдныхъ и крестьянъ онъ пользовалъ бесплатно.

Мы съ нимъ дружески поздоровались и условились прежде осмотрѣть скелеты и перемѣстить ихъ съ мѣста пожара. Я приказалъ сотскому привести двухъ лошадей на мѣсто пожарища, и мы съ врачомъ поѣхали на осмотръ въ его тарантасъ; за нами въ телегѣ слѣдовали лошади и сотскій. Прибывъ на мѣсто гдѣ лежали скелеты докторъ принялся ихъ разсматривать; онъ призналъ что изъ двухъ скелетовъ лежавшихъ подлѣ дѣтскихъ скелетовъ, одинъ былъ мужской, а другой женскій; изъ дѣтскихъ одинъ былъ тоже мужской, а другой женскій. Затѣмъ, осматривая остальные пять скелетовъ взрослыхъ людей, одинъ изъ нихъ онъ призналъ женскимъ скелетомъ, а остальные четыре мужскими.

Я велѣлъ сотскому перевезти скелеты въ село и положить въ какомъ-нибудь сараѣ до погребенія.

Вернувшись на вѣзжю, докторъ составилъ медицинскій актъ объ осмотрѣ девяти скелетовъ, который и я подписалъ.

Затѣмъ я послалъ десятскаго за женой кучера Ампля, за женой садовника и за женой кузнеца; кромѣ того я велѣлъ ему призвать мельничиху и всѣхъ живущихъ на мельницѣ и прислать въ сарай четырехъ лошадей.

Между тѣмъ мы лошади съ врачомъ въ сарай осмотрѣть трупъ утопленницы; врачъ началъ разсматривать наружныя поврежденія. Онъ отиѣчалъ ихъ на листкѣ бумагѣ; по окончаніи осмотра онъ призналъ что слишкомъ темно чтобы произвести вскрытіе и отложилъ дѣло до слѣдующаго утра. Мы вернулись на вѣзжю, гдѣ въ сѣняхъ ожидали меня всѣ вызванные мною лица. Я позвалъ внутрь жену кучера и сѣлъ за столъ, сталъ ее допрашивать.

— Какъ тебя зовутъ?
— Анна Григорьевна, по мужу Холодова.
— Сколько тебѣ лѣтъ?
— Тридцать лѣтъ.
— Какого вѣроисповѣданія?
— Православная.
— Подъ судомъ и слѣдствіемъ не бывала?
— Въ первой довелось.
— Ты не подъ слѣдствіемъ; я тебя допрашиваю какъ свидѣльницу, объяснишь я ей.—Разкажи мнѣ, когда твой мужъ ушелъ изъ дома?

— Третьяго дня вечеромъ жена хозяина подворья, Пимена Архилова, приходила приглашать мужа моего придти въ подворье поспрашивать наканунѣ его именинъ. Съ тѣхъ поръ онъ не возвращался. Должно-быть сгорѣлъ.

— Почему ты такъ полагаешь? спросилъ я.

— Потому что иначе, еслибъ онъ не сгорѣлъ, куда же бы онъ могъ дѣваться? Онъ бы вернулся домой.

— Что онъ былъ пьяница?

— Пьяница, батюшка, страшный пьяница! сказала свидѣтельница, заливаясь слезами:—царствіе ему небесное.

— Какъ его звали?

— Амилей Спиридоновичъ Холодовъ, отвѣтила свидѣтельница.

— Ты грамотная? спросилъ я у нея.

— Нѣтъ, батюшка! Зачѣмъ мнѣ быть грамотной?

Залисавъ ея показаніе, я велѣлъ ей поставить три креста, указывая на какомъ мѣстѣ.

— Можешь идти, сказалъ я ей, когда она начертила кресты:—Пошли изъ сѣнецъ жену садовника.

Вошла красивая, толстая женщина.

— Какъ тебя звать?

— Анисья Иванова.

— А фамилія есть?

— Я не понимаю что такое это слово.

— Прозвище твоего мужа.

— Его звали Григорій Порфирьевичъ Антоновъ.

— Что же? онъ вернулся въ шалашъ?

— Нѣ! его нѣтути.

— Когда же онъ ушелъ?

— Третьяго дня вечеромъ приходила жена хозяина подворья и пригласила мужа моего къ Архилкову, на лирушку,

встрѣчать день ангела его. Онъ пошелъ въ подворье и сказалъ мнѣ: „до утра меня не жди! Тамъ выплыву.“

— Гдѣ же онъ теперь?

— Должно-быть онъ сгорѣлъ!

— Тебѣ его жаль?

— Какъ не жаль? голова болить, сердце бьется и тошнить.

— Писать умѣешь?

— Нѣтъ!

— Ну поставь три креста на бумагѣ.

Она начертила три громадныя креста.

— Ты можешь идти; пошли сюда жену кузнеца.

Вошла высокая коренастая баба.

— Какъ тебя звать?

— Марія Яковлева.

— Гдѣ находится твой мужъ?

— Должно-быть въ подворьѣ сгорѣлъ! Третьяго дня вечеромъ приходила въ нашу избу жена Архилова, содержателя подворья, и пригласила мужа на пирушку, встрѣчать день ангела Архилова. Ну, вѣрно, до чертиковъ перепились и всѣ сгорѣли.

— Какъ зовутъ твоего мужа?

— Иванъ Дормидонтовъ.

— Жалѣешь ли ты его?

— Чего его жалѣть-то? льяница былъ, и когда я запряду штофъ водки чтобъ онъ не пилъ, колотить бывало меня кулакомъ.

— Писать умѣешь?

— Чтò ты? развѣ бабы бываютъ грамотны?

— Ну, поставь три креста.

Она нарисовала три фигуры буквы Х.

— Можешь идти; пошли сюда мельничиху.

Скоро вошла мельничиха, старуха съ сѣдыми волосами, и хриплымъ голосомъ спросила:

— Чтò вашей милости отъ меня нужно?

— Какъ тебя зовутъ?

— Пульхерія Иванова Желтова, отвѣтила она.

— Который тебѣ годъ?

— Шестьдесятъ шесть съ мѣсяцемъ.

— Православная?

— А то нежъ басурманка?

— Писать умѣешь?

— Умѣю, какъ же, умѣю.

— Подъ судомъ не была?

— Чтò ты, батюшка? я честная женщина.

— Скажи пожалуста, не слыхала ли ты третьяго дня ночью крика на плотинѣ?

— Нѣтъ, ничего не слыхала. Цѣлый день работаешь, такъ ночью слышь крѣлко. Я про это ничего не знаю, видитъ Богъ, ничего не знаю!

— Кто съ тобою на мельницѣ живетъ?

— Дочь, да работникъ: они тутъ въ стѣнахъ.

— Ну, приложи руку къ этой бумагѣ.

Она расписалась каракулями.

— Пошли дочь твою ко мнѣ.

Скоро вошла красивая румяная дѣвушка, лѣтъ шестнадцати.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я.

— Арина Петровна.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Ишь чего захотѣлъ, отвѣтила дѣвушка закрывая глаза локтемъ.

— Ты должна сказать мнѣ который тебѣ годъ.

— Ну, изволь: семнадцать.

— Подъ судомъ не была?

— Конечно не бывала.

— Какого вѣроисповѣданія?

— Не понимаю чтò это такое.

— Въ эту церковь которая въ селѣ этомъ ходишь?

— Да другой нѣту, въ какой же и молиться?

— Скажи мнѣ, не слыхала ли ты въ прошлую ночь крика на плотинѣ?

— Слыхала, то женщина кричала.

— Не выходила ты посмотрѣть кто кричитъ?

— Хотѣла было выйти, да уставши поспѣшила.

— Писать умѣешь?

— Умѣю.

— Ну, распишись.

Она расписалась хорошимъ почеркомъ.

— Позови ко мнѣ рабочаго.

Вошелъ коренастый рыжій мужикъ.

— Какъ твое имя и отчество? спросить я у него.

— Филиппъ Кирилловъ Гришанинъ, отвѣтилъ рабочій.

— Который тебѣ годъ?

— Сорокъ шестой, отвѣтилъ онъ.

— Ты православный?

— Точно такъ.

— Подъ судомъ не былъ?

— Богъ уберетъ.

— Скажи-ка мнѣ, не слыхалъ ли ты во вчерашнюю ночь крика на плотинахъ?

— Точно, крикъ этотъ меня разбудилъ, но такъ какъ я съ просонья не былъ увѣренъ что то былъ крикъ, я не всталъ; но, вотъ раздался новый крикъ женскаго голоса, и я вышелъ къ плотинамъ, но никого не увидѣлъ.

— Въ которомъ приблизительно часу это было?

— Да такъ часа въ четыре предъ разсвѣтомъ. Возвращаясь съ плотинъ къ мельницамъ, я увидѣлъ что на гору взбирается какая-то женщина.

— Ты не узналъ, кто она?

— Нѣтъ не узналъ.

— А съ плотинъ, когда ты смотрѣлъ на колесо и рѣку, не видалъ ли ты что тѣло лыветъ?

— Не довелось этого видѣть.

Я ему прочелъ протоколъ его показанія и предложилъ приложить къ нему руку. Но работникъ отвѣтилъ что писать не умѣетъ.

— Ну такъ поставь три креста.

Крестьянинъ поставилъ три креста.

— Можно идти?

— Нѣтъ, погоди. Скажи мнѣ, выходила ли мельничиха на крикъ изъ мельницы, посмотрѣть кто кричитъ?

— Этого я не знаю; но только когда я вернулся на мельницу и легъ на солому, въ горницѣ въ которой находится жерновъ, я услышалъ что кто-то вошелъ въ мельницу; по шагамъ и по кашлю я узналъ мельничиху; значитъ она выходила изъ мельницы когда я еще спалъ.

— Ты въ этомъ увѣренъ?

— Да, увѣренъ что вошла мельничиха.

Я записалъ его слова и прочелъ ихъ ему.

— Такъ ли записаны твои слова?

— Точно такъ.

— Ну такъ поставь три креста.

Онъ ихъ поставилъ.

— Завтра утромъ въ семь часовъ приходи сюда, ты мнѣ будешь нуженъ.

— Слушаю-съ.

Въ это время лисьмоводитель вошелъ изъ сѣней къ намъ въ горницу и доложилъ что лакей хозяйки пришелъ ко мнѣ. Я поручилъ ему позвать его.

— Барыня приказала, господа, васъ обоихъ пригласить на ужинъ.

— Скажи что будемъ.

Лакей вышелъ.

— Вѣроятно интересуется ходомъ слѣдствія, замѣтилъ докторъ.

— Да, дѣло это ее очень интересуетъ, и она предсказываетъ мнѣ что я никогда не доберусь до того, кто столкнулъ ея ключницу съ платформы. Она вѣрно узнала отъ людей что я допрашивалъ трехъ бабъ и мельничиху и хочетъ узнать что онѣ показали.

Я велѣлъ сотскому сходить на мельницу и приказать мельничихѣ придти ко мнѣ завтра утромъ въ семь часовъ. Я намѣревался дать ей съ работникомъ очную ставку. Затѣмъ мы пошли съ Тарховымъ къ Аделаидѣ Ивановѣ.

Хозяйка дома услышавъ наши шаги вышла къ намъ на встрѣчу и пожавъ намъ руки повела насъ въ столовую и усадила за столъ.

— Ну, что же? обратилась она къ намъ съ вопросомъ:— открыли вы тайну этой страшной драмы?

— Мы только-что начали слѣдствіе, но еще только раскрыли что между пятью скелетами находившимися въ буфетной комнатѣ, кромѣ работника и работницы, находились скелеты вашего кучера, садовника и кузнеца.

— Неужели это такъ? спросила она.

— Все явствующее изъ отвѣтовъ женъ этихъ лицъ приводитъ къ этому заключенію.

— Это ужасная вещь! воскликнула красавица.

— А вы, докторъ, вскрытіе дѣлали? спросила она.

— Нѣтъ, было слишкомъ темно; завтра утромъ будетъ вскрытіе.

— А мнѣ можно будетъ при немъ присутствовать? спросила Аделаида Иванова.

— Прелѣтствій къ тому нѣтъ съ моей стороны; быть-можетъ, слѣдователь это не признаетъ возможнымъ.

— Вы что скажете по этому вопросу? спросила она у меня.

— Я не вижу невозможности; но советовалъ бы вамъ при этой операціи не присутствовать; этотъ процессъ вскрытія васъ совершенно разстроитъ.

— Мои нервы крѣпче чѣмъ вы думаете, отвѣтила она.

— Такъ приходите на вскрытіе, отвѣтилъ я.

— Господа, сказала Аделаида Ивановна, — я для васъ велѣла приготовить на двухъ большихъ и мягкихъ диванахъ постели наверху, въ бельведерѣ. Надѣюсь что вы не откажетесь отъ моего гостепріимства; вамъ тутъ лучше будетъ чѣмъ на вѣзжей, полной таракановъ, на узкихъ скамейкахъ.

— Мы съ благодарностью принимаемъ ваше гостепріимное предложеніе, сказали мы съ докторомъ въ одно время.

— Ну такъ прощайте. У меня голова разболѣлась и мнѣ хочется спать.

Мы подыались по деревянной лѣстницѣ на верхъ и вошли въ очень большую, квадратную комнату, великолѣпно отдѣланную; диваны дѣйствительно были мягки, картины изображали вакханокъ, дріадъ, нимфъ, фавновъ. Видно было что тутъ была прежде комната Аделаиды Ивановны. Балконъ былъ отлично убранъ цвѣтами. Отъ входныхъ дверей въ эту комнату вдоль стѣны стоялъ большой деревянный кованный сундукъ, накрытый ковромъ.

Мы немного отдохнули, затѣмъ пили чай съ Аделаидой Ивановной. Затѣмъ мы улеглись, попросивъ лакея разбудить насъ въ шесть часовъ и скоро оба заснули.

IV.

На слѣдующее утро мы встали въ шесть часовъ; самоваръ кипѣлъ на столѣ. Мы напились чаю и пошли на вѣзжую; въ сѣняхъ дождались насъ мельничиха и ея работникъ.

Я позвалъ ихъ въ горницу и, обращаясь къ мельничихѣ, сказалъ.

— Ты мнѣ на допросѣ показала что ты изъ мельницы третьяго дня ночью не выходила; а рабочий твой показывалъ что когда онъ вошелъ въ мельницу послѣ осмотра

плотины и легъ на солому, въ горницѣ гдѣ находится жерновъ, онъ въ скоромъ времени услышалъ что кто-то вошелъ и по звуку шаговъ и по кашлю узналъ тебя. Какъ же согласовать его показаніе съ твоими словами? Вѣдь ничего предосудительнаго нѣтъ если ты выходила изъ мельницы; но зачѣмъ же лгать?

— Я спала крѣпкимъ сномъ, никакого крика не слыхала, и изъ мельницы не выходила. Это ему, вѣроятно, во снѣ приснилось.

— Я, замѣтилъ работникъ,—могу присягу принять въ томъ что ты вошла въ мельницу скоро послѣ того что я легъ на сѣно.

— Тфу! Какой ты лжецъ! крикнула мельничиха.

— Не я лжецъ, а ты лгунья, отвѣтилъ работникъ.—Порази меня Богъ, если я солгалъ!

— Ты вѣрно имѣешь причины скрывать выходъ твой изъ мельницы. Иначе лгать, отрицать такое невинное дѣло, не имѣетъ смысла, сказалъ я мельничихѣ.

— И я присягу могу принять что я ночью не выходила изъ мельницы! крикливо отвѣтила мельничиха.

— Я тебѣ не вѣрю; ты говоришь неправду! сказалъ я.

— Ты лжешь, старая вѣдьма! разсердившись сказалъ ей работникъ.

— Я тебя прогоню, животное! закричала она: — Околѣвай съ голоду!

— Будто я работы въ иномъ мѣстѣ не найду? ахъ ты ехидная вѣдьма, сказалъ работникъ, грозя ей кулакомъ.

— Ну, молчите оба! я окончилъ долпросъ.

Написавъ протоколъ ихъ очной ставки, я прочелъ имъ его и велѣлъ подписать.

— Я подписывать на свою голову не стану! крикнула мельничиха.

— Тутъ ничего уголовнаго нѣтъ; ты обязана подписать то что ты сказала.

— На за что на свѣтѣ, сказала она сердито.

— Канарскій! лозовите сотскаго изъ сѣней, велѣлъ я писмоводителю.

Онъ вызвалъ сотскаго.

— Ты будешь свидѣтелемъ что мельничиха не хочетъ подписать протоколъ своего показанія, и вы, Канарскій, будете свидѣтелемъ.

— Ни за что не подлишусь! крикнула мельничиха.

Я написалъ подъ протоколомъ что въ присутствіи сотскаго и Канарскаго мельничиха отказалась подписать свое показаніе, мною ей прочитанное, почему показаніе и осталось неподписаннымъ.

Письмоводитель и сотскій приложили руку подъ этою надписью.

Мельничиха продолжала кричать на работника и лаяла ему въ лицо.

— Сотскій, выведи ее вонъ.

Онъ поднималъ ее на руки и вынесъ на улицу.

Работникъ вмѣсто подписи поставилъ три креста.

Затѣмъ мы съ Тарховымъ отправились въ сарай для вскрытія трупа. Сотскому я велѣлъ привести туда восемь понятыхъ и какой-нибудь столъ крестьянскій, податиные.

Мы вошли въ сарай. Огромная толпа крестьянъ стояла у порога раскрытыхъ воротъ сарая. Мальчишки и дѣвченки взобрались по бревнамъ и глядѣли въ щели соломенной крыши. Тутъ подошелъ сотскій со столомъ въ рукахъ и за нимъ слѣдовали понятые. Я велѣлъ сотскому отогнать толпу, при которой не прилично дѣлать вскрытіе. Онъ прикрикнулъ, но крестьяне не трогались съ мѣста. Онъ началъ бить кого попалъ плетью. Толпа разсѣялась. Трупъ положили на столъ и докторъ приступилъ ко вскрытію. Понатымъ я приказалъ подойти ближе и слѣдить за тѣмъ что происходитъ. Мозгъ оказался въ нормальномъ положеніи. Когда была вскрыта грудь, два ребра съ правой и два ребра съ лѣвой стороны оказались сломанными. „Конечно, сказалъ докторъ: она ударилась о зубцы колеса мельницы!“ Тутъ вошла Аделаида Ивановна, блѣдная какъ смерть. Когда она увидала вскрытую грудь трупа, съ нею сдѣялась истерика, она то плакала, то смѣялась, и ноги ея дрожали. Я велѣлъ Канарскому свести ее подъ руки домой.

— Оставьте меня, пошли прочь! крикнула она и вышла изъ сарая.

Черезъ нѣсколько шаговъ она упала въ обморокъ на траву. Я послалъ подаять ее, снести на постель и опрыскать одеколономъ.

Окончивъ вскрытіе, врачъ ешилъ кожу на груди трупа, положилъ черель на свое мѣсто и прикрылъ его скальпомъ, который и зашилъ иголкой съ толстою ниткой.

Я велѣлъ сотскому одѣть трулъ и когда онъ это исполнитъ, я распорядился чтобъ были сдѣланы гробы на счетъ общества и послалъ просить священника чтобы онъ похоронилъ трулъ Дарьи и скелеты.

Когда мы съ врачомъ остались одни, онъ сказалъ мнѣ:

— Нѣтъ никакого сомнѣнія что каючница сброшена кѣмъ-то кулакомъ съ моста плотины на колесо мельницы!

Изъ доставленнаго мнѣ священникомъ, по моему требованію, списка жителей села Отраднаго оказалось что ихъ воѣхъ, обоюго пола, восемьсотъ шестьдесятъ.

Я на листѣ бумаги написалъ черезъ десятого имени крестьянъ и бабъ, и кликнувъ сотскаго, велѣлъ ему созвать поименованныхъ къ допросу.

Онъ удался.

Оказалось что у врача былъ съ собою въ чемоданѣ цѣлый окорокъ и бутылка мадеры. Мы занялись закуской, а лисьмоводитель пошелъ ставить самоваръ.

Скоро появился шипящій самоваръ. Мы напились чаю.

Только-что мы покончили его, я услышалъ шаги многихъ людей. Я вышелъ изъ комнаты въ сѣни и увидѣлъ толпу крестьянъ плотно стоявшихъ другъ около друга. „Какъ твое имя?“ спросилъ я у одного крестьянина. „Дормидонтъ!“ отвѣтилъ онъ. „Иди за мной!“

Мужикъ вошелъ.

Я сѣлъ за столъ, поставивъ пузырекъ съ чернилами, положивъ листъ бумаги на столъ.

— Какъ твое имя и отчество? спросилъ я у него:— да подойди ближе!

Онъ подошелъ къ столу.

— Дормидонтъ Яковлевъ, отвѣтилъ онъ.

— Прозваніе у тебя есть?

— Сухоруковъ

— Сколько тебѣ лѣтъ отъ роду?

— Сорокъ восьмой, отвѣтилъ онъ.

— Вѣры ты какой?

— Старовѣръ!

— Подъ судомъ или слѣдствіемъ не былъ?

— Никакъ нѣтъ съ!

— Ты былъ на пожарѣ?

— Былъ, вчера и сегодня утромъ, при вашей милости.

— Почему ты полагаешь что пожаръ произошелъ отъ поджога?

— Я этого никому не высказывалъ, но думаю что подворье подожжено, потому въ погребѣ всѣ бочки загорѣлись.

— Ты грамотный?

— Нѣтъ.

Я прочелъ ему протоколъ и велѣлъ псоставить подъ нимъ три креста, что онъ и исполнилъ.

Затѣмъ велѣлъ писарю позвать кого-нибудь.

Ко мнѣ вошла старуха.

— Какъ твое имя и отчество?

— Ефимія Кирилловна, батюшка.

— Который тебѣ годъ?

— Шестьдесятъ шестой!

— Въ церковь православную ходишь?

— А то въ какую же?

— Подъ судомъ или слѣдствіемъ не была?

— Не доводилось.

— Не знаешь ли ты отчего сгорѣло подворье?

— Какъ я могу это знать? Я хвораю и почти глухая старуха.

Я прочиталъ ей протоколъ и спросилъ у нея умѣетъ ли она писать.

— Мы этимъ не занимаемся! отвѣтила она.

— Ну, начерти перомъ три креста.

Она это сдѣлала, но непривычная къ перу обрызгала почти весь листъ бумаги чернилами.

— Ну, можешь идти.

Два часа длился бесполезный допросъ. Всѣ крестьяне отвѣтили мнѣ что они знаютъ ничего не знаютъ.

Я былъ очень радъ что окончились эти бездѣльные допросы.

Докторъ замѣтилъ мнѣ:

— Конечно, догадаться нельзя подожжены ли бочки злоумышленникомъ или пьянымъ собесѣдникомъ, воткнувшимъ зажженную лучину въ обручъ чтобы здорово нализаться.

— Все можетъ быть! этотъ вопросъ повидимому останется неразрѣшеннымъ.

Въ три часа мы отправились къ Аделаидѣ Ивановѣ; хозяйка уже разливала сулъ.

— Я васъ увидела въ снѣ и тороллюсь согрѣть горячими щами.

— Дѣйствительно сегодня совершенно осенній день, сказалъ докторъ.

Аделаида Ивановна повидимому успокоилась, была даже въ игривомъ настроеніи, говорила каламбуры, шарады и анекдоты.

— А вы, Константинъ Григорьевичъ, обратилась она ко мнѣ:—вы хитрый и злой человѣкъ!

— Благодарю васъ за комплиментъ, отвѣтилъ я.

— Ну, скажите, многихъ вы допросили?

— Порядочное количество, восемьдесятъ человѣкъ, отвѣтилъ я.

— Ну и до чего-либо достигли?

— Ровно ни до чего! отвѣтилъ я.

— Плохой же вы слѣдователь! Другой бы тотчасъ разыскалъ злоумышленника, поджигавшаго подворье и столкнувшаго ключницу съ плотины! разсмѣявшись сказала она.

— За неимѣніемъ въ виду обвиняемого, дѣло придется представить къ прекращенію.

— Вотъ это славный конецъ!

— Но я пообожду съ мѣсяцъ отсылать дѣло; слухами земля появится. Быть-можетъ что-нибудь и откроется.

— Желаю вамъ успѣха!

Тутъ послышались звуки духовнаго пѣнія. Должно-быть хорovali сгорѣвшихъ и ключницу.

— Пойдемте на кладбище, сказала Аделаида Ивановна.

— Пойдемте.

Мы вдвоемъ отправились на кладбище, но могилы уже засыпали землей. Аделаида Ивановна прослезилась.

Мы разстались съ нею и отправившись на вѣзжю, велѣли запречь тарантасъ доктора. За нами лѣхалъ въ бричкѣ письмоводитель.

Пріѣхавъ домой, я нашелъ на столѣ массу конвертовъ отъ приставовъ 1го и 2го стана; то были дѣла о грабежахъ, о кражахъ со взломомъ и о пожарахъ.

Я послалъ разсылнаго за мѣщанами, дѣла которыхъ затянулись по случаю моего отъѣзда.

Допросы длились до восьми часовъ вечера.

Письмоводитель между тѣмъ переписалъ копію съ судебно-медицинскаго акта, я запечаталъ подлинникъ и послалъ его на почту съ разсылнымъ, адресуя во врачебное отдѣленіе губернскаго правленія.

На слѣдующее утро я отправился въ уѣздъ, для производства сообщенныхъ мнѣ приставами дѣлъ; эта работа заняла у меня три недѣли времени; вернувшись домой между прочими пакетами я нашелъ сообщеніе врачебнаго отдѣленія объ утвержденіи акта доктора.

На слѣдующее утро подкатила телега къ крыльцу. Лакей доложилъ мнѣ что пріѣхала мельничиха изъ сельца Отраднаго. „Что бы ей нужно?“ подумалъ я. Позови ее, сказалъ я лакею. Я сѣлъ за письменный столъ и мельничиха подошла ко мнѣ.

— Здравствуйте, сударь! сказала она сильнымъ голосомъ, покатливая.—Я имѣю открыть вамъ страшную тайну.

— Ну, открой эту тайну!

— Видите въ чемъ дѣло: это Аделаида Ивановна сожгла подворье, и столкнула свою ключницу съ плотины. Ей-ей, а сама, своими глазами все это видѣла.

— Можетъ ли быть? воскликнулъ я.

— Даю вамъ честное слово что это правда. Я сидѣла ночью въ сѣнахъ мельницы и дверь была открыта. Смотрю, идетъ барыня, и за нею ключница. „Куда она идетъ“, думала я. Я тихими шагами пошла за нею и увидѣла что она вошла съ ключницей въ подворье. „А, сударыня барыня,“ кричить слышу, кучеръ Амплей: „послушалась таки меня! Ну, угости насъ водкой.“ Она выкула асигнацію красненькую, какъ сказалъ Амплей. Окно было выше моей головы, такъ что меня не могли видѣть, однако я все слышала. „Хозяинъ, подай рому, водки и наливки!“ Хозяинъ Архиповъ отвѣтилъ густымъ басомъ „да!“ и пошелъ къ шкалу, откуда вынулъ бутылки и поставилъ ихъ на столъ. И пошла потѣха! звонъ стакановъ, лѣныя и пьяный хохотъ! По голосамъ я узнала что кузнецъ и садовникъ были тоже здѣсь, а также работница и работникъ. Аделаида Ивановна хотѣла уходить, но Амплей ее силой посадилъ на лавку. Спьяну онъ говоритъ ей: „Врешь, барыняшка, сиди. Помнишь какъ я тебя спасъ? Кто ночью-то вынулъ изъ сундука твоего мертваго гусара и зарылъ его? Я вынулъ и зарылъ.“—„Молчи, молчи!“ крикнула она. „Когда ты услышала шаги отца по лѣстницѣ, тебѣ надо было спроводить его съ балкона; а ты его засунула въ ащикъ. Ну, съ ума ли ты сошла? Развѣ въ голову тебѣ не

пришло что онъ задохнется? Эй ты дура баба! А старикъ-то отецъ твой, царствіе ему небесясе, сѣлъ на этотъ сундукъ, куря сигару, и поглядывалъ и подъ диваны и подъ комодъ и подъ шкалъ, нѣтъ ли кого-нибудь. Такъ послѣ всего этого ты должна быть мнѣ благодарна, вотъ что! слышишь! вотъ что! А какъ сына ты родила, по твоему порученію я его тайно свезъ къ Воронцовой въ деревню Турпаяки. За все это ты должна мнѣ быть благодарна, слышишь ты? ва, вотъ какая услуга!“ — „Вотъ такъ боѣ баба! заревѣли кузнецъ и садовникъ. Ай да баба! Ай да бѣдовая красавица.“ — „Мнѣ пора идти! сказала Аделаида Ивановна:—мнѣ страхъ спать хочется!“ — „И ви, ви! не смѣй!“ замѣтилъ Амплей. — „Ну, сказала барыня, — на тебѣ еще красненькую, налижись до чертиковъ!“ — „И въ самомъ дѣлѣ, ребята, выльемъ до зеленыхъ и синихъ чертей. Эй хозяинъ! вина, спирту и рому!“ И пошло страшное пьянство; до того, перепилась компанія что всѣ повалились на полъ. Я стала на карнизъ и вижу, мушкетеры и работница валяются на полу, а барыня сидитъ ни жива, ни мертва. Хозяинъ и хозяйка ушли въ свою спальню; Аделаида Ивановна, видя что всѣ въ безпамятствѣ, вышла наружу; а легла на землю, она меня не замѣтила. Она обошла сзади зданія и ножницами вынула что-то изъ стеклянки и воткнула между двумя бревнами въ лапю. Дерево зашлѣло, пожаръ начался. Затѣмъ она пошла въ подвалъ, тамъ подложила чего-то въ нѣсколько бочекъ. Бочки покрылись пламенемъ Это я все видѣла въ слуховое окно. Ключница сказала ей: „Барыня! что вы сдѣлали? Вѣдь пьяные всѣ сгорятъ!“ — „Этого-то я и хочу! а то бы они разнесли по всему уѣзду объ этомъ дѣлѣ. Развѣ я виновата что Печоринъ задохся въ сундукѣ? Я его не убила; это несчастный случай.“ Затѣмъ онѣ вмѣстѣ пошли къ плотинѣ. Ключница поосторонилась чтобы пропустить барыню впередъ, но она должно-быть крикнула: „ступай ты впередъ.“ Дойдя до половины плотины она ударила ключницу, которая и полетѣла на колесо мельницы со страшнымъ крикомъ, и упавъ въ воду, вновь вскрикнула. Я видѣла что барыня быстро бѣжала по лугу, торопясь домой. Дѣйствительно, работникъ самъ шалъ что я входила въ мельницу.

— Чѣмъ же ты этого мнѣ не сказала тогда, когда я былъ въ Отрадномъ?

— Я любила барыню; а теперь я ее ненавижу, она продала имѣніе свое князю Тырнову за сто двадцать тысячъ и уступила ему и мельницу. Я должна по міру пдти, лишилась всего на свѣтѣ! она ѣдетъ за границу.

— Ну поѣзжай теперь. Ты злая женщина! Тогда ты это скрыла отъ меня и только за лишеніе мельницы довела. Погоди я напишу протоколъ твоего показанія и ты его подпишешь.

Написавъ протоколъ я далъ его ей для подписи.

Она подписала и поклонившись ушла.

— Эй! Федоръ! кликнулъ я разсыльнаго:— скорѣй тройку. Завѣтъ я бѣшено ходилъ по комнатамъ изъ угла въ уголъ. Неужели наружность можетъ быть такъ обманчива!

Лошади были запряжены и я поскакалъ въ Отрадное.

— Барыни нѣтъ дома, сказалъ мнѣ лакей;— она уѣхала въ полночь въ Петербургъ.

Я обошелъ всѣ комнаты, осматривалъ всѣ шкафы, глядѣлъ подъ диванамъ, ея нигдѣ не было. Я пошелъ на верхъ посмотрѣлъ въ шкафъ и даже въ сундукъ и осмотрѣлъ балксы, но и тутъ ея не было. Я поѣхалъ въ городъ и отправилъ телеграммы на Московскую и С. Петербургскую станціи о задержаніи Аделаиды Ивановны Грушевской и о препровожденіи ея ко мнѣ съ полицейскимъ офицеромъ. Но дни шли за днями а ея не представляли. Должно быть она взяла заграничный паспортъ и уѣхала за границу. Это меня бѣсило.

Я поѣхалъ въ деревню Турпанки, къ помѣщикамъ Воронцовымъ и засталъ ее пьющую кофе въ лѣньюрѣ.

— Сударыня, сказалъ я:—я знаю что у васъ воспитывается сынъ Аделаиды Ивановны Грушевской. Скажите мнѣ подъ отвѣтственностью быть преданною суду за укрывательство, куда уѣхала Грушевская?

— Зачѣмъ стращать судомъ? Я не намѣрена скрывать что она уѣхала въ Парижъ, какъ она мнѣ при прощаніи сказала. Вы кто же такой?

— Я судебный сѣдователь. Грушевская подожгла подворье и столкнула кулакомъ ключницу на колесо мельницы, какъ опасную свидѣтельницу которая могла довести властямъ о поджогѣ подворья.

— Убійца и поджигательница! Это ужасно! возможно ли чтобъ это была правда?

— Истинная правда. Но ее схватятъ и привезутъ сюда. Французское правительство ее выдастъ.

— Скажите, кто же сгорѣлъ въ подворьѣ?

— Я нашелъ подъ пепломъ девять скелетовъ: хозяина подворья, его жены, сына и дочери, малолѣтнихъ дѣтей, и на томъ мѣстѣ гдѣ былъ прилавокъ пять скелетовъ: кучера, садовника, кузнеца, работника и работницы. Девять скелетовъ!

— Да, это ужасное преступленіе.

Я распростился съ Воронцовой и уѣхалъ въ городъ на телеграфную станцію. Я телеграфировалъ прокурору, прося его съестись съ кѣмъ слѣдуетъ о вытребованіи изъ Парижа Аделаиды Ивановны Грушевой, обвиняемой въ поджогѣ населеннаго подворья и убійствѣ ключницы. Я оканчивалъ телеграмму словами: „подробности представлю за симъ“.

Затѣмъ дома я написалъ подробное донесеніе о злоумышленныхъ дѣйствіяхъ Грушевой и послалъ на почту.

Какъ ни былъ затѣмъ занятъ съ утра до ночи разными слѣдствіями, у меня не выходила изъ головы мысль объ Аделаидѣ Ивановнѣ. И мнѣ предстояло заковать ее въ кандалы, послать въ губернскій тюремный замокъ!

Прошло три недѣли и петербургскій частный приставъ представилъ ее ко мнѣ. Она глядѣла на меня звѣрскими глазами. Съ упрекомъ въ тонѣ она сказала мнѣ:

— Вы меня губите! Могла ли я этого ждать!

— Я прежде всего судебный слѣдователь, сказалъ я.

Она залилась слезами и легла на диванъ.

Я угостилъ петербургскаго частнаго пристава закуской; онъ видно былъ литухъ — выпилъ пятнадцать рюмокъ водки и съѣлъ почти весь окорокъ и двадцать бутербродовъ.

— А какова преступница? толковалъ онъ; — роскошная барыня. Чуть-чуть не подался я и едва не рѣшился ей дать возможность дать стрикача. Вкусная баба!

— Кто доведетъ на меня что я это сдѣлала? спросила меня Аделаида Ивановна.

— Мельничиха, изъ мести что вы ее лишили мельницы. Она все время слѣдила за вами у подворья и видѣла какъ вы положили фосфоръ между бревнами въ лакаю и какъ столкнули кулакомъ ключницу вашу съ плотины.

— Послушайте, сказала она, — я васъ озолочу, дамъ сто тысячъ рублей, стану твоею женою, любовницею. Смотри на меня какъ я хороша. Спасите меня.

Не отвѣчая, я приступилъ, скрѣпя сердце, къ допросу. Она все разказала, трагически размахивая руками. Записавъ ея слова, я попросилъ ее подписать протоколъ. Она его подписала. Я скрѣпилъ.

— Что со мною теперь сдѣлають?

— Я долженъ отправить васъ съ двумя сотскими въ губернскую тюрьму.

— Оставьте меня подъ домашнимъ арестомъ до вызова судомъ.

— Это невозможно. Вы можете скрыться.

— О, Боже, Боже, что за несчастіе! Но я не могу на ночь вѣхать. Я здѣсь останусь до утра. Я страшно устала и изволнована.

— Хорошо. Тутъ есть комнаты, въ которыхъ окна съ желѣзною рѣшеткой, а дверь я залру на ключъ.

— Не бойтесь! Я не убѣгу. Я слишкомъ разбита.

Я ее свелъ въ сосѣднюю комнату, похожую по рѣшеткамъ на тюрьму. Она расплакалась.

— А что за мои преступленія, какое наказаніе? крикнула она громко.

— Каторжная работа въ рудникахъ на двадцать лѣтъ или вѣчная.

На слѣдующее утро мы съ ней хорошо позавтракали и она выказала много аппетита.

Затѣмъ я свезъ ее въ ея домъ и поставилъ по пяти десятскихъ у всѣхъ выходовъ. Строго наказалъ я имъ не выпускать ея даже для прогулки. Я простился съ нею и приказалъ сотскому съ однимъ десятскимъ свезти ее въ губернскій тюремный замокъ на слѣдующій день. Я далъ ему препроводительную бумагу, которую онъ долженъ былъ передать смотрителю тюремнаго замка въ руки.

На слѣдующее утро я въ шесть часовъ пріѣхалъ провѣдать ее. Лакей сказалъ: „Отравилась; мышьякомъ!“

— Откуда же она мышьякъ достала?

— Да въ шкапу ея отца были разные вещества и былъ мышьякъ.

Я поторопился взглянуть на нее; она была вся въ синихъ

и лиловыхъ лятахъ. Сердце не билось; она была мертва. Смерть она предпочла каторжной работѣ.

Я телеграфировалъ прокурору что Аделаида Ивановна Грушевская отравилась. Она была похоронена на Отрадномъ кладбищѣ. Я сообщилъ мировому судѣй объ описи имущества оставшагося послѣ Грушевской и прибавилъ что сынъ Грушевской воспитывается у госпожи Воронцовой. Послѣ описи судья заѣхалъ ко мнѣ и сказалъ что онъ въ комодѣ нашелъ 100.000 рублей кредитными бумагами и золотомъ, которые онъ представить въ опеку, о чемъ и сообщилъ Воронцовой. „Странно, замѣтилъ онъ, что никто не похитилъ эти деньги.“

С. ПАНОВЪ.

СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ*

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БЕЗЪ РУЛЯ И БЕЗЪ ВѢТРИА

I.

Часу въ девятомъ вечера, по черной и вонючей лестницѣ одного изъ петербургскихъ домовъ, закутанная женская фигура поднималась на лѣтній этажъ. Предъ низенькою дверью, обитою разорваннымъ войлокомъ, она остановилась, стараясь разглядѣть номеръ и отдышаться послѣ утомительнаго подъема. Рука безъ перчатки высунулась изъ барашковой муфты и уже взялась за ручку звонка, но дверь оказалась незалертою и тотчасъ отворилась, какъ только та же рука потянула за кусокъ войлока.

Изъ освѣщеннаго маленькою лампочкой корридора нѣсколько дверей вели направо и нѣзвѣ. Изъ-за одной изъ нихъ слышался громкій говоръ, сопровождаемый смѣхомъ и звономъ посуды. Вошедшая, не сомнѣваясь болѣе что тутъ были именно тѣ кого она искала, отворила дверь. Въ первую минуту она ничего не могла разглядѣть сквозь

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 18 и 20.

густой табачный дымъ, застилавшій слабое мерцаніе рабочей лампы и двухъ свѣчей, страшно олаившихъ оттого что вокругъ нихъ постоянно толкались и махали руками и стаканами. Вместе съ этимъ дымомъ въ воздухѣ носилось облако испареній, произведенныхъ разгораченнымъ, спиртуознымъ дыханіемъ и талою сыростью, врывавшеюся сквозь раскрытую форточку. Когда глаза вошедшей привыкли наконецъ къ туману, она разглядѣла общество, состоявшее изъ восьми молодежи обоего пола.

Высокая, недурная собой дѣвушка повернулась къ ней навстрѣчу и крѣпко, по-мужски сжала ей руку.

— Здравствуйте. А вотъ мой братъ, сказала она.

Съ дивана, заваленнаго кучей верхняго платья, поднялась молодой человѣкъ съ серьезнымъ взглядомъ, густыми темными волосами, торчавшими шалкой, и множествомъ прыщей на лицѣ. Онъ тоже протянулъ гостьѣ длинную и совершенно мокрую руку.

Сестра его выступила нѣсколько впередъ и проговорила отчетливо, слегка взмахивая руками:

— А теперь я васъ познакомя со всѣми. Господа, Липа Илатова. А вотъ это Полрукина, Кронольдъ, Баламутовъ, Стыщичъ, Дыбаевъ, Зонненштраль.

Липочка должна была всѣмъ положить руки. Только тотъ кого хозяйка назвала Стыщичемъ совсѣмъ не протянулъ руки и даже не всталъ съ конца стола, на которомъ сидѣлъ, а ограничился маленькимъ кивкомъ головы.

— Пиво или чай? также отчетливо и рѣзко спросила хозяйка.

Липочка, нѣсколько озадаченная этимъ предложеніемъ, проговорила оробѣвшимъ голосомъ:

— Лучше чашку чаю, если можно...

— Ну такъ вамъ придется подождать: самоваръ доливать взяли, сказала хозяйка.

Высокій, ражій дѣтина, названный Баламутовымъ, приблизился къ столу, на которомъ стояли пивныя бутылки, и одну за другою подаялъ каждую на свѣтъ.

— Да и пиво-то кажется того... вылолоскало! Одно только стекло финикійское! сказалъ онъ неожиданно-тонкимъ голосомъ и захехоталъ какимъ-то бабынымъ смѣхомъ, причемъ огромное толстое лицо его сморщилось тоже совсѣмъ такъ какъ у деревенской бабы, когда ее щекочутъ.

— Гм, послать? отвѣсилась хозяйка къ брату.

Тотъ досталъ изъ кармана портъ-табакъ, лормаса между папиросною бумагой и вытащивъ рублевый билетъ, бросилъ его сестрѣ.

— Садитесь вотъ хоть на диванъ, пригласила Липочку хозяйка, расчищая ей мѣсто среди накиданныхъ кучей пальто.

Липочка сѣла, и стараясь сама себя ободрить, обвела любознательнымъ взглядомъ все общество.

Хозяинку этой комнаты, Настеньку Яничъ, она знала еще изъ Т*. Онѣ учились въ одной и той же гимназіи, но Яничъ шла классомъ впереди и была года на два старше Липочки. Въ Петербургѣ онѣ встрѣтились совершенно случайно, на улицѣ, и Богъ вѣсть почему обрадовались другъ другу. Особенно короткихъ отношеній между ними никогда не было, но въ гимназіи Настенька пользовалась репутаціей очень серьезной и даже замѣчательной дѣвушки, и Липочка относилась къ ней съ нѣкоторымъ робкимъ уваженіемъ. Остатки этого чувства сохранились и теперь, особенно когда Настенька сообщила что живетъ уже два года въ Петербургѣ совершенно самостоятельно, вращаясь среди людей о которыхъ скоро много будутъ говорить, и соприкасаясь съ интересами о которыхъ неудобно распространяться на улицѣ. Жила она, по ея словамъ, на средства брата и изучала топографію, но кромѣ того вообще „много работала надъ собой“. Она дала Липочкѣ свой адресъ и пригласила зайти къ ней на другой день вечеромъ, обѣщая что она увидитъ много для нея новаго.

Приглашеніе показалось Липочкѣ очень заманчивымъ. Молоденькая, только-что пріѣхавшая изъ глухой провинціи, и еще тамъ, въ провинціальной глуши, составившая себѣ весьма фантастическія представленія о петербургской жизни, она очень интересовалась познакомиться съ нѣкоторыми сторонами этой жизни. Больше же всего ей хотѣлось увидѣть двѣ вещи: какого-нибудь знаменитаго литератора, и потомъ члена тайнаго революціоннаго общества. Но такъ какъ знаменитые литераторы перестали охотно показывать себя публикѣ, а члены тайныхъ обществъ, по самой профессіи своей, обречены жить скрытно, то ей не удавалось до сихъ поръ исполнить своего желанія. Поэтому она съ радостью приняла приглашеніе Настеньки, разчиты-

вая хотя отчасти удовлетворить своему любопытству. Положимъ, на литературную знаменитость надежды не было, но судя по намекамъ бывшей подруги можно было ожидать вообще чего-нибудь интереснаго.

На первый разъ то что она видѣла очень мало отвѣчало ея ожиданіямъ. Разгоряченныя ливомъ, но вообще незначительныя фізіономіи молодыхъ людей не возбуждали большаго интереса. За исключеніемъ толстаго Баламутова, остальные были какіе-то сѣрые, нездоровые и повидимому даже наголодавшіеся люди. Въ голосахъ слышалась надорванная грудь и золотуха. Полпруккина и Кронгольдъ смотрѣли нѣсколько получше, особенно Кронгольдъ, съ ея толстою русою косою, червыми бровями и хорошенькимъ нерусскимъ носикомъ надъ вздернутою верхнею губой. У Полпруккиной лицо было маленькое, круглое и совсѣмъ не изящное, но по крайней мѣрѣ здоровое и свѣжее. Она носила очки, но кажется безо всякой необходимости, единственно чтобъ обращать на себя вниманіе. Эти очки придавали смѣшное и нѣсколько глупое выраженіе ея совсѣмъ нехитрому лицу.

Такъ какъ она ближе всѣхъ сидѣла къ Липочкѣ, то отнеслась къ ней съ вопросомъ:

— Вы изучаете медицину?

— Нѣтъ... отвѣтила Липочка, нѣсколько удивленная этимъ предположеніемъ.

— Я тоже бросила: трудно очень, продолжала Полпруккина.—И притомъ все-таки это низшая наука. Я перешла къ социологіи. Не правда ли что теперь нужно всего социологія?

— Да, очень можетъ быть, проговорила совсѣмъ оробѣвшая Липочка.

— Но чѣмъ вы собственно занимаетесь? не отставала Полпруккина.

Вопросъ этотъ затруднилъ Липочку. Она догадывалась что здѣсь будетъ очень странно звучать призваніе что она занимается музыкой. Но такъ какъ она совсѣмъ не привыкла лгать, то и сказала съ оттѣнкомъ какъ бы оправданія:

— Я учусь лѣтъ. Я имѣю въ виду поступить современемъ на сцену и достигнуть самостоятельнаго положенія, что такъ трудно для женщины.

Полпункина впрочемъ приняла это объясненіе совершенно равнодушно, потому что вниманіе ея было привлечено сломъ который вели мушкетеры, замѣтно разгорячалась все болѣе и болѣе. Липочка тоже стала слушать. Дѣло шло о какомъ-то литераторѣ, сотрудничавшемъ въ заграничныхъ русскихъ листкахъ, и чѣмъ-то не угодившемъ. Одни защищали его и даже говорили что нельзя не щадить такихъ авторитетовъ, другіе же настаивали что въ своей послѣдней статьѣ онъ погнулъ совѣсть не въ ту сторону. Зонненштрааль—маленькій, черненькій, съ неподвижною шеей, потому что у него отъ золотухи что-то такое срослось—больше всѣхъ горячился и даже предлагалъ тотчасъ составить протестъ отъ имени русскаго молодого поколѣнія и послать въ заграничныя газеты.

— Противъ чего же собственно вы хотите протестовать? спросилъ почти съ презрительною усмѣшкой Стышичъ. Онъ вообще держалъ себя холодно и нѣсколько даже брезгливо.

— Вотъ противъ той самой фразы! отвѣтилъ Зонненштрааль.

— Противъ какой?

— А гдѣ онъ говоритъ что „дѣло свободы въ Россіи испорчено надолго тѣмъ кто за него брался“.

Стышичъ пожалъ однимъ плечомъ и проговорилъ, отходя въ сторону:

— Вовсе тутъ нѣтъ ничего такого чтобы протестовать.

Служанка внесла въ комнату пиво и самоваръ. Настенька налила стаканъ чаю и поставила его предъ Липочкой.

— Кто хочетъ еще, наливайте себѣ сами, отнеслась она къ гостямъ.—Ну какъ же вамъ кажется? обратилась она вслѣдъ затѣмъ къ Липочкѣ, усаживаясь подлѣ нея на чѣй-то измятой тубѣ.

— Да ничего... отвѣтила какъ-то неопредѣленно Липочка.

Настенька взглянула на нее.

— Вы еще не приглядѣлись, сказала она.—Тутъ есть замѣчательныя личности. Вотъ этотъ Стышичъ, напримѣръ...

— Чѣмъ же онъ собственно замѣчателенъ?

— Да какъ бы вамъ сказать... ну, словомъ, онъ имѣетъ полномочія. Разумѣется, при васъ на первый разъ онъ не будетъ говорить ничего такого...

— Почему же? вдругъ вспыхнула Липочка.—Я не шпіонъ. Вы должны ему объяснить это.

— Нѣтъ, онъ всегда такъ, отвѣтила Настенька. — Онъ вѣроятно потомъ переговоритъ съ вами, чтобъ узнать ваши мнѣнія. — А вотъ этотъ Зонненштраль ужасно смѣлый; за нимъ давно слѣдять.

— Онъ кажется Жидъ? спросила съ явнымъ недовѣріемъ Лилочка.

— Да; что жъ изъ этого?

— Ничего, послѣшно отвѣтила Лилочка.

Между тѣмъ Зонненштраль, очевидно недовольный тѣмъ что Стышичъ не хотѣлъ протестовать, сталъ косвенно ликвидироваться съ нимъ, распространяясь о томъ что дѣло дальше разговоровъ и литья лива не идетъ и что никакой собственнo организаціи онъ не видитъ. Полпруккина и Кронгольдъ тотчасъ его въ этомъ поддержали. Тема вообще была такая въ которой каждому пріятно было излить часть накопившейся въ немъ кислоты и желчи. Только самъ Яничъ сидѣлъ безмолвно, подпершись локтемъ и задумчиво ощупывая пальцами прыщи на своемъ лицѣ; онъ вообще былъ неразговорчивъ. Стышичъ презрительно улыбался, пожимая плечомъ, и ронялъ краткіе, брезгливые отвѣты. Но общее наладеніе наконецъ раздражило его; и когда Яничъ вдругъ, къ общему удивленію, всталъ и заявилъ, какъ-то странно двигая руками, что надо или бросить все, или найти дѣятельнаго руководителя, Стышичъ не выдержалъ и сказалъ рѣзко:

— Что вы мнѣ толкуете о руководителѣ? сами-то вы куда ходите? что съ вами можно сдѣлать?

— Съ нами-то? ого-го! протестовалъ Баламутовъ, поднявъ изъ-за маленькой головки Полпруккиной свою огромную рыжую голову.

— К-к-какъ бы не такъ! отозвался съ усиленіемъ Дыбаевъ, который страшно заикался.

Повидимому этотъ неожиданный откликъ заикающагося Дыбаева болѣе всего разозлилъ Стышича. Онъ быстро обернулся въ его сторону и почти закричалъ на него:

— Вы-то въ особенности! Да въ случаѣ чего въ состояніи ли вы хоть бы сразу-то к-к-ка-рауль закричать!

Всѣ засмѣялись. Дыбаевъ, ужасно обидѣвшійся, всталъ и качнувшись нѣсколько разъ взадъ и впередъ, проговорилъ съ трудомъ:

— Н-ну, это ужъ г-г-глуло!

Стышичъ, очень довольный, передернулъ плечомъ и отыскавъ на окнѣ свою шапку, сталъ прощаться. Къ удивленію и смущенію Липочки, онъ на этотъ разъ не только пожалъ ей руку, но прямо въ упоръ подымалъ на нее прощательный и какъ будто вспыхнувшій жадностью взглядъ.

По уходѣ его общество почувствовало себя свободнѣе. Пиво выпивалось скорѣе, разговоры потеряли политическій характеръ, а Баламутовъ, помѣстившись за стуломъ Попрукиной, явно обнималъ ее за талию. Хорошенькая Крогольдъ поглядывала на нихъ съ насмѣшливою гримасой: она получила воспитаніе въ театральномъ училищѣ и вопреки всему сохраняла вынесенное оттуда предпочтеніе къ офицерамъ.

Липочка хотя о многомъ имѣла очень самостоятельныя понятія и считала себя женщиной безъ предразсудковъ, но ей становилось все болѣе и болѣе неловко. Все что она видѣла совсѣмъ не отвѣчало ея ожиданіямъ: о революціонерахъ она имѣла гораздо болѣе серіозное представленіе. Одинъ Стышичъ кажется былъ человекъ съ характеромъ, но и въ немъ она замѣчала какумъ-то еще не объяснившуюся ей фальшь. Она стала собираться.

— Я сообщила Стышичу вашъ адресъ, сказала ей прощаясь Настенька.

„Зачѣмъ?“ подумала Липочка, но промолчала.

Зонвештрааль вышелъ съ ней вмѣстѣ и еще на лѣстницѣ сталъ настойчиво предлагать проводить ее.

— Нѣтъ, не надо, сухо отвѣтила Липочка, и подозвавъ извозчика послѣшью сѣла въ санки.

II.

Она была очень недовольна и очень досадовала на себя—не за то что поѣхала къ Явичъ, но за то что позволила себѣ чего-то ожидать отъ этого посѣщенія. Что она могла найти тамъ? Она убѣждалась что отъ людей нечего ждать. Интересныя встрѣчи, блестящія личности, необыкновенные характеры—теперь этого нѣтъ даже въ романахъ. Она вспоминала какъ у нихъ въ гимназіи одинъ учитель говорилъ что все зависитъ отъ фосфора. Должно-быть въ вышнихъ организмахъ недостаетъ фосфора. Во всякомъ случаѣ она

понимала что искать людей, скучать между ординарными людьми—самое большее зло, какое можетъ выпасть на долю человѣка. Оно ведетъ къ той страшной скукѣ жизни которая заставляла древнихъ открывать себѣ жилы. А она была молода, ей хотѣлось жить. Но даже дома, въ провинціи, въ глуши бѣднаго захолустнаго прозябанія, она не испытывала такого томительнаго чувства безлюдья, какое охватывало ее здѣсь въ Петербургѣ. Широкая, полная народа улица, обставленная многоэтажными домами, производила на нее впечатаніе пустыни, въ которой не съ кѣмъ перемолвиться словомъ. Отъ этого чувства нѣмѣла мысль и опускались руки.

Для чрезъ два послѣ вечера у Яничъ, когда Липочка, вернувшись изъ консерваторіи, повторяла вполголоса урокъ, къ ней постучались въ дверь.

— Войдите, сказала она, и обернувшись съ удивленіемъ увидѣла Стышича.

Онъ былъ очень прилично одѣтъ въ застегнутый почти подъ горло сюртукъ, придававшій его наружности нѣчто серьезное и даже джентльменское. Липочка еще у Яничъ замѣтила что онъ какъ бы старался выдѣляться отъ другихъ порядочностью манеръ и костюма. И лицо у него было болѣе чѣмъ у другихъ чистое и умное, хотя холодные свѣтлые глаза съ очень короткими и рѣдкими рѣсницами производили на Липочку непріятное впечатаніе.

— Я не обезпокоилъ васъ? проговорилъ онъ входа.

— Садитесь, пригласила довольно сухо Липочка.

Стышичъ сѣлъ, не переставая вертѣть въ рукахъ каторную шляпу (одна рука у него даже оставалась въ перчаткѣ) и наблюдательно обвелъ глазами комнату. Липочкѣ показалось что это былъ взглядъ сыщика.

— Вы позволите мнѣ предложить вамъ откровенный вопросъ по поводу того что я имѣлъ удовольствіе встрѣтить васъ у господъ Яничъ? началъ Стышичъ, перенеся на Липочку свои холодные зоркіе глаза.

— Что же вамъ угодно спросить? отозвалась Липочка.

— Я просилъ бы васъ сказать, было ли ваше посѣщеніе дѣломъ простаго любопытства, или же вы были привлечены сочувствіемъ къ нашему политическому образу мыслей? продолжалъ Стышичъ.

— Я знакома съ Настенкой Яничъ еще изъ гимназій,

отвѣтила Липочка.—Впрочемъ я не скрываю что держусь очень либеральнаго образа мыслей.

Произнося послѣднія слова, Липочка невольно слегка покраснѣла: она почувствовала что-то пошлое въ этой фразѣ.

Стышичъ одобрительно улыбнулся.

— Такъ что вы сочувствуете нашей программѣ дѣйствія, которая должна была для васъ объясниться изъ происшедшаго разговора? продолжалъ онъ.

Липочка въ затрудненіи взглянула на него и пожала плечомъ.

— На этотъ вопросъ право я не умѣю вамъ отвѣтить, сказала она.—Я помню что хотѣтъ произвести революцію. Но какимъ образомъ?

Стышичъ въ свою очередь пожалъ плечами.

— Окончательный планъ никому не можетъ быть сообщенъ ранѣ послѣдней минуты, проговорилъ онъ почти съ важностью.—Дѣятельность членовъ общества заключается покаместъ въ томъ чтобы распространять въ народѣ революціонныя идеи, вербовать новыхъ членовъ общества, собирать деньги, исполнять разныя порученія центрального комитета.

— А гдѣ же этотъ центральный комитетъ? спросила Липочка.

— Онъ не имѣетъ постоянного мѣстопробыванія. Да вы и не можете сноситься прямо съ нимъ. Я уполномоченъ здѣсь въ Петербургѣ, пояснилъ Стышичъ.

— Но мнѣ совѣмъ и не надо ни о чемъ сноситься! поспѣшно заявила Липочка, которой показалось что Стышичъ какъ бы уже считаетъ ее членомъ революціонной организаціи.

— Но комитетъ будетъ къ вамъ чрезъ меня обращаться, сказалъ совершенно увѣреннымъ тономъ Стышичъ.

— По какому же случаю? Я никакого дѣла до комитета не имѣю! возразила все съ бѣльшимъ безпокойствомъ Липочка.

Стышичъ улыбнулся.

— Вы пожалуйста не бойтесь, сказалъ онъ.—У насъ все такъ организовано что мы умѣемъ защитить своихъ. Вамъ не можетъ предстоять никакой опасности.

— Я вовсе не объ опасности, но я никогда не думала

принадлежать къ такому обществу! проговорила почти со слезами Липочка: настойчиво-спокойный тонъ Стышича положительно пугалъ ее.—Я не понимаю какимъ образом могла явиться подобная мысль. Я попала къ Яничъ просто потому что была прежде знакома съ Настей.

Стышичъ продолжать улыбаться. Но улыбались только губы, а холодные сѣрые глаза глядѣли прямо въ лицо Липочки непріятнымъ, жаднымъ взглядомъ.

— На васъ можетъ-быть произвели дурное впечатлѣніе тѣ кого вы тамъ встрѣтили? сказалъ онъ.—Я васъ долженъ предупредить чтобы вы не судили по нимъ. Это разная дрянь, съ которою мы принуждены имѣть дѣло только потому что намъ необходимо какъ можно болѣе матеріала. Вы видѣли что я съ ними не церемонился. Но на верху стоятъ совсѣмъ другіе люди. Я могу сообщить что и вамъ предназначена большая роль.

Липочка въ изумленіи даже взмахнула руками.

— Монсieur Стышичъ, это очень страшное недоразумѣніе! сказала она рѣшительно.—Я прошу васъ прекратить этотъ разговоръ. Какой бы ни былъ мой образъ мыслей, я не гожусь для вашихъ цѣлей. Я не умѣю, не могу, не хочу. Этого никогда не будетъ.

Стышичъ пересталъ улыбаться и все лицо его приняло холодное, строгое выраженіе.

— Ваши слова очень затрудняютъ меня, сказалъ онъ.—Я долженъ буду съестись съ комитетомъ.

— Ради Бога, о чемъ? воскликнула Липочка.

— О вашемъ отказѣ. Видите, мы не можемъ подвергать себя подобнымъ недоразумѣніямъ. Кто разъ вошелъ съ нами въ соприкосновеніе, тотъ остается съ нами. Иначе мы ежеминутно рисковали бы своею безопасностью. Еслибъ это была не вы, а другая, я прямо сказалъ бы: невозможно. Но вы возбуждаете такъ много симпатіи...

— Нѣтъ, я васъ прошу совершенно забыть что я была у Яничъ, сказала уже съ раздраженіемъ Липочка.—Я тоже забуду: это была неосторожность, и больше ничего.

Стышичъ пожалъ плечами.

— Я не могу вамъ отвѣтить безъ особыхъ инструкцій отъ комитета, сказалъ онъ какъ бы съ сожалѣніемъ.—Но во всякомъ случаѣ мы будемъ принуждены строго слѣдить за вами. Вы можете рисковать большими непріятностями.

— Какой вздоръ! Что я вамъ сдѣлала? Неужели вы думаете что я пойду доносить? возразила почти съ отчаяніемъ Липочка.

Стышичъ повторилъ движеніе плечами.

— Въ нашемъ положеніи мы обязаны всѣми мѣрами заботиться о своей безопасности, сказалъ онъ.—Каждый изъ васъ отвѣчаетъ за сотни и тысячи членовъ, за самое дѣло. Я не скрываю что вашъ отказъ создаетъ для васъ большія затрудненія. Одно что я могу для васъ сдѣлать, предоста-вить вамъ подумать. Можетъ-быть вы перемѣните рѣшеніе.

Липочка посмотрѣла на него почти со злобой.

— Нѣтъ, я не перемѣню. Это вздоръ. Вамъ не удастся запугать меня! И это очень гадко что вы хотите воспользоваться моимъ неумѣиемъ какъ и что сдѣлать въ такомъ случаѣ. Но я не пуглива. И если вы или кто-нибудь изъ вашихъ не оставите меня въ покоѣ, то я въ свою очередь должна буду подумать о своей безопасности.

Стышичъ всталъ и тоже недружелюбно взглянулъ ей прямо въ глаза.

— Я дѣйствую не отъ своего имени, сказалъ онъ какъ бы извиняясь.—Во всякомъ случаѣ, хотя вы такъ недобры, позвольте посоветовать вамъ не дѣлать никакого неосторожнаго шага.

— Благодарю васъ, сухо отвѣтила Липочка.

Она была очень возмущена и раздражена, и оставшись одна нѣсколько разъ принималась плакать. Къ довершенію ея досады, не прошло и часу послѣ ухода Стышича, какъ она услышала голосъ Баламутова, громко и лисканно спрашивавшаго въ корридорѣ: куда къ ней войти? Въ ту же минуту дверь отворилась, и огромная рыжая фигура ввалилась къ ней въ комнату.

— Что вамъ угодно? встрѣтила его съ нескрываемымъ неудовольствіемъ Липочка.

— Вонъ око гдѣ вы живете! провозгласилъ вмѣсто отвѣта Баламутовъ.—Что жъ, око хотъ куды, прибавилъ онъ, оглядывая всѣ углы, и не дожидаясь приглашенія опустился въ кресло.

— Васъ Стышичъ прислалъ? спросила съ тѣмъ же раздраженіемъ Липочка.

— Нѣсколько, самъ пришелъ. Свои люди, надо значить познакомиться, отвѣтилъ Баламутовъ.

Онъ швырнулъ на столъ шалку и поправился въ креслѣ, причемъ Липочка обратила невольное вниманіе на его огромныя, красныя руки съ грязными ногтями.

— Полпрукина говорила—вы въ лѣтвицы готовитесь? продолжалъ онъ.

— Готовлюсь.

— Такъ-съ. У меня тоже голосокъ есть, когда-нибудь попробуемъ дуэтикъ. А теперь то же, васъ родители содержать, или какъ?

— Вамъ-то что за дѣло? возразила раздражительно Липочка. Ее просто бѣсило что Баламутовъ не обращаетъ никакого вниманія на ея нелюбезный пріемъ.

— Никакого дѣла нѣтъ, но почему же не спросить? отвѣтилъ онъ.—Мы, сударыня, въ нашей компаніи живемъ просто, по-товарищески. Привыкаете, тоже будете.

— Извините, я вовсе не буду привыкать, сказала Липочка.—Вы вѣрно тоже какъ Стышичъ воображали что я къ вамъ въ общество поступаю? Такъ я Стышича сейчасъ прогнала отсюда.

Баламутовъ вылучилъ на нее глаза.

— О-го! Такъ вы стало-быть—полюхали и прочъ пошли? Струхнули значитъ?

— Да, струхнула.

— Такъ-съ. А жаль это: барышня вы славная. Отлично бы мы съ вами могли устроиться. Значитъ никакой революціи производить не желаете?

— Не желаю.

— Вотъ что. А я, признаться, думалъ что вы бѣдовая. Что жь, вы чистому искусству посвятить себя намѣрены?

— Это до васъ не касается.

— Мало ль что не касается! Говорить съ вами развѣ нельзя? Да вы, я вижу, совсѣмъ не того... Какого же однако вы образа мыслей? Охранительнаго что ли? Или можетъ-быть бѣлымъ либерализмомъ балуетесь?

Липочка рѣшительно не знала какъ ей выпроводить незваного гостя. Она наконецъ встала и проговорила самымъ вразумительнымъ тономъ:

— Я не вижу никакой надобности объясняться съ вами объ этомъ.

Баламутовъ со страннымъ выраженіемъ прищурилъ на нее глаза. Ей показалось что онъ пьянъ. И действительно,

послѣ нѣсколькихъ минутъ его присутствія, въ комнатѣ установился довольно яственный спиртуозный запахъ. Продолжая щуриться и какъ будто даже подмигивать ей, онъ досталъ изъ кармана портъ-табакъ, скрутилъ папироску, послушалъ и закурилъ.

— Ужасно вы какая скрытная. Да можетъ-быть вы мнѣ не доверяете? сказалъ онъ.

Липочка ничего не отвѣтила. Баламутовъ лыхнулъ нѣсколько разъ изъ папироски.

— Ну, а на счетъ физической любви вы какихъ придерживаетесь мнѣній? вдругъ спросилъ онъ съ невѣроятною наглостью.

У Липочки просто руки опустились.

— Подите вонъ! крикнула она, и даже толкнула ногой.

— Те-те-те! страсти какія! проговорилъ болѣе озадаченный, чѣмъ обидѣвшійся Баламутовъ, взявъ впрочемъ со стола шалку.—Еще мамелькъ пожауетесь что ли?

— Нѣтъ, а дворника лозову! сказала вѣ себя Липочка.

— Позовите! Мы вамъ такое рразбирательство учинимъ—во всѣхъ газетахъ отпечатываютъ пригрози-лъ Баламутовъ, выѣзая въ корридоръ.—Туда же! дрянь всякая! бурчалъ онъ, хлопая дверью.

III.

„Господи, что жъ это такое!“ ужасалась Липочка, оставшись одна и подперевъ обѣими руками лицо, по которому тихо бѣжали слезы. Ей было досадно на эти слезы, но нервы ея такъ ослабли въ послѣдніе дни что она не находила въ себѣ бодрости. Все, рѣшительно все не удавалось ей. Небольшая сумма вырученная отъ продажи кой-какихъ золотыхъ вещей была израсходована и она уже задолжала хозяйкѣ. Уроковъ не было, и чѣмъ она будетъ существовать, представлялось загадкой, о которой лучше будетъ не думать. Но не думать было невозможно и мысль что жизнь какъ-то странно и глупо сузилась предъ нею — въ какой-то темный закоулокъ, изъ котораго некуда толкнуться—стояла предъ нею, вызывая другія, все такія же мрачныя и тягостныя мысли. Тамъ, вдали, видѣлся выходъ, мерцалъ свѣтъ. Но до тѣхъ поръ?

Еслибы жизнь общалась хоть изрѣдка какія-нибудь радостныя впечатлѣнія, она легче мирилась бы со своимъ положеніемъ. Но такихъ впечатлѣній не было. Она была одна, совсѣмъ одна въ этой многолюдной пустынѣ, и случай сталкивалъ ее только съ противными, злыми, наглыми или себялюбивыми людьми. Нѣсколько лѣтъ неопытной, душевно нужды, хроническая хандра, томительное выжиданіе чего-то лучшаго, можетъ-быть такого же сомнительнаго и обманчиваго... А если въ самомъ дѣлѣ она обманывается себя? Если она не годится для сцены или не сумеетъ преодолѣть тысячи препятствій, окружающихъ артистическіе дебюты? Эта мысль была такъ мучительна что Липочка только крѣпче сжала виски и потрясла головой, какъ будто хотѣла придавить ее тамъ.

Вдругъ ей стало стыдно что она забыла про единственнаго человѣка обнаружившаго къ ней такъ много сочувствія и участія. Съ тѣхъ поръ какъ Молоствовъ неожиданно явился къ ней и еще неожиданно выразилъ свое расположеніе, она почти ни разу не вспомнила о немъ. Теперь ей хотѣлось бы видѣть его. Онъ кажется такой добрый, честный и совсѣмъ не глупый. Но ужасно странный и даже смѣшной—все у него выходитъ точно какъ-то исподтишка. А между тѣмъ если разговаривать его и отучить конфузиться, онъ совсѣмъ другой...

Но тутъ мысль Липочки быстро перелетѣла на Безбѣднаго. И то что она думала о немъ, представляло странную смѣсь заботы и какого-то другаго чувства, раздраженнаго и страстнаго. Она была очень зла на него и считала его безконечно виноватымъ предъ нею, виноватымъ въ томъ что она одѣлалась самою несчастною женщиной, тогда какъ могла бы быть самою счастливою. Онъ кромѣ того оскорбилъ ее и она до сихъ поръ чувствовала весь стыдъ и всю горечь обиды. Но даже тогда, когда она все это припоминала и осуждала, ея мысль о немъ заключала въ себѣ что-то совершенно противоположное этому злему чувству—какъ будто самая горечь оскорбленія возвышала того кто оскорбилъ ее...

Предъ вечеромъ къ ней неожиданно заѣхала мадамъ Олжанская. Хотя Липочка, послѣ того какъ объяснилось что Софья Александровна хотѣла обмануть ее, уже не питала къ ней прежняго довѣрія и даже настолько разсердилась

что съ тѣхъ поръ не была у нея, но все-таки очень ей обрадовалась. Олжанская была для нея связана съ Безбѣднымъ и потому въ ея досадѣ на нее было отраженіе того двойного чувства, съ которымъ она относилась къ Безбѣдному. Притомъ, для Липочки было потребностью хоть изрядка, хоть немпожко сблизиться съ женщинами болѣе изящнаго круга чѣмъ общество Настеньки Явичъ: она по убѣжденіямъ очень презирала такъ-называемый свѣтъ, но инстинктами своими умѣла оцѣнить и хорошій туалетъ и тонъ. Олжанская, всегда нарядная, всегда пахнущая какими-то отличными духами, производила на нее успокаивающее впечатлѣніе своими мягкими движеніями, своею красотой, своимъ ласково и легкомысленно звучащимъ голосомъ. Липочка показалась, какъ будто съ Олжанской что-то нарядное и свѣтлое ворвалось въ ея опротивѣвшую комнату, точно струя какого-то душистаго воздуха, располагающаго къ чему-то красиво-легкомысленному какъ она сама.

Олжанская остановилась въ дверяхъ и шутливо протянула обѣ руки.

— Гордячка! вы нарочно ко мнѣ не показываетесь, чтобы заставить пріѣхать къ вамъ, сказала она, улыбаясь и обжимая мягкія складки своего какъ будто простаго, но въ сущности страшно дорогаго платья.

Липочка стала извиняться что живетъ такъ высоко и тѣсно.

— Напротивъ, вы очень мило устроились, возразила Олжанская, бросивъ кругомъ какъ будто бѣглый, но на самомъ дѣлѣ очень внимательный взглядъ.

— Право очень мило, повторила она, какъ-то чуть-чуть, бокомъ присѣвъ на стулъ и осторожно оставивъ локоть на столѣ. Это выходило у нея очень граціозно, но главное, она не довѣряла прочности и чистотѣ мебели.

— Что жъ вы не снимете шальку? Позвольте предложить вамъ чаю? засуетилась Липочка.

— Merci. Нѣтъ, не хлопочите. Знаете зачѣмъ я собственно къ вамъ заѣхала? Чтобы похитить васъ.

— Куда? удивилась Липочка.

— Въ русскую оперу. У меня ложа, а мнѣ одной скучно. То-есть будетъ Каричъ, но я его не считаю. Право поѣдете, тѣмъ болѣе что вамъ, нашей будущей примадоннѣ, надо почаще слушать оперу.

Предложеніе было очень соблазнительно: Липочка только разъ, и то гдѣ-то въ мѣстахъ за креслами, была въ Мариинскомъ театрѣ.

— Но туалетъ? вспомнила она.

— Пустяки. Никто не радится. Если вы надѣнете то самое платье, въ которомъ я съ вами познакомилась, то лучше и не надо.

— Ну такъ я сейчасъ, согласилась разомъ повеселѣвшая Липочка, и такъ какъ она не хотѣла переодѣваться при Олжанской, то схватила въ руки платье и убѣжала съ нимъ къ хозяйкѣ.

Черезъ четверть часа она уже катилась въ превосходной каретѣ, запряженной извѣстными всему Петербургу рысакими. Карета, также какъ и ложа, принадлежала Каричу.

Покачиваясь на эластической подушкѣ, Липочка чувствовала себя какъ бы облитая совершенно новымъ для нея ощущеніемъ какого-то особаго *bien être*. Быстрая ѣзда слегка кружила ей голову; духи *madame Олжанской* пахли еще сильнѣе въ тѣсотѣ кареты и осыпали ее. Все это было такъ милохоже на отвратительныя впечатлѣнія сегоднѣшняго утра, и какъ нарочно ея мысль не могла оторваться отъ нихъ. Что еслибъ Олжанская или Каричъ знали что у нея только-что были члены тайнаго революціоннаго общества? И на мгновеніе ей представилась страшная мечта. Почему она знаетъ что тамъ, въ этомъ загадочномъ кружкѣ, нѣтъ силъ? Что если она ошиблась и отказалась отъ дѣйствительной власти, которую предлагали ей? Если она отказалась быть сильнѣе и Олжанской и Каричъ, и всѣхъ этихъ богатыхъ, нарядныхъ, чванливыхъ людей, которые теперь считаютъ себя неизмѣримо важнѣе ея? Возбужденное воображеніе рисовало ей таинственную роль женщины которая невѣдомо для всѣхъ держитъ въ своихъ маленькихъ бѣленькихъ ручкахъ нити могущественной организации, готовой по ея знаку опрокинуть все что теперь давить ее своимъ превосходствомъ... Но карета дала толчокъ, честолюбивая мечта разсѣялась и вмѣсто нея представилась Яничъ, задумчиво выдавливающий прыщи на лицѣ и пьяненькій Баламутовъ, спрашивающій ея мнѣнія и счетъ физической любви...

Театръ былъ полонъ. Давали *Демона*—оперу еще очень новую въ ту зиму. Олжанская представила Карича Липочкѣ

раскрыла бинюль и обвела залу. Съ противоположной стороны тотчасъ чей-то громадный бинюль, похожій на телескопъ, уставился прямо на нее. Изъ-за этого громаднаго инструмента она сначала не могла разглядѣть лица; уже когда бинюль опустился, она узнала Кокò. Это было интересно. Новобрачные еще не показывались въ свѣтъ, хотя вездѣ знали и говорили о ихъ свадьбѣ. Противъ обыкновенія Полинѣ еще щадилъ, потому что считали ее жертвой семейнаго деспотизма. Олжанская съ любопытствомъ разглядывала ее въ свой кокетливый бинюль. Полина сидѣла спокойно, сложивъ свои красивыя руки, нарядная и блистающая. Ея высокій ростъ былъ замѣтенъ даже изъ-за барьера ложи; на темноватомъ фонѣ драпировокъ мягко выступалъ ея стройный бюстъ, затунованный въ бѣлыя шелковыя складки. Это была прежняя гордая Полина, и еще презрительнѣе казалось спокойствіе ея красивыхъ губъ и странныхъ зелено-сѣрыхъ глазъ съ ихъ неопредѣленнымъ и скупающимъ взглядомъ.

Кокò, со своею женскою прической и необычайными воротничками, былъ напротивъ очень безпокоенъ; онъ все вылачивался, двигалъ телескопомъ и какъ бы говорилъ каждымъ своимъ движеніемъ: „Посмотрите же на меня! да посмотрите же на насъ обоихъ!“

— Видите? обратилась Олжанская черезъ плечо къ сидѣвшему за ея стуломъ Каричу.

Тотъ поведъ бинюлемъ по направленію ея взгляда.

— А вѣдь она дѣйствительно хороша, сказалъ онъ.

— Кто жь въ этомъ сомнѣвается? Не знаю только чѣмъ она такъ горда. Не Кокоткой же своимъ? возразила Олжанская, нѣсколько задѣтая изящнымъ туалетомъ Полины.

— Кто же нынче не гордится? всѣ гордятся! разрыскалъ Каричъ.—Весь Петербургъ на томъ стоитъ что каждый другъ предъ другомъ старается на цыпочки подниматься.

— Говорятъ старый князь рветъ и мечетъ и объявляетъ что не дастъ ей ни колѣйки, продолжала Олжанская.

— Самодуръ! молвилъ Каричъ.—У Кокò тоже кромѣ договъ ничего нѣтъ.

— Удивительно какъ иногда выходить замужъ! Впрочемъ, говорятъ ей не оставалось ничего другаго... прибавила понизивъ голосъ Олжанская.

— Будто? спросилъ съ интересомъ Каричъ.

Софья Александровна пожала плечами.

— Говорать! повторила она какъ бы съ недоумѣемъ. И она дѣйствительно совсѣмъ не вѣрила этой слетѣи и считала ее рѣшительно неправдоподобною, но такъ какъ Полина раздражала ее своею красотой и своимъ гордымъ видомъ, то она съ удовольствіемъ припоминала все что о ней говорили гдѣ-нибудь дурного.

— Ловокъ однако этотъ Кокд... замѣтилъ съ особеннымъ словно завистливымъ оттѣнкомъ Каричъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло что по слухамъ даже вовсе не онъ! пояснила Ожанская.

— А! протянулъ Каричъ, и навелъ на Полину бинокль.

— Прехорошенькая, выразилъ онъ свою мысль.

Софья Александровна въ полоборота бросила на него почти строгій взглядъ.

Лилочка, не знаяшая Полину и совсѣмъ не участвовавшая въ этомъ разговорѣ, была занята собственными впечатлѣніями. Она наслаждалась. Она была еще такъ молода, такъ мало видѣла и испытала что все въ этой ярко освѣщенной залѣ занимало и возбуждало ее. Происходившее на сценѣ представляло для нея, помимо артистическаго интереса, еще другой, особый, совершенно личный интересъ. Она видѣла себя на сценѣ собирающую давъ восторговъ. Чужой, довольно посредственный голосъ примадонны какъ будто вылеталъ изъ ея собственной груди и звучалъ сильнѣе, красивѣе, горячѣе. Обаяніе подмостокъ — это странное, безпокойное чувство, знакомое немногимъ — вторгалось въ нее и волновало трепетно и смутно. А тысячеголовая зала, безшумная, нарядная, жаждавшая чего-то скрытаго въ потокѣ льющихя звуковъ, давила ее своимъ притихшимъ ожиданіемъ и словно звала ее...

Занавѣсъ упалъ; въ партерѣ хлопали. Лилочка продолжала глядѣть предъ собой, прислушиваясь къ вызовамъ — и вдругъ прямо предъ нею, у барьера отдѣлавшаго оркестръ, выросла высокая фигура и повернулась спиной къ сценѣ. Лилочка тотчасъ узнала Безбѣднаго. Прислонясь къ барьеру, онъ поднялъ бинокль и обвелъ рядъ ложъ. Ихъ глаза встрѣтились. Онъ поклонился. Она вмѣсто отвѣта быстро обернулась къ Ожанской.

— Вамъ кланяется Евгеній Савичъ, сказала улыбаясь Софья Александровна.

Липочка повернула голову къ переднимъ рядамъ партера. Безбѣдный съ биноклемъ и клякомъ въ рукѣ пробирался по проходу. Ихъ глаза опять встрѣтились; онъ опять покло- нился. Липочка слегка наклонила голову.

— Безъ него ни одинъ оперный спектакль не обойдется; онъ еще въ италіянскую перебѣжитъ, сказала самымъ незначительнымъ тономъ Олжанская.

— Чортъ его знаетъ, какой онъ всегда представительный, молвилъ Каричъ.

Липочка видѣла какъ Безбѣдный повернулъ изъ средняго прохода въ ту сторону гдѣ была ихъ ложа, осторожно пробирался въ толпѣ и изрѣдка, съ значительною полу- улыбкой взглядывая къ нимъ наверхъ. Она не сомнѣва- лась что онъ идетъ къ нимъ. Словно застигнутая врасплохъ, она прижалась къ спинкѣ стула и вопросительными, ни- чего не понимающими глазами смотрѣла на Олжанскую.

Черезъ минуту дверь отворилась и Безбѣдный вошелъ въ аванложу.

IV.

Софья Александровна хитрила, показывая видъ будто не ожидала встрѣтиться съ Безбѣднымъ. На самомъ же дѣлѣ все это было заранее обдуманно и подготовлено. Безбѣдный еще наканунѣ заѣхалъ къ ней и настоятельно просилъ по- мирить его какъ-нибудь съ Липочкой. Хотя Олжанская уже значительно охладѣла къ прежней своей мысли покрови- тельствовать ихъ общенію и отчасти имѣла на молодого адвоката виды въ пользу Аннетъ Каричъ, но оказать ему услугу, о которой онъ такъ усиленно просилъ, было во вся- комъ случаѣ благоразумно. Она первая и придумала устро- ить встрѣчу въ театрѣ. Безбѣдный вызвался тотчасъ при- слать ей ложу, но такъ какъ Олжанская уже располагала ложей Карича, то и отказалась, прибавивъ со смѣхомъ что не запрещаетъ подарить ей что-нибудь другое. Шутя такимъ образомъ, Софья Александровна на самомъ дѣлѣ очень хорошо знала что Безбѣдный непремѣнно ей что- нибудь подарить, а она, несмотря на свое довольно поряд- чное состояніе, очень любила подарки.

Безбѣдный поздоровался съ Олжанской и поклоившись Липочкѣ продолжалъ глядѣть на нее въ вопросительномъ

ожиданіи—подастъ она ему руку или нѣтъ. Она не подала. Онъ подвинулъ стулъ и сѣлъ позади ея стула, разговаривая съ Олжанской. Но онъ только обращался къ Олжанской, а разговоръ былъ самый общій, въ которомъ остальные лица могли принять или не принять участіе, какъ хотѣли. Липочкѣ было ужасно неловко сидѣть къ нему все время спиной и она повернулась. Безбѣдный тотчасъ обратился къ ней съ вопросомъ—уже прямо къ ней, спрашивая ея мнѣнія какъ артистки о первомъ актѣ оперы. Ощущеніе какого-то испуга все еще мучило Липочку и она съ трудомъ нашла коротенькую фразу для отвѣта. Она видѣла что все лицо Безбѣднаго выразило признательность. Это выраженіе почти тронуло ее и напомнило ей какой онъ былъ прежде искренній, простой и почтительный. Она никогда не допускала мысли что ошибалась въ немъ и была уверена что это онъ въ Петербургѣ, въ послѣдній годъ, такъ перемѣнился и испортился. Разговоръ опять сталъ общій и очень занимательный. Безбѣдный заговорилъ о композиторѣ, котораго зналъ лично, рассказывалъ анекдоты изъ артистическаго міра; въ этой области онъ былъ неистощимъ, а говорить умѣлъ очень хорошо. Липочка старалась одѣлать самое равнодушное лицо, но все въ этомъ разговорѣ тревожило ее, будило еще не потерянную привычку его оживленной и увлекательной бесѣды. Когда занавѣсъ поднялся Безбѣдный сдѣлавъ движеніе чтобы встать; но Олжанская послѣднимъ удержала его.

— Оставайтесь здѣсь, не все ли вамъ равно? оказала она.

Безбѣдный поклонился и остался.

Телерь Липочка могла смотрѣть на сцену, не безлокоась о томъ что сидѣть къ нему спиной и не разговариваетъ съ нимъ. Но происходившее на сценѣ сразу утратило для нея всякую значительность. Звуки тревожили слухъ, но между этимъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ и тѣмъ что она чувствовала въ себѣ образовалась непроницаемая перегородка. Изящная и страстная мелодія, звучавшая со сцены, добѣда до этой перегородки вдругъ теряла краски и казалась чѣмъ-то смѣшнымъ и фальшивымъ, какою-то почти насмѣшкой надъ ея собственнымъ, такимъ простымъ и ужасно неудобнымъ для нея смятеніемъ. Этого смятенія звуки не могли ни развлечь ни успокоить. Оно все росло въ ней, напугавъ до неожиданныхъ размѣровъ значеніе сегодняшней встрѣчи.

Она знала что Безбѣдный долженъ что-то сказать ей. Можетъ-быть то что онъ скажетъ заставить ее уѣхать изъ театра съ чувствомъ окончательнаго презрѣнія и ненависти къ нему, и она навсегда выброситъ его изъ своихъ мыслей. Какъ бы то ни было, пусть онъ скажетъ. Когда зашатъсь снова упалъ, она встала и перешла въ аванложу. Олжанская заговорила съ Каричемъ. Безбѣдный тоже всталъ и подошелъ къ Липочкѣ.

— Мы не случайно здѣсь встрѣтились? спросила она недружелюбно.

— Я зналъ что вы будете, отвѣтилъ Безбѣдный.

— Съ какою же цѣлью вы это устроили?

Безбѣдный съ виноватымъ и покорнымъ видомъ пожалъ плечами.

— Развѣ я могу здѣсь объяснить все что заставило меня искать этой встрѣчи? сказалъ онъ тихо.—Я хотѣлъ васъ видѣть; я надѣялся что когда вы меня увидите, вы скалитесь надо мной и позволите явиться къ вамъ, чтобъ одинъ разъ, въ послѣдній разъ, выслушать меня...

— Зачѣмъ? съ какою цѣлью? повторила Липочка.

— Но развѣ вамъ не понятно мое желаніе? Развѣ васъ удивляетъ что для меня нестерпимо оставаться подъ тяжестью вашего презрѣнія, вашего гнѣва?

— Мнѣ казалось что мои чувства къ вамъ не должны болѣе интересоваться васъ, возразила Липочка.

— Потому что однажды, одинъ разъ въ моей жизни, я позволилъ себѣ увлечься страстью! протестовалъ съ отзвукомъ искренней горечи Безбѣдный.—Олимпиада Васильевна, я прошу у васъ одной минуты справедливости и разсудительности. Вѣрно или невѣрно вы меня поняли, но вы оскорбились. Оскорбившись вы не захотѣли услышать отъ меня ни одного слова болѣе. Когда я съ вами встрѣтился на улицѣ, послѣ того несчастнаго дня, вы бросились бѣжать отъ меня. Вы съ неловятною жестокостью захотѣли чтобы моимъ послѣднимъ словомъ осталось то которое оскорбило васъ. Предположимъ даже что я былъ страшно виноватъ предъ вами. Но вѣдь и убійцы даютъ возможность объяснить свое преступленіе, потому что бываютъ убійства которыя прощаютъ. Развѣ за вами не останется свобода презирать или ненавидѣть меня послѣ того, какъ я выскажу то что я долженъ высказать?

Лилочка сдѣлала неопредѣленное движеніе плечами.

— Вы можете сказать здѣсь, сейчасъ, отвѣтила она.

Но это было невозможно, потому что именно въ ту минуту въ ложѣ появился Кокѳ и произвелъ общее движеніе. Олжанская, чтобы представить его Лилочкѣ, перешла въ аванложу; Каричъ, озадаченный наглостью съ какою Кокѳ протянулъ ему руку, какъ бы совсѣмъ забывъ то что произошло у него съ Mlle Аннетъ, вышелъ въ фойѣ. Кокѳ, со свойственною ему неспособностью понять что его присутствіе можетъ быть гдѣ-нибудь лишнимъ, поставилъ себѣ стулъ какъ разъ предъ диванчикомъ гдѣ сидѣла Лилочка.

— Вы знаете, я женился на княжнѣ Полиѣ Бакшеевъ, сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.

Его поздравили. Онъ поправилъ свой атласный *plastron* и поздравилъ подюжиной брелоковъ.

— Это случилось ужасно быстро, продолжалъ онъ.— Княжна не хотѣла никакихъ приготовленій. Притомъ вы знаете характеръ стараго князя? Съ нимъ-таки трудненько ладить. Поэтому мы рѣшили не посылать приглашеній. Но все было очень мило, уверяю васъ.

— Я очень рада, сказала съ невольною улыбкой Олжанская.

— Жена здѣсь со мной; она поручила вамъ очень кланяться.

— Мерси, поздравьте ее отъ меня.

Кокѳ поклонился съ такимъ усовершенствованнымъ видомъ, какъ будто принимать поздравленія сдѣлалось на нѣкоторый періодъ жизни его специальностью.

— И кажется хорошо сдѣлалъ что женился, продолжалъ онъ.—Разумѣется, Полина не такъ богата какъ эта Аннетъ Каричъ; но у нея лучше связи.

Олжанская навела бинокль на Полину.

— Она прелестна, ваша жена, сказала она.

Кокѳ тоже посмотрѣлъ на жену въ свой необычайный бинокль.

— Да. И она умѣетъ одѣваться, процѣдилъ онъ.—Мы очень мило устроились—конечно не совсѣмъ еще. У насъ негръ.

— Что такое?

— Я имѣлъ выѣздного негра; знаете, какъ въ Ангаи.

Онъ говорить по-французски, по-англійски и по-испански и курить одѣ гаванскія сигары. Онъ тамъ въ корридорѣ, подлѣ нашей ложи.

— C'est très-chic, сказала улыбаясь Олжанская.

— Мнѣ кажется. У насъ еще мало кто понимаетъ эти вещи. Но я надѣюсь показать кое-что по этой части.

— Это будетъ любопытно.

— Вы увидите. Мы думаемъ устраивать иногда маленькіе обѣды, въ восемь часовъ.

— Гости очень проголодаются до тѣхъ поръ, замѣтила Олжанская.

— Они могутъ завтракать въ три часа.

— Это правда.

— Конечно правда. Я знаю что дѣлаю.

Присланный Каричемъ капельдиверъ привезъ цѣлый подносъ съ виноградомъ, дюшесами и конфетами. За нимъ вошелъ самъ Каричъ. Ему было непріятно что Кокѣ все еще сидѣлъ въ ложѣ.

— Я его прогоню, сказалъ онъ, наклонясь къ Олжанской, и прибавилъ вслухъ:—Позвольте вашъ стулъ, monsieur Луховецкій, а на него кладу мою шляпу.

Кокѣ посмотрѣлъ на него вопросительно, однако всталъ, выпятивъ въ знакъ неудовольствія нижнюю губу. Но вмѣсто того чтобъ уйти, онъ досталъ изъ кармана изящный золотой портъ-сигаръ и показалъ его Олжанской.

— Нравится вамъ? спросилъ онъ.

Олжанская сказала что нравится.

— Отъ Сазикова. Мнѣ жена подарила. Триста рублей.

Онъ показалъ такимъ же порядкомъ свой портъ-сигаръ Безбѣдному и Лилочкѣ. Тѣ похвалили.

— Я думаю заказать точно такое же портмонѣ, объявилъ онъ.

Послѣ того онъ удалился. Олжанская съ выраженіемъ ужаса переглянулась со всѣми.

— Какъ вамъ покажется? воскликнула она.

Каричъ, чмокая, откусилъ перелопаченную оскомъ грушу.

— Представьте себѣ что этотъ бѣлованъ сваталъ мою дочь! сказалъ онъ, очевидно позабывъ уже что одно время онъ самъ находилъ такое сватовство очень возможнымъ и благосклонно смотрѣлъ на ухаживанье Кокѣ.

— Бѣдная Полина! замѣтила Олжанская;—онъ ее промотаетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Я скорѣе думаю что старый князь не отдастъ имъ капитала, сказалъ Безбѣдный.

— Но повидимому они получили кое-что, возразила Олжанская:—ужь не Луховецкіе же снабжаютъ сына!

Безбѣдный, всегда больше другихъ знавшій о дѣлахъ своихъ знакомыхъ, сообщилъ что у Полины были свои деньги отъ покойной матери, тысячь двадцать или двадцать пять.

— Для такого осла развѣ это деньги! сказала Олжанская.

Липочка не слышала этого разговора. Она глядя на прямо предъ собой, какъ будто волшебная декорація, обитая мягко-струющимъ газовымъ свѣтомъ, поглощала все ея вниманіе. Но напряженные глаза ея едва ли даже видѣли эту декорацію. Она очулась только тогда, когда Олжанская придвинула къ ней свой стулъ и сказала, указывая глазами на сидѣвшую противъ нихъ Полину:

— А знаете что эта бѣдная Полина—ваша жертва?

Липочка съ изумленіемъ взглянула на нее.

— Да, да, она вамъ обязана тѣмъ что должна была выйти за этого идиота, продолжала наклоняясь къ ней Олжанская.—Еслибъ Евгенийъ Савичъ не былъ влюбленъ въ васъ, онъ женился бы на ней. Да, да, это такъ.

— Какъ будто не могло быть другой причины! возразила вся вслыхнувъ Липочка.

— Никакой другой причины не могло быть! подтвердила Олжанская.—Это все почти на моихъ глазахъ происходило. У меня же и было между вами послѣднее объясненіе. Она, бѣдная, совсѣмъ была влюблена въ него и почти прямо выразила ему это. Еслибы не вы, онъ женился бы. А за Кокѣ она вышла съ отчаянія, тотчасъ послѣ той сцены.

Безбѣдный въ это время разговаривалъ съ Каричемъ о какомъ-то очень серьезномъ дѣлѣ. Липочка одинъ разъ быстро оглянувшись на него и потомъ до конца оперы сидѣла не пошевелившись и не сводя со сцены напряженного и ничего не выражавшаго взгляда. Когда занавѣсъ упалъ, Безбѣдный, подавая ей платокъ, проговорилъ вполголоса:

— Вы не сказали ни да, ни нѣтъ. Могу я быть у васъ?

Лилочка торопливо куталась въ платокъ, какъ будто стараясь спрятать свое разгорѣвшееся лицо. Она почти готова была сказать „да“, но вдругъ мысль что Безбѣдный увидитъ ее гадкую комнату разомъ уничтожила ея рѣшимость.

— Нѣтъ, сказала она.—Если я захочу васъ выслушать, я сама зайду къ вамъ. Но я не знаю захочу ли я. И не знаю когда это будетъ.

V.

Какъ всѣ очень молодыя и очень недовольныя дѣвушки, Лилочка думала что если она хоть изрѣдка будетъ встрѣчать въ своей скучной жизни развлеченіе и разнообразіе, то легче примирится съ нею. Но вышло совсѣмъ напротивъ, а никогда еще ея существованіе не представлялось ей такимъ жалкимъ и труднымъ, какъ на другой день послѣ вечера въ оперѣ. Этотъ вечеръ растревожилъ въ ней именно все то что протестовало противъ такого существованія. Притомъ, унижительная мысль съ которою она проснулась, — мысль что она уже изтратила почти всѣ свои деньги и болѣе чѣмъ за мѣсяцъ задолжала хозяйкѣ, — заставила ее особенно мрачно и озлобленно глядѣть на опротивѣвшія стѣны. До сихъ поръ она относилась къ этой стѣнѣ своего существованія какъ-то легко, какъ будто увѣренная что если она будетъ аккуратно дѣлать свое дѣло и трудиться для своей артистической карьеры, то не можетъ же быть чтобы не явились сами собою для такой хорошей цѣли необходимыя средства. Она еще не вполне твердо знала что не достаточно быть правымъ для того чтобы жить, и что жизнь не похожа на воспитательное заведеніе въ которомъ поощряются заслуги и исправляются ошибки. Но отоцавшій комелекъ и сознаніе что необходимо во что бы то ни стало расплатиться съ хозяйкой очень настоятельно звали ея вниманіе къ низшимъ потребностямъ жизни. Долгъ который она уже успѣла сдѣлать тѣмъ болѣе тяготилъ ее что сама хозяйка была для нея очень неприятная женщина, и она всегда старалась держать себя какъ можно дальше отъ нея. Хозяйка это замѣчала, но при своей большой житейской опытности и приобретенной вѣстѣ съ нею наглас-

сти не обращала на это никакого вниманія, зная очень хорошо то чего Липочка совсѣмъ не знала, именно что людямъ нуждающимся не приходится выбирать себѣ общество по своему вкусу. Поэтому, когда ей нечего было дѣлать, она приходила къ Липочкѣ и пила у нея чай или кофе, обнаруживая величайшее равнодушіе къ брезгливому обращенію своей лансіонерки.

Вчерашній выѣздъ Липочки съ нарядною и важною дамою, прѣивавшею за ней въ великолѣпной каретѣ, какъ будто раздражилъ Пелагею Прохоровну. Ей очень хотѣлось и поговорить объ этомъ таинственномъ выѣздѣ, и показать что какъ бы то ни было, а ее, Пелагею Прохоровну, этимъ не удивишь, и что она полпрежнему имѣетъ право пить кофе у своей несостоятельной должника и даже сдѣлать ей какія угодно непріятности. Поэтому, какъ только поути старая и глупая Федосья, прислуживавшая и хозяйкѣ, и жильцамъ, отвела къ Липочкѣ чайникъ съ килаткомъ, Пелагея Прохоровна послала ее сказать „барышнѣ“ что молъ очень нуждается въ деньгахъ и желательно было бы получить какъ за прошлый мѣсяцъ, такъ и за новый впередъ.

Липочка догадалась по первому слову что у нея будутъ спрашивать деньги, покраснѣла и сдвинула свои выразительныя брови. Она уже давно ждала этой минуты, но старалась не думать о ней, потому что, какъ ей казалось, въ самое нужное время могли подвернуться уроки или какой-нибудь другой неожиданный случай. Она уже была записана въ двухъ конторахъ и печаталась въ газетахъ, но справляться ей не хотѣлось, чтобы не волноваться понапрасну раньше чѣмъ наступитъ крайность. Теперь, когда она увидѣла себя разомъ лицомъ къ лицу съ этою крайностью, сердце у нея дрогнуло больно и непріятно.

— Хорошо, сказала она, перебивая черезъ край изъ чайника.

— Чтò, барышня, хорошо-то? переспросила Федосья.

— Мнѣ теперь надо идти; какъ вернусь, я скажу Пелагеѣ Прохоровнѣ.

Федосья подперла щеку рукой и пригорюнившись глупо смотрѣла на Липочку.

— Такъ пожалуйста деньги-то? сказала она.

— Я говорю что какъ приду изъ консерваторіи, то сама зайду къ Пелагеѣ Прохоровнѣ, проговорила въ совершенномъ смущеніи Липочка.

Федосья все въ той же позѣ продолжала жалобно глядѣть на нее.

— А то и теперь занесли бы деньги-то... сказала она, гауло и пѣвуче протягивая это слово.

Отдѣлавшись, наконецъ, отъ служанки, Липочка торопливо собралась и вышла, боясь чтобы Пелагея Прохорова не застала ее и не начала теперь же ожидаемаго непріятнаго объясненія.

Она почти ничего не поняла изъ того что говорилъ въ классѣ профессоръ, и лѣла такъ разсѣянно и фальшиво какъ никогда. Слово туманъ застилало ей глаза, и чувство непріятной, унижительной сконфуженности предъ какимъ-то совѣтъ не зависѣвшимъ отъ нея фактомъ связывало все ея мысли. Сославшись на головную боль, она ушла раньше окончанія класса и торопливо, подхваченная безпрічинною и внезапною надеждой, отправилась въ контору. Тамъ ей сказали что еще ничего нѣтъ, и посрѣдствовали зайти черезъ въскольکو дней. Она пошла въ другую, заведенную при какомъ-то недавно возникшемъ благотворительномъ учрежденіи. Пожилая дама, съ кислымъ лицомъ и съ видомъ исполненія непріятной и вздорной обязанности, сообщила ей адресъ благороднаго семейства, нуждающагося въ приходящей учительницѣ. Замѣтивъ что Липочка вся вдругъ радостно вспыхнула, дама сдѣлала еще болѣе кислое лицо и проговорила обращаясь къ круглому и чисто выбритому господину, сидѣвшему въ пріятной правдности за другимъ столомъ.

— Я ужъ десятый разъ даю этотъ адресъ—и засмѣялась съ выраженіемъ пренебрежительнаго состраданія къ неопытности тѣхъ кто думаетъ что изъ этого можетъ что-нибудь выйти.

Липочка однако все-таки пошла по адресу. Горничная, отворившая ей дверь, при первыхъ словахъ ее вдругъ всплеснула руками.

— Ахъ ты Господи, что жъ это такое? воскликнула она, взмахнувъ бѣлымъ передникомъ.—Нарочно это, что-ли?

Замѣтивъ удивленный и сконфуженный взглядъ Липочки, она пояснила со снисходительною укоризной.

— Вѣдь я вчера еще пятерымъ отказала. До какихъ же поръ они присылать будутъ? Развѣ такъ можно?

Липочка извинилась. Горничная сошла вслѣдъ за нею

внизъ и тѣмъ же вѣжливо-укоризненнымъ тономъ стала выговаривать швейцару, зачѣмъ онъ пускаетъ полусту звонить.

— Да вотъ лѣзутъ—кто ихъ знаетъ какія! оправдывался швейцаръ.

Липочка скорыми шагами шла домой. Тревога, наполнявшая ее цѣлый день, вдругъ притихла, словно замерла въ ней, потому что она не видѣла уже никакой возможности что-нибудь сдѣлать, ждать чего-нибудь. Мрачная складка надъ бровями прорѣзалась еще рѣзче, но губы по временамъ усмѣхались, какъ будто ее смѣшила бессмыслица положенія, въ которомъ она себя видѣла.

Несмотря на усталость, она почти ничего не ѣла за обѣдомъ. Оедосья, убирая тарелки, вдругъ остановилась предъ ней и сказала подгорюнившись:

— А ужъ мнѣ-то, барышня, заплатите что слѣдуетъ; мнѣ ужъ никакъ нельзя. Грѣхъ.

Липочка вспомнила что должна ей нѣсколько рублей, поискала въ портмоне и отдала все что тамъ было. Оедосья съ тѣмъ же безнадежнымъ видомъ переосмотрѣла измятыя бумажки и долго и неловко складывала ихъ костлявыми пальцами.

— Хозяйка-то сто разъ свое взмучетъ, а мнѣ какъ быть? Мое дѣло старое, да и проста я очень въ этомъ предметѣ, говорила она сокрушенно.—Къ хозяйкѣ-то зайдете, что ли?

— Зайду, отвѣтила Липочка.

Но Пелагея Прохоровна была такъ любезна что предупредила ее. Въ теченіе дня ей представился еще одинъ спеціальный интересъ, побуждавшій ее поскорѣе увидѣться съ Липочкой.

— Ужъ не погнѣвайтесь, Олимпиада Васильевна, что я къ вамъ со своимъ безлокоиствомъ! извинилась она, входя веселыми шагами въ комнату. У нея всегда была какая-то особенно неприятная Липочкѣ, веселая походка, и голову она держала запрокинувъ назадъ, что придавало вѣсѣ ея движеніямъ самоувѣренную стремительность.

Липочка пригласила ее сѣсть и конфузясь стала извиняться что еще не успѣла достать денегъ. Пелагея Прохоровна слушала, выставивъ впередъ грудь, и даже какъ будто одобрительно кивала головой.

— Какъ же мнѣ-то быть, ужъ не знаю! мнѣ непремѣнно

эти деньги получить надо! сказала она, когда Липочка, пылая отъ стыда и чувствуя слезы на глазахъ, просила дать ей еще недѣлю сроку.

— Въ теченіи недѣли я могу достать, повторила она, весьма впрочемъ не ясно сознавая, гдѣ и когда она можетъ достать.

— Рада бы была, душевѣйка Олимпиада Васильевна, со всѣмъ удовольствіемъ рада бы обождать, да никакъ невозможно! сказала почти съ чувствомъ Пелагея Прохоровна.—Завтра вѣдь у насъ первое число, самой надо за квартиру платить.

— Мнѣ ужасно совѣстно, но право я такъ скоро ничего не могу сдѣлать! проговорила сквозь слезы Липочка.—Мнѣ даже и продать совѣстнѣ нечего. Золотыя вещи я уже продала.

Пелагея Прохоровна опять одобрительно кивнула головой и съ молчаливою торжественностью смотрѣла на Липочку. Залпрокинутая голова ея еще горделивѣе отдѣлялась отъ выгнутой груди.

— Какъ же это вы, душевѣйка, доводите себя до такой крайности? проговорила она снисходительно:—Вѣдь посудите сами, какое же я могу теперь имѣть ручательство въ своемъ долгѣ? Родственниковъ у насъ хорошихъ тутъ нѣтъ, и никого въ примѣтъ чтобы вамъ помочь въ крайности. Дама-то эта что вчера къ вамъ пріѣзжала не сродни вамъ? прибавила она, помолчавъ.

— Нѣтъ, не сродни, но очень, очень расположена ко мнѣ и уже много для меня сдѣлала, послѣшню отвѣтила Липочка.—Она даже просила меня именно въ случаѣ нужды прямо къ ней обратиться.

Пелагея Прохоровна презрительно вздернула головой.

— Пустее это, я полагаю. Кабы муштина, другое бы дѣло было. Муштинѣ если понравиться, всегда можно на него надежду имѣть.

Липочка хотя не поняла вполне что хочетъ сказать Пелагея Прохоровна, но покраснѣла.

— Я все еще разчитываю найти уроки; мнѣ обѣщали.... проговорила она.

— Пустое тоже! презрительно отозвалась Пелагея Прохоровна.—Я, по правдѣ сказать, такихъ-то никогда и не принимала, которые уроками живутъ: бѣдность одна непо-
т. сxxxiv.

крытая. Ужь такой у меня характеръ: сама бѣдная, а терпѣть не могу бѣдныхъ. Я на вашу красоту глядя думала что вы никакъ себя до такой крайности не доведете. Другая-то на вашемъ мѣстѣ давно бы себя обезпечила.

Липочка нахмурилась и стала глядѣть мимо головы хозяйки. Ей ужасно не нравился этотъ оборотъ разговора, но унижительное сознаніе своей зависимости мѣшало ей тотчасъ оборвать его. Пелагея Прохорова поставила локоть на столъ и подвинулась къ ней.

— И какіе тоже между этими мушкетерами добрыише бываютъ, продолжала она, нѣсколько понизивъ голосъ.—Вотъ хоть бы нашъ Калитовъ Ивановичъ.

— Какой Калитовъ Иванычъ? удивилась Липочка.

— А что тутъ въ домѣ магазинъ держать; развѣ не замѣчали? Красивый такой изъ себя, румяный. Онъ съ вами всегда раскланивается.

Липочка припомнила что дѣйствительно хозяинъ лавки, когда она проходила мимо, очень любезно раскланивался съ нею и даже пытался вступать въ разговоръ. Она думала что онъ такъ дѣлаетъ со всеми жильцами.

— Очень ужъ онъ вами заинтересованъ, продолжала съ явнымъ удовольствіемъ Пелагея Прохорова.—Какъ увидитъ меня, всегда про васъ разговоръ начинается: и красавица-то, и скромница-то, и чего-чего! Да вотъ не дальше сегодняшняго какъ было-то: пришла я къ нему за мѣсяцъ расчетъ дѣлать, а онъ шутитъ что мало забираю. Ну, я и говорю: не моя вина, Калитовъ Иванычъ, все отъ жильцовъ; было бы изъ чего, а я рада хоть заморскими лаштетами кормить. Да лублика-то у меня нынче не такая, говорю. Ну, слово за слово, признаться сказать и проболталась я что за вами должокъ есть. А онъ мнѣ и говоритъ: нѣтъ ужъ вы мнѣ Олимпиаду Васильевну не обижайте, потому если только ихъ желаніе будетъ, я всегда за нихъ поручителемъ предъ вами буду, со всякимъ удовольствіемъ.

Липочка съ раздраженіемъ отодвинула свой стулъ — ей очень непріятно было что Пелагея Прохорова, говоря все это, такъ близко наклонялась къ ней — и сказала рѣзко:

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ разговоровъ съ Калитовомъ Иванычемъ. И пожалуйста никогда не говорите такихъ вещей.

Пелагея Прохорова только покивала головой, какъ бы

желая этимъ выразить что ей совершенно понятна необходимость со стороны Липочки „рѣзкихъ словъ“, и что при ея опытности она не станетъ обращать на нихъ вниманія.

— Онъ ужъ давно этотъ магазинъ держитъ: отъ отца принялъ; говорятъ тысячахъ въ тридцати состоитъ теперь, продолжала она.—А главное, очень ему интересно что вы даръ имѣете. Мнѣ, говоритъ, музыка или тоже лѣные это—первое дѣло. И сколько ужъ ему невѣсть сватали, такъ вѣдь не хочетъ. Зачѣмъ, говоритъ, я стану жениться? Я при своемъ капиталѣ безъ жены гораздо больше могу развлечения имѣть. Очень, очень онъ хорошій человекъ, душенька Олимпиада Васильевна. Вотъ ужъ можно про него сказать что если полюбить, то всѣмъ обезлечить.

— Какое право вы имѣете говорить мнѣ такіа гадости! почти закричала на нее Липочка, вѣ себя отъ оскорбленія и отъ дошедшаго до крайности чувства отвращенія къ этой женщинѣ.—Я вамъ уже сказала чтобы вы не смѣли, не смѣли говорить мнѣ ничего подобнаго! повторила она, блѣднѣя и сжимая похолодѣвшія руки.

Пелагея Прохоровна тоже возвысила голосъ

— Ахъ, мать моя, что вы такъ раскричались-то! отвѣтила онъ въ узоръ.—На меня еще никто здѣсь не кричалъ, сдѣлайте одолженіе! Тоже вѣдь! Я къ ней со всею пріязнью, входя въ ея крайнее положеніе, а она вонъ какъ! Вы мнѣ, матушка, заплатите деньги-то, тогда и фанфароньте; вотъ что. А то этакихъ-то много найдется—заживутъ, задолжаютъ, да еще и не подступайся къ нимъ. Какъ же, сейчасъ!

Она встала, съ презрительнымъ видомъ потряхнувъ головой и всѣмъ своимъ тучнымъ корпусомъ.

— Деньги-то, матушка, завтрашній день приготовьте мнѣ, а то и держать больше не буду, сказала она.—Я къ вамъ со всею пріязнью, а если вы со мною такое обращеніе имѣете, такъ и мы тоже не какія-нибудь.

И съ этими словами Пелагея Прохоровна, болѣе обыкновеннаго залрокинувъ голову, вышла изъ комнаты и даже хлопнула дверью, рискуя обезлозить прочихъ своихъ жильцовъ.

VI.

Въ унизительномъ сознаніи своей совершенной безпомощности, Липочка по уходѣ хозяйки опустила на стулъ и уронивъ руки глядяа предъ собой почти безсмысленными глазами. Взглядъ упирался въ темный уголъ комнаты, и ей казалось что ея мысль тоже тонетъ въ этой темнотѣ, и не только мысль, но и вся она, съ цѣлою жизнью, съ прошедшимъ и будущимъ. Да, если она не вырвется тотчасъ, то изъ цѣлой жизни ничего нельзя слasti, кромѣ какихъ-то менужныхъ и безсмысленныхъ остатковъ.

Она должна вырваться во что бы то ни стало. Но какъ? Есть ли у нея кто-нибудь кто протянулъ бы ей руку помощи? Съ тѣхъ поръ какъ она сдѣлала свой первый самостоятельный шагъ, она чувствовала себя предметомъ какой-то всеобщей жадной эксплуатаціи. Безбѣдный, Олжанская, Стышичъ, Баламутовъ, Калитонъ Ивановичъ, Пелагея Прохорова, всѣ только и думали о томъ чтобъ эксплуатировать ее. Она какъ будто не имѣла права жить, не заплативъ выкупа каждому кто былъ или хотѣлъ быть сильнѣе ея. Эта мысль была такъ возмутительна что самая жизнь переставала привлекать.

Прошло можетъ-быть съ полчаса, а она все сидѣла въ одномъ и томъ же положеніи, напрасно стараясь осилить эту враждебную темноту, въ которую ее погружала чья-то неосязаемая власть. Въ комнатѣ тоже стало совсѣмъ темно. Машинально она отыскала спички и зажгла свою маленькую рабочую лампу. Но она знала что не можетъ ничѣмъ заняться, и мысль просидѣть предъ этою лампой долгіе часы одной съ своею тоской—почти испугала ее. Ей хотѣлось убѣжать. Она подумала объ Олжанской, но вспомнила что та говорила о какомъ-то обѣдѣ сегодня у Карича, и что слѣдовательно ея нѣтъ дома. Съ этимъ воспоминаніемъ мгновенно ожили всѣ впечатлѣнія вчерашняго вечера, и что-то тревожное, сладкое и горестное, какъ отодвинутое, но еще не обманутое ожиданіе, сжало ей сердце. Зачѣмъ было Безбѣдному добиваться этой встрѣчи? Что такое онъ хотѣлъ и не могъ сказать ей? Она думала объ этомъ все безпокойнѣе, все стремительнѣе, какъ будто боясь отстать

отъ чего-то уносившаго ее къ разрѣшенію самаго главнаго и опаснаго вопроса цѣлой жизни. Потребность не уходить отъ этого рѣшенія, а идти ему на встрѣчу представилась ей теперь до такой степени естественною и необходимою, что она не могла лгать, зачѣмъ не сказала Безбѣдному чтобъ онъ сегодня же пріѣхалъ къ ней. Развѣ пойти къ нему самой? Эта мысль кажется не имѣла никакой связи съ ближайшими мучившими ее заботами, но какъ только она явилась ей, Липочка перестала о нихъ думать, и ходя быстрыми шажками изъ угла въ уголъ, волновалась только сомнѣніемъ—застанетъ или не застанетъ она теперь Безбѣднаго. Если не застанетъ, то она рѣшилась просить его къ себѣ завтра утромъ. Она надѣла шубку и шпалку, погасила лампу, и отдавъ Федосьѣ ключъ отъ комнаты, вышла на лѣстницу.

Было то тихое время между днемъ и вечеромъ, когда Безбѣдный, если обѣдалъ дома, любилъ выкурить у себя въ кабинетѣ большую, толстую сигару и выпить маленькими глотками чашку крѣпкаго и горькаго кофе. За этимъ занятіемъ онъ отдыхалъ отъ суеты рабочаго дня, оснѣжался для болѣе легкихъ впечатлѣній предстоящаго вечера и немножко мечталъ. Молостовъ иногда заходилъ къ нему въ этотъ часъ и между ними завязывался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, какіе бываютъ только между Русскими, умѣющими очень охотно и очень хорошо спорить о томъ что въ сущности нисколько ихъ не касается. Какъ извѣстно, наше искусство въ подобныхъ разговорахъ можетъ быть сравнено только съ ихъ совершенною практическою безцѣльностью. Безбѣдный впрочемъ такъ и смотрѣлъ на нихъ и допускалъ ихъ только потому что они давали ему случай чувствовать какъ онъ хорошо говорить; но Молостовъ очевидно подозрѣвалъ въ нихъ нѣчто болѣе серьезное, волновался и почти всегда уходилъ съ непріязненнымъ и раздраженнымъ чувствомъ. Иронія молодого адвоката выводила его изъ себя, и называя ее „мѣщанскою“, а въ душѣ даже и „собачьею“, онъ втайнѣ очень завидовалъ этой способности отбрасывать отъ себя легкими щелчками все что досажаетъ и непріятно липнетъ къ человѣку.

Сегодняшній разговоръ ихъ тоже волновалъ Молостова. Безбѣдный говорилъ о женщинахъ и о томъ что онъ всегда любилъ ихъ и не понимаетъ существованія безъ женской

любви. Но несмотря на то что онъ какъ будто защищалъ романтическое отношеніе къ женщинѣ, въ томъ какъ онъ говорилъ объ этомъ было вѣчто ужасно непріятное для Молостова.

— Я скорѣе понимаю тѣхъ, сказалъ наконецъ молодой человѣкъ,—кто въ этомъ случаѣ разсуждаетъ и дѣйствуетъ просто цинически. А въ вашемъ взглядѣ даже не цинизмъ, а что-то другое — вы на женщину смотрите словно какъ.... какъ бы это сказать.... словно какъ на премію какую-то, выразился онъ.

Безбѣдный засмѣялся: ему очень понравилось это опредѣленіе.

— Пожалуй какъ на премію, я согласенъ, сказалъ онъ.

— О которой надо похлопотать?

— Да, надо найти и потомъ похлопотать. Жизнь есть конкурсъ, и все хорошее въ ней—премія; кто перегонитъ, тотъ и получитъ.

Молостовъ пожалъ плечами. „Можетъ-быть это и такъ сказалъ онъ самъ себѣ, но все-таки мнѣ отвратительно думать чтобъ это счастье достигалось тѣми же путями какъ и всякая другая принадлежность карьеры.“ И его раздражалъ не самый этотъ взглядъ, а то что Безбѣдный очевидно не понималъ того оттънка въ этомъ взглядѣ, который былъ такъ непріятенъ Молостову.

Споръ готовъ былъ возобновиться, какъ вдругъ Авеиръ, войдя на цыпочкахъ въ кабинетъ, доложилъ Безбѣдному вѣсколько таинственнымъ тономъ что его „спрашиваютъ“.

— Кто такой? отозвался съ неудовольствіемъ адвокатъ.

— Дама-съ, объяснилъ еще таинственнѣе Авеиръ.

Хотя фамилія Липочки была ему извѣстна, но онъ не зналъ слѣдуетъ ли ее называть при Молостовѣ. Безбѣдный вопросительно взглянулъ на него, и по его лицу тотчасъ догадался что ему надо встать и встрѣтить посетительницу. Вообще на Авеиру можно было положиться что онъ въ этотъ часъ не пуститъ того отъ кого можно и желательно отдѣлаться.

Въ пустой и слабо освѣщенной пріемной Липочка стояла предъ трюмо, какъ будто съ удивленіемъ оглаживая свою отраженную въ зеркалѣ фигуру и словно прислушивалась къ чему-то. Теперь, когда она пришла къ Безбѣдному и знала

что онъ дома, ей страннымъ казалось что она такъ скоро рѣшилась.

Безбѣдный, какъ только узналъ ее, радостно подошелъ къ ней на встрѣчу и поцѣловалъ ей руку.

— И сказать не могу, сколько счастья вы принесли мнѣ вашимъ посѣщеніемъ. Вчера я думалъ что вы намекали на эту возможность только для того чтобъ отдѣлаться отъ моихъ просьбъ, говорилъ онъ провожая ее въ кабинетъ.

Молоствовъ, не зная кто пришелъ и не желая быть лишнимъ, уже скрылся оттуда. Безбѣдный принялъ изъ рукъ Липочки шляпку и бережно положилъ ее на столикъ. Онъ былъ весь радостно возбужденъ ея приходомъ, и усаживая ее не могъ отвести отъ нея счастливаго и блистающаго взгляда.

— Но я зналъ что рано или поздно вы положите гнѣвъ на милость, говорилъ онъ, пододвигая ей подушку;—я бы ошибся въ васъ, еслибы думалъ что вы можете долго сердиться и быть такою злопамятною.

Липочка избѣгала встрѣтиться съ его взглядомъ и шевелила уголками рта съ такимъ видомъ какъ дѣлаютъ дѣти когда имъ стыдно что они перестали капризничать и рѣшились быть лапцаными. Ей казалось вмѣстѣ съ тѣмъ что это совѣсть не то чувство которое должно бы было напoлнять ее, и поэтому она сказала, насильно хмуря брови и стараясь дать полосу строгое и холодное выраженіе:

— Я совѣсть не потому, а оттого что вы хотѣли что-то серьезное сказать мнѣ, и мнѣ надо знать.

Безбѣдный улыбнулся и со смиреннымъ видомъ сталъ податъ ей.

— Я думаю что вы уже знаете, и еслибы не знали, то не пришли бы ко мнѣ и не стали бы говорить со мной вчера, сказалъ онъ, любясь этою строгою складкой надъ ея бровями. Онъ любилъ когда она хмурилась, потому что именно въ такіа минуты ему было особенно пріятно сознавать если не свою власть надъ нею, то свое значеніе для нея.

— Да, мнѣ казалось что вы все еще любите меня, сказала Липочка, и со страхомъ взглянула на него. Онъ отыскалъ ея руку и цѣловалъ ее, сжимая и вертя въ своей рукѣ. Его голосъ дрожалъ и обрывался, когда онъ, не оставляя ея руки, говорилъ короткими фразами между короткими, частыми поцѣлуями:

— Нѣтъ, больше чѣмъ когда-нибудь... гораздо больше... больше... Этого я и сказать не могу. Какъ я страдаю... Я и думать не могъ что бы такое со мной сдѣлалось... И вѣдь что меня заставляло страдать—вы знаете? вы понимаете это? Нѣтъ? Я вамъ объясню. Вы растрожили во мнѣ подозрѣніе, гадкое, ужасное. Я хотѣлъ знать: любите вы меня или только хотите выйти замужъ? Простите, я понимаю что это гадко. Но я не могъ пересилить себя. Когда я узналъ какъ я люблю васъ, мнѣ стало такъ страшно за мое чувство, за мое счастье. Какой-то дьяволъ шепталъ мнѣ что я выгодная партія, что меня можно любить именно за то что я выгодная партія. Не сердитесь, я знаю что было глупо и гадко такъ думать. Но это оскорбительно для меня, а не для васъ. Я бы вѣрилъ и не боялся, еслибы не такъ безумно любилъ васъ.

Съ чувствомъ радостнаго искуса, съ какимъ принимаютъ неожиданное и запрещенное наслажденіе, котораго не искали, но отъ котораго вѣтъ силъ отказаться, Липочка слушала эту безсмысленную страстную рѣчь и отдавала свои руки его поцѣлуямъ. Она понимала что эта рѣчь не была отвѣтомъ на вопросъ съ которымъ она пришла сюда, и что она даже не должна ее слушать прежде чѣмъ не узнала отвѣта на тотъ вопросъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ могло быть что въ этихъ несвязныхъ и страстныхъ словахъ заключался истинный отвѣтъ, и во всякомъ случаѣ то что въ нихъ несомнѣнно заключалось было также несказанно радостно и важно, и можетъ-быть гораздо важнѣе чѣмъ простой отвѣтъ на ея вопросъ. И тѣмъ менѣе находила она въ себѣ силъ отказаться отъ этого наслажденія, что повелъ испытанныхъ ею гадкихъ, унижительныхъ и ожесточающихъ впечатлѣній она чувствовала неодолимую и непроизвольную потребность отозваться страстно и радостно на призывъ жизни.

Комната была также слабо освѣщена одною большою свѣчаю лампой, и Безбѣдный также близко сидѣлъ около ея ногъ, какъ въ то памятное послѣднее, когда она въ послѣдній разъ была тутъ, но она безо всякаго ужаса замѣчала это сходство. Она какъ будто потеряла способность пугаться и тревожиться. Въ тепломъ воздухѣ еще чувствовалась маркотическій запахъ недавно выкуренной сигары, и этотъ запахъ, вмѣстѣ съ ощущеніемъ нервной усталости, какъ бы струившимся по ея тѣлу, располагалъ ее къ

какому-то странному состоянію беззаботности и покорности чему-то счастливому и сладкому, тихо и ласково надвигавшемуся на нее. Въ этомъ состояніи все что она видѣла и испытывала здѣсь имѣло только одно значеніе—совершенной противоположности съ ея жизнью вѣкъ этой комнаты, вѣкъ этого теплаго лахучаго воздуха, вѣкъ этой близости Безбѣднаго. Ни долга Пелагеѣ Прохоровѣ, ни неудачныхъ поисковъ за уроками, ни наглости Стышича и Баламутова, ни гадкаго ухаживанья Калитона Ивановича—ничего этого не было, а было совершенно другое, радостно и ласково вѣявшее на нее вѣтъ тѣмъ что она любила.

VII.

Авениръ явился доложить что въ столовой приготовленъ чай. Онъ зналъ что когда у Безбѣднаго были дамы, то онъ любилъ чтобы чай былъ сервированъ съ совершенно семейною обстановкой.

— Но я не знаю... вы всегда вечеромъ гдѣ-нибудь бываете; я не хочу васъ задерживать, сказала Липочка.

Безбѣдный торопливо увѣрилъ ее что онъ никуда не собирается и что для него величайшимъ наслажденіемъ будетъ провести вечеръ съ нею. Липочка не возражала—ей самой очень не хотѣлось уѣзжать.

— Сергѣя Михайловича прикажете просить? осведомился Авениръ.

— Да, разумѣется, отвѣтилъ Безбѣдный.

Появленіе Молостова какъ будто заставило Липочку почувствовать недовѣсть всего того что она дѣлала и что дѣлалось здѣсь. Она припомнила объ ихъ встрѣчи—за завтракомъ у Безбѣднаго и потомъ когда онъ заходилъ къ ней по порученію отца и сообщалъ о происхожденіи денегъ полученныхъ ею отъ Олжанской. Несмотря на то что при послѣдней встрѣчѣ они ближе и дружественнѣе сошлись чѣмъ до тѣхъ поръ, ей сегодня непріятны были оба эти воспоминанія, и какъ тогда, такъ и теперь она ясно чувствовала что все касающееся ея отношеній къ Безбѣдному возбуждаетъ въ Молостовѣ нѣчто враждебное и отрицательное. Это былъ какой-то таинственный токъ, вліяніе котораго она неострашимо ощущала и никакъ не могла

устранить отъ себя. Но всего непріятнѣе было для Липочки сознавать что всякій малѣйшій отгнѣокъ въ ея отношеніяхъ къ Безбѣдному въ то же мгновеніе становится совершенно понятенъ и ясенъ этому молчаливому молодому человѣку, который не только не давалъ себѣ труда наблюдать за нею, но даже самъ повидимому тяготился тѣмъ что все тайнѣ происходившее между нею и Безбѣднымъ для него такъ понятно и ясно. Даже то что еще не выяснилось ей самой, объяснялось ей когда она взглядывала въ его быстрые каріе глаза или прислушивалась къ тону его голоса. Эта непрощенная, насильная и тайная связь, соединявшая Молостова съ ними обоими, до крайности раздражала Липочку и возбуждала въ ней опять то самое враждебное чувство къ нему, которое она уже испытывала при прежнихъ встрѣчахъ.

— Вы сдѣлаете намъ честь—хозяйничать? предложилъ Безбѣдный, окидывая довольнымъ взглядомъ столъ, на которомъ Авериръ разставилъ невѣроятное количество тарелочекъ, блюдцевъ, корзинокъ и всякой всячины. Эта изысканная сервировка, какъ и все касающееся комфорта и представительности, имѣла въ глазахъ Безбѣднаго большую цѣну.

Липочка улыбаясь сѣла у самовара и стала разливать чай. Ей самой очень нравилось хозяйничать за такимъ изящнымъ столомъ, и не только потому что онъ былъ хорошо сервированъ, но и потому что чувство наполнявшее ее независимо отъ враждебнаго отношенія къ Молостову располагало ее особенно радостно принимать всѣ впечатлѣнія.

Наливая чай она ни разу не взглянула на Молостова, но чувствовала на себѣ его взглядъ и знала что это былъ все тотъ же взглядъ холоднаго и почти оскорбительнаго недоумѣнія, которымъ онъ встрѣтилъ ее. „Ну и прекрасно, и пускай, и все-таки ему нѣтъ никакого дѣла“, думала она, мысленно отвѣчая на этотъ взглядъ. „И почему онъ можетъ знать зачѣмъ я здѣсь? Что онъ можетъ такое предполагать? Онъ цѣлый мѣсяцъ не видалъ меня, хотя я приглашала его бывать, и мнѣ нѣтъ никакой надобности обращать на него вниманіе.“

— Откуда у васъ столько порядка? можно подумать что какая-нибудь невидимая фея заведуетъ вашимъ хозяйствомъ, смѣясь сказала она Безбѣдному, подвигая ему стаканы.

Евгеній Савичъ съ довольнымъ видомъ погладилъ свою шелковистую бороду.

— Увы, фея только мимолетно проходить здѣсь со своимъ волшебнымъ жезломъ, отвѣтилъ онъ тѣмъ же шутивнымъ тономъ, предоставляя понять или не понять особый смыслъ заключавшійся въ этихъ словахъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавилъ серьезно и почти грустно:

— Мнѣ завидуютъ что я такъ хорошо устроился; но я почти не пользуюсь своею обстановкой и не живу дома, потому что этотъ домъ пустъ и въ немъ нѣтъ души. Жизнь украшаетъ только женщина.

— Что жъ, объ этомъ можно „похлопотать“, сказалъ съ удареніемъ Молостовъ, намекая на только-что бывшій у него съ Безбѣднымъ разговоръ, и вдругъ покраснѣлъ отъ подавлявшагося въ немъ враждебнаго чувства.

Но Липочка не могла понять этого намека и съ недоумѣніемъ видѣла какъ вспыхнуло его лицо. Только взглянувъ на Безбѣднаго и замѣтивъ тѣмъ внезапно пробѣжавшую въ его глазахъ, она догадалась что сказанное Молостовымъ было враждебно установившемуся между нею и Безбѣднымъ и такому радостному для нея отношенію. Ощущеніе этого отрицательнаго тона было такъ сильно и непріятно что она тоже покраснѣла, какъ будто враждебность, вызвавшая краску на лицѣ Молостова, отразилась въ ней самой такимъ же враждебнымъ волненіемъ. Но это осторожнее, непріятное ощущение быстро возвратило ее къ тому главному, радостному и неотразимому чувству, которое наполняло ее всю. Ей казалось что она еще слышитъ повторенные звуки страстной и нѣжной музыки, звенѣвшей въ словахъ Безбѣднаго, когда онъ, съ усиленіемъ отрываясь отъ ея руки, говорилъ, какъ безумно любить ее и какъ боится потерять свое счастье. Теперь онъ припоминалъ ей обстоятельства ихъ вчерашней встрѣчи, смѣялся до поводу Кокко и по поводу нѣжности Олжанской къ своему „старичку“, но Липочка понимала что все это говорится только потому что здѣсь присутствуетъ постороннее лицо, а втайнѣ между ними продолжается все тотъ же прежній разговоръ и несдынная постороннему уху музыка раздражаетъ воздухъ, наполненный деселыми отблесками хрустала и позолоты. Она улыбалась, зная что даже при чужомъ членовѣ Безбѣдный продолжаетъ ненасытно любоваться ею, и

когда взгляды ихъ встрѣчались, онъ видѣлъ на ея лицѣ опять то же выраженіе покорности чему-то тихо и ласково надвигавшемуся на нее, которое онъ понималъ въ кабинетѣ.

Молоствовъ, допивъ второй стаканъ, всталъ и сказалъ что ему надо заняться у себя. Ему на это ничего не отвѣтили, но онъ не уходилъ и раскачивая руками спинку стула, глядѣлъ на нихъ обоихъ. Онъ какъ будто ожидалъ чтобъ они оба тоже встали и чтобъ объяснилось увидѣть ли Липочка сейчасъ или еще останется. Это такъ ясно выражалось и въ его позѣ, и въ его взглядѣ что обоимъ на минуту стало какъ будто неловко и безпричинно-грустно. Наконецъ Липочка спросила, который часъ. Безбѣдный посмотрѣлъ на нее умоляющими глазами.

— Развѣ вы хотите сейчасъ уѣзжать? сказалъ онъ.—Вы обѣщали провести у меня вечеръ. Я не отпущу васъ.

Липочка только улыбнулась, и на этотъ разъ выраженіе покорности, остановившееся на ея лицѣ, странно поразило Молостова. Онъ потушился, какъ будто ему мучительно и стыдно было сознавать въ себѣ эту сверхъестественную чувствительность ко всему что тайно происходитъ между немъ и Безбѣднымъ.

Липочка неуверенною походкой, сглядываясь, останавливаясь какъ будто затѣмъ чтобы взглянуть на попадавшіеся ей на пути вещи, прошла въ кабинетъ. Она дѣлала какъ дѣти, когда желаютъ показать что они не прямо пошли туда куда имъ хотѣлось, а попали сами собою, переходя изъ одного угла въ другой. Смущеніе, подмѣченное ею на лицѣ Молостова, передалось ей самой и непріятно тѣснило ее. Хотя она простилась съ нимъ и знала что его уже нѣтъ въ столовой, она все еще кажется чувствовала за собой его взглядъ и видѣла его нервное, смуглое лицо, имѣвшее способность такъ странно ее раздражать своею молчаливою выразительностью.

Когда она была наконецъ опять вдвоемъ съ Безбѣднымъ, она съ удивленіемъ замѣтила что волновавшее ее неопредѣленное и радостное ожиданіе чего-то вдругъ исчезло въ ней. Какъ всегда то что достигается послѣ долгихъ отяжекъ и разочарованій теряетъ свою цѣну и представляется не стоящимъ испытанныхъ мукъ и волненій, такъ и теперь ей казалось что ощущаемое нѣсколько минутъ назадъ счастье кѣмъ-то безжалостно и безцѣльно испорчено. Она

вѣдь только возвращалась къ тому что было когда она въ первый разъ сидѣла рядомъ съ Безбѣднымъ на этомъ самомъ диванѣ и знала что онъ ее любитъ. За что же она должна была пережить долгія недѣли отчаянія, скорби и униженія? При этой мысли съ поразительною и противною ясностью возникала предъ ней вся пріобрѣтенная обстановка жизни, съ Пелагеей Прохоровной и ея опротивѣвшему компаньонъ, съ долгами, съ Федосеей, со тщетными поисками уроковъ, съ визитами пьянаго Баломутова и съ угрозами Стышича на счетъ какихъ-то неприяностей. Она пользуется только короткими минутами счастья, украденными у этой жизни. Завтра, когда она проснется, предъ ней встанетъ все та же забота о насущномъ хлѣбѣ, все та же борьба съ жадными и наглыми притязаніями...

Она прислонилась къ подушкѣ и опустивъ голову, согнувшись и закрывъ лицо руками, вдругъ заплакала. Слезы медленно выжимались изъ глазъ и щекотали кожу. Безбѣдный попробовалъ осторожно отнять ея руки; она со злобой дернула плечомъ, опрокинулась на спину и, продолжая пальцами морщить и давить кожу на лбу, плакала все такими же медленно накоплявшимися, ѣдкими слезами. Безбѣдный совсѣмъ растерялся и не зналъ чѣмъ объяснить этотъ внезапный припадокъ. Опустившись подлѣ нея на коверъ, онъ наклонился къ ней и машинально прикоснулся губами къ ея рукѣ. Рука была мокрая и онъ почувствовалъ соленую горечь слезъ, простулившихъ сквозь сжатые пальцы. Опрокинутая голова быстро и слабо вздрагивала. Онъ осторожно гладилъ рукой разстроившіеся темные волосы и говорилъ какія-то нѣжныя и ласковыя слова, въ которыхъ вѣроятно было не очень много смысла, да онъ и не заботился о томъ.

Липочка открыла лицо, повернула къ нему немножко голову и взглянула на него блестящими, углубившимися глазами. Онъ почувствовалъ что ея маленькія, еще мокрыя руки дотронулись до его шеи, головка ея приподнялась и губы ихъ встрѣтились. У него захватило дыханіе, и странное состояніе забвенія заволокло все. Все предыдущее, все окружающее, все постоянно присутствующее въ мысли какъ-то разомъ пропало. Только, какъ сквозь туманъ, онъ сознавалъ что въ этомъ блестящемъ взглядѣ, въ этомъ

медленно разгоравшемся поцѣлуъ не было ничего радостнаго, а было что-то необъяснимое, утомляющее и жуткое.

Лилочка вдругъ поднялась, взглянула на него, улыбнулась и снова опустила голову на мягкій валежъ дивана. Безбѣдный свѣз подлѣ нея и глядѣлъ на нее немигающими глазами.

— Я теперь знаю какъ я васъ люблю... проговорилъ онъ съ какою-то странною, почти злобною нотой въ голосѣ.

Лилочка съ усиленіемъ приподняла голову, словно стараясь ближе заглянуть въ его измѣнившееся лицо, и снова уронила ее. Слабый трепетъ подергивалъ ее разомкнутыя губы и опущенныя рѣсницы....

Вернувшись уже поздно ночью домой, она ласково извинилась предъ разворочавшеюся за такое безпокойство Федосеей и тихо прошла въ свою комнату. Не зажигая свѣчи, въ темнотѣ, беззвучно и ловко, съ бессознательною точностью всѣхъ движеній, она раздѣлась, распустила волосы и уложила куда слѣдуетъ всѣ свои вещи. Тѣми же осторожными, слорыми движеніями она приготовила постель, разстегнула ботинки и со слабымъ стукомъ скинула ихъ на полъ. Ложась она не забыла еще разъ, какъ это всегда дѣлала, высоко взбить подушку и ощущать есть ли подъ нею платокъ. Но какъ только свѣжій холодъ наволоочки коснулся ея горячей щеки, она вдругъ поднялась на постели и большими, раскрытыми глазами посмотрѣла въ темноту. Нетоппенный воздухъ непріятно щекоталъ ея обнаженныя плечи; она не замѣчала что ей холодно, и обнявъ колѣни неподвижно сидѣла въ своей неудобной позѣ, занятая чѣмъ-то страннымъ и сложнымъ, представлявшимъ ея взгляду. Лицо ея пылало и на разомкнутыхъ губахъ блуждала неопредѣленная, какъ будто недоумѣвающая улыбка. Наконецъ, словно понявъ что окружающая ее темнота еще недостаточно темна, она закрыла лицо руками и бросилась на подушку.

VIII.

Медовый мѣсяцъ Кокѣ и Полины близился къ концу, и они до нѣкоторой степени могли уже опредѣлить отношенія въ какія стали другъ къ другу и къ слагавшейся для

ихъ жизни. Посторонній человѣкъ, наблюдая ихъ нѣсколько времени, сказалъ бы что это супружество отличается отъ другихъ главнымъ образомъ тѣмъ что въ немъ недостаетъ мужскаго элемента. Дѣйствительно, въ ихъ внутреннемъ быту, въ ихъ обстановкѣ, въ томъ къ чему они оба стремились и чего они оба требовали отъ жизни, отсутствовали самые обыкновенные и необходимые признаки мужскаго ума и мужской воли. Какъ, точно такъ же какъ и Полина, понимала жизнь только подъ условіемъ совершенно пріятной и легкомысленной праздности, какъ женщина никогда не тяготилась обществомъ самыхъ ненужныхъ ему людей и какъ женщина считала что тайна познанія добра и зла заключается въ умѣнн въ всѣхъ случаяхъ жизни сохранить точку зрѣнія человѣка враждующаго въ свѣтѣ. Ему не приходило въ голову чтобы можно было, не теряя преимуществъ свѣтскаго человѣка, трудиться надъ практическими задачами жизни, упрочивать свое матеріальное положеніе, обезпечивать будущность семьи. Такъ какъ у него теперь были деньги, то онъ ихъ тратилъ очень пріятно и по его мнѣнію очень умно, потому что тратилъ ихъ не такъ какъ сталъ бы тратить извозчикъ, нашедшій у себя въ саяхъ оброченный бумажникъ. А когда денегъ у него не было, онъ думалъ что надо достать ихъ, но думалъ опять совершенно по-женски, т.-е. въ той формѣ что кто-то почему-то долженъ ему дать ихъ, или что надо бы налестъ на какую-нибудь необыкновенную спекуляцію, которая бы вдругъ, именно за то что онъ напалъ на нее, доставила ему сто тысячъ.

Полина все это очень хорошо понимала въ своемъ мужѣ, но мысль что въ ихъ супружествѣ нѣтъ мужскаго элемента не приходила ей въ голову, а напротивъ всѣ женскія качества Кокъ представлялись ей въ первое время большимъ удобствомъ. Она видѣла что ихъ желанія и вкусы во многомъ сходятся, что мужъ не только не тяготится легкомысленною и разсѣянною жизнью, которой она искала, но даже самъ не понимаетъ никакой другой жизни, и въ этомъ она признавала свое преимущество предъ другими женами. Притомъ Кокъ былъ пока такъ добръ и предупредителенъ съ нею что она не имѣла никакого повода къ неудовольствію, и хотя знала что въ обществѣ его считаютъ пустымъ и глупымъ человѣкомъ, но не чувству собственности

хотѣла увѣрить себя что онъ вовсе не лустѣ и не гаулѣ множества другихъ людей. Ее смущало только то что несмотря на такое легкое сближеніе съ мужемъ, происходившее именно потому что у него была женская точка зрѣнія на жизнь, она сознавала себя равнодушною къ нему. Это сознание равнодушія удивляло ее, потому что она считала себя вовсе не холодною женщиной, и чувствовала что даже вопреки равнодушію въ ней все сильнѣе сказывается тайно напрягающаяся сила жизни.

Она хотя была гораздо умнѣ своего мужа, не считала своимъ дѣломъ взять въ руки серьезную сторону положенія. Она знала что если Кокѣ ничего не будетъ приобретать, и оба они будутъ тратить тѣ деньги которыя она получила отъ матери, то денегъ этихъ хватить не надолго. Но она знала также что иначе поступать невозможно, потому что процентами жить нельзя. Она вышла замужъ чтобъ избавиться отъ стѣснительныхъ условій жизни съ отцомъ и пользоваться свободой, а трата денегъ составляла первое и необходимое условіе свободы. Когда Кокѣ нанялъ восемь комнатъ на отличной и дорогой улицѣ и призвалъ Лизерѣ чтобъ уговориться насчетъ отдачи, она понимала что этотъ расходъ непомѣрно превышаетъ ихъ средства, но что обойтись безъ него невозможно, потому что надо же обставить свою жизнь прилично. И когда Лизерѣ послѣ краткаго совѣщанія опредѣлялъ свои услуги въ латнацать тысячъ, она понимала что эта сумма составляетъ болѣе половины ея капитала, но что надо согласиться. Когда Кокѣ нанялъ великолѣпные экземпляры лакеевъ и камеристокъ, Полина сознавала что это дорого, но что имѣть такую прислугу необходимо. Экипажи и лошади, нанятые по-мѣсячно, тоже стоили дорого, но зато были хороши; туалеты отъ Бризакъ поглощали неимоверныя суммы, но вѣдь ей къ свадьбѣ ничего не шили. Вообще денегъ уходило ужасно много, но Полина не вилѣла никакого способа избѣжать этой неприятности. Притомъ сознание что она сдѣлала незавидную партію и что мужъ ея не имѣетъ никакого положенія обязывало ее обставиться какъ можно роскошнѣе и показать всѣмъ не одобрявшимъ ея замужества что она живетъ отлично.

Сдѣлавъ всѣ визиты, побывавъ съ лихорадочною торопливостью на нѣсколькихъ балахъ и спектакляхъ и купивъ

во всевозможныхъ магазинахъ массу нужныхъ и ненужныхъ, но одинаково дорогихъ вещей, молодые супруги пришли къ заключенію что пора открыть пріемы у себя. По размысламъ и по характеру своей квартиры они рѣшили что лучше всего начать небольшими обѣдами, небольшими по числу приглашенныхъ, но очень большими по количеству денегъ которое предполагалось на нихъ изстратить.

Кокѡ въ утренней жакеткѣ и башмакахъ прохаживался взадъ и впередъ по кабинету жены и обсуждалъ съ нею кого на первый разъ пригласить. Главное затрудненіе представлялъ старый князь Бакшеевъ. Отношенія къ нему новобрачныхъ еще не совсѣмъ опредѣлились. Дней черезъ пять послѣ свадьбы они ѣздили къ нему, но не были приняты. Отъ сестеръ Полина узнала что отецъ вопреки ожиданію совсѣмъ не шумить, но и не заговариваетъ о ней; едва ли это могло считаться хорошимъ признакомъ. Немного спустя Кокѡ встрѣтился съ нимъ въ клубѣ и старый князь очень спокойно поздоровался и даже обратился къ нему съ какимъ-то незначительнымъ вопросомъ, но такъ какъ будто даже и не зная что дочь его обвиняена съ нимъ. Кокѡ, приговоренный скорѣе къ бурной сценѣ и уже порядкомъ струхнувшій, былъ до такой степени пораженъ этимъ обращеніемъ что цѣлый вечеръ оставался съ вылученными глазами и даже не съѣлъ играть. На другой день онъ впрочемъ со свойственною ему увѣренностью рѣшилъ что старикъ въ немъ заискиваетъ и отправился къ нему самъ, но опять не былъ принятъ.

— Я пошлю ему приглашеніе въ письмѣ; какъ онъ хочетъ такъ и сдѣлаетъ, сказала Полина.

— Очень непріятно будетъ если не прійдетъ, стануть говорить что мы въ ссорѣ и что ты не получишь свою часть, процѣдилъ Кокѡ, шлепая по ковру башмаками.

— Кому какое дѣло до этого? сказала Полина.

— Я удивляюсь какъ ты не понимаешь этого? возразилъ Кокѡ, очень вѣрно сообразившій что отношенія съ тестемъ, котораго всѣ считали солидно-богатымъ, важны для его личнаго кредита.

— Ты напѣши, а я кромѣ того поѣду къ нему.

— Не приметъ.

— Я вызову Алину и потомъ проберусь къ старику.

т. еххху.

Полина пожала плечами какъ бы выражая что ей все равно, но что она не надѣется на успѣхъ. Кокдъ, рѣшивъ съ этимъ вопросомъ, сѣлъ.

— Мой лала разумѣется будетъ. Очень хорошо вышло что татап теперь нездорова и не выѣзжаетъ, она была бы совершенно лишняя, прощѣдилъ онъ.

Полина не возражала и въ душѣ была совершенно съ этимъ согласна.

— Вообще съ дамами трудно, сказала она.—Олжанскую конечно надо звать, она самая удобная. Но потомъ?

— Постой, сосчитаемъ прежде мушницъ, перебилъ оживляясь Кокдъ.—Надо съ большимъ разборомъ. Пала—разъ. Онъ не испортитъ. Хорошо бы Карича, но нельзя.

— Нельзя, подтвердила Полина.—Безбѣднаго надо непременно.

Она взглянула на мужа, понимаетъ ли онъ почему это непременно надо? Но Кокдъ былъ занятъ собственными соображеніями.

— Пожалуй... согласился онъ; — но главное, надо кого-нибудь особеннаго. Что-нибудь блестящее, чтобы стоило.

Полина назвала нѣсколько лицъ, но для каждаго оказывалось какое-нибудь препятствіе.—Волынского? припомнила она наконецъ съ сомнѣніемъ.

Волынскій былъ еще очень не старый тайный совѣтникъ и занималъ важное мѣсто по службѣ и видное положеніе въ свѣтѣ. Разумѣется очень бы хорошо было еслибъ онъ пріѣхалъ.

— Я напишу ему, ужъ я знаю, сказала Полина.—Но для него надо пригласить маленькую Зизи Безрукову, она ему нравится. И она премилая. Если послѣ обѣда сядутъ въ карты, она тоже. И мужъ ничего. А барона Грабена ты забылъ?

— Гм... произнесъ задумчиво Кокдъ.—И старую баронессу?

— Что жъ, это было бы очень хорошо. Она придастъ тонъ. Только едва ли пріѣдетъ.

— Ты съѣзди сама. Но я думаю надо еще кого-нибудь особеннаго, знаешь, какую-нибудь знаменитость. Развѣ попробовать позвать Флютенталя, а?

Флютенталь былъ извѣстный всему Петербургу и даже всему свѣту лѣвиствъ. Онъ только-что возвратился изъ Америки, гдѣ давалъ концерты и собралъ, какъ говорили въ музыкальномъ мірѣ, сто тысячъ долларовъ.

— Ахъ, да! сказала Полина, слегка даже вспыхнувъ при мысли принимать у себя Флютенталя.—Но прійдетъ ли онъ?

— Разумѣется прійдетъ. Я игралъ съ нимъ на бильярдѣ.

Молодые хозяева пересчитали еще разъ всѣхъ кого рѣшили пригласить и нашли что это будетъ совершенно блестящее общество.—Объ этомъ будутъ говорить, сказалъ Кокѡ, неестественно выликая нижнюю губу и позвавъ повара, перешелъ къ обсужденію самаго обѣда.

На другое утро, заливъ баранью котлетку двумя стаканами отличнѣйшаго масон, онъ отправился къ тестю. Благодаря ли доброкачественности вина, или волшебствіе беззаботно-счастливаго настроенія, владѣвшаго имъ во весь этотъ періодъ пріятной траты жениныхъ денегъ, Кокѡ находился въ отличномъ и предпріимчивомъ расположеніи духа. Ему представлялось съ удивительною ясностью все что онъ скажетъ тестю, и даже тѣ жалкія слова, которыя будетъ говорить старый князь, ловко прижатый къ стѣнѣ. „Какъ бы то ни было, а все-таки я женатъ на Полинь—это фактъ“, мысленно объясняя онъ кому-то, играя тросточкой.

„Да, фактъ“, повторилъ онъ, остановившись на противоположной сторонѣ предъ домомъ Бакшеевыхъ и ловко подбросивъ къ глазу монокль, въ надеждѣ увидѣть которую-нибудь изъ княженъ въ окнѣ. Дѣйствительно, сквозь слегка запущенное снѣгомъ стекло онъ разглядѣлъ круглое лицо Надины и показалъ знаками что пойдетъ на лѣстницу. Ему кивнули головой. Онъ перешелъ черезъ улицу и взбѣжалъ во второй этажъ. Дверь долго не отворялась—вѣроятно Надина любѣжала прежде разказать сестрѣ. Наконецъ боля осторожно стукнулъ и кругленькая фигура княжны, съ любопытнымъ и радостно-взволнованнымъ лицомъ, показалась на лѣстницѣ.

— Палѣ дома! сказала она быстрымъ шепотомъ;—но онъ въ кабинетѣ, а могу провести васъ въ нашу комнату.

— Что жъ, отлично, отвѣтилъ Кокѡ и сталъ снимать пальто. Надина замахала на него руками.

— Что вы, какъ можно! идите въ пальто! Вдругъ палѣ зайдетъ въ переднюю и увидитъ!

— Ну, а вовсе не боюсь, сказалъ Кокѡ, вѣшая пальто и направляясь черезъ гостиную въ комнату сестеръ. Но Надина схватила пальто и съ ужасомъ потащила въ спальную.

Алина, раскрасѣвшаяся и даже растрепавшаяся отъ страха, влѣхнула Кокѡ въ комнату и захлопнула дверь.

— Ну что же? что Полина? что у васъ? спрашивала она. Отъ волненія у нея на губахъ вздувались и лопались мокрые пузырьки.

— Отлично, сказалъ Кокѡ, съ особеннымъ и страстнымъ вниманіемъ разглядывая худую Алину и толстененькую Надину. Ему теперь, когда онъ былъ мужемъ изящной Полины, какъ будто забавно было сравнивать ихъ фигуры съ красотой сестры.—Мы совсѣмъ устроились. Все отъ Лизерѣ.

— Я воображаю какъ хорошо, сказала со слабымъ вздохомъ старшая.—Знаешь, Надина, когда лапѣ уѣдетъ въ клубъ, мы слетаемъ на одну минуточку.

— Только не въ четвергъ, у насъ будетъ маленькій обѣдъ, объяснилъ Кокѡ.—Ну, а какъ лапѣ? Я его видѣлъ въ клубѣ, онъ былъ очень любезенъ со мною. Самъ первый заговорилъ и спрашивалъ какъ разыграть игру. Но у него было четыре козыря, разумеется штрафъ. Въ сибирку.

— О! сказали обѣ княжны, относя впрочемъ это восклицаніе не къ тому что съ четырьмя козырями надо ставить штрафъ. И вдругъ, повинувшись непреодолимой потребности, разомъ, не уступая другъ другу, разказать все что занимало ихъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль со свѣдѣбы сестры, принялись неудержимо и взволнованно выбрасывать все накопившееся въ ихъ домашней хроникѣ. Кокѡ это забавляло, а въ особенности то что въ волненіи онѣ совсѣмъ налѣзали на него и трогали его руками. Такая совершенно новая близость отношеній очень занимала его и онъ продолжалъ внимательно разглядывать толстененькую Надину. „Конечно не то что Полина, но и она... тоже въ своемъ родѣ,“ думалъ онъ, весьма разсѣянно слушая ихъ торопливую болтовню.

Старый князь, привлеченный внезапно раздавшеюся трескотней дѣвичьихъ голосовъ, вышелъ въ гостиную и остановился предъ дверью. Княжны больше чутьемъ чѣмъ слухомъ слышали его приближеніе и страшно перепугались. Ихъ мыслямъ было не теряя ни минуты перетащить Кокѡ другою дверью въ спальную и оттуда выпроводить по черной лѣстницѣ. Но Кокѡ, вмѣсто того чтобы послѣдовать ихъ совѣту, быстро распахнулъ дверь въ гостиную и очу-

тился лицомъ къ лицу со старымъ княземъ. Княжны замерли за его спиною.

— Bonjour, сказалъ Кокò, изящно склоняя голову.

Старикъ окинулъ его вслухнувшимся взглядомъ, но искры тотчасъ погасли въ его глазахъ, и лицо послѣ пробѣжавшей въ немъ мгновенной судороги приняло окаменѣлое и спокойно-презрительное выраженіе.

— Здрагствуйте, выговорилъ онъ.

— Я у васъ уже былъ два раза и опять пришелъ, потому что по-моему намъ вовсе незначѣмъ ссориться, и я поступилъ какъ честный человѣкъ, продолжалъ Кокò.

Князь взглянулъ на Алину.

— Чтò онъ такое говорить? спросилъ онъ.

Алина не отвѣчала.

— Ну, перестаньте пожалуста, сказалъ Кокò.—Это хорошо въ свое время. Я пришелъ просить васъ къ намъ обѣдать. Право.

— Я не обѣдаю въ гостяхъ, старъ очень, отвѣтилъ князь.

— Ну, бываєте же въ клубъ! возразилъ Кокò.—Полина тоже очень проситъ, она писала къ вамъ. Право.

Старикъ прищурился на него и на дочерей.

— Я что-то не понимаю: Полина пишетъ—просить къ себѣ; вы къ себѣ. Какъ же это? сказалъ онъ.

— Пс, точно вы не знаете. Я женился.

— А! сказалъ князь.

— На Полину.

— А! повторилъ князь, продолжая ядовито щуриться.—Разумѣется я не зналъ. Откуда же мнѣ знать?

Кокò, неприготовленный именно къ такому фарсу, засмѣялся сквозь зубы.

— Vous, quelle blague, сказалъ онъ.—Это фактъ. Я очень счастливъ что женился на вашей дочери.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! отрѣзалъ князь, и вдругъ повернувшись на низенькихъ каблучкахъ, спѣшною подрагивающею походкой вышелъ изъ комнаты.

Кокò пожалъ плечами. Княжны, блѣдныя и серьезныя, глядя на него и другъ на друга.

IX.

Въ четвергъ, когда Полина ужъ занялась туалетомъ чтобы встрѣтить приглашенныхъ къ обѣду гостей, обѣ сестры неожиданно пріѣхали къ ней и не раздѣваясь вбѣжали въ ея уборную. По ихъ перепуганнымъ лицамъ Полина догадалась что дома что-нибудь случилось.

— Ахъ, Полинъ, еслибы ты знала! воскликнули обѣ онѣ, не интересуясь даже оглянуться.

Полина усадила ихъ и просила' разказать. Перебивая другъ друга, сестры сообщили что старый князь пропалъ. Въ тотъ день когда Кокѣ былъ у нихъ, онъ не вышелъ къ обѣду и вообще не показывался никому на глаза кромѣ Сиклитея, а поутру исчезъ, не сказавъ никому ни слова и не сдѣлавъ никакихъ распоряженій. Только Сиклитей, подававшей ему чай, онъ объяснилъ что такъ какъ воля его не уважается и дочери прячуть у себя въ комнатахъ его враговъ, то онъ не хочетъ больше жить въ домѣ и предоставляетъ дѣтей ихъ собственной участи. Княжны, привыкшія къ капризамъ отца, сначала не обратили вниманія на эту угрозу, но такъ какъ онъ не вернулся ночевать, то весь домъ всполошился, и на другое утро онѣ послали управляющему въ деревню телеграмму, прося сообщить не пріѣхалъ ли туда князь. Сейчасъ полученъ былъ отъ управляющаго отвѣтъ въ такихъ словахъ: „Будьте покойны, не тревожьтесь, при первой возможности лишу ночью.“ Телеграмму эту княжны взяли съ собой и показали сестрѣ.

— Разумѣется онъ тамъ, сказала Полина.

— Но отчего же управляющій не отвѣтилъ прямо на вопросъ? тревожилась Алина.—Я боюсь чтобы не случилось несчастія. Онъ взялъ съ собой всѣ деньги и билеты. Ящикъ гдѣ они лежали отпертъ и тамъ ничего нѣтъ.

Полина пожала плечами.

— Я давно говорила что надо просить объ олектѣ, сказала она;—въ одно прекрасное утро мы всѣ проснемся нищими.

Алина достала платокъ и заплакала. Надина, которую до сихъ поръ болѣе занимало чѣмъ пугало исчезновеніе отца, глядя на сестру тоже заплакала. Кокѣ, уже одѣтый во

фрактъ, пришелъ торопить жену. Онъ очень удивился, заставъ тамъ княжъ, и узнавъ въ чемъ дѣло совѣтъ позелѣлъ.

— Отчего же вы не дали знать раньше? Я бы обратился къ полиціи, сказалъ онъ;—да и теперь надо сейчасъ просить разыскать его и отобрать деньги. Ясно что онъ не въ полномъ разсудкѣ.

Полина посовѣтовала еще разъ телеграфировать къ управляющему и требовать точнаго отвѣта. Алина нѣсколько успокоилась на этой мысли и уѣхала съ сестрой. Кокò ходилъ взадъ и впередъ мимо жены, доканчивавшей туалетъ, и говорилъ по-французски, такъ какъ тутъ была горничная:

— Признаюсь, очень хорошо! очень пріятно! Недостаетъ чтобъ его ограбили или чтобъ онъ провалился съ деньгами сквозь землю. И потомъ, почему я знаю что онъ взялъ ихъ съ собою? Можетъ-быть кто-нибудь уже послѣ него взломалъ ящики. Надо быть сумасшедшимъ чтобы держать все это дома. Твои сестры должны отвѣтить. Если деньги пропали, то я отберу домъ.

— Но вѣдь это еще не твои деньги, еслибы даже и пропали! сказала съ досадой Полина.

— Но тамъ твоя часть, настаивалъ Кокò.

— Я вовсе не знаю какъ пала объ этомъ думаетъ. Мои деньги тѣ которыя я получила отъ матери.

— Очень ихъ много, фыркнулъ Кокò.

— Во всякомъ случаѣ больше чѣмъ у тебя, сказала Полина.

— Я и не общалъ что у меня будутъ деньги. Но ты прямо ручалась что когда мы женимся, твой отецъ не станетъ лишать тебя приданаго. Это было сказано именно въ тотъ день когда я дѣлалъ предложеніе.

Полина не могла отрицать что дѣйствительно говорила что-то такое. Тогда она была увѣрена что отецъ именно такъ сдѣлаетъ. Ей и теперь казалось невозможнымъ чтобъ онъ окончательно лишилъ ее состоянія. Но злость Кокò, происходившая изъ такихъ матеріальныхъ побужденій, и тонъ которымъ онъ говорилъ съ нею, оскорбляли ее. Она отпустила горничную, оглянула себя съ ногъ до головы въ зеркалъ и повернулась къ мужу.

— Излишняя откровенность иногда бываетъ отвратительна, сказала она презрительно и холодно.

— Да, да, это хорошо говорить такія фразы, возразилъ съ несвойственнымъ ему оживленіемъ Кокѡ; — но я не позволю провести себя. Почему я знаю, можетъ-быть твои сестры сами вытацили деньги. Я былъ дуракъ что не объяснился со старымъ княземъ раньше свадьбы. Но все равно, я знаю что я сдѣлаю. Я не дамъ себя надуть. Этакъ пожалуй всѣ станутъ выдавать дочерей тайно, чтобы потомъ отказать въ приданомъ.

Изящное лицо Полины было блѣдно. Рѣзкое слово готово было сорваться съ ея губъ, но Кокѡ показался ей такъ гадокъ и жалокъ и такъ неизмѣримо далекъ отъ нея въ ту минуту что было бы униженіемъ бросить ему просившееся на языкъ грубое слово. Обманъ, въ которомъ она почти насильно держала себя, потому что ей хотѣлось видѣть въ своемъ бракѣ только то что въ немъ было удобнаго, разомъ разсѣялся и она почувствовала содроганіе, словно прикоснулась къ чему-то неопытному и гадкому.

Въ передней въ эту минуту раздался звонокъ: гости начинали съѣзжаться. Въ первый разъ почувствовавъ тяжесть той жизни среди чужихъ людей, къ которой она такъ стремилась, Полина еще разъ бросила взглядъ въ зеркало и послѣднѣе вышла въ гостиную.

Изъ приглашенныхъ не пріѣхала только баронесса Ксенія Михайловна. Сынъ, передавая ея извиненія, прибавилъ нѣсколько небрежнымъ тономъ, что матушка вообще рѣдко выѣзжаетъ, развѣ только къ самымъ, къ самымъ близкимъ своимъ знакомымъ. Полина почувствовала намекъ, проводившій черту между нею и ближайшими знакомыми Ксеніи Михайловны, но весь этотъ обѣдъ, потребовавшій такъ много соображеній и хлопотъ и обѣщавшій такъ много удовольствія, уже утратилъ для нея значеніе. Она очень равнодушно попирилась съ отсутствіемъ старой баронессы, и только когда всѣ гости собрались и между ними само собою водворилось оживленіе, солгующее очень счастливымъ и разчитывающимъ хорошо пообѣдать людямъ, только тогда она почувствовала что къ ней какъ будто возвращается вкусъ къ дорогому удовольствію свѣтскаго пріема.

Хотя за обѣдомъ собралось вмѣстѣ съ хозяевами всего только десять человекъ, но отношенія въ которыхъ эти люди отомани другъ къ другу требовали много вниманія и

опытности со стороны хозяйки. Напримѣръ, Волынскому очень нравилась маленькая, живая, только-что начинавшая лопатить Зизи Безрукова, и ихъ надо было посадить рядомъ. Баронъ Грабенъ и Безбѣдный не любили встрѣчаться другъ съ другомъ, и ихъ необходимо было раздѣлить. Къ Безбѣдному сама хозяйка находилась въ нѣсколько особенныхъ отношеніяхъ. Приглашая его, Полина хотѣла показать что все сказанное ею при ихъ послѣдней встрѣчѣ была шутка, что она очень легко и очень хорошо вышла замужъ и вовсе не считаетъ себя отвергнутою его невниманіемъ. Наконецъ Флютенталь былъ въ первый разъ въ домѣ и его необходимо было посадить рядомъ съ хозяйкой.

Когда всѣ эти и многія другія соображенія и интересы были удовлетворены и знаменитый негръ сталъ въ дверяхъ, пропуская мимо себя лакеевъ съ блюдами, тогда наконецъ Полина могла съ чувствомъ торжества оглянуться на плоды своихъ стараній. Столъ представлялъ великолѣпное зрѣлище. По одну сторону отъ нея сидѣлъ изумительно выбритый, розовый, прыскающій здоровьемъ и счастьемъ Флютенталь. Это былъ превосходный экземпляръ петербургскаго Нѣмца, одинаково годный для знаменитаго зубнаго врача и для знаменитаго пианиста. Не толстый, но доброкачественно сложенный, съ красивыми круглыми руками, которыя онъ любилъ складывать на груди, онъ имѣлъ видъ человека ежедневно обѣдающаго въ гостяхъ и исполняющаго всѣ подробности этой роли съ увѣренностью актера въ какой-нибудь заграничной мѣстѣ. Ему было рѣшительно все равно, находится ли онъ въ знакомомъ или въ незнакомомъ обществѣ, потому что у него никогда не было никакого частнаго разговора, и все что онъ говорилъ онъ могъ одинаково говорить другу дѣтства или человеку котораго въ первый разъ видитъ. Онъ одинаково владѣлъ русскимъ и нѣмецкимъ языками и употреблялъ ихъ съ тою излившею какъ бы выскобленною чистотой, которою отличаются петербургскіе Нѣмцы. Но онъ не принадлежалъ никакой національности, онъ былъ гражданиномъ двухъ міровъ, расположенныхъ подъ всѣми широтами и долготами—міра звуковъ и міра знаемыхъ обѣдовъ. Онъ былъ не гауль, хотя едва ли имѣлъ привычку и надобность о чемъ-нибудь думать, такъ какъ весь смыслъ человеческой жизни, всѣ задачи цивилизаціи издавна сложились для него въ единственную формулу—вокальнаго и инструментальнаго концерта.

По другую сторону Полины сидѣла нарядная Зизи Безрукова и кусала пирожокъ хорошенькими бѣлыми зубками, казавшимися еще бѣлѣе отъ яркихъ губъ и нѣжно смуглой кожи, покрытой какъ персикъ чуть-виднымъ пушкомъ. Надъ губой этотъ пушокъ образовалъ маленькіе усики, которыми Зизи очень кокетничала. Она была совершенно довольна что подлѣ нея посадили Волынского и что разговаривая съ нимъ она въ то же время могла бросать черезъ столъ Флутенталю неожиданные, рискованные вопросы, которыми какъ крючками пробовала зацѣпить и лотормошить его. Великій лѣнистъ отвѣчалъ готовыми, круглыми и доброкачественными какъ онъ самъ остротами и смѣялся громкимъ нѣмецкимъ смѣхомъ.

Волынскій былъ извѣстенъ въ свѣтѣ какъ хорошій саеур. Такія извѣстности становятся все рѣже, и въ нихъ перестаютъ нуждаться. Еще далеко не старый человѣкъ, Волынскій напоминалъ тѣхъ умныхъ и свѣтскихъ людей стараго общества, для которыхъ удачное тотъ было также важно какъ для нынѣшнихъ удачная спекуляція на биржѣ, и которые, проведя нѣсколько часовъ въ изыщномъ и оживленномъ разговорѣ, уѣзжали не только не измученные и не озлобленные, но освѣженные и бодрые. Это не мѣшало Волынскому быть очень дѣльнымъ и серіознымъ человѣкомъ, весьма полезнымъ на томъ значительномъ постѣ который онъ занималъ. Въ обществѣ имъ дорожили, но не любили его, какъ вообще не любятъ людей выдающихся своимъ личнымъ и въ особенности умственнымъ превосходствомъ. Жена его, когда-то прелестная дѣвушка, очень скоро сдѣлалась болѣзненной и скучною женщиной и почти не показывалась въ обществѣ. Она говорила что ея міръ составляетъ музыка,—и изрѣдка, въ маленькомъ кружкѣ, пѣла продолжительно и слабо. Въ свѣтѣ знали что Волынскіе живутъ не очень дружно, и принимали сторону жены. „C'est un ange, говорили о ней: она вся въ звукахъ. Странно что такой человѣкъ какъ ея мужъ, который вовсе не гауль, не оцѣнилъ ея.“

Волынскій пріѣхалъ чтобы не отказать Полину въ ея любезномъ приглашеніи и разчитывалъ проскучать, но вышло напротивъ. Несмотря на свои сорокъ лѣтъ дѣтъ онъ очень любилъ молодежь, а здѣсь за исключеніемъ Павла Юрьевича все были не старые люди. Всѣ три дамы были

красивыя и всѣ три были его знакомыя. Онъ оживился и это оживленіе все расло въ немъ отъ сознанія что оно легко сообщается другимъ. Маленькая Зизи безбожно съ нимъ кокетничала, а онъ несмотря на постоянныя успѣхи въ свѣтъ былъ всегда признателенъ за жеманное вниманіе. Притомъ Зизи ему нравилась. Она была оригинальна со своимъ вѣчно оживленнымъ, гримасничающимъ личикомъ и рискованными выходками, прощаемыми ей по какому-то привилегированному положенію невмѣляемости, которею она умѣла создать себѣ. Волыинскій понималъ что эта роль дѣланная, что этотъ полевой цвѣтокъ выросъ въ оранжереѣ, но Зизи все-таки ему нравилась—впрочемъ въ числѣ многихъ другихъ, между которыми раздѣлялось его вниманіе.

На другомъ концѣ стола Kokò, забывшій неудовольствіе предыдущихъ минутъ и весь поглощенный совершенно новою для него ролью амфитріона, предлагающаго въ такомъ хорошемъ обществѣ, самодовольно поглядывалъ на гостей, на сервировку стола и на негра, съ тяжкимъ сомнѣніемъ занимавшаго свой постъ у дверей. Этотъ негръ его рѣшительно безлокоилъ; ему все казалось что на него недостаточно обращаютъ вниманія, и онъ поминутно подзывалъ его для какихъ-нибудь совершенно ненужныхъ замѣчаній и приказаній.

— *Passez le vin blanc à madame, John*, вдругъ обращался онъ къ нему, хотя стоявшій за его стуломъ русскій лакей могъ гораздо скорѣе это сдѣлать. И когда Джонъ внутренне шель на лакея и отнималъ у него бутылку, Kokò вдругъ переходилъ на англійскій языкъ.

— *What do you want, John?* строго останавливалъ онъ его.

Эта возможность вести разговоръ съ собственнымъ лакеемъ на двухъ иностранныхъ языкахъ доставляла Kokò совершенно необъяснимое удовольствіе.

— Удивительно какъ эта раса способна для домашнихъ услугъ, говорилъ онъ Безбѣдному. — Англичане понимаютъ въ этомъ толкъ.

Павелъ Юрьевичъ, разрѣзавъ котлетку, изъ которой пахло на него душистымъ паромъ, и желая поощрить сына, обратился къ сидѣвшему подлѣ него въ необычайно свѣжихъ эполетахъ Безрукову.

— Я вамъ советую, *c'est délicieux!*

— Да, это *maréchal*, пояснилъ Kokò, цѣдя и выливая губу. — У меня дѣйствительно это хорошо дѣлаютъ.

— Очень вкусно! сказала Олжанская, оборачивая къ хозяину наклоненное надъ тарелкой лицо и сочно протягивая это слово.

Она была очень довольна что сидѣла между Безбѣднымъ и барономъ Грабеномъ, которые такъ похожи другъ на друга и такъ красивы. Съ барономъ она даже сильно кокетничала, но такъ какъ обѣдъ въ самомъ дѣлѣ былъ очень хорошъ, то и ему она находила нужнымъ удѣлить вниманіе.

Х.

Зизи Безрукова, когда видѣла что за ней ухаживаютъ, уже ничего не могла ни сказать, ни сдѣлать безъ маленькаго кокетливаго гримасничанья. За сегодняшнимъ обѣдомъ она дурачилась болѣе обыкновеннаго, потому что не было никого чье присутствіе могло бы стѣснить ее. Мужа ея прежде нѣсколько коробило отъ ея выходокъ, но она такъ много разъ и съ такимъ убѣжденіемъ говорила ему что знаетъ гдѣ и какъ держать себя что онъ наконецъ успокоился. И дѣйствительно, въ созданномъ ею привилегированномъ положеніи невмѣляемости она находилась въ совершенной безопасности. Никому никогда не приходило въ голову чтобъ изъ ея кокетства вышло что-нибудь серьезное; такъ точно и все серьезное съ ея стороны сочли бы за дурачество. Полина думала о ней такъ же какъ и другіе, и однако не могла отдѣлаться отъ какого-то неприятнаго и досаднаго чувства, которое тѣмъ болѣе росло въ ней, чѣмъ болѣе Зизи дурачилась и кокетничала съ Волынскимъ. Ей не нравилось что такой умный и серьезный человѣкъ такъ охотно даетъ завладѣть собою хорошенькой, но совершенно пустой и избалованной женщиной. Въ первый разъ ей представилась невыгодная сторона въ ея положеніи новобрачной—именно являющаяся у всякаго мужчины увѣренность что въ этомъ положеніи она должна быть до такой степени занята своимъ мужемъ что не станетъ обращать вниманія ни на кого другаго. Мысль очень естественная, но Полина какъ будто испытывала противъ нея досаду. Подъ впечатлѣніемъ только что случившейся размовки съ мужемъ, эта мысль даже казалась ей оскорбительною. Неужели не для всѣхъ ясно что Кокд не можетъ быть ея мужемъ въ нравственномъ, въ ши-

рокомъ смыслъ, и что если она пошла за него, то на это должны были быть особыя, важныя и печальныя причины?

Когда послѣ обѣда стали устраиваться карты, Полина, предполагая что Волынский не будетъ играть, очень заботилась посадить Зизи. Но Волынский, увидавъ какъ Зизи брала карту, сказалъ что онъ любитъ вистъ въ дамской партіи.

— Нѣтъ, я васъ не посажу, безъ васъ будетъ скучно остальному обществу, возразила Полина.

Волынский покорно склонилъ голову.

Въ большой гостиной устроились двѣ партіи: за однимъ столикомъ Зизи, Олжанская, Павелъ Юрьевичъ и баронъ играли въ „сибирку“, за другимъ Кокко и Безруковъ въ пикетъ. Остальное общество перешло въ маленькую боковую гостиную, служившую вмѣстѣ съ тѣмъ кабинетомъ хозяйки.

Такъ какъ обѣдъ былъ сѣденъ и то что собирались дѣлать дальше не входило ни съ какой стороны въ программу жизни Флутенталя, то, доливъ свой кофе, онъ тотчасъ ухажалъ, чтобъ изъ царства званныхъ обѣдовъ благополучно и непосредственно переступить въ царство звуковъ. Полина, видѣвшая его въ первый разъ и нѣсколько озадаченная произведеннымъ имъ на нее впечатлѣніемъ, спросила Волынского какъ онъ его находитъ. Тотъ пожалъ плечами.

— Я никогда не умѣлъ съ нимъ говорить, сказалъ онъ.— Мы встрѣтились гдѣ-то на водахъ и познакомились совершенно случайно, вопреки моей привычкѣ избѣгать нашихъ русскихъ знаменитостей, и въ особенности за границей. Это ужъ такая у меня почти физическая потребность—при встрѣчѣ съ нами тотчасъ перейти на другую сторону улицы. Къ счастью, ихъ всегда легко узнать.

— Какимъ образомъ? спросила улыбаясь Полина.

— А я ихъ узнаю по человѣчку который подлѣ нихъ. Всегда есть этакій маленькій человѣчекъ, на котораго какъ взглянешь, сейчасъ и узнаешь что онъ состоитъ при знаменитости. Вотъ это-то меня лучше всего и гонитъ. И это только при русскихъ знаменитостяхъ.

— Ну, что жъ, это такъ естественно, возразила Полина.— Насъ еще упрекаютъ что мы не уважаемъ авторитетовъ.

— Да мы дѣйствительно никого не уважаемъ, но холопствуемъ очень охотно, сказалъ Волынский.— Возьмите хоть

бы этого самаго Флутенталя. Вонервыхъ, какой же онъ Русскій? Онъ даже не Нѣмецъ, его отечество тамъ гдѣ есть возможность организовать большіе концерты. Повѣрьте, онъ даже не замѣчаетъ что сегодня онъ въ Петербургѣ, а не въ Филадельфій. Вотторыхъ, что такое онъ сдѣлалъ для человѣчества? Научился ловко хватать тѣ самыя клавиши которые означены въ нотахъ. Хорошій наборщикъ дѣлаетъ то же самое надъ своею типографскою кассой. Чувства въ его игрѣ нѣтъ ни малѣйшаго, потому что его нѣтъ въ самомъ человѣкѣ. И даже смысла нѣтъ кромѣ чисто-техническаго. А посмотрите что изъ него дѣлаютъ, какъ холопствуютъ!

Волыискій взялъ предложенную ему папироску и опустился въ низенькое атласное кресло только-что вышедшее изъ рукъ Лизерѣ. Безбѣдный, смотрѣвшій какъ Олжанская разыграла первую сдачу, подошелъ къ нимъ и сказалъ Полинѣ, обведя глазами комнату:

— Какъ вы прелестно устроились, и какъ скоро!

— Я очень люблю виѣшній комфортъ жизни, отвѣтила Полина,—и для меня эти виѣшнія потребности уже тѣмъ удобны что ихъ гораздо легче удовлетворить.

Волыискій поднималъ на нее свои умные стрые глаза, какъ бы ожидая объясненія того что она сказала. Полина отвѣтила такимъ же вопросительнымъ взглядомъ. Обмѣнявшись этими взглядами, оба они какъ будто обрадовались что могутъ такъ легко понимать мысли другъ друга. Ихъ лица выражали улыбку.

— Я именно и хотѣла сказать то что вы думаете, объяснила Полина, и слегка даже вспыхнула отъ этого движенія откровенности, вырваннаго у нея внезапно и неожиданно для нея самой.

Но хотя она готова была пожалѣть объ этой откровенности, она чувствовала что съ той самой минуты какъ Волыискій такъ быстро понялъ ея мысль и она узнала объ этомъ по его глазамъ, между нею и нимъ сразу установились близкія и сочувственныя отношенія, сознать которыя доставляло ей большое удовольствіе. Хотя она встрѣчалась съ нимъ еще въ дѣвупкахъ, но разица въ годахъ, репутація очень умнаго и серьезнаго человѣка, окружавшая Волыискаго, и въ особенности то что онъ женатъ—устраняло отъ нея всякое предположеніе объ

особенномъ вниманіи съ его стороны. Теперь это предположеніе казалось ей совершенно естественнымъ и какъ будто отвѣчавшимъ той тайно-напрягающейся силѣ жизни которую она чувствовала въ себѣ. Продолжая разговаривать съ Волынскимъ, она подвинула стоявшій между ними курительный столикъ и положила на него руку. Рука у нея была красивая, узкая, съ тѣми мягкими очертаніями, которыя рѣдко встрѣчаются у женщины съ высокимъ и тонкимъ станомъ. Полина хотѣла чтобы Волынскій видѣлъ и замѣтилъ эту руку, чтобы онъ видѣлъ и замѣтилъ все что у нея есть хорошаго. И она сама съ радостною и торжествующею готовностью говорила себѣ что у него очень пріятное, умное и выразительное лицо, и что она понимаетъ всѣ его умныя слова и мысли, и въ особенности весь этотъ отпечатокъ изящной и серьезной порядочности, лежащій на его вѣжливости. За то что она все это признавала въ немъ, она хотѣла чтобы онъ любовался ею и еочувствовалъ ей. Весь интересъ, заключавшійся для нея еще недавно въ томъ чтобы показать Безбѣдному какъ онъ дурно сдѣлалъ не женившись на ней, отодвинулся предъ ближайшимъ интересомъ этого почти невольнаго кокетства и неодолимаго желанія нравиться Волынскому.

Олжанская, сѣвшая по большой и очень боявшаяся чтобы этотъ робберъ, который она играла съ Зизи, не пришлось проиграть, подозвала Безбѣднаго и просила помогать ей. Полина очень была рада оставшись съ Волынскимъ вдвоемъ: разговоръ который она вела съ нимъ принималъ все болѣе интимный характеръ, и она находила почти необъяснимое удовольствіе высказываться предъ этимъ такъ мало ей знакомымъ человѣкомъ.

— Мы всѣ, и особенно дѣвушки, сначала воображаемъ что стоитъ только натянуть повыше струны собственной души, и все вокругъ, вся жизнь зазвучитъ высокимъ и чистымъ звукомъ, говорила она, увлекаясь и любясь тѣмъ что ея мысль находитъ такое красивое выраженіе. — Я тоже пережила такой періодъ. А потомъ догадалась что счастье надо искать не вверху, а внизу, потому что оно есть удовлетвореніе нашихъ потребностей, а удовлетворять имъ тѣмъ легче чѣмъ онѣ матеріальнѣе. И я больше всего стараюсь сдѣлаться самою матеріальною женщиной. Я люблю тотъ комфортъ который покупается день-

гами и свободой. Когда мой мужъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я догадалась что буду свободна.

Она взглянула на Волынского, спрашивая его глазами:— вы понимаете что я хочу сказать? Его лицо говорило что онъ понимаетъ и что ему грустно слышать это отъ такой молодой, милой и изящной женщины.

— Вы разумеется правы, сказалъ онъ.— Подвигнуться хорошо. Когда смотришь снизу вверхъ, всегда есть шансъ до чего-нибудь подняться; а вѣдь сверху можно только спуститься. Матеріальное счастье—все-таки счастье. Но я думаю, добавилъ онъ, вдругъ поднявъ на Полину свои ясные сѣрые глаза,—я думаю что дойти до этой точки зрѣнія можно только рядомъ неизгладимыхъ, печальныхъ разочарованій. Прежде ищешь другаго. Я бы удивился еслибы вы сказали что уже отказались искать.

Полина сдѣлала движеніе головой.

— Развѣ есть смыслъ—искать? сказала она. Это—фраза. Это все равно что искать номеръ того билета который возьметъ первый выигрышъ. Онъ есть, онъ можетъ-быть даже попадется вамъ, но сколько бы ни искали, вы не найдете его. А когда попадется, я схвачу его обѣими руками.

И она соединила руки, какъ бы выражая ту страстную стремительность съ которою она прильнула бы къ другому, еще неизвѣданному счастью. Волынский въ недоумѣніи слѣдилъ за нею. Въ звукъ ея голоса чувствовалась та тайно напругающаяся сила жизни которую она ощущала въ себѣ и не могла понять. Положивъ обѣ руки на бронзовый столикъ и прижавшись къ нимъ грудью, она глядѣла прямо предъ собой прищуренными, свѣтившимися усталымъ блескомъ глазами. „Я не знаю что такое происходитъ во мнѣ, говорили эти глаза, но я вся устала отъ истомы бездѣйствія. Я тлѣю въ какомъ-то сырости и холодномъ дыму. Я не хочу тлѣть. Я не хочу этой истомы бездѣйствія, этого ощущенія связанныхъ сильныхъ крыльевъ. У меня нѣтъ цѣли, и я не знаю куда бы я полетѣла; но я хочу летѣть.“

Оджанская, ситравъ три роббера и очень довольная что отбѣлалась небольшимъ проигрышемъ, не хотѣла больше играть.

— J'ai deux mots à vous dire, сказала она Безбѣдному, отводя его въ сторону.— Я разчитываю на большую, боль-

шую отъ васъ услугу. Дѣло очень серьезное. Я должна обратиться къ вамъ какъ къ другу и какъ къ адвокату. Вы можете меня выслушать?

Безбѣдный просилъ считать его въ своемъ распоряженіи и подвинулъ два кресла.

— Только это совершенно между нами, предупредила Олжанская.

Адвокатъ склонилъ голову.

— Вы немножко знаете о моихъ отношеніяхъ къ мужу. Если кто-нибудь виноватъ между нами, то конечно не я, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать вся моя жизнь! продолжала Софья Александровна, потупляясь и слегка вспыхивуъ.—Но я нисколько не обвиняю его. Я давно знала что у него есть отношенія на сторонѣ, и никогда ни однимъ словомъ не стѣсняя его свободы. Даже когда онъ вдругъ бросилъ меня, безо всякаго повода съ моей стороны (краска опять чуть-чуть заиграла на ея лицѣ), я перемесла это съ твердостью, и никогда никто не слышалъ отъ меня ни одного упрека ему. Вотъ вы постоянно встрѣчаетесь со мною; скажите, слышали вы когда-нибудь чтобъ я жаловалась на мужа?

Безбѣдный послѣдовалъ отвѣтить отрицательно. Олжанская дѣйствительно никогда не говорила дурно про мужа, и большинство ея знакомыхъ даже не знало что у него есть связь.

— Но мнѣ кажется, продолжала она,—я имѣю право требовать справедливости также и къ себѣ. Я не хочу насилловать чувства, пусть мужъ пользуется своею свободой, но пусть же и мнѣ возвратятъ свободу. За что я одна буду страдать за чужую вину?

— Вы хотите искать развода? сказалъ Безбѣдный, сразу догадавшійся въ чемъ дѣло.

— Непремѣнно, подтвердила Олжанская.—Но вы понимаете, мнѣ не къ кому обратиться кромѣ васъ. Вы всегда были моимъ другомъ и не откажете мнѣ въ этой единственной серьезной услугѣ, которой я прошу у васъ, прибавила она, съ нѣкоторымъ волненіемъ протягивая ему руку.

Безбѣдный зналъ что рано или поздно ему придется оказать Софьѣ Александровнѣ эту услугу. Онъ не любилъ быть адвокатомъ тѣхъ своихъ знакомыхъ съ которыми неудобно было по личнымъ отношеніямъ вести переговоры о

вознагражденіи. Но для Олжанской надо было сдѣлать исключеніе.

— Я разумѣется къ вашимъ услугамъ, сказалъ онъ;—но вы знаете что безъ обоюднаго согласія сторонъ почти невозможно что-нибудь сдѣлать.

— Мужъ будетъ очень радъ если вы возьметесь за это дѣло, отвѣтила Олжанская.— Онъ былъ у меня, прибавила она покраснѣвъ.

— И онъ согласенъ самъ помогать дѣлу? спросилъ Безбѣдный.

— Да, онъ возьметъ на себя необходимую роль, сказала Олжанская.— Видите ли, ему очень важно потерять право вступленія въ новый бракъ. Та женщина, ради которой онъ бросилъ меня, имѣетъ виды—упрочить свое положеніе. Поэтому онъ хочетъ разъ навсегда обезлечить себя противъ всѣхъ такихъ покушеній.

— Въ такомъ случаѣ главная часть дѣла уже сдѣлана безъ меня, сказалъ Безбѣдный.— Но для васъ—простите за нескромность—очень важно имѣть право вторично выйти замужъ?

Олжанская улыбнулась.

— Я знаю про что вы думаете. Но прежде разведите насъ, и тогда увидите какъ все отлично устроится, сказала она.—Такъ я буду ждать васъ къ себѣ, чтобы переговорить окончательно.

Безбѣдный пожалъ протянутую ему руку, и отыскавъ шалуну пошелъ прощаться съ хозяйкой.

XI.

Онъ торопился, потому что Лилочка обѣщала провести съ нимъ сегодняшній вечеръ. Ради нея онъ рѣшился даже на величайшее лишеніе—пожертвовать своимъ абонементомъ въ оперѣ.

Пріѣхавъ домой, онъ приказалъ Еромолаю не откладывать, и написавъ на листкѣ бумаги нѣсколько словъ, послалъ его съ этою запиской за Лилочкой. Затѣмъ онъ освободился отъ фрака и велѣлъ узнать у Молостова, нѣтъ ли чего-нибудь особенно важнаго. Молостовъ съ письмами и бумагами пришелъ къ нему въ кабинетъ.

— Тутъ безъ васъ два раза Каричъ прѣзжалъ, сказалъ онъ;—ему очень нужно было васъ видѣть по поводу этого проекта ассенизаціи, о которомъ вы знаете. Такъ какъ онъ предполагалъ что вы встрѣтитесь съ барономъ Грабеномъ, то ему очень хотѣлось раньше съ вами переговорить.

— Жаль, сказалъ Безбѣдный;—съ барономъ я обѣдалъ, но онъ ни слова не говорилъ объ этомъ дѣлѣ. А Каричъ ничего васъ больше не просилъ передать мнѣ?

— Говорилъ что вамъ надо съѣздить къ какому-то главному, у котораго большая партія въ думѣ и который спеціально занимается всѣми городскими общественными дѣлами и особенно что касается ассенизаціи, объявилъ не то брезгливымъ, не то циническимъ тономъ Молоствовъ. Этимъ тономъ онъ въ послѣднее время постоянно говорилъ съ адвокатомъ о дѣлахъ.

— Это полковникъ Бойко, сказалъ Безбѣдный.

— Не знаю, онъ не называлъ. Онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто всякій долженъ знать человѣка посвятившаго всю жизнь городской ассенизаціи. Впрочемъ онъ упоминалъ что всѣ газеты каждый день говорятъ о немъ. Онъ проводитъ въ печати какую-то новую систему удаленія нечистотъ. Каричъ того мнѣнія что вамъ необходимо привлечь его къ своему проекту чтобы раздуть дѣло. Но я думаю вамъ надо увидѣться съ самимъ Каричемъ.

— Да, разумѣется, сказалъ Безбѣдный.—А тамъ что у васъ еще?

Молоствовъ передалъ письма и бумаги. Адвокатъ, принявъ болѣе покойное положеніе и протянувъ ноги на мягкій бархатный пуфъ, нерасмотрѣлъ ихъ съ видомъ человѣка который понимаетъ что все это нужно и хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ что если ему не хочется, то онъ можетъ и не принуждать себя заниматься этимъ дѣломъ.

— Ничего особеннаго, сказалъ онъ, бросивъ черезъ голову листы на столъ и съ видомъ пріятнаго утомленія потянулъ всѣми членами. — Сядьте-ка, Сергѣй Михайловичъ, выкуримъ по сигаркѣ. Уфъ, усталъ я сегодня!

Онъ дѣйствительно чувствовалъ усталость — не физическую усталость рабочаго, кидющагося въ изнеможеніи на лавку, а нервную истому избалованнаго человѣка, желающаго послѣ дневной марты отдохнуть среди болѣе пріятныхъ и сильныхъ впечатлѣній.

— Сегодня, гдѣ я обѣдалъ, были три женщины и всѣ три прехорошенькія, и что замѣчательно, каждая совсѣмъ въ своемъ родѣ! продолжалъ онъ, съ удовольствіемъ возвращаясь къ этому недавнему воспоминанію.—Одну вы знаете, Олжанская; другая высокая тонкая блондинка съ русалочными глазами—именно русалочными, а третья маленькая брюнетка съ усиками. Вы, Сергій Михайловичъ, въ пользу блондинокъ или брюнетокъ?

Молоствовъ сдѣлалъ движеніе плечами, выражавшее что онъ не понимаетъ, къ чему этотъ разговоръ.

— Хорошенькія блондинки мнѣ кажется рѣже, сказалъ онъ.

— Да, пожалуй вы правы, продолжалъ Безбѣдный, охотно впадая въ задумчивость по этому вопросу.—Для блондинки необходимо изящество, а его-то часто и не достаетъ. Вульгарная брюнетка можетъ понравиться, а вульгарная блондинка никогда. Впрочемъ, знаете что я долженъ сказать? Хотя эти три дамы очень хороши каждая въ своемъ родѣ и даже изящны, но по-моему Лилочка лучше ихъ всѣхъ. Я обожаю этакихъ тонкихъ шатенокъ съ нервными лицами и съ затаенною страстностью въ глазахъ и губахъ. Мой вкусъ—Лилочка.

Елибѣ онъ внимательно слѣдилъ за Молостовымъ, онъ замѣтилъ бы какъ его передернуло при послѣднихъ словахъ. Но Безбѣдный очевидно говорилъ больше самъ для себя, отдаваясь потребности выразить вслухъ пріятныя, тихо волновавшія его ощущенія.

— Замѣтили вы, какъ у нея брови иногда вдругъ сдвинутся и зрачки потемнѣютъ? продолжалъ онъ.—Я ужасно люблю, когда хорошенькая женщина захочетъ показать своеволие или даже злость: тутъ именно и является желаніе положить на нее руку (онъ сдѣлалъ движеніе рукой). Я зналъ одну дѣвочку, которая ни съ того ни съ сего начинала визжать когда къ ней подойдешь: ужасно она мнѣ нравилась! Да, вотъ такая дѣвушка какъ Лилочка—это дѣйствительно премія, ха ха-ха! засмѣялся Безбѣдный, взглянувъ прямо въ лицо Молостову свѣтящимися, счастливыми глазами.

Онъ хотѣлъ этимъ словомъ „премія“ напомнить ихъ недавній разговоръ, къ которому теперь особенно охотно возвращался. Но хмурое, почти злое лицо молодого человека

удивило его. Онъ вспоминалъ что Молоствовъ всегда какъ-то враждебно относился къ его сближенію съ Липочкой. Впрочемъ ему не было никакой надобности обращать на это вниманіе.

— Такъ-то, Сергій Михайловичъ, хитрая это штука.... проговорилъ онъ, неопредѣленно заканчивая разговоръ.— Главное звать не надо!

Какъ ни мучителенъ былъ этотъ разговоръ для Молостова, но ему вдругъ нестерпимо стало что онъ оборвался. Онъ быстро обернулъ къ Безбѣдному вспыхнувшее лицо.

— Къ чему вы это говорите? что вы хотите сказать? и какое мнѣ дѣло—звѣдаете вы или нѣтъ? Точно вы что-нибудь новое изобрѣли въ этомъ случаѣ! проговорилъ онъ почти зашипѣвшимъ голосомъ.

Безбѣдный почувствовалъ что Молостовъ заится. Онъ объяснилъ себѣ это тѣмъ что его спокойная самоуверенность раздражительно дѣйствуетъ на нервнаго молодого человѣка. „Этакіе какъ онъ терпѣть не могутъ когда кто просто и прямо смотритъ на вещи, подумалъ онъ;—имъ необходимо вымучивать себѣ разныя идешки да взгляды.“

— Для васъ-то, пожалуй, будетъ и новое кое-что! сказалъ онъ ему со снисходительною ироніей.

Въ корридорчикѣ послышался частый стукъ женскихъ каблучковъ; кто-то скорыми, скорыми шажками шелъ въ кабинетъ. Безбѣдный едва успѣлъ встать какъ Липочка пріотворила дверь и радостными, смѣлыми глазами заглянула къ нему. Азениръ предупреждалъ ее что тамъ Сергій Михайловичъ, но въ томъ совершенно новомъ для нея состояніи веселой и страстной одури, въ которомъ она находилась всѣ эти дни, Молостовъ уже не могъ смутить ее. Она даже не отвала руки, когда Безбѣдный при немъ долго и страстно цѣловалъ ее. Только замѣтивъ разстроенное, натянутое лицо молодого человѣка, она взглянула на Безбѣднаго и улыбнулась, какъ бы предоставляя ему этимъ изглаголомъ и этою улыбкой самому рѣшить, какъ и что въ этихъ отношеніяхъ можетъ-быть объяснено Молостову.

— Что вы тутъ дѣлали? неужели вѣчно возитесь съ этими противными адвокатскими дѣлами? говорила она, снимая шляпку и съ видомъ кокетливаго пренебреженія наклонялась надъ валявшимися по столу бумагами.—Какъ это

скучно, Господи, какъ скучно! И о чемъ это всѣ судятся? Я бы никогда не судилась.

Молодцовъ собралъ бумаги и издали поклонившись ей, вышелъ изъ кабинета. Липочка тихонько по ковру пробѣжала за нимъ вслѣдъ, притворила дверь и тѣми же мелкими, скользящими шажками вернулась къ Безбѣдному. Не говоря ни слова, она положила обѣ руки ему на плечи, поднялась на цыпочкахъ и подставила счастливое, радостное, свѣтящееся лицо. Пока онъ цѣловалъ ее, она медленно поворачивала то одну, то другую щеку, закидывала и опускала голову, жмурилась и поводила плечами, какъ котенокъ которому щекочутъ подъ шейкой.

— Ну, теперь довольно, сказала она, однимъ прыжкомъ вскакивая на диванъ и усаживаясь на немъ съ поджатыми по-восточному ногами.

Ей было невыразимо хорошо. Сердце такъ радостно ширилось, какъ будто хотѣло вырваться изъ груди на просторъ раздвигающагося, влекущаго, страстнаго счастья. Новая сила жизни подняла ее и держала на одуряющей высотѣ, между низью и высью, озаренными какимъ-то воспламененнымъ блескомъ.

Она никогда не испытывала такой полноты жизни. Она ничего не дѣлала, но всѣ дни ея были наполнены чѣмъ-то невыразимо радостнымъ. Опротивѣвшая комната у Пелагеи Прохоровны не казалась больше такою противною, и сама Пелагея Прохоровна, вдругъ сдѣлавшаяся невидимою, ничѣмъ не напоминала о тоскѣ предыдущихъ недѣль. Тревожное, раздражающее теченіе жизни лаяло гдѣ-то мимо нея, тогда какъ ее тихо качало прибоемъ у желаннаго берега.

— Ну, говори мнѣ что-нибудь.... торопливою, балованною скороговоркой требовала она, потянувъ его обѣими руками за лацканы пиджака. — Нѣтъ, постой, я сама расскажу какъ я сегодня смѣлась... Можешь себѣ представить, за одною нашею консерваторкой приходитъ сестра, и съ ней маленькая дочка, прехорошенькая, но ты посуди только какая глупенькая. Мы ее стали тормозить, спрашиваемъ, хочешь ли она учиться лѣтъ? Хочу, говоритъ. Ну хорошо, давай пробовать голосъ, возьми: а-а-а! А она, представь себѣ, вдругъ — бе-е-е! Она думала что надо по порядку, по азбукѣ!

И Липочка смѣялась и всплескивала руками. Безбѣдный тоже смѣялся, не потому чтобъ его разсмѣшила глупость маленькой дѣвочки, но потому что веселость Липочки дѣйствовала слишкомъ заразительно.

— Послушай, я хотѣлъ переговорить съ тобой насчетъ консерваторіи... сказалъ онъ, вспомнивъ одно обстоятельство, безлоказившее его эти дни.—Какъ ты думаешь, не лучше ли тебѣ было бы, вмѣсто того чтобы ходить туда и тратить много времени по-пустому, брать частные уроки у одного изъ профессоровъ? Мнѣ положительно кажется что такъ можно гораздо больше успѣть.

Липочка не понимала дѣйствительной причины по которой Безбѣдный хотѣлъ чтобъ она оставила консерваторію, и возразила что тамъ она, кромѣ пѣнія, учится многому другому.—Ужь если ты такъ хочешь видѣть меня примадонной, то можно пожалуй брать для усовершенствованія особые уроки независимо отъ консерваторіи, сказала она.

— Но видишь ли, тутъ есть еще одно обстоятельство, возразилъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ Безбѣдный. — Я боюсь что пока продолжается неопредѣленное положеніе... изъ котораго нельзя же сейчасъ выдти... начнутся разныя слетни, проникнуть въ консерваторію, и тогда непременно выйдутъ неприятели. По-моему, лучше предупредить.

Липочка поняла и вдругъ покраснѣла. То о чемъ она старалась не думать эти дни, о чемъ она даже не могла бы думать, потому что наполнявшее ее ощущеніе счастья держало ея мысли въ какомъ-то блаженномъ пѣну, разомъ представилось ей и причинило боль. Складка страданія прорѣзалась у нея надъ бровями, и въ глазахъ остановились слезы.

Безбѣдный собралъ обѣ ея руки въ свою руку и крѣпко сжалъ ихъ. Она съ удивленіемъ взглянула на него, морщаась отъ физической боли и отъ скребущаго чувства которымъ еще было сжато сердце. Она не понимала этого страшнаго, остраго блеска, блуждавшаго въ его сужившихся зрачкахъ.

— Липа... проговорилъ онъ, наклоняясь къ ней.—Липа... любишь ты меня?

Она не отвѣчала. Гдѣ-то, въ какомъ-то уголкѣ, оставшемся свободнымъ отъ охватившаго ее трепета, дѣйствительно шевелилась растревоженная мысль и словно искала какъ бы

удобѣе уаечья. „Да, я люблю, говорила эта мысль. И если я люблю, то я не могу не вѣрить. Я вѣрю не ему, но своему свободному, сѣжнему чувству. И куда бы ни вело меня это чувство, я не могу указывать ему дорогу, потому что оно произвольно и не условно, и гораздо сильнѣе моего разсудка.“

Молостову въ этотъ вечеръ не сидѣлось въ его комнатѣ. Измѣривъ ее нѣсколько разъ шагами изъ угла въ уголъ, онъ бросилъ въ каминъ недокуренную сигару и прошелъ въ канцелярію. Нѣсколько листовъ лѣниво перелисывали тамъ какія-то бумаги. Онъ посмотрѣлъ что именно они дѣлають, постоялъ у конторки и машинально зажегъ палатку, хотя курить ему не хотѣлось. Оттуда онъ вышелъ въ корридоръ, мимо двери кабинета. Онъ не имѣлъ намѣренія прислушиваться, но его нервы были такъ напряжены что малѣйшій шорохъ поразилъ бы его. Однако ни одинъ звукъ не коснулся его слуха. Странное, торжествующее и почти злое выраженіе проступило на его лицѣ. „Премія!“ сказалъ онъ вслухъ, зацѣпывая губами коротенькіе кончики усовъ. И злорадное чувство тѣвилось ему въ сердце, словно его сладко раздражалъ слышимый въ этой злобѣщей тишинѣ окрежетъ зубовой.

XII.

Путру на другой день маленькая, благообразно и благодушно сморщенная фигурка, облеченная въ пальто на хорьковыхъ лапкахъ и въ странную мѣховую шапку съ козырькомъ, поднялась въ четвертый этажъ въ квартиру Пелагеи Прохоровны и спросила Олимпиаду Васильевну Ипатову. Федосья пріотворила дверь, и увидавъ что Липочка уже одѣта, пропустила туда гостя. Послѣдній, прежде чѣмъ войти, поставилъ на полъ какой-то узелокъ, снялъ пальто, размоталъ съ шеи длинный полосатый шарфъ, выprostалъ ноги изъ калошъ и тогда уже, обдергиваясь и совершая рукой маленькое крестное знаменіе, вошелъ въ номеръ. Липочка, увидя его, радостно вскрикнула и бросилась ему навстрѣчу.

— Не ждала, а? не ждала? говорилъ старичокъ, цѣлуя ее въ лобъ.—Ну, слава Богу. Думалъ придется сколько времени

искать по Петербургу, а вотъ и сразу нашелъ. Слава Богу, слава Богу.

Онъ гладилъ рукой ея волосы, крестилъ ей голову и щу-
рясь оглядывалъ ее слезящимися, моргающими глазами. Ли-
почка, поцѣловавъ его два раза, уже не знала какъ отвѣ-
чать на его ласки, и осторожно освободившись отъ его
руки, подвинула ему кресло. Отецъ, прежде чѣмъ сѣсть,
вышелъ за дверь и принесъ оттуда свой узелокъ.

— А вотъ тутъ гостинцы кое-какіе, приговаривалъ онъ,
извлекая изъ-подъ старенькой ярославской салфетки вяза-
ный шерстяной платокъ, луховую косыночку, чулки и ши-
тые торжковскія туфли.—Тетилька Лизавета Петровна сама
вязала; непременно велѣла отвезть. Ну, а это ужъ я самъ
догадался, по десертной части, продолжалъ онъ, извлекая
изъ узелка ящикъ ржевской пастилы.—И яблочная, и раби-
новая. Ты вѣдь любишь, а? Здѣсь-то пожалуй свѣжей такой
и не найдешь.

Липочка опять поцѣловала его.

— И вязанье-то это тоже поди пригодится, въ негосте-
пріимномъ нашемъ климатѣ, продолжалъ старичокъ, оче-
видно желая „заговорить“ первыя, всегда затруднительныя
минуты встрѣчи.—Ну, а что жъ ты, дочка, рада что старикъ
пріѣхалъ, то-есть я хочу сказать, удивилась такой нежи-
данности?

— Конечно рада, папѣ.

— Ну, да я вѣдь не за тѣмъ. Я знаю. Времени свободного
у меня много, почему было и не проѣхать въ столицу?
Недѣльку, другую проживу, провѣдаю какъ ты тутъ, мо-
жетъ-быть оно и кстати придется.. да и назадъ. Безъ со-
мнѣнія, многое въ Петербургѣ представляется достойнаго
любопытнаго вниманія. Бывалъ, бывалъ я здѣсь въ оны
годы, но большія съ тѣхъ поръ предполагаю перемѣны. Я
тутъ въ прекраснѣйшей гостиницѣ остановился, у самого
вокзала.

— Не хотите ли чаю, папѣ? я вею подать, предложила
Липочка.

Старикъ отказался.

— Нѣтъ, что, зачѣмъ? Хотя напиться этотъ и благо-
пріятствуетъ бесѣдѣ, но думается мнѣ что и безъ него, въ
настоящемъ случаѣ... Такъ вотъ, дочка, рѣшила ты поки-
нуть наши скудныя страны и основаться въ столицѣ.

Что жь, я вѣдь никогда не стѣснялъ. Деспотическихъ этихъ замашекъ (онъ усмѣхнулся углами рта) не имѣлъ. Да и по собственному моему разсужденію, столица представляетъ больше простору, какъ центръ образованія и просвѣщенія. Для нашего брата въ провинціи конечно все будто теплѣе, а тебѣ что жь?

Онъ помолчалъ, затрудняясь тѣмъ что дочь какъ будто не находитъ чѣмъ поддержать разговоръ. А Лилочка дѣйствительно не знала какъ вставить свое слово въ эти старомодныя рѣчи, странно звучащія для ея уже нѣсколько отвыкшаго уха.

— Писала ты мнѣ что поступила въ консерваторію, съ цѣлью усовершенствоваться въ музыкѣ и пѣніи, продолжалъ старикъ, и вдругъ впадая въ шутивый тонъ, прибавилъ съ катанутою развязностью:

— Однако позволь мнѣ въ сладость нашего свиданія влить и нѣкоторую каплю горечи, а именно дружески попенять что писала ты мнѣ до крайности кратко и не обстоятельно, и въ послѣдующія многія недѣли оставила безо всякихъ о себѣ извѣстій.

— Да право, лалѣ, ничего такого не было чтобъ писать! сказала Лилочка.

Старикъ извлекъ изъ кармана бумажный платокъ и медленно его развертывалъ.

— Ну, какъ же однако не писать! возразилъ онъ. — Хотя справедливо что одной изъ переписывающихся сторонъ всегда представляется будто излагаемая обстояательства не достаточно любопытны для посторонняго вниманія, но имѣя въ виду натуральное въ такихъ случаяхъ безпокойство, и слабость родительскую... надо бы... Къ слабостямъ не предосудительнымъ надо бы со снисхожденіемъ...

Онъ успѣлъ наконецъ развернуть свой платокъ и нѣсколько разъ съ усиліемъ высморкался.

— Что у насъ дома, лалѣ? Тѣтя здорова ли? спросила Лилочка.

— Слава Богу, слава Богу. Держится старушка, отвѣтилъ Василій Петровичъ, снова начиная складывать платокъ въ маленькій комочекъ. — И жилецъ слава Богу попался хорошій. Аккуратный человекъ, спокойный. Ну, а Евгеній Савичъ... что же? спросилъ онъ съ усиліемъ.

— Я его часто вижу, отвѣтила Лилочка, сдвигая брови.

— И я вотъ тоже не замедлю принести ему свидѣтельство своего почтенія, сказалъ старикъ.—Нашего Михайлы Матвѣевича Молостова сынокъ-то у него живетъ?

— Да, у него.

Старикъ робко взглянулъ на дочь. По знакомому движению бровей ея онъ видѣлъ что этотъ разговоръ непріятенъ ей. Онъ побарабанилъ пальцами по столу, посмотрѣлъ въ окно, обвелъ глазами комнату и вдругъ повернувшись къ дочери проговорилъ срывающимся голосомъ:

— Такъ что же, дочка, какъ же, а?

— Что такое? переспросила вздрагнувъ бровями Липочка.

— Да Евгеній Савичъ-то? Ты вѣдь хотѣла на счетъ его окончательныхъ намѣреній? пояснилъ свой вопросъ Василий Петровичъ.

Складка еще рѣзче обозначилась надъ бровями Липочки.

— Мы любимъ другъ друга, сказала она почти съ ненавистью въ голосъ.

Старикъ потрогалъ рукой маленькій сѣдой хохолокъ на головѣ.

— Стало-быть... стало-быть скоро честнымъ паркомъ да и за свадебку? сказалъ онъ съ напряженною шутовщицею, тогда какъ на лицѣ его вдругъ выступили красныя пятна.

Липочка сдѣлала нетерпѣливое движеніе плечами.

— Право, папа, я объ этомъ такъ много не думаю какъ вы, сказала она.—Я теперь замята дѣломъ, учусь и знаю что мы любимъ другъ друга. Вѣдь за чѣмъ-нибудь осталась же я въ Петербургѣ!

Старикъ, моргая, взглядывалъ на нее безпокойно робѣвшими глазами.

— Я вѣдь не съ тою цѣлю, я повиную... проговорилъ онъ.— Ты писала что у тебя тутъ знаменитые музыканты призвали большое дарованіе; я вѣдь понимаю. И стилиндіей пользуешься, какъ же. Не зарывать же талантъ въ землю, избави Боже. Я и въ Т* расхвастался—вотъ, говорю, здѣсь никому и въ голову не приходило, а въ Петербургѣ-то дочку мою что ожидало! Дождетесь еще что имя ея какъ Патти будетъ гремѣть по Европѣ. Мнѣ даже знаменательными показалось это созвучіе—Патти и Илатова! добавилъ онъ, напряженно засмѣявшись.—Тебѣ вѣдь вѣдь приходило это въ голову, а?

Липочка неохотно улыбнулась; на нее все это свиданіе съ отцомъ начинало уже дѣйствовать утомительнымъ образомъ.

— А все же таки... все же какъ-то оно того... продолжалъ старикъ, снова раскладывая на столѣ платокъ. — Одной-то въ Петербургѣ.. ужь не знаю. Да и Евгений-то Савичъ... согласится ли онъ чтобы жена-то на сценѣ пѣла.. какъ-то это того...

— Моя цѣль сдѣлать музыкальную карьеру, и тогда я ни отъ кого и ни отъ чего не буду зависѣть! сказала Липочка. Василий Петровичъ помолчалъ, не смѣя еще разъ выразить что по его мнѣнію все-таки лучше было бы поскорѣе выйти замужъ, и что онъ еще не умѣетъ смотрѣть на женскую независимость тѣми же глазами какъ дочь. Онъ обвелъ взглядомъ комнату и рѣшился затронуть очень безпокойшій его вопросъ — на счетъ средствъ. Липочка отвѣтила что ей немножко помогаетъ Евгений Савичъ. Василий Петровичъ опять примолкъ и замѣтивъ что его посѣщеніе становится въ тягость, собралъ со стола шапку и теплые вязаные перчатки. Липочка не удерживала его, но просила заходить. Онъ простился и ушелъ.

Онъ еще раньше отъ старика Молостова зналъ адресъ Безбѣднаго и поѣхалъ прямо туда. Адвокатъ былъ дома, но такъ какъ пріемъ кончился, то швейцаръ не пускалъ его. Онъ спросилъ Сергѣя Михайловича. Вызванный по этому случаю Авериръ подумалъ, тряхнулъ кудрями и пошелъ его корридорчиками въ комнату молодого человѣка.

Молостовъ зналъ Илатова очень мало и конечно не настолько чтобы обрадоваться его пріѣзду. Но была другая причина, заставившая его необычайно и радостно оживиться, когда онъ узналъ старика.

— А, добрыйшій Василий Петровичъ! какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ въ наши страны? привѣтствовалъ онъ его, дружески съ нимъ цѣлуясь. — Садитесь пожалуйста. Чѣмъ васъ подчивать? Вѣдь вы, сколько помантса, не курите? Чаю не прикажете ли?

— Покорнѣйше благодарю, некорнѣйше благодарю, отвѣчалъ Василий Петровичъ, пріятно обрадованный такимъ пріемомъ. — Не позволяйте беспокоиться. Хотя въ негостепріимномъ вашемъ климатѣ чай пользуется славною полеснѣйшаго валитка, но при разѣздахъ по городу опасюсь простуды.

— Когда вы пріѣхали? Олимпиаду Васильевну конечно видѣли уже? продолжалъ спрашивать Молостовъ.

— Сию минуту только имѣлъ съ нею непродолжительное свиданіе и послѣдовалъ съ засвидѣтельствомъ моего почтенія къ вамъ и къ достойнѣйшему другу нашему Евгению Савичу, отвѣтилъ Илатовъ. — Почтеннѣйшій батюшка вашъ поручилъ вѣчески вамъ кланяться. Съ помощью Божіей живъ и здоровъ, и хлопотунъ все также. Ну-съ, а вы что хорошаго о себѣ скажете, любезнѣйшій Сергѣй Михайловичъ?

Молостовъ навелъ на него свои блиставшіе восторженными блескомъ глаза.

— О себѣ? Нѣтъ-съ. О себѣ я ничего не скажу, произнесъ онъ. — Что обо мнѣ? Я тутъ ни при чемъ. Я дышу готовымъ воздухомъ, какой здѣсь образуется.

— Воздухонъ-съ? переспросилъ, не понявъ его, Василій Петровичъ.

— Да. А воздухъ здѣсь не хорошъ. Вреденъ даже.

Илатовъ въ затрудненіи поправлялъ свой тохолокъ.

— Чѣмъ же, Сергѣй Михайловичъ, вреденъ онъ, воздухъ-то?

— А вотъ испытаете, увидите, отвѣтилъ Молостовъ, смущая его все тою же игрой злораднаго блеска въ глазахъ. — Вамъ, старому человѣку, къ этому воздуху ужъ не привыкнуть. Вотъ я, да Олимпиада Васильевна—другое дѣло, вамъ надо привыкать. А не привыкнешь — пропадешь.

Лицо Илатова принимало все болѣе смущеніе и безпомощно-напрягающееся выраженіе, по мѣрѣ того какъ злобно разгоралось лицо Молостова.

— Собственно что же такое вы хотите оказать, Сергѣй Михайловичъ? спросилъ онъ, продолжая лучше прежняго терзать свой сѣренькій тохолокъ.

Молостовъ съ силой бросилъ на полъ окурокъ лалиросы, всталъ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, круто повернулся на каблучкахъ.

— Вы, Василій Петровичъ, почему сюда пріѣхали? заговорилъ онъ съ неожиданною страстностью. — Потому что еще тамъ, въ Т* почували этотъ воздухъ. Вы еще мѣсяць назадъ за меня хватались, чтсбъ я крикнулъ вамъ: скорѣй, скорѣй, сюда, спасайте! Будто я этого не понимаю! Но я вамъ не закричалъ тогда, потому что... потому что какое

же мнѣ дѣло! Вотъ вы сами надумались да пріѣхали, ну и дѣлайте какъ знаете. Смотрите, выхайте, коли можете спасайте— а до меня не касается. Я вамъ впередъ говорю, я хохотать буду. У меня на этотъ счетъ есть такая точка— недавно нашелъ. Называется „торжество побѣдителей“. Да-съ. Коли не умѣешь вовремя вѣлѣться въ горло—не удивляйся что тебя перевернутъ лалками къ верху. Вотъ Евгенийъ Савичъ извоить выражаться что жизнь есть конкурсъ, съ фанфарами и преміями. Преміи-то иногда живыя бываютъ, вотъ что-съ!... Да позвольте, вы развѣ не хотите сейчасъ видѣть Евгенія Савича? Онъ дома, въ кабинетъ занимается. Проектъ новаго общества ассемблеи составляетъ—хо-хо! Вы посидите минуточку, а сейчасъ скажу ему.

И прежде чѣмъ Василій Петровичъ могъ остановить его, Молоствовъ почти выбѣжалъ изъ комнаты, предоставивъ старика невообразимому смятенію.

Черезъ минуту онъ вернулся, и растворивъ настежь дверь, проговорилъ все также влорадно звучащимъ голосомъ:

— Пожалуйте, Василій Петровичъ!

Илатовъ нетвердыми шагами подошелъ къ двери и остановился, какъ будто не рѣшаясь перешагнуть порогъ. Красныя латки олять выступили у него на лицѣ, и въ головѣ зашумѣло. Онъ трясущеюся рукой взялъ Молостова за ладъканъ жакетки.

— Чтò жь это такое, Сергѣй Михайловичъ, побойтесь Бога! Чтò вы такое наказыали? проговорилъ онъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ.—Вѣдь вы меня въ такое повергли состояніе что я и мыслю въ головѣ не соберу. Какъ я въ такомъ разстройствѣ могу Евгенія Савича затруднять?

— Идите, идите, сказалъ Молоствовъ и повернувшись пошелъ впереди него.

Дойдя до кабинета, онъ показалъ ему рукой на дверь и послѣднимъ вернулся въ свою комнату. Лицо его было желто и влорадный блескъ потухъ въ глазахъ. Они глядѣли угрюмо и тускло.

XIII

Безбѣдный дѣйствительно былъ занятъ проектомъ новаго общества ассенизаціи. Это было то самое дѣло, въ которое Каричъ обѣщалъ „подаить свѣженькихъ тыщенокъ триста“ и которымъ интересовался баронъ Грабенъ. Они трое были главными учредителями, но относились къ предпріятію весьма различно. Баронъ, какъ менѣе опытный, глядѣлъ на него серьезно, увлекался предполагаемыми солидными выгодами и разчитывалъ на хорошій дивидендъ. Каричъ и Безбѣдный смотрѣли на предпріятіе такъ-сказать съ боѣе острой стороны. Имъ не было никакого дѣла до его солидности, но они знали что затѣя способна привлечь капиталы и отдать въ ихъ распоряженіе новую биржевую цѣнность, весьма удобную для спекуляціи. Поэтому въ концѣ-концовъ они должны были выиграть, а баронъ проиграть и можетъ-быть даже разориться. Оба они понимали неизбежность такого результата, но Каричу не было никакого дѣла спастись барона отъ послѣдствій акціонернаго увлеченія, а Безбѣдный даже очень не прочь былъ сыграть со своимъ побочнымъ братомъ скверную шутку. Чувство которое онъ съ дѣтства питалъ ко всему семейству Ксеніи Михайловны, еще не исчезло въ немъ и поддерживалось пренебрежительною холодною, встрѣчаемою со стороны барона.

— Добро пожаловать, привѣтствовалъ Безбѣдный Василіа Петровича, усаживая его въ кресло.—Хотя я очень занятъ, но для такого неожиданнаго и рѣдкаго гостя можно отложить. По дѣламъ или просто повидаться съ Олимпіадой Васильевной?

Онъ взялъ сигару, потягиваясь и отбрасывая ото лба волосы, какъ человѣкъ который очень засидѣлся за письменною работою и потому даже радъ что его оторвали отъ стола. Маленькое внутреннее волненіе напрягало его нервы, но онъ смилкомъ хорошо умѣлъ владѣть собою чтобы обнаружить его.

— Какія же могутъ быть у меня дѣла, Евгенийъ Савичъ? отвѣтилъ срывающимся голосомъ Илатовъ.—Дѣло у меня тутъ только одно, но это дѣло кровное и такъ-сказать проросшее къ моему сердцу. Дочь моя...

— Я не умѣю вамъ выразить, какъ я былъ обрадованъ прїѣздомъ Олимпіады Васильевны! послѣднѣе перебилъ его Безбѣдный.— Она напомнила мнѣ самое счастливое время моей провинціальной жизни. Но я въ особенности радъ за нее самое. Я всегда былъ убѣжденъ что она обладаетъ рѣдкимъ даромъ и можетъ достигнуть величайшихъ успѣховъ на артистическомъ поприщѣ. Я счастливъ что мое мнѣніе такъ блистательно оправдывается. Черезъ нѣсколько лѣтъ имя вашей дочери будетъ гремѣть.

— Какъ Богъ дастъ, какъ Богъ дастъ, Евгенийъ Савичъ! отозвался Илатовъ, чувствуя какъ сердце его сжимается подъ самоувѣреннымъ, свободнымъ и яснымъ взглядомъ молодого адвоката.—Какъ Богъ дастъ, повторилъ онъ, тряхнувъ головой, которую ему трудно было держать.

Онъ выпустилъ изъ-подъ рукавовъ свои большія красныя руки и перебиралъ пальцами на колѣняхъ. Входя онъ не успѣлъ оглянуться и теперь въ первый разъ обвелъ глазами комнату. Отпечатокъ солидной, обдуманной роскоши, лежавшій на всемъ, производилъ на него подавляющее впечатлѣніе. Безконечно далекимъ казалось время, когда этотъ самый Безбѣдный жилъ у него въ Т* и просиживалъ за-просто цѣлые вечера съ нимъ и съ Липочкой...

— Я, Евгенийъ Савичъ, понимаю какъ много вамъ объяснѣлъ... проговорилъ онъ, съ тоской поднявъ на него глаза.— Богъ дастъ, Липочка... Липочка моя... Только я, Евгенийъ Савичъ, вѣдуци сюда думалъ... Разумѣется у меня понятіе стариновское, вамъ лучше разсудить. А все какъ-то мнѣ представляется—живетъ она здѣсь одна, ни при отцѣ, ни при матери, среди чужихъ людей, точно студентъ какой-нибудь.. Все какъ-то это мнѣ не того...

Безбѣдный оглядѣлъ свою сигару и такъ какъ подавъ него не было пелельницы всталъ подошелъ къ бюро чтобы стряхнуть золу.

— Помилуйте, сколько дѣвушекъ прїѣзжаетъ въ Петербургъ доканчивать свое образование! возразилъ онъ, возвращаясь отъ стола.—Столица притягиваетъ молодые таланты, это въ порядкѣ вещей.

— Таланты... да, конечно... Я вѣдь понимаю что гдѣ же мнѣ тутъ судить! продолжалъ тѣмъ же срывающимся голосомъ Илатовъ.—Только я, Евгенийъ Савичъ, вѣдуци сюда имѣлъ въ мысляхъ... если позволите старику откровенно,

по-просту сказать... дѣло вѣдь кровное, Евгенийъ Савичъ. Матъ ваше вниманіе всегда было дорого, Евгенийъ Савичъ, и хотя я и старикъ и многого по-новѣйшему не могу разсудить—точно что не могу—а отцовскій глазъ сердцу говорить... Это я видѣлъ, Евгенийъ Савичъ, что вы Липочкой моей съ самаго начала заинтересовались и она съ своей стороны привыкла къ вамъ!

Безбѣдный послѣднѣе взялъ его за руку.

— Добрѣйшій Василій Петровичъ, зачѣмъ мы будемъ нѣжности другъ другу говорить! перебилъ онъ его.—Я никогда не скрывалъ своего восхищенія отъ Олимпиады Васильевны и глубоко цѣню ея довѣріе. Вѣдь и на самый ея пріѣздъ въ Петербургъ я смотрю какъ на знакъ величайшаго ко мнѣ довѣрія и понимаю все къ чему я обязанъ съ моей стороны. Повѣрьте, я болѣе всѣхъ заинтересованъ въ ея судьбѣ, въ ея успѣхахъ, въ ея блестящей будущности. И вы и Олимпиада Васильевна можете всегда располагать мною. Вы долго думаете пробить въ Петербургъ? прибавилъ онъ съ спокойною и ясною улыбкой.

— Въ Петербургъ?... повторилъ за нимъ Илатовъ, съ усиленіемъ собирая трясущіяся губы.—Я, Евгенийъ Савичъ... вы простите меня, растерялся я совсѣмъ... Одна вѣдь она у меня. Я пробуду... какъ Богъ дастъ...

Безбѣдный, все также ясно улыбаясь и глядя мимо него такими же ясными глазами, опять пожалъ ему руку.

— Такъ значить мы еще увидимся, и не разъ, я надѣюсь! сказалъ онъ.

Илатовъ тоже что-то сказалъ и тоже зачѣмъ-то жалъ ему руку. Чья-то, словно вышняя, сила вывела его въ прихожую и помогла одѣться. Когда сырой, талый воздухъ охватилъ его на улицѣ, онъ почувствовалъ что щеки его мокры и что ему холодно. Холодъ сжималъ глаза и мѣшалъ смотреть. Онъ остановился, связанный ощущеніемъ какого-то страннаго расслабленія, похожего на столбнякъ. Покривившія губы вздрагивали и по нимъ скользила синеватая тѣнь. Желаніе теплоты, безопасности, покоя вдругъ схватило его съ неожиданною силой. Что-то далекое, дѣтское, безпомощное и счастливое пронеслось въ услужанной мысли. „Въ постельку бы лечь, горяченькаго бы напиться, да зарыться подъ мажорное одѣяльце, да заснуть,“ проговорилъ онъ самъ съ собою, улыбаясь смѣшною, стоптанною улыбкой.

Но вмѣстѣ съ этимъ страннымъ дѣтскимъ желаніемъ помѣщалось сознаніе необходимости чего-то совершенно противоположнаго. Что-то надо было сдѣлать, трудное и мужественное. „Спасайте“, говоритъ Молоствовъ. Да, надо спасать. Но развѣ онъ можетъ?

Протѣзжавшій порожнякомъ извозчикъ остановился и внимательно посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Баринъ, а баринъ, что-й то вы нездоровы, что ли? сказалъ онъ.—Садитесь, свезу. Вамъ куда?

Илатовъ назвалъ свою гостиницу, и съ трудомъ взобрался на качающіяся дрожки, лохмалъ между кучами взрытаго льда, составляющими лѣрное предвѣстіе петербургской весны. Извозчикъ то и дѣло сомнительно на него оглядывался.

В. АВСѢНКО.

ПОДЪ ГРОМОМЪ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ*

(Изъ дневника веденнаго покойнымъ А. Д. Камовскимъ въ Крыму,
во время военныхъ дѣйствій 1853 года)

5го ноября, пятница. Вотъ уже мѣсяцъ какъ бомбардируютъ Севастополь, а еще онъ, благодареніе Господу, держится.

Вотъ уже слишкомъ два мѣсяца что мы ведемъ жизнь бивуачную, безпрестанно мѣняя мѣста, переходя отъ земляной постели къ постели изъ сѣна въ лалаткѣ, отъ лалатки къ пароходной, теплой, уютной каютѣ и наконецъ перешли теперь съ парохода въ избу, близъ сѣвернаго укрѣпленія въ *сухой балкѣ*.

Послѣдній переходъ былъ вынужденъ вотъ какими для меня особенно важными обстоятельствами:

Какъ милостивъ еще ко мнѣ Богъ!...

2го числа ноября, во вторникъ утромъ, поднялась неожиданно страшная буря съ дождемъ, градомъ и снѣгомъ.

На берегу всѣ наши лалатки разлетѣлись. Пароходу стала угрожать опасность столкнуться съ близкимъ кораблемъ и сдѣлаться со стоявшимъ неподалеку пароходомъ *Дальборусъ*,

* См. *Русск. Вѣсти*. № 2й 1878 года.

либо наконецъ ткнуться въ утесистый берегъ. Все у насъ вдругъ засуетилось. Князь, капитанъ, нѣкоторые чины штаба выбѣжали на палубу смотрѣть на ужасы разыгравшейся погоды. Я одинъ спокойно оставался въ своей каютѣ, доканчивая свой утренній туалетъ. Потомъ сталъ пить чай, перелистывая присланный мнѣ наканунѣ изъ Петербурга некрологъ князя Евгенія Голицына, бывшаго адъютантомъ у Генералъ-Адмирала и утонувшаго въ Кронштадтѣ 17го іюля нынѣшняго года, при пробѣ шлюпки. Этой же опасности подвергался и самъ Великій Князь, который вмѣстѣ съ прочими катавшимися въ шлюпкѣ упалъ въ воду.

Ко мнѣ безпрестанно приходили сверху объявлять что картина чудесная, что вѣроятно и враги наши страшно терпятъ.

— Да придите взглянуть какъ насъ валяетъ во всѣ стороны, приглашалъ меня полковникъ Василій Федоровичъ Вуншъ.

— Богъ съ этимъ! отвѣчалъ я машинально, чувствуя что меня уже начинаетъ укачивать. Наконецъ волненіе на рейдѣ до того усилилось что нельзя было оставаться на пароходѣ. Онъ уже сцѣпился съ *Эльборусомъ* и другъ другу терли носы. Все трещало. Капитанъ былъ въ хлопотахъ.

Князя и всѣхъ насъ пригласили съѣхать на берегъ. Но какъ? Трапъ спустить было невозможно, катеръ подвезти тоже нельзя. Распорядились прислать отъ берега огромный барказъ, въ который на рукахъ сначала спустили князя, а потомъ и дюжаго полковника Вунша. Когда до меня дошла очередь, я захватилъ свой портфель съ бумагами, нисымами, а также образомъ Спасителя, сверхъ этого вручили мнѣ портфель съ казенными деньгами тысячъ до двадцати пяти, и съ этимъ-то грузомъ, въ солдатской шинели, въ калошахъ, а также и въ шубѣ, лоторопилася спрыгнуть съ парохода видя что матросы долго не могли меня спустить, не уловляя момента, когда барказъ подвысится волненіемъ къ пароходу. Я прыгнулъ, а въ это время волненіемъ барказъ откинуло въ сторону и вмѣсто рукъ матросовъ, которые благополучно приняли моихъ предшественниковъ, я бухъ въ объятія Нептуна и Наяды.

Трудно описать что думалъ я въ эту минуту, когда я былъ съ головой въ водѣ, далеко еще не доставая дна ногами.

Знаю и помню твердо что я внутренно произнесъ: „Господи! спаси и помилуй!“ Портфель я бросилъ; шубу успѣлъ въ водѣ разстегнуть, и зная правила плаванія, давъ ударъ ногами объ воду, вынырнулъ какъ пробка и къ счастью у самого борта барказа. Десять рукъ уже протянулись ко мнѣ чтобы тащить меня изъ воды. Я ухватился за руку капитанъ-лейтенанта Станюковича (сына губернатора) и онъ съ помощью другихъ, тащившихъ меня и за голову и за шивель, высвободили меня изъ воды и вытащили мокраго какъ мышь на барказъ.

Князь, видя всю суматоху и не зная еще въ чемъ дѣло, подошелъ къ тому мѣсту гдѣ суетились и увидѣвъ меня спросилъ:

— Какъ это вы улади?

— Да, отвѣтилъ я, — вздумалось нехотати взять морскую ванну.

Полковникъ Вуишъ и капитанъ-лейтенантъ Станюковичъ, спасибо имъ, хлопотали довести меня до избы. Вѣтеръ, свѣтъ, дождь, грязь, налитавшееся водою платье мое, усталость отъ барахтанья въ водѣ, — все это мѣшало мнѣ идти. Меня тащили и едва-едва мы добрались до избы, гдѣ съ меня сняли все, раздѣли, вытерли ромомъ и напоили горячимъ чаемъ съ ромомъ до ольяненія. Я легъ спать на прилавкѣ въ сквернѣйшей горенкѣ избы, покрывшись тремя шубами. Добрые сосаживцы хлопотали около меня и ихъ заботливость была мнѣ конечно пріятна. Вскорѣ пришелъ докторъ Великихъ Князей г. Боссе, потомъ князь, потомъ генералъ-адъютантъ Философовъ. Я сталъ засыпать и спать какъ кажется богатирскимъ сномъ.

Буря обошлась и нашимъ врагамъ не дешево. Безпрестанно доходятъ слухи что множество судовъ и транспортныхъ, и пароходныхъ погибло.

Я часто думаю: Провиденіе устроитъ дѣло Россіи какъ нельзя лучше, но съ этимъ вмѣстѣ нельзя чтобы и мы не испытали искушеній.

Что такое людская прозорливость? Что такое человѣчскій умъ? Что всѣ наши таланты предъ святымъ Промисломъ?

Князю Александру Сергѣевичу по временамъ кажется несомнѣннымъ — и это меня всего болѣе огорчаетъ и сердитъ —

что дѣло наше уже погибло. Я частенько утѣшалъ его тѣмъ что вѣрю что Богъ не дастъ врагамъ наругаться надъ Россіей, отстаивающею святое дѣло своихъ единовѣрцевъ. Всякій разъ какъ приходилось со словъ князя писать о предстоящемъ будто бы паденіи Севастополя, у меня сердце замирало. Я видѣлъ яко что все отчаяніе и вся безнадежность князя происходили отъ того что онъ до сихъ поръ не имѣлъ ни единого блистательнаго успѣха въ борьбѣ со столь сильными врагами.

Да и можно ли, разсуждали мы иногда съ полковникомъ Вуишемъ, человѣкомъ весьма благочестивымъ, по нашимъ православнымъ понятіямъ, въ простомъ народѣ больше еще утвержденнымъ нежели въ высшихъ классахъ, можно ли ожидать блистательнаго успѣха войску, которое ни предъ дѣломъ, ни послѣ дѣла не благословляется торжественно, какъ бы сѣдовало, въ присутствіи всего высшаго начальства? Послѣ дѣла у Альмы пріѣхалъ было изъ Одессы архіепископъ Иннокентій, но князь, который его крайне не жалуетъ, отклонилъ его присутствіе между войскомъ, и сдѣлалъ это не совсѣмъ деликатнымъ въ отношеніи Иннокентія образомъ.

Мнѣ это крайне тогда не понравилось. Я искренно сожалѣлъ и даже откровенно выразилъ князю что напрасно онъ такъ поступилъ. Русскій солдатъ благочестивъ и крѣпокъ вѣрой. Ему нужно благословеніе и лаптырское слово.

Говорятъ что Иннокентій жаловался на князя. Не мудро. Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не Турки же мы чтобы не молиться. Впрочемъ, по-своему и Турки благочестивы, вознося свои молитвы къ Аллаху.

Но скажу откровенно, его свѣтлость въ этихъ случаяхъ для меня отравенъ. Онъ дѣйствуетъ вовсе не какъ практической человѣкъ. Будучи самъ, Богъ его знаетъ почему, не охотникъ до ларадныхъ церковныхъ и молитвенныхъ обрядовъ (хотя въ тиши у себя наединѣ онъ молится, это я знаю), онъ лишаетъ и все войско свое утѣшенія торжественно возлагать свою надежду на Божіе благословеніе. Это и въ глазахъ цѣлой Россіи покажется непростительнымъ. Я увѣренъ что Иннокентій много повредитъ его полководческой репутаціи.

Намеками я высказывалъ князю эти мои размышленія, но старика не передѣлаешь!

Я расписался сегодня; пора бы и на боковую, но хочется прибавить еще нѣсколько словъ.

Получены извѣстiя что и у Евлаторiи погибло нѣсколько судовъ.

Палъба продолжается, но уже потери наши не такъ велики какъ прежде и осадныя работы непрiятеля съ нѣкоторыхъ поръ не подвигаются впередъ.

Говоря о смиренiи гордыни одного, я былъ бы несправедливъ есаубы не замѣтилъ что смирить слѣдовало бы гордыню и у всѣхъ насъ.

Предъ экспедицiей, помню, живя въ мирномъ Севастополѣ, мы только и твердили, особливо въ морскомъ мирѣ:

„Пускай придутъ! Мы имъ покажемъ себя! Узнаютъ они какъ хорошо незваннымъ и непрощенымъ приходить! Давайте ихъ сюда, чѣмъ больше тѣмъ лучше!“ и пр. и пр.

Вотъ они и пришли, и что же?... Всѣ мы что-то присмирѣли послѣ Альминскаго и Инкерманскаго дѣла, не ту уже лѣсню поемъ. Многие пессимисты даже до отчаянiя дошли. Все имъ кажется что не ладно. Все-то, по ихъ мнѣнiю и взгляду, у враговъ лучше, все-то у насъ скверно.

Смѣшно и недостойно и отчаянiе это. Оно выражалось иногда и въ словахъ князя, когда бывало онъ начнетъ со мною откровенно бесѣдовать о положенiи нашихъ дѣлъ. Я старался утѣшать его тѣмъ что съ помощiю Божiей дѣла наши уладятся лучше и неожиданнѣе чѣмъ мы всѣ думаемъ и ожидаемъ.

Эти утѣшенiя иногда и дѣйствовали на князя. Онъ, по видимому, какъ будто внутренно радовался, что есть около него человѣкъ который еще не теряетъ надежды на благополучное окончанiе дѣла, который еще не отчаивается. Старикъ даже сдѣлался, сколько я замѣтилъ, нѣсколько суевѣренъ. Напримѣръ онъ съ нескрытымъ удовольствiемъ выслушивалъ разныя предсказанiя по Афинскому календарю, который предвѣщалъ и бурю и крушенiе флотовъ и наконецъ между 31мъ октября и 8мъ ноября уходъ флотовъ и побѣду надъ Заладомъ.

Посмотримъ что изъ этого обудется! Буря была; крушенiе свершилось. Сбылась также и та битва которую календарь предвѣщалъ на 8е сентября. Я помню что предъ Альминскимъ дѣломъ прiѣзжалъ къ намъ, увъ! теперь уже покойникъ, генералъ-адъютантъ Корниловъ и предсказывалъ

по календарю на 8е число страшное сраженіе. Оно и было.

Но довольно на сегодня.

10го ноября, среда. Послѣ бури 2го ноября, которая, какъ оказалось, произвела значительный вредъ судамъ союзниковъ, и особенно у береговъ Евлаторіи (а мы еще не знаемъ сколько погибло въ морѣ), предположеніямъ у насъ въ главной квартирѣ нѣтъ конца.

— Должны уйти, говорятъ одни;—нѣтъ провизіи, вся погибла!

— Не могутъ уйти, по крайней мѣрѣ не могутъ теперь, не могутъ уже потому, что поднять армію на оставшихся здѣсь судахъ невозможно. Ихъ мало, да и тѣ которыя находятся, вѣроятно порядкомъ порастрепаны. Да и кто изъ главнокомандующихъ рѣшится предложить, не исполнивъ предположеннаго, снять вдругъ осаду и уйти изъ Крыма.

Что же они могутъ теперь сдѣлать? Трудно въ настоящихъ обстоятельствахъ рѣшить этотъ вопросъ. Вѣроятно же всего что оба военачальника будутъ дожидаться, не предпринимая ничего рѣшительнаго, но продолжая осаду—приказаній отъ своихъ правительствъ, пославъ въ Парижъ и Лондонъ обстоятельныя свѣдѣнія: въ какомъ положеніи обѣ арміи здѣсь находятся.

Пока я такъ разсуждаю, а канонада гремитъ да гремѣть, порой замѣтно усиливается.

Осадныя работы идутъ своимъ порядкомъ. Такъ называемыя же контрваллаціонныя, предпринятія послѣ Инкерманскаго дѣла, для обезпеченія позиціи отъ возможныхъ съ нашей стороны нападений, они укрѣпляютъ все болѣе и болѣе редутажа.

Но мѣрѣ того какіе слухи доходятъ до насъ отъ лѣннихъ и перебѣжчиковъ, увеличиваются и надежды наши на освобожденіе отъ осады, либо поддерживается мысль что союзники покончатъ дѣло штурмомъ, какъ единственнымъ средствомъ выбить насъ изъ города и порѣшить участь кампаніи.

Въ штурмѣ и даже новой попыткѣ бомбардировать съ моря и кавъ не сомнѣвается. Я же, грѣшный человѣкъ, въ штурмѣ всегда и теперь еще болѣе сомнѣваюсь, не предполагая у насъ достаточнаго числа войскъ чтобы предпринять его съ увѣренностію въ успѣхѣ; а въ новой бомбар-

дированіи съ моря не вижу для нихъ выгоды поелѣ первой и не совсѣмъ удачной попытки 5го октября.

Ужъ и иностранныя газеты перестаютъ вѣрить донесеніямъ Раглана и Канробера. Отдаютъ справедливость скромности и достоинству и особенно безпристрастію донесеній князя Меншикова, на вѣрность которыхъ только и полагаются. Редакція этихъ донесеній принадлежитъ мнѣ. Всякій разъ, когда по приказанію князя или со словъ его, либо съ частныхъ донесеній отъ разныхъ начальниковъ, мнѣ приходилось составлять докладную записку государю, то я, зная взглядъ на реляціи князя, старался угодить ему краткостью, ясностью, отсутствіемъ хвастовства, обнадеживаній, безо всякихъ пышныхъ фразъ, говоря истину о своихъ неудачахъ, о преимуществахъ враговъ, такъ чтобы царь и Россія знали истину и не убаюкивались вредною самонадѣянностью, не видѣли тамъ успѣховъ или побѣдъ, гдѣ неудачи либо пораженіе.

Въ Петербургѣ, мы знаемъ, нашими донесеніями отсюда недовольны. Ихъ находятъ слишкомъ краткими, а главное безъ обычныхъ для реляцій словъ: „врага обратили въ бѣгство; разбили на голову; гнали по пятамъ; на плечахъ ихъ взбѣжали; уничтожили вчетверо сильнѣйшаго противъ насъ непріятеля“ и т. п.

Избалованные реляціями съ Кавказа, донесеніями и журналами военныхъ дѣйствій съ Дуная, въ Петербургѣ весьма естественно приходятъ въ отчаяніе что въ нашихъ донесеніяхъ встрѣчаютъ противное тому къ чему привыкли.

Въ Петербургѣ удивляются: почему не всякій день у насъ побѣда? Почему не на каждомъ шагѣ врагъ отъ насъ бѣжитъ со стыдомъ и срамомъ вспять? А никто не спроситъ: да съ кѣмъ побѣждать? Гдѣ эти воители, которыми бы и Александръ Македонскій могъ завидовать? Генераловъ-то у насъ много, да истинно военныхъ людей нѣтъ... А молодые офицеры, ученые и переучаемые по конспектамъ, хотя не многіе умѣютъ писать по-русски безъ ошибокъ, къ военному полемому дѣлу рѣшительно не приготовлены.

Я видѣлъ ихъ, нагадывая и наслушавъ ихъ разсужденій. Грустно подумать о грустныхъ результатахъ этихъ пышныхъ *конспектовъ*, которые столько же вводятъ въ заблужденіе Россію какъ и реляціи, съ гордостью скажу, не только составленія.

Однако за всѣмъ этимъ все-таки остается нерѣшеннымъ вопросъ: что же предпримутъ враги наши въ дальнѣйшемъ? Конечно, трудно съ точностью опредѣлить что. Положеніе ихъ и наше таково что всякое рѣшеніе этого вопроса дѣлается преждевременнымъ и не можетъ быть безспорнымъ.

Бѣдствуемъ мы, да бѣдствуютъ и они. Не утѣшительнымъ для союзниковъ отзывъ газетъ о положеніи ихъ арміи, да не менѣе слышишь жалобъ и у насъ, особенно отъ частныхъ отдѣльныхъ начальниковъ. По ихъ мнѣнію, бѣдственнѣе нашего положенія и придумать нельзя: ни хлѣба, ни пороха, ни одежды, ничего-то у насъ нѣтъ!

Словомъ, мы какъ будто наканунѣ того что нужно оставить все и бѣжать отсюда. Я не довѣряю ни слухамъ газетъ, ни сѣтованіямъ нашихъ лессимистовъ. И тамъ у нихъ, и здѣсь у насъ опасенія преувеличены. Но конечно какъ они, такъ и мы, не на розовыхъ подушкахъ. А намъ все твердятъ изъ Петербурга: бейте и бейте! Своими боками что ли? Уже два раза попробовали. Не знаю какой капельмейстеръ, зная своихъ музыкантовъ, рѣшится еще разъ разыграть увертюру безъ боязни осрамиться и быть прогнаннымъ со сцены.

Въ непріятельскихъ лагеряхъ, какъ доносятъ намъ, замѣтны разныя движенія, которыя подають поводъ думать что или уходятъ и обманываютъ насъ, или готовятся къ какому-нибудь отчаянному удару.

Я продолжаю только молить Бога чтобы прекратилось кровопролитіе, чтобы примирились народы и окончили эту страшную кровавую борьбу. Но постыдный миръ хуже. Его не приметъ Россія. Да и царь нашъ не таковъ чтобы вложить мечъ въ ножны разбитый...

11го ноября, четвергъ, та же избушка. У всѣхъ одинъ и тотъ же вопросъ: что дѣлають враги?

Одни говорятъ: уходятъ, ужъ только однанадцать судовъ осталось, кавалеріи не видать. Пушки свозятъ въ Балаклаву.

Другіе возражаютъ: не уходятъ и послали за подкрѣпленіемъ. Будутъ драться, дабы во что бы то ни стало овладѣть Севастополемъ.

Мое мнѣніе такое: Послѣ явнаго неуспѣха въ бомбардированіи, что не подлежитъ уже сомнѣнію, ибо 39й день

продолжается канонада, а ни одна еще батарея не сбита, враги едва ли захотятъ телерь же идти на проломъ штурмомъ.

Если же безъ штурма захотятъ здѣсь прозимовать, что весьма правдоподобно и вѣроятно, съ тѣмъ чтобы, протянувъ осаду до весны, дожидаться новыхъ подкрѣпленій и тогда уже предпринять что-нибудь либо противъ Севастополя, либо во внутрь края, то снова представляется вопросъ: какъ выдержать зиму? Могутъ ли оставаться здѣсь ихъ флоты? Буря 2го ноября—хорошій намекъ. А безъ флота какъ будутъ снабжаться провизіей, одеждой, снарядами? И притомъ не должны ли они тревожиться мыслью что зимнимъ путемъ мы соберемъ большія силы и пожалуй накроемъ ихъ.

Правда что они укрѣпляютъ свою позицію. Это можетъ обезпечить отъ нашего нападенія; но отъ нападешя холода и голода чѣмъ они обезпечатся, если съ моря подвозъ прекратится? Что будутъ дѣлать съ больными? Какія надежды на весну для новыхъ дѣйствій? Вѣдь если Севастополь не взять до сихъ поръ, при малыхъ средствахъ его обороны, то разумеется къ веснѣ онъ еще болѣе укрѣлится и будетъ менѣе доступенъ къ овладѣнію имъ. Ужь конечно мы всѣ средства употребимъ чтобы одѣлать его грозѣе и недоступнѣе.

Кажется слѣдовало бы *уйти*. Но съ другой стороны необходимо оставаться и оставаться во что бы то ни стало. Уходъ и физически труденъ и морально былъ бы признанъ постыднымъ! И такъ все говоритъ въ пользу того что врагу лучше уйти, но нельзя уйти и должно оставаться, и вѣроятно онъ и останется.

Но оставаясь, что они предпримуть? Какъ ни толкуютъ дезертиры и лѣнные о штурмѣ, я въ него не вѣрю и вѣрить не хочу.

Теперь они усиливаютъ свои контраваллаціонныя работы. Это можетъ-быть, во первыхъ, съ цѣлью обезпечить себя отъ нашего нападенія въ родѣ Инкерманскаго, а вторыхъ и для того чтобы, продолжая одною частью войскъ бомбардировку, другую занять полезною работою, поддерживая имъ и надежду на скорое взятіе Севастополя, гдѣ найдутъ кровъ, одежду, снаряды и пищу. А можетъ-быть и для обезпеченія себя въ случаѣ ретираны носѣ неудачнаго

штурмованія, еслибы принуждены были предпринять штурмъ и до весны еще.

Все можетъ быть. Предположеніямъ у насъ нѣтъ конца. Всякій день разные толки, разные взгляды. Я остаюсь при своемъ: должны бы кажется уйти, но не могутъ уйти.

Князь, какъ человѣкъ хитрый, не высказываетъ своего задушевнаго разсужденія и своего взгляда на вещи и положеніе. Онъ при всякомъ случаѣ присоединяется лучше къ сторонѣ пессимистовъ, чтобы, какъ мнѣ кажется, выслушивать отъ оптимистовъ размышленія противныя, и изъ этого всего, повѣркой фактовъ съ разсужденіями, выискиваетъ истину логическихъ выводовъ.

Зная его свѣтлость давно и столько же давно наблюдая и изучая его, мнѣ кажется я не ошибусь если скажу, что иногда онъ *притворяется пессимистомъ*, что и мрачность его доносеній, хотя положеніе наше дѣйствительно не блистательное, не безъ цѣли и не безъ разчета.

Какая же можетъ быть цѣль, какой разчетъ? А вотъ какой: представляй онъ все, даже малые успѣхи нашихъ молодецкихъ вылазокъ, въ блистательномъ видѣ, подражай онъ реляціямъ къ какимъ Россія приучена, князь возбуждалъ бы въ нѣкоторыхъ петербургскихъ друзьяхъ своихъ зависть и поддерживалъ бы въ государѣ заблужденіе на счетъ несокрушимости нашихъ силъ, на счетъ талантливости нашихъ генераловъ.

Зависть на все способна. Князь знаетъ что нашлись бы люди которые бы всячески старались портить малые даже успѣхи, еслибы онъ ими хвалился. Онъ ничего особенно отраднаго отсюда не лишаетъ, и сколько разъ мнѣ приходилось горевать что малѣйшій восторгъ, вырвавшійся неволью у меня при составленіи доклада о какой-нибудь легкой вылазкѣ, онъ уничтожалъ, замѣняя фразой чуть-чуть не плачевнаго содержанія.

— Нѣтъ-съ, говорилъ онъ на мои возраженія, — ну okay знаютъ истину безъ прикрасъ.

Въ этомъ я читалъ другое значеніе: „ну okay соблаговѣствуютъ о насъ, сожалеютъ, желаютъ лучшаго и всѣми средствами помогаютъ.“

Выставляя положеніе наше въ тяжкомъ видѣ, хотя, право, оно не въ такомъ тяжкомъ, какъ онъ въ письмахъ къ военному министру иногда представляетъ, князь болѣе

обезпеченъ на счетъ скрытыхъ козней своихъ благопріателей, которые при явныхъ успѣхахъ, а особливо при выхваленныхъ имъ самимъ, не задумались бы и подсолить ему.

Изъ Петербурга какъ къ нему такъ и къ намъ то и дѣло пишутъ: „да что вы не бьете враговъ; да что вы даєте имъ укрѣпляться?“ Кѣмъ и чѣмъ бить?... Ружьями, которыми только на 300 шаговъ бьютъ что ли? Легко сказать: „бейте!“

Въ одномъ отношеніи князь теперь замѣтно измѣнился, и къ лучшему.

Его свѣтлость, обыкновенно весьма не податливый на щедрыя награды, и любившій, ужь Богъ знаетъ почему, къ меду всегда прибавлять вѣсколку и дегтю, сдѣлался вдругъ безусловенъ на награжденіе моряковъ. Правду сказать, было бы верхомъ неблагодарности къ морякамъ, которые одни можно сказать богатырски противостоятъ всѣмъ усиліямъ враговъ, еслибы еще на нихъ въ теперешнее время не лились всевозможныя щедроты, еслибы между ними и сердцемъ царя поставилъ князь преграду, когда государь не знаетъ какъ нахвалиться, какъ наградить своихъ достойныхъ и показавшихъ ему свою преданность черноморскихъ богатырей!

Измѣненію его свѣтлости въ этомъ отношеніи я искренно порадовался. Особенно радуюсь что это измѣненіе послѣдовало въ пользу моряковъ, которыхъ князь во все время своего управленія не очень-то баловалъ и жаловалъ. Таковы были всегда отзывы самихъ моряковъ, и особливо Черноморцевъ.

Стараясь всегда разсуждать о свѣтлѣйшемъ безпристрастномъ, я несколько не страшусь этихъ моихъ замѣтокъ въ моемъ дневникѣ, который постоянно принималъ, и обязанъ принимать мою задушевную исповѣдь и мой велицеиѣрный взглядъ на людей и вещи. Могу заблуждаться, но кто же не заблуждается?

Безъ лести, отдавая князю во многомъ справедливость, говоря о немъ какъ о человѣкѣ умномъ, государственномъ, въ высшей степени талантливомъ и въ настоящемъ положеніи единственно здѣсь годномъ для исполненія того, чего при нашихъ средствахъ можетъ и долженъ ожидать царь и чего можетъ требовать отъ своихъ сыновъ Россія, я погрѣшилъ бы противъ своей совѣсти и правилъ своихъ, еслибы

умалчивалъ и о томъ что грустнаго открывалось въ моемъ патронѣ моя наблюдательность. Дай только Богъ чтобы въ этихъ случаяхъ я чаще ошибался!... Но я ужъ сегодня слишкомъ расписался!...

12го ноября, пятница. Избушка. Сегодня привели ко мнѣ двухъ лѣвыхъ Англичанъ для допроса.

Белые Князья, любопытствуя всегда знать что новаго приключится въ своихъ разказахъ лѣвые или дезертиры, пришли ко мнѣ, несмотря на страшную грязь и дождь, и сами дѣлали нѣкоторые вопросы лѣвнымъ. Надобно имѣть особенный навыкъ чтобы ловить языкъ англійскихъ солдатъ.

14го ноября, воскресенье. Вчера прибыли къ намъ два флигель-адъютанта: новый полковникъ Виллебрантъ и ротмистръ Стюрлеръ. Который-то изъ нихъ привезъ между прочимъ разрѣшеніе главнокомандующему украсить Георгіевскими крестами дѣтей царя, нашихъ обходительныхъ гостей, товарищей по ратному дѣлу.

Хотя его свѣтлость, собирався передать кресты и спросилъ меня: „est ce à la suite de votre éloquence?“ однако по соображеніи числа отправки донесенія о подвигахъ Великихъ Князей въ дѣлѣ 24го октября съ числомъ выѣзда флигель-адъютантовъ изъ Петербурга удостоверяюсь, такъ и сообщалъ князю, что государь разрѣшеніемъ своимъ предупреждаетъ ходатайство и даетъ его вслѣдствіе *перваго* донесенія о самой вылазкѣ 24го.

А что-то подбываютъ враги наши? Стрѣляютъ себя да и только! Собираться во свояси и не думаютъ! Нѣкоторые изъ лѣвыхъ (а у меня-таки довольно ихъ перебывало на допросахъ, такъ что надоѣли даже) показываютъ что у нихъ все еще поговариваютъ о скоромъ штурмѣ. Не вѣрю! Только одинъ Англичанинъ 98го полка, приведенный ко мнѣ вчера, объявилъ что у нихъ между офицерами идетъ будто бы рѣчь, не лучше ль убраться вмѣсто того чтобы ждать Севастополя. Подобнаго показанія до сихъ поръ еще не было. Это первое, но полагаю также какъ и многія другія и особливо о штурмѣ—вздорныя.

16го ноября, вторникъ. Избушка. По показаніямъ дезертировъ, которыхъ привели ко мнѣ вчера, сегодня съ 5 часовъ утра непріятель долженъ былъ начать страшную бомбардировку и яотомъ пойти на штурмъ.

Одни этому у насъ легко повѣрили и дожидались со страхомъ и трепетомъ. Другіе положительно отвергали возможность такого предпріятія. Третьи, въ томъ числѣ и я, думали что можетъ-быть для эффекта или фивала до закрытія занавѣсы на зиму потѣшатся еще разъ надъ городомъ, благо есть нѣсколько у нихъ новыхъ батарей и можетъ-быть ожидается новый заласъ снарядовъ.

Какъ бы то ни было, самъ князь былъ ловидимому въ смущеніи. Къ сожалѣнію долженъ замѣтить что, безпрестанно бесѣдуя и совѣщаясь съ севастопольскими лессимистами, онъ привилъ и къ себѣ въ нѣкоторой стелени ихъ взгляды и опасенія, что будто бы Севастополю трудно держаться, что придется скоро оставить его и вывести войска на Сѣверную сторону.

Это меня не только огорчаетъ, но даже оскорбляетъ. Замѣчая что всѣ доводы князя къ этому основаны только на томъ что онъ въ нашемъ положеніи видитъ все мрачное, поддерживаемое безпрестанными отзывами и вздохами лессимистовъ, а въ положеніи враговъ все *couleur de rose*, я стараюсь всею силой моего краснорѣчія высказать ему мое задушевное убѣжденіе что и врагамъ нашимъ не такъ сладко, какъ мы думаемъ и представляемъ себѣ; что искренно мнѣ жаль, такъ какъ это вредно и для дѣла, что между властями Севастополя укореняется мнѣніе будто бы положеніе крѣпости отчаянное. Высказывая все это князю я не остановился поставить ему на видъ, какъ подобное мнѣніе севастопольскихъ лессимистовъ вредно вообще повліяетъ на молодые умы, а въ особенности потому что эти господа алармисты (я ему назвалъ одного полковника генеральнаго штаба, который у меня въ лапкахъ, еще на Бельбекѣ, разсуждалъ что Севастополь должно отдать, о чемъ, какъ о безразсудствѣ не позволительномъ, я тогда не сообщилъ князю), стараются распространить будто ихъ опасенія раздѣляются и самимъ главнокомандующимъ.

Какъ можно допускать такого рода слухи и толки?

Одни моряки, моряки молодцы не отчаиваются и готовы до конца защищать свой родной Севастополь! И дѣйствительно, какъ можно оставить его потому только что такъ проповѣдуютъ наши лессимисты?

Этимъ бы, воиервыхъ, оскорблены были всѣ моряки, главные защитники, которые уже 40 дней грудью отстаиваютъ

свое дорогое мѣстечко; а восторыхъ и важною государственною ошибкой, вопреки мнѣнію упомянутого полковника, утверждавшаго противное. По его взгляду, отдавъ Севастополь, мы скорѣе будемъ въ Константинополь чрезъ Парижъ или Лондонъ.

Долго мы съ полковникомъ Вуншемъ смѣялись этой дерзкой химерѣ прислаиваема сюда умника. Хорошо! Онъ и въ Севастополь изъ комнаты не выходитъ.

Не помню чтобы когда-нибудь я такъ смѣло и рѣшительно разсуждалъ съ княземъ какъ сегодня. Чувствовалъ что это нужно было сдѣлать, тѣмъ болѣе что состоящій при Великихъ Князяхъ генералъ-адъютантъ Философовъ конфиденціально передалъ мнѣ распространившійся въ Петербургѣ слухъ, будто бы его свѣтлость въ отчаяніи и что о дѣствительномъ моральномъ настроеніи спрашиваютъ у Великихъ Князей и у Философова и Государь и Цесаревичъ, ссылаясь на собственное письмо князя къ военному министру.

Письмо это было писано тотчасъ послѣ Инкерманскаго дѣла 24го октября. Я помню что и на меня оно сдѣлало весьма грустное впечатлѣніе. Мнѣ даже было досадно на князя, зачѣмъ онъ такъ мрачно и тревожно выразился о себѣ въ письмѣ къ князю Долгорукову.

Конечно, дѣло Инкерманское хоть кого бы могло привести въ отчаяніе. Князь ждалъ успѣха, можетъ-быть даже блистательнаго, и жестоко обманулся. Какъ варочиво, ему все дѣло испортили. Однако, для чего же приходитъ изъ досады въ совершенное отчаяніе и неудачу считать совершеннымъ пораженіемъ? Не достигнувъ ожидаемаго, онъ и слышать не хочетъ о томъ что могли потерять наши враги. Съ этимъ взглядомъ онъ написалъ къ военному министру письмо въ день Инкерманской неудачи. Въ письмѣ прямо говоритъ что вѣроятно скоро придется оставить Севастополь, что его собственное состояніе духа незавидное. Письмо писано было на французскомъ языкѣ.

Можно себѣ вообразить какое впечатлѣніе произвело это письмо въ Петербургѣ!... А благопріатели-то, благопріатели какъ этому лордовались!...

Передавая слова Философова князю, я высказалъ и свое мнѣніе, что не вижу, рѣшительно не вижу, почему мы скоро должны оставить Севастополь, что послѣ Альминскаго дѣла

милосердіе Божіе только охраняетъ насъ, что враги изъ одной ошибки впадаютъ въ другую, что продолжительность осады есть уже наша побѣда....

Князь и спорилъ со мною и отчасти соглашался. Онъ показалъ мнѣ два рескрипта государя, отъ 31го октября и отъ 3го ноября, въ которыхъ его величество, ссылаясь на письмо къ Долгорукову, сѣтуетъ на обнаруженное въ этомъ письмѣ уныніе и признаетъ особенно грѣхомъ оуждать мужество нашихъ войскъ и вселять уныніе въ другихъ.

Князю государь поручаетъ какъ можно чаще именемъ его ободрять войска, благодарить, награждать и побуждать къ мужеству. Этого-то свѣтлѣйшій нашъ отъ природы своей не увидѣть. Шутить, острить, балагурить, когда въ хорошемъ расположеніи духа, онъ мастеръ; но чтобъ эффектно выѣхать и подѣяться къ войску, сказать ему нѣсколько молодецкихъ, чисто русскихъ словъ—на это онъ не способенъ; я увѣренъ даже что свѣтлѣйшій считаетъ все это ниже своего достоинства, бесполезными выходками. Ошибается онъ въ этомъ и ошибается вредно для дѣла!

Мнѣ поручилъ князь сочинить отвѣтъ на тотъ рескриптъ государя въ которомъ его величество говоритъ что унывать не должно и грѣшно.

Совершенно согласенъ и я съ царемъ нашимъ: не должно и грѣшно, хотя бы и были нѣкоторыя причины. Главнокомандующій долженъ быть выше всѣхъ этихъ минутныхъ впечатлѣній. А то, что это право въ самомъ дѣлѣ? Враги построили двѣ новыя батареи, можетъ-быть еще и для маски, а ужъ изъ Севастополя и бѣгутъ къ князю утверждать что готовится рѣшительный, послѣдній разгромъ городу. Выбѣжить какой-нибудь Иславецъ изъ союзнаго лагеря, поразкажетъ что адъ, штурмъ и бомбардировку готовятъ противу насъ, и слово „кризисъ“ во всемъ Севастополѣ такъ и ходитъ изъ дома въ домъ.

Разсуждая съ генералъ-майоромъ Семякинымъ, полковниками Вушемъ и Герсеновымъ, которые, какъ мнѣ кажется, правильнѣе другихъ смотрятъ на положеніе нашихъ дѣлъ, взвѣсивая всѣ выгоды нашего и непріятельскаго положенія,—мы рѣшительно убѣждены что не только не изъ чего отчаиваться, но что еще многое говорить и въ пользу нашего положенія. Разумѣется, всѣ мѣры предосторожности должны быть взяты; должно все стараться предвидѣть; но,

предполагая нѣкоторыя невыгоды для насъ, смѣшно и грѣшно дѣлать ихъ господствующею стороною взгляда и повсюду кричать: „Кризисъ, кризисъ, кризисъ губительный!“

Выдерживать осаду слишкомъ сорокъ дней дѣйствительно дѣло геройское. Оно тяжко, невыносимо и требуетъ большой твердости духа, которою до сихъ поръ безукоризненно отличаются только моряки.

Между тѣмъ время идетъ, осада продолжается, а штурмъ нѣтъ какъ нѣтъ! Потери наши отъ канонады то усиливаются, то уменьшаются. Теперь, какъ чаще стали дезертиры и лѣнныя твердить о затѣваемомъ союзниками штурмѣ, всѣ лессимисты въ Севастополѣ вытирали глаза и стали ждать какого-то *кризиса*. Нашпигованный ихъ взглядами и мыслями, сталъ и Баумгартель смотреть на положеніе города все мрачнѣе и мрачнѣе и твердить о *кризисѣ*. „Севастополю не удержаться; Севастополь нужно скорѣе очистить отъ войска и сдать врагамъ“, слышимъ мы отъ лессимистовъ.

Смѣшно право! Севастополь былъ слабѣе, гораздо слабѣе и батареями, и гарнизономъ, когда началась осада — и всѣ кричали: „не видать имъ его, какъ своихъ ушей.“ Теперь онъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи значительно сильнѣе, начали сомнѣваться въ возможности удержать его. Да если надъ слабымъ враги возились цѣлый мѣсяцъ и не одолѣли, такъ сколько же и какихъ нужно имъ усилій чтобы одолѣть его теперь, гораздо сильнѣйшаго противъ прежняго? Всякій день лишній есть уже наша побѣда, а для союзниковъ поражение! А у насъ всѣ хотятъ непремѣнно увѣрять себя и другихъ что положеніе наше день ото дня хуже. Досадно и оскорбительно! не нужно кажется быть военнымъ человѣкомъ, а достаточно разсуждать логически чтобы видѣть всю бессмыслицу взгляда отъявленныхъ лессимистовъ. Что будетъ далѣе? Богъ вѣсть! Но теперь мнѣ кажется грѣшно и думать о сдачѣ города.

22го ноября, понедельник. По случаю пріѣзда сюда старшаго чиновника той канцеляріи которой я имѣю честь вѣдаться управляющимъ, коллежскаго совѣтника Крылова, получившаго отъ Великаго Князя Константина Николаевича порученіе помогать раненымъ и ихъ семействамъ, какъ равно и семействамъ убитыхъ подъ Севастополемъ моряковъ, я

долго раздумывалъ о существованіи нашей военно-походной канцеляріи, которая здѣсь теперь вся налицо и съ писарями даже. Долго раздумывалъ и пришелъ къ тому заключенію, что Крыловъ, и и писаря споемъ здѣсь лѣсню лебединую, что здѣсь постигнетъ насъ новость о кончинѣ незалиной, безболѣзненной нашей канцеляріи и даже не къ сердечному прискорбію многихъ. * Чтѣ же будетъ съ нами! Куда двѣдутъ насъ грѣшныя? Вопросъ, котораго я и не берусь рѣшить и не хочу рѣшать, полагаюсь во всемъ на благость и милосердіе Божіе. Я написалъ вчера къ Его Высочеству письмо, въ которомъ излагаю мой взглядъ на событія.

Хотя въ этомъ письмѣ кратко изложено все то о чемъ я подробно старался разсуждать въ этомъ моемъ дневникѣ, выпишу однако кое-что изъ моего письма, предпославъ выпискѣ слѣдующее замѣчаніе.

Въ Петербургѣ ждутъ не дождутся блистательныхъ отсюда извѣстій о побѣдахъ. Я уже не разъ кажется говорилъ возможны ли побѣды надъ *тѣмъ кто* противу насъ и съ *тѣмъ кто* и *что* у насъ. Если не побѣда, то подавай имъ по крайней мѣрѣ пышныя реляціи, къ какимъ Россія привыкла: съ Кавказа, съ Дуная, отовсюду, кромѣ Крыма. На это князь не способенъ. Онъ говоритъ царю и Россіи истину, хотя и во вредъ себѣ. Не скрываетъ тягости своего положенія, можетъ-быть даже иногда и усиливаетъ ее. По моему мнѣнію побѣда подъ Альмой, еслибы мы одержали ее, повела бы насъ къ худшему результату: намъ не дали бы послѣ этого войска и можетъ-быть вмѣсто того чтобы перейти на Южную сторону (страшная и выгодная для насъ ошибка, какую враги одѣлали) они пошли бы на Симферополь, или на Сѣверную сторону Севастополя: мы навѣрное въ первомъ случаѣ были бы отрѣзаны отъ сообщенія съ Россіей и потеряли бы всякую надежду на подкрѣпленіе войскомъ и провіантомъ и снарядами, а въ

* *Примѣчаніе отъ Николаева при перепискѣ этого дневника.* Только здѣсь въ Николаевѣ разрѣшился этотъ вопросъ. Я произвелъ въ тайные совѣтники и назначенъ статсъ-секретаремъ съ состояніемъ по морскому министерству (приказъ 2го марта). Крыловъ оставленъ въ распоряженіи князя; а канцелярія наша приказомъ 3го марта 1855 упразднена.

послѣднемъ, тотчасъ же бы лишились Севастополя, который между тѣмъ до сихъ поръ стоитъ себѣ да отстаивается!

Слѣдовательно всѣ наши такъ-называемые успѣхи были до сего времени въ нашу еще пользу и Богъ видимо насъ милуетъ! Время идетъ, а городъ все болѣе и болѣе усиливается.

Вотъ что между прочимъ вчера написалъ я къ Его Высочеству:

„Какъ съ самаго начала, такъ и теперь твердо вѣрую и уповаю что Всевышній увѣнчаетъ благимъ концомъ родное для всей святой Руси дѣло. Вникая въ подробности здѣшнихъ событій отъ Альминскаго дѣла до сей минуты, признаюсь Вашему Высочеству, я какъ человѣкъ не военный кромѣ благословенія и особенныхъ милостей Божиихъ, ничего иного не вижу. Какъ бы ни одностороненъ, какъ бы ни страшенъ былъ мой взглядъ, предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ осмѣлюсь откровенно выразить его.

„Первый еще весьма неважный успѣхъ союзниковъ подъ Альмой видимо ослабилъ ихъ: они впали въ рядъ теперь уже неоспоримыхъ ошибокъ, которыя сверхъ ожиданія дали намъ возможность, при тогдашнихъ нашихъ средствахъ, успѣть во многомъ, многимъ воспользоваться и взвѣсивъ все обдуманно, работая усиленно, соображая мѣчь врага безъ пренебреженія, достигнуть того что Севастополь до сихъ поръ успѣшно отражаетъ всѣ вражескіе замыслы, и что положеніе непріятеля, по моему мнѣнію, далеко въ настоящія минуты не блестящее. Вопросъ: было ли бы то же и имѣли ли бы мы даже настоящія наши средства, еслибы дѣломъ подъ Альмой мы могли возгордиться?.. Испытывая насъ въ смиреніи, посылая и намъ тяжкія минуты, святой Промыселъ, если только прослѣдить шагъ за шагомъ всѣ обстоятельства здѣсь съ 1го сентября, не перестаетъ быть на сторонѣ православнаго дѣла. Успѣхи очевидные, успѣхи блестящіе могли бы можетъ-быть и насъ ослабить, а мы, какъ это случалось въ исторіи, впали бы въ то же, всегда вредное для дѣла, пренебреженіе къ врагу, какимъ (таково мое убѣжденіе) наказываются уже и теперь наши кичливые противники! Господь пока бережетъ насъ отъ этого искушенія, но испытанія тяжки конечно, но слѣдуетъ смиренно покоряться, помня слова Писанія: „терпѣн-

съ откажете *души ваша*, а претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ!“

„До сей поры, и въ этомъ я чувствомъ христіанской моей покорности завѣряю Ваше Высочество, не было у меня ни одной минуты чтобъ я опасался не только за все наше дѣло, но и за Севастополь. Конечно, что еще будетъ, единъ Богъ знаетъ. Все въ святой Его волѣ. Но сколько я понимаю вещи, не стратегически и не тактически только разсуждая, положеніе союзниковъ теперь, въ настоящую минуту, *морально* должно-быть весьма, весьма критическое. *Матеріальныя* ихъ средствъ и *числительной* ихъ силы я не разбираю. Что они предпримуть и что могутъ предпринять въ это страшное нечастье и въ эту невообразимую грязь, предугадать трудно. Отчаянье и упорство двухъ соперничающихъ славолюбіемъ и стойкостью націй на все можетъ ихъ лобудить. Благоразуміе и человечество должны бы казаться шепнуть имъ: не лучше ль по добру да по здорову поскорѣй домой!“ и т. д., и т. д.

Погода у насъ теперь дѣйствительно скверная. Пѣнные и дезертиры привносятъ вѣсти самыя невыгодныя о положеніи союзниковъ. Газеты начинаютъ уже не на тотъ тонъ настраивать и напѣвать свои похвалы Крымскимъ союзнымъ войскамъ, какъ прежде въ началѣ экспедиціи. Словомъ все отзывается невыгодами для нашихъ противниковъ. А между тѣмъ отовсюду новости что Наполеонъ усиливаетъ здѣсь свою армію, настаиваетъ на продолженіи экспедиціи до разрушенія Севастополя, а съ нимъ и флота нашего. Осадныя работы мало-по-малу подвигаются: то тамъ батарея, то самъ траншейка. Такъ что въ этихъ противорѣчащихъ одно другому обстоятельствахъ всякое соображеніе запутывается и безпрестанно мѣняются возгласы и вопросы: Уйдутъ — не уйдутъ! Будутъ штурмовать! Ни за что не пойдутъ на штурмъ!..

Я все-таки остаюсь при прежнемъ мнѣніи, можетъ-быть и ошибочномъ: штурмовать въ настоящую пору, при теперешнихъ условіяхъ обѣихъ враждующихъ сторонъ, не будутъ, а ежели и пойдутъ на штурмъ, то по всѣмъ даннымъ результатамъ не сомнителенъ: они проиграютъ. Бомбардировка возможна; но какіе и отъ нея будутъ результаты, только одинъ Богъ знаетъ.

27го ноября, суббота. Завтра ровно годъ что я оставилъ Петербургъ, по вызову князя, приглашавшаго меня только на зиму для сотрудничества ему, какъ онъ выразился въ письмѣ ко мнѣ, по письменной части.

Время прошло быстро и что оно переварило въ своемъ всепожирающимъ горнилѣ, о томъ разказано съ возможною подробностью въ моемъ неутомимомъ дневникѣ. Благодарю Господа что онъ сохранилъ еще доселѣ и помилывалъ меня.

Третьяго дня я провелъ весьма непріятный вечеръ. Свѣтлѣйшій нашъ патронъ, сидя у насъ въ пивушкѣ, долженъ былъ подписывать наградные списки и назначать награды. Къ несчастью дѣло шло не о моряхахъ, къ которымъ онъ былъ, къ удивленію моему, безусловно и необычайно щедръ.

Государь, понимая мѣру заслугъ севастопольскихъ защитниковъ, только и твердилъ князю въ своихъ всегда милостивыхъ и благочестивыхъ рескриптахъ: благодари, ободряй, награждай, награждай! Ну кто бы не воспользовался такимъ широкимъ разрѣшеніемъ?... А что же его свѣтлость?... Вотъ уже три мѣсяца кампаніи,—три дѣла въ полѣ—и постоянный до сей минуты отпоръ осады, а только третьяго дня разрѣшилось отъ бремени, какъ мы говоримъ въ шутку, наградное отдѣленіе канцеляріи главнокомандующаго.

И еще какъ разрѣшилось! Положимъ что частные начальники въ самомъ дѣлѣ безъ мѣры пользуются правомъ представлять. Но надо было видѣть ужасъ князя, когда приходилось ему, не измѣняя подписывать списки. Ужъ полковникъ Вуишъ всячески старался смягчать его горе, предваря самъ, гдѣ и кому можно было уменьшить или измѣнить.

Феноменальная натура! Я понимаю строгость его къ отличію пріѣзжающихъ сюда флигель-адъютантовъ, которые повсюду привыкли требовать себѣ наградъ и которые отъ князя уѣзжали разумѣется недовольные, но что значитъ награда крестикомъ, или саблей, или чивижкомъ какого-нибудь армейца?

Даже въ знакахъ отличія военнаго ордена нижнимъ чинамъ его свѣтлость находить иногда какъ будто удовольствіе поскулиться.

Недавно десять человѣкъ пластуновъ-казаковъ привели живьемъ семь человѣкъ лѣвннхъ Англичанъ.

— Неужели всѣмъ десяти дать кресты? спросилъ меня князь.

— А развѣ въ капитулѣ не достанетъ знаковъ? возразилъ я.—Дадите сегодня десять, завтра вамъ тридцать лѣвннхъ приведутъ.

— Довольно дать четыре по ихъ выбору, остальнымъ скажите чтобы выдали деньги.

— Ужъ дайте, ваше свѣтлость, на половину—пять крестовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!

Долго мы торговались; я позволялъ себѣ замѣтить князю что задобрить трудно, а огорчить, обезкуражить и озлобить легко; но будетъ ли отъ этого прокъ?

Все мое философствованіе кончилось тѣмъ что мнѣ дано приказаніе объявить начальнику штаба генералъ-майору Семякину „что его свѣтлость жалуетъ храбрецамъ и молодцамъ два креста по выбору ихъ; а остальнымъ деньги!“

Вотъ тутъ и философствуй!...

Богъ декабря, понедѣльникъ. Домикъ съ балкономъ у буточки Сухой балки. Дня три тому какъ меня больного, хилаго, страдающаго и недугующаго перетаскали изъ избушки сюда, въ квартиру занятую прежде генераломъ Семякинымъ. Она хоть невзрачная, но въ сравненіи съ прежнею, гдѣ я просто бѣдствовалъ и чуть не погибъ, настоящее мое помѣщеніе—дворецъ.

Я заплатилъ и продолжаю платить дань простудѣ отъ не вовремя принятой ванны въ бурю 2го ноября.

Я расхворался вдругъ. Болѣзнь принимала уже опасный характеръ, какъ по счастью докторъ Великаго Князя г. Боссе, призванный на помощь, успѣлъ первыми пособіями прервать опасность.

Лежа въ постелѣ я получалъ неожиданную вѣсть что старшая сестра моя выбрала себѣ спутника въ жизни. Сенаторъ Александръ Даниловичъ Башуцкій, бывшій восемнадцать лѣтъ тому моимъ начальникомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, дѣлается теперь моимъ зятемъ. Удивительно какъ судьба распорядится иногда сближеніями людей!..

Вмѣсто командира 4го корпуса генерала Дакенберга, присланъ сюда генералъ Остенъ-Сакенъ, баронъ Дмитрій Ерофеевичъ.

Эта присылка, а особливо назначеніе его въ Севастополь, откуда наконецъ изгнали главныхъ пессимистовъ, произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Выборъ Семякинѣмъ флигель-адъютанта князя Васильчикова въ начальники штаба къ Сакеву также кажется удавшимся.

Сакевъ, какъ человѣкъ благочестивый и богобоязненный, началъ съ того что отслужилъ молебень и отдалъ весьма недурно написанный приказъ по войску составляющему Севастопольскій гарнизонъ.

Пускай его свѣтлость подтруниваетъ надо всѣмъ этимъ, назвавъ приказъ Сакева *поповскою проповѣдью*, дѣло отъ этого хуже не пойдетъ! Богу молиться, всегда и вездѣ пригодится.

Обѣхавъ всѣ бастіоны и батареи, Сакевъ со внѣшней стороны отъ № 6го къ № 5му показалъ себѣ и врагу, который, какъ разказываютъ, направилъ на него дождь штукерныхъ лудъ; но цѣлъ и невредимъ возвратился Сакевъ къ войску, котореѣ разумѣется встрѣтило его съ радостью и вѣрою.

Сдѣланныя уже при немъ двѣ вылазки увѣнчались успѣхомъ. Въ одной люди буквально грызлись съ Французами и привезли въ добычу нѣсколько пѣшыхъ, и четыре мортиры.

1го декабря, привезли сюда вѣсть о болѣзни Императрицы. Дорогіе наши гости, Великіе Князья, поспѣшили подъ родимый кровъ, чтобы своимъ возвращеніемъ принести ей радость и изцѣленіе. 3го числа они выѣхали отсюда, благожеланно распрощавшись со всѣми, пославъ и мнѣ больному поклонъ.

Утѣшаетъ Черноморскій флотъ государя! Утѣшилъ же и награждалъ и государь этотъ флотъ.

Вчера адъютантъ Генераль-Адмирала К. А. Юшковъ привезъ два Георгіевскіе креста на шею контръ-адмираламъ: Памфилову и Истомину и крестъ Владиміра 1й степени пріятелю моему вице-адмиралу Новосильскому.

Всѣ поражены этою послѣднею наградой. Новосильскій имѣетъ только Владиміра на шеѣ и Георгія 3й степени за Синолъ. Всѣ удивлены. Я висколько!

Когда писалось представленіе объ этихъ трехъ доблестныхъ начальникахъ дистанцій, то его свѣтлость не зналъ: къ чему представить Новосильскаго.

Къ Станиславу 1й степени и князю казалось совѣстно. Къ Аннѣ 1й степени, по извѣстной щедрости къ наградамъ, не хотѣлось. Къ Владиміру 2й степени, къ которому представлялъ командиръ порта, и слышать не хотѣлъ.

Я предложилъ предоставить самому государю избрать награду. Такъ и сдѣлалось. Я былъ увѣренъ что лучше никто не сумѣетъ порадовать достойнаго, какъ самъ государь! Повѣщая Новосильскаго объ отправленномъ объ немъ представленіи, напередъ поздравилъ его съ какою-нибудь неожиданною, но великолѣпною наградой! Конечно никому да и мнѣ и въ голову не приходило о Владимірѣ 1й степени!

Князь говоритъ что Сакенъ за взятіе Парижа получилъ то-же. Можетъ-быть. Но Сакенъ не былъ 60 дней на батарее, на которую днемъ и ночью непріятель посылаетъ пули, ядра и бомбы! Взятіемъ Парижа не рѣшался такой важный для Россіи въ то время вопросъ, какой разрѣшается для насъ теперь здѣсь, если возьмутъ, или не возьмутъ Севастополь. Какъ же не наградить чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ тѣхъ, кто отстаиваетъ его?.. У Новосильскаго есть уже Георгій 3й степени. Чтѣ же ему дать? Георгія 2го? Мало, и по статуту не подходитъ. Второй въ Россіи орденъ за военныя доблести это Владиміръ. Дать этотъ крестъ 2й степени, было бы мало, потому что его по очереди получаютъ всѣ въ мирное время за майскіе парады. Дать другую высшую ленту, не соответствовало бы назначенію награды за военныя дѣла и притомъ лента Бѣлаго Ора или Александра Невскаго исключила бы возможность дать потомъ Новосильскому за обыкновенное прохожденіе службы орденъ Станислава или Анны 1й степени. Государь рѣшилъ присудить ему *старшій военный орденъ второго разряда*, т.-е. Владиміра 1й степени, который очереди не всегда подлежитъ, потому что лента его, носясь подъ мундиромъ, не исключаетъ другихъ и давалась иногда посмѣ Андрея. Мнѣ кажется такою были мысль и соображеніе государя, который хотѣлъ показать какъ онъ умѣетъ награждать и радовать.

Прекрасный по этому случаю рескриптъ написалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ Новосильскому.

Объ уходѣ враговъ перестали у насъ уже не только говорить, но и думать. Зимовка ихъ здѣсь конечно вѣроятнѣе всего. Однако она обойдется имъ не дешево. Подвозка

провіанта будетъ становиться съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе! А вьюги, а дожди, а морозъ, а трудность служ-
бы въ траншеяхъ, а грязи, лишающія возможности пред-
принимать какое бы то ни было движеніе?

Князь все еще твердитъ о десантахъ которыми перерѣ-
жется наше сообщеніе со внутреннею Россіей. Ему все еще
кажется что необходимо уже теперь принимать мѣры къ от-
ступленію на Переколы; что Севастополь неминуемо и скоро
долженъ пасть!... Признаюсь, когда онъ говоритъ объ этомъ,
меня въ морозъ и жаръ бросаетъ! Я не понимаю этой воз-
можности, потому что не допускаю такой громадности
средствъ на сторонѣ союзниковъ! Князь, улилась на про-
шедшіе наши неуспѣхи, не вѣритъ, рѣшительно не вѣритъ
въ возможность, даже и при большихъ силахъ, удачной для
насъ встрѣчи съ врагомъ. Какъ этотъ взглядъ ни грустенъ,
какъ я противу этого ни спорю съ нимъ, но внутренне по-
нимаю его отчаянное недовѣріе не къ войску, а къ нашимъ
военнымъ умникамъ стараго и новаго воспитанія. Вотъ по-
чему его свѣтлость при всѣхъ теперь распоряженіяхъ по-
стоянно имѣетъ въ виду возможность паденія Севастополя.

Положимъ что такая предосторожность не неблагоразум-
на, но грустно видѣть въ убѣжденіяхъ главнокомандующаго
однѣ только неудачи и необходимость мѣръ къ ретирадѣ.

Боюсь сильно и рѣзко спорить съ нимъ чтобы по болѣз-
ненному, раздраженному состоянію моего здоровья, не вый-
ти изъ предѣловъ хладнокровныхъ только разсужденій, тѣмъ
болѣе что иногда подозреваю что его свѣтлость нарочно
предо мною и предъ другими корчитъ пессимиста.

Вникая въ характеръ свѣтлѣйшаго, я вижу что во мно-
гихъ высказываемыхъ имъ опасеніяхъ онъ не откровененъ
и задушевной своей мысли не обнаруживаетъ, вѣроятно изъ
боязни или расчета чтобы какъ-нибудь неожиданная имъ
обстоятельства этой не открытой мысли не опровергли.

10го декабря, пятница (та же квартира). Сожитель мой,
полковникъ Вуашъ, уѣхалъ сегодня въ Бахчисарай и Сим-
ферополь для приведенія въ порядокъ провіантской части
и подвозовъ, которые было привели главнокомандующаго
въ страшное смущеніе.

Говорить ужъ нечего что снабженіе войскъ провіантомъ
есть одна изъ главнѣйшихъ заботъ всякаго главнокоман-
дующаго. Эта часть, пока у насъ была небольшая числен-

тельность войска, устроилась и безъ особеннаго интендантства, одними только хлопотами В. Ф. Вунша. Все шло своимъ порядкомъ, войска имѣли всегда вовремя свой провиантъ, и послѣ Алымовскаго дѣла успѣли даже пополнить *десятидневный*—необходимое условіе для дѣйствія и движеній всякой арміи.

Умножилась численность войскъ, учредилось полевое коммиссіонерство, независимое отъ комиссаріатской коммиссіи въ Симферополѣ, которой предоставлены были права интендантства, и дѣла пошли хуже, начались безпорядки, особенно по подвозкѣ.

Войска стали жаловаться. Князь въ ужасѣ. Все въ суматохѣ. Разбирая же дѣла хладнокровно и зная что есть охотники отъ всего въ ужасѣ приходить,—я былъ увѣренъ что эти безпорядки еще не неисправимы. Теперь такъ и оказалось. Но отчего же они произошли? Во первыхъ, отъ несовѣстныхъ удачныхъ распоряженій командира 6го корпуса, плохаго администратора и въ добавокъ страшнаго алармиста; а вторыхъ, отъ соперничества двухъ учреждений: коммиссіи и коммиссіонерства, которыя, дорожа каждое первенствомъ, хотѣли дѣйствовать независимо другъ отъ друга, а потому вмѣсто содѣйствія только желали поймать другъ друга въ неисправности; третьихъ же отъ неоправданной опрометчивости интендантства Южной арміи, которое думая намъ удружить приемышкой двухъ тысячъ подводъ съ сухарями, только поставило въ затрудненіе, потому что эти сухари оказались совершенно гнилые.

Коммиссіонерство наше, состоя изъ членовъ по большей части отъ интендантства Южной арміи откомандированныхъ, распорядилось приостановить подвозку хорошихъ и свѣжихъ сухарей, думая успѣть сбыть и гнилые; а войска стали отказываться принимать. Пошли жалобы, доносы; князь велѣлъ всю гниль бросить, а между тѣмъ нечѣмъ было пока ее замѣнить. И произошла тревога: „войскамъ нечего ѣсть, войска безъ сухарей,“ было общимъ говоромъ.

Не знаю какому нареканію подвергать подобныя дѣйствія интендантства Южной арміи? А у него все отъ рукъ сходитъ, благо начальникъ добрый или слабый!..

Есть еще обстоятельство на которое я давно смотрю со страхомъ и не разъ уже говорилъ о немъ князю. Это то что

ведать у насъ при арміяхъ и медики—Поляки, и компюсиреры—Поляки, и провіантмейстеры—Поляки и даже генеральнаго штаба офицеры—Поляки!

Кто знаетъ: какіе хитрые и тайные замыслы руководятъ ими изъ нихъ, когда они имѣютъ обязанностью и лѣчить, и кормить и водить наше войско?

Господь да проститъ мнѣ мое подозрѣніе, но признаюсь я ни за что бы на свѣтѣ не довѣрилъ имъ ничего такого въ чемъ живые интересы Россіи.

Право, мнѣ кажется, что мы уже черезчуръ самонадеянны и легко какъ-то на все смотримъ. А польскій элементъ въ арміи меня въ ужасъ приводитъ!..

14го декабря, вторникъ. Я все еще не выхожу изъ моей кенуры. Должно сказать и тороплюсь это сдѣлать съ благодарностью что князь показалъ все свое благосклонное вниманіе ко мнѣ больному. Почти каждодневно, несмотря на погоду, онъ меня посѣщаетъ. А старику и самъ что-то развелегается. Видно что онъ и нравственно и физически утомленъ! Да есть-таки отъ чего?.. Я всегда старался лить и воспитать въ себѣ чувство благодарности, призывая что это одно изъ высокихъ, изъ благороднѣйшихъ чувствъ въ человѣкѣ! Князь въ этотъ разъ (въ первый сколько помню всю мою службу при немъ) обнаружилъ въ отношеніи меня что онъ способенъ на участіе, способенъ соболѣзновать е положеніи ближняго. Видя это я забываю всѣ тѣ горькія минуты, которыми онъ нерѣдко надѣлалъ меня, можетъ-быть и не подозрѣвая самъ этого. Не знаю подозрѣваетъ ли свѣтлѣйшій что я могу уже судить о немъ не какъ 23хлѣтній юноша, какимъ я вступилъ къ нему подъ начальство и какимъ можетъ-быть онъ продолжаетъ меня считать и теперь. Все то что онъ дѣлаетъ и какъ онъ распоряжается моею гражданскою судьбой, заставляетъ меня думать что князь теченія этихъ годовъ и для меня замѣчать не хочетъ. Обозрѣвая ходъ моей службы при немъ, я не могу не усмотрѣть что новидимому подвигаясь впередъ, въ сущности я иду назадъ, потому что ни круга особенной дѣятельности не представляется мнѣ, не предвидится даже ничего въ грядущемъ для меня, между тѣмъ какъ другіе сверстники и сослуживцы мои, когда-то по вышнему отачію далеко отстоявшіе отъ меня сзади, теперь уже ушли недосегаемо впередъ. Князь какъ будто и видѣть, и

знать не намѣренъ что и мнѣ пятый десятокъ въ жизни помешалъ!...

Ну да все это суета суеть и волеюкая суета! Помога только Господи князю, для славы и чести Россіи, для радости и утѣшенія царя, покончить здѣсь дѣло благополучно. Глаза всего міра устремлены на Крымъ, на Севастополь. Желаніе добиться успѣха заставляетъ враговъ принимать гигантскія мѣры. Гроза на Россію собирается со всѣхъ сторонъ. Все вооружается противъ насъ. Несмотря на наши уступки Англіи и Франціи готовятъ страшныя полчища чтобы разгромить насъ совершенно.

Со всѣхъ сторонъ доходятъ свѣдѣнія что что-то гигантское предпринимается противу насъ. Экъ! далась Россія Европѣ!... И Австрія, неблагодарная Австрія, и та вылетѣла между сильною и грозными: между Россіей и ея противниками. Конечно все это не можетъ не тревожить князя. Пріѣзжая ко мнѣ каждыдневно и разсуждая о положеніи европейской политики, онъ безпрестанно толкуетъ о томъ, что худо, тяжело намъ, что наши средства скудны, наши силы истощены.

Я стараюсь всегда спорить съ нимъ чтобы разувѣрить его въ этой безнадежности. Говорю рѣзко, гораздо рѣзче нежели бы какъ говорилъ въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. Онъ выслушиваетъ все терпѣливо и по видимому рѣдко соглашается со мною. Иногда приходитъ онъ ко мнѣ для прочтенія дѣлешу, отъ которыхъ, какъ самъ сознается, голова дымомъ становится; а я отомая ихъ назавдъ при запискѣ, пишу что разбираю всѣ эти свѣдѣнія хладнокровно, логически удостовѣряюсь „que le diable n'est pas si noir qu'on veut bien le peindre.“

Злобая рѣчь королевы при открытіи 12го декабря парламента, общій единодушный ей отвѣтъ, вооруженіе Австріи, тайный ея союзъ и явные заговоры съ Англіей и Франціей, кажутся мнѣ обстоятельствами весьма естественными какъ слѣдствія очевидныхъ неуспѣховъ союзниковъ разгромить Россію овладѣніемъ Севастополя и уничтоженіемъ нашего флота. Иначе они и лостунать не могутъ, если хотять чтобы Европа и исторія не смѣялись потомъ надъ нами.

По словамъ князя, долго войну мы вести не можемъ; финансовъ не хватитъ. Я и съ этимъ не согласенъ. Намъ

война у насъ дома дешевле стоить нежели имъ въ краю далекомъ и чужомъ. Кое-какъ еще деньгами справимся. А удержатся ли ихъ финансы? вопросъ.

Князь полагаетъ что здѣсь, въ Крыму, мы рѣшительно никакого успѣха имѣть не можемъ, потому что у насъ кавалерія плоха, а пѣхотныя войска драться не выучены.

Это послѣднее убѣжденіе, конечно на *деушъ* горькихъ омытахъ основанное, меня однако такъ разсердило что я почти вышелъ изъ себя и большою, раздражительную, рѣшился высказать князю:

„Тотъ, кто командуетъ войскомъ съ убѣжденіемъ что оно драться не умѣетъ, тотъ уже нравственно разбитъ. Ему никакого дѣла предпринять нельзя! Нѣтъ надобности даже желать, послѣ этого, чтобы намъ присылали войска. Хоть 500 тысячъ пришають, съ такимъ убѣжденіемъ мы все-таки ничего не сдѣлаемъ!“

Я говорилъ это дрожащимъ голосомъ. Князь видѣлъ что я сержусь и пресерьіозно хотѣлъ еще болѣе подразнить меня. Онъ сталъ увѣрять что Турки, высаженные въ Евлаторіи, пойдутъ теперь намъ въ тылъ, разобьютъ нашу кавалерію, которая, князь тутъ съ горячностью замѣтилъ: „никогда-съ и вигдѣ-съ драться не умѣла!“

— Ну, если уже Турокъ мы должны бояться, замѣтилъ я также съ горячностью,—такъ лучше всего ретироваться за Перекопъ и отдать безъ боя Крымъ.

Видя что я горячусь все болѣе и болѣе, свѣтлѣйшій сталъ перечитывать мнѣ изъ своей памяти историческіе факты: гдѣ и когда и какой кавалерійскій нашъ полкъ не выдержалъ атаки.

— Но у насъ есть славная артиллерія. Неужели же и она хуже Турецкой? Вы сами изволите помнить, какъ она показала себя подъ Альмой и подъ Иакерманомъ!

— Да, вотъ въ этомъ вы правы. Я этого не принялъ въ соображеніе! Артиллерія у насъ точно хорошая!

Этимъ прекратилась нашъ споръ; князь уѣхалъ домой, а я не могъ не записать этого спора въ походныя листки.

Грустно, грустно, самнать такіа разсужденія, особливо если въ нихъ есть убѣжденіе!.. Ну, а если онъ правъ!!

26го декабря, четвергъ (тамъ же). Я опять прихворнулъ. Ревматизмъ все что-то разгуливаетъ во мнѣ! Вотъ все что до сего времени я успѣлъ прибавить къ моему служебному и

гражданскому быту съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ изъ Петербурга!...

Между тѣмъ тороплюсь записать въ мой дневникъ важное событіе въ моей жизни, важный подвигъ, совершенный мною вчера.

Государь не устаетъ награждать храбрыхъ защитниковъ Севастополя! Благородное, высокое сердце его чувствуетъ что драгоценное вниманіе монарха не только внушаетъ благодарность и преданность, но и электризуетъ мужествомъ и отвагой.

Постоянно въ рескриптахъ къ князю государь говоритъ: награждай, награждай, ободряй молодцовъ!..

Все, что можно было на скорую руку собрать объ отличившихся и достойныхъ награжденія (а кто здѣсь не достоинъ, изъ моряковъ особливо) отправлено было отсюда въ спискахъ въ Петербургъ.

6го декабря представленія его свѣтлости пополнены были монаршими щедротами. Третьяго дня онъ сюда пришелъ и разлилъ повсюду радость. Какая невинная радость, когда у каждаго смерть на носу!..

Все что ближе находится къ князю, какъ-то все мы грѣшные, остается еще въ ожиданіи, но вѣрить только въ надеждѣ современемъ что-нибудь получить.

Посѣщая меня и, спасибо ему, ежедневно, его свѣтлость къ крайнему моему удивленію, завелъ вчера ни о того, ни о сего рѣчь о наградахъ и при этомъ прибавилъ что ему хотѣлось бы и *себѣ* прибавить...

— Что бы можно было для васъ? спросилъ онъ меня.

Этотъ вопросъ, впервые мнѣ сдѣланный въ продолженіи всей моей службы при князѣ, такъ меня смутилъ что я съ минуту ничего не могъ отвѣчать. Просить о себѣ и для себя тяжело и я не привыкъ. Я пробормоталъ что-то о желаніи получить какое-нибудь мѣсто, которымъ бы упрочились моя будущаость и существованіе.

Тѣмъ и кончилась наша бесѣда о такомъ щекотливомъ для меня предметѣ. Князь кажется видѣлъ мое смущеніе, вѣроятно понялъ его и скоро уѣхалъ.

Когда я остался одинъ, я сталъ раздумывать о своемъ положеніи и раздумывалъ серьезно. Въ первый разъ представилась случай высказать свое желаніе, неужели я, по неумѣстной гордости или изъ самолюбія, не воспользуюсь

этими случаемъ? Не я первый сдѣлаю къ этому шагъ, а дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ, говорить пословица. Я рѣшился написать къ князю и выразить ему, по его выводу, мои желанія, основанныя на давшихъ соображеніяхъ.

Не выписываю здѣсь цѣликомъ моего вчерашняго письма, но вотъ сущность его.

По декораціямъ, которыя мнѣ всегда давались, какъ и чины, въ очередномъ порядкѣ, я уже отъ оверстиковъ своихъ отсталъ и догонка ихъ въ этомъ отношеніи меня не соблазняетъ.

Для служебной карьеры собственно по морскому министерству у меня нѣтъ ничего впереди. Оставаться въ этомъ вѣдомствѣ, по многимъ соображеніямъ, мнѣ невозможно, хотя долженъ съ чистою откровенностью и съ истинною благодарностью сказать что занятія мои при Его Высочествѣ были самыми пріятными въ моей саужбѣ.

Здоровье мое не геркулесовское и ко мнѣ уже пятый десятокъ стучится въ двери.

Все это соображая, я указывалъ князю на три мѣста для меня дѣйствительно пріятныя, о которыхъ бы онъ могъ похлопотать: 1е по министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ званіе товарища министра до сихъ поръ еще вакантно; 2е, сенаторское и особенно въ Москву, гдѣ и климатъ для моего здоровья былъ бы пріятеленъ, и 3е, въ комиссіи прошеній членомъ, что обезпечивало меня содержаніемъ достаточно.

Изложивъ все это князю конечно нѣсколько инымъ образомъ, я прибавилъ что *представить къ первому безъ сомнѣнія нельзя, но можно рекомендовать, предложить, или даже просто наметнуть.* А кто же можетъ сдѣлать это лучше и скорѣе его, его, которому я со всеми своими недостатками и буде есть достоинствами извѣстенъ давно; представленіе ко второму можетъ быть подкрѣплено примѣромъ Сафорова, который изъ положенія подобнаго моему при князѣ Воронцовѣ былъ сдѣланъ сенаторомъ, и что кудатайство, наконецъ, объ опредѣленіи меня членомъ Комиссіи большаго прелатства конечно не встрѣтитъ.

Я заключилъ письмомъ такъ:

„Предъ вашею свѣтлостью откровенное изложеніе моихъ желаній не имаету схваченныхъ, а давно обдуманныхъ, но только по первому вашему милостивому выводу обнаруженныхъ.“

„Поручаю себя винушенію какое вамъ Богъ пошлетъ и той отвѣтъ какою важна свѣтлость сочтете справедливымъ меня отвѣтить.“

Я отправилъ письмо къ князю, и остаюсь теперь въ ожиданіи что изъ этого всего выйдетъ?

Пусть будетъ то что Богу угодно. Пославъ письмо, я все-таки не забываю всегда успокаивавшаго меня изреченія: „не надѣйтесь ни на князя, ни на сыны человѣческіе“ и т. д.

Сегодня его свѣтлость посетилъ меня; передалъ мнѣ нѣкоторыя бумаги для исполненія, и разумѣется ни полслова о вчерашнемъ разговорѣ, а еще менѣе о вчерашнемъ письмѣ.

Пріятыѣ всего то что, несмотря на грозныя рѣчи противъ насъ королевы и парламента, грозными за насъ обѣщаютъ быть морозы. Вотъ уже два дня какъ здѣсь валитъ хлопьями снѣгъ, и послѣ сильныхъ дождей морозецъ предпорядочный угощаетъ головогикъ Шотландцевъ. Да и другимъ онъ долженъ быть не по вкусу. А я-то все еще обреченъ сидѣть дома и не дышать крымскою небывалою зимою. Терпѣніе и терпѣніе! Говорятъ: „болѣзнь приходитъ лудовиками, а выходитъ золотниками!“

Кабы помогъ намъ Богъ выдти поскорѣе изъ этой кровавой борьбы, но выдти съ честью, разумѣется!

28го декабря, вторникъ (тамъ же). По мѣрѣ того какъ размыгиваются и развиваются политическія событія, разиграются и развиваются обстоятельства многихъ частныхъ лицъ. Не знаю какъ разрешится тотъ вопросъ который мнѣ сдѣлаа свѣтлѣйшій и на который я ему отвѣчалъ со всею откровенностью, изложивъ мои желанія, но судьба моихъ здѣсь сослуживцевъ, Вунша и Крылова, уже обозначилась.

Первый прибылъ сюда изъ Керчи для занятія при князѣ должности дежурнаго штабъ-офицера. Вскорѣ, по мѣрѣ возраставшихъ въ Крыму военныхъ силъ, его сдѣлали завѣдующимъ штабомъ; по назначеніи изъ Петербурга начальникомъ штаба полковника Полова, котораго князь однако не удержалъ лично при себѣ, Вуншъ не могъ уже оставаться на предоставленной ему временно должности.

Полова отправили въ Севастополь; обязанность начальника штаба поручили пока полковнику Герсеванову, потомъ генералъ-майору Семякину, а Вунша облекли въ званіе директора канцеляріи главнокомандующаго.

Теперь, при встрѣтившихся затрудненіяхъ по продовольствію войскъ, которыя не имѣютъ интенданта, князь призналъ необходимымъ въ это званіе назначить того же полковника Вунша, который много содѣйствовалъ знаніемъ своимъ и опытностью къ приведенію этой части въ какой-нибудь порядокъ.

Послѣднее это назначеніе я предсказывалъ Василию Ѳедоровичу, видя что его свѣтлость сильно на это мѣтитъ и въ послѣднія порученія по провіантской части, исполняемыя Вуншемъ усердно и добросовѣстно, подтверждали мое мнѣніе.

— Никогда и ни за что на свѣтѣ не соглашусь, возражалъ мнѣ Вуншъ.—Зачѣмъ брать на себя эту обузу и не приобрести ничего, кромѣ развѣ славы грабителя казны.

— Возьмите ваше зареканіе назадъ, потому что вы не знаете какими путями васъ заставить согласиться принять эту обязанность, говорилъ я Василию Ѳедоровичу.

Такъ и случилось. Предсказаніе мое сбылось. Приказъ уже подписалъ. Я радъ за Крымскую армію. Лучшаго, добросовѣстнѣйшаго интенданта не легко найти. Притомъ же въ дѣлахъ Вуншъ истинно труженникъ: работаетъ до изнеможенія и работаетъ всегда толково. Я его почти годъ теперь какъ знаю и наблюдаю.

Теперь о Крыловѣ. Онъ прибылъ сюда съ порученіемъ отъ Великаго Князя: раздавать раненымъ, семействамъ ихъ и семействамъ убитыхъ морскихъ чиновъ пособія. По приѣздѣ его сюда, я уже предвидѣлъ и предсказывалъ ему что мы споемъ здѣсь вашей военно-походной по флоту канцеляріи пѣснь лебединую. Онъ не вѣрилъ, утверждая что до возвращенія моего въ Петербургъ канцелярія не будетъ упразднена.

А уже въ настоящее время вотъ что совершилось. Написавъ ко мнѣ, больному, записочку о назначеніи полковника Вунша въ званіе генералъ интенданта, князь добавилъ: „откуда мнѣ взять способнаго директора?“

Не думаю чтобы этимъ вопросомъ свѣтлѣйшій хотѣлъ заставить меня предложить себя на это мѣсто. Только бы этого еще не доставало чтобъ я послѣ восемнадцати лѣтъ службы при князѣ, давъ себя обогнать вѣсѣмъ младшимъ, пошелъ наковонецъ самъ *à reculons*, или какъ сказано въ „журналѣ, спутникъ военной книги“, изданной при Петрѣ I, *принялъ раковое движеніе*.

Между тѣмъ до его, прихода еще я написалъ къ князю въ отвѣтъ на вопросъ его записки:

„Откуда—не знаю, но надо взять человѣка для котораго бы это назначеніе было шагомъ впередъ и обѣщало бы впереди карьеру.“ Какъ на толковаго, усерднаго и способнаго я указывалъ на Крылова, котораго впрочемъ не рекомендовалъ и за котораго не просилъ, потому что рекомендовать всегда опасно, особенно князю, остававшемуся рѣдко довольнымъ всякою рекомендаціей, я уже это испыталъ, а просить не рѣшался, потому что и самъ не зналъ, будетъ ли это назначеніе согласно съ видами и желаніями самого Крылова, для котораго скорое возвращеніе въ Петербургъ было крайне желательно. Мнѣ только казалось что, указывая на Крылова, я облегчалъ князю выборъ; а для Крылова мѣсто директора по многимъ соображеніямъ выгодно и почетно.

Въ отвѣтъ на мое указаніе князь написалъ мнѣ: „Я забылъ что Крыловъ здѣсь налицо. Снеситесь съ нимъ.“

Прійхавъ потомъ ко мнѣ князь повторилъ порученіе снестись съ Крыловымъ, который въ настоящую минуту въ Симферополь и конечно за сто тысячъ верстъ отъ мысли что ему готовится здѣсь солидное и почетное мѣсто. Я попросилъ князя при этомъ назначеніи исходатайствовать ему чинъ статскаго совѣтника. Такъ и приказано сдѣлать.

Вчера я получилъ истинно отрадное письмо отъ Великаго Князя, которое къ сожалѣнію почти мѣсяцъ было въ дорогѣ.

Нужно ли говорить какъ я былъ утѣшенъ и порадованъ?

Мнѣ уже давно писалъ изъ дому братъ что ему доставили копію съ письма которое Великій Князь ко мнѣ отправилъ. Но подлинное шло цѣлый мѣсяцъ и я только вчера былъ удовлетворенъ въ нетерпѣніи и любопытствѣ.

Вотъ частныя дѣла! Чтò сказать о политическихъ? Объ нихъ можно только замѣтить что всѣ свѣдѣнія о союзникахъ подтверждаютъ болѣе и болѣе мое давнишнее мнѣніе что имъ не красно здѣсь противу Савастополя.

Дезертиры, которые каждодневно перебѣгаютъ къ намъ изъ союзнаго лагеря, въ одинъ голосъ кричатъ: плохо! жутко! холодно и голодно!

Я вѣрю, потому что у насъ небывалый въ Крыму снѣгъ уже въскользько сутокъ лежитъ на горахъ и дорогахъ,

изрядка морозы, а особливо по ночамъ не хуже петербургскихъ, а къ намъ и НО по временамъ присоединяется.

„Что же вы не бьете ихъ?“ лишуть къ намъ изъ Петербурга.

„Про то знаютъ старшіе“, могу я отвѣтить. Но вѣсколько понимаю и я многогрѣшный.

Пускай разумники петербургскіе пріѣдутъ сюда и возьмутся бить враговъ. Ежели не разобьютъ ихъ реладіями, то навѣрное сами останутся съ избитыми боками.

Князь попробовалъ и рѣшительнаго кажется не намѣренъ испытать до весны третьей попытки. Развѣ что-нибудь противъ Евлаторіи. Да и тамъ теперь такъ укрѣпляются что едва ли успѣемъ что-нибудь рѣшительное сдѣлать.

Все во власти Божіей!

31го декабря пятница (тамъ же). Завтра Новый Годъ!.. Разумѣется искренною и усердною молитвой благодарности къ Богу долженъ всякій христіанинъ проводить старый и встрѣтить новый годъ.

Что впереди, что въ грядущемъ — невѣдомо для провинчательности и для слѣлоты ума человѣческаго! Остается только всѣмъ намъ здѣсь и всей Россіи вознестись съ молитвой къ Подателю благъ и воскликнуть:

„Господи! воззвахъ къ тебѣ! не остави насъ!“

Получивъ приказаніе князя написать поздравленіе государю съ Новымъ Годомъ, я выразился между прочимъ такъ:

„Молимся усердно Богу да испошлетъ Россіи миръ и благоденствіе, а вашему величеству, послѣ испытываемой тяжкими трудами заботливости о счастіи, славѣ и чести Россіи, да даруетъ отраду и утѣшеніе покончить настоящую борьбу съ полнымъ успѣхомъ. Молитвы и надежды всей Россіи Господь благословитъ въ грядущемъ.“

Дѣйствительно кто изъ Русскихъ не молится теперь самымъ усерднымъ образомъ! Кто не литаешь надежды что Царь Небесъ утѣшитъ царя земнаго и дастъ ему отраду и отдыхъ послѣ такихъ трудовъ, послѣ такихъ горькихъ испытаній!

Всѣ озлоблены противу Россіи! За что? О, еслибъ умъ смертнаго могъ положительно открыть причину этой ненависти; кто знаетъ? не наши ли бы лутей и избѣгнуть ея? Лучше хочу вѣрить что въ этой борьбѣ православія съ противниками Христа и ихъ поборниками, совершаются неиспо-

видимыя судьбы Божіи, которыя только концомъ увѣчаютъ дѣло и только развязкой опредѣлятся и разрѣшится: „за что? и для чего?“

Итакъ сегодня кончается тягостный годъ. Что же принесетъ насъ грядущій? ни отгадать, ни предвидѣть невозможно. Все принимаетъ гигантскіе размѣры. Со всѣхъ сторонъ вооруженія къ страшной борьбѣ. О, люди, люди! Изъ чего вы хапочете?... Неужели исторія народовъ должна только кровавыми лянми отмѣчаться на скрижаляхъ исторіи человечества?...

Все въ святой Его воли!...

Отъ 14го декабря вышелъ манифестъ, въ которомъ государь нашъ показываетъ всему міру что царь и подданные станутъ вѣстою ратью за Русь. „*Съ оубавою въ рукахъ, съ крестоу въ сердцу*“ побудутъ протѣвъ враговъ на защиту чести и безопасности Россіи.

„Лажемъ костью ту, мертвые бо срама не имутъ!“ сказавъ за десять вѣковъ храбрый витязь русскій Святославъ, а мы съ болѣе христіанскимъ смиреніемъ къ этому прибавимъ:

„На Тя Гослоди уповахомъ, да не постыдимся во вѣку!“

Бьетъ полночь!... Слышавъ попрежнему канонада. Страшно подумать что инимъ въ эту минуту съ новымъ годомъ наступаветъ и новая жизнь не въ предѣлахъ брешаго міра сего!...

Чтобы не продолжать долѣе грустныхъ размышленій, бросаю перо и съ молитвой постараюсь заснуть чтобы съ молитвой же завтра проснуться!...

(До слѣд. №)

ПІЙ ІХ

И

ВИКТОРЪ-ЭММАНУИЛЬ

27го марта 1864 года соборъ Св. Петра въ Римѣ, наполненный мѣстными и заѣзжими благочестивыми католиками и ладкими до эффектныхъ церемоній туристами, вымѣщалъ въ своихъ стѣнахъ толпу, находившуюся въ состояніи особеннаго возбужденія. Около мѣсяца уже ни паства, ни вѣбожные лавомники, ни любопытствующіе чужеземцы не лицезрѣли недужнаго первосвященника. Онъ хворалъ, онъ никуда не показывался изъ Ватикана и мало кого принималъ; онъ до такой степени разнемогся что даже не могъ совершить въ теченіе Страстной Недѣли ни одного изъ обычныхъ богослуженій... Въ это самое утро по городу разнесся слухъ, будто бы доктора положительно воспротивились его выходу...

Неужели Риму обойтись на этотъ разъ безъ пасхальнаго благословенія, пудешественникамъ—лишиться рѣдкаго, вѣлчественнаго зрѣлища?..

Однако въ половинѣ одиннадцатаго Пія ІХго внесли въ храмъ на установленномъ сѣдалищѣ (gestatoria). Онъ былъ бѣдѣль, изможденъ, вѣло поводитъ угасающимъ взоромъ. Едва сошелъ со своихъ парадныхъ носилокъ, съ трудомъ

преклонился предъ алтаремъ, съ трудомъ поднялся на свой лапскій тронъ. Погода была отвратительная, сильный вѣтеръ, проливной дождь. Нечего было и думать о преподаваніи съ балкона Св. Петра благословенія собравшемуся на площади народу и построеннымъ тамъ войскамъ... Наскоро воздвигли по срединѣ необъятнаго сбора эстраду, и на нее возвели болѣющаго старца. Довольно твердымъ голосомъ запылъ было лапа молитву, но когда онъ приподнялся съ мѣста, призывая Отца и Сына и Св. Духа и поднималъ длань для освященія крестнымъ знаменіемъ присутствующихъ—слезы его оставили, языкъ отказался служить, вмѣсто словъ у него вырвалось рыданіе, слезы потекли по его исхудалымъ щекамъ и онъ въ изнеможеніи опустился на кресло, закрывая лицо руками.

Все вокругъ заволокновалось. „Ворется со смертью“.—„Послѣднее благословеніе“, шептались между собою выходящіе изъ церкви.

Недѣль чрезъ шесть произошелъ новый переломъ: 3го мая, во время конфирмаціи одного изъ членовъ семьи Неаполитанскаго королевскаго дома, Піп ІХй, страдавшій кромѣ другихъ недуговъ еще рожистымъ воспаленіемъ, упалъ въ глубокій обморокъ. Когда его унесли и онъ очнулся отъ припадка, — „это уже послѣдній“, проговорилъ онъ съ грустною улыбкой.

Непомощный, тогда уже семидесяти-двухлѣтній старецъ *, прожилъ еще около четырнадцати лѣтъ, и ровно мѣсяцемъ ранѣе его скончался, всего на пятьдесятъ - осемь годъ отъ рожденія, крѣпкій сложеніемъ и здоровьемъ Викторъ-Эммануэль... Отсутствие нервности и вытекающее изъ него безстрастіе личнаго характера, слабость впечатлительности позволили владѣтелю Римскаго престола такъ долго сберечь себя посреди тревоженій пассивнаго сопротивленія фактамъ; активная борьба утомила и отдала въ жертву первой серіозной болѣзни энергическаго собирателя Италіанской земли, какъ семнадцать лѣтъ назадъ уложила въ гробъ его сподвижника Кавура.

Всякому извѣстенъ популярный и оригинальный обликъ перваго короля Італіи и наиболѣе яркія черты его внутренней фізіономіи. Росту выше средняго, плотный мужчина

* Піп ІХй родился 18го мая 1792.

съ голубыми глазами на выкатъ, со вздернутымъ носомъ, съ длинными закрученными, вошедшими въ пословицу усами—вотъ Викторъ-Эммануэль дворцовъ и портретныхъ галлерей, великосвѣтскихъ альбомовъ и лубочныхъ картинокъ.

Онъ отваженъ до безумія; онъ простъ въ жизни и въ обращеніи какъ Спартаецъ; никакихъ „офиціальностей“ онъ терпѣть не можетъ, не любитъ придворныхъ торжествъ, не любитъ показываться въ публику, не любитъ столичной суеты. Всякій свободный отъ государственныхъ дѣлъ часъ онъ проводитъ на охотѣ, безъ усталы рыская по горамъ и доламъ, лѣтающъ чѣмъ попадетъ. Въ домашнемъ быту онъ замыкается въ самый интимный кружокъ и когда онъ находился въ Туринѣ, до переселенія столицы во Флоренцію, потомъ въ Римѣ, онъ даже не жилъ во дворцѣ, куда являлся лишь къ совѣту министровъ, а постоянно пребывалъ въ скромнѣйшемъ деревенскомъ помѣщеніи *la Mandria*, неподалеку отъ города, посреди лѣса, который весь съ принадлежащими къ нему лугами принадле даже высокою стѣной, чтобы никто и ничто не смущало спокойствія тихаго пріюта. Вкушаетъ онъ лишь одлажды въ день, предпочитая неприхотливую, даже грубую блуду изысканнымъ, и обѣдаетъ всегда одинъ или съ самыми близкими лицами, избѣгая официальныхъ прѣстѣвъ; когда же ему приходится присутствовать за параднымъ угощеніемъ, онъ не дотрогивается ни до одного куска, не развѣртываетъ даже своей салфетки, молча сидитъ за столомъ опершись обѣими руками на эфесъ сабли, не скрывая своего нетерпѣнія. Одинъ иностраннй посолъ тѣмъ ему и понравился что тоже ничего не ѣлъ за официальнымъ обѣдомъ, и на вопросъ короля „отчего такая воздержанность?“ отвѣчалъ съ напускною рвзкетью: „можно ли съ апштетомъ ѣсть при всѣхъ!“ Въ переѣздахъ онъ уклоняется отъ пріемовъ и рѣчей, дворцовые выходы торопитъ скорѣе къ концу, этикетомъ во всѣхъ случаяхъ жизни пренебрегаетъ. Во всемъ онъ въ высшей степени правъ и безцеремоненъ. Бывши еще наследнымъ принцемъ и находясь въ Лондонѣ, онъ представлялся королеви Викторіи въ сопровожденіи своего адъютанта, побочнаго сына короля Карла-Альберта. Въ разговорѣ Викторія выразила сожалѣніе что никогда не видала отца своего августѣйшаго гостя.

— Каковъ онъ изъ себя? спросила она.

— Извольте взглянуть на моего адъютанта, послѣдовалъ отвѣтъ,—это его живой портретъ, это его сынъ.

Сдѣлавшись уже королемъ Италіи, онъ принималъ въ секретной аудіенціи одного изъ принцевъ эксъ-владѣтельнаго Тосканскаго дома, не упустившаго случая разсѣпаться въ отгованіяхъ на свою судьбу.

— Любезный кузенъ, отговался онъ,—понимаю ваше неудовольствіе; но событія сложились такъ что или вамъ, или мнѣ приходилось остаться за штатомъ: поймите же это и вы...

Вотъ Викторъ-Эммануэль анекдотической хроники, и такая наиболее извѣстная черта его характера. Передача изъ изъ устъ въ уста особенно способствовала его популярности въ Италіи и въ Европѣ, такъ что изъ-за него одна не забывается другая сторона этой исторической личности. Король *galant'uomo*, король *bon enfant* до нѣкоторой степени заслоняетъ собою короля-политика. Ходячее мнѣніе приписываетъ созданіе Италіи исключительно Кавуру... Еслибъ это было и такъ, Виктору-Эммануэлю все-таки принадлежала бы великая заслуга, состоящая въ томъ что онъ сумѣлъ приобрести министра способнаго на подыятіе такой задачи, сохранить его и предоставить ему полную свободу дѣйствій,—заслуга тѣмъ болѣе цѣнная что лично Викторъ-Эммануэль не питалъ къ Кавуру ни малѣйшей симпатіи, даже не любилъ своего министра какъ человѣка.

Но это вовсе не такъ. Артистическое чутье вѣрнѣе анекдотистовъ и фельетонистовъ распознало эту поверхностную по вѣнкости, въ сущности сложную и нѣсколько замкнутую натуру. Извѣстный италіанскій скульпторъ Марокетти, которому была поручена Туринскимъ муниципалитетомъ статуя Карла-Альберта, часто жаловался пріятелямъ на затруднительность своей работы. „Какъ схватить подлинное выраженіе высокой, сухой, кудой, угловатой фигуры покойнаго короля!“—„То ли дѣло нашъ Викторъ-Эммануэль, прибавлялъ онъ,—лицо его само просится подъ рѣзецъ, и надобно быть сѣплымъ чтобъ не уловить и не передать одушевляющую его тонкость разума и глубину мыслей...“

Да, три человѣка создали Италію: Кавуръ, ловко, даже дерзко разчистившій предъ нею дипломатическій путь, Ламармора, пригласившій армію и своею администраціей сблизившій

съ королевствомъ Неаполитанскія провинціи, съ которыми не въ состояніи были справиться ни Фарини, ни маркизъ Вилламарина, ни принцъ Кариньянскій, ни Константинъ Нигра, ни Понча ди-Самъ-Мартино, ни Чіалдини; наконецъ Викторъ-Эммануилъ, не только угадавшій ихъ, но и давшій этимъ двумъ рычагамъ итальянскаго единства точку опоры, безъ которой воъ ихъ усилія не привели бы ни къ чему. Супругъ Австрійской принцессы, онъ большую часть своей жизни посвящаетъ борьбѣ съ Австріей; человекъ вполнѣ религиозный, онъ молча переноситъ несправедливые укоры римскаго первосвященника, ни на ладъ не уклоняясь въ сторону отъ нагнѣченной національной цѣли; обожающій родной городъ Пьемонтъ, онъ не колеблясь покоряется политической необходимости и переноситъ столицу изъ Турина во Флоренцію, не омущаясь минутнымъ заблужденіемъ своихъ вѣрныхъ Туринцевъ, начертавшихъ на стѣнахъ его дворца „Castel da vendere, e re da prendere“; представителемъ древняго Савойскаго дома, онъ жертвуетъ единенію государства гнѣздомъ своего царственнаго дома... И онъ умѣлъ не только поступаться въ пользу національнаго дѣла своими личными чувствами, но и содѣйствовать ему тѣмъ тонкимъ политическимъ разумѣніемъ, которое отначало, напримѣръ, во многомъ сходнаго съ нимъ Генриха IV. Возьмемъ, напримѣръ, отношенія его къ Гарибальди. Какъ монархъ, какъ настоящій государственннй дѣятель, Викторъ-Эммануилъ не могъ сочувствовать этому революціонному вожаку, слѣпому орудію Мацини, котораго Прудонъ называлъ „ce grand nigaud“. Другой быть можетъ въ ущербъ дѣлу отдался бы влеченію своихъ антипатій: Викторъ-Эммануилъ понималъ необходимость прибратъ къ рукамъ революціонныя элементы, разнузданность которыхъ столько же повредила почину Карла-Алберта сколько и отсутствіе дипломатическихъ союзниковъ. Чтобы вести его, онъ взялъ за руку „героя въ красной рубашкѣ“. Въ умаленіе заслугъ Виктора-Эммануила говорятъ что онъ слѣпо шелъ по пути, самъ не зная куда онъ приведетъ его, т.е. не сразу имѣя въ виду единство Италіи. Но развѣ и Казуръ съ первыхъ уже шаговъ намѣтилъ именно эту цѣль? Развѣ, въ 1856 году, въ бытность свою въ Парижѣ на конгрессѣ, не писалъ онъ Ратацци слѣдующихъ строкъ, въ послѣдствіи (1862) обнародованныхъ въ извѣстномъ сборникѣ его писемъ:

„Видѣлся съ Данииломъ Манивомъ, который много толковалъ мнѣ о единствѣ и другихъ подобныхъ глупостяхъ“... Самъ Кавуръ отдавалъ полную справедливость замѣчательному политическому умѣнью, такту и опытности Виктора-Эммануила. „Король не мѣшаетъ намъ (министрамъ), повторяя оны не разъ,—но если случится путаница, оны однимъ словомъ показываетъ выходъ и никогда не ошибется.“ Да лучшее свидѣтельство о роли Виктора-Эммануила заключается въ томъ что оны завершилъ программу объединенія уже безъ Кавура и что еще въ 1866 году оны положилъ начало союзу съ Пруссіей, заранее обезпечивъ единство отъ попоазновеній Франціи и завшавъ теперь сыну твердую гарантію будущности его державы...

Пій IX внимательно слѣдилъ за ходомъ болѣзни лишившей воссоединенную Италію ея перваго короля и избавившей лалскій престолъ отъ перваго сокрушителя его матеріальной власти. Изъ дворца ему ежедневно доставляли бюллетени. Наканунѣ смерти Виктора-Эммануила полученны были извѣстія о лучшемъ состояніи его здоровья. На другой день, 9го января, преемникъ Антонелли кардиналъ Симеони, уходя изъ Ватикана послѣ обычныхъ занятій, встрѣтилъ на лѣствицѣ посланца съ вѣстью о кончинѣ короля. Оны тотчасъ поднялся на верхъ къ лалѣ, который находился въ библіотекѣ, посреди такъ-называемаго *circoletto*, кружка близкихъ его особъ лицъ, съ которыми оны обыкновенно разговаривалъ въ полуденный часъ о городскихъ новостяхъ, происшествіяхъ, скандалахъ. Выслушавъ Симеони, Пій IX казалось пришелъ въ величайшее изумленіе, нѣсколько мгновеній молча смотрѣлъ на своего статсъ-секретаря, потомъ опустилъ голову и заплакалъ.

Вѣроятно въ немъ шевельнулся прежній италіянскій патриотъ, нѣкогда мечтавшій объ освобожденіи Италіи... Въль когда Мандони плакалъ о томъ что „съ высоты Альпъ чужеземецъ глядитъ на Италію и, видя мужей ея долу, съ жестокою радостью считаетъ ихъ трупы“, Пій IX отозвался на его вопль. Джіоберти доказывалъ что обновленная Италія станетъ первою націей въ мірѣ и что именно лалская власть осуществить ея возрожденіе. Цезарь Бальбо, Розмини, Томмазео, Джіно Каппони, цѣлый легіонъ лублицистовъ проповѣдывали воскрешеніе Италіи посредствомъ соглашенія ея государей именна съ лалой, на него были обращены всѣ взоры,

на него были возложены всѣ надежды, даже Мадзини полагалъ въ него свое упованіе и писалъ, увѣренный въ успѣхъ своихъ заклинаній: „Нѣтъ въ Европѣ никого могущественнѣе васъ; во имя дарованной вамъ Богомъ мощи совершите великій подвигъ, объедините Италію, родную вашу землю; вамъ для того нѣтъ надобности и самому подвизаться: достаточно благословить подвизающихся вашимъ именемъ“... Въ ту пору именно Пій IX держалъ знамя Италіи.

Но скоро настроеніе измѣнилось; убійство графа Росси (о которомъ онъ до самой своей смерти вспоминалъ безпрестанно) произвело на Пія IX потрясающее впечатлѣніе; подвернулись іезуиты... Окружающіе не могли укрѣпить лапу. Антонелли, въ продолжительное завѣдываніе котораго дѣлами обновилась почти вся „священная коллегія“, въ видахъ личнаго честолюбія отстранялъ всякаго недюжиннаго іерарха, могущаго пріобрѣсти вѣсь въ Ватиканѣ, такъ что римскій первосвященникъ очутился посреди кардиналовъ, о которыхъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, одинъ близко знающій римскую обстановку авторъ отзывался какъ о „ничтожностяхъ, пожалуй хорошихъ монахахъ и *искусныхъ* теологахъ, но людяхъ лишенныхъ всякаго политическаго смысла.“ * Разумѣется, такіе люди не могли уберечь Пія IX отъ іезуитскихъ домогательствъ.

И онъ всецѣло отдается ордену. А что это за орденъ, всякій хорошо знаетъ.

Ясно чѣмъ должно было стать въ рукахъ іезуитовъ дальнейшее папство недавняго папы-реформатора. Всѣмъ памятенъ происки въ польской средѣ „энциклика“ 12го декабря 1864 года, „устрашившая своимъ враждебнымъ отношеніемъ

* Comte H. d'Ideville, *Journal d'un diplomate en Italie*. Paris, 2 vol. in-12, 324 et 386 pp. См. II. 209. Графъ д'Идевиаль находился въ Туринѣ, потомъ въ Римѣ, въ качествѣ секретаря Французскаго посольства. Онъ свидѣтельствуетъ также что окружавшая покойнаго папу „камарилья“ не только не была въ состояніи, по своимъ нравственнымъ и умственнымъ особенностямъ, внушить ему что-либо возвышенное и благое, но постоянно подавляла его собственные живые порывы. Одинъ „исобузданный“ Меродъ былъ прямодушенъ, честенъ и способенъ, несмотря на свою запальчивость, къ серьезной политической дѣятельности, но Антонелли оттиралъ его, не давая ходу и безпрестанно ссоря съ папѣй.

къ современной цивилизаціи самыхъ преданныхъ друзей папскаго престола,“ * *Syllabus* (произведеніе Іезуита Шродаре), предавшій намъ чуть не всѣ основы современнаго гражданскаго общества и государства, псевдо-вселенскій, Римскій соборъ, потерпѣвшую неудачу **, но обнаружившій весь объемъ папскихъ притязаній, наконецъ постоянная оппозиція Пія IX италянскимъ стремленіямъ... Событія съ 1859 года, давшія этимъ послѣднимъ верхъ надо всѣмъ сопротивленіямъ, осуществили ихъ римскій идеалъ. Италія вступила въ Римъ.

Пій IX заключился въ скорбную инерцію, проливая слезы объ угнетеніи церкви, печальной участи преданнаго папѣ римскаго населенія... Въ сущности же это „преданное папской власти населеніе“ относилось къ вопросу о ней болѣе чѣмъ равнодушно, склоняясь скорѣе въ противную сторону. Въ народѣ за нимъ почему-то утвердилась даже репутація „життаторе“, человека „съ дурнымъ глазомъ“.

Нельзя не сказать что разъ принятая на себя папой роль была доведена до конца и, должно отдать Пію IX справедливость, съ начала до конца сыграна съ замѣчательною бодростью, увѣренностью въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, даже индивидуальностью. Въ 1866 году, графъ д'Идевилъ, получившій назначеніе въ Берлинъ, откланивался папѣ. Какъ ревностный католикъ, онъ явился на прощальную аудіенцію со своею женой и младенцемъ-сыномъ. Разговоръ не могъ не коснуться и общаго положенія дѣла, трудности обстоятельствъ, неизвѣстнаго будущаго. „Я совершенно спокоенъ, сказалъ посѣтителю Пій IX, когда пробьетъ мой часъ, я покину міръ, что бы ни произошло, безъ опасеній. Насъ четверо въ этой комнатѣ, продолжалъ онъ,—съ вами ребенокъ: онъ переживетъ насъ четверыхъ. Предъ нимъ теперь стоитъ мужъ въ бѣлоснѣжномъ облаченіи. Что бы со мною ни случилось, знайте: когда этотъ малютка въ свою очередь войдетъ въ дѣла и явится сюда со своими дѣтьми и внуками,—знайте: на этомъ самомъ мѣстѣ онъ обрѣтетъ другаго мужа въ бѣлоснѣжномъ облаченіи!..“ ***

* Н. d'Ideville, II, 275.

** Соборъ возбуждалъ недоумѣніе, недоразумѣнія, несогласія, протесты и пререканія даже въ средѣ самого католическаго духовенства.

*** Н. d'Ideville, II, 365—366.

Какъ-то въ другой разъ, французскій посолъ, графъ де-Сартижъ, бывшій до нѣкоторой степени представителемъ анти-папской фракціи при Наполеоновскомъ дворѣ, дѣлалъ духовному и свѣтскому владыкѣ Рима серьезное представление объ одномъ изъ безчисленныхъ злоупотребленій допускаемыхъ римскимъ управленіемъ и возбуждающихъ всеобщее негодованіе. Піи IX пришелъ въ величайшее негодованіе. „Я не обязанъ отчетомъ никому кромѣ Бога, вскричалъ онъ съ горячностью.—Я не только монархъ, но и владетель духовный. Завишу я единственно отъ своей христіанской и первосвященнической совѣсти. Единный Богъ въ правѣ судить меня и руководить моими дѣйствіями. Меня обобрали, но и обобранный я папа! Папа — да не позабудется это!“ *

Такъ же невозмутимо, бодро, увѣренно, гордо держалъ себя Піи IX и по заятіи уже Рима Италіянцами. „Я папа! папа!“ только и было у него на устахъ вмѣсто всякихъ уступокъ и соглашеній.

Во всякомъ случаѣ, политическое упрямство Піи IXго какъ-то не имѣло всей той угловатости и непримиримости, изъ пассивнаго не переходило въ активное, вѣроятно вслѣдствіе личныхъ отношеній къ Виктору-Эммануилу, съ которымъ папа вѣкъ государственныхъ вопросовъ поддерживалъ добрую частную связь, и воспоминаній о прежней собственной дѣятельности. „Questo Savoir, ахъ этотъ Кавуръ, покачивая головой говаривалъ онъ почти дружескимъ тономъ, какъ о блудномъ но дорогомъ чадѣ,—много вреда онъ намъ нанесъ!.. Но онъ мнилъ что поступаетъ хорошо и ведетъ къ лучшему“... **

Когда Французское правительство принялось однажды съ особенною настойчивостью хлопотать о „примиреніи“ папской власти съ королевскою италіанскою, Піи IX, послѣ аудіенціи французскаго посла, обратился къ окружающимъ: „Э, э, Франція все о насъ заботится. Боже мой, да разогмы сами, безъ посторонней помощи, не сумѣемъ поладить? Вѣдь мы Италіянцы, Италіянцы, Италіянцы!.. *Siamo Italiani noi, Italiani, Italiani!*“ ***

* H. d'Ideville, II, 205.

** Id. 203.

*** Id. 207.

Политика новаго короля Италіи относительно папскаго престола ясна: вслѣдъ за кончиной Виктора-Эммануила преемникъ его послалъ въ Ватиканъ своего адъютанта выразить находившемуся еще въ живыхъ Пію IXму, черезъ посредство кардинала Маринелли, что „онъ питаетъ къ его свѣтѣйшеству тѣ же чувства, которыя одушевляли его покойнаго отца и въ дѣйствіяхъ своихъ будетъ руководствоваться его примѣромъ“. Какова-то будетъ относительно Италіи и всего прочаго политика преемникъ Пія IXго, новаго папы Льва XIIIго?.. Сознаетъ-ли онъ, уже не платонически, а на самомъ фактѣ что онъ „Италіянецъ, Италіянецъ, Италіянецъ“ и своею уступчивостью Италіи и въ-ку выведетъ папство на новую дорогу? Или онъ пойдетъ по садамъ своего предшественника и къ нему тоже приживится острота г. де-Сартижа, который называлъ парадъ французскихъ войскъ предъ ихъ выходомъ изъ Рима „последнимъ представлениемъ въ пользу неизлечимыхъ“...

Есть обстоятельства говорящія за первое предположеніе. Телерешій Левъ XIII, недавній кардиналъ Печчи, былъ заведомо ненавидимъ кардиналомъ Автоделли, который за пряталъ его въ Перузское архіепископство и почти лишилъ доступа въ Ватиканъ, обвиняя его въ слишкомъ „податливомъ направленіи“ относительно послѣднихъ событій. Самъ Пій IX не жаловалъ его за „уступчивость міру“. Въ 1874 году, послѣ смерти кардинала Барнабе, предъ папой ходатайствовали о назначеніи монсеньора Печчи на эту должность. Выхваляли его ученость, его разумность, говорили что онъ такой образцовый епископъ.

— Во истину образцовый! отвѣчалъ Пій IXй,—пусть же онъ епископомъ и остается...

Въ прошломъ 1877 году, по кончинѣ кардинала Де Ангелиса, открылась вакансія „камерлинга“. Постъ этотъ особенно важенъ при престарѣломъ и больномъ папѣ по тому значенію и вліянію которое камерлингъ обыкновенно имѣетъ на конклавъ: камерлингъ — это или самъ наиболее богатый шансами кандидатъ въ папѣстваки Св. Петра, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ главныхъ воротилъ конклава. Пій IX прочитъ въ камерлинги кардинала Панебьянко, французскаго, ультрамонтана, фанатика, открыто исповѣдывающаго *Syllabus* и крайнее сопротивленіе всему не-

соотвѣтствующему доктринѣ его восьмидесяти параграфовъ. Вдругъ выборъ его палъ на кардинала Печчи... Репутація кардинала Печчи дозволяетъ ожидать отъ него примирительнаго направленія, повидимому одержавшаго верхъ и въ самомъ Пис IXмъ наканунѣ его смерти.

Но, какъ справедливо замѣчено въ № 39мъ *Московскихъ Вѣдомостей*, будущаго предпрѣшать не слѣдуетъ, примѣръ самого Пис IXго долженъ служить предостереженіемъ. Вѣрно лишь то что если примиреніе новаго папы съ Италіей и съ вѣкомъ и не состоится, то не можетъ состояться и возрожденіе Ватикана, о которомъ мечтаютъ католическіе фанатики. Напротивъ, дальнѣйшая борьба никому не грозила бы, какъ самому папству. Въ самомъ Римѣ, не говоря ужъ о населеніи, вообще довольномъ замкнутой духовнаго управленія свѣтскимъ, уже лотому что послѣднее вывело свирѣпствовавшіе у самыхъ воротъ вѣчнаго города разбои,—даже аристократія дѣлится на два лагеря, „черныхъ“ и „сѣрыхъ“, приверженцевъ папы (Боргезе, Сальвиати, Массимо, Альдобрандини, Патрицци, Альтери, Роспиглиози и т. д.) и сторонниковъ Италіи (Доріа, Колонна, Палавичини, Фіамо, Сермонетта, Скьяра, Калобрини, Трогли, Гавотти и т. д. и т. д.) Вторые многочисленнѣе первыхъ и дѣятельнѣе, готовы „*payer de leurs personnes*“, тогда какъ первые только сѣтуютъ и никогда во весь періодъ послѣдовавшихъ войнъ и перемѣнъ не доставили папству почти ни одного вооруженнаго защитника. Разсчитывать на движеніе въ Римъ невозможно. Остается сторонняя помощь. Но Австрія и по внутреннему разногласію составляющихъ ее элементовъ относительно папскаго вопроса и по ея вѣнскому положенію—вовсе не до того. Надежды можно возлагать развѣ на Францію. Дѣйствительно, здѣсь аристократія и по своимъ преданіямъ и родственнымъ связямъ съ римскими „черными“, спитъ и видитъ возстановленіе папства въ его прежнемъ могуществѣ и блескѣ; уже папскими зуавами она доказала свою готовность проливать кровь за тіару и теперь готова была бы подняться за нее крестовымъ походомъ.

Но Сентъ-Жерменское предмѣстіе, бретонскіе замки и валдейскіе „мануары“ не составляютъ еще страны.

Дѣйствительно, политика Франціи относительно Италіи всегда была двойственна Наполеонъ III то давалъ обща-

лія лармскимъ, моденскимъ и тосканскимъ депутатамъ, ходоатайствовавшимъ о присоединеніи къ Италіи, то сулилъ великія и богатыя милости тайнымъ посланцамъ владѣтелей этихъ земель, назначалъ въ Римъ то отвѣвлявшаго врага папской власти маркиза де-ла-Валетта, то преклоняющагося предъ римскимъ владыкой принца Латуръ д'Овернь; официально слалъ Италіи запреты, частно чрезъ Моккара и Ковно давалъ ей разрѣшенія, потомъ опять налагалъ запрещеніе. И въ этомъ двусмысленномъ образѣ дѣйствій выражались не одни лишь личныя его колебанія. Если вѣрно то что знаменитая сентябрьская конвенція, перевесшая столицу во Флоренцію, имѣла въ виду окончательно отклонить Италію отъ Рима, что въ умѣ Наполеона постоянно витала мысль заставить Италію обратиться къ прежнему его плану о конфедерации и что лишь событія 1870 года помѣшали ему осуществить эту мысль во чтѣ бы то ни стало, то вѣрно и то что *всякое* французское правительство наклонно дѣлать ту же самую мечту. Не даромъ Тьеръ еще 14го апрѣля 1865 года торжественно провозгласилъ въ палатѣ депутатовъ что „италіянское единство есть политическая концепція, которая рано или поздно принесетъ дурныя для Франціи послѣдствія“. *Всякое* французское правительство желало бы расшатать это единство, хотя бы то поддержаніемъ папской власти.

Но Франція безсильна теперь въ Европѣ и уже по своимъ отношеніямъ къ Германіи не можетъ ничего сдѣлать противъ Италіи. Даже очертя голову предпринять что-либо въ этомъ смыслѣ она не въ состояніи, ибо не имѣется въ ней *сильной* папской партіи, которая могла бы увлечь страну въ рискованное предпріятіе. О народѣ, умосимомъ совершенно инымъ теченіемъ, и говорить нечего; аристократія лишена почти всякаго вліянія на ходъ событий, низшее бѣлое духовенство желало бы процвѣтанія галликанизма, а не папизма, даже во французскомъ епископствѣ рядомъ съ фанатиками-ультрамонтанами находятся люди далеко не крайне-римскаго направленія. Вспомнимъ что покойный парижскій архіепископъ, разстрѣлянный комунарами „за клерикализмъ“, монсеньоръ Дарбуа, воспретилъ служеніе Сегюру, „вѣрному“ папскому Сегюру, за то что этотъ послѣдній слишкомъ отстаивалъ свѣтскую власть папы. Кардиналъ Боньшозъ, какъ бывший членъ судебного сословія, открытый противникъ

чрезмѣрныхъ лалскихъ „empiétements“. Почему-то прослышій ультра-католикомъ монсеньюръ орлеанскій Дюлану писалъ противъ энциклики и навлекъ на себя неудовольствіе за холодность къ *Syllabus'u* и къ собору...

Да, лалскимъ притязаніямъ неоткуда ожидать теперь сильной помощи и, въ случаѣ необдуманныхъ попытокъ вѣнствующаго Рима, XIX вѣкъ, видѣвшій уже столь много міровыхъ событій, можетъ увидѣть полное затменіе Ватикана.

Н. ЦЕРВАНЬ.

ПРИНЦЪ АЛЬБЕРТЪ

ВЪ ИНТИМНОЙ ПЕРЕПИСКѢ

НОВАЯ АНГЛІЙСКАЯ КНИГА О КРЫМСКОЙ ВОИНѢ.

The life of his royal highness the Prince-Consort, by Theodore Martin. Vol III. (Жизнь его королевскаго высочества принца-супруга, соч. Теодора Мартина, томъ III.)

Книга, о которой мы имѣеваемся побесѣдовать съ нашими читателями, не лишена особаго значенія въ виду теперешнихъ обстоятельствъ. Авторъ ея давно уже занятъ изображеніемъ жизни и дѣятельности покойнаго супруга королевы Викторіи, принца Альберта, и теперь лежитъ предъ нами третій томъ этого обширнаго труда: посвященъ онъ событіямъ Восточной войны 1853—1856 годовъ и содержитъ не мало интересныхъ документовъ; главнѣйшіе изъ нихъ были доставлены г. Мартину королевой Викторіей, которая присоединила къ нимъ также собственныя свои письма и выдержки изъ своего дневника; королева очевидно наблюдала за тѣмъ какъ воспользовался авторъ находившимся въ его рукахъ матеріаломъ, и въ книгѣ встрѣчаются подстрочныя примѣчанія съ обозначеніемъ что они принадлежатъ ей самой. Такимъ образомъ трудъ г. Мартина носитъ на себѣ печать какъ бы officialнаго происхожденія. Но именно поэтому намъ казалось бы что лица участвовавшія

въ составленіи біографіи принца Альберта должны были поступать съ особою осмотрительностію. Конечно оглашеніе историческихъ документовъ весьма хорошая вещь, но не всѣ они могутъ быть обнародываемы безъ разбора, не принимая въ соображеніе наступило ли удобное для того время. Извѣстно что не только лица въ такомъ положеніи какое занималъ покойный супругъ королевы Викторіи, не только государственные люди, пользовавшіеся большимъ значеніемъ, но даже и простые смертные, имѣвшіе случай много видѣть и слышать, дѣлають не рѣдко распоряженія чтобы ихъ корреспонденція или ихъ мемуары появлялись въ свѣтъ не иначе какъ по истеченіи значительнаго срока послѣ ихъ смерти. Эта одержанность особенно соблюдается въ Англіи, и тѣмъ удивительнѣе что въ настоящемъ случаѣ допущено было самое безцеремонное отступленіе отъ нея. Нѣкоторыя изъ писемъ принца Альберта наполнены такими возмутительными выходками противъ нашего отечества, въ нихъ разсыяно столько оскорбленій противъ всего чѣмъ не можетъ не дорожить русскій человѣкъ, что чувстве приличія заставляло бы лояльному подождать хоть того времени когда сойдетъ со сцены поколѣніе вынесшее на своихъ плечахъ гигантскую оборону Севастополя. Объясняемъ заранѣе что изъ уваженія къ нашимъ читателямъ мы не рѣшимся познакомить ихъ со всѣми отзывами и сужденіями супруга королевы Викторіи. Г. Мартину нельзя сослаться даже на то что онъ печаталъ историческіе документы и что добросовѣстность не допустила его выкинуть изъ нихъ тѣ или другія мѣста; нѣтъ, онъ сопровождаетъ эти документы, разказомъ отъ своего лица и разказъ его дышетъ непримиримою фанатическою ненавистью къ Россіи. Онъ старается выставить въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ дѣйствія Россіи во время войны 1853—1856 годовъ, а въ предисловіи, обращаемъ къ королевѣ Викторіи, говоритъ что „конечно въ высшей степени назидательно именно теперь, когда Восточный вопросъ снова занимаетъ вниманіе Европы, познакомить публику съ воззрѣніями государственнаго мужа, которому были дороги не только интересы Англіи, но и интересы всего человѣчества и высокая мудрость коего отразилась въ каждой строкѣ вышедшей изъ подъ его пера“. Г. Мартинъ — одинъ изъ тѣхъ Англичанъ для которыхъ какъ бы не существуетъ періодъ времени протекъ.

ній послѣ Крымской войны; теперь въ его отечествѣ даже между приверженцами партіи во главѣ коей стоитъ лордъ Беконсфильдъ, встрѣчаются люди, напримѣръ лордъ Карнарвонъ, имѣющіе мужество заявлять что было бы безуміемъ со стороны Англіи возобновить политику которая привела къ упомянутой войнѣ, а г. Мартинъ выставляетъ эту политику предметомъ національной гордости; теперь вся Европа должна была официально на Константинопольской конференціи засвидѣтельствовать о безобразіяхъ турецкаго управленія, хотя не захотѣла принять никакихъ сколько-нибудь дѣйствительныхъ мѣръ для ихъ устраненія, а въ его глазахъ Турція попрежнему остается невинною жертвою карыстолюбивыхъ интригъ; теперь даже явные недоброжелатели Россіи отдають справедливость успѣхамъ оказаннымъ ею въ нынѣшнее славное царствованіе на пути прогресса, а г. Мартинъ преспокойно повторяетъ глупыя фразы пятидесятихъ годовъ объ ея варварствѣ; въ книгѣ его безпрерывно встрѣчаются дикія (разсужденія въ родѣ слѣдующаго: „Если Турціи суждено когда-нибудь пасть, то слѣдуетъ ли изъ этого что она должна непременно очутиться въ рукахъ націи заведомо варварской (*admittedly barbarous*), что она должна переменить свой деспотизмъ на другой еще болѣе суровый и безплощадный? На какомъ основаніи можно было бы отказать Туркамъ въ правѣ заявить кѣмъ они хотятъ быть управляемы? Слѣдуетъ ли допустить чтобъ они подчинились Русскимъ, къ которымъ не чувствуютъ ничего кромѣ непреодолимаго отвращенія? И затѣмъ въ періодъ времени—кто знаетъ сколько оны продлятся!—въ теченіе коего Россія переходила бы отъ своего варварства къ возможной для нея стелени цивилизаціи, какія бѣдствія были бы испытываемы покоренными ею Турками, какая смута порождена была бы въ Европѣ варварами, которые, присоединивъ къ себѣ столько богатыхъ и плодородныхъ областей, увеличили бы завоевательными свои средства!“ Во всей книгѣ, о которой мы говоримъ, нѣтъ даже и намека на то что въ Турціи живутъ не одни только Турки, но и христіане и что положеніе ихъ нельзя считать завиднымъ. Эта сторона дѣла вовсе не существуетъ для г. Мартина, что не мѣшаетъ ему однако впадать въ слѣпый томъ и приводить цитаты изъ Библіи и Евангелія. Никогда еще фарисейство не проявлялось въ такой омерзительной формѣ.

На все это не стоило бы и обращать вниманія, еслибы дѣло шло только о г. Мартинѣ. Что такое г. Мартинъ и какой вѣсъ могли бы имѣть его злокубраціи? Но мы уже упоминали что особыя обстоятельства придаютъ значеніе его книгъ....

Намъ пріятно видѣть что въ самой Англіи сознаютъ до какой степени было неумѣстно ея появленіе и что нѣкоторые органы англійской печати обращаются къ кому слѣдуетъ съ уроками относительно такта и приличія. Такъ на примѣръ мы нашли по этому поводу весьма дѣльные замѣчанія въ февральской книжкѣ *Contemporary Review*. Нужно замѣтить что названный нами журналъ отнюдь не отличается симпатіями къ Россіи; въ послѣднее время онъ печаталъ между прочимъ статьи о событіяхъ на Востоку извѣстнаго агитатора Кошута, отъ котораго ужь конечно мы не можемъ ожидать ничего лестнаго, но даже и *Contemporary Review* былъ изумленъ книгой г. Мартина. „Мы не сомнѣваемся, говоритъ онъ, что принцъ Альбертъ и не предполагалъ что частныя его письма послужатъ когда-нибудь орудіемъ для агитаціи въ пользу войны; книга г. Мартина очевидно имѣетъ цѣлью раздражить народныя страсти противъ Россіи,—это такъ ясно что было бы бесполезно приводить выдержки изъ нея, отличающіяся такимъ же тономъ какой усвоили себѣ газеты которыя считаютъ долгомъ поддерживать политику лорда Биконсфильда. А между тѣмъ въ настоящую минуту отношенія Россіи и Англіи какъ нельзя болѣе натянуты; снова возникаетъ предъ нами страшный вопросъ о мирѣ и войнѣ; это двусмысленное положеніе должно быть особенно прискорбно для нашей королевской фамиліи вслѣдствіе родственныхъ связей ея съ Русскимъ царствующимъ домомъ, и вдругъ именно теперь выходить въ свѣтъ трудъ г. Мартина, въ которомъ устами покойнаго супруга королевы Викторіи высказываются оскорбительныя вещи для Россіи!“

Другіе органы англійской печати только отчасти объясняютъ причины послужившія поводомъ къ появленію разбираемой нами книги. Чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, нужно обратить вниманіе на то положеніе какимъ пользовался въ Англіи принцъ Альбертъ. Одно время не было человека болѣе популярнаго въ этой странѣ, хотя въ настоящее время оказывается что съ точки зрѣнія Англичанъ

не существовало для этой непопулярности никакого достаточнаго основанія. Непростительная вина принца въ ихъ глазахъ заключалась въ томъ что онъ былъ иностранецъ. О немъ говорили что онъ явился въ Англію съ попятіями совершенно чуждыми этой странѣ, усвоенными имъ при „деспотическихъ“ дворахъ Германіи, что онъ никогда не хотѣлъ отказаться отъ нихъ, и пользуясь безграничнымъ вліяніемъ своимъ на королеву Викторію, подавалъ ей будто бы совѣты находившіеся въ явномъ противорѣчіи съ конституціонными учрежденіями своего новаго отечества. Нѣкоторые изъ государственныхъ людей Англіи находили интересъ въ томъ чтобы поддерживать въ публикѣ подобную молву; но крайней мѣрѣ это можно сказать почти безошибочно объ одномъ изъ нихъ и наиболѣе вліятельномъ—лордѣ Пальмерстонѣ: этотъ министръ привыкъ распорядиться въ сферѣ своей дѣятельности такъ какъ будто былъ полнымъ ея господиномъ; не только своимъ товарищамъ, но даже самой королевѣ не сообщалъ онъ наиболѣе важныхъ документовъ, относящихся до сношеній Англіи съ европейскими правительствами; неоднократно были дѣлаемы ему замѣчанія по этому поводу и между прочимъ въ августѣ 1850 года королева обратилась къ нему съ настоятельнымъ требованіемъ чтобы каждая деленша не поздиѣ по крайней мѣрѣ чѣмъ наканунѣ ея отправленія была представляема ей для просмотра. Но лордъ Пальмерстонъ былъ неисправимъ, и въ декабрѣ 1851 года, не предупредивъ ни королеву, ни остальныхъ министровъ, онъ посмѣшилъ выразить сочувствіе государственному перевороту совершенному Людовикомъ Наполеономъ. Эта безцеремонность породила настоящій скандалъ и Пальмерстонъ вынужденъ былъ выйти изъ министерства; правда, чрезъ весьма короткое время онъ снова занялъ въ немъ мѣсто, но уже въ должности министра не иностранныхъ, а внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ наступилъ разрывъ Россіи съ Турціей. Извѣстно съ какимъ озабоченіемъ отнеслись къ блестящей побѣдѣ нашей при Синолѣ Англичане, почему-то увѣрившіе себя что мы будемъ смиренно относиться ко враждебнымъ противъ насъ дѣйствіямъ Турокъ и не поднимемъ на нихъ руки. Какое-то неистовое оупьяненіе овладѣло англійскимъ обществомъ, которое задавало себѣ вопросъ, почему среди этихъ критическихъ обстоятельствъ

Пальмерстонъ не руководитъ вѣдѣнною политикой своей страны. Со всѣхъ сторонъ раздавались голоса что онъ не допустилъ бы разгромить морскія силы Турціи на глазахъ англійскаго флота и сумѣлъ бы во всякомъ случаѣ отмстить за поруганіе англійской чести. Отстраненіе его отъ столь знакомаго ему полприща объясняли придворными интригами и какъ на главнаго виновника этихъ интригъ общій голосъ указывалъ на принца Альберта. Онъ будто бы, подъ вліяніемъ воззрѣній занесенныхъ имъ въ Англію изъ Германіи, постарался лишить министра необходимой для него самостоятельности, возстановилъ противъ него королеву и принудилъ его довольствоваться второстепенною ролью. До какой степени была сильна ярость англійской публики видно изъ жалобъ которыя принцъ изливалъ въ письмахъ къ своему другу и довѣренному совѣтнику барону Штокмару*.

„Слово *измѣна* у всѣхъ на устахъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ; печать, направляемая искусною рукой (очевидный намекъ на лорда Пальмерстона), объявила a dead set at the prince. Мое не конституціонное положеніе, мои сношенія съ иностранными дворами, моя близость съ Орлеанскими принцами, мое внимательство въ вопросъ объ организаціи арміи и т. д.—все это выставляется причиной упадка государства, конституціи, націи, и на эту тему угощаютъ публику такими гадостями что — какъ выражаются у насъ въ Кобургѣ — никто не захотѣлъ бы ихъ даже для своихъ свиней.“ Съ теченіемъ времени подозрительность не ослабѣвала, а напротивъ усиливалась. Извѣстно что англійской арміи въ Крыму пришлось испытать страшныя бѣдствія, что она очутилась въ самомъ жалкомъ положеніи вслѣдствіе воліющихъ недостатковъ своего устройства, и не только масса публики, но даже вліятельные политическіе люди не задумывались предъ вопросомъ, кого слѣдуетъ считать главнымъ виновникомъ этого зла. Робакъ предложилъ парламенту произвести строгое слѣдствіе, и чрезъ нѣсколько времени послѣ того какъ предложеніе его было принято, онъ имѣлъ съ военнымъ министромъ герцогомъ Ньюкестлемъ разговоръ, содержаніе коего изложено въ памятной запискѣ (memorandum) принца Альберта, помѣщенной въ кни-

* См. *Denkwürdigkeiten aus den Papieren des Freiherrn. Chr. Fr. von Stockmar.*

гѣ г. Теодора Мартина. „Вчера вечеромъ герцогъ Нью-кестль сообщалъ мнѣ что Робахъ былъ у него и обратился къ нему съ вопросомъ, не имѣетъ ли онъ какихъ-нибудь возраженій противъ того чтобы быть подвергнутымъ допросу. Герцогъ отвѣчалъ что съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ онъ не желалъ бы этого, но что касается до него лично, то готовъ во всякое время дать самый подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Продолжая разговоръ, Робахъ замѣтилъ что по твердому убѣжденію слѣдственной коммисіи едва ли удастся ей дорыться до самаго корня злоупотребленій, что нельзя винить слишкомъ строго тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ, ибо съ самаго начала въ *этихъ сферахъ* были приняты мѣры чтобъ экспедиція не удалась и въ такомъ смыслѣ настроена была главная квартира арміи. „Если такъ, отвѣчалъ герцогъ, то мнѣ нужно быть какъ можно откровеннѣе въ своихъ объясненіяхъ съ вами, ибо я вижу что вы выступаете съ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ и подъ *этими сферами* подразумеваете конечно меня.“—„О нѣтъ, воскликнулъ Робахъ,— не васъ, а лицъ пользующихся гораздо болѣе виднымъ положеніемъ: скажу даже прямо что я имѣю въ виду принца Альберта“.... Дѣло дошло наконецъ до того что „вопросъ о принцѣ Альбертѣ“ вызвалъ со стороны министровъ весьма подробныя объясненія въ парламентѣ, — объясненія, которыя хотя и не вполне примирили публику съ принцемъ, но по крайней мѣрѣ обнаружили несостоятельность большей части возникшихъ противъ него нареканій. На другой день послѣ этой сцены въ парламентѣ онъ писалъ барону Штокмару: „Вы не можете себѣ представить до чего у насъ доходить довѣрчивость публики. Одно время распространился повсюду слухъ что меня посадятъ въ Лондонскую Башню; говорили даже что королева будетъ арестована и толпы народа толпились предъ воротами темницы чтобы видѣть какъ насъ повезутъ туда... Не грустно ли думать что такое множество людей могли считать меня измѣнникомъ!“

Теперь, при составленіи біографіи принца Альберта, имѣлось въ виду главнымъ образомъ доказать, какъ несправедливы были подозрительность и недовѣріе къ нему англійскаго общества, и цѣль эта достигнута вполне удовлетворительно. Англичане могутъ успокоиться: они имѣютъ предъ

собой цѣлый рядъ документовъ не оставляющихъ ни малѣйшаго сомнѣнія что въ пятидесятыхъ годахъ между самыми рьяными англійскими патріотами не было ни одного который могъ бы упрекнуть принца Альберта въ индифферентизмъ или измѣнѣ. Нужно было не подозревать его, а удивляться что человѣкъ воспитавшійся среди совершенно другой обстановки, переселившійся въ Англію въ такомъ возрастѣ когда уже долженъ былъ опредѣляться его политическій образъ мыслей, способенъ былъ такъ беззавѣтно усвоить себѣ всѣ національные предрасудки Англіи, ее черствый эгоизмъ и грубое жестокосердіе съ которыми она преслѣдуетъ свои интересы. Слѣдуетъ удивляться что въ выраженіи этихъ чувствъ не уступалъ онъ самымъ отчаяннымъ туркофиламъ, что тонъ многихъ изъ его писемъ ничѣмъ не отличается отъ того которымъ напримѣръ сэръ Чарльзъ Непиръ неприятно изумилъ даже своихъ соотечественниковъ въ маѣ 1854 года на пресловутомъ банкетѣ въ одномъ изъ лондонскихъ клубовъ? По мнѣнію некоторыхъ англійскихъ журналовъ трудно было воздержаться отъ соблазна выставить въ настоящемъ свѣтѣ личность покойнаго супруга королевы Викторіи, заставить публику раскаться въ ее легкомысліи; но еслибы даже и такъ, то неужели для этого нужно было тщательно сохранять въ обнародованныхъ нынѣ документахъ все что представляютъ они оскорбительнаго для страны съ которою Англія находилась въ войнѣ? Неужели неприличныя выходки должны свидѣтельствовать о силѣ патріотическаго чувства? И къ тому же развѣ подробный комментарий, присоединенный къ бумагамъ принца Альберта г. Теодоромъ Мартиномъ, развѣ собственныя его разглагольствованія, пропитанныя ненавистью къ Россіи, не достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ что имъ руководила не одна только забота о восстановленіи политической репутаціи принца?

Возьмемъ однако книгу какою она есть и посмотримъ въ какой мѣрѣ проливаетъ она новый свѣтъ на событія Крымской войны. Разказъ свой г. Мартинъ начинаетъ съ той минуты когда Англія и Франція стояли уже во всеоружіи и готовы были увѣнчать цѣлый рядъ самыхъ возмутительныхъ дипломатическихъ интригъ явно враждебными дѣйствіями противъ нашего отечества. Всѣ средства, испробованныя Россіей для соглашенія, всѣ уступки ей

оказались недействительными и ничто уже не могло предотвратить войны. Въ эту послѣднюю минуту Наполеонъ III считалъ однако пригоднымъ обратиться къ императору Николаю Павловичу съ известнымъ письмомъ, въ которомъ предлагалъ возобновить переговоры между Россіей и Турціей при участіи западныхъ державъ. Предложеніе было такъ странно, такъ мало представляло надежды на успѣхъ что по общему мнѣнію оно было со стороны императора Французомъ лишь совершенно безполезною попыткой увѣрить публику будто не на немъ должна лежать отвѣтственность за начинавшуюся борьбу. Оказывается однако что мы должны судить о немъ иначе: императоръ Наполеонъ дѣйствительно разчитывалъ на какой-нибудь практическій результатъ отъ своего письма, — онъ готовъ былъ обнажить мечъ и у него не хватало для этого духа, а колебанія его происходили отъ твердой увѣренности что предпринимаемая имъ война не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сочувствія въ громадномъ большинствѣ французскаго общества. Вотъ фактъ, въ неоспоримой достовѣрности коего нельзя сомнѣваться уже потому что о немъ торжественно свидѣлствуютъ сами Англичане. На первыхъ же страницахъ книги г. Мартина помѣщено извлеченіе изъ письма сэръ-Джона Бургойна къ сэръ-Джемсу Грагаму изъ Парижа, содержащее слѣдующія строки: „Я чрезвычайно удивлена узнавъ здѣсь что война съ Россіей изъ-за Восточнаго вопроса весьма не популярна (is very unpopular) во Франціи; это обстоятельство ставитъ императора въ крайне затруднительное положеніе,“ — и припавъ этотъ слышится затѣмъ до самаго конца; мы встрѣчаемъ его почти во всѣхъ и официальныхъ и не официальныхъ документахъ, обнародованныхъ въ разбираемой нами книгѣ, но только съ теченіемъ времени онъ становится все сильнѣе и сильнѣе. „Война съ Россіей была не популярна во Франціи, говоритъ г. Мартинъ; императоръ Наполеонъ конечно зналъ это и именно подъ вліяніемъ этого соображенія обратился онъ къ императору Николаю съ письмомъ, въ которомъ увѣщевалъ его вывести русскія войска изъ Княжествъ. Англійское правительство переполошилось при первомъ слухѣ объ этомъ заявленіи своего союзника: такое благополучіе какъ вести войну, выдвигая на первый планъ Французомъ, которые не хотѣли этой войны, могло бы и не

встрѣтиться въ другой разъ; принцъ Альбертъ въ письмѣ къ Штокмару съ восторгомъ восклицалъ: „Мы предпринимаемъ походъ при столь счастливыхъ обстоятельствахъ что рѣшительно никому не придется намъ заплатить ни одного шиллинга субсидіи,“ какъ вдругъ союзникъ начинаетъ ломышлять объ ототупленіи! Тревоги продолжались однако не долго, ибо, ознакомившись съ содержаніемъ письма Наполеона III, министры королевы Викторіи убѣдились что изъ этой попытки не выйдетъ ровно ничего. Принцъ Альбертъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующее замѣчаніе: „Отвѣтъ Русскаго императора разрушаетъ мостъ по которому императоръ Наполеонъ могъ бы отступитъ и дѣлаетъ всякое дальнѣйшее кокетничанье (*future coquetting*) съ его стороны невозможнымъ.“

Англія и Франція объявили намъ войну. Нельзя читать иначе какъ съ чувствомъ глубокаго отвращенія тѣ страницы въ книгѣ г. Мартина, гдѣ онъ изображаетъ настроеніе господствовавшее въ англійскомъ обществѣ въ эту критическую минуту, наканунѣ страшныхъ бѣдствій, отвѣтственность за которыя должна была пасть исключительно на Англичанъ. Еслибъ Англичане со столь свойственнымъ имъ грубымъ цинизмомъ говорили лишь о томъ что они имѣютъ въ виду свои матеріальныя интересы и ради ихъ не остановятся ни предъ чѣмъ, то помириться съ этимъ было бы еще легче чѣмъ видѣть какъ они возводятъ глаза къ небу и призываютъ Бога во свидѣтели чистоты своихъ намѣреній. „Сильно ошибаются тѣ, лишеть принцъ Альбертъ, которые объясняютъ политику Англіи холоднымъ и эгоистическимъ разчетомъ съ ея стороны; политика эта руководится только чистымъ чувствомъ (*pure feeling*).“ Онъ скорбитъ о томъ что и въ самой Англіи не всѣ способны поддаться этой джи; такъ напримѣръ, по его словамъ, „лордъ Эбердинъ все еще не можетъ стать въ уровень съ положеніемъ дѣлъ и считаетъ теперешнюю войну войной междоусобною, въ родѣ того какъ еслибы вспыхнула война между Англіей и Шотландіей (*like a war between England and Scotland*).“ Королеву очень занималъ вопросъ о томъ какія молитвы были наиболѣе приличны при наступившихъ обстоятельствахъ; послѣ долгихъ разсужденій остановились на одной изъ нихъ, но и ее оставили въ сторонѣ, ибо въ молитвѣ упоминалось о войнѣ какъ о наказаніи за

грѣхи народа, а это, пишетъ королева лорду Эбердину, было бы неумѣство „ибо нашъ образъ дѣйствій въ теченіе всѣхъ предшествовавшихъ событій отличался безкорыстіемъ и честностью; упоминаніе о грѣховности показалось бы слѣдовательно не болѣе какъ лицемеріемъ (!)“ Въ манифестѣ королевы уже безо всякихъ церемоній было сказано что Англія начинаетъ войну съ цѣлью отразить нападеніе на которое покусилась Россія „вопреки святымъ предписаніямъ христіанской религіи и ея кроткому и благотворному духу.“ Такимъ образомъ истинною представительницей христіанскихъ началъ являлась Англія и для этого-то вступила она въ тѣсный союзъ съ мусульманами, которые держали миллионы христіанъ въ позорномъ рабствѣ. Г. Теодоръ Мартинъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ что этотъ взглядъ былъ усвоенъ не только самими Англичанами, но даже ихъ подданными въ колоніяхъ не имѣвшими съ ними ничего общаго по вѣроисповѣданію. „Въ Индіи, говоритъ онъ, въ день назначенный для общественной молитвы обнаружилось такое единодушіе и рвеніе какъ со стороны Европейцевъ, такъ и со стороны туземцевъ что правительство сочло необходимымъ выразить офиціально свою благодарность за это выраженіе вѣрноподданическихъ чувствъ.“ Для полноты картины г. Мартину не мѣшало бы прибавить что не далѣе какъ чрезъ два года послѣ того похвальное настроеніе обнаруженное туземцами не воспрепятствовало имъ прибѣгнуть къ поголовному избіенію Англичанъ....

„Христіанская миссія западныхъ державъ на Востокъ (принцъ Альбертъ очень часто употребляетъ это выраженіе) началась съ того что онѣ дали почувствовать свою силу Греческому королевству. Правда, оно не прибѣгло ко враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи, но Греки толпами слѣдили въ сосѣднія области, населенныя ихъ собратьями, гдѣ наступившія событія вызвали сильное движеніе. Разумѣется, союзныя западныя державы не задумались объяснить все это русскими интригами, а преступный образъ дѣйствій Греческаго правительства обнаруживался, по ихъ мнѣнію, изъ того что оно не отваживалось идти въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ своей страны. Какъ бы то ни было, Франція и Англія, говоритъ г. Теодоръ Мартинъ, рѣшились поразить зло въ самомъ его источникѣ (to strike

the source of the evil). Онѣ не могли допустить „варварской и кровавой“ войны на границахъ Турціи,—варварской конечно потому что она была вызвана аѣковымъ игемъ мусульманъ, тогда какъ сами западныя державы брались за оружіе для прославленія имени Христа! Англійскій историкъ съ видимымъ сочувствіемъ уломинаетъ о мѣрахъ съ помощью коихъ удалось подавить возстаніе Грековъ.

Впрочемъ это было уже такое время (очень сходное съ тѣмъ которое переживаемъ мы теперь) когда противники наши, повторявшіе на всѣ лады что они ополчились во имя цивилизаціи противъ варварства, считали позволительнымъ для себя прибѣгать къ самымъ наглымъ дѣйствіямъ, проповѣдывать самую воиную ложь и когда всякій честный голосъ, возвышавшійся противъ этого неистоваго изступленія, былъ покрываемъ оскорбленіями и насмѣшками. Известно, какъ безпощадно сылались они въ англійскомъ парламентѣ на гг. Кобдена и Брайта, а вотъ еще эпизодъ о которомъ напоминаетъ намъ книга г. Мартина. Въ іюнѣ 1854 года выжившій отъ старости изъ ума лордъ Ливингстонъ произнесъ рѣчь, изъ которой достаточно привести на удачу нѣсколько выдержекъ чтобъ оцѣнить ее по достоинству. Развивая обычную тему о невосытномъ честолюбіи Россіи, онъ произнесъ между прочимъ слѣдующее: „Приведу изъ неслышкомъ отдаленнаго прошлаго одинъ примѣръ того къ какимъ средствамъ прибѣгала русская политика. Россія заключила съ Турціей трактатъ, которымъ она обязалась признавать независимость Крыма. Не взирая на то она возбуждала смуты въ этой области подъ предлогомъ покровительства одной партіи противъ другой, и лишь только представился удобный случай, отправила туда Суворова (!), который предалъ избіенію бѣольшую часть жителей, отнялъ у нихъ принадлежавшую имъ землю, а въ то же самое время русскій флотъ держалъ въ блокадѣ берега Крыма и прервалъ сообщеніе между нимъ и Константинополемъ. Пока происходили эти событія, Россія не только находилась въ мирѣ съ Турціей, но даже вела съ нею переговоры о торговомъ трактатѣ... Можно ли же послѣ того удивляться что, дѣйствуя подобнымъ образомъ, Россія, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, удвоила свою европейскую территорию (has doubled her European territories within the last fifty years), а между тѣмъ, недовольная

и этимъ, она хочетъ завладѣть Хивой. И еслибъ еще Хива была по крайней мѣрѣ необходима ей: нѣтъ, Русское правительство направляетъ свои удары въ эту сторону единственно съ цѣлью причинить намъ непріятность по отношенію къ нашимъ восточнымъ владѣніямъ"... Эти дикія выкладки, поражающія прежде всего своими грубыми неистовствами, встрѣчены были однако весьма сочувственно палатою лордовъ; нашелся въ ней только одинъ членъ—глава министерства, графъ Эбердинъ, котораго нѣсколько смутило отсутствіе свидѣній, обнаруженное „его учеными друзьями“ въ политической географіи, и онъ дерзнулъ весьма робко, съ различными огорками, заикнуться что конечно Россія служить представительницей всякихъ нечестивыхъ началъ, но все-таки оминкомъ рискованно утверждать будто европейская ея территория увеличилась въ XIX вѣкѣ на цѣлую половину. Къ этому графъ Эбердинъ прибавилъ осторожность прибавить что хотя русская политика и отличается вообще ненасытною алчностью, но иногда случалось ей обнаруживать и похвальную умѣренность, напримѣръ при заключеніи Адрианопольскаго договора въ 1829 году. Слова его возбудили страшную бурю въ палатѣ. Г. Теодоръ Мартинъ и теперь никакъ не можетъ примириться съ ними. „Лордъ Линдгорстъ, говоритъ онъ, нѣсколько преувеличилъ факты (!) увѣряя что европейская территория Россіи удвоилась въ теченіе пятидесяти лѣтъ, но тѣмъ не менѣе общее содержаніе его рѣчи было какъ нельзя болѣе вѣрно, и со стороны графа Эбердина было крайне неумѣстнымъ поступкомъ возвышать голосъ въ оправданіе русской политики. Только тою страшною безтактностью, которая обнаруживается иногда у самыхъ разсудительныхъ людей, можно объяснить сдѣланную имъ осямку на Адрианопольскій трактатъ“.... Графъ Эбердинъ не былъ популярнымъ человѣкомъ среди тогдашнихъ обстоятельствъ; онъ не раздѣлялъ предубѣжденій англійской публики противъ нашего отечества, онъ не забылъ личныхъ объясненій происходившихъ въ 1844 году между нимъ и императоромъ Николаемъ и вѣрилъ въ искренность Русскаго государя: все это проглядывало иногда въ его рѣчахъ и создавало ему множество враговъ. Заявленіе его, о которомъ упоминали мы сейчасъ, не прошло даромъ. Телерешій нашъ благопріятель г. Леярдъ представилъ на обсужденіе палаты общины

резолуцію, гласившую что „по мнѣнію ея рѣчь первого министра способна породить нагубныя сомнѣнія въ публичѣ относительно причинъ и ожидаемыхъ результатовъ войны“. Королева послѣдила вмѣшаться въ эту исторію и обратилась къ графу Эбердину съ длиннымъ письмомъ: она говорила въ немъ что отдаетъ полную справедливость добрымъ его намѣреніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ скрыть что отвѣтная его рѣчь лорду Ливдгорету была „очень ей не-пріятна“, что „первому министру короны не подобало, въ виду патріотическаго настроенія общества, входить въ *безпристрастную* оцѣнку характера и образа дѣйствій Русскаго императора (to enter into an impartial examination of the emperor of Russia's character and conduct)“ и что она соѣтуетъ ему поправить эту несчастную ошибку. Бѣдный лордъ Эбердинъ долженъ былъ публично покаяться въ своемъ грѣхѣ и сознаться до какой степени были неумѣстны его возраженія противъ явной ажи.

Среди тогдашнихъ событій принцу Альберту была предначертана опредѣленная роль, которую онъ выполнялъ, если не всегда съ успѣхомъ, то съ безграничнымъ рвеніемъ. Онъ находился въ болѣе или менѣе близкихъ родственныхъ связяхъ съ различными германскими государями и обязанностью его было возстановлять ихъ противъ Россіи. Особенно имѣлся при этомъ въ виду Прусскій король: его образъ дѣйствій представлялъ громадную важность для Англіи и Франціи, ибо союзныя державы не сомнѣвались что еслибы онъ обнаружилъ рѣшительное сечуствіе ихъ цѣлямъ, то имъ удалось бы тотчасъ же увлечь вмѣстѣ съ собою Австрію въ войну. Въ апрѣлѣ 1854 года король Фридрихъ-Вильгельмъ IV согласился присоединиться къ протоколу, выработанному въ Вѣнѣ, на основаніи коего договаривавшіяся стороны (Англія, Франція, Пруссія и Австрія) обязывались „поддерживать цѣлость Оттоманской имперіи“; но изъ этого еще не слѣдовало чтобъ онъ становился во враждебныя къ намъ отношенія, — напротивъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь обольщала его мысль служить посредникомъ между Россіей и западными державами, способствовать такому устройству дѣлъ при которомъ не пострадало бы ни достоинство Русскаго государя, ни „интересы“ такъ назойливо выставляемые Англіей. Подобная роль приводила въ неистовое озлобленіе государственныя люди этой страны; болѣе

всего хотѣлось имъ установить общеевропейское соглашеніе противъ Россіи, доказать что вся Европа безразлично осуждаетъ ея политику и готова возстать противъ нея съ оружіемъ въ рукахъ, но „концертъ“ такого рода былъ рѣшительно немислимъ до тѣхъ поръ пока Пруссія держалась въ сторонѣ. А какъ убѣдить короля Фридриха-Вильгельма чтобъ онъ пожертвовалъ своею давнишнею тѣсною связью съ Россіей, чтобъ онъ разошелся съ нею изъ-за Восточнаго вопроса, въ которомъ, по его твердому убѣжденію, Пруссія не была непосредственно заинтересована? Оставалось только поставить вопросъ такимъ образомъ что хотя конечно поводомъ къ войнѣ послужила распря Россіи съ Турціей, но не въ этой распрѣ заключается сущность дѣла; что если Россія угрожаетъ Портѣ, то еще болѣе должна страшиться ея Европа, что къ поработенію европейскихъ государствъ направлены ея помыслы и что она успѣла уже до такой степени распространить на нихъ свое вліяніе что они очутились почти въ вассальныхъ къ ней отношеніяхъ. Эта вопіющая несправедливость служила любимою темою принца Альберта въ его письмахъ къ Прусскому королю. „Англичане, говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ, не могутъ примириться съ мыслью что гигантская держава (a gigantic power) держитъ въ трепетѣ весь міръ, что она заставляетъ подчиняться своей волѣ несравненно болѣе чѣмъ она сама цивилизованныя страны, которыя должны были служить противъ нея оплотомъ свободы мысли и ессторонняго прогресса.“ Король Фридрихъ-Вильгельмъ оставался однако глухъ къ этимъ навітамъ. Почти наканунѣ того дня когда Англія и Франція объявили войну Россіи, обратился онъ къ королеви Викторіи съ весьма любопытнымъ письмомъ, въ которомъ изложилъ свой взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ. „Не странно ли, говорилъ онъ между прочимъ, что въ послѣднее время нѣтъ уже рѣчи о Туркѣ. Напротивъ, война въ высшемъ значеніи слова становится войною за идею! Нужно уничтожить преобладаніе Россіи—вотъ ея цѣль! Прекрасно! Но я, соседъ Россіи, никогда не ощущалъ ея преобладанія или же не поддавался ему. А сказать по правдѣ, Англія тяготилась имъ неменѣе чѣмъ я. Но позвольте прежде всего спросить, одобряетъ ли божескій законъ войну за идею?... Во всякомъ случаѣ я твердо рѣшился соблюдать полный нейтралитетъ

и могу съ гордостью сказать что на этотъ счетъ я и народъ мой совершенно одинаковаго образа мыслей. Онъ требуетъ отъ меня безусловнаго нейтралитета. Онъ говорить (и я говорю то же самое): что намъ за дѣло до Турка! Простоятъ ли онъ на ногахъ или погибнетъ, это насколько не касается трудолюбивыхъ Прирейнцевъ или сельскихъ хозяевъ въ Ризенгебаргъ и Бераштейнъ... У Турка и безъ того много добрыхъ друзей, а императоръ—благородный джентльменъ и не сдѣлалъ намъ никакого зла. Согласитесь, ваше величество, что у нашихъ Северо-Германцевъ не мало практическаго смысла и что трудно обить ихъ съ толку"... Король Фридрихъ-Вильгельмъ надѣлся что писмо это, съ которымъ онъ отправилъ въ Лондонъ генерала фонъ-Грёбена, придетъ туда вовремя, до объявленія войны, и что оно не останется безъ вліянія на ходъ событий. „Ради Бога мира, говорилъ онъ королевы Викторіи, убѣждаю васъ не отвергать русскихъ предложеній. Прикажете разсмотрѣть ихъ какъ можно основательнѣе и наблюдайте за тѣмъ чтобъ это было исполнено въ духѣ взаимнаго соглашенія. Пусть все что можетъ быть принято, будетъ отдѣлено отъ того что возбудитъ возраженія и пусть переговоры возобновятся на основаніи пригодныхъ для той и другой стороны пунктовъ. Я знаю что Русскій императоръ ревностно желаетъ мира. Постройте же мостъ для того что онъ считаетъ руководящимъ правиломъ своей жизни—для императорской его чести. Онъ пройдетъ по этому мосту слава Бога и воздавая Ему хвалу. За это я ручаюсь.“ Понятно какое впечатлѣніе откровенная правда Фридриха-Вильгельма должна была производить въ Лондонѣ. Раздраженіемъ проникнута каждая строка отвѣтнаго письма къ нему королевы Викторіи. „Я не понимаю васъ, говоритъ она. Я еще поняла бы еслибы подобныя рѣчи исходили изъ устъ короля Ганноверскаго или короля Саксонскаго, но до настоящей минуты (!) я привыкла смотрѣть на Пруссію какъ на одну изъ тѣхъ великихъ державъ которыя, начиная съ 1815 года, возложили на себя обязанность охранять неприкосновенность трактатовъ, содѣйствовать успѣхамъ цивилизаціи, служить лоборниками права. Если вы откажетесь отъ этихъ обязательствъ, то Пруссія утратитъ тотъ *status* которымъ она пользовалась до сего времени, а если примѣръ вашъ встрѣтитъ подражателей, то европей-

ская цивилизація сдѣлается игралищемъ вѣтровъ (a plaything for the winds), самыя законныя права не будутъ находить покровителей и угнетеннымъ не къ кому будетъ обращать свои взоры.“ Но Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ искренно вѣрующимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко просвѣщеннымъ человекомъ; существенный его недостатокъ заключался въ отсутствіи твердой воли, вслѣдствіе чего и политика его въ пятидесятихъ годахъ отмѣчена была печальными противорѣчіями; трудно было однако отуманить его мыслью будто мѣриломъ европейской цивилизаціи должны служить симпатіи къ „Турку“ и будто угнетенными на Балканскомъ полуостровѣ являются мусульмане. Увѣренія въ этомъ смыслѣ королевы Викторіи, подкрѣпленные даже цитатами изъ Шекспира, не производили на него ожидаемаго дѣйствія. Тогда прибѣгли къ другому средству. Въ книгѣ г. Мартина находится намекъ на какія-то „выгодныя“ предложенія, сдѣланныя Прускому королю, которыя однако оныя, „поддавшись безусловно вліянію русской камарильи“, назвали оскорбительными для своей чести. Этого ужъ никакъ не могли простить ему. „Изъ сообщаемыхъ вами свѣдѣній, пишетъ весной 1854 года принцъ Альбертъ барону Штокмару, я вижу какое ужасное положеніе дѣлѣ господствуетъ въ Берлинѣ. Здѣсь всѣ преисполнены презрѣніемъ къ королю и его правительству (a contempt for the King and his government), а это — худшее бѣдствіе, которому можетъ подвергнуться великая держава...“

Фридрихъ-Вильгельмъ IV долженъ былъ винить самого себя въ томъ что не пользовался надлежащимъ вліяніемъ среди разыгрывавшейся вокругъ него драмы. Онъ относился къ Восточному вопросу съ крайне своеобразными взглядами, о которыхъ мы почерпаемъ понятіе изъ собственныхъ его писемъ *. Онъ вполнѣ довѣрялъ императору Николаю; онъ зналъ что императоръ не преслѣдовалъ на Востокѣ честолюбивыхъ замысловъ и заботился объ упроченіи русскаго вліянія въ Константинополѣ единственно для блага христіанскихъ подданныхъ султана, то-есть для достиженія цѣли которая была близка сердцу и Фридриха-Вильгельма; ему было извѣстно наконецъ что императоръ

* См. L. Ranke: *Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilhelms IV mit Bunsen*, 305—326.

противъ воли вовлеченъ въ войну, въ которой наши противники не искали ничего другаго кромѣ обезличенія своихъ матеріальныхъ интересовъ. Все это заставляло его повидимому окончательно скрѣпить узы дружбы соединявшія Россію и Пруссію въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, но особый складъ ума не допускалъ его остановиться на такомъ вполнѣ естественномъ выводѣ. Еще въ 1853 году, тотчасъ послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній между Россіей и Портой, выразилъ онъ основную свою мысль слѣдующимъ образомъ: „Вопросъ объ опасностяхъ окружающихъ Турцію возлагаетъ на насъ двоякаго рода обязанности: 1) обязанность внушаемая политической мудростью и 2) обязанность ревностныхъ христіанъ. Первая изъ нихъ воспрещаетъ изгнать Турокъ изъ Европы, ибо это событіе вызвало бы войну за ихъ наслѣдство; вторая предписываетъ намъ, при полномъ и чистомъ свѣтѣ нашей христіанской совѣсти, не относиться съ лагубнымъ равнодушіемъ къ 18 милліонамъ христіанъ, обреченныхъ жить подъ языческимъ гнетомъ. Разрушить Турцію—это значитъ *bon gré mal gré* накаливать общеевропейскую войну; напротивъ, слѣдуетъ гарантировать ея существованіе подъ условіемъ чтобы христіанскіе ея подданные пользовались одинаковыми правами съ мусульманами.“ Но Порта не хотѣла конечно и слышать о томъ чтобы облегчить позорное рабство въ которомъ томились подвастные ей христіане. Переговоры ея съ Россіей предъ разрывомъ 1853 года достаточно ясно доказали что она не намѣрена стѣснять себя никакими положительными обязательствами относительно ихъ. Тогда у короля Фридриха-Вильгельма вдругъ является мысль: если она не сочла возможнымъ сдѣлать подобную уступку Русскому правительству, то нельзя ли будетъ побудить ее къ тому въ союзѣ съ западными державами, и онъ увлекается этою надеждой со всѣмъ пыломъ фантазіи. „Любимая моя мысль, мало того — формальное мое предложеніе, пишетъ онъ Буазену, можно изложить въ формѣ слѣдующей рѣчи, обращенной къ лицу императора Николая: Любезный зять, ты совершенно правъ, стараюсь вырвать изъ-подъ оттоманской тиранніи, съ помощью формальныхъ трактатовъ, христіанъ, для которыхъ ты являешься естественнымъ покровителемъ. Ты настолько правъ что мы краснѣемъ при мысли какъ далеко опережены тобою въ

исполненіи этого христіанскаго и вполнѣ неоспоримаго долга, *mais il vaut mieux tard que jamais* *. Теперь мы понимаемъ эту обязанность и заявляемъ тебѣ о готовности нашей обезпечить всѣмъ безразлично христіанамъ, поработоченнымъ полумѣсяцемъ, то самое чего домогаешься ты лишь для одного вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ мы надѣемся *inamiquablement* выхлопотать и для себя, и для тебя *semeds*, въ которомъ было тебѣ отказано. Возрадуйся же и поблагодари насъ: мы поможемъ тебѣ одержать эту побѣду.“ Король не переставалъ повторять Буазему, занимавшему должность прусскаго посла въ Лондонѣ, что онъ долженъ всячески склонять правительство королевы Викторіи къ совершенно овладѣвшей имъ мысли „приказать Портѣ вполнѣ освободить христіанъ“ (*befehlen die Christen völlig zu emanzipiren*). Въ теченіе всего 1853 года Англія показывала видъ будто она принимаетъ къ сердцу идеи Фридриха-Вильгельма, очевидно съ цѣлью увлечь его мало-по-малу на такой путь по которому онъ вовсе не желалъ слѣдовать за нею. „Если намѣренія Англичанъ искренни, писалъ онъ Буазему, т.-е. если христіанскій долгъ дѣйствительно участвуетъ въ приготовляющемся соглашеніи, если англійское министерство въ самомъ дѣлѣ обладаетъ волей, желаніемъ, надеждой упрочить миръ и не допустить всеобщей войны, то Господь исполняетъ свое благословеніе на наше предпріятіе. Но... прежде всего нужна тутъ искренность, т.-е. нужно чтобы ненависть не играла роль первой скрипки въ концертѣ. Вы можете прямо заявить объ этомъ въ Боккингемскомъ дворцѣ и въ Downing-street **.“ Нельзя не сочувствовать благороднымъ помысламъ короля Фридриха-Вильгельма, но какъ мало отдавалъ онъ себѣ отчета въ совершавшихся предъ нимъ событіяхъ! Какъ должны были издѣваться въ Лондонѣ надъ его проектомъ принудить Турокъ къ участію христіанъ! Какъ будто кто-нибудь тамъ заботился объ этомъ, какъ будто всѣ дѣйствія Англійскаго правительства не доказывали самымъ убѣдительнымъ образомъ что единственною своею цѣлью считало оно поддерживать

* Французскія фразы принадлежатъ самому королю Фридриху-Вильгельму.

** Улица въ Лондонѣ, въ которой находится министерство иностранныхъ дѣлъ.

безобразное зданіе турецкаго владычества и готово было для этого пролить потоки крови. Упомянутое нами выше письмо королевы Викторіи, въ которомъ не содержится ни малѣйшаго намека на христіанскихъ подданныхъ султана, въ которомъ прямо говорилось что интересы гуманности, цивилизаціи, справедливости требовали заботиться исключительно о Туркахъ, а не о христіанахъ, должно было бы повидимому пробудить во Фридрихъ-Вильгельмѣ болѣе вѣрное пониманіе дѣйствительности, но къ сожалѣнію этого не случилось. Попрежнему не считая оныя возможнымъ признать открыто справедливость дѣла защищаемаго Россіей и попрежнему внутренній голосъ не позволялъ ему присоединиться къ западнымъ державамъ чтобы развязать руки Австріи. Онъ стоялъ одиноко и вслѣдствіе того вынужденъ былъ подвергаться тяжкимъ для себя оскорбленіямъ, ибо нельзя назвать иначе какъ оскорбительнымъ слѣдующее письмо къ нему принца Альберта: „Ваше величество жалуетесь на озлобленіе (animosity) англійской дипломатіи къ вашей особѣ. Я постулилъ бы относительно васъ не какъ истинный другъ елибы не признался вполнѣ откровенно что это озлобленіе дѣйствительно существуетъ и не только въ англійской дипломатіи, но также въ англійской націи, въ націи французской и, если не ошибаюсь, въ значительномъ большинствѣ Нѣмцевъ. И едва ли ваше величество, припоминая событія послѣднихъ мѣсяцевъ, рѣшитесь утверждать что оно является неслучайнымъ... Я знаю что вы оправдываете свой образъ дѣйствій желаніемъ сохранить для Пруссіи благодѣянія мира, но не удивляйтесь же что западныя державы проникнуты неудовольствіемъ противъ правительства, политика коего затягиваетъ войну, оставляетъ препятствія на пути возстановленія мира и открываетъ широкое поприще для революціи (!); политика эта оказываетъ существенныя услуги Россіи, поддерживаетъ отсутствіе единства въ средѣ Германіи, мѣшаетъ ея свободѣ дѣйствій Австріи и такимъ образомъ служитъ главнымъ препятствіемъ для того чтобы Восточный вопросъ былъ разрѣшенъ въ интересахъ Европы и совокупными усилиями Европы... Я трепещу при мысли (I tremble at the thought) что Пруссія будетъ призвана къ отвѣту Австріей и западными державами за всѣ испытанія и потери, которыя могли бы быть предотвращены едино-

душіемъ европейскихъ государствъ. Повсюду проявляющееся нынѣ чувство раздраженія служить безошибочнымъ указаніемъ того чего слѣдуетъ ожидать въ будущемъ...“ Мы знаемъ теперь въ какой мѣрѣ будущее оправдало эти мрачныя предсказанія и угрозы.

Съ какимъ озлобленіемъ ни относился принцъ Альбертъ къ Прусскому королю, отзывы его о немъ менѣе оскорбительны чѣмъ тѣ которые находятся въ его бумагахъ о вѣрномъ другѣ и союзникѣ Англіи—Наполеонѣ III. Пусть не подумаетъ впрочемъ читатель что супругъ королевы Викторіи имѣлъ въ виду дѣйствительно порицать императора Французовъ: напротивъ, постоянно говоритъ онъ о немъ съ сочувствіемъ и похвалами, но похвалы эти такого рода что менѣе всего можно было бы ими гордиться. Вообще тѣ страницы, на которыхъ г. Мартинъ излагаетъ отношенія Англіи къ императору Наполеону, принадлежатъ къ числу наиболѣе любопытныхъ въ разбираемой нами книгѣ: мы почерпаемъ изъ нихъ вполне ясное понятіе о томъ въ какихъ рукахъ очутилась Франція и какія обстоятельства заставили ее разыграть главную роль въ событіяхъ не касавшихся непосредственно ея интересовъ.

Подъ конецъ лѣта 1854 года стотысячный французскій корпусъ расположенъ былъ близъ Сентъ-Омера и Наполеонъ обратился съ вопросомъ къ англійскому послу лорду Коулею не согласится ли принцъ Альбертъ посѣтить этотъ лагерь чтобы присутствовать на должествовавшихъ происходить тамъ маневрахъ. Повидимому Англійскому правительству слѣдовало съ радостью схватиться за это предложеніе; оно знало что Французскій народъ вовсе не ликовалъ при мысли о предстоявшемъ ему счастіи проливать свою кровь за Англичанъ, знало что во Франціи единственнымъ ревностнымъ поборникомъ войны былъ императоръ Наполеонъ, а потому благоразуміе требовало оказывать ему всякія любезности чтобы закрѣпить тѣсную съ нимъ связь. Согласіе было дѣйствительно дано, но какъ кажется не безъ колебаній: принцъ Альбертъ смущался соображеніемъ не будетъ ли слишкомъ много чести для союзника если онъ явится его гостемъ. По крайней мѣрѣ г. Теодоръ Мартинъ старается какъ бы извинить этотъ шагъ, показать что если просьба Наполеона III не была отвергнута, то въ этомъ выразилось

со стороны Англіи особое великодушіе. „Политическія выгоды, говоритъ онъ, долженствовавшія произойти отъ поѣздки принца Альберта были очевидны для всякаго; выгоды эти представлялись одинаково значительными какъ для насъ, такъ и для императора Французовъ, ибо свиданіе съ нимъ супруга Англійской королевы возвышало его въ глазахъ его подданныхъ.“ Вообще, кромѣ личныхъ выгодъ, какихъ другихъ могъ бы добиться Наполеонъ? Имѣлъ ли онъ право выставлять на видъ огромную услугу которую готовился оказать Англіи? „Но вѣдь союзъ съ Англіей самое благопріятное для него событіе, пишетъ принцъ Альбертъ; союзъ этотъ даетъ опредѣленную цѣль его политикѣ и располагая въ его пользу англійскую печать, заграждаетъ единственный путь которымъ могло бы выражаться враждебное ему общественное мнѣніе Франціи.“ Такимъ образомъ не Наполеонъ III одолялъ Англію, а Англія одоляла Наполеона III, соизволя воспользоваться для своихъ интересовъ французскими войсками. Слѣдовательно церемониться съ нимъ было нечего. Извѣстно, сколько толковъ было возбуждено тѣмъ обстоятельствомъ что императоръ Николай не захотѣлъ въ офиціальномъ письмѣ къ императору Французовъ называть его „mon frère“, а теперь мы узнаемъ что и принцъ Альбертъ, не пользовавшійся конечно положеніемъ императора Николая, колебался оказать Наполеону эту любезность. Онъ обратился за совѣтомъ къ лорду Кларендоу, который отвѣчалъ ему: „Я не вижу препятствій чтобы ваше высочество употребили выраженіе „mon frère“ и графъ Эбердинъ совершенно одинаковаго со мною мнѣнія на этотъ счетъ.“ Наконецъ все было устроено ко взаимному удовольствію, и лордъ Коулей извѣщалъ изъ Парижа что „сезы завернулись на глазахъ императора когда онъ выражалъ мнѣ благодарность за изъявленное вами соглашеніе посѣтить Сентъ-Омеръ.“

Принцъ Альбертъ занесъ въ свой дневникъ всѣ подробности своего свиданія съ Наполеономъ III и кромѣ того составилъ еще подробную памятную записку, въ которой занялся его характеристикой на основаніи разговоровъ съ нимъ. Вотъ то общее впечатлѣніе какое произвелъ на него императоръ Французовъ: „По натурѣ онъ апатиченъ и спокойнъ, не легко поддается возбужденію, но не лишенъ юмора и веселости, когда ничто его не стѣсняетъ. По-француз-

ски онъ говоритъ съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ; нѣмецкое его произношеніе лучше чѣмъ англійское. Вообще, какъ я замѣтилъ, многое въ его складѣ ума указываетъ на то что онъ воспитывался въ Аугсбургѣ, гдѣ по его словамъ онъ посѣщалъ гимназію. Онъ прочелъ мнѣ стихотвореніе Шиллера о сравнительныхъ выгодахъ мира и войны, которое кажется произвело на него сильное впечатлѣніе и не осталось безъ вліянія на его жизнь. Дворъ его устроенъ хорошо, скорѣе по англійскому чѣмъ по французскому образцу. Джентльмены составляющіе его *entourage* не отличаются ни рожденіемъ, ни манерами, ни благовоспитанностью. Онъ обращается съ ними очень фамильярно, хотя они кажется и лобзаются его. Вообще при дворѣ господствуетъ *ton de garnison* и куренье табаку происходитъ въ огромныхъ размѣрахъ; самъ императоръ куритъ сигаретки и никакъ не могъ понять что я не слѣдую его примѣру. Онъ крайне заботъ, жалуется на ревматизмъ и рано ложится спать; музыка не доставляетъ ему никакого удовольствія, но онъ гордится своимъ умѣньемъ ѣздить верхомъ, хотя я не замѣтилъ въ этомъ ничего особеннаго. Образование его показалось мнѣ крайне скуднымъ даже по тѣмъ предметамъ которые существенно ему необходимы, напримѣръ по новѣйшей исторіи и политическимъ наукамъ вообще. Впрочемъ онъ такъ скромнъ что откровенно сознается въ этомъ недостаткѣ и не обнаруживаетъ претензіи знать то что ему неизвѣстно. Все что относится къ исторіи Наполеона I онъ можетъ перечестъ по пальцамъ; онъ не мало размышлялъ также и о политикѣ вообще, но какъ *amateur*, усвоивъ себѣ здравыя понятія наряду съ самыми недѣльными. Онъ благоговѣетъ предъ англійскими учрежденіями и сожалеетъ что во Франціи нѣтъ аристократіи; впрочемъ аристократія была бы ему пріятна только для того чтобъ обуздывать демократическіе порывы общества, а вовсе не для того чтобъ предоставить ей контроль надъ его собственными дѣйствіями. Хотя у императора Наполеона была на плачахъ война съ Россіей, онъ уже и въ то время мечталъ о другихъ отважныхъ планахъ и охотно бесѣдовалъ о нихъ со своимъ гостемъ: планы эти интересны между прочимъ потому что въ послѣдствіи онъ дѣйствительно пытался осуществить нѣкоторые изъ нихъ. Такъ напримѣръ онъ не думалъ скрывать отъ принца Альберта что особенно зава-

маеъ его мысль объ освобожденіи Италіи и возстановленіи Польши. Впрочемъ онъ хотѣлъ—любопытное обстоятельство, если сопоставимъ его съ тѣмъ что произошло въ 1859 году—отнять у Австрійцевъ не всѣ италіянскія ихъ владѣнія, а только Ломбардію. „Я замѣтилъ ему, лишетъ привацъ, что въ 1848 году самъ Вѣнскій дворъ предлагалъ уступить эту область подъ тѣмъ условіемъ чтобъ Англія помогла ему заключить миръ съ Карломъ-Альбертомъ, но лордъ Пальмерстонъ находилъ подобную уступку недостаточною. Оказалось что императоръ не имѣлъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія.“ Говоря о Польшѣ Наполеонъ III имѣлъ въ виду лишь созданное нѣкогда его дядей Варшавское герцогство и намѣревался направить свои цитриги исключительно противъ Россіи, оставляя въ сторонѣ общъ германскія державы. Конечно, заходила рѣчь также и о расширеніи границъ Франціи со стороны Рейна: супругъ королевы Викторіи спокойно выслушивалъ всѣ эти комбинаціи, не одобрялъ ихъ, но и не выражалъ имъ рѣзкаго порицанія, а указывалъ лишь на трудности которыя встрѣтятся при ихъ исполненіи. Обстоятельства заставляли соблюдать большую осторожность съ Наполеономъ III.

Но интереснѣе всего та откровенность съ которою императоръ Французовъ отзывался о странѣ вѣтрившей ему свою судьбу. Конечно, никакой другой правитель не позволилъ бы себѣ относиться столь презрительно къ своему народу. „Однажды, лишетъ гринцъ Альбертъ, заговорили мы о безравственности общественныхъ людей Франціи, особенно въ денежныхъ дѣлахъ. Императоръ замѣтилъ что онъ можетъ ручаться лишь за безкорыстіе своихъ приближенныхъ, но ни за кого другаго; по словамъ его, это было однимъ изъ тяжкихъ затрудненій съ которыми приходилось ему бороться. Для примѣра онъ разказалъ мнѣ исторію займа чрезъ посредство Credit Mobilier. Съ перваго взгляда сдѣлка представлялась очень простою и не подававшее повода къ злоупотребленіямъ, но тѣмъ не менѣе французскіе чиновники подняли цѣну облигацій этого займа съ 500 до 3.000 франковъ, лотомъ продали ихъ и навлекли разореніе на множество семействъ.“ Въ образованныхъ классахъ Наполеонъ видѣлъ своихъ враговъ, а что касается массы народа, то онъ изумлялся ея грубому невѣжеству. „До какой степени—записываетъ съ его словъ въ

своимъ дневникъ принцъ Альбертъ—Французскій народъ мало знакомъ съ событіями даже своего времени, обнаружилось между прочимъ при поѣздкѣ императора съ императрицей въ Біаррицъ, когда въ южныхъ провинціяхъ Франціи толпа единодушно кричала: „vive Marie Louise! (Императоръ слышалъ также возгласы: „enfin voilà le vieux revenu!)—Вообще, читаемъ мы далѣе въ дневникѣ, Наполеонъ III желаетъ блага своему народу, но имѣетъ о немъ весьма невыгодное понятіе.“

Если супругъ королевы Викторіи остался доволенъ главою государства, то гораздо менѣе пріятныя впечатлѣнія вынесъ онъ изъ наблюденій своихъ надъ французскимъ обществомъ, включая сюда лицъ близкихъ къ императору и даже военное сословіе. Онъ прямо сознается что къ войнѣ отнесились холодно, что „между Французами находившимися въ Булони только самъ императоръ питалъ надежду на успѣхъ экспедиціи противъ Севастополя“ (The emperor was the only person amongst the French at Boulogne who had any hope of the success of the expedition Sevastopol). На него Англичане могли конечно разчитывать. „Императоръ Наполеонъ, говоритъ принцъ Альбертъ, рѣшительно недоумѣваетъ какъ управлять страной и въ этомъ отношеніи пробивается кое-какъ со дня на день. Лишивъ народъ всякаго дѣйствительнаго участія въ заведеніи общественныхъ дѣлами, низведши его на роль простаго зрителя совершающихся событій, онъ какъ бы обязался занимать его эффектами спектаклями.“ Такимъ спектаклемъ долженствовала служить для него и Крымская кампанія.

Все это не представляетъ ничего новаго и было уже высказано не разъ, но тѣмъ не менѣе подобныя признанія въ устахъ представителя державы находившейся въ тѣсномъ союзѣ съ Наполеономъ III не лишены интереса; изъ словъ его позволительно одѣлать только одно заключеніе, что императоръ Французовъ разыгрывалъ роль въ которой улаживались италіянскіе кондотьеры XV вѣка: какъ тѣ дрались за чуждые интересы, ради личныхъ своихъ цѣлей, такъ и онъ предлагалъ свои услуги Англій для того чтобъ упрочить свое положеніе, не прикидая въ разчетъ выгоды своей странѣ, лишь противъ воли и по необходимости слѣдовавшей за нимъ. Трудно представить себѣ болѣе безправственное политическое зрѣлище! И это не

мѣшало однако принцу Альберту, который очень хорошо зналъ подъ вліяніемъ какихъ побужденій дѣйствовалъ императоръ Наполеонъ, утверждать что война съ Россіей вызвана была со стороны западныхъ державъ самыми возвышенными принципами, не мѣшало ему осыпать оскорбленіями правительства не рѣшавшіяся идти по стопамъ неожиданнаго союзника Англіи...

Сношенія Наполеона съ Англійскимъ дворомъ не ограничались упомянутымъ нами свиданіемъ въ Сентъ-Омерѣ. Въ апрѣлѣ 1855 года посѣтилъ онъ Лондонъ, а въ августъ того же года королева и ея супругъ отдали ему визитъ въ Парижѣ. Поводомъ къ первой изъ этихъ поѣздокъ кромѣ постоянной заботы англійскихъ государственныхъ людей не выпускать его изъ-подъ своего вліянія послужило между прочимъ то обстоятельство что императоръ Французскій вдругъ обнаружилъ непреодолимое влеченіе ѣхать въ Крымъ и принять начальство надъ союзною арміею. И праближенные его, и Англичане были сильно встревожены этимъ планомъ. Генералъ Флери убѣждалъ лорда Кларендона употребить все усилія чтобъ отклонить отъ него императора; маршалъ Вальванъ, „высокій, толстый господинъ съ фигурой италіанскаго лѣвца Лабааша“, какъ отзывался о немъ принцъ Альбертъ, говорилъ королевѣ Викторіи: „если императоръ настоитъ на своемъ намѣреніи, то придется плохо не только намъ, но и вамъ; *n'oubliez pas que vous êtes dans le même bateau*“. Въ Лондонѣ впервые увидала Наполеона III королева Викторія, которая расположена была оказать ему самый ласковый пріемъ. Вѣрный ея другъ баронъ Штокмаръ побуждалъ ее къ тому съ помощью слѣдующихъ весьма интересныхъ соображеній: „Каковы бы ни были до сихъ поръ его прегрѣшенія противъ нравственности (*whatever his sins against morality have been till now*), радуміе которое онъ встрѣтитъ при вашемъ дворѣ не допуститъ его, въ теченіе послѣдующей его жизни, грѣшить противъ Англіи (*will for his whole life prevent him from sinning against England*). Искренность, сердечность и расположеніе оказанные вами ему и его супругѣ не замедлятъ произвести сильное и прочное впечатлѣніе на его умъ. Онъ окончательно убѣдится что только тѣсный союзъ съ Англіею можетъ служить ему залогомъ безмятежнаго царствованія.“ Итакъ, кодексъ нравственности найденъ: пусть Наполеонъ

„грѣшить“ сколько угодно противъ нравственности, но пусть только не грѣшитъ онъ противъ Англій, и все будетъ прощено ему, все пойдетъ какъ нельзя лучше. Онъ самъ впрочемъ смотрѣлъ именно съ такой точки зрѣнія на свое призваніе; онъ старался возвысить цѣну своихъ услугъ, безпрерывно толкуя о своихъ недоброжелателяхъ, которые доказывали что Восточный вопросъ „ne regardait que l'Angleterre et que cela ne regardait pas la France; c'était bien habile d'eux et une grande difficulté pour moi“. Онъ разсыпался въ увѣреніяхъ что „на первомъ планѣ будетъ для него честь англійскаго знамени, даже болѣе чѣмъ честь французскаго“. Королева и принцъ Альбертъ съ удовольствіемъ выслушивали эти заявленія и главнымъ образомъ правиломъ имъ въ императорѣ что „il ne fait pas des phrases“. Наполеонъ III горько жаловался своимъ царственнымъ собесѣдникамъ на многихъ изъ своихъ министровъ, которые рѣшительно не могли понять, какія выгоды извлекала Франція изъ происходившей войны; между прочимъ Друэ-де-Люисъ замѣтилъ ему однажды что король Людовикъ-Филиппъ потерялъ престолъ именно потому что слишкомъ держался союза съ Англійей: „je lui ai répondu, говорилъ императоръ, Louis Philippe n'ait pas tombé à cause de son alliance avec l'Angleterre, mais parce qu'il n'était pas sincère avec l'Angleterre“. Принцъ Альбертъ не упускалъ разумѣется случая распространиться еще подробнѣе на эту тему, трудъ далеко не напрасный, ибо, замѣчаетъ г. Теодоръ Мартинъ, „главною причиною непопулярности Людовика-Филиппа было дѣйствительно то что его считали англійскимъ вице-королемъ на континентѣ и Наполеонъ во время Крымской войны подвергался точно такимъ же нареканіямъ“. Благоразуміе требовало сдѣлать особенно ослабить вліяніе ихъ на его умъ. Что касается личныхъ своихъ качествъ, то императоръ Французовъ совершенно обворожилъ королеву Викторію и ея супруга. Конечно, въ разговорѣ онъ позволялъ себѣ кое-что казавшееся имъ нѣсколько shocking; такъ напримѣръ особенно любилъ онъ вспоминать о своихъ прежнихъ бѣдствіяхъ. Катался ли онъ съ королевой по Парижу, онъ указывалъ ей на Conciergerie и говорилъ: „voilà où j'étais en prison“; прѣзжалъ ли они въ Бовентгардемскій театръ на парадный спектакль, онъ тотчасъ же начиналъ разказывать что въ 1840 году, во время

коронація королевны, съ большимъ трудомъ достигъ до полу за 40 фун. ст., „que je trouvais plutôt bon marché“. Заходя на рѣчь объ ужасныхъ безпорядкахъ у него были наготовѣ анекдоты о томъ какъ въ 1845 году въ Лондонѣ исповнался онъ должностъ констебля. Онъ какъ бы удивленно давалъ замѣтить своимъ собесѣдникамъ: „потъ въ кофѣ я былъ въ прежнее время, а между тѣмъ теперь мы обращаемся со мною какъ равные съ равными и даже имъ нужнымъ заискивать во мнѣ“. Вообще же императоръ былъ до послѣдней степени любезенъ къ королевской чести, по-сѣтившей его въ Парижѣ, и только одинъ разъ отказалъ онъ отказомъ на ея ходатайство, а именно когда королева Викторія заговорила съ нимъ объ Орлеанской фамиліи, помѣстья коей были конфискованы имъ во Франціи тѣчасъ вскорѣ послѣ государственнаго переворота 1851 года. „Я сказала императору—говорить королеву въ своемъ дворцѣ, который она предоставляла въ распоряженіе г. Теодора Мартина, сдѣлавашаго подробнаго выписки изъ всего—что такъ какъ онъ былъ очень откровененъ со мною и желалъ подобной же откровенности съ моей стороны, то я рѣшилась сообщить ему то что que j'avais bien à coeur qu'il s'apprît; что дѣло идетъ о членахъ Орлеанской фамиліи, но ихъ родотверженцахъ и друзьяхъ, которыхъ я не могла покинуть въ несчастіи, но которые были крайне осторожны въ своихъ сношеніяхъ со мною и никогда не затрогивали политическихъ вопросовъ. Императоръ отвѣчалъ что онъ какъ женщина лучше понимаетъ это, что и по его мнѣнію я не могла конечно относиться равнодушно къ привидѣнъ Орлеанскимъ. Comme nous sommes une fois sur ce sujet, продолжалъ онъ, то ему было желательно разъяснить причины побуждѣнія его конфисковать имущество этихъ привидѣнъ. Онъ вовсе не питалъ къ нимъ вражды. Онъ былъ не прочь удержать на службѣ воиновъ чиновниковъ назначенныхъ при Луи-Филиппѣ, но къ сожалѣнію эти лица, поощряемые къ тому принцами (здесь я замѣтила что они не способны составлять заговоры и императоръ согласился со мною), старались подорвать его власть, и что только тогда онъ убѣдился что не можетъ оставлять въ рукахъ изверженной династіи столь громадныхъ матеріальныхъ средствъ которыми она стала бы пользоваться во вредъ ему. Онъ утверждалъ что несмотря на это не питаетъ къ нимъ

aucune animosité и просилъ даже меня передать королевѣ Амалии что ему будетъ очень пріятно если, отправляясь за Пиринен, она пройдетъ чрезъ Францію. Мѣра о которой мы говорили была принята, по его словамъ, единственно потому что агенты Орлеанской фамиліи постоянно сносились съ его врагами, даже avec ceux qui preschent l'assassination Я возразила что трудно повѣрить этому послѣднему обвиненію, что принцы не способны на подобный образъ дѣйствій; вообще же, сказала я, очень понятно что изгнанники склонны къ заговорамъ, и императоръ не отрицалъ этого, потому что самъ не мало упражнялся въ заговорахъ."

Повторяемъ, этотъ эпизодъ нисколько не нарушилъ доброго согласія между Наполеономъ и его высокими гостями. Доказательство этому мы встрѣчаемъ на каждой страницѣ дневника королевы Викторіи, посвященнаго ея пребыванію въ Парижѣ,—дневника, изъ котораго между прочимъ видно что наблюдательность ея была обращена одинаково какъ на важныя, такъ и на самыя ничтожныя вещи. Королева не упускаетъ напримѣръ случая замѣтить что либрера на придворной прислугѣ весьма красива, что прислуга эта очень лояльна и безо всякой оуетавности исполняетъ свои обязанности, что кофе у императора превосходенъ, что „кухня очень чистая, но не такъ разнообразна какъ у насъ". Въ одномъ мѣстѣ своего дневника она съ видимымъ изумленіемъ упоминаетъ о томъ что при Тюильрійскомъ дворѣ, гдѣ никто не дерзалъ произнести хорошаго слова о Россіи, случилось ей встрѣтить нѣмецкаго дипломата который на замѣчаніе ея что Парижъ чрезвычайно красивъ отвѣчалъ: „sogar schöner als Petersburg". То былъ графъ Бисмаркъ—„very Russian and *Kreuzzeitung*", прибавляетъ о немъ королева.

Тѣсная связь, все болѣе и болѣе упрочивавшаяся между императоромъ Наполеономъ и Англійскимъ правительствомъ, служила для этого послѣдняго средствомъ залучивать Пруссію. Короля Фридриха-Вильгельма, какъ упомянуто нами выше, нельзя было смутить нелѣпыми заявленіями о томъ что въ борьбѣ своей съ Россіей западныя державы отстаиваютъ независимость не только Турціи, но и всей Европы и ратуютъ за преуспѣяніе европейской цивилизаціи, но Вильскій дворъ ухитрился подѣйствовать на него съ другой точки зрѣнія — съ точки зрѣнія необходимости оградить

германскіе интересы, которымъ будто бы угрожала серьезная опасность. Увлечши Пруссію на этотъ путь, онъ достигъ важнаго для себя результата: мы вынуждены были отказаться отъ осады Силистріи и вывести наши войска изъ Дунайскихъ княжествъ. Всѣмъ затѣмъ предъявлены были намъ условія—такъ-называемые четыре пункта—на основаніи коихъ противники наши обнаруживали мнимую готовность начать переговоры о мирѣ. Условія эти умышленно были составлены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ и могли быть истолкованы въ различномъ смыслѣ; самъ принцъ Альбертъ сознается что Лондонскій и Тюльріпскій кабинеты отнюдь не желали мира, что они разчитывали на отказъ съ нашей стороны, а въ случаѣ отказа, такъ какъ Австрія вполнѣ присоединилась къ означеннымъ условіямъ, была возможность вовлечь ее въ войну. „На первый разъ, говорить онъ, мы должны настаивать вообще на принатіи Россіей четырехъ пунктовъ; если Россія, сверхъ всякаго ожиданія, согласится подчиниться имъ, то это не помѣшаетъ намъ опредѣлить болѣе подробно какое дѣйствительное значеніе мы придаемъ ихъ эластическимъ терминамъ (*to define more fully* * the precise meaning we attach to their elastic terms). Правительство наше послѣшило объяснить Пруссіи что изъ четырехъ пунктовъ только два могутъ болѣе или менѣе интересоваться Германію—тотъ изъ нихъ который касается судоходства по Дунаю и другой касающійся участія судьбы христіанъ. Россія соглашалась чтобы германскія государства приняли ихъ основой для своего вмешательства въ восточныя дѣла, но при этомъ они должны были обязаться не поддерживать Австрію, еслибъ она прибѣгла ко враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи по какому-либо изъ вопросовъ не касавшихся непосредственно германскихъ интересовъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ склонялся усвоить себѣ этотъ взглядъ. Отсюда новый взрывъ негодованія противъ него въ Англіи, убѣдившейся что коварныя ея махинаціи не удалась вполнѣ. По этому поводу принцъ Альбертъ писалъ къ тогдашнему наслѣдному Прусскому принцу, теперешнему императору Германскому: „Опасность всеобщей европейской войны можетъ

* Слова эти подчеркнуты самимъ принцемъ Альбертомъ въ его меморандумѣ.

быть предотвращена въ томъ лишь случаѣ если Австрія открыто и прямо присоединится къ нашему союзу (хорошъ однако способъ предотвращенія опасности!). А между тѣмъ главная забота прусской политики попрежнему оострѣть въ томъ чтобы прелятствовать этому. Не сѣдуетъ однако забывать что чѣмъ болѣе пожертвованій требуемъ мы отъ Франціи, тѣмъ значительнѣе будутъ притязанія которыя она сочтетъ себя въ правѣ предъявить по окончаніи войны: чѣмъ болѣе придется намъ съ Франціей выносить на своихъ плечахъ тяжесть военныхъ дѣйствій, тѣмъ менѣе сочтемъ мы возможнымъ противиться ея замысламъ, хотя бы въ глубинѣ души и не одобряли ихъ "... Намекъ былъ очень ясенъ. Англія угрожала развязать руки Наполеону, пустить его на Пруссію, которая, какъ уломинала далѣе въ своемъ письмѣ принцъ Альбертъ, очутилась бы въ худшемъ положеніи чѣмъ въ 1806 году. Вотъ до какихъ крайностей доходила человѣкъ, который по своему происхожденію принадлежалъ Германіи и во всѣхъ другихъ случаяхъ не переставалъ твердить о своихъ симпатіяхъ къ этой странѣ; справедливо ли же было упрекать его что онъ не достаточно близко принимаетъ къ сердцу англійскіе интересы?

Напротивъ, онъ отличался такою истерлямошью въ преслѣдованіи ихъ что всякая мѣра, всякое предложеніе, пропущенныя сколько-нибудь примирительнымъ духомъ встрѣчали въ немъ ожесточеннаго врага. Въ 1855 году вѣнская конференція не привела ни къ какому результату единственно потому что Англія, а также рабски слѣдовавшая за нею Франція, только для виду согласилась обсуждать мирную программу, выработанную Австрійскимъ правительствомъ, всѣ ихъ усилія были направлены къ тому чтобы помѣшать ея успѣху. Представители Лондонскаго и Тюльрійскаго дворовъ на конференціи, лордъ Джонъ Россель и г. Друзъ де-Люисъ, принимали однако за вѣчто серьезное порученную имъ роль и выѣхали изъ Вѣны съ убѣжденіемъ въ необходимости продолжать переговоры имѣвшіе цѣлью возстановленіе мира. Когда французскій уполномоченный, занимавшій въ то же время должность министра иностранныхъ дѣлъ, увидѣлъ что его воззрѣнія не встрѣчаютъ сочувствія въ императорѣ Наполеонѣ, то счелъ долгомъ подать въ отставку. Удаленіе его было встрѣчено съ большимъ

удовольствіемъ въ Англіи. „Г. Друзъ де-Люисъ, говоритъ г. Мартинъ, не принадлежалъ къ числу ревностныхъ поборниковъ англо-французскаго союза: онъ предпочелъ бы установить тѣсную связь между Франціей, Пруссіей, Австріей и Германіей съ цѣлю совокупленія силами этихъ державъ обнаруживать вліяніе на англійскую политику чѣмъ заботиться объ упроченіи дружескихъ отношеній между Франціей и нашимъ отечествомъ.“ Лордъ Джонъ Россель не послѣдовалъ примѣру г. Друза де-Люиса; онъ остался въ министерствѣ, хотя съ этой минуты и не раздѣлялъ вполнѣ образъ мыслей своихъ товарищей. Въ послѣдствіи онъ говорилъ что рѣшившись на такую двусмысленную роль онъ, вслѣдствіе какъ собственнаго убѣжденія такъ и увѣщаній высоко поставленныхъ лицъ, не хотѣлъ обнаружить что по вопросу о мирѣ и войнѣ возникало разногласіе въ политическихъ сферахъ Англіи. Скрывать это однако было невозможно. Вскорѣ незначительная числомъ, но вліятельная въ парламентѣ группа людей, во главѣ коихъ стояли г. Глэстонъ и сэръ-Джемсъ Грагамъ, людей которые были министрами когда началась война, устыдилось наконецъ политики которой слѣдовало ихъ отечество и присоединила свой голосъ къ голосамъ гг. Кобдена и Брайта. Незѣрлотами усилія сдѣланы были для того чтобы поощрять иже вступить на этотъ путь. Сама королева посѣщала военнопользоваться для того своимъ вліяніемъ, и такъ какъ она не считала почему-то возможнымъ вступить съ ними въ личное переговоры, то рѣшено было дѣйствовать на г. Глэстона и сэръ-Джемса Грагама чрезъ посредство графа Эбердина, связаннаго съ ними узами давнишней дружбы. „Я писалъ къ вамъ полковника Финкса, писалъ принцъ Альбертъ лорду Эбердину отъ имени своей супруги, узнать не ходите ли вы въ городъ и не можете ли пріѣхать во дворецъ за нѣсколько минутъ предъ обѣдомъ. Полковникъ не засталъ васъ дома и вслѣдствіе того я вынужденъ писать вамъ о такомъ предметѣ о которомъ было бы гораздо удобнѣе объясниться на словахъ, а именно объ образѣ дѣйствій вашихъ друзей и преданныхъ товарищей по отношенію къ вопросу о войнѣ. Постулокъ ихъ причинилъ сильнѣйшее неудовольствіе и жнѣ и королевѣ, какъ съ точки зрѣнія интересовъ страны, такъ и ихъ собственныхъ интересовъ. Многимъ онъ долженъ показаться несогласнымъ съ патріо-

тизмомъ присущимъ каждому Англичанину и никакое самое блестящее ораторское искусство не оправдываетъ его со стороны людей, которые до послѣдняго времени несли на себѣ отвѣтственность за происходящую нынѣ войну. Они должны знать что серьезно повредить себѣ въ общественномъ мнѣніи. Уже и прежде они были конечно совершенно ложно подозрѣваемы въ томъ что въ тайнѣ относились неодобрительно къ войнѣ и были виновниками всѣхъ нашихъ промаховъ, неудачъ и тяжкихъ испытаній; теперь они какъ бы ухищряются подтвердить справедливость этихъ нареканій и (по выраженію Американцевъ) *реализовать весь капиталъ своей непопулярности* (to realise the whole capital of their unpopularity)... Королева не въ состояніи равнодушно относиться къ тому чтобы въ переживаемое нами трудное время лучшіе люди страны до такой степени возстадовали противъ себя общественное мнѣніе, что въ послѣдствіи трудно будетъ воспользоваться ихъ услугами для блага государства.... Г. Гладстонъ, сэръ-Джемсъ Грагамъ и ихъ друзья остались однако непоколебимы, они наотрѣзъ отказывались потворствовать тому опьяненію подъ вліяніемъ коего большинство англійской публики (принцъ Альбертъ съ удовольствіемъ упоминаетъ объ этомъ) требовало ни болѣе ни менѣ какъ совершеннаго „уничтоженія Россіи“ (annihilation of Russia). Все это сильно раздражало принца. „Мы находимся, писалъ онъ въ маѣ 1855 года барону Штокмару, въ весьма критическихъ обстоятельствахъ и видна будущее далеко не утѣшительны. Судя по всѣмъ извѣстіямъ получаемымъ нами изъ Франціи настроеніе умовъ въ этой странѣ способно возбуждать сильнѣйшее безлокоіство; партія мира не останавливается тамъ ни передъ какими средствами чтобы сдѣлать императора какъ можно болѣе непопулярнымъ. Съ каждымъ днемъ убѣждаемся мы что въ Вѣнѣ не намѣрены принять участіе въ войнѣ, а хотятъ только воспользоваться всѣми выгодами вооруженнаго нейтралитета, что тамошнее правительство, подъ предлогомъ союза съ нашею страной, желало бы навязать намъ неудовлетворительный миръ. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ императора Наполеона (Валевскій) видимо поддался австрійскому вліянію. А между тѣмъ здѣсь партія ратующая въ пользу мира, то-есть Брайтъ и К°, выступаетъ сегодня вечеромъ въ палатѣ общинъ съ самымъ миролюбивымъ пред-

ложеиємъ и пилиты (съ Гладстономъ и Грагамомъ въ ихъ главѣ) намѣрены поддерживать его; точно такое же предложение сдѣлано будетъ въ верхней палатѣ лордомъ Греемъ по предварительному соглашенію съ графомъ Эбердиномъ. Такимъ образомъ эти люди публично подтвердятъ всѣ подозрѣнія возникавшія противъ нихъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ и безвозвратно навлекутъ на себя гнѣвъ общественнаго мнѣнія.“

Принцъ Альбертъ остался до конца вѣрнымъ своей роли. Онъ не хотѣлъ и слышать о прекращеніи войны прежде чѣмъ падетъ Севастополь и онъ же всячески противодействовалъ восстановленію мира послѣ того какъ союзникамъ удалось достигнуть этой цѣли. Онъ сознавалъ что въ другой разъ быть-можетъ не скоро выпадетъ на долю Англичанъ такое счастье чтобы прицѣлится къ себѣ Францію въ дѣлѣ къ которому, по его же словамъ, она, отнеслась совершенно равнодушно, и слѣшилъ извлечь какъ можно болѣе выгодъ изъ этого благопріятнаго стеченія обстоятельствъ. Правда, лордъ Пальмерстонъ и его друзья громко похвалялись что въ сущности Англія можетъ продолжать войну и одна, что помощь Французовъ уже не такъ нужна ей какъ прежде; что французская армія значительно ослабѣла, между тѣмъ какъ англійское войско послѣ испытанныхъ имъ тяжкихъ испытанийъ получило новую и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительную организацію; но подобнымъ хвастовствомъ нельзя было обмануть никого. Полпрежнему все зависѣло отъ Наполеона и безъ него нельзя было сдѣлать ни шагу. А между тѣмъ императоръ Французовъ, весьма довольный тѣмъ что пріобрѣлъ важную славу и чувствовалъ себя крѣпче на престолѣ, обнаруживалъ явную наклонность къ миру. „Извѣстія изъ Парижа крайне неблагоприятны, пишетъ принцъ Альбертъ барону Штокмару, въ одинъ голосъ говорятъ тамъ: si la France doit continuer la guerre à grands sacrifices, il lui faut des objets plus nationaux, plus français—Польшу, Италію, лѣвый берегъ Рейна и т. п. Въ сущности же для Французовъ выше всего денежный интересъ; они желаютъ мира ради матеріальныхъ наслажденій жизнью (а Англичане воевали вѣроятно ради духовныхъ благъ?). Что прикажете дѣлать съ такимъ легкомысленнымъ народомъ!...“ Въ книгѣ г. Мартина впервыя обнаружена любопытная переписка между императо-

ромъ Наполеономъ и королевой Викторіей, относящаяся къ вопросу о томъ что предстояло дѣлать союзникамъ послѣ того какъ они овладѣли Севастополемъ. Наполеонъ началъ эту перелиску подъ вліяніемъ утѣшковъ Англичанъ что онъ покидаетъ ихъ въ рѣшительную минуту. „Въ какомъ положеніи наши дѣла? задаетъ онъ себѣ вопросъ въ своемъ письмѣ: ваше величество имѣете въ Крыму около 50.000 человекъ и 10.000 лошадей, у меня тамъ 200.000 человекъ и 34.000 лошадей; у васъ огромный флотъ какъ въ Черномъ такъ и въ Балтійскомъ морѣ; мой флотъ также значителенъ, хотя и не въ такихъ размѣрахъ. И все-таки, несмотря на столь могущественныя военныя средства, теперь вполнѣ очевидно для всякаго что одними нашими силами мы не можемъ сломить Россію. Что же остается намъ дѣлать?“

По мнѣнію Наполеона союзники имѣли предъ собою тройной выборъ:

1) Ограничиться занятіемъ нѣсколькихъ стратегическихъ пунктовъ, блокировать Черное и Балтійское моря и ждать той минуты когда Россія сама заговоритъ о мирѣ.

2) Усвоить революціонную политику, обратиться съ воззваніемъ къ національностямъ, поставить себѣ задачей независимость Италіи, Венгріи, Польши, горныхъ племенъ Кавказа и т. п.

3) Больше чѣмъ когда-нибудь заботиться о томъ чтобы Австрія вмѣшалась въ войну и увлекла за собою Германію.

Первый изъ этихъ способовъ императоръ Французовъ отстранялъ какъ очевидно неудовлетворительный съ точки зрѣнія союзныхъ державъ; неудовлетворительнымъ казался онъ ему потому что Россія могла бы оправиться и возобновить борьбу при болѣе благоприятныхъ для себя условіяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію что онъ остановился бы съ удовольствіемъ на второмъ, чисто-революціонномъ способѣ веденія войны: „еслибы правительство вашего величества, читаемъ мы въ его письмѣ, задалось мыслью что наша честь и наши интересы требуютъ передѣлки карты Европы (*un remaniement de la carte de l'Europe*), то я позволялъ бы подобную политику, она дѣйствительно отличалась бы величавымъ характеромъ, и результаты которые имѣлись бы при этомъ въ виду стоили бы принесенныхъ нами жертвъ.“ Но императоръ Наполеонъ не обманывалъ себя на тотъ счетъ что Англія вовсе не намѣревалась измѣнять вообще порядокъ

вещей установленный Вѣнскими трактатами, что у нея были другія, вполне опредѣленные и практическія цѣли и что нечего разчитывать на ея содѣйствіе для революціонныхъ замысловъ. Выставивъ второй изъ уломянутыхъ нами пунктовъ, онъ самъ послѣдшилъ замѣтить что о немъ не можетъ быть рѣчи „при тогдашнихъ обстоятельствахъ“. Оставалось дѣйствовать на Австрію, но можно ли было обольщать себя надеждой что Австрія присоединится для войны къ западнымъ державамъ? Австрія хлопотала о мирѣ, она взяла въ свои руки условія мира выработанныя этими державами и старалась навязать ихъ Россіи; помѣшать ей усиліямъ въ этомъ смыслѣ значило бы не только не привлечь, но отстранить ее отъ себя. „Благоразумно ли, спрашивалъ Наполеонъ, прибѣгнуть къ подобному образу дѣйствій ради „микро-скопическихъ выгодъ“ (pour des avantages microscopiques?).

Въ отвѣтъ своею на письмо императора Французовъ королева высказала ему прежде всего нѣсколько такихъ истинъ которыя доказывали что въ виду принятой имъ роли Англіійское правительство не считало уже нужнымъ щадить его самолюбіе. „Ваше величество, говорила она, имѣете важное преимущество предо мною въ способѣ направлять свою политику и вести переговоры. Вы не отвѣтственны ни предъ кѣмъ; вы можете соблюдать тайну, избирать для переговоровъ такую форму и употреблять для нихъ такихъ агентовъ которые кажутся вамъ наиболѣе удобными, можете однимъ словомъ произнесеннымъ вами сообщать ходу дѣла то или другое направленіе. Что касается меня, я связана известными правилами и обычаями; я ничего не въ состояніи рѣшить собственною волею и безъ контроля, я должна собразоваться съ мнѣніемъ отвѣтственныхъ министровъ, а министры эти обязаны собираться вмѣстѣ и условливаются относительно совокупнаго и единодушнаго образа дѣйствій. Они стараются установить политическую программу, не только соответствующую существеннымъ интересамъ страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ такую, которую удобно было бы разъяснять, защищать въ парламентѣ и убѣдить въ ея необходимости общественное мнѣніе. Есть однако въ этой картинѣ другая сторона, гдѣ—по моему мнѣнію—я пользуюсь такими преимуществами какихъ нѣтъ у вашего величества. Ваша политика можетъ не встрѣтить надлажающей опоры въ націи; подѣ влияніемъ убѣжденія

что нація не расположена слѣдовать за вами до конца вы рискуете очутиться лицомъ къ лицу съ двумя опасными крайностями: или насильно навязывать политику народу, или же круто измѣнить вашъ образъ дѣйствій. Я могу не стѣсняться во всестороннемъ развитіи своей политики, со всеми ея послѣдствіями, ибо увѣрена въ томъ что *встрѣчу твердую и неизмѣнную поддержку въ моемъ народѣ...*“

Въ этихъ словахъ королева Викторія обнаружила очень мало великодушія. Конечно, самъ Наполеонъ зналъ очень хорошо что политика его по Восточному вопросу не пользуется сочувствіемъ французскаго общества, онъ неоднократно и горько жаловался на то какія затрудненія встрѣчаетъ на избранномъ имъ пути, но тогда ему говорили что нечего смущаться этимъ, что Французы не способны оценить величіе его роли,—и вдругъ теперь пришлось ему выслушать оскорбительное напоминаніе о томъ что онъ и нація шли различными путями. Вотъ награда за вѣрную службу англійскимъ интересамъ. Въ письмѣ королевы Викторія содержались еще и другія любезности. Она не пощадила и лицъ которымъ Наполеонъ привыкъ оказывать довѣріе. „Не могу скрыть отъ вашего величества, читаемъ мы въ ея письмѣ, что судя по самымъ вѣрнымъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ—рѣчи которыя позволяютъ себѣ держать въ Парижѣ люди официальные и имѣющіе честь приближаться къ вамъ о затруднительномъ финансовомъ положеніи Франціи, о томъ что миръ крайне необходимъ для нея, очень много вредятъ дѣлу...“ Что касается пунктовъ выставленныхъ императоромъ Наполеономъ, то изъ нихъ два первые были безусловно отвергнуты королевой Викторіей; о войнѣ съ революціонными цѣлями было замѣчено что Англія сочтетъ долгомъ „во всякое время (*dans tout temps*) возставать противъ нея съ непреклонною твердостью.“ Королева—конечно съ согласія своихъ министровъ—полагала однако что не слѣдуетъ отчаиваться въ возможности продлить войну при содѣйствіи Австріи и германскихъ государствъ. Она соглашалась что не совсѣмъ легко достигнуть этой цѣли, но не хотѣла и отказаться отъ нея, не испробовавъ всѣхъ средствъ. „По крайней мѣрѣ, говорила она въ своемъ письмѣ,—могу обѣщать вамъ что сдѣлаю все зависящее отъ меня чтобъ осуществить третью изъ предложенныхъ вами системъ.“

Такимъ образомъ Франція склонялась къ миру, а Англія употребляла всѣ усилія чтобъ отклонить ее отъ этого пути. Препятствіе успѣху мирныхъ переговоровъ должно было исходить главнымъ образомъ отъ нея. Въ этомъ отношеніи англійская политика встрѣчала рѣзкое порицаніе со стороны даже государственныхъ людей которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ томъ что вообще относились они къ ней недоброжелательно. Къ числу ихъ принадлежалъ между прочимъ близкій родственникъ королевы Викторіи и принца Альберта, Бельгійскій король Леопольдъ. Бельгія находилась въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Франціей, и Наполеонъ, съ той поры какъ совершилъ онъ свой государственный переворотъ, принялъ относительно ея такой тонъ что она имѣла достаточное основаніе опасаться самыхъ непріязненныхъ замысловъ съ его стороны. Все это дѣлало короля Леопольда ревностнымъ лобовникомъ мира. Въ книгѣ г. Мартена не сообщено письмо съ которымъ онъ обратился къ принцу Альберту, но мы знаемъ только что въ письмѣ этомъ высказалъ онъ много рѣзкихъ замѣчаній объ образѣ дѣйствій Англійскаго правительства и между прочимъ о союзѣ его съ Франціей выразился пословицей что это значитъ „ѣздить со своими плорами на чужой лошади“ (it is riding another man's horse with your own spurs). Слѣдующій отрывокъ изъ отвѣта, съ которымъ принцъ обратился къ королю Леопольду, весьма характеристиченъ во многихъ отношеніяхъ: „Англія вовсе не питаетъ непримиримой ненависти къ Россіи, она не проникнута также и ребяческою жаждой военной славы. Если слѣдовательно война будетъ продолжаться, то объясненіе этого заключается въ томъ что Англичане—практическій народъ, всегда стремятся къ практическому результату и, чтобы достигнуть его, готовы и при дурныхъ и благопріятныхъ обстоятельствахъ на всякія жертвы. Печально было бы еслибъ Англія показала такую же неустойчивость цѣлей, которая, увы! обнаруживается чрезъ каждые двадцать четыре часа во Франціи и которую слѣдуетъ приписать вѣтренности и легкомыслию французской націи, пристрастію къ биржевой игрѣ ея государственныхъ людей (staatsleude) и несклонности ея правителя смотрѣть на всякій новый оборотъ въ ходѣ дѣлъ съ точки зрѣнія того какъ онъ отразится на его личномъ положеніи. Всякій разъ когда не удавалось

нападеніе на какую-нибудь изъ севастопольскихъ батарей, онъ приходилъ въ такое отчаяніе что готовъ былъ вывести свои войска изъ Крыма; всякій разъ когда счастье унывало ему, онъ мечталъ уже о походѣ въ Москву; для него какъ бы не существовало другаго выбора: или заключить постыдный миръ, или же наложить свою руку на лѣвый берегъ Рейна; или привлечь Австрію къ союзу, обѣщавъ ей часть прусской территоріи, или же оторвать отъ Австріи ея италіанскія провинціи; императоръ Наполеонъ протворалъ что нечего и ломышлять о мирѣ *sans que la France ait eu un grand succès qui est nécessaire à l'empereur*, и какъ только успѣхъ былъ достигнутъ, онъ пожелалъ тотчасъ же поскорѣе заключить миръ, *pour en sortir avec la gloire exclusive*. Вотъ съ какими трудностями приходилось намъ бороться ежедневно; я положительно убѣжденъ что нѣтъ ни единой души во Франціи, которая сколько-нибудь заботилась бы о сохраненіи Турецкой имперіи (*there is not a single soul in France who ever gave himself the very smallest concern about the maintenance of the Turkish Empire*), тогда какъ для насъ это составляло предметъ первостепенной важности, и если несмотря на то мы не поддавались настроенію французской публики, то все-таки это было дѣло не легкое и нельзя говорить о насъ что мы чужую лошадь логовали своими плечами.“ Неловкато какимъ образомъ принцъ Альбертъ приходилъ къ подобному заключенію; изъ собственныхъ же словъ его выходитъ совершенно противное: привлечь къ войнѣ страну которая не имѣла для войны ни повода, ни причины, не значило ли это эксплуатировать ее для своихъ цѣлей?

Эксплуатація продолжалась и на Парижскомъ конгрессѣ. Конгрессъ этотъ возбуждалъ живѣйшее безпокойство въ Англіи, олатъ вслѣдствіе тѣхъ же соображеній на которыя неоднократно указывалъ принцъ Альбертъ. „Наше положеніе на конгрессѣ, писалъ онъ,—будетъ въ высшей степени затруднительно, ибо за заключеніемъ императора Наполеона никто не сочувствуетъ намъ. Министры его способны легко поддаваться постороннимъ вліяніямъ, въ средѣ его арміи война напимѣръ съ Германіей была бы несравненно полularѣе чѣмъ война съ Россіей, всѣ его окружающіе—люди легкомысленные; Австрія все также эгоистична какъ всегда, интересом своимъ видитъ она только въ Княжествахъ и въ

Бессарабию, а до остальнаго ей нѣтъ и дѣла.“ Сначала Англичане желали собрать конгрессъ въ Лондонѣ, но потомъ вдругъ они склонились въ пользу Парижа, и весьма любопытны соображенія руководившія ими въ этомъ случаѣ, которыя подробно были изложены въ докладной запискѣ лорда Кларендона королевы: „Быть-можетъ ваше величество удивитесь что, взвѣсивъ всѣ выгоды и неудобства, я пришелъ къ тому убѣжденію что Парижъ самое удобное мѣсто для совѣщаній о мирѣ. Удобно это потому что уполномоченные Англіи будутъ имѣть возможность находиться въ близкихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ императоромъ, личное внимательство коего окажется настоятельно необходимымъ чтобы контролировать уполномоченныхъ французскихъ и не допускать ихъ чтобы они помогали Россіи уклониться отъ принятыхъ ею условій. Правда, Парижъ сдѣлался въ настоящее время центромъ русскихъ интригъ, главною квартирою русскихъ агентовъ, но обстоятельство это не особенно важно, если только удастся намъ поддержать въ императорѣ доброе къ намъ расположеніе...“ „Королева, говоритъ г. Мартинъ, — была въ восторгѣ отъ мысли лорда Кларендона.“ „Я вполне раздѣляю вашъ образъ мыслей, писала она ему: Парижъ дѣйствительно самое удобное мѣсто, ибо хорошаго результата можно ожидать въ томъ лишь случаѣ если императоръ будетъ находиться *sur les lieux*; вы должны сдѣлаться столько же его *министромъ иностранныхъ дѣлъ* сколько мнѣ, и конечно онъ найдетъ въ васъ болѣе честнаго и правдиваго совѣтника чѣмъ въ комъ-нибудь изъ своихъ такъ-называемыхъ друзей.“ Нельзя не сознаться что этотъ отзывъ о „такъ-называемыхъ друзьяхъ“ Наполеона III былъ вполне вѣренъ. Ни у кого изъ нихъ не хватило мужества возвысить голосъ въ пользу дѣйствительныхъ интересовъ своей страны, когда императоръ Французовъ вознамѣрился начать безплодную для насъ войну, и никто изъ нихъ не счелъ нужнымъ посоветовать ему вполне самостоятельнымъ образомъ дѣйствій при заключеніи мира. Отзывы принца Альберта объ этихъ людяхъ исполнены крайняго презрѣнія. Иногда очень мѣтко изображаетъ онъ ихъ нѣсколькими чертами. Вотъ напримѣръ замѣтка его объ одномъ изъ главныхъ сподвижниковъ императора Французовъ герцога Персаянни, который во время Крымской кампаніи занималъ должность французскаго

пола въ Лондонѣ: „Онъ очень забавенъ“ (he is very droil). Постоянно при свиданіяхъ съ лордомъ Кларендономъ происходить у нихъ такой разговоръ: „Ce pauvre Walewski m'a écrit une dépêche; voulez-vous que je vous la lise?“—„S'il vous plait.“—„Ah, je l'ai laissée à la maison, mais n'importe; elle ne vaut pas la peine.“ Неудивительно что главный уполномоченный Англіи боролся очень успѣшно съ вліяніемъ на императора Наполеона подобныхъ людей. „Лордъ Кларендонъ, писалъ о немъ принцъ Альбертъ Штокмару, лишь только начались засѣданія конгресса,—а bien prisea position и возбуждаетъ къ себѣ общее довѣріе, хотя толки въ парижскихъ салонахъ о томъ что только одна Англія не хочетъ мира причиняютъ намъ не мало вреда...“ Иногда факты такъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя что всякія комментаріи къ нимъ излишни. Не достаточно ли ясно показываютъ приведенныя нами свѣдѣнія до какой роли соизвошла Франція, судьбами которой считала себя въ правѣ руководить англійская политика какъ во время войны, такъ и при восстановленіи мира?

Пруссія не допущена была на конгрессъ до тѣхъ поръ пока не были установлены мирныя условія между воюющими сторонами. Главною виновницей этого оскорбленія нанесеннаго Прусскому правительству была опять-таки Англія, а въ Англіи особенно ревностно настаивалъ на необходимости отстранить его отъ совѣщаній принцъ Альбертъ. Въ письмѣ къ королю Бельгійцевъ онъ оправдывалъ слѣдующимъ образомъ это рѣшеніе: „Мы знаемъ что Англію ненавидятъ повсюду на континентѣ, что даже во Франціи только императоръ, лишь одинъ онъ, преданъ намъ душой и тѣломъ (is with us body and soul; мы преодолѣли большія опасности, понесли огромныя потери, не отступали предъ гигантскими пожертвованіями, продолжая спокойно идти къ предположенной нами цѣли. Было бы слѣдовательно самоубійствомъ съ нашей стороны еслибы теперь, въ одиннадцатый часъ, дозволили мы кому-нибудь помѣшать намъ въ достиженіи этой цѣли, еслибы мы стали сами помогать тому чтобы увеличилось число ожидающихъ насъ затрудненій, допустивъ къ участію въ конгрессѣ непріязненные Англіи и дружественные Россіи элементы... Мы отстраняемъ Пруссію не изъ чувства мести и не изъ желанія наказать ее; подобныя соображенія были бы слишкомъ

ребяческими. Нами руководить въ этомъ случаѣ лишь справедливое оласеніе чтобы Пруссія, на предстоящихъ совѣщаніяхъ, не присоединилась къ нашимъ противникамъ... "Принцъ Альбертъ былъ убѣжденъ что Англійское правительство имѣетъ полное неоспоримое право дѣйствовать такимъ образомъ, и аргументы которые приводилъ онъ въ пользу этого взгляда чрезвычайно интересны по отношенію къ теперешнимъ обстоятельствамъ. „Мы убѣждены, продолжаетъ онъ, что было бы крайне опаснымъ прецедентомъ для будущаго допустить въ принципѣ что въ великой политической игрѣ могутъ принимать участіе даже тѣ державы у которыхъ не было на столѣ никакихъ ставокъ. Дѣло идетъ теперь между державами находившимися въ войнѣ и желающими заключить миръ. Съ какого права вздумали бы вмешиваться въ это дѣло другія державы, устранившіяся отъ военныхъ дѣйствій?...“ Очевидно что принцъ Альбертъ задавалъ вопросъ съ которымъ въ настоящее время обращается къ себѣ русская публика: съ какой стати державы равнодушно смотрѣвшія на то какъ Россія проливала свою кровь и цѣной громадныхъ пожертвованій старалась освободить отъ гнета своихъ соплеменниковъ и едивовѣрцевъ, предоставляютъ себѣ право произнести послѣдній приговоръ объ этой борьбѣ? Пруссія не предъявляла въ 1856 году никакихъ чрезвычайныхъ притязаній: она хотѣла присоединиться къ державамъ для разрѣшенія вопроса который противники наши выставляли вопросомъ общеевропейскимъ; она намѣревалась лишь содѣйствовать заключенію мира, но въ настоящее время миръ уже заключенъ, обѣ воюющія стороны объявляютъ себя довольными имъ, а между тѣмъ европейскія государства хотятъ быть судьями совершившагося факта. Какъ ухитрился бы принцъ Альбертъ примѣнить свою теорію къ подобному явленію, совершенно неслыханному до сихъ поръ въ области международнаго права?

Изъ книги г. Мартина мы узнаемъ что императоръ Наполеонъ не ожидаетъ противодѣйствія со стороны Англіи допущенію Пруссіи на конгрессъ. Это казалось ему невозможнымъ главнымъ образомъ потому что не задолго до прекращенія войны старшая дочь королевы Викторіи сочеталась бракомъ съ теперешнимъ германскимъ наследнымъ принцемъ, слѣдовательно между царствующими домами Пруссіи и Англіи установилась родственная связь, которая,

по его мнѣнію, неминуемо должна была повлечь за собою и политическое ихъ сближеніе. Наивность обнаруженная Наполеономъ III, когда онъ убѣдился въ противномъ, очень характеристична. „Въ прошлое воскресенье, доносилъ лордъ Кларендонъ королевѣ Викторіи, императоръ замѣтилъ мнѣ между прочимъ что онъ очень мало заботится о Пруссіи, но что Англія сочтетъ конечно своимъ интересомъ оказать любезность Прусскому королю. Я спросилъ: какой же интересъ имѣетъ онъ тутъ въ виду? Императоръ отвѣчалъ что вслѣдствіе брака принцессы ваше величество пожелаете конечно находиться въ дружескихъ отношеніяхъ къ Пруссіи. На это я возразилъ что императоръ сильно ошибается; предполагая будто личныя чувства вашего величества могутъ оказывать вліяніе на вопросъ въ которомъ затронуты честь и интересы страны, что давно уже было принято вами рѣшеніе не допускать Пруссію къ переговорамъ о мирѣ, ибо поступить иначе, послѣ ея образа дѣйствій во время войны, было бы недостойно Англіи, значило бы доказать что Англія относится равнодушно къ политической безнравственности (political immorality)! „*Savez vous*“, отвѣчалъ мнѣ императоръ, *que c'est bien beau? Cela fait plaisir d'entendre. Je suis bien aise que vous me l'ayez dit.*“

Впрочемъ императоръ Наполеонъ могъ убѣдиться и на самомъ себѣ какъ мало способно Англійское правительство подчинять свою политику личнымъ чувствамъ. Можно ли было повидимому желать болѣе тѣсной и сердечной связи чѣмъ та которая существовала между нимъ, королевой Викторіей, принцемъ Альбертомъ и самыми вліятельными изъ англійскихъ государственныхъ людей? Многія страницы дневника королевы переносятъ насъ въ область чистой идилліи: какія душевныя отношенія, сколько лѣжной внимательности съ той и другой стороны, какое повидимому безграничное взаимное довѣріе, но при всемъ этомъ Англія не переставала слѣдить подозрительнымъ взоромъ за своимъ союзникомъ. Она относилась благодушно къ его политическимъ фантазіямъ, пока онѣ оставались фантазіями, но императоръ Наполеонъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ съ ея стороны лишь только задумалъ перенести ихъ на практическую почву. Еще въ то время, когда уполномоченные державъ собирались для переговоровъ въ Парижѣ, принцъ Альбертъ писалъ Штокмару: „Императоръ возлагаетъ

несбыточныя надежды на конгрессъ pour remanier les traités et la carte de l'Europe. Но это не опасно. Франція такъ много потратила денегъ что ей нужно нѣсколько дѣтъ спокойствія.“ Въ одномъ отношеніи принцъ Альбертъ ошибался: правда, Франція потратила много денегъ безо всякой пользы и толку, но она отличалась такою эластичностью, обладала такими громадными средствами, что ничего не стоило ей возмѣстить эти потери и снова, противъ воли, броситься на путь страшныхъ приключеній, завершившихся наконецъ катастрофой подъ Седаномъ.

Мы познакомили читателей довольно подробно съ книгой написанной г. Мартиномъ, по порученію королевы Викторіи, для прославленія политики которой сѣдовала Англія въ Восточной войнѣ 1853—1856 годовъ. Приверженцы лорда Беконфильда могутъ восхищаться этою политикой и теперь, но мы полагаемъ что вслѣдъ кому присуще чувство справедливости и гуманности оцѣнить ее по достоинству, особенно въ виду обнаружившихся нынѣ ея результатовъ. Эгоизмъ и ложь—вотъ что служило основой этой политики, и какъ ни старались государственные люди Англіи обить съ толку общественное мнѣніе громкими фразами о томъ будто бы она отстаиваютъ самые дорогіе интересы цивилизаціи, она сама не скрывала отъ себя какія въ дѣйствительности цѣли и побужденія руководить ими. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно письмо адресованное принцемъ Альбертомъ барону Штокмару почти наканунѣ того дня когда Англія объявила намъ войну. Приводимъ его здѣсь цѣликомъ: „Англію упрекаютъ съ различныхъ сторонъ за ея безсердечіе и недальновидность; она должна, самишии мы, предвидѣть что Греки возстанутъ, что турецкое владычество не можетъ быть поддержано искусственными средствами, что фанатики-мусульмане согласятся скорѣе вступитъ въ сѣтакъ съ Русскими чѣмъ уравнивать съ собою христіанъ; говорятъ что въ виду всего этого Англія была бы должна отнестись равнодушно къ разгрому Оттоманской имперіи Россіей, но вслѣдъ затѣмъ принять энергическое участіе въ общеевропейскомъ разрѣшеніи вопроса о наследствѣ Турціи и притомъ такъ чтобы распаденіе этого государства не послужило въ пользу Россіи. Мы остаемся только отвѣчать что все это мы сообразили очень хорошо, но что народное правительство

(popular government) не въ состояніи преслѣдовать политику заключающую въ самой себѣ очевидныя противорѣчія, которыя могутъ быть сглажены лишь съ годами, политику одна часть коей должна не иначе какъ по истеченіи отдаленнаго періода времени быть пополамка другою. Англійскіе государственные люди не могутъ взирать спокойно на низверженіе Турціи Россіей; еслибъ они допустили это, то общественное мнѣніе разнесло бы ихъ по вѣтру какъ макину; при частыхъ перемѣнахъ министерствъ и большинства въ парламентѣ, особенно же при измѣняющихся политическихъ комбинаціяхъ на континентѣ, нельзя задаваться подобною дальновидною, двухстороннею (two-sided) и разчитанною на продолжительное время политикой. Вслѣдствіе того мы вынуждены жить со дня на день: Россія нападаетъ на Турцію—мы должны отразить ее; король Оттонъ и Греки поднимаются противъ Турокъ—мы обязаны остановить ихъ; Франція готова ополчиться вмѣстѣ съ нами, намъ слѣдуетъ дѣйствовать заодно съ Франціей на сушѣ и на морѣ и т. д.“ Вотъ еслибы государственные люди Англіи всегда говорили такимъ языкомъ, то никто и не упрекалъ бы ихъ въ фарисействѣ! Тутъ дѣло выведено на чистоту, тутъ нѣтъ приторныхъ фразъ—которымъ не вѣрятъ они сами и которымъ не вѣритъ никто другой—ни о христіанской миссіи Англіи, ни о потребности оградить цивилизацію отъ угрожающаго ей варварства, нѣтъ ничего похожаго на подобный вздоръ. Въ то самое время какъ Англійское правительство ополчалось за цѣлость и неприкосновенность Оттоманской имперіи, принцъ Альбертъ не отрицаетъ что Турцію спасти нельзя, что отъ Турокъ нечего ожидать улучшенія быта христіанъ, да эта послѣдняя задача нисколько и не занимаетъ Англію: вопросъ сводится для нея исключительно къ тому чтобы такъ или иначе утвердить свое преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ. Такихъ дальновидныхъ политиковъ какъ принцъ Альбертъ не устрашала и возможность разгрома Турціи Россіей, подъ тѣмъ лишь условіемъ чтобы Англичанамъ удалось эксплуатировать въ свою пользу результаты русскихъ побѣдъ; онъ боялся только что англійское общество не оцѣнитъ сразу этой политики и не дождавшись конечнаго ея результата поставить въ вину своимъ правителямъ то что было бы съ-ихъ стороны дѣломъ глубокаго и тонкаго

разчета. Но обстоятельства сложились такимъ образомъ что планъ, который казался опаснымъ и труднымъ за четверть вѣка назадъ, представляется нынѣ англійскимъ государственнымъ людямъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. Россія нанесла страшный ударъ Турціи, и въ то время какъ всѣ помыслы ея обращены на то чтобы какъ можно лучше воспользоваться этимъ славнымъ успѣхомъ для блага христіанскихъ племенъ Балканскаго полуострова, Англія готовится выполнить программу которую принцъ Альбертъ обозначилъ въ приведенномъ нами выше документѣ: она ставитъ себѣ задачей „принять энергическое участіе въ разрѣшеніи вопроса о насавдствѣ Турціи и притомъ такъ чтобы распаденіе этого государства не послужило въ пользу Россіи“.

Намъ случилось прочесть въ газетахъ что когда книга г. Теодора Мартина только вышла въ свѣтъ, королева Викторія препроводила въ подарокъ одинъ изъ ея экземпляровъ лорду Беконсфильду, который отвѣчалъ что книга эта навсегда останется для него политическимъ евангеліемъ. Сначала въ словахъ этихъ мы расположились были видѣть только грубую лесть, но теперь, ознакомившись съ произведеніемъ г. Мартина, убѣждаемся что дѣйствительно это—евангеліе лжи и корысти, вполне достойное лорда Беконсфильда.

Р.

РУССКІЕ МОРЯКИ

НА КРАЙНЕМЪ ВОСТОКѢ

Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востоке Россіи 1849 — 1855. Посмертныя записки адмирала Невельскаго, изданныя супругой покойнаго. Петербургъ 1878.

Къ неисчислимымъ послѣдствіямъ и дѣйствіямъ громад-
ныхъ событій послѣдняго времени принадлежитъ между про-
чимъ и то вліяніе какое оказали они на общее политическое
образованіе нашего общества. Несомнѣнно, въ этомъ отло-
шеніи сдѣланъ большой шагъ. Да и могло ли остаться безъ
сильнаго дѣйствія на общественное сознаніе продолжитель-
ное проникновеніе всего народа отъ трона до шалаша од-
ною мыслью, однимъ историческимъ порывомъ? Никогда
еще событія и ихъ дѣйствующія лица не приковывали
такъ напряженно общее вниманіе какъ въ послѣднее вре-
мя; никогда еще съ такою быстротой и силой не про-
носились по нашей землѣ, — и листками газетъ, и клоч-
ками телеграммъ и стоустою передачей, отъ лышной на-
бережной Невы и до послѣдней деревушки занесенной
сѣвгомъ — тѣ же разказы, тѣ же сужденія, тѣ же имена, тѣ
же восторги и то же раздраженіе. Никогда еще и подвиги

и промахи, и сила наша и безсиліе не получали такой быстрой оцѣнки, быть-можетъ иногда ошибочной въ подробностяхъ, но несомнѣнно вѣрной въ общемъ, какъ въ эти дни, когда предъ нашими глазами текли великія событія, за которыми вся страна отъ мала до велика слѣдила съ замирающимъ сердца. Никогда вожди подвиговъ не становились такъ быстро легендарными народными героями и никогда еще съ такою ясностью не видѣлъ народъ самого себя въ томъ главномъ героѣ этой популярнѣйшей изъ войнъ—*русскомъ солдатѣ*, томъ Ефимѣ Безыменномъ, что перетаскивалъ на своихъ обмороженныхъ рукахъ пушки чрезъ грозные Балканы въ ихъ зимней непроходимости, что разбилъ окопы измученнаго Болгарина и Христа ради раздѣлилъ свой кусокъ хлѣба съ лѣнвымъ Туркомъ.

Но цѣня подвиги настоящаго, мы не должны забыть подвиговъ прошедшаго, свершенныхъ въ эпоху, когда общественное сознаніе не было такъ чутко какъ нынѣ, подвиговъ предъ которыми мы въ долгу доброй памятью. Когда какъ не въ эпоху общественного подтема должны получить достойную оцѣнку не въ тѣсныхъ только кружкахъ близко знакомыхъ съ дѣломъ, но и во всемъ обществѣ, тѣ избранныя лица, въ которыхъ любовь къ отечеству была не словомъ и временнымъ настроеніемъ, а кореннымъ стимуломъ, которыя прониклись патріотическою идеей съ самоотверженіемъ шли къ цѣли, на свой страхъ и разумъ, не по рутинному пути officialнаго служенія, а въ сознаніи что патріотическій подвигъ и есть истинный служебный подвигъ, предпочитая строгость отвѣтственности спокойствію исполнительности. Довольно ли помнимъ и чтимъ мы такихъ дѣятелей и вѣтъ ли могилъ мимо которыхъ мы проходимъ не останавливаясь, не замѣчая какого упрека за то заслуживаемъ? Такихъ могилъ не мало. Кому, напримѣръ, главнымъ образомъ обязана Россія присоединеніемъ обширнаго приморскаго края на крайнемъ русскомъ востокѣ и обращеніемъ широкаго Амура въ русскую рѣку? Многіе ли могутъ дать обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Для многихъ ли соединены съ этимъ событіемъ имена адмирала Невельскаго и его неутомимыхъ сотрудниковъ? А не заслуживаютъ ли имена эти доброй памяти въ народѣ? Появленіе подъ безличнымъ заглавіемъ, *Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи*, посмертныхъ записокъ главнаго дѣятеля

этихъ подвиговъ имѣть какъ нельзя болѣе хотѣти. Полагая сдѣлать услугу читателямъ, пересказавъ въ настоящемъ очеркѣ содержаніе и приведа нѣсколько эпизодовъ этихъ любопытныхъ записокъ. Какіе встречаемъ мы въ нихъ между прочимъ поучительные уроки борьбы дѣятельнаго, предприимчиваго начинанія съ рутинной officialнаго теченія дѣлъ и живыхъ патріотическихъ стремленій съ упорствомъ космополитической дипломатіи, для которой завѣдывать иностранными дѣлами своего отечества значило являться представителемъ и ходатаемъ за всякіе интересы—британскіе, австрійскіе, китайскіе, только бы не свои! Борьба къ счастью окончилась побѣдой, благодаря патріотическому смыслу нѣсколькихъ разумныхъ сановниковъ и болѣе всего прямому участію верховной воли.

I.

Въ половинѣ XVII вѣка сольвычегодскій промышленникъ Ерофей Хабаровъ, собравъ вольныхъ людей и получивъ отъ якутскаго воеводы „наказную память“ и нѣсколько казаковъ, отправился на Амуръ, куда уже ходилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ горстью отважной вольницы казакъ Поляновъ, принесшіи разказы о богатствѣ края и его обитателяхъ. При устьѣ впадающей въ Амуръ рѣчки Албазинъ, Хабаровъ основалъ городъ этого имени. Когда въ Москвѣ узнали о новомъ приобрѣтеніи, былъ посланъ дворянинъ Зиновьевъ поощрить казаковъ, водворить порядокъ въ новомъ край и приготовить, несостоявшійся впрочемъ, походъ по Амуру. Новый городъ привлекалъ не мало поселенцевъ, и въ 1684 году при-Амурскій край составилъ отдѣльное Албазинское воеводство, городу Албазину былъ данъ особый гербъ и печать. Русское сосѣдство встревожило Китай. Въ 1685 году непріятельскія силы изъ пятнадцати тысячъ человекъ, прибывшихъ и на судахъ и сухимъ путемъ, подступили къ Албазину, гдѣ было всего 450 человекъ гарнизона. Воевода Толбузинъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры и достигъ того что непріятель отпустилъ его съ командой и жителями въ Нерчинскъ. Албазинъ былъ разрушенъ. Но уже чрезъ годъ албазинскіе поселенцы, проводимые тѣмъ же Толбузинымъ, вернулись на Амуръ и воз-

оставили разрушенное. Новая тагостная осада Албазина была оставлена повелѣніемъ богдыхана на томъ основаніи что между Китаемъ и Россіей идутъ переговоры о разграниченіи. Переговоры дѣйствительно велись въ Нерчинскѣ, при мало благопріятныхъ для насъ условіяхъ, и въ августѣ 1689 года былъ подписанъ знаменитый Нерчинскій трактатъ. Въ третьемъ пунктѣ трактата значится: „Городъ Албазинъ, который построенъ былъ со стороны царскаго величества, разорить до основанія, а также на Амурѣ пребывающихъ русскихъ людей со всѣми при нихъ запасами и пожитками перевести въ предѣлы царскаго величества.“ Слѣдующею весной Русскіе съ Амура перешли въ Нерчинскъ и Албазинъ былъ сожженъ Манджурами до основанія. „Россіяне, сказано въ *Сибирской Лѣтописи*, несправедливымъ образомъ перемогавшей силою непріятелей съ Амура вытѣснены, и что еще несправедливѣе, насильственнымъ мирнымъ, заключеніемъ рѣка Амуръ за Китайцами осталась.“

„Китай, говоритъ авторъ *Записокъ*, завладѣвъ такимъ образомъ при-Амурскимъ краемъ, прервалъ сообщеніе Забайкалья съ моремъ, и Сибирь осталась вполнѣ чуждою всякому развитію. Стоитъ только внимательно взглянуть на карту Сибири чтобы оцѣнить всю важность этой потери: полоса земли въ нѣсколько тысячъ верстъ, удобная для жизни естѣлаго человѣка и составляющая собственно Восточную Сибирь, гдѣ сосредоточивалось и могло развиться далѣе ея народонаселеніе, а съ нимъ и жизнь края, ограничивается: на югѣ недоступными для сообщенія цѣлями горъ и песчаными морями; на сѣверѣ—ледяными, безконечными тундрами, прилегающими къ такому же ледяному океану; на западѣ—единственными путями, чрезъ которые только и можно наблюдать и направлять ея дѣйствія къ дальнѣйшему развитію, наравнѣ съ общимъ развитіемъ нашего отечества,—путями, чрезъ которые только и возможно увеличеніе ея населенія; на востокѣ—опять недоступными для сообщенія горами, болотами и тундрами. Всѣ огромныя рѣки ея орошающія: Лена, Индигирка, Колыма и др., которыя при другомъ направленіи и положеніи могли бы составить благо для края,—текутъ въ тѣ же Ледовитый, почти недоступный океанъ и чрезъ тѣ же недоступныя для жизни человѣка пространства. Ясно что край находившійся въ такомъ положеніи не могъ никогда

и ни при какихъ обстоятельствахъ правильно развиться. Между тѣмъ природа не отказала Восточной Сибири въ средствахъ къ этому развитію; она надѣлила ее и плодородными землями и здоровымъ климатомъ, и внутренними водными сообщеніями, связывающими ее болѣе или менѣе съ остальною Россіей, и богатствами благородныхъ и другихъ металловъ,—элементами ручающимися за благоденствіе ея жителей и за ея постепенное и возможное развитіе; если только ей открыть путь посредствомъ котораго она могла бы свободно сообщаться съ моремъ. Единственный такой путь представляетъ собою когда-то потерянная нами рѣка Амуръ.“

Значеніе этой утраты не укрилось отъ государственнаго ума великихъ русскихъ государей Петра I и Екатерины II. Великій Преобразователь, сознавая важность обладанія при-Амурскимъ краемъ, переселилъ въ Забайкалье стрѣльцовъ и тѣмъ положилъ первое основаніе нашей силѣ въ преддверіи Амурскаго бассейна. За нимъ Екатерина такъ выразилась о важности обладанія Амуромъ: „еслибы Амуръ могъ намъ только служить какъ удобный путь для продовольствія Камчатки и вообще нашихъ владѣній на Охотскомъ морѣ, то и тогда обладаніе онымъ было бы для насъ важнымъ.“

Къ сожалѣнію явилось обстоятельство побудившее Русское правительство оставаться равнодушнымъ къ вопросу о при-Амурскомъ краѣ. Морскія экспедиціи знаменитыхъ мореплавателей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, Лалеруза, Браутона, Крузенштерна, привели къ самымъ неблагопріятнымъ заключеніямъ. Утверждалось что выходъ для мореходныхъ судовъ въ лиманъ и устьѣ Амура недоступенъ съ сѣвера и съ юга, что на побережьи Татарскаго залива вѣтъ гаваней и что устьѣ Амура охраняется Китайцами значительною силою и флотиліей въ 4.000 человекъ. Дѣло заглохло. Не въ сороковыхъ годахъ, по личной инициативѣ императора Николая Павловича, на котораго, какъ носилась тогда слухъ, произвела впечатлѣніе статья Полеваго въ *Северной Пчелѣ* о приобрѣтеніяхъ и потеряхъ въ продолженіи царствованія дома Романовыхъ, гдѣ упоминалось о потерѣ Амура и важности этой потери, вновь возникъ вопросъ объ Амурскомъ краѣ. Несмотря на опасности разрыва съ Китаемъ, на какія указывалъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде, на все предубѣжденіе

относительно возможности и пользы дѣла въ виду показаній мореплавателей, императоръ пожелалъ чтобы вопросъ этотъ подвергся внимательному изученію.

Въ это время въ Черномъ Морѣ снаряжалась экспедиція подъ начальствомъ Е. В. Путятина (нынѣ графа). „Экспедиція эта должна была слѣдовать въ Китай и Японію съ цѣлью установленія торговыхъ сношеній съ этими государствами и ей между прочимъ Высочайше повелѣвалось обследовать лиманъ и устье Амура, съ тѣмъ чтобы убѣдиться дѣйствительно ли справедливы заключенія знаменитыхъ мореплавателей о недоступности устья рѣки для мореходныхъ судовъ и дѣйствительно ли справедливы свѣдѣнія что будто бы это устье охраняется значительною китайскою силой. Министръ финансовъ, отъ котораго требовалось на содержаніе этой экспедиціи 250.000 рублей, въ особой запискѣ государю императору изложилъ что „при неразвитіи „или лучше сказать, несуществованіи нашей торговли въ „Восточномъ океанѣ и неимѣніи въ виду чтобы когда-либо „могла существовать даже эта торговля, безъ утвержденія „нашего въ при-Амурскомъ краѣ,—единственною полезною „цѣлью отправленія Е. В. Путятина, я полагаю будетъ порученіе удостовѣриться между прочимъ въ справедливости сложившагося убѣжденія о недоступности устья рѣки Амуръ, „обстоятельства обуславливающего степень полезности для „Россіи этой рѣки и орошаемаго ею края. Но для разрѣшенія этого вопроса не требуется снаряженія такой большой „и дорого стоящей экспедиціи, какова настоящая, а гораздо „лучше въ отношеніи политическомъ и финансовомъ, произвести изслѣдованіе Амурскаго лимана и устья рѣки Амуръ „черезъ Россійско-Американскую компанію, поручивъ ей отправлять къ устью этой рѣки, на счетъ казны, надлежащее „судно изъ колоніи.“

Мнѣніе министра финансовъ было принято и экспедиція Путятина отменена. Въ то же время во исполненіе воли государя графъ Нессельроде написалъ предсѣдателю главнаго правленія Россійско-Американской компаніи, контръ-адмиралу барону Ф. П. Врангелю: „1) чтобы онъ озаботился отпращиваніемъ изъ колоніи на счетъ казны благонадежнаго судна въ лиманъ рѣки Амуръ, съ цѣлью положительнаго познанія, въ какой степени и для какого ранга судовъ возможенъ входъ въ Амурскій лиманъ и въ рѣку съ моря; 2) уведомилъ

бы его для доклада его величеству, къ какому времени это судно для исполненія такого порученія можетъ-быть готово и отправлено изъ колоніи и сколько приблизительно будетъ стоить казны эта экспедиція, могущая положительно разрѣшить уломянутый вопросъ. Графъ Нессельроде вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ барону Врангелю что это должно быть произведено безъ огласки и что акціонеры компаніи не должны знать объ этомъ. На это баронъ отвѣчалъ что судно можетъ быть послано изъ колоній не ранѣе весны 1846 года и что онъ вполнѣ цѣля довѣріе къ нему правительства приметъ всѣ мѣры для точнаго исполненія высочайшей воли, что же касается стоимости экспедиція, то она вѣроятно не превыситъ 5.000 рублей. Въ заключеніе баронъ объяснилъ что онъ вполнѣ увѣренъ что главный правитель колоніи капитанъ 2го ранга Тебеньковъ, на котораго нынѣ возлагается снаряженіе изъ колоніи судна, приметъ также съ своей стороны всѣ мѣры.“

На докладъ графа Нессельроде о проектѣ инструкціи командиру судна которое будетъ назначено для изслѣдованія устья Амура, государь написалъ: „Принять всѣ мѣры чтобы паче всего удостовѣриться, могутъ ли входить суда въ рѣку Амуръ, ибо въ этомъ и заключается весь вопросъ важный для Россіи.“

По распоряженію барона Врангеля къ устью Амура отправился бригъ *Константинъ*, подъ командой поручика корпуса штурмановъ Гаврилова, офицера опытнаго, но больного, съ тремя больными штурманами и двадцатью двумя людьми команды. Но по краткости времени, ничтожеству средствъ, а также вслѣдствіе вѣтровъ и теченій которые онъ встрѣтилъ, Гаврилову не представилось никакой возможности произвести тщательное и подробное изслѣдованіе лимана и устьевъ Амура, которое одно могло бы разрѣшить вопросъ о ихъ доступности.

„Послѣ этого, говоритъ авторъ *Записокъ*, въ виду столь важнаго вопроса, слѣдовало бы или безъ изпрошенія высочайшаго соизволенія послать вторично въ лиманъ рѣки Амуръ судно со всѣми средствами, какія по опыту оказались бы нужными, дабы разрѣшить положительно уломянутый вопросъ, или же представляя государю императору о посылкѣ въ лиманъ г. Гаврилова, объяснить въ докладѣ что этою посылкой вопросъ о рѣкѣ Амуръ еще не разрѣшенъ;

но документы объ этомъ предметѣ показываютъ слѣдующее: 12го декабря 1846 года, баронъ Врангель доноситъ графу Нессельроде: „Изъ прилагаемыхъ при семъ въ подлинникъ журнала и составленной по немъ карты сѣверной части Амурскаго лимана и устья рѣки Амуръ, ваше сиятельство изволите усмотрѣть что возложенное на меня Высочайшее повелѣніе исполнено. Судно Россійско-Американской компаніи было послано и г. Гавриловъ осмотрѣлъ сѣверную часть лимана и устье рѣки Амуръ, которое оказалось доступнымъ только для мелкосидящихъ шлюпокъ. При этомъ осматриваясь ходатайствовалъ о награжденіи главнаго правителя колоніи, капитана 1го ранга Тебенъкова, снаряжавшаго экспедицію Гаврилова, самого Гаврилова и экипажа бывшаго въ оной. Что же касается до стоимости этой экспедиціи, то она простирается въ 5.435 руб.“ За симъ графъ Нессельроде, въ докладѣ своемъ отъ 15го декабря 1846 года, излагаетъ государю императору: „Повелѣніе вашего величества предсѣдателемъ главнаго правленія Россійско-Американской компаніи барономъ Врангелемъ въ точности исполнено; устье рѣки Амуръ оказалось недоступнымъ для мореходныхъ судовъ, ибо глубина на ономъ отъ 1½ до 3½ футовъ и Сахалинъ полуостровъ; почему рѣка Амуръ не имѣетъ для Россіи никакого значенія.“

На этомъ докладѣ государь написалъ: „Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить; лицъ пославшихся къ Амuru наградить.“

II.

Вопросъ объ Амурѣ былъ, казалось, погребенъ на рѣку. Не такъ думалъ молодой офицеръ наименованный въ исходѣ 1847 года командиромъ военнаго транспорта *Байкал*, назначавшагося къ выѣзду изъ Кронштадта въ Охотское море осенью 1848 года, съ порученіемъ доставить въ Петропавловскъ комиссаріатскій, кораблестроительный и артиллерійскій запасы. Тщательно изучивъ путешествія Лаперуза, Браутона, Крузенштерна, онъ пришелъ къ убѣжденію что сдѣланные изъ этихъ путешествій выводы о недоступности устьевъ Амурса по меньшей мѣрѣ послѣдны и что новое тщательное изслѣдованіе Амурскаго лимана есть дѣло настоятель-

ной необходимости. Явившись къ только назначенному тогда генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, Невельской разсказъ ему свои соображенія.

„Выслушавъ, говоритъ онъ въ *Запискахъ*, со вниманіемъ мои доводы, Н. Н. Муравьевъ, изъявая полное сочувствіе къ моему предложенію, выразилъ что онъ съ своей стороны постарается употребить все средства къ его осуществленію. При передачѣ этого моего разговора съ генералъ-губернаторомъ его свѣтлости князю А. С. Меншикову я просилъ: не признается ли возможнымъ употребить вѣрховный нашъ транспортъ для изслѣдованія устья рѣки Амуръ и ея лимана и на описъ юго-восточнаго берега Охотскаго моря, показываемаго на морскихъ картахъ точками. На это его свѣтлость замѣтилъ что по позднему выходу транспорта, „дай Богъ чтобы вы пришли въ Петропавловскъ къ осени 1849 года“, что сумма денегъ ассигнована на плаваніе транспорта только на одинъ годъ, „сдѣлательно у васъ не будетъ ни времени, ни средствъ къ исполненію этого порученія“. Кроме того, подобное предпріятіе, какъ изслѣдованіе устья рѣки Амуръ, не принесетъ никакой пользы, ибо положительно доказано что устье этой рѣки закрыто мелями, въ чемъ убѣжденъ и государь императоръ; наконецъ, возбужденіе вопроса объ описи устья рѣки Амуръ, какъ рѣки китайской, повлечетъ къ непріятной перелискѣ съ Китайскимъ правительствомъ а графъ Нессельроде на это никакъ не согласится и не рѣшится представить государю. „Поэтому, оказалъ князь, нечего думать о томъ что невозможно, а надобно вамъ стараться снабдить наши сибирскіе порты по возможности блажовременно, ибо, по послѣднимъ донесеніямъ ихъ начальниковъ, тамъ ощущается большой недостатокъ въ комиссаріатскихъ и кораблестроительныхъ матеріалахъ и запасахъ.“ Изъ этого замѣчанія князя Меншикова я видѣлъ что главная причина къ отстраненію моего предложенія заключалась въ томъ что не будетъ времени къ исполненію его; испрашивать же особыхъ средствъ для этого нельзя, по нежеланію вступать объ этомъ въ сношеніе съ Китаемъ. Сдѣлательно, чтобы имѣть надежду достигнуть предполагаемой мною цѣли, необходимо было удалять эти препятствія, т.-е. а) постараться, чтобы транспортъ могъ придти въ Камчатку въ нашъ мѣсяцъ и къ июню можно было бы сдать весь

грузъ въ Петропавловскѣ, т.-е. чтобы все лѣто 1849 года было свободно, а сдѣловательно, чтобы и времени и оумы назначенной для жаванія транспорта было достаточно для изслѣдованія устья рѣки Амуръ и ея лимана и 6) чтобы это изслѣдованіе было произведено какъ бы случайно, при описи юго-восточнаго берега Охотскаго моря, сдѣланнаго съ Амурскимъ лиманомъ. Къ достиженію вышеупомянутыхъ цѣлей приступилъ я немедленно.“

Съ энергіей принявшись за дѣло, побѣдиль массу затрудненій и мелкихъ несприятностей, Невельской достигъ того что транспортъ около 20го августа былъ готовъ къ выходу изъ Кроунштадта. Предъ отъѣздомъ онъ составилъ по порученію князя Меньшикова для себя инструкцію, въ которой значилось: „и по сдачѣ грузовъ въ Петропавловскѣ сдѣлать въ Охотское море, описать его юго-восточный берегъ до лимана рѣки Амура; изслѣдовать лиманъ этой рѣки и ея устье и описать сѣверо-восточную часть Сахалина“.

„Прочитавъ этотъ проектъ, прибавляетъ Невельской, князь вычеркнулъ лиманъ и устье рѣки Амуръ, а вмѣсто этого написалъ: „и осмотрѣть юго-восточный берегъ Охотскаго моря между тѣми мѣстами которыя были опредѣлены или усмотрѣны прежними мореплавателями“, и при томъ сказалъ мнѣ что исполненіе мною распоряженій генералъ-губернатора должно ограничиваться лишь предѣлами этой инструкціи, въ противномъ случаѣ я подвергаюсь строжайшей отвѣтственности. На это я сказалъ князю что мысы Ромберга и Головачева опредѣлены Крузенштерномъ и около этихъ мѣстъ существуютъ сильныя теченія, которыя могутъ увлечь транспортъ въ лиманъ рѣки Амура и поэтому я буду имѣть случай осмотрѣть оный и устье рѣки. „Это“, отвѣчалъ князь, „будетъ бесполезно, ибо, повторяю, лиманъ недоступенъ; хотя я этому не довѣряю и вслѣдствіе осознания необходимости его изслѣдованія, но нынѣ, когда рѣшено что этотъ край принадлежитъ Китаю, безъ высочайшаго повелѣнія сдѣлать этого невозможно и вы подвергались бы за это строжайшей отвѣтственности. Впрочемъ, если подобный осмотръ будетъ произведенъ случайно, безъ какихъ-либо несчастій, то-есть потери людей или судна и безъ улуценія возложеннаго на васъ порученія: описи и изслѣдованія Константиновскаго залива и окрестныхъ съ нимъ береговъ, куда предполагается пере-

„вести Охотскій портъ,—то можетъ-быть обойдется и благополучно. Давная вамъ инструкция сообщена генералъ-губернатору Муравьеву. Съ Богомъ, хлопчите скорѣе выйти изъ Кронштадта, я вами доволенъ, но чиновники весьма сердиты на васъ и безпрестанно жаловались генералъ-интенданту.“

Черезъ восемь мѣсяцевъ и 23 дня по выходѣ изъ Кронштадта транспортъ *Бейка* вошелъ въ Аваганскую губу и сталъ на якорь въ Петропавловской гавани. Въ Петропавловскѣ Невельской получила секретное письмо Н. Н. Муравьева, извѣщавшее что онъ ходатайствуетъ о высочайшемъ утвержденіи инструкции составленной имъ для Амурской экспедиціи. Въ тотъ съ тѣмъ Муравьевъ уведомлялъ что ближайшимъ лѣтомъ посѣтитъ Петропавловскій портъ и на обратномъ пути думаетъ встѣтиться съ Невельскимъ въ Амурскомъ лиманѣ.

„Не получивъ такимъ образомъ, говоритъ авторъ *Записокъ*, въ Петропавловскѣ примаго повелѣнія идти къ описи береговъ признававшихся китайскими, а получивъ только лишь копію съ инструкции на эту опись, которая могла быть и не утверждена, я дабы не терять времени и сознавая всю важность этихъ изслѣдованій рѣшился идти изъ Петропавловска прямо къ Сахалину и въ Амурскій лиманъ; почему, имѣя въ виду необходимость въ скорѣйшемъ приготовленіи для предстоящаго труднаго плаванія транспорта, я счелъ своимъ долгомъ предварить объ этомъ гг. офицеровъ, доказавшихъ уже на дѣлѣ свою благородную ревность и усердіе къ службѣ. Призвавъ ихъ къ себѣ въ каюту, я объяснилъ имъ сущность Амурскаго вопроса, важность для Россіи справедливаго его разрѣшенія, обуславливавшаго значеніе для насъ при-Амурскаго края, и объявилъ имъ что изъ Петропавловска мы должны какъ возможно скорѣе слѣдовать къ Сахалину и въ Амурскій лиманъ, чтобы достигнуть упомянутой цѣли и что я вполнѣ увѣренъ что каждый изъ насъ готовъ переносить всѣ опасности и трудности, которыя неминуемо мы должны встрѣтить при достиженіи этой цѣли. „Господа“, сказалъ я имъ, „на вашу долю выпала столь важная миссія и я надѣюсь что каждый изъ насъ честно и благородно исполнитъ при этомъ долгъ свой предъ отечествомъ. Нынѣ же я прошу васъ энергически содѣйствовать мнѣ къ

скорѣйшему выходу отсюда транспорта. Все что я вамъ объявляю должно оставаться между нами и не должно быть оглашаемо.“

Рѣшимость увѣчалась успѣхомъ. Послѣ 42дневнаго плаванія въ лиманѣ предприимчивымъ изсѣдователямъ удалось сдѣлать важныя открытія. Оказалось что Сахалинъ островъ, отдѣляющійся отъ материка проливомъ въ четыре мили шириной и имѣющимъ наименьшую глубину пять саженъ; что входъ въ рѣку Амуръ съ сѣвера изъ Охотскаго моря и съ юга — изъ Татарскаго залива, а также что сообщеніе чрезъ Амурскій лиманъ морей Японскаго и Охотскаго доступны для мореходныхъ судовъ; что на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря находится обширный, закрытый отъ вѣтровъ вѣтровъ рейдъ.

Находясь въ этомъ рейдѣ путешественники усмотрѣли вдали черное пятно. Это была байдара ялаторщика корпуса штурмановъ Орлова, посланнаго Россійско-Американскою кампаніей разыскать транспортъ *Байкалъ*, о которомъ уже развѣсса было саухъ что онъ погибъ. Вместе съ тѣмъ Орлову поручено было вступить въ торговые сношенія съ обитающими на берегахъ Тулгусами и Гуляками. Приплывъ Орлова на свой транспортъ Невельской направилась въ Аянъ, куда и прибыла 3го сентября.

Едва успѣли бросить якорь какъ на вѣлботѣ присталъ къ транспорту М. С. Корсаковъ и объявилъ о присутствіи въ Аянѣ генераль-губернатора, а вслѣдъ затѣмъ немедленно вышелъ на встрѣчу имъ на катерѣ и самъ генераль-губернаторъ со всѣмъ своимъ штабомъ; не приставая еще къ транспорту, онъ спросилъ Невельскаго, откуда онъ явился. Невельской радостно отвѣчалъ: „Сахалинъ островъ, входъ въ лиманъ и рѣку Амуръ возможны для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга. Вѣковое заблужденіе положительно развѣяно. Истина обнаружилась; доношу объ этомъ его свѣтлости для представленія государю, а вынѣ вашему превосходительству.“ „Въ маленькой моей каютѣ, прибавляетъ авторъ *Записокъ*, собрались около генераль-губернатора всѣ его спутники и съ любопытствомъ саушали меня о нашемъ плаваніи и сдѣланныхъ нами открытіяхъ, которыя были совершенно противоположны показаніямъ карты имѣвшей-ся тогда въ Аянѣ.“

Отвеза транспортъ въ Охотскъ Невельской сдалъ его, а самъ отправился чрезъ Якутскъ и Иркутскъ въ Петербургъ.

гда донесеніе его возбуждало большія сомнѣнія, а отправленіе безъ разрѣшенія изъ Камчатки въ Амурскій лиманъ признаваемо было дерзкимъ и подлежащимъ наказанію. Эпизодъ о хожденіяхъ Невельскаго по петербургскимъ властямъ такъ интересенъ что заслуживаетъ быть приведеннымъ вполнѣ.

„По прибытіи, говоритъ онъ, въ Петербургъ, 28го января 1850 года, я явился къ князю Меншикову и представилъ ему всѣ чистые и черновые журналы и карты нашихъ исследованийъ и открытій, а вмѣстѣ съ этимъ и рапортъ Н. Н. Муравьева о томъ что въ виду отъланнаго мною открытія, въ навигацію же 1850 года необходимо занять устье рѣки Амуръ 70ю человѣками воинскихъ чиновъ. Для исполненія этого Н. Н. Муравьевъ просилъ князя Меншикова о назначеніи меня въ его распоряженіе. Его свѣтлость принялъ меня весьма благожелательно и объявилъ что хотя государь императоръ, довольный весьма смѣлымъ моимъ поступкомъ, простилъ меня за то что я, не получивъ еще его повелѣнія, рѣшился идти къ устью рѣки Амуръ и въ ея лиманъ, но графъ Нессельроде и большинство членовъ особаго комитета, котораго графъ предсѣдателемъ, обвиняли меня за такую дерзость* и изъявляютъ его величеству сомнѣніе въ справедливости моихъ открытій, на томъ основаніи что „они совершенно противорѣчатъ докладу графа Нессельроде и донесенію барона Врангеля, въ походѣ 1846 года, о томъ же предметѣ, а равно и донесеніямъ нашей миссіи въ Пекинъ“. На это я отвѣчалъ князю что такое заключеніе графа Нессельроде и большинства комитета, какъ онъ изволитъ увидѣть изъ представляемыхъ ему документовъ, совершенно ошибочное и для меня и всѣхъ моихъ въ этомъ дѣлѣ сотрудниковъ оскорбительное. „Кромѣ того“, сказалъ я, „правительство всегда можетъ повѣрить въ какой степени справедливы мои донесенія вашей свѣтлости, доведенныя до высочайшаго воззрѣнія, и если они окажутся согласными съ мнѣніемъ графа Нессельроде и большинства комитета, то я подвергаюсь строжайшей отвѣтственности, гораздо больше той каковую они уже опредѣлили, а потому почтительнѣйше прошу вашу свѣтлость защитить меня и моихъ сотрудниковъ отъ подобныхъ нареканій“.

„Съ особымъ вниманіемъ князь А. С. Меншиковъ разсматривалъ карты и журналы и выслушивалъ объясненія мои о причинахъ по которымъ весьма легко могли впасть въ ошибки мои знаменитые предшественники и выводить таковыя же ошибочныя заключенія объ этихъ мѣстахъ. Затѣмъ князь объявилъ мнѣ что онъ вполнѣ увѣренъ въ справедливости моихъ открытій и важности оныхъ и вполнѣ

* Именно желали разжалованія.

раздѣляетъ мнѣніе Н. Н. Муравьева о необходимости немедленнаго занятія устья рѣки Амуръ и наконецъ что министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій вполне этому сочувствуетъ, но въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, въ которомъ представленіе Н. Н. Муравьева будетъ разсматриваться и куда меня вѣроятно потребуютъ для объясненій, встрѣтится огромное противодѣйствіе этому дѣлу; почему князь и предлагалъ мнѣ быть готовымъ къ этому и быть съѣзжимъ въ комитетъ въ объясненіяхъ, а равно приказалъ мнѣ немедленно явиться къ Л. А. Перовскому и объяснить ему все то что я ему говорилъ, „ибо въ комитетѣ“, прибавилъ князь. „одни только мы съ Перовскимъ будемъ отстаивать васъ и представленіе Муравьева о необходимости немедленнаго занятія устья рѣки Амуръ“.

„На другой день я явился къ Льву Александровичу Перовскому: онъ принималъ меня съ полнымъ радушіемъ и сочувствіемъ къ этому дѣлу. Выслушавъ со вниманіемъ мои объясненія, онъ оказалъ: „Къ несчастію, графы Нессельроде и Чернышевъ, а за ними Сеньявинъ (директоръ Азіатскаго департамента) и Бергъ—члены комитета въ которомъ будетъ разсматриваться представленіе Н. Н. Муравьева,—совершенно иного мнѣнія. Они, опираясь на донесенія нашей миссіи изъ Пекина и донесеніи Врангеля, уверяютъ государя что ваше донесеніе ошибочно и опасаются столкновенія съ Китайцами, которые будто бы имѣютъ на рѣкѣ Амуръ огромную силу и коѣности, весьма достаточныя для огражденія отъ вторженія въ рѣку съ моря. Васъ призовутъ въ этотъ комитетъ и вы должны быть готовы выдержать сильную атаку со стороны графа Чернышева и Нессельроде, которые сердаты на васъ и на Муравьева за то что онъ, вопреки высочайшему повелѣнію, оставилъ экспедицію Ахтѣ и за то что совершенно безъ ихъ участія высочайше утверждено было разрѣшеніе вамъ на опись рѣки Амуръ и ея лимана“.

„Такой пріемъ и объясненія со стороны князя Меншикова и Л. А. Перовскаго весьма естественно возбудили во мнѣ энергію и силу чтобы бороться со всѣми случайностями при достиженіи предположенной цѣли. Съ такими чувствами, 2го февраля 1850 года, я и явился въ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, въ которомъ высочайше повелѣно было разсмотрѣть упомянутое представленіе Н. Н. Муравьева.

„Графъ Чернышевъ объяснилъ мнѣ, какому бы строгому наказанію я долженъ былъ подвергнуться за опись лимана и устья рѣки, не получивъ еще на то высочайшаго соизволенія и предписанія князя Меншикова. Затѣмъ какъ онъ, такъ равно графъ Нессельроде и Сеньявинъ сказали что они, полагаясь на знаменитый европейскій авторитетъ многихъ предшественниковъ и на донесеніе столь же знаменита-

го адмирала Врангеля, увѣрены что я ошибся при своихъ изслѣдованіяхъ лимана и устья рѣки. Наконецъ, они изъяснили удивленіе, какимъ образомъ возможно впадать устье рѣки съ такою ничтожною силой (70 человѣкъ) какъ представляетъ Муравьевъ, когда имъ положительно извѣстно что рѣка охраняется большою китайскою силой.

„На это, поддерживаемый княземъ Меншиковымъ и Л. А. Перовскимъ, я съ почтеніемъ отвѣчалъ: „Отправясь изъ Петропавловска къ описи лимана, я исполнилъ вѣрно поставленный долгъ мой. Миловать и вызывать за это меня можетъ только одинъ государь“. Затѣмъ, объяснивъ имъ всѣ неблагопріятныя обстоятельства и случайности, по которымъ могли мои знаменитые предшественники придти къ фальшивымъ заключеніямъ, я сказалъ: „мнѣ и моимъ сотрудникамъ Богъ помогъ разсѣять эти заблужденія и раскрыть истину. Все что я доному также вѣрно какъ вѣрно то что я стою здѣсь. Что же касается до китайской силы, то свѣдѣнія объ этомъ, доставляемыя миссіей изъ Пекина, неправильны. Не только китайской силы, но и малѣйшаго китайскаго правительственнаго вліянія тамъ не существуетъ. Инородцы (Гиляки) тамъ обитающіе находятся въ самомъ дикомъ состояніи и вовсе не воинственны, и я полагаю что не только съ 70ю, но и съ 25ю человѣками ихъ можно держать въ порядкѣ. Инородцы эти считаютъ себя отъ Китая независимыми и весь этотъ край, при настоящихъ открытіяхъ, т.-е. возможности проникнуть въ оный съ юга, изъ Татарскаго залива, можетъ сдѣлаться добычей всякаго смѣлаго пришельца, если мы, согласно представленію генералъ-губернатора, не примемъ нынѣ же рѣшительныхъ мѣръ. Я сказалъ все, и правительство въ справедливости мною сказаннаго можетъ легко удостовѣриться.“ Заимъ князь А. С. Меншиковъ объяснилъ что онъ тщательно разсматривалъ всѣ мои, даже черновые журналы и находить что открытія мои справедливы, а потому онъ, а заимъ и Л. А. Перовскій полагали крайне необходимымъ не только утвердить представленіе Н. Н. Муравьева, но усилить наши дѣйствія тщательнымъ наблюденіемъ за лиманомъ, рѣкой Амуръ и берегами Татарскаго залива, посредствомъ крейсерства тамъ военнаго судна.

„Между тѣмъ большинство членовъ комитета и въ особенности графы Нессельроде и Чернышевъ, въ виду упомянутыхъ причинъ, а главное—опасенія чтобы не имѣть непріязненныхъ столкновеній съ Китайцами, полагали держаться состоявшагося высочайшаго повелѣнія 15го февраля 1849 года, т.-е. основать зимовье на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, для того чтобы Россійско-Американская компанія могла производить тамъ расторжку съ Гиляками. Вслѣдствіе этого 3го февраля 1850 года и послѣдовавшее высочайшее повелѣніе на имя генералъ-губернатора:

„1) Въ заливѣ Счастья или въ какой-либо мѣстности на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, но отаудъ не въ лиманѣ, а тѣмъ болѣе на рѣкѣ Амурѣ, основать зимовье.

„2) Въ зимовьѣ тѣмъ Россійско-Американской компаніи производить расторжку съ Гиляками, не же *подъ какими са-
домъ и предлагалъ не касаться земли и рѣки Амура.*

„3) Для основанія этого зимовья, а равно и для охраненія оного, взять 25 человекъ матросовъ и казаковъ изъ Охотска.

„4) Исполненіе этого произвести подъ наблюденіемъ и по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ котораго и должны состоять всѣ дѣйствія этой экспедиціи.

„5) Для приведенія въ исполненіе на мѣстѣ этого повелѣнія, а равно и для избранія мѣста для зимовья, командировать въ распоряженіе генералъ-губернатора капитана 1го ранга Невельскаго.

„Въ тотъ же день, на основаніи положенія о Сибири, я былъ произведенъ въ сѣдующій чинъ капитана 1го ранга и назначенъ для особыхъ порученій къ генералъ-губернатору.“

Съ такою инструкціей Невельской вернулся въ мартѣ 1850 года въ Иркутскъ, явился къ Муравьеву и не теряя времени отправился въ Алязъ, а оттуда на транспортѣ *Охотскъ* въ заливъ Счастье, гдѣ ждалъ его неутомимый Орловъ. Осмотрѣвъ берегъ въ іюлѣ они zaloжили зимовье, которое и наименовали Петровскимъ. Но мѣстность эта и весь заливъ Счастья не представляли достаточныхъ удобствъ: заливъ запертъ льдомъ до іюня и безъ вытаскиванія на берегъ судовъ зимовать здѣсь нельзя. По этимъ причинамъ Невельской рѣшился изсѣдовать вѣтъ ли близъ устья Амура болѣе удобной мѣстности для зимовья судовъ. Онъ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться въ какое время являются въ Татарскомъ заливѣ и не подходятъ ли къ лиману иностранныя суда, которыя могли бы предупредить Россію въ занятіи мѣстѣ, по убѣжденію его такъ важныхъ для нашего отечества. 12го іюля онъ вошелъ въ Амуръ и поднялся вверхъ до селенія Тыръ. „Подойдя, говоритъ онъ, къ мысу Тыръ, я увидѣлъ на берегу нѣсколько Манджуровъ и толпу инородцевъ, Гиляковъ и Мангузовъ, до 200 человекъ; они ловидимому были озадачены появленіемъ нашей шлюпки. Выйдя здѣсь на берегъ въ сопровожденіи переводчиковъ Позвейна и Аеанасія, я подошелъ къ старшему изъ Манджуровъ, котораго Гиляки

называли джангинъ, что значитъ богатый старикъ, купецъ; этотъ Манджуръ сидѣлъ съ важностью на обрубкѣ дерева и тѣмъ показывалъ свое начальническое вліяніе на окружавшую его толпу Манджуровъ и инородцевъ. Онъ важно и дерзко спросилъ меня, зачѣмъ и по какому праву я пришелъ сюда. Въ свою очередь и я спросилъ Манджура, зачѣмъ и по какому праву онъ здѣсь находился. На это Манджуръ еще съ большею дерзостью отвѣчалъ что никто изъ постороннихъ, кромѣ ихъ, Манджуровъ, не имѣетъ права являться въ эти мѣста. Я возразилъ ему что такъ какъ Русскіе имѣютъ полное и единственное право быть здѣсь, то я требую чтобы онъ, Манджуръ, съ своими товарищами, Манджурами, немедленно оставилъ эти мѣста. На это Манджуръ, указывая на окружавшую его толпу, потребовалъ отъ меня чтобы я удалился, и что въ противномъ случаѣ онъ принудитъ меня сдѣлать это силой, ибо никто, безъ дозволенія ихъ, Манджуровъ, не можетъ сюда являться. Вмѣстѣ съ этимъ онъ далъ знакъ окружавшимъ его Манджурамъ чтобы они приступили къ исполненію его требованія. Въ отвѣтъ на эту угрозу, я выхватилъ изъ кармана двухствольный пистолетъ и, направивъ его на Манджура, объявилъ что если кто-либо осмѣлится пошевелиться чтобы исполнить это дерзкое требованіе, то въ одно мгновеніе его не будетъ на свѣтѣ. Вооруженные матросы, по моему знаку, немедленно явились ко мнѣ. Такой совершенно неожиданный для всѣхъ поступокъ такъ ошеломилъ всю эту толпу, что Манджуры сейчасъ же отступили, а инородцы, отдѣлившись отъ нихъ, начали смѣяться надъ ихъ трусостью и видимо были довольны этимъ дѣйствіемъ, давая тѣмъ знать что они будутъ на моей сторонѣ. Джангинъ лобѣднѣлъ, немедленно соскочилъ съ своего мѣста и кланяясь мнѣ, объяснилъ что желаетъ со мною быть въ дружбѣ и проситъ меня къ себѣ въ палатку, въ гости. Я согласился и узналъ отъ него: 1) что имъ запрещено спускаться сюда по рѣкѣ Амуръ, что они бывають здѣсь самовольно, съ вѣдома только лишь мелкихъ чиновниковъ города Сень-Зина (около 300 верстъ отъ устья Сунгари), за что этимъ чиновникамъ они даютъ взятку себолями, которыхъ вымѣнивають у Гилаковъ, Гольди и Мангуновъ на товары и большею частію на водку (араки); 2) что на всемъ пространствѣ по берегамъ рѣки Амура, до Каменныхъ горъ (Хинганъ), нѣтъ ни одного

китайскаго и манджурскаго поста; что всѣ народы обитающіе на этомъ пространствѣ, по рѣкамъ Амуру и Уссури до моря, не подвластны Китайскому правительству и ясака не платятъ, и 3) что рѣка Амуръ при устьяхъ впадающихъ въ нее рѣкъ Сунгари и Уссури, а равно и эти послѣднія открываются отъ льда гораздо ранѣе чѣмъ рѣка Амуръ въ этихъ мѣстахъ.“

Отъ Гилляковъ и Мангунъ Невельской узналъ что съ ранею весной ежегодно приходятъ въ Татарскій заливъ большія суда, останавливаются у береговъ, берутъ насильно у жителей рыбу и дѣлаютъ разныя безчинства. Воспользовавшись этими свѣдѣніями, Невельской объявилъ Манджурамъ и инокорцамъ что хотя Русскіе давно здѣсь не бывали, но всегда считали рѣку Амуръ отъ Каменныхъ горъ (Хингана), а равно и всю страну до моря съ островомъ Сахалиномъ своею принадлежностью; нынѣ же имѣютъ въ виду принять мѣры противъ насилій чинимыхъ приходящими въ страну иностранными судами и для этой цѣли намѣрены поставить вооруженные посты въ заливъ Искай (Счастіа) и при устьѣ Амура. Обитающихъ въ краѣ жителей, прибавилъ Невельской, Русскій великій царь принимаетъ отнынѣ подъ свое высокое покровительство и защиту, „о чемъ я, какъ посланный сюда отъ царя для этой цѣли, и объявляю. Для того же чтобы было извѣстно это и иностраннымъ судамъ приходящимъ къ берегамъ этого края я приказываю предъявлять имъ мое объявленіе.“ Объявленіе переданное Гиллякамъ и Манджурамъ было такого содержанія:

„Отъ имени Россійскаго правительства симъ объявляется всѣмъ иностраннымъ судамъ плавающимъ въ Татарскомъ заливѣ, что такъ какъ побережье этого залива и весь при-Амурскій край до Корейской границы съ островомъ Сахалиномъ составляютъ русскія владѣнія, то никакія здѣсь самовольныя распоряженія, а равно и обиды обитающимъ инокорцамъ не могутъ быть допускаемы. Для этого нынѣ поставлены русскіе военные посты въ заливъ Искай и на устьѣ рѣки Амуръ. Въ случаѣ какихъ-либо нуждъ или столкновеній съ инокорцами, нижеподписавшійся, посланный отъ правительства уполномоченнымъ, предлагаетъ обращаться къ начальникамъ этихъ постовъ.“

Объявленіе произвело самое благопріятное дѣйствіе. И инокорцы, и Манджуры немедленно стали обращаться къ Рус-

скимъ съ просьбами разобрать ихъ жалобы и слоры. Уладивъ дѣло къ обоюдному удовольствію, Невельской двинулся до мыса Куегда, и здѣсь 1го августа 1850 года „помолясь Господу Богу, въ присутствіи собравшихся изъ окрестныхъ деревень Гиляковъ и при салютѣ изъ фалконета и ружей, поднялъ русскій военный флагъ.“ Новый постъ былъ названъ Николаевскимъ. Оставивъ здѣсь небольшую команду изъ шести матросовъ, Невельской на оленяхъ переправился въ Петровское, гдѣ и предъявлялъ стоявшимъ на рейдѣ гамбургскому и американскому китобоямъ такое же объявленіе о принадлежности Россіи при-Амурскаго края и Сахалина.

О своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ Невельской, по прибытіи въ Аянъ, послѣдшилъ довести генераль-губернатору.

„Изъ этого, пишеть онъ, ваше превосходительство умотрите что оставаясь въ Петровскомъ и дѣйствуя только лишь въ предѣлахъ даннаго мнѣ высочайшаго повелѣнія, опасенія мои, выраженные вамъ еще въ 1849 году о возможной потерѣ для Россіи навсегда при-Амурскаго края, если при настоящихъ открытіяхъ мы не будемъ дѣйствовать рѣшительно, могутъ легко осуществиться. Представленные мною факты подтверждаютъ эти опасенія. Поэтому вся моральная отвѣтственность предъ отечествомъ пала бы справедливо на меня, еслибы въ виду этихъ фактовъ я не принималъ всевозможныхъ мѣръ къ отстраненію этого.

„Осмѣлываюсь уловить что при ходатайствѣ вашего превосходительства, государь императоръ милостиво воззреть на его вѣрноподданнаго, осмѣлившагося преступить его высочайшее повелѣніе, при уломянутыхъ обстоятельствахъ.“

Вскорѣ послѣ полученія донесенія Невельскаго о его дѣйствіяхъ, генераль-губернаторъ уѣхалъ въ Петербургъ, распорядившись чтобъ и Невельской, по прибытіи въ Иркутскъ, немедленно слѣдовалъ за нимъ. Невельской прибылъ въ сѣверную столицу въ то время когда его донесеніе было передано на разсмотрѣніе особаго комитета подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде. Муравьевъ, князь Меншиковъ, Перовскій защищали дѣйствія Невельскаго; большинство членовъ комитета и въ особенности Нессельроде и военный министръ графъ Чернышевъ признали дѣйствія эти крайне дерзкими, требующими строгаго наказанія (требовали разжалованія), такъ какъ „они

противны высочайшей воли и кромѣ того могутъ имѣть вредное вліяніе на дружескія отношенія наши съ Китаемъ и на выгодную для насъ хянтинскую торговлю“.

Не такъ взглянулъ на дѣло государь. Выслушавъ докладъ Н. Н. Муравьева, сдѣланный въ особо испрошенной аудіенціи, государь отозвался что „поступокъ Невельскаго находить молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ“, пожаловалъ Невельскому орденъ Св. Владиміра 4й степени, на докладъ комитета написалъ: „собраться вновь подъ предѣтельствомъ государя насаждѣнника“ и прибавилъ: „гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ.“

Состоявшееся въ комитетѣ рѣшеніе далеко не удовлетворяло всѣмъ желаніямъ предпріимчиваго моряка, сдѣлавшаго Амурскій вопросъ цѣлью своей жизни, но упрочивало по крайней мѣрѣ существованіе экспедиціи, названной Амурскою и снабженной средствами, хотя и очень скромными. Николаевскій постъ рѣшено было сохранить въ видѣ ланки Россійско-Американской компаніи, но никакихъ дальнѣйшихъ распространеній въ странѣ не предпринимать и отнюдь никакихъ мѣстъ не занимать.

III.

Послѣ длиннаго переѣзда, съ молодою отважною супругой, съ которою обвѣнчался проѣздомъ изъ Петербурга въ Иркутскъ, Невельской въ исходѣ іюня 1851 года вновь прибылъ въ Аяль, откуда немедленно съ транспортомъ *Байкачъ* и компанейскимъ кораблемъ *Шелеховъ* отправился въ заливъ Счастія, подвергнувшись въ виду берега опасности затонуть съ непрочною компанейскимъ кораблемъ, обморожившимъ внезапно сильную течь и почти развалившимся на мели, куда былъ направленъ для спасенія команды.

Началась дѣятельность продолжительная, тяжелая, среди пустынного края, всяческихъ лишеній и опасностей. Пришлось прежде всего устроиваться на зиму. „Къ половинѣ октября, пишетъ Невельской, въ Николаевскомъ были готовы двѣ юрты, обсаженные застѣжками, а въ Петровскомъ—флагель въ три сажени ширины и пять сажень длины для нашего помѣщенія. Само собою разумѣется что все это дѣлалось изъ лѣса прямо съ корня; лечи же или лучше сказать чуламы (въ родѣ камиковъ) были или обиты изъ глины, или

сложены изъ сыраго кирпича, безо всякихъ оборотовъ, съ пролетомъ на прямую. Ясно что жить въ подобныхъ хоромахъ было далеко не комфортабельно; во время метелей (пургъ), случавшихся нерѣдко на открытой кошкѣ, воѣ стреленія были заметаемы снѣгомъ, такъ что попадать въ нихъ не иначе было возможно какъ чрезъ чердаки. Много стоило труда чтобы разгрести окна для свѣта и двери для входа; прибавьте еще къ этому что мы были окружены въ нѣсколько разъ превышавшимъ насъ по численности дикимъ народомъ, у котораго воѣ и физическая сила составляють единственное право. Ближайшій къ намъ, нѣсколько-нибудь цивилизованный пунктъ—Аля въ лежалъ въ 1000 верстахъ пустыннаго и бездорожнаго пространства, по которому Тунгусы, верхомъ на оленяхъ, едва могли добираться въ пять или шесть недѣль. Несмотря на все это и на различныя лишенія и недостатки въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ для цивилизованнаго человѣка, офицеры и команда, по примѣру образованной и молодой женщины, моей жены, заброшенной судьбой въ эту ужасную пустыню и раздѣлявшей наравнѣ съ нами, безо всякаго ропота, всѣ эти лишенія и опасности, переносили ихъ твердо и бодро, сознавая долгъ свой и пользу отъ ихъ трудовъ для отечества.“

Единственнымъ развлеченіемъ было лѣтомъ катанье по заливу на лодкахъ, а зимой на собакахъ, причемъ воѣ одѣвались въ оленьи парки (родъ стихаря).

Весьма скоро установились наилучшія отношенія съ инородцами. Въ началѣ готовилась было возстаніе нѣсколькихъ селеній, подстрекаемыхъ маньчжурскими кулаками-кулаками, обиравшими и слаивавшими Гилаковъ, но было немедленно энергически предупреждено. А ласковое обращеніе съ пріѣзжавшими на посты, уваженіе къ ихъ обычаямъ*, вниманіе къ жалобамъ—постепенно расположили инородцевъ въ пользу Русскихъ. „Видѣть съ тѣмъ, наши пушки, вооруженный видъ командъ, обычная церемонія при подъемѣ и спускѣ военнаго флага и наконецъ

* Слѣдуетъ замѣтить, что у нихъ было не выносить изъ зорна огня и ложиться на моры, которыя окружали стѣны ихъ юртъ, непрямою головой не къ стѣнѣ, какъ обыкновенно у насъ принято, а отъ стѣны, и другія подобныя мелочи.

совершавшаяся каждое воскресенье и праздникъ молитва, при которой дозволялось имъ присутствовать, поселяли къ нимъ страхъ, уваженіе и убѣжденіе что мы пришли къ нимъ не съ тѣмъ чтобы ихъ поработать, какъ старались заставить имъ кулаки-Манджуры, но, напротивъ, защищать ихъ отъ всякихъ насилій.“

Гости въ собачьихъ шкурахъ пролитанныхъ верличьимъ жиромъ стали все чаще и чаще жаловать въ Николаевское и въ особенности въ Петровское, гдѣ Екатерина Ивановна Невельская усаживала ихъ въ кружокъ на полъ, около большой чашки съ кашей или чаемъ. „Они наслаждались подобными угощеніемъ, весьма часто трепали хозяйку по плечу, посылая ее то за тамчи (табакъ), то за чаемъ.“ Радущимъ приемъ развязывалъ языки гостямъ: они разказывали о положеніи края, о рѣкахъ, дорогахъ по которымъ они ѣздили на нартахъ и въ лодкахъ. „При вопросѣ о разстояніи между пунктами, Гилакъ чертилъ на полу мѣломъ или углемъ палки, означавшія число вочей, которыя надобно снать, чтобы слѣдуя на собакахъ, или въ ихъ лодкѣ, достигнуть извѣстнаго мѣста.“

„Инокроды вообще, замѣчаетъ авторъ *Zinnich's*, живутъ значительными селеніями (отъ 15 до 200 душъ и болѣе); эти селенія состоятъ изъ юртъ, въ родѣ большихъ сараевъ, по стѣнамъ которыхъ устроены широкія теплыя нары, нагрѣваемые идущими отъ очаговъ трубами. Посреди юрты, между четырьмя столбами, находится возвышеніе, на которомъ спятъ собаки; въ большей части юртъ находится тутъ же привязанный къ столбамъ медвѣженокъ или медвѣдь, съ которыми они забавляются. Подъ потолкомъ юрты раставлено нѣсколько жердей, на которыхъ они вѣшаютъ свою одежду и всякую рухлядь. Въ очагахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ входной двери, вмазаны котлы, въ которыхъ они готовятъ пищу и для себя, и для собакъ, и для медвѣдя. При каждой изъ таковыхъ юртъ, по берегу рѣки, устроены на возвышеніи, на столбахъ, небольшіе чуланы, служащіе для храненія запасовъ рыбы, ягодъ, кореньевъ, юколы и верличьяго жира—матеріаловъ ихъ пищи, и наконецъ противъ каждаго сарая находится нѣсколько положенныхъ на козла жердей; на эти жерди Гилачки вѣшаютъ чищеную рыбу, изъ которой мясо идетъ на пищу людей, а середина—кости—для собакъ. Рыба эта, проваленная на солидѣ, называется у нихъ юколой и составляетъ самую главную необходимость для инородца,

все равно какъ у насъ хлѣбъ и соль. Такая юрта или сарай со всѣми къ ней принадлежностями составляетъ хозяйство инородца. Сооружаетъ это хозяйство обыкновенно одно семейство, но поселиться въ юртѣ и пользоваться этимъ хозяйствомъ можетъ всякій изъ инородцевъ который не имѣетъ онаго, хотя бы то былъ пришелецъ, совершенно посторонній и незнакомый хозяину юрты. Здѣсь-то и проявляется право хозяина, именно: онъ назначаетъ число мѣстъ на нарахъ, которыя могутъ быть отведены для постороннихъ, и назначаетъ по своему усмотрѣнію работы, которыя должны исполнять въ его пользу пришельцы; онъ же наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ пришельцами самыхъ священныхъ для нихъ обычаевъ (въ родѣ религіи), состоящихъ въ томъ чтобы никто не ложился на нары головой къ стѣнѣ и чтобы никто не выносилъ изъ юрты огня. Они убѣждены что въ случаѣ неисполненія этого въ какой-либо деревнѣ, всѣ жители ея должны умереть и все уничтожиться. Неисполненіе этого обычая кѣмъ-либо изъ пришельцевъ, а равно буйство и неисполненіе обязанностей, возложенныхъ хозяиномъ, влечетъ за собой немедленное изгнаніе гостя, и въ этомъ случаѣ хозяева остальныхъ юртъ, подѣ страхомъ немедленной казни (ножомъ или утопленіемъ), не могутъ укрыть или пріютить изгнанника. Послѣ всего сказаннаго, не странно ли мнѣ было получать почти съ каждою почтой наставленія и приказанія изъ петербургскихъ канцелярій чтобы я главнымъ образомъ старался входить въ сношеніе со старшинами инородцевъ, принимавшихся въ Петербургѣ за какихъ-то вассальныхъ китайскихъ князей. Мнѣ писали чтобы я заключилъ съ ними условія, въ родѣ торговыхъ трактатовъ, какія заключаются только между образованными націями, и наконецъ чтобы подѣ строгою отвѣтственностью я отнюдь не распространялъ своихъ дѣйствій далѣе Николаевска.“

Къ осени 1852 года состояніе Амурской экспедиціи было таково:

Всей команды состояло:

Въ Николаевскомъ.....	25	человѣкъ
„ Петровскомъ.....	23	„
„ командировкѣ съ Орловымъ, Воронинымъ, Ботвакомъ и Петровымъ.....	16	„
Всего..	64	человѣка.

При экспедиціи было: 3 пушки трехфунтоваго калибра, 2 пуда пороха, $2\frac{1}{2}$ пуда свинца и 60 кремневыхъ ружей, изъ которыхъ 20 были негодны. Затѣмъ палубный, въ 29 футовъ длины, ботикъ и шестивесельный барказъ — оба выстроенные въ Петровскомъ; пятивесельный вельботъ, четверка, двѣ гиллякскихъ лодки, одна трехлючная байдарка.

„Таковы были, говорить Невельской, наши средства къ защитѣ, передвиженію и дѣйствию въ краѣ, гдѣ съ одной стороны мы были окружены дикарями, въ вѣсколько сотъ кратъ превышавшими насъ численностью и не имѣвшими ни малѣйшаго понятія о гражданственности, — дикарями, способными возстать противъ насъ при первомъ сколько-нибудь смѣломъ и разумномъ къ тому ихъ подстрекательствѣ, или при первомъ сколько-нибудь ошибочномъ или трусливомъ съ нашей стороны шагѣ. Съ другой стороны болѣе двухъ милліоновъ Манджуровъ могли легко по рѣкамъ Сунгари и Амуру выслать на насъ такую силу которая могла бы забросать насъ шалками. Всякая надежда на помощь или на отступленіе была для насъ невозможна. Ближайшій къ намъ пунктъ—Аянъ былъ отрѣзанъ отъ насъ непроходимымъ тысячеверстнымъ пустыннымъ пространствомъ. При такомъ-то положеніи намъ пришлось дѣйствовать и брать на себя всю тяжкую за то отвѣтственность... Еслибъ еще при этомъ случилось намъ потерять часть команды или возбудить непріятныя столкновенія, чего можно было ожидать каждую минуту, то не трудно себѣ представить какъ бы мы жестоко поплатились за смѣлые подвиги. Между тѣмъ мы не только не были обезпечены матеріально, но даже лишены единственной отрады для души—храма Божія; намъ отказали даже въ священникѣ.“

Зима 1852 года была тяжелымъ временемъ для Невельскаго, не только какъ для начальника горсти отважныхъ людей, почти забытыхъ, оставленныхъ безъ продовольствія на пустынномъ берегу, но и какъ для отца и мужа. Его первый ребенокъ умеръ голодною смертію. Мать сама кормить не могла, а кормилицъ не было. Запасы истощались, можно было опасаться что вся команда померетъ съ голоду.

IV.

Амурской экспедиціи для изученія и разрѣшенія предстояли три главныхъ вопроса: вопросъ пограничный, вопросъ о Сахалинѣ, и вопросъ морской—ислѣдовать устья Амура и побережья Татарскаго залива.

Для разрѣшенія перваго изъ этихъ вопросовъ—пограничнаго, надлежало изслѣдовать расположеніе Хинганскаго хребта и направленія вытекающихъ изъ него рѣкъ.

По Нерчинскому трактату (1689 годъ) границы Россіи съ Китаемъ отъ истока рѣки Уди должны идти по продолженію Хинганскаго хребта; всѣ рѣки идущія изъ Хинганскаго хребта, кромѣ текущихъ въ южномъ направленіи, должны принадлежать Россіи. Полагали что продолженіе Хинганскаго хребта отъ истока Уди идетъ къ сѣверо-востоку, почему границу считали вдоль по теченію Уди. Сдѣланное Амурскою экспедиціей (въ особенности Орловымъ) изслѣдованіе показало что продолженіе хребта идетъ къ юго-западу и слѣдовательно при-Амурскій край долженъ принадлежать Россіи. „Пограничный вопросъ, доносилъ послѣ этихъ тщательныхъ развѣдованій Невельской Муравьеву, имѣлъ разъясняется и вѣковыя заблужденія будто бы при-Амурскій край составляетъ китайскія владѣнія начинаютъ разсѣиваться. Теперь мы совершенно поняли, почему Китай не признаетъ этотъ край своею принадлежностью и оставляетъ его безо всякаго надзора: онъ строго держится трактатовъ 1689 и 1721 годовъ и потому не считаетъ этотъ край своимъ.“ Принадлежность его Китаю особенно усердно защищали только наши дипломаты.

Изслѣдованіе Сахалина выпало главнымъ образомъ на долю лейтенанта Бошняка. Изслѣдованіе это указало, между прочимъ, что Русскіе прежде всѣхъ имѣютъ право на занятіе этого острова. Лейтенантъ Бошнякъ имѣлъ слѣды пребыванія здѣсь Русскихъ и убѣдился что соотечественники наши явились на Сахалинъ гораздо ранѣе Японцевъ. Туземцы продали ему за три аршина китайки четыре листа Часовника и объяснили что жившіе здѣсь Русскіе имѣли книгу. Изъ числа этихъ листовъ одинъ былъ заглавный, на которомъ едва разборчивымъ почеркомъ было написано: „Мы,

Иванъ, Давида, Петръ, Петръ, Сергѣй и Василій высажены въ айнскомъ селеніи Тамари-Аиива Хвостовымъ 17го августа 1805 года; перешли на рѣку Тыми въ 1810 году, въ то время когда пришли въ Тамари Ялонцы.“ По свидѣтельству туземцевъ Ялонцы приходили на Сахалинъ сначала для ловли рыбы и для торговли, а потомъ устроили въ главномъ селеніи острова Тамари-Аиива и по другимъ селеніямъ склады риса и арака, которыми они платятъ за работу Аиивамъ. Для охраненія этихъ складовъ вѣсколько Ялонцевъ остаются на зимовку въ этихъ селеніяхъ. Туземцы поясняли что всѣ жители Сахалина ни китайской, ни японской власти надъ собою не признаютъ и ясака не платятъ. Точно также туземцы разказывали Бошняку что очень давно пришли на островъ и поселились на немъ Тунгусы съ рѣки Уди, которыхъ здѣсь называютъ Ороченами. Затѣмъ туземцы показали Бошняку мѣста гдѣ жили Русскіе. Видно было что они помѣщались въ трехъ избахъ и что у нихъ были огороды. Туземцы разказывали что послѣдній изъ Русскихъ, Василій, умеръ недавно, что Русскіе были хорошіе люди и вмѣстѣ съ ними ходили на рыбный и звѣриный промыслы; одѣвались такъ же какъ и туземцы, но волосы стригли.

Заявіе Сахалина, разрѣшенное наконецъ правительствомъ совершилось 22го сентября 1853 года. Приведемъ вполнѣ описаніе того знаменательнаго событія.

„Къ 8 часамъ утра, 22го сентября, корабль *Николай* подошелъ на пущечный выстрѣлъ къ берегу. Вооруженный барказъ съ десантомъ въ 25 человекъ подъ командой лейтенанта Рудановскаго находился у борта корабля обращеннаго къ морю. Я съ гг. Буссе и Бошнякомъ и съ Тунгусомъ знавшимъ ороченскій и айнскій языки отправились на вооруженной бтивесельной шлюпкѣ на берегъ. Погода была ясная, тихая и теплая. На берегу видны были три человека часовыхъ у расположенныхъ вдоль берега сараевъ.

„Едва наша шлюпка приблизилась къ берегу, какъ вдругъ изъ сараевъ выскочили Аины, предводимые четырьмя Ялонцами, размахивавшими саблями, и направились на отъѣздъ на встрѣчу шлюпкамъ. Я сейчасъ же прекратилъ греблю и приказалъ держаться на веслахъ, сдѣлавъ условный знакъ чтобы десантъ съ Рудановскимъ слѣдовалъ къ намъ. Переводчикъ сообщалъ мнѣ что Ялонцы приказываютъ Аиивамъ не допускать пристать нашей шлюпкѣ къ берегу. Тогда я чрезъ переводчика объявилъ Ялонцамъ и толпѣ Аиивовъ что мы лодка (Русскіе), пришли съ рѣки Амура, поселиться у нихъ въ Тамари для того чтобы ихъ защищать

отъ насилій командъ иностранныхъ судовъ; что мы поэтому вовсе не желаемъ дѣлать имъ чего-либо дурнаго. Если же за симъ они немедленно не разойдутся, тогда имъ будетъ худо, и у насъ для этого, какъ они видятъ, много средствъ.

„Всѣ Аины тотчасъ начали кааняться и махать ивовыми палочками концы которыхъ были расщеплены въ видѣ метелокъ, что вообще у здѣшнихъ инородцевъ означаетъ знакъ дружелюбія и гостепріимства. Затѣмъ они, идя по берегу, указывали намъ мѣсто гдѣ лучше пристать шлюпкамъ. Японцы же въ это время, вложивъ свои шлагы въ ножны, начали тоже намъ кааняться и старались объяснить что имъ приказали ихъ начальники препятствовать пристаать къ берегу нашимъ шлюпкамъ. Вслѣдъ затѣмъ какъ мы пристали къ берегу, подошелъ и нашъ барказъ съ десантомъ. Я сейчасъ же приказалъ десанту выгружать орудія на берегъ, причемъ Аины усердно помогали матросамъ.

„Вмѣстѣ съ этимъ сдѣланъ былъ съ барказа сигналъ кораблю *Николет* приготовиться къ салюту. По установленію на берегу двухъ орудій и флагштока для поднятія флага, команда выстроилась во фронтъ и я командовалъ на молитву. Помогая съ коѣнопреклоненіемъ Господу Богу, причемъ Японцы и Аины инстинктивно сняли шляпы, я вмѣстѣ съ Н. В. Буссе, при крикахъ ура и залпъ изъ ружей и орудій, поднялъ русскій военный флагъ; въ то же время команда корабля при крикахъ ура разбѣжалась по вѣстамъ и реямъ и корабль началъ салютовать флагу. Этимъ было возвѣщено въ Тамари-Аиwa окончательное водвореніе наше на островѣ Сахалинѣ. Ясная и теплая погода совершенно гармонировала мирному занятію главнаго пункта острова.

„Когда мы осмотрѣлись, то увидѣли на западной возвышенности, между кучками земли, деревянные чурбаны, выкрашенные черною краской; издали они казались батареями. Японцы держали ихъ какъ пугала для всякаго пришедшаго судна и вполнѣ были увѣрены что имъ удастся этимъ оградить неприкосновенность Тамари. По окончаніи церемоніи, я съ гг. Буссе и Бошнякомъ отправился въ селеніе, къ ожидавшимъ нашего приговора японскимъ старшинамъ, дабы растолковать имъ миролюбивую цѣль нашего водворенія и избрать мѣстность гдѣ должны быть поставлены нашъ лагерь. Кроме того, я хотѣлъ миролюбиво порѣшить съ ними относительно размѣщенія команды и распорядиться о средствахъ къ перевозу тяжестей съ корабля на берегъ.

„Знаніе въ которомъ собрались старшинами и, какъ можно было замѣтить, болѣе вліятельные изъ Аиновъ, представило видъ сарая съ бумажными окнами. Половина этого сарая была занята возвышеніемъ, устроеннымъ различными цыновками; на немъ поставлено было нѣсколько ширмъ, раздѣлявшихъ все возвышеніе на отдѣльныя комнаты. По стѣнамъ было развѣшено нѣсколько сабель, а предъ

маленькими низенькими столикомъ, за которымъ съ важностью сидѣли трое Японцевъ, стояла небольшая пирамида съ фитильными ружьями; у старшаго изъ Японцевъ, который сидѣлъ въ срединѣ за столикомъ съ трубкой, было двѣ сабли за поясомъ, а третью держалъ въ рукахъ стоявшій за нимъ Японецъ. По обѣимъ сторонамъ его сидѣло два Японца, имѣвшіе тоже на бокахъ по саблѣ, а у возвышенія тоалетъ стояло до 50 человѣкъ Аиновъ.

„Войдя въ сарай, мы дружески привѣтствовали Японцевъ; они всѣ встали, а Аины поклонились намъ. Я сѣлъ рядомъ со старшимъ Японцемъ, а гг. Буссе и Бошяка усадили рядомъ съ уломянутыми ассистентами его и тотчасъ приказалъ переводчику сказать что „цѣль нашего прибытія и водворенія на искоми принадлежащемъ Россіи островѣ Сахалинѣ вполне миролюбивая. Государь нашъ императоръ „освѣдомившись что въ послѣднее время плаваютъ около „этихъ береговъ много иностранныхъ судовъ и что команды „ихъ дѣлаютъ различныя безчестія и притѣсненія жителямъ, а также, какъ мы слышали, намѣреваются захватить „нѣкоторыя изъ беззащитныхъ мѣстъ, высочайше повелѣть „мнѣ соизволилъ оставить въ главныхъ пунктахъ острова „Сахалина и противелоположнаго ему матераго берега вооруженные посты чтобы защищать обитателей и всѣхъ прѣзжающихъ сюда Японцевъ отъ иностраннаго наслія и произвольныхъ распоряженій. Выбѣсть съ этимъ государь „повелѣть мнѣ изволилъ не только не препятствовать промышленности и торговлѣ Японцевъ на островѣ, но напротивъ, строжайше ограждать ихъ справедливые интересы отъ всякихъ насилій, а потому прошу васъ быть совершенно покойными: мы искренно желаемъ всегда быть съ Японцами въ тѣсной дружбѣ, какъ съ нашими ближайшими соседями. Обо всемъ этомъ отдало отъ меня приказаніе назначенному сюда начальнику г. Буссе, къ которому во всемъ и „прошу обращаться. Онъ исполнитъ всѣ ваши справедливыя „желанія и ему приказано чтобы всѣ промышленныя, торговыя и хозяйственныя отношенія какія установились уже между „вами и Аинами, не только не нарушились, но строго соблюдались. Онъ будетъ смотрѣть чтобы Аины исполняли оныя „какъ было доселѣ, тѣмъ болѣе что пребываніе ваше здѣсь „и сношенія съ этимъ дикимъ еще народомъ всегда будетъ „полезно, потому что замѣченная уже мною аккуратность въ „постройкѣ и отдѣлкѣ судовъ и порядкѣ въ селеніи могутъ „служить имъ назидательнымъ примѣромъ. Итакъ, повторяю „и прошу васъ быть совершенно спокойными и продолжать „ваши занятія подъ нашею бдительною защитой. Ваши „обычаеы, а тѣмъ болѣе религіи, мы отнюдь не позволяемъ „себѣ касаться. Живите какъ жили и вѣруйте какъ вѣровали. „Все это объявляю вамъ отъ имени всемогущественнаго „государя моего императора, слово котораго есть незыблемый „законъ. За симъ прощайте съ нами и расходитесь, какъ

„для развѣщенія нашихъ людей, такъ и для сюза съ корабля тяжестей, а равно и для способствованія въ поставленіи на избранномъ мною мѣстѣ орудій для вашей и всѣхъ здѣсь защиты, противъ тѣхъ кто осмѣлился бы нарушить ваше владычествіе.“

„Японцы повиновенію не ожидали такого съ нашей стороны миролюбиваго объявленія и изъ грустныхъ доселѣ оставались веселыми и довольными; тогда какъ Аины видимо были недовольны такимъ моимъ заявленіемъ. Они надѣялись что я, подобно моимъ предшественникамъ Хвостову и Давыдову, предоставляю имъ право убивать и грабить Японцевъ, какъ то они сдѣлали съ бывшими тогда здѣсь ихъ старшинами, у которыхъ было развито и хитроумство, и скотоводство. Аины стали шумѣть и выражать свое неудовольствіе; я приказалъ имъ немедленно замолчать и объявилъ что первый кто окажется какое-либо сопротивленіе и насиліе Японцамъ и вообще произведетъ какой-либо беспорядокъ будетъ немедленно повѣшенъ, а другіе строго наказаны. „Мы желаемъ“, сказалъ я имъ, „чтобы все здѣсь было мирно и отауды ничего не измѣнялось и чтобы собственность и личность каждаго были ограждены и неприкосновенны.“

„Послѣ этого все смолкло и успокоилось. Японцы просили меня чтобы въ огражденіе ихъ предъ ихъ начальствомъ, я изложилъ упомянутое мое заявленіе письменно, а они понаютъ его на Мадмай. Я объявилъ что съ удовольствіемъ исполню ихъ просьбу.

„По тщательномъ осмотрѣ восточной возвышенности я убѣдился что она представляла мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ удобную и безопасную для основанія нашего поста, а потому сейчасъ же и сдѣлалъ распоряженіе о передвиженіи сюда нашихъ орудій и перенесеніи флага. Аины, по приказанію Японцевъ, помогали нашимъ матросамъ. Для помѣщенія команды, а равно и для нашихъ запасовъ были очищены Японцами два сарая находившіеся на этомъ мѣстѣ. Оставивъ затѣмъ при лодкѣ съ командой и орудіями лейтенанта Рудановскаго, а вмѣстѣ съ тремя Японцами и двумя Аинами отправился на корабль обѣдать. Послѣ а назавтра Муравьевскимъ, въ честь главнаго ревнителя и предстателя предъ высочайшею властью за дѣло на отдаленномъ востокѣ, генералъ-губернатора Николая Николаевича Муравьева (графа Амурскаго). Японцы и Аины остались довольны дружескимъ нашимъ приѣмомъ на кораблѣ. За обѣдомъ мы думали за здоровье нашего императора и Японскаго и за тѣсную дружбу Японіи и Россіи. Во время тоста былъ произведенъ салютъ съ корабля и съ Муравьевскаго поста. Послѣ обѣда команда плѣла плѣсни и плясала, всѣ были довольны и веселы. Эта церемонія и обстановка видимо расположила къ намъ Японцевъ и Аиновъ и какъ можно было замѣтить, внушала въ нихъ уваженіе къ намъ.

„Согласно ихъ просьбѣ, я передавъ имъ на русскомъ и французскомъ языкахъ слѣдующую декларацію:

„На основаніи трактата заключеннаго между Россіей и Китаемъ въ городѣ Нерчинскѣ, въ 1689 году, островъ Сахалинъ, какъ продолженіе ниже-амурскаго бассейна, составляетъ принадлежность Россіи. Кроме того, еще въ началѣ XVI столѣтія удскіе наши Тунгусы (Ороки) заняли этотъ островъ. За симъ въ 1740 годахъ Русскіе первые сдѣлали описаніе оного и наконецъ въ 1806 году Хвостовъ и Давыдовъ заняли заливъ Анива. Такимъ образомъ территория острова Сахалина составляла всегда неотъемлемую принадлежность Россіи.

„Всемилостивѣйшій государь мой императоръ Николай I, освѣдомившись что въ послѣднее время около этихъ береговъ плаваютъ много иностранныхъ судовъ и что команди ихъ производятся разныя безпорядки на этихъ берегахъ и причиняются насилія обитателямъ оныхъ, находящимся подъ державой его величества всемилостивѣйшаго государя моего императора, высочайше мнѣ повелѣть соизволять: поставить въ главныхъ пунктахъ острова надлежащія посты въ тѣхъ видахъ чтобы личность и собственность каждаго изъ его здѣсь подданныхъ, а равно и Японцевъ, производящихъ промыслы и торговлю на территоріи его величества, была надежно ограждена отъ всякихъ подобныхъ насилій и произвольныхъ распоряженій иностранцевъ и чтобы подданнымъ Японской имперіи не только не препятствовать свободную здѣсь торговлю и промыслы, но всѣми средствами ограждать и способствовать онымъ, насколько то соотвѣтственно съ верховными правами его императорскаго величества государя моего на эту территорію и той тѣсной дружбѣ которую Россія искренно желаетъ навсегда сохранить съ Японскою имперіей.

„Во исполненіе этой высочайшей воли, я нижеподписавшійся начальникъ этого края, 22го сентября 1853 года, въ главномъ пунктѣ острова Сахалина, Тамари-Анива, и поставилъ Россійскій Муравьевскій постъ съ упомянутою цѣлью. Завѣдывать этимъ постомъ и островомъ назначаетъ мною его императорскаго величества майоръ Н. В. Буссе, а потому къ нему какъ къ ближайшей здѣсь власти российской, при всякихъ недоумѣніяхъ и тому подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ обращаться. Объявлено 1853 года, сентября 22го дня. Муравьевскій Россійскій постъ въ заливѣ Тамари-Анива, на островѣ Сахалинѣ.“

Третій, и можетъ-быть важнѣйшій изъ вопросовъ занимавшихъ Амурскую экспедицію былъ, какъ сказано, вопросъ морской—исслѣдованіе устья Амура и побережья Татарскаго залива. Отважные моряки наши открыли заливъ де-Кастри, ближайшій рейдъ съ юга отъ Амурскаго лимана;

открыли между лиманомъ и Корейскою границей превосходную гавань Императора Николая I; убѣдились въ существованіи по побережью Татарскаго залива мѣсть круглый годъ открытыхъ для навигаціи. Общее заключеніе ихъ изслѣдованій было то что обладаніе при-Уссурийскимъ побережьемъ есть необходимость для Россіи, особенно въ виду уже появившихся иностранныхъ покушеній на это побережье. Потому они рѣшились „единственно по своему усмотрѣнію, подъ личною тяжкою отвѣтственностію, занять постами на рѣкѣ Амурѣ селеніе Казы, заливъ де-Кастри и Императорскую гавань и отъ имени Русскаго правительства объявлять всѣмъ появившимся у этихъ береговъ иностраннымъ судамъ что побережье Татарскаго залива до Корейской границы съ островомъ Сахалиномъ составляетъ русскія владѣнія.“

Приближеніе Крымской войны дало новый толчокъ дѣлу о при-Амурскомъ краѣ. Ожидаемый разрывъ съ Англіей и Франціей побудилъ Н. Н. Муравьева, давно уже ставшагося исходатайствовать разрѣшеніе плавать по Амуру, прибыть въ Петербургъ для обсужденія мѣръ къ защитѣ вѣтреннаго ему края. При докладѣ государю онъ изложилъ важные результаты Амурской экспедиціи и представлялъ „что для подкрѣпленія Петропавловска необходимо разрѣшить сплавъ по рѣкѣ Амуру, ибо берегомъ нѣтъ никакой возможности доставить въ Петропавловскъ ни продовольствія, ни оружія, ни войскъ.“ Государь призналъ доводы Муравьева основательными и въ день же доклада, 22го апрѣля 1853 года, повелѣлъ: „написать объ этомъ Пекинскому трибуналу; предложеніе же Муравьева о сплавѣ по рѣкѣ Амурѣ запасовъ, оружія, продовольствія и войскъ рассмотреть въ особомъ комитетѣ.“ Во исполненіе этого высочайшаго повелѣнія, 16го іюня 1853 года Правительствующій Сенатъ послалъ Пекинскому трибуналу вѣстникъ съошечій листъ слѣдующаго содержанія:

„По существующимъ трактатамъ граница отъ рѣки Горбицы къ востоку положенная до верховья рѣки Уди, должна идти Хивганскимъ или Становымъ хребтомъ горъ, а отъ верховья рѣки Уди—тѣмъ же хребтомъ до моря протяженнымъ, такимъ образомъ что всѣ рѣки текуція по южную сторону этого хребта должны состоять во владѣніи Китайскаго государства, а рѣки по всѣмъ прочимъ направлені-

ямъ текуція изъ этого хребта — во владѣніи Россійскаго государства. Но такъ какъ на всемъ этомъ пространствѣ пограничныя знаки не поставлены, то поэтому и приглашается Китайское правительство прислать своихъ уполномоченныхъ для постановленія этихъ знаковъ, въ виду разграниченія пространства до моря, оставшагося до усмотрѣнія неразграниченными.“

Комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію предложеній Муравьева относительно сплава по Амуру, и послѣ различныхъ соображеній и прерій, рѣшено было въ комитетѣ: *плыть по рѣкѣ Амуръ*. Государь императоръ, утвердивъ это рѣшеніе, изволилъ лично прибавить Муравьеву: „чтобы при этомъ не пахло пороховымъ дымомъ.“

Вся Сибирь встрепенулась при вѣсти объ открытіи плаванія по Амуру, котораго она ожидала болѣе 160 лѣтъ. Муравьева, въ февралѣ 1856 года выѣхавшаго изъ Петербурга и еще по льду перѣѣхавшаго озеро Байкаль, вездѣ въ Сибири, какъ пишетъ г. Свербѣевъ, солугствовавшій ему въ качествѣ дипломатическаго чиновника, „встрѣчали съ восторгомъ, давали въ честь его обѣды, сочиняли стихи и пѣсни“.

18го мая флотилія вступила въ воды Амура и чрезъ два дня пристала близъ мѣста гдѣ 165 лѣтъ тому назадъ стоялъ Алабазинскій острогъ, слѣды котораго были еще видимы. На судахъ окомандовали на молитву, музыка заиграла *Коль славыи нашъ Господь въ Сіонѣ*. 28го мая флотилія подошла къ манджурскому городу Айгуну и Муравьевъ имѣлъ свиданіе съ губернаторомъ, испуганнымъ появленіемъ русскихъ судовъ; а 14го іюня утромъ Невельской привѣтствовалъ генералъ-губернаторъ и флотилія при устьѣ Амура въ семи верстахъ отъ Маріинскаго поста близъ озера Кози.

Событія начавшейся войны отразились и на крайнемъ Востокѣ. Въ сентябрѣ 1854 года непріятель напалъ на Петропавловскій портъ въ Катчаткѣ, но былъ блистательно отраженъ и съ большою потерей ушелъ изъ Авачинской губы. Къ веснѣ 1855 года надо было ждать новаго сильнѣйшаго нападенія. Защищать уединенный, терпѣвшій недостатокъ въ продовольствіи Петропавловскъ не представлялось возможности. Н. Н. Муравьевъ прислалъ приказаніе адмиралу Завойко снять Петропавловскій портъ, нагрузить все казенное имущество и семейство на суда зимовавшей тамъ эскадры и отправиться въ устье Амура. Не легко было довести этотъ приказъ отъ Иркутска до Петропав-

ловска. Есаулъ Мартыновъ совершилъ восьмитысячеверстный путь между этимъ пунктомъ съ небывалою скоростью въ три мѣсяца, слѣдуя на собакахъ по дикому побережью гдѣ разстоянія между жилыми пунктами простираются до 400 верстъ, переѣзжая чрезъ широкіе заливы.

„Скорость этого слѣдованія, замѣчаетъ авторъ *Записки*, энергическія и быстрыя распоряженія и дѣйствія принятыя въ Петропавловскѣ, а равно скорый выходъ оттуда изъ льда нашей эскадры и счастливый случайный переходъ, сдѣланный ею въ виду, можно сказать, въ нѣсколько кратъ сильнѣйшаго непріятеля; спасли честь и славу нашего оружія, суда и команды наши и имущество порта! Это обстоятельство фактически оправдало что Петропавловскъ, какъ отрѣзанный отъ территоріи и не имѣвшій съ нею внутренняго сообщенія, не могъ быть нашимъ главнымъ портомъ на отдаленномъ востокѣ, и что подобный портъ могъ быть только въ при-Амурскомъ и Уссурийскомъ краѣ, т.-е. въ мѣстностяхъ непосредственно связанныхъ съ Восточною Сибирью внутреннимъ путемъ, безопаснымъ отъ нападенія непріятеля съ моря. Слѣдовательно, всѣ затраты сдѣланныя на Петропавловскѣ, чтобы возвести его на степенъ главнаго порта, были совершенно напрасны, и если сосредоточенныя въ немъ команды и суда наши были спасены въ при-Амурскомъ краѣ, то это обстоятельство нельзя не приписать особому случаю. Оставлять эти суда и команды въ Камчаткѣ, при возможности разрыва съ морскими державами, было весьма неосновательно и, по моему мнѣнію, слѣдовало бы еще весной 1854 года перевести изъ Петропавловска въ Николаевскъ.“

Въ концѣ 1856 года, при нынѣ царствующемъ Государѣ, учреждена Приморская область Восточной Сибири, въ составъ которой вошли прежняя Камчатская область, Удскій и при-Амурскій край. Николаевскій портъ назначенъ мѣстопробываніемъ военнаго губернатора области и переименованъ въ городъ Николаевскъ на Амурѣ. Нижне-Амурскій край офиціально присоединенъ къ русскимъ владѣніямъ въ Азіи. Но разграниченія съ Китаемъ все еще не было. Оно свершилось по Айгунскому трактату, заключенному Н. Н. Муравьевымъ и подписанному 16го мая 1858 года. Въ тотъ же день Муравьевъ писалъ Невельскому:

„Любезный Геннадій Ивановичъ, — Сегодня подписалъ трактатъ въ Айгунѣ. При-Амурскій край утвержденъ за Россіей. Слѣшу уведомить васъ объ этомъ знаменательномъ событіи. Отечество никогда васъ не забудетъ, какъ перваго дѣателя, создавшаго основаніе, на которомъ воздвигнуто настоящее зданіе. Цѣлую ручки Екатерины Ивановны, раздѣлявшей наравнѣ съ вами и со всеми вашими достойными сотрудниками труды, лишенія и опасности и поддерживавшей васъ въ этомъ славномъ и трудномъ подвигѣ. Искренно обнимаю васъ, благодарю и еще поздравляю.“

Почти двадцать лѣтъ прошло съ той поры. Естественно спросить, извлекла ли и какіе извлекла Россія результаты изъ пріобрѣтенія добытаго самоотверженными усиліями горсти моряковъ, дѣйствовавшихъ въ убѣжденіи что край этотъ имѣетъ важное значеніе для Россіи и блестящую будущность. Къ сожалѣнію возлагавшіяся на Амурскій край надежды далеко не оправдались. Не беремся размыскивать причины неудачи. Замѣтимъ только что принятыя мѣропріятія шли въ разрѣзъ съ мнѣніемъ главнаго виновника событія. „Съ того времени, говоритъ адмиралъ Невельской въ посмертныхъ своихъ *Запискахъ*, когда мнѣніе мое было представлено, прошло уже двадцать лѣтъ и милліоны были брошены на переселеніе штрафныхъ солдатъ, на крѣпостныя сооруженія, на различныя бюрократическія учрежденія и наконецъ на посылки толпами чиновниковъ и чиновничьихъ экспедицій (экспедиція одного г. Сколкова стоила болѣе 100.000 рублей). Для чего все это дѣлалось, я полагаю, не скажутъ и тѣ которые сами все это совершали. Должно-быть, мы ради честолюбія изъ самой простой и естественной задачи хотѣли сдѣлать что-то сложное, дабы придать себѣ важность, но на самомъ дѣлѣ дѣйствовали такъ какъ дѣйствуютъ только бюрократы....“

Приходится признать что и въ этомъ, какъ во множествѣ другихъ случаевъ, намъ легче было свершить подвигъ чѣмъ умѣть имъ воспользоваться.

Б.

РАКУШАНСКІЙ МЕЛАМЕДЪ

РАЗКАЗЪ НА БИВУАКЪ

I.

Дѣло было для насъ неудачливо: мы отступили, но къ счастью непріятель насъ болѣе не тревожилъ и давалъ намъ время отдохнуть и оправиться. Мы расположились бивуакомъ въ безопасномъ ущельѣ, раздѣлясь самыми маленькими сторожевыми отрядами. Нашимъ отрядомъ командовалъ майоръ Никаноръ Ивановичъ Плескуновъ, очень добрый, спокойный и мужественный офицеръ и изрядный оригиналъ, изъ вымирающей породы Лермонтовскихъ Максимовичей. Онъ считалъ за собой одно немаловажное, по его мнѣнію, преимущество, что съ тѣхъ поръ какъ произведенъ въ офицеры все время служилъ „въ сѣрыхъ войскахъ“. Такъ онъ называлъ таможенную стражу, по которой числился, состоя начальникомъ небольшой команды на одномъ изъ весьма извѣстныхъ контрабандныхъ пунктовъ на австрійской границѣ. Война съ Турками его разсердила и онъ бросилъ свой „сѣрый постъ“ и перевелся въ дѣйствующую армію.

Майоръ Плескуновъ былъ не старъ и не молодъ, не высокъ ростомъ, коренастъ и немножко мужиковать въ манерахъ и въ движеніяхъ, но былъ, какъ я сказалъ, прямая душа, добрая, и во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и взглядахъ на вещи оригиналъ. Онъ былъ беззавѣтно храбръ, хотя по наружности казался изряднымъ рохлей: не горячился, не вскидывался, не подымался на дыбы, но и не робѣлъ и не ладалъ духомъ, а всегда и вездѣ и разсуждалъ, и дѣйствовалъ съ настоящимъ твердымъ мужествомъ и съ „прохладкой“. Похвалыбы онъ терпѣть не могъ и считалъ ее и недостойною военнаго человека и вредною.

— Это, говорилъ онъ, — дѣло кулеческое; наври чтобы было можно изъ чего уступить, а потомъ и спускай. А наше дѣло солдатское, тутъ что Богъ дастъ.

Понятно что держась такого правила онъ не имѣлъ въ своемъ обычаѣ ни малѣйшей тѣни самохвальства и задора. Рѣчей онъ никакихъ не говорилъ, ни обширныхъ, ни краткихъ, кромѣ одного общаго внушенія:

— Дѣлай свое дѣло, не стой на мѣстѣ, когда шають впередъ и не хвались впередъ чья будетъ горка, а работай.

Горка, это была его поговорка, то-есть чья возьметъ, чей верхъ будетъ.

Солдаты Плескунова любили и называли его „настоящимъ командиромъ“.

„Форсу, говорили, не задаетъ, а воюетъ какъ надо и судить умно: дѣлай, говорить, какъ надо, а горку кому Богъ дастъ, на то Его воля, а не твое распоряженіе.“

Хорошъ Плескуновъ былъ и съ офицерами, и съ нами юнкерами, которыхъ у него въ баталіонѣ было не мало. Между нашими офицерами водились люди довольно разнаго калибра; были у насъ и настоящіе армейцы, были и „привилегиранты“, прибывшіе къ Балканамъ изъ дальней сѣверной столицы. Никаноръ Ивановичъ не дѣлалъ между нами никакого различія и держалъ себя со всѣми съ нами на самой короткой, товарищеской ногѣ, хотя впрочемъ очевидно въ дѣлѣ оказывалъ больше довѣрія настоящимъ армейцамъ и полагивалъ, говоря что „у привилегирантовъ мундиры дорого стоятъ, ихъ надо пожалѣть“. Но поступая такимъ образомъ онъ все-таки не любилъ чтобы армейцы задирали привилегирантовъ или какъ-нибудь надъ ними подсмѣивались.

О храбрости Плескунова и о его преданности дѣлу за которое онъ пришелъ сражаться, покинувъ свою таможенную стражу, не могло быть и рѣчи; первая достаточно доказывалась многочисленными рубцами которыми все лицо Никанора Ивановича было изборозжено отъ контрабандистовъ, съ которыми онъ велъ тридцатилѣтнюю войну, безъ единого дня перемирія. А что онъ считалъ войну за Славявъ близкою своему сердцу, въ этомъ убѣждало то что онъ оставилъ для нее свою старуху, о которой ничего не говорилъ, кромѣ какъ то что „она набожна“, но которую очевидно любилъ очень сильно.

Ни главнаго, ни ближайшаго своего начальства Плескуновъ никогда не критиковалъ и терпѣть не могъ слышать что-нибудь подобное отъ другихъ.

— Чтò тебѣ до него за дѣло? говорилъ онъ стараясь всегда остановить критика.—Хорошо намъ съ тобой разсуждать, какъ у насъ ума мало, а они можетъ-быть больше знаютъ и путаются. Ты въ отвѣтъ за него пойдешь? Своею смотри въ чистотѣ содержи.

Плескуновъ имѣлъ нерасположеніе къ „политиканамъ“, въ числѣ которыхъ считалъ всѣхъ интересующихся газетными толками и дѣлающихъ по этимъ толкамъ какія бы то ни было предположенія о высшихъ соображеніяхъ и общей судьбѣ событій. Газеты же просто ненавидѣлъ,—и все равно безъ различія, какого бы онъ ни были направленія, о чемъ впрочемъ онъ едва ли и имѣлъ надлежащее понятіе. Онъ былъ о газетахъ того мнѣнія, какое одно изъ Грибодовокихъ лицъ высказывало о календаряхъ. „Всѣ врутъ календари.“

— Врутъ-съ, говорилъ Никаноръ Ивановичъ.

Впрочемъ Никаноръ Ивановичъ и вообще съ печатью не дружилъ, окромя какъ съ церковною, въ которой былъ весьма начитанъ, такъ какъ по его разказамъ они съ женой эти книги всегда другъ другу въ зимніе вечера „гласно“ читали. Если же у кого-нибудь въ отрядѣ появлялся столикъ газетъ, которую тотъ намѣревался прочесть прочтѣть, то Плескуновъ сейчасъ звалъ казака и нарочно громко чѣмъ-нибудь расшумѣлся. Иной разъ не зналъ что сказать, онъ жосмалъ „пошарить“ нельзя ли гдѣ-нибудь достать для него бутылку чуфурларъ-лафиту.

Чтò это за вино имѣло быть этотъ „чуфурларъ-лафитъ“ мы не могли себѣ представить, и думали что Плескуновъ

его просто намъ на смѣхъ выдумалъ, но Никаноръ Ивановичъ утѣрялъ что въ Балканахъ непремѣнно есть такое вино, что его отецъ когда дѣлалъ прешедшую Турецкую кампанію, такъ пилъ чуфурларъ-лафитъ и помнилъ о немъ до самой смерти: а потому какъ Никанору Ивановичу ставеть что - нибудь досадительно, онъ сейчасъ и вспомнить.

— Вѣдь не можетъ же быть чтобы наша тогда его весь выпили: а если выпили, такъ съ тѣхъ поръ новаго надо было намать. Ступай, братецъ казакъ, пошарь хорошенько, — непремѣнно долженъ найти.

Казакъ отправлялся „шарить“, но обыкновенно всегда шарилъ безуспѣшно: вина или совсѣмъ не было, или же казакъ шара находилъ вино, но только это было не чуфурларъ-лафитъ.

Плескуновъ и этимъ довольствовался: онъ пилъ что ему добывалъ казакъ и говорилъ что чуфурларъ-лафиту надо будетъ въ другомъ мѣстѣ пошарить. Впрочемъ вся эта возня съ чуфурларъ-лафитомъ поднималась только тогда когда майору угрожало слушаніе газетъ.

Всѣ мы знали эту слабость нашего доброго майора и порою его щадили, а порою ему досаждали: нарочно заводили съ нимъ споръ, доказывая что въ наше время невозможно такъ вести дѣла чтобы не читать газетъ, не думать и не соображать по ходу дѣла: чья будетъ горка? И въ тотъ разъ, съ котораго начинается мой разказъ, мы были на этотъ счетъ очень упрямы: горе каждому изъ насъ брало и досады много накопилось, и ничего-то путемъ нигдѣ узнать не можемъ: а тутъ еще этотъ чудакъ съ своими рацеями.

— Что тебѣ знать хочется? Себя знай хорошенько! Ума что ли очень много набралось, тяготить начало! Ступай за пригорокъ высунь лобъ. Турокъ сейчасъ лишнее выпустить.

Мы его и принялись долекать и можетъ-быть первый разъ за всю кампанію такъ пролекали что онъ уже не одного, а двухъ казаковъ послалъ шарить, какъ мы въ ту пору думали, нигдѣ не существующаго чуфурларъ-лафита, а самъ даже отошелъ отъ насъ въ сторону. Но добрая душа его не умѣла долго сердиться, да вѣрно и онъ не воимъ былъ доволенъ послѣ несчастнаго дѣла, выразивши изъ котораго мы не досчитывали и половины своихъ товарищей.

Нельзя было не чувствовать что намъ жутко и горько, и Плескуновъ, понимая это, сдѣлалъ тонъ: онъ вернулся къ на-

шему кружку, гдѣ жарился болгарскій баранъ, и терпѣливо слушалъ наши сѣтованія.

Тутъ ему кто-то изъ насъ и молвилъ:

— Что же, Никаноръ Ивановичъ, и теперь еще не станете ли ругаться что смѣемъ считать себя несчастливými?

Онъ вздохнулъ и отвѣчаетъ:

— Нѣтъ; что же ругаться: мы съ женой у Исаи пророка читали что „усталый и голодный на Самого Бога ропщеть“, стало ужъ этому такъ надо быть. Поругайтесь, поругайтесь, можетъ-быть вамъ отъ этого полегчаетъ; а какъ отлежитесь, да поѣдите, такъ можетъ и слобритесь.

Но мы и на это не давались.

— Поѣсть, говоримъ,—мы поѣдимъ, а все при своемъ останемся, что не хорошо идетъ.

— Не хорошо-то, отвѣчаетъ,—не хорошо, и говорить нечего, а все еще повременимъ: чья будетъ горка?

— Да нечего, говоримъ,—и временить, когда уже видно: на чьей сторонѣ горка, если все такъ будетъ.

— Ну я еще этого не вижу, да и удивляюсь: въ чемъ вы это видите?

Тутъ наши политиканы и пошли:

— Какъ въ чемъ? говорятъ:—а во что вы ставите всѣ эти лодыски всей Европы, при коварномъ нейтралитетѣ Беконсфильда, виланьяхъ Андраши и....

Словомъ, и пошли, и пошли. Все ему высчитали чего отъ кого ждать, кому не вѣрить и чего бояться. И свели опять къ тому что нынче де уже не тѣ времена, когда можно было во всемъ полагаться на силу да на отвагу, а нуженъ умъ и расчетъ, да капиталъ. Что капиталъ душа движенія и что гдѣ будетъ больше дальнѣеозоркой сообразительности, тонкаго расчета и капитала, на той сторонѣ будетъ и горка. А у насъ, молъ, и ни того-то, и ни этого-то, да и Жиды одолали: и въ Лондонѣ Жидъ, и въ Вѣнѣ Жиды, страсть что Жидовъ, и у насъ они въ гору пошли—даже и кормить насъ подрядчикъ женатый на Беконсфильдовой племянницѣ, да и самые Ославяне-то, за которыхъ воюемъ, въ рукахъ вѣнскихъ Жидовъ. Чтѣ же этого безотрадые: Жидъ страшный человекъ,—онъ все разочтеть, всѣхъ забереть въ свои лапы и всѣхъ олутасть.

Никаноръ Ивановичъ и разсердился.

— Ну вотъ, говорить,—еще что вздумаете: ужь и Жидъ у васъ сталъ страшный человекъ!

— А разумеется страшный, потому что онъ коварный, а коварство большая сила: она какъ зубная боль, сильнаго въ бессилье приведетъ.

А Никаноръ Ивановичъ отвѣчаетъ:

— А мы зубную боль заговоримъ.

— Да, да; вотъ это развѣ! Ну такъ пошлите-ка казака „пошарить“, гдѣ такого мастера найдете?

— А что же, казакъ разумеется найдетъ.

— Да; найдетъ онъ ихъ, вотъ все равно какъ вашего чуфурляръ-лафиту.

— А что же: надо вѣру имѣть и ждать, и лафиту достать.

И что же вы думаете. Въ эту самую минуту какъ нарочно къ Плескунову бѣжитъ казакъ и подаетъ бутылку, а на бутылкѣ надпись: „чуфурляръ-лафитъ“. Даже самъ Никаноръ Ивановичъ смутился и спросилъ:

— Гдѣ сперь, благодѣтель?

А казакъ отвѣчаетъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе: у маркиганта взялъ.

— Что же онъ прежде-то его не давалъ?

— Давно, говоритъ, съ собой вожу, только подавать не смѣлъ, больно пакостное.

Майоръ отбилъ горлышко, сласнулъ немного въ сторону, попробовалъ, и говоритъ:

— Хорошо, братецъ, маркигантъ тебѣ правду сказалъ: живишко поганое, и я теперь вспомнилъ что мой отецъ его пилъ совсѣмъ не въ Турціи, а на Кавказѣ; ну да не въ томъ дѣло; а это, господа, вамъ отвѣтъ: видите, пошарить такъ все найдешь. Я политики не читаю и споровъ не люблю, но ничего чѣмъ вы меня пугаете не боюсь. Спросите: почему? Отвѣчу вамъ: „по Писанію“. О Турѣ сказано что тамъ не будетъ горка-гдѣ „князя купцы и гдѣ сильныя земли барыщничаютъ“, а сила въ тѣхъ кон не видали самоцвѣтныхъ камней и не завистны на золото. Око такъ и бываетъ какъ пророкъ говоритъ, и мнѣ теперь приходитъ на память одна исторія про самого что ни на есть каверзѣйшаго, толкаго израильскаго политика, который въ своемъ мѣстѣ нѣтъ

пружины въ рукахъ держалъ, и во всемъ собаку съѣлъ, а зализъ такимъ чуфурларомъ что и съ ума спятилъ. И я, чтобы не позабыть, и чтобы васъ кстати немножко поразвлечь пока баранъ сжарится, пожалуй готовъ вамъ это разказать въ видѣ притчи.

Тутъ всѣ и заговорили:

— Помилуйте, Никаноръ Ивановичъ, да когда же мы не хотимъ васъ слушать? пожадуста, разкажите.

Никаноръ Ивановичъ и началъ.

II.

Старый Схарія про котораго я вамъ буду разказывать былъ такъ-сказать прирожденный политикъ, ученый-преученый и притомъ праведникъ, которому, казалось, все было открыто и само Небо съ нимъ перешептывалось. По занятіямъ былъ онъ меламедъ, держалъ школу, гдѣ юные сынки Израиля получали высшее направленіе на весь проспектъ жизни. Жилъ Схарія отъ меня всего въ полуверстѣ, въ торговомъ мѣстечкѣ, по тотъ бокъ австрійской границы; а славенъ былъ по обѣя стороны.

Схарія былъ человѣкъ старый и для своихъ мѣстъ очень богатый. Состояніе онъ нажилъ своею обширною ученостью, праведностію и лаутовостію. Еслибы вы знали Еврея какъ саѣдуетъ, то не удивились бы что всѣ эти три вещи въ немъ не только совершенно совместиы, но даже одна другую требуютъ, а не исключаютъ. Сколько именно было лѣтъ этому патріарху? я съ точностію опредѣлить не берусь, потому что когда я, тридцать лѣтъ тому назадъ, поступилъ на таможену, Схарія уже былъ меламедъ обучившій рядъ поколѣній и тогда уже былъ почти также старъ и ходилъ съ такою же сѣдою бородой съ какою ходитъ и нынче. Только нынче онъ самъ безумцемъ и служитъ попомъ и попомъшникомъ для безумцевъ, а до того анекдотическаго случая который его такимъ сѣлалъ онъ былъ у вѣхъ въ почетѣ, въ лѣскѣ; онъ первенствовалъ на моленіяхъ, представлялъ на киршествахъ, и вездѣ имѣлъ рѣшающій голосъ. Какъ несовершеннѣйшій знатокъ закона и наилучшій его истолкователь, что бывало онъ скажетъ, то такъ

и дѣлается. Нынѣ же жизнь его пригодна только развѣ на то чтобы показать основательность словъ Псалмопѣвца: „не хочетъ Господь смерти грѣшника“. Но нѣкогда было не такъ: нѣкогда ученая слава Схаріи была такъ велика что говорили будто ей завидовалъ даже самъ караимъ Фирковичъ. Праведность Схаріи равнялась его учености, но славилась еще болѣе первой. Разумѣется, это была та каверзная праведность и та убивающая духъ ученость, которыми гнушался нашъ Спаситель и за которыя возглашалъ: „горе вамъ, горе и горе“.

Схарія зная все чрезъ что можно прослыть праведнымъ между Евреями и съ этой стороны былъ для многихъ, и въ томъ числѣ и для меня грѣшнаго, необыкновенно интересенъ. Онъ жилъ весь по правиламъ, „почивалъ на законѣ“: каждый часъ дня и ночи, и каждый его шагъ и движеніе,—все это шло такъ чтобы могло возвыщать его преподобность. Кто знаетъ что значитъ соблюсти всю еврейскую обрядовую праведность, тотъ знаетъ какъ это трудно. Я же, весь свой вѣкъ проведя съ Евреями, могу вамъ это показать, хотя разумѣется только отчасти.

Наблюдая наказъ рабби Еліазара, Схарія просылался до разсвѣта, но какъ бы ему ни хотѣлось встать, онъ не вставалъ и даже знака не подавалъ что онъ проснулся, и такъ лежалъ до тѣхъ поръ пока его не побудитъ жена. Это такъ должна сдѣлать каждая воспитанная въ законѣ Еврейка. И за то въ ту самую секунду какъ жена его будила, онъ сразу же громко кричалъ на весь домъ: „Благословенъ Богъ одарившій лѣтуча разумомъ что онъ различаетъ день отъ ночи“, а потомъ читалъ вслухъ: „Востану рано“. Все это дѣлалось такъ энергично что всѣ въ домѣ его проклинали, но непремѣнно поднимались. Схарія никогда не надѣвалъ рубашки сидя или стоя, а исправлялъ все это непремѣнно лежа подъ одѣяломъ, чтобы подсматривающій сатана не увидалъ его чудеснаго тѣла и не издумалъ самъ смастерить что-нибудь если не совершенно подобное, то по крайней мѣрѣ хоть подходящее къ Еврею. Схарія никогда не позабывалъ спуститься съ кровати непремѣнно правою ногой Умывался, онъ аккуратно обливалъ каждую руку по три раза и вытиралъ лицо такъ сухо чтобы не испарилась память.

Пергаментъ съ написанными на немъ словами изъ книгъ Моисея былъ у него обмотанъ волосами изъ телячьяго хвоста и снабженъ прикрѣпленнымъ къ нему релейникомъ, который долженъ былъ колоть Схарію, если онъ задумаетъ какъ-нибудь нарушить какую-нибудь изъ десяти заповѣдей. Кололъ ли его этотъ релейникъ или нѣтъ, этого не знаю; но поколоть кажется было за что. Свитки на дверяхъ дома этого законника были самые полновѣсные; ихъ всѣ должны были издали видѣть и понимать что на домъ Схаріи спускается безпрестанное благословеніе, такъ какъ на брану Ааронову и ометы его ризъ.

Никто никогда не видалъ чтобъ у Схаріи хранилище висѣло на рѣшеткѣ или оставалось не спрятаннымъ въ три коробочка, если въ той комнатѣ спала женщина; хранилище онъ надѣвалъ на себя какъ только можно было отличать бѣлый цвѣтъ отъ голубаго и носилъ до темноты. Въ школу Схарія не шелъ, а бѣжалъ, чтобы Богъ видѣлъ что онъ „духомъ говимъ“. Его талосъ или мантия была изъ бѣлой шерсти, выпраденной Еврейкой, и притомъ съ извѣстными приговорами. Молился онъ много и долго, оборотася непременно на югъ, откуда идетъ мудрость, а съ нею разумѣется и всѣ благополучія. Люди аччные и гаулые молятся на сѣверъ, откуда приходитъ богатство, но Схарія какъ Соломонъ зналъ что все дѣло въ премудрости. Онъ молился всегда тщательно выровнивъ ноги въ первой позиціи и качался и тресся не щадя кофнъ, чтобы ангеламъ видѣли, какъ сильно колеблетъ его страхъ предъ Вседѣущимъ. Моленья свои онъ сначала выкрикивалъ по-еврейски, а потомъ посылалъ особыя молитвы по-сирски и по-халдейски, чтобы ангеламъ, не понимающимъ этихъ языковъ, не повзбодовали тому чего онъ просить у градоуцаго Меосіа. Еще болѣе тонкая осторожность нужна была противъ діавола, чтобы этотъ хитрецъ не провѣдалъ о прошеніяхъ Схаріи и не повредилъ ему; но это было предусмотрено: діаволъ никогда не могъ узнать чего просить Схарія, потому-что діаволъ тоже по-сирски и по-халдейски не знаетъ, а обучаться имъ не можетъ, потому что учиться у кого-нибудь ему не позволяетъ его пустая „свиная“ гордость.

Если Схарія случалось плакать во время молитвы, то онъ дѣлалъ это нещѣе не плаче какъ въ другую сторону,

чтобы не оплывать толпой на него любовавшихся съ правой его руки ангеловъ. Каждый день онъ возмывалъ сто благодареній, и такъ на виду у людей и ангеловъ пребывалъ въ моленьи почти весь день. Отдыхъ его начинался только съ той поры когда наступающіе сумерки возвѣщали что Егова уже далъ ангеламъ приказъ затворить двери и окна неба. Съ этихъ поръ разумѣется оттуда на землю уже ничего не было видно и потому чиниться было нечего, да и продолжать самое моленіе не было никакого расчета.

Но большая учасость Схарія обнаруживалась не въ одномъ только богомоленіи, — лѣтъ, она также была видна во всѣхъ его житейскихъ поступкахъ: онъ развелся съ нѣсколькими женами по одному подозрѣнію что онѣ происходятъ не отъ Евы, а отъ первой жены Адама, строптивой Лилисъ, и подобно своей матери склонны заниматься не однимъ тѣмъ чтобы угождать мужу. Самъ же онъ никогда не смотрѣлъ въ лицо никакой стороны женщины, хотя бы даже это была недостойная вниманія христіанка. Все было устроено что онъ ни разу не выдастъ лица къ ряду десяти лѣтъ служившей у него молчаливой и туной хохауши Оксамы, которой въ моей повѣсти будетъ своя роль.

Любя въ домѣ порядокъ по уставу, Схарія самъ подавалъ въ немъ примѣръ: онъ ломалъ хлѣбъ не прежде, какъ расстолпыривъ надъ нимъ все свои десять пальцевъ, чтобы всѣ видящіе это воспоминали о десяти „Божіихъ приказаніяхъ“. Заботясь о нравственности и о душѣ, онъ не забывалъ и гигиену, для чего всегда завтракалъ рано, чтобы въ жезлъ его по-пустому проходу не успѣли вколотить съ голодомъ тридцать шесть болѣзней, а обѣдая послѣднью отдѣлялъ Оксамъ кусокъ отъ всякаго кутанья, имѣющаго вкусный запахъ, способный возбудить въ человѣкѣ аппетитъ. Дѣлалось это не изъ состраданія къ потерянности Оксамы, а для того чтобы она отъ жажды не затряслась какъ Исавъ и не опрекинула другого блюда. Все знали что Схарія во всю свою жизнь никогда еще не уронилъ на полъ ни одной крошки хлѣба и строгій ангелъ Набелъ, приставленный смотрѣть за этимъ, ни разу не могъ одѣлать на него изъ этого допоса. Къ ангеламъ Схарія прибавлялъ большую осторожность и никогда не клалъ ножа лезвиемъ вверхъ. Даже этого доносителя Набела онъ беретъ, чтобы онъ вертись у стола какъ-нибудь не обрѣзлся.

Онъ благословлялъ Бога за все что понималъ и чего не понималъ, потому что все устроено премудростію, даже тупая Оксана и вообще все дураки, такъ какъ они, по увѣренію рабби Гемоха, созданы для увеселенія умныхъ, а изъ умныхъ умнѣйшій былъ конечно нашъ мудрый и ученый Схарія, котораго все давно признали въ этомъ чинѣ. И его часто увеселяла огромная и сильная наймычка Оксана, позволявшая колотить себя не только женѣ Схаріи, золотушной Хавѣ, но и всемъ крошечнымъ ребятамъ Схаріина отрожденія. По огромной силѣ своей, съ которою эта Оксана молча и безъ отдыха ворочала въ домѣ все тяжкія работы, она могла бы смахнуть и Схарію и Хаву такъ что ничего бы отъ нихъ не осталось, но все оно она безропотно и много содѣйствовала тому что Схарія могъ благоугождать Богу, благославляя Его что Онъ создалъ такую невѣжественную дуру для удовольствія всехъ домашнихъ такого ученаго праведника, какъ онъ, Схарія. Опытомъ убѣжденный какъ хорошо жить по наукѣ, онъ даже спалъ по наукѣ; для этого онъ всегда ложился на лѣвый бокъ, на которомъ лежалъ Исаакъ, когда Авраамъ хотѣлъ заколоть его въ жертву Богу, и такъ и почивалъ всегда какъ готовая жертва. А дабы еще болѣе уподобляться Исааку онъ всегда спалъ нагой, безъ рубашки, и на кровати обращенной непремѣнно головами къ югу, а ногами къ северу.

При такомъ радѣніи о житіи по закону сына Схаріи множилась и общалась ему слава въ потомствѣ. Отъ сколькихъ браковъ у него были въ живыхъ и женатые сыновья и замужнія дочери и маленькія дѣти, а еще не мало ихъ было и на мѣстномъ кладбищѣ. Схарія любилъ дѣтей, даже и тѣхъ которыя были зарыты въ землю. Благочестивый отецъ и о нихъ заботился; онъ каждый годъ нанималъ нѣсколько человѣкъ, чтобы тѣ за нихъ поотмались, и платилъ за это каждому говѣльщику по крайней мѣрѣ по двадцати гульденовъ въ недѣлю; а въ день разоренія Храма самъ собственноручно клалъ на могилы дѣтей соль и муку и кричалъ имъ въ землю, чтобы они за то хорошенько о немъ молились и выкликали ему, столько новыхъ дѣтей изъ предѣловъ небытія сколько онъ прокормить можетъ. Словомъ жизнь Схаріи была образцовая и преимущественная: какъ настоящій мѣстечковый патріархъ, онъ давалъ рѣшающій совѣтъ во всехъ трудныхъ дѣлахъ, и должно сказать правду:

достоинство его совѣтовъ стѣло чрезвычайно высоко и каждому приносило несомнѣнную пользу, а это дѣлало Схарію необходимымъ человѣкомъ, которому всякій охотно уступалъ долю въ гешефтахъ.

Такимъ образомъ праведность была основаніемъ прочнаго благосостоянія Схаріи, а благосостояніе опять давало ему средство еще болѣе увеличивать свою праведность. Онъ былъ уже такъ прославленъ что чтецъ синагоги, обходя собраніе съ предложеніемъ купить право развернуть и носить книгу закона, хотя и мыкалкалъ: „кто хочетъ купить Геліу? Кто хочетъ купить Ецъ-Хаманъ? Кто хочетъ купить Хакбо? Кто дастъ болѣе?“ но въ существѣ чтецъ исполнялъ это только для формы. На самомъ же дѣлѣ онъ зналъ что всѣ эти священныя права никто другой откупить не можетъ кромѣ Схаріи, потому что никто за нихъ болѣе его предложить не въ состояніи. А потому только одинъ Схарія всегда носилъ свитокъ закона и держалъ „древо жизни“, а его ближайшіе родственники имѣли привилегію хода за нимъ прикасаться къ этой святости, въ то время какъ ихъ ученымъ родоначальникъ принималъ изъ рукъ кантора свитокъ обнесалъ его посреди умиленной толпы. Ему канторъ давалъ серебряннымъ грифелемъ знакъ, когда вскричать: „возвеличьте Господа!“ На его возъ весь народъ привыкъ отвѣчать: „Благословенъ Господь Богъ нашъ, избравшій насъ предъ всеми цымыи народами“, и надъ нимъ всегда произносилось благословеніе: „со всеми его демонами, гдѣ соблюдаемы всѣ заповѣди и гдѣ всякое задуманное предпріятіе должно быть благоуспѣшно“. Поэтому естъ самыя донкіа контрабандныя предпріятія задумывались въ благословенномъ домѣ Схаріи, въ тѣ сумеречныя часы когда зашаралось небо, и у него же хоронились ихъ концы.

Вотъ какой былъ Схарія поистинѣ важный изъ важныхъ человѣкъ. Слѣдовать его съ его высокаго положенія казалось никто не могъ: всѣ знали что какъ ни подними цѣну послѣдняго урока закона въ день Кушей, Схарія все-таки откупить этотъ урокъ и опять на цѣлый годъ останется „желухомъ закона“. Ну вотъ и посудите, какъ можно было одолѣть такого толкаго и дальновиднаго человѣка, и какой для этого былъ нуженъ борецъ? А пришелъ часъ Схаріи и разбило всю его механику громомъ, да не изъ тучи, а изъ навозной кучи.

III.

По моей дозорной, таможенной обязанности я разумеется зналъ всѣхъ окрестныхъ Евреевъ по обѣ стороны своей границы,—какъ нашихъ русскихъ подданныхъ, такъ и Австріяковъ. Это нашему брату таможенному необходимо, потому что насъ всѣ стараются обмануть, особенно Евреи. Это первые наши непріатели, и мы должны знать сколько какая шельма изъ нихъ въ этомъ искусна. Свѣдѣнія эти у насъ, пограничныхъ жителей, собираются очень просто, такъ-какъ граница для насъ вѣдь совсѣмъ не то что она для васъ и для всѣхъ другихъ людей, которые ее видятъ разъ либо два въ жизни. Вы когда переѣзжаете границу, будто изъ одного міра въ другой переходите; а для насъ это просто дѣло сосѣдское. Мы смотримъ на границу безъ впечатлѣній: а знаемъ только что есть и у нихъ, и у насъ плуты, и всѣ вашего брата надувать хотять, и за то никому не вѣримъ. Пограничная жизнь этимъ очень скверная: она тому споспосбствуетъ чтобы не вѣрить человеку. И мы хотя съ нимъ по виду и ведемъ дружбу, а все ему пальца въ ротъ не положимъ. Я даже удивлялся этому и нарочно себя пробовалъ: къ тещѣ съ женой повидаться въ Воронежскую губернію ѣздилъ—и ничего: тамъ всѣмъ вѣрю. Иной хоть и знаю что плутъ, а вѣрю ему, и по дороге ѣду—все вѣрю; а какъ къ себѣ на границу пріѣду—сейчасъ и отрѣзало: никому не вѣрю. Право удивительно. Такъ тоже и съ этимъ съ праведнымъ Схаріей я былъ весьма знакомъ, и о пророкахъ любилъ съ нимъ толковать, потому что у меня жена большая до Писанія охотница, но все бывало, знаете, говоришь про Давидовы седьшины, а самъ думаешь: а когда же я тебя, пріятель, въ ровъ посажу! Потому что я зналъ что этотъ праведникъ по всѣмъ швамъ плутней сшитъ и мнѣ очень хотѣлось его сцапать. Разумеется я его лично въ числѣ контрабандистовъ не замѣчалъ; но намъ было хорошо извѣстно что въ благочестивомъ домѣ этого „женуха закона“ затѣвались самыя дерзкія противъ насъ предпріятія, и большую охоту имѣлъ наказать его.

Надо вамъ знать что у одного изъ зятьевъ Схаріи, по имени Нахмана, на той сторонѣ въ Австріи было что-то въ

родѣ трактира, или кофейни, а вѣрнѣе сказать просто игорный пріютъ, въ которомъ страсть какъ любили рѣзаться и австрійскіе и наши таможенники. Чуть имъ свободное время, уже они и тамъ.

Это такъ шло у насъ много лѣтъ, и зять Схаріа наживалъ съ своего вертела добрые гроши, изъ которыхъ переладала частица и Схаріа. Съ разваломъ нашей послѣдней польской руховки и оборомъ нашихъ войскъ на границу гешефты Нахмана въ его игрецкомъ притонѣ достигли неожиданнаго успѣха; и австрійскіе и наши офицеры стояшіе по границѣ скучали отъ бездѣйствія, и все шмыряли къ Нахману. Да оно и простиительно: взаправду вѣдь очень скучно!

Нашъ братъ таможенникъ, который и въ мирное, и въ военное время всегда воюетъ, онъ отъ всякой веселости отвыкъ—разъ насулимся, да такъ и живемъ насулясь. Все удовольствіе его въ церковь помолиться сходить. На бѣду въ церкви у насъ дьяконъ изъ хохловъ былъ, очень томителенъ: голосъ имѣлъ козелковатый и произносилъ, гдѣ не надо мягко, а гдѣ не надо грубо. Очень неприятно. Завязій же человѣкъ съ городскими привычками разумѣется могъ ли нашимъ простымъ житьемъ довольствоваться? А самое большее веселье, какое въ нашемъ мѣстѣ можно было получать, было за границей въ этомъ заведеніи у Нахмана. Наши чиновники давно еще когда-то хотѣли было Австрію перецегодать, чтобъ у себя что-то гораздо лучше завести, да ничего не вышло: сначала столоначальникъ въ казенной палатѣ долго не разрѣшалъ, а потомъ всѣ перессорились, и съ тѣхъ поръ уже ничего не затѣвали, а ходили на ту сторону, потому что тамъ народъ живѣе. Ничего особеннаго, а какъ только на ихъ сторону перевалишь, такъ сразу въ людяхъ другое ощущеніе и легкомыслія больше: издали слышите, какъ то кегли катаютъ, то Жидки вамъ на платформѣ сидятъ, разныя піески наигрываютъ,—и недурно каналы напѣываютъ. Тутъ сейчасъ и ресторанъ и кафе, или эти арфисточки, а у насъ только развѣ и услышишь какъ кто-нибудь съ досады крѣпкимъ словомъ обругается. Всего четверть версты черезъ лоцинку перекаатишь,—и живутъ уже хоть не важно, а припѣваючи. Разумѣется туда и манить.

Какъ лопатахали къ намъ по случаю польскихъ дѣлъ военные, и началось у нихъ болтанье на ту сторону въ Нахмановъ трактиръ. Конечно бродяжничать такъ за границу дѣло незаконное, но дѣлалось все это будто подъ секретомъ, а къ тому же: кому до этого и надобность, если съ той стороны не претендуютъ? А Австріаки же на счетъ вѣрности хотя народъ самый сомнительный, но очень обходительны со всякимъ: жалуй къ нимъ сколько хочешь, они компанію дѣлать любятъ. Такъ бывало наши офицеры свинутъ здѣсь съ себя сабельки и идутъ на австрійскую половину и рѣжутся тамъ съ Австріаками въ трактиръ, кто на билліардъ, кто въ кегли, а иные и въ карты. Картежная игра давалась бывало иногда по цѣлымъ суткамъ. Все это шло семейно,—особенно какъ Австріакъ въ это время по случаю мятежа съ нами заодно дѣйствовалъ, и сближеніе нашихъ офицеровъ съ австріяцкими по всей вѣроятности было даже желательно.

Теперь же нужно вамъ знать что у Австріаковъ, на ихъ сторонѣ, былъ одинъ комиссаръ изъ Поляковъ, самый невѣроятный картежникъ. Такой былъ страстный игрокъ что я всегда удивлялся: какъ ему могли довѣрять казенныя деньги и имущество. Но онъ, шельма, такой корень у себя имѣлъ что казеннаго не трогалъ, а уже за то свое только и зналъ что изъ рукъ въ руки перепускалъ. Нынче его горька,—онъ на парѣ лошадей взадъ и впередъ катаетъ и тогда добръ, всѣхъ угощаетъ, а завтра горька другому досталась,—комиссаръ самъ у другихъ кушать просить. Не игралъ онъ только тогда, когда было или совсѣмъ нѣкогда, или совсѣмъ не на что, или совсѣмъ не съ кѣмъ. И когда это случалось, потому что противъ его игрецкой неутомимости никто не могъ выдержать, то ходить онъ бывало какъ въ воду олуцанный и отъ скуки все въ рукахъ карты тасуетъ. Я въ призоры очесъ по правдѣ сказать не вѣрю, но говорили о немъ что онъ будто такимъ манеромъ испорченъ и вдругъ на этого-то испорченнаго наскокилъ съ нашей стороны человекъ, должно-быть уже совсѣмъ перепорченный: наслѣлъ отъ насъ комиссару такой компаніонъ что даже еще превосходилъ его и въ постоянствѣ страсти и въ неутомимости. Былъ это нашъ армейскаго полку майоръ Азамасьевъ, который и подалъ поводъ къ Схаріановъ гибели.

IV.

Армейскіе майоры, какъ извѣстно, большею частію бываютъ меланхолики, все думать любятъ. Живетъ человѣкъ въ молодыхъ чинахъ все фантазируетъ, а схватить майорство и задумается. Можетъ это отъ того что намъ въ этомъ чинѣ предѣлъ положенъ, его же не преjdeши. Отъ того они мрачны и не веселы. И майоръ Азамасъевъ тоже былъ не веселаго нрава и словно „отыгрывался“ отъ какого-то червя, который неустанно гнодалъ его душу.

И австрійскій комиссаръ и нашъ майоръ духомъ другъ друга почували и чуть только ихъ свели, какъ ужъ ихъ и водой разлить стало невозможно. Дѣлъ боевыхъ на ту пору не было, а въ междучасіе отрядомъ майора у насъ по всеобщему русскіискому обыкновенію правилъ его помощникъ, а онъ бывало только на нѣкоторый часъ домой появится, и если горка на его сторонѣ, то лоблестить своимъ выигршемъ, и опять улизнетъ за-границу въ Нахмановъ игорный домъ, и тамъ и рѣжутся пока или тотъ или другой оберутъ другъ друга дочиста и осоловѣвъ выходить отдохнуть какъ мученики послѣ истязанія. До чего они доигрывались, про это и разказывать нельзя: деньги ихъ въ цѣломъ составѣ всей наличности безпрестанно переходили отъ одного къ другому, но все это не такъ замѣтно, потому деньги вещь миниатюрная, а главный куріозъ происходилъ съ громоздкими движимостями, передвиженія которыхъ скрыть невозможно. У комиссара напрімѣръ былъ фортепьянчикъ, — хорошенькій и большой фортепьянъ, настоящій рояль, на которомъ онъ не умѣлъ играть и никогда не игралъ, а имѣлъ его Богъ знаетъ по какому-то особому случаю, — вѣроятно за самую дешевую цѣну съ аукціона досталъ, да была еще охотничья собака, лаявая; а майоръ пріѣхалъ къ намъ въ мѣстечко въ польской бричкѣ на своей парѣ лошадей. Вотъ эти фортепьянъ и бричка и балансировали: какъ денежная наличность у игроковъ кончится, и начинаютъ двигать эту свою движимость. И мы уже и счетъ потеряли: сколько разъ эти фортепьяно и бричка съ конями переходили у нихъ изъ рукъ въ руки. Переходила нѣсколько разъ и собака,

но ей скоро наскучило мѣнять хозяевъ и она сначала обогрѣла ихъ искусаа, а потомъ, когда они оба ее за это вымылоролѣли,—она ихъ обоихъ бросила и сбѣжала.

Разумѣется звѣрь умный, съ такими лустыми людьми жить не захотѣла. Ну а остальное все шло своимъ порядкомъ: то нашъ майоръ поѣдетъ въ бричку, а возвращается съ палочкой, то онъ идетъ, а за нимъ тащатъ фортепіано, и стоятъ они у него, при его квартирѣ подъ сараемъ и только намъ докучаютъ, потому что ключъ отъ нихъ въ этихъ переѣздахъ потерялся и какъ они стояли разина ротъ, то по нимъ все бывало Жиденята пальцами талкаютъ. Играть на нихъ у насъ никто не умѣлъ, кромѣ какъ одинъ нашъ таможенный дяконъ, да и тотъ только хвалился что будто умѣетъ, а на самомъ дѣлѣ всей его игры было что могъ однимъ пальцемъ подбирать „аалауію“ да Царю Небесный. Тюкаетъ съ утра до ночи и подлѣвастъ. Бывало странно надобность этимъ, а полпросишь его лучше что-нибудь свѣтское, такъ онъ еще хуже затыкаетъ:

Скука прелубавна
Серцю припавзна.

Совсѣмъ тоску наведетъ, и мы всегда очень радовались когда нашъ майоръ проигрывался и фортепіано опять въ Австрію увозили. И шла такая азартная игра безъ отдыха и безъ перерыва, съ постояннымъ переходомъ однихъ и тѣхъ же фондовъ изъ кармана въ карманъ, а въ чистыхъ отъ нея прибыткахъ были одни Нахманъ да Схаріа.

Но какъ и комиссаръ и майоръ оба были люди служащіе и ни одному изъ нихъ нельзя было не держаться на чеку по своимъ обязанностямъ, то надо было устроить для этого благонадежную почту. Дѣло было не совсѣмъ удобное,—однако устроили: если комиссаръ на нашей сторонѣ, а дома въ немъ надобность,—къ намъ бѣжитъ за нимъ кургузый Цесарецъ въ курткѣ, а наши за своимъ игрокомъ казака посылали. Надо тутъ сказать про этого казака: былъ это мужикъ здоровый, краснощекий брюнетъ, неграмотный, но умный, очень находчивый и расторопный, и назывался онъ Аманъевъ. Майоръ хорошо узнавалъ его и говорилъ что онъ человекъ очень надежный и службистъ. Былъ такой случай что Аманъевъ при разгромѣ одного опального дома, увидавъ, что солдаты

присѣли около суновой чаши, горяченькаго похлѣбать, оиъ сейчасъ это искоренилъ:

— Развѣ, говорить,—это можно? а можетъ это отравленое! и чтобы споровъ не было, сейчасъ же чашу разбилъ объ уголъ, а серебряныя ложки себѣ въ карманъ спряталъ.

— Это, говорить,—отъ грѣха убрать надо, чтобы молодые некрута не бадовались.

Словомъ человѣкъ обладалъ военнымъ тактомъ.

Военный тактъ Ананьева я особенно рекомендую вашему вниманію, потому что мнѣ придется въ этой исторіи поставить его супротивъ тонкаго, талмудическаго такта ученаго Скаріи. Служба Ананьева, разумѣется, была гораздо труднѣе службы Цесарца, потому что комиссаръ бывалъ у насъ рѣдко, а нашъ майоръ сидѣлъ на той сторонѣ постоянно. Потомъ у Австріаковъ по всѣмъ должностямъ мало лишутъ, а у насъ на это больше аккуратности и всякому офицеру постоянно надо что-нибудь подписывать. А потому нашъ землячокъ Ананьевъ безпрестанно и шмыгалъ за границу къ майору то одно подписать, то другое, — чаще всего съ „ралпортчиками“. И всегда казачокъ въ этихъ поѣздкахъ былъ исправенъ и благополученъ: только падало кой-кому въ примѣту что оиъ на возвратномъ пути изъ Австріи точно какъ будто выше ростомъ на сѣдлѣ одѣлался: точно каланча движется. Ну, а прѣидетъ домой, слѣзится, разберется, и опять въ свою мѣру выйдетъ. Я его даже разъ или два объ этомъ спрашивалъ. Отвѣчаетъ:

— Никакъ нѣтъ, говорить,—ваше васкобродіе, это такъ только показывается.

— Ты можетъ-быть, говорю,—подбадриваешься этакъ, чтобы молодцоватѣй высматривать.

— Это точно такъ, отвѣчаетъ,—я хорохорюсь чтобы чужой народъ на насъ дивовался, и лѣдъ нашу державу желалъ, а впрочемъ... ни Боже мой!

Казакъ былъ сметливый, зналъ на что я намекалъ, ну и увѣрялъ меня крѣпко.

— Вотъ, крестъ, говорить,—на себя кладу, что ѣзжу честно.

— То-то, молъ, ты помни что это земля чужая и что нашъ государь теперь съ ихъ цезаремъ въ дружбѣ,—такъ и мы этою дружбой должны дорожить, а не то чтобы какую худую славу на себя класть.

— Помните, утверждаетъ, — нешто мы мужики сѣрые что этого не понимаемъ, или не можемъ чувствовать.

И знаете, пожалуй, по-своему онъ это и чувствовалъ, но только тѣмъ не меньше въ его владѣніи скоро стали обнаруживаться разные странные заласы, происхожденіе которыхъ онъ объяснялъ не совсемъ вѣроятно, но вѣдь что же, кто не понимаетъ, тотъ не воръ, — это вездѣ такое правило, — особенно на боевомъ положеніи. Но вотъ доходить до меня саухъ, что на той сторонѣ бабы хохлаши обижаются, будто Аманьевъ, проѣзжая по луку, гдѣ стадо паслось, сескочилъ и сталъ корову въ киверъ дентъ; а пока на него дивовалися, онъ взялъ да и другую выдоилъ.

Я его этотъ грѣхъ покрывалъ и обещалъ даже майору не разказать если признается. Признался.

— Точно такъ, говорить, — виноватъ, обовнался, думалъ что съ нашей стороны корова; въ грудяхъ очень тяжело чувствовалъ. — Знахарка вѣдьма научила: молочкомъ, скажамъ смагчить. Послушалъ ее, лукавый и попуталъ, коровкой ошибся.

— Ну, смотри же, говорю, — чтобы больше тебя не путало.

— Вотъ вамъ Христосъ, отвѣчаетъ, — я этой знахарки не стану теперь слушать, и кивера больше не буду одѣвать, въ фуражкѣ стану ѣздить.

— И прекрасно, говорю, оно даже такъ и лучше будетъ: те вѣдь не наша земля, ѣздика-ка въ фуражкѣ. Незачѣмъ тамъ киверомъ махать, и соблазну не будетъ.

— Убѣдительно благодарю, говорить, — ваше высокоблагородіе, радъ стѣраться.

Я и оставилъ. Что же казакъ вѣдь не красная дѣвушка, — его много-то никогда не сконфузишь и не передѣлаешь; у него природа такая что онъ не рохля, не ротозѣй, любить чтобы мимо его ни птица не пролетала, ни звѣрь не проныскивалъ, и ничто неубранное не валялось. Вотъ эта-то казачья ссоровка и была причиною одного казуснаго столкновенія нашего простака Аманьева съ казусетомъ Схаріей.

Случай попуталъ нашего казака на той сторонѣ рыжею козой, которая принадлежала какой-то Еврейкѣ. Была эта коза непокорна къ доемью — брыкалась, а казакъ ѣдетъ и увидѣлъ черезъ заборъ что коза отбрыкнула и опрокинула доемку, а молодая Еврейка заплакала. Онъ и ожалостился, остановилъ коня и говорить:

— Постой, постой Евреечка,—не окучай, и гледи только таткѣ не сказывай, а я тебѣ эту козу выучу.

И съ этимъ прыгнулъ черезъ заборъ, сноткнулъ брыжанивую козу лапайкой, такъ что та и голосъ дать позабыла, и тутъ же подпихнулъ ее куда-то всю подъ сѣдло, такъ что развѣ только ножки да рожки наружи оставались, а котата захватилъ и доенку, сѣлъ и поѣхалъ.

Еврейка только послѣ его отъѣзда догадалась кричать; обѣжалась сосѣди, бросилась въ ногою и нагнала Аманьеза, потому что онъ по своей политикѣ ѣхалъ не спѣша, тихо-нечко, да и доенку-то разбойникъ наружи держалъ.

Нагнали его Евреи и кричать:

— Ты зачѣмъ это ѣхалъ? а сами за доенку хватаются.

— А чтѣ, развѣ это ваше?

— Разумѣется ваше.

— А ваше, братцы, такъ свое берите; мнѣ Богъ съ вами съ вашимъ добромъ; мнѣ чужаго не нужно.

И онъ имъ возвратилъ великодушне доенку, а самъ ускочилъ прежде чѣмъ о козѣ успѣли ему слово сказать.

Въ послѣдствіи онъ это тѣмъ объяснилъ, что онъ потому не воротилъ козу, что ея у него не спрашивали.

— А я, говорить,—по ея виду думалъ что она дикая, а не свѣтская, и приколовъ ее дома, потому что мнѣ шкурка на потничокъ подъ сѣдло надобилась.

Такъ эта коза и пропала, но за то съ той поры пошли большіе разговоры. Пропажъ оказывалось много и у Евреевъ и у крестьянъ. Хохлы-крестьяне впрочемъ чтѣ за люди,—ихъ можно и не очень слушать, а вотъ Евреи, это другое дѣло; эти какъ загадывать, такъ ихъ надо скоро успокоить. А какъ успокоить?

Чтобы не ѣздилъ туда больше Аманьезъ? Такъ; но майоръ говорилъ, что у него нѣтъ такого другаго расторопнаго человѣка: не будетъ ѣзды Аманьезу, — не будетъ майору покоя играть по цѣлымъ днямъ въ карты; не будетъ игры — не будетъ самаго лучшаго гешефта Нахману, будетъ большой убытокъ и ему и Схаріи. Какъ тутъ быть, какъ вывернуться? Нельзя же дать проласть хорошему гешефту!

А на чтѣ это есть на свѣтѣ ученый Схарія: онъ долженъ найти средства какъ сдѣлать чтобъ и овцы были цѣлы и вошки сыты!

И вотъ явились къ Схаріи и Нахманъ, и его поставщики и говорятъ:

— Ты, Схарія, самый умный, думай и скажи намъ какъ это сдѣлать.

Схарія почесалъ себѣ затылокъ, много разъ помотавъ предъ носомъ пальцами, и сталъ думать. Думалъ онъ, думалъ и объявлялъ, что „будетъ еще думать“, ушелъ въ за-вѣтную хероменку, часа три и слуху оттуда не подавалъ, а потомъ выслаалъ къ публицѣ жену объявить, чтобы шли обѣдать, потому что онъ будетъ еще очень долго думать. Тѣ сходили домой, пообедали и опять вернулись, а Схарія еще думалъ. И наконецъ уже въ сумерки, когда уже ни у кого болѣе и терпѣнія не оставалось ждать изреченія Схаріи, Хава выглянула въ окно и, давъ рукой знакъ чтобы все было тихо, сообщила имъ шепотомъ и подъ большимъ секретомъ что Схарія такъ сильно задумался что ничего не слышитъ. Она ему уже и кричала, и пантофаю съ него сняла, но онъ ничего не слышитъ.

Призадумались Евреи и разошлись.

V.

Во всякомъ дѣлѣ, господа, не исключая и нашего теперешняго боеваго мѣся, если откуда ждутъ извѣстій, а ихъ долго нѣтъ, это не хорошо. Хотя худое извѣстіе, да поданное вовремя и съ искренностью, все лучше, истомы хуже смерти. Такъ и тутъ, когда Схарія позамѣшкался извѣсть глаголетъ, это не хорошо повѣло.

Зачѣмъ онъ медлитъ? *Не заколодило ли ему?*

А Схарія дѣйствительно *заколодило* и притомъ по всѣмъ правиламъ, съ чѣмъ-то таинственнымъ, съ какою-то кабалой.

Я не смѣю допытываться, кто изъ васъ вѣрующій, кто невѣрующій. Разумѣется я говорю про вѣру въ тѣ вещи которыя еще мудрецамъ не описались, а если и описались, то не объяснились. Смѣйтесь надо мною если вамъ угодно, я человѣкъ малообразованный и обижаться не стану, ну а только по-моему этакія вещи не только существуютъ, а вотъ одна изъ нихъ—это сны. Чтѣ вы мнѣ ни говорите, а я снамъ вѣрю и не перестану вѣрить, и основаніе къ тому имѣю.

Схарія вѣроятно прозябъ и усталъ, а потому какъ сѣлъ обдумывать что сдѣлать съ казакомъ чтобы онъ попрежнему ѣздилъ, но никого не трогалъ, такъ и самъ не замѣтилъ какъ заснулъ. Но что онъ за тяжкія претерпѣвалъ при этомъ мученія! Видитъ онъ предъ собою книгу Закона и уже быстро разогнулъ ее и хочетъ читать заветное мѣсто у Давіида, какъ вдругъ откуда ни возьмись кто-то рыжій, закрылъ книгу рукой и говоритъ: „Я ее запечатываю.“ Сказать такое слово благочестивому Еврею, это дѣло ужасное. Послѣ этого онъ не можетъ молиться до тѣхъ поръ, пока признаетъ себя нарушившимъ заповѣдь противъ ближняго и выпросить себѣ у него прощенія. Схарія остобенѣлъ отъ такой наглости! Кто могъ быть этотъ дерскій который удраалъ ему такую штуку? Никто иной какъ Коганъ Шліома, которому давно хочется быть святѣе Схаріи и перекупить у него Геліу. Схарія видитъ его дерскую руку, обернулся, но Шліома уже исчезъ. Схарія въ синагогѣ; поднялъ книгу Закона вверхъ обѣими руками, такъ высоко, чтобы все ее видѣли, и прохаживаясь съ нею при общемъ одобреніи, громко выкрикаетъ: „Вотъ законъ, который Моисей далъ дѣтямъ Израилевымъ!“ но вдругъ ко всеобщему ужасу зататался и уронилъ книгу Закона на полъ,—это второй знакъ почти уже неотвратимаго несчастья.

Не обошлось и безъ третьяго. Схарія дома; собралъ на школьный дворъ множество мальчишекъ, далъ каждому изъ нихъ по грошу и по деревянной пикѣ и заставилъ ихъ какъ можно громче кричать и махать пиками чтобы прогнать дьявола явно строящаго ему каверзы. А самъ вошелъ въ комнату горя желаніемъ узнать: хорошаго или худаго долженъ онъ, послѣ такого крайняго употребленнаго имъ средства, ожидать себѣ въ будущемъ, и сталъ съ этою цѣлью разсматривать надъ свѣчей свои руки. Но у нихъ пропала тѣнь! Испуганный Схарія бросилъ свѣчу и послѣпнѣе выбѣжалъ нагой на крыльцо чтобы при лунѣ вернуть себѣ тѣнь отъ Авеля, но луна вдругъ вся потемнѣла и какъ будто упала съ неба.

Хуже этого ничего не можетъ быть на свѣтѣ, потому что самые знаменитые раввины въ одно говорятъ что исчезновеніе тѣни знаменуетъ неизбѣжную гибель и это вѣрно, потому что основано на Моисеевомъ словѣ „и тѣни своей не узрите“.

Такъ быстро кажется никто не падалъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всего общества, какъ падалъ Схарія. Осталось послѣднее средство; до зари исповѣдывалъ Схарія свои грѣхи, стоя не на землѣ, но которой показалъ райскій свѣтъ, а въ тазу съ водою, и потому взялъ бѣлаго лѣтуха, а Хава далъ насѣдку, и оба они долго вертели этихъ птицъ около своей головы. Пѣтухъ и курица громко кричали, а Схарія выкрикалъ:

— Пусть этотъ лѣтухъ будетъ жертвой за мой грѣхъ; пусть онъ заслужитъ мнѣ хорошую награду! Пусть какъ машетъ этотъ лѣтухъ крыльями, такъ машутъ крыльями и перелетаютъ вокругъ меня съ мѣста на мѣсто ангелы. Пусть улетаютъ выше и садятся вокругъ моей головы на ихъ мѣсто добрые! И пусть этотъ лѣтухъ умретъ за меня на этотъ годъ, а я буду жить, и Хава будетъ жива и будетъ меня слушать съ одного раза и будетъ у насъ съ всю всякую недѣлю гутъ-шабашъ...

И онъ протянулъ руку и дернулъ Хаву за руку, велѣлъ ей сварить и лѣтуха и насѣдку; внутренности жертвенныхъ птицъ завязать въ узелокъ и положить на крышу дома, чтобы вероны увесли ихъ съ глазъ. Такъ Схаріей было сдѣлано все что можно было сдѣлать для отвращенія грозной судьбы, и онъ слышалъ уже какъ прежде чѣмъ началась вечерняя молитва два раввина разомъ въ одинъ голосъ начали восклицать ему лубличное прощенье. Но въ это самое время досадительная Хава разбудила мужа.

Небесный сводъ уже алѣлъ; занималась заря, свѣжая мартовская заря, предъ днемъ Пурима, торжественнаго праздника въ память побѣды Мардохея надъ Аманомъ. Это день когда каждому благочестивому Еврею не только разрешается, но даже вѣщается въ обязанность лить до тѣхъ норъ пока онъ будетъ не въ состояніи отличить Амана отъ Мардохея.

Это не только день радости, но и день чудесъ, когда Еврею сходитъ съ рукъ все что бы онъ ни сдѣлалъ. Писано что когда два знаменитые раввина Рабба и Сиро сошлись въ этотъ день чтобы вмѣстѣ улитъ до неспособности различить Амана отъ Мардохея, и раввина Рабба принялъ за Амана раввина Сиро и убилъ его и уложилъ подъ лавку, то и это ни мало раввину Сиро не повредило, потому что когда раввина Рабба о немъ помолился, то Сиро сію же

мигнута ожилъ и такъ шибко убѣжалъ изъ-подъ лавки, что Рабба не могъ его догнать и даже совсѣмъ его не видѣлъ.

Въ этотъ день Еврей безопасенъ отъ всѣхъ бѣдъ, а потому Схарія не боялся даже своего вѣщаго сна, который до зари пугалъ его цѣлыми рядомъ послѣдовательно развивающихся злыхъ предзнаменований.

Схарія всталъ бодро, мастерски вылотрошилъ рыбу, которую долженъ былъ самъ приготовить, и пошелъ въ синагогу, гдѣ долженъ былъ объявить какъ поступить съ казакомъ, чтобъ онъ ѣздилъ, но никого не тревожилъ.

Отвѣтъ этотъ по своей простотѣ и краткости отдавалъ чѣмъ-то библейскимъ: онъ весь состоялъ въ томъ что пусть казакъ ѣздитъ, но пусть онъ оставляетъ лошадь гдѣ-нибудь со вѣзда и ходитъ чрезъ мѣстечко пѣшкомъ; а главное чтобы онъ не смѣлъ ни къ кому обращаться ни съ какимъ словомъ. Тогда ему нельзя будетъ никому грезить, никого пугать, и ничего онъ не уложитъ себѣ подъ сѣдло; а между тѣмъ комиссаръ съ майоромъ будутъ играть и дѣла въ трактирѣ Нахмана не остановятся, и всѣмъ будутъ идти добрые гешефты.

Планъ былъ очень хорошъ, и его одобрили всѣ Евреи, и комиссаръ, и нашъ майоръ, который немедленно же отдалъ въ этомъ смыслѣ точный приказъ Аманьеву и затѣмъ закатилъ самъ на ту сторону отыгрываться.

Кажется даже самъ Аманьевъ, котораго это всѣхъ прѣмѣ касалось, и тотъ былъ этимъ доволенъ, и съ великою клятвой присягалъ майору что все то исполнитъ.

— Ей Богу, сказалъ,—ваше васкоблагородіе; да я радъ что этакъ уже по крайности съ меня вся напраслина снимется. А мнѣ что съ вами говорить? Богъ съ вами совсѣмъ; нешто мнѣ кромѣ ихъ не съ кѣмъ поговорить? Я и на своей сторонѣ поговорю.

Такъ большимъ и тонкимъ дипломатическимъ умомъ Схаріи былъ улаженъ ко всеобщему удовольствію этотъ казусный вопросъ, и Схарія прекрасно проведя канунъ веселаго праздника пошелъ держать съ своею Хавой опочивъ, который долженъ былъ дать ему силу и крѣпость потрудиться завтра въ честь побѣдительнаго Амана, и за столомъ, и за молитвой.

Но, какъ въ старенькой пѣсенкѣ поется: „что на счастье прочно всякъ надежду кинь“, то этою ночью, когда Схарія

улегся по всѣмъ правиламъ науки и спалъ нагишомъ и на лѣвомъ боку, изображая собой Исаака положеннаго на жертвенникъ, ему опять привидѣлся тотъ же завоушій сонъ вчерашней ночи и повториася во всѣхъ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ.

Это Схарію смутило тѣмъ болѣе что какъ ни точны на всѣ случаи жизни указанія раввиновъ, но такое буквальное повтореніе сна ими вѣроятно не было предвидѣно и во всей обширной наукѣ Схарію не было рецепта какъ поправить это дѣло, да и не было уже времени его поправлять; заря Пурима восходила, и Хава, соблюдая свой супружескій долгъ, возвѣщала объ этомъ толчкомъ въ бокъ своему супругу.

VI.

Начался веселый Пуримъ; какъ подобаетъ по написанному и по передаванному дѣдами, всѣ пришли утромъ въ синагогу, мужчины и женщины, причемъ почти каждый захватилъ съ собою ножичекъ, гвоздь и молотокъ или колотушку. Каждый тотчасъ съ прихода слѣдилъ нацаралать гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, на стѣнѣ или на чемъ другомъ, имя Амана, для того чтобы потомъ во время чтенія книги Эсфирь бить Амана, то-есть колотить по его выцараланному имени пока оно изгладится. Какторъ пропѣлъ громко исповѣдь; прочиталъ урокъ изъ книги закона; Схарія, который старался скрыть свое смущеніе, откупилъ право обоевать посреди синагоги Законъ и всѣ сыны Израиля цѣловали на рукахъ его священный свитокъ. Послѣ этого чтецъ зачиталъ книгу Эсфирь, и при первомъ же звукѣ „Аманъ“ по синагогѣ раздался оглушительный стукъ молотковъ и колотушекъ, которыми благочестивый народъ усердно изглаживалъ ненавистное ему имя. Схарія, какъ известный закононикъ, дѣйствовалъ всѣхъ ретивѣе. Онъ выгравировалъ предъ собою имя Амана крупнѣе и глубже чѣмъ всѣ другіе и съ перваго же раза ударилъ по немъ такъ ожесточенно что случилось самое ужаснѣйшее изъ ужасныхъ происшествій: большая, надежная колотушка Схарію сломалась въ самой рукоятки и ненавистное имя Амана оставалось во всемъ своемъ очевидномъ значеніи неизглаженнымъ. Рыжій-таки запечаталъ его книгу...

Это былъ скандалъ невѣроятный и примѣта самая скверная; порядокъ молелья нарушился; неизглаженнаго Схаріа Амана должны были добить другіе, что они и исполняли съ ожесточеніемъ общими силами, но тѣмъ не менѣе Схаріа былъ страшно униженъ и сконфуженъ. Все обаяніе его сразу пало во прахъ во мнѣніи мятежнаго народа, который легко бунтовался даже противъ самого Моисея. И Схаріа видѣлъ это и не удивлялся; предзнаменованіе было слишкомъ злобѣющее чтобы строго религіозный человѣкъ не отшатнулся отъ того надъ кѣмъ такъ видимо тяготеетъ какое-то ужасное указаніе. Всѣ сказали себѣ что Схаріа вѣрно чѣмъ-нибудь безъ мѣры тяжко согрѣшилъ и что онъ непремѣнно долженъ погибнуть. Всѣ отъ него отшатнулись и кучки гуляющихъ въ праздничномъ уборѣ удалялись отъ его дома какъ отъ зачумленнаго.

Положеніе было плачевное: Господь удалялъ отъ Схаріа и друга и искренняго, и приуготовалъ его быть въ мерзости себѣ самому и въ поношеніе людямъ.

Если изъ васъ кто-нибудь такъ счастливъ что уже переходилъ въ жизни полосу когда человѣкъ весь видитъ себя въ рукѣ какой-то неодолимой власти, которая его имеетъ и тяготитъ, то вы можете понять это положеніе, а если вы еще смры и не научены добродушному смыслу и вѣдѣнію, то вы и не поймете какъ въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ удивительно одуреваетъ и начинаетъ самъ лѣзть на свою погибель, что и продолжалъ въ совершенствѣ Схаріа.

Мучительное состояніе отверженія терзало его, но онъ справлялъ праздники по установленію и усердно старался привести себя въ такое состояніе когда благочестивый Еврей перестаетъ отпадать Амана отъ Мардохея. Дослѣвая къ этому Схаріа частенько подходилъ къ укрѣпленному въ углѣ поставцу и послѣ каждаго стаканчика отходилъ къ окну, растопыривалъ предъ собою обѣ руки и считалъ пальцы; но хмѣль былъ не размычивъ и число пальцевъ все оставалось одно и то же: на двухъ рукахъ и теперь въ Пуримъ все было десять пальцевъ, какъ и въ простой день.

Съ конемъ поръ Схаріа себя поминалъ, съ нимъ этого еще никогда не случалось. Не худо ли было вино въ бакалжкѣ, но каждый Пуримъ онъ приласалъ себѣ одно и то же вино, которое чортъ его знаетъ почему называется „розекевейнъ“, хотя состоитъ просто изъ смѣси коньяку и воды. Проще

сказать по-нашему это оплошки которыми ополаскиваютъ бочки изъ-подъ красныхъ французскихъ винъ, подиравать ковылкою и продаютъ Жидамъ, а тѣ пьютъ и дурбютъ. Въ былые годы Схарія отъ этого розенвейна видѣлъ у себя на двухъ рукахъ пальцевъ по двадцати, и теперь чѣмъ туже это давалось, тѣмъ онъ сильнѣе этого добивался. Онъ выпивалъ и выливая расхаживалъ по комнатамъ и размышлялъ: за что такъ разгнѣвался на него Всесильный и въ самый Пуримъ отдалъ его въ пошваніе людямъ? Если онъ, Схарія, чѣмъ-нибудь и согрѣшилъ болѣе или менѣе тяжко, если онъ даже когда-нибудь сядетъ за столъ позабылъ вымыть руки, то вѣдь и это можетъ быть изглажено въ такой праздникъ. Но сколько же у него, Схаріи, есть за то заслугъ и великихъ дѣлъ? Не онъ ли, Схарія, всю свою жизнь подстерегалъ всѣ грѣхи христіанъ,—выставлялъ ихъ на видъ своимъ старцамъ и дѣтямъ и лучше всѣхъ успокоивалъ ихъ совѣсть въ разрѣшеніи всякихъ присягъ, клятвъ и обѣщаній данныхъ христіанину? Не онъ ли вредилъ христіанамъ неуныстительно всегда и чѣмъ только могъ? Не онъ ли доказывалъ какъ бѣдна и ничтожна христіанская вѣра, какъ она ничего не даетъ своимъ на землѣ, гдѣ они до сихъ поръ еще не научились чтобы другъ друга поддерживать, а въ будущемъ даже и не обѣщаетъ имъ ничего такого что бы могло согрѣть внутренность? Какъ осязательно онъ умѣлъ представить награды которыя ждутъ вѣрныхъ Евреевъ. Онъ умѣлъ научать всѣхъ вотъ именно въ этотъ веселый праздникъ Пуримъ забывать всѣ притѣсненія и бѣдствія которыя они несутъ отъ ненавистныхъ христіанъ. Самого несчастнаго и бѣднаго онъ приводилъ въ расположеніе мечтать теперь о хорошемъ пивѣ, о крѣпкомъ винѣ, о рыбѣ Лениаевѣ, о большомъ быкѣ котораго пасутъ ангелы и даютъ ему въ день траву съ тысячи горъ.

Сердце Схаріи сохло и внутренность его требовала розенвейна: онъ подошелъ къ поставцу и сразу налилъ два заповѣдныя сосуда: узкодонный бокалъ, изъ котораго онъ пилъ когда женился на первой женѣ, бывшей дѣвушкой, и стаканъ изъ котораго поилъ его Хава, выходившая за него замужъ вдовой.

— Жены мои: развеселите меня хмѣлемъ винограда и воспоминаніемъ того что было, когда мы въ первый разъ пили вѣнчать изъ этихъ стакановъ!

Проговоривъ это Схарія духомъ проглотилъ узкодонный бокалъ и стаканъ, и отойдя къ окну опять растопырилъ и пересчиталъ всѣ свои пальцы.

Дѣло не подвигалось: на рукахъ у Схаріи продолжало оставаться десять пальцевъ. Было очевидно, чтобы выбиться изъ этого гнуснаго положенія надо было прибѣгнуть къ послѣднимъ, самымъ дѣйствительнымъ средствамъ и уже ничего не жалѣть.

Схарія такъ и сдѣлалъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—пусть это не будетъ такъ! Нѣтъ; если ужъ на то пошло, то я уже ничего не пожалѣю и такъ и быть я обновлю Законъ въ синагогѣ.

У этихъ евеевровъ „обновить законъ“, то-есть пожертвовать въ синагогу новый свитокъ, все равно что у игроковъ смарать старыя записи. Но это стоитъ дорого, потому что „обновить“ иначе нельзя, какъ чтобы новый свитокъ былъ параднѣе того, который уже находится въ употребленіи.

Но Схарія рѣшилъ „обновить“ и притомъ „безъ обмана“ и объявилъ это Хава.

— Жена моя, встань и слушай, слушай что будетъ говорить твой мужъ, потому что я буду давать обѣтъ Богу и безъ всякой хитрости, и что я Ему обещаю, ты Хава будешь тому свидѣтельница.

— Только не надо обѣщать грошей, отозвалась Хава.

— Нѣтъ, ты молчи и слушай. Это не твое дѣло: я обещаю, Хава, что если надъ нами не будетъ ничего худого и если я и ты Хава, и всѣ дѣти мои, и весь домъ мой проживемъ этотъ годъ здорово до другаго Пурима, то я, Хава, буду дѣлать большія жертвы: я выйду, Хава, изъ Вильны самаго лучшаго писаря, и прикажу ему списать на телачьемъ пергаментѣ большими, ровными какъ одна литерами весь Законъ. И это будутъ, Хава, такія книги, какихъ у насъ еще не было: всѣ онѣ будутъ списаны безъ одной ошибки и кусокъ пергамента будетъ пришить къ другому куску воловьими жилами изъ быка котораго я самъ заколю на это. И приколочу я пергаментъ къ крашевымъ палкамъ съ золотыми цвѣтками.... И это будетъ мой Законъ.... О-о-о-й, не мѣшай, не мѣшай мнѣ обѣщаться, Хава: я знаю что ты хочешь говорить, а ты только слушай. Тебѣ Хава не надо говорить, потому что я все знаю, и даю обѣтъ Богу, за то чтобы Онъ меня хорошо охранялъ до другаго Пурима....

Да; и тебѣ за то со мною хорошо будетъ, Хава. И когда все будетъ готово, Хава, ты приготовишь тогда гугель и перцу съ медомъ и всякихъ пряниковъ, только такихъ чтобы отъ нихъ не болѣлъ крѣпко животъ и никто не умеръ. А я кулаю намоченныхъ яблоковъ и всякихъ хорошихъ плодовъ, и состроимъ балдахинъ.... О-о-о-й, не мѣшай, Хава, не мѣшай, мнѣ это надо все громче кричать чтобы и ангелъ слышалъ что я обещаю! Пестреимъ балдахинъ съ золотомъ, Хава, и съ серебромъ.... да, Хава,—съ настоящимъ яснымъ золотомъ, какъ Соломонъ дѣлалъ, и будетъ балдахинъ на двадцати четырехъ высекихъ крашевыхъ палкахъ, и всѣ будутъ за тѣ палки цѣляться, а возьмутъ ихъ мои сныи и друзья и мы одни повесимъ его по срединѣ всей улицы и впереди всѣхъ войдемъ въ синагогу, а книги будутъ нести раввины. Каждый раввинъ все будетъ нести всего по пяти шаговъ и перемѣняться,—да.... по пяти....

— И за то имъ всѣмъ надо платить? рѣшительно перебила Хава.

— Да, Хава, да; всѣмъ надо будетъ платить, отвѣчалъ Схаріа,—и мы всѣмъ заллатимъ, Хава. Что же такое: заллатимъ, а потомъ Богъ намъ отдастъ всемеро, Хава, даже больше какъ всемеро.

— Еще когда отдастъ!

— Хава, развѣ такъ можно говорить? Развѣ я не ученый человекъ, развѣ я не весь законъ знаю; развѣ это не я тебѣ говорю? И какъ ты можешь мнѣ не вѣрить съ одного слова, когда я могу тебя за это отпустить.

— А если ты умрешь прежде чѣмъ получишь всемеро, какой тогда будетъ намъ гешефтъ?

— Ты опять нехорошо говоришь Хава; право ты нехорошо говоришь, для чего же я умру: я за то обѣтъ дѣлаю чтобы я не умеръ и былъ цѣлъ до другаго Пурима, а ты говоришь что я умру. Знаешь, я опять теперь боюсь, Хава, что твоя бабка была не Евва, а Лилисъ, которая докучала Адаму тѣмъ что все спорила. Смотри, Хава, чтобы я за это не далъ тебѣ разводъ.

Но Хава, относительно еще молодая жена Схаріа, которая была маловѣрна и довольно скула, а къ тому же знала себѣ цѣну, рѣшительно возстала противъ цѣнныхъ обѣтовъ и укazyвая на преклонные годы Схаріа и на свою относительную молодость и на кучу здѣсь же швырявшихся и валявшихся

но перинамъ дѣтей, съ совершенно несвойственною Еврейскъ самостоятельностью рѣшительно протестовала противъ такъ торжественно произнесеннаго ея мужемъ обѣта.

Схарія какъ ни былъ преисполненъ самой основательной ученой солидности, но не могъ снести этой дерзости: онъ сталъ сердиться, кричать и наконецъ, видя что не можетъ побѣдить строптивой жены, сказалъ ей.

— Итиль! завтра же я напишу тебѣ разводное письмо, да вею писарю его написать ровными одна къ одной буквами и безъ всякой ошибки, и ты его возьми и ступай вонъ, и пусть имя твое изгладится въ потомствѣ.

И Схарія въ гнѣвѣ подошелъ опять къ шкафу и налилъ себѣ розенвейна, а Хава, которая не очень боялась изглаженія своего имени, но очень боялась остаться безъ денегъ, спокойно отвернувшись къ окну, но вдругъ пронзительно вскрикнула.

— Чтѣ тамъ? спросилъ Схарія.

— Казакъ, прошелтала Хава, и указала на свои ворота, въ которыя Аманъевъ тянулъ за поводъ свою длинноногую поджарую лошадь.

Схарія уронилъ стаканъ и взглянувъ торопливо на свои пальцы увидалъ что ихъ ни одного нѣтъ.... Да, совсѣмъ ни одного не было, а предъ глазами только какой-то огромный трасущійся паукъ косилъ во все стороны кривыми ногами.

VII.

Схарія наладилъ свое дѣло! Его обѣтъ уже несомнѣнно привнесъ свои плоды: исчезновеніе пальцевъ возвыщало приближеніе того вожделѣннаго состоянія когда онъ не станетъ отличать Амана отъ Мардохея, а тогда по его молитвѣ будутъ твориться чудеса какія творились по молитвѣ Рабба убившаго и воскресившаго раввина Сиро. Меламедъ сообразилъ это и быстро поправился: казакъ ему пересталъ быть страшенъ.

— Не смѣй кричать! сказалъ онъ женѣ:—ты увидишь что я съ нимъ сдѣлаю.

— Нѣтъ, ты смотри что онъ дѣлаетъ, и Хава указала на Аманъева, который въ это время щелкалъ нагайкой по боку хозяйскую корову, что малахольчески жевала сѣно у

обрѣза, и отогнавъ ее, поставилъ къ сѣну свою довскую клячу.

— Это ничего, отвѣчалъ Схарія.

— А коровѣ больно: она не дастъ молока, и когда у нея заболитъ печенка, она будетъ тrefъ.

— Если у нея заболитъ печенка, мы ее продадимъ христіанамъ и намъ не будетъ никакого убытка.

— А когда онъ придетъ и будетъ просить ѣсть.

— Онъ не можетъ просить, онъ не смѣетъ.

— А когда онъ станетъ пугать?

— Онъ не будетъ пугать.

— Почему не будетъ?

— Молчи: я знаю что не будетъ.

— А какъ онъ украдетъ мою серебряную ложку?

— Сядь на нее хорошенько, какъ Рахиль, и онъ ея не украдетъ, а мнѣ скорѣе подай изъ шкафа листъ бумаги и чернила и смотрите что будетъ. Теперь смирно: онъ входитъ.

— И онъ съ кѣмъ-то говоритъ, Схарія, робко прошептала Хава.

— Молчи; онъ съ нами говорить не будетъ. Тутъ я буду говорить.

Въ это время сильный толчокъ изъ сѣмей отворилъ дверь и на порогъ показался во весь свой огромный ростъ казакъ Анапьевъ. По дипломатическимъ условіямъ своей поѣздки онъ былъ безо всякаго оружія, но съ нагайкой, увѣсистой которой уже испытала на себѣ хозяйская корова.

Дѣти увидя его сначала было всѣ сразу залакали, но когда Хава загребла ихъ кучкой въ уголъ и покрыла своею ватною юлкой, они сейчасъ же стихли. Въ покоѣ водворилось мертвое молчаніе.

Казакъ немножко покачивался: онъ, очевидно, былъ пьянъ. Это такъ и слѣдовало. Пуримъ справлялся не на одной австрійской сторонѣ, а и на нашей, гдѣ благочестивыхъ Евреевъ еще болѣе чѣмъ въ Австріи, и всѣ они не менѣе австрійскихъ крѣпки въ отеческихъ преданіяхъ.

Схарія, какъ будто не обращая на казака вниманія, взялъ въ руку перо и заговорилъ по-русски:

— Ой перо мое, перо! ой, кабы ты могло знать, мое перо, что я съ тобою буду дѣлать? А я съ тобою сейчасъ буду писать все что здѣсь будетъ говорить чужой человѣкъ, которому ничего по сей бокъ ни съ какимъ цезарскимъ

т. схиш.

человѣкомъ говорить не вѣлно. И какъ все что онъ скажетъ я запишу, то пошлю все то къ комиссару, а комиссаръ скажетъ про то московскому майору, и будетъ тогда за это чужому челоѣку совѣтъ очень прескверно.

Проговоривъ это, Схарія обмакнулъ перо, положилъ руку на бумагу и приготовился писать; но писать было нечего. Аваньевъ не обращался ни съ однимъ словомъ ни къ нему, ни къ его Хавѣ, ни къ ихъ дѣтямъ, а выслушавъ политичную рѣчь меламеда повелъ противъ него свою политику.

Стоя посреди горницы, онъ прежде всего вынулъ изъ шароваръ трубку и началъ ее молча набивать. Потомъ закурилъ трубку еобственною спичкой, спряталъ въ шаровары кисеть и уѣвшись на скамьѣ за столомъ вытащилъ изъ кармана маленькій бѣлый миткалевый платочекъ и преосторожно-осторожно началъ его разворачивать.

Казаки раскрывалъ свой платокъ точно въ немъ былъ завернуть какой-то драгоценный перстень, но, разумѣется, ни перстня, ни какой другой драгоценности въ платкѣ не было. Это досконально видѣли и Схарія, и его жена, и ихъ дѣти, и баба Оксана. Похоже было что это какая-то хитрость, и эта хитрость начинала всѣхъ занимать. Казаки же продолжалъ свое дѣло необыкновенно серьезно: онъ развернулъ платочекъ, сравнялъ его уголки вдвое, потомъ вчетверо, потомъ крестъ на крестъ и будто разсердился что не такъ вышло и опять сталъ его встрахивать и наново скаадывать. Опять долго и много онъ его встрахивалъ, переворачивалъ, смотрѣлъ на свѣтъ и, замѣтивъ гдѣ-то пылинку на столѣ, сдулъ ее и началъ разстилать и разглаживать лапами на этомъ мѣстѣ свой платокъ, а потомъ, положивъ на него свою нагайку, поласкалъ ее рукой какъ будто какого любимого кота и повелъ съ нею такое слово:

— Ой нагайка моя, нагайка! Ты моя дружина, да и я твой другъ. Много ты мнѣ ослужила всякихъ службъ и еще сослужи что я *тебѣ* буду сказывать: строго я съ тобою такъ обошелся что долженъ былъ тебя объ жидовскую корову хлопнуть, но ты въ этомъ сама виновата: зачѣмъ службу забываешь; не припасла коню на дворѣ гарчикъ овса и корову раньше не отогнала. Вотъ за то тебѣ и досталось что ты свою довокую присягу забыла, за это я тебя и впередъ не помилую, а ты сама себя оберегай. Вотъ я сейчасъ те-

перъ пойду къ командиру и самою короткою дорогою, тибко побѣгу, а тебѣ приказываю чтобы мнѣ здѣсь къ моему приходу, вотъ на самомъ на этомъ платочкѣ, стоялъ подушникъ водки и тарелка перцу съ рыбой, и ты это непременно достань; а если не достанешь, то я тебя схвачу тогда за ухо, да начну обо вѣхъ хлопать, пока у тебя ухо оторвется. Вотъ какъ!

При этомъ онъ взялъ нагайку въ руки и вставъ съ мѣста такъ ударилъ ею по скамейкѣ на которой сидѣлъ, что та такъ и развалилась на двое, а самъ опять положилъ нагайку на платокъ и вышелъ, не сказавъ хозяевамъ ни одного слова.

Впечатлѣніе было полное. Казаки успѣвъ уже обогнуть уголъ дома, а семья достопочтеннаго Схаріи еще пристально смотрѣла на мастерски разрыванную плетью скамью, которая служила прообразованіемъ того что въ самомъ недалекомъ будущемъ должно случиться съ ними самими, если только умъ и ученость Схаріи не найдутъ средства отклонить наказанія угрожавшаго нагайкѣ.

Первая обнаружила признаки этой заботливости Хава: она выпустила цѣпь-подъ юлки дѣтей и сказала мужу:

— Я не хочу чтобы съ нами такъ было, Схарія.

— Да, лучше я буду думать чтобы этого и не было, отвѣчалъ онъ.

— Ты станешь думать и олатъ уснешь.

— Нѣтъ, Хава, я теперь не усну, . теперь мнѣ вельзя спать.

— Нельзя спать, надо скорѣе послать Оксану за Шмилемъ и Шайомой, чтобы они шли биться.

— Нѣтъ, Хава, нѣтъ. Я сейчасъ выдумаю; а сейчасъ выдумаю такое что ты никогда не слышала, но только я не пошлю Оксану ни за Шмилемъ, ни за Шайомой, потому что они будутъ потомъ на насъ смѣяться, а я пошлю Оксану совсѣмъ въ другое мѣсто. Оксана! что ты стоишь? Ты ходи смѣло, совсѣмъ смѣло ходи. Ты иди въ кладовую и возьми все что онъ говорилъ,—ты возьми рыбу и ты водку возьми, и ты поставь все это сейчасъ на столѣ. Да, да, да, нечего тебѣ такъ на меня смотрѣть: я умный человекъ и знаю что я говорю, потому что я не хочу чтобы онъ билъ о меня и о моихъ дѣтей свою нагайку. А онъ дуракъ когда можетъ думать что это нагайка можетъ ему доставить, и Баганъ

Шліома дуракъ, и этотъ казакъ завтра заѣдетъ до Шліома и все этакъ сдѣлаетъ, а Шліомъ гаулуй человекъ, онъ разсердится и не поставитъ всего на столъ и они оба будутъ одинъ съ другимъ биться и оба другъ друга убьютъ и ихъ за это обоихъ повѣсятъ на высокомъ столбѣ, и птичка садеть на нихъ и будетъ ихъ ѣсть. А мы дадимъ этому дураку водки и рыбы и больше ничего, потому что у меня есть настоящій умъ, который все злое можетъ предѣлать. Пусть онъ думаетъ что ему все это принесла сюда его нагайка, и пусть сдѣлаетъ это завтра Шліома. Вотъ что я подстроилъ!

И Схарія отъ вѣтерливія самъ помогалъ скорѣе выставлять на указанное казакомъ мѣсто бутылку вина и ломикъ съ рыбой, и былъ очень радъ что все это устроилось какъ разъ вовремя, потому что въ эту же самую минуту въ окнѣ мелькнула фигура Ананьева и чрезъ секунду онъ самъ появился.

Одно что не было приготовлено Ананьеву, это не поставили ему другой скамейки, не походный человекъ за этимъ не гонится; нашъ же казакъ теперь былъ особенно скоръ и рѣшительнѣе: онъ даже выпилъ всего одну рюмку водки, а всю остальную бутылку спустил за голенище; а кушанье только попробовалъ, и замѣтилъ что Жиды очень мало рыбы въ перецъ кладутъ. А затѣмъ собралъ все въ пактъ и прочелъ казачью молитву:

— Богъ налиталъ—командиръ не видалъ, а кто видѣлъ—не обидѣлъ. И тебѣ, нагайка, спасибо: хорошо спроворила, зато и не будешь о Жидовъ бита; а теперь хочешь здѣсь оставайся, хочешь вели бабѣ чтобъ она несла тебя за мной съ почестью.

— Неси ее! шепнулъ грозно Оканъ Схарія.

И та помесла нагайку за Ананьевымъ, который, выйдя на дворъ, отыскалъ отъ обрѣза свою клячу и сталъ подтягивать подлруги, но вдругъ слышитъ баба говорить ему:

— Господа Москалю, а господа Москалю!

Казакъ посмотрѣлъ на нее и отвѣчаетъ:

— Молчи, тетка, мнѣ въ вашемъ царствѣ съ вами говорить нельзя.

— Да мени отъ васъ только одно слово треба.

— Какое одно слово: худое или доброе?

— Доброе: скажите мени, чи вы чего у насъ не вкраамъ?

— Что ты, что ты дура! Развѣ это можно?
 — Да я боюсь что меня потомъ хозяева бить будутъ.
 — Бить будутъ! Вотъ жизнь-то ваша какая!
 — Отдайте же что вы вкрады?
 — Да отважись ты отъ меня, сдѣлай милость, съ такими пустяками. Ты лучше Богу молись чтобы мы васъ лоскорѣй побѣдили и за себя взяли, тогда тебя никто не посмѣетъ бить.

— Да что молиться, я и такъ молюсь чтобъ и вы победили, и чтобъ васъ любидыли, а аки не любидатся, тихъ чтобъ была Божа любидыла, только скажите, что вы у меня вкрады?

Казакъ и разсердился.

— Тыфу ты, дура, говорить:—съ тобой и слова тратить нечего!

Вскочилъ на коня и говорить:

— Подай мою нагайку.

Но Оксана, что бы вы думали:

— Эге, говорить:—нѣтъ, вы мени отдайте что вы вкрады.

Тутъ Апаньевъ уже совсѣмъ взбѣсился, да къ ней, а она отъ него, да въ сѣни и залерлась, а нагайка у нея въ рукахъ осталась. А казакъ туда-сюда, ломиться не смѣетъ — и былъ таковъ — ускакалъ на свою сторону. И вышла всѣхъ дальновидѣе баба Оксана, а всѣхъ глаулѣе мудрый Схарія, который тутъ только и понялъ какъ онъ просто могъ отдѣлаться. Съ этой поры мой Схарія и сталъ у всѣхъ въ посмѣшищѣ и доживаетъ вѣкъ въ дуракахъ, ожидая пока придетъ часъ обмазать ему голову сырымъ яйцомъ и зарыть его въ землю. Вотъ вамъ и „страшный Жидъ“ съ расчетомъ. Конечно можетъ-быть это къ другимъ въ примѣръ не идетъ, ну да я вѣдь это такъ разказаъ, къ тому что и расчетливый просчитывается. Не зыщите. А теперь спать бы! да если ночью будетъ тревога, пожалуста вставать не колаться.

Н. ЛѢСКОВЪ.

РАЗКАЗЫ БАБУШКИ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ ЕЯ ВНУКОМЪ

Бабушка моя, матушкина мать, Елизавета Петровна Янкова, родилась 24го марта 1768 года. Она была дочь Петра Михайловича Рамскаго-Корсакова, женатаго на княжнѣ Пелагеѣ Николаевнѣ Щербатовой. Мать Петра Михайловича Евпраксія Васильевна была дочь историка Василія Никитича Татищева.

Бабушка скончалась 3го марта 1861 года, сохранивъ почти до самой своей кончины твердую память, въ особенности когда рѣчь касалась *прошлаго*. Всѣ члены рода Корсаковыхъ жили весьма долго, но бабушка Елизавета Петровна всѣхъ превзшла своимъ долголетствіемъ. Она живо помнила всѣ преданія семейства восходившія до временъ Петра Iго, и разказывала съ удивительною подробностью, помня иногда года и числа: кто былъ на комъ женатъ, у кого было сколько дѣтей; словомъ сказать она была живою летописью всего XVIIIго столѣтія и половины XIXго.

Я началъ помнить мою бабушку съ 1830 года, со времени *первой холеры*: ей было тогда 62 года. Она жила постоянно въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, въ приходѣ у Троицы въ Зубовѣ, въ Штатамъ переулкѣ, между Пречистенкой и Остоженкой. Мнѣ было тогда три года: мы жили

въ деревнѣ въ сорока верстахъ отъ Москвы; это было осенью, въ концѣ августа или въ сентябрѣ.

Помню что разъ вечеромъ въ гостиной я заснулъ у матушки на диванѣ за ея спиною. Просыпаюсь — подамы свѣчи; предъ матушкой стоитъ жена управителя, Настасья Платоновна, и матушка читаетъ ей вслухъ письмо полученное отъ бабушки. Она писала: „Милый другъ мой, Грушенька, прѣзжай скорѣе въ Москву: насъ постигли гдѣ-то Божій, смертоносное повѣтріе, которое называютъ холерой. Смертность ужасная: люди мрутъ какъ мухи. Прѣзжай, моя голубушка, и одна: Клеопатра * еще не возвращалась, она и Авдотья Федоровна у Анночки въ Бремачевѣ. Чтѣ тебѣ дѣлать одной съ ребенкомъ въ деревнѣ: ежели Господь опредѣлилъ намъ умереть, такъ ужъ лучше прѣзжай умирать со мною, умремъ вмѣстѣ; на людяхъ, говорятъ, и смерть красна. Жду тебя, моя милая, Господь съ тобою“.

На слѣдующій день мы поѣхали въ Москву. Какъ мы ѣхали, не помню; памятно мнѣ только что когда мы прѣехали къ Бутырской заставѣ было уже совершенно темно и вдругъ насъ озарилъ яркій свѣтъ: были разложены большіе костры по обѣимъ сторонамъ дороги у самой заставы.

Я спалъ во время дороги, но когда карета вдругъ остановилась я проснулся:

Слышу матушка спрашиваетъ у кого-то:

— Чтѣ это такое? Отчего разложены костры?

— Вѣрно окуривать тѣхъ которые въѣзжаютъ въ городъ, отвѣчалъ чей-то голосъ въ темнотѣ.

Человѣкъ нашъ пошелъ въ караульную при заставѣ расписываться въ книгѣ: *кто и откуда ѣдетъ* (какъ это тогда водилось, покуда съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ въ 1852 году, на заставахъ не были сняты плагибаумы и въѣздъ въ города не сдѣлался совершенно свободнымъ).

Матушка говоритъ моеи нянѣ старушкѣ:

— Няня, спусти стекло и спроси, отчего это казакъ стоитъ у огня?

Няня спустила стекло, высунула голову и съ кѣмъ-то говорила; я вѣрно или не понималъ, или не слышалъ ея словъ, но только слышу она передаетъ матушкѣ шепотомъ, чтобы меня не разбудить: „Это, вишь, ликеть, казаки поставлены, городъ оцѣлелъ; и мертвое тѣло лежитъ“...

* Клеопатра Дмитріевна, младшая сестра матушки, дѣвица, которая жила съ бабушкой. Анночка, т.-е. Анна Дмитріевна Посникова, вторая дочь бабушки, находившаяся тогда въ Костромской деревнѣ Бремачевѣ. Авдотья Федоровна Барыкова, дочь одного тульскаго дворянина, которую по выходѣ изъ института бабушка взяла къ себѣ погостить, очень полюбила ее и не пустила къ отцу, и прожила она у бабушки до своего замужества, съ 1816 до 1834 года.

** Это письмо цѣлѣно; списываю его слово въ слово.

Поутру бабушка кушала свой кофе у себя въ кабинетѣ, и пока не откушаетъ—дверь въ гостиную не отворялась; въ 10 часовъ замокъ у двери щелкаетъ со звономъ, бабушка выходитъ въ гостиную и направо отъ кабинетной двери, садится у окна въ мягкое глубокое кресло и работаетъ у маленькаго столика до обѣда, т. е. до трехъ часовъ, а если работаетъ въ лѣтцахъ—вышиваетъ коверъ, то остается въ своемъ кабинетѣ и сидитъ на диванѣ противъ входной двери изъ гостиной и видитъ тотчасъ кто входитъ изъ залы. Когда она бывала дома, то принимали прямо безъ доклада.

Опишу наружность бабушки, каковою я началъ ее помнить съ дѣтства и каковою, съ едва замѣтною для меня переменой, она осталась до самой ея кончины въ 1861 году, когда ей было 93 года.

Бабушка была маленькая, худенькая старушка съ весьма пріятнымъ блѣдымъ лицомъ: на ней тюлевый чепецъ съ широкимъ рюшемъ накрывавшій на самый лобъ, такъ что волосъ совсѣмъ не видать, тафтяное платье съ очень высокимъ воротомъ и около шеи тюлевый, рюшевый борокъ; сверху накинута на плечи большой темный платокъ изъ легкой шерстяной ткани или черныи шелковый платицъ. Какъ многія старушки ея времени, она остановилась на известной модѣ ей приличествовавшей (1820 годовъ) и съ тѣхъ поръ до самой кончины своей продолжала носить и чепецъ и платье однажды усвоеннаго ею покрою. Это несовременное одѣяніе не казалось на ней страннымъ, напротивъ того: невольное внушало каждому уваженіе къ старушкѣ, которая чуждалась непостоянства и крайностей моды, съ чувствомъ собственного достоинства, оставила за собой право одѣваться какъ ей было удобно, какъ бы считая одежду не поводомъ къ излишнему щегольству, но только средствомъ изобрѣтеннымъ необходимостью приличнымъ образомъ, удобно и покойно себя чѣмъ-нибудь прикрыть.

Десять лѣтъ моего дѣтства провелъ я въ домѣ бабушки и съ дѣтства слышалъ ея рассказы, но не многое отъ слышаннаго тогда осталось въ моей памяти; я былъ еще такъ малъ что не придавалъ настоящаго значенія слышанному мною и то что слышалъ сегодня—забывалъ завтра. Десять лѣтъ спустя, когда лишившись своей незамужней дочери съ которою она жила, бабушка перешла на житье къ намъ въ домъ и жила съ нами до своей кончины, въ эти двѣнадцать лѣтъ слышанное мною живо врѣзалось въ мою память, потому что многое было мною тогда же подробно записано. Въ числѣ этихъ двѣнадцати лѣтъ мы провели безвыѣздно три года—53, 54 и 55—въ деревнѣ, и тутъ-то въ длинные зимніе вечера бабушка любила вспоминать о своей прошлой жизни и не рѣдко повторяла одно и то же.

То что я тогда записалъ, могу передать со всею полнотой подробностей, которыя доказываютъ что говорить очеви-

децъ, припоминаяющій когда-то видѣнное, а то что я моза-бывалъ или иногда и дѣлался записывать подробно, слыш-комъ доверяя своей памяти, я передаю только въ очертані-яхъ и краткихъ словахъ, не желая вымыслить и опасаясь исказить точность мнѣ переданнаго.

Всѣ тѣ мелочныя подробности ежедневной нашей жизни, которыми мы пренебрегаемъ въ настоящее время, считая ихъ излишними и утомительными, становятся драгоценными по простотѣ столѣтія, потому что живо рисуютъ предъ нами нравы, обычаи, привычки давно исчезнушаго поколѣнія и жизнь имѣвшую совершенно другой складъ чѣмъ наша.

Я нѣсколько разъ пытался предлагать бабушкѣ диктовать мнѣ ея воспоминанія, но она всегда отвергала мои попытки при ней писать ея записки и обыкновенно говаривала мнѣ: „Статочное ли это дѣло чтобъ я тебѣ диктовала? Да я и сказать-то ничего тебѣ не сумѣю; я давнымъ давно все перезабыла, а ежели что я разказываю и тебѣ покажется интереснымъ, такъ ты и запиши, а большаго отъ меня не жди, мой милый.“

Такъ мнѣ и приходилось дѣлать: записывать украдкой и потомъ приводить въ порядокъ и одинъ разказъ присоеди-нять къ другому. Будучи въ настоящее время единствен-нымъ хранителемъ этихъ преданій и разказовъ, я счелъ своимъ долгомъ подѣлиться этими словесными памятниками прошедшаго со всѣми любителями старины и разсудить что мнѣ, какъ Москвичу, всего лучше и приличнѣе напеча-тать ихъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе что въ московскомъ об-ществѣ найдутся люди, по преданію имѣющіе понятіе о ли-цахъ упоминаемыхъ въ разказахъ старушки, прожившей всю свою жизнь въ Москвѣ.

ВНУКЪ.

1877 года, ноября 1го дня.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Я родилась въ селѣ Бобровѣ, которое купила покойная бабушка, батюшкина мать, Евпраксія Васильевна; дочь историка Василя Никитича Татищева. Въ первомъ бракѣ она была за дѣдушкой Михаиломъ Андреевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ и отъ него у нея было только двое дѣтей: батюшка Петръ Михайловичъ и тетюшка княгиня Марья Михайловна Волковская. Вскорѣ овдовѣвъ, бабушка вышла замужъ за Шепелева (кажется Амлея Степановича); дѣтей у нихъ не было и они скоро развѣхались, давъ другъ другу подписку, чтобы ни которому изъ нихъ одному послать другаго седьмой части не брать. По Шепелевымъ бабушка приходилась сродни графинѣ Шуваловой (Мавръ Егоровъ, урожденной Шепелевой, женѣ графа Петра Ивановича Шувалова).

Лѣтомъ графиня Шувалова жила иногда въ своемъ имѣніи, гдѣ-то неподалеку отъ Боброва; бабушка съ ней считалась родствомъ и была дружна. Разъ какъ-то она была у нея въ гостяхъ, та и говоритъ ей: Что ты меня никогда не позовешь къ себѣ обѣдать?

— Что же мнѣ тебя звать, отвѣчала бабушка, — милости просимъ когда угодно.

— Ну такъ назначь день, когда мнѣ пріѣхать; а то легко ли сколько веротъ ѣхать съ визитомъ, а ты пожалуй и не дашь пообѣдать.

— Я дня не назначаю, потому что ты сама знаешь, всегда тебѣ рада и обѣдомъ угощу, прошу не прогнѣваться, чѣмъ Богъ послалъ... А ежели день назначишь, и того лучше, буду тебя ожидать... Назначь сама.

День назначили. Бабушка, пріѣхавъ домой, послала нѣсколько троекъ туда-сюда: кто ловилъ за рыбой, кто за дичью, за фруктами, мало ли за чѣмъ? *Званый обѣдъ*: Шепелева угощаетъ графиню Шувалову, — стало-быть пиръ на весь міръ. Бабушка была большая хвѣбосолака и не любила лицомъ въ грязь ударить. Надобно гостей называть: не вдвоемъ же ей обѣдать съ графиней. Послала

звать сосѣдей къ себѣ хлѣба - соли откусать и знатымъ и незнамымъ — всѣхъ зоветь: большая барыня никого не гнушается; ея никто не уронитъ, про всѣхъ у нея чѣмъ накормить достанетъ... Приспѣлъ назначенный день. Гостиная полна гостей; Калуга въ семнадцати верстахъ и оттуда съѣхались: пріѣхала главная гостья—Шувалова; не забыли и пола съ попадьей. Попадью бабушка очень любила и ласкала; соскучится бывало и позоветъ человека: „Поди, зови попадью“. Та придетъ: „Что жь это ты дѣла своего не знаешь, ко мнѣ не идешь который день?“ Та начнетъ извиняться: „Ахъ матушка ваше превосходительство, поминайте, какъ же я могу, какъ я смѣю незваная придти“... Бабушка какъ прикрикнетъ на нее: „Что ты, въ умѣ что ли, дура полова, всякій вздоръ городишь! Вотъ новости: незваная? Скажите на милость: велика птица, зови ее! пришла бы сама да и пришла... Ну, ну, не сердись что я тебя обругала, я пошутила, попадья, садись, рассказывай что знаешь“.... И такъ рѣдкій день чтобы попадья не была у бабушки...

Приспѣлъ часъ обѣда; дворецкій съ важностью доложилъ: „Кушанье готово“. Хозяйка взяла за руку Шувалову, ведетъ ее къ столу, видитъ попадья тутъ стоитъ. Желая ее приласкать, она и говоритъ ей:

„Ну, попадья, ты свой человекъ; сегодня не жди чтобъ я тебя подчивала, а что приглашается то и кушай.“

Въ то время кушанья не подавали изъ буфета, а все выставляли на столъ, и перемѣнъ было очень много. Въ простые дни когда за *своей* обѣдаютъ, а то бывало у бабушки всегда: два горячихъ—щи да супъ или уха, два холодныхъ, четыре соуса, два жаркихъ, два пирожныхъ... А на званомъ обѣдѣ, такъ и того болѣе: два горячихъ—уха да супъ, четыре холодныхъ, четыре соуса, два жаркихъ, нѣсколько пирожныхъ, потомъ десертъ, конфеты, потому что въ рѣдкомъ домѣ чтобы не было своего кондитера и каждый день конфеты свѣжія... Можно себѣ представить какой былъ въ этотъ день обѣдъ у бабушки: она любила локушать, у нея, говорятъ, и свои фазаны водились; безъ фазановъ она въ праздникъ и за столъ не садилась. Бывало сидятъ за столомъ, сидятъ—конца нѣтъ: садутъ въ зимнее время въ два часа, а встанутъ—темно; часа по три продолжался званый обѣдъ.

Ну, сѣдя за столъ, сидятъ—кушаютъ да похваляютъ: что баюдо—то диковинка; вотъ дошло дѣло до рыбы. Дво-

репкій подходит къ столу чтобы взять блюдо,—стоитъ и не беретъ. Бабушка смотритъ и видитъ что онъ самъ не свой, на немъ лица нѣтъ, чуть не плачетъ. „Что такое?“ Подаютъ ей стерлядь разварную на предлинномъ блюдѣ: голова да хвостъ, самой рыбы какъ не бывало. Можешь себѣ представить какъ бабушкѣ стало досадно и конфузно! Она не знаетъ что и подуматъ! Смотритъ кругомъ на всѣхъ гостей, видитъ полады сидитъ какъ на иголкахъ—ни жива ни мертва.. Бабушка догадалась, говоритъ громко: „Что жъ это такое?“ а сама съ полады глазъ не сводитъ. Съ поладью чуть не душно дѣлается, встала, хочетъ сказать,—не можетъ. Всѣ гости опустили глаза, ждутъ—вотъ будетъ буря. „Полады, ты это съѣла у меня рыбу?“ грезнымъ голосомъ спрашиваетъ бабушка.

— Виновата, матушка государыня, ваше превосходительство, точно я, виновата, бормотала полады,—сглапила...

Бабушка расхохоталась, глядя на нее и всѣ гости.

— Да какъ же это тебѣ въ умъ только пришло съѣсть что ни на есть лучшую рыбу? спрашивала хозяйка сквозь смѣхъ.

— Простите, виновата, государыня, ваше превосходительство! Вотъ какъ вы изволили идти-то къ столу, такъ и сказали мнѣ, что ты молъ свой человекъ, не жди чтобы подчивать стала, а что приглашается, то и кушай... Съѣла я за столъ, смотрю рыбина стоитъ предо мною большая, хороша должно-быть, семъ-ка я отвѣдаю, да такъ кусочекъ за кусочкомъ, глотокъ за глоточкомъ, смотрю,—а рыбы-то ужъ и нѣтъ...

Бабушка и графиня хохочутъ еще лучше прежняго; имъ вторятъ гости...

— Ну, полады, удружила же ты мнѣ, нечего сказать... есть за что поблагодарить! Я нарочно за рыбой посылаю и ни вѣсть куда, а она за одимъ присѣсть изволила скушать! Да развѣ про тебя это везли? Ужъ подлинно дура полова...

И обратившись къ дворецкому сказала: „Поди, ставь полады ея обѣдки, пусть доѣдаетъ за наказаніе, а намъ спросите, нѣтъ ли еще какой другой рыбы?..“

Привесли другое блюдо рыбы больше прежней...

Я думаю что вся эта продѣлка полады была заранее подготовлена чтобы посмѣшить гостей; тогда вѣдь это во-дилось что держали шутовъ, да шутихъ...

Бабушка Евпраксія Васильевна была, говорятъ, очень кру-

таго права и, какъ знатная и большая барыня, была въ большомъ почетѣ и не очень церемонилась съ мелкими сосѣдками, такъ что многія сосѣдки не смѣли и войти къ ней на парадное крыльцо, а все на дѣвичье крыльцо ходили.

Разказываютъ что одна сосѣдка сказала про бабушку что-то неладное; бабушкѣ передали это. Она промолчала. Черезъ сколько-то времени пріѣхала къ ней эта сосѣдка говорившая про нее дурно. Пришла въ дѣвичью и говоритъ: „Доложите генеральшѣ что я молѣ пріѣхала.“

Пришли докладывать бабушкѣ что такая-то пріѣхала и сидитъ въ дѣвичей.

— Скажи ей что я ее и видѣть не хочу. Я видѣть не хороша по ея разсужденью,—ну, пусть лучше кого ищетъ, а меня бы оставила въ покоѣ и избавила отъ своего знакомства.

Возвратилась въ дѣвичью та которая докладывала.

— Генеральша на васъ, матушка, за что-то гнѣвается, говоритъ „коли я не хороша для нея, пусть кого лучше ищетъ, чтобы ко мнѣ и глазъ не казала, не ѣдила.“

Барынька проситъ чтобы объ ней доложили; никто идти не смѣетъ, боятся. Такъ она посидѣла, посидѣла, да и къ себѣ опять поѣхала. И раза два или три она потомъ пріѣзжала; доложить бабушкѣ—и все одинъ отвѣтъ: „Скажи ей что напрасно ѣздитъ, вѣдь сказала что не приму, и не приму.“

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ: бѣдная сосѣдка ѣздитъ; бабушка не принимаетъ.

Та плачетъ, увѣряетъ что она ни въ чемъ не виновата, что и не знаетъ за что на нее генеральша гнѣвается; проситъ чтобы такъ и доложили.

Наконецъ кто-то и рѣшился доложить.

Бабушка взмоловалась, велѣла впустить къ себѣ сосѣдку, Та пришла.

— Чѣмъ это я не угодила тебѣ, что ты меня бранишь и говоришь про меня вотъ то-то и то-то? Да какъ только ты смѣла про меня худо говорить? Знаешь ли кто я и кто ты?

Та начинаетъ оправдываться, божится что ни въ чемъ не виновата, что ничего и знать не знаетъ, а бабушка лучше ее бранитъ. Мылила - мылила ей голову, та и въ ноги - то кланяется, проситъ только бы слушать...

Перестала бабушка ее пробирать и стала слушать оправ-

даніе, и что же оказывается? что точно это все была одна сплетня. Увѣрившись что про бѣдную ссѣдку сказали напраслину, бабушка, очень пожалѣла что безъ причины ее оскорбила и разными подарками старалась утѣшить бѣдную дворянку, ни въ чемъ не виновную, и съ тѣхъ поръ къ ней особенно благоволила.

Вотъ что мнѣ еще разказывала про бабушку Евпраксію Васильевну наша мамушка Марья Ивановна, бывшая при бабушкѣ сѣнною дѣвушкой: „Генеральша была очень строга и строптива; бывало какъ изволятъ на кого изъ насъ прогнѣваться, тотчасъ и изволятъ снять съ ножки башмачокъ и живо отшлепають. Какъ накажутъ, такъ и поклонись въ ножки и скажешь: „Простите, государыня, виновата, не гнѣвайтесь.“ А она-то: „Ну пошла, дура, впередъ не дѣлай.“ А коли кто не повинится, она и еще побьетъ... Ужь настоящая была барыня: высоко себя держала, никто при ней и яикнуть не смѣй; только взглянетъ грозно, такъ тебя варомъ и обдастъ... Подлинно барыня.. Упокой ее Гослоди... Не то что амѣтшіе гослода.“

Бабушка была въ свое время очень хорошо воспитана и учена; она говорила хорошо по-нѣмецки, это я слышала отъ батюшки Петра Михайловича.

II.

Отецъ бабушки Евпраксіи Васильевны, Василій Никитичъ Татищевъ, который написалъ Русскую Исторію, родился при Петрѣ I и былъ лично ему извѣстенъ. Родился въ 1686 году, умеръ 15го іюля 1750 года. Онъ долгое время жилъ за границей для своего обученія; провелъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи и службу свою началъ на восемнадцатомъ году отъ рожденія въ военныхъ чинахъ. Государь къ нему благоволилъ и, сказывали мнѣ, давалъ ему секретныя порученія, и былъ онъ посылавъ и въ Швецію, гдѣ учился горному дѣлу, почему въ послѣдствіи и въ Сибирь его посылали и поручали заниматься рудокопками и горнымъ производствомъ.

При вступленіи на престолъ императрицы Анны Ивановны онъ много выигралъ тѣмъ что стоялъ за самодержавіе, котораго не желали многіе изъ вельможъ. Онъ былъ статскій совѣтникъ, а предъ коронаціей сдѣлали оберъ-цере-

мои́йшейстеромъ и послѣ того дали ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и злодѣй Бировъ былъ къ нему хорошъ, а онъ посылалъ ему изъ Сибири разные гостинцы, которые тотъ принималъ.

Василій Никитичъ имѣлъ только одну сестру, Прасковью Никитичну, которая была сперва въ замужествѣ за Терлевымъ, а потомъ за Ставкевичемъ. Вотъ почему намъ тѣ и другіе родня. Женатъ былъ прадѣдушка на вдовѣ Рѣдкиной, Аннѣ Васисьевнѣ, урожденной Андреевской.* Онъ имѣлъ отъ нея только двоихъ дѣтей: Евграфа Васильевича и бабушку Евпраксию Васильевну. Въ которыхъ годахъ, я не сумѣю сказать, но слыхала что Василій Никитичъ былъ губернаторомъ въ Оренбургѣ и въ Астрахани и тутъ попалъ въ немилость, это было уже при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ началѣ 1740 годовъ. Ему велѣно было выйти въ отставку и жить въ деревнѣ, къ нему даже былъ приставленъ караулъ. О причинѣ этой ослалы заподлицо не умѣю сказать: кто говоритъ что были на него доносы по службѣ, а другіе сказывали будто бы его жена, съ которою онъ разѣхался, обнесла его предъ императрицей и стали къ нему придираться и наконецъ подкопались подъ него. Онъ жилъ въ своей деревнѣ въ Клясскомъ уѣздѣ, въ селѣ Болдинѣ, лѣтъ шесть и имѣлъ предчувствіе о своей кончинѣ. Объ этомъ я не разъ слыхала и отъ батюшки и весьма подробно разказывалъ покойный дядюшка Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, который въ то время жилъ съ нимъ въ Болдинѣ и со словъ его покойный

* Кажется что жена Василия Никитича была дважды вдовой: ее звали Анна Васильевна, урожденная Андреевская; это извѣстіе находимъ мы въ изслѣдованіи Чистовича (*Отецъ. Прок. и его время*), который говоритъ что Василій Никитичъ женился въ 1714 году на вдовѣ Рѣдкиной, а бабушка говорила что она была прежде Батвиньева, следовательно можно полагать что Анна Васильевна была за Батвиньевымъ, потомъ за Рѣдкинымъ и въ 1714 году за Татищевымъ, который имѣлъ отъ нея: Евпраксию Васильевну (родилась или въ 1715 или 1716 году) и Евграфа Васильевича, который родился въ 1717 году. Евпраксія Васильевна вышла замужъ за Римскаго-Корсакова, при императрицѣ Аннѣ, или въ концѣ 1730, или въ началѣ 1731 года, потому что Петръ Михайловичъ родился въ 1731 году. Въ 1727 году Василій Никитичъ хлопоталъ о разводѣ, потому жена его имѣла связь съ Радичевымъ. (См. Чистовича)

мужъ мой Дмитрій Александровичъ подробно описалъ всѣ обстоятельства кончины, послѣдовавшей 15го іюля 1750 года. За нѣсколько дней до этого Василій Никитичъ сталъ чувствовать какую-то слабость и потому писалъ къ сыну своему, Евграфу Васильевичу, въ Москву, чтобъ онъ съ женой пріѣхалъ съ нимъ проститься, потому что чувствуетъ приближеніе времени своего исхода. Евграфъ Васильевичъ съ первую свою женой Прасковьей Михайловной Зиновьевой послѣдшилъ пріѣхать къ отцу и нашелъ его повидимому совершенно здоровымъ. Іюля 14го Василій Никитичъ поѣхалъ верхомъ за три версты въ свою приходскую церковь съ своимъ внукомъ, Ростиславомъ Евграфовичемъ, и отправляясь изъ дома велѣлъ прислать въ село мастеровыхъ людей съ лопатами. Когда обѣдня окончилась, онъ позвалъ священника идти съ собою на погостъ и пришедши туда сталъ ему показывать гдѣ кто изъ его родныхъ положенъ; выбралъ себѣ мѣсто и приказалъ рабочимъ приступить къ копанію могилы. Возвращаться домой верхомъ онъ не могъ, потому что ослабѣлъ; сѣлъ въ одноколку и со внукомъ поѣхалъ домой, а священника просилъ на завтра пріѣхать къ нему въ Болдино со Святыми Дарами чтобъ его исповѣдать и причастить, и поручилъ ему кромѣ того пригласить такихъ-то священниковъ, потому что желаетъ собороваться.

Возвратившись домой, онъ нашелъ у себя курьера присланнаго изъ Петербурга съ извѣстіемъ что онъ оправданъ отъ несправедливаго обвиненія, и государыня посылаетъ ему Александровскую звѣзду.

Онъ самъ написалъ къ государынѣ письмо, благодарилъ ее за ея милость, но орденъ возвратилъ обратно, извѣщая что чувствуетъ уже приближеніе своей кончины, и отпустилъ курьера. Караулъ находившійся при немъ былъ снятъ.

Въ этотъ вечеръ, когда пришелъ къ нему за приказаніемъ его поваръ Французъ, онъ обѣда заказывать не сталъ:

— Я теперь у васъ уже гость, сказалъ онъ, — а не хозяинъ, а хозяева вотъ кто, прибавилъ онъ, указывая на сына и на невестку; — они тебѣ прикажутъ что нужно, а обѣдать болѣе не буду.

Онъ былъ очень спокоенъ духомъ и не забылъ даже передать невесткѣ что на погребѣ лежитъ начатой теленокъ, „такъ есть изъ чего и готовить“.

На другой день поутру пріѣхалъ приходскій священникъ съ причтомъ, исповѣдалъ его и причастилъ Святыхъ Тайнъ.

Василій Никитичъ велѣлъ позвать сына, невѣстку, внука, прощался съ ними и дѣлалъ имъ наставленія, потомъ велѣлъ собрать всехъ домашнихъ и дворовыхъ людей, просилъ у всехъ прощенія, благодарилъ за усердную службу и простившись со всеми и всехъ отпустивъ, просилъ священниковъ начать соборованіе, и тихо и безболѣзненно скончался при чтеніи послѣдняго Евангелія.

Когда послали за столяромъ, чтобы снать мѣрку для гроба, столяръ сказалъ что ужъ давно по приказанію покойника для него гробъ сдѣланъ, а что ножки подъ него онъ самъ изволилъ точить.

Евграфа Васильевича я помню что видала въ моемъ дѣтствѣ. Онъ скончался когда мнѣ было лѣтъ тринадцать, а третью его жену, бабушку Аграфену Ѳеодотовну, я очень любила и уважала, и батюшка ее очень чтилъ и съ нею крестилъ старшую мою дочь, Аграфену Дмитриевну.

III.

Корсаковы родомъ съ острова Корсики, потому такъ и называются. Сперва они переселились въ Литву, а оттуда при сынѣ Димитрія Донскаго одинъ изъ нихъ, по имени Вячеславъ, прибылъ въ Россію съ литовскою княжною (Софьей Витовтовной), и отъ него и пошелъ нашъ родъ. У него былъ сынъ Ѳеодоръ и четыре внука; отъ старшаго, Осипа, пошли Корсаковы, а отъ одного изъ его братьевъ Милославскіе. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ Корсаковы стали прозываться Римскими-Корсаковыми въ отличіе отъ другой похожей фамиліи Карсаковыхъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые потомъ вписались въ нашу родословную, но это неправильно, потому что они имеютъ другаго происхожденія, чѣмъ мы. Двое изъ батюшкиныхъ пращуровъ были митрополитами: одинъ, Игнатій, сибирскій, другой, Іосифъ, лсковскій. Батюшкинъ дѣдъ, Андрей Леонтьевичъ, служилъ при Петрѣ I и былъ стольникомъ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Шаховской, Марьѣ Ѳеодоровнѣ; у нея была сестра, княгиня Екатерина Ѳеодоровна, за стольникомъ Ве-

недикомъ Яковлевичемъ Хитрово. Дочь ихъ Евдокія Венедиктовна Хитрова была сперва въ замужествѣ за княземъ Юріемъ Федоровичемъ Кольцовымъ-Масальскимъ, а потомъ овдовѣвъ она вышла за Василія Васильевича Головина, который въ собственноручныхъ замѣткахъ, сохранившихся въ селѣ Новосласскомъ Московской губерніи Дмитровскаго уѣзда (нынѣ Спассо-Влахерскій монастырь), записалъ что 10го января 1717 года сговоръ его со вдовой Хитрово былъ въ домѣ тетки ея родной, Маріи Федоровны Римской-Корсаковой, на Остоженкѣ, въ приходѣ стараго Воскресенія. У нихъ было два сына: старшій Василій Андреевичъ и меньшой, мой дѣдъ, Михаилъ Андреевичъ. По указу Петра I велѣно было учреждать майораты, т.е. отдавать имѣніе старшему сыну, для того чтобы дворянскіе роды не обѣдѣли. Батюшкинъ отецъ, Михаилъ Андреевичъ, былъ посланъ для обученія за границу въ послѣдніе годы царствованія Петра и жилъ тамъ довольно долго, такъ что срокъ его возвращенію исполнился уже по вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны. При ея дворѣ находилась одна близкая родственница Римскихъ-Корсаковыхъ. Какую она должность занимала, невѣрное не знаю, но только она была изъ приближенныхъ къ императрицѣ, а звали ее Елизавета Ивановна Зимкова. Она была пожилою дѣвицей. Разъ какъ-то приходитъ она къ императрицѣ, просить позволенія отлучиться къ своимъ роднымъ. „Присылала за мною моя невестка, Римская-Корсакова, наказывала чтобъ я отпросилась и непременно бы у нея лобывала: нужно со мною повидаться.“ Государыня ее отпустила, а вечеромъ, когда она возвратилась и явилась къ императрицѣ, та и спрашиваетъ ее:

— Ну, что, лобывала у своихъ?

— Побывала, государыня, и вдоволь наплакалась глядя на невестку....

— А что же такое? Развѣ какое у нихъ несчастіе? спросила императрица.

— Нѣтъ, несчастія-то, по милости Божіей, нѣтъ, а невестка очень горюетъ о меньшомъ своемъ сынѣ Мишѣ: онъ въ чужихъ краяхъ учится, посланъ былъ еще при жизни покойнаго государя, теперь ему срокъ наступилъ вернуться назадъ, онъ меньшой, а у матери-то знатъ не любимый ли... убивается, плачетъ, бѣдная, говоритъ: возвратится Миша,

у чего онъ будетъ? Онъ меньшей, все имѣніе велѣно отдавать большому, а онъ останется безо всего, не будетъ у него ни кола ни двора...

— Такъ что же тутъ дѣлать? спросила императрица.

— Поручили мнѣ просить тебя царица-государыня: будь къ нимъ милостива, дозвожь имъ свое имѣніе поровну раздѣлить обоимъ братьямъ...

— Нѣтъ, этого я не могу, возразила императрица:—позволь имъ, позволь и другимъ, законъ нарушить... этого нельзя, а лучше ты дай ему что-нибудь изъ своего имѣнія, помоги родному...

— Матюшка-государыня, рада бы радешенька дать что-нибудь коли бы средства имѣла, а то я и сама еле-еле существую, и еслибы не твои ко мнѣ милости, то и совѣмъ бы нуждалась, у меня всего-то и есть что деревушка въ Череповскомъ уѣздѣ, 200 душъ...

— Вотъ ее-то и отдай....

— А сама-то я съ чѣмъ останусь? Благодарю покорно, по міру иди...

— По міру! воскликнула императрица,—а я-то что же? Развѣ я тебя оставляю? Не жалѣй, отдай, я тебя обезпечу....

— Государыня, велики твои ко мнѣ милости, не стою я ихъ. А ну, какъ да я тебѣ не ужогу, и ты меня воямъ вытурить: „гнать ее старую дуру!“ Тогда что, куда я тогда дѣнусь?

— Говорю я тебѣ, отдай, а я тебя обезпечу; а невѣсткѣ скажи чтобъ она отписала къ сыну и приказала ему вернуться, что я молѣ не оставляю его и принцу де ему богатую невѣсту.

Такъ и сдѣлали. Михаилъ Андреевичъ возвратился. Зимкова отдала ему свою деревушку, которою потомъ батюшка наградила меня въ приданое, и я всегда Зимкову поминую. Она погребена въ Переяславскомъ Феодоровскомъ монастырѣ. Такъ ли она тамъ жила или была потомъ въ монашествѣ, или велѣла можетъ-статься схоронить себя со своими сродниками, этого я не могу сказать. Когда мы ѣзжали въ Ростовъ, всегда въ Переяславѣ останавливались и по ней служили панихиду.

Дѣдушка по возвращеніи поступилъ въ Семеновскій полкъ, и вскорѣ императрица сосватала ему невѣсту, и небогатую, дочь Татищева, Евпракію Васильевну. Императрица награ-

дила ее: благословила иконой, пожаловала бриллиантовый цвѣтокъ съ краснымъ яхонтомъ, жемчужную нить и глазетовое платье со своего плеча.

Бабушка была не долго замужемъ и имѣла только двоихъ дѣтей: батюшку, — онъ родился 27го ноября 1731 года, и тетюшку княгиню Марью Михайловну (жену князя Михаила Петровича Волковскаго). Она родилась 9го января 1736, скончалась 6го августа 1786; я потомъ буду говорить объ ней подробнѣе.

IV.

Въ 1733 году бабушка купила въ семнадцати верстахъ отъ Каауги село Боброво и тамъ постоянно жила бѣльшую часть года, а въ Москвѣ имѣла свой домъ близъ Остоженки, въ приходѣ Іліи Обмуднаго, и мы жили еще въ этомъ домѣ когда я шла замужъ, въ 1793 году, и тамъ вѣчалась. Не могу сказать навѣрное чей это былъ домъ, Корсаковыхъ или Татищевыхъ, или купленъ былъ бабушкой. Вѣроятно по близости этого дома отъ Зачатіевскаго монастыря и схоронили дѣдушку Михаила Андреевича въ этомъ монастырѣ подъ церковью Милости-ваго Спаса, что надъ святыми воротами, а церковь строили прежде еще Корсаковы и кромѣ дѣдушки тамъ погребены многіе изъ нихъ и изъ Шаховскихъ, такъ какъ дѣдушкина мать была Шаховская.

Батюшка былъ лѣтъ четырнадцать когда бабушка отвезла его въ Петербургъ, записала календарисомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и тамъ оставила, а сама возвратилась въ Боброво.

Почтовыхъ сообщеній въ то время должно-быть не было, и бабушка писала иногда письма на своей лошади, а такъ какъ батюшка жилъ своимъ хозяйствомъ, то чтобы поводу не оставаться пустою, бабушка и везла зимой пакеты на возъ полной провизіи: жижиости, морочнаго околу, муки и всякой всячиной, и посылаетъ намъ Каауги въ Петербургъ. И ѣдетъ повода надѣян дѣй.

Когда батюшку произвели въ офицеры и сталъ онъ ходить по дворцу на караулъ, то одѣвался лично извѣстному императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Она къ нему очень благоволила и не рѣдко случалось что стверить форточку и

спрашиваетъ кто изъ офицеровъ на караулъ, и когда узнаетъ что Корсаковъ, пошлетъ за нимъ, и рѣдко-рѣдко чтобы не велѣно угостить его чаркой водки. Многие даже на это вниманіе къ батюшкѣ смотрѣли не безъ зависти, а другіе не безъ опасенія, и ежели бы по своей олошности батюшка самъ себѣ не повредилъ живостию своего характера и излишнею откровенностію въ словѣ, то былъ бы можетъ-быть великою особой.

И онъ въ послѣдствіи не рѣдко припоминалъ этотъ случай изъ своей молодости и горько сожалѣлъ что чрезъ него нажилъ себѣ сильныхъ враговъ, и будучи тѣснимъ по службѣ, принужденъ былъ выдти въ отставку съ чиномъ полковника.

Хотя императрица и не жила въ Москвѣ постоянно, но Москву любила и часто ее посѣщала; и когда дворъ прїѣдетъ въ Москву, то и дѣло что вечера, да балы и маскарады во дворцѣ. Дворъ прїѣхалъ въ Москву въ декабрѣ мѣсяцѣ 1749 года и пробылъ чуть ли не болѣе года; за императрицей послѣдовалъ и лейбъ-гвардіи Семеловскій полкъ, а стало-быть и батюшка. Государыня вскорѣ сдѣлалась нездорова, однако болѣзнь продолжалась не долго, она оправилась и, желая сдѣлать удовольствіе своему особенному любимцу, графу Алексію Григорьевичу Разумовскому, поѣхала къ нему за городъ въ подмосковную Перово на праздникъ, который онъ для нея устраивалъ, и тамъ внезапно опять захворала, такъ что ее должны были нести въ Москву на рукахъ. Она была высокаго роста, собою прекрасная, мужественная и очень дерзкая, а кувала она не мало и каждое блюдо заливала глоткомъ сладкаго вина; оказываютъ она въ особеннѣости любила токайское; ну, не мудрено что при ея жаждѣ крозь приливали къ годовѣ, и съ ней дѣлалась обмороки, такъ что въ концѣ ужина ее иногда уносили изъ-за стола въ опочивальню.

При наступленіи весны 1750 года, когда императрица уже совсѣмъ оправилась отъ второй своей болѣзни, она пожелала идти глѣбкомъ въ Троицкую лавру на богомолье. За нею должна была туда слѣдовать и гвардія. Фельдмаршалъ Александръ, Степанъ Федоровичъ, зная что императрица будетъ шествовать долго, спросилъ ея позволеніе заранее отправиться изъ Москвы и идти не прямо къ Троицѣ, а на свое подмосковное имѣніе, село Ольгово, которое

отъ Москвы въ пятидесяти верстахъ и въ такомъ же разстояніи отъ Троицы: ему хотѣлось угостить у себя гвардію и полпировать дома на просторѣ.

Батюшка былъ тогда уже офицеромъ; ему было лѣтъ двадцать, онъ былъ живой и веселый человѣкъ, но очень воздержной жизни, почему товарищи не только его любили, но и уважали. Вотъ, во время этого-то пребыванія онъ и испортилъ навсегда свою карьеру.

Въ одинъ изъ дней, послѣ обѣда, офицеры пошли гулять около дома, а тамъ предъ домою пребольшой и прекрасный прудъ. Вотъ идутъ офицеры мимо пруда и видятъ что кто-то у пруда кувыркается; подходятъ ближе, смотрятъ—двое изъ Орозовыхъ, а третій до того уже напился что лежить ластъ-ластомъ. Они тогда были еще очень молоды и кажется еще не офицерами а кадетармусами. Батюшка, какъ старшій и какъ офицеръ степенный, пожурилъ молодежь и оказалъ имъ что такъ вести себя неприлично и въ особенности въ гостяхъ у фельдмаршала, а безъ чувствъ лежавшаго толкнулъ ногой и подозвавъ двухъ девицъ-ковокъ говорить имъ: „Уберите вы этого Орозова (кажется Григорія) къ жботу; того и гледи въ прудъ свалится, вишь какъ напизался, какъ свинья валается“.

Въ первый разъ какъ батюшка былъ на караулѣ при императрицѣ (должно-быть это было въ скоромъ времени и чуть ли не у Троицы), императрица и спрашиваетъ его:

— Ну что, Корсаковъ, хорошо ли полпировали у Апраксина? изрядно ли онъ угостилъ васъ?

— Такъ хорошо, ваше величество, полпировали и такъ угостилъ насъ фельдмаршалъ, что мы чуть на головахъ не ходили, а кто даже и взаправду кувыркался.

Императрица очень смѣялась этому и потомъ милостиво замѣтила Апраксину: „говорятъ вы на славу угостили мою молодую гвардію, такъ что молодежь у васъ кувыркалась“.

Потомъ спросилъ: „кто былъ у императрицы, съ кѣмъ говорила она изъ бывшихъ у Апраксина въ деревнѣ.“

Говорятъ: Корсаковъ.

Апраксинъ этимъ не обидѣлся, а только посмѣялся батюшкѣ: „Экой ты болтуни, все императрицѣ услѣлъ разказать, какъ въ Оловѣ эти шуты курались.“

Нашлись добрые люди, которые и Орозовымъ пересказали что Корсаковъ де государинѣ все про васъ разказалъ, какъ вы кувыркались и у пруда пьяные валялись.

Орловы тогда были мальчишки, кутилы и буяны, не страшень былъ ихъ гавъ, но въ послѣдствіи когда они попали въ честь, а Григорій и въ особую милость, тогда они припомнили Корсакову что онъ ихъ журилъ въ Ольговѣ и обругалъ одного изъ нихъ свиньей, и такъ стали батюшкѣ вредить что онъ поневолѣ принужденъ былъ выйти въ отставку.

Онъ часто вспоминалъ это обстоятельство и, упрекая себя, потворялъ: „Да, языкъ мой врагъ; вѣдь нужно же мнѣ было ради смѣха разказать это императрицѣ!“

Батюшка участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и былъ въ сраженіи (при Гросъ-Егерсъ-Дорфѣ), въ которомъ Апраксинъ одержалъ побѣду. Тутъ батюшка едва не лишился жизни, потому что пуля ударила ему въ грудь, но такъ какъ на немъ былъ надѣтъ образъ-окадаень, посвященный ему предъ войной отъ его матери, то пуля пробила латъ и овчинку въ которую былъ зашитъ окадаень и отскочила назадъ. Бабушка была очень благочестива и богомольна и вообще къ духовенству и монашеству расположена. Она заповѣдала своему сыну никогда не выходить изъ дома не прочитавъ 26го псалма, то-есть: *Господь простѣщеніе мое и спаситель мой, кого убояся*. Батюшка всегда это соблюдалъ. И точно онъ имѣлъ всегда сильныхъ враговъ, и хотя они старались ему повредить, но однако Господь помиловалъ и сохранилъ отъ гибели.

V.

Бабушка всегда принимала монаховъ-сборщиковъ: бывало позоветъ къ себѣ, накормитъ, напоитъ, дастъ денегъ, велитъ отвести комнату гдѣ переночевать и отпустить каждаго довольнымъ ея приѣмомъ.

Вотъ однажды говорятъ ей: пріѣхалъ монахъ со сборомъ. Приказала позвать: „Откуда, отецъ?“ Оттуда-то, разыскавъ монастырь.

— Садись, старецъ.

Велѣла изготовить чѣмъ угостить его. Сидятъ, разговариваютъ. Монахъ и говоритъ ей: — Матушка, а я и сынка-то вашего Петра Михайловича знаю. — Какъ, такъ? Гдѣ жъ ты его видѣлъ? — Тамъ-то, и начинается бабушкѣ подробно говорить о батюшкѣ; и точно, по словамъ видно что знаетъ его. Бабушка еще лучше расположилась къ монаху. Только, вдругъ, во время разговора, входитъ чело-

вѣкъ и доказываетъ бабушкѣ: Петръ Михайловичъ пріѣхалъ. Вывертѣлся монахъ: хочетъ уйти изъ комнаты, бабушка его уговариваетъ остаться, а между тѣмъ входитъ батюшка. Поздоровавшись съ матерью, онъ взглянулъ на монаха. Тотъ ни живъ ни мертвъ.

— Ты какъ здѣсь? крикнулъ ему батюшка.

Тотъ въ ноги:—Не погубите, виноватъ.

Бабушка смотритъ, локать не можетъ что такое происходитъ. Батюшка и говоритъ ей:

— Знаете ли, матушка, кого вы изволили принимать? Это бѣглый солдатъ изъ моей роты; его давно отыскиваютъ.

— Не погубите, повторилъ тотъ.

Батюшка хотѣлъ было отправить его по этапу, но бабушка уговорила сына не срамить ея дома и не налагать руки на гостя, кто онъ ни на есть. Тотъ обѣщался явиться въ полкъ самъ отъ себя; не помню, теперь, исполнилъ ли онъ обѣщаніе.

Бабушка, хотя и не перестала принимать монаховъ-сборщиковъ, но съ тѣхъ поръ стала гораздо осторожнѣе, опасаясь чтобы подъ видомъ настоящаго монаха не принять опять какого-нибудь бѣглаго, а батюшка, помня этотъ случай, всегда опасался сборщиковъ.

Въ которомъ году женился батюшка, опредѣлительно сказать не умѣю, но полагаю что это было въ 1763 году, потому что старшая моя сестра Екатерина Петровна родилась 24го октября 1764 года, на первомъ же году его женитьбы. Матушка была сама по себѣ княжна Щербатова, дочь князя Николая Осиповича и княгини Анны Ивановны, урожденной княжны Мещерской. Когда она родилась,—это было 7го октября 1743 года,—дѣдушка находился въ отсутствіи, и бабушка дала ей имя Пелагеи, празднуемой октября 8го дня. Дѣдушка Щербатовъ скоро возвратился и очень опечалился что дочь его назвали Пелагеей, а не Аграфеной, какъ онъ намѣревался, въ честь своей матери (второй жены его отца, князя Осипа Ивановича Щербатого, * женатаго на

* Князь Осипъ Ивановичъ Щербатовъ былъ женатъ два раза: въ первый на Соковниной Маріи Васильевнѣ, и отъ нея имѣлъ только дочь княжну Варвару Осиповну, вышедшую за князя Сергѣя Никитича Доагорукаго; а отъ второй жены, А. О. Салтыковой, имѣлъ двухъ сыновей: князя Николая и князя Сергѣя Осипо-

Аграфенъ Ѳедоровнѣ Саатыковой) и рѣшилъ чтобы называть ее Аграфеной, но именины она всегда праздновала октября 8го; при вѣнчаніи ее называли Аграфеной, но отлѣзали Пелагіей. Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ рожденія матушки, бабушка родила вторую дочь, которую называли Александрой; думаю что это въ честь бабушкиной матери, княгини Мецкерской, урожденной Ергольской. Тетунка Александра Николаевна (бывшая въ послѣдствіи въ замужествѣ за бригадиромъ графомъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Толстымъ) была чуть ли не у кормилицы еще когда послѣдовала дѣдушкина кончина.

Бабушка Евпраксія Васильевна была еще въ живыхъ когда женился батюшка и къ матушкѣ была она очень добра и взяла къ себѣ на воспитаніе мою сестру (вторую дочь батюшкину), которую также какъ и меня звали Елизаветой.

У меня сохранилось письмо писанное бабушкой къ матушкѣ по случаю моего рожденія: она пишетъ что поздравляетъ и что посылаетъ ей съ мужемъ пятьдесятъ рублей на родину и на именины. Бабушка Евпраксія Васильевна была слаба, хотя лѣтами была еще совсемъ не стара: едвали ей было и шестьдесятъ лѣтъ.

При моемъ рожденіи старшей моей сестрѣ Екатеринѣ было около пяти лѣтъ, и батюшкѣ угодно было чтобъ она была моею крестною матерью.

Осенью 1770 года было сильное осеннее повѣтріе; осень тогда не умѣла еще прививать и ждали чтобы пришла натуральная. Потому въ то время много мерло дѣтей, и вообще въ мое время было больше рябыхъ чѣмъ теперь. Бабушки въ живыхъ уже не было, и Лиза, которая была у нея, находилась уже дома; ей было лѣтъ пять, а мнѣ всего полтора года. Батюшка старшую Елизавету въ особенности любилъ: говорятъ она была красоты неонисанной. Обѣ мы заболѣли оспой въ одинъ день, и хотя у сестры болѣзнь была не такъ сильна какъ у меня, но она не вынесла и вичей. Этотъ былъ женатъ на Екатеринѣ Михайловнѣ Стрѣковой, которую я видѣла въ моемъ дѣтствѣ, а мужъ ея умеръ когда я была еще ребенкомъ и его не помню. У князя Сергія Осиповича было двѣ дочери: одна за Елагинымъ, другая, Аграфена Сергѣевна, за Масловымъ; этихъ я помню, оны къ намъ ѣзжали, а Аграфена Сергѣевна умерла уже въ первые годы царствованія императора Александра.

скончалась. Батюшка былъ, говорятъ, неутѣшенъ и сильно плакалъ. Пришелъ въ нашу дѣтскую, стоитъ и смотритъ на сестру; въ то время приходитъ гробовщикъ снимать мѣрку для гробика. Батюшкѣ было очень горько что онъ лишился любимой дочери. Видя что и я еще жива, говоритъ гробовщику: „что тутъ еще ходить, сними мѣрку и съ этой, по-жалуй и до утра не доживетъ.“ Итакъ, съ обѣихъ насъ сняли мѣрки и приготовили гробики. Сестру схоронили тогда же, а я оправилась, живу съ тѣхъ поръ еще девяти-сто лѣтъ, и хотя все лицо мое было покрыто какъ корой, а остались на лицѣ только двѣ маленькихъ язвишки на лбу.

Чумы я совсѣмъ не помню: мнѣ было тогда около четырехъ лѣтъ, и гдѣ въ то время жила батюшка съ матушкой, я совсѣмъ не знаю, думаю что въ Бобровѣ, гдѣ чумы не было. Помнить себя стала я съ тѣхъ поръ когда Пугачевъ навелъ страхъ на всю Россію. Какъ сквозь сонъ помнюся мнѣ рассказы объ этомъ злодѣѣ: въ дѣтской сидятъ наши мамушки и толкуютъ о немъ; придешь въ дѣвичью — рѣчь о Пугачевѣ; приведутъ насъ къ матушкѣ въ гостиную—опять разговоръ про его злодѣйства, такъ что и ночью-то бывало отъ страха и ужаса не спится: такъ вотъ и кажется что сейчасъ окрихнетъ дверь, онъ войдетъ въ дѣтскую и насъ всѣхъ передупитъ. Это было ужасное время!

Когда Пугачева валили, мы были тогда въ Москвѣ, его привезли и посадили на Монетномъ Дворѣ. Помню что въ день казни (это было зимой, вѣсакъ лосатъ Крещенья, морозъ говоритъ былъ преужасный) на Болотѣ, гдѣ его казнили, собралось нареду видимо-невидимо, и было множество каретъ: ѣхали смотрѣть какъ злодѣя будутъ казнить. Батюшка самъ не былъ и матушкѣ не совѣтовалъ ѣхать на это поторище, но многіе изъ нашихъ знакомыхъ туда таскались, и двѣ или три барыни говорили матушкѣ: „мы были такъ озабочены что карета наша стояла противъ самаго мѣста казни, и все подробно видали...“ Батюшка какой-то барыни не давалъ и договаривать: „не только не имѣлъ желанія видѣть какъ будутъ казнить злодѣя, и слышать-то какъ его казнили не желаю, и думаю что у васъ хватало духу смотрѣть на такое зрѣлище.“

Въ послѣдствіи объ этой казни я слышала рассказы отъ Архарава Николая Петровича, братъ котораго (Иванъ Петровичъ) былъ женатъ на моей троюродной сестрѣ, Екатери-нѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой.

VI.

По зимамъ мы жилали въ Москвѣ, а весной, по просухѣ, уѣзжали въ Боброво. Домъ выстроила тамъ бабушка Евпраксія Васильевна, онъ былъ прекрасный: строенъ изъ очень толстыхъ брусевъ, и чуть ли не изъ дубовыхъ; низъ былъ каменный, жилой, и стѣны претолстыя. Весь нижній ярусъ назывался тогда подкабтами; тамъ были кладовыя, но были и жилыя комнаты, и когда для братьевъ приняла въ домъ мусье, Француза, то ему тамъ и отвели жилье. Двойныхъ рамъ у него въ комнатахъ не было, стекла были еще очень дороги, такъ онъ и придумалъ во вторыя рамы вставить бумагу промазанную масломъ; можно себя вообразить какая тамъ была темь и среди бѣла дня. У насъ въ дѣтской также не было зимнихъ рамъ; моя кровать стояла у самаго окна, и чтобъ отъ него ночью не дуло во время сильныхъ холодовъ, то на ночь заставляли доской и завѣшивали чѣмъ-нибудь лѣтосце. Всѣ парадныя комнаты были съ панелями, а стѣны и потолки затянуты холстомъ и расписаны краской на клею. Въ залѣ нарисована на стѣнахъ охота, въ гостиной ландшафты, въ кабинетѣ у матушки тоже, а въ спальнѣ кажется стѣны были расписаны боскетомъ; еще гдѣ-то драпировкой или спущенными завѣсомъ. Конечно, все это было мазано домашними мазуками, но впрочемъ очень недурно, а по тогдашнимъ лавятіямъ о живописи даже и хорошо. Важнѣе всего было въ то время чтобы хозяинъ дома могъ похвалиться и сказать: „оно, правда, не очень хорошо писано, да писали свои крѣпостные мастера“.

У батюшки были свои мастеровые всякаго рода: столары, кузнецы, каретники; отоловое бѣлье ткали дома и кроить того были ткачи для пометна; былъ свой кондитеръ. Въ комнатахъ людей было множество, такъ что за каждымъ стуломъ во время стола стоялъ человекъ съ тарелкой.

Въ гостиной мебель была лавириадъ, обита черною кожей съ золотыми гвоздиками; это было очень недурно и прочно. На окнахъ были шторы изъ ярусина, расписаны на клею, не гардины и драпировокъ не было нигдѣ; только у матушки въ кабинетѣ были кисейные лавбормы на окнахъ.

Батюшка былъ богатъ: онъ имѣлъ 4.000 душъ крестьянъ, а матушка 1.000; въ домѣ было всего вдоволь, но роскоши не было ни въ чемъ. Посуда была вся оловянная: блюда, чаши, миски; только въ послѣдствіи, когда мы стали постоянно жить по зимамъ въ Москвѣ, батюшка купилъ столовый сервизъ серебряный, а въ Бобровѣ остался все тотъ же оловянный. По воскресеньямъ и праздникамъ гостей съѣзжалось множество, обѣдывало иногда человѣкъ по тридцати и болѣе. И все это пріѣдетъ со своими людьми, тройками и четвернями; нѣкоторые гостятъ по нѣскольку дней, такое было обыкновеніе. Батюшка принималъ всѣхъ пріятливо и говорилъ: „Онъ мой сосѣдъ и такой же дворянинъ какъ и я; пріѣхалъ ко мнѣ въ гости, сдѣлалъ мнѣ честь,—моя обязанность принять его радушно. Сидя въ тотъ гость который сидитъ за столомъ сидитъ надъ хозяиномъ, но скотина и хозяинъ ежели онъ не почититъ своего гостя и не приметъ ласково.“

Въ числѣ сосѣдей бывали престранные. Такъ былъ одинъ Терентій Ивановичъ: лѣтомъ пріѣдетъ въ парусиномъ балахонѣ, олоясанъ кушакомъ, за кушакомъ заткнуты клуты и рукавицы, отъ салоговъ разитъ дегтемъ, и батюшка принимаетъ его весьма ласково. Возьметъ его за рукавъ и ведетъ бывало къ матушкѣ и говоритъ ей: „Аграфена Николаевна, веду къ тебѣ пріятеля моего, Терентія Ивановича.“ Матушка была тоже обходительна, и во время стола смотритъ, бывало, на всѣхъ насъ; и сохрани Богъ, если онъ замѣтитъ что кто-нибудь изъ насъ улыбнется или пошелчется между собою, хотя сосѣди и сосѣдки бывали пресмѣшныя.

Теперь я ужъ не помню, кто-то изъ гостей сдѣлалъ за столомъ какую-то велевокость,—мы были еще всѣ дѣтьми; вотъ двое изъ насъ: я да который-то изъ братьевъ заомѣлялись; батюшка замѣтилъ это и строго на насъ взглянулъ, а носатъ обѣда призвалъ къ себѣ въ кабинетъ, да вѣдь какъ за это выбрали: „Кто у меня за столомъ, тотъ мой гость, дорогой гость, а вы сидите надъ нимъ смѣяться! Ты—дѣвченка гаупаа, а ты—дуракъ мальчишка, надъ стариками трюните!.. Ежели я еще разъ это замѣчу, то не ведаю васъ къ столу пускать.“

Вообще батюшка былъ очень замаскателевъ съ нами. Вотъ еще примѣръ его душевнаго благородства. Онъ былъ въ

разговаривать со своею сестрой, съ княгиней Марьей Михайловной Волковской, и другъ къ другу они не ѣздили, но въ большіе праздники и въ именины тетюшки насъ всегда къ ней посылавалъ и говаривалъ намъ: „Не ваше дѣло знать почему мы съ сестрой не въ ладахъ, это васъ не касается, она намъ родная тетка, вы обязаны ее чтить, уважать и оказывать ей почтеніе, а что между нами, то намъ думать и извѣстно.“

И братья Волковскіе: князь Дмитрій Михайловичъ, и князь Владиміръ Михайловичъ, тоже къ батюшкѣ ѣзжали довольно часто и были очень почтительны, а съ нами дружны. Въ послѣдствіи я узнала что батюшка съ тетюшкой перестали видаться потому что разъ какъ-то батюшка сказалъ сестрѣ своей что-то про ея мужа, кажется назвалъ его мотомъ. Тетюшка прогнѣвалась и перестала ѣздить къ батюшкѣ; мужъ ея умеръ, но они все другъ къ другу не ѣздили, и только не задолго до кончины тетюшки, въ 1786 году, послѣдовало между ними примиреніе; но матушка, помнитса, у тетюшки бывала.

VII.

Мнѣ было лѣтъ двѣнадцать лѣтъ когда матушка скончалась, въ Москвѣ, 13го іюня 1783 года. Ей было невступно сорокъ лѣтъ. Сколько я ее помню, она была высокая, статная, стройная и имѣла, какъ всѣ Щербатовы, прекрасный цвѣтъ лица. Впрочемъ она все-таки румянилась, по тогдашнему обычаю, потому что не нарумянившись куда-нибудь прѣѣхать значило бы сдѣлать невѣжество. Тетюшка, графиня Александра Николаевна, говаривала мнѣ: „твоя матушка смолodu была писаная красавица“.

Въ то время дѣти не бывали при родителяхъ неотлучно какъ теперь, и не смѣли придти когда вздумается, а приходили ноутру поздороваться, къ обѣду, къ чаю и къ ужину или когда позовутъ за чѣмъ-нибудь. Отношенія дѣтей къ родителямъ были совсѣмъ не такія какъ теперь; имъ не смѣли сказать: за что вы на меня сердитесь, а говорили: за что вы изводите гнѣваться, или чѣмъ я васъ прогнѣвала; не говорили: это вы мнѣ подарили; нѣтъ, это было не складно, а сдѣловало сказать: это вы мнѣ пожаловали, это

ваше жалованіе. Мы нашихъ родителей боялись, любили и почитали. Теперь дѣти отца и мать не боятся, а больше ли отъ этого любятъ ихъ, не знаю. Въ наше время никогда никому и въ мысль не приходило чтобы можно было ослушаться отца или мать и безпрекосно не исполнить что приказано. Какъ это возможно? Даже и отвѣтить нельзя было, и въ разговоръ свободно не вступали: ждешь чтобы старшій спросилъ, тогда и отвѣчаешь, а то пожалуй и дождешься что тебѣ скажутъ: „что въ разговоръ ввязываешься? тебя вѣдь не спрашиваютъ, ну, такъ и молчи!“ Да, такого панібратства какъ теперь не было; и, право, лучше было, больше чтли старшихъ, было больше порядку въ семействахъ и благочестіи... Теперь все перемѣнилось, не нахожу чтобы къ лучшему. Теперь и часы-то совсѣмъ иначе распредѣлены какъ было: что тогда былъ вечеръ, теперь по-вашему еще утро! Смеркается, уже и темно, а у васъ это все еще утро. Эти всѣ перемѣны произошли на моей памяти. День у насъ начинался въ семь и въ восемь часовъ; обѣдали мы въ деревнѣ всегда въ часъ пополудни, а ежели званый обѣдъ, въ два часа; въ пять часовъ пили чай. Когда матушка была еще жива, стало-быть до 1783 года, приносили въ гостиную большую жаровню и мѣдный чайникъ съ горячею водою. Матушка заваривала сама чай. Лежечекъ чайныхъ для всѣхъ не было; во всемъ домѣ и было только двѣ чайныхъ ложки: одну матушка носила при себѣ въ своей готовальнѣ, а другую подавали для батюшки. Поутру чаю никогда не пили, всегда подавался кофе. Ужинали обыкновенно въ девять часовъ, и къ ужину подавали все свѣжее кушанье, а не то чтобы остатки отъ обѣда стали разогрѣвать; и какъ теперь бываютъ званые обѣды, такъ бывали въ то время званые ужины въ десять часовъ. Балы начинались рѣдко позднѣе шести часовъ, а къ двѣнадцати всѣ уже возвратятся домой. Такъ какъ тогда точно танцовали, а не ходили, то танцующихъ было немного. Главами танцемъ бывалъ минуетъ, потомъ стали танцовать: гавотъ, кадрили, котильоны, экосезы. Однѣ только дѣвицы и танцовали, а замужнія женщины очень немногія, вдовы—никогда. Вдовы впрочемъ рѣдко и ѣздили на балы, и всегда носили черное платье, а если приходилось ѣхать на свадьбу, то поверхъ платья нашивали золотую сѣтку.

Старшія мои двѣ сестры и я стали выѣзжать послѣ кончины матушки, а выѣзжали мы съ нашею троюродною

сестрой, Екатериной Александровой Архаровой. Отецъ ея, Александръ Васильевичъ Римскій-Карсаковъ, доводился братишкой двоюроднымъ братомъ. * Онъ былъ женатъ на княгинѣ Волконской, Марѣ Семеновнѣ. Дядюшку я что-то не помню, онъ умеръ когда я была еще ребенкомъ, а тетюшка Марья Семеновна скончалась въ 1796 году; на моей свадьбѣ она была посаженою матерью.

Домъ ея былъ за Москвой-рѣкой. Она имѣла двухъ дочерей: Екатерину Александровну, за Архаровымъ, и Елисавету Александровну, за камергеромъ Александромъ Ильичемъ Ржевскимъ, и сына Николая Александровича; онъ умеръ бездѣтнымъ. Тетюшка имѣла очень хорошее состояніе, будучи и сама не бѣдна и богата по своему мужу, но была очень разчетлива. Она имѣла еще ту странность что не любила дома обѣдать, что въ то время въ особенности было очень рѣдко: она каждый день кушала въ гостяхъ, кромѣ субботы. Она съ вечера призоветъ бывало своего выезднаго лакея и велитъ на утро сходить въ три-четыре дома ея знакомыхъ и узнать кто кушаетъ дома сегодня и завтра, и ежели кушаютъ дома, то узнать отъ нея о здоровьи и сказать что она собирается пріѣхать откушать. Вотъ и отправится съ обѣими дочерями. Тогда блюда выставлялись всѣ на столъ. Когда ей понравится какое-нибудь блюдо, холодное которое-нибудь, или одинъ изъ соусовъ или жаркое, она и скажетъ хозяйкѣ: „какъ это блюдо должно-быть вкусно, позвольте мнѣ его взять“, и обращаясь къ своему лакею, стоявшему за ея стуломъ, говорить: „возьми такое-то блюдо и отнеси его въ нашу карету“. Всѣ знали что она имѣетъ эту странность, и такъ какъ она была почтенная и знатная старушка, то многіе сами ей предлагали выбрать какое угодно блюдо. Такъ она собираетъ цѣлую недѣлю, а въ субботу зоветъ обѣдать къ себѣ и подаетъ вась вашими же блюдами. Многіе впрочемъ и смѣялись надъ ней и кто-то и пересказалъ намъ что Корсакова Марья Семеновна

* Отцы ихъ, Василій Андреевичъ и Михаилъ Андреевичъ, были родные братья; была у нихъ еще сестра, помнится, Марья Андреевна за княземъ Мещерскимъ. Василій Андреевичъ былъ женатъ на Комаровой Евдокіи Редіоновнѣ, дочери штабмейстера при Петрѣ I. Александръ Васильевичъ имѣлъ еще брата Андрея Васильевича и сестру Анну Васильевну.

увезла откуда-то поросенка. Вотъ, вскорѣ послѣ того тетюшка пожаловала къ намъ кушать, я и говорю меньшей ея дочери:

— Скажи, пожалуста, сестра Елизавета, гдѣ это на дняхъ вы, сказываютъ, обѣдали и стаяли жаренаго поросенка?

А она мнѣ и отвѣчаетъ:

— Вотъ какіе бываютъ злые языки! Никогда мы поросенка ни откуда не возили, а привезли на дняхъ жареную нядюшку. Вотъ видишь ли, такъ не поросенка же.

Екатерина Александровна была лѣтъ на семь старше меня, съ нею-то мы и выѣзжали; больше мы двѣ: Александра Петровна и я, а сестра Екатерина Петровна выѣздовъ не любила, можетъ-быть потому что была старшая въ домѣ, была нужна для батюшки, да и лицомъ была не хороша. Сестра Александра Петровна была высока ростомъ, хорошо сложена и лицомъ очень красива, а я была мала ростомъ, но находили что была не дурна, а кто-говорилъ даже что и хороша. Въ мои лѣта можно признаться, потому что и слѣдовъ нѣтъ того что было. И, бывало, когда мы идемъ въ собраніи, мушкетеры раздвигаются предъ нами и слышится что шепчутъ: „Place, messieurs, place! la petite Korsicoff passe.“

Екатерина Александровна Архарова была величественна и умѣла себя держать въ людяхъ какъ слѣдуетъ, или, какъ вы теперь говорите, съ достоинствомъ. Я всегда скажу что если я умѣю войти и сѣсть какъ слѣдуетъ, то эгимъ я ей обязана. Она, бывало, насъ оговариваетъ:

— Зачѣмъ, Елизавета, ты вотъ то и то дѣлаешь: это не годится, нужно вотъ такъ и такъ дѣлать.

У нея было двѣ дочери: старшая, Софья Ивановна, была за графомъ Александромъ Ивановичемъ Саллогубомъ и младшая, Александра Ивановна, за Александромъ Васильевичемъ Васильчиковымъ.

Послѣднее время своей жизни она провела въ Петербургѣ и въ Павловскѣ и была посвящаема покойнымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, который къ ней очень благоволилъ. Она была камергертвенною дамою, а дочь ея Александра — фрейлиной. Меньшая сестра Архаровой, Елизавета Александровна Ржевская, ходила на костылѣ, потому что на которой-то ногѣ у нея не доставало полступни и та была обращена въ противоположную сторону.

Брать ихъ Николай Александровичъ былъ очень окулъ, необыкновенно сластолюбивъ и чревоугодливъ, такъ что ему зачастую случалось раза по два завтракать, дважды обѣдать и кромѣ вечерняго чая и разныхъ лакомствъ плотно ужинать.

Когда онъ скончался (въ 1833), сестра его Елизавета Александровна, находившаяся въ его домѣ, за двѣ комнаты отъ той гдѣ онъ лежалъ, узнавши что онъ скончался, была такъ этимъ поражена что, забывъ взять свой костыль, прешла совершенно одна чрезъ двѣ комнаты, какъ будто бы имѣла обѣ ноги здоровыя. Это объясняли тогда врачи нервнымъ усиленнымъ напряженіемъ, и это былъ единственный случай въ ея жизни чтобъ она прошла безъ костыля.

VIII.

Кромѣ села Боброва у батюшки была еще и другая прекрасная усадьба въ Тульской губерніи, село Покровское. Оно было расположено по обѣимъ сторонамъ рѣки: съ одной стороны имѣніе было Корсаковское, а съ другой—Щербатовское. Когда батюшка женился, матушкѣ дали въ приданое ту часть что за рѣкой: въ цѣломъ и вышло прекрасное имѣніе. Въ Покровскомъ домѣ былъ гораздо меньше чѣмъ въ Бобровѣ, сосѣдей было меньше, батюшка и думалъ что ему и покойнѣе и выгоднѣе переѣхать на житье въ Покровское.

Кромѣ того вотъ что еще было причиной къ перемѣнѣ мѣста жительства: Калуга была только въ семнадцати верстахъ отъ Боброва; въ Калугѣ былъ въ то время намѣстникомъ Иванъ Никитичъ Кречетниковъ. Онъ благоволилъ къ батюшкѣ и то и дѣло посѣщалъ его: пріѣдетъ обѣдать, а за нимъ и вся городская знать тянется, и многіе живутъ по нѣскольку сутокъ. Такіе пріѣзды становились очень не дешевы, батюшка и разсудилъ что ему лучше жить въ Покровскомъ. А то случалось и такъ что Кречетниковъ назывался къ батюшкѣ,—все изготовить, гости съѣдутся, вдругъ ѣдетъ гонецъ: намѣстникъ извиняется что сегодня не можетъ быть, а будетъ вотъ тогда-то; стало-быть опять хлопоты, возня, траты. Батюшка рѣшился уѣхать и жить потише и поскромнѣе.

Вот что припомнилось мнѣ о Кречетниковѣ, когда онъ былъ намѣстникомъ въ Калугѣ. Въ тотъ годъ какъ императрица Екатерина II посетила Калугу, ужъ не упомню въ какомъ именно году,—на хлѣбъ былъ плохой урожай. Ожидая прибытія государыни, Кречетниковъ распорядился чтобы по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой ей надлежало ѣхать, на ближайшія къ дорогѣ десятины связали сжатый, но еще не убранный хлѣбъ (это было въ августѣ) и устлали бы конямъ какъ можно чаще, оставивъ такимъ образомъ отдаленныя десятины совершенно пустыми. При выѣздѣ въ городъ были устроены триумфальныя ворота и украшены снопами ржаными и овсяными. Знала ли императрица о скудости урожая и замѣтила ли она что было на дорогѣ, неизвестно, и обѣщалась съ намѣстникомъ мину-стать. Она спросила его однако: хорошъ ли былъ урожай? Кречетниковъ отвѣчалъ: прекрасный. Когда послѣ стола намѣстникъ доложилъ ей что въ городѣ есть театръ и хорошая труппа, и не соизволила ли ея императорское величество освятить театръ своимъ посѣщеніемъ, она потребовала списокъ играемыхъ пьесъ, и возвращая списокъ прибавила: „Если у васъ разыгрывается *Хеленъ*, то хорошо бы имъ показываться“ и пригласила намѣстника въ свою ложу. Во время комедіи, которая шла очень исправно, государыня часто посматривала на Кречетникова и много-стиво ему улыбалась; онъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Въ тотъ ли же вечеръ, или на завтра—не знаю, былъ данъ балъ для императрицы Калужскимъ дворянствомъ, и она его лю-тила своимъ высочайшимъ посѣщеніемъ. Во время всего бала она была милостива къ Кречетникову, но послѣ ужина, предъ отъѣздомъ, сказала ему: „Вотъ вы меня угощаете и дѣлаете празднества, а самими дорогими угостить пожа-лѣли.“—Чѣмъ же, государыня? спросилъ Кречетниковъ, не понимая чего могла пожелать императрица. „Чернымъ хлѣ-бомъ“, отвѣчала она, и тутъ высказала ему свое неудо-вольствіе: „Я желаю знать всю правду, а отъ меня ее скрываютъ и думаютъ одѣлать мнѣ угодное, скрывая отъ меня дурное! Здѣсь неурожай, народъ терпитъ нужду, а вы еще дѣлаете триумфальныя ворота изъ сноповъ! Чтобы мнѣ угодить не слѣдуетъ отъ меня таить правды, хотя бы и не-пріятной. Прошу это запомнить на будущее время.“

Вообще императрица очень была милостива къ Бречетникову, но въроятно онъ имѣлъ недоброжелателей которые старались вредить ему. Впрочемъ онъ до кончины сохранилъ благорасположеніе, а пожалуй, можно сказать что и по смерти императрица его еще жаловала. Онъ былъ пожалованъ въ графы, и это извѣстіе было привезено курьеромъ на другой день по его кончинѣ; онъ находился въ то время въ Польшѣ.

Когда мы переехали на жительство въ Покровское, вскорѣ послѣ кончины матушки, тамъ что-то было мало собѣдѣй и изъ нихъ памятамъ мнѣ Рукуновъ и Еропкины. Рукуновъ былъ уже очень немолодъ. Онъ былъ посаженнымъ сокольничимъ и разказывалъ что присутствовалъ на последней соколиной охотѣ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Онъ очень любилъ разказывать, какъ нужно вылавливать соколовъ для охоты; много было интереснаго въ его разговорѣ и воспоминаній о разныхъ случаяхъ на охотѣ, но это все такъ давно я слышала что все забывала. Одно только мнѣ памятно, что однажды на охотѣ при Елисаветѣ Петровнѣ онъ свалился съ лошади, въ присутствіи императрицы, и это вышло какъ-то такъ смѣшно, что она не могла удержаться отъ смѣха, а ему и больно и досадно на свою мелочность...

Еропкиныхъ и мужа и жену я живо помню. Петръ Дмитриевичъ былъ женатъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Леонтьевой. Онъ прославился во время чумы въ 1771 году. Чума началась еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1770 года, но особенно стала свирѣпствовать въ Москвѣ въ мартѣ мѣсяцѣ. Намѣстникомъ въ Москвѣ въ то время былъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, губернаторомъ—Бахметевъ, а Юшковъ Иванъ Ивановичъ—оберъ-полицейместеромъ. Они вотъ такъ струхнули что поскорѣе разѣхались: Салтыковъ уѣхалъ въ свою подмосковную, въ Марьино, тѣ тоже куда-то попрятались, такъ что Москва осталась безъ призора. Вотъ тутъ-то Еропкины, вида что столица въ опасности, и рѣшился самовольно принять на себя управленіе городомъ. Императрица прислала графа Орлова, а Еропкину приказала быть его помощникомъ. Салтыкова отъ должности отставили, и это такъ его поразило что онъ сталъ хворать и съ годъ спустя умеръ, можетъ-быть и расказываясь въ своемъ малодушіи, что не умѣлъ умереть какъ слѣдо-

вало, въ отправленіи своей службы, а умеръ съ позоромъ въ отставкѣ за свой побѣгъ.

Во время этой чумы въ Москвѣ одѣялся бунтъ въ народѣ изъ-за Иконы Боголюбской, что у Варварскихъ воротъ. Предъ нею стали много служить молебновъ, а тогдашній архіерей Амвросій, опасаясь чтобъ и здоровые люди, будучи въ толпѣ съ чумными, не заражались, изъ предосторожности и велѣлъ икону убрать. Вотъ за это-то народъ и озлобился на него. Онъ жилъ тогда въ Чудовѣ монастырѣ. Узнавъ что народъ его ищетъ, онъ поскорѣ уѣхалъ въ Даниловъ монастырь; мятежники бросились туда. Онъ въ Донской монастырь, гдѣ шла обѣдня, и прямо въ церковь, которую заперли. Двери народъ выломалъ, ворвался въ церковь: ищутъ архіерея—нигдѣ нѣтъ, и хотѣли было идти назадъ, да кто-то подсмотрѣлъ что изъ-за картинъ бывшей на хорахъ видны ноги, и крикнулъ: „Вонъ гдѣ онъ.“

Стащили его сверху, вывели за ограду, тамъ его терзали, мучили и убили. Убилъ его, говорятъ, пьяный поваръ Равскаго. Въ то время многіе видали преосвященнаго что онъ оторопѣлъ и сталъ прятаться; ему садовому дожидаться народа въ Чудовѣ монастырѣ и встрѣтить бунтовщиковъ будучи въ архіерейскомъ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ: едва ли бы кто рѣшился подлѣть на него руку. Конечно такова была воля Божія чтобъ онъ получалъ мученическій вѣнецъ, но жаль что по малодушію своему онъ не усмиривъ народъ, а устрашился его и чрезъ то самъ пострадалъ. Усмирять народъ пришлось Ерпкину. Государыня прислала ему Андреевскую ленту и хотѣла пожаловать нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ, но Петръ Дмитриевичъ обрадовался лентѣ, а вотчины не принималъ: „Насъ съ женой только двое, дѣтей у насъ нѣтъ, остояніе имѣемъ; къ чему жъ намъ еще набирать себѣ лишнее.“

Онъ имѣлъ свой домъ на Остоженкѣ, тотъ самый гдѣ теперь Коммерческое Училище, отчего и переулки что вонѣ называются: одинъ—Малый Ерпкинскій, другой—Большой Ерпкинскій. Когда въ молодости Петръ Дмитриевичъ былъ одѣявъ московскимъ главнокомандующимъ (1786—1790), онъ не захотѣлъ переехать въ казенный домъ, а остался жить въ своемъ и денегъ отпущенныхъ изъ казны на угощенія не принималъ. Во время

мещенія императрицей Екатериной II Москвы онъ дѣлалъ ей праздники у себя въ домѣ, и когда она его спросила: „что я могу для васъ сдѣлать, я желала бы васъ награждать,“ онъ отвѣчалъ:

— Матушка государыня, доволенъ твоими богатыми милостями, я награжденъ не по заслугамъ: андреевскій кавалеръ и начальникъ столицы, заслуживаю ли я этого?

Императрица не удовольствовалась этимъ отвѣтомъ и опять ему говорить:

— Вы ничего не берете на угощенье Москвы, а между тѣмъ у васъ открытый столъ: не задолжали ли вы, я заплатила бы ваши долги.

Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, государыня, я такъ вожжи по одежкѣ, долговъ не имѣю, а что имѣю тѣмъ угощаю, милости просимъ кому угодно моего хлѣба-соли откушать. Да и статочное ли дѣло, матушка-государыня, мы будемъ должать, а ты, матушка, останешься за насъ платить деньги; нѣтъ, это не приходится такъ.

Видя что Ершину дать нечего, императрица прислала его женѣ орденъ Св. Екатерины. До поступления въ должность главнокомандующаго Москвой и потомъ когда за старостью лѣтъ онъ отказался отъ службы, Петръ Дмитриевичъ и жена его жили у насъ по соседству и бывали у батюшки. Онъ некогда не пріѣзжалъ, не приславъ освѣдомиться батюшка дома ли, и ежели посланный узнать что дома, то велитъ доложить что Петръ Дмитриевичъ и Елизавета Михайловна приказали узнать о здоревьи и спросить: можно ли имъ пріѣхать тогда-то?

Этого мало: пріѣдетъ Петръ Дмитриевичъ дугою въ шорахъ, съ веревками впереди, и остановится у воротъ, а веревкой трубить въ рожекъ, и когда выйдутъ и откроютъ ворота и тоже изъ рожка оповѣстятъ съ крыльца, тогда онъ выйдетъ.

Онъ былъ высокаго роста, очень худощавый, вѣсело огорбленный, всякъ пріятной наружности, и кто его помнилъ смолodu, сказывали что онъ былъ красавцемъ. Глаза у него были большіе, очень зоркіе и довольно знаменитые, носъ орлиный; онъ курилъ, носилъ перчатки и былъ причесанъ въ три локода (à trois martres). Онъ былъ очень уменъ, благороденъ и безкорыстенъ какъ памятникъ въ разговорахъ

очень воздержанъ, въ обхожденіи простъ и безо всякой кичливости, чѣмъ доказывалъ что вполне заслуживалъ тѣхъ наградъ которыя получалъ.

Жена его, Елизавета Михайловна, была удивительной доброты и не могла видѣть ничьихъ слезъ чтобы не постараться утѣшить, и когда дѣлала кому добро, то первый угоръ ея былъ чтобы это оставалось тайной. Разказывали въ то время что одна сестра прѣхала къ Елизаветѣ Михайловнѣ и убивается, плачетъ, что у ея сына пропали казенныя деньги (какъ это случилось, я теперь ужъ не умѣю передать) и что ежели онъ не внесетъ, то его мало что из полка выгнать, еще сошлютъ.

Еропкина стала сперва спрашивать:

— Да что твой сынъ-то, мать моя, не мотишка ли, или можетъ-статься не въ карты ли онъ проигралъ?...

И когда она утѣрилась что это было не по собственной винѣ сына, этой сестры, а по несчастному случаю, принялась утѣшать ее:

— Да ты, голубка, не плачь, помолись Богу, Богъ-то и пошлетъ невидимо. А много ли пропало-то у него? спросила она.

— Много, матушка, очень много, и не выговоришь—пять тысячъ!..

— А-а-а! Ока бѣда какая, и подлинно что не мало, легко ли сколько! Я готова бы тебѣ помочь, да ужъ это больно много... А вотъ погоди плакать-то, обожди здѣсь меня, она становись на молитву, а я пойду посчитаю, увижу чѣмъ могу тебѣ помочь.

И пошла къ себѣ. Выходить немного погода.

— Ну что, молилась ли Богу, голубка моя? спрашиваетъ сестра.

— Молилась, моя родная.

— Ну пойдемъ же ко мнѣ.

Привела ее въ свою комнату и говоритъ ей:

— Положи три поклона земныхъ предъ образами и бери что завернуто въ бумагу лодъ образомъ, только не разертывай и не смотри пока домой не вернешься.

Та ей въ ноги благодаритъ.

— Постой, постой, выслушай что я тебѣ скажу: молилась предъ образомъ, слышишь, что ты никому не скажешь что я тебѣ въ бѣдѣ пособила; а то начнутъ благо-

вѣстить что Еролкина деньги раздаетъ. Сокрани тебя Богъ, ежели я только узнаю что ты про меня болтаешь, тогда ко мнѣ и на глаза не кажись.

Она продержала гостю у себя весь день, и какъ той ни хотѣлось посмотреть что завернуто въ бумагу, послушаться не смѣла. Привѣщаетъ домой, смотритъ — 5.000 рублей! Можно себѣ представить ея радость. Она сдержала слово, и пока Еролкина была жива—никому не разказывала и открыва это уже только послѣ ея смерти.

Это одинъ случай который я запомнила, а ихъ было много, потому что она дѣлала много добра.

И про Петра Дмитриевича припомнила я еще одинъ случай очень замѣчательный.

У него былъ пріятель Собакинъ; какъ по имени не запомню, знаю только что они во время чумы вѣроятъ служили въ Москвѣ. Собакинъ былъ бездѣтный, все имѣніе слѣдовало его родному племяннику (сыну нашей родственницы Соковниной, бывшей за Собакинымъ). Дядя разсердился на племянника и вздумалъ лишить его наслѣдства. Привѣхалъ къ Еролкину.

— Я, братецъ мой, къ тебѣ съ просьбой: ты знаешь я тебя люблю, дѣтей у меня нѣтъ, желаю отдать тебѣ все свое имѣніе.

— А твой племянникъ? спросилъ Еролкинъ.

— Мерзавецъ, мотилка, ждетъ моей смерти! Ничего ему не оставляю.

— Ну какъ угодно, а я не приму, у меня тоже нѣтъ дѣтей...

— Такъ ты стало-быть отказываешься? спрашиваетъ Собакинъ.

— Отказываюсь.

— Ну хорошо; жаль что тебя прежде не зналъ.

Друзья перессорились и разстались.

Какъ Собакинъ уѣхалъ и думаетъ Еролкинъ: „Гаупо я сдѣлалъ что отказался; онъ, пожалуй, другому кому-нибудь отдастъ и племянникъ тогда и ввалправду всего лишится.“ Поѣхалъ къ Собакину.

— Прости меня что я съ тобою логоричился и не принялъ что ты мнѣ отдавалъ по дружбѣ.

— Стало-быть ты готовъ теперь принять?

— Да, не откажусь.

— Ну ладно, помиримся.

И такъ все имѣніе Собакинъ и передалъ по кулчей Еропкину. Умеръ Собакинъ. Еропкинъ посылаетъ извѣстить племянника что дада умеръ, чтобъ ѣхалъ его хоронить. „Это меня не касается; кто получалъ имѣніе тотъ и хорони, я не васаѣдникъ.“ Тогда Еропкинъ сбѣлсилъ племяннику отчего онъ рѣшился взять имѣніе: „опасался что-бы дада не отдалъ другому.“ И возвратилъ имѣніе племяннику. Этого звали Петръ Александровичъ, а его мать была Наталья Петровна, урожденная Соковнина, и приходилась двоюродною сестрой моей свекрови Яньковой.

Когда Еропкины жилали въ Москвѣ, у нихъ былъ открытый столъ, т.-е къ нимъ приходили сбѣдать ежедневно кто хотѣлъ, будь только опратно одѣтъ и веда себя за столомъ чинно; и сколько бы за столомъ ни сѣло человекъ, всегда для всѣхъ доставало кушанья: вотъ какъ въ то время умѣли жить знатные господа!

IX.

Въ 1792 году скончалась бабушка-княгиня Анна Ивановна Щербатова. Она больше все жила въ деревнѣ, въ селѣ Сясковѣ, тоже Калужской губерніи. Это было ея собственное имѣніе, приданое. Тетушка, графиня Александра Николаевна Толстая, жила съ бабушкой. Мужъ ея, графъ Степанъ Ѳедоровичъ, когда женился, былъ уже не молодъ и былъ бригадиромъ. У него всего состоянія и было только: золоченая двухмѣстная карета и пара пѣго-чалыхъ лошадей, а тетушка такъ же какъ и матушка получила въ приданое 1.000 душъ.

Бабушка-княгиня была очень мала ростомъ, ходила всегда въ черномъ платьѣ, какъ вдова, и на головѣ носила не чепецъ, а просто шелковый платокъ. Одинъ только разъ и случилось мнѣ видѣть бабушку во всемъ парадѣ; она заѣхала къ намъ въ Москвѣ откуда-то съ обѣда свадебнаго, или со свадьбы: на ней было платье съ золотою сѣткой и парадный чепецъ съ бѣлыми лентами. Мы были еще всѣ дѣтми, выбѣжали къ ней на встрѣчу и, увидѣвъ ее въ необыкновенномъ нарядѣ, стали прыгать предъ ней и кричать:

„Бабушка въ челпѣ! Бабушка въ челпѣ!“

Она прогнѣвалась на насъ за это:

— Ахъ вы дуры, дѣвченки! Чтò за диковинка что я въ челпѣ? Бабушка въ челпѣ! А вы думали что ужъ я и челпа надѣть не умѣю... Вотъ я вамъ уши за это надеру...

Пришелъ батюшка, она ему и жалуется на насъ:

— Дуры-то твои выбѣжали ко мнѣ и ну кричать: бабушка въ челпѣ! Знать ты мало имъ уши дерешь что они старшихъ не почитаютъ.

Батюшка сталъ успокаивать ее: „Матушка, не извольте на нихъ гнѣваться, дѣти, глупы, ничего еще не смыслятъ.“

Послѣ, какъ бабушка уѣхала, ужъ и досталась же намъ отъ батюшки гонка за это; тогда мнѣ было едва ли больше пяти лѣтъ.

Мы ѣзжали къ бабушкѣ Щербатовой въ деревню и нослѣ матушкиной кончины у нея долго гостили, да и преже гацивали въ Сясковѣ по вѣсколку дѣмъ. Случалось это почти всегда осенью, потому что принаравливали что-бы поласть къ бабушкиныхъ именинамъ, сентября 9го. Ея въ честь и названа была младшая моя сестра Анной, а мнѣ имя Елизаветы дано въ честь Зимковой, которая чуть ли и не крестила батюшку. Бабушка вставала рано и кушала въ полдень; ну, стало-быть и мы должны были вставать еще раньше, чтобы быть уже наготовѣ когда бабушка выйдетъ. Потомъ до обѣда сидимъ бывало въ гостиной предъ нею на вытяжкѣ, молчимъ, ждемъ что бабушка спроситъ у насъ что-нибудь; когда спрашиваетъ; встанешь и отвѣчаешь стоя, и ждешь чтобы она сказала опять: „ну, садись“. Это значитъ что она больше съ тобой разговаривать не будетъ. Бывало и при батюшкѣ и при матушкѣ никогда не смѣешь сѣсть пока кто-нибудь не скажетъ: „что же ты стоишь, Елизавета, садись“. Тогда только и сѣдешь.

Послѣ обѣда бабушка отамкала, а намъ и скажетъ: „Ну, дѣтунки, вамъ, чай, скучно со старухой, все сидите на вытяжкѣ; походите-ка, мои свѣты, въ садъ, позабавьтесь тамъ, поищите не найдете ли бранцевъ, а я сѣмъ-ка лану отдохнуть.“

Знаешь ли что такое значитъ: бранцы? Это самые сильные орѣхи, которые остаются по недосмотру на кустахъ въ то время когда орѣхи берутъ. Потомъ они дорѣзываютъ

и съ кустовъ падаютъ на земаю; это самые вкусные орѣхи, потому что дозрѣють.

Въ Сясковѣ въ то время садъ былъ пребольшой, цвѣтниковъ было мало, да и цвѣтовъ тогда такихъ хорошихъ какъ теперь не бывало: розаны махровые, шиповникъ, касатики, нарцисы, барская слива, лѣсны, жонкили. Сады бывали все больше фруктовые: яблоки, груши, вишни, сливы, черносливъ и почти вездѣ орѣховыя аллеи. Теперь нѣтъ и такихъ сортовъ яблоковъ какіе я въ молодости ѣдала; были у батюшки въ Бобровѣ: *мордочка*, небольшое длинное яблоко, къ верху узкое, точно какъ мордочка какого-нибудь звѣрка, и *звонокъ*,—круглое, плоское, и когда созрѣетъ послѣтъ, то зернышки точно въ гремушки гремѣть. Теперь этихъ сортовъ и не знаютъ: когда брату Михаилу Петровичу досталось Боброво, какъ мнѣ хотѣлось достать привозокъ съ этихъ яблокъ; искали—не нашли, говорить померзали.

Въ Сясковѣ было тоже много яблокъ и всякихъ ягодъ и прекрасныя орѣховыя аллеи: цѣло ли теперь все это? съ тѣхъ поръ прошло болѣе семидесяти лѣтъ!..

Бабушка Щербатова была очень богомольна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень суевѣрна и имѣла множество примѣтъ которымъ вѣрила. По тогдашнему это было не такъ странно, а теперь и вспомнить смѣшно чего она боялась, моя бабушка! Такъ напримѣръ: ежели она увидитъ вѣтку на полу, всегда ее обойдетъ, потому что „Богъ вѣсть, кѣмъ положена эта вѣть, и не съ умысломъ ли какимъ?“ Если кругъ на пескѣ гдѣ-нибудь въ саду отъ лейки или отъ ведра, никогда не перешагнетъ черезъ него: „Не хорошо, лишаи будутъ.“ Подъ первое число каждаго мѣсяца ходила подслушивать у дверей дѣвичей, и по тому какое усамнитъ слово заключала — благополученъ ли будетъ мѣсяцъ или нѣтъ. Впрочемъ дѣвушки знали ее слабость и когда заслышатъ что книжка шаркаетъ ножками, перемигнутся и тотчасъ заведутъ такую рѣчь, которую можно бы ей было истолковать къ благополучію, а бабушка тотчасъ и войдетъ въ дѣвичью, чтобы заквасить на словѣ.

— Что вы такое говорили? скажетъ она.

Дѣвушки притворятся что будто и не слышали какъ она вошла и нагородятъ ей всякаго вздора, и потомъ прибавятъ:

— Это, государыня книжка, знаетъ къ благополучію.

А ежели она услышитъ что-нибудь нескладное, плюнетъ и пойдетъ назадъ.

Иногда придетъ и скажетъ тетухкѣ: „Александръ, вотъ что я слышала,“ и станетъ ей рассказывать, и потомъ вмѣстѣ перетолковываютъ, значить ли это слово къ благополучію, или не къ добру.

Она вѣрила колдовству, глазу, оборотнямъ, русалкамъ, дѣшамъ; думала что можно испортить человѣка, и имѣла множество разныхъ примѣтъ, которыхъ я теперь и не упомяну.

Зимой когда залушить окна, рассматривала узоры и по фигурамъ тоже судила: къ добру или не къ добру.

Тетухка, графиня Тоастая, которая до самой кончины ея все жила съ нею вмѣстѣ, много понабралась отъ нея примѣтъ и имѣла большія странности.

Очень помято: жилали въ деревнѣ, занятій не было, вотъ онѣ сидятъ и придумываютъ себѣ всякую всячину. У матушки было очень мало этихъ предразсудковъ, а батюшка вовсе имъ не былъ подверженъ.

Вообще скажу про батюшку, что онъ во всемъ былъ рѣдкимъ человѣкомъ по своему времени: благочестивъ и богомоленъ, но ни мало не суевѣренъ; воздержанъ и въ пищѣ и въ питіи; честенъ, безкорыстенъ, но бережливъ безъ малѣйшей скупости; пріятливъ съ каждымъ, но гордымъ не давалъ потачки. Такъ напримѣръ: когда мы переехали жить въ Покровское, такъ какъ оно было Тульской губерніи, то батюшка и завагоразсудилъ познакомиться съ губернаторомъ, съ княземъ Петромъ Петровичемъ Долгорукимъ.

Должно-быть князь думалъ что батюшка, какъ многіе дворяне, очень благоговѣтъ предъ княжескимъ титуломъ и вздумалъ было его принять немного свысока.

Онъ вышелъ къ батюшкѣ и первое спрашиваетъ его: „Что вамъ угодно?“

Батюшку это покорило, однако онъ смолчалъ; ждетъ что князь ему предложитъ охоту; князь все стоитъ. Тогда батюшка и говоритъ ему: „Сперва, садитесь, князь, тогда я вамъ и скажу за чѣмъ я пріѣхалъ“, и сѣлъ.

— Вотъ теперь я скажу вамъ что мнѣ угодно. Вы вѣрно думаете, что я пріѣхалъ къ вамъ прощителемъ, или по дѣламъ? Очень ошибаетесь. Я сюда пріѣхалъ жить въ свое имѣ-

ніе, а такъ какъ вы начальникъ губерніи, то считалъ своимъ долгомъ сдѣлать вамъ изъ вѣжливости визитъ; да, мнѣ было угодно отдать вамъ честь, посѣтить васъ, какъ одинъ дворянинъ посѣщаетъ другого дворянина, а вы воображали что я къ вамъ явился просителемъ? Очень ошиблись, ваше сіятельство.

Князь былъ гордецекъ и должно-быть не очень симпатиченъ. Онъ совершенно растерялся, видя предъ собою равнаго себѣ, а не униженнаго слугу и пресмыкателя; отсталъ извиняться и совершенно перемѣнилъ тонъ. Батюшка посиѣлъ у него нѣсколько минутъ, холодно и сухо съ нимъ простился и послѣ того никогда у него уже не бывалъ и объ немъ всегда говаривалъ: Надутый лузмаръ, и гордый гаупецъ; моя нога никогда у него не будетъ*.

Въ послѣдствіи мой второй братъ женился на дочери этого Долгорукова; это было уже послѣ кончины батюшки, а при его жизни конечно бы онъ брака не дозволялъ.

Отправляя моихъ двухъ братьевъ на службу, батюшка имъ сказалъ: „Помните слова вашего отца: будьте усердны къ Богу, вѣрны государямъ, будьте честными людьми, ни на что не напрашивайтесь и ни отъ чего не отказывайтесь и лаче всего будьте осторожны въ словѣ; я самъ много пострадалъ чрезъ неумѣренность моего языка, онъ мнѣ много повредилъ.“

Братья давно были записаны въ полкъ, а жили дома, какъ это тогда водилось; и поступивъ капрадами въ Преображенскій полкъ, скоро были произведены въ офицеры.

Старшему моему брату было шестнадцать лѣтъ, меньшому четырнадцать, когда они поѣхали въ Петербургъ.

Изъ числа матушкиныхъ родныхъ по Мещерскимъ я помню что къ намъ ѣзжали Ергольскіе: одинъ былъ по отчеству Тимошенчъ, другой Гурмычъ; оба они были бабушки княгини Анны Ивановны двоюродные братья. Кромѣ того были и Мещерскіе родные: князь Борисъ и князь Павелъ Ивановичи.* Они доводились матушкѣ свучатыми братьями.

* Князья Борисъ, Павелъ и Алексѣй Ивановичи и сестра ихъ княжна Анна Ивановна (по замужеству Везобразова) были дѣти князя Ивана Никаноровича. Князь Алексѣй оставилъ двухъ сыновей—Никанора и Ивана; у Ивана, женатаго на Ергольской, была дочь Анна Ивановна, за княземъ Николаемъ Осиповичемъ Щербатовымъ; у нихъ двѣ дочери: Аграфена (Римская-Корсакова) и Александръ (графиня Толстая).

Князь Борисъ Ивановичъ былъ женатъ на Евдокии Николаевнѣ Тютчевой (въ послѣдствіи игуменія Евгенія, послѣ смерти мужа основательница Алексанъ-Борисоглагольскій монастырь). Ея дочь была за Семеновъ Николаевичемъ Озеровымъ; вотъ почему мамы Озеровы и родня. У Павла Ивановича было два сына: князь Алексѣй Павловичъ, умръ холостымъ, и князь Андрей Павловичъ, былъ женатъ и оставилъ сколько-то дѣтей, а сестра ихъ Софья Павловна была за Александромъ Дмитриевичемъ Чертковымъ.

Еще помню что видѣла въ матушкинъ троюродный дядя, князь Тюфакимъ, а видѣла ли я его и какъ знала, не помню съ тѣхъ поръ прошлое ежели не восемьдесятъ лѣтъ дѣти, такъ уже нецѣрное восемьдесятъ.

Изъ матушкиныхъ родныхъ съ отцовской стороны, т.-е. по Щербатовымъ, были у насъ тоже двоюродные дяди Салтыковы: Сергѣй Васильевичъ, женатый на Маріѣ Павловнѣ Балкѣ (онъ былъ гдѣ-то потомъ посланникомъ и все больше жилъ за границей), и братъ его Александръ Васильевичъ, который былъ два раза женатъ—на Великиной и на Трегубовой. У нихъ было три сестры: одна за Адамомъ Олсуфьевымъ, другая за Голицынымъ, а третья, помнится, за Измайловымъ. Помню только одну имена, а больше объ нихъ ничего сказать не могу.

Изъ Щербатовыхъ самая близкая родственница наша была дѣдушки, князя Николая Осиповича, родная не отцу сестра, княжна Варвара Осиповна Делгорукая, но она къ намъ не ѣзжала, потому что дѣдушка былъ съ нею не въ ладахъ, и вотъ отчего.

Дѣдушкинъ отецъ, князь Осипъ Ивановичъ Щербатовъ, былъ женатъ два раза. Въ первый разъ на Маріѣ Васильевнѣ Соколкиной; отъ этого брака родились княжна Варвара и князь Сергѣй; а потомъ женился на Аграфенѣ Федоровнѣ Салтыковой, и отъ нея былъ только одинъ сынъ—дѣдушка. По смерти отца онъ остался, ежели не малолѣтнемъ, то очень еще молодъ, и старшая въ домѣ сестра, княжна Варвара, всѣмъ заправляла и все больше радѣла брату Сергѣю, да и при раздѣлѣ отцовскаго имѣнія тоже, говорить, не совсѣмъ по совѣсти дѣйствовала. Отъ этого у дѣдушки и осталась завоза въ сердцѣ, и когда онъ возмужалъ, то и пересталъ впадать въ ссоры со своею сестрой и съ Делгорукими не очень ладилъ. Подробностей я не помню, да оно и лучше когда о

сееймахъ раздорахъ забывается: помни что хорошо, а что дурно — сгнѣши позабыть.

Родная моя тетка, матушкина сестра, графиня Александра Николаевна Толстая, жена графа Степана Федоровича, была на тринадцать лѣтъ моложе матушки. Она всегда матушки говорила „вы“ и очень ее уважала; отъ батюшкой и она, и ея мужъ были дружны и къ намъ родотвержно расположены. Тетунька получила въ приданое 1.000 душъ и ту деревню, село Сясково, гдѣ жила и окончилась бабушка. Дядюшка графъ Степанъ Федоровичъ былъ человекъ очень разчетливый и смѣтливый, онъ и то берегъ что имѣлъ, да и умѣлъ копить и наживать: покупалъ имѣнія дешево и бралъ хорошую потомъ цѣну, и когда окончался въ 1864 году, то у нихъ было чуть ли уже не 4.000 душъ крестьянъ*. У него была сестра Варвара Федоровна, замужемъ за Дожуровымъ (по имени ея звали Аванасіемъ, а какъ по отцу, не знаю), имѣла сына и двухъ дочерей: Марью и Варвару Аванасіевну.

А у тетуньки, графини Александры Николаевны, было двѣнадцать человекъ дѣтей — девять сыновей и три дочери. Старшая, Елизавета Степановна, была за графомъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ и имѣла отъ него единственную дочь Александру Григорьевну, которая была за Павломъ Ивановичемъ Колошинымъ**.

* Графъ Степанъ Федоровичъ былъ знакомъ съ преосвященнымъ Тихономъ, епископомъ Задонскимъ, находился съ нимъ въ перепискѣ и имѣлъ много его собственноручныхъ писемъ. Когда онъ сдѣлался невздохомъ, то завѣщалъ похоронить себя въ Задонскѣ вонъ той церкви, гдѣ было погребено тѣло преосвященнаго Тихона, что и исполнили.

** У Колошиныхъ было три сына и двѣ дочери:

1) Сергѣй Павловичъ, литераторъ, родился въ 1823 году, скончался въ 1863 году во Флоренціи.

2) Дмитрій Павловичъ, родился 14го апрѣля 1827 года, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

3) Валентинъ Павловичъ, убитъ въ 1855 году при осадѣ Севастополя.

Александра Павловна родилась въ 1825 году, умерла въ 1846 году отъ холеры.

Софья Павловна родилась въ 1827 году 22го августа.

Александра Григорьевна и Павелъ Ивановичъ Колошины погребены въ Москвѣ, въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

Вторая сестра, графиня Аграфена Степановна, была помолвлена въ молодости (за Фаминцына), но ея женихъ умеръ.

Третья сестра, Марья Степановна, вышла за Василиа Алексѣевича Толстаго, не графа, который ей приходился какъ-то дальнимъ родственникомъ *.

Перечисливъ всѣхъ матушкиныхъ родныхъ, доскажу о родныхъ по Корсаковымъ: Корсаковыхъ, Волконскихъ и Татищевыхъ. Батюшкина сестра, княгиня Марія Михайловна **, имѣла только двухъ сыновей: князя Дмитрія Михайловича *** и князя Владиміра Михайловича ****.

Князь Дмитрій былъ гораздо старше меня, лѣтъ на десять, если не болѣе. Онъ былъ высокаго роста, очень уменъ, любезенъ и добръ, но очень нехорошъ собою и отъ осли имѣлъ лицо рябое. Служилъ, навѣрное не знаю, не то въ Семеновскомъ, не то въ Преображенскомъ полку; вышелъ въ отставку полковникомъ, долгое время былъ безъ службы, женился на Зыбиной и поступилъ опять на службу, но только уже не въ военную: онъ былъ директоромъ въ Павловскомъ, которое такъ любила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна. Жена князя Дмитрія имѣла ужасный

* У Марьи Степановны Толстой дѣти:

Николай Васильевичъ, умеръ бездѣтнымъ.

Виталій Васильевичъ, отъ брака съ дѣвицей Булыгиной, имѣетъ дочь Александру.

Василій Васильевичъ, умеръ бездѣтнымъ.

Барвара Васильевна, въ первомъ бракѣ за Воейковымъ, во второмъ не помню за кѣмъ.

Александра Васильевна, за Сомовымъ, оба умерли бездѣтны.

Екатерина Васильевна, за Николаемъ Осиповичемъ Бове; два сына и дочь.

Марія Васильевна, дѣвица, умерла въ Калугѣ.

Марія Степановна, умерла въ 1874 году въ Калугѣ.

** Марія Михайловна Римская-Корсакова родилась 9го января 1736 года, скончалась 6го августа 1786 года, была замужемъ за княземъ Михаиломъ Петровичемъ Волконскимъ (оба схоронены въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ).

*** Князь Дмитрій Михайловичъ родился 5го мая 1759 года, скончался 2го декабря 1814 года. Жена его, Марья Никитична Зыбина, родилась 28го іюля 1766 года, скончалась 28го іюля 1816 года, оба схоронены въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

**** Князь Владиміръ-Проколій Михайловичъ родился 8го іюля 1761 года, скончался 17го іюня 1845 года, схороненъ въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

характеръ, вспыльчивый и жестокий, и хотя она и любила своего мужа, но много причиняла ему печали своею заальчивостію, которая доходила до того что она бывало какъ разсердится, то поблѣднѣетъ, то вслыхнетъ, то сдѣлается вся полосатая; выступитъ потъ на лицѣ, лѣка у рта и даже иногда такое бѣшенство оканчивалось у нея обморокомъ. Боле всего отъ нея страдала несчастная прислуга, въ особенности когда мужа ея не бывало дома и потомъ когда онъ умеръ. Признаюсь, я всегда опасалась за нее: ожидала что съ ней что-нибудь сдѣлаютъ. У нихъ было трое дѣтей: два сына, Модестъ и Вячеславъ, и дочь Зинаида, была замужемъ за Ланскимъ Петромъ Сергѣевичемъ, сыномъ Елизаветы Ивановны, урожденной Вилламовой, сестры извѣстнаго въ свое время статсъ-секретаря. Всѣ дѣти князя Дмитрія были характеромъ въ мать. Модестъ, умершій въ первой молодости, лѣтъ 16 или 17, былъ бы ужаснымъ человекомъ, ежели бы Господь не взялъ его благовременно. Зинаида была тоже предурнаго характера и много дѣлала горя своей добройшей и милѣйшей свекрови Елизаветѣ Ивановнѣ.

О Корсаковыхъ: тетукѣ Марьѣ Семеновнѣ, объ ея дочеряхъ—Екатеринѣ Александровнѣ Архаровой и Елизаветѣ Александровнѣ Ржевской и о братѣ ихъ Николаѣ Александровичѣ я кажется уже много говорила, но не досказала еще что у дѣдушки Михаила Александровича была сестра Марья Андреевна за княземъ Мецкерскимъ и у этой Мецкерской было нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ за Ильинымъ. Отецъ и мать не желали этого брака; тогда княжна обратилась съ просьбой къ своему дядѣ, то есть къ моему дѣдушкѣ, Михаилу Андреевичу. Онъ сперва уговаривалъ Мецкерскихъ чтобъ они позволили дочери выйти замужъ, тѣ не хотѣли объ этомъ и слышать; тогда онъ помогъ племянницѣ бѣжать и даже благословилъ ее образомъ Спасителя. У Ильиныхъ была только одна дочь, Елизавета Андреевна, которая меня очень любила; она умерла дѣвцей и умирая оставила мнѣ образъ, которымъ благославляла ея мать мой дѣдушка.

Въ то время побѣгъ считался великимъ позоромъ и потому Мецкерскіе не очень долюбивали Ильину, вспоминая что ея мать не вышла замужъ, а бѣжала.

Изъ Татищевыхъ теперь никого уже не осталось въ живыхъ, а всѣхъ пережила, а было у насъ въ Москвѣ три родственныхъ близкихъ дома:

1) Аграфена Федотовна Татищева, урожденная Каменская (сестра графа Михаила Федотовича, пожалованнаго при императорѣ Павлѣ въ графы и фельдмаршалы), была третьею женой батюшкинаго роднаго дяди Евграфа Васильевича. Батюшка ее очень уважалъ и до самой смерти своей она была ко мнѣ и ко всѣмъ намъ очень хорошо расположена. Ея домъ былъ на Тверскомъ бульварѣ; на дворѣ съ двумя большими флигелями: тотъ который на переулочкѣ съ круглымъ угломъ. *

Отъ первой жены своей дѣдушка Евграфъ Васильевичъ, сынъ Василия Никитича и братъ Евпраксіи Васильевны Римской-Корсаковой, имѣлъ только одного сына, дядюшку Ростислава Евграфовича, жившаго въ дѣтствѣ при дѣдѣ своемъ Василии Никитичѣ въ Болдино. Эта первая жена Евграфа Васильевича была Зимовьева. Вторая его жена, Наталья Ивановна, была по себѣ баронесса Черкасова и оставила только одну дочь—Анну, которая была за Ахлестышевымъ; а отъ третьей жены было четыре сына и четыре дочери.

Старшему сыну своему отъ первой жены, Ростиславу Евграфовичу, дѣдушка отдалъ свой каменный домъ на Петровскомъ бульварѣ **, рядомъ съ Петровскимъ монастыремъ, и въ этомъ домѣ онъ дѣлалъ балъ и принималъ великаго князя Павла Петровича. Это было, не знаю навѣрно въ которомъ году, но думаю или въ концѣ семидесятыхъ годовъ или въ 1780, потому что въ восемьдесятъ первомъ году онъ скончался. Въ этомъ домѣ была зала довольно высокая, но очень узенькая, съ зеркальными дверьми и зеркальными окнами, что по тому времени, когда зеркала были въ диковинку, считалось очень хорошо и нарядно.

2) Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, двоюродный братъ батюшки, былъ съ нами очень друженъ, и батюшка по его

* Нынѣ это домъ княгини Ухтомской и тамъ адресная контора.

** Этотъ домъ Р. Е. Татищевъ отдалъ своей дочери Елизаветѣ Ростиславовнѣ, бывшей въ замужествѣ за княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Вяземскимъ; она отдала его своей дочери Варварѣ Сергѣевнѣ Ершовой, которая и продала его г. Катуару.

просьбѣ подарилъ ему портретъ своего и его дѣда Василя Никитича Татищева; этотъ портретъ теперь принадлежитъ Ершовой Варварѣ Сергѣевнѣ. Дядюшка былъ также женатъ три раза: на Бакуниной, на Грязновой и на княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Гагариной. Отъ первыхъ двухъ женъ онъ имѣлъ по одной дочери: Александра Ростиславовна была за Похвисневымъ, а младшая, Елизавета Ростиславовна, за княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Вяземскимъ, который былъ съ нею въ близкомъ свойствѣ, потому что былъ роднымъ племянникомъ Аграфенѣ Ѳедотовнѣ Татищевой, будучи сыномъ ея родной сестры, Анны Ѳедотовны.

Двоюродный братъ князя Сергѣя Сергѣевича, князь Николай Семеновичъ, былъ женатъ въ послѣдствіи на моей сестрѣ Александрѣ Петровнѣ; объ этомъ я разкажу послѣ.

3) Третій домъ Татищевыхъ былъ рядомъ съ домомъ Пашковыхъ съ одной стороны и съ домомъ Нарышкиныхъ съ другой. Тутъ жилъ дядюшка Алексѣй Евграфовичъ, женатый на Марьѣ Степановнѣ Ржевской, дочери Степана Матвѣевича, женатаго на баронессѣ Строгановой, Софьѣ Николаевнѣ, слѣдовательно по Строгановымъ она была въ свойствѣ, хотя и дальнемъ, съ Татищевыми.

Имѣя сама хорошее состояніе и вышедши за человека богатаго, она жила очень весело, любила давать балы и маскарады: сперва, когда была молода, для себя самой, а потомъ, когда подросли ея двѣ дочери Софья и Анна, она ихъ тѣшила, и будучи въ родствѣ едва ли не съ полъ-Москвой, почти всегдѣ говорила *ton cousin* или *ta cousine* и этимъ заслужила прозваніе: *всемірной кузины*. И точно, почти всѣ кто у нея бывали приходились ей сродни, или по Строгановымъ и Ржевскимъ, или по Татищевымъ и Каменскимъ.

У дядюшки Алексѣя Евграфовича были отъ Марьи Степановны два сына: Николай и Никита, оба прекрасные молодые люди и оба умерли очень молоды, старшій лѣтъ двадцати лѣтъ, а меньшой былъ подросткомъ; ни тотъ ни другой не были женаты. Марья Степановна воспитывала сына своей старшей дочери, бывшей во второмъ бракѣ за Савеловымъ, и этотъ внукъ подавалъ большія надежды, но умеръ преждевременно. Въ послѣдніе годы своей жизни Марья Степановна почти никого уже не принимала и имѣла во

всемъ недостатокъ, больше жила въ Болдинѣ и тамъ умерла въ 1852 году, будучи почти восьмидесяти лѣтъ отъ рожденія.

Остальные три брата ея мужа, Никита, Василій и Михаилъ Евграфовичи, умерли не женатые. Никита и Михаилъ умерли очень молоды: одному было лѣтъ 17, другому 20, а Василій умеръ въ 1827 году въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца.

Три тетушки Татищевы, Евграфовны, были замужемъ: Александра Евграфовна за Яковомъ Андреевичемъ Дашковымъ; Прасковья за грузинскимъ царевичемъ Леономъ Леоновичемъ, и все больше жила у себя въ Ярославской деревнѣ, и Елизавета за Новосильцевымъ Иваномъ Филипповичемъ и имѣла двухъ сыновей: Дмитрія Ивановича, который пошелъ въ монахи и умеръ въ Донскомъ монастырѣ, и Евграфа Ивановича, женатаго на Натальѣ Ивановнѣ Вырубовой. У нихъ сынъ Иванъ и дочь Елизавета. А двѣ дочери Елизаветы Евграфовны были замужемъ: Аграфена Ивановна за Ивинскимъ, Елизавета Ивановна за Роговскимъ.

Екатерина Евграфовна, вторая изъ дочерей Аграфены Федотовны, не была замужемъ и умерла въ молодыхъ лѣтахъ.

Теперь изъ этой большой семьи никого не осталось, и если есть какіе Татищевы, то и не сочтешься съ ними родствомъ.

Третья жена дядюшки Ростислава Евграфовича, урожденная княжна Гагарина Александра Ивановна, сестра князя Сергѣя Ивановича, была прекрасна собой. Оставшись послѣ мужа молодою вдовой, она влюбилась въ учителя своихъ падчерицъ — изъ духовнаго званія, и одѣлала непростительную глупость: вышла за него замужъ. Онъ былъ человекъ очень грубый и она дорого поплатилась за свое увлеченіе: мужъ ее заперъ почти безвыходно дома и она грустно дождала свой вѣкъ взаперти, удаленная отъ своихъ родныхъ, которые разумѣется осуждали ее за ея безразсудство и къ ней не ѣздили, а къ нимъ ее мужъ не пускалъ, и такъ она умерла забытая ото всѣхъ, претерпѣвая отъ грубаго семинариста самое жестокое обращеніе, потому что онъ былъ и скулъ, и говорятъ бѣдную жену свою даже не рѣдко и бивалъ. Домашка ихъ былъ въ Георгіевскомъ переулкѣ близъ Спиридоновки — маленькій, деревян-

ный въ три окна и ворота всегда на запорѣ. Бывало ѣдешь мимо, посмотришь и подумаешь: каково это бѣдной Александрѣ Ивановнѣ послѣ довольства и изобилія, послѣ житья въ палатахъ и въ кругу знатныхъ родныхъ и друзей,—томиться въ такой дачугѣ? Да, вотъ что значить, какъ поддашься увлеченію безразсудной страсти! Впрочемъ, къ чести моего времени скажу что тогда такіе случаи бывали за рѣдкость и неравные браки не были такъ часты какъ теперь. Каждый жилъ въ своемъ кругу, имѣлъ общеніе съ людьми равными себѣ по рожденію и по воспитанію и не брался со встрѣчнымъ и съ поперечнымъ...

(Продолж. слѣд.)

НАЧАЛО ДРУЖЕСТВЕННЫХЪ СНОШЕНИЙ РОССІИ СЪ ПРУССІЕЙ

РУССКІЕ ВЕЛИКАНЫ ВЪ ПРУССКОЙ СЛУЖБѢ
(1711—1746)

ПОСВЯЩАЕТСЯ БАРОНУ Ф. А. БЮЛЕРУ

Въ виду вымѣшней близости Россіи съ Пруссіей не лишнео интереса прослѣдить обстоятельства подъ вліяніемъ которыхъ возникли дружескія отношенія этихъ странъ въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ изобилуетъ матеріалами по сему предмету, отчасти разработанными въ статьяхъ А. Д. Путагы: *Вопросъ о прусскомъ союзѣ съ первою половиною великой Сѣверной войны*, и К. А. Щученко: *Яктарная комната Царскосельскаго Дворца* *. Въ послѣдней статьѣ

* Разыскивая матеріалы относящіеся до посылки великаномъ Прусскому королю, мы неожиданно напали на нѣкоторыя свѣдѣнія относящіеся до Яктарной комнаты, подаренной Фридрихомъ-Вилгельмомъ I Петру Великому и дополняющія сообщенія г. Щученко; считаемъ не лишнимъ привести ихъ здѣсь. Въ своей *Histoire de la vie privée, politique et militaire de Frédéric II* (т. I, page 29 et 30) лордъ Доверъ (Dover), ссылаясь на разказъ изъ *Mémoires de la Margrave de Bareith* о посѣщеніи Петромъ I и Екатериной разныхъ

г. Щученко уломяетъ о посылкѣ Петромъ I „великорос-
скихъ солдатъ“. Это подаило намъ мысль сообщить читающей
публикѣ замѣчательные объ этомъ документы, найденные
въ различныхъ рѣдкихъ сочиненіяхъ бібліотеки и въ дѣлахъ
Московского Главнаго Архива и переданные намъ для обра-
ботки директоромъ Архива, барономъ Э. А. Бюлеромъ.

Совступленіемъ на престолъ въ 1713 году Фридриха Виль-
гельма I, Петръ Великій снова направилъ всѣ усилія чтобы
привлечь Пруссію къ союзу противъ Швеціи, и успѣлъ въ
этомъ, благодаря обстоятельствамъ вынудившимъ Прусскаго
короля рѣшительно выступить противъ Швеціи, и личнымъ

достопримѣчательностей Берлина, между прочимъ, говорить что
Петру понравились нѣсколько статуй, и что... „Il demanda sans
façon cette statue et plusieurs autres au roi, qui ne pût les lui refuser.
Il'en fit de même d'un cabinet dont toute la boiserie était d'ambre.
Ce cabinet était *unique* dans son espèce et avait coûté des sommes
immenses au roi Frédéric I; il eût le triste sort d'être envoyé à St.-
Pétersbourg, au grand regret de tout le monde.“ Относительно пре-
красной статуи въ запискахъ маркграфини, родной сестры Фри-
дриха Великаго, есть куріозный анекдотъ, будто этою статуей Петръ I
до того пѣлся, что приказалъ своей супругѣ ее поцѣловать,
и вида что Екатерина замаялась крикнуть: *кебабъ!*—что и заста-
вило ее мгновенно исполнить его волю. Въ запискахъ маркграфини
за словомъ *кебабъ* слѣдуетъ въ скобкахъ: *убью!* изъ чего можно
заключить что присутствовавшіе поняли будто Петръ грозилъ Ека-
теринѣ убить ее, тогда какъ вѣроятно было сказано: *экая баба!*

Что же касается упоминанія будто выпрошенная Петромъ Вели-
кимъ Янтарная комната есть *уникальн* въ своемъ родѣ, то противъ
этого, директору Архива барону Э. А. Бюлеру недавно сообщалъ
весьма интересное возраженіе нашъ почтенный академикъ А. Ф. Быч-
ковъ. Служа подъ начальствомъ бывшаго директора Императорской
Публичной Библіотеки, военнаго писателя, члена Госуд. Совѣта, Д. П.
Бутурлина, онъ, въ разговорѣ съ нимъ, выразилъ однажды выше-
сказанную мысль, на что Д. П. Бутурлинъ замѣтилъ что въ имѣніи
которымъ владѣла въ Крыму его супруга, рожденная Комбураей,
находится янтарная комната такой же величины и по достоинству
не хуже такой же комнаты Царскосельскаго Дворца. За недавнюю
кончину единственнаго сына Д. П. Бутурлина, имѣніе это долж-
но принадлежать теперь его сестрѣ, состоящей въ замужествѣ за
графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Стрегановымъ.

Помяну что лица желавшія приобрести дружбу Прусскаго короля старались дарить ему великановъ; такъ импѣръ Датскій король прислалъ ему нѣсколько челоѣкъ.

Когда Фридрихъ-Вильгельмъ былъ еще кроны-принцемъ, то нашъ посланникъ при Прусскомъ дворѣ Александръ Головкинъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Одинъ русскій солдатъ, вѣроятно высокаго роста, бѣжалъ изъ плѣна отъ Шведовъ въ Пруссію, гдѣ былъ насильно взятъ въ гренадеры кроны-принца. „Я о томъ солдатѣ, пишетъ А. Головкинъ * къ

пунктамъ, которые противъ картеля съ прусской стороны учинены. И ежели Прусскій дворъ удовольствия по тѣмъ 42 пунктамъ не учинитъ и прусскіе владенія въ Саксонію чинить не перестанутъ, то тѣхъ арестантовъ повѣсятъ или по послѣдней мѣрѣ Саксонскій дворъ картель кассируетъ.

„Такъ жъ между Ганноверцами и здѣшними такіе жъ ранконтры происходятъ что здѣшніе въ ихъ земляхъ насильно людей берутъ; а наизупротивъ того, Ганноверцы прусскихъ насильственно берутъ чтобы чрезъ то прусскихъ принудить къ отдачѣ ихъ людей.

„Ежели другіе дворы картель здѣшній кассируютъ, то многіе солдаты изъ прусскаго войска добѣгутъ.“

Въ прусскихъ дѣлахъ Архива находятся три дѣла прямо указывающихъ что Фридрихъ-Вильгельмъ имѣлъ въ Россіи вербовщиковъ прибѣгавшихъ даже къ насильямъ:

1) 1734 года, іюня 6го. Дѣло по доношенію города Ревеля о насильственномъ Прусаками въ военную службу взятіи ученика Давида Баге.

2) Выписка объ освобожденіи взятыхъ въ прусскую службу Лифлядцевъ Багга и Веланда.

3) Дѣло объ увезенномъ изъ Петербурга прусскимъ поручикомъ Сигисмундомъ камергера графа Салтыкова великоросломъ служителемъ Иванъ Крекицкимъ.

Напомнимъ наконецъ извѣстный эпизодъ изъ жизни М. В. Ломоносова.

Дройзенъ въ своемъ сочиненіи *Friedrich Wilhelm I* старается какъ-то умалить эту, всѣмъ извѣстную, слабость Фридриха-Вильгельма къ великанамъ и говоритъ что насилья, которыя производились вербовщиками Прусскаго короля, сомнительны и едва ли справедливы. Странно что Дройзену ничего объ этомъ неизвѣстно.

* Письмо вмѣсто реляціи чрезвычайнаго руссійскаго посланника въ Берлинъ графа А. Головкина къ канцлеру графу Головкину. 1711 (*Прусскія дѣла*).

своему отцу, канцлеру, кронъ-принцу самому и тѣмъ господамъ которые у него въ милости, говорилъ чтобъ его свободили, пожеже я безъ воли государя моего его царскаго величества русскихъ солдатъ въ чужую службу отпускать не смѣю и хотя кронъ-принцъ и обѣщалъ его свободить, однако же вижу я, что то мое прошеніе кронъ-принцу гораздо непріятно есть, для того я о томъ умолчу, кронъ-принцу не досадить, пожеже указано мнѣ всемѣрно искать его дружбы къ царскому величеству. И вы, государь, о томъ солдате какъ поволите, ежели мнѣ о немъ говорить самому королю или чрезъ Илгема *, то я надѣюсь, что король того солдата прикажетъ свободить; только то зѣло будетъ досадно кронъ-принцу, который ежели за то будетъ сердитовать и въ томъ бы моей вины не было.

„Говорилъ мнѣ тайный совѣтникъ господинъ Крейцъ, который у кронъ-принца въ милости, что онъ желаетъ чтобъ я царскому величеству отписалъ, чтобъ онъ изволилъ къ нему приказать прислать нѣсколько русскихъ солдатъ росту большаго и я о томъ писать обѣщалъ, что теперь и справляю.“

Изъ возникшей по этому дѣлу переписки видно что желаніе кронъ-принца ограничивалось высылкой десяти человѣкъ. Петръ же не только оставилъ этого солдата, взятаго насильно, но приказалъ, въ 1712 году, ** „господину Фельт-Маршалу князю Меньшикову, когда онъ прибудетъ въ Поме-ранію, для команды нашею аукцілярныхъ войскъ, выбрать изъ тѣхъ полковъ десять человѣкъ солдатъ большаго возраста и отослать къ нему кронъ-принцу“. Были ли посланы эти десять человѣкъ и прибыли ли они въ Пруссію, объ этомъ ничего не видно по документамъ. Такимъ образомъ, Петръ уже зналъ склонность Прусскаго короля къ людямъ высокаго роста; поэтому въ 1713 году, уже вступившему на престолъ Фридриху - Вильгельму, онъ шлетъ

* Первый министр.

** Письмо канцлера графа Головкина къ руссiйскому посланнику А. Головкину 15го января 1712 года.

Письмо вѣсто реляціи посланника Головкина къ канцлеру Головкину 2го (13) февраля 1712 года.

То же отъ 26го февраля 1712 года.

въ подарокъ 80 человекъ съ ружьями и сверхъ того „ружья русскаго жъ дѣла“ на 1.200 человекъ съ полнымъ приборомъ. Самая отсылка замедлилась до 1714 года, вслѣдствіе того что „еузеи долго были съ Тульскихъ заводовъ не присланы,“ частію же потому что „только не исправились совсѣмъ въ португезахъ, перевазахъ и лядункахъ, ибо оныхъ за отпускомъ въ вывѣшній походъ на море мало осталось и для того вновь то дѣлаютъ“.

Наконецъ, въ январѣ 1714 года, 80 человекъ, при цѣломъ транспортѣ ружей и аммуниціи, были отправлены изъ Петербурга съ капитаномъ де-Заюкъ сперва въ Ригу, а потомъ въ Мемель, куда уже отданы были различныя приказанія Прусскаго короля для оказанія содѣйствія къ благополучному преслѣдованію царскаго подарка. *

* Канцлеръ пишетъ посланнику А. Головкину (въ письмѣ отправленномъ съ капитаномъ де-Заюкъ):

„Обычные отъ его царскаго величества королевскому величеству Прусскому 80 человекъ солдатъ да на цѣлой regimentъ ружья и прочего по приложенной при семъ росписи отправлены отсюда Гренадерскаго полку съ капитаномъ де-Заюкомъ, и когда оный капитанъ съ тѣми солдатами въ Берлинъ прибудетъ и вы объявите тѣхъ солдатъ и ружье королю пристойнымъ образомъ, и какъ оныя приметь лишите и офицера отпустите сюды.“

Въ описяхъ значится:

1713 года декабря 30го дня, вѣдѣніе, что примато отъ капитана Перепелкина, а что чего примате и то значить ниже сего.

Салдатъ 80, въ томъ числѣ 4 человека за карауломъ:

При нихъ еузеи съ штыками.....	80
Шлагъ.....	80
Партулей.....	80
Перевазей.....	80
Каетаковъ.....	80
Еще примато еузей.....	1.200
Штыковъ.....	1.200
Шлагъ.....	1.200
Партулей.....	1.200
Перевазей.....	1.200

Видеръ де-Заюкъ капитанъ.

1714 года января 6го дня, вѣдѣніе которые выбраны солдаты изъ полковыхъ полковъ къ Прусскому королю и онымъ надобно; имъ

Капитанъ Заукемъ съ 80 солдатами былъ представленъ Фридриху-Вильгельму въ Шпандау, гдѣ король имъ сдѣлалъ смотръ, выбравъ при этомъ въ свои большіе гренадеры только 12 человекъ, а остальныхъ разослалъ по другимъ полкамъ. Затѣмъ онъ просилъ Головкина передать своею искренною благодарностію царю. Александръ Головкинъ, уведомляя объ этомъ смотрѣ канцлера, пишетъ въ одномъ письмѣ, что „кажется не худо бы было, чтобы человекъ съ 10 еще къ нему прислать изъ самыхъ большихъ, что ему это пріятно будетъ“; а въ другомъ письмѣ: „человѣка съ три, ибо тѣмъ короля къ пріятству можно болѣе привести нежели другимъ чѣмъ“.

Помимо благодарности царю за подарокъ чрезъ нашего посланника, Фридрихъ-Вильгельмъ самъ пишетъ благодарственную грамоту Петру, которая такъ замѣчательна, что мы не можемъ не привести ее здѣсь, тѣмъ болѣе что въ

мундиръ и подъ ружье подводъ и что сколько и то значить ниже сего:

Шалокъ.....	80
Шубъ.....	80
Рубахъ и портокъ.....	80
(?) Куртъ паръ.....	80
Чулокъ паръ.....	80
Рукавицъ паръ.....	80
Сумъ патронныхъ.....	80

Надобно подводъ подъ 40 ящиковъ которые съ ружьемъ, а каждой въсомъ ящикъ по 17 пудъ; итого, надобно 40 лошадей съ санями, подъ провіантъ и подъ буторъ солдатскихъ и ежели прибудетъ большихъ надобно 10 подводъ.

Вицерь де-Заукъ капитанъ.

Вѣдѣніе что принялъ капитанъ Саюкемъ на 80 человекъ солдатъ.

Оузей съ багинетами...	80
Шпагъ съ партулями.....	80
Перевязей.....	80
И целой мундиръ.	

На 1.200 человекъ Оузей съ багинетами.

Шпагъ.....	1.200
Партулей.....	1.200
Перевязей.....	1.200

Въ Петербургѣ 19 дня генваря 1714 года, капитанъ Саюкемъ.

лей Фридрихъ-Вильгельмъ самъ выражаетъ желаніе тѣсно
облачиться съ Петромъ. Видно, подарокъ уже очень при-
шелся по сердцу королю.

Durchlauchtigster Grossmächtigster Grosser Herr Czaar und
Gross Fürst, Vielgeliebter Bruder und Freund.

Eur. Czaarischen Mayst. bin Ich sehr obligirt vür das ange-
nehme präsent, so Sie mir durch die mir Zugeschickte schöne
und ansehnliche Mannschaft thun wollen, und nehme Ich sol-
ches vor eine abermahlige Probe von der intention die Eur.
Czaarl. Mayst. haben mir plaisir und Vergnügen zu machen;
Eur. Czaarl. Mayst. können auch festiglich persuadirt seyn, das
Ich an Meiner Seite eben dergleichen Sentimente und Begierde
gegen Sie führe, und das Mir nichts glücklicheres wiederfahren
kan, als wann Ich gelegenheit finde, zu Eur. Czaarl. Mayst.
Satisfaction ebenfalls etwas beytragen zu können.

Ich hoffe, dass die Ouverture, die Eur. Czaarl. Mayst. ge-
gen Meinen bei derselben anwesenden Ministum den von
Schlippenbach wegen des Stettinischen und Nordischen wesens
ohnlängst gethan, hierzu eine gute occasion geben werde, und
gleich wie Ich ermelten den von Schlippenbach dieser wegen
mit nöhtiger Instruction versehen lassen, so werde Ich auch
darüber Eur. Czaarl. Mayst. weitere Resolution mit Verlangen
erwarten, und herüber mit Derselben je eher je lieber zu einem
gewissen Schluss zu kommen.

Eur. Czaarl. Mayst. werden sich erinnern, dass als Ich das
Glück gehabt, Dieselbe das letzte mal allhier bei mir zu
Schönhausen zu sehen, Ich Ihro temoigniret, dass Ich ein
Jahrzeit haben müsste meine Armee und Financen in volligen
Standt zu bringen, und dass Ich ehe solches geschehen Mich
nicht wohl in etwas engagiren könnte.

Diese Zeit ist nun verflossen, und hat Mir Gott die Gnade
gegeben, dass Ich nun mehr meine Sachen in Ziemliche Ord-
nung gebracht, dann ehro Ich auch itzt und so viel eher mit
Eur. Czaarl. Mayst. mich näher setzen kan, wann nur auch
sonst wir Eur. Czaarl. Mayst. von selbst hoffentlich geneigt
sein werden meines Hauses interesse und Sicherheit gebührendt
derbei menagiret wird.

Ich beziehe Mich auch die jenige, so der von Schlippenbach

Еур. Cзаarl. Mayst. dieser wegen noch weiter vorzustellen befehliget ist, und verbleibe mit aller ersinnlichen Sincerität. *

Еур. Cзаarl. Mayst.

Freundwilliger Bruder und Freund
(подп.) Wilhelm.

(скрѣпилъ) Пген.

Berlin, den 5 Mai 1714.

An Ihro Cзаarl. Mayst. wegen
der S. Königl. Mayst. Zuge-
schickten Leüte und wegen
eines näheren engagements
mit Deroselben.

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь, царь
и великій князь, много-любимый братъ и другъ.

Вашему царскому величеству я премного обязанъ за
пріятный презентъ, который вы мнѣ собираетесь сдѣлать,
посылая красивый и видный отрядъ; и принимаю за новое
доказательство намѣренія которое имѣетъ ваше царское
величество сдѣлать мнѣ пріятное.

Ваше царское величество можете быть крѣпко убѣжде-
ны что я, со своей стороны, испытываю тѣ же чувства и
желанія по отношенію къ вамъ; и что меня можетъ больше
всего осчастливить, это, если я найду возможность сдѣлать
что-нибудь для удовольствія вашего царскаго величества.

Я надѣюсь что сообщенія, сдѣланныя недавно вашимъ
царскимъ величествомъ моему министру фонъ-Шлиппен-
баху, находящемуся при васъ, о Штеттинскомъ и Свѣр-
вомъ дѣлѣ были бы удобнымъ случаемъ для того; и хотя
я снабдилъ названнаго фонъ-Шлиппенбаха нужными ин-
струкціями объ этомъ дѣлѣ, я все-таки буду съ нетерпѣ-
ніемъ ждать дальнѣйшей резолюціи вашего царскаго ве-
личества, чтобы объ этомъ съ вами, чѣмъ скорѣе, тѣмъ
лучше, прийти къ какому-нибудь вѣрному заключенію.

Ваше царское величество навѣрно помните, что когда я
имѣлъ счастье видѣть васъ въ послѣдній разъ у себя въ
Шёнхаузенѣ, я сообщалъ что мнѣ нуженъ цѣлый годъ,
чтобы привести свою армію и финансы въ надлежащее со-
стояніе, и что я прежде того какъ это исполнится, не мо-
гу входить ни въ какія обязательства.

Это время теперь прошло, и съ Божіею милостію, я при-
велъ дѣла свои въ надлежащій порядокъ; лѣтому я теперь
гораздо ближе могу стать къ вашему царскому величеству,
такъ какъ мы и такъ вѣроятно были бы расположены другъ

* Пруссія грамоты 1714 года.

къ другу, если настоящіе интересы и безопасность моего дома притомъ будутъ охранены. Я ссылаюсь на то, что приказано фонъ-Шлиппенбаху сообщить еще объ этомъ вашему царскому величеству и остаюсь со всевозможною искренностью

Вашего царскаго величества
благорасположенный братъ и
другъ (подп.) Вильгельмъ.

Берлинъ 15 мая 1714 года.

Его царскому величеству
о присланныхъ его цар-
скимъ величествомъ лю-
дяхъ и о ближайшемъ со-
юзѣ съ нимъ.

Черезъ годъ послѣ этой высылки солдатъ мы видимъ, что Головкинъ, которому въ то время нужно было поддѣлать свой кредитъ при Прусскомъ дворѣ, опять обращается къ отцу своему канцлеру по поводу присылки великановъ и опять замѣчаемъ полную готовность Петра удовлетворить желаніе Фридриха-Вильгельма.

„Писалъ ты ко мнѣ,“ пишетъ канцлеръ, „что нѣкоторые изъ твоихъ пріятелей говорили тебѣ, чтобы царское величество для укрѣпленія дружбы съ королемъ Прусскимъ подарилъ ему, королю, *нѣсколько сотъ російскихъ солдатъ*. И я, доносилъ о семъ его царскому величеству, на что его величество соизволяетъ въ томъ такимъ образомъ: когда войска російскія будутъ въ Помераніи и по окончаніи тамошнихъ дѣйствъ изволитъ его царское величество подарить ему, Прусскому королю, не только нѣсколько сотъ, но *цѣлой баталіонъ* или *цѣлой полкъ* и позволить для любви его королевскаго величества взять хотя и *на выборъ* солдатъ изъ всего корпусу, только желаетъ притомъ, чтобы тотъ російскихъ солдатъ баталіонъ или полкъ не былъ *никогда раздѣленъ по другимъ прусскимъ баталіонамъ и полкамъ*, но всегда *особымъ баталіономъ* или полкомъ былъ содержанъ съ *россійскими и офицерами*, и ты при случаѣ, когда запотребно быть разсудишь, донеси о семъ его королевскому величеству, и какъ онъ сіе приметъ, о томъ ко мнѣ напиши *...“

Изъ С.-Петербурга.

Ноября въ 1 день 1715.

* Прусскія дѣла.

Въ отвѣтъ своею Александръ Головкинъ уведомляетъ сперва о поднесеніи королю „курпечатыхъ мѣховъ“, а затѣмъ пишетъ: „Впрочемъ прошу о присылкѣ лошадей“ и также исходатайствовать указъ къ господину Фельд-маршалу графу Шереметеву о тѣхъ ста человекъ солдатъ, дабы короля Прусскаго въ добромъ намѣреніи къ интересамъ государевымъ, меня же въ кредитъ для его жъ царскаго величества интересу содержать. Уловая что его царское общаніе 100 человекъ солдатъ не изволитъ принять немилостиво, ибо учинилъ я оное по послѣднему указу сего жъ мѣсяца 1го числа. Батальона же или цѣлаго полку отъ войскъ царскаго величества я королю Прусскому не смѣлъ обѣщать, вѣдая, что онъ не похотѣлъ бы оной батальонъ или полкъ въ непрѣмномъ состояніи съ офицерами российскими и безъ раздѣленія оставить, что было бы не сходно съ волею царскаго величества, въ вышеупомянутомъ же указѣ изъясняемою...“

Вѣроятно, Александръ Головкинъ, не упоминая ничего о сохраненіи въ томъ же составѣ солдатъ, въ какомъ они будутъ присланы, обѣщалъ Прусскому королю отъ имени Петра отъ 60—70 человекъ высокихъ солдатъ, потому что въ томъ же году (1715) въ декабрѣ мѣсяцѣ Фридрихъ-Вильгельмъ въ письмѣ своемъ къ Петру о взятіи Стральзунда, самъ напоминаетъ объ обѣщанныхъ 60—70 солдатахъ; но всего важнѣе то, что этимъ же письмомъ Прусскій король какъ бы обязуется продолжать союзъ съ Петромъ противъ Швеціи, что для Петра было крайне необходимо.

Вотъ это письмо, писанное изъ лагеря подъ Стральзундомъ.

Durchlauchtigster, Grossmächtigster, Grosser Herr Tzaar und Gross Fürst! Vielgeliebter Bruder, Gevätter und Freund! Da Eürer Tzaarischen Mayst. bisher alhier gewesener Obrister General Adjutant und Kämmerer Herr von Iagesinsky in Begriff steht, von hier wieder zurück zu gehen, so ist Mir absonderlich lieb, dass Er. Czaarl. Mayst. dabey zugleich die angenehme Bots-

* Фридрихъ-Вильгельмъ, составляя свою пѣхотную гвардію изъ великановъ, заботился тоже о кавалерійскомъ отрядѣ на высокихъ лошадяхъ.

chaft überbringen kann, welcher Gestalt die Campagne alhier nunmehr glücklich geendiget, Stralsund erobert, auch der König in Schweden selbst vor seine Persohn davon gegangen ist.

Eür. Tzaarl. Mayst. werden ohne Zweifel mit Mir darin einig seyn, dass hin durch den Gesambten wieder Schweden Alljrten Puissancen kein geringes Advantage zuwachst, und dannenher habe Ich auch Ursach, Eure Tzaarische Mayst. wegen des besondere Theils welches Sie daran haben, hindurch aufs beste zu gratuliren, auch Sie zu versichern, dass Ich in denen mit Eürer Tzaarischen Mayst. wieder Schweden zu unserer gemeinsahmen Sicherheit genommene mesures auch weiter getraulich continuiren werde, allermassen Ich Mir solches von Eürer Tzaarischen Mayst. auch ebenfals hinwieder festiglich promettire.

Eurer Tzaarischen Mayst. alhier substistirender Minister der Graff von Goloffkin hat nebst obgedachten Obristen von Iagosinsky Mir Hoffnung gegeben, dass Eure Tzaarische Mayst. Mir *sechtzig* bis siebentzig grosse Grenadier schicken würden; Gleichwie Eur. Tzaarl. Mayst. Mir nun dadurch ein gar angenehmes present thun, also werde Ich Mir auch hingegen ein sonderbahres plaisir daraus machen, wann Ich Gelegenheit finde Eür. Tzaarl. Mayst. hin wieder Angenehme Gefalligkeit womit zu erweisen, wie Ich Mich dann auf die Versicherungen von Meiner zu Eür. Tzaarischen Mayst. in tragenden Aufrichtigen unveränderlichen Freundschaft, die Ich dem Obristen von Iagosinsky weiter mündlich gethan, beziehe und stets verharre*.

„Eur. Tzaarl. Mayst.

„Freundwilliger Bruder Gevatter und Freund

„*Wilhelm.*“

Im Lager vor Stralsund

den 24 Dec. 1715.

(Скѣпѣлъ) Ilgen.

An Ihro Tzaarl. Mayst.

„Всепресвѣтаѣмѣи, державѣмѣи, великѣи государь

„царь и великѣи князь!

„любезнѣмѣи братъ, кумъ и другъ!

„Такъ какъ вашего царскаго величества до сихъ поръ здѣсь пребывавшѣи полковникъ генералъ - адъютантъ и

* Прусскія Грамоты 1715.

камергеръ Ягозинскій (Ягужинскій) намѣревается вернуться назадъ, то Мнѣ особенно пріятно, что онъ можетъ притомъ сообщить вашему царскому величеству пріятное извѣстіе о томъ, какимъ образомъ здѣсь счастливо окончилась кампанія, Стральзундъ завоеванъ, и король Шведскій собственною особою удался.

„Ваше царское величество безъ сомнѣнія со мною въ томъ согласитесь, что тѣмъ достается всѣмъ противъ Швеціи союзнымъ державамъ немалая выгода; поэтому я также имѣю причину поздравить ваше царское величество какъ имѣющаго долю въ этомъ, а также и увѣрить васъ, что предпріятыя противъ Швеціи вмѣстѣ съ вашимъ царскимъ величествомъ, для нашей общей безопасности, мѣры, я буду и впредь продолжать и отъ вашего царскаго величества на подобное также сильно надѣюсь.

„Вашего царскаго величества здѣсь пребывающій министръ графъ Головкинъ, также какъ и упомянутый полковникъ Ягозинскій, подали мнѣ надежду что ваше царское величество пришлете мнѣ отъ 60 до 70 большихъ гренадеръ. Какъ ваше царское величество мнѣ тѣмъ сдѣлаете весьма пріятный подарокъ, такъ и я почту особымъ удовольствіемъ когда найду вашему царскому величеству чѣмъ-нибудь пріятнымъ услужить. Причемъ я ссылаюсь на увѣренія въ моей къ вашему царскому величеству искренней и неизмѣнной дружбы, которая я полковнику Ягозинскому изустно передалъ и всегда поступаю какъ

„Вашего царскаго величества
„дружески расположенный
„братъ, кумъ и другъ Вильгельмъ.“

Въ лагерѣ предъ Стральзундомъ.

24 декабря 1715.

Его царскому величеству.

Поятно, что на такое любезное письмо Петръ не замедлилъ отвѣтить грамотой отъ 24го января 1716 года *.

„Вашего королевскаго величества ко мнѣ отправленное пріятное писаніе отъ 24го декабря, пишетъ Петръ, получилъ я исправно чрезъ возвратившагося предъ нѣсколькими днями моего камергера и генераль-адъютанта Ягужинскаго и поздравляю ваше королевское величество дружески братски *взятъемъ города Стральзунта* и симъ счастливо оконченною Померанскою кампаніею; оная вашему королевскому величеству толь славнѣе есть, понеже вы съ королемъ Швецкимъ самимъ дѣло имѣли и противъ она-

* Прусскіа дѣла.

го при всѣхъ случаяхъ и толь тяжкихъ предпріятіяхъ *всегда поле одерживали*. Я радуюсь о томъ съ вашимъ королевскимъ величествомъ отъ всего сердца и благодарствую въ протчемъ дружески братски за учиненное чрезъ помянутого моего камергера Ягужинскаго вновь обнадешиваніе о постоянной истинной дружбѣ и что вы впредь воспріятыхъ со мною обязательствахъ противъ Швеціи вѣрно продолжать изволите. Ваше королевское величество можете обоимъ и отъ меня обнадешены быть и сие крѣпко обязательство и сильное продолженіе войны толь потребнѣе, понеже сіи единые способы суть, чрезъ которое мы съ честью отъ сей войны освободимся и желаемое намѣреніе, а именно безопасный и славный миръ получить можемъ: объ обѣщанныхъ вашему королевскому величеству *большіихъ гранадъ* я послалъ я указъ къ моему генералъ-фельд-маршалу графу Шереметеву, дабы оныхъ изъ корпуса обретающагося подъ его командою выбрать и къ вашему королевскому величеству послать, и имѣли мы отъ него вѣдомость, что ужъ имъ нашему указу дѣйствительно довольство учинилъ, между тѣмъ мнѣ зѣло пріятно есть, что я вашему королевскому величеству чрезъ то угодность показать могу и чѣмъ и впредь во всякихъ случаяхъ готова себя представляю, аже мнѣ ничего пріятнѣе есть, когда я случай имѣю въ дѣлѣ самомъ быть, что я непрестанно есмь

„Вашего величества
вѣрный братъ и другъ
Петръ.“

Изъ Санктпѣтербурга,
24го января 1716.

Затѣмъ изъ реляціи Головкина государю 24го января 1716 года * видно, что въ Устергаузенъ прибыло 80 человекъ, изъ которыхъ 14 были взяты въ большіе гренадеры, а другіе отосланы въ пѣхотные полки. Съ кѣмъ эти люди прибыли, объ этомъ ничего не упоминается, равнымъ образомъ нѣтъ свидѣній какъ благодарилъ Фридрихъ - Вильгельмъ Петра за такой цѣнный подарокъ. За то дальнѣйшія письма Александра Головкина указываютъ, что при дворѣ не давали ему покоя съ этими большими солдатами. При приѣмѣ и смотрѣ послѣднихъ 80 человекъ „нѣкоторые королевскіе фавориты ему заговаривали, чтобъ добавить небольшое число къ тому, дабы цѣлая сотница была“.

Но прибавки не было никакой; по крайней мѣрѣ изъ документовъ не видно, чтобы были присланы еще 20 человекъ.

* Прусскія дѣла.

Въ 1717 году Петръ Великій былъ за-границей и, возвращаясь изъ Амстердама въ Петербургъ, посѣтилъ Фридриха Вильгельма въ Берлинѣ, гдѣ былъ тогда возобновленъ прежде заключенный между Россіей и Пруссіей союзъ противъ Швеціи *. Очень можетъ быть что въ благодарность за возобновленіе союза, а также за гостепріимство оказанное Фридрихомъ-Вильгельмомъ Петру Великому и императрицѣ Екатеринѣ въ загородномъ дворцѣ королевы „Monsieur“, ** подарокъ Ятарной комнаты и статуи ***, Петръ при грамотѣ отъ 30го іюля 1718 года, послалъ съ камеръ-юнкеромъ Толстымъ 55 великановъ, токарный станокъ, баржу и кубокъ собственноручной работы. Ни въ грамотѣ, ни въ другихъ бумагахъ нѣтъ намека за что собственно посылаются эти подарки и упоминается только о желаніи сдѣлать „особливое удовольствіе“. ****

* *Исторія Россіи* С. М. Соловьева. Т. XVII, стр. 92.

** *Mémoires de Frédérique-Sophie Wilhelmine, margrave de Barauve, sœur de Frédéric le Grand.* Т. I 1810, page 45.

*** Объ этой статуй сестра Фридриха Великаго, Вильгельмина, говоритъ въ своихъ мемуарахъ, стр. 44, 45, слѣдующее:

„..... Il y en avoit une (statue antique) parmi ces dernières, à ce qu'on m'a dit, qui représentoit une divinité païenne dans une posture fort indécente; on se servoit du temps des anciens Romains de ce sa mulacre pour parer les chambres nuptiales. On regardoit cette pièce comme très-rare; elle passoit pour être une des plus belles qu'il y ait. Le zaar l'admira beaucoup.... il demanda sans façon cette statue et plusieurs autres au roi qui ne pût les lui refuser.“

**** Вотъ подлинная грамота Петра Великаго изъ Ревеля съ препровожденіемъ гренадеровъ. (Прусскія дѣла).

„Грамота къ королю Прусскому.

„Пресвѣтѣйшій, державнѣйшій король и куренствъ, любезнѣйшій братъ, кумъ и другъ!

„Приносителъ сего камеръ-юнкеръ мой Толстой будетъ честь имѣть вашему королевскому величеству пятьдесятъ пять человекъ большихъ гренадеровъ, толкое число и такъ большихъ козакъ въ земляхъ моихъ до сего времени могъ найти, презентовать, а также а особливое удовольствіе имѣю во всемъ вспоможеніи еже ваше королевское величество доволъствовать можетъ. Того ради а не могъ оставить при семъ случаѣ къ вашему королевскому величеству въ Санктъ-Петербурхѣ построенную баржу и при томъ

Вотъ какъ описываетъ графъ Головкинъ въ своей реляціи Петру Великому поднесеніе подарковъ и пріемъ ихъ королевъ.

„Всемилюбвиѣйшій царь государь.

„На завтра по отпускѣ моей всеподданнѣйшей послѣдней реляціи по указу королевскому ѣздилъ я куплю съ вашего царскаго величества камеръ-юнкеромъ господиномъ Толстымъ въ Огорода (?), гдѣ его королевское величество присланныхъ большихъ гренадировъ назначилъ осмотрѣть, и когда его величество туда прибылъ, помянутый камеръ-юнкеръ ему вашего царскаго величества грамоту подавъ и притомъ о присылке какъ людей, такъ и иныхъ презентовъ объявилъ,—что все его величество изволилъ принять съ великою благодарностію и радостію и съ любоблестивомъ. Тульское ружье, также мушкетъ и вѣрность людей хвалить изволилъ и притомъ засвидѣтельствовалъ что зѣло чувствуетъ вашего царскаго величества склонности къ себѣ и искренней дружбы толикіе опыты, которые заслужить всачески стараться будетъ. Прочіе же презенты велѣлъ его величество на завтра къ себѣ принести, а помянутыхъ гренадировъ изволилъ тотъ же часъ по величинѣ разобрать и все опредѣля изволилъ ихъ отправить въ Потсдамъ съ маеромъ отъ большого батальона.

„....Третьяго жъ дня, по указу королевскому, былъ я при дворѣ, куплю съ вашего царскаго величества камеръ-юнкеромъ господиномъ Толстымъ, который отъ вашего царскаго величества презенты королевскому величеству поднесъ и его величество зѣло оными веселился, наипаче же веселился и удивлялся деликатному мастерству присланнаго локала и чистотѣ токарнаго станка, который близъ своей спилки

токарной станокъ послать не сумѣваясь, что ваше королевское величество соизволить сей малой презентъ дружбно братски принять, а же впротчемъ ваше королевское величество наискрѣпчайшимъ образомъ обнадѣживаю, что со всею потимностію есть и во время жизни моей пребыву

„Вашего величества вѣрный братъ
кумъ и другъ *Петръ*.“

въ Ревеле, іюля въ 30
день 1718.

„Р. 8. При семъ же посылаемъ къ вашему величеству кубокъ нашей собственноручной работы.“

Изъ Ревеля, іюля въ 30й
день 1718.

(скрѣпилъ) графъ Головкинъ.

поставить вѣдѣлъ, притомъ же извоили кунать изъ поманутаго покая за здоровье вашего царскаго величества, та кожда за *деву* или надписъ, которая на ономъ покаръ вырѣзана.“

Изъ Берлина.

11го октября 1818 года.

Всѣми этими подарками Петръ такъ угождалъ Фридрихъ Вильгельму что король поспѣшилъ послать ему слѣдующую грамоту:

Durchlauchtigster Grossmächtigster Grosser Herr Tzaar und Gross Fürst, Vielgeliebter Bruder Gevätter und Freund!

Eurer Tzaarischen Mäyst. Kammer-Junker Herr von Tolstoj, hat mir die *fünfundfünfzig Mann grosse Grenadirer*, und daneben einen *Pocal* von Euler Tzaarischen Mäyst. Eigenhändigen und dannenher unschätzbahren Arbeit, wie auch die zu *Petersburg* erbaute *Barge* und *Drechselbank*, womit Euere Zaarische Mäyst. Mich zu beschenken geruhen wollen, zu reihit überliefert.

Alles dieses ist Mir ein höchst angenehmes Präsent, und bin Ich Euler Tzaarischen Mäyst. mehr davor verbunden, als Ich es exprimiren kann.

Ich wünsche auch nichts mehr, als eine baldige Gelegenheit zu finden, und dagegen Euler Tzaarischen Mäyst. Meine herrliche Erkändtlichkeit in der That erweisen zu können. In dessen sollen obgedachte Grenadirer nebst Meiner ganzen armee und was Ich sonst noch weiter zu Euler Tzaarischen Mäyst. Dienst und Beförderung Dero Interesse anzuwenden vermögend bin, jeder Zeit zu Euler Tzaarischen Mäyst. Disposition stehen und werde Ich auch vor meinen Persohn. so lange Ich lebe, ohnauussetzlich beharren.

Eur. Tzaarischen Mäyst.

Freündwilliger Bruder

Gevatter und Freund

Wilhelm.

Berlin den 22te Octobr.

1718.

(скрѣп.) Ilgen.

An Seine Tzaar. Mäyst

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій

царь и великій князь,

любезнѣйшій братъ, кумъ и другъ!

Вашего царскаго величества камеръ-юнкеръ Толстой поставилъ Мнѣ 55 человекъ большихъ гренадеръ, и съ тѣмъ

имѣсть вручилъ *бокалы* отъ вашего царскаго величества безцѣнной работы, такъ же какъ и построенную въ Петербургѣ *бархусу и токарный станокъ*, которые ваше царское величество соблаговолили подарить мнѣ.

Все это для меня весьма пріятный презентъ и я вашему царскому величеству обязанъ болѣе чѣмъ могу выразить вамъ.

И ничего я такъ не желаю, какъ скорѣе найти случай, чтобы на дѣлѣ имѣть возможность доказать вашему царскому величеству мою сердечную признательность. А между тѣмъ, вышеупомянутые гренадеры, вся моя армія и все то чѣмъ я имѣю возможность угодить и услужить вашему царскому величеству, во всякое время находятся въ распоряженіи вашего царскаго величества; что же касается моей особы, то, пока я живъ, буду всегда пребывать вашего царскаго величества

благорасположенный братъ, кумъ и другъ
Вильгельмъ.

Берлинъ, 22го октября.
1718 года.

(скрѣпилъ) Ильягенъ.

Его царскому величеству.

Такимъ образомъ съ 1714 по 1718 годъ къ Прусскому королю было отправлено всего 215 человѣкъ „великаго возраста“, но этимъ не прекращается высылка людей, и переписка объ нихъ снова появляется въ 1720 году. Въ реляціи отъ 16го іюля къ государю все тотъ же російскій посланникъ при Прусскомъ дворѣ, Александръ Головкинъ пишетъ что „предъ тремя днями капитанъ Чернышевъ съ десятию „большими гренадерами сюды пріѣхалъ и высокій указъ „вашего царскаго величества исправно мнѣ отдалъ. По „которому третьяго дня оныхъ гренадировъ его Королевскому величеству Прусскому королю при отправленіи „надлежащаго комплекта я презентовалъ и его величество „изволилъ съ великимъ удовольствіемъ оныхъ принять и въ „наиболѣе обязательнѣйшихъ термінахъ вашему царскому величеству за тотъ ему пріятнѣйшій презентъ благодарить.“

Наконецъ, послѣдняя присылка солдатъ-великановъ была въ 1724 году, съ адъютантомъ капитаномъ Бавдемиромъ, и именно 23 человѣка; * слѣдовательно, всего отправлено

* Изъ всѣхъ подаренныхъ людей, намъ извѣстны только имена этихъ 23 человѣкъ:

Петромъ 248 человекъ. По поводу послѣдней присылки изъ нашихъ въ прусскихъ грамотахъ 1724 года благодарственное письмо Фридриха-Вильгельма слѣдующаго содержания:

Durchlauchtigster, Grossmächtigster und Unüberwindlichster Kaiser! Freundlich vielgeliebter Herr Bruder, Gevatter und Freund!

Die von Er. Kaiserl. Mayst Mir unter Meinen leib-Battailon Grenadier übersante sehr schöne und recht ausersene Mannhaft seynd wohl angelanget und Mir durch den Capitaine von Bandemer zu recht überliefert worden, vor welches so angenehme present Ich Er. Kayserl. Mayst. um so viel mehr verbunden bin, als Ich solches, wie ein neues Kenzeigen von dero Mir zutragenden höchst schatzbahren Freundschaft und Affection aufnehme und erkenne, welche Ich Mir gewiss auf alle Mir ersinliche weise zu conserviren suchen werde, und von allen Gelegenheiten profitiren, Er. Kays. Mayst. Meiner vor Dieselbe habende besondere Hochachtung und Ergebenheit in der That zu zeigen, und an den Tag zu legen; solte Ich so glücklich seyn etwas in Meinem Lande ausfündig zu machen welches Er. Kaiserl. Mayst. einiges plaisir erwecken könnte, werde Ich es gewiss eines Meiner grossten Sorgen seyn lassen Er. Kaiserl. Mayst. damit aufzuwarten um Ihro gäntzl. zu überzeugen, dass keiner mit mehrer aufrichtigkeit seyn kan als *.

Eur Kayserl. Mayst. Freundwilliger Bruder
Gevatter und Freund *Wilhelm.*

Berlin den 12 April 1724.

An des Russische Kayserl. Mayst.

„Реестръ великанамъ, которые посланы съ флигель-адъютантомъ Бандеширомъ къ королевскому величеству Прусскому:

Василій Мардвиновъ
Семенъ Кулюбакинъ
Егоръ Волковъ
Герасимъ Бабарыкинъ
Федоръ Мосячинъ
Михаило Седенкинъ
Федоръ Мааховъ
Василій Сырейшиковъ
Корней Потаповъ
Иванъ Ченской
Никита Простяковъ
Василій Балахонцевъ

Савастьянъ Богомоловъ
Никита Даниловъ
Кирила Мазневъ
Тимофій Пестовъ
Максимъ Окушъ
Андрій Константиновъ
Свиридъ Родооновъ
Алексій Кокотовъ
Тимофій Бородулинъ
Семенъ Солуновъ
Иванъ Ошогеновъ

„Декабря въ 31 день
„1723 года.“

„Секретарь Семенъ Поповъ
„Канцеляристъ Алексій Жобрышинъ.“

* Прусскія грамоты 1724.

Всепресвѣтѣйшій, державнѣйшій и непобѣдимѣйшій
государь!

Дружественно-любезнѣйшій братъ, кумъ и другъ!

Посланный мнѣ вашимъ императорскимъ величествомъ въ мой лейбъ-баталіонъ гренадеровъ прекрасный и весьма видный отрядъ благополучно прибылъ и былъ въ надлежащемъ порядкѣ мнѣ капитаномъ Бандемеромъ переданъ; за каковой мнѣ столь пріятный подарокъ я вашему императорскому величеству тѣмъ болѣе признателенъ, что вижу въ немъ и принимаю е о какъ новый знакъ вашей ко мнѣ высокоцѣнной дружбы и любви, которую я всѣми мнѣ возможными оредствами буду стараться сохранить и буду пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы вашему императорскому величеству на дѣлѣ доказать и выразить мое особое уваженіе и преданность. Еслибъ я былъ такъ счастливъ и нѣмалъ бы въ моей странѣ что-нибудь что бы вашему императорскому величеству могло доставить какое-либо удовольствіе, то первую мою заботою было бы тѣмъ вашему императорскому величеству послужить, дабы вполнѣ доказать что никто не можетъ быть съ большею искренностью чѣмъ вашего императорскаго величества дружественно расположенный братъ, кумъ и другъ *Вильгельмъ*.

Берлинъ, 12 апр. 1724.

Часть этихъ великановъ набиралась изъ поляковъ, другіе же изъ крестьянъ различныхъ губерній. Объ участи и положеніи этихъ людей въ Пруссіи мы не имѣемъ свѣдѣній, и всѣ розыски о нихъ въ дѣлахъ Архива дали очень скудный матеріалъ для какого-либо заключенія. По имѣющимся даннымъ можно только утвердительно сказать что, несмотря на относительно можетъ-быть хорошую ихъ жизнь въ Пруссіи, благодаря заботамъ о нихъ короля, русскіе великаны стремились вернуться обратно въ Россію; причиною на то было не мало, и главная та что умногихъ остались на родинѣ жены и дѣти; другіе же были очень стары и дряхлы, такъ какъ повидимому при выборѣ людей для отправки въ подарокъ къ Прусскому королю принималась въ разчетъ только ихъ ростъ, а не дѣта, чрезъ что нѣкоторые попали въ Пруссію уже весьма пожилыми.

Вслѣдствіе ихъ просьбъ, о которыхъ Петръ Великій самъ упоминаетъ въ своемъ указѣ „о перемѣнѣ ихъ“, Петръ вошелъ въ положеніе этихъ людей, обязанныхъ своимъ несчастіемъ большому росту и указомъ отъ 2го декабря 1723 года, даннымъ посланнику Головкину, повелѣлъ доставить

„извѣстіе“ о количествѣ находящихся на прусской службѣ русскихъ солдатъ, для возвращенія ихъ всѣхъ въ Россію и перемѣнъ на другихъ. Но этотъ указъ по какой-то причинѣ былъ чрезъ мѣсяцъ отмѣненъ и вмѣсто него Петръ другимъ указомъ приказалъ не перемѣнять всѣхъ великановъ, отданныхъ на службу Прусскому королю, а только возвратитъ для перемѣны тѣхъ солдатъ которые были высланы изъ полковъ. По доставленнымъ свѣдѣніямъ оказалось 95 человекъ подлежащихъ къ возвращенію въ Россію для перемѣнъ. Этотъ обмѣнъ Фридрихъ-Вильгельмъ находилъ совершенно справедливымъ и необходимымъ, хотя и боялся что ему не возвратятъ такихъ же рослыхъ людей; поэтому онъ назначилъ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ своего генералъ-адъютанта Крехерта, для приѣма солдатъ присланныхъ въ обмѣнъ. Какъ видно, королю было жалъ разставаться съ русскими солдатами, службой которыхъ онъ былъ очень доволенъ и въ благодарность за которую онъ велѣлъ имъ сшить по новому зеленому мундиру. При этомъ онъ просилъ графа Головкина передать его просьбу государю чтобъ эти возвращаемые солдаты были произведены въ унтеръ-офицеры.

На смотрѣ отправляемыхъ 95 человекъ королю понравился одинъ и онъ оставилъ его у себя, а вмѣсто него велѣлъ дать другого. 14го октября 1724 года эти 95 человекъ были отправлены въ Мемель, куда должны были приѣхать на перемѣну другіе 95 человекъ, набранные изъ полковъ стоявшихъ въ Ригѣ, Перновѣ и Ревельской губерніи. При обмѣнѣ не обошлось безъ явной придирчивости со стороны короля и его генералъ-адъютанта Крехерта. Король уже изъ Риги получалъ размѣръ присланныхъ для обмѣна солдатъ и былъ недоволенъ, такъ какъ находилъ, что присланные солдаты менѣе ростомъ чѣмъ тѣ которыхъ онъ отослалъ.

Головкинъ въ реляціи къ государю пишетъ:

„Вашему императорскому величеству имѣю вселѣднѣйше довести, что его королевское величество Прусское изволилъ ко мнѣ прислать тайнаго кабинетнаго своего секретаря маршала съ тѣмъ, что его величество получилъ изъ Мемеля извѣстіе, что изъ присланныхъ изъ Риги на перемѣну солдатъ только тридцать человекъ въ обыкновенную

мѣру здѣшнихъ полевыхъ полковъ пришаи, а прочіе гораздо малорослы, чего ради его величество повелѣлъ указъ свой къ барону Мардефельду * отправить, чтобъ онъ пристойнымъ образомъ при дворѣ вашего императорскаго величества о присылкѣ другихъ домогася и что его величество надѣется что ваше императорское величество ему тѣмъ новой опытъ своей непремѣнно продолжаемой дружбы показать изволите. А притомъ онъ, маршалъ, именемъ королевскимъ требовалъ и отъ меня, чтобы вашему императорскому величеству о томъ его величества желаніи такожде всеподданнѣйше я довелъ.”

Изъ Берлина 14 ноября.

1724 года.

Изъ дальнѣйшихъ справокъ по документамъ Архива видно, что изъ присланныхъ 95 солдатъ было взято только 30 человекъ; остальные же 65 забракованы прусскими военными властями, такъ какъ они были малорослы. Объ нихъ говорится въ рескриптѣ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, данномъ графу Головкину, что „о солдатахъ малорослыхъ указъ нашъ данъ, чтобы оныя перемѣнить, въ чемъ и военная наша коллегія дѣйствительное стараніе имѣетъ.”

Но подыскать людей такихъ размѣровъ, какіе были даны прусскими военными властями, было очень трудно.

Въ 1725 году, въ апрѣлѣ, военная коллегія, вслѣдствіе настояній А. Головкина, выслала еще 10 человекъ въ счетъ 65 обмѣненныхъ въ 1724 году, а объ остальныхъ коллегія иностранныхъ дѣлъ сообщила Головкину, что „велѣно выбрать изъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ гварнизонныхъ нашихъ полковъ изъ урядниковъ и рядовыхъ, и отправить изъ Риги для размѣна въ Мемель.”

Въ томъ же 1725 году умеръ Петръ Великій, но Прусскій король, чрезъ нашего посланника при Прусскомъ дворѣ, продолжалъ хлопотать о высылкѣ ему нашихъ солдатъ высокаго роста.

Нѣкоторые документы указываютъ, что хотя и были приготовлены въ Ригѣ 34 человека для отправки Прусскому королю, но ихъ не послали, такъ какъ они „почитай едва не всѣ возрастомъ противъ сообщенной съ прусской стороны

* Прусскій посланникъ въ Петербургѣ.

мѣры не придуть. И мы для ублагожденія его королевскому величеству повѣдали выѣсто помянутыхъ возвращенныхъ отъ него изъ Мемеля нашихъ руссійскихъ за малымъ возрастомъ солдатъ искать во всѣхъ провинціяхъ нашей Имперіи большого возраста людей, и когда оные найдутся, то его высокопомянутому королевскому величеству прислать.“

Дѣйствительно, по указу Екатерины I, которая также пришла за нужное „ублагодѣть“ Фридриха-Вильгельма, было отдано распоряженіе о розыскѣ людей большого возраста. Были ли таковыя розысканы и посланы, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Въ документахъ позднѣйшаго времени (по вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны) мы нашли подавленное письмо Прусскаго короля, писанное въ мартѣ 1731 года, къ вице-канцлеру Остерману о подаренныхъ государыней рекрутахъ*.

* Прусскія дѣла 1731 года.

Письмо Фридриха-Вильгельма I къ вице-канцлеру графу Остерману:

Hochwolgebohrner besonders lieber Herr Vice-Kantzler Graf v. Osterman. Ich habe mit so viel grösseren plaisir dasselben Schreiben vom 15 Dec. erhalten, da ich durch die Überkunst der schönen von Ihre Kayserlichen Majestät mir geschenkten Recruten, ungleichen durch die mündlicher Relation meines Capitaine v. Kalsow ersehen, wie der Herr Graf so viel affection für mich beständig haget und die zwischen Ihre Kayserlichen Mayestat und Mir obwaltende ausrichtige Freundschaft aus alle Art zu cultiviren gefliessen ist. Ich erkenne Mich dafür sehr obligiret, und Mir nichts so angenehm in der Welt ist, als dieses Brüderschafts nützliche Band der Vertraulichkeit und amitié mehr und mehr verknüpft, und Ihre Kayserliche Mayestat von Meiner Dankbahrkeit überzeugenden Proben zu geben: also werde Ich auch niemahls Mir Gelegenheit passiren lassen dem Herrn Grafen Meiner gnädige Erkentlichkeit zu erweisen, der Ich mit besonderer Consideration bin

dessen sehr affectionirter
Freundt Wilhelm.

Potsdam,
Mart 1731.

An den Vice-Kantzler Graf v. Ostermann.

Высокорожденный, любезнѣйшій господинъ вице-канцлеръ, графъ фонъ-Остерманъ,—Я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ получилъ ваше письмо, отъ 15го декабря, что изъ прибытія прекрасныхъ

Изъ сего письма не видно, однакоже, чтобы эти люди были посланы, взаимно тѣхъ шестидесяти пяти чело-
вѣкъ, которые не были приняты при перемиріи девяносто
пяти солдатъ. Напротивъ все доказываетъ что это былъ
самостоятельный подарокъ Анны Іоанновны.

Въ описи высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ храня-
щимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за XVIII
вѣкъ, томъ II, составленной Платономъ Ивановичемъ Ба-
рановымъ, подъ № 3.966, отъ 8го марта 1731 года, находится
именной указъ Анны Іоанновны генералъ-фельдцейхмей-
стеру графу Миниху, о выпискѣ для русскихъ оружейныхъ
заводовъ искусныхъ мастеровъ изъ Пруссіи, и о высмакѣ
Прусскому королю четырехъ великановъ для услуженія при
дворѣ. Вѣроятно за высмаку этихъ четырехъ чело-
вѣкъ и благодарить Фридрихъ-Вильгельмъ Остермана.

При дальнѣйшемъ разсѣдovanіи о русскихъ великанахъ
на прусской службѣ, мы попали на извѣстіе о нихъ въ
интересномъ дѣлѣ „о церкви въ Пруссіи для солдатъ нахо-
дящейся“. * По показаніямъ возвратившихся причетниковъ

ей императорскимъ величествомъ подаренныхъ мнѣ рекрутовъ, а
также и изъ изустнаго доклада моего капитана фонъ-Кальсова
(Кольцовъ), вижу насколько графъ имѣетъ постоянно ко мнѣ
любви и насколько онъ заботится поддерживать всѣми средствами
искреннюю дружбу, состоящую между мною и ея императорскимъ
величествомъ. Я за то считаю себя весьма обязаннымъ; и ничто
на свѣтѣ не можетъ мнѣ быть пріятнѣе какъ чтобы полезный этотъ
союзъ братства, доверія и дружбы сталовиася тѣснѣе, и чтобы
дать ея императорскому величеству убѣдительныя доказательства
моей благодарности. Никогда не пропущу также случая оказать и
вамъ, графъ, мою милостивую признательность, и съ особымъ по-
чтеніемъ остаюсь,

расположенный къ вамъ другъ Вильгельмъ.

Потсдамъ,
мартъ 1731.

Вице-канцлеру графу Остерману.

* Въ этомъ дѣлѣ мы находимъ интересную переписку, указываю-
щую на то, что по ходатайству посланника князя Голицына, вслѣд-
ствіе желанія Фридриха-Вильгельма, Анна Іоанновна повелѣла по-
слать въ 1733 году въ Потсдамъ для русскихъ солдатъ, находящихся
на прусской службѣ, священника Щербетскаго съ четырьмя
причетниками. Этотъ священникъ и четыре причетники получали

Потсдамской церкви, при жизни Фридриха-Вильгельма, въ 1740 году, въ Потсдамѣ находилось русскіихъ солдатъ съ женами и дѣтьми двѣсти сорокъ душъ; но послѣ его кончины эти солдаты были раскомандированы по разнымъ полкамъ, такъ что въ Потсдамѣ осталось Русскихъ тридцать или сорокъ человѣкъ.

Въ 1743 году, въ іюнь, въ Петербургъ явилась жена русскаго солдата-великана, и отъ имени всѣхъ находящихся на прусской службѣ русскихъ солдатъ подала государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ прошеніе о возвращеніи ихъ всѣхъ въ Россію, такъ какъ они уже стали стары и изнурены долговременною службой и наконецъ лишены были священника для исполненія ихъ духовныхъ требъ. Елисавета Петровна, по отличавшей ее набожности, приняла горячо ходатайство этой бѣдной женщины.

Сперва осторожно и ласково, чрезъ посредство бывшаго посланника при Прусокомъ дворѣ графа Чернышева, а затѣмъ настойчиво, императрица стала домогаться о возвращеніи всѣхъ русскихъ солдатъ въ Россію. Однако же Пруссійскій дворъ явно уклонялся не только отъ возвращенія солдатъ въ Россію, но даже отъ доставки свѣдѣній о количествѣ ихъ по полкамъ и въ Потсдамѣ. Словесныя обѣщанія, дававшіяся министрами Подевильсомъ и Боркомъ, не исполнялись, и дѣло такимъ образомъ затянулось до 1745 года, когда на требованія Чернышева Пруссійскій дворъ поставилъ условіемъ увольненіе изъ русской службы извѣстнаго полковника Мавштейна, какъ прусскаго подданнаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ и вся его родня были русскими подданными. На это Елисавета Петровна соглашалась, но съ условіемъ чтобы Мавштейнъ прибылъ въ Россію для сдачи командуемаго имъ полка и полковыхъ

содержаніе и жалованье отъ Прусскаго короля и жили въ Потсдамѣ при церкви.

Съ кончиной Фридриха-Вильгельма, вся церковная утварь была одана въ посольство и богослуженіе въ ней прекратилось.

Въ царствованіе императора Александра I церковь была вновь отстроена; изъ же была прислана въ подарокъ Прусскому королю рота солдатъ, попомство которыхъ и дѣныи такъ живеть.

Въ Берлинѣ же церковь при миссіи была основана въ 1712 году. (Прусскія дѣла 1740 годъ.)

денегъ. Фридрихъ-Великій, черезъ министра Борка, заявилъ Чернышеву, что дать приказъ по полкамъ о доставленіи свидѣній о количествѣ русскихъ солдатъ онъ не желаетъ, а что если угодно Чернышеву самому узнать гдѣ они и сколько ихъ на службѣ находится, то онъ этихъ людей возвратитъ. Тогда Чернышевъ черезъ своихъ агентовъ въ Берлинѣ и въ Потсдамѣ нашелъ 90 человѣкъ и, составивъ имъ списокъ, требовалъ возвращенія ихъ, но и тутъ потерпѣлъ неудачу: отговоркамъ не было конца.

Елисавета Петровна не желала оставить этого дѣла не достигнувъ цѣли, и рескриптомъ своимъ на имя Чернышева повелѣла „тамошнему министерству, не обинуясь оказать, что мы отъ дружбы его величества короля никакъ чаять не могли, дабы онъ удержаніемъ тѣхъ нашихъ подданныхъ, отлагая наше объ нихъ требованіе на сторону, досаду намъ показать похотѣлъ и что мы изъ такого поступка ничего инаго не предвидимъ, какъ токио развѣ стараніе чрезъ то прилагается между обоими дворами напрасныя холодности, а можетъ-быть и прямую ссору завести, яко и самъ его величество король довольно знаетъ, что видѣ въ свѣтъ не обыкновенно чужихъ людей насильно удерживать, а напротивъ того и армія королевская симъ нашими подданными, хотя бы они были или не были, ни умножена, ниже опустошена быть не можетъ, и тако весьма бы не для чего за ними толь крѣпко держаться и увольненія имъ не дать.“

На такія энергическія настоянія со стороны Русскаго двора Боркъ наконецъ заявилъ отъ имени короля, что русскіе солдаты были присланы покойнымъ государемъ Петромъ I съ тѣмъ чтобъ они „вѣкъ свой здѣсь на службѣ окончили“, а не на время, такъ какъ никакихъ контрактовъ о срокѣ служенія этихъ солдатъ съ тѣми кто ихъ приводилъ не было заключаемо. Къ этому Боркъ прибавилъ, что король самъ жалуется на холодность оказанную ему государыней „въ одномъ дѣлѣ“ * и что поэтому онъ самъ будетъ писать ей. Наконецъ, Фридрихъ Великій черезъ Борка

* Нужно полагать, въ отказѣ помощи противъ Австріи и Саксоніи. Письма эти вѣроятно находятся въ С.-Петербургѣ, въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ числѣ бумагъ кабинета императрицы Елисаветы Петровны.

и прусскаго посланника Мардефельда въ Петербургъ заявилъ что онъ, желая имѣть доказательство дружбы государыни, просить у нея русскихъ солдатъ, подаренныхъ его покойному отцу, оставить у него навсегда. Но и на это Елисавета Петровна не согласилась.

Между тѣмъ событія того времени указываютъ что отношенія нашего двора къ Прусскому были крайне натянуты и даже враждебны.

Фридрихъ Великій напалъ на Саксонию, и Россія, дѣлавшая всѣ усилія чтобы примирить обѣихъ своихъ союзницъ, должна была наконецъ помочь Саксоніи по смыслу союзнаго договора *. Русскій посланникъ въ Берлинъ графъ Чернышевъ былъ отозванъ вслѣдствіе настоянія Прусскаго правительства за свои неприятыя объясненія съ первымъ министромъ Подевильсомъ по поводу внимательства Россіи. На его мѣсто былъ назначенъ Кейзерлингъ; одновременно съ этимъ, прусскій посланникъ въ Петербургъ Мардефельдъ былъ замѣненъ Финкенштейномъ. Поэтому не мудрено что Фридрихъ Великій хотѣлъ хоть чѣмъ-нибудь отплатить за неудовольствіе причиненное ему внимательствомъ Елисаветы Петровны въ его завоевательные планы, и не возвращалъ русскихъ великановъ, въ которыхъ онъ совсѣмъ не нуждался, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ были такъ драгачи что содержались въ госпиталѣхъ.

Были ли наконецъ возвращены на родину наши соотечественники—дальнѣйшіе розыски въ дѣлахъ Архива и другихъ источникахъ не могли намъ выяснить.

М. ПУЦИЛО.

* *Исторія Россіи* Соловьева. Т. 22..

ФУРАЖИРОВКА ЗА ВИСЛОЙ

ВЪ ПОЛЬСКУЮ КАМПАНИЮ 1831 ГОДА

Въ походной жизни военного человека бывают случаи которые хотя и не оставили по себѣ даже царапины, но настолько однако възвываются въ памяти что при малѣйшемъ поводѣ къ воспоминаніямъ о давно минувшемъ какъ бы сами собою являются предъ вами во всей своей свѣжести. Къ сожалѣнію, поводы эти для меня съ каждымъ годомъ становятся рѣже и рѣже. Изъ современныхъ событіямъ товарищей-однополчанъ нѣкоторые умерли, нѣкоторые промѣняли мечъ на перо, другіе на орало, и разошлись въ разныя стороны, доживаютъ вѣкъ свой уже на рукахъ внуковъ, знакомы конечно ихъ съ тѣмъ какъ служили, воевали, какимъ подвергались неожиданностямъ.

По поводу прочитанной мною въ *Военномъ Сборникѣ* статьи стараго егеря озаглавленной: *Двадцать пять лѣтъ лейбъ-гвардіи въ егерскомъ полку*, вздумалось и мнѣ подѣлиться съ читателями тѣмъ что было въ свою очередь и со мною, да благополучно миновало. На этотъ разъ ограничусь разказомъ въ самой тѣсной рамкѣ кое-чего изъ случившагося со мною за Вислой во вторую кампанію противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году.

17го (29) ноября 1830 года выпыхнуло въ Варшавѣ возмущеніе. 24го ноября покойный государь на разводѣ изволилъ объявить походъ и гвардіи. Измайловскій полкъ, въ рядахъ котораго я былъ тогда подпоручикомъ, выступилъ изъ С.-Петербурга 3го января 1831 года, и 25го февраля, перейдя по льду чрезъ Нѣманъ, вступилъ въ Царство Польское у Алексотева, ниже того мѣста гдѣ въ 1812 году Наполеонъ перешагнулъ на Русскую землю. Около половинъ марта мы были уже въ Ломжѣ, и тутъ только поняли что стоимъ предъ неприятелемъ, которымъ нельзя пренебрегать, и что до отдыха въ Варшавѣ и высылки оттуда сестрамъ нашимъ варшавскихъ бабшмаковъ, далеко не близко. Событія между Вислой, Бугомъ, Наревомъ и прусскою границей, съ перемѣннымъ для насъ счастьемъ, считая и отступление гвардейскаго корпуса по направленію къ Бѣлостоку, еще болѣе убѣдили насъ въ томъ. 29го мая скончался отъ холеры нашъ фельдмаршалъ, графъ Дибичъ Забалканскій. По прибытіи же къ арміи 12го іюня новаго главнокомандующаго графа Паскевича-Эриванскаго, гвардейскій корпусъ послѣ долгой стоянки у Макова снова перешелъ въ наступленіе съ прочими войсками, и чрезъ Цѣхановецъ, Плонскъ, Лилко, у Осека на Нижней Вислѣ, близъ прусской границы, переправился черезъ эту рѣку по наведенному мосту на лѣвый ея берегъ. Главная квартира стала въ Немавѣ; гвардія около Бржеща, тоже по направленію къ Варшавѣ.

Помнитея что тогда между офицерами было глухое сужденіе движенія почти всей арміи за Вислу. Называли его слишкомъ рискованнымъ. Мнѣніе это подкрѣпляли тѣмъ что ни одинъ Кракусъ ни предъ нами, ни въ тылу не показывался помѣшать переправѣ. Скелтики вѣрили суху буту бы польскій главнокомандующій умышленно далъ намъ перейти Вислу, чѣмъ мы добровольно теряли базисъ, отрывали себя отъ Имперіи и отъ всякой съ ея стороны помощи въ случаѣ неудачи.

Я былъ произведенъ въ поручики; стратегическими соображеніями мало занимался, пропускалъ мимо ушей что толковали наши стратегики, думая что лица курицу не учатъ. Да по правдѣ сказать, не мало было и ближайшихъ заботъ какъ бы за шель не лаяло, было бы что курить, да поить похлебки, зачастую солдатской съ сухаремъ, и неизбѣжно

тоужь битокъ издѣля дѣньщика, хорошенько соснуть; потомъ, налившись маркитантскаго чаю, не разбирая воды, снова завалиться въ шалашъ.

По переходѣ на лѣвый берегъ Вислы, нашъ полкъ сталъ, какъ сказано, у Бржеша. Тутъ мы узнали что нѣсколько дней простоишь на мѣстѣ, для пополненія продовольствія, къ чему главнокомандующимъ были приняты самыя энергическія мѣры, любезныя войскамъ, усиливающія вѣру въ вожда. Мы были уже въ половинѣ іюля, и хотя поля были покрыты зрѣвшими хлѣбами, служившими на бивуакъ мягкою постелью, войска все же должны были искать фуража по сторонамъ, хотя бы за деньги, не переходя однако за черту развѣдочныхъ развѣздовъ, въ виду возможности наткнуться на мятежническія шайки, несомнѣнно бродившія кое-гдѣ. Неуслышнаго фуражированія не предвидѣлось. Мѣстность была плодороднѣйшая, какъ говорится, неплохатый уголокъ.

Не успѣли еще заночевать, какъ исправляющій должность полковаго квартирмейстера, поручикъ Ревн, вручая мнѣ на всякій случай около сотни червонцевъ, передалъ приказаніе полковаго командира чуть свѣтъ отправиться на фуражировку въ тылу арміи, по направленію къ Служеву; стараться сколь можно болѣе добыть сѣна, овса, и для того взять всѣ полковыя, штабъ-офицерскія и ротныя повозки, не возбраняая офицерамъ присоединять къ обозу своихъ вьючныхъ лошадей. Былъ данъ и вооруженный конвой. Такое порученіе было для меня новинкой. Въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ, откуда за недѣлю до выступленія въ походъ вся молодежь выпускнаго класса была отправлена въ полки, насъ не учили фуражированію. *Volens-polens*, надобно было собираться на фуражировку. Распорядившись чтебъ обозъ былъ готовъ на зарѣ и соснуть немного, я двинулся въ свое время въ путь, посадивъ конвейныхъ на переднія и на бывшія въ хвостъ повозки, такъ что образовались а авангардъ и аріергардъ. Главную же силу полагая я въ собственной распорядительности и находчивости: молодость самонадѣяла!

Пройхавъ верстѣ съ двадцать пять, съ проводникомъ на веревочкѣ, мы увидѣли столько помѣщичьихъ усадебъ съ фольварками что не знали за который изъ нихъ взяться для нагрузки порученныхъ намъ повозокъ. Почему-то поправился

намъ одинъ изъ фольварковъ, до котораго было версты четыре. Доѣхали до него и не ошиблись: стодолами оказались полными хлѣба въ снопахъ и сѣна. Было около полудня. Явившійся управляющій началъ увѣрять что безъ госпожи своей, живущей въ четверти мила, ни подѣ квитанцію, ни за деньги, не можетъ дать ни снопа.

Не обративъ ни малѣйшаго на то вниманія, я приказалъ фурштатамъ, ротнымъ конюхамъ и деньщикамъ начать обмолачивать овесъ. Самъ же, взявъ коннаго фурштата при саблѣ, скоро на лихомъ дождѣ былъ уже на мызѣ, считая обязанностью лично увѣрить барыню что во всемъ что будетъ взято выдадимъ квитанцію, по которой она получитъ деньги изъ полевого интендантства. Въ то время было строгое приказаніе отнюдь не обижать жителей.

Помнится что мыза, къ которой принадлежалъ понравившійся намъ фольварокъ, какъ и всѣ мызы Привислянскаго края, была украшена пирамидальными тополями, и не безъ птицы „черногогуза“ съ гнѣздомъ на крышѣ. Спрыгнувъ у крыльца съ коня и отдавъ его фурштату, я былъ тутъ же обласканъ неизбежными у каждаго польскаго помѣщика гончими собаками. Пройдя сѣни, переднюю и войдя въ залъ, гдѣ былъ уже накрытъ обѣденный столъ человѣкъ на двѣнадцать, я очутился предъ молодою, красивою хозяйкой, заявившею что ея мужа дома нѣтъ, но что онъ будетъ очень жалѣть не имѣвъ чести познакомиться со мною. По переходѣ въ гостиную, любезность ея удвоилась, какъ только она узнала во мнѣ гвардейскаго офицера. При этомъ была еще какая-то дама, показавшаяся мнѣ глухо-нѣмою. Послѣ пустаго разговора, хозяйка счастливой даружности присѣла за фортепiano, проиграла что-то не очень музыкальное, и когда ей доложили что кушанье подано, она любезно пригласила меня къ обѣду, указавъ мѣсто возлѣ себя по правую руку. Не подумавъ я согласился. Взявшись за стулъ, вижу: лѣзутъ въ залъ изъ всѣхъ дверей, точно тараканы изъ щелей, лавы: кто въ мундирномъ подукафтѣ съ погонами, иные въ чамаркахъ, съ ленточкой *амарантоваго* цвѣта въ петлицѣ; ксендза кажется не было. Разсѣянье улетать поданное горячее, не помню *капустныхъ* или же супъ *миндалевый*.

За первымъ блюдомъ, пока не былъ еще утоленъ голодъ, которымъ конечно хромали и появившіеся вояки, отреко-

мендованные мнѣ хозяйкой какъ раменые, возвращающіеся до дому, благополучіе не нарушалось. Но при перемѣнѣ тарелокъ для втораго блюда, когда уже я разчитывалъ на вкусныя зразы, *поленевицу съ картофлями* и на *пожолки со сметанкой*, чего со времени стоянки нашей въ Ломжѣ и Остроленкѣ въ глаза не видалъ, волки повели между собою, со свойственною имъ бравурой, разговоръ оскорбительный для Русскаго. Не взвидѣлъ свѣта! Потемнѣло въ глазахъ! Что тутъ было дѣлать девятнадцатилѣтнему юношѣ, при тульскомъ только каикѣ, съ вырѣзкой „Златоустъ“, да съ резервомъ изъ одного фурштата у подѣзда? Пустить въ ходъ ножъ или вилаку противъ десятирехъ лановъ, при патріоткахъ, радовавшихся ихъ храбрости съ мальчикомъ, было бы смѣшно. Кто знаетъ, быть-можетъ не одобровать бы тогда на фольваркѣ и фуражирамъ. По счастью на выручку явился обѣдавшій съ нами пожилой, довольно тучный господинъ въ мундирномъ полукафтани, показавшійся мнѣ *досудей*, а можетъ-быть мужъ молодой хозяйки. Онъ, вставъ и грозя ножомъ, задыхаясь отъ негодованія, внушительно прикрикнувъ на волковъ: „Ахъ вы *laidaks!* Насъ десять человекъ, а офицеръ одинъ, и вы его оскорбляете! Не *позвѣдѣли*!“ Бракусы тотчасъ же поджали хвосты. Воспользовавшись такою поддержкой, я послѣднимъ покинуть обѣдъ и, поблагодаривъ благороднаго старика, воротился на фольваркъ. Всю ночь, при фонаряхъ, промолотили овесъ. Понутру провѣяли его и къ ночи я былъ уже дома, правда нѣсколько смущенный вѣроломствомъ *ласковой* Польки, за то счастливымъ тѣмъ что къ удовольствію всѣхъ привезъ большой грузъ фуража.

Описанный случай былъ однако добрымъ мнѣ урокомъ и сдѣлавъ осторожнѣй. Не случись благороднаго старика, быть бы мнѣ безъ вѣсти пропавшимъ! Богъ спасъ!

Легко жилось намъ тогда. Молодость безпечна. Жилось легко и потому что мы уже понимали куда и зачѣмъ идемъ. Время года было самое лучшее; погода покровительствовала намъ. Непрошеная гостья—холера покинула насъ за Вислой. Здоровье войскъ, хорошо содержанныхъ, было превосходное. Жалованье двойное. Овощи, фрукты поспѣвали. Черезъ Жидковъ можно было имѣть даже прихотливый обѣдъ, особенно когда перешли къ Ловичу и Аркади. Денщики наши безъ провизіи не возвращались, чему

особенно помогало то что жители убѣдились что за все у нихъ требуемое платятъ *дукатами*. Бывали конечно и жалобы на нашихъ импровизованныхъ дворецкихъ; но онѣ были какъ исключенія, причемъ просители уходили отъ насъ, всегда удовлетворенными.

Къ 8му августа мы были уже у Надорожина, въ составѣ сгруппированной семидесятилатитысячной арміи, въ одномъ переходѣ отъ Варшавы. Начали вязать фашины, дѣлать лѣстницы, настилать предъ собою мосты чрезъ довольно толкую рѣчку. Упражнялись примѣрно въ штурмованіи наскаро сдѣланнаго редута. Чувствовалось, что не далеко уже и до кровавой развязки у стѣн мятежной Варшавы. Построили баню; войска были сыты, былъ и фуражъ, во при сборѣ почти всей арміи на небольшомъ сравнительно пространствѣ, главнокомандующій не переставалъ охранять сельское населеніе отъ не невозможныхъ насилій со стороны фуражировъ, хотя на покупку фуража давались деньги золотомъ, чѣмъ населеніе несомнѣнно привлекалось къ повиновенію законному правительству. Для охраны населенія посылались на опредѣленные пункты, въ тылу арміи, офицеры съ вооруженными командами, на такъ-называемый „залогъ“. Специальною обязанностью ихъ было не допускать ни въ какихъ видахъ обидѣ жителей; и жители, понавъ благотворность такой мѣры, смотрѣли на офицеровъ къ нимъ присланныхъ какъ на своихъ защитниковъ.

И на мою долю выпала командировка. Было это недѣлю задѣ до штурма. Не упомяну, какая именно мѣстность была ввѣрена моему охраненію. Кажется по Радомской дорогѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Варшавы, и верстахъ въ пяти за какимъ-то мѣстечкомъ, гдѣ уже стояла сотня Донцовъ.

Выѣхавъ съ командировкой и двумястами червонцевъ на фуражъ, я получилъ приказаніе полковаго командира, Николая Петровича Анненкова, постараться захватить и привести съ собою побольше подводъ подъ ранцы и раненыхъ. Предъ отъѣздомъ я взялъ слово съ поручика Реми, передавшаго мнѣ деньги, извѣстить меня тотчасъ какъ только узнается что войска наши двигаются къ Варшавѣ. Благодарный товарищъ сдержалъ свое слово.

Чрезъ сутки я былъ уже тамъ гдѣ стояла казачья сотня и познакомившись съ офицерами, отправился на назначенный пунктъ нѣсколько уже ознакомленный съ мѣстностью.

Я зналъ что тамъ дѣлая колонія помѣщиковъ средней руки; что одинъ изъ нихъ, драхлый отъ ранъ полковникъ Налоговскихъ войскъ, и что стоянка въ средѣ ихъ будетъ покойная. Съ командой около тридцати человѣкъ, я сталъ въ центрѣ населенія.

Оловѣстивъ помѣщиковъ что присланъ охранять ихъ, и если понадобится фуражъ, то заплачу за него золотомъ, я въ то же время велѣлъ старшему унтеръ-офицеру, безъ малѣйшей огласки, собрать свѣдѣнїе: сколько у кого изъ помѣщиковъ исправныхъ повозокъ и лошадей. Помнится что ихъ было начеко не менѣе четырехъ десятковъ. Самъ я помѣстился у одного шляхтича, имѣя при себѣ одного гренадера, служившаго и конюхомъ и поваромъ. Читать было нечего. Оставалось гулять, ѣсть, пить чай, да побольше спать. Провѣдывалъ казаковъ, и донецъ мой оказался не изъ послѣднихъ скакуновъ; былъ какъ-то на жалкой армаркѣ съ ея странствующими шулерами, которые въ кавыриѣ сильно ухаживали за мною: понравился имъ видно мой кошелекъ, набитый дукатами.

24го августа, нагулявшись вдоволь, въ сумерки, когда коныхъ нашъ ставилъ уже хозяйскій самоваръ, увидѣлъ я предъ собою, какъ изъ земли выросшаго, фурштата съ лакеютомъ въ рукѣ. Я понялъ въ чемъ дѣло.

Прошла охота къ чаю! Немедленно были поставлены часовые у всѣхъ выѣздовъ, со строгимъ приказаніемъ не выпускать ни одной лошади. Донецъ осѣдлавъ, чемоданъ уложилъ. Сборы были коротки. Въ околѣцѣ бѣготня. Тогда же началась нагрузка овса, но видно жидовская лантофельная почта быстрее ходитъ чѣмъ какъ могла пробѣжать изъ-подъ Надоржина сорокъ верстъ фурштадская лошадь: ланн, кромѣ лана полковника, успѣли уже сократить свои перевозочныя средства. Оказалось что мы смогли захватить, не обращая вниманія на крики лановъ, не болѣе двадцати лароковныхъ подводъ и то благодаря лану полковнику, который не спустилъ за околѣцу ни одной лошади. За то и я въ свою очередь былъ великодушенъ, хотя было за что и на него посердиться. Онъ умолялъ не брать у него подводъ, предлагая мнѣ деньги, улаченныя ему за овесъ. Попросивъ его не оскорблять меня, я взялъ у него половину только его подводъ, давъ всѣмъ слово, по взятіи Варшавы, отпустить подводы. Въ свое время онѣ были отпущены; но дома ли домой, не знаю.

Часа чрезъ два съ тяжело нагруженнымъ обозомъ мы были уже въ дорогѣ. За полночь, добравъ до знакомыхъ казаковъ, въ видахъ скорѣйшаго движенія къ полку, въ ночь на 25е августа саявшемуся съ бивуака, уступили казакамъ по мѣшку овса съ каждой подводы.

Пройдя всю ночь, рано утромъ, верстахъ въ 25 не доходя Варшавы, у корчмы, мы сдѣлали привалъ у небольшой помѣщицкѣй усадьбы съ рѣшетчатою на дорогу оградой. Все было тихо. Вдругъ, видимъ, отчаянно несется къ корчмѣ на измученной клячѣ Еврей, въ ермоакѣ, блѣдень какъ смерть, крича: „ай, ай! *вишисы Поляны* побиты, Варшава *взѣнта!*“ Курьеръ этотъ оказался хозяиномъ корчмы гдѣ мы остановились. Съ появленіемъ его выбѣжала жена его замарашка, съ цѣлою оравой дѣтенышей, грязныхъ, въ луху. Было не болѣе шести часовъ утра, а Еврей оплакивалъ уже Варшаву. Я смѣялся, но и призадумался, вспоминая о братѣ въ полку. Не надолго однакожъ! На склонѣ своего двора, прямо съ постели, безъ шапки, въ халатѣ, съ коломъ въ рукѣ появился какой-то ланъ. Предъ нимъ въ полномъ отступленіи нѣсколько нашихъ солдатъ.

Нужно сказать что хотя я и былъ противникомъ всякаго насилія, но на добываніе солдатомъ себѣ чего-либо изъ сѣбѣстнаго смотрѣлъ сквозь пальцы, не пропуская однако виновнаго безъ внушительнаго порицанія.

Не полюбилась мнѣ ретирода однополчанъ. Подбѣжавъ къ нимъ на выручку и остановивъ пана съ коломъ, съ тѣмой у рта что-то бормотавшаго, я тотчасъ охладилъ его, посуливъ накормить его свинцовыми орѣшками. Не опустивъ кода и приведи я въ исполненіе угрозу, быть бы подъ судомъ! Но Богъ спасъ! Оказалось что солдаты, любители ветчины въ окорокахъ, забрались-было на лавокую контильню. Накормивъ лошадей, мы двинулись къ Надоржицу. Громъ пушекъ становился слышнѣе и слышнѣе; видѣлись облака пороховаго дыма. Очевидно что штурмъ Варшавы еще длился. Около полудня добрались мы наконецъ и до мѣста откуда въ минувшую ночь полкъ пошелъ къ Варшавѣ. Тамъ нашли только фурштатскаго офицера, ротныхъ калтеармусовъ при локковыхъ тяжестяхъ, толившуюся баню и пустые шалаши. Отдохнувъ нѣсколько и сбросивъ привезенный фуражъ, я съ порожними подводами потянулся къ полку. Въ сердцѣ было не покойно: не убить ли братъ?

Верстахъ въ пяти отъ Варшавы, у ручья, увидѣли мы таборъ маркитантовъ чуть не со всей арміи; всѣ навеселѣ, распиваютъ чай. Окружили насъ, кто со стаканомъ чаю, кто со стаканомъ водки или вина, безъ шалокъ, и кланяясь въ поясъ просили откушать; иные пьяненькіе со слезами приговаривали: „откушай родимый! какой ты еще молоденькій, а уже идешь положить животъ свой за насъ.“ Въ то же время вижу ѣдетъ армейская ротная повозка и въ ней безъ сюртука, въ залитой кровью рубашкѣ, везутъ убитаго офицера; у изголовья сидитъ добрый деньщикъ его. Я ложаюсь праху убитаго, перекрестился, выпилъ стаканъ чаю и даѣе. Но не скоро покинула меня грустная мысль: привѣтствіе маркитантовъ не предсказаніе ли что завтра и меня повезутъ мимо нихъ убитаго, съ тою разницей что тѣло будетъ провожать не деньщикъ, а братъ; а можетъ-быть и мнѣ придется провожать тѣло убитаго брата.

Къ вечеру того же 25го августа, я уже былъ при полку на второй позиціи, за вторымъ армейскимъ пѣхотнымъ корпусомъ. Путешной пальбы, кажется, уже не было. Явившись къ полковому командиру и получивъ благодарность за подводы подъ раненыхъ, я свидѣлся съ братомъ и товарищами. Разспросамъ не было конца. Я узналъ какъ формировалась сотня охотниковъ, какъ всѣ офицеры выходили въ охотники, но по жребію досталось только четыремъ. За меня вынималъ жребій поручикъ Федоръ Николаевичъ Лавровъ. Узналъ что защита Воли и передовыхъ укрѣпленій была отчаянная, но наши войска все-таки завладѣли позиціей, хотя это не дешево намъ досталось. Была уже ночь, подотлаи вьюки. Спать никому не хотѣлось. Ночь была теплая, ее смѣнилъ прекрасный день 26го августа. Напились кое-какъ чаю; солнце было уже довольно высоко, а мы съ какой стороны, къ изумленію всѣхъ, не было выстрѣла. Стало слышно что Поляки одумались, покоряются и что начались уже переговоры. Было часовъ 8 утра. Скучно безъ дѣла. Намъ было разрѣшено взять людей съ лопатками и похоронить небудавныхъ еще убитыхъ. Перекрестивъ cadaго изъ нихъ, мы живо ихъ зарывали; но не услѣли еще похоронить всѣхъ, какъ слышимъ потрясающее ура и раскаты его по всѣмъ линіямъ. Закричали и мы ура и бѣжать къ своимъ мѣстамъ, крестясь и думая: ну, слава Богу, война кончилась! Поддавая батальонныхъ адъютантовъ на переднюю

лицію узнать что тамъ такое случилось. Но увы! возвратившіеся рассказали что гдѣ-то выбѣжалъ изъ кустовъ зацъ. Солдаты увидѣвъ косаго, забыли про всѣ ужасы, вчерашніе и предстоящіе, и давай его суетить. Не издавшіе того приняли отдаленный крикъ за ура, начали вторить, и такимъ образомъ, всѣ линіи на прострѣвствѣ можетъ-быть пятнадцати верстъ, хватили тоже ура. Изумительна бодрость нашихъ войскъ!

Былъ второй часъ пополудни. Видимъ движеніе въ передней линіи и какой-то кавалерійскій полкъ лихо, на рыскахъ, прошелъ впередъ въ нашъ интервалъ. Всѣ стали на своихъ мѣстахъ, а лучечный выстрѣлъ со стороны нашей уже Воли, затѣмъ сильнѣйшая канонада не позволили сомнѣваться что начался новый актъ кровавой драмы—второй штурмъ. Запрыгали ядра, понесли раненыхъ, застонала земля! Густыя облака порохового дыма скрыли отъ насъ грѣшницу Варшаву... Начало вечерѣть. Насъ подвинули впередъ за взятые наканунѣ укрѣпленія. Тамъ, по ужасающему множеству убитыхъ, завалившихъ собою рвы и по профилямъ укрѣпленій съ волчьими ямами, увидѣли что тутъ было не сраженіе, а бойня.

Стемнѣло. Подвинули насъ еще впередъ. Канонада стихала; ее смѣнилъ не умолкавшій по всему городскому валу трескъ бѣглаго ружейнаго огня. Тутъ сказали намъ что валъ уже въ нашихъ рукахъ, что сломали Поляковъ и у Іерусалимской заставы; причемъ не мало тамъ легло и лейбъ-гусаръ. Сотни вѣтряныхъ, вѣѣ города, мельницъ съ вертящимися въ огнѣ колесами горѣли, осыпавъ поле смерти. Настала ночь. Узнали мы и то что изъ четырехъ нашихъ товарищей-охотниковъ трое: поручикъ Ѳедоръ Гавриловичъ Реми, подпоручикъ Николай Трофимовичъ Барановъ * и прапорщикъ Александръ Александровичъ Рудзевичъ—ранены; а прапорщикъ Николай Афанасьевичъ Чебышевъ—убитъ. Оплакали его. Не спалось и эту ночь. Все-го не пересказать чего мы рассмотрѣлись, что перечувствовали за это время. Всю ночь помогали раненымъ, оставшимся на полѣ и выходившимъ изъ Варшавы.

Настало утро 27го августа. Видимъ, идетъ къ намъ усталый прапорщикъ Чебышевъ, съ солдатскимъ Георгіемъ за

* Нынѣ графъ, генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ, завідующій ротой дворцовыхъ гренадеръ.

Варну, безъ фуражки, въ сюртукѣ съ прострѣленными полями. Самъ же онъ, побывавъ и за валомъ, нигдѣ даже не опарался. Радость наша что онъ живъ была невыразима.

Съ 7ми часовъ утра гвардейская пѣхота, съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, съ распущенными знаменами, съ музыкой, торжественно уже вступала чрезъ Иерусалимскую заставу въ покоренную Варшаву. Помнимъ что у этой заставы, вѣдь, были тогда ямы, откуда городъ бралъ глину. Тутъ, двѣнадцать часовъ тому назадъ, съ обѣихъ сторонъ легао столько народу что шоссе едва успѣли очистить отъ убитыхъ. Мы видѣли еще умирающихъ; на ходу успѣвали облегчить ихъ тѣмъ только что наскоро кляли подъ головы валившіеся тамъ же ранцы.

При нашемъ слѣдованіи по баррикадированнымъ улицамъ Варшавы, въ многихъ мѣстахъ съ бойницами въ заборахъ, окна, крыши домовъ были залиты народомъ. Выносили ведра съ водой и красное вино для утоленія нашей жажды; но касаться предлагаемаго было воспрещено изъ опасенія не невозможной отравы.

Пообѣдивъ нѣсколько въ Варшавѣ, сначала на площадяхъ, потомъ въ казармахъ со строго-военными предосторожностями, частію въ ресторанахъ Пуаре и Зборбори. Ходили мы и къ Модацину, гдѣ простоявъ однажды всю ночь въ передовой цѣли съ секретами, какъ только разсвѣтало, неожиданно увидѣли предъ собою на ружейный выстрѣлъ, у Нового Двора, по ея сторону Буга, польскіе конные пикеты, тогда же впрочемъ убравшіеся за рѣку. Больше не встрѣчались уже съ вооруженнымъ непріятелемъ. Война была конецъ.

Никто не остался безъ награды. Изъ охотниковъ: поручикъ Реми и прапорщикъ Рудзевичъ получили орденъ Св. Георгія 4й степени за храбрость.

4го октября за Варшавой, на историческомъ полѣ между Вольскою и Иерусалимскою заставами, принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе. Затѣмъ гвардія начала вступать въ обратный походъ. Зимовали около Риги, а 28го февраля 1832 года были уже дома въ С.-Петербурѣ, гдѣ подъ чистъ тосковали по бивуачной и боевой жизни, братски связывающей одноплечанъ.

10го апрѣля, 1877.

Вятскаго.

А. ДРЕНЯКИНЪ.

ДЕНЬГИ МИЛЕДИ

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ МОЛОДОЙ ДѢВУШКИ,
РАЗКАЗАННЫЙ

УИЛКИ КОЛЛИНЗОНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Н а х о д к а.

Г Л А В А VIII.

На другой день послѣ того какъ Изабела оставила домъ леди Лидіардъ, мистеръ Трой отправился въ главное полицейское управленіе въ Вайтголлъ чтобы посоветоваться по вопросу о пропавшихъ деньгахъ. Предварительно онъ послалъ извѣщеніе о покражѣ въ Англійскій Банкъ и напечаталъ въ газетахъ объявленіа объ уtratѣ банковаго билета.

Воздухъ былъ такъ пріятенъ, солнце свѣтило такъ ярко что онъ рѣшилъ пройти лѣшкомъ. Едва онъ потерялъ изъ виду свою контору какъ встрѣтилъ пріятеля, который шелъ также въ направленіи Вайтголла. Этотъ джентльменъ обладалъ въ значительной степени житейскою мудростью и опытностью; въ качествѣ officialнаго лица онъ участвовалъ въ процессахъ о стачкахъ и важныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ правительство оказывало содѣйствіе къ розысканію и преслѣдованію преступниковъ.

Мягкое такого человека могло иметь весьма важное значение для мистера Трой, практика которого какъ солиситора никогда еще до сего времени не приводила его въ столкновение съ ворами и таинственными обстоятельствами. Вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ, въ интересахъ Изабелы, сообщить своему другу по какому роду дѣлу былъ шелъ въ полицію. Не называя именъ, но не скрывая ничего другаго, онъ разказалъ что случилось наканунѣ въ домѣ леди Лидардъ, и затѣмъ предложилъ своему спутнику прямой вопросъ:

— Какъ бы вы поступили на моемъ мѣстѣ?

— На вашемъ мѣстѣ, спокойно отвѣчалъ его другъ, — я не сталъ бы тратить ни времени, ни денегъ на сношенія съ полиціей.

— Не обращаться въ полицію! воскликнулъ мистеръ Трой въ изумленіи. — Вѣроятно я не ясно выразился. Я иду въ главное управленіе; у меня есть рекомендательное письмо къ главному инспектору слѣдственного департамента. Боюсь что я забылъ упомянуть объ этомъ.

— Это не дѣлаетъ разницы, продолжалъ его другъ также равнодушно. — Вы спрашивали моего совѣта, и я далъ вамъ совѣтъ. Изорвите ваше рекомендательное письмо и не дѣлайте болѣе ни шагу по направлению Вайтголла.

Мистеръ Трой началъ понимать.

— Вы не довѣряете слѣдственной полиціи? оказалъ онъ.

— Кто изъ читающихъ газеты и помнящихъ что онъ читалъ *можетъ* довѣрять ей? возразилъ его другъ. — Къ счастью для слѣдственной полиціи публика обыкновенно забываетъ что читаетъ. Отправьтесь въ свой клубъ и пересмотрите въ газетахъ отчеты о современныхъ уголовныхъ процессахъ. Всакое преступленіе есть болѣе или менѣе тайна. Вы увидите что тайны которыя раскрываетъ слѣдственная полиція, почти безъ исключенія, такого рода что ихъ могъ бы раскрыть человекъ съ самыми ограниченными способностями, благодаря необычайной глупости съ какою виновные обыкновенно принимаютъ мѣры къ сокращенію преступленія. Съ другой стороны, пусть преступники или преступница будутъ лѣнливыми и энергичные, способные надлежащимъ образомъ противопоставить свой умъ догадливости полиціи, другими словами: пусть тайна будетъ дѣйствительно тайной, и тогда укажите мнѣ, если можете,

случай (дѣйствительно труднаго и запутаннаго дѣла) когда преступникъ не остался неоткрытымъ. Видите ли, я не обвиняю полицію въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу. Несомнѣнно, они прилагаютъ величайшія старанія и усилія, слѣдуя рутинному пути къ какому привыкли. Это несчастіе, а не вина полиціи что въ средѣ ея нѣтъ человѣка со свѣтлыми умомъ, то-есть такого который въ важныхъ случаяхъ возвысился бы надъ обычными способами и пошелъ по собственному пути. Въ составѣ полиціи были такіе люди, отъ природы одаренные способностью умственнаго анализа, который можетъ разложить тайну на составные ея элементы и найти ключъ на дѣлѣ, какъ бы далеко ни пришлось уклониться отъ обычныхъ способовъ сужденія. Но эти люди или перемерли или повыходили въ отставку. Одинъ изъ нихъ былъ бы неоцѣненъ для васъ въ томъ дѣлѣ съ которымъ вы меня познакомили. Если вы не общаетесь въ вашей увѣренности въ невинности молодой особы, то найти человѣка похитившаго банковый билетъ будетъ очень нелегко. По моему мнѣнію есть только одинъ человѣкъ въ Лондонѣ который вѣроятно будетъ въ состояніи оказать вамъ хотя нѣкоторое содѣйствіе, и этотъ человѣкъ не принадлежитъ къ составу полиціи.

— Кто это такой? спросилъ мистеръ Трой.

— Старый негодяй, занимавшійся когда-то такими же юридическими дѣлами какъ вы, отвѣчалъ его другъ.—Вы можете-быть даже помните его, его зовутъ „Старый Шаронъ“.

— Какъ! Мошенникъ который много лѣтъ тому назадъ былъ исключенъ изъ списковъ атторнеевъ? Онъ еще живъ?

— Живъ и благоденствуетъ. Онъ живетъ во дворѣ или въ переулкѣ прилегающемъ къ Лонгъ-Акру и даетъ совѣты людямъ заинтересованнымъ въ отысканіи всякаго рода пропажъ. Если у васъ пропала жена или портсигаръ, старый Шаронъ можетъ быть одинаково вамъ полезенъ. Онъ имѣетъ врожденную способность разгадывать загадки въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ. Словомъ онъ обладаетъ тою способностью къ анализу, о которой я только-что упомянулъ. Если вы думаете что стоить попробовать обратиться къ нему, у меня въ конторѣ есть его адресъ.

— Можно ли вѣрить такому человѣку? возразилъ мистеръ Трой.—Онъ навѣрно обманетъ меня.

— Вы совершенно ошибаетесь. Со времени своего искаженія старый Шаронъ постигъ что прямой путь во всякомъ случаѣ лучший даже въ собственныхъ интересахъ. Плата за его совѣтъ одна гиней и онъ напередъ даетъ подписанную смѣту дополнительныхъ расходовъ если таковые понадобятся. Я могу сообщить вамъ (разумѣется совершенно между нами) что мои сослуживцы пользовались его совѣтомъ въ одномъ правительственномъ дѣлѣ въ которомъ полиція ничего не могла сдѣлать. Мы разумѣется обратились къ нему чрезъ посредство надежныхъ лицъ, на которыхъ могли положиться что они не выдадутъ источника своихъ свѣдѣній; и оказалось что совѣтъ старой ракальи стоилъ того чтобы за него заллатить. Но очень можетъ быть что онъ не будетъ имѣть такого же успѣха въ вашемъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ попробуйте обратиться къ содѣйствию полиціи; въ случаѣ же безуспѣшности у васъ останется послѣднее средство—обратиться къ Шарону.

Такой совѣтъ согласовался съ профессиональною осторожностью мистера Трой. Онъ отправился въ Вайтгольд и обратился къ слѣдственной полиціи. Офіціальныя агенты тотчасъ же пришли къ заключенію свойственному людямъ посредственныхъ способностей, къ заключенію что кража сдѣлана Изабелой.

Дѣйствуя въ этомъ убѣжденіи полиція отправила опытную женщину въ домъ леди Лидіардъ пересмотрѣть платья и вещи бѣдной дѣвушки прежде нежели онѣ были упакованы для отсылки къ ней въ домъ ея тетки. Поиски ни къ чему не привели. Изъ числа вещей, тѣ которыя имѣли какую-нибудь цѣнность были подарками леди Лидіардъ. Никакихъ счетовъ ювелировъ или золотыхъ дѣлъ мастеровъ не было найдено въ ея конторкѣ. Никакого признака тайной расточительности въ нарядахъ. Послѣ этой неудачи полиція рѣшила частнымъ образомъ слѣдить за Изабелой. Не было ли у нея расточительнаго возлюбленнаго которому грозило разореніе безъ помощи лятисотъ фунтовъ. Леди Лидіардъ (согласившаяся на розыски только подъ давленіемъ настоятельныхъ убѣжденій мистера Трой) отвергла это остроумное измышленіе какъ оскорбительное. Она объявила что если за Изабелой станутъ слѣдить, дѣвушка тотчасъ же узнаетъ объ этомъ отъ нея самой. Полицейскіе агенты выслушали это съ покорностью и достоин-

ствомъ и перемѣнили пламя. Большее или меньшее подозрѣніе (говорили они) всегда ладаетъ на слугъ. Не позволить ли леди Лидіардъ произвести тайное дознаніе о характерѣ и предшествовавшей жизни служащихъ въ домѣ? Леди Лидіардъ тотчасъ же воспротивилась этому въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ. Послѣ того инспекторъ полиціи пожелалъ переговорить съ мистеромъ Трой.

— Воръ несомнѣнно принадлежитъ къ числу лицъ живущихъ въ домѣ леди Лидіардъ, замѣтилъ агентъ своимъ вѣжливо-настоячивымъ тономъ. — Если миледи настоятельно отказываетъ намъ въ производствѣ необходимаго разслѣдованія, то у насъ связаны руки и дѣло должно прекратиться не по нашей винѣ. Если же леди Лидіардъ измѣнитъ свое мнѣніе, можетъ-быть вы черкнете мнѣ объ этомъ строчку другую, сэръ. До свиданья.

Такимъ образомъ попытка обратиться къ содѣйствію полиціи окончилась безуспѣшно. Единственнымъ результатомъ было близорукое мнѣніе чиновъ слѣдственнаго департамента что неоткрытымъ воромъ были или Изабела, или кто-нибудь изъ слугъ. Обдумывая это дѣло въ уединеніи своей конторы и вспоминая обѣщаніе данное Изабелѣ не оставлять неиспытаннымъ ни одного средства для доказательства ея невиновости, мистеръ Трой видѣлъ что ему оставался единственный выборъ. Онъ взялъ перо и написалъ своему другу. Ему оставалось только рискнуть посоветоваться со старымъ Шарономъ.

Г Л А В А IX.

На слѣдующій день мистеръ Трой (взявъ съ собою Роберта Муди, какъ важнаго свидѣтеля) позвонилъ у низкой и грязной квартиры, гдѣ старый Шаронъ принималъ своихъ кліентовъ нуждавшихся въ его совѣтахъ.

Ихъ провели по лѣстницѣ въ заднюю комнату втораго этажа. Войдя въ комнату они увидѣли сквозь густое облако табачнаго дыма, небольшого, толстаго, лысаго, грязнаго старика сидѣвшаго въ креслѣ, одѣтаго въ изношенный фланелевый халатъ, съ коротенькою трубочкой во рту, съ молотомъ на кобѣняхъ и французскимъ романомъ въ рукахъ.

— По дѣлу? спросилъ старый Шаронъ грубымъ голосомъ

съ одышкой, устремая внимательно свои блестящие, наглые черные глаза на обоих посетителей.

— По дѣлу, отвѣчалъ мистеръ Трой, смотря на стараго негодая, залатавшаго честную профессію, такимъ образомъ какъ могъ бы смотрѣть на гадину которая внезапно очутилась у его ногъ.—Какая ваша цѣна за совѣтъ?

— Вы дадите мнѣ гиней, я вамъ дамъ полчаса времени.

При этихъ словахъ старый Шаронъ протянулъ свою немнѣтную руку черезъ поломанный испачканный чернилами столъ около котораго сидѣлъ.

Мистеръ Трой не взялъ бы тысячи фунтовъ чтобы прикоснуться къ этой рукѣ концами своихъ пальцевъ. Онъ положилъ гиней на столъ.

Старый Шаронъ разразился яростнымъ смѣхомъ, причемъ страннымъ образомъ хмурилъ свои брови и страшно раскрывалъ ротъ во всю ширину.

— Я не достаточно чистъ для васъ, а? проговорилъ онъ, ловидимому очень забавляясь.—Въ этой книгѣ описанъ грязный старикъ который немножко похожъ на меня.—Онъ приподнялъ свой французскій романъ.—Читали вы? Замѣчательная исторія, хорошо составлена. А, не читали? Вы удостоили пожаловать ко мнѣ. Не мѣшаетъ вамъ табачный дымъ? Мысли у меня живѣе пока я курю.

Респектабельная рука мистера Трой своимъ движеніемъ выразила согласіе соединенное съ протестомъ полнымъ достоинства.

— Ладно, сказалъ Шаронъ.—Теперь начинайте.

Онъ откинулся на спинку кресла и сталъ пускать дымъ, лѣживо прищуривъ глаза, какъ молсъ лежавшій у него на колѣняхъ. Въ эту минуту они дѣйствительно представляли любопытное сходство. Оба они казалось готовились, съ одинаково лѣживымъ видомъ, къ покойному сну.

Мистеръ Трой въ ясномъ и послѣдовательномъ разказѣ изложилъ обстоятельства при которыхъ пропалъ билетъ въ пятьсотъ фунтовъ. Когда онъ кончилъ, старый Шаронъ внезапно открылъ глаза. Молсъ внезапно открылъ глаза. Старый Шаронъ уставился на мистера Трой. Молсъ уставился на мистера Трой. Старый Шаронъ заговорилъ. Молсъ зарычалъ.

— Я знаю кто вы такой—вы юристъ. Не ужасайтесь! Я никогда прежде не видывалъ васъ, и не знаю вашего имени.

Я узналъ въ васъ юриста, когда услышалъ ваше изложеніе фактовъ. А это кто?

Произнося эти слова старый Шаронъ пытливо глядѣлъ на мистера Муди.

Мистеръ Трой представилъ Муди какъ надежнаго свидѣтеля, вполнѣ знакомаго съ обстоятельствами дѣла и съ охотой готоваго отвѣчать на всѣ отнесшіеся къ нему вопросы. Старый Шаронъ помогалъ, сильно потягивая дымъ изъ своей трубочки и крѣпко задумавшись.

— А, вотъ теперь-то, воскликнулъ онъ съ своею лорынистою манерой,—я доберусь до самаго корня дѣла.

Онъ протянулъ локти на столъ и началъ свой допросъ Муди. Несмотря на величайшее презрѣніе какое мистеръ Трой чувствовалъ къ старому негодю, онъ слушалъ съ изумленіемъ и восхищеніемъ, съ какимъ удивительнымъ искусствомъ каждый вопросъ былъ направляемъ къ достиженію предположенной цѣли. Въ четверть часа старый Шаронъ узналъ отъ свидѣтеля все, буквально все до мельчайшихъ подробностей, что только Муди могъ сообщить ему. Добравшись теперь, по его выраженію, до самаго корня дѣла, онъ положилъ трубку, съ мычаніемъ выразившимъ удовольствіе, и снова откинулся на спинку кресла.

— Что же? сказалъ мистеръ Трой,—составили вы свое мнѣніе о дѣлѣ?

— Да; я составилъ свое мнѣніе.

— Какое же?

Вмѣсто отвѣта старый Шаронъ таинственно подмигнулъ мистеру Трой и съ своей стороны предложилъ вопросъ.

— Вотъ что я вамъ скажу: очень васъ стѣснить расходъ въ десять фунтовъ?

— Это смотря по тому, отвѣчалъ мистеръ Трой,—на какой предметъ требуютъ эти деньги.

— Видите ли, сказалъ старый Шаронъ,—я могу сказать вамъ мое мнѣніе за вашу гонимую; но помните что это будетъ мнѣніе основанное на слухахъ, а вы какъ юристъ понимаете чего это стоить. Рискните израсходовать десять фунтовъ, говоря англійскимъ языкомъ, заплатите ихъ за мое время и труды въ запутанномъ сложномъ дѣлѣ, и я сообщу вамъ мнѣніе основанное на моей опытности.

— Говорите яснѣе, сказалъ мистеръ Трой. — Что вы обещаете сказать намъ если мы заплатимъ десять фунтовъ?

— Я обещаю назвать вамъ лицо или лица на которыхъ падаетъ подозрѣніе. И если вы пожелаете даже пользоваться моими услугами, я обещаю (прежде чѣмъ вы заплатите мнѣ еще хоть полпены) доказать что я правъ, схвативъ вора.

— Послушаемъ прежде ваше мнѣніе за гинеею, сказалъ мистеръ Трой.

Старый Шаронъ снова открылъ ротъ во всю ширину; смѣхъ его былъ еще громче и яростнѣе.

— Вы мнѣ нравитесь! сказалъ онъ мистеру Трой, — вы такъ чертовски любите ваши деньги. Боже! какъ вы должны быть богаты! Теперь слушайте. Вотъ мое мнѣніе за гинеею: подозрѣвайте въ этомъ дѣлѣ рѣшительно всякаго на кого только можете пасть подозрѣніе.

Муду, внимательно слушавшій, вздрогнулъ и перемѣнился въ лицѣ при этихъ словахъ. Мистеръ Трой казался совершенно разочарованнымъ и не старался скрывать этого.

— Это все? спросилъ онъ.

— Все? цинически повторилъ негодай. — Хорошъ юристъ! Что же еще я могу сказать когда я не увѣренъ что свидѣтель давшій мнѣ показаніе не ввелъ меня въ заблужденіе. Развѣ я говорилъ съ дѣвушкой и составилъ о ней собственное мнѣніе? Нѣтъ! Развѣ я былъ введенъ къ слугамъ (въ качествѣ бродяги, человека который чиститъ салоги или чего бы то ни было) и составилъ мое мнѣніе о нихъ? Нѣтъ! Я принимаю ваши мнѣнія на вѣру и говорю вамъ какъ бы я взялся за дѣло, еслибъ они были также моими мнѣніями, и это стоить гинее, чертовски стоить для такого богатаго человека какъ вы!

Логика стараго Шарона невольна произвела нѣкоторое дѣйствіе на мистера Трой. Взглядъ этотъ былъ согласенъ съ его собственнымъ — отрицать этого было нельзя.

— Еслибы даже я согласился на ваше предложеніе, сказалъ онъ, — я буду противъ того чтобы вы беспокоили молодую дѣвушку назойливыми вопросами, или могли быть введены въ качествѣ шпіона въ респектабельный домъ.

Старый Шаронъ сжалъ свои грязные кулаки и съ комическимъ нетерпѣніемъ барабанилъ ими по столу пока мистеръ Трой говорилъ.

— Какого чорта вы понимаете въ моемъ способѣ вести дѣла? разразился онъ, когда юристъ кончилъ. — Одинъ изъ

насъ двоихъ говоритъ какъ прирожденный идиотъ, и (замѣтите) это не я. Смотрите, ваша молодая дѣвица отправляется на прогулку и встрѣчаетъ грязнаго оборваннаго стараго нищаго—я и теперь похожъ на оборваннаго стараго нищаго, не правда ли? Хорошо. Старый бродяга поетъ и стонетъ, рассказываетъ длинную исторію, получаетъ отъ дѣвицы сикопитсовую монету, и тѣмъ временемъ узнаетъ ее со всѣхъ сторонъ также хорошо какъ еслибъ она была его произведеніемъ, и замѣтите! не одѣлавъ ей ни одного вопроса, и вмѣсто того чтобы докучать ей онъ еще сдѣлаетъ ее счастливою, давъ ей поводъ къ доброму дѣлу. Постойте! Я еще не покончилъ съ вами. Кто чиститъ вамъ сапоги? Смотрите!—Онъ сбросилъ своего молса съ колъязъ, нагнулся подъ столъ, снова появился со старымъ сапогомъ и банкой ваксы въ рукахъ и съ неистовымъ усердіемъ принялся чистить его.—Я, знаете ли, выхожу иногда прогуляться, долженъ же я принарядиться.—Продолжая работать, онъ принялся напѣвать сентиментальную лѣсню хорошо всѣмъ извѣстную въ Англіи въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія:

Всѣ пріятности въ ней вижу,
Какъ мила и какъ прекрасна,
Но моей она не будетъ,
Отдала другому сердце.
Тра-ла-ла-ла тра-ла-ла.

Люблю лѣсню о любви. Чистъ живѣе! Чистъ сильнѣе! пока не увижу свое прекрасное лицо въ сапогѣ какъ въ зеркалѣ. Ага! Вотъ славный, безобидный, веселый старикашка! поетъ и шутитъ за работой, и всѣмъ въ кухнѣ становится весело. Что вы скажете? Скажете ли: это чужой человѣкъ, не говорите съ нимъ слишкомъ откровенно? Вамъ будетъ стыдно за себя если вы вздумаете говорить такъ о бѣдномъ старикашкѣ который одною ногою уже стоитъ въ могилѣ. Добрая кухарка дастъ ему хорошій кусокъ на обѣдъ; лакей Джонъ пощипетъ для него что-нибудь изъ стараго платья. А когда онъ выслушаетъ все что ему нужно было слышать и не явится на слѣдующій день работать, что вы думаете будутъ говорить о немъ слуги? Скажутъ ли они: къ намъ приходилъ шпіонъ? Ага! Вы и теперь знаете что нѣтъ. Бѣднаго веселаго старикашку должно-быть зашибли на улицѣ, или лихорадка его схватила, а то такъ отправился на при-

ходское каадище—вотъ что будуть говорить въ людской. Испытайте меня въ вашей собственной кухнѣ и посмотрите сочтеть ли меня ваша прислуга за шпіона. Ну, ну, господи въриотъ! выкладывайте-ка десять фунтовъ и не будете больше терять драгоценнаго времени на разговоры объ этомъ предметѣ!

— Я подумаю и извѣщу васъ, сказалъ мистеръ Трой.

Старый Шаронъ захохоталъ яростнѣе прежняго и послѣднѣе заковыдалъ къ тому мѣсту гдѣ сидѣлъ Муди. Положивъ одну руку на плечо управляющаго онъ насмѣшливо указалъ другою на мистера Трой.

— Вотъ что, мистеръ Молчаливъ! Держите пари въ пять фунтовъ что я никогда больше не встрѣчусь съ этимъ юристомъ!

Молчаливо внимательный (кромѣ отвѣтовъ на разспросы) во все время свиданія Муди отвѣтилъ возможно кратко: „Я не держу пари“. Онъ не выказалъ неудовольствія по поводу фамильярности Шарона, и казалось ему даже правилась его острая болтовня. Старый лауъ казался произвелъ на него серьезное впечатлѣніе. Когда мистеръ Трой, подавая ему примѣръ, всталъ чтобъ идти, онъ продолжалъ сидѣть и смотрѣлъ на законника съ такимъ видомъ какъ будто ему жаль было расстаться съ атмосферой табачнаго дыма наполнявшаго грязную комнату.

— Имѣете вы сказать что-нибудь прежде чѣмъ мы уйдемъ? спросилъ мистеръ Трой.

Муди медленнѣе всталъ и посмотрѣлъ на стараго Шарона.

— Не теперь, сэръ, отвѣчалъ онъ, снова отворачиваясь послѣ минутнаго размышленія.

Старый Шаронъ по-своему объяснилъ взглядъ и отвѣтъ Муди. Онъ тотчасъ же отвелъ его въ другой уголъ комнаты.

— Вотъ что, началъ онъ шепотомъ.— Скажите мнѣ правду, по чести, знаете ли, вы такъ же богаты какъ этотъ юристъ?

— Разумѣется нѣтъ.

— Видите ли, для небогатаго человѣка я согласенъ на головишную цѣну. Если вы вдумаете вернуться и заплатить мнѣ изъ собственныхъ денегъ, съ васъ я возьму пять фунтовъ. Да, да. Подумайте-ка объ этомъ, подумайте!

— Ну что же? сказалъ мистеръ Трой, держа отворенную дверь въ ожиданіи своего слуги.

Когда Муди присоединился къ нему онъ оглянулся на Шарона. Старый плауъ снова устылся въ свое кресло, держа собаку на коѣнкахъ, трубку въ зубахъ и въ рукахъ французскій романъ; представляя ту же картину неряшливаго комфорта какую они увидѣли входя въ комнату.

— Добрый день, сказалъ мистеръ Трой съ высококомѣрною снисходительностью.

— Не мѣшайте мнѣ! возразилъ старый Шаронъ, поглощенный въ чтеніе.—Вы получаете все что слѣдовало за вашу гнию. Боже! какая прекрасная книга! Не мѣшайте мнѣ!

— Наглый негодяй! сказалъ мистеръ Трой когда они вышли съ Муди были снова на улицѣ. — Что это вздумалось моему другу рекомендовать его? Подумать чтобъ я рѣшился дать ему десять фунтовъ! Я считаю пропавшею даже гнию которую далъ ему.

— Прошу извинить меня, сэръ, сказалъ Муди, — а не вполнѣ согласенъ съ вами.

— Какъ! развѣ вы хотите сказать что помани его нареченіе оракула: подозрѣвайте рѣшительно волка на коге только можетъ пасть подозрѣніе. Какой вадоръ!

— Я не говорю что помалъ, сэръ. Но эти слова заставили меня задуматься.

— Задуматься о чемъ? Вы подозрѣваете кто именно совершилъ кражу?

— Простите меня великодушно, мистеръ Трой, но я желалъ бы подождать прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Мистеръ Трой внезапно остановился и недоувѣрчиво посмотрѣлъ на своего спутника.

— Вы хотите пригласить на свой счетъ агента емскіой полиціи? спросилъ онъ.

— Нѣтъ ничего что бы я не рѣшился испытать чтобы помочь миссъ Изабелѣ въ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Муди твердо.—Я скопилъ на службѣ у леди Лидіардъ нѣсколько сотъ фунтовъ, и готовъ израсходовать ихъ все до послѣднего фардинга, есаубы могъ надѣяться открыть вора.

Мистеръ Трой снова пошелъ.

— Миссъ Изабелла повидимому имѣетъ въ васъ хорошаго друга, сказалъ онъ.

Онъ былъ (можетъ-быть безсознательно) нѣсколько оскорбленъ независимымъ тономъ какимъ говорилъ управленію-

кий послѣ того какъ она самъ приняла на себя заботу о возстановленіи добраго имени дѣвушки.

— Миссъ Изабела имѣетъ во мнѣ преданнаго слугу и раба! отвѣчалъ Муди съ порывомъ отраста.

— Охотно вѣрю и ничего не могу возразить противъ этого, проговорилъ мистеръ Трой.—Но не забудьте что у молодой особы кромѣ васъ есть и другіе преданные друзья. Я напримѣръ тоже преданный ея другъ. Я обѣщаю помочь ей и намѣренъ одержать слово. Вы простите меня если я прибавлю что моя опытность и осторожность можетъ быть не менѣе полезна чѣмъ вашъ энтузіазмъ. Я достаточно знаю свѣтъ чтобы съ разборомъ и осторожностью довѣряться постороннимъ людямъ. Вашъ это не повредить, мистеръ Муди, если и вы будете слѣдовать моему примѣру.

Мистеръ Муди принялъ этотъ упрекъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ и покорностью.

— Если вы имѣете предложить что-нибудь, сэръ, что послужило бы въ пользу миссъ Изабелѣ, сказалъ онъ,—я буду счастливъ оказать вамъ въ этомъ хоть бы ничтожную помощь.

— А если нѣтъ? спросилъ мистеръ Трой, сознавая при этомъ вопросѣ что не могъ ничего предложить.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, я долженъ буду поступить по-своему и не винить никого если не буду имѣть успѣха.

Мистеръ Трой не сказалъ болѣе ни слова. На ближайшемъ поворотѣ онъ расстался съ Муди.

Обсуждая про себя все происшедшее онъ рѣшилъ воспользоваться ближайшимъ случаемъ чтобы посѣтить Изабелу въ домѣ ея тетки, и предупредить ее при дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ мистеромъ Муди не слишкомъ полагаться на его осторожность. „Я угадываю, думалъ юристъ, что онъ хочетъ предпринять. Безразсудный простакъ пойдетъ опять къ старому Шарону!“

ГЛАВА X.

Возвратясь въ свою контору, мистеръ Трой нашелъ, въ числѣ ожидавшей его корреспонденціи, письмо отъ той самой особы забота о коей занимала главнѣйшимъ образомъ его мысли. Изабела Миллеръ писала въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Милостивый государь,—Тетка моя, миссъ Пивкъ, весьма желаетъ при первой возможности посоветоваться съ вами по дѣлу. Хотя Соутъ-Морденъ находится съ небольшимъ въ полчаса ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Лондона, миссъ Пивкъ не осмѣливается однакоже просить васъ посѣтить ее, слишкомъ хорошо зная какъ для васъ дорого время. Потому не будете ли вы такъ добры дать мнѣ знать когда вамъ будетъ удобно принять мою тетку въ вашей конторѣ въ Лондонѣ? Вѣрьте, милостивый государь, всегдашнему уваженію вашей Изабелы Миллеръ.

„P. S. Мнѣ поручено еще сообщить вамъ что предметомъ сѣйшаго будетъ прискорбное событіе происшедшее въ день леди Лидіардъ.“

Лужайка. Соутъ-Морденъ. Вторникъ.

Мистеръ Трой улыбнулся прочтя письмо. „Слишкомъ формально для молодой дѣвушки,“ подумалъ онъ про себя. „Каждое слово письма написано подъ диктовку миссъ Пивкъ.“ Онъ не долго раздумывалъ какъ поступить. Онъ видѣлъ настоятельную необходимость предостеречь Изабелу, и теперь представлялся удобный случай. Онъ послалъ за своимъ старшимъ клеркомъ и просмотрѣлъ списокъ свиданій назначенныхъ на этотъ день. Въ числѣ дѣлъ не было ничего такого что его клеркъ не могъ бы исполнить такъ же хорошо какъ онъ самъ. Мистеръ Трой справился съ росписаніемъ поѣздовъ, велѣлъ подавать экипажъ и съ ближайшимъ поѣздомъ выѣхалъ въ Соутъ-Морденъ.

Соутъ-Морденъ былъ въ то время (остался и до нынѣ) одною изъ тѣхъ первобытныхъ деревень, не затронутыхъ ходомъ новѣйшаго прогресса, какія еще попадаются въ ближайшемъ сосѣдствѣ Лондона. Только тихіе поѣзды останавливались здѣсь на станціи, и дѣла было такъ мало что начальникъ станціи со сторожемъ разводили цѣпты на дебаркадерѣ и воспитывали маленькихъ гадюкъ на окнахъ пассажирской комнаты. Обратившись спиной къ желѣзной дорогѣ и идя вдоль единственной улицы Соутъ-Мордена, вы очутитесь какъ бы въ старой Англіи за два столѣтія назадъ. Коттеджи старинной постройки съ плотно притворенными окнами; свиньи и куры спокойно прогуливающимся по дорогѣ; почтенная церковь окруженная тѣнистымъ кладбищемъ; бакалейная лавка, гдѣ продается все что угодно, и

масная лавка, гдѣ ничего не продается; немногочисленные жители которые любятъ позвать на прохожаго, и немные ребятинки представляющіе картину неоправданнаго здоровья; блестяще убраныя съ бадней у обществаннаго колодца и стукъ падающихъ кеглей на заднемъ дворѣ трактира; прудъ для лошадей на небольшой открытой площадкѣ и старый вѣкъ съ деревянными скамьями вокругъ на другомъ открытомъ мѣстѣ—вотъ что можно было видѣть и слышать въ Соутъ-Морденѣ, проходя вдоль по деревнѣ.

Въ разстояніи около полумили за послѣднимъ старымъ коттеджемъ снова встрѣчалась новая Англія въ видѣ ряда небольшихъ виллъ, выстроенныхъ предприимчивымъ лондонскимъ строителемъ, купившимъ здѣсь землю за безцѣнокъ. Каждая вила окружена была особымъ садикомъ, примыкавшимъ къ каменистой дорогѣ, за которою шла поля, ограниченныя поросшими лѣсомъ холмами. Въ солнечный день эти виллы непріятно блестяли красотою новаго кирпича и каждая назойливо представляла вашему вниманію свое безсмысленное названіе начертанное яркими красками на косякѣ воротъ. Справляясь съ этими надписями мистеръ Трой въ свое время дошелъ до виллы называвшейся „Лужайка“, повидимому оттого что предъ домомъ была маленькая круглая куртилка поросшая травой. Такъ какъ ворота оказались закрытыми, то онъ позвонилъ.

Впущенный нарядною, опрятною и застѣвчивою маленькою служанкой мистеръ Трой оглянулся вокругъ въ молчаливомъ изумленіи. Куда бы онъ ни обратилъ свои взоры повсюду встрѣчала его прибитая на дощечкѣ или написанная на стѣнѣ инструкція для посѣтителей, воспрещавшая дѣлать одно, предписывавшая другое, по мѣрѣ перехода отъ воротъ къ дому. Въ сторонѣ куртилки надпись на дощечкѣ предостерегала его что онъ не долженъ ходить по травѣ. Съ другой стороны нарисованная рука указывала вдоль стѣны на надпись предварявшую что слѣдуетъ идти въ этомъ направленіи если желаютъ попасть въ кухню. Предъ крыльцомъ на площадкѣ усыпанной гравіемъ надпись аккуратно выложенная изъ мелкихъ бѣлыхъ раковинокъ напоминала ему „не забыть снять калоши“. Надпись свинцовыми буквами на стулѣнкѣ крыльца приглашала его словами „добро пожаловать!“ На коврѣ въ стѣнѣ большія черныя буквы остановили его вниманіе приглашая „чистить

ноги". Даже вѣшаекъ въ передней не было дозволено говорить самой за себя, надъ ней была надпись: „для плащъ и верхняго платья," другая надпись въ повелительномъ тонѣ выражалась касательно мокрыхъ зонтиковъ: „ставьте здѣсь!"

Передавъ нарядной маленькой служанкѣ овою карточку, мистеръ Трой приглашаемъ былъ войти въ приемную нижняго этажа. Онъ не имѣлъ еще времени осмотрѣться какъ внутренняя дверь отворилась и въ комнату на цыпочкахъ вошла Изабела. Она имѣла видъ утомленный и встревоженный. Когда она пожимала руку старому юристу онъ не видѣлъ на лицѣ ея хорошо памятной ему бывшей очаровательной улыбки.

— Не говорите что вы видѣли меня, прошептала она.— Я не имѣю права входить въ комнату пока тетушка не позоветъ меня. Прежде чѣмъ я убѣгу скажите мнѣ эти вещи. Какъ поживаетъ леди Лидіардъ? и нашли ли вы вора?

— Леди Лидіардъ чувствовала себя хорошо когда я въ послѣдній разъ видѣлась съ нею; въ розыскахъ же нашихъ до сихъ поръ мы еще не имѣли успѣха.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на предложенные вопросы мистеръ Трой рѣшилъ, воспользовавшись случаемъ, предупредить Изабелу касательно управляющаго.

— Одинъ вопросъ съ моей стороны, оказалъ онъ удерживая ее за руку.— Ожидаете ли вы что Муди посѣтитъ васъ здѣсь?

— Я *уверена* что онъ будетъ у меня, сказала Изабела съ чувствомъ.— Онъ обѣщалъ пріѣхать вслѣдствіе моей настоятельной просьбы. Я не подозрѣвала какое у него доброе сердце, пока это несчастье не обрушилось на меня. Моя тетушка, которая не легко сходится съ чужими, почувствовала къ нему восторженное уваженіе. Не могу передать вамъ какъ внимателенъ онъ былъ ко мнѣ на пути сюда и съ какою добротой и благородствомъ онъ говорилъ при прощаньи.— Она замолчала и отвернулась. На глазахъ ея показались слезы.— Въ моемъ положеніи, проговорила она слабымъ голосомъ,—становишься особенно чувствительною къ добрымъ отношеніямъ. Не безпокойтесь обо мнѣ, мистеръ Трой.

Юристъ помолчалъ нѣсколько минутъ чтобы дать ей оправиться.

— Я совершенно согласенъ, другъ мой, съ вашимъ мнѣ-

ніемъ касательно Муди, началъ онъ.—Въ то же время я считаю долгомъ предупредить васъ что его рвеніе послужить вамъ можетъ вывести его за предѣлы осторожности. Онъ можетъ слишкомъ увлечься кажущеюся возможностью проникнуть въ тайну какою окружена пропажа денегъ и, если вы не будете осторожны, можетъ возбудить въ васъ ложныя надежды. Во всякомъ случаѣ вы можете принять къ свѣдѣнію всякій советъ какой онъ можетъ вамъ дать; но прежде чѣмъ вы рѣшитесь принять окончательно его мнѣніе, посоветуйтесь съ моею старою опытностію, и послушайте того что я вамъ окажу по этому поводу. Не думайте что я пытаюсь воевать въ васъ недоустріе къ этому доброму другу, прибавилъ онъ, замѣтивъ что Изабелла гадить на него съ недовольнымъ изумленіемъ.—Я только предостерегаю васъ что рвеніе Муди быть вамъ полезнымъ можетъ увлечь его на ложный путь. Понимаете вы что я хочу указать?

— Да, сэръ, холодно отвѣтила Изабелла;—я васъ повиная. Теперь позвольте мнѣ уйти. Тетунка сейчасъ выйдетъ и не должна застать меня здѣсь.

Съ холодно почтительнымъ поклономъ она вышла изъ комнаты.

„Это въ награду за всѣ старанія связать двѣ идеи въ головѣ дѣвушки!“ подумалъ мистеръ Трой, оставшись одинъ. „Дурочка повидимому думаетъ что я завидую мѣсту какое занимаетъ Муди въ ея расположеніи. Какъ бы то ни было я исполнилъ свой долгъ и не могу сдѣлать ничего болѣе!“

Онъ окинулъ глазами комнату. Ни одинъ стулъ не былъ сдвинутъ съ мѣста, не говоря уже о томъ что на нихъ не было ни пылинки. Столъ былъ отполированъ такъ что на него больно было смотрѣть; украшенія на немъ имѣли такой видъ какъ будто ихъ не касалась рука ни одного смертнаго; фортепiano было вещью кою можно было любоваться издали, а не инструментомъ для игры; видъ ковра заставилъ мастера Трой съ нервною дрожью взглянуть на подошвы своихъ сапогъ, а диванъ (защищенный бѣлыми вязанными лакидами) казалось говорилъ всѣми словами: „Сядьте на меня если осмѣлитесь!“ Мистеръ Трой подошелъ къ книжному шкафу стоявшему въ дальнемъ углу комнаты. Книги были въ такомъ совершенствѣ и такъ плотно разставлены на полкахъ что не малаго труда стоило вынуть

одну изъ нихъ. Когда онъ наконецъ уловилъ въ этомъ онъ увидѣлъ что въ рукахъ у него была Исторія Англіи. На оберткѣ онъ встрѣтилъ новое письменное предостереженіе: „Книга эта принадлежитъ учебному заведенію для дѣвицъ миссъ Пинкъ и не должна быть уносима изъ бібліотеки.“ Годъ сопровождавшій эту надпись указывалъ что она была одѣлана десять лѣтъ тому назадъ. Оказывалось такимъ образомъ что миссъ Пинкъ бывшая школьная учительница, и мистеръ Трой началъ понимать нѣкоторыя изъ характеристическихъ особенностей ея жизни которыя до того времени ставили его въ тупикъ.

Только что удалось ему поставить книгу на мѣсто какъ дверь снова отворилась и тетка Изабелла вошла въ комнату.

Еслибы миссъ Пинкъ по какимъ-нибудь обстоятельствомъ таинственно исчезла изъ своего дома, полиція была бы поставлена въ величайшее затрудненіе въ виду необходимости составить описаніе примѣтъ пропавшей особы. Самый тонкій наблюдатель не могъ бы подмѣтить ничего выдающагося или характеристическаго въ ея наружности. Пишущій эти строки въ отчаяніи вынужденъ изобразить ея портретъ рядомъ отрицаній. Она была ни молода, ни стара, не высокаго и не низкаго роста, не толста и не худощава; никто бы не могъ назвать черты ея лица привлекательными, равно какъ никто бы не назвалъ ее безобразною; въ ея голосѣ, выраженіи, манерѣ или одеждѣ не было ничего что хотя бы малѣйшимъ образомъ отличалось отъ голоса, выраженія, манеры и одежды латисотъ тысячъ другихъ незамужнихъ особъ ея возраста и положенія въ свѣтѣ. Еслибы попросить ее чтобы она сама характеризовала себя, она отвѣтила бы: „я благородная дѣвица“; еслибы вы простирали свои разспросы далѣе, желая узнать какимъ изъ своихъ многочисленныхъ талантовъ она дорожитъ всего болѣе, она отвѣчала бы: „искусствомъ вести разговоръ“. Кромѣ того она была миссъ Пинкъ изъ Соутъ-Мордена; и сказавъ это мы сказали о ней все.

— Прощу садиться, сэръ. Сегодня прекрасный день послѣ продолжительной сырой погоды. Говорятъ что такое время года неблагоприятно для шпалерныхъ плодовыхъ деревьевъ. Не могу ли я предложить вамъ подкрѣпиться чѣмъ-нибудь послѣ вашего путешествія?

Въ такихъ выраженіяхъ и самымъ главнымъ голосомъ миссъ Пинкъ начала разговоръ.

Мистеръ Трой въ своемъ вѣжливомъ отвѣтѣ сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о красотѣ окрестностей. Даже юристъ не могъ сидя въ присутствіи миссъ Пинкъ и слушающая разговоръ не чувствовать себя обязаннымъ „быть лавинкой“, какъ говорятъ няньки.

— Очень любезно съ вашей стороны, мистеръ Трой, что вы почтили меня вашимъ посѣщеніемъ, продолжала миссъ Пинкъ. — Я хорошо знаю какъ дорого время для дѣловыхъ людей и потому буду просить васъ извинить меня если я послѣшу перейти къ предмету по поводу котораго я желала посоветоваться съ вашею опытностью.

При этихъ словахъ миссъ Пинкъ скромно разгладила свое платье на коѣтикахъ, а юристъ поклонился. Доведенный до высокаго совершенства разговоръ миссъ Пинкъ имѣлъ можетъ-статься одинъ недостатокъ—выражался точно, онъ вовсе не былъ разговоромъ. На слушателей онъ производилъ скорѣе впечатлѣніе чтенія вслухъ бойко написаннаго условно вѣжливаго письма.

— Обстоятельства при которыхъ моя племянница Изабелла оставила домъ леди Лидіардъ, продолжала миссъ Пинкъ,—такъ невыразимо грустны, скажу болѣе, такъ глубоко прискорбны, что я запретила ей упоминать о нихъ въ моемъ присутствіи и разказывать о нихъ на будущее время кому-нибудь кромѣ меня. Обстоятельства эти вамъ извѣстны, мистеръ Трой, и вы поймете мое негодованіе когда я въ первый разъ узнала что дочь моей сестры подозрѣвается въ воровствѣ. Я не имѣю чести знать леди Лидіардъ. Она не графиня кажется? Да, да. Мужъ ея былъ только баронъ. Я не знакома съ леди Лидіардъ и не рѣшаюсь высказать что я думаю о ея поведеніи въ отношеніи моей племянницы.

— Извините меня, сударыня, прервалъ ее мистеръ Трой. — Прежде чѣмъ вы скажете еще что-нибудь о леди Лидіардъ, я долженъ просить позволенія замѣтить...

— Простите, въ свою очередь перебила его миссъ Пинкъ. — Но я никогда не дѣлаю послѣднихъ заключеній. Поведеніе леди Лидіардъ не можетъ быть оправдано никакою защитой, какъ бы искусна она ни была. Вы можетъ-быть не знаете, сэръ, что принимая въ свой домъ мою племянницу, леди

Лидіардъ приняла дѣвицу благородную и по рожденію и по воспитанію. Она была моею покойною сестрою моею бывшею дочью священника англійской церкви. Едва ли мнѣ сдается напоминать вамъ что въ этомъ качествѣ она можетъ быть названа леди. При благопріятныхъ обстоятельствахъ для Изабелы со стороны матери могъ бы быть архіепископомъ Кентерберійскимъ и имѣлъ бы первенство предъ всею пматой перовъ, за исключеніемъ только принцевъ королевской крови. Я не рѣшусь утверждать чтобы со стороны отца племянница моя имѣла такое же хорошее родство. Сестра моя изумила, я не хочу сказать огорчила насъ выйдя замужъ за аптекаря. Хотя аптекарь не то что простой торговецъ; онъ джентльменъ стоящій на одномъ концѣ медицинской профессіи, какъ имѣющій степень доктора стоитъ на другомъ ея концѣ. Вотъ и все. Приглашая Изабелу жить у нея, леди Лидіардъ, повторяю, обязана была помнить что у нея будетъ жить благородная молодая дѣвица. Она не помнила этого — это первое оскорбленіе; она заповѣрила мою племянницу въ воровствѣ—это второе.

Миссъ Пикъ остановилась чтобы перевести духъ. Мистеръ Трой сдѣлалъ вторую попытку быть услышаннымъ.

— Не позволите ли вы мнѣ, сударыня, оказать два слова?

— Нѣтъ, сказала миссъ Пикъ, выказывая величайшее упрямство подъ самою мягкою и вѣжливую формой.—Время ваше, мистеръ Трой, поистинѣ сляшкомъ драгоценно! Даже вашъ высокій умъ не въ состояніи оправдать поведеніе которое очевидно не имѣетъ оправданія. Теперь когда вамъ извѣстно мое мнѣніе о леди Лидіардъ, вы не удивитесь услышавъ что я отказываюсь довѣрять ея лордству. Онъ можетъ производить или нѣтъ необходимое разслѣдованіе для восстановленія добраго имени моей племянницы. Но въ дѣлѣ такомъ серіозномъ, касающемся могу сказать моего долга относительно памяти моей сестры и родныхъ, я не остаю отвѣтственности на леди Лидіардъ. Я возьму ее на себя. Позвольте мнѣ прибавить что я въ состояніи буду уличивать необходимые расходы. Ранніе годы моей жизни, мистеръ Трой, были посвящены воспитанію молодыхъ дѣвъ. Я имѣла счастье заслужить довѣріе родителей и строго соблюдала золотое правило экономіи. Оставивъ заглавія я была въ состояніи помѣстить мой скромный, очень скромный

капиталъ въ сохранныю кассу. Часть его къ услугамъ моей племянницы для возстановленія ея добраго имени, и я желала бы передать производство разслѣдованія въ ваши руки. Вы знакомы съ дѣломъ и оно естественно должно быть поручено вамъ. Я не рѣшилась бы, поистинѣ я не могла бы рѣшиться разказать о немъ постороннему. Вотъ дѣло по поводу котораго я желала посоветоваться съ вами. Пожалуйста не говорите ничего болѣе о леди Лидіардъ—предметъ этотъ невыразимо для меня неприятенъ. Я оемѣлюсь обратиться къ вашей добротѣ, прося васъ оказывать только, удалось ли мнѣ выразить мою мысль въ понятной формѣ.

Миссъ Пинкъ отклонилась къ спинкѣ кресла въ точности на такой уголъ какой дозволенъ законами приличія; положила лѣвый локоть на лодонь правой руки и слегка подперла пальцами щеку. Въ такомъ положеніи она ожидала отвѣта мистера Трой—живое олицетвореніе упрямства въ самой респектабельной формѣ.

Еслибы мистеръ Трой не былъ юристомъ, другими словами еслибы онъ не имѣлъ способности настойчиво преслѣдовать собственную дѣль, не взирая на всевозможныя неудачи и затрудненія, миссъ Пинкъ продолжали бы невозмутимо оставаться при собственномъ мнѣніи. Но теперь мистеръ Трой достигъ наконецъ того чтобъ его выслушали; и миссъ Пинкъ суждено было узнать другую сторону дѣла, какъ бы упрямо она ни закрывала на нее глаза.

— Я крайне обязанъ вамъ, сударыня, за выраженіе вашего довѣрія ко мнѣ, началъ мистеръ Трой;—въ то же время я долженъ просить васъ простить меня если я откажусь принять ваше предложеніе.

Миссъ Пинкъ не ожидала такого отвѣта. Последшій отказъ юриста причинилъ ей досаду и изумленіе.

— Почему вы отказываетесь помочь мнѣ? спросила она.

— Потому, отвѣчалъ мистеръ Трой,—что мои услуги уже обшцаны, въ интересѣ миссъ Изабелы, другому кліенту, дѣлами котораго я занимаюсь уже болѣе двадцати лѣтъ. Кліентъ этотъ...

Миссъ Пинкъ не дала ему договорить.

— Вамъ нѣтъ надобности безпокоиться называть имя вашего кліента, сказала она.

— Кліентъ этотъ, настойчиво продолжалъ мистеръ Трой,—горячо любить Изабелу...

— Объ этомъ можно имѣть разныя мнѣнія, слова перебила миссъ Пинкъ.

— И вѣрнѣе въ невинность миссъ Изабелы, продолжалъ не сдававшійся юристъ,—такъ же твердо какъ вы.

— Если леди Лидіардъ вѣрнѣе невинности моей племянницы, сказала миссъ Пинкъ внезапно выпрямившись на своемъ креслѣ,—почему же моя племянница, изъ уваженія къ себѣ, вынуждена была оставить домъ леди Лидіардъ?

— Вы согласитесь, сударыня, отвѣчалъ осторожно мистеръ Трой,—что мы всѣ въ этомъ испорченномъ мірѣ можемъ стать жертвой кажущихся обстоятельствъ. Ваша племянница сдѣлалась жертвой ихъ, невинною жертвой. Она благоразумно удалалась изъ дома леди Лидіардъ до тѣхъ поръ пока не будетъ доказана ложность этихъ кажущихся обстоятельствъ и положеніе ея въ этомъ домѣ не будетъ восстановлено.

У миссъ Пинкъ было готовое возраженіе.

— Другими словами, это значитъ признать что на мою племянницу падаетъ подозрѣніе. Я женщина, мистеръ Трой, но даже и меня не легко обмануть, какъ вы повидимому предполагаете.

Мистеръ Трой обладалъ замѣчательною выдержкой. Но и онъ начиналъ сознавать что способность миссъ Пинкъ вывести человека изъ терпѣнія могла возымѣть свое дѣйствіе.

— Мнѣ не приходило въ голову намѣреніе обманывать васъ, горячо возразилъ онъ.—Что же касается вашей племянницы, то съ тѣхъ поръ какъ я знаю леди Лидіардъ мнѣ никогда не случалось видѣть ее такъ разстроенною какъ въ то время когда миссъ Изабела оставалась ея домъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала миссъ Пинкъ съ недовѣрчивою улыбкой.—Въ обществѣ къ которому принадлежу я, когда мы беспокоимся о комъ-нибудь, мы стараемся по возможности утѣшить этого человека письмомъ или слѣшамъ посѣтить его. Но вѣдь я не графиня.

— Леди Лидіардъ въ моемъ присутствіи общалась навѣстити миссъ Изабелу, сказалъ мистеръ Трой.—Леди Лидіардъ одна изъ великодушнѣйшихъ женщинъ въ мірѣ!

— Леди Лидіардъ пріѣхала! раздался веселый голосъ за дверью.

Въ то же мгновеніе Изабела стремительно вбѣжала въ

комнату, въ своемъ возбужденномъ состояніи не замѣчая грознаго присутствія миссъ Пинкъ.

— Простите, тетюшка! Я была на верху у окна и увидѣла что у воротъ остановилась карета. Томми тоже пріѣхалъ! Милый, какъ увидѣлъ меня въ окно! восклицала бѣдная дѣвушка и глаза ея сіяли восторгомъ, когда среди толпы лошадиныхъ копытъ и шума колесъ раздавался лай собаки.

Миссъ Пинкъ медленна встала съ такимъ достоинствомъ какое могло быть прилично для встрѣчи не только одной леди, но и всѣхъ перовъ Англіи.

— Успокойся, другъ мой Изабела, проговорила она.— Благослитанная дѣвица никогда не должна позволять себѣ неумѣренныхъ восторговъ. Стань около меня съ боку, немного позади.

Изабела повиновалась. Мистеръ Трой остался на мѣстѣ и внутренно радовался своему торжеству надъ миссъ Пинкъ. Еслибы леди Лидіардъ была съ нимъ въ заговорѣ, она не могла бы выбрать болѣе удобнаго времени для своего посѣщенія. Послѣ минутнаго ожиданія, карета подкатила къ дверямъ; послышался стукъ лошадиныхъ копытъ по гравію; колокольчикъ громко зазвонилъ; Томми освобожденный изъ кареты и рвавшійся на свободу удвоилъ свой хриплый лай. Никогда еще такое безпорядочное смѣшеніе звуковъ не нарушало спокойствія вицлы миссъ Пинкъ!

Г Л А В А XI.

Нарядная маленькая служанка выбѣжала на верхъ изъ своей скромной маленькой кухни, смущенная необходимостью отворить дверь. Миссъ Пинкъ, оглушенная лаемъ, только-что успѣла проговорить: „какая неблаговоспитанная собака,“ какъ шумъ отъ паденія мелкихъ предметовъ въ прихожей и неистовое скребетанье когтей по клеенкѣ возвѣстали вторженіе Томми въ домъ. Когда появилась служанка, провожая леди Лидіардъ, вбѣжала и собака. Она порывисто бросилась на Изабелу и безъ смѣнѣнія сшибла бы ее съ ногъ еслибы та не успѣла свѣсть на стоявшій позади ея стулъ. Принятое на колѣни преданное животное едва не задушило ее своими лапами. Собака даяла и виз-

жала отъ радости что снова видѣла Изабелу. Соскочивъ съ колѣней она со всѣхъ ногъ принялась бѣгать вокругъ комнаты и каждый разъ пробѣгая мимо миссъ Пинкъ выставляла два ряда своихъ бѣлыхъ зубовъ и лыталась ухватить ее за щикоки. Истощивъ наконецъ избытокъ своей энергии она опять вскочила на колѣни къ Изабелѣ, высунувъ трепещущій языкъ, медленнно помахивая хвостомъ и устремивъ на миссъ Пинкъ взглядъ который казалось спрашивалъ: какъ ей нравится присутствіе собаки въ ея гостиной?

— Надѣюсь что моя собака не обезпечила васъ, сударыня? сказала леди Лидіардъ приближаясь отъ двери, гдѣ она стояла выжидая пока утихнетъ бѣшеная радость Томми.

Миссъ Пинкъ, колебаясь между ужасомъ и негодованіемъ, встрѣтила вѣжливый вопросъ леди Ледіардъ церемоннымъ поклономъ и отвѣтомъ въ которомъ заключался упрекъ полный достоинства.

— Ваша собака, миледи, кажется не вполне благовоспитанное животное.

— Благовоспитанное? повторила леди Лидіардъ, какъ будто это выраженіе было совершенно непонятно для нея.—Вѣроятно вамъ мало случалось имѣть дѣла съ собаками, сударыня.—Она повернулась къ Изабелѣ и вѣжно поцѣловала ее.—Поцѣлуй меня, дорогая, ты не знаешь какъ я была несчастна съ тѣхъ поръ какъ ты меня оставила.—Она опять взглянула на миссъ Пинкъ.—Вы можетъ-быть не знаете, сударыня, какъ привязана моя собака къ вашей племянницѣ. Многіе изъ великихъ людей (имена которыхъ я не могу припомнить въ настоящую минуту) говорятъ что любовь собаки есть самая трогательная и безкорыстная изъ земныхъ привязанностей.—Обратясь въ другую сторону она увидѣла юриста.—Какъ поживаете, мистеръ Трой? пріятная неожиданность встрѣтить васъ здѣсь. Домъ мой сталъ такъ мраченъ безъ Изабелы что я рѣшительно не могла противиться желанію поскорѣе увидѣть ее. Когда вы больше привыкнете къ Томми, миссъ Пинкъ, вы полюбите его. Ты понимаешь и любишь его, дитя мое, не правда ли? Ты смотришь не совсѣмъ хорошо. Я возьму тебя съ собой какъ только лошади отдохнутъ. Мы никогда не будемъ счастливы другъ безъ друга.

Окончивъ свои привѣтствія, выразивъ свои чувства и защитивъ свою собаку—по обыкновенію все заразъ, не пере-

вода духа, леди Лидіардъ съѣла около Изабелы и раскрыла большой зеленый вѣтеръ висѣвшій у нея на цѣпочкѣ у пояса.

— Вы не можете себя представить, миссъ Пинкъ, какъ толстые люди страдаютъ въ жаркую погоду, проговорила леди Лидіардъ усердно махая своимъ вѣтромъ.

Миссъ Пинкъ скромно опустила глаза въ землю.

„Толстый“, можно ли употреблять такое грубое выраженіе и вообще прилично ли знатной дамѣ говорить объ избыткѣ мяса на своихъ костяхъ!

— Не могу ли я предложить вамъ что-нибудь, жеманно спросила миссъ Пинкъ,—не угодно ли вамъ чаю?

Леди Лидіардъ покача головой.

— Стаканъ водм?

Леди Лидіардъ отвергла послѣднее гостепріимное предложеніе восклицаніемъ выразившимъ отвращеніе.

— Нѣтъ ли у васъ пива? спросила она.

— Просту прѣстить меня, миледи, сказала миссъ Пинкъ, сомнѣваясь въ вѣрности показанія собственныхъ ушей.— Вы сказали—пива?

Леди Лидіардъ порывисто замахала своимъ вѣтромъ.

— Да, точно такъ! Пива! Пива!

Миссъ Пинкъ встала слегка поморщившись и позволила.

— Я думаю, Сусана, у васъ есть пиво въ кизу? сказала она когда дѣвушка появилась въ дверяхъ.

— Есть, миссъ.

— Принесите стаканъ для леди Лидіардъ, сказала миссъ Пинкъ продолжая внутренне протестовать.

— Принесите пиво въ кувшинъ, закричала леди Лидіардъ когда служанка уже скрылась за дверью.—Я люблю сама воспользоваться имъ, продолжала она обращаясь къ миссъ Пинкъ.— Иногда Изабела наливала мнѣ, когда была дома; не правда ли, другъ мой?

Миссъ Пинкъ выжидала случая заявить свои права на племянницу, послѣ того какъ леди Лидіардъ выразила намѣреніе взять Изабелу съ собою. Случай этотъ теперь представился.

— Простите меня, миледи, сказала она,—если я замѣчу что домъ моей племянницы находится подъ моею скромною кровлей. Я надѣюсь что умѣю должнымъ образомъ оценить

вашу доброту къ Изабелѣ; но пока она будетъ предметомъ оскорбительнаго недоразумѣнія, она останется у меня.

Леди Лидіардъ сердито захопнула свой вѣеръ.

— Вы совершенно ошибаетесь, миссъ Пинкъ. Вы, безъ сомнѣнія сами того не желая, выражаетесь въ высшей степени несправедливо, говоря что ваша племянница служить предметомъ подозрѣнія для меня или для кого бы то ни было въ моемъ домѣ.

Мистеръ Трой, слушавшій до того времени спокойно, теперь вмѣшался чтобы прекратить споръ прежде чѣмъ онъ могъ перейти въ личную ссору. Его тонкая наблюдательность и близкое знакомство съ характеромъ своего клямата, вполне открывали ему что происходило въ умѣ леди Лидіардъ. Войдя въ домъ она чувствовала (можетъ-быть безсознательно) ревность къ миссъ Пинкъ, наследовавшей послѣ нея расположеніе Изабелы и естественной покровительницы дѣвушки въ настоящихъ обстоятельствахъ. Въ добавокъ къ этому пріемъ оказанный миссъ Пинкъ ея собакой разсердилъ старую леди. Она находила злобное удовольствіе оскорблять щепетильное чувство приличія бывшей школьной учительницы и теперь была готова на новыя крайности по деликатному вопросу касательно права Изабелы оставить домъ тетки. Не говоря уже о другихъ причинахъ, ради самой Изабелы было чрезвычайно желательно поддержать мирныя отношенія между обѣими дамами. Имѣя въ виду эту добрую цѣль, мистеръ Трой воспользовался случаемъ въ первый разъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Простите меня, леди Лидіардъ, сказалъ онъ,—вы касаетесь предмета который былъ уже достаточно обсужденъ между миссъ Пинкъ и мною. Мнѣ кажется лучше намъ не останавливаться безплодно на событіяхъ прошлаго, а обратить наше вниманіе на будущее. Мы все одинаково увѣрены въ безупречномъ поведеніи миссъ Изабелы и одинаково интересуемся восстановленіемъ ея добраго имени.

Могли ли эти примирительныя слова сами по себѣ достигъ предполагаемой цѣли, въ этомъ можно сомнѣваться. Но когда онъ умолялъ явилось могущественное вспомогательное средство въ образѣ лива. Леди Лидіардъ схватила кувшинъ и вѣтвердою рукой наполнила кружку. Миссъ Пинкъ, дрожа за чистоту своего ковра и скандализованная

видомъ графини льющей ливо какъ прачка, позабыла рѣзкій отвѣтъ бывшій у нея на губахъ пока говорилъ юристъ.

— Молодо! сказала леди Лидіардъ ставя пустую кружку и отвоя это восклицаніе къ качеству лива.—Но очень вкусно и прохладительно. Какъ зовутъ нашу служанку? Сусана? Вотъ что, Сусана, я умираю отъ жажды; вы слали мнѣ живую. Оставьте кувшинъ, я надѣюсь опорожнить его прежде чѣмъ уйду.

Мистеръ Трой, наблюдавшій лицо миссъ Пинкъ, увидѣлъ что настало время снова переменить предметъ разговора.

— Замѣтили вы, миледи, старую деревню по дорогѣ сюда? спросилъ онъ.—Художники находятъ ее однимъ изъ живописнѣйшихъ мѣстъ во всей Англіи.

— Я замѣтила что это очень грязная деревушка, отвѣчала леди Лидіардъ все еще наклонная быть непріятною миссъ Пинкъ.—Художники могутъ говорить что угодно; я не вижу чѣмъ можно восхищаться въ гнилыхъ избушкахъ, дурномъ дремажѣ и невѣжественномъ народѣ. Кажется окрестности имѣютъ некоторые достоинства. На мой взглядъ онѣ скучны.

Изабела до сихъ поръ ограничивалась стараніемъ чтобы Томми спокойно сидѣлъ на ея колыбляхъ. Подобно мистеру Трой она случайно взглянула на тетку и сочла своимъ долгомъ въ отношеніи миссъ Пинкъ сдѣлать попытку защитить окрестности.

— О миледи! не говорите что окрестности скучны, сказала она умоляющимъ голосомъ.—Кругомъ вездѣ такіа прекрасныя мѣста для прогулокъ. А когда взойдешь на холмъ отсюда открывается превосходный видъ.

Отвѣтъ леди Лидіардъ, выразившій добродушное презрѣніе, былъ совершенствомъ въ своемъ родѣ. Она потрепала Изабелу по щекѣ и протворила только: „Ну! ну!“

— Миледи не восхищается красотою природы, замѣтила миссъ Пинкъ съ сострадательною улыбкой.—Съ лѣтами безъ сомнѣнія зрѣніе начинаетъ слабѣть...

— И перестаешь лицемѣрно восхищаться красотою природы, добавила леди Лидіардъ.—Я ненавижу деревню. Мнѣ нуженъ Лондонъ и удовольствія общества.

— Отдайте же справедливость и деревнѣ, леди Лидіардъ, вставилъ примирительно мистеръ Трой.—Внѣ Лондона также можно найти не мало общества, и самаго лучшаго общества.

— Такого напримѣръ, добавила миссъ Пикъ, — какое можно встрѣтить въ нашемъ сосѣдствѣ. Миледи повидимому неизвестно что насъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ жомѣстыя значительныхъ лицъ. Въ числѣ другихъ могу указать напримѣръ на досточтимого мистера Гардимана...

Леди Лидіардъ называвшая себя другою кружку лива внезапно омустила кувшинъ.

— О комъ вы говорите, миссъ Пикъ?

— Я говорю о нашемъ сосѣдѣ, леди Лидіардъ, досточтимомъ мистерѣ Гардиманѣ.

— Вы хотите сказать объ Альфредѣ Гардиманѣ который промышляетъ лошадьми?

— Объ извѣстномъ джельнтменѣ владѣльцѣ знаменитаго конскаго завода, сказала миссъ Пикъ, поправляя неучтиво прямую форму въ какой леди Лидіардъ предложила свой вопросъ.

— Бываетъ онъ здѣсь у кого-нибудь? Спросила леди Лидіардъ со внезапнымъ видомъ тревоги. — Вы знакомы съ нимъ?

— Я имѣла честь быть представлена мистеру Гардиману на послѣдней нашей цвѣточной выставкѣ, отвѣтила миссъ Пикъ. — До сихъ поръ онъ еще не почтилъ меня своимъ посѣщеніемъ.

Тревога леди Лидіардъ повидимому нѣсколько уменьшилась.

— Я знала что заводъ мистера Гардимана находится въ здѣшнемъ графствѣ, сказала она; — но я не имѣла понятія что онъ въ сосѣдствѣ Соутъ-Мордена. Какъ далеко до него, десять или двѣнадцать миль, а?

— Не больше трехъ миль, отвѣтила миссъ Пикъ. — Мы считаемъ его нашимъ близкимъ сосѣдомъ.

Тревога леди Лидіардъ возобновилась. Она повернулась и пристально взглянула на Изабелу. Голова дѣвушки была такъ низко наклонена надъ головой собаки что лица ея почти не было видно. Насколько можно было видѣть она казалось совершенно поглощена была вѣжливымъ вниманіемъ къ Томми. Леди Лидіардъ вывела ее изъ этого состоянія слегка ударивъ ее своимъ зеленымъ вѣеромъ.

— Изабела, возьми Томми побѣгать въ садъ, сказала она. — Ему наскучило сидѣть смирно и онъ можетъ надоесть миссъ Пикъ. Мистеръ Трой, не будете ли вы такъ добры помочь Изабелѣ управиться съ моею душно воспитанною собакой?

Мистеръ Трой всталъ и несомнѣнно охотно вышелъ вслѣдъ за Изабелой изъ комнаты. „Онъ теперь навѣрно перессорится до смерти,“ подумалъ онъ затворяя дверь.

— Не знаете ли вы что это значитъ? сказалъ онъ своей спутницѣ присоединяясь къ ней при выходѣ изъ передней. — Чѣмъ мистеръ Гардиманъ могъ возбудить такой интересъ къ себѣ?

Предательскій румянецъ покрылъ лицо Изабелы. Она очень хорошо знала что нескрываемое восхищеніе ею со стороны Гардимана было причиной разспросовъ леди Лидіардъ. Еслибы она сказала ему правду, мистеръ Трой безъ сомнѣнія вернулся бы въ гостиную, все равно найдя для этого достаточный предлогъ или нѣтъ. Но Изабела была женщина, и нѣтъ надобности говорить что отвѣтъ ея былъ:

— Право не знаю.

Тѣмъ временемъ свиданіе съ глазу на глазъ между оставшимися дамами началось такимъ образомъ, что могло бы удивить мистера Трой—обѣ онѣ молчали. Первый разъ въ жизни леди Лидіардъ обдумывала то что имѣла намѣреніе сказать, прежде чѣмъ дѣйствительно сказать это. Миссъ Пинкъ съ своей стороны естественно ожидала услышать что имѣла сказать леди Лидіардъ, ожидала до тѣхъ поръ пока небольшой запасъ ея терпѣнія не истощился. Побуждаемая непреодолимымъ любопытствомъ она заговорила первая.

— Вы желаете сказать мнѣ что-нибудь безъ свидѣтелей? спросила она.

Леди Лидіардъ еще не кончила своихъ размышленій. Она сказала „да“ и не сказала ничего болѣе.

— Что-нибудь что касается моей племянницы? настаивала миссъ Пинкъ.

Все еще погруженная въ свои размышленія леди Лидіардъ встреленулась и по обыкновенію стала говорить то что думала.

— Вашей племянницы, сударыня. На дняхъ мистеръ Гардиманъ былъ у меня и видѣлъ Изабелу.

— Да, сказала миссъ Пинкъ, вѣжливо внимательная, но не мало пока еще не заинтересованная.

— Это еще не все. Мистеръ Гардиманъ восхищенъ Изабелой. Онъ самъ сказалъ мнѣ это въ этихъ самыхъ выраженіяхъ.

Миссъ Пинкъ вѣжливо склонила голову. Повидимому она была ослѣпа польщена и ничего болѣе. Леди Лидіардъ продолжала:

— Мы смотримъ съ вами на многіе предметы не одинаково. Но я увѣрена что мы вполнѣ сойдемся въ чувствѣ живѣйшаго интереса къ судьбѣ Изабелы. Я позволю себѣ наекнуть вамъ, миссъ Пинкъ, что близкое сосѣдство мистера Гардимана нежелательно пока Изабелла остается въ вашемъ домѣ.

Говоря эти слова съ полнымъ сознаніемъ серьезной важности предмета, леди Лидіардъ невольно вернулась къ матерѣ и выраженіямъ свойственнымъ дачѣ съ ея положеніемъ въ свѣтъ. Миссъ Пинкъ, замѣтивъ эту перемену, приписала ее выраженію гордости со стороны своей гостьи, которая говоря объ Изабелѣ задѣвала козенно общественное положеніе ея тетки.

— Я совершенно не понимаю что вы хотите сказать, миледи, холодно сказала она.

Леди Лидіардъ съ своей стороны смотрѣла съ нескрываемымъ изумленіемъ на миссъ Пинкъ.

— Развѣ я не сказала уже что мистеръ Гардиманъ восхищается вашею племянницей? спросила она.

— Это естественно, сказала миссъ Пинкъ.—Изабелла наслаждалась личныя достоинства своей покойной матери. Если мистеръ Гардиманъ восхищается ею, это доказываетъ что у мистера Гардимана хорошій вкусъ.

Глаза леди Лидіардъ открывались все шире и шире отъ изумленія.

— Возможно ли, воскликнула она,—чтобы вы не знали что когда мужчина восхищается женщиной, онъ не останавливается на этомъ? Вслѣдъ затѣмъ онъ (какъ обыкновенно выражаются) влюбляется въ нее.

— Я такъ слышала, сказала миссъ Пинкъ.

— Вы такъ слышали? повторила леди Лидіардъ.—Если мистеръ Гардиманъ будетъ встрѣчаться съ Изабелой, я вамъ скажу что вы увидите. Вы увидите что мистеръ Гардиманъ влюбится въ вашу племянницу.

— Въ предѣлахъ дозволеннаго, леди Лидіардъ, и разумѣется получивъ предварительно мое разрѣшеніе, я не вижу препятствій къ тому чтобы мистеръ Гардиманъ оказывалъ исключительное вниманіе Изабелѣ.

— Она съ ума сошла! воскликнула леди Лидіардъ. — Вы серьезно полагаете, миссъ Пинкъ, что мистеръ Гардиманъ можетъ несмотря ни на что жениться на вашей племянницѣ?

Даже вѣжливость миссъ Пинкъ не могла устоять противъ такого вопроса. Она съ негодованіемъ встала съ своего кресла.

— Знаете ли вы, леди Лидіардъ, что выраженное вами замѣчаніе оскорбляетъ мою племянницу, оскорбляетъ Меня?

— Знаете ли вы кто такой на самомъ дѣлѣ мистеръ Гардиманъ? возразила леди Лидіардъ. — Или же вы судите о его положеніи въ свѣтѣ по тому занятію которому онъ безразсудно посвятилъ себя? Въ такомъ случаѣ я могу сказать вамъ что Альфредъ Гардиманъ младшій сынъ одного изъ старѣйшихъ перовъ Англіи и что его мать въ родствѣ съ Вуртембергскимъ королевскимъ домомъ.

Миссъ Пинкъ приняла всѣ эти свѣдѣнія не отступивъ ни на волосъ отъ принятой позиціи.

— Англійская благородная дѣвица можетъ быть приличною партіей для всякаго кто пожелаетъ искать ея руки, сказала миссъ Пинкъ. — Мать Изабелы (вы можете-быть не знаете этого) была дочь священника англійской церкви...

— Отецъ Изабелы былъ аптекаръ въ провинціальномъ городкѣ, добавила леди Лидіардъ.

— Отецъ Изабелы, возразила миссъ Пинкъ, — принадлежалъ въ качествѣ наиболѣе отвѣтственнаго лица къ полезной и почетной медицинскій профессіи. Въ самомъ строгомъ значеніи слова Изабелу можно назвать дѣвицей благороднаго происхожденія. Если вы хотя на минуту усомнитесь въ этомъ, леди Лидіардъ, вы сдѣлаете мнѣ одолженіе оставить мою комнату.

Эти слова произвели дѣйствіе какого миссъ Пинкъ не ожидала — они пробудили достоинство леди Лидіардъ. Какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ она возвысилась надъ собственною эксцентричностью. Отвѣчая миссъ Пинкъ она говорила и смотрѣла теперь съ вѣжливостью исполненіемъ граціи и полнымъ сознаніемъ своего общественнаго положенія.

— Ради Изабелы и для успокоенія собственной совѣсти, отвѣчала она, — я скажу еще нѣсколько словъ, миссъ Пинкъ, прежде нежели избавлю васъ отъ моего присутствія. При-

нимая во вниманіе мои года и обстоятельства я могу сказать что не менѣе васъ знаю законы и обычаи какими руководится современное намъ общество. Не оспаривая общественнаго положенія вашей племянницы и не имѣя ни малѣйшаго намѣренія оскорбить васъ, я повторяю что положеніе въ свѣтѣ насѣдованное мистеромъ Гардиманомъ дѣлаетъ для него совершенно невозможнымъ даже помышлять о женитьбѣ на Изабелѣ. Вы хорошо сдѣлаете не давая ему случая видѣться съ нею наединѣ. И сдѣлаете еще лучше (въ виду того что онъ нашъ близкій есѣдѣ) если разрешите Изабелѣ вернуться подъ мое покровительство, хотя бы только на время. Я буду ждать вашего отвѣта послѣ того какъ вы обдумаете его на свободѣ. А пока, если я чѣмъ-нибудь ненамѣренно оскорбила васъ, я прошу васъ простить меня и желаю вамъ добраго вечера.

Она поклонилась и направилась къ двери. Миссъ Пикъ со всегдашней готовностью поддерживать свои претензіи, сдѣлала попытку не уступить знатной дамѣ на ея почтѣ.

— Прежде чѣмъ вы уйдете, леди Лидіардъ, я прошу васъ принять мои извиненія, если я съ своей стороны говорила слишкомъ горячо, сказала она.—Позвольте мнѣ послать за вашей каретой.

— Благодарю васъ, миссъ Пикъ. Моя карета у постоелаго двора въ деревнѣ. Я съ удовольствіемъ пройдуся нѣшкомъ по вечернему холодку. Мистеръ Трой безъ сомнѣнія проводить меня.

Она поклонилась еще разъ и спокойно вышла изъ комнаты.

Выйдя чрезъ боковую дверь изъ передней въ небольшой садикъ позади виллы леди Лидіардъ нашла Томми съ удовольствіемъ валявшагося на цвѣточныхъ каучкахъ миссъ Пикъ и Изабелу съ мистеромъ Трой въ оживленномъ разговорѣ на дорожкѣ. Она обратилась прежде къ юристу.

— Лошади мои кормятся на постоеломъ дворѣ, сказала она.—Дайте мнѣ руку, мистеръ Трой, и проводите меня до деревни; я доведу васъ въ моемъ экипажѣ въ Лондонъ. Я хочу спросить вашего совѣта по нѣкоторымъ незначительнымъ дѣламъ, и это будетъ удобный случай.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, леди Лидіардъ. Я только прощусь съ миссъ Пикъ.

— Однимъ совѣтъ вамъ, мистеръ Трой. Будьте осторожны съ миссъ Пикъ и опасайтесь задѣть ея чувство собствен-

ного превосходства. Еще одно слово вамъ на ушко. Миссъ Пиккъ дура.

По уходѣ юриста леди Лидіардъ вѣжко обняла Изабелу за талию.

— О чемъ вы толковали съ такимъ дѣловымъ видомъ съ мистеромъ Трой? спросила она.

— Мы говорили, мисседи, объ отысканіи того кто укралъ деньги, отвѣчала Изабела вѣскольکو печально. — Это кажется гораздо труднѣе чѣмъ я себя представляла. Я старалась не терять терпѣнія и надежды—но мнѣ тяжело сознавать что обстоятельства говорятъ противъ меня, и напрасно ждать изю дня въ день открытія которое можетъ оправдать меня.

— Ты добрая, милая дѣвушка, сказала леди Лидіардъ,— и ты стала для меня еще дорожѣ. Не отчаивайся, Изабела. Съ тѣми средствами какими располагаетъ мистеръ Трой для производства слѣдствія и съ моими средствами платить, открытіе вора не можетъ затянуться. Если ты вскорѣ не вернешься ко мнѣ, я опять прѣйду повидаваться съ тобою. Твоя тетка ненавидитъ меня, но мнѣ это рѣшительно все равно, прибавила леди Лидіардъ, слова обнаруживая недостойную сторону своего характера. — Послушай меня, Изабела! Я не желаю уменьшать твоего уваженія къ теткѣ, но я гораздо болѣе полагаюсь на твой здравый смыслъ нежели на ея. Въ настоящее время дѣла мистера Гардимана отозвали его во Францію. Можетъ случиться что тебѣ придется встрѣтиться съ нимъ по возвращеніи. Если это случится, держи его подалѣе отъ себя, разумѣется вѣжливымъ образомъ. Ну, ну! нечего краснѣть; я не упрекаю тебя; я даю тебѣ только добрый совѣтъ. Въ твоемъ положеніи никакая осторожность ни лишняя. Вотъ и мистеръ Трой. Тебѣ придется проводить насъ до воротъ, Изабела, а то мы никогда не разлучимъ Томми съ тобою; а у него на второмъ планѣ; первое же мѣсто въ его расположеніи принадлежитъ тебѣ. Богъ да благословитъ и наградитъ тебя, дитя мое. Молю Бога чтобы ты была поскорѣе со мной въ Лондонѣ. Что же, мистеръ Трой, чѣмъ вы кончили съ миссъ Пиккъ? Оскорбили вы эту ужасную „благородную дѣвицу“ (ненавистное слово); или же напротивъ, она поцѣловала васъ на прощанье?

Мистеръ Трой загадочно улыбнулся и перемѣнилъ раз-

говоръ. Его краткое прощальное свиданіе съ хозяйкой дома было не такого рода чтобъ о немъ слѣдовало слышать разказывать. Миссъ Пикъ не только положительно увѣряла его что ея гостя самая неблагоспитанная женщина съ какой она только встрѣчалась, но и обвиняла леди Лидіардъ что она поколебала ея довѣріе къ аристократіи родной страны. „Въ первый разъ въ моей жизни, сказала миссъ Пикъ, я почувствовала что есть нѣчто говорящее въ пользу республиканскихъ взглядовъ; и я не затрудняюсь готова допустить что конституція Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ свои преимущества.“

(До слѣд. №)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О ПЕРВОМЪ ПОХОДѢ ЗА БАЛКАНЫ*

I. Посадъ дѣла подѣ Джуранлы. — Видѣ поля сраженія. — Насупротѣ Ески-Загры. — Ночлеги у подошвы Малыхъ Балканъ. — II. День на солнечномъ припежѣ. — III. Отступленіе въ долину Тунджи. — Бивуакъ у Хаукиоя. — Возвращеніе въ Тырново.

I.

18го іюля 1877 года генералъ Гурко, разбивъ Турокъ подѣ Ели-Загрой, двинулся къ Ески-Загрѣ на соединеніе съ нахѣдившимся тамъ отрядомъ герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергскаго; но на пути своемъ встрѣченъ былъ близъ селенія Джуранлы непріателемъ, преградившимъ намъ дальнѣйшую дорогу на Ески-Загру. Непріатель занималъ выгодную позицію въ лѣсу, у самаго шоссе и, какъ оказалось въ послѣдствіи, составлялъ, подѣ начальствомъ Реуфъ-паши, правое крыло арміи Сулеймана. 19го іюля ** разгоралось подѣ Джуранлы горячее дѣло, давшееся съ перемѣннымъ счастьемъ съ 8 часовъ утра до 3 дня; Турки

* Настоящее письмо было написано въ Хаукиоя въ прошломъ году и своевременно отправлено въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*, но по неаккуратности почты не дошло до редакціи. Не имѣя копіи, я принужденъ возстановлять его по памяти и въ отрывкахъ.

** Дѣло подѣ Джуранлы было описано мною своевременно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

превосходили насъ числомъ и выгодами боевой позиціи, но дѣло кончилось полнѣйшимъ пораженіемъ Турокъ. Они бѣжали, едва успѣвъ увезти орудія и бросивъ на мѣстѣ весь лагерь съ боевыми запасами и продовольствіемъ. Побѣда была полная, но вмѣстѣ съ этою побѣдой наступали для отряда новыя трудности и трудности болѣе тяжкія чѣмъ наканунѣ въ дѣлѣ подъ Ели-Загрой и сегодня въ дѣлѣ подъ Джуранлы. Въ теченіе цѣлаго дня горячаго боя подъ Джуранлы ни на минуту не покидала насъ тревога о судьбѣ Ески-Загурскаго отряда. Съ курганчика, съ котораго Гурко наблюдалъ за ходомъ сраженія, мы видѣли вдалекѣ у Ески-Загры поминутно вспыхивавшіе клубочки дыму и заключали по этимъ клубочкамъ что подъ Ески-Загрой происходитъ тоже сраженіе, что небольшой отрядъ Николая Максимиліановича (всего четыре баталіона Болгарской дружины и три полка кавалеріи) атакуютъ въ свою очередь непріятель. Но подать этому отряду руку помощи мы не могли, ибо сами дрались въ эту минуту съ превосходными силами Турокъ и ждали повѣстоу съ тревогой въ душѣ развѣдки обѣихъ, разыгравшихся не вдалекѣ другъ отъ друга, битвъ. Въ 11 часовъ утра пришло изъ-подъ Ески-Загры первое извѣстіе къ Гурко, гласившее что отрядъ Николая Максимиліановича окруженъ громадными силами Турокъ, что Болгарская дружина дерется мужественно и стойко, но что держаться долѣе она не можетъ. Наконецъ въ 12 часовъ прискакалъ къ намъ изъ Ески-Загры Кіевскій гусарскій полкъ и донесъ генералу Гурко что четыре баталіона Болгарской дружины разбиты, разсѣяны и въ безпорядкѣ партіями и одиночными людьми отступаютъ на Казанлыкъ; Турки ихъ преслѣдуютъ; Турокъ массы; 20—30.000 турецкаго войска находится у стѣны Ески-Загры. Какъ быть и что дѣлать?

Въ 3 часа дня замолкали послѣдніе выстрѣлы подъ Джуранлы и вотъ сейчасъ послѣ дѣла нашъ небольшой отрядъ (всего около 7.000 человекъ) очутился вновь лицомъ къ лицу съ громадными силами Турокъ. Сулейманъ-паша нагналъ насъ въ какихъ-нибудь 6—7 верстахъ разстояніи (отъ Джуранлы до Ески-Загры) и разбивъ Болгарскія дружины стоялъ теперь противъ насъ во всеоружіи всей своей арміи. Медлить было нельзя; требовалось какое бы то ни было скорое и энергичное рѣшеніе. Но какое? Отступить назадъ, къ Ели-Загрѣ? Но это значило бы бросить на про-

изволъ судьбы остатки Ески-Загроскаго отряда, отступавшаго на Казанлыкъ, отдать ихъ окончательно Туркамъ. Да и не поздно ли ужь было отступать? Сразиться съ арміей Сулеймана, пойти ему навстрѣчу, принять бой съ противникомъ четверо сильнѣйшимъ?... Между тѣмъ начальники частей явились къ генералу Гурко съ донесеніями что люди измучены отъ длинныхъ переходовъ, измороены отъ двухъ сряду дѣлъ, вчерашняго и сегодняшняго, что они не въ состояніи двигаться дальше, и что всего важнѣе, въ боевыхъ припасахъ ощущается полнѣйшій недостатокъ: патроны разстрѣляны, на орудіе остается среднимъ числомъ всего по три снаряда, патроновъ и снарядовъ достать не откуда. Положеніе обрисовалось вполне. Оно было критическое.

Былъ четвертый часъ дня. Солнце безжалостно лаяло и жгло тотъ курганчикъ на которомъ сидѣли въ эту минуту генералъ Гурко, его штабъ и свита. Турки только-что бѣжали изъ-подъ Джурамы, отброшенные къ Карабунару; Елецкій, Сѣвскій полки и одинъ баталіонъ стрѣлковой бригады, участвовавшіе въ дѣлѣ, завлеклись преслѣдованіемъ непріятеля и скрылись куда-то изъ глазъ за лѣсомъ и кустарникомъ. У курганчика оставались только другой баталіонъ стрѣлковой бригады, находившійся во время боя въ резервѣ и Кіевскій гусарскій полкъ. Казаки были отпращены сѣдлать за направленіемъ какое приняли отступавшіе изъ-подъ Джурамы Турки. Всѣхъ на курганчикѣ мучительно осаждала мысль: „Что теперь будетъ? что должно произойти теперь?“ Всѣ мы и безъ того были сильно утомлены отъ двухъ дней полныхъ подавляющихъ впечатлѣній, длинныхъ переходовъ и сраженій. Вчера было дѣло подъ Ески-Загрой, тревожный ночлегъ въ Карабунарѣ, сегодня—восемь часовъ боя подъ лаящими лучами солнца. Усталость, жажда, голодъ. Какое новое испытаніе еще ожидало насъ? Гурко все продолжалъ сидѣть на курганчикѣ и бесѣдовать вполголоса со своимъ начальникомъ штаба полковникомъ Неголовскимъ. Вокругъ кургана попрежнему стояли верховыя лошади, понуривъ головы отъ жару. Конвойные казаки и вѣстовые полулежали и дремали на землѣ, намотавъ поводья коней себѣ на руки. А Сулейманъ-паша все продолжалъ наводиться отъ насъ въ шести, семи верстахъ съ 20ю, 30ю тысячами войска и быть можетъ уже принялъ какое-нибудь грозное рѣшеніе... Гурко всталъ наконецъ съ мѣста

на курганъ и громко отдавъ приказаніе: одному баталіону стрѣлковой бригады и Кіевскому гусарскому полку выйти на шоссе, остановиться тамъ и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Гусары не медля потянулись вправо, къ шоссе, находившемуся въ полверстѣ отъ кургана; за гусарами двинулись стрѣлки; а за стрѣлками поѣхала на шоссе батарея полковника Ореуса. Окончательное рѣшеніе Турко осталось еще неизвѣстнымъ.

Меня сильно тянуло взглянуть на поле сраженія полѣ Джуранимъ и я, разчитавъ что воегда успѣю нагнать генерала Турко, свѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ направленіи лѣса, гдѣ за полчаса предъ тѣмъ происходило дѣло. Мѣстность была неровная: кустарникъ, овражки, уступавшіе мѣсто кукурузному полю; окова кустарникъ; за нимъ лужайка, поросшая высокою и частою травой. Тамъ и самъ валялись труны убитыхъ солдатъ. Между кустами мелькали санитары, разыскивая раненыхъ. У опушки лѣса колодезь. Этотъ колодезь игралъ большую роль въ сегодняшнемъ дѣлѣ. День былъ невыносимо жаркій; воды по близости не было и наши солдаты кидались къ этому колодезю, чтобы утолить несносную жажду. Турки изъ лѣсу учащали огонь, переходили въ наступленіе, чтобы не дать нашимъ солдатамъ воды. У колодца видимо происходила ожесточенная драка. Труновъ тутъ валяется много; наши въ перемѣжку съ Турками. Одинъ изъ нашихъ такъ и зачеченъ съ манеркой въ рукахъ, другой свѣсился черезъ край колодца съ пробитою головою, третій лежитъ на спикѣ, широко раскидавшею руками и ногами.. Я невольно сталъ вглядываться въ лица этихъ убитыхъ, усиливаясь уловить въ нихъ послѣднее затывшее выраженіе. Между тѣмъ не вдалекѣ отъ колодца по проселочной дорогѣ, медленно тащилась съ позиціи оля изъ нашихъ батарей, направляясь вѣроятно къ шоссе. Переднее орудіе везли четыре лошади, изъ которыхъ одна сильно хромала; она высоко задирала голову къ верху и затѣмъ вся низко присѣдала. Нижняя часть ея ноги была окровавлена и на пыльной дорогѣ тянулись за ней кровавыя пятна; у другой лошади вся морда была въ крови. Орудіе двигалось медленно.

— Вѣхъ лошадей у насъ перебили и переранили, обратился ко мнѣ офицеръ, сопровождавшій орудіе. — Наслу выбираемся съ позиціи. Вѣхъ, заднее орудіе, такъ просте

веземъ на солдатахъ. Наткнусь теперь на Турокъ, прибавилъ онъ,—живьемъ отдадимъ всю артиллерію: ни снарядовъ, ни лошадей.

Я свернулъ съ дороги въ лѣсъ и очутился среди высокихъ деревьевъ. Тутъ было тѣнисто и прохладно, но картина смерти тутъ была полная. Труповъ валялось тутъ множество, преимущественно турецкихъ. Земля была усыяна всевозможными предметами: тряпье, куски одеждъ, куртки, панталоны, фески, все это валялось вмѣстѣ съ неподобранными еще ружьями, патронными ящиками и сумками, манерками, ремешными поясами. Ближе опушки лѣса, въ продолговатомъ ложементѣ, турецкія тѣла были навалены кучей, одно на другое. Луки крови у ложемента. Обезображенные лица Турокъ. Скорченные позы. Какъ-то страшно было смотрѣть на это и находиться тутъ. Казалось что эти свѣжіе, окровавленные трупы проснутся вдругъ и страшно отплатятъ за себя; казалось что изъ-за деревьевъ сторожатъ отовсюду другіе, живые Турки, готовые разразиться огнемъ и смертью, отъ которыхъ некуда уйти. Мнѣ сильно захотѣлось вернуться назадъ, а чувствовалъ что съ неприщипки и утомленія теряю хладнокровіе. Стоялъ раненаго не вдалекѣ привлечь мое вниманіе; я углубился далѣе въ лѣсъ; невзрачный, небольшой солдатъ сидѣлъ на землѣ, прислонясь спиной къ дереву и опустивъ голову.

— О-о-охъ, о-о-охъ, батюшка родимые, стоналъ онъ громко,—бросили меня, забыли. О-о-охъ, о-о-охъ!

— Куда тебя ранило? спросилъ я подѣхавъ къ солдату.

— Въ плечо, вода — насквозь прошибаю; а еще вонъ въ ногу укусила подлая, заговорила солдатъ вдругъ серьезнымъ голосомъ, стараясь шевельнуть раненою ногой и внимательно вглядываясь въ нее.

— Санитары! закричалъ я громко, замѣтивъ санитаровъ между деревьями. — Раненый тутъ, гей! подберите.

— Нехай подождетъ, крикнуло отвѣтилъ одинъ изъ санитаровъ съ малороссійскимъ акцентомъ.

— О-о-охъ, о-о-охъ! опять засогналъ раненый.

— Вода у тебя есть? спросилъ я его снова. — Цить хочешь?

— Ничего лѣтъ воды. Смерть — жажда. Глотку всю обожгло какъ есть, заговорилъ раненый опять серьезнымъ голосомъ, чавкая ртомъ и губами.

Я слѣзъ съ лошади и направился къ валявшемуся вблизи трупу турецкаго солдата; у котораго на ремешкомъ поясъ была пристегнута манерка. Вынувъ перочинный ножикъ я долго пилилъ имъ ремень, пока успѣлъ наконецъ разрѣзать его. Манерка была обыкновенная турецкая, изъ бѣлой жести. Горлышко было заткнуто грязною тряпкой. Но едва я ототкнулъ тряпку какъ запахъ луку и прокисшаго раки ударилъ мнѣ въ носъ. На дѣл манерки плескалась какая-то жидкость. Я поднесъ манерку солдату. Онъ было жадно схватился за нее руками, но помахавъ тотчасъ же отпихнулъ ее отъ себя.

— Турецкая вода, протворилъ онъ какъ-то безнадежно.

— Что жь, братъ, дѣлать. Нѣтъ другой воды. Хлебни хоть этой. Все легче будетъ.

— О-о-охъ, о-о-охъ, опять застоналъ солдатъ не слушая и не отвѣчая на мои заботы, — о-о-охъ бросили меня, забыли, смерть моя!

— Ну, не кричи, подберутъ сейчасъ, сказалъ я ему, садясь на лошадь и увидавъ санитаровъ, направившихся въ нашу сторону.

Время было вернуться назадъ и я сталъ разчитывать какъ бы покороче проѣхать на шоссе, гдѣ въ ту минуту долженъ былъ выходить Гурко. Соображая что батарея которую я недавно встрѣтилъ двигалась тоже на шоссе, по проселочной дорогѣ, я рѣшилъ что это путь самый кратчайшій. Дорога эта, какъ я помнилъ, входила въ лѣсъ и забирала вправо; следовательно, вмѣсто того чтобы возвращаться назадъ къ опушкѣ лѣса, стоить только поѣхать впередъ по лѣсу — непременно наткнешься на дорогу гдѣ-нибудь по близости. Я поѣхалъ крупною рысью по лѣсу, стараясь поскорѣй выбраться изъ области подавляющихъ душу картинъ смерти и разрушенія. Десять минутъ я ѣхалъ по лѣсу, погоняя лошадь; дороги не оказывалось. Но она должна быть тутъ гдѣ-нибудь очень близке и къ этому направлению. Деревья рѣдѣли, сѣвѣлась высокимъ кустарникомъ. Вотъ небольшая полянка, обрамленная кустами. Я остановился, раздумывая куда повернуть лошадь и начиная тревожиться. Вдругъ двѣ красныя фески промелькнули между кустами: выглянули ослы и остановились. Сердце у меня захолонуло. „Турки!“ промелькнуло у меня въ головѣ. Я дернулъ за поводья и не успѣлъ еще повернуть кося какъ

лозави меня раздался выстрѣлъ, за нимъ другой. Я началъ бить свою лошадь и ногами и плетью и помчавъ, но духъ мой лѣсу, охваченный однимъ ощущеніемъ: „вотъ, вотъ, покажется сейчасъ гдѣ нибудь Турокъ и застрѣлитъ“. Но счастью я скоро наткнулся на селадъ, являвагося по лѣсу съ ружьемъ на плечѣ.

— Куда ты идешь, отъ своей части отбавляешься, закричалъ я ему, — тутъ войтъ въ лѣсу Турки. Спрашиваешь выстрѣлы? Гдѣ дорога?

— Не могу знать, остановился селадъ.

— Какого полка?

— Сѣвскаго.

— Куда же ты идешь?

— Отда, оканьсяли, наши претан, манулавоу ружьей ищю редь.

Я пошелъ по указанному направлению; направление было вѣрное, я выбрался наконецъ на дорогу, которая вѣроятно вывела меня изъ лѣсу на широкую поляну. На полянѣ вѣдь отъ дороги лежала деревушка Джуринъ; вправо, на лѣвую, Сѣвскій полкъ выстраивался въ каре. Раздался отъ полка рожокъ, багатионъ; тутъ разнесся по воздуху отъ претанъ солдатскаго говора. Офицеры идяли въ претанъ; бѣжать между ретамъ, командовали солдатами. „Скоро!“ Голосъ выскочилъ на мигуту и закричалъ, поднимаясь еще громче претанъ. Мнѣ довольно запомнилось недавно слышанный мной разговоръ генерала Гурко съ майоромъ Литвицкимъ, прусскимъ военнымъ агентомъ. Литвицка въ разговорѣ говорилъ что русскіе солдаты вообще мало говорятъ между собой; въ дѣло идутъ молча. Наоборотъ у прусскихъ солдатъ всегда самизитъ акавская болтовня. „Послушайте русскіе солдаты много дѣла“, возражалъ на это Гурко. „Я помню какъ молтъ: Уфландъ преподавалъ много молтъ (сербскій багатионъ), возвращавшіяся съ поля сраженія. За версту было слышно что идутъ солдаты. Все говорили громко, напере-рива“... И въ самомъ дѣлѣ, тутъ было тоже самое. Все говорило хорошо, быстро, не слушая одна другаго, улавливая съобшественныя разказы. Тутъ стоялъ въ воздуху отъ солдатскаго говора. Мнѣ хотѣлось послушать солдатскихъ разказовъ, но времени у меня не было. Я боюсь не застать Гурко на шоссе и потому, обѣдалъ Сѣвскій полкъ; напра-

влася дальше. По дорогѣ мѣ попался на встрѣчу ординарецъ Гурко.

— Не встрѣчали ли Сѣвскаго полка? закричалъ онъ мѣ издали.

— Въѣзъ тамъ. А Гурко гдѣ?

— На шоссе. Я ѣду съ приказаніемъ Сѣвскому полку собраться и стянуться поскорѣй къ шоссе.

— А что? Судейманъ-наша наступаетъ?

— Нѣтъ, наоборотъ, мы наступаемъ.

— Камъ мы наступаемъ!? Постоите, расскажите.

— Некогда. Позжайте, сами узнаете, прибавилъ ординарецъ, направляясь карьеромъ.

Слѣдовательно мы атакуемъ тридцатитысячную свѣжую армію, атакуемъ безъ патроновъ, снарядовъ, съ измученнымъ семитысячнымъ отрядомъ! Я ничего не понималъ.

«Между тѣмъ по шоссе талужась артиллерія, сворачивала въ сторону и въѣзжая на холмъ для занятія позиціи насупротивъ Ески-Загры. Кіевскій гусарскій полкъ рвемью въѣхалъ по шоссе чтобы разсыпаться цѣлюю противъ кавалерійской цѣпи непріятеля. Одинъ и единственный баталіонъ стрѣлковъ двигался впередъ къ Ески-Загрѣ. Сомѣній не было. Мы наступали на Ески-Загру. Гурко стоялъ на батарее полковника Ореуса и съ биноклемъ въ рукахъ смотрѣлъ въ сторону непріятеля. Мы были въ трехъ верстахъ отъ Ески-Загры. Надъ городомъ поднимались столбы черного дыма. Въ веретѣ отъ насъ была разсыпана цѣль Черкесовъ, а на цѣлюю видѣлись темныя массы турецкаго войска. Онѣ расположились вокругъ города, заняли окрестные холмы; широко разстелились кругомъ. Вся эта громадная сила могла ежеминутно ринуться на насъ неудержимо какъ лавина и задуть въ мѣсто нѣскольکو мгновеній. Мы съ трепетомъ наблюдавали на непріятеля. Восемь нашихъ орудій, выставляюще глядя на него съ холма, позади котораго стояли одни лишь пустые зарядные ящики; впереди холма—одинъ баталіонъ стрѣлковъ съ восьмью, десятью, патронами на человѣка; еще дальше впереди—одинъ Кіевскій гусарскій полкъ. Это было все наше войско въ ту минуту и все наши боевыя средства. Сѣвскій полкъ еще не подошелъ, Елецкій еще не успѣлъ собраться послѣ дѣла подъ Дураномъ и построиться въ порядокъ; отправились отыскивать его и собирать. Между тѣмъ на непріятельской сторонѣ происходило ка-

кое-то движеніе; очевидно было что Сулейманъ-паша собирается предпринять что-то противъ насъ. Солдаты на нашей батарее стояли при орудіяхъ въ боевомъ порядкѣ—одинъ съ баяникомъ въ рукахъ, два у заряжающаго механизма, другіе вытянувшись какъ на парадѣ, ожидая одного мановенія, знака чтобы въ ту же секунду открыть огонь по Туркамъ; но дѣлѣй долгій часъ Гурко стоялъ не отводя бинокля отъ глазъ и не отдавая никакихъ приказаній.

„Пусть бы ужъ скорѣй, думалось невольно, хоть какое-нибудь рѣшеніе!“ Сердце тревожно замирало и выло. Солнце же опускалось все ниже и ниже.

Длинные тѣни вытянулись по равнинѣ Марицы отъ холмовъ и деревень. То и дѣло подѣвжались казаки съ досесеніями къ Гурко; они гласили что у стѣнъ города идетъ усиленная работа: партіи Болгаръ выведены будто бы изъ города и подъ присмотромъ и поучаньемъ Турокъ роютъ укрѣпленія вокругъ Ески-Загры. Минута за минутой проходила въ тревожномъ ожиданіи; вотъ и Елецкій и Сызкій полки показались наконецъ въ отдаленіи и стали подтягиваться медленно къ шоссе. Темнѣло быстро. Окружающіе предметы блѣднѣли и тонули въ смутномъ освѣщеніи вечера. Гурко видно ожидалъ наступленія совершенной темноты. Она не замедлила наступить. Тогда, приказавъ одному баталіону стрѣлковъ, гусарскому полку и батарее Ореуса оставаться на прежнихъ позиціяхъ Гурко велѣлъ остальному отряду двигаться подъ покровомъ темноты къ селенію Далбока, расположенному у подошвы Малыхъ Бакалъ, верстахъ въ шести, семи вправо отъ шоссе. Затѣмъ, потребовавъ себѣ лошадь, Гурко поѣхалъ впереди частей въ ту же сторону въ сопровожденіи свиты и конвола. Ночь была темная, черная. Мы вскорѣ перестали различать дорогу по которой ѣхали и окружающіе предметы. Что-то зловѣщее, мрачное лежало въ этой черной темнотѣ. Ноги лошадей поминутно остулялись въ калашки, прохлывшія по сторонамъ дороги; нависшіе надъ дорогой кусты задѣвали насъ своими хлесткими вѣтвями. Ески-Загра горѣла. Широкое красное зарево разстилалось на небѣ и до чуткаго уха доносился слышно неслышимъ гулъ со стороны пожара. Казаки пріѣзжавшіе отъ времени до времени къ Гурко разказывали между прочимъ что имъ удалось въ темнотѣ пробраться близко къ Ески-Загрѣ, что тамъ ле-

прежнему при свѣтѣ факеловъ Болгары роютъ укрѣпленія вокругъ города, но что самый городъ отданъ во власть Черкесовъ и башки-бузуковъ; изъ города слышались будто бы крики, стоны и воли о помощи. Невольное ночное воображеніе усиливалося нарисовать картину того что дѣялось въ эту минуту въ Ески-Загрѣ: быть-можетъ женщина, выкомытая по улицамъ, дѣти разрываемыя на куски, въ госпиталѣ наши раненые изуродованные и замученные живыми, среди пламени пожара, кровавый пиръ разсвѣтлившихъ дикарей!.

Пройхавъ около двухъ часовъ мы наткнулись наконецъ въ темнотѣ на какіе-то заборы и слѣзши съ лошадей: Гурко приказалъ не разводить костровъ до тѣхъ поръ пока не подойдетъ пѣхота и принялось поэтому расположиться въ темнотѣ ощупью и гдѣ можно. Кто-то отыскалъ не вдалекѣ отогъ ослеповъ, и мы, привязавъ своихъ лошадей къ колючему плетню, отправились за ослепами для корма лошадямъ и устройства себѣ постелей. Часа чрезъ два подошли солдаты и вконецъ въсколыхали костровъ яркимъ блескомъ прорѣзали ночную темноту. Ихъ пламя освѣтило нашу стоянку, это было небольшое пространство между заборами, на которомъ тѣсно скучились люди и лошади. На повернутье, ни расположиться какъ садуеть не было мѣста; спать приходилось между лошадьми. Но спать хотѣлось невыносимо; къ чрезвычайной усталости присоединился также и голодъ. Два дня какъ наши вьюки были отправлены по распоряженію Гурко въ Хаинкію и мы сразу два дня питались одними турецкими галетами да сливами, подобранными съ деревень на дорогѣ; эдакъ же ни галетъ, ни сливъ съ собой не было и цѣлый день мы ничего не ѣли. Дѣлать было нечего; надо было удовлетвориться тѣмъ что находилось въ нашихъ распоряженіи, т. е. ослепъ. Гурко спалъ уже у своего костра, завернувшись въ свою меховую бурку. Нагловскій, лежа на животѣ, писалъ при свѣтѣ костра карандашомъ на лоскуткѣ бумаги дописки въ Глазную Квартару. Я, набросавъ соломы у плетня, бросился въ нее и въ секунду сталъ забиваться. Сквозь сонъ я почувствовалъ что кто-то треплетъ меня за плечо; я съ трудомъ откормилъ глаза и увидалъ приближавшагося ко мнѣ нашего милого наѣора Арипица.

— Хотите чай, генералъ майоръ, — предлагаетъ онъ мнѣ; у меня есть и много чаю.

— Чаю, съ восторгомъ! проговорилъ я, вскакивая съ со-
домы.

У костра собралось человѣкъ пять приглашенныхъ Лиг-
ницемъ на чашку чаю. Чай оказался въ дѣйствительности,
но не было ни сахара, ни посуды, ни ложекъ, ничего.

— Какъ же вы хотите напоить насъ? обратились мы къ
Лигницю, поглядывая съ чувствами Тантала на воду кипя-
тившуюся въ полуразбитомъ горшкѣ.

Лигницъ, не лускаясь въ объясненія, подалъ намъ нѣ-
сколько соломинокъ и пригласилъ всѣхъ лечь на животы.
Горшокъ былъ поставленъ между нами и мы принялись
тянуть въ себя чудную освѣжающую струю.

— Но только уговоръ, господи, острилъ князь В.—кто лу-
ститъ пузырь тотъ отъ горшка долой!

Послѣ горячаго чаю заснуть было наслажденіе и мы по-
спѣшили улечься на свои соломенные постели и вступить
въ область сновидѣній съ какими-то смутными обрывками
впечатлѣній въ головѣ. Но спать было неудобно. Лошади
привязанныя къ забору то и дѣла что фыркали надъ са-
мымъ ухомъ, вытаскивали солому изъ-подъ головы, толкали
ногами. Князь В., устроившій себѣ постель съ комфортомъ
изъ кучи сноповъ, высоко положенныхъ другъ на друга,
проснулся на другой день съ головой лежащею на землѣ и
ногами поднятymi къверху; за ночь лошади повытаскали
всѣ снопы изъ-подъ его головы.

II.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня 20го іюля мы были уже
на ногахъ. Ночь прошла благополучно, если не считать нѣ-
сколькихъ выстрѣловъ, прозвучавшихъ около полуночи въ
горахъ и заставившихъ на минуту предполагать о ночномъ
нападеніи Сулеймана или же Черкесовъ, рыскавшихъ всадъ
по сторонамъ большими партиями. Я не слышалъ этихъ вы-
стрѣловъ, я спалъ какъ убитый и мѣлъ рассказывали только
на другой день о прошедшей ночью минутной тревогѣ.
Но пробужденіе наше было не веселое. Мысль что Сулей-
манъ-паша сейчасъ направитъ сюда изъ Ески-Загры воз-
вѣкъ въ дуплѣ съ перлами, полосками свѣта блеснувшими
на горизонтѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вчера онъ не рѣшился

атаковать насъ быть-можетъ обманутый насчетъ нашихъ силъ, но сегодня чрезъ лазутчиковъ онъ легко могъ узнать о нашемъ дѣйствительномъ положеніи и послѣшить исправить вчерашнюю свою ошибку. Гурко проснулся раньше всѣхъ. Онъ отдалъ приказаніе отряду немедленно подниматься въ гору, у подошвы которой мы провели ночь. Гора эта была высокая, крутая и каменистая; по ней проходила вверхъ неразработанная тропа, извивавшаяся по краю обрыва; правѣ тропы на склонахъ горы раскинулось большое и красивое селеніе Далбока, покинутое жителями. Движеніе отряда въ гору началось до восхода солнца. Задвигались въ горы солдаты, заскрипѣли телѣги, арбы, скупилась артиллерія, ожидая своей очереди втягиваться въ гору. Прежде всего озаботились о раненыхъ, которыхъ было много послѣ дѣла подѣ Джураалы, и ихъ слѣдовало раньше другихъ переправить въ безопасное мѣсто. Всѣ телѣги какія только были въ отрядѣ, какія нашлись въ Далбокѣ, были отданы подѣ раненыхъ; но телѣгъ этихъ оказалось недостаточно. Въ нихъ лежѣли тяжело раненые: раненые же легко въ руки и ноги и способные еще двигаться отправились пѣшкомъ въ гору. Они тащились прихрамывая, поминутно присаживаясь на земаю или на лафеты орудій, возмущая душу своимъ страдальческимъ видомъ. Калитавъ Сахаровъ нашелся помочь горю; онъ приказалъ устроить носилки изъ полотна палатокъ, древесной коры и сучьевъ и нести въ этихъ носилкахъ раненыхъ Туркамъ, взятымъ въ лѣвѣхъ подѣ Джураалы. Такое распоряженіе не понравилось было раненымъ: „Пѣшкомъ куда лучше дойдемъ“, протестовали они. „Турокъ вѣдь нехристь, сброситъ на камни. Разрѣшите пѣшкомъ дойти ваше благородіе,“ умоляли они Сахарова; но Сахаровъ былъ неумолимъ и раненые кончили тѣмъ что двинулись въ гору на рукахъ Турокъ. За ранеными стала подниматься въ гору артиллерія. Но тутъ же съ первымъ орудіемъ двинувшимся по крутой и каменистой тропѣ стало ясно что подъемъ отряда въ гору будетъ крайне медленнымъ. Лошади отказывались везти орудія на крутизну; измученные и полуголодные солдаты, взявшіеся за колеса выѣхото лошадей, только кричали и суетились у орудій и не въ силахъ были нести на себѣ вверхъ огромныя тяжести. Офицеры терпѣли и поучали солдатъ на горѣ, брались, перекрикивали солдатъ; но все

это мало помогало дѣлу. Гурко межъ тѣмъ сидѣлъ молчаливымъ, недовольнымъ, на пригоркѣ, съ биноклемъ въ рукахъ и со взоромъ устремленнымъ въ широко развернувшуюся предъ нимъ даль равнины Марицы. Ески-Загры, скрытой за ближайшими холмами, не было видно намъ, но въ этой дали ежеминутно могли показаться темныя полчища Сулеймана. Ему легко было бы отдѣлать часть своихъ огромныхъ силъ, чтобы зайти намъ въ тылъ по окрестнымъ горамъ и отрѣзать намъ путь отступленія, другою же частью атаковать насъ съ фронта. Тогда мы были бы окружены со всѣхъ сторонъ, залерты какъ въ клѣткѣ, и безъ снарядовъ и патроновъ должны были лечь все на мѣстѣ. Возлѣ Гурко сидѣли на землѣ черногорскій воевода Станко Радовичъ, полковникъ Нагловскій и майоръ Лигницъ. Радовичъ не переставалъ увѣрять окружающихъ что Сулейманъ-паша, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло въ Черногоріи, энергичный и предприимчивый полководецъ, его войско привыкло въ Черногоріи къ тяжелымъ горнымъ переходамъ и что слѣдуетъ поэтому ожидать сюда Сулеймана съ минуты на минуту. Майоръ Лигницъ стоялъ возлѣ Гурко не отводя бинокля отъ глазъ. Онъ внимательно слѣдилъ за столбами дыма поднимавшимися вдаль и заключалъ по нимъ о движеніи колоннъ Сулеймана. Солнце невыносимо лежало и жалило; тѣни по близости не было. Въ природѣ царилъ отъ солнечныхъ лучей блеотяще-желтоватый оттѣнокъ.

Движеніе отряда въ гору въ особенности затрудняли два громадскія орудія отбитыя нами у Турокъ подлѣ Ески-Загрой. Эти орудія были первыми направлены въ гору и поддерживали движеніе остальной артиллеріи. Гурко приказалъ сбросить ихъ въ пропасть. Приказаніе было исполнено въ точности, но солдаты не охотно разставались съ трофеями битымъ подлѣ Ески-Загрой. „На что кидать-то, говорили они, дотянули бъ на рукахъ, помогоньку....“

III.

Перевалъ отряда черезъ Малые Балканы въ долину Тунджи былъ крайне тяжелый. Необходимость заставила vybrать ближайшую дорогу, чтобы возможно скорѣй уйти отъ арміи Сулеймана и занять выгодную позицію на высо-

тахъ Большихъ Балканъ. Но за то эта ближайшая дорога оказалась не дѣла не дорогой, а совершеннымъ бездорожьемъ. Еще замѣтная тропа близъ селенія Далбока вела на высокую и крутую гору, на которую взбирался отрядъ въ теченіе цѣлаго дня 20го іюля, начавъ подъемъ съ 5 часовъ утра и окончивъ его къ 8 часамъ вечера. Спускъ съ горъ въ долину Тунджи былъ не лучше подъема. Тутъ дорога проходила по ложу горныхъ потоковъ, прорывавшихъ себѣ путь между каменными глыбами, поросшими мохомъ и кустами. Этотъ путь, сдѣланный съ двухъ сторонъ скалами, былъ мѣстами до того тѣсенъ и узокъ что телеги и артиллерія еле-еле умѣщались на немъ; кромѣ того онъ весь былъ заваленъ крупными камнями, отъ которыхъ жестоко страдали наши раненые. Раненыхъ везли въ телегахъ подъ шатромъ сплетенныхъ надъ телегами древесныхъ сучьевъ. Телеги были длинныя, неуклюжія. Помануто ихъ огромныя колеса взбирались на большіе камни и съ однихъ камней срывались на другіе. Раздирающій душу вопль раздавался при каждомъ толчкѣ телеги и стонъ раненыхъ не умолкалъ ни на минуту на всемъ протяженіи спуска. Раненые страдали невыносимо. Цѣлый день имъ приходилось тащиться по этой адской дорогѣ, такъ какъ движеніе съ горы внизъ совершалось съ тою же медленностью что и подъемъ наверхъ. Телеги то и дѣла застрѣвали между камней или же не могли двигаться дальше вълѣдствіе тѣсноты пути. Надо было расширять дорогу и разрабатывать ее кирками и лопатами, что постоянно задерживало движеніе отряда. Ко всему этому присоединялась еще налядажа жара: жгучимъ огнемъ дышали вокругъ раскаленные скалы. Напрасно солдаты нѣжно заботились о раненыхъ, поддерживали телеги на рукахъ, дѣлились съ ранеными послѣдними калашами воды въ манеркахъ, до десяти человекъ раненыхъ не вывезла этой дороги и умерла на пути.

Гурко сѣдывалъ весь день въ хвостѣ отряда и только къ вечеру сталъ обгонять колонны, разчитывая остановиться на ночлегъ въ тотъ день въ долину Тунджи. Она развернулась предъ нами снова, эта роскошная долина, при послѣднихъ лучахъ солнца, сиявшаяся за граніозными гѣби Большихъ Балканъ. Ее журчащіе ручьи, богатое зеленіе и деревность роскошныхъ ослепительныхъ лѣсовъ, ифѣнее

симеватовъ освѣщеніе правѣствовало насъ, измученныхъ жалящимъ зноемъ, воплями и столами раненыхъ. Какъ будто эта чудная долина манила насъ къ себѣ на покой и на отдыхъ! Авангардъ отряда уже спустился въ долину. Мы обогнали его. Солдаты шли въ ногу, бодро, распѣвая пѣсни. Знакомая имъ долина видимо вливалась и въ нихъ оживляла силы. Такъ недавно еще они побѣдовосно проходили по ней отъ Хаинкиѳа до Казанлыка, отъ Казанлыка на Шинку.... Она шла теперь хоромъ распѣвая пѣсню, не зная когда и кѣмъ сочиненную, очевидно для Болгарской дружины. Налѣвъ ея былъ заунывный, слова ея были грустныя, хотя солдаты переводили ее пошлутво на веселый ладъ:

....А вотъ Тунджи долина
Гдѣ кровь аилась рѣкой,
Гдѣ храбрая дружина
Драалась за край родной.

На горныя вершины
Я васъ увижу ль вновь
Балканскія долины—
Кладбище удалцовъ... и т. д.

Мы остановились близъ селенія Балабалац, у ручья, подъ стѣною огромныхъ деревьевъ. Здѣсь и расположились на ночлегъ. Взошла луна надъ долиной. Долго не спалось никому. Что-то невыразимо волшебное, мѣлкое, царило въ эту ночь въ чарующей „долинѣ розъ“.

Слѣдующій день 22го іюля былъ весь посвященъ на осмотръ окрестныхъ горъ и холмовъ для занятія на нихъ оборонительныхъ позицій. Цѣлый день мы слѣдовали за Гурко и Нагаевскимъ, забиравшимися съ одной высоты на другую, оглаadyвавшими и опредѣлявшими мѣстность. Тамъ оставило поставить роту, здѣсь баталіонъ, въ третьемъ мѣстѣ расположить батарею, въ четвертомъ построить редутъ, въ пятомъ образовать рядъ траншей и т. д. Мы находились у выхода Хаинкиѳскаго ущелья Балканъ въ долину Тунджи и должны были у этого выхода занять оборонительное положеніе. Распредѣливъ гдѣ кому стоять и гдѣ какъ окопаться, Гурко ввечеромъ того же дня перешелъ къ селенію Хаинкиѳу, гдѣ и расположился со своими штабомъ и свитой. Это селеніе лежало въ долинѣ, образованной параллельно отрогамъ Балканъ, обгравшими въ долину Тунджи. Долина

вся поросла большими, густолиственными деревьями, между которыми, шума, протекалъ прозрачный горный ручей. Въ жаркій день тутъ было тѣнисто и прохладно. На одной изъ сторонъ ручья лежало селеніе Хаиакіой, но Гурко помѣстился на другой сторонѣ ручья, строго запретивъ никому не помѣщаться въ деревнѣ и даже не входить въ нее, во избѣжаніе поберовъ съ жителей и грабежей солдатъ. Селеніе было оцѣлено кругомъ солдатами и никто изъ военныхъ не смѣлъ переступить за эту цѣль. Нечего и говорить до чего были благодарны Гурко жители-Болгары за подобное распоряженіе.

Жаркіе лѣтніе дни потекли одинъ за другимъ, смѣнялись прохладными ночами, освѣщенными серебряною луной. Мы жили тутъ у ручья, въ лощинѣ, подъ открытымъ небомъ, словно въ какомъ-то блаженномъ забытіи на лонѣ природы. То было наслажденіе отдыхомъ послѣ суровыхъ дней проведенныхъ за Малыми Балканами. Изъ Тырнова намъ привезли провизію и все необходимое. Мы слали въ вою, ѣли вдоволь, писали длиннѣйшія письма на родину, бродили по горамъ, собирались по вечерамъ у костровъ и беззаботно острили и смѣялись лежа на землѣ вокругъ пылающаго огня. Мы жили такъ, поджидая со дня на день появленія Сулейманъ-паши и готовые его встрѣтить патронами и снарядами, уже доставленными намъ въ изобиліи изъ Тырнова. Почти каждый день казаки тревожили насъ донесеніями что Турки показались въ долину Тувджи, что они быстро наступаютъ на насъ, но каждый разъ оказывалось что принятыя казаками за Турокъ были партіи Болгаръ, переселявшихся изъ-за Малыхъ Балканъ въ долину Казанлыка. Сулейманъ-паша не показывался вовсе, напротивъ, по послѣднимъ извѣстіямъ онъ отступилъ изъ Ески-Загры на югъ*. Солдатамъ, расположеннымъ на высотахъ, жилось также

* Въ послѣдствіи выяснилось что Сулейманъ-паша дѣйствительно отступилъ изъ Ески-Загры на другой же день нашего боя подъ Джуранлы и демонстраціи произведенной Гурко подъ Ески-Загрой. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ нашихъ послѣдовательныхъ побѣдъ у Ески-Загры, Джуранлы и наконецъ того вызывающе-смѣлаго вида какой прилазъ Гурко въ виду турецкихъ посидѣль подъ Ески-Загрой, Сулейманъ-паша воображалъ что онъ имѣетъ дѣло не съ какими-нибудь ничтожными отрядами въ семь тысячъ человекъ, а съ отрядомъ

хорошо какъ и намъ въ лощинахъ. Благодаря огромнымъ гуртамъ скота, согнаннымъ Боугарами въ горы отъ хищничества Турокъ, мяса у солдатъ всегда было вдоволь; хлѣба тоже въ изобиліи; хотя почему-то въ соли ощущался подвѣшій недостатокъ. Подвозъ ея ожидали со дня на день изъ Тырнова, но соли такъ и не подвезли солдатамъ. Мнѣ вспоминается какъ въ одну изъ моихъ прогулокъ по горамъ я встрѣтился съ милѣйшимъ генераломъ Ц—мъ и поѣхалъ съ нимъ рядомъ. Мы прѣѣзжали мимо стрѣлковой бригады, расположившейся вокругъ шилъвшихъ котловъ на обѣдъ. Солдаты хлѣбали какую-то мохлебку, доставая ее изъ котловъ длиннѣйшими деревянными ложками.

— Хлѣбъ да соль, ребята! восклицаетъ Ц—ій, обращаясь къ солдатамъ.

— Покорѣйше благодаримъ, ваше превосходительство!

— А соли-то и нѣтъ! продолжаетъ Ц—ій.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Какъ же вы безъ соли-то?

— Обходимся, ваше превосходительство.

— Молодцы ребята! выкрикиваетъ неожиданно Ц—ій.

— Ради стараться, ваше превосходительство!

— Истинные молодцы! герои! обращается Ц—ій. — Представьте себѣ, во время боя подъ Джурамы яду я верхомъ на цѣпью, вижу несутъ раненаго стрѣлка; я остановился, спрашиваю: куда тебя ранило? а онъ привсталъ на косякахъ да и говоритъ мнѣ: „Слава тебѣ Господи, ваше превосходительство, привелось пострадать за Царя и вѣру противъ суннитата.“ А другой еще лучше. Шеврелнуться не можетъ на косякахъ; увидаетъ меня и кричитъ громкимъ голосомъ: „ура! ваше превосходительство, наши одолеваютъ!“

уставымъ, лишеннымъ боевыхъ припасовъ, но что предъ нимъ стоитъ авангардъ большой русской арміи, перешедшей Баканы, которой численность должна быть громадна, если судить о ней по смѣлости и рѣшительнымъ дѣйствіямъ ея авангарда. Поэтому Сулейманъ-паша счелъ за лучшее отступить назадъ къ Турну-Сеймену, оставивъ въ Ески-Загрѣ небольшой засады изъ пѣхоты для прикрытія своего отступленія. Позднѣе, узнавъ о томъ какъ жестоко онъ былъ обманутъ ловкими маневрами Гурко, Сулейманъ-паша вернулся въ долину Каванлыка и приступилъ къ своимъ отчаянно-раздраженнымъ атакамъ на Шипку. Аж.

Истинные герои! прибавляет Ц—й, вдруг разчувствовавшись и со слезами на глазах.

„Одакій славный и добрый генералъ“, думается мнѣ и я припомню какъ недавно еще вышамъ въ отрядѣ отъѣзжъ объ этомъ худенькомъ генералѣ, какъ о крабѣишемъ челоѣкѣ, хладнокровномъ и расгорядительномъ въ оуѣ.

— А все-таки скажу, обращаюсь ко мне Ц — ий онова, как бы отвечая на мою какую-то мысль, — не следует презирать врага; битъ врага следует, но всегда надо уважать врага.

Таким образом, мы имеем три группы. Первая группа — это те, кто не имеет никаких документов. Вторая группа — это те, кто имеет документы, но не имеет денег. Третья группа — это те, кто имеет и документы, и деньги. Мы должны рассмотреть каждую из этих групп отдельно.

Къ вечеру того же дня мы потянулись насадъ въ Хани-
койскому ущелью; сдѣлали два прихода въ горахъ, оба ере-
ди картинной обстановки горъ при ильмомъ аулакъ ости-
щеніи, подъ свѣдомъ новаго торѣшаго боашиши. Мраки
звѣздами. Но чувствовалось уже чинно. На душѣ было не-
весело. Наша забавляющій походъ былъ окончился и что-
то дѣло; неизвѣстное ожидало насъ впереди. На вечерѣ
Волгаря върбала. Пасьяна въ вѣсѣхъ въ трюмъ авиации.
Она потребовала приложения вѣсѣхъ боевыхъ силъ (рукокой
арміи); она не допустила приемыши подкрѣпленія Турко для
продолженія похода въ Багдадъ; веденнаго въ такомъ
смыслѣ и такимъ улавиши. Главною Кавказа переиже-
ла въ Тырново въ Горніи Студель, Въ Россіи двинулась
Императорская гвардія...

Возвратившись из Тырново, Гурко вскоре уехал в Россию; как начальник 2й гвардейской кавалерийской дивизии, он отправился на встречу своей части чтобы во главе ее вернуться вновь на театр военных действий.

КНЯЗЬ ЛЕВЪ ШАХОВСКОЙ.

Салз-Стефано,

15го марта 1878 года.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ИЗДАНІЮ РОМАНА „НАБАБЪ“

Объясненія выходяща на п. Альфонса Додэ, будто бы въ своемъ романѣ *Набобъ* изображалъ портреты живыхъ людей, не прекращающа, и очевидно ставятъ автора въ положеніе по своему приязное, несомнѣнно на громадный успѣхъ его произведенія; это и побудило его при тридцати седьмомъ изданіи *Набоба* (тридцать семь изданій въ теченіе четырехъ издательствъ и много появившія его въ такой распространенной тавелѣ какъ *Temps* — успѣхъ не можетъ замѣчательный!) написать объяснительное предисловіе, которое мы и воспроизводимъ, въ полной увѣренности что оно не лишено интереса для читателей *Русскаго Вѣстника*, знакомыхъ съ романомъ г. Альфонса Додэ.

„Сто лѣтъ тому назадъ Лессинсъ писалъ во главѣ своего *Жизнѣлаза* слѣдующее: „Такъ какъ существуютъ люди которые не умѣютъ читать не принимая къ живымъ лицамъ „порочныхъ или смѣшныхъ характеровъ, встрѣчаемыхъ имъ въ сочиненіяхъ, то я объявляю этимъ злымъ читателямъ, что они напрасно стали бы принимать къ кому бы то ни „было портреты находящіеся въ этой книгѣ. Дѣлаю любительное признаніе: я имѣлъ въ виду только представить жизнь „людей какъ она есть...“

„Не имѣя ни малѣйшаго притязанія ставить мой романъ на одну доску съ романомъ Лесажа, я все-таки желаю помѣстить заявленіе въ этомъ родѣ на первой страницѣ *На-баба* при самомъ появленіи его въ свѣтъ. Многія соображенія остановили меня. Вслервыхъ, страхъ чтобы подобное извѣщеніе не показалось съ моей стороны желаніемъ насильственно привлечь къ себѣ вниманіе публики. Въ вторыхъ, я былъ далекъ отъ мысли чтобы книга написанная чисто съ литературною цѣлью могла вдругъ приобрести такую анекдотическую важность и наклаука въ меня такой шумной рой возраженій. И дѣйствительно, никогда не бывало ничего подобнаго. Ни одна строка моего сочиненія, ни одинъ изъ его героевъ, ни одно лицо, даже представляемое въ формѣ силуэта, не избавлялось отъ замечаній и протестовъ. Какъ ни защищается авторъ, какъ ни клянется что у его романа нѣтъ ключа, всякій старается выковать по крайней мѣрѣ одинъ такой ключъ, съ помощью котораго онъ имѣетъ притязаніе отпереть этотъ замысловатый замокъ. Настоятельно заявляютъ что тилы эти жили, мало того!—что они живутъ до сихъ поръ и похожи какъ двѣ капли воды... Молчаливъ такой-то, не правда ли?... Сходство съ Джекилломъ поразительно... Тотъ вердится что его олицетворяетъ въ лицѣ такого-то, другой—что его не вывели на сцену; и при такой погонѣ за скандаломъ, нѣтъ имени котораго такъ трудно выбрать для современнаго романа, нѣтъ названія улицы, номеровъ домовъ, взятыхъ наудачу, которые не послужили бы поводомъ къ отысканію тождества такихъ-то и такихъ-то людей съ существами созданными изъ тысячи частей и изъ окончательномъ результатѣ положительно вымышленными.

„Авторъ слишкомъ скромнѣе чтобы принять весь этотъ шумъ на свой счетъ. Онъ знаетъ какое участіе принимали въ этомъ дружескія или коварныя нескромности журналовъ, и не выражая слишкомъ большой благодарности первымъ и единкомъ большаго неудовольствія послѣднимъ, онъ съ покорностью смотритъ на всю эту тревогу какъ на нѣчто неизбежное, и только считаетъ долгомъ чести, опираясь на двадцать лѣтъ честной литературной работы, объявить что и на этотъ разъ, какъ прежде, онъ не искалъ такого элемента успѣха. Перебирая свои воспоминанія, что составляетъ право и обязанность каждаго романиста, онъ припомнилъ странный эпизодъ космополитскаго Парижа пятнадцать

лѣтъ тому назадъ. Романтичность осѣлительнаго и краткаго существованія, пролетѣвшаго метеоромъ по парижскому небу, очевидно послужила рамкой для *Набаба* при этомъ изображеніи правозъ второй имперіи. Но вокругъ этого явленія и извѣстныхъ приключеній, которыя каждый былъ въ правѣ изучать и вѣдомить, сколько фантазіи, сколько вымысловъ, и въ особенноти какое обиліе постоянной, многосторонней, почти безсознательной набардательности, безъ которой не можетъ быть сколько-нибудь сноснаго писателя! Сверхъ того, чтобы дать себѣ отчетъ о работѣ переносащей дѣйствительность въ фикцію, жизнь въ романъ, стоило бы только переиздѣть *Официальный Мониторъ* за февраль 1864 года, и сравнить нѣкоторое засѣданіе законодательнаго корпуса съ изображеніемъ его въ моей книгѣ. Кто бы могъ предполагать что по простествіи столькожъ лѣтъ этотъ забычившій Парижъ сумѣетъ узнать первоначальный образецъ въ идеализаціи, которую сдѣлалъ изъ него романистъ, и что онъ подниметъ голосъ чтобы обвинить въ неблагодарности того кто не былъ конечно „постояннымъ гостемъ“ своего героя, но только, въ рѣдкія ихъ встрѣчи, любознательнымъ наблюдателемъ, въ которомъ истина выражается фотографически, и которымъ никогда не можетъ изгладить изъ своего воспоминанія образъ разъ въ немъ залечатавшійся?

„Я зналъ „настоящаго Набаба“ въ 1864 году. Я занималъ тогда полуофициальное положеніе, обязывавшее меня соблюдать большую одержанность въ моихъ посвѣщеніяхъ къ этому пышному и гостепріимному Левантицу. Въ послѣдствіи я былъ хорошо знакомъ съ однимъ изъ его братьевъ, но въ ту минуту бѣдный Набабъ бился далеко, посреди колючихъ терновыхъ кустарниковъ, и въ Парижѣ его видали рѣдко. Впрочемъ, порядочному человѣку очень неловко считаться такимъ образомъ съ покойниками и говорить: „Вы ошибаетесь. Хотя онъ былъ и любезный человѣкъ, но я рѣдко бывалъ у него.“ Полагаю что съ моей стороны достаточно будетъ объявить что говоря о сынѣ Франсуазы какъ говорилъ я, желая возбудить къ нему симпатію, я считая упрекъ въ неблагодарности кѣливною во всѣхъ отношеніяхъ. Это вѣрно до такой степени что многіе нашаи что портретъ слишкомъ льщенъ, что онъ гораздо интереснѣ оригинала. Этимъ людямъ я далъ самый простой

отвѣтъ: Жансуле произвелъ на меня впечатлѣніе хорошаго человѣка; но во всякомъ случаѣ, если я ошибаюсь, ищите газеты открывшія вамъ его настоящее имя. Я представляю вамъ мой романъ, какъ романъ дурной или хорошій все равно, но безъ ручательства за сходство.

„Что касается Мора, то это цное дѣло. Говорили о нескромности, о политической измѣнѣ... Боже мой! я никогда не скрывалъ этого. Двадцати лѣтъ отъ роду я состоялъ при канцеляріи высокаго сановника послужившаго мнѣ типомъ, и друзья мои того времени знаютъ какое важное политическое лицо представлялъ я тогда. Администрация также должна была сохранить страшное воспоминаніе объ этомъ фантастическомъ чиновникѣ съ меровингскою гривой, являвшемся всегда послѣ всѣхъ въ канцелярію и исчезавшемъ прежде всѣхъ, а герцога поощравшемъ только затѣмъ чтобы проситься въ отпущъ; при этомъ съ характеромъ совершенно независимымъ и до такой степени чуждымъ имперіи что когда герцогъ предлагалъ ему вступить къ нему въ канцелярію, то будущій чиновникъ считъ своимъ долгомъ объявить съ юношескою и трогательною тержеотвѣтностью „что онъ легитимистъ“.

„Императрица также легитимистка“, отвѣчалъ его превосходительство, улыбаясь какъ-то величественно, спокойно и насмѣшливо. Съ этою улыбкой я видѣлъ его всегда, не имѣя для того нужды подсматривать въ замочную скважину; и такимъ я изобразилъ его, такимъ онъ любилъ показываться въ своемъ положеніи Ринельдъ-Брюммеда. Исторія займется имъ какъ государственнымъ человѣкомъ. Я только представилъ его, примѣшивая его издавѣка къ фукціи моей драмы, какъ свѣтскаго человѣка, какимъ онъ былъ и какимъ желалъ быть, и притомъ съ увѣренностью что и при жизни ему понравилось бы такое изображеніе.

„Вотъ что я имѣлъ сказать. И теперь, послѣ этихъ совершенно откровенныхъ заявленій, возвратимся поскорѣе къ работѣ. Предисловіе мое найдутъ нѣсколько короткимъ, и любопытные напрасно будутъ искать въ немъ ожидавшаго ими эффекта. Тѣмъ хуже для нихъ. Какъ ни коротка эта страшида, она все еще слишкомъ длинна для меня. Предисловія тѣмъ въ особенности и дурны что мѣшаютъ вамъ писать книги.“

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

19го марта 1878.

Обозрѣвать въ настоящую минуту политическое положеніе,—задача крайне трудная и неблагодарная. Ежедневныя газеты, резервуары цѣлой массы ежечасно въ нихъ сливающихся извѣстій, разбрасываютъ по всемъ уголкамъ и самымъ щелчкамъ, и комментаріи въ намѣ, и сужденія о нихъ. Въ статьѣ выходящаго развѣ въ мѣсяцъ журнала сказать теперь что-нибудь о политикѣ новее, *интересное*, не легко. Приходится ограничиться въ некоторую группировку главнѣйшихъ факторовъ и ихъ освѣщеніемъ, чтобы читатель газеты могъ по крайней мѣрѣ уяснить себѣ положеніе дѣлъ.

Условія заключеннаго нами 19го февраля съ Турціей preliminary договора вотъ уже три недѣли сосредоточиваютъ на себѣ всю европейскую политическую дѣятельность. Съ нами же была связана мысль о конгрессѣ, о судьбѣ котораго чуть ли не гадали: будетъ конгрессъ, не будетъ конгрессъ, будетъ не будетъ,—нека графъ Беконсфильдъ со свойственною ему рѣшимостью не сказалъ: не будетъ. Съ нашей русскій точки зрѣнія договоръ этотъ—актъ, съ одной стороны выражающій крайнюю умѣренность побѣдителя и великодушіе къ поверженному во врагъ противнику, въ такихъ раздѣлахъ, какихъ не допустила бы ни одна европейская держава, находясь въ нашемъ положеніи, съ другой — настолько

заботящійся о чужихъ интересахъ, чужомъ самолюбіи, предоставляющій своею *предварительностью* столько простора для обсужденій, внимательства, урѣзываній и т. л., что ничего подобнаго въ новѣйшей исторіи не находимъ.

Но не такъ смотрятъ на него другіе. Германія и Италія не высказали пока опредѣленнаго взгляда и, должно думать, едвали бы стали настойчиво возражать противъ каго-нибудь пункта договора. Официальная Франція больше отмалчивается: не имѣя возможности играть первую скрипку, ей бы желательно чтобы до поры до времени вообще концертъ былъ отложенъ, а когда она попрежнему станетъ во главѣ Европы (на что не теряетъ надежды) тогда она съ полною готовностью поставитъ на очередь ея вопросы. Она, конечно, этого не говоритъ; но это совершенно ясно изъ всѣхъ ея дѣйствій. Она даже обсуждала вопросъ, слѣдуетъ ли ей вообще принимать участіе въ предполагаемомъ конгрессѣ. Тутъ столько поводовъ затаеннаго раздраженія и неудовольствія что колебанія понятны: трактатъ *заключенный въ Парижѣ* будетъ *уничтоженъ въ Берлинѣ*... И хотя Крымская война велась узурпаторомъ, „преступникомъ 2го декабря“, „человѣкомъ Седана“, виновникомъ несамыхъ худшихъ бѣдствій и позора Франціи, хотя она стоила ей ста тысячъ человѣкъ и миллиарда франковъ, не принеся, кромѣ удовлетворенія пустѣйшаго тщеславія, никакой пользы; хотя всѣмъ извѣстно что война эта была только въ интересахъ Англіи, самаго отъявленнаго врага всякаго чужаго могущества, особенно морскаго, слѣдовательно и французскаго; не взирая на все это, *республиканское* правительство Франціи крайне не дозволяло усиліями Россіи кончить съ трактатомъ 1856 года; оно точно также сдержанно острастно заботиться о своей *gloire*, также готово играть въ высшую политику, хлопотать о преобладаніяхъ и престожахъ какъ и правительства *не республиканскія*; этого мало: она, республиканская Франція, она-киваетъ судьбу бѣдной Турціи, которой не дали справиться со взбунтовавшимися подданными...

На конгрессѣ, безъ сомнѣнія, представитель Франціи не былъ бы на нашей сторонѣ и держался бы взглядовъ Англіи. Дружба Россіи съ Германіей, ея роль, въ эпоху Франко-Прусской войны, когда Австрія была поставлена въ необходимость сидѣть спокойно, не забыты во Франціи, не

довольной къ тому же помѣхой ея выставкѣ, помѣхой коосвенно зависающей отъ Россіи. Въ политикѣ забываются только услуги, т.-е. не забываются, а за нихъ отплачивать извѣстнаго сорта *благодарностями*.

Что же касается французской печати, то большинство журналовъ изливаетъ на Россію такой потокъ враждебности, что, право, даже диву даешься! Возьмите любую книжку *Revue des deux Mondes* и прочтите политическія хроники. Восточный вопросъ изображается тамъ господами публицистами въ такомъ смыслѣ: Европа должна общими силами низвести Россію до положенія такой ничтожной державы, чтобъ ей не могло даже на мысль приходить не только нападать на Турцію, но даже слово замолвить за своихъ единоплеменниковъ, еслицъ даже ихъ совѣмъ сдали съ рукъ на руки баша-бузукамъ и Черкесамъ. Франція, конечно, сочла бы своею святою обязанностью взяться опять за такую операцію, но она поставлена въ необходимость заниматься своими внутренними дѣлами (эта тема обсуждается всегда чрезвычайно меланхолическимъ тономъ, съ недоумолвками)... Но вы то, вы, обращаете гг. Вальбергъ, Мазадъ и К° къ Англіи, что вы то смотрите и допускаете такія вопіющія нарушенія святости трактатовъ, международныхъ правъ, законовъ человѣколюбія наконецъ? Вы орамите великія имена вашихъ отцовъ и предковъ, обращаете они къ лордамъ Дарби, Карнарвону и другимъ; вы обращались въ политиковъ торговыхъ, коммерческихъ интересовъ, забывъ о высшихъ, общечеловѣческихъ интересахъ, за которые ратовала всегда „старая благородная Англія“: вы тоже увлечаетесь до роли квакеровъ, манчестерскихъ торгашей, въ родѣ Брайта, Гладстона и другихъ, болтающихъ на митингахъ о страданіяхъ христіанъ подъ игомъ мусульманскимъ, о десяткахъ тысячъ Болгаръ зарѣзанныхъ, на колѣ посаженныхъ и въ тюрьмахъ сгноившихъ. Вы вмѣсто того чтобы поддерживать энергичную политику вашего премьера, графа Беконсфильда, единственнаго великаго человѣка, ясно понимающаго задачи Европы въ Восточномъ вопросѣ, вы ему препятствуете, ставите ему преграды, вы вынудили его на сохраненіе нейтралитета Англіи, при объявленіи Россіей войны Туркамъ. Наконецъ, когда наступилъ несчастный періодъ сдачи Плевны, когда эти герои ислама были

вынужденъ ласть предъ многочисленными подчищанми сѣверныхъ варваровъ, вы лорды, правители Англіи, и тогда остались нѣмы и глухи къ страданіямъ этой бѣдной, безвинно подвергшейся нападению Турціи, заслуживающей однако полнѣйшаго вашего сочувствія, и не вступились за нее, не изрекли вашего грозного вѣто, не остановили разсирѣвшихся ордъ. И вотъ она несчастная, растерзанная имперія Османовъ теперь у ногъ московскаго варвара, и наислабизму уже нѣтъ дальнѣйшихъ преградъ начать свои страшныя оргіи употребленія европейской цивилизаціи!.. И такъ далѣе, и такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ. Я конечно не перевожу буквально, но передаю смыслъ, квинт-эссенцію цѣлаго ряда статей *Revue des deux Mondes*.

Интересно было бы видѣть какъ напримѣръ встрѣчались гг. де Мавиэ и Вальбергъ? Какъ римскіе авгуры, или не глядя другъ другу въ глаза?.. Нельзя же обидѣть ихъ подозрѣніемъ въ такомъ идиотизмѣ чтобы считать ихъ ласаніи искренними?

Въ Вѣнѣ,—но что происходитъ въ столицѣ Австро-Венгріи, въ чемъ состоитъ ея политика, чего она желаетъ или не желаетъ,—сказать объ этомъ что-нибудь определенное такъ же трудно, какъ опредѣлить неопредѣлимое. До послѣдней повѣстки туда графа Игнатъева раздавались только темныя слова объ охраненіи „австро-венгерскихъ интересовъ“, но въ чемъ они заключаются, предоставлялось каждому толковать *ad libitum*. Въ государствѣ составленномъ изъ столькихъ разнородныхъ національностей, стоящихъ другъ къ другу въ постоянномъ антагонизмѣ, само собою образовались и правительственныя партіи, находящіяся въ такомъ же разладѣ между собою. Подобно извѣстной баснѣ Крылова, гдѣ ракъ, щука и лебедь тащутъ въ различныя стороны, Мадыры съ азартомъ готовы ринуться на Россію войной, подъ видомъ защиты Турціи, собственно же для удовлетворенія чувства ненависти къ Славянамъ вообще и къ Россіи въ особенности; Нѣмцы — одни вообще войнѣ не желаютъ и боятся ея, помня нечеловѣчныя послѣдствія всякихъ веденныхъ Австріей войнъ, другіе хотъ и не прочь бы пошевелить, но съ цѣлями уже чисто завоевательными, ради присоединенія части населяема „большаго человѣка“, Италіанцы носятъ съ затѣяными надеждами въ случаѣ войны присоединиться

къ своему старому отечеству; Славяне, само-собою, не желаютъ войны противъ Россіи, освободительницы ихъ южныхъ соплеменниковъ, и служатъ противовѣсомъ воинственныхъ стремленій другихъ, потому что, при неудачной войнѣ, могутъ прекратить пассивное сопротивленіе мадыаро-вѣмеккой гегемоніи и заявить свои права; галиційскіе Поляки конечно рады бы войнѣ противъ Россіи, но только съ увѣренностью что она поведетъ за собою поднятіе польскаго вопроса, причемъ не могутъ въ тайнѣ не опасаться при-давленныхъ ими хлопловъ-Русиновъ, давно уже вызывающихъ къ центральному правительству объ оказаніи имъ справедливости и освобожденіи отъ ополченія... Трансильванскіе Румыны не прочь бы при удобномъ случаѣ избавиться отъ благотѣній мадыарскаго управленія. Такимъ образомъ у Австріи на рукахъ не малое количество внутреннихъ вопросовъ, ставящихъ ее въ крайне затруднительное положеніе ясно формулировать свои отношенія къ Восточному вопросу и высказать свои желанія.

Если вѣрять газетнымъ извѣстіямъ и толкамъ, вызваннымъ пріѣздомъ графа Игнатъева, пресловутая сфера австро-венгерскихъ интересовъ демаскировалась: она касается Сербіи, Черногоріи, Босно-Герцеговины, части Болгаріи до Эгейскаго моря... На всю эту западную часть Балканскаго полуострова Австріи желательно бы наложить свою руку, если не въ видѣ ихъ окончательнаго присоединенія, то по крайней мѣрѣ пріобрѣтенія надъ ними въ своемъ родѣ сюзеренныхъ правъ, для красоты слова называемыхъ *правственными вліяніемъ*. Если извѣстія эти справедливы, то нельзя не сказать что Австрія, не воевавъ, не затративъ ни единого гульдена и не пожертвовавъ ни единымъ человекомъ, желаетъ пріобрѣсти гораздо больше того что выговорила себѣ Россія за всѣ жертвы кровопролитной войны! Наши пріобрѣтенія въ Малой Азіи не стоятъ гроша въ сравненіи съ западною частью Балканскаго полуострова; клочокъ Бессарабіи—наше давнишнее владѣніе: потерянное въ неудачной войнѣ, оно естественно должно быть намъ возвращено послѣ побѣдосной войны съ тѣмъ же противникомъ (но и изъ-за этого клочка земли Румыніа грозитъ намъ еще новою войной!); освобожденная Болгарія, разъ она устроитъ и упрочитъ свое національное правленіе, не можетъ же считаться пріобрѣтеніемъ Россіи; правственная ея связь со

своею освободительницей, съ единоплеменной и единоверною страной, принесшею ради ея столько жертвъ, останется, безъ сомнѣнія, на долго; но подобныя отношенія развѣ могутъ оцѣниваться какъ нѣчто реальное? Что же еще приобрѣтено Россіей собственно для себя Санъ-Стефанскимъ договоромъ? Триста милліоновъ рублей контрибуціи? Но вѣдь это едва ли четвертая часть нашихъ затратъ на войну, не говоря о томъ что самое полученіе ихъ болѣе чѣмъ сомнительно.

Главный результатъ, добытый кровопролитною борьбой съ Турціей, можно-сказать, заключается въ осуществленіи идеи освобожденія балканскихъ христіанъ отъ мусульманскаго рабства. Полная независимость Черногоріи, Сербіи, Румыніи, автономія Болгаріи, гарантированныя улучшенія въ положеніи Босно-Герцеговины; вотъ что добыто геройскими подвигами нашей арміи, громадными жертвами всего Русскаго народа. Это еще не все чего слѣдуетъ желать и что рано или поздно должно совершиться. Но и это немногое даже обезпечено только *прелиминарнымъ* договоромъ, и это еще оспаривается пока, ожидаетъ какъ бы санкціи Европы, той Европы которая или равнодушно смотрѣла на терзанія освобождаемыхъ нами христіанъ, или поддерживала ихъ ужасное, рабское положеніе и ободрала ихъ палачей! Положимъ что никакія силы не уничтожатъ совершившагося факта и всѣ надежды что въ Болгаріи вновь „засіяетъ солнце Османлисовъ,“—лишь мечтанія пустыя; однако урѣзать, сократить границы и права, выговоренныя въ условіяхъ мирнаго договора, еще попытаются, отстаивать ихъ еще придется намъ, повидимому, съ оружіемъ въ рукахъ и въ борьбѣ быть-можетъ болѣе кровопролитной чѣмъ только-что законченная.

Еслибы Англія не разрушила казавшееся уже готовымъ зданіе Берлинскаго конгресса (не слѣдуетъ ли намъ отъ души поблагодарить ее за это?), то мы, безъ сомнѣнія, были бы свидѣтелями самаго настойчиваго оспариванія всѣхъ пунктовъ Санъ-Стефанскаго договора, не исключая и тѣхъ которые обезпечиваютъ будущность освобождаемыхъ христіанскихъ княжествъ. Въ Вѣнѣ говорятъ же, не отъсылаясь, что о согласіи на договоръ этотъ не можетъ быть и рѣчи, развѣ будетъ выплачена вышеупомянутая цѣна, то-есть уступка ей всей западной части Балканскаго полуострова съ Салона-

кама заключительно; въ противномъ случаѣ, Австро-Венгрія оставляетъ за собою *полную свободу дѣйствій* (одно разъ множества любимыхъ дипломатами словъ), а вѣнскія газеты совѣтуютъ смотрѣть на графа Игнатьева не какъ на пріѣхавшаго дѣлать предложенія, а какъ на *долженствующаго выслушивать требованія*... Что же однако понимать подъ вашею свободой дѣйствій? Вступите ли въ союзъ съ Англіей и Турціей и объявите намъ войну? Подождете ли, посмотрите, какъ мы будемъ истощаться въ борьбѣ съ Англіей, и въ удобнѣйшій моментъ явитесь у насъ въ тылу, во флангъ, такъ чтобы не очень рискуя выгадать какъ можно больше? чужими руками жаръ загрести?.. Послѣднее вѣрнѣе. По этой части вамъ и книги въ руки; хотя 1859 и 1866 годы должны были бы и отрезвить васъ отъ покаянія такой системѣ дѣйствій...

Но дѣло въ томъ, можетъ ли Россія серьезно выслушивать подобныя требованія, не говорю—соглашаться на нихъ? Нѣтъ, она не имѣетъ даже права на это: потоки крови пролитыя ея лучшими сынами, неслыханные ужасы только что испытанные Болгарами, жертвы ея народа, геройской Черногоріи и Сербіи, не могутъ составить предметъ торга. Вы не довольны уступками, одѣланными ради вашихъ притязаній, уступками, сквозящими въ каждомъ пунктѣ заключаемаго 19го февраля договора, имѣвшими очевидную наклонность къ нѣкоторой еще растяжимости, ну это ваше дѣло, оставайтесь при вашей „свободѣ дѣйствій“.

21го марта графъ Игнатьевъ уже возвратился въ Петербургъ. Иностранныя газеты сопровождали его отъѣздъ извѣстіемъ что миссія не удалась; но *Agence Générale Russe* предостерегаетъ публику отъ такихъ извѣстій. „Графу Игнатьеву было поручено, говорить официальный французскій листокъ, только *дружественное разъясненіе* Савъ-Стефанскаго договора, долженствовавшее уравнивать различіе во взглядахъ обоихъ правительствъ. Слухъ о томъ что Австро-Венгерское правительство старается возобновить переговоры о конгрессѣ скорѣе указываетъ на то что разъясненія данныя графомъ Игнатьевымъ и взгляды выражаемые графомъ Андраши *подають надежду на окончательное соглашеніе*.“

Итакъ, опять конгрессъ и даже надежды на соглашеніе. Съ кѣмъ? Съ Австро-Венгріей или со всѣми? На основаніи вышеуказанныхъ требованій графа Андраши?.. У нашихъ

французскихъ офиціозовъ каждый день все то же: больше и больше сгущеніе тумана, азартѣйшая игра въ шарады, въ утонченныя фразы, раздолье дипломатическимъ перьямъ...

Перейдемъ теперь къ Англіи, къ этому самому завязанному и закланному нашему врагу, и недоброжелателю и завистику. Вѣками выработанныя основанія англійской политики заключаются въ томъ чтобы поередствомъ крайняго развитія морскаго могущества господствовать надъ водяными путями всего міра и держать въ своихъ рукахъ торговыя дальнихъ восточныхъ окраинъ, населенныхъ народами удобно эксплуатируемыми. Подобно громадному чудовищному полилу протягиваетъ Англичанинъ со своего туманнаго острова сотни щупальцевъ во всѣ концы свѣта и высасываетъ всѣ жизненные соки. Жирѣя и набивая свои карманы золотомъ, Англія, по пословицѣ „во время вѣды является аппетитъ“, не перестаетъ захватывать и присвоивать себѣ то какой-нибудь островъ, то проливъ, то владѣніе какого-нибудь мелкаго полудикаго королевства или вновь созданную европейскими колонистами республику. Освятить такую систему дѣйствій, стремясь къ ея осуществленію съ изумительною ловкостью и энергіей, Англія должна была избрать девизомъ правила: „всѣ средства хороши которыя ведутъ къ цѣли“. И сдѣдуетъ она ему, нужно отдать ей полную справедливость, съ умомъ и искусствомъ достойными удивленія. Самою силой вещей, Англичане поставлены въ положеніе людей вынужденныхъ радоваться несчастью всякаго другаго народа: все что другихъ истощаетъ—ихъ усиливаетъ, и наоборотъ: всякое чужое усиленіе—имъ угрожаетъ, ихъ коробитъ. У нихъ вездѣ есть интересы, денежныя, самыя чувствительныя для большинства современнаго человѣчества интересы, и они съ нервною чуткостью прислушиваются къ малѣйшему шороху, не крадется ли кто къ ихъ сундуку?.. Для устраненія самаго малѣйшаго опасности они не останавливаются предъ чѣмъ: искусственныя возмущенія, подкулы, козныя дѣлающія жизни, самыя адскія махинаціи, все пойдетъ въ ходъ безъ малѣйшаго колебанія и зазрѣнія совѣсти; а въ то же время будутъ обсуждаться и трубнымъ гласомъ разноситься по всему міру самыя евангельски-человѣколюбивыя принципы проводимыя этою свободою, гуманною, религиозною Англіей въ жизнь, совершенно безкорыстно, не жалѣя никакихъ жертвъ. Она по-

заботится и о судьбѣ бѣдныхъ Негровъ, и Папуасовъ, и Тасманцевъ, даже, о судьбѣ щелятъ и кроликовъ, варварски терзаемыхъ учеными... И ничего, девяносто девять сотыхъ слѣпотствующаго человѣчества вѣрить всему на слово и превозносить эту самоотверженную гуманность Англіи, представительницы цивилизаціи, свободы, равенства, неприкосновенности личности и проч. *Mundus vult decipi*, міръ желаетъ чтобы его обманывали, и руководители англійской политики вотъ уже сотни лѣтъ съ поразительнымъ искусствомъ удовлетворяютъ этой человѣческой слабости смѣясь себѣ въ кулакъ.

Впрочемъ, все это старая, давно всѣмъ извѣстная исторія; о ней исписано уже не мало томовъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, даже на англійскомъ, тѣми честными Англичанами которые не причастны къ дѣяніямъ руководящихъ классовъ своего отечества.

На основаніи тѣхъ же традиціонныхъ правилъ своей политики которыя выставляли удовольствіе Англіи при видѣ истощавшихся въ войнахъ Австріи, Франціи, Италіи, Германіи, Даніи, Америки, ей еще больше наслажденія должна доставлять война въ которую будетъ втянута Россія,—эта самая опасная, въ будущемъ грозная и на Востокъ угрожающая англійскому преобладанію держава. Да чтобы Россію ослабить, затормозить ея развитіе, нанести ей пораженіе, унижить, истощить, умалить, Боже мой, для этого Англія готова на какія угодно жертвы, въ этомъ случаѣ она не остановится ни предъ чѣмъ. Раздуть герцеговинскіе беспорядки до войны Россіи съ Турціей, заварить кашу, которую придется расхлебывать всей Европѣ, выставить предъ немю московскаго лавсависта лугаломъ, возмутителемъ всеобщаго спокойствія, нарушителемъ святости договоровъ 56 и 71 годовъ, при удачѣ составить коалицію и выпустить дополненное и исправленное изданіе Крымской войны, помилуйте, да отъ одного воображенія о такихъ благополучіяхъ духъ захватывало у нѣкоторыхъ Англичанъ высшихъ сферъ.

Англійское правительство *сореало* консульскую комиссію, Берлинскій меморандумъ, Лондонскій протоколъ, Константинопольскую конференцію и поставило на своемъ: довело Россію до войны. Объявляя свой нейтралитетъ (впрочемъ на бумагѣ только, потому что онъ безстыднѣйшимъ образомъ былъ нарушаемъ все время войны), англійскій первый

министръ, впрочемъ, совершенно откровенно высказалъ что онъ пока останется пассивнымъ зрителемъ, а когда воюющія стороны достаточно истощатся, тогда ему удобно будетъ съ ними говорить... Когда война окончилась не совсемъ такъ какъ разчитывали въ Лондонѣ, а истощеніе наше, по тамошнему мнѣнію, еще не достигло *надлежащихъ размѣровъ* и слѣдовательно съ нами нельзя было еще заговорить слишкомъ повелительно-требовательнымъ тономъ, Англія рѣшилась *сорвать* и конгрессъ, боясь не ослабить тамъ всѣхъ остальныхъ членовъ и оказаться или вынужденною соглашаться на многіе пункты Санъ-Стефанскаго договора, или остаться совершенно изолированою. Между тѣмъ она исподоволь стала принимать разныя угрожающія положенія, разчитывая или прилунуть насъ и вынудить на такія уступки, которыя низвели бы результаты войны почти на нуль, или держать насъ пока въ напряженномъ, разоряющемъ наши финансы положеніи, а самой выигрывать время и для вооруженій, и для политическихъ интригъ...

Результатомъ ея дѣйствій въ этомъ направленіи былъ прорывъ флота изъ Безикской бухты въ Мраморное Море, затѣмъ усиленіе ея эскадры новыми броненосцами, воспрещеніе намъ посадить на суда войска въ Буюкдере для отправки въ Россію, какія-то не совсемъ разъяснившіяся пока работы у Галлиполи, усиленная дѣятельность по вооруженію морскихъ и сухопутныхъ силъ, наконецъ созывъ резервовъ арміи и выходъ въ отставку министра иностранныхъ дѣлъ лорда Дарби, не вполнѣ соглашавшагося на крайнія, воинственныя мѣры своего премьера и желавшаго, по возможности, избѣжать дѣйствительнаго съ Россіей разрыва, въ надеждѣ добиться одними угрозами достаточныхъ уступокъ.

Этотъ моментъ, обозначающій крутой поворотъ отъ выжидательной угрожающей политики Британскаго кабинета къ болѣе активной, сопровождался назначеніемъ на мѣсто графа Дарби маркиза Салсбери министромъ иностранныхъ дѣлъ. Помня роль этого лорда на Константинопольской конференціи, его прогулки подъ руку съ графомъ Игнатьевымъ, дружбу его супруги съ графиней, пріемъ ихъ въ своемъ англійскомъ замкѣ, антагонизмъ якобы благороднаго маркиза съ графомъ Беконсфилдомъ, единогласіе

его со своимъ родственникомъ графомъ Дарби и т. п., можно было подумать что его назначеніе служить какъ бы нѣкотораго рода смягченіемъ угрозы. Даже биржи приняла это за признакъ успокоительный, и оломились отъ паники обуявшей ихъ при извѣстіи объ отставкѣ графа Дарби. Но это оказалось крайне ошибочнымъ предположеніемъ: маркизъ Салсбери разослалъ къ представителямъ Англіи циркуляръ, выражающій взглядъ Британскаго правительства на Санъ-Стефанскій мирный договоръ. Взглядъ этотъ таковъ что съ русской точки зрѣнія на него возможенъ только одинъ отвѣтъ: зарядить всѣ пушки и стать съ зажженными фитилями...

Циркуляръ новаго Британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 1го апрѣля, имѣетъ впрочемъ одно немаловажное достоинство: онъ въ сравненіи съ раздававшимися до сихъ поръ изъ Лондона голосами отличается достаточною откровенностью; вмѣсто опротивѣвшей всѣмъ фразы „британскіе интересы, общеевропейскіе интересы,“ смыслъ коихъ былъ покрытъ густымъ мракомъ, въ немъ высказываются если и не съ полною еще откровенностью и ясностью, то все же достаточно наглядно требованія Англіи. Сожалѣя о рѣшеніи Русскаго правительства не представлять Санъ-Стефанскаго договора на судъ конгресса, съ предоставленіемъ ему права обсуждать *всѣ* его пункты, а самой Россіи подвергаться роли представшаго предъ высшимъ аренономъ на судъ, въ ожиданіи милостиваго рѣшенія, маркизъ Салсбери говоритъ: „Въ настоящее время невозможно опредѣлить до какого пункта условія договора будутъ приняты державами...“ И затѣмъ излагаетъ чего Англія допустить не желаетъ. Делеша въ сущности говоритъ, разорвите Санъ-Стефанскій договоръ какъ нѣчто не осуществимое; забудьте думать о свободномъ Болгарскомъ княжествѣ; не мечтайте о Бессарабіи, Батумѣ и 300 милліонахъ рублей контрибуціи и отправляйтесь съ Богомъ воссоединяйтесь. А мы ужъ похлопочемъ объ улучшеніи Турецкаго правительства для христіанъ и удержаніи за собой полноправнаго вліянія на Турцію, на всѣ земли, моря, проливы и заливъ, состоящіе *географически* въ ея юрисдикціи.

Этотъ замѣчательный документъ *Times* яслишила при-
вѣтствовать слѣдующею замѣткой: „Положеніе правитель-
ства опредѣлено теперь ясно; теперь оно ожидаетъ рѣшенія

Россіи о томъ сѣдуетъ ли ей, съ *несвоевременными* *высоко-мѣрными* (какова наглость?!) отвергнуть всѣ шансы къ мирному разрѣшенію возбужденныхъ ею важныхъ спорныхъ вопросовъ. Безусловно выраженное Британскимъ правительствомъ убѣжденіе что поставленная Россіей условія не со-вмѣстны съ интересами Англіи и Европы (мороchte!) найдетъ твердую опору въ общественномъ мнѣніи Англіи.“

Газета *Morning Post* называетъ депешу Салсбери обяза-тельнымъ актомъ противъ русско-турецкаго договора, а *Standard* и *Daily Telegraph* признаютъ ее важнымъ государ-ственнымъ документомъ, могущимъ только оправдать Ан-глію предъ европейскими державами.

Что же намъ сказать? Да и говорить ли? Къ чему пустая трата словъ, къ чему вѣдутъ всѣ эти пререканія? Развѣ есть какой-нибудь выборъ между отказомъ отъ всего что совершено съ 12го апрѣля 1877 по 19е февраля 1878 года и отставаніемъ всего же съ оружіемъ въ рукахъ? И развѣ можетъ быть сомнѣніе въ выборѣ? Россія не любившаяся напора всей Европы въ 1812, дорого продавшая неусѣхъ въ 1854—55, не испугается англо-мадярскихъ громовъ въ 1878. Дѣло идетъ о ея чести и достоинствѣ какъ великой державы. Только, ради чести ея, довольно словъ и утѣ-живаній!

Для полноты картины сѣдуетъ еще прибавить что отно-шенія наши къ Турціи далеко не достаточно опредѣлены. Мы имѣемъ много оснований не вѣрить ея *дружескимъ* за-явленіямъ и нельзя не относиться съ большою подозритель-ностью къ разнымъ распоряженіямъ Порты по организаціи арміи, къ мелкимъ ея придиркамъ, къ большой близости главныхъ турецкихъ дѣтелей съ Десрадомъ. Какъ бы намъ не пришлось горько каяться въ великодушіи!...

Вотъ каково политическое положеніе въ настоящую ми-нуту, когда мы пишемъ эти строки. Каждый часъ можетъ принести какое-нибудь важное, рѣшающее извѣстіе. Бать-можетъ германскій канцлеръ, въ отвѣтъ на вышеприведен-ный англійскій циркуляръ, скажетъ какое-нибудь такое слово, могущее повліять или на Англію, то на Австрію. Вѣтеръ можетъ еще измѣниться и очистить атмосферу отъ удручающаго порохового запаха. Но это кажется намъ со-мнительнымъ: Англія хочетъ воевать во что бы то ни стало;

лавы Пальмерстона не дають спать Беконсфильду и есть еще какія-то другія, не совсѣмъ намъ извѣстныя, темныя лобужденія на берегахъ Темзы къ архи-воинственному настроенію. 27го числа начнутся въ англійскомъ парламентѣ пренія по поводу требованія королевы о созывѣ резервовъ, и будущая недѣля должна привести разрѣшеніе послѣднихъ недоумѣній. Должно думать что министерство обезпечило за собою большинство, и пренія кончатся преніями....

Въ виду жгучаго интереса, возбуждаемаго въ цѣломъ мірѣ перипетіями Восточнаго вопроса, все остальное совершающееся въ Европѣ и могущее въ другое время возбудить не малый интересъ, теперь ступенывается. Борьба партій во Франціи, которая никакъ не можетъ успокоиться, перемѣна министерства въ Италіи, новидимому несомнѣнно пріятная молодому королю, прекращеніе десятилѣтняго кровопролитнаго возстанія на островѣ Кубы, наконецъ измѣненіе палатской политики Львомъ XIII, который вмѣсто „non possumus“ своего предмѣстоиска очевидно вступаетъ на болѣе примирительный путь въ отношеніи къ свѣтскимъ властямъ въ другихъ государствахъ, его письма къ императору Вильгельму, могущія повести къ прекращенію ожесточенной борьбы извѣстной подъ именемъ Culturkampf,—все это, повторяемъ, въ другое время заслуживало бы болѣе подробнаго уломиканія и освѣщенія. Но теперь не до того. Не только вниманіе русскихъ читателей, но всѣ помыслы, всѣ нравственныя и матеріальныя силы всей безъ исключенія Россіи должны всецѣло принадлежать великой злобѣ дня—защитѣ чести, достоинства, будущности, дорогой памяти павшихъ героевъ отъ наглыхъ, несмысленно-наглыхъ, несправедливыхъ притязаній!

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Брэддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сентъ-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фовбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

1878

А П Р Ъ Л Ъ

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

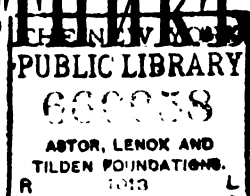
- I. НАШИ ТЮРЬМЫ И ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОСЪ. Н. В. Муравьева.
- II. ОТЪ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ. Разказъ туриста. А. Незлобина.
- III. ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. Гл. XLII—XLIII. А. Л. Эксермана.
- IV. РУССКІЙ ХУДОЖНИКЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ. Семейныя письма покойнаго Николая Александровича Рамазанова. Гл. XII—XXVIII.
- V. ОЧЕРКИ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО ВОЗСТАНІЯ. Гл. XIV—XVIII. Петра Петрова.
- VI. РАЗКАЗЫ БАБУШКИ. Изъ воспоминаній латы покойной. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. II—IV.
- VII. ТЕНЬ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Р.
- VIII. ЧЕТВЕРТЬ ВЪКА НАЗАДЪ. Правдивая исторія. (Памяти графа Александра Константиновича Толстаго.) Гл. I—XII. В. М. Маркевича.
- IX. АЛБІОНЪ. Стихотвореніе. М. Юзефовича.
- X. ДЕНЬГИ МИЛЕДИ. Эпизодъ изъ жизни молодой дѣвушки, разказанный Уилки Коаллинзомъ. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. XII—XV.
- XI. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Л. Эксермана.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1878 года.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1878 году стоить въ Москвѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входящія въ составъ Всеобща-
го Почтоваго Союза: въ Англію, Францію,
Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Да-
нію, Італію, Іспанію, Норвегію, Швецію,
Швейцарію, Португалію, Молдавію, Вала-
хію, Сербію, Европейскую Турцію, Гол-
ландію, Черногорію и Сѣверо-Американ-
скіе Соединенные Штаты. 18 р.

Въ прочія мѣста за границей по предварительному
соглашенію съ редакціей.

О ПОДПИСКѢ НА МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1878 года

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1878 году е же-
дневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными
праздниками, но въ случаѣ получения важныхъ новостей,
имѣютъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. (За
время войны таковыя прибавленія выпускаются почти по-
слѣ каждого праздника.) По понедѣльникамъ (кромя слѣдую-
щихъ за табельнымъ праздникомъ или за двумя праздничны-
ми днями) издается полный листъ газеты, но безъ перс-
довыхъ статей.

Въ 1878 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и бо-
лье, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣще-
нія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть
помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты
не помѣщается. Желающіе получать газету съ этими приби-
вленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Универси-
тетской Типографіи отъ городскихъ, и въ конторѣ редакціи
отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на углу
Большой Дмитровки и Страстного бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* въ 1878 году
слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:	Съ казенными объявленіями:
На 3 мѣсяца..... 4 р. 50 к.	На 3 мѣсяца..... 6 р.
6 мѣсяцевъ..... 9 „ —	6 мѣсяцевъ..... 10 „
12 „..... 14 „ 50.	12 „..... 16 „ 50 к.

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЙ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ,
ВЪ БАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСЯ МѢСТА
ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:	Съ казенными объявленіями:
На 3 мѣсяца..... 5 р. 50 к.	На 3 мѣсяца..... 7 р. 25 к.
6 мѣсяцевъ..... 10 „ 50.	6 мѣсяцевъ..... 12 „ —
12 „..... 17 „ —	12 „..... 19 „ 50.

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почти 16%, подпие-
нныя цѣны (съ доставкой) и сверхъ того плата за бандероль и печат-
ный адресъ.

Цѣна съ доставкой за границу:

Въ государства входящія въ составъ Всѣобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Герма- нію, Грецію, Далію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Порту- галию, Молдавію, Валахію, Сербію, Евро- пейскую Турцію, Голландію, Черно- горію и Северо-Американскіе Соеди- ненныя Штаты	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
	8 р.	14 р.	26 р.
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
	9 р.	15 р.	28 р.

Въ иностранныя государства выше неупомянутыя подписка принимается по соглашенію съ редакціей.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ привислинскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 10 р. въ годъ безъ казенныхъ объявленій, 12 р. въ годъ съ казенными объявленіями; 6 р. за полгода безъ казенныхъ объявленій, 7 р. за полгода съ казенными объявленіями.

Редакція проситъ инокородныхъ присылать адреса *четко* написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

НАШИ ТЮРЬМЫ

И

ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОСЪ *

I.

На рубежѣ уголовного права стоитъ одна общезвѣстная истина, вводящая въ его область и ее освѣщающая. Тщательно изслѣдованная и доказанная величайшими мыслителями новаго времени, сдѣлавшаяся теперь уже аксіомой—она гласитъ: государство, во имя всѣхъ представляемыхъ и краемыхъ имъ интересовъ, имѣетъ право и несетъ обязанность наказывать своихъ преступниковъ. Для этого оно устанавливаетъ рядъ законовъ о наказаніяхъ, подъ страхомъ которыхъ запрещаются извѣстныя дѣянія обозначенными именемъ преступленій. Сущность этихъ наказаній, независимо отъ ихъ различія, независимо даже отъ того или другаго преобладающаго взгляда на нихъ, заключается въ томъ, что совершая преступленіе, виновный тѣмъ самымъ какъ

* Публичная лекція, читанная авторомъ 12го февраля 1878 года въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ на публичномъ прѣ открытомъ профессорами Университета для составленія списка на проценты отъ котораго будутъ учреждены стипендіи и дѣтей вдовъ и военныхъ врачей пострадавшихъ въ минувшую войну.

бы принимаетъ на себя предъ государствомъ обязанность вознаградить за причиненный имъ нравственный, интеллектуальный или экономическій вредъ; такую свою обязанность онъ отбываетъ, предоставляя въ распоряженіе государства разныя свои человѣческія и гражданскія блага. Государство же лишаетъ преступника одного или нѣсколькихъ благъ, или всѣхъ ихъ взятыхъ вмѣстѣ,—или же только части какого-либо изъ нихъ. Такое отнятіе или пораженіе благъ виновнаго и есть уголовное его наказаніе. Отсюда, соответственно разнообразію и различію благъ разнообразятся и различаются и наказанія, кары ихъ поражающія. Такъ складывается обширная система наказаній, направленныхъ противъ разныхъ благъ. Благо жизни поражается смертною казнью, благо тѣлесной неприкосновенности, здоровья—тѣлесными или членовредительными наказаніями, благо обладанія извѣстными политическими и гражданскими правами и благо чести—лишеніемъ правъ и разными осрамительными наказаніями, блага имущественныя—денежными взысканіями, благо свободы перемѣщаться и дѣйствовать—лишеніемъ свободы, благо внутренней личной независимости—замѣчаніями; выговорами, внушеніями и мѣрами церковной дисциплины. Всѣ перечисленныя формы представляютъ одно общее значеніе—наказанія, но являются его различными *средствами*. Выборъ этихъ средствъ, способы и особенности ихъ примѣненія надъ человѣческою и гражданскою личностью преступника всецѣло зависятъ отъ сложнаго ряда многихъ условій. Ихъ можно свести къ двумъ главнымъ капитальнымъ пунктамъ: во первыхъ *къ цѣли*, какую стремятся достигнуть посредствомъ наказанія вообще и во вторыхъ *къ свойствамъ*, какихъ отъ него требуютъ. Ученіе о цѣли, свойствахъ и, какъ результатъ ихъ, о средствахъ наказанія нельзя не признать важнѣйшимъ отдѣломъ всей сферы общихъ криминальных началъ и притомъ такимъ, который имѣетъ наибольшее политическое и социальное значеніе, отличается животрепещущимъ характеромъ вопроса всегда жизненнаго и всегда интереснаго, потому что вопросъ о томъ какъ, для чего и чѣмъ наказываетъ государство преступниковъ, всегда былъ и будетъ существеннымъ и сильнымъ факторомъ культуры. Ученіе это и положительное выраженіе его въ законодательствахъ прошло чрезъ всѣ послѣдовательные фазисы историческаго

извитія народовъ и испытало на себѣ всѣ періоды цивилизаціи, неизбѣжно отражая духъ и вѣянія времени, неизмѣнно ими проникнутое и обусловленное. Въ одну общую почти однородную массу сливаются воззрѣнія на казненіе древняго міра, Среднихъ Вѣковъ и новаго времени до самаго конца XVIII столѣтія. Тяжко отмстить преступнику за совершенное имъ преступленіе, устрашить этою страшною смертью другихъ, будущихъ, возможныхъ преступниковъ (*exemplum in anima vili*), расправиться съ нимъ разомъ, окончательно и радикально, на вѣки извергнуть его изъ общества—вотъ старая цѣль наказанія. Разсматривать преступника какъ презрѣннаго отверженца общества, достойнаго только страданій и всякихъ невзгодъ, игнорировать и вслѣдствіе этого толтать въ грязь его человѣческую личность и его человѣческое достоинство—вотъ отношеніе опредѣлявшее сущность свойства уголовной кары. Удовлетворять же такимъ образомъ, совмѣщать такіа свойства въ себѣ могли главнымъ образомъ смертная казнь и разнообразныя тѣлесныя, членоедительныя и осрамительныя наказанія, которыя по своему теченію многихъ вѣковъ и были исключительными или преобладающими средствами наказанія. Второстепенною, хотя и необходимою, прибавкой къ нимъ, а также мѣрой переходною, временною (*подслѣдственною*, какъ мы говоримъ теперь) являлось лишеніе свободы и простѣйшій, легчайшій, а по тогдашнему наиболѣе практикуемый видъ ея—тюремное заключеніе, *органъ*. На ней сказались всѣ старыя цѣли и свойства уголовного наказанія. Заключеннаго нужно было только похлѣбче и побезусловнѣе отрѣзать отъ общества; отсюда—сокія стѣны, толстыя двери, тяжелыя цѣли и ни малѣйшій заботы о какомъ бы то ни было благосостояніи узника, полнѣйшее пренебреженіе къ его участи. Но тюремное заключеніе было слишкомъ трудно, неудобно и дорого сдѣлать пожизненнымъ. Нужно было поему позаботиться о томъ, чтобъ отнять у арестанта всякую возможность возврата въ его прежнее общество; отсюда—волчій паспортъ, клейменіе, инфамія, лишеніе чести и вѣчное лишеніе правъ. Хнулъ старый порядокъ, отжила время свое и изгладилась старая система принциповъ и старыя взгляды, измѣнились цѣли, средства и средства наказанія—измѣнился и характеръ тюрьмы. Удалять изъ общества только рѣдкихъ, неисправимыхъ людей, а вообще лишать преступника извѣстнаго доро-

гаго для него блага лишь настолько насколько это необходимо для соразмѣрности съ его преступленіемъ, а главнымъ образомъ не только исправить его, но и перевоспитать, уничтожить въ немъ преступныя импульсы и замѣнить инстинкты, подготовить и облегчить ему возвратъ въ общество къ новой честной жизни—вотъ провозглашенныя наукой новыя цѣли новаго, намъ современнаго наказанія. Признавать въ преступникѣ прежде всего и больше всего человека, которому не чуждо ничто человеческое, видѣть въ немъ не только виновнаго, но и страдающаго и несчастнаго, — вотъ проникнутое духомъ гуманности отношеніе, опредѣляющее новыя свойства современныхъ уголовныхъ каръ. Для того же чтобы быть справедливыми и всегда уравнивать собою преступленія, онѣ кромѣ того еще должны допускать возможно свободное и легкое дробленіе и дѣленіе, разчлененіе и сложныя комбинаціи элементовъ и частей. Такимъ наказаніемъ можетъ быть только одно лишеніе свободы, а изъ всѣхъ видовъ его—тюремное заключеніе по преимуществу. Поэтому лишеніе свободы и тюрьма, какъ лучшая форма его, представляетъ въ настоящее время господствующее и преобладающее средство наказанія; мало-по-малу оно всюду вытѣсняетъ собою или по крайней мѣрѣ отодвигаетъ на второй планъ всѣ другія наказанія, которыя становятся по отношенію къ нему наказаніями или только добавочными, или экстраординарными, замѣняющими его какъ суррогатъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Сообразно своему новому значенію и своимъ новымъ высокимъ задачамъ, современная тюрьма потребовала и такого новаго цѣлесообразнаго устройства которое, рѣзко отличая ее отъ дореформеннаго ея типа, поставило бы ее на высоту ея великаго призванія: быть въ современномъ цивилизованномъ мірѣ главнымъ и лучшимъ средствомъ наказанія. Подъ вліяніемъ могучихъ прогрессивныхъ идей и благороднѣйшаго напряженія мысли, знанія и труда возникло, постепенно укрѣпляясь и расширяясь, цѣлое сложное искусство — устраивать тюрьмы и управлять ими, искусство, извѣстное подъ названіемъ *тюремнаго дѣла* (Gefängniswesen—у Нѣмцевъ). Систематическое, основанное на рациональныхъ началахъ и опытѣ, изученіе и изложеніе этого искусства и всей связанной съ нимъ области фактовъ, мыслей и выводовъ скоро сложилось

въ особую новую отрасль знанія, въ молодую науку—*тюрьмовѣдѣніе* (Gefängnisskunde). Ей посчастливилось: не по годамъ, а по недѣламъ и мѣсяцамъ растетъ ея богатый и качествомъ и количествомъ матеріалъ; быстрые шаги дѣлаетъ она въ своемъ развитіи и все болѣе и болѣе, по крайней мѣрѣ на Западѣ, привлекаетъ къ себѣ вниманіе общества и всѣхъ образованныхъ людей, близко къ сердцу принимающихъ успѣхи человѣчества. Законодатели, государственные люди, криминалисты, статистики, психологи и экономисты, всѣ, каждый съ своей точки зрѣнія, занимаются живыми вопросами этой науки. Она имѣетъ уже свои конгрессы, свою огромную литературу и своихъ знаменитыхъ ученыхъ авторитетовъ; она имѣетъ, замѣтимъ, ктати, и своихъ противниковъ. Исходныя точки и способы аргументаціи этихъ немногихъ неизлѣчимыхъ скептиковъ лучше всего рисуютъ силу и значеніе юнаго тюрьмовѣдѣнія. Укажемъ на двухъ наиболѣе характерныхъ изъ нихъ, это — Эдуардъ Делре (Desprez), авторъ появившагося въ 1868 году сочиненія *De l'abolition de l'emprisonnement*, и извѣстный французскій публицистъ Эмиль Жирарденъ, напечатавшій въ 1871 году памфлетъ — иначе я не рѣшаюсь назвать его книгу—объ уголовномъ правѣ. Отрицая всякое значеніе и всякій смыслъ тюремнаго дѣла и тюрьмовѣдѣнія, отнимая даже у нихъ самое право на существованіе, эти послѣдніе могиканы отжившихъ научныхъ теченій утверждаютъ что современная тюрьма возбуждаетъ вопросъ неразрѣшимый и праздный, ставитъ себѣ задачи фантастическія и недостижимыя. Оба она отвергаютъ тюремное заключеніе и въ принципѣ, и на практикѣ. Жирарденъ, не обинуясь и не колеблясь, требуетъ возобновленія смертной казни и предлагаетъ подвергать ей всѣхъ тѣхъ кого телерь наказываютъ разными степенями тюремнаго заключенія. Делре менѣе кровожаденъ; онъ предлагаетъ замѣнить тюрьму устройствомъ земледѣльческихъ колоній для всѣхъ вообще преступниковъ, съ обязательными работами, школами и т. д. Но когда ему приходится опредѣлять, что слѣдуетъ дѣлать съ колонистами влывшими въ рецидивъ, Делре, увы! не находитъ ничего лучшаго какъ указать для этого на тѣ же одиночныя тюремныя кельи и, слѣдовательно, вернуться къ тому же тюремному заключенію. Не ясно ли изъ этого, что уже въ самомъ содержаніи такого отрицательнаго

направленія кроются всё задатки полного его ния? Съ конца пятидесятихъ годовъ нынѣшняго познакомилось съ научнымъ тюремновѣдѣніемъ и искусство. Съ тѣхъ поръ прошло около двадцати лѣтъ; въ теченіе этого времени поработали и у насъ и временнымъ дѣломъ. Но то были все работы или слухотрывочныя, одиночныя, или абстрактныя, не дающія никакихъ практическихъ результатовъ. Русскіе мы все еще прозябають въ первобытномъ, младенчѣ до-реформенномъ состояніи; вотъ почему тюремное просѣ стоитъ теперь на очереди, занимая собою право и законодательныя сферы, достойный занять съ русское общество, и русскихъ людей.

Тюремное дѣло и тюремновѣдѣніе выросли и развились западной почвѣ. Западные государства такъ много, сравнительно такъ мало сдѣлали на этомъ поприщѣ и людей-неволей, при всей часто-высказываемой у насъ величій заимствованіямъ и подражаніямъ, мы должны обратиться къ нимъ за опытомъ, образцами и идеалами. Удовольствие сознаніемъ что ихъ можно выработать и измѣнить гласно особеннымъ условіямъ нашей жизни, примѣняя къ нашимъ порядкамъ и нашему быту, и прежде чѣмъ обратиться къ нашимъ тюрьмамъ, бросимъ общій и общий взглядъ на исторію и современное положеніе тюремного дѣла на Западѣ. Много интереснаго и поучительнаго можетъ представить этотъ обзоръ.

Исторія европейскаго тюремнаго заключенія явственно распадается на три періода. Начало первого изъ нихъ, который можно назвать періодомъ *первобытнымъ*, или *первобытнымъ*, или періодомъ полного пренебреженія тюремъ со стороны правительства и закона и полного забвенія ея со стороны общества и народа, теряется въ глубокую древность античнаго міра, а конецъ его смыкается къ пятидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. Умнякая собою, такимъ образомъ, огромное пространство времени, около двухъ съ половиною тысячелѣтій, этотъ первый періодъ, несмотря на все различіе странъ, народовъ, историческихъ эпохъ, религій, законовъ, политическихъ обычаевъ и нравовъ, отмѣченъ одними и тѣми же характеристическими чертами. Мрачныя казематы древняго Рима устроенныя еще Сервіемъ Тулліемъ и потому носившія

званіе Tullianum, средневѣковыя тюрьмы при монастыряхъ и страшныя инквизиціонныя Vade in pace, знаменитыя венеціанскія Piombi подъ раскаляющимися свинцовыми крышами, другія государственныя тюрьмы Англіи, Франціи, Германіи и Италіи мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Отъ Саллюстія и Цицерона, описывающихъ состояніе римскихъ тюремъ не задолго до Рождества Христова, до Джонъ Говарда, изслѣдовавшаго почти всѣ европейскія тюрьмы въ семидесятихъ годахъ XVIII столѣтія, всѣ писатели, посѣщавшіе современныя имъ мѣста заключенія, рисуютъ ихъ одинаково мрачными и страшными красками. Старая, полуразрушенная башня, ветхое и ни къ чему негодное зданіе, чаще всего сырой и смрадный погребъ или яма глубоко вырытая подъ землею, служатъ мѣстомъ тюрьмы. Тамъ, почти лишеныя свѣта и воздуха, то замерзая отъ жестокаго холода, то изнемогая отъ тяжкаго зноя, среди невѣроятной грязи и сырости, покрытыя отвратительными наѣдомыми томатся несчастные узники прикованные къ стѣнамъ, влачащіе тяжелыя цѣли, оборванные, почти нагіе, всегда голодные и жаждущіе, они валяются на соломѣ, часто не будучи въ состояніи выпрямить подъ низкимъ потолкомъ свои усталые члены или же въ страшной тѣсотѣ кучами и рядами лежатъ другъ на другѣ, распростерты на стѣншихъ подстилкахъ. На это какъ бы указываютъ и на самые законы того времени; такъ одинъ уголовный памятникъ начала XVI вѣка, Бамбергское уложеніе, говоритъ не о заключаемыхъ въ тюрьмѣ, а о „лежащихъ“ въ ней (die im reinlichen Sachen in Gefängniss liegen). Тюрьма не дѣлаетъ между своими обитателями никакого различія: убійцы, разбойники, воры, неоплаченные должники, свободные мыслители преслѣдуемые церковью или правительствомъ, старики, женщины, дѣти, сумашедшіе, больные, умирающіе—все сбито въ кучу и на маленькомъ пространствѣ все соединяется въ одномъ общемъ адскомъ страданіи. Сырость и мракъ, тѣснота, духота и скопленіе миазмовъ поражаютъ гибельныя, заразительныя болѣзни, между которыми исторія оставила намъ сказаніе объ одномъ страшномъ, теперь уже неизвѣстномъ недугѣ, специально тюремнаго происхожденія. Это такъ-называемая *тюремная горячка* (gaol distemper), не рѣдко выходившая изъ стѣнъ тюрьмы и свирѣпствовавшая между свободными. Въ XV и XVI столѣтіяхъ въ Англіи

цѣями тюрьмы, со смотрителями и надзирателями во главѣ, разомъ вымирали отъ этой болѣзни, которая въ 1577 году, во время трехдневныхъ ассизовъ въ Оксфордѣ, получившихъ названіе „черныхъ ассизовъ“, въ теченіе сорока часовъ унесла королевскаго судью, президента, шерифа, всѣхъ судившихся и уже зараженныхъ арестантовъ и около 500 человекъ изъ присутствовавшей въ засѣданіи публички. Государство до того мало заботилось о тюрьмахъ что даже само не заведывало ими, а отдавало ихъ на откупъ въ частныя руки; откупщики грабили и притѣсняли арестантовъ, за деньги богатымъ дѣлали льготы и давая имъ возможность и въ стѣнахъ тюрьмы предаваться пьянству, игрѣ и разврату, а бѣдныхъ подвергая неисчислимымъ мукамъ. Ярко характеризуютъ тюрьмы этого періода и нѣкоторые существовавшіе въ нихъ символическіе обычаи. Еще въ XVIII столѣтіи въ Мангеймской и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ и французскихъ тюрьмахъ строго соблюдался такой порядокъ: каждаго вновь вступающаго въ тюрьму заключеннаго встрѣчали при входѣ извѣстнымъ, соразмѣрнымъ съ виной, количествомъ ударовъ палками или розгами. Затѣмъ онъ долженъ былъ подѣлывать порогъ тюрьмы и уже послѣ этого его запирали въ тюремную кѣтку. Это носило весьма оригинальное, пролическое названіе „*bien venir*“, „добро пожаловать“ и раздѣлялось на большое, малое и половинное. Издали, приближаясь къ старой тюрьмѣ, уже можно было слышать стонъ брошенныхъ въ нее страдальцевъ, и лучшимъ девизомъ ея, по словамъ великаго Гюварда, была бы надпись надъ воротами Дантова Ада — *lasciate ogni speranza voi ch'entrare*. Было бы однако же совершенно ошибочно утверждать что въ такомъ мрачномъ и безотрадномъ порядкѣ вещей не появлялось по временамъ проблесковъ свѣта, счастливыхъ и утѣшительныхъ исключеній. Первый починъ въ дѣлѣ общечеловѣческаго участія заключенныхъ приняло на себя христіанство и церковь. Религія милосердія и любви не могла не обратиться на тюрьмы вниманія; она не могла ни забыть, ни оставить безъ примѣненія слова Спасителя, обращеннаго къ ученикамъ въ Его бесѣдѣ съ ними о будущемъ прішествіи: „*въ тѣлѣхъ вѣхъ, и пріидете ко мнѣ*“ (Мате. 25, 36). Поэтому уже первые вѣка христіанства представляютъ рядъ попытокъ позаботиться о тюрьмахъ и улучшить ихъ по

ложе. На діаконовъ и діакоиссъ, а затѣмъ, на архидіаконовъ и священниковъ была возложена церковью обязанность посѣщать тюрьмы и заботиться о заключенныхъ. Обязанность ходатайствовать объ освобожденіи невинныхъ, снабжать арестантовъ пищею, одеждою, средствами судебной защиты исполняли учрежденные Никейскимъ соборомъ 325 года особые попечители—*procuratores pauperum*. Въ той же цѣли стремилась устроенная при папскомъ дворѣ въ Римѣ особая коллегія подѣ председательствомъ кардинала: *Congregazione delle carceri*. Затѣмъ, чрезъ всѣ Средніе Вѣка и новое время можно прослѣдить отдѣльныя попытки такого же свойства, предпріятыя уже свѣтскою властью и мірянами, а не духовенствомъ. Такъ въ Генуѣ, въ XVII столѣтіи, мы встрѣчаемъ особенныя должности тюремныхъ попечителей—*protettori e avvocati dei poveri carcerati*, а въ XVI столѣтіи въ Миланѣ установленную Карломъ V такую же коллегію *Congregatio protectorum carceratorum*, уставъ и правила для которой были выработаны знаменитымъ миланскимъ епископомъ Св. Карломъ Борромео. Французскіе короли Францискъ I, Генрихъ II, Карлъ IX и Лудовикъ XII, одиравъ за другимъ повѣщали судьямъ и прокурорамъ своимъ навѣщать тюрьмы, а въ XVI вѣкѣ первые писатели Фридрихъ Спенсера и Себастьянъ Брандтъ робко поднимаютъ вопросъ о необходимости подумать о тюрьмахъ и улучшить ихъ. О томъ же стараются Мобильонъ и Клавдій Бернаръ (Св. Вакентій). Рядомъ съ этимъ изрѣдка и мѣстами сама власть дѣлаетъ первые опыты возведенія и устройства улучшенныхъ тюремъ. Такъ въ Генуѣ конецъ XVII столѣтія застаеъ исправительный домъ для 600 преступныхъ дѣтей, подѣ названіемъ *Albergo di Carbonara* съ девизомъ: *silentium et obediencia*, а въ началѣ XVIII столѣтія взглядъ историка можетъ отдохнуть на двухъ тюрьмахъ, образцовыхъ по понятіямъ того времени: *Maison de Force* въ Гентѣ и *Casa di Corezione Св. Михаила* въ Римѣ, надъ воротами которой было написано: *parum est coercere improbos poena, nisi probos efficias disciplina* (недостаточно карать злыхъ наказаніемъ, надлежитъ исправить ихъ дисциплиной). Эти замѣчательныя, опередившія свое время слова, указываютъ уже на близость новой эры для тюремъ; но ее не могли ни создать, ни подготовить робкія, случайныя, единичныя уст-

лія на пользу ихъ, которая глоталась и терпалась въ общемъ запустѣніи и отверженности старой европейской тюрьмы. Одному человѣку суждено было положить блестящее начало новому порядку вещей, человѣку, славное имя котораго міръ всегда будетъ поминать добромъ и благодарностью. То былъ Джонъ Говардъ, бедфордскій шерифъ; его дѣятельность и изданіе его сочиненія о состояніи тюремъ (*The state of the prisons*) знаменуютъ собою начало новаго втораго періода въ исторіи тюремъ — періода *филантропическаго*. Въ исторіи цивилизаціи не много такихъ величаво простыхъ и трогательныхъ страницъ какъ та на которой написана жизнь и дѣятельность Говарда. Пылая любовью ко всему что страдаетъ, одаренный необыкновенною впечатлительностью, но вмѣстѣ и желѣзною энергіей, и гигантскими силами духа, въ своихъ поискахъ удовлетворенія томившей его жажды свѣта и добра окружающему, онъ случайно столкнулся съ тюрьмой и заключенными. Сердце его разрывалось, говоритъ онъ самъ, отъ ужаса, скорби и негодованія при видѣ того что ему представилось, и судьба его, а вмѣстѣ и судьба тюремнаго дѣла была рѣшена. Не оглядываясь и не колеблясь, онъ отдалъ всего себя тюремному дѣлу и проповѣди о преобразованіи тюремъ и участи заключенныхъ. Имѣя полную возможность жить богато, покойно, среди почета и праздности, онъ все забылъ, все оставилъ; онъ спустился въ смрадные тюремныя подземелья своего времени и обошелъ ихъ всѣ, вездѣ требуя имъ свѣта, воздуха, а заключеннымъ въ нихъ пищи, одежды, молитвы; утѣшенія, словомъ, человѣческой обстановки и человѣческихъ правъ. Онъ провелъ въ этомъ всю жизнь свою, которую кончилъ на нашемъ югѣ, въ Херсонской губерніи, куда его забросило все то же его великое дѣло. Краснорѣчивая, горячая пропаганда Говарда, его самоотверженные усилія и страшные въ самой своей убѣдительности факты, имъ собранные, не могли пройти безъ слѣда. Правительства, общества, всѣ передовые и лучшіе люди эпохи откликнулись на его призывъ и пошли за нимъ. Много примѣровъ такой подавляющей, увлекательной силы генія представляетъ исторія, но какъ мало примѣровъ того чтобы такихъ результатовъ разомъ достигалъ геній міра, добра и скромнаго, безкорыстнаго труженничества на общую пользу! Общество вострепелось, взглянуло на свои тюрьмы и

ужаснулось при видѣ того что нашло и появляло въ нихъ. Сочиненія Говарда были переведены на всѣ языки и получили огромное распространеніе. Правительства начали по его указаніямъ строить новыя тюрьмы и улучшать старыя; идеи его сдѣлались популярными и преобладающими, а главное, онъ пріобрѣлъ множество талантливыхъ и горячихъ послѣдователей, между которыми нельзя не назвать Блекстона, Елизавету Фрей, Нейльда и братьевъ Виккинговъ, которые усердно продолжали его дѣло. Скоро однако же на пути, который Говардъ проектировалъ и проложилъ къ улучшенію тюремъ, встрѣтились нѣкоторыя препятствія и задержки. Онъ заключался въ необходимости бороться съ рутиной, старыми понятіями, скупостью и ограниченностью, противъ которой, по выраженію Гёте, „сами боги борются напрасно“, а главное, въ совершенномъ отвращеніи вниманія власти и общества отъ филантропическихъ и социальныхъ задачъ политическими событіями конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Это имѣло свою хорошую сторону: общественное возбужденіе произведенное Говардовскою пропагандой улеглось, результаты примѣненія на тюрьмахъ идей его направленія обозначились и общество могло спокойно и трезво къ нимъ присматриваться. Не замедлили сказаться и быть сознаваемыми и многочисленныя недостатки этого направленія и неудовлетворительность его какъ въ социальномъ, такъ и въ криминальномъ смыслѣ. Питомецъ школы естественнаго права, сынъ вѣка, въ воздѣхъ котораго носились благородныя имена Руссо, Томазіа и Пейя, Говардъ, а также и его послѣдователи были филантропами въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, но они не были ни юристами, ни реформаторами социального строя. Поэтому и тюремное дѣло они поставили на почву чистой филантропіи. Благотворительныя цѣли и человѣколюбивыя стремленія заслонили собою государственный, политическій, уголовный характеръ и социальные задачи тюрьмы. Улучшая и преобразовывая тюрьмы, дѣятели этого втораго филантропическаго періода заботились только объ улучшеніи матеріальнаго, гигиеническаго и духовнаго положенія заключеннаго и почти оставляли въ сторонѣ вопросъ о томъ что выйдетъ изъ него въ послѣдствіи, что будетъ онъ дѣлать и что встрѣтитъ въ немъ общество по выходѣ его изъ тюрьмы. Хорошее помѣщеніе, хорошая обстановка,

хорошая одежда и лица, духовныя пособія въ родѣ религиозныхъ бесѣдъ и нравственнаго чтенія, этимъ исчерпывались задачи тюремной филантропіи и поэтому скоро разошлись съ требованіями дѣйствительности и условіями практической жизни. Несмотря на неутомимую дѣятельность филантропическихъ тюремныхъ обществъ, возникшихъ въ Англіи и во Франціи, преобразованіе тюремъ шло туго, вяло и не давало видимыхъ плодовъ. Арестанты попрежнему пребывали въ праздности, успѣшно обходили новыя правила тюремной нравственности, тяготились душеспасительными чтеніями и бесѣдами или гаустились надъ ними, и въ концѣ-концовъ выходили изъ тюрьмы ничуть не лучшими, если не худшими, чѣмъ были при вступленіи въ нее, и такимъ образомъ уже въ тюрьмѣ воспринимали могучіе задатки рецидива. Число рецидивистовъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, и трудно было закрыть глаза предъ тѣмъ печальнымъ фактомъ что тюрьма попрежнему служитъ школой преступленій. А между тѣмъ, въ силу затѣй, утонченностей и широкихъ размаховъ филантропическаго направленія тюремный бюджетъ неумѣренно увеличивался, тюрьмы стали дорого стоить государству, а нѣкоторыя изъ нихъ, образцовыя, даже начали впадать во вредную и ненужную роскошь. Мѣстами явилась и не только перешла далеко за предѣлы филантропическаго періода, а даже дошла и до насъ такая ненормальная совокупность тюремныхъ условій, въ которой матеріальное положеніе заключеннаго за преступленіе представляется лучшимъ, болѣе завиднымъ и выгоднымъ нежели положеніе невнятнаго и свободнаго, честнаго человека малаго или даже средняго достатка. По этому поводу не лишень интереса извѣстный и часто приводимый, какъ аргументъ противъ тюремной филантропіи, исторически вѣрный анекдотъ объ одной заботливой и чадолюбивой французской матери, которая, вскорѣ послѣ устройства въ 1834 году въ Меттрѣ, близъ Тура, земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, затруднялась будущею судьбой и профессіей своего сына, воскликнула предъ однимъ представителемъ власти: *Ah, que je puisse placer mon fils à Mettray, mais c'est impossible hélas, il n'a ni mendié, ni volé, ni assassiné.* Кромѣ того, усложненіе общественныхъ отношеній и быта, новыя условія и новыя потребности жизни повлекли за собою и увеличеніе преступ-

ности. Филантропическая тюрьма, слабая и искусственно поддерживаемая, къ тому же почти вездѣ борющаяся со старою первобытною тюрьмою, но ее еще не побѣдившая, не могла уже удовлетворить, новымъ требованіямъ уголовной репрессіи. Постепенно поэтому стали возникать признаки другаго новаго направленія въ тюремной исторіи и тюремномъ дѣлѣ, и приблизительно въ первой четверти нынѣшняго столѣтія слѣдуетъ отмѣтить конецъ втораго филантропическаго и начало третьяго періода тюрьмы, періода который переживаемъ и мы, и который можно назвать *пенитенціарно-политическимъ*. Отъ своего предшественника онъ получилъ драгоценное наследство, въ которомъ заключается заслуга филантропическаго направленія. Оно разрушило понятіе о заключенномъ преступникѣ какъ объ общественномъ отверженцѣ, провозгласило его человѣческое достоинство, а отчасти выработало и необходимость нравственнаго, духовнаго вліянія тюрьмы на преступника, то-есть первые зачатки современной идеи его перерожденія. Оно, во всякомъ случаѣ, подготовило и очистило путь новому нынѣшнему направленію. Арестанту-преступнику, какъ человѣку, нужно дѣлать добро—вотъ основная идея тюремной филантропіи. Арестанта-преступника нужно исправить, перевоспитать и выработать въ немъ изъ врага общества будущаго его честнаго и годнаго члена—вотъ исходная точка и руководящая мысль современной пенитенціарной тюремной политики. Обѣ идеи равно высоки, но нужно ли говорить которая изъ нихъ богаче, жизненнѣе и плодотворнѣе? Первымъ признакомъ новаго направленія была появившаяся въ 1816 году и составившая эпоху въ тюремовѣдѣніи брошюра Томаса Бекстона, подъ заглавіемъ: *Исследование о томъ, производится ли или предупреждается преступность существующею тюремною системою*. Отвергнувъ всѣ соображенія исключительно филантропическаго свойства и впервые поставивъ тюремный вопросъ на почву соціальной пользы и экономіи, Бекстонъ неопровержимо и математически доказалъ, съ одной стороны, что филантропія не могла ни уничтожить тюремныя злоупотребленія, ни существенно улучшить ихъ съ общественной точки зрѣнія, а съ другой, что тюрьма его времени не только не полезна для общества, но и прямо гибельна для него, потому что представляетъ могучую причину преступленій и организо-

важный разсадникъ зла. Уже не во имя человеколюбія, а во имя общихъ интересовъ и общаго блага потребовалъ онъ тюремнаго преобразованія. Съ легкой руки Бекстона и нѣкоторыхъ свѣтлыхъ умовъ, открыто ставшихъ педъ знаменъ поднятое, въ стремленіи правительствъ и законодательствъ, въ настроеніи общественнаго мнѣнія, снова обратившагося къ тюрьмѣ и заинтересовавшагося ею, произошелъ переворотъ. Чего въ глазахъ общества не могли сдѣлать для тюрьмы человеколюбивыя побужденія, то сдѣлали инстинкты самосохраненія. Общество увидѣло впереди мрачное будущее, подготовляемое ему дурною тюрьмой и взялось за ея преобразованіе. Предъ глазами Европы были уже и образцы практическаго осуществленія новой тюремной идеи, тюрьмы американскія. Еще во времена Пенна квакеры, въ силу особенностей своего религіознаго ученія и своихъ жизненныхъ правилъ, однимъ изъ главныхъ элементовъ которыхъ является забота о павшемъ ближнемъ и возвращеніи его на путь истинный, положили начало улучшенію тюремъ. Мысли Говарда рано проникли въ Америку, нашли въ квакерствѣ полное сочувствіе, а главное, дальнѣйшее развитіе и измѣненіе согласно съ его взглядомъ на преступника-арестанта какъ на кающагося грѣшника (*penitent*) подлежащаго исправленію. Отсюда начало пенитенціарной идеи и пенитенціарнаго характера тюрьмы. Двѣ образцовыя, хотя и на разныхъ началахъ основанныя, тюрьмы возникли въ Сѣверной Америкѣ: *пенитенціарій* въ Пенсильваніи, въ Филладельфіи, и тюрьма въ Обориѣ. Для ихъ изслѣдованія и вообще для изученія тюремнаго дѣла въ Америкѣ вся Европа въ тридцатыхъ годахъ послала туда своихъ делегатовъ, труды и отчеты которыхъ, по ихъ возвращеніи, дали европейскимъ тюрьмамъ могучій преобразовательный толчокъ. То были все справедливо славящіеся ученые вообще, тюремовѣды въ особенности: Токвилъ и Бомонъ, а потомъ Деметцъ и Блау отъ Франціи, Крауффордъ и Россель отъ Англіи, Dr. Юліусъ и Редеръ отъ Пруссіи. Съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ начинается на Западѣ, продолжаясь непрерывно и до нашихъ дней, оживленная, дружная и стройная работа правительствъ и науки по тюремному дѣлу. Старыя тюрьмы преобразуются и приспособляются къ новымъ дѣламъ и новымъ началамъ, возводятся и новыя тюрьмы, какъ образ-

ды для будущихъ начинаній. Таковы напримѣръ въ Англіи огромныя пенитенціаріи въ Пенитовиллѣ и Милъбанкѣ, Мазасъ, la Santé и колонія Меттре во Франціи, Моабитъ, Брукзалъ, Цвиккау и многія другія въ Германіи, за-гѣмъ въ Бельгіи, Голландіи, Швеціи, Швейцаріи и Италиі. Наше время есть время необычайнаго возбужденія и неустанныхъ работъ въ области тюремовѣдѣнія и тюремнаго дѣла. Десятки талантливыхъ и знаменитыхъ людей, между которыми есть одинъ монархъ, покойный король Шведскій Оскаръ 1й и двѣ женщины—миссъ Флоренсъ Гилль и миссъ Мери Карпентеръ—соединяли и повинны соединяють свои усилія для разрѣшенія всѣхъ въ Европѣ интересующаго вопроса о постановкѣ тюремнаго заключенія какъ лучшаго средства уголовной кары. Въ немногихъ словахъ наметимъ крупныя черты и наиболѣе выдающіеся пункты этого вопроса въ современномъ его состояніи. Изъ всѣхъ видовъ лишенія свободы, тюремное заключеніе признается наиболѣе годнымъ, удобнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющимъ цѣлямъ и свойствамъ уголовного наказанія. Изъ двухъ же остальныхъ видовъ, отрицательное лишеніе свободы или изгнаніе давно уже вышло изъ употребленія и только мѣстами примѣняется къ преступникамъ - иностранцамъ, ссылка же съ каждымъ годомъ суживается и ограничивается, такъ что въ будущемъ ей можно предсказать значеніе только исключительнаго наказанія для извѣстныхъ особенныхъ преступленій и случаевъ. Тюремное заключеніе рѣзко дѣлится на двѣ категоріи, которыя теорія строго запрещаетъ смѣшивать. Это 1) *предварительное* тюремное заключеніе, въ видѣ подсѣдственной мѣры и 2) заключеніе *карательное* или исполнительное, въ видѣ уголовного наказанія по судебному приговору. Заключенные той и другой категоріи должны содержаться отдѣльно, какъ и подобаетъ обвиняемымъ и уже осужденнымъ; въ порядкѣ и подробностяхъ ихъ содержанія должны быть значительныя отличія, но общія начала тюрьмы, органически другъ съ другомъ связанныя, должны быть одни. Фундаментомъ новаго тюремнаго дѣла представляется прежде всего удовлетворительность общихъ, такъ сказать физическихъ и политическихъ элементовъ тюрьмы. Всѣ условія правильной гигіены, хорошее помѣщеніе, чистый воздухъ, свѣжая и здоровая пища, удобная одежда, отсутствіе

роскоши, но наличность всего необходимаго, строгая и немного суровая простота безукоризненной обстановки и чистота съ этимъ хорошее, свѣдующее, честное и заботливое тюремное управленіе, все это теперь уже не болѣе какъ азбука тюремнаго искусства и тюремовѣдѣнія. Затѣмъ повѣвшее тюремное дѣло и тюремовѣдѣніе выработали четыре основныхъ принципа и соответственно имъ четыре главныхъ системы тюремнаго устройства и содержанія. Отдѣльно или въ разнообразныхъ комбинаціяхъ и сочетаніяхъ, они проходятъ чрезъ всѣ западно-европейскія тюрьмы, на которыя вообще на Западѣ правительства и само общество не жалуютъ ни денегъ, ни труда, ни людей. Принципъ *разъединенія* или *одиночнаго заключенія* есть богатое и могучее по своимъ послѣдствіямъ основаніе *пенсильванской* системы. Арестантъ во все время своего заключенія содержится въ строжайшемъ одиночествѣ кельи; отрѣзанный отъ міра и окруженный сравнительными удобствами онъ не видитъ даже тюремныхъ приставниковъ, все нужное получаетъ чрезъ окно или посредствомъ машины, гуляетъ въ маскѣ или одинокъ и на особомъ дворикѣ, обыкновенно вове не работаетъ и какъ существенное занятіе и утѣшеніе получаетъ одну только Библію. Построенный по лучеобразному плану, снабженный всѣми возможными усовершенствованіями, одиночный пенитенціарій даетъ возможность тюремному начальству, невидимо для арестанта, ни на минуту не упускать его изъ виду и внимательно слѣдить за всѣми проявленіями въ немъ старой порчи и зла или же новаго раскаянія и исправленія. Исходя изъ той мысли что чаще всего и больше всего вредное сообщество приводитъ къ преступленію, пенсильванская система хочетъ заставить преступника посредствомъ совершеннаго уединенія углубиться въ себя, сосредоточиться на своемъ преступленіи, понять его и раскаяться. Затѣмъ, принципъ *молчанія* обуславливаетъ собою *оборнскую* систему. Полное разъединеніе ночью и совѣстная, но безусловно молчаливая принудительная работа днемъ, вотъ краткое ея выраженіе. По мысли ея, ночное сообщество прямо ведетъ къ развращенію, исправленіе безъ труда и помимо его немислимо, трудъ же удобенъ и производителенъ только при соединеніи силъ; но сообщество арестантовъ вредно и во время труда, а потому физическое сообщество должно быть парализовано духовнымъ разъеда-

веніемъ или принудительнымъ и обязательнымъ абсолютнымъ молчаніемъ, которое къ тому же является хорошимъ средствомъ кары. Пенсильванская и оборнская системы, разьединеніе и молчаніе долго враждовали и соперничали между собою, пока не выучились примирять и соединять ихъ, но и теперь еще одиночное заключеніе является наиболѣе распространеннымъ и любимымъ на Западѣ типомъ тюрьмы, такъ какъ ему и въ самомъ дѣлѣ никакъ нельзя отказаться въ большой, хотя и относительной, практической силѣ. Далѣе, на принципѣ *индивидуализаціи* построена система *классификацій*, которая имѣетъ много разновидностей, каковы напримѣръ нѣкоторыя *англійскія* системы и тюрьмы, *жневская* система и тюрьма *Обанелл* и *мюнхенская* система и тюрьма *Обермайера*. Въ системѣ классификацій примѣняется и одиночное заключеніе, и молчаніе, и принудительная работа; но кромѣ того система эта соединяетъ арестантовъ въ группы и распределяетъ ихъ отдѣльно, по разнымъ вѣшнимъ и внутреннимъ признакамъ: возрасту, происхожденію, средѣ, роду работы, роду преступленій, мотивамъ ихъ, насколько они извѣстны, способностямъ, склонностямъ, настроенію и т. д. Система эта полагаетъ что какъ разнообразна и индивидуальна вѣшная и внутренняя обстановка преступленія и преступника, также разнообразна и индивидуальна, по крайней мѣрѣ по возможности, должна быть и тюрьма; на каждого нужно дѣйствовать и исправлять его особыми именно ему и его преступленію приличествующими средствами. Наконецъ 4й и послѣдній принципъ есть принципъ *соглашенія* всѣхъ предыдущихъ, связанныхъ между собою началомъ *прогрессивности* постепеннаго улучшенія положенія и участи заключеннаго. Проникнутая этимъ принципомъ знаменитая *Ирландская* система есть до сихъ поръ послѣдній выводъ левитенціарно-политическаго направленія и послѣднее слово современной тюремной науки. Англичанъ Вальтера Крафтона и капитана Меконочи слѣдуетъ назвать какъ неутомимыхъ дѣятелей этой системы, а мюнхенскаго профессора Гольцендорфа какъ ея талантливаго популяризатора. Она исходитъ изъ того совершенно вѣрнаго соображенія что исключительное проведеніе одной какой-либо тюремной системы не достигаетъ цѣли, потому что каждая имѣетъ свои достоинства, но и свои огромные недостатки. Такъ, система одиночнаго заключенія, особенно

продолжительнаго, трудно совмѣстимаго съ благотѣльною силой труда, отличается страшною, мучительною тяжестью для преступника и кромѣ того, она отучаетъ его отъ общества и соціальнаго строя въ который ему придется вернуться, дѣлаетъ его безжизненнымъ, вялымъ, пассивнымъ, негоднымъ къ борьбѣ; система абсолютнаго молчанія легко превращается въ тяжкую нравственную пытку и также какъ и предыдущая нерѣдко поражаетъ между арестантами нервныя и психическія болѣзни, даже самоубійства; система классификацій страдаетъ неопредѣленнымъ и произвольнымъ характеромъ вслѣдствіе гадательности или недостаточности признаковъ, принятыхъ за основаніе распредѣленія. Избѣгая всякой крайности и всякой односторонности, ирландская система выбираетъ изъ каждой системы то что въ ней есть несомнѣнно хорошаго и уже достаточно испытаннаго практикой и затѣмъ это хорошее стремится связать между собою одною общою цѣлью: исправить и перевоспитать заключеннаго. Выше съ тѣмъ она стремится преслѣдовать прежде всего и карательныя задачи тюрьмы, часто упускаемыя изъ виду другими системами, и старается устроить такъ чтобы тюрьма была для преступника дѣйствительнымъ наказаніемъ, а не мѣстомъ гдѣ ему лучше и привольнѣе чѣмъ на свободѣ. Карательно-воспитательное значеніе вообще есть характеристическій признакъ ирландской тюрьмы. Важнѣйшимъ же ея отличіемъ отъ другихъ, ея капитальнымъ и неопѣненнымъ достоинствомъ является примѣненіе къ порядку содержанія начала прогрессивности. „Нужно чтобы тюрьма намъ давала не хорошихъ арестантовъ, а хорошихъ людей,“ восторженно и справедливо восклицаетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сторонниковъ и проводниковъ ирландской системы, миссионеръ Мери Карпентеръ, и восклицаніе это можетъ быть признано девизомъ системы. Не довольствуясь видимыми знаками исправленія заключеннаго или доказательствомъ того что въ стѣнахъ тюрьмы онъ будетъ вести себя хорошо, ирландская система всѣ свои усилія направляетъ на то чтобы съ одной стороны въ корень подорвать въ немъ всѣ задатки преступности, а съ другой, подготовить его къ честной жизни на свободѣ, облегчить ему будущую, предстоящую ему борьбу съ соблазнами свѣта, укрѣпить его силы этой борьбѣ, развить въ немъ способность къ честному общежитію—смы-

вомъ, создать ему или увеличить матеріальный и нравственный капиталъ, необходимый при возвращеніи въ общество. И, что всего важнѣе, новая тюрьма хочетъ достигнуть этого такъ-сказать собственными руками заключеннаго и такимъ образомъ сдѣлать его сильнымъ и самостоятельнымъ, пробудить въ немъ вѣру въ самого себя. Требуя большихъ психологическихъ и социальныхъ знаній, современная тюремная дѣятельность принимаетъ въ соображеніе и прежнія и будущія, по выходѣ изъ тюрьмы, экономическія условія арестанта, и всякіе обычные стимулы человѣческихъ дѣйствій: эгоизмъ, самолюбіе, корысть, соревнованіе, общительность и т. д. Осторожно и предусмотрительно затрагивая всѣ эти струны человѣческаго „я“ преступника, она стремится, если возможно, переработать нравственную его природу, а если нельзя, то хотя дать ему другое правильное и честное направленіе. Ирландская система не безъ основанія думаетъ, что мало найдется такихъ людей на которыхъ не могло бы благотвѣтельно подѣйствовать разумно и высоко поставленное сильное нравственное и матеріальное вліяніе. Въ осуществленіе своей основной идеи она предоставляетъ заключенному полную возможность еще въ тюрьмѣ постепенно облегчать и улучшать свое положеніе и даже сократить срокъ наказанія, назначеннаго ему судомъ; но все это оставить въ зависимости отъ собственнаго его хорошаго поведенія, прилежанія, трудолюбія, отъ незамѣтныхъ испытаній честности и относительной свободы, которыми онъ подвергается. Отсюда прогрессивное прохожденіе заключеннаго чрезъ разныя ступени тюремнаго заключенія, отъ тягчайшей къ легчайшей въ случаѣ его нравственныхъ и матеріальныхъ успѣховъ, и наоборотъ въ случаѣ возвращенія зла. Такъ первоначальное одиночное заключеніе (не свыше впрочемъ девяти мѣсяцевъ) и работа въ сельскихъ (въ видѣ награды), затѣмъ, общія принудительныя работы (*penal servitude*) съ раздѣленіемъ ночью, молчаніемъ въ извѣстные періоды работы и общеніемъ въ другіе (во время рекреаций) подъ наблюденіемъ надзирателей, дажѣ, условныя и временныя отпуски на свободу, обставленныя сроками и условіемъ хорошаго поведенія (*ticket of leave*) и наконецъ переходныя учрежденія (*refuge*) въ которыя арестантъ поступаетъ предъ окончательнымъ освобожденіемъ впредь до отысканія себѣ мѣста или работы—

вотъ главныя стадіи или классы ирландской системы. Изъ переходъ изъ одного класса въ другой опредѣляется съ одной стороны извѣстными сроками, а съ другой, извѣстнымъ количествомъ марокъ или балловъ которые арестантъ долженъ заслужить или заработать. Успѣхи сокращаютъ эти сроки и даже иногда влекутъ за собою полное досрочное освобожденіе; наоборотъ, новыя проступки или уловоство удлиняютъ ихъ. По выходѣ арестанта въ общество его не теряютъ изъ виду, но тюрьма уже передаетъ свою функцію по отношенію къ нему многочисленнымъ частнымъ обществамъ попеченія объ освобожденныхъ изъ заключенія. Что же касается до самой тюремной дѣятельности, то она слагается изъ длиннаго ряда мѣръ и сторонъ. Таковы на примѣръ тюремная работа, имѣющая цѣлью исправить преступника лучшимъ средствомъ—трудомъ и кромѣ того дающая ему заработокъ, а тюрьмѣ доходъ, удешевляющій государству ее содержаніе; тюремная школа или образованіе, техническое, религиозное и нравственное—эта неизмѣнная принадлежность новой тюрьмы, вводящая въ нее какъ вѣковыхъ дѣятелей священника, учителя, мастера и бібліотекаря; тюремная дисциплина, въ одно и то же время, твердая, строгая и человѣчная, теперь уже почти вездѣ основанная на изреченіи Вольтера: *frapper un homme, c'est l'avilir sans corriger* и многія другія средства тюремнаго воспитанія. И вслѣдствіе уменьшенія рецидива вездѣ гдѣ вводится и успѣшно примѣняется ирландская система убѣдительно говоритъ въ ея пользу. Ей ставятъ въ упрекъ что она владѣетъ идеологію, что перевоспитать вполнѣ преступника есть задача неисполнимая, что это значитъ стремиться къ недостижимому. Но въ отвѣтъ на это можно спросить, когда и кѣмъ открыта абсолютная истина, кѣмъ достигнуты совершенные идеалы добра и не есть ли уже личное, возможное къ нимъ стремленіе и приближеніе величайшая задача человѣческаго духа и человѣческой дѣятельности?

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ исторія тюремнаго дѣла на Западѣ. Обозрѣвая ее фазисы, мы видимъ сначала тюрьму отверженную, заброшенную, устрашающую, возбуждающую ужасъ и отвращеніе. Затѣмъ слѣдуетъ тюремная филантропическая или тюрьма-богадѣльная. Наконецъ является и стоитъ теперь предъ нами благотворная, величавая, простая, необходимая, тюрьма карательно-педагогическая.

ма нашего времени. Обозрѣвая пространство отдѣляющее отъ стараго ея первообраза, умъ нашъ невольно жается глубиной бездны между ними лежащей. Прежде мы хотѣли уничтожить преступника, уничтоживъ въ немъ и самаго человѣка; теперь тюрьма стремится тоже уничтожить преступника, но сохранить человѣка, возвратить его обществу честнаго гражданина.

II.

Исторія обязываетъ насъ сознаться что, несмотря на все бразованіе нынѣшняго столѣтія, исторія нашихъ русскихъ тюремъ отъ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней ставляетъ одинъ почти сплошной первобытный періодъ, звѣстными однако же наслоеніями филантропическаго и витецціарнаго направленій. Издавна, еще до царя Александра Михайловича, обвиняемые въ уголовныхъ преступленіяхъ люди именемъ *тюремныхъ сидѣльцевъ* отбывали подставное заключеніе въ подземельяхъ, погребкахъ и ямахъ, прикованные къ стѣнѣ, часто съ цѣпами на шею. Съ Соборнаго Уложенія, т.-е. со второй половины XVIII столѣтія, тюрьма начинаетъ употребляться и какъ уголовнаго наказанія. Тяжко приходилось заброшеннымъ тюремнымъ сидѣльцамъ: тюремные приставники брали съ каждаго въступившаго установленную обычаемъ, *„слазную“* „къ ясиолу мучительству бѣднымъ людямъ“, говоритъ историкъ указъ объ отиѣнъ ея. Сидѣли они долго, безъ пищи и голодали, такъ что при царѣ Александрѣ Михайловичѣ неоднократно въ челобитныхъ своихъ просили царя ордѣн отпустить ихъ *„чтобы намъ, твоимъ сиротамъ, не было смертію не помереть.“* Лучше, по крайней мѣрѣ, было тѣмъ которые на время слѣдствія отдавались *„за пристава“*, нѣчто въ родѣ современнаго подставнаго содержанія при полицейскихъ частяхъ. Такъ еще оловоательныхъ статьяхъ къ Судебнику 1648 года встречается такое указаніе: *„тако Филиппъ Роговъ вынулъ изъ ямы: сидѣли они въ Москвѣ въ Земскомъ Приказѣ за насолъ и изъ-за пристава ходилъ красть по ночамъ.“* Повѣрчивы и памятки XVII столѣтія о порядкѣ содержанія заключенныхъ; о томъ какъ они содержались,

можно судить по тому что въ 1744 году синодъ счелъ нужнымъ сообщить сенату что въ Новгородской епархіи по слѣдственному дѣлу содержался дяконовъ сынъ Василій Марковъ, скованный по ночамъ съ чужою женою, а рядомъ въ другой камерѣ содержалась его, Маркова, жена, также скованная съ постороннимъ мужчиною. Правительство такъ мало заботилось тогда о тюрьмахъ что привимало на себя только постройку ихъ и доставленіе имъ для подстилки соломы, которую мѣняли только два раза въ годъ. Кормиться же арестанты должны были сами, какъ хотѣли и какъ могли. Поэтому не рѣдко они просто умирали съ голоду; такъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ Петербургѣ было получено изъ Полтавы донесеніе мѣстнаго начальства о томъ что изъ содержащихся въ тамошнемъ полковомъ секвестрѣ тридцати колодниковъ одинъ съ *приключившейся ему отъ голода пухлости умре, а прочимъ за неимѣніемъ пищи тоже оплывать можетъ, понеже за нынѣшнюю де въ глѣбѣ скудностью для пропитанія испросить себѣ милостыни не могутъ*. Прошеніе милостыни было главнымъ средствомъ пропитанія арестантовъ и разрѣшалось имъ самимъ правительствомъ. Тѣхъ изъ нихъ которые содержались не по „интереснымъ дѣламъ“ и у которыхъ кромѣ того была порядочная одежда, сенатъ позволялъ отпускать *на селѣжъ* по улицамъ для сбора подаянія. Но это производило публичный соблазнъ и самъ сенатъ въ одномъ указѣ 1749 года такъ описываетъ эту процедуру: *многіе колодники питанные и въ разодранныхъ платьяхъ такіе что едва тѣла лоскутьями покрыты, столъ скованными на Красной Площади и по другимъ значнымъ улицамъ необычайно съ крикомъ поочин, милостыни просятъ, такоужь ходятъ по рядамъ и по всей Москвѣ*. Въ XVIII столѣтіи старый терминъ для обозначенія заключеннаго—*тюремный сидѣлецъ* замѣнился другимъ—*колодникъ*, вошедшимъ въ общее употребленіе и даже въ самый законъ. Онъ происходилъ отъ переносныхъ деревянныхъ колодокъ или неподвижныхъ колодъ, въ которыя обыкновенно забивали заключеннаго и которыя не исчезли еще въ первой четверти XIX столѣтія, какъ видно изъ двухъ указовъ 1826 и 1827 годовъ, строго повелѣвающихъ уличить и впредь не употреблять эти и разныя другія подобныя имъ орудія. Съ 20хъ же годовъ вышедшаго столѣтія входить въ употребленіе и становится официальнымъ

стоящее названіе—*арестанты*. Бѣдность духовныхъ мѣртъ, направленныхъ къ обезпеченію духовнаго благосостоянія арестантовъ, была поразительная. До Екатерины II не было сдѣлано никакихъ попытокъ ввести въ тюрьмы работу. Колодники умирали безъ исповѣди и причастія; ходатайства правительственныхъ органовъ предъ духовенствомъ о посѣщеніи колодниковъ священниками оставались безъ послѣдствій, такъ какъ духовенство требовало жалованья, а дать его было не изъ чего. Святѣйшій синодъ поддерживалъ духовенство въ этомъ направленіи и долго съ большимъ тактомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, отклонялъ энергическія настоянія сената, требовавшаго чтобы священники безвозмездно, хотя изрѣдка, посѣщали тюрьмы, дабы *испольди всякій годъ колодники миновать не могли*. Періодъ съ Петра Великаго, который смотрѣлъ на заключенныхъ исключительно съ точки зрѣнія финансовой, какъ на рабочую силу, годную для начатыхъ имъ гигантскихъ работъ и построекъ, до Екатерины III безсѣдно и мрачно прошелъ для русской тюрьмы. Подъ вліяніемъ гуманныхъ и прогрессивныхъ идей своего времени Екатерина II обратила на тюрьмы особенное и серіозное вниманіе. Въ ея царствованіе учреждены впервые *рабочіе и смиренныя* дома съ павильоннымъ распредѣленіемъ заключенныхъ и принудительными работами. Она же опредѣлила источникъ для содержанія тюремъ и статью объ этомъ повелѣла вносить въ общую государственную роспись. Нѣсколько страницъ *Наказа* посвящены тюремной организаціи, а въ 1787 году императрица даже собственноручно написала цѣлый, весьма замѣчательный проектъ общаго устава о тюрьмахъ, не получившій однако ея утвержденія. Огромные успѣхи сдѣлала правительственная заботливость о тюрьмахъ въ царствованіе Александра I. Длинный рядъ законовъ, обнимавшихъ собою многіе важные вопросы тюремнаго дѣла, былъ вызванъ разными настоятельными потребностями этого дѣла и тѣмъ особымъ сочувствіемъ и вниманіемъ, съ которымъ относился къ нему государь. Филантропическое направленіе, господствовавшее въ современной ему Европѣ, сильно и благотворно оказалось на его взглядахъ и мѣропріятіяхъ. Горячіе ученики и послѣдователи Говарда, члены Лондонскихъ Библейскаго и Филантропическаго Обществъ, братья Вальтеръ и Джонъ Вининги въ качествѣ представителей этихъ

обществъ, перенесли въ Россію свою тюремаую дѣятельность. Ихъ долгоевременное пребываніе въ Петербургѣ и пріобрѣтенное ими вліаніе принесли много пользы русскимъ тюрьмамъ. Имъ удалось побудить правительство неотложно заняться преобразованіемъ разныхъ сторонъ тюремааго вопроса; они сумѣли также заинтересовать имъ значительную часть тогдашней русской аристократіи и интеллигенціи, между прочимъ извѣстнаго Александровскаго министра князя А. Н. Голицына и прославившуюся своею филантропическою дѣятельностью княгиню Мещерскую. По указаніямъ и настоянію Вальтера Виннига въ Петербургѣ было построено нѣчто въ родѣ первой образцовой тюрьмы—Литовскій замокъ который въ свое время надѣялся много шуму и который верѣдко посѣщалъ императоръ Александръ Павловичъ. Въ 1819 же году также подъ вліаніемъ Винниговъ было учреждено „Попечительное Общество о Тюрьмахъ“, дѣйствующее до сихъ поръ и являющееся по закону главнымъ, нормальнымъ хозяиномъ нашей современной тюрьмы. Тюремаые законы Екатерининскаго и Александровскаго періодовъ вмѣстѣ со всѣмъ послѣдующимъ законодательствомъ образовали собою въ составѣ XIV тома свода законовъ, нынѣ дѣйствующій въ Россіи кодексъ—*уставъ о содержащихся подъ стражей*. Его совершенная неудовлетворительность и отжившій свое время характеръ есть фактъ не подлежащій сомнѣнію и официально провозглашенный правительствомъ, приступившимъ къ его пересмотру. Результатъ историческаго наслоенія потребностей, возникавшихъ послѣдовательно и случайно, онъ носитъ на себѣ отпечатокъ чрезвычайной пестроты и случайности. Въ немъ нечего искать ни цѣльности, ни единства, ни проведенія какой-нибудь одной руководящей мысли. Содержаніе устава, въ своемъ стремленіи все опредѣлить и все предусмотрѣть, не достигаетъ ни того, ни другаго и расплывается въ массу неуживыхъ подробностей, затемняющихъ суть дѣла. На каждомъ шагѣ онъ впадаетъ въ учительный, дидактическій тонъ, объясняетъ мотивы своихъ постановленій, выражаетъ надежды и ожиданія которымъ не суждено было сбыться. Написанъ онъ языкомъ тяжелымъ и неяснымъ, а главное—предположительнымъ; онъ весь испещренъ выраженіями: „казалось лучше бы, можетъ-быть, нужно бы“ и т. д. Что же касается до взгляда его на тюрьму, то онъ въ одно и

то же время стремится преслѣдовать цѣли и устрашительныя, и филантропическія, и пенитенціарныя, отдавая, однако, преимущество этимъ послѣднимъ. Вообще, положеніямъ Устава о содержащихся подѣ стражей, при всемъ ихъ несовершенствѣ, нельзя отказать въ благомъ намѣреніи создать хорошую и полезную тюрьму, но эта тюрьма теоретическая и безжизненная, съ неопредѣленными очертаніями, искусственною постановкой и большими практическими неудобствами. Совокупность многихъ условій, какъ лежащихъ въ самомъ законѣ, такъ и внѣ его, въ разныхъ государственныхъ причинахъ и бытовыхъ особенностяхъ русской жизни, сдѣлали всѣ благія предмачертанія Устава безсильными, а русскую тюрьму во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительною. Въ ряду этихъ причинъ немаловажное значеніе принадлежитъ существующимъ организаціи и порядку *тюремнаго управленія*. Разнообразіе и разбросанность органовъ, неопредѣленность обязанностей, путаница отношеній, разъединенная и недружная дѣятельность и разныя условія неудовлетворительности личнаго состава, являются его характеристическими чертами. У нашей тюрьмы слишкомъ много хозяевъ, попочителей, распорядителей и наблюдателей, такъ что на практикѣ они взаимно парализуютъ другъ друга, а тюрьма часто не знаетъ кого ей слушаться. Сами же они, каждый, занимается тюрьмой не спеціально, не исключительно, а только или въ качествѣ небольшой и второстепенной отрасли многосложныхъ обязанностей, или же добровольно изъ одного почета, и поэтому не рѣдко только формально. Тюрьмы находятся одновременно въ завѣдываніи попочительнаго о тюрьмахъ Общества и тюремныхъ комитетовъ, какъ его развѣтвленій, затѣмъ разныхъ представителей мѣстнаго административнаго начальства и наконецъ прокурора. Настоящаго же единаго и самобытнаго хозяина тюрьма не имѣетъ. Законъ думалъ создать такого хозяина въ лицѣ тюремныхъ комитетовъ, но ихъ коллегіальный, сборный и нестрѣнный составъ, безвозмездное служеніе членовъ, обязательное для однихъ, почетное для другихъ, издавна развившееся между ними по преимуществу холодное и формальное отношеніе къ дѣлу, все это исключаетъ возможность правительнаго и успѣшнаго направленія тюремной дѣятельности. Спеціалистовъ, практиковъ тюремнаго дѣла у насъ нѣтъ, или если

есть, то такъ немного что они теряются въ массѣ чиновниковъ и дилеттантовъ. Наши познанія по тюремнѣдѣвию также до настоящаго времени были весьма слабы и недостаточны. Въ такомъ положеніи находитея общее и центральное тюремное управленіе; не въ лучшемъ ближайшемъ, мѣстное: смотрители, надзиратели, приставники, экононы. Здѣсь одианъ прилѣвъ слышится всюду: людей вѣтъ и взять ихъ неоткуда. И это имѣетъ полное основаніе при томъ положеніи въ которомъ поставлены эти должности. По изстари сложившимся и крѣпко всосавшимся въ русскую жизнь понятіемъ ни малѣйшимъ общественнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ они не пользуются; никакого почти образовательнаго ценза, а тѣмъ болѣе какихъ-либо специальныхъ свѣдѣній отъ лицъ ихъ занимающихъ не требуется, а въ довершеніе всего вознагражденіе они получаютъ самое ничтожное, иногда доходящее чуть не до смѣшнаго. Довольно сказать, напримѣръ, что до послѣдняго времени смотритель губернскаго тюремнаго замка, этого центрального мѣста заключенія на всю губернію, получалъ жалованья 285 руб. въ годъ или около 24 руб. сер. въ мѣсяцъ, считая тутъ же и всѣ канцелярскіе расходы. Можно ли послѣ этого удивляться что смотрителямъ оставалось только, по древнему обычаю, брать съ арестантовъ „взакную деньгу“ и ни мало не помышлять о нравственномъ ихъ перерожденіи? Можно ли послѣ этого удивляться что полезные, порядочные и свѣдущіе люди не шли и не идутъ—развѣ въ видѣ исключенія—въ эти должности которыя замѣщаются, почти исключительно, ищущими пристроиться, старыми отставными военными, мелкими полицейскими и иными чиновниками, не рѣдко даже лицами лисарскаго и унтеръ-офицерскаго званія? Тюрьму, по современной идеѣ ея, иногда не безъ основанія сравниваютъ со школой или больницей, а понятно что при неудовлетворительныхъ учителяхъ и врачахъ и самое обученіе и лѣченіе не можетъ быть удовлетворительнымъ. Не безынтереснымъ является даже вопросъ о размѣрахъ тюремнаго населенія въ Россіи и о стоимости его государству. Въ этомъ отношеніи оказывается что заключенныхъ вообще въ Россіи сравнительно еще немного, но что они обѣать ей весьма дорого. Всѣхъ арестантовъ по приблизительному исчисленію на Имперію приходится немного болѣе 200 тысячъ человекъ; обходятся

же тюрьмы правительству ежегодно приблизительно въ одинънадцать милліоновъ рублей, не включая сюда стоимости пересылочной части въ Сибирь. Если же присоединить сюда и цѣну этой послѣдней, которая исчисляется въ 1.200.000, а также стоимость военныхъ тюремъ, то получится еще около двухъ милліоновъ, такъ что составитъ почтенная цифра въ 14 милліоновъ рублей, т. е. каждый арестантъ обходится государству до 70 рублей въ годъ.

Между тѣмъ въ Англіи при той же почти цифрѣ тюремнаго населенія, но при болѣе рациональной и потому дорожее стоящей системѣ содержанія, всѣ тюрьмы стоятъ страшно менѣе 5¹/₂ милліоновъ рублей; точно также во Франціи, при большемъ чѣмъ въ Россіи количествѣ ежегодно поступающихъ арестантовъ, тюрьма обходится государству менѣе чѣмъ въ 4 милліона рублей. Такая сравнительная дороговизна тюрьмы у насъ и дешевизна ея на Западѣ зависятъ отъ многихъ причинъ и между ними главнымъ образомъ отъ того что на Западѣ расходы на тюрьмы производятся несравненно производительнѣе и рациональнѣе, а затѣмъ и отъ того что тамъ тюрьмы сами на себя зарабатываютъ, что арестанскія работы даютъ государству не малый доходъ; у насъ же въ смыслѣ производительной рабочей силы тюрьма какъ для собственнаго своего населенія, такъ и для государства должна быть сведена къ нулю.

Распределеніе арестантовъ по категоріямъ и мѣстамъ заключенія, составляющее такую важную отрасль тюремной политики, у насъ находится въ самомъ первобытномъ состояніи и даетъ самые плачевные результаты. И въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, законъ разошелся съ практикой жизни. Законъ установилъ множество родовъ и видовъ тюремнаго заключенія и постепенныхъ переходовъ внутри каждаго изъ нихъ. Но ихъ было такъ много и система ихъ такъ сложна и неудобна что построить для каждаго изъ нихъ на всемъ огромномъ пространствѣ страны отдѣльныя тюрьмы и вообще осуществить ихъ оказалось немислимымъ. Поэтому, отчасти въ силу фактической необходимости, отчасти же прикрываясь выходами и изъятіями указанными въ самомъ законѣ, въ дѣйствительности все это свелось въ одну безформенную, безпорядочную и однородную массу. Всѣ различія между разными видами сибирской ссылки изгладились, сибирской

каторги почти не существуетъ, остались только сибирскіе каторжные остроги. Точно также и въ Европейской Россіи сдѣланы въ одно отдѣльные виды карательнаго лишенія свободы; въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ показаніемъ развѣ столицъ, приговоренные къ заключенію въ рабочемъ домѣ, смиренительномъ домѣ, собственно въ тюрьмѣ, иногда даже въ исправительномъ арестанскомъ отдѣленіи (прежнихъ ротахъ) безразлично и на одномъ общемъ положеніи содержатся вмѣстѣ въ губернскомъ тюремномъ замкѣ или на житейскомъ языкѣ, въ острогѣ. Такимъ образомъ цѣли закона, установившаго сообразно разнымъ наказаніямъ и разнымъ мѣстамъ заключенія, на практикѣ ни мало не достигаются. Кромѣ того, по большей части, особенно въ провинціи, арестанты подомѣдственные содержатся въ тѣхъ же тюремныхъ замкахъ вмѣстѣ съ осужденными или „рѣшенными“ арестантами. Это же представляетъ нарушение самыхъ элементарныхъ основныхъ началъ тюремнаго устройства. Оправданіе такого неправильнаго смѣшенія, крайне вреднаго какъ для задачъ уголовной репрессіи, такъ и для нравственности арестантовъ, заключается, а отчасти указывается и самымъ закономъ въ двухъ органическихъ недостаткахъ нашего тюремнаго дѣла: въ неимѣніи всѣхъ нужныхъ и установленныхъ закономъ мѣстъ заключенія и въ тѣснотѣ и недостаточности помѣщенія тѣхъ которыя существуютъ. Почти всѣ наши тюрьмы переполнены заключенными и вмѣщаютъ въ себѣ въ 2 или въ 1½, раза больше противъ того количества арестантовъ на которое они построены; среднимъ числомъ населеніе каждой minimum на 37% превышаетъ нормальную цифру. При такомъ скопленіи и скученности арестантовъ очевидно трудно и думать о какой бы то ни было правильной тюремной дѣятельности.

Всѣ наши тюрьмы принадлежатъ къ старой, нервобытней традиціонной и дореформенной формациі. Исключеніе составляютъ только четыре новыя тюрьмы—Варшавская, Петербургская и Московская исправительныя тюрьмы (соединеніе смиренительнаго и рабочаго домовъ) и Петербургскій домъ предварительнаго заключенія, которыя болѣе или менѣе отвѣчаютъ возмѣмъ требованіямъ тюремнаго дѣла. Старыя же наши тюрьмы, по внѣшнему и внутреннему виду своему и устройству, представляютъ три главныхъ типа: *подземныя арестанскія камеры при полиціи, тюремный замок*

и *пересыльная тюрьма*. Первыя, полицейскія подслѣдственныя камеры, существующія только въ столицахъ и немногихъ большихъ губернскихъ городахъ, имѣютъ почти всю одну фазіономію. Рядъ выходящихъ въ узенькій и темный корридоръ маленькихъ и грязныхъ келлій съ крошечными и тусклыми окнами, мало свѣта и мало воздуха, иногда сырость, совершенное отсутствіе всякой тюремной работы и возможность только умственныхъ занятій въ келліи, отсутствіе всякихъ вообще удобствъ и даже необходимаго, въ томъ числѣ и религіознаго утѣшенія, порядокъ, а сѣдовательно и строгость или слабость содержанія, вполнѣ зависящія отъ свойства и усмотрѣнія мѣстнаго полицейскаго начальства—вотъ ихъ характеристическія черты. Это современныи типъ древней „отдачи за пристава“; въ немъ и не осужденные еще арестанты лишены тѣхъ удобствъ и приспособленій, на которыя они имѣютъ неотъемлемое право, и уголовно-судебная власть ничѣмъ не обезпечена въ своихъ требованіяхъ строгаго содержанія арестанта, въ безопасности отъ побѣговъ, отъ стачки и вообще отъ возможности скрыть сѣбѣ преступленія. Трудно сказать что-либо хорошее и о *тюремномъ занятіи* какъ типъ тюрьмы. Мрачное, дряхлое, законченное, грязное зданіе или собраніе зданій, иногда облепленное высокою стѣной или сплошнымъ деревяннымъ частоколомъ, чѣмъ-то въ родѣ древняго „тына“, рѣдкіе наружныя часовые, почти не могущіе ни предупредить, ни остановить, ни даже вовремя замѣтить побѣга, кругомъ широкіе и зловѣщіе лустыри, гдѣ-нибудь у заставы—кто не знаетъ обычной неприглядной наружности русскаго острога?! Не лучше и внутри: сырость, грязь, духота, тѣснота, вредныя испаренія всюду поражаютъ и какъ-то туманятъ голову свѣжаго человѣка. Извѣстная арестантская одежда, сама по себѣ неуклюжая, отжившая и недостаточная, не рѣдко бываетъ двоякая: лохуже, обычная, всесезонная и получше, казовая, лежащая въ цейхаузѣ. Пуща, несмотря на возможные экономическія выгадыванія изъ арестантскаго лайка, еще лучше всего остальнаго; за этимъ зорко слѣдятъ и сами арестанты, и чего другаго, а дурной пищи они терпѣть не стануть и должнаго себѣ непремѣнно добьются. Въ камерахъ и корридорѣ очень рѣдко есть вентиляціи, поэтому воздухъ въ нихъ всегда смертный и испорченный. Прогулки по тюремному двору проис-

ходить безпорядочными толпами, когда кому хочется и когда придется. Порядокъ можетъ быть немедленно водворенъ только самою радикальною мѣрой: арестантовъ заговяжутъ по камерамъ и запираютъ на ключъ. Размѣщеніе арестантовъ самое своеобразное; острогъ выработалъ свои категоріи, мало соответствующія законнымъ, это разные подсудимые— „рѣшенные“, „высочайшіе“, „важные“, „секретные“ и т. д. Въ категоріи свободно между собою сообщаются; доступъ и сообщеніе между отдѣленіями мужскимъ, малолѣтнимъ и женскимъ запрещенъ, но на практикѣ не невозможно. Въ камерахъ, гдѣ арестанты спятъ, ѣдятъ и безъ дѣла пребываютъ въ теченіе цѣлаго дня по пятидесяти и болѣе часовъ, господствуетъ отвратительная система совместнаго ночлега на нарахъ, эта всѣми признаваемая язва нашей тюрьмы. Къ ближайшему начальству, къ смотрителю, обыкновенно не дѣлается никакого дѣйствительнаго уваженія, а что-нибудь одно: или страхъ, внушаемый грубостью обращенія, или пренебреженіе въ случаѣ слабости. Система доносцовъ, шпіонства, угодиливости начальству и въ то же время постояннаго введенія его въ обманъ, опредѣляютъ важную сторону отношеній между начальствомъ и арестантомъ. Фаворитизмъ всегда развитъ въ высокой степени. Дисциплинарная власть, предоставленная смотрителю, рѣдко примѣняется справедливо. Денегъ въ острогѣ играютъ первую роль: онѣ даютъ почетъ, удобства, даже извѣстность. Дворянская камера, въ которой нѣсколько человѣкъ случайно попавшій въ бѣду находится рядомъ съ настоящимъ отребьемъ общества, представляетъ среду привилегированную, замкнутую, кичащуюся своими привилегіями и обыкновенно идущую во главѣ всякихъ тюремныхъ безобразій. Въ нѣкоторыхъ острогахъ существуетъ глубоко раставляющій обычай, по которому бѣдные арестанты изъ простаго званія становятся за деньги почетными и официально признанными прислужниками арестантовъ-дворянъ; трудно представить себѣ болѣе отталкивающее тюремное явленіе чѣмъ эти импровизованные господа и лакеи среди всѣхъ уравнивающего общаго несчастія. Школы, библіотеки обыкновенно не существуютъ вовсе или же онѣ только въ слабomъ зародышѣ. Религіозная жизнь идетъ формальнымъ, обрядовымъ путемъ. Работы или вовсе нѣтъ, или она организована ненормально, не-

правильно, непроизводително и занимаетъ лишь ничтожное количество арестантовъ, остальные же пребываютъ въ совершенной праздности. Работа представляетъ скорѣе казовой конецъ, въ родѣ издѣлій приготавливаемыхъ для выставокъ, чѣмъ доходъ тюрьмы, заработокъ арестанта и наиболѣе дѣйствительное исправительное средство. Зато вино и карты въ полномъ ходу. Гибельное, но обычаемъ освященное учрежденіе *майдана* или арестантской лавочки, гдѣ предъ глазами сквозь пальцы смотрящаго начальства торгуетъ запрещенными предметами арестантъ-кулакъ, важная сто на сто, поражаетъ страшный тюремный разгулъ, не поддающійся никакимъ мѣрамъ. Сотнями разнообразнѣйшихъ способовъ, въ придумываніи которыхъ изощряется неисчерпаемая арестантская изобрѣтательность, вино проникаетъ въ замокъ и всѣ попытки искоренить это злоупотребленіе остаются безсильными, тѣмъ болѣе что иногда ему не чужда и самая стража и само ближайшее начальство острога. Отсюда попойки, постоянное, иногда поголовное и повальное пьянство, ссоры, драки, шумъ, буйство между арестантами, порой переходящее въ тѣ страшные арестантскіе бунты, когда въ конвойныхъ летать тяжеловѣсные, выломанные изъ стѣн кирпичи и разъяренные арестанты лѣзутъ безъ оглядки на штыки и пули, когда дѣло не обходится безъ крови, а иногда и самой смерти. Со внѣшнимъ міромъ острогъ поддерживаетъ оживленныя сношенія, свободно и легко обходящія всякія запрещенія и формальности. Провести что-нибудь къ арестантамъ, въ свою очередь получить отъ нихъ нѣчто „на волю“, какъ говорится на ихъ языкѣ, повидаться съ ними, несмотря ни на какіе запреты, все это почти ничего не стоитъ, кромѣ денегъ и нѣкотораго умѣнья. За отсутствіемъ въ острогѣ честной, законной работы, въ немъ неуставно кипитъ работа преступная, тайная, неуловимая, но всѣмъ хорошо извѣстная. Бываютъ періоды, когда острогъ обращается въ какую-то фабрику извѣстныхъ преступленій. Фальшивые кредитные и банковые билеты и фальшивая звонкая монета, и подложные документы всякаго рода, фальшивыя печати, фальшивые паспорта, все это острогъ выдѣлываетъ въ изобиліи, съ усердіемъ и прилежаніемъ, достойными лучшей участи. На такой товаръ бываютъ правильные заказы, существуетъ и своя такса. Каждый ловко

произведенный внезапный обыскъ по камерамъ даетъ цѣлый арсеналъ самыхъ разнообразныхъ фальсификаторскихъ снадобій, орудій и препаратовъ. Сегодня обнаруженный и уничтоженный, онъ завтра, точно выросши изъ земли, появляется вновь. Въ острогѣ встрѣчаются замѣчательные мастера и художники по разнымъ отраслямъ фальсификаціи; при взглядѣ на ихъ кропотливую и безукоризненную работу невольно является печальная мысль о томъ, что было бы съ человѣкомъ, еслибы эту гигантскую, ничѣмъ не сдерживаемую энергію, эту страшную усидчивость и трудолюбіе, эту точность и вѣрность руки, это чуткое пониманіе техники дѣла обратить ему же на пользу, одѣлать изъ орудійми его возрожденія? Преступная традиція передается изъ одного поколѣнія въ другое, старшіе, опытные, огонь и воду прошедшіе посвящаютъ во всѣ тюремныя искусства молодыхъ не свѣдущихъ; не даромъ прежній Московскій острогъ у Бутырской заставы въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ носилъ среди русскаго острожнago мира характерное названіе *Бутырской академіи*. Много удобствъ, много соблазна представляетъ тюремный замокъ и для побѣговъ, которые повтому и практикуются въ огромномъ количествѣ. Отъ подземнаго побѣга посредствомъ огромнаго подкопа подъ стѣну до чуть не воздушнаго бѣгства черезъ крышу и стѣну подъ выстрѣлами часовыхъ, отъ побѣга посредствомъ подложныхъ предписаній начальства объ освобожденіи до выѣзда изъ замка въ бочкѣ съ водой—русскому арестанту извѣстны безчисленные и безконечно разнообразные способы добыть себѣ свободу. Есть остроги которые по своему устройству такъ и малятъ къ побѣгу; въ Московской губерніи напримѣръ есть одинъ такой обрѣзанный судьбой тюремный замокъ; въ немъ окна камеръ и три стѣны выходятъ въ дикую лѣсную чащу, а самыя стѣны такъ ветхи что кирпичи изъ нихъ легко можно вынуть руками. Не мала и статистическая цифра побѣговъ: въ 1875 году за одни побѣги со взломомъ тюрьмы—сравнительно не особенно частые и притомъ единственныи видъ побѣга составляющій преступленіе,—въ однихъ только новыхъ судебныхныхъ мѣстахъ судилось 302 человѣка. Въ довершеніе характеристики нашихъ остроговъ замѣтимъ что сложившаяся въ ками своеобразная жизнь ихъ населенія представляетъ драгоценныя для правильной организаціи нѣкоторыя

общинные элементы, артельное начало, круговую поруку; но при существующемъ порядкѣ вещей они пропадаютъ даромъ и ведутъ только ко вредному обособленію арестантовъ и образованію между ними замкнутой корпораціи закоренѣлыхъ преступниковъ. *Пересыльная тюрьма*—кромѣ многочисленности своего населенія, его перемѣннаго состава, постоянныхъ приливовъ и отливовъ арестантства—не многимъ отличается отъ тюремнаго замка. Въ ней еще меньше удобствъ и приспособленій и еще больше скученности и тѣсноты. Мы пройдемъ мимо ея широкихъ дворовъ и огромныхъ палатъ, наполненныхъ отвратительнымъ кандалынымъ аязгомъ, палатъ, въ которыхъ къ веснѣ собирается въ каждой по 400—500 человекъ каторжниковъ и ссыльныхъ съ бритою половиною головы, собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, и остановимся на минуту на одной скорбной ея картинѣ и выѣстѣ особенности. Въ обширной общей палатѣ—съ нарами по срединѣ и узкими проходами по бокамъ—помѣщаются сотни женщинъ и дѣтей, которыхъ ежегодно проходитъ черезъ столичную пересыльную тюрьму, напримѣръ, до десяти тысячъ человекъ. Это такъ-называемая „семейная“ камера, это пересыльные семьи, слѣдующія за своими отцами, мужьями и братьями. Семья и тюрьма, дѣти и смрадная атмосфера преступности,—это такіе контрасты, котрые чувству невыразимо тяжело совмѣстить, съ которыми не легко помириться.

Дѣти всѣхъ возрастовъ—отъ большихъ, которымъ нужно учиться, до грудныхъ младенцевъ—наполняютъ камеру своимъ плачемъ, смѣхомъ и лепетомъ, отъ которыхъ въ этой обстановкѣ невольно сжимается сердце. Безсознательная и беззаботная—они не понимаютъ того что ихъ окружаетъ, но какъ-то жутко становится при мысли о томъ что они здѣсь услышатъ, на что посмотрятъ, чему научатся. Не приглядно и внѣшнее ихъ положеніе: арестантской казенной одежды имъ не полагается, а потому они остаются въ своей, накрываются чѣмъ Богъ послалъ, оборванныя, грязныя, едва прикрытыя тряпками, лохмотьями и обносками, не защищающими ихъ отъ холода и сырости. А ссыльнымъ путь имъ предстоитъ не близкій, и нельзя не пожелать чтобъ эти скромныя семейныя и дѣтскія потребности первой необходимости скорѣй получили удовлетвореніе.

Все сказанное, взятое вмѣстѣ, конечно не могло обусловить правильнаго развитія и успѣшной дѣятельности русской тюрьмы. Она не является и не можетъ быть тѣмъ чѣмъ ей быть слѣдуетъ, т.-е. институтомъ внутренней политики для борьбы съ преступностью. Всякія пенитенціарныя и воспитательныя задачи чужды ея современному состоянию. Она не излѣчиваетъ настоящей преступности и не предупреждаетъ будущей; напротивъ, какъ ни грустно такое заключеніе—она поддерживаетъ, питаетъ и вновь заражаетъ преступленія, какъ богатый и неистощимый разсадникъ. Арестантъ выходитъ изъ тюрьмы безпомощный и испорченный, дѣлаться некуда; строгая и трезво-дисциплинованная жизнь ему незнакома; работать онъ не привыкъ, не умѣетъ или не хочетъ, и вотъ обратная дорога въ тюрьму грозно встаетъ предъ нимъ. Рецидивъ въ правильной и безотрадной прогрессіи ежегодно увеличивается самымъ на 20% и все это количество приходится на долю тюрьмы. Само правительство, со своими проищательными просвѣщенными взглядами, всегда безпристрастное, а въ дѣлѣ всякаго улучшенія рѣшительное и энергичное, — не можетъ сказать ни одного добраго слова о русской тюрьмѣ. Въ драгоценномъ офиціальномъ изданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1865: *Матеріалы по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи по съѣдѣніямъ доставленнымъ губернскими начальствами*, состояніе тюремъ рисуется самыми мрачными красками. При обсужденіи въ 1873 году законодательныхъ предначертаній о новой лѣстницѣ наказаній о нихъ формулированъ былъ такой общій отзывъ: „каторжныя работы совершенно потеряли свое значеніе высшей уголовной кары; тюремныя остроги, замѣняющіе на дѣлѣ всѣ остальные виды заключенія, кромѣ арестантскихъ ротъ, при своихъ общихъ камерахъ, отсутствіи всякой организованной работы и при всѣхъ безобразіяхъ системы содержанія арестантовъ на общихъ нарахъ,—уже давно всеми признаемы разсадниками и школой разврата и преступленій.“ Конечный выводъ, стало-быть, очевиденъ: зданіе нашей теперешней тюремной системы, построенное на пескѣ, или расшатано, или сгнило отъ вершины до основанія. Оно грозитъ паденіемъ и вредомъ для среды его окружающей; но будемъ надѣяться что упасть ему не дадутъ, а разобравъ осторожно, на мѣсте его возведутъ новое, крепкое, устойчивое и полезное.

Въ заключеніе да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ *de lege ferenda*, о вѣроятныхъ основаніяхъ ожидаемой тюремной реформы. Мысль о ней возникла уже давно. Еще въ 1868 году правительство командировало за границу гг. Галкина и Пассека для изученія на мѣстѣ тюремныхъ системъ и приняло всѣ мѣры къ изученію и отечественныхъ тюремъ. Съ 1871 года и до послѣдняго времени рядъ Высочайше учрежденныхъ комиссій, подъ предсѣдательствомъ графа Соллогуба, гг. Зубова и Фриша, неутомимо работали надъ проектами преобразованія тюремъ и неразрывно связаннаго съ нимъ преобразованія системы уголовныхъ наказаній. Въ настоящее время, съ 1877 года, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, начала свои занятія окончательная Высочайше учрежденная коммиссія о тюремномъ преобразованіи, имѣющая задачей выработать основныя ея начала въ томъ же приблизительно порядкѣ въ какомъ въ 1862 году вырабатывались „основныя положенія преобразованія судебной части“. Дѣло, поставленное правильно и разумно, быстро и стройно идетъ къ концу. вмѣстѣ съ тѣмъ въ Россіи возникало и научное преподаваніе тюремовѣдѣнія, курсъ котораго профессоръ Фойницкій впервые въ 1873 году открылъ на административномъ отдѣленіи юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Въ средствахъ для осуществленія тюремной реформы видимому недостатка не будетъ; милліоны ежегодно расходуемые на криминалы тюрьмы, милліоны основнаго тюремнаго капитала и другіе источники могутъ представить прочное матеріальное основаніе великому начинанію, которое само правительство признало дѣломъ неотложной государственной необходимости. Независимо отъ новаго тюремнаго устава будетъ вѣроятно созданъ и новый спеціальный и сильный хозяйствъ тюремъ—правильно-организованное самостоятельное главное управленіе тюрьмами въ Петербургѣ, съ системой округовъ и инспекціи по всей Имперіи, съ соотвѣствующимъ ближайшимъ мѣстнымъ завѣдываніемъ, съ высшимъ образовательнымъ цензомъ и щедрымъ обезпеченіемъ для должностныхъ лицъ и со всѣми другими условіями хорошаго личнаго состава. Затѣмъ въ общихъ чертахъ слѣдующія начала принимаются въ соображеніе при реформѣ. За основу всѣхъ наказаній признается лишеніе свободы, какъ единственный твердый, несомнѣнный и не подвергаю-

щійся случайностямъ карательный признакъ. Лишеніе свободы есть нормальное наказаніе; всѣ другія средства кары, каковы—смертная казнь, ссылка, заключеніе въ крѣпости—остаются наказаніями экстраординарными, назначаемыми въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ. Всѣ преступленія, сообразно ихъ относительной тяжести, раздѣляются на три группы, изъ которыхъ каждой соответствуетъ особый видъ лишенія свободы. Виды эти различаются по своимъ свойствамъ, цѣлямъ и устройству, основаны на началѣ прогрессивности и представляютъ примѣненіе къ нашимъ условіямъ общихъ началъ, швейцарской системы. Для преступленій наиболѣе тяжкихъ, указывающихъ на окончательную испорченность виновнаго и невозможность пребыванія его въ прежнемъ обществѣ или возвращенія туда, устанавливаются *долгосрочныя мѣста заключенія или каторжныя тюрьмы*, съ обязательными тяжелыми работами, съ одиночнымъ заключеніемъ, въ особенности на ночь, въ продолженіе обязательнаго срока, и съ болѣе свободнымъ содержаніемъ въ особо устроенныхъ колоніяхъ въ теченіе льготнаго, переходнаго срока. Этотъ видъ лишенія свободы имѣетъ въ виду: *удалить преступника навсегда изъ прежняго общества, но по возможности перевоспитать и подготовить для новаго устраиваемаго для него быта*. Для преступленій средней важности, обнаруживающихъ значительную степень испорченности и напряженія злой воли, но не исключających еще надежды на исправленіе преступника, устанавливаются *среднесрочныя тюрьмы или исправительные дома*, съ первоначальнымъ одиночнымъ заключеніемъ въ кельяхъ, а по окончаніи срока этого заключенія съ обязательными работами въ общихъ мастерскихъ и съ разобщеніемъ на все свободное время, въ особенности на ночь. Этотъ видъ заключенія стремится достигнуть *полнаго исправленія преступника для возвращенія его въ прежнее общество*. Наконецъ, для преступленій сравнительно маловажныхъ, имѣющихъ скорѣе случайный характеръ паденія предъ искушеніемъ или же значеніе простыхъ неправильныхъ проявленій недисциплинованной воли, учреждаются *тюрьмы краткосрочныя или смирительныя и арестные дома*, съ полнымъ одиночнымъ заключеніемъ на весь срокъ и обязательными работами въ кельяхъ для первыхъ и съ простымъ лишеніемъ свободы для вторыхъ. Это наказаніе

должно быть не тѣжко, но только *опустительно*; устройство его имѣетъ цѣлью не исправленіе преступника, а только то *чтобы онъ не вышелъ худшимъ изъ заключенія*. Всѣ тюрьмы рѣзко дѣлятся на *предварительныя* и *карательныя* и арестанты подсѣдственные содержатся въ совершенной отдѣльности отъ осужденныхъ, въ особыхъ демахъ предварительнаго заключенія, которые приурочиваются къ окружающимъ судамъ.

Предполагаемая тюремная реформа, представляющая одну изъ насущныхъ потребностей русской жизни, возбуждаетъ самыя свѣтлыя и отрадные надежды. Но для полнаго и успѣшнаго ея осуществленія и для будущаго правильнаго хода ея не достаточно еще, намъ думается, однихъ законодательныхъ нововведеній и благородныхъ, неутомимыхъ усилій правительства. Она нуждается еще въ одномъ могучемъ и незамѣнимомъ факторѣ — въ общественномъ сочувствіи и содѣйствіи. Тюремное дѣло достойно общественнаго вниманія и работы. Ему нужны вспомогательные союзы общественной заботы о заключенныхъ, попеченія о малолѣтнихъ преступникахъ, объ арестанткахъ-женщинахъ, объ арестантахъ освобождаемыхъ и находящихся въ переходномъ, пробномъ періодѣ. Ему нужна всегда живая, свѣжая и обновляющаяся струя общественной и частной дѣятельности, предохраняющая отъ бюрократическаго характера, легко принимаемаго дѣломъ, къ которому общество равнодушно и глухо. Въ собственныхъ своихъ интересахъ общество должно позаботиться о своихъ нравственно-больныхъ дѣтахъ, если не хочетъ заразы. До сихъ поръ мы были почти безучастны и слѣпы къ тюремному вопросу. Но такой порядокъ вещей ненормаленъ и далѣе продолжаться не можетъ. Наука русскаго тюремовѣдѣнія еще очень молода и слаба, но у нея есть большая нравственная поддержка, большія надежды на будущее: она твердо вѣритъ что близко то время, когда русское общество откликнется на ея призывъ, когда благодѣтельная рука общественной помощи протянется и къ русской тюрьмѣ.

Н. МУРАВЬЕВЪ.

ОТЪ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

РАЗКАЗЪ ТУРИСТА

I.

Каттаро—Австрійская крѣпость на Адриатическомъ морѣ. Это не городъ съ опредѣленною физіономіей и населеніемъ, а какой-то всклооченный войлокъ, сбитый, перелутанный, душный, пахучій, грязный, тѣсный, большой. Австрійскихъ солдатъ въ немъ больше чѣмъ жителей, больше чѣмъ рыбы въ бухтѣ. Узенькія загроможденныя улицы набиты италіянскими оборвышами, бѣгунцами изъ Герцеговины, черногорскими юнаками, женами, дѣвочками, Греками въ грязныхъ юлкахъ, полубожаженными здоровяками лицами, безобразнѣйшею въ мірѣ женскою прислужкой съ какими-то словно перебитыми ногами. Въ темныхъ пахучихъ skleпахъ съ дырами на улицу безмятежно спятъ торгаши, раздѣвшись почти донага и на каждого покупателя слезливо бранятся: зачѣмъ его черти несутъ... Отъ жары здѣсь люди дурѣютъ, болѣютъ и каждый день десятками падаютъ.

Утро. Забравшись въ дыры, торгаши начинаютъ спать. Солдаты пылятъ, палятъ, трубятъ, барабанятъ. Оборвыши визжатъ, осаждая страстнымъ визгомъ прохожихъ. Мазги и ослы ревутъ. Черногорскія жены завываютъ безобразными

басами.. Тысячи людей въ лоту, въ грязи, въ рваныхъ клочьяхъ толкуются, бравятся, дерутся. На базарѣ чеснокъ и апельсины, ржавыя сельди и олеандровыя букеты, лохмотья, грязь, плайфы, штыки, гамъ, глулость, клочья сѣрыхъ одеждъ, галдяніе на пяти языкахъ разомъ, все оретъ и несется стремительно, злобно, судорожно, обиваясь въ безобразную кучу толкующагося живья.—Ныко о-о!—Пэко-о!—Луко-о!—Джаволе! стонетъ базаръ въ тысячу глотокъ.

Но вотъ всплываетъ въ бухту пароходъ. Движеніе усиливается и переходитъ въ сплошную свалку. Люди бросаются, не зная зачѣмъ и куда, дѣлать другъ черезъ друга, точно слѣпые и одержимые. Появляются полиціанты, носильщики, полунагіе вицїе, уличныя оборвыши, словно сорвавшіеся бросаются на палубу. Глядя на нихъ, зритель думаетъ: вотъ схватятъ по тюку и разнесутъ весь пароходъ; какъ бы не такъ: садятся въ кружокъ, разуваются и покачиваются, расплывая *Мандолину*.

Въ закрытыхъ наглухо комнатахъ тьма крошечная. Жара душитъ, безумитъ. Цѣлый день ничего нельзя дѣлать, даже спать нельзя. Мирные обитатели и обитательницы обиваются потомъ, стонутъ, енимають съ себя все что можно снять. И всюду грязь и духота, голодъ, злоба, безпомощность....

Жизнь начинается съ семи часовъ вечера, когда солнце окроется за горы и на вершины ихъ спустятся сѣдые лохматая облака. Въ домахъ открываются ставни; въ окнахъ и балконахъ показываются женщины въ бѣломъ. Въ сверкающихъ серебристыхъ сумеркахъ ихъ стройныя фигуры кажутся заманчивыми и привлекательными. Тамъ и сямъ самшиты лѣвіе.

Быстро, почти вдругъ, спадаетъ ночная тьма и въ потемнѣвшемъ небѣ и въ совершенно черномъ морѣ дрожать и мигаютъ крупная, лучистыя звѣзды.

На берегу бухты, возлѣ „локанды“, гдѣ собирается все высшее чиновниче общество солгать и лыхтѣть отъ гнетущаго благополучія, олеандровый садикъ совсѣмъ потемнѣлъ. Рѣдкіе скудные огоньки замигали вдоль берега, усиливая темноту ночи своимъ красноватымъ мерцаніемъ. Но вотъ грянулъ полковой оркестръ, звуки польки понеслись по горамъ и, казалось, цѣлая сотня оркестровъ, передраз-

живая другъ друга, заиграли за каждою горой. Высылали господа офицеры, докучливо лязгая своими боевыми доспѣхами и зѣвая съ просонюкъ, приступили къ волокитству. Плавнo, чинно, торжественно выступили локотныя дамы, разодѣтыя въ перья и кружева, погибая въ какой-то томительной граціозности, соблазнительно и страстно вздыхая по... казеннымъ лошадинымъ раціонамъ. Началась прогулка. Слава Богу, въ это время здѣсь люди приходятъ въ сознаніе и начинаютъ лить, издавая по временамъ даже членораздѣльные звуки. Въ „докандѣ“ какал-то дряблая слизь подъ имелемъ мороженого и лимонадъ похожій на молоко.

За каменными, несокрушимыми столами, подъ цвѣтущими олеандрами, размѣстилось военное и чиновничье общество. Оркестръ, набранный разумѣется изъ Чеховъ, сыгралъ „походъ“, сыгралъ финалъ изъ *Орлеана*, сыгралъ кое-что хесткое изъ репертуара пражскихъ шарманщиковъ и успокоился; артисты заладили „виртуалки“, одни начали „пущовать“ инструменты, другіе „шладировали“ и „амюзировались“ возлѣ дамъ съ перебитыми ногами, третьи, вывѣсть съ дамами сердца, „штриковали“ чулки. Всюду слышался салъ и храпъ пресыщеннаго и заспаннаго благополучія. Нечего и говорить что въ такомъ адекомъ некаѣ, какъ Каттаро, инымъ живется очень тепло.

За однимъ изъ каменныхъ столовъ предъ ливными кружками сидѣли двое Русскихъ и, какъ водится, перебрасывались эротическими замѣчаніями на счетъ Италіанокъ, сновавшихъ возлѣ нихъ и съ нахальнымъ любопытствомъ посматривавшихъ на этихъ „Руссовъ съ краснымъ крестомъ, у которыхъ такъ много золота“. На Русскихъ хотя и не было „красныхъ крестовъ“, но ихъ тотчасъ же признали за Русскихъ по надменно-вѣжливому обращенію съ прислугой, по дорогимъ бездѣлушкамъ, по лачкамъ русской кредитной бумаги, по замесчивой величавости взоровъ бросаемыхъ ими на публику, по тому шику и удамъ какія проглядывали въ ихъ рѣчахъ и манерахъ. Видно было что они „у дѣла состоятъ“, залопутили тройные прогоны, сутѣчные, кормовые, подземные, вообще много даровыхъ, гауныхъ денегъ, съ которыми не знаютъ что дѣлать. Имъ скучно и негда развернуться по-русски. Одному

изъ нихъ было лѣтъ подѣ сорокъ. Изъ черной окаяистой бороды и вьющихся густыхъ волосъ выглядывали черты суровыя, надменныя, тулыя и лѣнныя. И домался-то онъ, и фыркалъ, и на прислугу покрикивалъ, и презрительно щурился на всѣхъ окружающихъ именно ради важности и авторитета, которыхъ за нимъ никто не признавалъ. Видно что человѣкъ былъ комать жизнью, но ловко вывернулся, вымыселъ и торжествуетъ свою побѣду въ полное удовольствіе. Гортанный басъ его гудѣлъ строгойшимъ воспрещеніемъ всякихъ прекословіій, но не трудно было догадаться, что явись человѣкъ, да возьми вотей выше, и этотъ гортанный басъ пропадетъ и самодовольство смѣнится печальнымъ искательствомъ, поддакиваніемъ. Къ обманчивой наружности присоединялась и оригинальная особенность изъяснять свои убѣжденія, мнѣнія, взгляды. Онъ не возражалъ, не убѣждалъ, но просто изображалъ на лицѣ недоумѣіе и говорилъ: „Гм! это однако, для меня ново,“ „я ни отъ кого этого не слыхалъ,“ „я этого не понимаю,“ „мнѣ это не нравится“ и т. п., но говорилъ такимъ сомнѣвающимся тономъ что слушателю оставалось молчать и догадываться что его слову не вѣрять. Ловкость гаулая, но въ жизни сплошь и рядомъ ставитъ въ туликъ очень умныхъ людей. Его сѣрые глаза глядѣли холодно, подозрительно, осторожно, выжидая и принараваиваясь какъ глядѣть они у опытныхъ адвокатовъ, у которыхъ въ послѣдствіи подѣ старость слеза изъ лѣваго глаза идетъ. Таковъ былъ лѣкарь Тупорченко. Сидѣвшій съ нимъ господинъ, въ потертомъ академическомъ мундирчикѣ, молодежавый, но уже серьезный и разсудительный молодой человѣкъ, повидимому наслаждался умною бесѣдой съ „докторомъ“ Тупорченко, выслушивая его съ искательнымъ почтеніемъ, но выскетъ какъ-то развязно и весело, что не очень нравилось Тупорченкѣ. Онъ назывался тоже „докторомъ“ Пераовымъ, хотя не одолѣвалъ еще и лѣкарскаго экзамена и командированъ просто въ „практиканты“, въ фельдшера.

Оба „доктора“ пріѣхали въ Каттаро по своимъ и служебнымъ дѣламъ. Тупорченко прибылъ изъ „вѣтреннаго ему госпитала“ былъ „шефъ больницы“, человѣкъ въ ходу и на виду. Появляю что на своего коллегу онъ поглядывалъ свысока.

Господа „доктора“ судили за пивомъ и рассуждали о мѣнахъ военнаго вѣдомства и о законахъ гражданскаго вѣдомства, о личныхъ преимуществахъ той и другой службы о правахъ и обязанностяхъ врачей, о разныхъ экстраординарныхъ случаяхъ когда именно врачъ „обязанъ“ и когда онъ „имѣетъ право“. Во всѣхъ казуистическихъ тонкостяхъ и изворотахъ Тупорченко оказался большимъ знатокомъ и Перловъ слушалъ его съ поучительнымъ вниманіемъ. Въ томъ Тупорченко однако самъ было нѣкоторое пренебреженіе.

— Доставьте мнѣ удовольствіе, докторъ Тупорченко, сыграйте партію на бильярдѣ, предложите Перловъ.

— Гм... Не ловко, докторъ Перловъ, обращать на себя вниманіе всякой дрянью... Все-таки мы здѣсь... гм... на такомъ посту...

— Ну, пойдемте на берегъ... Слышите, свистокъ, парохолъ пришелъ: навѣрно, встрѣтимъ кого-нибудь изъ Русскихъ... да и всѣ хорошенькія женщины на берегу... вѣроятно и на Луцѣ...

Молодой человѣкъ офансировалъ на счетъ дѣвушки, слывшей подъ именемъ „морской царицы“, предъ которой рта не смѣлъ раскрыть, но уже занесъ ее въ счетъ „мужичъ“.

Оба господа „докторы“ вышли на береговую площадку, гдѣ толпилась гуляющая лубанка предъ громаднымъ пароходомъ, причаливавшимъ къ берегу. Съ парохода пассажиры махали платками, раздавались радостные возгласы подвигалась торопливая бѣготня и давка.

— Вотъ Русскій!.. Смотрите.... Паря держу что онъ Русскій, говоритъ „докторъ“ Перловъ, указывая на соседняго съ ладубы молодаго человѣка въ ларусинѣ и широкой соломенной шляпѣ, какія носятъ итальянскіе крестьяне. Тупорченко глянулъ на прохожаго боковымъ, чрезвычайно строгимъ взглядомъ, словно заранѣе протестуя противъ обмѣненія со „всякою дрянью“. Человѣкъ въ ларусинѣ и соломотоже, повидимому, признавалъ академическій мушкетирскій плаечухъ Перлова и поглядѣлъ на соотечественниковъ съ такимъ сумрачнымъ равнодушіемъ что Тупорченко невозможно подумалъ: „Экая скотина! вѣдь не подойдетъ, чего добраго“...

— Интересно знать: кто такой, говорилъ Перловъ, — и жетъ-быть ревизоръ Краснаго Креста, либо Славянскій Комитета...

— Ну, ужъ извините, ревизоръ въ третьемъ классѣ не поѣдетъ, а онъ вышелъ изъ третьяго класса, а видѣлъ... да посмотрите какъ онъ одѣтъ: хорошъ ревизоръ!.. Корреспондентшкѣ какой-нибудь ославянѣлой газеты...

Человѣкъ въ ларусинѣ и соломѣ дѣйствительно не подошелъ къ „докторамъ“. Оборванный Италіанецъ, тащившій его чемоданъ, съ горестнымъ состраданіемъ декламировалъ ему что квартирѣ въ городѣ нѣтъ и онъ не знаетъ что дѣлать. Всѣ „локалы“ и отели заняты консулами, корреспондентами, врачами.

— Оставьте мой чемоданъ здѣсь, проговорилъ человѣкъ въ ларусинѣ и соломѣ, разчитавъ носильщика и присѣвъ на пустую скамью, какъ будто такъ и надо, въ порядкѣ вещей. Онъ сидѣлъ предъ своимъ чемоданомъ, съ видомъ тупой и печальной усталости въ тонкихъ насмѣшливыхъ чертахъ, покрытыхъ густымъ загаромъ, и равнодушно поглядывалъ на потокувшія въ туманѣ вершины горъ, по которымъ змѣлилась дорога въ Цетинье. Въ насмѣшливомъ выраженіи лица его проглядывало что-то одаваемо-горькое и злое, сказывалось внутреннее безпокойство. Въ карихъ глазахъ, съ большими длинными прорѣзами, свѣтился умъ, пытливость, энергія, а въ лѣнливыхъ медлительныхъ движеніяхъ замѣчались усталъ и скука. Казалось, человѣку этому все равно и безразлично, лишь бы скоротать свой день. Господа „доктора“ прошли мимо его и съ пристальнымъ вниманіемъ перечитали всѣ дорожные ярлыки на его чемоданѣ: „Петербургъ, Москва, Вѣна, Парижъ, Триестъ: чортъ его разберетъ, откуда онъ. Однако, Краснаго Креста на чемоданѣ нѣтъ и чемоданшкѣ деревяннѣйшій: бѣднѣшкѣ“...

— Чортъ его пойметъ, ворчалъ Тупорченко:—рожа-то моего себѣ... вѣдь видитъ скотина что мы Русскіе и не подходить...

Тупорченко досадовалъ, волновался, даже обовалился, но поболытство превозмогало въ немъ чувство собственнаго достоинства и онъ рѣшился подойти къ ларусинѣ и соломѣ и деревянному чемоданшкѣ.

— Позвольте узнать, вы Русскій? заговорилъ онъ тономъ полицейскаго допроса.

— Да, я Русскій.

— Очень пріятно... Докторъ Тупорченко, шефъ *** больницъ...

— Докторъ Перловъ...

Человѣкъ въ парусинѣ и соломѣ молча подалъ имъ руку, но не сказалъ своего имени, чина и званія. Онъ поглядѣлъ на нихъ даже съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Въ Цетиньѣ направляетесь? приступилъ Тупорченко къ вопросу.

— Да, въ Цетиньѣ.

— Ославляють изволили?

Человѣкъ въ парусинѣ усмѣхнулся мѣткому словцу, но не выразилъ ни малѣйшаго намѣренія ескорбиться. Слово „ославляють“ дало ему понять, къ какой „партіи“ принадлежали гг. „доктора“. Онъ расспросилъ ихъ, какъ легче добраться до Цетиньи, и господа „доктора“ сообщили ему все что знали, какъ люди опытные и вѣжальные по здѣшнимъ адскимъ дорогамъ, совѣтовали нанять „жено“, пойти съ полноты, купить оманки, принавать маэгу и пр.

— Да вы зачѣмъ же собственно въ Цетиньѣ идете? уже съ явнымъ раздраженіемъ бракнулъ Тупорченко.

— Я... по своему дѣлу, сухо отвѣтилъ человѣкъ въ парусинѣ и соломѣ, давая знать что отвѣчать не желаетъ.

— Да какое же у васъ здѣсь дѣло?

— Мое собственное дѣло.

— Вы уполномочены Славянскимъ Комитетомъ?

— Я никѣмъ не уполномоченъ.

— Командированы Краснымъ Крестомъ?

— И не командированъ никѣмъ.

— Стр-р-ранно, однако же... Корреспондентъ какой-нибудь газеты?...

— Нѣтъ.

— Доброволецъ, можетъ-быть?

— Нѣтъ.

— Дипломатъ?

— Нѣтъ.

— Медикъ?

— Нѣтъ.

Тупорченко пожалъ плечами и перевелъ изумленные глаза свои на Перлова.

Его видимо смущала мудреная задача: предъ ними былъ человѣкъ который не „командированъ“, не „уполномоченъ“ пришелъ безо всякой „казенной надобности“ и держитъ себя съ ними безо всякаго уваженія, раздражаетъ, изтригуетъ ихъ любопытство.

За столомъ въ „локандѣ“, куда они отправлялись пить пиво, прїѣзжій сказалъ свое имя: Левъ Артемьевичъ Шумавинъ. Это ободрило Тулорченко и онъ снова приступилъ къ допросу.

— Да что же вамъ собственно здѣсь, въ Черногоріи?

— Народъ хочу посмотрѣть.

— И только?

— Только.

— Гм... Сквернѣйшій народъ, надо вамъ сказать... дичь ужасная, непроходимая...

— Черногорцы — глухой, неразвитый народъ... Мнѣ они не симпатичны, не нравятся...

— Знаете что докторъ; вчера попалась мнѣ въ Рагузѣ русская газета, замѣтилъ Шумавинъ: — листетъ въ ней дуракъ разборъ *Анны Карениной*. Рѣчь идетъ о сценѣ когда жена Левина родитъ, а онъ бѣгаетъ по комнатамъ и молится за ея муки. Сцена вѣрная, правдивая, глубоко-человѣчная. А дуракъ ляпнулъ напрямки: „моя жена хоть сто разъ роди, а Левинскихъ мукъ и терзаній я не понимаю, не признаю и не почувствую.“ И ляпнулъ съ гордостью, съ аллобомъ, то-есть свою грубость и тулость поставилъ непреложнымъ авторитетомъ для своей публики. „Я этого не понимаю — никто не смѣй понимать. Я человѣкъ и не понимаю; всѣ люди суть человѣки, слѣдовательно всѣ дураки.“ Вотъ истинный образецъ дурацкаго силлогизма и источникъ нашей печальной мудрости. „Я такъ нахожу,“ „мнѣ нравится,“ „мнѣ не нравится...“ да мнѣ вся жизнь не нравится, всѣ люди не симпатичны: кому какое дѣло? Мнѣ не нравятся у васъ подъ носомъ дырки, а вамъ безъ дырокъ дышать нельзя.

Перловъ насмѣшливо глядѣлъ на Тулорченко, какъ бы говоря: нарвался? Это видно не со мной тряпочки сосать? Тулорченко краснѣлъ, мигалъ и разставивъ ноги, глядѣлъ какъ ошеломленный.

— Вы бранитесь, пробормоталъ онъ растерянно: — переходите въ личности...

— И, полмоте, любезный докторъ, я говорю свое мнѣніе... Мнѣ такъ нравится... Вотъ вы спросили меня, не изводилъ ли я ослабляя, — слово мѣткое, ядовитое и попади оно въ цѣль нашихъ легкомысленныхъ, огульных увлеченій, отъ него было бы больно. Послѣ этого излишне кажется спрашивать, какого вы мнѣнія о Русско-Турецкой войнѣ...

— Да, конечно, я не за войну... Это такая политическая неадекватность...

— Вы, главнымъ образомъ, за служебные оклады, за чины, за прогоны... Ого, конечно, разумеете всякой войнѣ корми меня, а я буду ѣсть.

— Что же, по вашему, война—благополучіе для Русскаго народа?

— Не благополучіе, но ужь если надо выбрать меньшее изъ золъ, то по-моему лучше сто тысячъ разъ война, сто тысячъ поражений и контрибуцій, моръ и голодъ въ придачу, чѣмъ мирныя преуспѣванія лакеевъ и кулаковъ, что на обухѣ рождъ молотятъ, подъ видомъ индифферентнаго космополитизма...

— Почему же лучше?

— Потому что война дѣло прямое, честное, вражда лицомъ къ лицу. На войнѣ мы можемъ пасть, потерять свое политическое значеніе въ Европѣ, но не можемъ утратить въ омутъ мирнаго распутства, продажности, лжи. Война это смерть нашему изогавшемуся либерализму и кулачеству, смерть постыдному союзу хорошихъ словъ и подлыхъ дѣлъ. Вотъ почему у насъ войну въ нѣкоторыхъ кружкахъ не любятъ. „Мы-ста выше національности, выше патриотизма... Мы Европейцы, мы космополиты“... Нѣтъ, государи мои, вы просто-на-просто русскіе чиновники, неспособные понять что Европа только и сильна тѣмъ что вы отрицаете: патриотизмомъ и національностью, а не отреченіемъ отъ своихъ государственныхъ дѣлей, во имя волеи жаднаго брюха да кармана!.. да, пожалуй, европейской вѣщности...

— Я этого не говорю, не вѣдь наши славянофилы, вѣдь это Богъ знаетъ что такое: православіе да объединеніе братьевъ...

— Да намъ съ вами какое же дѣло до политическихъ иллюзий славянофиловъ? Имъ нравится объединеніе...

— Константинополь имъ нравится...

— Пусть и Константинополь имъ нравится, городъ хорошій, мировой, экономическій центръ... Отчего ему не нравится?.. Вотъ вы изволите говорить: „война—неадекватность“, а по-моему вы сами—живая неадекватность: отрицаете войну, не признаете дѣлей во имя которыхъ она ведется, и въ то

же время прелюбополучно служите войнѣ и ея цѣлямъ, и вѣроятно со своимъ начальствомъ не такъ откровенны какъ со мной... Тамъ вы за войну...

Тупорченко былъ обиженъ. Эти замѣ, рѣзкія рѣчи человека совсѣмъ незнакомаго возмущали его самолюбіе, бѣсили, возбуждали злобу и все-таки онъ ихъ выслушалъ. Куда дѣвалась самоуважительность, гортанный басъ и величавая осанка... Онъ глядѣлъ на Шумавина изподлобья, враждебно, но съ почтеніемъ и даже изъяснялъ готовность поближе познакомиться и побесѣдовать о „вопросахъ“.

— Меня очень, очень интересуетъ встрѣча съ вами, свисходительно промолвилъ Тупорченко, но Шумавина это не тронуло и на лицѣ его явно мелькнуло: „благодарю за честь!“ Въ заключеніе, новые знакомцы простились весьма холодно и какъ будто обрадовались возможности избавиться другъ отъ друга. Доктора отправились въ „локалу“ играть на бильярдѣ, не проронивъ ни слова о человекѣ который „самъ по себѣ“. Кто его знаетъ: можетъ-быть имѣеть крупное порученіе, можетъ быть даже изъ высшихъ сферъ. „Можетъ, къ самому князю Николаю письмо имѣеть... Слово „письмо“ здѣсь имѣеть невѣроятное значеніе: человекъ съ „письмомъ“ къ князю или крупному чиновнику вырасталъ въ какого-то таинственного сановника, хотя бы въ этомъ „письмѣ“ только и просили не бить подателя по шеѣ. По удаленіи „докторовъ“, Шумавинъ остался одинешенекъ среди незнакомой публики, группами слонявшейся по саду, по морской террасѣ, аѣлившейся возлѣ столиковъ. Благодаря свободѣ здѣшнихъ нравовъ, можно было бы выслаться и на улицѣ, а завтра, съ ранняго утра, тронуться въ Цетинье. Шумавинъ такъ и думалъ, но неожиданное обстоятельство измѣнило его намѣренія.

II.

Около стола, за которымъ онъ дремотно выжидалъ удаленія публики чтобы растянуться на лавкѣ въ полное удовольствіе, появились двѣ женщины: старуха съ коричневымъ лицомъ, изоборожденнымъ бурными морщинами, съ крупными, черными, хищно сверкавшими глазами и продавленнымъ ртомъ, и молодая статная дѣвушка, модно затану-

тая въ обхватъ узкимъ латъемъ съ огромными, распущенными по спинаѣ косами, съ узкою высокою грудью какъ у птицы, съ лицомъ замѣчательной красоты и не сразу понятой: блѣдное и темное, чисто-южное лицо это освѣщалось яркимъ и темнымъ румянцемъ; высоко взбитые черные волосы и строгое выраженіе глубоко-впамяхъ черныхъ глазъ придавали ему что-то устрашающее; правильнѣй римскій тилъ этой сухой коричневой дѣвушки и яркій трепетъ ея бойкихъ, быстрыхъ глазъ, и эта почти обезумѣвшая долготѣтними жарамъ старуха не оставляла никакого сомнѣнія въ томъ что обѣ дамы были Италіянки. Онъ подошелъ подъ руку къ столу за которымъ сидѣлъ Шумавинъ и молодая дѣвушка съ изящною дѣтски-ласковою и привѣтливою улыбкой попросила позволенія благороднаго иностранца присѣсть къ его столу. „Благородный иностранецъ“ безмолвно снялъ шляпу и поклонился: онъ догадался, но не понималъ что она проговорила по-италіянски и даже на мгновеніе вспыхнулъ отъ смущенія, но оправившись извинился по-французки, объявивъ что онъ Русскій и италіянскаго языка не знаетъ.

— Русскій... Я рада познакомиться съ Русскимъ... Я имъ сочувствую и рада случаю сказать это вамъ, съ необыкновенною бойкостью по-французски же проговорила дѣвушка, жестикуюла обѣими руками предъ своею грудью и въ тактъ потряхивая головой. Старуха что-то беззвучно прошептала, указавъ пальцемъ на горы. Шумавинъ подтвердилъ что онъ идетъ туда. Разговоръ завязался очень легко, свободно, весело, какъ умѣютъ говорить только Италіянки хорошаго образованія. Эта свобода, развязность, прелесть изумительной быстроты движеній и словъ встревожили и поразили Шумавина. Сначала ему было неловко, но чрезъ четверть часа онъ разговаривалъ съ дамами какъ со старинными хорошими знакомыми. Старуха плохо говорила по-французски, за то безлокоила его по-нѣмецки, а Шумавину ежеминутно приходилось обращаться отъ одной къ другой, отвѣчая на ихъ разспросы на разныхъ языкахъ, а въ затруднительныхъ случаяхъ даже по-сербски.

— Вы врачъ, не правда ли? спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, я самъ по себѣ, туристъ...

— А...

И ни малѣйшей тѣни того удивленія какое обнаружилъ при этихъ же вопросахъ господина „доктора“.

— И когда вы идете въ Монтенегро? продолжала она.

— Думаю завтра.

— Такъ скоро?... Это нельзя! дѣтски запрещающимъ тономъ вскрикнула дѣвушка.—Вы должны остаться здѣсь; здѣсь теперь все: и черногорскій сенатъ, и консулы, и корреспонденты, вся жизнь: какъ можно уходить!.. Вы ничего не увидите, не узнаете въ горахъ; тамъ дикая страна... Сюда всѣ ваши Руссы приходятъ изъ горъ узнавать новости...

— Да мнѣ дикую-то страну и надо, промолвилъ Шумавинъ.

— Ему надо дикую страну, въ разсѣянной задумчивости повторила дѣвушка:—зачѣмъ же ему надо?

Она такъ простодушно, чистосердечно глянула ему въ лицо, такъ искренно, недоумѣвающе развела руками что Шумавинъ невольно подумалъ про себя: „Вотъ правдивая душа“.

— Затѣмъ мнѣ надо, повторилъ онъ,—что Европу я видѣлъ, знаю: мнѣ тамъ скучно и тяжело.

— Но отчего же ему тяжело и скучно въ Европѣ?

— Правды нѣтъ... Все изогалось, оплодилось.

Дѣвушка съ лугливымъ недоумѣніемъ посмотрѣла на него и, не измѣняя выраженія лица, быстро жестикулируя, начала переводить старухѣ что онъ сказалъ ей.

— Все изогалось, повторяла она задумчивымъ шепотомъ и пожимала плечами и смѣялась надъ своимъ непониманіемъ. Иностранецъ заинтересовалъ ее, хотя она вовсе не знала его цѣлей и намѣреній.

— Васъ здѣсь очень много, Руссовъ, проговорила она, — а говорить никто не умѣетъ, такая досада... Подойдешь—сама перекофузиться и его сконфузить... Какъ я рада что вы умѣете говорить... Вы будете мнѣ разказывать про Россію: я вѣдь туда поѣду... о, непременно!..

Шумавинъ не успѣлъ спросить: „зачѣмъ“. Дѣвушка неожиданно быстро перебила сама себя:

— Но вѣдь у него нѣтъ квартиры... Гдѣ же онъ будетъ спать?.. Оняпфортъ! торжественно обратилась она къ Шумавину:—у дикихъ вы еще лобываете, но пока вы въ Европѣ, позвольте предложить вамъ наше гостепріимство. Свободная комната у насъ есть: я уступаю вамъ свою...

Шумавинъ благодарилъ ее, а самъ думалъ: „Странное ты существо — и милое и оласное, доброе, но должно-быть

бѣшеное"... Старуха съ своей стороны подтвердила предложеніе дѣвушки и даже сказала что считаетъ за особенную честь услужить русскому путешественнику. Шумавинъ совершенно растерялся: и красота молодой дѣвушки сѣбла и жгла его, и пугала ея отважная оригинальность.

— Да успокойтесь, Руссь, мы люди не дурные, проговорила дѣвушка.— Ну, давайте же мѣ вашу руку... Эй, маліі! закричала она почти по-русски, какъ кричать воѣ итальянцы въ Каттаро на прислугу:—маліі! позови носильщика и прикажи ему вещи русскаго путешественника перенести къ намъ...

Заславный „маліі“ изъ локанды столбонодобно выстроился и почтительно промолвилъ:

— Си, синьора!

Шумавинъ внутренне тревожился этимъ неожиданнымъ приключеніемъ, но все что онъ видѣлъ и слышалъ его невольно успокоивало: и порядочный тонъ дамъ, и то завистливое вниманіе, съ какимъ обратились на дѣвушку глаза австрійскихъ офицеровъ, съ почтительною робостью привскакивавшихъ со своихъ мѣстъ чтобъ отдать ей честь. Все говорило что въ ея игривости нѣтъ ничего подозрительнаго и двусмысленнаго; и глупо было спрашивать себя: порядочныя ли это женщины. Разумѣется, да. Шумавинъ какъ-то безвольно повиновался и обстоятельствамъ, и влекущей прелестью молодой дѣвушки. Въ душѣ онъ и благодарилъ ее за такое вниманіе, и ловить не могъ чѣмъ оно вызвано.

— Знаете, Руссь, что мнѣ понравилось въ васъ? смѣлась спросила она.

— Что?

— Вашъ лобъ. Съ вами можно сидѣть, не боясь что изъ вашего лба выпадить глупость. Довольны вы мной или нѣтъ?

Она шла, опираясь довольно тяжело на его руку и перегнувшись всею таліей, на ходу заглядывая въ его лицо съ шутливою, смѣющеюся радостью, съ дѣтскою безпечностью. Горячее дыханіе ея по временамъ долетало до лица Шумавина и какъ-то глухо, словно издали, раздражало и безъ того раздраженные его нервы. Когда она проходила мимо локанды, въ дверяхъ появилась фигура Тупорченка, безъ сюртука, съ кіемъ въ рукахъ.

— Перловъ, посмотрите, посмотрите! закричалъ онъ: — вонъ ваша Луця съ господиномъ Шумавинымъ пошла... Каково-съ?

Перловъ выскочилъ тоже безъ сюртука и съ кѣмъ и, вытаращивъ глаза, промолвилъ:

— Ахъ, она... Я убѣжденъ, докторъ Тулорченко, что она принимаетъ его за важное лицо, иначе этоъ неслостижимо...

— Да вѣдь и мы съ вами, докторъ Перловъ, приняи его за важное лицо: еще спасибо что не разыгралъ предъ нами Гоголевскаго ревизора. Облаялъ лихо, да чортъ съ нимъ, лишь бы въ исторію не попасть... Ославлялъ: чего вы хотите отъ него?..

Весь этотъ разговоръ почти дословно долетѣлъ до слуха Шумавина и онъ съ горечью прошепталъ:

— Что за дикое любопытство!..

— Что они говорятъ? Переводите мнѣ! треля за руку, говорила дѣвушка: — Вонъ тотъ, бѣленькій, все смотритъ на меня, словно сказать что-то хочетъ и ничего не говоритъ: смѣшной...

Между тѣмъ изъ локанды гремѣлъ полулѣванный голосъ:

— Луця!.. Божество!.. Царица морская!.. Очевидно, кричавшій пользовался раздольною привилегіей русскаго языка, съ полнымъ разчетомъ на безнаказанность, а можетъ и хвастнуть хотѣлъ предъ Шумавинымъ.

Они прошли нѣсколько узенькихъ, грязныхъ и совершенно темныхъ улицъ, пересѣченныхъ такими же узкими переулками, и странное, непривычное явленіе поразило Шумавина: какъ только они равнялись съ переулкомъ, изъ-за угла высывалась фигура, закутанная плащомъ, изъ котораго въ темнотѣ сверкали одни глаза. Въ сторонѣ раздавались свистки, перекликались голоса.

— Что это за люди? обратился онъ къ дѣвущкѣ.

— Тщѣ! шепнула она:—но успокойтесь, насъ не тронутъ: мы имъ платимъ.

Днемъ эти предприимчивые люди, полуобнажаясь изъ чудищао-грязныхъ лахмотьевъ, лежатъ на каменныхъ плитахъ возлѣ локандъ и зываютъ къ прохожимъ: „Ахъ, дайте, подайте!“ Въ предѣлахъ Австріи они величаются Монтенегриками, когда попадаютъ въ руки властей, а въ Монтенегро—Италянцами и Австрійцами, дезертировавшими изъ войскъ.

— Вотъ наше жилище, привѣтаиво проговорила дѣвушка, позвонивъ у залертой двери многоэтажнаго дома: — вамъ будетъ очень хорошо: мою комнату солнце не палитъ и фонтанъ есть...

За дверью слышались шаги и чрезъ минуту высунулась всклооченная бабья фигура, ярко освѣщенная фонаремъ и хромавшая на,обѣ ноги. Богъ знаетъ, кто перебилъ здѣсь бабамъ ноги, только нѣтъ между ними такихъ чтобы прямо ходили.

Дѣвушка ввела гостя въ свою комнату. Старуха принесла лампу. Яркія голубыя стѣны и потолокъ расписанный голыми и лузатыми нимфами, да багровыми амурами съ приложенными стрѣлами, напоминали древнюю Италію. Возлѣ оконъ стояла чистенькая кровать подъ кружевнымъ покрываломъ. На столѣ нѣсколько книжекъ, шитье. Въ другомъ углу маленькое лѣтничко съ раскрытыми вѣтами. Какая-то тихая, томящая задумчивость какъ будто бродила надъ всею обстановкой.

— Вотъ вамъ покой. Вы довольны? спросила дѣвушка — Вотъ звонокъ. Наша женщина ловимаетъ по-нѣмецки. А теперь мы должны пожелать вамъ спокойной ночи: вы такой усталый, кислый... Прощайте...

Она засмѣялась и выбѣжала изъ комнаты и еще за дверью прокричала:

— Adi i-o!

Старуха также пожелала путешественнику доброй ночи и вышла.

Утомленный четырехсуточнымъ перѣздамъ по морю, подъ страшною жарой, Шумавинъ тотчасъ же бросился въ постель, но уснуть онъ не могъ; сильно-возбужденные нервы туло, докучливо выли, навѣвая бредъ. Лица старухи и дѣвочки какъ-будто не отходили отъ его постели; въ ушахъ все еще звенѣлъ ея грудной голосъ, а надъ нимъ, въ верхнемъ этажѣ, шлепали босые шаги и слышались мужской и женскій голоса, бранившіеся между собою за какія-то десять сольди;* съ улицы ревѣла лѣсная залопдалыхъ гулякъ, кричали сотни лѣтчиковъ, поднялось пронзительное мяукаанье кошекъ, на кровлостной стѣнѣ перекликались солдаты.

— Эка мука! ворчалъ Шумавинъ, поворачиваясь съ боку на бокъ:—но кто же, однако, эти привѣтаивыя женщины?

* Сольди—крейцеръ, самая малая австрійская монета.

Почему онъ такъ внимательны ко мнѣ?.. Зачѣмъ я говорилъ съ этими господами?.. Докторъ... шефъ больницы.. прогонны... брющыя идеалы! беспорядочно кружилось у него въ головѣ. Онъ забылся.

III.

Съ двухъ часовъ ночи, еще сизый туманъ не порѣдѣлъ надъ горами, не пробилось въ городъ ни одного солнечнаго луча, улица уже проснулась, загремѣла, зашумѣла, заорала. Уже въ воздухѣ завывали обычные возгласы: „Ны-ко-о!—Спыро-о!—Джаволе!..“ Уже толпы черногорскихъ сѣдлаковъ, женъ и дѣвоекъ, съ навьюченными мазгами и ослами, спустились изъ горъ и стремительно шагали по тѣсной улицѣ къ приморскому базару. Дамы съ перебитыми ногами затараторили. Толпы солдатъ, подъ бой барабановъ, прогнали на ученье. Все это сливалось въ общій гулъ, въ какое-то огульное смѣненіе и тревогу, и надо всѣмъ этимъ гамомъ стоялъ уже удушаивый, пахучій зной, сверкало яркое безоблачное небо, обѣщая жгучій нестерпимый день.

Шумавицъ поднялся съ шумомъ, съ болью въ головѣ и не вдругъ припомнилъ гдѣ онъ и какъ сюда попалъ. Пузатые амуры, мѣтившіеся въ него съ потолка, напомнили ему красивую дѣвушку и старуху.

„Надо же узнать, кто онъ,“ думалъ онъ. Въ его дверь постучали, и невообразимо грязное, растрепанное существо съ перебитыми ногами просунуло въ дверь черное лицо, проговоривъ что дамы ожидаютъ своего гостя пить кофе.

Въ свѣтлой, хорошо убранной комнатѣ, за столомъ, сидѣли обѣ дамы. Онъ встрѣтилъ Шумавина ласково, привѣтливо, но въ молодой дѣвушкѣ онъ замѣтилъ больше сдержанности чѣмъ вчера.

— Хорошо ли вамъ спалось? обратилась къ нему старуха.— Монтенегринъ желали васъ видѣть, но я не позволила будить васъ.

Шумавицъ изумился: зачѣмъ онъ нуженъ Монтенегринамъ? Дѣло же объяснялось очень просто: на берегу всегда толпы „бѣгуновъ“ слѣдятъ за прѣзжающими иностранцами, особенно Русскими, у которыхъ такъ много золота. Выслѣдивъ квартиру прѣзжаго, голодная, оборван-

кыя толпы приваливаютъ къ ней и располагаются вдоль стѣнъ улицы, ожидая выхода и милостыни.

— Вы еще не рѣшили остаться ли въ Каттаро? обратилась къ нему молодая дѣвушка.

Шумавицъ первый разъ глянулъ прямо въ лицо ей; въ ея темныхъ глазахъ что-то дрогнуло на мгновенье. Хороша была дѣвушка. Онъ теперь только распозналъ ея поразительныя, оригинальныя черты и уловилъ ихъ строго изящное, страстное, жгучее выраженіе.

— Право, я не знаю что дѣлать, проговорилъ онъ, любясь ея гибкою, стройною фигурой.

— Вамъ надо здѣсь остаться, рѣшила дѣвушка:—здѣсь всѣ воеводы, ихъ сенатъ и всѣ горцы сюда за хлѣбомъ приходятъ... Голодъ у нихъ въ горахъ...

— Да, подтвердила старуха,—здѣсь вы можете еще пищу достать, а тамъ—ничего... Ужасно положеніе этихъ Монте-негринъ...

Она вздохнула. Вздохнула и дѣвушка. Шумавику было очень неловко спросить у дамъ, кто онъ. Къ счастью старуха сама объявила:

— Вы, кажется, удивлены нашимъ поведеніемъ, проговорила она:—въ Россіи вѣроятно строже нравы, но у насъ это никого, слава Богу, не удивляетъ: мы люди свободные... Къ тому же у моей Лукреціи такой нравъ: что захочетъ, во что ни стало должно быть сдѣлано... Я вдова, Антонина Біанки... Она моя дочь...

Шумавицъ еще разъ благодарно откланялся и назвался.

— Мой мужъ воевалъ, продолжала старуха:—оставилъ маленькую рента, мы живемъ независимо... Лукреція готовится въ оперу и скоро будетъ дебютировать въ Триестѣ.

„Вотъ оно что! подумалъ Шумавицъ. — Вотъ она зачѣмъ въ Россію хочетъ!..“

Теперь онъ понималъ и особенность ея груднаго голоса, и ея игриво-гордое самообладаніе. Онъ пожелалъ дѣвушкѣ подлѣйшаго успѣха, но какъ-то разсѣянно и вяло: не до того ему было.

— Экій онъ зимній тюлень! всплеснувъ руками, вскрикнула Лукреція:—и комплиментъ-то говорить, точно изъ-за солиди торгуется... Со мной прошту быть живѣе... Я очень бойкая, злая, и небрежности никому не прощу... Ну, извольте

разказывать мнѣ про вашу Россію... говорятъ, у васъ тамъ все медвѣди да мужики: что это за мужики?..

Шумавинъ объяснилъ что такое мужикъ.

— А чиновникъ? продолжала Лукреція и, не дождавшись отвѣта, оживленно зашептала:— Не правда ли, вѣдь это слово имѣетъ два значенія?.. Я такъ читала: въ Большой Россіи это управитель, который всѣхъ жителей бьетъ, а въ Маленькой Россіи это человекъ который шкуры со зверей сдираетъ!.. да? такъ? Это дикое племя, не правда ли?

Шумавинъ невольно расхохотался, вспомнивъ что на его милой родинѣ чиновникъ съ поконъ вѣка только и занимается „просвѣщеніемъ“ да „преобразованіемъ“.

— Но я васъ отвлекаю... Идите къ горцамъ, они такъ нуждаются въ помощи, проговорила Лукреція.

— Синьйоръ не забудетъ, прибавила старуха,— что мы обѣдаемъ въ два часа...

IV.

Шумавинъ, какъ объяснилъ онъ господамъ „докторамъ“, пришелъ посмотреть народъ возбуждѣнный своимъ героизмомъ удивленіе всей Европы. Каттаро главный пунктъ куда обыкновенно сходились Черногорцы даже изъ самыхъ дальнихъ областей. Здѣсь они получали пособіе, закупали всѣ продукты, нанимались въ работу.

Шумавинъ, выйдя на улицу, сразу попалъ въ толпу, и она его вынесла на приморскій базаръ. Узнавъ въ немъ иностранца и Русса, его тотчасъ же обступила густая кучка „бѣгунцовъ“ изъ Герцеговины и изъ самой Черной Горы. Все это были дѣти отъ пяти до тринадцати лѣтъ, мальчики и дѣвочки, въ длинныхъ, грязныхъ и рваныхъ рубашенкахъ, опоясанныхъ веревками. Ихъ косматые черные головы съ изнуренными, темными и болѣзненными лицами были дѣйствительно дикія головы, осиротѣлыя и осужденныя на произволъ судьбы. Жадный, голодный блескъ ихъ черныхъ глазенокъ и злая судорога губъ и нервный трелетъ во всемъ тѣлѣ, при видѣ крейцера, ясно говорили какую ужасную жизнь вели эти дѣти, Богъ вѣсть какъ уцѣлѣвшія отъ турецкаго огня, ятагана и издѣвательства. Имя едва гаскали ноги, падали, умирали отъ истощенія. Большая часть лицъ были одутловаты и землисто-сѣры, животы у

нихъ вздутые — всѣ признаки долгаго голода. Многія изъ этихъ дѣтей въ горахъ питались травой и листьями, наравнѣ съ дикими животными, болѣли и умирали никому невѣдомо въ лощинахъ или доставались живьемъ на сѣдленіе звѣрамъ. Такихъ жертвъ множество. О нихъ свидѣлствуютъ кости и одежды находимыя въ глухихъ горныхъ пропастяхъ, иногда даже на дорогахъ. Вдоль всего берега Далматіи, во всѣхъ болѣе значительныхъ пунктахъ: въ Рагузѣ, въ Себенико, въ Спалатро, въ Кастельнуово, съ приближающагося парохода виденъ берегъ устѣпанный такими дѣтьми „бѣгунцами“. Рѣдко у кого изъ нихъ осталась мать, старшая сестра, неспособный къ войнѣ старикъ, которые вмѣстѣ съ ними бѣдствуютъ и защитить ихъ не могутъ, а чаще остаются безмолвно тупыми, горестно-покорными свидѣтелями мученій и смерти родныхъ сиротъ. На каждаго иностранца эти безпризорно-несчастные люди бросаются, окружаютъ толлою и ходятъ за нимъ съ протянутыми руками, вымаливая солиди на хлѣбъ. „Гладны... хлѣбъ!“ раздаются ихъ неокрѣпшіе голоса, надрывающіе сердце.—Дай солиды, господи!... Дай хлѣба!...

Трудно понять, не видавъ, весь ужасъ этой дѣтской мольбы. Они плачутъ, стонутъ, причитаютъ нараспѣвъ о погибшихъ въ бою отцахъ и братьяхъ, о матеряхъ и сестрахъ, полавшихъ въ руки Туркамъ. Но къ этимъ воплямъ здѣсь привыкли до какого-то окаменѣлаго равнодушія и замѣчаютъ ихъ только потому что иногда плачущимъ приходится давать ланки и затрепичивъ чтобы не ревѣли. Каменнѣе и дѣтское сердце: между ними попадаютъ дѣти циничныя, истинно злыя, на все готовыя, озвѣрѣлыя, неустрашимо рѣшительныя. И все это маленькое населеніе третій годъ бьется безъ пристанища, безъ одежды, безъ хлѣба, выживаетъ всѣ муки голода, холода, отчужденія и пренебреженія. Удивительно живутъ человѣкъ!

Полавъ въ среду „бѣгунцовъ“ Шумавицъ пораженъ былъ ихъ одичалою голодною жадностью, съ какою они рвали изъ рукъ его мелкія монеты. Онъ роздалъ имъ немного денегъ. (Много ихъ у него не водилось.) Ребятишки неостотупно, съ тупымъ, устойчивымъ любопытствомъ осматривали его, дѣлались за нимъ всею гурьбой. Набѣгали новыя „бѣгунцы“ и съ базара, и съ моря: всѣ прознали что Русскій пришелъ и деньги раздаетъ. Эти, въ свою очередь, тоже голосили: „Гладны-

хатба...“ Шумаവിъ и ихъ одѣлилъ меакою деньгой. Чтобы заглушить свои воспоминавія, впечатанія и раздумье, онъ началъ разспрашивать „бѣгунцовъ“ откуда они, какъ сплались, какъ живутъ. Но исторія всѣхъ дѣтокъ была одна и та же: отецъ въ биткѣ логинулъ, а кто успѣлъ изъ семьи, тѣ бѣжали отъ Турчина, покинувъ навсегда и свои родныя кучи, и все имущество; кто не успѣлъ, тѣ попадали на турецкій штыкъ, на костеръ, на висѣлицу, подъ ятаганъ, въ гаремъ. Припомнились ему и болгарскіе ужасы и послѣдовавшее за ними дипломатическое производство всякаго рода бумагъ и лустяковъ, томленіе дипломатическихъ умовъ, надеждавшихся надъ проектами о реформахъ, припомнились митяги декоративнаго негодованія, лукавыя вилян्या, постыдныя сдѣлки съ человѣческимъ совѣстью, съ тѣмъ что инстинктивно признается правдой, справедливостью: Онъ сознавалъ что правъ былъ, говоря: „правды нѣтъ... все изолгалось...“ Какъ ни высокомерно такое обвиненіе, исходящее отъ лица одного человѣка, до него, казалось Шумаविу, долженъ возвышиться каждый кто въ силахъ думать, кто умѣетъ ловимать внутренній смыслъ вѣшняго грохота, облетченнаго въ мишурное величіе.

Пока Шумаविъ стоялъ да раздумывалъ предъ кучкой ребятъ, неподалеку отъ него показался длинный, необыкновенно сухой человѣкъ на маленькихъ ножкахъ, въ широкой луговой шалѣ, съ перекинутою чрезъ плечо сумкой и ледомъ, съ рыжими ключьями висѣвшими на его загорѣломъ, побурѣвшемъ, лицѣ.

— Видно, намъ и здѣсь придется учить васъ благотворительности, какъ въ Сербіи, съ сарказмомъ прогудѣвъ онъ по-французски, обращаясь съ вѣжливымъ полупоклономъ къ Шумавиу и выставивъ ему удивленія достойныя кычки изъ рта.

Шумавиъ глянулъ на этого человѣка и спокойно отвѣтилъ:

— A la bonne heure, monsieur.

„Monsieur“ залустилъ руку въ сумку и вышвырнулъ на каменныя плиты горсть червонцевъ. Закипѣла неизобразимая свалка. Поднялся ревъ, побоище. Прибѣжали взрослые верзилы юнаки и кинулись на „бѣгунцовъ“ отнимать золото. Все перепаралалось и перебилось въ кровь, а „monsieur“ стоялъ предъ этою картиной, широко разставивъ свои

жердолодобными ногами, и видимо наслаждался и потѣшными зрѣлищемъ, и собственнымъ великодушіемъ. Шумавинъ подошелъ къ нему.

— Вы ошибались, сэръ, проговорилъ онъ, не сомнѣваясь болѣе что имѣлъ дѣло съ Англичаниномъ:—я Русскій, но не изъ тѣхъ кого ваше великодушіе могло бы удивить.

Въ сущности, ему узнать хотѣлось, кто этотъ щедрый сэръ: консулъ, санитаръ, корреспондентъ, или эксцентричный туристъ, одержимый сплинномъ. Англичанинъ понялъ что весь эффектъ его пропалъ безъ впечатлѣнія и какъ бы оправдывался и извинялся продолжалъ:

— Несчастливая малыютка!... Наде же ихъ чѣмъ-нибудь порадовать.... Квеллеръ, корреспондентъ ***.

Онъ называлъ одну изъ большихъ англійскихъ газетъ и ловидимому ни на мгновеніе не усомнился, что знакомство его будетъ принято съ радостью. Шумавинъ назвалъ.

— Великія дѣла и крошечные люди, не такъ ли? проговорилъ Квеллеръ, скомкавъ въ эту фразу все резюме даваемыхъ событій.—Если вы русскій корреспондентъ и нуждаетесь въ свѣдѣніяхъ, хотите ориентироваться, собрать факты, то я къ вашимъ услугамъ.

— Но какіе же ваши достовѣрные источники? спросилъ Шумавинъ.

— А я же Англичанинъ: купилъ и нанялъ все что могъ, съ усмѣшкой отвѣчалъ Квеллеръ.

Шумавина очень заинтересовали эти слова англійскаго корреспондента: человѣкъ бросающій горсти золота ребятамъ, и въ самомъ дѣлѣ можетъ купить и нанять многое.

— У меня здѣсь работаютъ восемь агентовъ на постоянномъ жалованьи, свой секретарь изъ Славянъ, человѣкъ до того глупый что сочинить и выдумать ничего не можетъ, слѣдовательно, говоритъ одну сущую, святую правду.... Сверхъ того я охотно плачу по десяти талеровъ за каждый фактъ, за каждое извѣстіе.

— Не трудно же вамъ съ такими средствами вести корреспонденцію, проговорилъ Шумавинъ.

— Да, мы хорошо ловимъ силу денегъ и умѣемъ ими пользоваться, проговорилъ Квеллеръ.—Я лари держу что вы еще не знаете самой оригинальной новости въ здѣшнемъ краю, да и никто не знаетъ, а ко мнѣ за ночь нарочный пришелъ и разказалъ все какъ было дѣло... Въ сегодняшнемъ

номеръ моей газеты объ этомъ есть уже телеграмма, а у васъ она будетъ черезъ мѣсяцъ перепечатана.

— Да въ чемъ же самое дѣло-то?

— А вотъ въ чемъ: Австрійское правительство арестовало боевые снаряды и пушки, присланные Черногорцамъ, и, разумѣется, приставило крѣчайшій караулъ, а отрядъ юнаковъ, сегодня ночью, у крѣпкаго караула выкралъ все что ему слѣдовало и благополучно перешагнулъ за пограничный хребетъ... Это подвигъ лучше всякой боевой побѣды, и будь у меня миллионы, я не пожалѣлъ бы его для этихъ молодцовъ.

Англичанинъ помолчалъ задумчиво и закурилъ сигару, а для Шумавина, въ знакъ особенной любезности, выбралъ сигарку получше, подороже.

— Вы здѣсь недавно? спросилъ Кнеллеръ.

— Только-что прїѣхалъ.

— Сборный пунктъ здѣсь „Казино“. Тамъ дипломаты, корреспонденты, туристы.... Если васъ это общество интересуетъ, приходите. Входъ свободный.... Мы поговоримъ.... Будьте повосторожнѣе съ австрійскими офицерами.

Шумавинъ поблагодарилъ за предупрежденіе и раскладывался съ Англичаниномъ.

V.

Шумавинъ собрался было пройти къ базару, гдѣ происходила самая оживленная суматоха, но его задержалъ какой-то подозрительный оборвышъ, державшій въ рукахъ кусокъ засаленной бумаги.

— Есте ви Руссъ, господинъ? спросилъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Да, я Руссъ.

Оборвышъ вручилъ ему записку, въ которой стояло: „Русскій литераторъ изъ Петербурга желаетъ васъ видѣть и покорнѣе проситъ назначить часъ когда васъ можно застать дома.“

„Иванъ Сычевъ.“

Шумавинъ на этой же запискѣ написалъ: „Черезъ пять минутъ я дома“, и вручивъ ее оборвышу для обратной передачи, подумалъ: что надо этому литератору?

Онъ отправился домой и замѣтилъ перемѣну въ своей комнатѣ: Лукреція приказала вынести свое пианино и плѣла

въ какой-то отдаленной комнатѣ. „Русскій литераторъ изъ Петербурга“ заставлялъ себя ждать довольно долго. Шумавину уже скучно и досадно становилось за потерянное время, какъ вдругъ дверь его затрещала подъ напоромъ, словно ее выламывали, и въ комнату ввалился высокій, плечистый мужчина лѣтъ сорока, въ гаухо-застегнутомъ пальто, изъ-подъ котораго не замѣтно было бѣлья, въ большущихъ сапожникахъ и мѣховой обвязаной шапкѣ. Толстое круглое лицо его съ завыченными въ кольцо усиками дышало такимъ несокрушимымъ здоровьемъ и беззащитнымъ молодечествомъ что никто не рѣшился бы признать въ немъ „литератора“. Пахло отъ него какими-то духами, а въ манерахъ замѣчалось суетливое безлобойство и покушеніе на шикъ и *comme il faut*.

— Надѣюсь-съ, заговорилъ онъ съ пріятнымъ ослабленіемъ, снямая шапку, — вамъ, какъ человѣку интеллигентному, мое имя не сочтѣтъ чуждо: русскій литераторъ Иванъ Сычевъ.

Шумавинъ поблѣлъ отъ этой развязности.

— Не надѣйтесь, проговорилъ онъ:—впервые самшу.

„Литераторъ“ оттолкнулся затмакомъ въ пространство и сдѣлалъ очень серьезное лицо, какъ бы спрашивалъ: „А не потребовать ли удовлетворенія чести?“

— Я, знаете, болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ, пояснилъ онъ, застѣнчиво откашляваясь и суетливо бѣгая глазами. — Впрочемъ, достаточно извѣстенъ также и безъ псевдонима... М-м-м... мои корреспонденціи очень извѣстны въ Россіи, и я удивляюсь какъ это вы...

— Вы гдѣ же писали? спросилъ Шумавинъ.

„Литераторъ“ разомъ назвалъ четыре газеты, „командировавшія его своимъ специальнымъ корреспондентомъ“.

— Только денегъ не шлютъ, свиньи... Вѣдь я здѣсь третій годъ добровольствую.. Какже-съ. Былъ и въ Сербіи. Пришелъ я на Мораву, къ Черняеву... Ну, натурально, хочу получить постъ достойный моего званія... Ну, а Черняевъ говоритъ: „Ждите вакансіи“... Приходитъ генералъ Новоселовъ... Ну я, натурально, говорю генералу: пойдемъ, братецъ, на Ибаръ... Ну, и пошли. Кровопролитное дѣло имѣли съ Турками.... Ну, а послѣ Дюниша я, натурально, пришелъ сюда, хотѣлъ было командованіе у князя взять, да не стоить связываться съ этимъ народомъ.... Теперь и на родинѣ люди дужам...

— Отчего же вы не отправляетесь на родину?

— Не съ чѣмъ отправиться... Вотъхъ консуловъ обоемъ— и ни гроша... Мы, говорятъ, обязаны помогать только Славянамъ, а не Русскимъ. На основаніи этого резона и сижу здѣсь... Редакціи-свины не высылаютъ... Вотъ извольте посмотрѣть письма...

Онъ вынулъ изъ-за пазухи пачку писемъ. Шумавинъ замѣтилъ только что онъ писанъ на редакціонныхъ бланкахъ, но не заинтересовался ихъ содержаніемъ.

— Корреспондентъ, а куда я могу въ такомъ видѣ показаться?... Въ главной квартирѣ меня испугались и не допустили до князя: за сумашедшаго приняли.... Помилауйте, да тутъ поставьте вы самого Бекля, и тотъ съ ума подается: пиши въ четыре редакціи, и ничего не вѣшь... такъ-себѣ, воздухомъ прохладжайся... я, наконецъ, къ Туркамъ пойду: корму-то дадутъ же... А вѣдь это что такое?.. Ну что это? я васъ спрашиваю.

Шумавинъ былъ въ большемъ затрудненіи отвѣчать что это такое, и едва онъ промѣлся было участіемъ къ леложенію „литератора“ какъ тотъ вылалилъ въ упоръ:

— Говорятъ, вы денегъ изъ Россіи навезли: дайте-ка сто цѣковыхъ сюда...

Хорошо было это „сюда“. Шумавинъ объяснилъ что никакихъ денегъ онъ не „навезъ“ и самъ находится въ положеніи довольно затруднительномъ, ста цѣковыхъ дать „сюда“ не можетъ, а если угодно—три.

— За кого же вы меня принимаете? оскорбился „литераторъ“: — М-м мнѣ?... три цѣковыхъ?... Не хотите дать вспомоствованіе, такъ дайте хоть подъ вексель двѣсти цѣковыхъ... Все равно... Должны же меня поднять отсюда для водворенія на родину... Вѣдь вы уполномочены же какимъ-нибудь вѣдомствомъ?...

— Я самъ по себѣ...

— Гм...

„Литераторъ“ подумалъ, подумалъ и окончательнo рѣшилъ:

— Ну, такъ позвольте три рубля... Я думаю, вы изъ официальныхъ сферъ... Извините..

Получивъ зелененькую бумажку, „литераторъ“ съ торопливою поспѣшностью убрался, изъявивъ однако надежду еще увидѣться, такъ какъ ему вообще чрезвычайно пріятно на чужбинѣ встрѣтить соотечественника.

— Великія дѣла и крошечные люди, повторилъ Шумавинъ возгласъ Англичанина,—и такъ во всемъ, въ каждомъ общественномъ дѣлѣ, все дрянно впередъ, все честное и преданное—въ сторону.. если можно, совсѣмъ за бортъ...

Невеселыя мысли нахлынули ему въ голову. Подъ вліяніемъ ихъ даже мировыя событія обращались въ грубый фарсъ, во что-то безтолковое, комическое и жалкое.

Пока онъ сидѣлъ одиоко да размышлялъ, Лукреція кончила свои репетиціи и вошла въ его комнату.

— Чтѣ съ вами? Этотъ Руссъ принесъ вамъ непріятное извѣстіе? съ участіемъ спросила она.—Вамъ грустно по роднѣ? Что-нибудь дурное у васъ?..

— Ничего, сеньйора... Я чувствую себя прекрасно и отъ души благодарю васъ за вниманіе.

— Но ваше лицо — такое лицо!.. Вы вчера другимъ чело-вѣкомъ были... Или вамъ Монтенегрины сдѣлали непріятность? Можетъ-быть вы вами недовольны?

— Чтѣ вы говорите!..

— Такъ чтѣ же съ вами? чтѣ?.. больны вы?

Шумавинъ разсмѣялся надъ ея порывистымъ любопытствомъ и крѣпко пожалъ ея мягкую, маленькую руку. Лукреція еще пристальнѣе поглядѣла ему въ лицо и спокойнѣе проговорила:

— Любовь у васъ осталась тамъ, въ Россіи?

— Я не любилъ еще никого.

— Отчего?

— Не встрѣчалъ...

— Достойной, добавила она съ улыбкой.

— Да, сеньйора... Любовь—жизнь, а жизнь первой встрѣч-ной не отдають...

— Правда, правда, серіозно подтвердила Лукреція:—Она совершенно права: изъ его аба глупость не вылапнуть...

Лукреція часто говорила о себѣ и о своемъ собесѣдникѣ въ третьемъ лицѣ: она и онъ вмѣсто я и мы. Это придавало ея рѣчи забавную оригинальность.

— Вы видѣли этихъ дикихъ малютокъ, продолжала она,—раздавали имъ деньги... Это очень хорошо... Но пожа-уста не смущайтесь, Руссъ, я кажется потому и хвалю все хорошее въ другихъ что сама ничего хорошаго не дѣлаю.

— Ну, а это очень дурно, отозвался Шумавинъ.—Не все для себя: цѣлаго міра не прогаотить...

— О, да онъ злой!..

Она близко наклонилась къ его лицу и со вниманіемъ начала его разсматривать, словно искала гдѣ въ глазахъ или въ губахъ сидитъ у него злоба.

И опять повѣяло на него ея теплое дыханіе, мѣшаясь съ запахомъ духовъ отъ ея платья и опять показалось ему, какъ вчера, въ этихъ черныхъ, глубокихъ глазахъ что-то недвижно дрожало. Смутное, странное чувство шевельнулось въ немъ—чувство красоты, молодости, страсти и мѣги, такъ ярко сверкавшихъ въ ея красивомъ лицѣ, во всей ея обольстительно-стройной, прекрасной фигурѣ.

— Отчего вы, сеньйора Лукреція, не споете?.. Въ чемъ вы будете дебютировать?

— Въ *Гугенотахъ*, партію Валентины пою.

— Ого!

— Да, ого!.. Она смѣла, она очень смѣла... Онъ еще не знаетъ какъ она смѣла!.. Смѣлость, сила, да твердые нервы—это все!

Она даже рукой взмахнула въ воздухѣ при этомъ „все“.

— А талантъ, умъ, гений... вы въ нихъ не вѣрите?

— Ну, да! вскрикнула она съ досадою на его непонятливость:—здоровые нервы... Что такое Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ, Мейерберъ, Россини, да вообще гений творчества, кто бы онъ ни былъ?.. Это человѣкъ съ сильными нервами, смѣлый, свободный, образованный...

Шумавинъ не безъ тайнаго удивленія слушалъ ее и внутренно признавалъ въ ней и смѣлость, и свободу, и образованіе, но больше всего красоту, эту жгучую, страстную красоту.

— Ужъ вечеромъ буду пѣть, а теперь идемъ обѣдать. Третій часъ, и мать ожидаетъ...

Они перешли въ маленькую темную столовую, гдѣ ожидала ихъ старая сеньйора Біанка. Обѣдъ прошелъ въ самыхъ комическихъ приключеніяхъ: что ни подавалось на столъ, Шумавинъ ни къ одному блюду не умѣлъ прикоснуться: то одного рака подали съ аршинными усами и клешнями, то жареныхъ мелюсковъ, то виноградную кашу, то какое-то подозрительное мясо въ перцѣ и оливковомъ маслѣ.

— Вы совсѣмъ ничего не ѣдите, говорила Лукреція:—когда голодъ дойдетъ, придете ко мнѣ и будете просить чего-нибудь...

— Да какъ же ѣсть это? Вѣдь это слизь морская... и съ оливой...

И синьѣоры Біанки и Лукреція хохотали въ полное удовольствие надъ русскимъ вкусомъ. Онъ такъ и вышелъ изъ-за стола голодный, за то Лукреція сама сварила ему стаканъ превосходнаго душистаго кофе, принесла персиковъ, винограду, сливъ, и Шумавинъ вымѣстилъ на нихъ свой голодъ. Старуха прочла ему послѣднія новости изъ газеты *L'Adria*; рѣчь шла о Шилкинскомъ перевалѣ. Призадумався Шумавинъ. Лукреція взглянула на него и съ необыкновенно-солидною строгостью проговорила:

— Онъ жалѣетъ падшихъ за честное дѣло—фу, стыдъ какой!

Шумавину очень понравилась эта фраза и ея строгій, почти торжественный тонъ. Она открыла ему въ Лукреціи многое, чего онъ и не подозревалъ въ ней.

— У меня отецъ и два брата убиты за Итацію: я о нихъ не плакала, съ подавленнымъ волненіемъ проговорила Лукреція и какъ то властительно-гордо выпрямилась. — Я не испытала себя на хорашемъ дѣлѣ, но я могу сказать когда другіе хорошо поступаютъ, а вамъ стыдно, невозможно не понимать что дѣлается тамъ у васъ въ Россіи.

И Шумавинъ точно почувствовалъ себя пристыженнымъ и благодарнымъ. Въ словахъ Лукреціи звучало что-то новое, незнакомое ему участіе въ чужомъ дѣлѣ истиннаго и справедливаго.

Экая же ты славная, милая дѣвушка! думалъ онъ, глядя на нее.

VI.

Тысячами голосовъ гудѣлъ приморскій базаръ. Солнце такъ и било отвѣсными лучами. Недвижно-затихшее море сверкало какъ сталь. Греческія суда, стоявшія у берега, прикрывались парусами отъ жгучаго пекла. Ослы, лошади, мази печально жались вдоль крѣпостной стѣны, укрывались другъ за другомъ, безпокойно потопывая копытами. Въ жаркомъ воздухѣ стояла и какъ-будто таяла нестерпимая удушливая духота. Сырая, голая скала обступившая бухту со всѣхъ сторонъ накалилась и издавала какой-то фосфорическій блескъ. По Цетинской дорогѣ все еще

улицъ толпы народа, обозы навьюченныхъ мазгъ и лоша-
; слышалось безобразно-басовое завываніе женъ и дѣво-
въ, брань юнаковъ и сѣдлаковъ, судорожно хриплый ревъ
гъ. Среди массы тѣсно сбившейся, толкотливо волюн-
шейся вдоль берега, рѣзко и статно выдѣлялись испо-
скія фигуры Черногорцевъ, въ круглыхъ шитыхъ золо-
въ шапкахъ, въ шитыхъ золотомъ курткахъ и кафта-
хъ, въ отвислыхъ ниже колѣнъ панталонахъ, въ бѣлыхъ
кахъ и опанкахъ. Всѣ они на ходу слегка присту-
вытягивая шею впередъ и устойчиво глядя предъ
ой въ даль — общая манера, напоминающая въ нихъ
тоящихся дикарей. У каждого за поясомъ огромный
ольверъ, ятаганъ, за плечами ружье. Между ними ча-
попадаютъ юнаки съ отнятою ногой или рукой, на
тылахъ, увѣнчанные огромными медалями и крестами
участіе въ Граховскихъ битвахъ въ 1855 году; много
жизнъ раненыхъ, пришедшихъ изъ горъ на излѣче-
и образовавшихъ на базарѣ собственный госпиталь,
изъ всякихъ медицинскихъ пособій. Несмотря на боль-
ю популярность нашихъ лѣкарей и „марушекъ“, какъ
утъ горцы нашихъ сестеръ милосердія, они крайне не-
тно подвергаются ихъ научнымъ изысканіямъ въ госпи-
яхъ Краснаго Креста и уходятъ „до кучи“ съ непод-
жими ранами, залѣчивая ихъ дома по-своему, лишь бы
лиси силы уйти. Юнакъ не раненый — большая рѣдкость.
спаслись отъ турецкихъ пуль ни старики, ни дѣти, ни
е жены, во многихъ битвахъ исполнявшія свое назва-
іе военного обета, а не рѣдко и лично участвовавшія въ
вѣ.

ошла все сбивалась, густѣла, росла по всему берегу,
блась на мелкія группы. Вотъ встрѣчаются два юнака,
колько мгновеній глядятъ другъ на друга съ недоумѣ-
гъ, радостно вскрикиваютъ: „Гей!“ и лѣзутъ цѣловать-
сперва въ плечо, потомъ въ лицо. Оба какъ-будто не
ить что живы. Возлѣ группы оборванныхъ старыхъ и
дыхъ женщинъ суетился вооруженный старикъ съ сѣ-
щетиной на лицѣ; возлѣ него мальчикъ лѣтъ лятнад-
и гордо поводилъ глазами кругомъ, бодрясь и охорашив-
сь. Оба идутъ на войну, покрестившись, перецѣловались,
яи. На лицахъ женщинъ остается одно тулое и печаль-
недоумѣніе. Не подалеку отъ нихъ, одиноко сидитъ на

бревнѣ коричневая старуха, въ грязной рубахѣ и черномъ платкѣ, и, мѣрно раскачиваясь, гудить густымъ и глубокимъ басомъ, вытягивая безконечныя, монотонныя ноты она узнала что ея сынъ убитъ и голосить по немъ, причитаешь. Выраженіе горькой скорби на ея бессмысленномъ, забитомъ лицѣ, грязныя рубища ея одежды, обгажающихъ бурое, высохшее тѣло, босыя ноги, избитыя и окровавленные каменистою дорогою, все существо ея — живая безпомощность, горе и скорбь. Возлѣ нея приостанавливаются, задумчиво прислушиваются къ ея вою такія же кровавыя и изможденные жены, медленно крестятся, вздыхаютъ, лѣзутъ къ себѣ за лазуху и развязываютъ крошечныя холстинныя кошельки. Вотъ стонетъ другая жена: двоихъ дѣтей у ней отняли Турки, не успѣли бѣжать. Дальше двѣ жены, обхвативъ головы другъ друга, грохнулись о землю и воютъ вмѣстѣ. Иныя безмовно, поджавъ подъ себя ноги, сидятъ повѣсивъ головы, въ какомъ то безпробудномъ отупѣніи и только повикившими головами мотають. Но вонъ, съ какою-то судорожною живостью, поднялась одна изъ такихъ убитыхъ горемъ женъ — поднялась и почти съ торжествующимъ видомъ претъ сквозь толпу. Предъ ней разступаются, ей кланяются. Она воетъ басомъ, тянетъ долгія долгія ноты. Это не плачь, а своего рода пѣніе, извѣщающее о дорогихъ ей утратахъ. По воющей женѣ всѣ уже знаютъ какой юнакъ убитъ. Знавшіе покойнаго чинно снимають шапки и крестятся, и почти всѣ даютъ вдовѣ денегъ. Но громадное большинство женъ и дѣвоекъ озабочено утоленіемъ голода. Цѣлыми толпами пригибають онѣ къ грудамъ чеснока, сваленномъ на землѣ. Многія не имѣя возможности купить, съ судорожною дрожью хватають крупныя луковицы чтобы только поддержать ихъ въ рукахъ и понюхать, пока торгошъ вырветъ и прибѣдетъ. Другія жадно грызутъ окаменѣлыя галеты съ арбузными корками, съ тулымъ озлобленіемъ озираясь словно боясь нападенія. Иныя спятъ, распластавшись на голой землѣ, измученныя и обессиленныя, не слышатъ какъ бьютъ ихъ ноги прохожихъ. Молодыя жены и дѣвочки толкуются возлѣ станковъ съ мѣдными украшеніями, нацѣпивъ на свои сплѣсныя волосы старыя монеты и медали. Тутъ же свуютъ „бѣгуны“, выпрашиваютъ хлѣба и сольди. Безвогій слѣпецъ зудитъ на гусаяхъ, въ немощеніи припѣвая народную воинственную пѣсню — ужасъ

грубъ его монотонно-раздирающій, унылый и крикливый напѣвъ: издали кажется будто телега скрипитъ и деретъ. Вокругъ него густая толпа задумчивыхъ слушателей. На чьихъ лицахъ слезы блещутъ. Онъ поетъ какъ юнаки дрались подъ Граховымъ, какъ постылаи они турецкія главы, какъ они сами логинули, какъ шли за ними и жены, и дѣвойки, и малы дѣти. Трудно представить себѣ болѣе дикій концертъ, но видно очень понятна и глубоко трогательна эта музыка тѣмъ внимательнымъ людямъ у которыхъ губы начинаютъ подергиваться и проступаютъ слезы изъ глазъ. Пѣсня идетъ безъ перерыва въ теченіе цѣлыхъ часовъ; слылець хрипитъ, потъ градомъ льется по его обезображенному лицу; сами слушатели изнемогаютъ... Тутъ же двое игроковъ азартно бьются на собственныхъ пальцахъ, замѣняющихъ карты, быстро и все громче и громче выкрикивая числа и толкаясь кулаками. Торопливо, словно крадучись, шмыгаютъ юркіе латеры, озабоченные подготовленіемъ плебисцита о присоединеніи Герцеговины къ Австріи. Возлѣ большаго деревяннаго барака происходитъ безостановочная работа съ утра до ночи: тысячи обнаженныхъ спинаъ сгорбленныхъ подъ тяжестью мѣшковъ съ мукой и кукурузой, подъ грязными пластами свиного сала, мелькаютъ безъ перерыва. Вдоль стѣны валяются жены, старики, ожидая очереди. Получивъ мѣшокъ каждый бѣжитъ въ сторону, вооружается дубиной и разбиваетъ слежавшуюся въ камень муку. Тутъ суматоха страшная, судорожная, и все изъ-за ѣды. Изъ сарая выволокли три мѣшка съ кукурузными галетами. Ихъ тотчасъ же обѣла толпа. Старый юнакъ одѣляетъ всѣхъ окружающихъ и сотни здоровыхъ челюстей начинаютъ работать надъ этими окаменѣlostями. Обозъ за обозомъ навьючиваются мазги и жены. Несчастныя шатаются подъ гнетущею ихъ тяжестью, не рѣдко падаютъ, снова навьючиваются и идутъ въ горы. Среди грузовъ, забираемыхъ ими изъ Каттаро, весьма почтенное мѣсто занимаетъ простая земля. Жены носятъ ее въ свои горы и разводятъ на ней крошечные огороды возлѣ своихъ кучей.

VII.

Проходя по базару, Шумавинъ съ величайшимъ вниманіемъ, почти съ изумленіемъ всматривался въ огромныя, молодцоватыя фигуры юнаковъ, въ ихъ темныя сухія лица съ яркими черными глазами; ихъ гордая, величавая поступь, костюмы, вооруженіе—все занимало его своею живописною оригинальностью, независимостью. Все здѣсь было „само по себѣ“, какъ кому угодно. Исключеніе составляли одѣя рабыни-женщины, которыхъ свобода радовалась лишь въ лицѣ мужей и сыновей. Странными показались Шумавину ихъ лица, красивыя, но непріятныя, отважныя, строгія, почти злыя и сдержанныя. Виденъ закаленный характеръ, воспитанная энергія, но не видно ума и добродушія—самой отличительной славянской черты. Что-то сухое и жесткое, затаенное и выжидающее замѣчалось въ ихъ лицахъ, въ ихъ подозрительно-суровыхъ взглядахъ. Безъ сомнѣнія, въ нихъ отразилось чувство опасности, угнетающей ихъ цѣлыя вѣка.

Шумавинъ приблизился къ блѣднوليцему, большому юнаку съ отнятою по колѣно ногой, лежавшему возлѣ бревенъ, безмятежно полыхивая трубкой. Юнакъ круто на него покосился сквозь свой усъ. Шумавинъ заговорилъ съ нимъ, объявивъ что онъ Руссъ.

— А, Руссъ, отозвался юнакъ:—ты Руссъ, а мнѣ ногу прочь... Въ первое мгновеніе Шумавинъ не понялъ упрека и продолжалъ спрашивать гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ онъ потерялъ ногу.

— Въ больницѣ, наивно отвѣчалъ юнакъ и самъ усмѣхнулся своей находчивости.—Лѣкари отрѣзали.

Онъ повернулся и застоналъ, стиснувъ зубы. Рана была свѣжая.

— Зачѣмъ ты вышелъ такъ рано изъ больницы? спросилъ Шумавинъ.—Развѣ тамъ худо?

— О, добре, брате... добре... И лѣкари добры, и марушка добры...

— Зачѣмъ же ушелъ?

— Да полно уже... наѣдился...

Замѣчательно что всѣ юнаки, побывавшіе въ больницахъ, не хвалятся нашими лѣкарями и сестрами, вниманіемъ :

довольствомъ, окружавшими ихъ въ госпиталѣ, но въ то же время въ ихъ тонѣ слышится что-то ироническое и небрежное: они благодарны за отношенія личныя и почти явно презираютъ науку и всѣ ея пособія для отнятія рукъ и ногъ. По ихъ мнѣнію, это что-то лустое, вздорное, нестоящее словъ, ребяческая забава, которую надѣ извинить, но отнюдь не принимать ее за серьезное дѣло.

— Вотъ ты теперь страдаешь, продолжалъ Шумавинъ:— а зачѣмъ шелъ въ битву?

— Всѣ пошли, угрюмо отвѣчалъ юнакъ.—Какъ рейти? Да мы... наши жены, дѣвойки, дѣцѣ, всѣ ляжемъ!..

— Да за что? Ну за что ты воевалъ?

— За лѣвый законъ, брате мой, за честный Крестъ, разставочю и торжественно отвѣчалъ юнакъ.

— Да какой тебѣ законъ надо? допытывался онъ.

— Пошелъ прочь! совершенно неожиданно вскрикнулъ юнакъ, взявшись за костыль. Шумавинъ никакъ не ожидалъ такого оборота, пожалъ плечами и отошелъ.

— Поди ты вотъ, лойми его! съ досадой проворчалъ онъ.

Онъ попытался заговорить съ другими, но отвѣты были уклончивые, вялые и тупые. Никто не зналъ въ какомъ положеніи боевыя дѣла. Шумавинъ началъ было разказывать какъ Русскіе дерутся на Дунаѣ. „Добре, добре!“ отвѣчали ему юнаки, потряхивая головами и, не дослушавъ его рѣчи, переходили къ мѣшкамъ и пластамъ сала.

Пройдя весь базаръ, на свободной площадкѣ, онъ въ изумленіи остановился предъ груллою женъ и юнаковъ: среди ихъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ сѣдой юнакъ и что-то безлокойно колошолся у себя на обнаженной, заросшей шерстью груди. Одна изъ женъ помогала ему, развязывая какія-то окровавленные тряпки. Въ груди у него была рана. Другая жена изъ жестянки подносила ему чашку ракии. Онъ отпилъ и, плеснувъ на ладонь, сталъ примачивать свою рану. Все лицо его исказилось судорогой и онъ съ какимъ-то самоожесточеніемъ загоготалъ:

— О, добре, добре!.. о, добре!.. за честный Крестъ!..

А у самого глаза закатились.

— Чтѣ вы надъ нимъ дѣлаете? обратился Шумавинъ къ женщинамъ.

— Ничто... раневый!..

Шумавинъ не вытерпѣлъ и ушелъ.

Раненые попадались ему на каждомъ шагѣ — печальное, угрюмое недоумѣніе бродило въ ихъ лицахъ, отзывалось въ отвѣтахъ даже тѣхъ которые бодро и ревностно выкрикивали: „За лѣвый законъ, за честный Крестъ!“

— А... Русскі!.. добро пожаловать... Здравствуй! проговорилъ надъ нимъ здоровенный юнакъ въ золоченой курткѣ, съ толстымъ, краснымъ лицомъ, на которомъ рѣзко блестѣли бѣлые какъ снѣгъ зубы изъ ослабленной улыбки. — Здравствуй, здравствуй, брате!.. до насъ пришелъ?.. до нашего господаря? Добре, добре!.. Руссы добры, Руссы правы люди!.. Такъ есть: правы люди!..

Шумавицъ несказанно ему обрадовался.

— Ты дописникъ, или консулъ?

— Дописникъ, отвѣчалъ Шумавицъ.

— Добры люди Руссы, продолжалъ юнакъ: — помогаютъ намъ лѣло: хлѣбъ, мясо...

— Голодъ у васъ?

— Такъ есть... А Турока у-у-у много посябли...

— Гдѣ?

— Ово гдѣ, въ горахъ...

— Ты былъ въ битвѣ?

— Какъ не былъ, раненъ... Много посябли Турока... о, много! продолжалъ юнакъ. — А гладъ мамъ велий... Ншто не мамъ...

Шумавицъ пригласилъ его въ трактиръ. Послѣ италянскаго обѣда онъ чувствовалъ большое безпокойство въ желудкѣ. Юнакъ согласился охотно.

Въ трактирѣ юнакъ тотчасъ же рекомендовалъ сидѣвшимъ за картами горцамъ что это Русскі, дописникъ и очень знатный господинъ. Шумавицъ заказалъ два обѣда. Юнакъ тѣмъ временемъ надѣлъ на него свою засаленную „калу“ и подставилъ ему оловянное карманное зеркальце.

— Добре!.. Настоящій Черногорецъ...

Но, замѣтивъ что Русса эта величайшая похвала ни мало не тронула, сталъ оказывать необыкновенное вниманіе пиву и ливу. Оно очень дорого, да вѣдь Русскі богатъ. Шумавицъ началъ было разспрашивать его, въ какихъ битвахъ онъ участвовалъ, въ какомъ положеніи дѣла Черногорцевъ, но юнакъ все гвоздилъ ему: „добре“ и все лучше и лучше налегалъ на пиво, приговаривая что оно „добро“, а „масо“

тоже „добро“. Къ концу обѣда онъ объявилъ что теперь „спавать добре“, да тутъ же, на полу, и расположился, и, несмотря на трактирный шумъ и гамъ, чрезъ пять минутъ захрапѣлъ „добре“.

VIII.

На базарѣ онъ снова встрѣтился съ англійскимъ Корреспондентомъ, жевавшимъ виноградъ въ обществѣ двухъ юнаковъ, загорѣлыхъ и истомленныхъ, по всѣмъ признакамъ, пришедшихъ къ нему съ новыми извѣстіями.

— Ну, какъ вы находите этихъ молодцовъ? обратился къ нему Кнеллеръ.

— Я еще ничего понять не могу, не успѣлъ ориентироваться, отвѣчалъ Шумахинъ:—и очень желалъ бы ваше мнѣніе слышать. Вы здѣсь уже давно, приглядѣлись...

— Мое мнѣніе: шайка разбойниковъ. Заплачу—и они васъ зарѣжутъ. Заплатите вы—зарѣжутъ меня...

— Кажется, я долженъ рѣзкость вашего мнѣнія отнести къ національной тенденціозности: въ васъ говоритъ Англичанинъ...

— Какъ въ васъ—Русскій. Это еще не доказательство моей ошибки. Скажу вамъ откровенно, не очень я вѣрю въ ваше русское великодушіе. Очень вамъ нужно защищать человѣческое достоинство Болгаръ, Босняковъ, да вотъ этихъ разбойниковъ. Вы и религію притянули за волосы и семью и собственность: вѣра, дескать, святая въ угнетеніи, насилюютъ женъ, дочерей, сокрушаютъ алтари и домашніе очаги.... Въ сущности, вамъ нужно было растравить грубые инстинкты своего народа. Насилюютъ женъ, дочерей,—да вы взгляните на нихъ, на эти безобразныя лица: кого онѣ могутъ прельстить? Кто рѣшится ихъ насиловать? Разоряютъ, жгутъ деревни:—подите въ горы и убѣдитесь что ни разорить, ни сжечь, ни ограбить здѣсь ничего невозможно, по той причинѣ что ничего, одинъ голый камень и больше ничего... Я ничуть не скрываю предъ вами своихъ симпатій, онѣ всецѣло на сторонѣ Турокъ.. И каждый просвѣщенный человѣкъ въ Европѣ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, долженъ желать вамъ, Русскимъ, пораженія, если можно—уничтоженія.

— Совершенно согласенъ съ вами, отвѣчалъ Шумавицъ:— на милостивое участіе Европы намъ разчитывать нечего. Крѣпкихъ союзниковъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ... Все насторожѣ противъ насъ, все трепещетъ въ душѣ предъ усиленіемъ нашего могущества. Всѣ европейскіе туркофилы только и хлопочутъ, какъ-бы порельефнѣе выставить наше варварство, угрожающее будто бы цивилизации... Мы, наше высшее общество, наша интеллигенція, въ періодъ дѣйствительнаго варварства, такъ долго и такъ усердно холопствовали предъ этою европейскою цивилизаціей, такъ безлично и туло покорялись ея вѣвшему вліянію, такъ рабски перенимали все по возможности дурное, такъ приучили къ мысли о нашемъ ничтожествѣ, невѣжествѣ, варварствѣ, что теперь Европа удивлена, озадачена нашею самостоятельностью, независимою смѣлостью, общенароднымъ единствомъ. Европа не ожидала этого отъ варваровъ: она слишкомъ приучена къ нашей покорности, къ подобострастію, къ униженію. Вотъ истинный источникъ европейской ненависти къ намъ. Мы стали сами собою, перестали подчиняться указаніямъ европейскихъ мудрецовъ, эксплуатировавшихъ нашу лѣнивую податливость... Мы дѣлаемъ смѣлый, можетъ-быть рискованный шагъ и дѣлаемъ его по-своему, какъ желаетъ того весь Русскій народъ: какъ не вострепнуться, не обезблочноуться: варвары осмѣливаются, безъ позволенія, преслѣдовать собственные цѣли, имѣть свои національныя желанія, создавать собственные идеалы... И все это безъ спроса у Европы: что можетъ быть возмутительнѣе и нестерпимѣе! Совсѣмъ другое дѣло, если Англичане думаютъ въ Индіи тристамилліонное населеніе не хуже Турокъ: они имѣютъ священное право—имъ это выгодно, въ этомъ ихъ „интересъ“, это вѣнецъ ихъ могущественной цивилизации... Всѣ социальныя бѣдствія въ Индіи — только доказательство гуманнаго вліянія англійской цивилизации... Милостивый государь, мы никоимъ образомъ не можемъ ни согласиться, ни обмануть другъ друга... Лучше скажите мнѣ что-нибудь о Черногорцахъ...

— Позвольте замѣтить что вы преувеличиваете... Мнѣ очень хорошо извѣстно, что лучшая часть русскаго общества стоитъ не на сторонѣ войны. У просвѣщенныхъ людей

отечество — разумъ, откуда бы онъ ни исходилъ, и лучшіе люди въ Россіи это хорошо понимаютъ. Впрочемъ Шилкивскій перевалъ—хорошая гарантія отъ дальнѣйшаго самоупоепія русскихъ панславистовъ...

— Повѣрьте, мистеръ Квеллеръ, вы ошибаетесь въ этихъ *лучшихъ* людяхъ, и, еслибы вы другихъ лучшихъ людей въ Россіи не знали, вы не могли бы и негодовать на Россію. Въ томъ и бѣда что вы знаете ихъ и боитесь. А тѣ, кого вы называете *лучшими*, это барышники, спекулянты. Возьмите ихъ себѣ—Русскій народъ спасибо скажетъ. Вы говорите: у просвѣщенныхъ людей отечество—разумъ. Однако вы, Англичане, первые не признали въ немъ авторитета и не признали потому что онъ шелъ въ разрѣзъ съ вашими „интересами“. Разумъ и нравственность для васъ совсѣмъ не обязательны, гдѣ дѣло касается вашихъ выгодъ. Это вы заявили съ такою беззавѣтною откровенностью, такимъ нахальнымъ участіемъ въ судьбѣ Турокъ, что всѣ ваши притязанія на искренность и правду политики другихъ державъ становятся смѣшными. Вы говорите: на знамени Россіи ложь, — отчего же вы не предупредили эту ложь торжествомъ своей правды? По той простой причинѣ что правды у васъ нѣтъ, а есть интересы, и отказаться отъ нихъ, во имя правды, вы не въ силахъ.

Англичанинъ притихъ, не ожидая такого быстрого нати-ска и видя что разговоръ заводитъ ихъ слишкомъ далеко.

— Но мыѣ известно что ваше правительство вовлечено въ войну панславистами, грозившими ему революціей заодно съ социалистами. И если панслависты успѣли въ своихъ домогательствахъ, значить, ихъ программа принята и Россія поворачиваетъ на двѣсти лѣтъ назадъ во всемъ чего могла достигнуть мирнымъ прогрессомъ. Такія жертвы безкорыстно не приносятся.

— Я и не говорю вамъ о безкорыстіи: оно было бы глупо въ Европѣ. Безкорыстное самоотверженіе—дѣло частныхъ лицъ, а не государства. Отдѣльные лица могутъ увлекаться несчастіями ближнихъ и жертвовать для спасенія ихъ собственной кровью, а государство должно разчитывать. Не однимъ же Англичанамъ да Мадьярамъ позволительно имѣть въ виду „свои интересы“, позвольте и намъ... Что же касается поворотнаго движенія Россіи въ дѣлахъ внутреннего

прогресса, то я скорѣе склоненъ думать что это и будетъ первымъ шагомъ нашего національнаго прогресса, самобытнаго, не перенятаго, не выношеннаго до грязныхъ лохмотьевъ. Авось мы избавимся и отъ рабскихъ подражаній, и отъ либеральной ажи. Авось найдемъ новыя силы въ самихъ себѣ. И только тогда можемъ мы сдѣлаться Европейцами въ полномъ значеніи. Быть Европейцами, значитъ быть самими собой, со всею силой національной оригинальности. Иначе мы — рабы не стоншіе имени великаго народа.

— Вспомните какъ вы понатились за эти увлеченія въ пятьдесятъ лѣтъ году подъ Севастополемъ... Повѣрьте, это заключительная агонія панславизма. Всѣ лучшіе люди Россіи возстанутъ заодно съ Европой.

— Успокойтесь, эти лучшіе люди не такъ легко разстанутся со „своими интересами“ чтобы жертвовать ими для общаго блага. Да и можемъ ли мы проиграть эту войну?

— Очень даже можете. Уже отъ одной Турціи вы начали подаваться, а мы еще переждемъ, пока ваши силы ослабнутъ, и тогда безъ потерь, безъ риска наступимъ вамъ на горло и раздавимъ.

Англичанинъ произнесъ этотъ приговоръ такъ убѣдительно какъ будто это уже рѣшеное дѣло.

— Ваши же русскіе лучшіе люди помогутъ намъ этого достигнуть для счастія и спокойствія всей Европы, значительно прибавилъ Англичанинъ.

— Я уже имѣлъ честь объяснить вамъ, мистеръ Кнелперъ, какіе это *лучшіе* ваши люди, кого вы имѣете въ виду словно заговорщиковъ. Космополиты чиновники, воображающіе себя Европейцами. Эти готовы въ любую Турцію, лишь бы жалованье платили да чины давали. Они предвидятъ отъ войны поворотъ въ дурную для нихъ сторону: вмѣсто выслугъ и наживы отъ нихъ потребуются образованіе, честность, знаніе... Къ нимъ, пожалуй, примкнуть и наши протестующіе прогрессисты Женево-Лондонской школы, которыхъ такъ мѣтко извѣстный парижскій радикалъ называлъ „пустыми бубнами“. Не откажутся отъ оппозиціонныхъ талантовъ и Кіево-Харьковскія хохлицы изъ „Шато де-бурьянъ“, гдѣ онѣ предаются новѣйшимъ изысканіямъ гаремнаго прогресса: а ну-ка, молъ, Турку съ шамланскимъ по-пробуемъ.

— Признаюсь, прервалъ Англичанинъ, — я былъ глубоко тронутъ вниманіемъ русскихъ просвѣщенныхъ дамъ къ плѣннымъ Туркамъ...

— Позвольте усомниться.

Мистеръ Кнепперъ улыбнулся и молча пожалъ руку Шумавинау.

— Не увидимся ли вечеромъ въ Казино? спросилъ онъ.

— Едва ли... Я измученъ этою проклятою жарой..

— Ничего, привыкайте... Въ горы пойдемъ, тамъ еще хуже будетъ.

— Спасибо и на этомъ...

Они разошлись.

IX.

Шумаяя толпа валила на встрѣчу Шумавина. Впереди торжественно, важно ковылялъ съдой воевода Вуѣковичъ, съ отрѣзанною стулней, на костылѣ, съ ласковымъ, женски-добродушно сморщеннымъ лицомъ, съ синими, заплаканными глазками. Его окружали почетнѣйшіе юнаки, почти всѣ украшенные медалями и крестами, и очень многіе на костыляхъ. Между ними особенно выдавался недвижимо, тучностью фигуры дядя князя Николая, человѣкъ необычайнаго здоровья даже между Черногорцами. Онъ задумчиво пошевеливалъ усами и сосалъ толстый чубукъ. Вся свита сопровождавшая сенатора и воеводу ярко пестрѣла золотомъ, краснымъ и бѣлымъ сукаомъ; толстые и длинные чубуки свидѣтельствовали о знатности юнаковъ, объ ихъ высокомъ положеніи въ Княжествѣ. За ними тянулась фаланга истощенныхъ, голодныхъ оборванцевъ и полуобнаженныхъ женъ, кручинно вздыхавшихъ и плакавшихъ. Сенаторъ и воевода были въ большомъ волненіи и усиленно сжималъ свои губы, видимо желая подавить свои слезы. Это шло цѣлое „присутствіе“ Черногорскаго сената на засѣданіе въ олеандровый садикъ „докаанды“.

Всѣ помѣстились вокругъ стола, спросивъ себя кто лива, кто мороженого, и началось засѣданіе.

Оборванцы, снявъ шапки, съ благоговѣйнымъ трепетомъ, приближались къ воеводѣ и сенатору, вытянувъ заранее губы чтобы лопѣловать кафтанъ, рукавъ, даже штаны. Тулая, безмолвная мольба, глубочайшее, невыразимое стра-

давнѣ хранили ихъ темнобурья дикія лица. Несомнѣнно что ни одинъ изъ нихъ даже отъ очень тяжелой, смертельной раны не пришелъ бы въ такое изступленное отчаяніе какъ отъ голода, отъ пытки безвѣстнаго ожиданія своей участи. Между ними были старики со шрамами на лицахъ, съ потемнѣвшими медалями болтавшимися на лоскуткахъ ихъ грязныхъ, покоробленныхъ отъ лота и пыли одеждъ. Несчастныя жены стали поодаль и даже къ воеводскому кафтану не посмѣли прикоснуться. Онъ, при каждомъ взглядѣ воеводы, брошенномъ въ ихъ сторону, униженно кланялись и стояли съ преклоненными головами. Воевода былъ растроганъ и раздраженъ ихъ горемъ. Онъ плакалъ,—а это считается почти позоромъ,—плакалъ публично, къ общему изумленію окружавшихъ его юнаковъ: должно-быть и для него *такое* бѣдствіе, *такая* скорбь какую терпѣли эти люди были непривычны и поразительны.

— Боже мой, Боже мой! что я стану дѣлать? ворчалъ воевода.—Гдѣ же взять колпикъ?..

— Прикажи! глухо отаѣчали просители, земно кланаясь.— Поведи!.. Тамъ хлѣбъ есть, тамъ много хлѣба... станетъ на всѣхъ... Не насъ, дѣтей малыхъ пожалѣй... помилуй...

Воевода колебался. Изъ базарнаго амбара хлѣбъ выдавали преимущественно тѣмъ семьямъ, мужа и отцы которыхъ находились въ войскѣ. Эти же были потребители непроеизводительные: раненые, изувѣченные, больные и драхлые. Кормить ихъ предполагалось только отъ избытка, послѣ удовлетворенія войскъ. Одинъ изъ просителей, ловидимому чахоточный, не вытерпѣвъ и подступилъ къ воеводѣ:

— Дай хлѣба!.. дай!.. Будь братъ несчастнымъ, еласи!.. Всѣ одну муку терлимъ, давай и хлѣба вѣсми.. по святому закону... по правдѣ!.. выкрикивалъ онъ, размахивая рукой по воздуху.

Доводъ этотъ окончательно повліялъ на воеводу, и онъ приказалъ своему секретарю писать „бумагу“ о выдачѣ хлѣба. Всѣ просители стали снова подходить къ нему и цѣловать рукавъ, которымъ онъ отмахивался, и одинъ за другимъ, не дожидаясь бумаги, бросались къ хлѣбному сараю. Во все время просьбы тучный дядюшка князя Николая, заломивъ „капу“ на затылокъ, поощрительно качалъ головой, а при послѣднихъ выкрикахъ чахоточнаго оборвыша под-

ялся во весь исполинскій ростъ и густымъ басомъ хватилъ:

— Такъ есть!

Потолтася съ ноги на ногу на одномъ мѣстѣ и снова опустился и засосалъ чубукъ, глубоко и тяжело вздохнувъ. Не успѣла эта толпа отойти, какъ привалила другая. Присутствіе сената усилилось приходомъ лопы, одѣтаго однако не въ расу, а въ полный юнацкій костюмъ, и даже съ вооруженіемъ, за нимъ явился „русскій литераторъ изъ Петербурга“, съ Таковскимъ крестомъ въ петачкѣ лапты. Его привалили уважительно; всѣ встали и самъ воевода подалъ ему руку. Трудно представить себѣ степенъ тѣхъ почестей и вниманія какія воздаются Русскимъ, какъ дорожатъ ими, какъ боятся прогнѣвать.

Шумавинъ поглядѣлъ на это собраніе и не вошелъ въ него. Ему очень хотѣлось бы выразить воеводѣ свое благодарное участіе за сцену которую онъ видѣлъ, но появленіе „литератора“ окончательно смутило его: такой солидарности онъ боялся, сознавая что игра въ политическій тактъ для Черногорцевъ должна быть очень тяжела при такихъ обстоятельствахъ. Онъ невольно улыбался, любясь выразительнымъ, скорбящимъ и добродушно-сердитымъ лицомъ воеводы, его важною задумчивостью, его безпомощнымъ возгласомъ предъ голодными.

Шумавинъ отошелъ, незамѣченный сенаторами, удалился подальше на морской берегъ и въ истомѣ пристѣлъ на одну изъ каменныхъ скамей, окружавшихъ всю площадку, выдающуюся въ море. Надо было ему собраться съ мыслями, превѣрить свои впечатлѣнія, дать себѣ отчетъ въ нихъ, успокоиться. Англичанинъ истерзалъ его, подымалъ со дна души всю горечь раздражительныхъ порицаній, а эти голодные, полунагіе люди довершили тяжелое, пригнетающее впечатлѣніе.

„Завтра же уйду въ горы, рѣшилъ про себя Шумавинъ. А Лукреція? вдругъ мелькнуло у него въ головѣ, и при одномъ имени, она, какъ живая, предстала его воображенію, словно вызывая. Онъ вспомнилъ что она общалась вечеромъ пить. Что жъ, послушаемъ будущую примадонну, рѣшилъ онъ и отправился домой.

X.

Совѣтъ уже смеркалось когда онъ подошелъ къ своей квартирѣ. Изъ открытаго окна высунулась старая сивѣющая Бланка и вела очень солидный разговоръ съ достойнѣйшею сосѣдкой черезъ улицу. Множество другихъ достойнѣйшихъ дамъ, старыхъ и молодыхъ, безобразныхъ и красивыхъ, высовывались изъ оконъ и яростно гомонили, словно разыгравшееся стадо сверчковъ трещало. Онъ поднялся по лѣстницѣ, взялся за ручку двери и сталъ какъ пригвожденный: могучіе, страстные аккорды Мейерберовскихъ мелодій ясно доносились до его слуха; два голоса пѣли послѣдній, заключительный дуэтъ изъ *Гугенотовъ*, но въ первое же мгновеніе легко было понять что тенорокъ робѣлъ, не успѣвалъ, не одолевалъ своей партіи и конфузиво прятался, прималкивалъ за роскошнымъ женскимъ голосомъ, различавшимся горячими, страстными рыданіями. Казалось, не Рауль, а сама Валентина тащитъ его къ роковому окну, вся поглощенная борьбой страха и страсти. Экая сила! подумалъ Шумавинъ: — да, у ней будущность несомнѣнная... Она загремитъ... Онъ прослушалъ всю сцену и вошелъ въ комнату, не въ свою, а прямо къ Лукреціи. Были ли нервы его сильно раздражены, или дѣйствительно она пѣла съ такимъ могучимъ, захватывающимъ оживленіемъ, но онъ не могъ удержаться чтобы не положить маленькую, слегка дрожащую ручку лѣвизы, какъ дрожать онъ у всѣхъ артистовъ не охладѣвшихъ еще отъ впечатлѣній.

— Вы меня слушали? спросила Лукреція.

— Да.

— И?

— Что же „и“?.. Великую карьеру вамъ предсказать не трудно.

— Даже въ Россіи? Вѣдь у васъ тамъ самыя строгіе судьи... Въ цѣломъ мірѣ, говорятъ, не такъ разборчивы на пѣніе какъ у васъ.

— И даже въ Россіи...

Лукреція помолчала. Въ темнотѣ комнаты, освѣщенной однимъ блѣднымъ луннымъ свѣтомъ, ему не видно было ея взволнованнаго лица; только голосъ ея все еще трепеталъ,

неуспокоенный. Какая-то кудрявая голова съ блестящими глазами поклонилась Шумавину. Лукреція не нашла нужнымъ познакомиться эту голову, и она скорехонько исчезла, сверкнувъ глазами и коварно улыбаясь.

— Это учитель музыки, пояснила Лукреція: — поетъ онъ скверно, детонируетъ и вретъ безбожно; да я лѣтъ одна не могу—гдѣ надо дуется... Ну, рассказывайте, гдѣ вы были?..

Она встала и отошла въ самый темный уголъ, куда не достигалъ свѣтъ изъ окна, и, скрестивъ на груди руки, атакъ живо откинулась на спинку дивана. Несмотря на уличный шумъ, врывавшійся въ отворенныя окна, въ комнатѣ чувствовалась уютная тишина. Вмѣстѣ съ луннымъ свѣтомъ, полосой перерѣзавшимъ всю комнату, налетала прохлада и мечтательность; тонкіе, тихіе, неуловимые звуки носились и замирали въ воздухѣ, какъ это бываетъ на глухомъ, безлюдномъ берегу моря въ лунную ночь. Кажется, и природа вся дремлетъ мечтательно, и въ самомъ воздухѣ разлита мечтательность, вѣга и дремота. Все дышетъ успокоенною страстью, счастьемъ, благодарнымъ безмолвіемъ. Нѣчто похожее на это есть въ *Аидѣ*, на берегу Нила. Что-то безпредѣльно влекущее, и жуткое, и слаще чувствуется въ такіа минуты, и не понять ни собственныхъ чувствъ, ни мечтаній. Шумавину было очень хорошо въ этой померкшей тишинѣ, подъ вліяніемъ этихъ вѣжныхъ, тающихъ звуковъ, вблизи Лукреціи. Онъ не скрывалъ отъ себя, она пришла къ нему. Но что же изъ этого? Женщина которая такъ поетъ, всю жизнь готовится къ сценическимъ триумфамъ, разумеется, не для него. Онъ думалъ это и въ то же время досадовалъ: почему оно такъ, почему не мечтать ему о „морской царицѣ“, не любить ее, не желать съ нею общаго счастья.

— Вы все еще не можете войти въ порядокъ нашей жизни, тихо проговорила Лукреція: — тѣмъ лучше, безъ сожалѣнія уйдете въ горы....

Шумавинъ промолчалъ: тяжело, злобно тяжело было ему слово сказать. Эта фраза заранѣе отрѣзывала ему дальнѣйшій путь къ сближенію съ Лукреціей. Но еслибъ онъ могъ видѣть ея лицо въ эту минуту, онъ прочелъ бы на немъ нетерпѣливое, терзающее ожиданіе. Онъ боялся бы что его вызывали на объясненіе откровенное. Больше того: онъ прочелъ бы досаду, почти негодованіе на его нерѣшимость.

— Я васъ прошу, заговорила она:—сядьте, пожалуйста, въ эту полосу луннаго свѣта: мнѣ совсѣмъ не видно вашего лица.

— Ну, ужь извините, синьйорина, враги другъ другу своихъ позицій не уступаютъ... Позвольте мнѣ остаться въ этомъ темномъ уголкѣ...

Она засмѣялась, но тотчасъ же и оборвала свой смѣхъ тревожнымъ вздохомъ.

— Въ томъ и бѣда что ни вы ни я въ немъ не останемся, иносказательно проговорила она.—Но враги?.. Нѣтъ... Я не врагъ вашъ... Это было бы слишкомъ глупо.

— Синьйорина, кажется, вы не такъ меня поняли...

— Не безпокойтесь, именно такъ я васъ поняла. Враги въ смыслѣ кокетства, соблазна, искушеній: что можетъ быть гаже, глупѣе!.. Я не могу... Я не способна на такіа роли... Я себя уважаю!.. Съ кѣмъ я говорю, отъ того я хочу полной вѣры своему слову: иначе что мнѣ въ немъ?...

Это было такъ неожиданно сказано, съ такою силой убѣжденія что Шумавинъ весь дрогнулъ, не понимая: испугался ли онъ ея словъ или обрадовался имъ.

— Вы сказали мнѣ что не любили еще, продолжала Лукреція:—не встрѣчали достойной женщины, и я не удивляюсь: нужно быть слишкомъ смѣлою, слишкомъ свободною чтобы отказаться отъ общей рутины, не стараться нравиться какъ всѣ, не завлекать, не лгать... Вотъ почему вы смотрите на каждую съ предубѣжденіемъ, почему не нашли достойной... Вы правы... То уже скука и лешаость. Такія могутъ распалить страсть, довести человека до безумія, до драмы, но любить, уважать ихъ нельзя. Теперь, надѣюсь, вы понимаете что врагомъ вашимъ быть я не хочу... я не могу! сдержанно вскрикнула она.—Вы конечно не имѣете основанія вѣрить каждой встрѣчной, но это такъ... Я говорю что есть... Изъ ряда такихъ женщинъ я выросла какъ и изъ дѣтскаго платья.

„Оригинально, умно, думалъ про себя Шумавинъ: но къ чему же все это она говорить?..“

— Я дурно васъ понималъ, проговорилъ онъ:—да вамъ-то что же?

— Пока ничего... Что будетъ дальше—не знаю.

— А дальше... Завтра я иду въ горы.

— Нѣтъ, вы не уйдете.

У Шумагина волосы зашевелились на головѣ; холодная нервная дрожь пробѣжала по членамъ. Неизъяснимый страхъ поднялся въ душѣ, закружилъ голову. „Что она говорить!“ прошепталъ онъ, затаивъ дыханіе. Тяжелая минута прошла. Лукреція не шевельнулась.

— Вы не уйдете, повторила она, быстро поднялась съ мѣста и стремительно скользнула въ дверь прежде чѣмъ онъ успѣлъ ей отвѣтить. Онъ видѣлъ только какъ потянулось къ двери ея платье съ устремленными впередъ руками, словно она гналась за кѣмъ. Онъ постоялъ съ минуту въ опустѣлой комнатѣ, соображалъ, соображалъ и ничего сообразить не могъ, съ досадой разбилъ объ полъ папиросу такъ что отъ нея искры посыпались, и въ неисходномъ недоумѣніи вышелъ. Въ столовой, за накрытымъ къ ужину столомъ, сидѣла старая синьора Біанки въ круглыхъ очкахъ, придававшихъ ей вполнѣ совиное выраженіе, и читала газету. Старуха удержала его, но Шумагинъ на этотъ разъ оказался плохимъ собесѣдникомъ: онъ то разсыпался оудорожнымъ восторгомъ по поводу лѣнія и голоса синьоры Лукреціи, предрекая ей великую будущность, то молчалъ въ какомъ-то горестномъ отупѣніи и искалъ глазами не сидитъ ли гдѣ Лукреція. Ея не было. Старуха передавала ему послѣднія новости съ театра войны. Онъ слушалъ ее, бессмысленно мигая, и вдругъ, какъ бы очнувшись отъ горькаго чаду, вздрагивалъ и спрашивалъ себя: „О чемъ это она?.. Чего ей?..“

— Да, да, конечно! торопливо подхватывалъ онъ фразу старухи, а у самого предъ глазами такъ и стоялъ неотразимый образъ Лукреціи.

Она такъ и не вышла къ ужину: голова болитъ.

Шумагинъ долго не могъ уснуть. Золотыя грезы забродили у него въ головѣ. Ему все еще чудился этотъ голосъ, говорившій: „Нѣтъ, вы не уйдете“, несмотря на то что надъ потолкомъ снова зашлепали босые ноги и снова начали брань кавалеръ съ дамой, какъ и наканунѣ, а съ улицы слышался обычный концертъ котовъ, лѣтучихъ и солдатъ.

— Эй, соотчичъ! раздалось подъ его окномъ:—Русскій!.. Шумагинъ, чортъ васъ возьми!..

Шумагинъ вскочилъ съ постели къ окну. „Русскій литераторъ“, заломивъ на затылокъ шляпу, покачивался на улицѣ.

— Вы не спите... А ну-ка отойдите мнѣ дверь: важныя замѣчательныя новости....

Шумавинъ слустился внизъ и впустилъ литератора.

— Что случилось?...

— Да вотъ.... постойте.... сейчасъ.... А вы ужь спали?

— Спалъ. Да что же случилось?...

— Что?... Мало ли что.... Фу, какъ усталъ!... У меня мозги гниютъ отъ жары....

— Тихе, пожаауста, въ домѣ всѣ спать....

— Велика бѣда!... Гм.... Кровать-то у васъ одна?... Впрочемъ, я вотъ тутъ, на диванѣ могу....

— Спать?

— А то что?... Конечно спать....

— Да вѣдь вы хотѣли сообщить что-то новое....

— Не уйдетъ.... Вотъ лягу и сообщу...

Литераторъ былъ такъ предусмотрителемъ что захватилъ съ собой даже военную шинель.

Шумавинъ безмолвно покорился своей участи.

— А вѣка нѣту? осяѣдомился „литераторъ“, напяливая на себя шинель.

— Нѣту.

— Ну, и къ чорту.... Сейчасъ въ севатѣ присутствовалъ. Является генералъ Баштамовъ, знаете?... Ну, и давай этаки шильяки лускать: левое молъ дѣло, и рубль нашъ никому не годится, только въ Сербію и сбываемъ.... на добровольцевъ.... Натурально, я не вытерпѣлъ: онъ очень хорошо знаетъ что я доброволецъ.... „Все это, говоритъ, вздорныя бредни нашихъ ославянѣлыхъ, и накомтыляютъ намъ въ затылокъ Турки такихъ Константинополей что по вѣкъ жизни не забудемъ.... На кого мы положились въ Сербіи? На проходимцевъ, на сволочь, на людей безо всякихъ положеній, на лывицъ, на отребье, которымъ все равно и дома и свосить бы головы....“ Ну, я натурально не вытерпѣлъ, говорю: „Вашему превосходительству не безызвѣстны именъ Кирѣва, Раевского.... Это уже не сволочь безъ положенія. Да наконецъ, говорю, потрудитесь понять, ваше превосходительство, что лочивъ сербскаго дѣла принадлежитъ безпутной сволочи, не бродягамъ да пропойцамъ, такъ какъ я лично имѣлъ честь видѣть ваше превосходительство когда вы изволили на бангофѣ пѣть: „Спаси Господи!“ и паликали, цѣлуясь со всею сволочью которая шла въ бой. См

дочь, говорю, исполнила свято свой долгъ, она отправилась въ Сербію и положила въ ней свои кости, а вы изволите ее бранить съ такимъ негодованіемъ: такъ предоставляю высокопросвѣщенному вниманію вашего превосходительства рѣшить, кто тутъ честенъ и кто безчестенъ....“ И что же, вы думаете, генералъ Баштановъ?..

— Ну что же онъ?

— Обращается къ консулу да и вопіетъ: „*Comment pouvez vous se monsieur?*“ Я отрекомендовался ему и онъ записалъ мое имя. Чортъ знаетъ что такое!

— Да что же это за генералъ Баштановъ? Чего ему здѣсь?

— Богъ его знаетъ.... Такъ себѣ, съ помраченнымъ разсудкомъ человѣкъ.... Мыкается по бѣлу свѣту и оппозицію представляетъ: обошли его, надо полагать.... ну, и фонды наши упали на заграничныхъ биржахъ: вотъ онъ и сердится.... Сволочь.... отребье... люди безъ положенія.... Да я самъ теперича человѣкъ безъ положенія; ну и что же, казнить меня, распивать?... А спросите-ка, кто вывозать?... Натурально, сволочь съ положеніемъ....

Шумавина начиналъ интересоваться этотъ буйный, но укрощенный нравъ.

— Да-съ, да-съ, продолжалъ Сычевъ:—у меня было положеніе, была будущность, да меня выбили, выгрызли скоты.... И завосчивость, и задоръ себялюбія—все это ужь лотомъ пришло отъ горечи, отъ ничтожества, отъ злобы, отъ недовѣрія къ самому себѣ, отъ презрѣнія къ людямъ, отъ забитости... Оттого я и нагазъ что забыть... все существо мое вытравили эти каналы, мѣста живаго во мнѣ не осталось... Ну, да что.... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, отвѣтилъ Шумавинъ...

XI.

Едва наступила передразвѣтная тишина, едва все населеніе Каттаро, измученное жарой, наѣдомыми и солдатами, предалось тревожному лихорадочному сну, какъ съ крѣпостной стѣны грянулъ пушечный выстрѣлъ. Громкимъ грохотомъ эхо заревѣли въ отвѣтъ ему горы. Весь городъ дрогнулъ, всѣ стекла въ домахъ зазвенѣли. Заспанные люди

прямо съ постелей бросались на улицу; лѣтучи, собаки, кошки—все живье съ крикомъ и воемъ повыскакало изъ своихъ ночлеговъ, въ страхъ и смятеніи. Гравуль другой выстрѣлъ, третій, четвертый, и пошла пальба безъ перерыва, сливаясь въ страшный, оглушающій стонъ. Не только дома, но самая земля дрожала. На улицѣ людей шатало, какъ пьяныхъ. Толпы жителей бѣжали къ приморской площадкѣ, откуда гремѣли трубы полкового оркестра; сквозь пушечный ревъ явно слышались звуки національнаго гимна. Всѣ дома разукрасились флагами, грязными коврами, вышитыми дерюгами, цвѣтными трапизами. Пароходы *Ллойда* одѣлись тысячами разноцвѣтныхъ флаговъ. Локанда выставила на улицу портреты императора съ императрицей и рядомъ съ ними—какихъ-то голыхъ женщинъ. Докучливо назойливый звонъ тоненькихъ колоколовъ визжалъ какъ котенокъ которому наступили на хвостъ. Въ латкѣ латеры что-то гнасили предъ толпой парадныхъ офицеровъ, и цѣлая бригада стрѣлковъ вытянулась въ какомъ-то недвижномъ, застывшемъ ожесточеніи. Тронулись городскія власти въ допотопныхъ треугольникахъ. Наконецъ, командиры устали на лошадей и бригада торжественно запылила, подъ грохотъ пушекъ, подъ звуки оркестра и колоколовъ. Было 18е августа, день рожденія императора Франца-Иосифа.

Когда гравуль первый выстрѣлъ, Сычевъ въ переполохъ выпрыгнулъ въ окно, крича: „Бѣги! спасайся!.. Все пропало!.. Турки въ городѣ!..“ Онъ бѣжалъ по улицѣ, среди оглушающаго рева пушекъ, пока очутился на приморской площадкѣ; хлынувшія съ базара толпы разразились криками: „Живіо, Цезарь! Хура, Францъ-Иосифъ!“ Тутъ только литераторъ очнулся, пришелъ въ себя и замѣтилъ что онъ находится въ одномъ бѣльѣ и босой. Къ счастью, не онъ одинъ выскочилъ въ такомъ видѣ на торжество: сотни Итальянцевъ и Нѣмцевъ возвращались домой чтобы пріодѣться. Однѣ дамы бомонда оказались разряженными въ торжественные туалеты, знавшія заранѣе о ночномъ переполохѣ и успѣвшія къ нему приготовиться.

Шумавинъ показался на площадкѣ уже къ концу церемоніи; солдаты съ фонарями и музыкой расходились уже по казармамъ.

Къ локандѣ направлялось все сборище мѣстныхъ властей. Австрійскіе офицеры составили свой кружокъ, Сла-

вяне—свой. Среди множества лицъ блестящихъ золотымъ шитьемъ и орденами, ярко выдѣлялись штатскія фигуры господъ дипломатовъ, хранившихъ въ своихъ серьезныхъ лицахъ сосредоточенное и торжественное молчаніе. Все это были люди молодые, едва начинающіе свою политическую карьеру. Возлѣ нихъ увивались корреспонденты: Чехи, Нѣмцы, Русскіе, Французы, и нужно было видѣть то величественное спокойствіе и олимпійскую важность, то ласково-пренебрежительное, вѣжливо-презрительное, вниманіе, съ какимъ господа дипломаты отвѣчали на сыпавшіеся кругомъ вопросы корреспондентовъ.

За консулами тѣснились наши „доктора“ и сестры милосердія, въ своихъ остренькихъ крылышкахъ и бѣлыхъ пласточкахъ, придающихъ имъ до того унымый и скорбный видъ, что отъ одного созерцанія женщины въ такомъ мертвящемъ одѣяніи можно заболѣть, а цыма еще при этомъ дѣлаютъ такіа безпредметно-тревожныя и убитыя лица, говорятъ такими разслабленными голосками и прибираютъ такіа ласково-скорбныя словечки что ихъ самихъ легко принять за больныхъ, нуждающихся въ помощи и утѣшеніи.

По окончаніи торжества Шумавинъ направился домой.

Предутренній сумракъ начиналъ рѣдѣть. Густыми сизыми гайбами лежалъ и шатался туманъ надъ моремъ; вершины горъ тонули въ туманѣ, но то былъ сухой, жгучій туманъ, предвѣщавшій раскаленный, терзающій день. Топа разбрелась, и на приморской площадкѣ оставались одни безпріютныя нищія да „бѣгунцы“, прикорнувшіе въ ловаку подъ орошенными деревьями, съ листьевъ которыхъ медленно падали чистыя алмазныя капли. Проходя по аллеѣ, Шумавинъ на самой отдаленной скамьѣ замѣтилъ женщину, сидѣвшую съ локтемъ головою и чертившую на пескѣ своимъ зонтикомъ. Издалека узналъ онъ Лукрецію. Въ черномъ платкѣ, наведенномъ на самыя брови, въ бѣломъ ситцевомъ платьицѣ, сидѣла она надъ моремъ; на прекрасномъ лицѣ ея замѣтно было тоскливое утомленіе и что-то темное, тревожное и злое проходило по глазамъ ея, по тонкимъ прекраснымъ чертамъ. Она то закусывала свои яркія губы и хмурила брови, то улыбалась разсыпано и лугливо, вздрагивая плечами, жадно воматривалась въ колыхавшійся надъ моремъ туманъ.

— Доброе утро, сеньйорина Лукреція, издали прокричалъ ей Шумавинъ.

Она быстро подыалась со скамьи, и по одному этому движенію, по мгновенно измѣнившемуся выраженію лица ея Шумавинъ догадался что она ждала его. Она быстро пошла къ нему на встрѣчу, не поднимая головы, не глядя на него, въ какомъ-то безпокойномъ, кручинномъ изнеможеніи, молча протянула ему свою холодную руку и съ напряженнымъ вниманіемъ глядя на себя подъ ноги. Она ждала его. Она знала что онъ не минуетъ эту аллею—другой дороги къ ихъ дому не было. Въ этомъ бѣдненькомъ нарядѣ еще прелестнѣе, заманчивѣе обозначалась вся роскошь, вся сила ея красоты. Шумавинъ невольно остановился предъ ней, заглядывая. Она какъ-то странно притихла, ни слова не проронила, какъ-бы ожидая.

— Вы не совсемъ обыкновенны сегодня, замѣтилъ онъ.

— Да, подтвердила Лукреція:—сегодня такой ужъ необыкновенный день... Вы вѣроятно напугались: сумашедшіе люди!.. Какъ они лезли!..

— Вы домой, сивьора?

— Ахъ, нѣтъ, встрепенулась она:—пройдемте туда, на самый край, къ морю... Тамъ никто не ходитъ... Или вамъ спать надо?

— Не безпокойтесь о моемъ снѣ...

— Ну, пойдете же... А въ горы вы идете сегодня? Она слегка прищурила свои смѣющиеся глаза и закусилла губу, какъ бы боясь своей насмѣшливости.

— Да теперь уже поздно. Я рѣшилъ переждать, пока соберется общество.

— А... Вы рѣшили переждать... Это хорошо... Садитесь, вотъ скамья...

Она оглянувшись кругомъ и сѣла съ нимъ рядомъ. Какое-то неуловимо раздражающее ощущеніе сообщилось Шумавину, точно на него утала тѣнь ея напряженного безпокойства и сдержаннаго волненія.

— Это хорошо, что вы рѣшили переждать, заговорила она:—мнѣ не хотѣлось бы такого мимолетнаго знакомства съ вами...

Она прямо поглядывала на него своими крупными черными блестящими глазами, и лицо ея было такъ серьезно, строго, такъ не соответствовало тому что она говорила, что Шумавинъ не безъ тайной боязни поглядывалъ на нее и внутренне спросилъ себя: „что это съ нею?“

— Вы очень добры, сивьора, проговорилъ онъ.—Повѣрте,

о васъ у меня останется самое отрадное, симпатичное воспоминаніе.

— Да? переспросила она потупивъ голову и улыбаясь.

— И я, прибавила она съ увлекательнымъ оживленіемъ:— и я благодарна случаю который свелъ меня съ вами.

Оба съ минутой молчали и обоимъ было очень неловко. Алая краска ярче проступила въ лицѣ Лукреціи и то затененное, тихое волненіе, какое замѣчалось въ ней съ первой минуты, теперь сильнѣе затрепетало въ ея выразительныхъ чертахъ.

— Если такъ, проговорила она, все еще не поднимая глазъ:—то мы не должны опасаться другъ друга. Не правда ли?... Нѣтъ, я не вѣрно сказала... Мнѣ хотѣлось бы увѣриться... знать... знать что вы не осмѣете меня... мое довѣріе... искренность.. Она говорила съ трудомъ, обрываясь на каждомъ словѣ, безлокойно жестикулируя, отведя лицо свое въ сторону. Зонтикъ выпалъ изъ руки ея. Она послѣднѣе наступила на него ногой, чтобы онъ не трудился поднимать, и продолжала:

— Вы не забыли что я вчера говорила... Какъ бы это ни показалось вамъ страннымъ, можетъ-быть забавнымъ, предосудительнымъ, но мнѣ не хотѣлось бы измѣнять себѣ и въ этомъ чрезвычайно трудномъ для меня случаѣ: я всегда говорила правду... Это... очень тяжело... тѣмъ болѣе тяжело что я еще не знаю что сказать... Это меня волнуетъ... Это меня тревожитъ, но что—я не знаю.

Она говорила съ такимъ лорывистымъ усиленіемъ, почти съ мученіемъ, что по одному звуку ея голоса легко было понять что желала она высказать. Она сама боялась назвать свое чувство, свою тревогу. Шумавинъ оробѣлъ. И радость, и укоризна нахлынули ему въ душу, и безотчетная, невольная боязнь предъ самимъ собой, и какое-то жгучее уязвленіе—сладкое и томительное схватило его за сердце. Онъ самъ не смѣлъ сказать ей чего желалъ, не могъ прибрать даже фразы въ отвѣтъ, а она ждала, ждала его отвѣта.

— Можетъ-быть, я ошибаюсь, спокойнѣе продолжала она:—и вы... и вы примете меня за одну изъ тѣхъ...

— Повѣрьте, Лукреція, я не приму васъ за одну изъ тѣхъ.... съ уваженіемъ вскрикнулъ Шумавинъ и потянулся къ ея рукѣ.

— А! проговорила она, не отнимая руки своей отъ его лопатки: — наконецъ-то у него человѣческій голосъ явился... Я думала не дожидусь.

Она засмѣялась; засмѣялся и онъ. Все лицо ея просіяло гордою отвагой, торжествомъ радости. Волнующее сомнѣнiе, осласливость, тоска и боль почти мгновенно исчезли, и она остановила на немъ долгiй ласковый, нѣжный, глубокий взглядъ.

— Только уходить не надо... туда... въ горы, проговорила она ложима ему руку. — Хотя нѣсколько дней вы должны здѣсь остаться.

Шумавинъ покорно наклонилъ голову.

— Я отвлекаю васъ отъ дѣла, продолжала она: — Я это знаю, да иначе нельзя же... И вотъ еще что: вы дадите мнѣ одно обѣщанiе.

— Какое?

— Отвѣчать мнѣ одною правдой. Это мой рискъ, моя самонадѣянность, и если я буду наказана, если отвѣтъ будетъ не тотъ...

— Лукреція, да вы и теперь увѣрены что отвѣтъ будетъ тотъ: иначе вы его не вызывали-бы.

— Bravo! вскрикнула она. — Бѣйте меня такъ на каждомъ премахѣ. Видите, не сержусь... Ну, да! увѣрена!.. Это и бѣситъ, и безлокеитъ... Однако уйдемъ отсюда... Монтенегрины уже проснулись... день... пора. Вы остаетесь. И сегодня, и завтра.. Ну теперь идите...

— А вы, Лукреція?

— И въ купальню... уже отперта... Смотрите же, не забывайте обѣщанiя, внушительно прибавила она, съ грациозною легкостью сгибаясь за своимъ зонтикомъ.

— Ад-дi-о!

Она присѣла съ комическою гримасой и удалилась. Шумавинъ проводилъ ее взглядомъ, пока она скрылась за деревьями, и все еще стоялъ и смотрѣлъ, не мелькнетъ ли ея стройная, гибкая фигура.

— Что же это? шепталъ онъ радостно и испуганно: — что съ ней? что со мной?

Тайная отрада и страхъ боролись въ душѣ его. Онъ не могъ еще проникнуться вполне словами Лукреціи, уловить весь ихъ смыслъ. Что-то беззавѣтное, страстно-стремительное, отважное сказалось въ немъ, раздражительно подстрекало

его оказать то послѣднее слово, котораго ни онъ, ни она не рѣшились высказать.

— Ну, а дальше что? спросилъ себя Шумавинъ: — отдать жизнь этой внезапной любви, уклонять лучшія силы молодости, да очутиться въ положеніи господина Сычева?... Что если все это только до сцены, до перваго успѣха... Ну, а тамъ и новые поклонники и новыя требованія... а я — въ платоническіе друзья, въ заштатные воздыхатели... Злость, ревность, обида, бессмысленное сожалѣніе о погибшемъ времени и страхъ... Гадость!...

Онъ умышленно старался настроить себя враждебно: онъ боялся Лукреціи, боялся признать даже какъ она хороша. Но противъ воли его доводовъ, яркіе, лучистые глаза ея такъ и глядѣли ему въ душу.

— Нѣтъ, рѣшилъ онъ: — такъ ничего не придумаешь... надо съ ней откровенно поговорить...

Но онъ самъ чувствовалъ что нѣтъ въ немъ такого мужества, нѣтъ такого всеобъемлющаго довѣрія. Какъ два азартные игрока сходятся чтобы поставить на карту все свое состояніе, такъ и онъ съ Лукреціей. Сквозь сладкое, томительное обольщеніе пробивалась вражда, почти злоба, какое-то негодующее возмущеніе. Онъ съ озабоченною настойчивостью припоминалъ каждое ея слово, каждый взглядъ, каждое движеніе, то беззавѣтно отдаваясь имъ, то доискиваясь въ нихъ злонамѣренности и кокетства.

— Честная, умная, милая! шепталъ онъ восторженно, и страстная жалость сдавливала его сердце при одной мысли что онъ можетъ нанести ей ужасное оскорбленіе, попытку злобы на цѣлую жизнь. Онъ думалъ, но ни къ какому рѣшенію не могъ придти: слишкомъ неожиданно все это налетѣло, и только съ бессмысленнымъ упоеніемъ повторялъ про себя каждое ея слово.

XII.

Не долго довелось Шумавину предаваться своимъ соображеніямъ. Къ нему пришли Тулорченко и Перловъ и привели съ собой даму путешественницу и писательницу, дѣкую гжу Хворобину, со сморщеннымъ лицомъ и необыкновенно прыткими глазами. Она какъ вошла, такъ и

заволавалась по поводу текущихъ событій и уже перестать не могла: она и возмущалась, и плакала, и клятва давала служить всѣми силами ума и таланта дѣлу освобожденія.

— Вы изволите исполнять здѣсь миссію? обратилась къ ней Шумавинъ.

— Да; я по православію... Вѣрите, кому ни покажу наше Евангеліе, такъ слезы на глазахъ и навертываются... Боже мой, какъ они насъ любятъ, хоть бы Черногорцы... Вѣдь за вѣру, бѣдныя, терпятъ... Вѣдь адресъ намъ хотятъ поднести...

— Ну, да... Намъ съ вами адресъ, а Австрія—плебисцитъ, пробурчалъ Тулорченко.

— Ну такъ что жъ что плебисцитъ...

— Ну, такъ ничего... Евангеліе-то имъ и раздать не жалъ, а вотъ денегъ я бы имъ мѣднаго гроша не далъ...

— Ну, да... вы ужь извѣстный мизантропъ...

— Господи! какъ мнѣ опротивѣла эта баба! взывалъ докторъ Тулорченко:—и гдѣ ее такимъ медомъ обмазали....

Гжа Хворобина не слыхала этого вопля.

— Въ чемъ же собственно состоитъ ваша миссія? обратился къ ней Шумавинъ.

— Конечно, въ объединеніи... Какая же можетъ быть еще миссія... въ такое время... Теперь у насъ у всѣхъ одна задача: объединиться, слознаться... да общими силами на судостата ринутся...

Шумавинъ глядѣлъ на нее и думалъ: Смѣшна эта барыня и глула, должно-быть, не въ мѣру. Но вѣдь что же нибудь привлекло ее сюда?... и ужь во всякомъ случаѣ не корыстолюбіе: она путешествовала на свой счетъ и не мало тратила денегъ на свою пропаганду, и несмотря на свои довольно уже преклонныя лѣта намѣревалась отправиться въ горы, въ лазареты. Одно въ ней было неудобно: эта сентиментальная разбухшая слащавость, наломившая кусокъ подмоченнаго сахара.

Полозже пришелъ и „литераторъ“ и объявилъ что вся знать, то-есть консулы и воеводы, направляются въ Цетинье и ждутъ великихъ событій; подъ Плевной насъ побьютъ, а впрочемъ, все обстоитъ благополучно. Пришли двѣ „сестры“, изъ интеллигентныхъ (замѣтимъ кстати что худшія и верашливѣйшія работницы въ госпиталяхъ были

именно изъ интеллигентныхъ). Обѣ находились въ какомъ-то безмолвномъ изступленіи и растерянности, не спавъ нѣсколько сутокъ подрядъ. Онѣ явились за „докторами“. Не доставало одного „офиціознаго“ генерала Баштакова для полноты русской колоніи. Генералъ Баштаковъ тоже въ своемъ родѣ личность замѣчательная. Ему уже лѣтъ семьдесятъ. Краснолицый, въ сѣдыхъ бакенбардахъ, со сладкими прищуренными глазками, съ тонкими злыми губами, держится прямо, говоритъ въ носъ и нарастая и всегда чувствуетъ себя начальствующимъ и управляющимъ. Ходить онъ въ штатскомъ сюртукѣ, въ военныхъ панталонахъ со штрилками изъ кожи, на красномъ околышкѣ носить кокарду, а въ летахъ — миниатюрные знаки отличій. „Офиціознымъ“ его прозвали за неимѣніемъ болѣе опредѣленной роли. Генералъ путешествовалъ для собственнаго удовольствія и „собиралъ матеріалы“. Онъ словно громъ небесный налеталъ на какой-нибудь госпиталь, на консула, на уполномоченнаго, на врача, на кого попало, и начиналъ открывать безпорядки и улуценія. Каждый невольно думалъ: „Что же, лупить генералъ, значить, въ правѣ.“ И навѣрно его превосходительство возвели бы въ таинственнаго сановника самаго вышшаго ранга, еслибъ онъ поменьше увлекался. Держится онъ съ тѣмъ кукольно-военнымъ шикомъ, который теперь уже становится рѣдкостью: каждое движеніе обнаруживаетъ какую-то одеревенѣлость членовъ, такъ: на поклонъ онъ перегибается пополамъ, словно складывается, ногъ никогда не сгибаетъ даже на ходу, голову держитъ круто и упрямо, поворачивается бойко, всѣмъ корпусомъ вдругъ, на латкахъ.

Въ первые дни своего появленія въ Каттаро генералъ произвелъ чрезвычайно сильную сенсацію въ обществѣ иностранцевъ. (Изъ Русскихъ онъ терпитъ однихъ единомышленниковъ.) Его-то и принялъ Кнеллеръ за высокопоставленнаго и лучшее въ Россіи лицо.

— Ну, что жъ господа, кто въ горы трогается? проговорилъ докторъ Тулорченко:—пора и на дѣло...

— Пора, пора! подтвердили сестры.

— Охъ, ужъ это дѣло! почесавъ въ затылкѣ, отозвался Перловъ. Онъ и не подозревалъ что находится въ той самой комнаткѣ, гдѣ жила его Луца.

Всѣ рѣшили отправиться въ горы на другой же день, всѣ, исключая Шумавина, котораго задерживали въ Каттаро

„кое-какія обстоятельства“. Гжа Хворобина пришла даже въ негодованіе отъ его отказа. „А еще Русскіи!“ съ упрямомъ заключила она. „Посмотрите хоть на меня: я существо слабое, а вотъ иду же... Всѣ идутъ...“ Да и помимо „какихъ-то обстоятельствъ“ Шумавину хотѣлось видѣть юнаковъ въ дѣлѣ, въ госпиталахъ, въ своихъ кучахъ, а не въ церемоніальныхъ торжествахъ при главной квартирѣ каяся. Случай представлялся ему прекрасный: нѣсколько тысячъ Черногорцевъ съ ближайшимъ пароходомъ отправлялись въ Кастельнуово и Рагузу чтобъ оттуда двинуться къ турецкой границѣ, гдѣ бродили еще разбитыя шайки Сулейманъ-лаши, послѣ того уже какъ этотъ умай Турокъ догадался что Черногорія непобѣдима, да и вѣтъ никакого смысла побѣждать голыя, неприступныя скалы, съ ихъ дикою необитаемостью. Лучшая часть его арміи была направлена къ берегамъ Дуная, а на долю Черногоріи оставались волонтеры, баша-бузуки и Египтяне, самый разбойничій сбродъ, осмирѣвшій отъ голода и бросавшійся мелкими шайками на грабежи и убійства въ горныхъ деревняхъ, изъ которыхъ все мужское населеніе ушло на войну. Добычей имъ служили женщины, дѣти и стада. Это было уже не войско, а совершенно дикое звѣрье, доведенное до изступленія. Черногорцы собрались нанести этимъ шайкамъ окончательное пораженіе, а затѣмъ идти на осаду Билека. Обо всемъ этомъ Шумавинъ узналъ отъ Англичанина Кнеллера, предпринимавшаго поѣздки вмѣстѣ съ Черногорцами, на первомъ же отходящемъ изъ Каттаро пароходѣ.

Пароходъ отходилъ завтра, въ 6 часовъ утра. Времени оставалось немного, а „кое-какія обстоятельства“ оставались неразъясненными и все усложнялись новыми мечтами. Лукреція не показывалась. Она затворилась въ своей комнатѣ, затихла совсѣмъ, цѣлый день не пѣла, не прикоснулась къ клавишамъ.

Шумавинъ не зналъ еще на что рѣшиться и какъ поступить. Его чувства къ Лукреціи были неопредѣленно тягостны, и тѣмъ мучительнѣе было ему рѣшать, что дѣлать. Будь въ немъ яркая, жгучая страсть или полное равнодушіе, не существовало бы для него и самаго вопроса. Все что говорила ему Лукреція, всѣ отношенія ея къ нему проникнуты были искреннею симпатіей, но любовь ли это? и почему она сама такъ затрудняется назвать свое чувство

по имени? вѣрить ли она себѣ? Не боянь ли обмануться и обмануть удержала ее отъ послѣдняго слова?.. И къ чему все это поведетъ?.. Вихремъ проносились эти вопросы въ умъ Шумагина, но отвѣта на нихъ не складывалось. Со щемлящею болью припоминалъ онъ каждое слово Лукреціи—и дороги, и отраднымъ казались ему эти слова, и боялся онъ ихъ, и не доверялъ. И жизнь, и будущность какъ будто лугать начинала своимъ непроницаемымъ мракомъ. Воображеніе разыгрывалось и словно дразнило его картинами комическихъ приключеній, скандальной ревности.

— Фу, гадость какая лѣзетъ въ голову, проворчалъ онъ съ досадой:—И зачѣмъ только она удержала меня?.. Теперь бы ужъ въ горахъ былъ... И на что ей эти нѣсколько дней?.. Что могутъ измѣнить они?.. Къ чему все это?.. Къ чему?..

Онъ и самому себѣ не могъ признаться что досадовалъ онъ не на Лукрецію, а на свою нерѣшительность, на это докучливое и безпредметное ожиданіе. Англичанинъ и литераторъ заходили къ нему осведомиться не поѣдетъ ли онъ вмѣстѣ съ ними, онъ уклонился отъ прямого отвѣта. И предъ самимъ собой ему было скверно, словно онъ совершилъ проступокъ. „Иль для этого и ѣхалъ!“ упрекалъ онъ себя, и еще досаднѣе, оскорбительнѣе закипала въ немъ кровь, что вотъ который уже день живетъ онъ въ Каттаро и ничего еще не видѣлъ, ничего не позналъ и время убилъ самымъ глупымъ образомъ. „Страхнуть это все надо, вотъ что!“ рѣшилъ онъ съ озлобленіемъ. Но Лукреція, такая прекрасная, обворожительная, стройная и величавая: съ такими гордыми глазами, съ такою задушевною, влекущею улыбкой, такъ и отсыла надъ нимъ, подавая всякую мысль, всякую попытку „страхнуть“. Провицательный, ласкающій взглядъ ея неизгладимо помнился, голосъ звенѣлъ въ ушахъ, даже помнились всѣ его оттѣнки, помнилось какъ онъ медленно и неровно обрывался на недосказанной фразѣ. И это ловкшее, какъ бы виновное, молящее лицо, съ его нестерпимою красотой, носилось предъ нимъ, какъ живое. „Неужели пропалъ?“ возразилъ онъ въ отвѣтъ на свои мечтанія.

Въ дверь къ нему постучали, и осторожно какъ бы крадучись, вошла Лукреція. Быстро затворивъ дверь за собой, она остановилась у порога и нѣсколько мгновеній оставалась недвижною, какъ-то разсѣянно, вопросительно улыбаясь.

— Сильйора! привѣтствуюаъ ее Шумавинъ. Она опустилась на подвинутый ей стулъ, не переставая улыбаться и оправляя трелетными руками свое платье возлѣ горла, разстегивая и вновь застегивая одну и ту же луговку, слегка прикасаясь пальцами къ роскошной діадемѣ своихъ волосъ — знакъ, какъ извѣстно, дурной; особенное предубѣжденіе внушало Шумавину это нервное, судорожно-быстрое и едва уловимое, разсѣянное и тревожное потрогиваніе пальцами своихъ волосъ. Это жестъ знаменитой Паулины Лукки во всѣхъ страстныхъ сценахъ.

— Я не помѣшаю вамъ? проговорила Лукреція.

— Чтò за вопросъ, сильйора... Вы?..

— Я пришла вамъ оказать, продолжала она, не поднимая глазъ:—чтобы вы... нашъ давшій разговоръ не считали для себя обязательнымъ... Я должна извиниться предъ вами... Это съ моей стороны такъ безумно...

Шумавинъ растерянно глядѣлъ на нее. Что-то холодное и злое повѣяло на него.

— Въ чемъ, сильйора?.. Чтò безумно?

— Я не должна отвлекать васъ отъ дѣла... Вы хотѣли идти въ горы... Вы совершенно свободны... И, пожалуйста простите меня...

— Другими словами, вы желаете чтобы я удалился? съ отчаяніемъ переспросилъ Шумавинъ. Да, съ отчаяніемъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ онъ считалъ себя связаннымъ и досадовалъ на это, а теперь это неожиданное раскаяніе Лукреціи, это дарованіе свободы казалось ему такимъ страшнымъ несчастіемъ, такою незамѣнимой утратой, предъ которою люблѣдвали всѣ его намѣренія, всѣ помыслы и цѣли. Ему страшно стало, страшно потерять эту молодость, страсть, красоту, это чистое довѣріе правдивой души.

Нѣсколько мгновеній Лукреція не отвѣчала. Она глядѣла на него прямо, провѣряя какое впечатлѣніе произвели на него слова ея.

— Да, я желаю, проговорила она,—желаю чтобы вы ушли въ горы... скорѣе... желаю...

— Лукреція! но вы сами меня удержали... да я и не могъ уйти... Нашъ послѣдній разговоръ... все то чтò вы говорили... Неужели все это останется недосказаннымъ?.. Или это насмѣшка?.. Или вы затѣмъ и рисовались своею правдивою душой чтобы больнѣе обидѣть: за чтò, Лукреція?

— Я васъ прошу, взволнованно проговорила она и быстро перешла съ мѣста въ уголъ дивана.—Уважьте мою просьбу... Простите меня... Уйдите... Я не обдумала... Я сказала больше чѣмъ могла... Я ошиблась... я... не поняла себя... Уйдите!.. Мнѣ нельзя, нельзя оставаться съ вами въ такихъ отношеніяхъ... Нельзя, потому что... Ахъ, не мучьте же меня!.. Вы знаете почему нельзя!..

Наступила минута мучительная. Лукреція прижалась всѣмъ тѣломъ къ дивану и крѣпко прижала руки свои къ глазамъ. Шумавинъ каждое мгновеніе готовъ былъ броситься къ ногамъ ея, договорить наконецъ то проклятое слово, изъ-за котораго дилась попытка взаимнаго недоразумѣнія, робости, самолюбивой боязни, и въ то же время себя не могъ преодолѣть, не въ силахъ былъ справиться со своими мыслями. Что-то необъяснимое удерживало его въ положеніи гаупомъ, и онъ самъ лоямалъ какъ оно гаупо и обидно для Лукреціи. Не вздохъ, а какой-то задущенный стонъ вырвался у него изъ груди. Всѣ влеченія, какія возбуждала въ немъ Лукреція, боролись въ немъ со злобой, и онъ чувствовалъ что злоба эта побѣждаетъ въ немъ всѣ другія чувства, душитъ ихъ, не даетъ имъ воли, мятельными порывами бьется въ груди.

— Извольте, сивѣора, проговорилъ онъ: — а сегодня же исполню ваше желаніе.

Кончено: злоба побѣдила; сказалось именно то что надо, что онъ такъ упорно старался побѣдить въ самомъ себѣ. Лукреція не шевельулась. Она отвела только медленно руки свои отъ лица и глянула на него померкшими, укоряющими, обиженными глазами. Еще мгновеніе, и она заплакала бы.

— Благодарю васъ, тихо проговорила она и встала. Наступила минута взаимнаго выжиданія дальнѣйшихъ объясненій, но оба молчали. Шумавинъ боялся взглянуть на нее—самообладаніе измѣнило бы ему мгновенно. Она постояла съ минуту посреди комнаты, прислушиваясь къ тишинѣ, безпокойно перебирая пальцами оборку своего платья и гляда предъ собой широкимъ, но ничего не выдающимъ, горестнымъ взглядомъ. Такой взглядъ у женщины бываетъ только въ двухъ случаяхъ: когда она лжетъ и когда въ отчаяніи. Она стояла такъ, не находя слова, боясь возмутить эту горестную тишину, боясь что съ собою не сладить и

первое же слово будетъ безповоротное рѣшеніе. Она не задумалась надъ его отвѣтомъ: она поняла эту грубую злость.

— Я не прощаюсь съ вами, проговорила она:—мы еще увидимся.. И къ чему же вамъ сегодня спѣшить на пароходъ: онъ идетъ завтра... Здѣсь вамъ спокойнѣе... Оставайтесь...

— Нѣтъ, я ужь сегодня!..

Онъ рукой махнулъ и все-таки не взглянулъ на нее. Онъ только чувствовалъ что каждымъ словомъ, каждымъ движаніемъ оскорбляетъ ее, унижаетъ грубо, безправно, гаупо, и ничего сдѣлать съ собой не можетъ. Она тихо, медленно вышла, все еще ожидая что онъ позоветъ ее, удержать.

Шумавинъ стоялъ возлѣ окна и бессмысленно барабанилъ по столу пальцами, но, едва Лукреція затворила за собой дверь, онъ тотчасъ же началъ укладывать свои пожитки въ чемоданъ и съ отчаянною рѣшимостью пробормоталъ: „Къ чорту всѣ эти нѣжности, сивьйора Лукреція!“ Онъ разгнѣванно торопился уйти изъ этой обаятельной комнатки, гдѣ все напоминало ему Лукрецію, послѣднѣю скомкалъ платье, бѣлье съ какою-то стремительною, несвойственнымъ ему наглостью потребовалъ у старой сивьйоры Біанки счетъ, къ крайнему изумленію оторопѣвшей старушки, и отправился на пристань, на базаръ. Громадныя толпы вооруженныхъ Черногорцевъ бродили и лежали на берегу, располагаясь вочевать подъ открытымъ небомъ, въ ожиданіи парохода. Это и было то самое войско, которое направлялось на Требишъ. Пѣсни, крики, драки, хохотъ, ухорскія, своеобразныя пляски, яркій блескъ золота въ лохмотьяхъ и дерюгахъ, обнажавшихъ загорѣлое, побурѣвшее тѣло,—вся эта толпа дышавшая удалью неизъяснимую. Среди группъ валявшихся и сидѣвшихъ за картами юнаковъ Шумавинъ замѣтилъ и „литератора“. Бѣднякъ бродилъ по базару съ охапкой своего платья и бѣлья, съ турецкимъ револьверомъ, который онъ хранилъ какъ трофей, и теперь все свое имущество продавалъ за пять гульденовъ.

— Эхъ, Жидовъ нѣтъ! вотъ спасители! вскрикнулъ литераторъ, потрясая въ воздухѣ своимъ хламомъ.

На берегу Шумавинъ узналъ что на пароходъ можно придти съ вечера. Онъ тотчасъ же отправился въ агентство за билетомъ, словно боясь быть задержаннымъ, нанялъ носильщика и чрезъ полчаса совершенно устроился на паро-

ходной палубѣ. Простилася онъ со старою и молодою Біанки съ чувствомъ сдвоенной вражды и съ тою бодрою надеждою на извѣщеніе, съ тою самоуверенною храбростію, какая иногда проявляется въ минуты самаго горькаго и безнадежнаго отчаянія. Старая сивѣюра Біанка была очень опечалена и удивлена этимъ внезапнымъ отъѣздомъ и съ пытливымъ недоумѣніемъ поглядывала на дочь.

XIII.

Перебравшись на пароходъ, Шумавиль предался успокоительной радости. „Ну, вотъ и прекрасно! твердилъ онъ:— вотъ и страшно, и вольный казакъ...“ Онъ радовался, а изъ глубины души такъ и поднимались глухіе взрывы негодованія, тоски и злобы. Онъ перешелъ на берегъ, къ юнакамъ, сталъ слѣдить за всѣмъ что происходило предъ его глазами, съ напряженнымъ и тулымъ вниманіемъ, присоединился къ группѣ игроковъ, вина выпилъ съ ними, накурился до обморока хваленаго „црчагорскаго дувану“, смѣялся вмѣстѣ съ юнаками, самъ не зная чему, провозгласилъ тостъ за здоровье князя Николая и ему отвѣчали тостомъ въ честь Императора Александра II, грамули ура и ѡмѣю. Шумнымъ, бурнымъ ревомъ отозвались весь берегъ, всѣ окружныя горы. Онъ насильственно искалъ шума, стараясь отвлечь свое вниманіе отъ голубенькой комнатки съ лузатыми нимфами и багровыми амурами на потолкѣ, стараясь даже не глядѣть въ ту сторону, гдѣ жила Лукреція. „Конечно, ну, и прекрасно!“ твердилъ онъ самъ себѣ, а у самого слезы навертывались. Онъ зашелъ и въ локанду, въ тотъ самый олеандровый садикъ, гдѣ впервые встрѣтилъ Лукрецію. Три пола теперь тамъ сидѣли и настраивали свои басы на „многое лѣто“, да двѣ дѣвицы, въ бархатѣ и бѣлилахъ, развязно хихикали.

День погасалъ, но раскаленный воздухъ все еще обдавалъ жгучимъ паромъ, фіолетовымъ, призрачнымъ туманомъ одѣвая вершины горъ. Маленькіе огоньки замигали на берегу. Шумъ и гамъ постепенно затихъ и глухо гудѣлъ надъ моремъ; казалось, онъ гудѣлъ глубоко подъ землею, сливаясь въ безраздѣльный, непрерывно воюющій шумъ подземныхъ легіоновъ. Что-то жуткое и величавое слышалось въ

этомъ неутолкаемомъ звукѣ, стоявшемъ въ прозрачныхъ, трепещущихъ сумеркахъ надвигающейся ночи. Но по мѣрѣ того какъ замирала вся окружающая жизнь, Шумавинъ чувствовалъ что въ немъ поднималась непреодолимая тревога и чувство горькой, озлобленной жалости какъ отрава влилось въ его сердце и чѣмъ яснѣе сознавалъ онъ какъ нехорошо поступилъ съ Лукреціей, тѣмъ болѣе и мятельнѣе поднималась въ немъ злоба, злоба и презрѣніе къ самому себѣ, къ своему робкому малодушію. Образъ Лукреціи неотразимо носился предъ нимъ, глядѣлъ на него, казалось, изъ каждой звѣздочки, мигавшей въ глубинѣ блѣдно-серебристаго неба, глядѣлъ все также выжидающе, тревожно и задумчиво, ласково, страшно и робко. Безконечная жалость, горькая, язвительная, наполнила его душу. Онъ отвернувшись къ борту парохода и залакалъ, точно стыдясь самого себя. На пароходѣ никого еще не было, одни матросы суетливо шмыгали, перетаскивали канаты, ящики, бочки. Долго и безнадежно метался онъ на разостланномъ пладѣ, усиливаясь заснуть; молотомъ стучала кровь въ горячей головѣ; ѣдкая, мучительная тоска терзала все существо его; сухія губы горько шептали имя Лукреціи. Онъ глядѣлъ на луну, на трепещущій золотой столбъ пересѣкавшій море, и снова вспоминалъ голубенькую комнатку съ ея зачарованною тишиной, съ тѣмъ знойнымъ и раздражающимъ воздухомъ, какимъ онъ тогда дышалъ; казалось и теперь, вмѣстѣ съ воспоминаніями, нахлынула струя этого воздуха, а въ немъ звуки тихаго гортаннаго голоса Лукреціи „Ахъ, хотъ бы скорѣе!“ простоналъ онъ: „хотъ бы съ глазъ долой!...“

Среди грохота пустыхъ бочекъ, тяжелыхъ ящиковъ, визга и лязга цѣпей, криковъ матросовъ, трудно было забыть ся своимъ, да и ночь не долга. Небо свѣтѣло; блѣдный туманъ громадною глыбой вползалъ въ бухту, застилая горы съ поволоочными вершинами. Черногорцы проснулись и снова раздалось на берегу нестерпимое зудѣніе гусей и монотонное завываніе. Пароходъ далъ первый свистокъ. Рѣдкія кучки пассажировъ съ мѣшками и чемодами спѣшили занять мѣста. Нѣсколько дамъ мелькнули въ каюту втораго класса. Кнеплеръ ависла. Шумавинъ очень ему обрадовался—было съ кѣмъ хотъ словомъ перебраться. „Литераторъ“, уже облегченный отъ своей ноши, очень суетливо хлопоталъ возлѣ матроса. Однако, онъ скоро совер-

шенно исчезъ и Шумавицъ не могъ уже найти его въ толлѣ Черногорцевъ, валившихъ на палубу парохода.

Шумавицъ вѣшалъ въ третьемъ классѣ, Англичанинъ—во второмъ, а литераторъ совсѣмъ безъ класса. Шумавицъ даже и не подозрѣвалъ что онъ вдетъ, такъ какъ ни на палубѣ, ни въ каютахъ его не оказалось. Зналъ лишь одинъ матросъ, тучный, тулой Италіанецъ, который прохоя мимо пустой ливной бочки, стоявшей у борта, каждый разъ съ тревожнымъ вниманіемъ останавливался предъ этою бочкой, оглядывая ее со всѣхъ сторонъ, какъ бы ожидая что вотъ изъ нея кто-нибудь выпрыгнетъ. Черногорцы заняли всю палубу, весь бортъ парохода, залѣзли на грузовые ящики, на бочки, на печку, жались и ложились другъ другу на ноги. Полвершка свободнаго мѣста не оставалось на всей палубѣ. Пройти между перепутанныхъ, переплетенныхъ ногъ не было никакой возможности. Золотое шитье красныхъ *дѣмадановъ* сверкало среди грязи, лохмотьевъ, заплатъ и дыръ; попадались нерѣдко цѣлыя фигуры украшенные только заплатами и дырами, да и самыя заплаты сидѣли на предыдущихъ заплатахъ, а изъ дыръ выглядывала загрубѣлая, испеченная кожа. У каждаго за поясомъ торчали револьверы, ятаганы, турецкіе *ѣжубуры*, болтались неизобразимые доколатцы, блестя старыя медали на груди, прицѣпленные на шнуркахъ, на тряпкахъ. Крошечныя красныя шалочки бодро сидѣли на макушкахъ этихъ храбрецовъ, и у многихъ были украшены гербами, мѣдными бляхами, фантастическими вензелями. Всю наружность этой многоголовой толпы составляли блескъ и грязь—грязь ужасающая, многовѣковая, и изъ этой массы цвѣтныхъ лохмотьевъ, тряпокъ, заплатъ и дыръ выглядывали могучія, монументальныя фигуры съ гордостью безпредѣльною, съ самодовольствомъ изумительнымъ. Ни въ одномъ лицѣ ни малѣйшей тѣни прикиженной, рабской скромности, какую обыкновенно порождаетъ нужда, голодъ. Эти тряпки, заплаты и дыры носились по палубѣ съ истиннымъ торжествомъ, почти съ высокомеріемъ. Молодая, здоровая лица, чрезвычайно похожія одно на другое, съ крайне слабыми отбѣсками индивидуальности—смотрѣли и гордо, и дико, властительно и безплощадно сурово, почти свирѣло. То въ томъ то въ другомъ концѣ гудѣли гусары и нѣсколько голосовъ были во всю мочь своихъ здоровенныхъ легкихъ;

вой то подхватывался дѣльнымъ хоромъ, то затихалъ на минуту и, собравшись съ новыми силами, разрастался въ страшный ревъ. Были не лѣсомъ, а безконечно грубую рѣзку: „а-а-а“, и ничего больше. Раскаленные лучи солнца так и били въ головы. Ни малѣйшаго дуновенія на ровной блестящей поверхности моря, синяго и густаго, какъ расплавленная эмаль; далекими точками мелькали въ дали такія исполинскіе пароходы; берегъ тогулъ въ сизомъ раскаленномъ туманѣ. Однообразно, глухо гудѣла машина, плескали колеса. Мѣрно и медленно покачиваясь, пароходъ шелъ быстро, въ виду берега, гористаго и безплоднаго, и вся эта мѣстность, даже самое море казалось пустыней, подъ яркимъ, неумолимымъ блескомъ солнца.

Шумавинъ сидѣлъ на своемъ чемоданишкѣ и съ воступленнымъ любопытствомъ глядѣлъ на Черногорцевъ. Изъ удала, живость, несмолкаемое веселье, неукротимое молодечество поражали его. Ничего подобнаго онъ не видалъ у другихъ народовъ. Беззавѣтная мощь—грубая, тажелая, такъ и рвалась въ каждомъ движеніи, въ каждомъ звукѣ голоса. Поразительнѣе всего было то что все это люди такіе же голодные какихъ онъ видѣлъ на базарѣ въ Каттаро; идуть въ бой... нѣтъ, хуже, на рѣзню.. можетъ быть ни одинъ не вернется по-добру, по-здорову—и на малѣйшаго раздумья, унынія, тоски. Это не чадная удушья литейной горячки, а простое нормальное состояніе, высочайшій подъѣмъ духа, какъ говорится, проявленіе истиннаго мужества.

Шумавинъ глядѣлъ на нихъ и бессильно пожималъ плечами, рѣшительно не понимая что возбуждаетъ въ нихъ такую яркую жизнь. Онъ заговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, но отвѣты все не удавались. Не любятъ какъ-то разказывать про свои дѣла. Молчаніе и безропотность почитаются солидными достоинствами, выражаютъ силу душевную, мужество. По истинѣ замѣчательно было то презрѣніе съ какимъ улеминалось имя Турокъ. Во мнѣніи какъ-то это не былъ врагъ сильный, хорошо обученный вселенскому дѣлу и еще лучше вооруженный, врагъ не всегда же дрѣзавшій и предъ Черногорцами; нѣтъ, это кака-то мнѣніе головая гадина, которую надо раздавить, извести, какъ чуждую водать саранчу; но злобы, мстительной ненависти къ Туркамъ рѣшительно не было и слѣда.

Въ Кастельнуово пароходъ останавливался часовъ на пять, пока производилась выгрузка и новая нагрузка. Сойдя на берегъ, Шумавинъ засѣлъ въ кофейнѣ, просматривалъ газеты, изъ которыхъ узналъ что Австрійское правительство заботливо предупредило князя Николая на счетъ дальнѣйшихъ завоеваній. У маленькаго Княжества отнималось последнее право—право храбрости. Австрія ревниво берегла Герцеговину, надъ присоединеніемъ которой такъ много и усердно работала черная армія патеровъ. Эти политическія усложненія для юнаковъ рѣшительно не существовали. Ихъ дѣло „посѣчь турецкія главы“, не волнуясь надъ измышленіями и ловушками дипломатіи. Никшичъ въ то время еще не былъ „взятъ приступомъ“, такъ какъ въ немъ оставался кое-какой гарнизонъ, осаждаемый долгимъ голодомъ. Въ планы черногорскихъ завоеваній даже не входило взятіе этой первоклассной крѣпости, какъ очевидная невозможность. Но Сулейманъ-паша, выведя всѣ войска свои на Требинье, приготовилъ такимъ образомъ сдачу Никшича навѣрняка. Онъ видѣлъ что по его войскамъ били на выборъ изъ каждой горной разщелины, изъ-за каждого утеса. Разсыпавшись въ горахъ по одиночкѣ, по два, по три вояка, Черногорцы выбивали цѣлые ряды наступающихъ Турокъ, не рискуя со своей стороны рѣшительно ничѣмъ. Съ другой стороны и самая побѣда Турокъ была бы для нихъ все-таки пораженіемъ: побѣждать голыя, безлюдныя скалы, опустошенныя деревни, гдѣ не оставалось ни куска хлѣба, ни зерна кукурузы, ни малѣйшаго признака зажитка для грабежа—работа не веселая. Сулейманъ понялъ это и ударился въ другую крайность, очистивъ Черногорцамъ свободный входъ въ крѣпость. Всѣ неудачи этого пораженія Турки намѣревались выместить на Требинье, на Герцеговинѣ. Они не ожидали что сильный черногорскій отрядъ нагрянетъ на нихъ въ обходъ съ моря и разчитывали имѣть дѣло только съ безоружнымъ населеніемъ—пограбить, по-безобразничать надъ женщинами, дѣтми и стариками.

Пристать къ этому отряду, въ качествѣ „дописника“, не было никакихъ затрудненій; юнаки даже обрадовались, узнавъ отъ Шумавина что онъ пойдетъ съ ними въ битку: имъ лестно было показать себя Руссу на дѣлѣ. На Англичанина они поглядывали коео, но снисходительно терпѣли его какъ контрабанду и шепотомъ передавали другъ другу о присутствіи на пароходѣ „Эглича“.

Пароходъ отходилъ на ночь. Уже смеркалось и съ моря повѣяло свѣжею прохладой. Всѣ обрадовались холодку послѣ знойнаго, душнаго дня. Въ оуматохѣ, неизбежно предшествующей каждому отправленію парохода, мелькнула на палубѣ и фигура „литератора“.

— Сычевъ! окликнулъ его Шумагинъ.

— Чтѣ, отецъ родной? отозвался литераторъ.

— Гдѣ вы сидите?.. Я не могу васъ найти...

— Тс!

„Литераторъ“ оглянулся и подѣвъ подъ ливную бочку, стоявшую у борта. При покровительствѣ матроса, онъ укрывался отъ капитанскаго контроля. Продавъ остатки своей движимости, онъ едва выручилъ на хлѣбъ и путешествовалъ безъ билета.

Съ наступленіемъ ночи вѣтеръ начиналъ крѣпчать; въ сумрачной дымкѣ бѣлыми гребнями вздымались волны, разбиваясь объ утесы со злобнымъ шипѣніемъ, высоко взбрасывая бѣлые столбы разбитыхъ брызгъ; ларусное судно, тяжело ныряя, стрѣлой промчалось по вѣтру и чрезъ минуту скрылось изъ глазъ. Изъ-за каменистыхъ вершинъ Далматискаго берега медленно и тяжело надвигались темно-свинцовыя тучи, сизо-багровыя, точно горація внутри, одна за другой ползли онѣ по небу, сдѣлаясь какъ злобныя чудовища, въ неравнѣльную, все гуще богровѣвшую массу. Полнеба охватила грозовая туча и такъ и нависла надъ моремъ. Угрюмая, страшная тьма легла кругомъ. Волны все разыгрывались и, кипя и сверкая, тяжело и глухо хлестали въ бортъ парохода, то отступая, то снова наливая съ чудовищною, разъяренною силой. Пароходъ начинало качать. Къ общему шуму и грохоту бури присоединился свистъ и вой вѣтра въ снастяхъ. Мачты медленно и жалобно скрипѣли. Усиленная оуматоха всего экипажа инстинктивно подсказывала каждому о начинающейся опасности. Молнія сверкнула, освѣтивъ на мгновеніе высокіе бугры волнъ и глухо прокатился по небу ударъ грома.

Волны уже забрасывали брызги и на палубу. Непроглядная тьма, въ которой едва мигалъ, болтаясь на мачтѣ, одинъ фонарь, ревъ и грохотъ, стоялъ и визгъ разразившійся съ каждою минутой, медленное, неповоротливое переваливаніе парохода съ боку на бокъ — такъ что одно колесо его, какъ шальное, вертелось въ воздухѣ, другое

совсѣмъ не дѣйствовало, погруженное въ волны, едва слышныя, но отчаянные крики матросовъ и съ каждою минутою возрастающая качка—пароходъ точно маятникъ болтался изъ стороны въ сторону, блескъ яркихъ по всему небу змѣящихся молній, глухой, едва различаемый грохотъ грома, тьма, затопившая всѣ предметы—все сливалось въ бездну черную какъ смоль, въ какой-то безраздѣльный хаосъ. Становилось страшно. На пароходѣ все затихло тревожно. Наступила одна изъ тѣхъ минутъ по поводу которыхъ сложилась поговорка: „Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маялся“. Всѣ пассажиры хватались за цѣли, за оплечи, другъ за друга. Ящики, пустыя бочки, грузовые тюки поскочили отъ одного борта къ другому. Бѣднаго „литератора“ вышвырнуло изъ его засады. Весь грузъ рухнулъ на Черногорцевъ: кого придавило, кого ушибло. Каждый старался выскользнуть изъ-подъ тяжести, сваливъ ее на сосѣда. Крики отчаянія, крики о помощи, заглушили на минуту стонъ самой бури: нѣсколько Черногорцевъ обросило съ борта въ море. Казалось, самое небо разверзлось и хлестало огненными снопами по сердитому, злобному морю. Все стонало, дрожало непрерывнымъ грохотомъ, воплями, шипящимъ плескомъ. Шумно хлынулъ дождь. Казалось, самого воздуха уже нѣтъ больше, одно море—яростное, бушующее, свирѣлое. Пассажиры второго класса боязно ловыскакали изъ каютъ. На палубѣ былъ цѣлый адъ. Гремучій стонъ, бушующіе удары вѣтра, волны, хлеставшія черезъ бортъ, ослабительный блескъ молній, одуряли человека. Люди метались, ладали, искали куда бы скрыться, зывали о помощи. Пароходъ трещалъ, гнулся. Какъ щелку его бросало съ волны въ пропасть и опять на волну. Каждый инстинктивно, ощуявъ хватался за что пришлось, лишь-бы удержаться. Ужасъ бури усиливался съ каждымъ мгновениемъ. Въ борьбѣ съ нимъ люди изнемогали, теряли сознаніе. Шумавинъ стоялъ возлѣ большой мачты и держался за обручъ, ничего не видя предъ собой, съ жуткимъ страхомъ въ душѣ, любясь величавою картиной, вникая въ оглушающій шумъ бури. Онъ глядѣлъ въ эту разбушевавшуюся тьму и невольно содрагался, когда молнія освѣщала темныя, суровыя, блѣдно-тревожныя лица приумолкшихъ Черногорцевъ. Страхъ быстро заразителенъ, а онъ видѣлъ ясно что эти неустрашимые герои, которымъ тысяча смертей ни почемъ, теперь робѣли, блѣднѣли, дрожали.

— Отцы родные! Что жь это?... Въ стихіи обѣснана! волилъ „литераторъ“, пробираясь ползкомъ по ногамъ изжавшихъ юнаковъ.

— Држи Русса! држи! крикнуло нѣсколько голосовъ, боавшихся что и его сорветъ съ лаубы вмѣстѣ съ лѣтвшими черезъ борть бочками, ящиками, корзинами, тюками. Ем схватили и придавили къ лаубѣ. Шумавиъ все держамъ за обручъ на мачтѣ. Онъ ловималъ еще что страхъ и осмвателенъ; много грохоту и шума, но не было опаснсти пока пароходъ ровно и мѣрно переваливался съ одной стороны на другую... Но что это? Призракъ? Привидѣніе? Мгновенно набѣжавшая мечта?.. Шумавиъ дрогнулъ; вся кровь ему хамнула къ сердцу: на спускѣ лѣстницы, ведущей въ каюту, держась обѣими руками за перелла, стояла Лукреція. Онъ нѣсколько разъ выждаалъ блескъ молніи, протеръ глаза—она. Не было никакого сомнѣнія—она. Вся промокшая подъ дождемъ и вѣтромъ, она гадти широкими, лугавыми глазами, напряженно выжидая, зкѣсивъ свои губы. Блѣдное, прекрасное лицо ея казалось ицомъ статуи; только въ глазахъ на мгновенье сверкала отблескъ молніи. Шумавиъ бросился къ ней по распростертымъ ногамъ юнаковъ.

— Лукреція!.. Лукреція! вскрикнулъ онъ, схвативъ ея руку.

— Идите сюда, проговорила она, потанувъ его за руку съ лѣстницы.—Тише... держитесь...

Она ввела его въ маленькую отдѣльную каюту, едва освѣщенную трещавшею, залитою лампой, болтавшееся у потолка. Тусклое, красноватое пламя перескакивало изъ угла въ уголъ. Буря гудѣла глухо, тише чѣмъ на лаубѣ. Въ этой тоскливой полутьмѣ онъ едва могъ разглядѣть ея лицо.

— Вамъ не страшно... этой бури? спросила она.

— Были минуты—страшно... Но какъ вы здѣсь?.. Куда вы Лукреція? беспорядочно спрашивалъ онъ. Она не отвѣтила. Она держала его руки въ своихъ и подалась къ нему ближе. Слабый нервный трепетъ пробѣгалъ по ея рукамъ; глза за горѣли устойчиво, недвижно, какъ два огня; дыханье ея затруднялось.

— Лукреція, ты не отъ страха дрожишь! прошепталъ Шумавиъ приближаясь къ ея поблѣдѣвшему лицу. Она приаалась къ нему всею грудью и закинула свои руки ему и плечи...

А. НЕЗЛОБИНЪ

ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ *

XLII.

Я уже упоминалъ въ прежнихъ главахъ объ аулѣ Кутиси и его типической, чисто горской наружности. Во всѣхъ подобныхъ кавказскихъ аулахъ, все равно какому бы племени или вѣрованію они ни принадлежали, рѣзко выдаются двѣ особенности ихъ постройки: во-первыхъ, аулъ обращенъ къ солнечной сторонѣ и закрывается съ сѣвера горой, во-вторыхъ, строится такъ, чтобы представлялъ возможно сильную оборону отъ непріятельскаго нападенія. Въ виду этихъ двухъ главныхъ, вполне соответствующихъ мѣстнымъ условіямъ и характеру населенія обстоятельствъ, на остальное уже обращалось гораздо меньше вниманія, между тѣмъ какъ по нашимъ понятіямъ это остальное и составляетъ главнѣйшія условія для населенія. Горскій аулъ не принималъ въ расчетъ близость воды, ея количество и качество, количество и качество распахной земли, удобство сообщенія съ ближайшими населенными пунктами и т. п.; все это для горцевъ были второстепенныя вещи, лишь бы въ зимнее время, при отсутствіи топлива, пользоваться лучами солнца, обратившись тыломъ къ суровому сѣверному вѣтру, да имѣть возможность каждому жителю порознь и всему аулу вмѣстѣ отражать нападенія, вызываемыя или кровомщені-

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 3, 4 и 12я 1876 и 1, 2, 3я 1877 и 2 и 3я 1878.

емъ, или враждой за спорную землю, или стремленіемъ сильнаго сосѣда поработить слабѣйшаго, или честолюбіемъ какого-нибудь авантюриста и т. д., что въ теченіе тысячелѣтій составляло исключительный характеръ существованія этихъ различныхъ мелкихъ общинъ, болѣе или менѣе отличавшихся другъ отъ друга и языкомъ, и вѣрованіями, и обычаями, и наружностью, и образомъ жизни.

Кутуши, весьма значительный аулъ, съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ душъ, принадлежалъ къ обществу или племени Акуша, самому многочисленному, зажиточному, центральному въ Дагестанѣ, вольному * народу, управляемому кадіемъ. Главная часть Акушинцевъ не отличалась особою воинственностью; ихъ попытки возстанія противъ русской власти оканчивались всегда крутыми неудачами, потерей большого числа людей, разореніями. Вслѣдъ за такимъ ударомъ, Акушинцы смирялись, кланялись въ покорности, ссылались на увлеченіе ихъ сосѣдами, силъ коихъ они не могли де сопротивляться и т. л. Но время проходило, нанесенные Русскими удары забывались, зажигательныя рѣчи мусульманскихъ фанатиковъ возбуждали легковѣрную толпу и она опять рѣшалась поднимать оружіе, до новаго пораженія, тѣмъ болѣе неминуемаго, что почти открытая, удобная для движеній войскъ мѣстность Акуши не представляла ни лѣтомъ, ни зимой никакихъ особыхъ преградъ.

Послѣ овладѣнія въ 1834 году Аварскимъ ханствомъ, послѣ истребленія въ 1843 году нашихъ мелкихъ укрѣпленій, разбросанныхъ по Дагестану, что вторично передало въ руки Шамиля отнятую у него въ 1837 году Аварію и все теченіе Кара-Койсу, послѣ присоединенія къ нему всей Чечни, завѣтною мечтой имама было поднять противъ насъ Казикумухъ и Акушу и присоединить эти двѣ важныя части центральнаго Дагестана къ своимъ владѣніямъ. Эти два общества, сравнительно густо населенныя, зажиточныя, дали бы ему такіе ресурсы въ дальнѣйшей борьбѣ съ нами, какихъ не могли представить всѣ прочія покорныя ему общества. Попытки его въ этомъ направленіи не имѣли успѣха: въ 1844 году онъ успѣлъ поднять Акушинцевъ и она насъ

* Вольными мы называли общества не принадлежавшія къ владѣніямъ мѣстной аристократіи—хановъ, уцмѣевъ и др.

двинулись въ Шамгальское владѣніе, но при Кака-Шурѣ и разбиты на голову известнымъ кавказскимъ вѣстѣ Діономъ Пассекомъ, командовавшимъ тогда Алиевскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ 1846 году самъ Шамиль значительнымъ скопищемъ занялъ Кутиси, ближайшій его владѣніямъ Акушинскій аулъ, и отсюда думалъ подѣ еще разъ всю Акушу и, при ея содѣйствіи, одержать къ надѣ ожидавшимся изъ Темиръ-Ханъ-Шуры незначительнымъ русскимъ отрядомъ; а затѣмъ уже, само собою, соединились бы къ нему жители ближайшихъ ауловъ и да—почему бы и не повториться событіямъ 1843 года?... Ясное на успѣхъ было не мало. Но покойный князь пилій Осиповичъ Бебутовъ, командовавшій тогда войсками въ Дагестанѣ, собравъ нѣсколько баталіоновъ и два адрона Нижегородскихъ драгунъ (недавно переведенныхъ въ Дагестанъ изъ Грузіи, гдѣ они простояли боѣе года), двинулся съ ними къ Кутиси такъ быстро, что общее возстаніе Акуши еще не успѣло совершиться, и обращая вниманіе на положеніе аула, амфитеатромъ поднимающагося вверхъ по крутому склону горы намъ недолиной, гдѣ каждая каменная сакля сама по себѣ представляетъ трудно одолимую крѣпость, на узенькіе переулки, улоръ обстрѣливаемые изъ амбразуръ и дверей всякаго а, прямо повелъ войска на штурмъ аула, въ которомъ жителей было при Шамилѣ до трехъ тысячъ горцевъ двумя орудіями. При этомъ драгуны дебютировали своей походъ на сцену Дагестанской войны изумительнымъ подвѣ: они въ карьеръ пустились въ атаку на аулъ и не въ по тѣснымъ закоулкамъ въ одинъ конь, рубили на во и на дѣво горцевъ, охваченныхъ лавкой отъ этого иданнаго войска. Блестательная атака совершилась съ ою быстротой что самъ Шамиль едва успѣлъ вскочить коня и уйти изъ сѣкли, въ которой онъ расположился, видно не думая такъ скоро покинуть Кутиси. Большой улъ въ котѣромъ онъ сидѣлъ на коврѣ, стѣкира ѣздикъ о всегда за нимъ лапача и одно изъ двухъ бывшихъ съ о орудій остались въ нашихъ рукахъ. Погубилъ огромнотю потерю, имамъ бѣжалъ и мечты его разсѣялись прагъ. Акушинцы благодарили Аллаха что не успѣли возтъ и могли утѣрять въ своей покорности.... Кутисинцы достаточно пострадали и отъ реквизицій Шамилевскаго

околица, и отъ нашего отряда. Сады, въ видѣ разоренныхъ есадей, оставались долге и видны были еще въ 1851 году.

Послѣ этого были построены укрѣпленія Ходжа-Магъ и Цудахаръ, обезпечившія и Акушу и наши сообщенія съ Казикумухомъ отъ серьезныхъ попытокъ Шамиля. Кроме того, въ Кутиши на зиму располагался баталіонъ съ двумя орудіями, прикрывавшій и самый аулъ, и ближайшую къ нему мѣстность отъ непріятельскихъ вторженій, принавшихъ тогда уже не характеръ политическихъ предпріятій съ цѣлью возмутить край, а простыхъ хищническихъ набѣговъ для увода лапанныхъ и угона стадъ у тѣхъ жителей, которыхъ не удалось изъять изъ покорности Русскимъ.

Прибывъ въ аулъ, баталіонъ нашъ расположился по квартирамъ въ отведенныхъ сакляхъ. Каждый старался устроиться по возможности комфортабельнѣе; окна заклеивали намасленною бумагой, двери завѣшивались какимъ-нибудь коврикомъ, земляной полъ покрывался войлоками; солдаты устраивали себѣ нары изъ разныхъ привезенныхъ матеріаловъ и широко пользовались провіантскими кулами и рогожами вмѣсто ковровъ и войлоковъ; для ротныхъ кухонь складывались вѣчто въ родѣ печей со вмазанными въ нихъ большущими котлами. Единственное толаиво у жителей—кызякъ не могъ удовлетворять всѣхъ нашихъ потребностей, и потому мы цѣлыми ротами, по очереди, ходили по окрестнымъ полямъ и собирали сухой бурьянъ, растущій въ громадномъ количествѣ на этой каменистой, безплодной почвѣ. Горбъ онъ хорошо, даже хлѣбъ пекли солдаты на немъ; но сборъ его портилъ людямъ руки и они умудрились сострять себѣ изъ разныхъ лохмотьевъ что-то въ родѣ рукавицъ. Эти наряды за бурьяномъ доставляли, впрочемъ, людямъ нѣкоторое развлеченіе, особенно въ хорошую погоду; а то отъ бездѣлья и отсутствія движенія скука одолевала ихъ таки изрядно.

— Эй, выходить за бурьяномъ, раздавались голоса ефрейторовъ по саклямъ. Тотчасъ начинались шуточки и остроты.

— Слышь, Афанасьевъ, въ лѣсъ за дровами зовутъ.

— Микитинъ, перчатки надѣнь, неравно съ барышнями пострѣчаешься.

Кутишанцы говорятъ аварскимъ нарѣчіемъ; разговоръ ихъ, особенно женщинъ, сопровождается крайне непріятными для слуха прищелкиваніями, чмоканьемъ, хрипѣньемъ,

ими-то гортанными звуками, напоминающими иногда гром-лаканіе собаками жидкости. Уморительно бывало, когда щины поздорать и затараторять,—а это у нихъ поминко случилось,—тутъ уже польется потокъ какихъ-то ихъ звуковъ, вовсе непохожихъ на человѣческій говоръ. Мужскость мужчинъ и женскость, почти безъ исключенія, ма не привлекательна. Весьма некрасивый типъ лица, схожій ни на монгольскій, какъ у Кумыковъ и нѣкоторъ Кабардинцевъ, ни на кавказскій, какъ у Черкесовъ ристіанскаго населенія Закавказья, ни на персидскій, обладающій въ мусульманскихъ провинціяхъ края, ни да на чеченскій или лезгинскій, напоминающій по преобладанію числу русскихъ, даже свѣтлорусыхъ людей, народы се сѣверныхъ, европейскихъ странъ. Костюмъ некрасивѣе среднее между черкесскимъ и татарскимъ, причѣмъ имѣетъ алаяватый, неуклюжій видъ. Вообще, повторяю, щины своею наружностью уступали почти всѣмъ дру-мъ многочисленнымъ племенамъ Кавказа, съ которыми пришлось знакомиться. Женщины въ длинныхъ ру-кахъ синяго, преимущественно зеленого коленкора, об-лаго по рукавамъ и подола красными или желтыми сит-ыми полосками, на головахъ бѣлыя повязки, на ногахъ а же обувь какъ у мужчинъ, то-есть неуклюжій кожа-чувакъ и почти до колѣнъ обмотанный ремешкомъ ку-бѣлаго войлока—все, и повязка и рубаха, грязны до роютной степени. Всѣ горцы о мытьѣ бѣлая и по-е не имѣютъ: разъ надѣлъ рубаху, какъ есть изъ отрѣ-го отъ всей штуки зеленого коленкора, десащагоса ичнымъ крахмаломъ, и носятъ до тѣхъ поръ пока кло-е полетятъ. Представьте же себѣ, каково это должно у женщинъ занятыхъ приготовленіемъ кизаковъ по-еу простому ручному способу. Къ особенностямъ ко-а нужно причислить тулупы, длинныя до лятъ, съ ши-ми откидными воротниками и длинными рукавами, по-ежно къ виду оживающимися и служащими только укра-мъ, ибо рукъ въ нихъ никогда не видѣваютъ. Чѣмъ бо-или нечетяне человѣкъ, тѣмъ шуба его полнѣе, рука-ица, до самой земли, воротникъ ниже, больше об-иваетъ плечи и даже украшенъ двумя-тремя овечьими-иками, точъ въ точъ какъ еще недавно дѣлались у со-хъ и кунныхъ воротниковъ нашихъ дамъ. Изъ этихъ

туалуловъ, особенно мушнымы, почти никогда не выгоняютъ женщины, какъ работающія, чаще оставляютъ ихъ дожидаться же развѣ когда нужно поѣхать подальше или выехать за какую-нибудь работу потяжелѣе.

Во время нашего вступленія въ Кутуши всѣ жители были молотѣбой хлѣба на искусственно устроенныхъ платно укатанныхъ площадкахъ. Пара бычковъ волокла доску, подбитую острыми камешками, на коей сидѣли гонимыя; сволны превращаются въ макину (саманъ), которую же вѣютъ. (Въ это время пройти по аулу просто казаніе: глаза занеситъ пылью носсающа по всему аулу, а мелкій саманъ пробирается и въ волосы, и въ платье, и въ носъ, и въ ротъ; кашель стоитъ всеобщій, на каждомъ шагу слышится чиханіе.) Покончивъ съ молотѣбой, Кутушцы принялись за уваживаніе своихъ пахотныхъ терсоковъ, разбросанныхъ въ ближайшей окрестности аула склонамъ горъ. Цѣлый день сновали взадъ и впередъ съ навозомъ; бѣднымъ бычкамъ доставалось ужасно: они употребляютъ вмѣсто коута дивныя палки съ длиннымъ гвоздемъ на концѣ и тычутъ ими несчастное животное, которое жметса и какъ-то судорожно напрягаетъ свои силы чтобы шибче двигаться. Бычки тамъ малеы какъ обыкновенно вездѣ въ горахъ, гдѣ скотъ очень мелокъ и въ сравненіи съ нашимъ степнымъ скотомъ проекажется теленкомъ.

Покончивъ съ уваживаніемъ, Кутушцы успокоились отъ трудовъ и до половины марта предавались полному *far niente*. Накинувъ свой туалувъ, сидѣть или лежать въ сухую погоду на крышѣ своей сакли, или на каменіи своихъ дверей, курить трубочку, стругаетъ кияжаными ножиками щелку, поджидая собесѣдника. Иногда въ сырую ночь зажгутъ гдѣ-нибудь на площадкѣ кучку дыма и разсѣдутся кругомъ два-три десятка съ трубочками въ зубахъ; а молодежь-мушнымы подъ звуки пискливой зурнеи уклуже выплассываютъ. Въ особо солнечные дни, въ которые не рѣдко въ декабрѣ и январѣ мѣсяцѣ между 11-часами дня бывало такъ тепло что мы оставались въ это время на воздухѣ въ однихъ сюртукахъ,—на нѣкоторыхъ площадкахъ разляжется праздная толпа и съ утра до вечера курить, ведетъ вялый разговоръ, бессмысленно глядя то на работающихъ женщинъ, то на какую-нибудь

тощую корову, разовъ лять уже напоенную, но напрасно жалобно мычащую о гороточкѣ саману; изъ экономіи, да и по ограниченному количеству корма, скотъ въ нерабочую пору оставляютъ въ проголодь и почаще гоняютъ къ водопой, думая этимъ даровымъ продуктомъ поддерживать его силы.

Между тѣмъ женщины работаютъ цѣлый день: то дѣлаютъ кизаки, нааѣливая ихъ для сушки на стѣны, то ткутъ сукно, очень ловко и быстро перебрасывая мотки шерсти съ одного конца въ другой, прибывая всякій разъ желѣзнымъ гребнемъ; то прядутъ или размыкаютъ шерсть; то таскаютъ снопы, или корзины съ саманомъ, то готовятъ лепешки и варятъ ужинъ, то подметають соръ, то таскають воду, однимъ словомъ—всю жизнь безъ устану работаютъ, сгибають подъ непосильными тяжестями спину. Всѣ старухи уже такъ и остаются въ согнутомъ положеніи, безъ возможности выпрямиться. За все это въ награду женщина пользуется презрительнымъ отношеніемъ высшаго существа, мужчинъ, и даже мальчикъ, едва вышедшій изъ 7—8 лѣтняго возраста, уже съ высоты своего величія относится къ родной матери.

На всѣхъ перекресткахъ аула кучи грязныхъ мальчишекъ стрѣляютъ изъ лука камешками или играютъ въ мячи.

Пять разъ въ день въ окнѣ мечети появляется мулла звать правовѣрныхъ на молитву. Какимъ-то особымъ голосомъ, напоминающимъ ночныя зазыванія голодныхъ шакаловъ, какими-то звуками въ родѣ отрывистаго воя, однимъ словомъ, чѣмъ-то крайне унылымъ, тоскливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно смѣхъ вызывающимъ, раздавался голосъ почтеннѣйшаго муллы, и всякій разъ, бывало, нѣсколько собакъ въ разныхъ концахъ аула поднимутъ вой... По временамъ чаушъ (десатскій) взберется на крышу возвыситься аулу какое-нибудь приказаніе кадія. Голосище здоровенный, и защелкаетъ, захлебнется онъ, а въ отвѣтъ раздается съ разныхъ крышъ: „слышимъ, слышимъ!“

Жизнь наша въ аулѣ была скучна, однообразна до нѣльзя. Два-три офицера, два-три юнкера, съ которыми я болѣе сблизился и каждый день по нѣскольку разъ сходился, не обладали большимъ заласомъ образованія и начитанности, чтобы разговоры могли поддерживаться съ особымъ инте-

ресомъ. Все больше вертѣлись на служебныхъ предметахъ, на воспоминаніяхъ о разныхъ эпизодахъ походовъ и военныхъ дѣйствій или мелкихъ приключеній въ средѣ прекраснаго пола разныхъ укрѣпленій и штабъ-квартиръ. Нѣкоторое исключеніе составлялъ бывший у меня въ ротѣ рядовой Алексѣй Т—въ, сосланный по дѣлу Петрашевскаго. Побочный сынъ одного графа, онъ выросъ въ Костромѣ, кончилъ тамъ гимназію и затѣмъ поступилъ въ Московскій университетъ, изъ коего чрезъ нѣкоторое время перешелъ въ Петербургскій, на восточный факультетъ. Здѣсь, не успѣвъ уйти дальше арабской азбуки, онъ попалъ въ кружокъ молодежи затѣявшей агитацію среди рабочихъ, извозчиковъ и т. л., и кончилъ ссылкою рядовымъ на Кавказъ. Человѣкъ онъ былъ не дюжимымъ, не безъ таланта, и даже упражнялся не безъ удачи въ стихотворствѣ, но поверхностный и безпринципный. Сколько разъ мы съ нимъ ни возвращались къ интересовавшей меня темѣ о цѣляхъ и стремленіяхъ кружка Петрашевскаго, я однако никакъ не могъ добиться чего-нибудь яснаго, положительнаго; туманныя фразы, неясныя опредѣленія, какая-то несознанная перспектива дѣятельности, вотъ все что онъ могъ мнѣ передать. Даже собственную свою роль въ этомъ печальномъ дѣлѣ онъ никогда не могъ, или не хотѣлъ мнѣ передать подробно. Тѣмъ не менѣе онъ былъ единственный человѣкъ съ которымъ можно было поговорить и о литературѣ, и о музыкѣ, и о сущности нѣкоторыхъ намъ, кавказскимъ дикарямъ, тогда почти неизвѣстныхъ матерій, въ родѣ произведеній Фурье, Фейербаха и др. Я уже упоминалъ выше какимъ взглядомъ руководствовался нашъ полковой командиръ въ отношеніи всякихъ разжалованныхъ, и особенно политическихъ; поэтому мое сближеніе съ Т—вымъ, нарушавшее къ тому же строгія требованія дисциплины, могло грозить намъ обоимъ нѣкоторою опасностью, тѣмъ болѣе что майоръ Д—цкій готовъ былъ воспользоваться всякимъ случаемъ для каверзы противъ меня, наиболѣе имъ гонимаго офицера. Оттолкнуть совсѣмъ Т—ва и третировать его какъ простаго солдата я не могъ и не хотѣлъ, но осторожности ради я требовалъ отъ него несенія службы наравнѣ со всѣми рядовыми въ ротѣ и приказывалъ его наряжать по очереди повсюду, такъ что для виду, возвращаясь съ бурьяномъ, заставлялъ и его нести вязанку, хотя и собранную не его руками...

День за день, сегодня какъ вчера, тянулось время. Ученій негдѣ было производить, другихъ служебныхъ занятій почти никакихъ; прогулка кругомъ сакаей, немножко чтенія старыхъ журналовъ, дурачества въ родѣ того кто дальше броситъ камень или попадетъ имъ въ цѣль и получить призъ „на трубку табаку“, или кто скорѣе скажетъ риему къ данному слову и т. л., разнообразились гаулами выходками майора, его безпричинными грубыми распекаваніями, или мелкими неказистыми прикаюченіями нѣкоторыхъ нашихъ сослуживцевъ, томившихъ время въ чаркѣ.

Единственнымъ развлеченіемъ были командировки съ ротою въ ближайшія укрѣпленія за полученіемъ провіанта, на что употреблялось три дня времени, или бѣганіе на тревоги. Первое доставалось довольно рѣдко, разъ въ полтора-два мѣсяца. Большею частью хаживали мы въ укрѣпленіе Аймаки, гдѣ тогда стоялъ съ 3мъ баталіономъ нашего полка полковникъ Константинъ Петровичъ Кауфманъ (имѣя туркестанскій генераль-губернаторъ). Онъ весной 1852 года былъ переведенъ къ намъ въ полкъ и мы смотрѣли на него какъ на будущаго полковаго командира. Провелъ вечеръ-другой въ Аймаки, приходилось завидовать 3му баталіону, получившему такого командира: вѣжливый, добрый, внимательный, онъ въ этомъ жалкомъ заброшенномъ въ грущобу укрѣпленіи дѣлалъ жизнь своихъ офицеровъ пріятною, тогда какъ намъ съ неугомоннымъ, назойливо-противнымъ Б—чемъ скверная и безъ того жизнь въ аулѣ становилась вдвое сквернѣе. Помню одинъ вечеръ, кажется наканунѣ новаго 1853 года, проведенный мною у Константина Петровича, когда онъ и его супруга коротали время громкимъ чтеніемъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* одного изъ романовъ Диккенса, и отъ души хохотали надъ уморительными, комическими фигурами Титмарша и его товарищей.

Второе, т. е. бѣганіе на тревоги, бывало чаще и всякій разъ возбуждало ускоренное бѣженіе сердца, волненія, игру воображенія.. Не азираа на постоянныя разочарованія, ибо бѣганіе кончалось *пустою тревогой*, безъ встрѣчи съ непріателемъ, а сѣдовательно безъ драки и видовъ на награды,—стоило только раздаться барабанной тревожной робой, какъ все кидалось къ ружью, офицеры на лошадей и везлось въ перегонку въ гору, по узкой устланной камнями

дорожки на кутайинскія высоты, и увы! запыли достигали высшей точки, чтобы убедиться въ напрасн трудахъ. А *бѣжали* мы на тревогу въ буквальный см слова: *верста шесть въ гору дѣлавали въ часъ* и отсы бывало не болѣе 10—15 человекъ, оказывавшихъ кую-нибудь четверть часа. Отдохнувъ съ часъ на тахъ, раздосадованные, мы возвращались въ аулъ, тамъ не могли добиться толкомъ—что, какъ и почему? Д жалъ, говорить, Татаринъ съ извѣстiemъ что „парти“ сдилась съ той или другой стороны или, угнавъ скотъ, возвращается чрезъ высоты. Но куда она дѣвалась, успѣла уйти, или взяла другое направленіе, или извѣстіе фальшивое, такъ и оставалось скрыто подъ мракомъ вѣстности. Только выругаешься бывало огорача, а все-таки рады: хоть чѣмъ-нибудь да тоску разогнали. Солдаты и тѣ отдохнувъ отъ *бѣга*, пробавлялись шуточками и остротами, довольные что поразмыслили.

Съ Темиръ-Хан-Шурой поддерживались постояннышенія посредствомъ оказій, для прикрытія коихъ нрлось человекъ сорокъ при субалтеръ-офицерѣ. На тый или десятый день оказія возвращалась, привозила продукты, почту, доставляла выписавшихся изъ госп людей и т. п. А чрезъ пять, шесть дней вновь посылалась такая же оказія.

День возвращенія оказіи составлялъ для насъ орода событіе. Около полудня все вносилао изъ мрачныхъ саклей и стремилось по дорогѣ за версту двѣ на встрѣчу. И хотя всякій разъ ожиданія такъ сбывались какъ и на тревогахъ, но тѣмъ не менѣе дни непремѣнно начинались болѣе оживленные разн чего-то ждали, новостей, писемъ, какихъ-нибудь особ извѣстій, распоряженій. Даже жители аула, безучаст алатичные и ужь конечно ничего не жаждущіе отъ нашей оказіи, и тѣ приподнимаются и кучками садутъ крышахъ крайнихъ домовъ, или выйдутъ шмее и на бѣшихъ къ дорогѣ горкахъ расположатся въ видѣ нѣкельныхъ пикетовъ, въ своихъ неизбѣжныхъ тулупахъ безобразныхъ мѣховыхъ шалкахъ.

Но вотъ показался впереди офицеръ—начальникъ о. Его окружають и осылають вопросами: ну, что новы

слышно, почту привезли, письма есть, мяф, а мяф, книгу взяли из библиотеки, табакъ привезли, а кахетинскаго? Человѣку не даютъ вздохнуть и тотъ тодько отрещивается:

— Да, ей Богу, господа, ничего новаго нѣтъ. Почту привезъ, да все казенные пакеты и нѣсколько солдатскихъ писемъ. Покулки все на повозкѣ первой роты,

— Одако, какъ же это, не можетъ быть, чтобы въ Шурѣ ничего не слышали?

Тотъ тодько рукой махаетъ. Въ самомъ дѣлѣ что въ Шурѣ, зимой, да еще прапорщику, съ его кругомъ знакомства, могло сдѣлаться извѣстнымъ, имѣющимъ общій интересъ?

Офицеръ наконецъ отдѣлался и отправился къ майору явиться съ рапортомъ о благополучномъ прибытіи и сдать почту; остальные расхватаютъ ожидаемыя покулки и чрезъ часъ аулъ одушеветъ, все скроется по своимъ норамъ.

Опять тишина; опять безконечное переливаніе изъ пустого въ порожнее; опять умытое зазываніе муллы, не менѣе душу и уши терзающее упражненіе баталіонныхъ гарнизонъ, или дисклаивый фальцетъ разсирѣлывшаго майора, распекающаго кого-нибудь. Смеркается. Изъ-за бумажныхъ окошечекъ одной почти не видать; на улицахъ совсѣмъ пусто, развѣ пройдетъ гдѣ-нибудь офицеръ съ конвойнымъ солдатомъ (безъ оружія и конвой ночью опасно было ходить по аулу, фанатики находились и между самыми лоялимо-му мирно-апатичными жителями) или фельдфебель за приказаніемъ; пробыть у сака баталіонную зорю и все смолкнуть, замреть до утра. Остается одинъ въ сырой сакаѣ прострѣтвомъ въ 5—6 квадратныхъ аршинъ, лежешь на своихъ судачки и читаешь, куришь, думаешь до одури, до галлюцинацій...

До чего скука одолевала и солдатъ можно видѣть изъ спя-
вующаго: съ одною оказіей солдатикъ ухитрился привезти контрабанду—живаго поросенка (жители возопіали бы увидѣвъ у себя свинью...) и все капральство возналось и дрсирова-
ло его до того что поросенокъ сталъ выдѣлывать раз-
ныя уморительныя штуки: бѣжалъ на зовъ, взбирался на
зары, хрюкалъ по приказу, наконецъ, верхъ его искусства
на вопросъ: какъ солдатъ дѣлаетъ казенную работу? поро-
енокъ медленно, еле-еле переставлялъ переднія ноги, а на
вопросъ: какъ солдатъ дѣлаетъ свою работу? торопливо то-
палъ ногами. Просто, мало вѣроятно, и я по крайней

мѣръ не предполагалъ чтобы свикая порода была понятлива, но я рассказываю фактъ. Былъ у нихъ еще молодой гусь, котораго приучили гоготать при клучкѣ, и по зову и садиться на плечо, и т. я.

Въ теченіи зимы выдался однако свѣтлый, радостный день. Это было 24го октября. Мы, обыкновенная компанія, сѣвшая большая часть на молотильную площадку, вдалекѣ отъ моей сакаи, сидѣли, болтая и покуривая. Вдругъ барабанъ ударилъ тревогу. Не прошло секунды, площадка уже не было никого, все бросились въ свои ли надѣть сюртуки, взять шашки; солдаты какъ муравьи выползали изъ своихъ конуръ, и роты построившись на назначенныхъ мѣстахъ, ждали своихъ командировъ. Черезъ 5—10 минутъ уже раздавалось въ разныхъ углахъ аула, рово, братцы“ и „здравія желаемъ, ваше благородіе“. „На во, скорымъ шагомъ, маршъ“; все тянулось въ гору къ аулу. Одна очередная, дежурная рота осталась въ аулѣ прикрытія, остальныя три съ двумя горными орудіями ушли, какъ я уже говорилъ. Порядка сѣдованія роты назначалось, все торопилось и кто скорѣе possible въ выходу изъ аула въ гору, тотъ и оказывался впереди, въ самой дорогѣ уже обогнать не было возможности. Въ этотъ разъ, впрочемъ какъ и всегда, оказалась впереди 1-я и катерская рота капитана Броневскаго (объ немъ скажу еще); она занимала крайнія сакаи и была ближе всего къ выходу изъ аула; за нею очутился я со 2-ю ротой, за нами вытянулись горныя орудія, а въ хвостѣ 1-я гренадерская рота и при ней самъ нашъ главнокомандующій майоръ. День былъ ясный, теплый, одинъ изъ прекраснѣйшихъ осеннихъ дней; много солдатъ было въ шивелкахъ, и въ однихъ рубахахъ, иные въ полушубкахъ, не успѣвшихъ сбросить при выходѣ изъ сакаи; эти послѣдніе были утирали ручки лота и вдобавокъ выслашивали остальныхъ сылавшіеся со всѣхъ сторонъ. „Братцы, глянь-ка, Дулаака совсѣмъ окоченѣлъ; давай его оттирать“ и смехъ хохотъ раздается по рядамъ. А люди между тѣмъ работаютъ ногами, какъ истые скореходы. Оглянемся, въ роты рѣже рѣже, и крикнишь „не отставать“ и опять бавляютъ шагъ, ужь очень только слабые два-три человека въ изнеможеніи опустятся на косягоръ, съ досадою поглядывая мимо чужую роту.

шли мы на высоты, свѣжій вѣтерокъ охватилъ всполыхающихъ людей, говоръ затихъ, всѣ стали оглядываться: же непріятель? Ничего не видно; опять будетъ то же и всегда, пробѣгали напрасно и назадъ. Однако чрезъ только минуту лѣя рота тронулась впередъ къ лѣвному мѣсту, куда всегда во время тревогъ мы дохоряди родниковъ и возможности людямъ воды напиться и орудія при мѣ; гранадеры же еще не вышли въ гору. Прошли мы по слегка поднимающейся кисти еще съ версту, оглядываемся—о, радость и извѣстие! Нѣсколько сотъ конныхъ горцевъ поднимаются въ нашемъ по параллельной дорогѣ изъ Чогады, гоня стариковъ; нѣсколько значковъ развѣваются между ними. Эту же минуту вытянулась и вся гранадерская рота, вышедшая ближе всѣхъ къ непріятелю.

Ряды очевидно были озадачены неожиданностью нашего появленія. Они остановились, намъ видно было какъ всѣ они собрались впередъ, какъ столпилась кучка, безъ своихъ предводителей, какъ въ сторону отъ нихъ брошены нѣсколько женщинъ и мальчиковъ съ волами (это захваченные латыши), какъ наконецъ кучка раздѣлась: раздались крики лѣси: „ла-иль-ла, иль-алла“ и вся она собралась нѣсколько позволивъ ей мѣстность въ эту массу. Я очень ясно все это видѣлъ и понималъ что происходились ринуться на проломъ. Никакихъ приказаній оставшагося съ гранадерами майора я не получалъ, я видѣлъ только что онъ придвигается къ лѣвѣ и можетъ быть въ лѣвый флангъ. Отъ меня раздѣляло лѣвѣ углубленіе, родъ полуотлогой балки, чрезъ которую намъ неизбежно было проскакать чтобы попасть на вершину, ибо на Кутишинскихъ высотахъ хотя плоско и проехать можно вездѣ, но все плато разрѣзано глубокими каньонами оврагами, чрезъ который проѣхать можно только въ одномъ мѣстѣ, именно гдѣ лѣвомъ становится лагерь, и тамъ хотя съ трудомъ можно пробраться еще въ трехъ мѣстахъ, но дальше въ обѣ стороны на значительномъ разстояніи. Оставивъ унтеръ-офицера съ двадцать радомыми при орудіяхъ, ставшихъ по распоряженію офицера, штабъ-капитана Карлгофа, на позицію такъ, какъ быть сверху внизъ когда непріятель спустится въ долину, а съ ротой прошелъ лѣвѣ, какъ разъ противъ

фронта двигающейся партіи. Какъ только горцы окончательно устроились, они пустились маршъ-маршъ къ балочкѣ; гренадерская рота пустила имъ въ бока залпъ на разстояніи какихъ-нибудь 300 шаговъ; но тогдашнія наши кремневые ружья, тогдашніе стрѣлки, особенно при торопливости и дрожаніи рукъ залыхавшихся людей, не произвели дѣйствія; горцы, не обращая никакого вниманія, проскакали мимо. Но только что они начали спускаться въ балку, раздалось „пи!“ и два картечныхъ выстрѣла, въ какихъ-нибудь 50—60 саженьяхъ разстоянія, хватили прямо въ кучу; нѣсколько секундъ новая картечь прозвѣтѣла, въ балочкѣ произошло ужасное кувырканіе лошадей, людей и съ криками Алла-Алла, уже не кучей, а въ разсыпную бросились горцы на меня. Шагахъ можетъ быть въ 80 не болѣе пустила имъ рота на встрѣчу залпъ и съ этой минуты началось уже не дѣло съ неприятелемъ, а какая-то травля, охота, одиночныя ратоборства разсыпавшихся кругомъ почти одиночныхъ людей. Возлѣ меня остался барабанщикъ Величка, унтеръ-офицеръ Должиковъ и едва ли человекъ пять-шесть солдатъ; все остальное бросилось бить штыками, прикладами, ловить лошадей; никакой команды, никакихъ приказаній некому было отдавать; да и что бы я могъ приказывать, когда поле сраженія превратилось въ охоту за весущимися и бѣгущими во все стороны оторопѣвшими горцами?

Между тѣмъ, все что успѣло проскакать мимо орудій и моей роты стремилось къ оврагу чтобы скорѣе яробраться на ту сторону, и должно-быть капитанъ Бровевскій плохо распорядился, потому что хоть и въ разсыпную, но горцы успѣли таки болѣею частью проскакать чрезъ оврагъ. Если бы онъ свою роту расположилъ на самой дорогѣ, то неприятелю ничего бы не осталось какъ бросить всѣхъ лошадей и спастись пѣшкомъ, бросаясь по кручамъ въ оврагъ; а рота-то его, какъ оказалось послѣ, вмѣсто того чтобы оставаться на мѣстѣ, увидавъ заварившуюся въ моей сторонѣ кавказъ, пустилась сюда же бѣгомъ чтобы скорѣе принять участіе въ дѣлѣ, и смѣшавшись съ моими людьми занялась добиваніемъ слѣженныхъ, одиночныхъ горцевъ, чѣмъ партія и воспользовавшись проскочивъ по дорогѣ чрезъ оврагъ. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, встрѣтивъ за моею ротою бѣгущую на встрѣчу 1ю мушкетерскую роту, въ испугъ возвраща-

лись и попадали опять на моихъ людей или побѣждавшихъ сюда же гренадеръ и сами собою гибли. Вообще каша была невообразимая, увеличивавшаяся еще тѣмъ что вмѣстѣ съ нами на тревогу выбѣжали нѣсколько десятковъ Кутишинецъ; смѣшавшись съ неприятелемъ ставили солдатъ въ тупикъ своими криками, защитой горцевъ отъ ударовъ солдатскихъ штыковъ и наконецъ тѣмъ что многіе солдаты не могли различить Кутишинецъ или мюридъ предъ ними.

Такъ или иначе, дѣло окончилось блистательно. Партія около шестисотъ человекъ, подъ предводительствомъ Куядинскаго князя Муса-Дебира, на разсвѣтъ 24го октября прошла чрезъ Кутишинскія высоты между аулами Хахиту (солдаты изъ Малороссіи передѣлали въ Когуты, то-есть лѣтухи) и Тюмень-Чогаи, отбила пятьсотъ барановъ и захватила нѣсколько лѣтяныхъ. Одинъ изъ Чогаинскихъ жителей какъ разъ въ эту минуту садился на лошадь, собираясь ѣхать куда-то по дѣлу; при первомъ появленіи партіи и нападеніи на лѣстуховъ, онъ дальнимъ объѣздомъ поскакалъ въ Кутиши и далъ знать старшимъ, тотъ Б. и вотъ произошла тревога; въ этотъ разъ, благодаря случайной готовности верховнаго Чогаинца, баталіонъ вовремя послѣлъ на высоты, единственный путь отступленія неприятеля. Встрѣча съ нами обошлась партіи очень дорого: убитъ самъ предводитель Муса-Дебиръ, отбита вся захваченная ими добыча, нѣакомъ возвращенная жителямъ; взято три значка; два серебряныхъ знака сняты съ убитыхъ (эти знаки давались Шамилемъ за особые отличія въ битвахъ съ Русскими и были нѣсколькихъ степеней и видовъ); взято въ лѣтъ четырнадцать лѣтяныхъ, въ томъ числѣ большинство сильно израненныхъ, до пятидесяти лошадей съ сѣдлами, довольно много оружія. Что касается убитыхъ, то ваалось не мало тѣлъ, особенно въ балочкѣ, гдѣ дѣйствовала картечь; тутъ же и лошадей убитыхъ и искалеченныхъ было тоже довольно; въ разныхъ мѣстахъ крутомъ тоже видѣлись тѣла; но Кутишинцы такъ усердно и торопливо подбирали ихъ, стараясь оказать своимъ единоплеменнѣ послѣдній долгъ, что сосчитать намъ тѣлъ не пришлось, да и не особенно хлопотали мы объ этомъ. Прикрасо, можно было сказать что ихъ было отъ тридцати до сорока. Будь у насъ хоть одна компанія, конечно русской.

не туземной, едва ли бы удалось спастись и четвертой части всей этой партіи, даже послѣ того какъ она успѣла проскакать черезъ оврагъ. Черезъ часъ или больше послѣ побоища, мы увидѣли вдали поднимавшуюся въ гору отъ Аѣмяковъ какую-то конницу, очевидно нашу, но тогда партія уже почти достигла высшей точки горнаго плато при спускѣ къ своимъ непокорнымъ владѣніямъ, и преслѣдовать ее тамъ не было возможности. Въ послѣдствіи мы узнали что видѣнная нами конница была Мехтулинская милиція съ нѣсколькими аварскими всадниками конно-иррегулярнаго полка, съ которыми правитель Мехтулинскаго владѣнія майоръ Лазаревъ, Иванъ Давыдовичъ (имѣя извѣстный начальникъ колонны штурмовавшихъ Карсъ) получивъ извѣстіе о прорывѣ партіи, поскакалъ на высоты, но не успѣлъ стать ей на перепѣзъ.

Съ нашей стороны потеря была самая ничтожная: раненъ легко въ руку кинжаломъ мой субалтернъ-офицеръ подпоручикъ Свѣчинъ и лять человѣкъ солдатъ, всѣ кинжалами, но не тяжело. Стрѣлять непріятелю уже некогда было и только нѣкоторые лѣшіе, не видѣвшіе уже спасенія, выхватывали кинжалы, противъ штыка мало дѣйствительныя.

Во время этого дѣла было нѣсколько эпизодовъ выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ сценъ. Изъ нихъ три происходили на моихъ глазахъ и я ихъ до сихъ поръ такъ живо помню и какъ бы вижу со всеми оттенками физиономій дѣйствующихъ лицъ что намѣренъ разказать ихъ здѣсь, хотя для нервовъ читателя невоеннаго они могутъ быть и не совсѣмъ привлекательныя.

Нѣкоторые изъ офицеровъ, не успѣвшіе сѣсть на лошадей или не имѣвшіе ихъ вовсе, уже не помню, но были зѣшми. Изъ нихъ подпоручикъ Свѣчинъ, вдругъ вижу, выхвативъ шашку, бѣжитъ за уходящими съ кинжаломъ въ рукѣ горцемъ; еще секунда, Свѣчинъ догоняетъ, поднимаетъ шашку и въ тотъ мигъ когда долженъ совершиться ударъ, сынъ хозяина моей сабли въ Кутими подкакивается и поднимаетъ руку, желая прикрыть, защитить ширинку; но Свѣчинъ, лично знающій моего хозяина, уже не успѣваетъ одуматься или удержаться, ударъ шашки блеснулъ и рука Кутимина ниже локтя отлетѣла перестыченная какъ сабляная сѣтка; кровь фонтаномъ, *букалоно фонтаномъ*, брызнула вверхъ, у меня прямо въ глазахъ ударило...

— Свѣчинъ, Свѣчинъ, что вы дѣлаете, вѣдь это мой хозяинъ? крикнулъ я ему и подскакалъ, боясь чтобы онъ не нарубилъ бѣдняка совсѣмъ.

— А чортъ ему велѣлъ соваться не въ свое дѣло!

Бѣднякъ между тѣмъ припадалъ на колѣна, лицо искажалось, почернѣло, изъ руки бьетъ ключомъ кровь, а спасенный мюридъ какъ истуканъ стоитъ и смотритъ на насъ вѣхъ; я едва добилась цирюльника своей роты, у котораго были бинты, и приказалъ перевязывать руку своему несчастному хозяину, какъ мюридъ наконецъ опомнился и разомъ бросился на Свѣчина; тотъ успѣлъ уклониться въ сторону, такъ что кивкалъ только слегка задѣвъ его руку, а мюридъ пустился бѣжать; барабанщикъ мой Величка видѣлъ эту сцену и не долго думая пускается за бѣгущимъ горцемъ, догоняетъ его и наноситъ ему по затылку такой ударъ поднятымъ съ земли камнемъ что тотъ падаетъ мертвымъ....

Удивительный ударъ Свѣчина, отскочившій руку какъ свѣчку, мимовалъ горца, но камень барабанщика все равно убилъ его наповалъ. Какъ тутъ не сдѣлаться фаталистомъ?...

Другая сцена: баталіонный адъютантъ подпоручикъ Николаевъ, недавно переведенный изъ Россіи, еще не успѣлъ обзавестись хорошею пашкой, а былъ съ какою-то форменною, тупою дубиною; какъ лѣшій, онъ очутился въ хвостѣ гренадерской роты и постепенно подвигаясь вмѣшался въ общую кучу людей вѣхъ ротъ, гонявшихся за спѣшенными горцами. На моихъ глазахъ Николаевъ догоняетъ одного верзилу, огромнаго роста, косая сажень въ плечахъ, и со всего размаха хватъ его по башкѣ тупою саблей; горецъ отъ страха, не воображая конечно что имѣетъ дѣло съ тупымъ оружіемъ, валится на землю, вытягивается во весь ростъ, лицомъ къ землѣ, закладываетъ руки на голову и оцепенѣнно предаетъ себя волѣ жестокой судьбы. Между тѣмъ обернувшись онъ и лырни кивкаломъ или выхвати свою саблю и Николаеву пришлось бы удирать. Николаевъ раскраснѣвъ отъ тяжелой работы, продолжаетъ полосовать лежачаго мюрида, только дымъ летитъ изъ его ноздрей.... Я даже разсмѣялся. „Да ну, говорю; бросьте вы его къ чорту; возьмемъ его живьемъ, за что же убивать, когда онъ не защищается.“ Но въ эту минуту хозяинъ мой ужъ окончательно никогѣ не было и никому было даже двинуться на помощь, еслибы мюридъ наконецъ.

опомнился и вскочилъ на ноги. Наконецъ подбѣжали какіе-то солдаты и не успѣвъ я ротъ разинуть какъ два птыка уже вонзились въ спину человѣку, раздался стонъ, судорожныя движенія, конецъ...

Почти два часа продолжалась вся эта исторія. Наконецъ все стихло; кто успѣлъ спастись, ушелъ; непріятеля уже не было; со всѣхъ сторонъ стали сходитьсь одиночные солдаты, кто тащилъ за собою коя, кто несъ ружье или цѣлый арсеналъ, кто черкеску или папаху; одинъ принесъ серебряную татарскую печать, по которой Кутушницы и узнали въ числѣ убитыхъ науба Мусу-Дебира.

Торжествующій майоръ велѣлъ бить сборъ, и когда роты собрались и построились во фронтъ, онъ съ видомъ полководца одержавшаго побѣду произнесъ не простую благодарность, а что-то въ родѣ превыспренняго случая, изъ котораго солдаты конечно ничего не поняли. Затѣмъ, лѣсепанники впереди, мы отправились въ аулъ веселые, довольные, забывъ и утомленіе и голодъ.

Въ виду саклей, мы кстати разрядили ружья, сѣдали залъ и съ громкими ура! въ разсыльную, бросались по своимъ конурамъ къ горячимъ щамъ. Молчаливо озлобленно смотрѣли только Кутушницы, огорченные пораженіемъ хотъ и непріятеля, но все же своего единоглаго сѣда, да съ нѣкоторымъ уныніемъ и завистью встрѣтила насъ За мушкетерская рота, бывшая дежурною и вынужденная оставаться въ аулѣ. У хозяевъ же моей сакли раздавался вой бабъ, плачь ребятшекъ и толкотня сѣдей, по случаю несчастнаго удара Свѣчина... Я поспѣшилъ зайти туда, узнать о положеніи раненаго и сказать нѣсколько утѣшительныхъ словъ. Онъ впрочемъ не долго жилъ послѣ этого.

Вечеромъ, послѣ пробитія зари, майоръ Б. прислалъ ко мнѣ вѣстового съ требованіемъ явиться. Я въ этихъ случаяхъ всегда готовился къ сценѣ и ободрялъ себя не терять хладнокровія, держаться своей системы молчанія и избѣгать вспышки, могущей завлечь слишкомъ далеко. У меня же кстати былъ предъ глазами примѣръ: радовой Игнатовичъ, очень скромный и приличный человѣкъ, разжалованный изъ поручиковъ Могилевскаго лѣхотнаго полка „за нанесеніе своему баталіонному командиру удара по лицу въ раздраженіи“. Игнатовичъ служилъ не въ моей ротѣ, но я часто приглашалъ его къ себѣ, и однажды изъ ней спросилъ:

что было причиною его поступка; онъ сказалъ: „былъ у насъ батальонеръ точь въ точь Б., — вотъ и вся причина“.

Надѣвъ сюртукъ и шашку, я взялъ своего конвойнаго и отправился къ майору. Вхожу. Сидитъ онъ за столомъ и пишетъ.

— Господинъ майоръ, честь имѣю явиться; изволила требовать.

— Да, да, я посылалъ васъ *просить* къ себѣ. Садитесь пожалуйста. Эй, давайте скорѣе чаю!

Что за притча, думаю себѣ?

— Видите-съ, я объ нашемъ молодецкомъ дѣлѣ написалъ рапортъ и кажется все обстоятельно; но все же я вѣдь не мастеръ реляціи писать, а вѣдь, знаете, отъ этого зависитъ все; нужно начальству выставить дѣло съ этакой, понимаєте, стороны чтобы того, какъ бы сказать, ну, понимаєте, видны были и распоряженія и маневры, ну и кто какъ дѣйствовалъ, однимъ словомъ, знаете, такъ по-краснорѣчивѣе... Вотъ, я знаю, вы вѣдь, извѣстно всѣмъ, мастеръ по этой части, такъ прочтите-ка мой рапортъ и гдѣ нужно тамъ что прибавить или измѣнить...

— Съ большимъ удовольствіемъ; только какой-же я мастеръ, помилуйте, я увѣренъ, вы отлучко сами написали.

— Нѣтъ-съ, вы прочтите и тогда скажете. И, довольный моимъ комплиментомъ, майоръ передалъ мнѣ рапортъ на двухъ или трехъ листахъ.

Сталъ я читать. Требовалось много самообладанія, чтобы сохранить серьезный видъ и не фыркнуть со смѣху. Не говоря про безграмотность, про писарскіе обороты и фразы, подчеркнутые очевидно изъ читанныхъ въ газетѣ *Кавказъ* или въ приказахъ по арміи реляціяхъ, самая сущность рапорта была такимъ нахальнымъ *сочиненіемъ*, такою фантазіей и для мало-мальски здравомыслящаго читателя неправдоподобностью что я, тогда еще не имѣвшій случая проникнуть въ тайны *сочиненій* реляцій, былъ просто пораженъ нахальствомъ майора.

— Ну-съ, какъ же вы находите? Спросилъ онъ, когда я дочиталъ.

— Отлучко, тутъ поправлять нечего; разве можетъ быть некогого сократить; а то начальство не любитъ утомляться чтеніемъ длинныхъ бумагъ, сказалъ я чтобы удовольствовать желаніе автора засть мое мнѣніе.

— Такъ сдѣлайте же одолженіе, садитесь и поправлю вамъ *карту бланкъ*. (Майоръ щеголялъ иностранцами словами, разными остротами, каламбурами и пр., имѣя и признакомъ свѣтскаго образованія и важности.)

Весь рапортъ вертѣлся на томъ что: „назначены въ гвардію 1ю роту, я приказалъ такому-то занять позицію, сыпать взводъ 2й роты, съ орудіями отать тамъ-то и вѣять, дѣйствовать такъ-то, а самъ съ гренадерскою ротой выдвинулся во флангъ и заставилъ непріятеля броситься въ тылъ, я послалъ приказаніе 2й ротѣ примкнуть, а орудія перемѣнивъ позицію, ударить; затѣмъ, замѣтивъ что непріятель намѣревается я тотчасъ послалъ приказаніе ротѣ, а самъ со 2ю ротой“ и т. д., и т. д. все въ томъ же родѣ. Выходилъ какой то маневръ, наступленіе, отступленіе, и такія, разсыпаніе, и главное: что непріятель былъ разбитъ благодаря такимъ моимъ распоряженіямъ, а равно и моему мужеству господъ ротныхъ командировъ которые съ самоотверженіемъ руководивъ своими призами нижнихъ чиновъ шли изъ боя; а также баталіоннымъ юнкерамъ, который съ быстротой и точностью передавали подъ выстрѣлами непріятеля мои приказанія... и т. д. Затѣмъ вычисленія трофеевъ и 59 тѣлъ брошенныхъ непріятелемъ, кромѣ множества увезенныхъ имъ по обычаю съ собою раненыхъ.

Мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ исключать изъ гдѣ нѣсколько лишнихъ повтореній, для виду перемѣнивъ нѣсколько словъ и опять повторить что рапортъ такъ прекрасно написанъ, что я рѣшительно ничего болѣе и думать не могу.

Майоръ былъ проосто въ восторгѣ, жая мнѣ руку, и заговорилъ что-то о совершенномъ недоразумѣніи, бывшемъ причиною частыхъ его со мною неудовольствій, о томъ что вѣтъ ничего пріятнѣе какъ имѣть дѣло съ умными и вѣжливыми, однимъ словомъ, принималъ мои слова объ его скупости за чистую монету и, въ порывѣ торжествующаго самооболенія, воскликнулъ:

— Ахъ-съ, славная мысль сейчасъ пришла мнѣ въ голову! Я васъ командую съ доставленіемъ къ командующему войсками. Выберемъ лучшихъ двадцать пять лошадей изъ отбитыхъ, посадимъ на нихъ солдатъ и съ конными

какое-то въ на другой день можете доѣхать. Это, знаете-съ, шикъ будетъ, чортъ возьми! Вдругъ по Шурѣ вѣдутъ верхомъ Дагестанцы съ отбитыми значками; всѣ спрашиваютъ что такое? Майоръ Б. со *вѣтреннымъ* ему баталіономъ разбилъ огромную партію!... Хе, хе, хе, вѣдь это мое почтеніе-съ!

Признаюсь, грѣшный человѣкъ, я и самъ въ восторгъ пришелъ отъ гениальной идеи майора. Прокатиться въ Шурѣ, при такихъ исключительныхъ условіяхъ, еще болѣе обезпечить себѣ вѣрность полученія награды, быть нѣкоторымъ образомъ героемъ для въ *столицу*—нашей, дагестанской столицы, — въ самомъ дѣлѣ оазисъ. Я равнылся въ благодарностяхъ.

Майоръ тотчасъ же сдѣлалъ всѣ распоряженія, засуетился, призвалъ писаря и засадилъ у себя за переписываніе реаліи; потребовалъ фельдфебелей, приказалъ назначить по одному унтеръ-офицеру и семи рядовыхъ отъ трехъ ротъ бывшихъ въ дѣлѣ да горниста; послалъ за адъютантомъ, чтобы составилъ приложенія о вылученныхъ патронахъ, о раненыхъ, числѣ отбитыхъ ружей и проч. Въ довершеніе не выпустилъ меня безъ ужина и нѣсколькихъ стакановъ кахетинскаго; сыпалъ остротами, шуточками, спрашивалъ, какъ я думаю, что ему дадутъ? Ахъ на шепли золотую саблю?..

Ушелъ я отъ него наконецъ уже въ полночь.

На другой день, часовъ въ девять утра, выслушавъ многократныя наставленія майора что говорить и отвѣчать командующему войсками, я выѣхалъ изъ Кутиси съ 25ю коными солдатами; неумѣло взбравшись на лошадей, со своими неуклюжими ружьями за спиной, не могшими никакъ вѣсть въ стремя оныхъ ногъ, обутыхъ въ сапожища, созданные не для кавалеристовъ. Отдохнувъ часа два въ аулѣ Огамъ у стоявшихъ тамъ ротъ 8го баталіона, съ завистью слушавшихъ мои разказы о дѣлѣ, я въ сумерки доѣхалъ до Дженгутая и ночевалъ тамъ у Ив. Дав. Лазарева. Онъ, между прочимъ, разказалъ мнѣ что отъ Лазутчиковъ уже имѣлъ свѣдѣнія о сборѣ партіи Мусы-Дебира и потому рано утромъ 24го числа выѣхалъ со своею командой въ Огамъ, около котораго ожидалъ прорыва; но свѣдѣніе о паденіи получилъ только часовъ около одиннадцати; и хотя проскакалъ верстѣ двѣнадцать до высотъ почти въ галопъ, но опоздалъ и подаявшись на гору уви-

дѣлъ уже хвостъ уходившей партіи, догнать которую на сильно измученныхъ лошадяхъ не было возможности; пока онъ вернулся на ночь въ Оглы, и недавно только самъ прѣхалъ оттуда домой, повѣдалъ уже впрочемъ доносеніе командующему войсками о нашемъ успѣшномъ дѣлѣ, по разказахъ чоганскихъ жителей.

Я былъ не совсѣмъ доволенъ такимъ извѣстіемъ, ибо мое появленіе будетъ уже не сюрпризомъ...

26го числа, часовъ въ одиннадцать, я подѣхалъ со своимъ необычнымъ конвоемъ, обращавшимъ на себя вниманіе всѣхъ встрѣчавшихъ, къ дому командующаго войсками. Не успѣвъ я слѣзшійся и построить людей въ некоторый порядокъ какъ на крыльцѣ показався князь Григорій Дмитриевичъ Орбелянъ съ нѣсколькими лицами, въ томъ числѣ и съ нашимъ полковымъ командиромъ, смотрѣвшимъ, по обыкновенію, серьезно, что называется сентябремъ.

— Здорово, братцы, Дагестанцы!

— Здравія желаемъ, ваше—ство!

— Ну, спасибо вамъ, молодцы, хорошо добила Татаръ.

— Ради стараться, ваше—ство!

Я подошелъ и подалъ пакетъ, а унтеръ-офицеры внесли значки.

— Ну, расскажите намъ какъ было дѣло, обратился ко мнѣ князь.

На секунду я признался оговорился. Брать согласно рапорту, думая, или говорить правду?..

Я началъ лавировать, понамолокъ, скрапывать, но и не говорить о маневрахъ, смыканіи, размыканіи и т. п. Вышло довольно довольно гладко и болѣе или менѣе картинно.

— Славно, славно! Очень радъ, что прочли этихъ негодяевъ. Теперь не скоро сунутся въ другой разъ. Молодцы ваши люди, Павелъ Николаевичъ, обратился князь уже къ полковнику Броневскому. Пожалуста, представьте ихъ къ наградамъ; я буду ходатайствовать.

Передавъ нераспечатанный конвертъ исправлявшему должность начальника штаба Федору Федоровичу Раденко-му (нынѣ знаменитому шилкинскому герою), Григорій Дмитриевичъ просилъ его прочитать громко.

Все шло какъ надо. Началось чтеніе. Я стоялъ какъ на иголкахъ, бросая взгляды по сторонамъ. Князь по временамъ только вставалъ: „ого, цѣлая битва, ай да Б., молодецъ!“ А у читавшаго и многихъ слушателей улыбки смѣнялись улыбками.

Наконецъ чтеніе кончилось, къ величайшему моему удовольствію. Князь поблагодарилъ меня за пріятное извѣстіе и пригласилъ остаться къ обѣду. Я подошелъ къ полковому командиру и подалъ ему другой пакетъ въ которомъ былъ дубликатъ реляціи. Онъ вышелъ со мною къ людямъ, въ свою очередь поздоровался съ ними, сказалъ спасибо и приказалъ имъ отправляться отдыхать въ полковой дворъ; а меня разспросилъ о разныхъ баталіонныхъ дѣлахъ и затѣмъ замѣтилъ: „мнѣ не нравится однако что солдатъ посадили на лошадей; это не порядокъ; пѣхота на драгуны; передайте это майору Б.“

За весьма многолюднымъ обѣдомъ князь обратился ко мнѣ со стаканомъ вина и произнесъ: „пью за здоровье молодечкаго Іго баталіона Дагестанскаго полка.“ На что я отвѣтилъ нѣсколькими словами благодарности за честь и отъ имени баталіона выпилъ за здоровье командующаго войсками, что было подхвачено конечно всеми присутствующими съ большимъ оживленіемъ, а П. Н. Бромевскій кинулъ въ мою сторону одобрительный взглядъ. Ну, думаю себѣ, это главное, а то если онъ останется недоволенъ, поминай какъ звали сладкія мечтанія о наградахъ...

Разыгравъ въ теченіе двухъ-трехъ дней героя, по десяти разъ повторяя разказъ о дѣлѣ предъ высшими и равными, предъ мужескимъ и дамскимъ знакомымъ населеніемъ столицы, наладившись баней, хорошими обѣдами, преферансомъ и пр., я отправился обратно уже съ пѣхимъ конвоемъ: лошадей у насъ взяли, съ тѣмъ что онѣ будутъ проданы и деньги по усмотрѣнію полковаго командира будутъ розданы въ роты.

Въ Кутисахъ между тѣмъ всѣ, а майоръ въ особенности, высмотрѣли себѣ всѣ глаза, въ ожиданіи моего возвращенія. Когда на третій день я подходилъ къ нашей темной, уныло пригнѣздившейся къ горѣ массѣ мрачныхъ каменныхъ оаклей, чуть не весь баталіонъ высыпалъ мнѣ на встрѣчу съ вопросами: „ну, что, какъ?..“ Я разказалъ все какъ было и для утѣшенія Б. прикрасилъ комплименты и похвалы ему лично командующаго войсками, промолчалъ пока о замѣчаніи полковаго командира на счетъ „драгунъ“. Особенно понравилось майору что рапортъ его былъ читанъ при столькихъ штабныхъ и важныхъ

лицахъ, и что былъ самымъ княземъ предложенъ тостъ за 2го баталіонъ. Разказъ я долженъ былъ повторять нѣсколько разъ, причемъ особенно ударялъ на мѣста до полководца касавшіяся. Въ результатъ былъ обѣдъ съ приличною обильною выливкой, къ которому приглашены всѣ ротные командиры и артиллерійскій офицеръ.

Отдохнувъ и утомившись отъ цѣлой видѣли сильными ощущеній, я еще долго однако не могъ отдѣлаться отъ вошедшихъ предо мною картинъ и кровавыхъ сценъ 24го октября. Эта отвѣчная рука, бьющій изъ нея фонтанъ крови, этотъ прокалываемый мюридъ и его ужасный, невыразимый стонъ; еще болѣе, одинъ до гола ободранный, весь исколотый штыками, сочтенный за мертвого, но вдругъ поднимающійся горецъ, съ какою-то мольбой протягивающій къ намъ руки; ахъ, эти страшныя видѣнія!.. Много ночей къ ряду, только-что начиналъ я засыпать, вставали онѣ предо мною во всей своей ужасающей наготѣ и нервная дрожь пробѣгала по всему тѣлу, и я долженъ былъ опять зажечь свѣчу и браться за книгу...

Удивительно. Не первый же разъ видѣлъ я кровавыя сцены боя; самъ еще въ 1845 году съ какими-то непонятными остервенѣніемъ рубилъ бѣгущаго Дидойца, въ 1850 рубилъ по головѣ одного изъ вздумавшихъ напасть на насъ на Лезгинской линіи абрека (все это уже разказано въ прежнихъ главахъ), въ 1851 въ Табасарани довольно посмотрѣлся на своихъ и непріятельскихъ убитыхъ, а въ этотъ разъ такъ сильно подѣйствовали на меня эти кровавыя картины. И вѣдь я вовсе не былъ слабонервнымъ человѣкъ. Въ самыхъ молодыхъ годахъ много разъ смотрѣлъ на анатомированіе висѣльниковъ, утопленниковъ; хладнокровно присутствовалъ при этомъ отвратительномъ опиливаніи кружкомъ черепа, при распластываніи на части человѣческаго тѣла; наконецъ, сколько видѣлъ ужасныхъ наказаній кнутомъ, плетью, шпидерутенами, сколько вѣшаній, было отъ чего притупиться нервамъ... Почему же сцены 24го октября произвели на меня такое подавляющее впечатлѣніе, рѣшительно не могу себѣ объяснить. Въ послѣдствіи, во сколькохъ горячихъ дѣлахъ въ Чечнѣ и за Кубанью пришлось побывать, сколько сотенъ труловъ валялось предъ глазами, но такого нервного потрясенія, такого разстройства воображенія уже не испытывалъ болѣе.

XLIII.

слѣдствіе описанныхъ происшествій мои отношенія Б. въ теченіе нѣкотораго времени были самыя мирныя, я и воспользовался, во первыхъ, для того чтобы дить его представить Толстова къ производству въ эрз-офицеры, вовторыхъ, чтобы снарядить одинъ разъ юю въ Дешлагаръ, вмѣсто Шуры, за калустой и дру- а приласами, куда гораздо ближе и не такъ утоми- о для ротныхъ лошадей, а главное, куда мнѣ хотѣ- проѣхаться для свиданія съ семействомъ Э. Э. Кеслера. въ согласился на то и другое.

Въ Дешлагаръ я съѣздила по той дорогѣ чрезъ Акушу которой мы проходили въ сентябрѣ къ Губдею. Въ ой Акушѣ, огромномъ аулѣ и, судя по постройкамъ, юю жителей и другимъ признакамъ, весьма зажиточ- , я заѣхалъ къ главному кадію, котораго видывалъ нѣ- ко разъ въ Кутуши, еще у покойнаго Сойминова. Объ- лись мы съ нимъ довольно сносно, хотя онъ не зналъ биджанскаго нарѣчія, а я кумыкского, сходство ихъ ко же приблизительно какъ между великорусскимъ и оросійскимъ. Во всякомъ случаѣ возможность такого оворя, умѣніе сидѣть поджавъ ноги, помытъ извѣст- ь приличнымъ образомъ руки предъ обѣдомъ, ѣсть ми и т. п., ставило меня совѣтъ въ другое положеніе : всякаго другаго русскаго офицера, если онъ по долж- и, не имѣлъ вліянія на жителей.

и, почтеннѣйшій старикъ, высокаго роста, съ подкра- юю короткою бородой, въ своемъ неизмѣнномъ на пле- акинутомъ тулукѣ, съ подобающими его сану огром- нымъ воротникомъ, украшеннымъ тремя хвостиками, и выми до пола узенькими рукавами, въ коричневой ба- ей шалкѣ, напоминающей фермою не кавказскую ла- , а скорѣе малоросійскую, имѣлъ чинъ нашего штабс- тана (милиціи). Въ домѣ у него, по крайней мѣрѣ во ѣ и въ кунацкой, видна была примѣрная опрятность и ановка, напомнившая мнѣ отчасти обстановку бековъ и точныхъ людей въ Эдису. Усѣлись мы съ кади предъ вшимъ каминномъ на коврахъ, закурили трубочки и въ т. сxxxiv.

ожиданія обѣда разговорились о разныхъ политическихъ матеріяхъ. Горскіе Талейраны не менѣе парижскихъ и комы съ правилами: употреблять слова для скрыванія мѣлей, и потому я уже давно привыкъ къ ходу и смыслу чей собесѣдниковъ подобнаго рода. „Князь Аргутъ кх ахши, Лазаруфъ колъ ахши“ (князь Аргутинскій очень хорошъ, Лазаревъ очень хорошъ, то-есть человекъ), мюрияманъ (мюридъ не хорошъ). Это вставалось постоянно полной увѣренности что мнѣ, Русскому, оно должно очень нравиться и что я, безъ сомнѣнія, доведу это до свѣта кому слѣдуетъ. На мое замѣчаніе однако что весь парижъ сочувствуетъ мюридамъ, чему я впрочемъ и не удивляюсь, ибо это слѣдствіе религіознаго и племеннаго чувства, кади пресерьіозно отвѣчалъ: „народъ гаупъ, что онъ нимаесть? народъ-баранъ, куда пастухъ погонитъ, туда и поидетъ. Кади ахши, гамусы ахши; каахъ лхъ“, (и хорошъ, всѣ хороши; народъ лхъ, то-есть ничто), притомъ онъ сдѣлалъ какой-то знакъ, дунувъ на свои пальцы, и бы желая выразить ничто, нуль, вотъ-де что народъ, кади хорошъ. Все вертѣлось на этой темѣ и кади очень былъ весьма доволенъ моею бесѣдой. Сяъ Гюрджъ? сд силъ онъ меня (ты Грузинъ?). Я щелкнулъ языкомъ, означавшій отрицаніе (выразить буквами этотъ звукъ и многіе другіе, имѣющіе на Кавказѣ у всѣхъ почти земцевъ извѣстное значеніе, нѣтъ возможности).

— Сяъ Эрмены? (ты Армянинъ?)

Я опять щелкнулъ отрицательно.

— Урусъ?

Я кивнулъ утвердительно.

— Алла, Алла, и замоталъ головой въ знакъ удивленія. Бѣла Урусъ гѣрмадымъ (такого Русскаго я не видалъ).

Я разказалъ ему о своемъ пребываніи въ Элису, мх управленіи тамъ, происшествіяхъ съ качагами и проч. Б только чмокалъ губами, восклицалъ — лѣ, приговаривалъ Алла, Алла и заключилъ вопросомъ: чѣмъ я такъ провинился, что изъ такихъ великихъ людей попалъ въ просѣ „саддузъ баяръ?“ (то-есть солдатскаго боярина, офицера).

Ни чѣмъ, говорю ему, не провинился; самъ просѣ переводѣ въ полкъ чтобъ имѣть больше случаевъ драки съ мюридами и получать чины, кресты.

Онъ только въ крайнемъ изумленіи головой кивнулъ, едва ли и повѣрилъ мнѣ. Отказаться отъ самаго высту-

властителей честолюбия состоящего по понятіямъ Азіатъ въ управленіи народомъ, въ выслушиваніи и разбира-
 вствѣ жалобъ, въ милованіи и караніи, однимъ словомъ
 роли повелителя, пользующагося услугами, поборами,
 оцѣлемъ, отказаться отъ такого благополучія чтобы
 вѣрить его ничтожною ролью начальника солдатъ и по-
 сутно быть готовымъ подставлять лобъ подъ пулю, ведя
 такую жизнь на одномъ маленькомъ жалованьи,—для кади
 было чѣмъ-то дикимъ, безумнымъ, неестественнымъ;
 сомнительно на меня поглядывалъ и утѣренія мои оче-
 но не убѣдили его.

Наконецъ принесли обѣдъ на большой деревянной доскѣ
 оставили предъ нами. Похлебка съ галушками, поджа-
 вые кусочки баранины, впрочемъ не свѣжей, а вяле-
 , (не барана же рѣзать для такого ничтожнаго гостя?
 , еслибы кто-нибудь изъ приближенныхъ къ Аргуту
 хотъ къ Лазаруфу, тогда дѣло другое), кислое молоко
 чеснокомъ, медъ, еще какая-то каша съ чеснокомъ,
 видно подражаніе персидскому плову, разнообразіе боль-
 . Пообѣдавъ и опять обмывъ руки, мы распрощались
 кади; я наговорилъ ему кучу благодарностей и компли-
 товъ, съ пожатіемъ руки, низкими поклонами и обща-
 ть на обратномъ пути захватъ.

Въ вечеру я былъ въ Дешлагарѣ и сидѣлъ за чайнымъ
 ломъ уже въ совсѣмъ иной обстановкѣ чѣмъ за обѣ-
 у акушинскаго владыки.

то не испытывалъ самъ, тотъ никогда не пойметъ радост-
 о чувства охватывающаго человѣка попадающаго изъ
 рной, грязной, дикой обстановки въ европейскій домъ, со
 ми атрибутами цивилизованнаго комфорта. Послѣ мрач-
 сырой сакли лапастъ въ сухой, свѣтлый, оживленный
 сущіемъ европейскихъ женщинъ домъ, да еще прямо за
 зый столъ; отъ однообразно надоевшаго образа жизни,
 и однихъ и тѣхъ же лицъ, перейти въ кругъ свѣжихъ
 ей, имѣющихъ возможность получать болѣе интересныя
 встія, находящихся въ сношеніи съ Петербургомъ, два
 въ недѣлю получающихъ газеты,—все это, повторяю,
 ой праздникъ, такая радость что не испытавшему по-
 в ихъ трудно.

провелъ въ Дешлагарѣ два дня съ такимъ полнымъ
 вольствіемъ что набралъ значительный запасъ силъ

не только для борьбы съ предстоящею еще монотонною противною жизнью въ Кутуши, не даже для выдерживанія атакъ Б., въ возобновленіи коихъ ранѣ или позже былъ вполнѣ увѣренъ, а атаки эти, бессмысленно причиняемыя, оскорбительныя, не по смыслу употребленіи словъ, а по своему тону, по этимъ начальническимъ, грубымъ, нарочно громкимъ, чтобы слышали его дельщики, и стовые, часовые, извѣстными выкрикомъ: „я васъ, милостивый государь, предвараю; извольте слушать что я вамъ говорю; тутъ вамъ, г. поручикъ, разсуждать не позволено: вы должны буквально исполнять что я прикажу“ и т. д. все повышающимся визгомъ, летающими брызгами слезъ, и тараторчавшими бессмысленно стеклянными глазами, отражая окончательно жизнь, раздражали, производили нервное расстройство. Попытки мои избавиться отъ Б. не имѣли никакого успѣха: я писалъ полковому адъютанту, просилъ помочеть о переводѣ въ другой баталіонъ, но безуспѣшно, а нашимъ крутымъ полковымъ командиромъ не легко было устраивать что-нибудь по желанію своему.

На обратномъ пути, я ночевалъ въ Акүштѣ, но къ сожалѣнію кади не засталъ дома, и мои надежды пообѣщать имъ весь длинный вечеръ не сбылись. Въ Кутуши я возвратился безо всякихъ приказаній.

И началась опять прежняя, однообразная жизнь, прерываемая изрѣдка безплодными бѣгаваніями на тревоги, ходаніемъ за провіантомъ въ Аймяки или Ходжалъ-Свахи, и браніями на площади около моей саки нѣкоторыхъ постоянныхъ посѣтителей, бросаніемъ въ цѣль камешковъ, и браніемъ приемъ на заданныя слова и т. п.

Все это продолжалось до конца мая 1853 г., когда баталіону приказано было наконецъ выступить изъ Кутуши на новую стоянку въ Чиръ-юртъ, на берегу р. Сулака.

Пока перейду къ разказу объ этой новой мѣстности, намѣренъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ своихъ сослуживцахъ въ 1мъ баталіонѣ, за время нашего пребыванія въ Кутуши. Дѣлаю это съ цѣлью дать матеріалъ и сужденія объ элементахъ составлявшихъ военное общество кавказскихъ полковъ въ половинѣ нашего столѣтія.

Съ главою баталіона майоромъ Б. читатель уже болѣе и менѣе знакомъ. Но Францъ Казимировичъ былъ такой замѣчательный типъ, такой неистощимый матеріалъ что о немъ

можно говорить много и все еще как будто кажется что онъ недостаточно ясенъ представлеию читателя. Попадись этакое золото Гоголю, онъ бы двумя-тремя штрихами создалъ новаго какого-нибудь Поздрева и пошелъ бы онъ гулять по всей читающей лубаикѣ, какъ гуляютъ Чичиковы, Собакевичи и др. Прозвалъ я его майоромъ Дуркановичемъ и подъ этимъ именемъ какъ-то напечатали въ газетѣ *Кавказъ* небольшой очеркъ. Само собою, это было не литературно-художественное произведение, а просто фотографическiй снимокъ, единственное достоинство коего было вѣрность изображенiя. Прочитывая теперь, чрезъ 25 лѣтъ, сохранившiеся у меня отрывки этого очерка, я такъ живо вижу предъ собой всю уморительную фигуру Б., какъ будто я разстался съ нимъ нѣсколько дней тому назадъ. Особенно рельефно онъ выказался уже весь, такъ-сказать во всю величину и своей пошлости, и своей дракиности, когда мы стояли въ Чирь-юртѣ, рядомъ со штабъ-квартирой Нижегородскаго драгунскаго полка, въ которой завязались знакомства съ полковыми дамами.

Ничего забавнѣе не могло быть какъ желанiе Б. вставлять французскiя слова, закидывать учеными терминами, извѣстными именами и т. п. Все это у него отъ кой-чего слышаннаго на урокахъ въ кадетскомъ корпусѣ и кой-чего прочитаннаго смѣшное выскретомъ въ головѣ и выходило сумбуръ невѣроятный.

— Что наша литература, восклицалъ напримѣръ сей мужъ чортъ знаетъ что! Ну, вотъ лежатъ *Отечественныя Записки*, а читать нечего; какой-то *Болотъ Тимовесевичъ* таетъся цѣлый годъ; да *Базарная суета*. (*Записки Андрея Тимовесевича Болотова* и *Базаръ Житейской суеты* Теккерея). То ли дѣло романы *Фева Повалля*: (*Paul Feval*) *Сынъ Тайны*, напримѣръ, просто прелесть, или *Четыре Мушкетера*; или *Замокъ*, гмъ, *Замокъ*... Это литература, а не наша дрянь!

Стоило кому-нибудь ротъ раскрыть, заговорить о чемъ бы то ни было, майоръ прерывалъ его своимъ рѣзкимъ пискливымъ голосомъ: „нѣтъ-съ, вы не знаете, я все это отлично знаю; я вѣдь былъ первымъ изъ артиллерiи и фортификаци, слушайте что я вамъ говорю... и понесетъ такую челуху что иной разъ казалось—онъ мистифируетъ. Одинъ, напримѣръ, началъ рассказывать о только-что прочитанномъ какъ-то новомъ снарядѣ для боевыхъ ракетъ, майоръ тотъ-

часть вставлялъ: какой новыи, все это я давно знаю, а вѣдь былъ первымъ изъ артиллеріи и фортификаціи, это называется *геометрическій альбомъ*, и вѣдь серьезно говорилъ. Или чтобы показать свои познанія въ военной исторіи, вдругъ бракъетъ: еслибы *маршалъ Багговутъ* подъ Ватерлоо не опоздалъ и т. д. А попробуй кте разинуть ротъ что „позвольте майоръ, вы перепутали, Багговутъ былъ...“ Б. тотчасъ „слушайте что я вамъ говорю“ и пошелъ нести чепуху дальше. Былъ у насъ офицеръ Тулубьевъ, умѣвшій рисовать акварелью портреты, не отличавшіеся особыми сходствами лица, но за то аксессуары выходили очень похожи: луговицы, красные воротники, погоны, ордена и прочіе, все это выходило очень отчетливо. Само собою, Б. усадилъ себя и заставилъ Тулубьева рисовать не столько портретъ какъ фантазію, изображавшую майора въ сѣлѣ, сидя на походной кровати, стѣна завѣшена ковромъ, на коемъ красуется *золотая сабля* и на диванной лежатъ *Анна 2й ст.* Между тѣмъ ни того, ни другаго у него еще не было, и онъ только виталъ въ сладкихъ надеждахъ такого благополучія послѣ нашего дѣла съ горцами 24го октября.

Кто-то замѣтилъ ему по этому поводу: „однако это *анахронизмъ*.“ А майоръ и обрадовался: да, да, говоритъ, меня ужъ не вы первый сравниваете съ этимъ греческимъ героемъ (должно быть слышалъ имя Ахиллесъ и смѣшалъ съ анахронизмомъ!...). И при этомъ случаѣ пресерьiously начинаетъ разказывать о своихъ геройскихъ подвигахъ какъ онъ съ ротой Шарванцевъ ворвался въ завалы подъ Ахты, или съ тою же ротой прикрывалъ отступление всего отряда отъ Чоха, какъ онъ со своимъ баталіономъ истребилъ партію на Кутишинскихъ высотахъ, и что съ тѣхъ поръ имя его также грозно для горцевъ какъ было имя Пассека въ Дагестанѣ или Слѣпцова въ Чечнѣ, что вообще онъ знаетъ какъ слѣдуетъ взять Кукуну (непріятельское укрѣпленіе), какъ покорить Кавказъ, и что выбрать позицію—ему достаточно пяти минутъ: тутъ артиллерію, тутъ кавалерію, „я вѣдь все знаю, я былъ первымъ изъ артиллеріи и фортификаціи...“ На всѣ руки былъ человекъ: лѣтъ, писать, но все выходило прегруло, презабавно и полно самодовольства. Была у него толстая книжица въ видѣ бухгалтерской книги; называлъ онъ ее „альбомомъ“. Въ минуты откровенности показывалъ онъ ее, въ увѣренности

озадачить богатством сборника чужих и собственных произведений. Два-три стихотворения Пушкина, Лермонтова и вдруг какія-то вирши скабрезнаго содержанія съ приписками на поляхъ рукой майора: ославно, лышно, просто шикъ! Даже разныя двустипшія и остроты самыя безсмысленныя, выписки изъ рапортовъ и приказовъ отданныхъ по баталіону, копии съ грамотъ на орденъ, выдержки изъ „графы походовъ“ формулярнаго описки, гдѣ упоминается о взятіи заводовъ и пр., куплеты изъ помѣстныхъ водевилей, „эпиграмма на поля“ собственнаго сочиненія, акростихъ какой-то, приводившій майора въ восторгъ и т. д.

Въ дамскомъ обществѣ Б. былъ неподражаемъ. „Медамъ, позвольте изъ вашихъ прекрасныхъ рукъ получить чашку...“ Все равно, обращаясь къ одной, онъ говорилъ „медалъ.“ — „Лизавета Ивановна, вы пронеслись звѣздочкой надъ нашимъ лагеремъ!“ и самодовольный смѣхъ. „Куда устремленъ пламень вашихъ глазокъ, медамъ?“ При этомъ бросаетъ проницательный, нахально-гаульный взглядъ на особу. Встанетъ посреди комнаты во весь свой ростъ, изобразить изъ себя уморительнѣйшую фигуру, поправить своей кокъ, помуслить тощіе усики, одною рукой подбоченится, другую какъ-то откинетъ, улыбочка во весь ротъ наполненный цыганотными черными зубами и рисуется.

— Ахъ, медамъ, еслибы вы меня видѣли года два тому назадъ въ Кусарахъ;* вотъ ужъ гдѣ, я вамъ доложу-сь, общество блестящее, всѣ дамы образованныя; особенно одна... Гмъ, да, одна... (нѣчто въ родѣ вздоха.) Да-сь, ликики, кавалькады, вечера, иногда безъ танцевъ, а такъ разныя игры, фортельванъ, лѣвіе, и майоръ вдругъ затыгиваетъ: „Что жадно глядишь на доре-о-о-с-гу?“ и раздается пискливый, фальшивый звукъ.

— *A rendez de Paris*, неизмѣнно произносилъ онъ, уходя изъ общества прекраснаго пола, или какъ онъ говаривалъ: изъ нашего цѣвтника. Что онъ подразумѣвалъ подъ этимъ *де Парисъ*, не знаю.

И этотъ-то шутъ гороховый былъ однако нашимъ командиромъ и позволялъ себѣ грубое, дерзкое обращеніе съ офицерами, нахальнѣйшія ругательства обращалъ къ сол-

* Штабъ-квартира Ширванскаго полка.

датамъ, тиранилъ безъ вины своихъ деньщиковъ, протезировалъ баталіоннаго маркизанта, поддерживалъ его противъ жалобъ за поставляемую скверную говядину или въ июльскій жаръ вонючую солонину, ползалъ предъ начальствомъ, предъ писаремъ начальника, „предъ собакой дворника“, и не только ничего мы ему не могли сдѣлать, но и избавиться отъ него не удавалось. Такое было время, такъ сложились обстоятельства; строгость фронтовой службы требовала безропотнои покорности даже и такому начальнику.

Перехожу къ ротнымъ командирамъ. Ю гренадерскомъ командовалъ штабсъ-капитанъ Константинъ Алекс. Федосеевъ, братъ графини Евдокимовой (тогда Н. И. Евдокимовъ былъ впрочемъ только генералъ-майоръ и начальникъ праваго фланга Кавказской линіи). Родившись въ крѣпости Бурной, выросши и воспитавшись въ Шурѣ, проведя жизнь въ Ишкарты и ограничивъ свое знакомство со свѣтомъ въ Моздокѣ, а можетъ-быть Ставрополѣ, Федосеевъ былъ простой, добрый малый, достаточно знавшій службу чтобы командовать ротой, не простиравшій своихъ мечтаній дальше ближайшей экспедиціи и слѣдующей награды. Зналъ онъ нѣсколько словъ ло-кумыкски, перебывалъ во всѣхъ аулахъ, вездѣ имѣлъ кунаковъ, знавшихъ что онъ родственникъ учъ-гѣза (трехглазый, такъ звали туземцы Евдокимова, у котораго вслѣдствіе раны подъ лѣвыми глазами постоянно былъ черный англійскій пластырь) и потому относившихся къ Федосееву съ большимъ почтеніемъ чѣмъ ко всякому другому офицеру. Трезвый, аккуратный, въ карты не играющій, всегда исправный, приличнѣйшій, Федосеевъ былъ хорошій товарищъ и мы съ нимъ все время службы въ одномъ полку, да и послѣ, при измѣнившихся для насъ обоихъ условіяхъ, оставались въ хорошихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Теперь онъ, кажется, подполковникъ въ отставкѣ.

Ю мушкатерскою командовалъ капитанъ Б—скій. Это уже былъ совсѣмъ другаго типа человекъ. Сынъ генерала, извѣстнаго автора исторіи войска Донскаго, воспитанникъ Пажескаго корпуса, онъ служилъ въ Преображенскомъ полку, послѣ перешелъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ корпуса путей сообщенія, а наконецъ въ Дагестанскій лѣхотный

лкѣ. Дюссо, Палкинъ, загородные пикники на тройкахъ съ лапками, праздная, безалаберная жизнь, начинающая шампанскимъ, продолжающая коньякомъ, кончающая сивухой, — тѣ и вся исторія, печальная исторія многихъ погибшихъ лангливыхъ людей. Къ этому разряду принадлежалъ —скій. Грустно было смотрѣть на него, достаточно образованнаго, остроумнаго, симпатичнаго человѣка, толпившаго все водкѣ, въ компаніи съ самою плохою частью полковаго щества. Не много помогла и поддержка родственника, полковаго командира. Пока онъ еще командовалъ полкомъ, —скій кое-какъ держался, а затѣмъ ужъ пустился во всякую дѣлу на производство въ майоры. Прикомандировали его въ Алшеронскому полку, оттуда къ Кабардинскому, результата не оказалось никакого. Блѣдная, истощенная физіономія, рывчатый, со всеми признаками водяной, съ трясущимися руками, онъ, встрѣчая меня, какъ-то особенно конфузился.... Въ Кутуши мы съ нимъ очень рѣдко сходились; если появлялся тотчасъ на столѣ водка съ соответствующей куской въ видѣ икры съ лукомъ, кислыхъ огурцовъ и т. п., то посѣщеніе не имѣло смысла.... Это бы еще куда ни шло. Но бѣда въ томъ что разъ появившійся графинчикъ ставлялъ только введеніе, затѣмъ требовалось продолженіе, призывъ ротныхъ писельниковъ, crescendo, crescendo дошло до „Насти“, да „ахъ, ты, сякой такой камаринскій жуикъ“, до сниманія сюртуковъ, до положенія ризъ, однимъ словомъ до оргіи въ самой неказистой обстановкѣ. Я кони былъ не охотникъ до подобнаго веселья, мнѣ претрескъ эти, якобы необходимыя въ военно-походной жизни убывы вакханаліи.

Встрѣтимся бывало, если онъ былъ трезвъ, то непременно заговорить о книгахъ, спросить чтѣ я читаю, не пишу ли, какъ бы извиняясь, скажетъ: а я въ послѣднее время ртѣ знаешь какую жизнь веду, ничего не читаю, отъ него отсталъ, мерзость какая... Если же при встрѣчѣ —скій былъ уже „на первомъ взводѣ“, то не воздержитотъ легкаго въ отношеніи меня сарказма и непременно ажетъ: ну чтѣ, какъ идутъ ученныя занятія? а мы, вотъ, е по части „ѣдетъ чижики въ лодочкѣ, да не выпить ли мѣ водочки“, куда ужъ намъ учеными дѣлами заниматься. Такъ бѣдный и погибъ; водяная свела въ могилу кажетъ въ 1856—57 году.

Накодецъ 3ю мушкатерскою ротой командовалъ поручикъ Филипповъ. Протянувъ юнкеромъ вѣскольکو лѣтъ въ Минскомъ полку, прибывъ на Кавказъ съ 5мъ корпусомъ, онъ былъ произведенъ въ офицеры, не лилъ, на службѣ исправенъ, ротные деньги всегда налицо, чего же больше и требовать? Изъ субалтернъ-офицеровъ былъ только одинъ, съ которымъ я особенно облизился, вѣкто поручикъ Щелоковъ, крайне оригинальный человекъ. Высокой честности, самыхъ гуманныхъ, утопически гуманныхъ убѣждений, этотъ несчастный человекъ силой обстоятельствъ былъ вынужденъ тануть протавную ему военную службу вообще, а подъ начальствомъ какого-нибудь Б. особенно. Родомъ Сибирякъ, воспитавникъ Омскаго кадетскаго корпуса, онъ былъ единственною опорой старой больной матери и трехъ незамужнихъ сестеръ, жившихъ въ Tobolsk въ крайней нуждѣ. Думая скорѣе подвинуться по службѣ, онъ перепросился на Кавказъ и попалъ въ линейный баталіонъ, расположенный въ Закаталахъ. Тамъ замѣтили его отгосительное образование, скромное поведеніе и умѣніе писать официальные бумаги, отрекомендовали генералу Шварцу и тотъ взялъ его старшимъ адъютантомъ управленія Лезгинской кордонной линіи. Начало было очень хорошо: Щелоковъ былъ обезпеченъ казенною квартирой, увеличеннымъ содержаніемъ и дорогою къ лучшему устройству своей служебной карьеры. Но вслѣдъ за тѣмъ состоялось новое назначеніе генерала Шварца начальникомъ 19й дивизіи, еще чрезъ короткое время открылось злополучное дѣло объ изъзаніяхъ при розыскѣ украденныхъ денегъ (см. объ этомъ въ моихъ первыхъ главахъ) Шварца, комендантъ Печковский, особенно покровительствовавшій Щелокову разжалованъ въ солдаты, перемѣнилось все начальство, привезло своихъ приближенныхъ, Щелокову пришлось убираться. Чтобы не возвращаться въ линейный баталіонъ, почти лишенный случая участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, онъ попросилъ перевода въ дѣйствующіе полки и попалъ въ Дагеставскій.

Началомъ нашего сближенія было то обстоятельство что мы вспомнили о первой встрѣчѣ нашей въ Закаталахъ у Печковского, осенью 1848 года, когда я былъ тамъ проѣздомъ въ Элису къ своей должности пристава; еще боате облизало насъ что мы преимущественно подвергались

говеніямъ Б., инстинктивно видѣвшаго въ насъ главный протестъ его самодурству. Щелоковъ не воздерживался отъ отвѣтовъ и оправданій и подвергался болѣе строгимъ взысканіямъ въ родѣ выговоровъ письменныхъ и арестовъ домашнихъ. Къ тому же онъ не былъ ротный командиръ и не имѣлъ за собой никакой поддержки, слѣдовательно майоръ дѣйствовалъ съ болѣе широкимъ нахальствомъ. Я его всеми мѣрами удерживалъ отъ крайнихъ раздражительныхъ увлеченій, всякій разъ напоминая о судьбѣ его матери и сестеръ, я увѣрялъ его что вооружившись нѣкоторымъ терпѣніемъ мы непременно дождемся переменъ къ лучшему. Въ послѣдствіи мнѣ таки представился случай вытащить его изъ Дагестанскаго полка и перевести въ Навагинскій, но и здѣсь онъ не поладилъ съ какимъ-то придирчивымъ баталіоннымъ командиромъ, наговорилъ грубостей, у него отняли роту и стали преслѣдовать. Наконецъ, когда на Кавказѣ война кончилась, чтобы сблизиться съ родными, онъ выхлопоталъ переводъ въ Сибирь въ одинъ изъ линейныхъ баталіоновъ въ Омскѣ и тутъ преслѣдовавшая его судьба завершила свой ударъ: за нанесеніе баталіонному командиру удара по лицу Щелоковъ лишенъ всѣхъ правъ и сосланъ на работы въ Восточную Сибирь. Нѣтъ сомнѣнія что онъ кончилъ съ собой...

Этотъ несчастный человекъ вовсе не былъ созданъ для военной службы; онъ не настолько имѣлъ самообладанія чтобы переносить всѣ послѣдствія строгой дисциплины, суровость коей усиливалась вслѣдствіе преобладавшаго тогда въ войскахъ числа грубыхъ, неразвитыхъ офицеровъ; онъ не могъ равнодушно видѣть несправедливости, запусканія лапъ въ солдатское добро и т. п. и слишкомъ громко и резко высказывался, хотя этимъ путемъ нельзя было достигнуть ни малѣйшаго устраненія зла; напротивъ, подвергая себя преслѣдованію, онъ лишалъ самое дѣло защитника, могшаго незамѣтно безъ громкихъ протестовъ приносить пользу, вопреки большинству. Я думаю, онъ едва ли бы и въ гражданской службѣ, при тогдашнихъ порядкахъ, могъ удержаться; его и тамъ стерли бы съ лица земли. Вообще, и нравственно, и физически это была болѣзненная натура, одинъ изъ тѣхъ, которые не вовремя явились на свѣтъ.

Если прибавить къ этимъ лицамъ баталіоннаго эскапа, вѣчно пьянаго, громко на весь аулъ выкрикиваю-

щаго какія-то артиллерійскія командныя слова (онъ былъ прежде лѣкаремъ въ конной батареѣ), возбуждающаго смѣхъ солдатъ и страхъ кутушинскихъ бабъ и ребятишекъ да трехъ-четырехъ пралорщиковъ ничѣмъ не отличавшихся отъ большинства субалтерновъ тогдашняго закала, вотъ и весь баталіонъ. Былъ, правда, и еще одинъ замѣчательный человѣкъ рядовой К—скій изъ дворянъ, студентъ Казанскаго университета, съ большими способностями, но, увы! объ этомъ грустно и вспоминать. Я первый разъ тогда видѣлъ до чего можетъ пасть человѣкъ. Сославъ онъ былъ въ солдаты за весьма скверный поступокъ: составилъ какое-то фальшивое свидѣтельство на полученіе денегъ, подѣлалъ подписи и т. п. Кавказъ представлялъ ему удобный случай загладить грѣхъ молодости; онъ могъ бы возвратитъ и свои права служебныя, и права уваженія порядочныхъ людей; но вышло не то: падая все ниже и ниже, онъ попался опять въ какой-то мелкой кражѣ, пьянствовалъ, подвергался наказанію розгами... Я чрезъ Толстова попытался было въ Кутуши подѣйствовать на этого несчастнаго К—скаго, возбудить въ немъ мысль о человѣческомъ достоинствѣ, воскресить въ немъ искру раскаянія и готовности начать другую жизнь, я общалъ ему и матеріальную поддержку, и защиту, и ходатайство за него при первомъ удобномъ случаѣ; онъ ночью являлся ко мнѣ съ Толстовымъ, (днемъ онъ боялся чтобы Б. не замѣтилъ; К—скій былъ не въ моей ротѣ, а въ 3й мущкатерской; майоръ сейчасъ бы придрался и залодозрилъ меня въ покровительство, во вмѣшательствѣ въ дѣла чужой роты, а К—скому досталось бы уже навѣрное) бросался руки цѣловать, рыдалъ какъ ребенокъ, когда я напоминалъ ему объ университетѣ, о великомъ преступленіи, которое онъ совершилъ надъ собою и достоинствомъ просвѣщеннаго человѣка, доводя себя до тѣлеснаго наказанія, судорожно всхлипывая увѣрялъ что ему остался одинъ путь—пулю въ лобъ себѣ пустить, а чрезъ день, получивъ два-три гривеника отъ солдата за написаніе имъ писемъ на родину. К—скій уже былъ поднять мертвецки пьяный у духана... Я махнулъ рукой и пересталъ о немъ думать.

Всѣ сборы къ выступленію были локовыченны, насиженными гнѣзда разорены, разный хламъ, ломъ и тряпки великодушныя роздаемы хозяевамъ сакель, къ великому удовольствію ихъ

днѣ, и въ одно дѣйствительно прекрасное утро посаженныхъ чиселъ мая или первыхъ іюня 1853 года баталіонъ, отправивъ двумя часами раньше впередъ свой обозъ, при звукахъ пѣсень, въ родѣ: „мы похода долго ждали, съ восторгомъ ожидали“, при гулѣ барабановъ, рѣзкомъ пискѣ кларнетовъ, при свистахъ и захлывающихъ выстулахъ южечниковъ, вытянулся длинными рядами изъ Кутиши, провозжаемый нѣсколькими стариками, не отказывавшимися отъ запретнаго горячаго налитка и кучею мальчишекъ.

Аши болъ, баяръ, аши гайда, раздается съ крышъ, очевидно коверкая, съ цѣлью руссифицировать татарскія слова.

Саголъ, алаахъ согласивъ; *твоя марушкѣ да баранчукъ аши болъ*, обратное коверканіе, въ убѣжденіи что это по-татарски значитъ желаю здоровья твоей женѣ и дѣтамъ. А всѣ туземцы въ свою очередь думаютъ что марушкѣ, (жена) баранчукъ, (ребенокъ) чисто по-русски.

Первый переходъ Оглы, второй Джемгутай, третій Шура. Здѣсь, кажется, мы простояли два дня, осмотрѣвъ насъ полковой командиръ и выступили въ Чиръ-юртъ.

Переходъ отъ Шуры до Чиръ-юрта, должно-быть верстъ 40 съ хвостикомъ, особенно въ жаркое время, крайне тяжелъ, утомителенъ и скученъ. Мѣстность первой половины пути слегка холмистая, по обѣ стороны въ нѣкоторомъ разстояніи высоты покрыты лѣсомъ, большею частью дубякомъ, вторая половина совершенно ровная, если не считать неизбежныхъ балокъ, болѣе или менѣе крутыхъ; кустарникъ вездѣ въ изобиліи, но какой-то печально-строгатый, коравый, почва каменисто-песчаная, общій видъ крайне непривѣтливый. Все это вслѣдствіе отсутствія воды и невозможности поселеній. На всемъ протяженіи не встрѣчаются признаки живаго существа. Наконецъ не доходя верстъ 7—8 до Чиръ-юрта показывается рѣка Сулакъ, вырывающаяся здѣсь изъ своего тѣснаго скалистого ущелья въ долину, принимающая характеръ крутой рѣки, успокоившейся отъ бѣшенаго бурленія и воя среди давившихъ ее по пути отъ истоковъ скалъ, снѣжныхъ и каменныхъ лавинъ. Видѣется каменная башня, вооруженная пушкой, въ которой постоянно содержится команда въ 20 человѣкъ солдатъ. На ихъ обязанности наблюдать за прорывомъ непріятельскихъ партій, имѣющихъ въ этомъ мѣстѣ у бывшаго аула Міатлы удобный бродъ черезъ рѣку, и вы-

стрѣлами изъ орудія производить тревогу. На той сторонѣ рѣки, на покатыхъ возвышенностяхъ, хоть и не видно непріятельскихъ ауловъ, но замѣтна ихъ близость: колым сѣна, не сжатая еще полянки и т. п.

Пройдя еще версты двѣ, дорога подходит почти къ самому берегу рѣки; здѣсь, само собою, всякая проходящая команда непременно остановится чтобы напоить лошадей послѣ сутокъ движенія, (ночевать приходилось гдѣ заставетъ темъ, безъ воды, а люди запасались въ Шурѣ въ манерки, бутылки, баклажки) да и самимъ помыться, освежиться. Горцы ближайшаго аула Зубуть всегда вертѣлись на своемъ лѣвомъ берегу у этого мѣста и нерѣдко переходили и на правый берегъ, окрываясь въ растущихъ здѣсь деревьяхъ и густыхъ кустахъ гребенчика, поджидая добычи, въ видѣ отставшаго или неосторожно удалившагося отъ колоаны. Такимъ-то образомъ, въ этомъ самомъ мѣстѣ и случился захватъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ Кабардинскаго полка въ 1848 году, о чемъ я разсказалъ въ предыдущихъ главахъ.

Мы тоже остановились здѣсь, но приняты были всѣ мѣры для предупрежденія какого-нибудь внезапнаго нападенія. Слѣдившіе за нами со своего берега горцы видѣли что надежды на добычу плохія и потому, очевидно ужь ради потѣхи только, пустили намъ нѣсколько выстрѣловъ, на которые солдаты, обрадовавшись случаю, подавали цѣлую трескотню, не умолкнувшую пока нѣсколькимъ не досталось по зубамъ отъ фельдфебелей и капраловъ. Удивительна эта страсть у всѣхъ солдатъ ко стрѣльбѣ; какъ будто вся суть въ томъ чтобы лоскорѣ выпустить свои патроны! Особенно въ тѣ времена, изъ отвратительныхъ, негодныхъ гладкоствольныхъ кремневыхъ ружей, когда едва изъ десяти человѣкъ одинъ имѣлъ понятіе о прицѣльной стрѣльбѣ, это сыпаніе пулями въ сторону непріятеля составляло какое-то особое дорогое удовольствіе для солдатъ, но совсѣмъ безцѣльное и почти безвредное для непріятеля. Особенно въ Чечнѣ это практиковалось въ обширныхъ размѣрахъ и преимущественно баталіонами, приходившими въ зимнія экспедиціи изъ другихъ соседнихъ районовъ, гдѣ зимою дѣйствій не происходило. Стоило только чтобы, подходя къ мѣсу, противъ разсыпанной цѣли, раздался одинъ выстрѣлъ какого-нибудь шелопа-Чеченца, засып-

шаго гдѣ-нибудь за частымъ орѣшникомъ, или на высокое дерево, какъ пойдетъ по всему лѣсу такая жаря, такіе перебаты то усиливающейся, то ослабѣвающей, перестрѣлки что новый, еще не совсѣмъ ознакомленный съ мѣстными обычаями, человѣкъ въ правѣ подумать что идетъ ожесточенный бой, что жертвы валятся конечно десятками если не сотнями... А если новый человѣкъ къ тому же „начальство“, которому поручена отдѣльная часть отряда, то онъ засуетится, начнетъ разсылать приказанія, подкрѣпленія и проч. Между тѣмъ единственныя жертвы напрасно выпускаемые патроны, напрасно расточаемыя казенныя деньги. Старые офицеры уже знали это и бывало спросишь у него: „что это тамъ такой сильный огонь открыли?“—Ничего, *изъ стѣны облачко стрѣляютъ.*

Чеченцы знали эту слабость нашихъ солдатъ и даже знали что она сильнѣе у тѣхъ что съ красными воротниками нежели у тѣхъ что съ черными. (Тогда были полки мушкетерскіе съ красными, и егерскіе съ черными воротниками.) Мѣстные въ Чечнѣ полки Кабардинскій и Куринскій—егеря, уже не такъ предавались страсти лудать, потому что постоянно находясь въ лѣсахъ съ глазу на глазъ съ Чеченцами и безъ того не могли пожаловаться на недостатокъ случаевъ къ стрѣльбѣ; приходившіе же были исключительно мушкетеры: Тенгинцы, Навагинцы, изрѣдка Алшеровцы и Дагестанцы, ну и потѣшались же они, особенно Навагинцы были любители луданія,—до того что начиналось распеканіе баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, зуботыченье людей, указы по отряду; но все это мало дѣйствовало. Чеченецъ, а много человѣка три-четыре, проберутся противъ этакое баталіона съ красными воротниками, они даже въ полусубкахъ все-таки умѣли узнать гдѣ мушкетеры по лапахамъ и другимъ примѣтамъ, и затѣютъ потѣху: они сдѣлаютъ два выстрѣла, имъ въ отвѣтъ 500; только-что начнетъ утихать, они олятъ одинъ-два выстрѣла, да еще вдругъ и удачныя, раятъ когонибудь, — имъ въ отвѣтъ тысяча. А эхо пойдетъ по лѣсу какими-то переливами, и вдругъ среди треска ружейнаго огня раздастся ги, ги, Алла! тѣхъ же трехъ-четырехъ шелопаевъ, а въ отвѣтъ огонь еще чаще... Издали невольно думаешь: чортъ возьми, должно-быть тамъ уже не шутки! Въ результатъ одинъ или два раненые, и три десятка тысячъ выпущенныхъ патроновъ...

Но, само собою, не всегда такъ было. Иногда и огня такого не слышать, а раненыхъ и убитыхъ выносить десятками, сотнями, за то гиканіе и ура уже слышны не одиночныя, а цѣлыми хорами, очевидно сотенъ голосовъ; да въ промежуткѣ самый ужасный визгъ и звонъ картечи, пущенной изъ шестифунтовой или батарейной 12фунтовой пушки; все сопровождается какимъ то стономъ, трескомъ, адскимъ завываніемъ цѣлаго лѣса. Какъ будто проснулася какой-то міръ лѣшихъ и наполняетъ лѣсъ разными дикими волями и воемъ, справляя шабашъ!..

Отдохнувъ часа два, мы тронулись дальше, уже все почти берегомъ рѣки и вскорѣ достигли своего назначенія, т.-е. бараковъ, устроенныхъ на обрывистомъ правомъ берегу Сулака, напротивъ укрѣпленій Чирь-юрта, возведеннаго на лѣвомъ берегу для прикрытія повторнаго моста.

Чирь-юртъ собственно названіе аула, но у насъ онъ сдѣлался именемъ, такъ сказать, собирательнымъ. Во первыхъ, аулъ въ верстѣ выше моста, состоявшій изъ 200 домовъ, населенный туземцами, не помню назвіе шамхальскаго владѣнія, или той группы Кумыковъ, которые занимали низовья Сулака, почти до впаденія его въ Каспійское море, какъ Кастековцы, Казіюртовцы и другіе. Вторыхъ, укрѣпленіе охранявшее мостъ-переправу, чрезвычайно важную какъ единственную на прямомъ сообщеніи Дагестана съ крѣпостями и войсками кумыкской плоскости или лѣваго фланга Кавказской линіи, готовыми всегда въ случаѣ надобности оказывать другъ другу поддержку въ борьбѣ съ сильнымъ тогда непріателемъ. Въ этомъ укрѣпленіи была штабъ-квартира линейнаго баталіона. Встрѣтыхъ, бараки построенные для помѣщенія по очереди высылаемаго сюда баталіона Дагестанскаго лѣхотнаго полка, главною обязанностью коего было давать нужное число рабочихъ для построекъ въ штабъ-квартирѣ драгунскаго полка, а также усиливать охрану побережья Сулака отъ вторженія горцевъ. Вчетвертыхъ, штабъ-квартира Нижегородскаго драгунскаго полка, версты двѣ ниже бараковъ по теченію рѣки, на правомъ же берегу, постройка коей начата въ 1846-мъ году, съ переводомъ сюда полка изъ Кара-агача въ Грузію, гдѣ они прожили чуть не полвѣка. Вотъ эти-то четыре поселенія и назывались общимъ именемъ Чирь-юртъ.

у, и мѣсто же этотъ Чирь-юртъ, чтобъ ему пусто было! течение лѣта, особенно съ половины юня до сентября, съ отъ 6—7 часовъ утра до 7—8 часовъ вечера дуетъ ой-то сѣверо-восточный ураганъ. Ничего подобнаго ни Кавказѣ, ни въ южной Россіи я не встрѣчалъ. Бываютъ и этихъ мѣстахъ лѣтомъ сильныя вѣтры, дующіе иногда нѣдѣй сряду, поднимая тучи песку и пыли, сжигая кую растительность и доводя до отчаянія не только ей, но и животныхъ; но такого вѣтра, такихъ тучъ и, песку и *желкаго щебня*, такого лостоянства и аккумуляти, въ теченіе не менѣе 70—80 дней, *бвзъ единого исченія* какъ въ Чирь-юртъ, я самъ не встрѣчалъ, да и не аю чтобы читалъ гдѣ-нибудь о другихъ азіатскихъ мѣахъ. До шести часовъ утра тихо, небо чисто-голубое ице во всемъ блескѣ, птички щебечуть, порхаютъ, разлетающія насѣкомыя носятся въ воздухѣ, видишь ей, оживленно движущихся, что-нибудь дѣлающихъ; ю семи часовъ начинается легкое поддуваніе, точь въ ь какъ будто собраніе съ силами, какъ раскатываніе готовящее движеніе слишкомъ тяжелаго предмета; дволь поддуваніе переходитъ въ болѣе рѣзкіе частые лвы, начинаютъ закруживаться столбики пыли; птички, акомыя, даже собаки куда-то скрываются, солнце приви-тъ мутноватый отблескъ... Къ восьми часамъ начинается га преставленіе. Съ воемъ и ревомъ несутся страшныя ы бѣшенаго урагана; окрестность скрывается какъ бы сильномъ туманѣ; солнца не видно, изрѣдка только но замѣтить какой-то тускло-желтый шаръ, точно мѣд-тазъ; ни единого живаго предмета; кругомъ все скры-отъ этихъ тучъ песку и камешковъ, хлещущихъ въ , проникающихъ въ глаза, въ носъ, ротъ, уши... А ьтъ съ тѣмъ жаръ невыносимъ: 35—40° по Реомюру, бравшись въ маленькую конуру, съ плотно закупорева оконцами, еще сверхъ того прикрытыми снаружи ьменными матами, я бывало задыхаюсь, истома одолѣ-тъ, слабость всѣхъ членовъ какъ у тяжко больного: ни ія, ни сна. Въ довершеніе муки—множество сороконо-ь, макрицъ, пауковъ, клещей, другихъ подобныхъ га-и немало скорпіоновъ и даже фалангъ, не говоря о адахъ мухъ... И все это собирается въ злосчастныя ки терзать обреченныхъ на жертву людей, терзать т. схиш.

влрочемъ больше ихъ воображеніе, ихъ нервную систему чѣмъ тѣла: несчастныхъ случаевъ отъ укушенія ядовитыхъ наѣдомыхъ я не слыхалъ, хотя не разъ ловили скорпионовъ. Отъ заноса лещу не было никакого спасенія: сквозь маты и стекла, сквозь стѣны и крыши просасывался этотъ врагъ нашъ, и мы должны были въ ѣдѣ и литѣ ощущать на зубахъ непріятное хрустѣніе лещу; также не сласали никакія мѣры отъ мухъ: и во время варки обѣда, и во время ѣды, онѣ тоже какія-то изнеможенные, обезсиленные сотнями валились въ кушанье, отравляя и безъ того въ концѣ отравленное существованіе человѣка.

Иныя жаркіе дни были въ особенности невыносимы. Съ 9—10 часовъ становилось до того душно въ плотно затворенномъ баракѣ, мухи до того надоедали что приходилось опустить снаружи маты на окнахъ, а изнутри завѣсить ихъ еще чѣмъ-нибудь плотнымъ и лежать въ темнотѣ, безъ движенія, въ поту и истомѣ. Иныя болѣе счастливыя натуры умѣли заснуть и просыпаться ко времени заката солнца, когда вѣтеръ начиналъ стихать и можно было наконецъ выйти на воздухъ; но я не принадлежалъ къ числу этихъ счастливыхъ: раздѣнешся, ляжешь плотно завернувшись въ простыню, спасаясь отъ гадовъ, и мучишься весь день, то вставая, то куря, то опять ложась. Просто пытка! Въ довершеніе всего вода изъ Сулака мутная, теплая, съ сильною примѣсью сѣраго вкуса отъ горячихъ сѣрныхъ источниковъ вблизи у берега.

Какъ болѣе выносливые, притерпѣвшіеся ко всему, солдаты, само собою, не до такой степени терзались и проводили дни во снѣ; но и они проклинали этотъ гнусный Чиръ-юртъ. Въ это время наряжавшіеся на работы въ драгунскій штабъ люди дѣлали кое-что рано утромъ да вечеромъ, остальные же часы спали себѣ преспокойно гдѣ-нибудь въ тѣни, за вѣтромъ. Другой службы никакой отъ нихъ и не требовали.

Въ одинъ изъ такихъ убійственныхъ дней была получена почта и пріятное извѣстіе о вышедшихъ наградахъ за наше дѣло 24го октября: майору Б. Анну 2й степени, май и Федосѣву 3й съ бантами (мечей тогда еще не существовало), а капитану Б—скому Владиміра 4й степени.

Но всему бываетъ конецъ и всякое горе излѣчивается великимъ цѣлителемъ временемъ. Насталъ конецъ августу: ураганъ сталъ видимо слабѣть, начинался позже, затихалъ

разъше, иной разъ два дня совсѣмъ замолкнетъ, послѣ вдругъ опять какъ-то порывисто, судорожно завоетъ, закрутитъ, подыметъ облака дыма и исчезнетъ, пока не стигнулъ окончательно; освобождая насъ послѣ трехмѣсячной осады. Началась совсѣмъ другая жизнь.

Почти каждый день ѣздилъ я къ драгунамъ; командовалъ ими тогда князь Ясонъ Чавчавадзе, одинъ изъ гостепріимнѣйшихъ людей даже на Кавказѣ. Домъ его былъ дастежь; съ утра до ночи толпились почти всѣ офицеры полка и случайные прѣзжіе гости; все это пило, кушало, расходилось по комнатамъ занятымъ племянникомъ князя калитомъ Захаріемъ Чавчавадзе (нынѣ генералъ-лейтенантъ) отдыхать, опять собирались къ чаю, къ ужину, играли въ карты до поздней ночи. Почти каждый день предъ вечеромъ являлись лихіе пѣсенники и потѣшали своего командира солдатскими пѣснями, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ. Особенно, помню, восторгался онъ одною: „Ахъ, Дунай мой, Дунай,“ при которой пѣсенники двигались какимъ-то хороводомъ и заканчивали самымъ захватскимъ гикомъ, свистомъ, громомъ, трепакомъ, за чтѣмъ и получали каждый разъ по чаркѣ.

Благодаря знанію грузинскаго языка и знакомству со многими кахетинскими князьями, родственники коихъ служили въ Нижегородскомъ полку, я былъ въ домѣ князя Ясона принятъ какъ свой и пользовался такимъ радушиемъ расположеніемъ его и его добрѣйшей, уважаемой супруги что это время—лѣто и часть осени 1853 года—принадлежитъ тоже къ одному изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній въ моей долголѣтней кавказской жизни. Къ этому же времени относится и мое доброе знакомство съ княземъ Амилахвари, тогда молодымъ прапорщикомъ, нынѣ генераломъ и начальникомъ кавалеріи въ отрядѣ генерала Тергукасова.

Милѣйшій нашъ майоръ, какъ только утихъ ураганъ, тоже воспрянулъ и дорвался до давно желаннаго занятія: сталъ почти ежедневно выводить баталіонъ на ученіе. Въ числѣ доблестей и великихъ качествъ которыми онъ особенно гордился, было, по его неоднократнымъ разказамъ, такое знаніе фронтовой науки что на Кавказѣ едва ли еще могло найтись два-три человека ровни ему. Вѣдь не даромъ же онъ былъ въ корпусѣ „первымъ изъ артиллеріи и фортификаціи!“

— Знаете ли, рассказывалъ онъ однажды, — что въ Дворянскомъ Полку меня всегда назначали ординарцемъ къ великому князю Михаилу Павловичу? Одинъ разъ подхожу, беру на караулъ и такую „хватку“ сдѣлалъ что ложи какъ не бывало: только щелчки полетѣли!

Разкащикъ прибавлялъ что великій князь, увидя это, сказалъ будто бы: „Молодецъ! Вотъ такихъ бы намъ во всю армію!“

Начались ученія, начались наши мученія: кромѣ крику, суетни, ругани, стремленія къ *красотѣ* ружейныхъ приемовъ, къ *поэзій* въ маршировкѣ, однимъ словомъ къ плацпараднымъ тогдашняго времени тонкостямъ, ничего больше не выходило.

— Господинъ поручикъ такой-то, что вы какъ баба предъ фронтомъ ходите? Извольте маршировать какъ слѣдуетъ. Извольте смотрѣть на меня! И пустится показывать, и нужно отдать ему справедливость, промаршируетъ такимъ големомъ, грудь выпучить, животъ встанетъ, голову прямо, глаза на одну точку устремить, коѣна не сгибаетъ, носокъ выносить, а каблукъ уносить, — что я начиналъ вѣрить что онъ былъ первымъ „изъ артиллеріи и фортификаціи“... А ужъ съ полнымъ стаканомъ на кивертѣ прошелъ бы конечно не проливъ ни капли!

Раза два-три бѣжали мы и на тревоги по выстрѣламъ изъ Миланской башни, но, какъ это большею частью водилось, напрасно: приблизимъ запыхавшись, услышимъ стереотипную фразу: „партія показала съ намѣреніемъ переправиться на нашу сторону, но вернулась“, и повернемъ назадъ. Одинъ разъ выстрѣлы загудѣли уже слишкомъ часто, такъ что можно было думать ужъ не самую ли башню атаковали герцы; мы бѣжали что было мочи, два драгунскихъ эскадрона прискакали, обогнавъ насъ не доходя до башни; оказалось что бывший тамъ прапорщикъ линейнаго баталіона, посланный въ караулъ на башню въ наказаніе, безъ очереди, на цѣлый мѣсяцъ, нализался зѣло и затѣялъ пашбу. На вопросъ прискакавшаго съ драгунами генералъ-майора Суслова (ему тогда поручено было общее начальство надъ войсками по Сулаку расположенными) что случилось — лѣнивымъ прапорщикомъ лодбоченясь, пресеріозно отвѣтилъ ему „изъ амбразуры: „Хотѣлъ узнать, какъ здоровье Маріи Ивановны Г.“ (жены одного офицера).

Генералъ взбѣсился, а мы покатались со смѣху.

Только одна тревога оказалась не фальшивою и окончилась не пустяками. Въ одно послѣобѣда пасмурнаго дня мимо бараковъ нашихъ пронесся 3й эскадронъ драгунъ направляясь къ мосту, передавъ при этомъ приказаніе послать саѣдомъ за нимъ двѣ роты. Случилось однако такъ, что въ сборѣ оставалась только одна моя рота, остальные три были раскомандированы на работы, въ Евгеніевское укрѣпленіе за чѣмъ-то, въ полковой штабъ Ишкарты и т. д. Пришлось мнѣ одному бѣжать за драгунами. Пока я спустился съ обрыва къ мосту, пока перешелъ черезъ скрипящій, стонущій и качающійся мостъ, при энергическихъ напоминаніяхъ и внушеніяхъ смотрителя-офицера изъ Финновъ идти тише, пока взобрался на противоположный крутой подъемъ около укрѣпленія и вытанулся наконецъ съ версту по ровной дорогѣ, смотрю—эскадронъ уже возвращается шагомъ назадъ. Я тоже остановилъ роту.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я у эскадроннаго командира капитана Позняка.

— Да сумашедшій Захарка надѣлалъ хорошаго дѣла: лутсиася въ бродъ, потопилъ людей и лошадей, наткнулся на огромную партію и едва отдѣлался. Горцы, увидя мое приближеніе съ эскадрономъ, поспѣшили уйти.

Возвратясь въ баракъ, я поѣхалъ въ драгунскій штабъ узнать подробности. Оказалось слѣдующее. Партія чело-вѣкъ въ 300 подѣхала къ Сулаку, ниже штаба верстахъ въ двухъ, и начала осматривать и испытывать броды, очевидно имѣя намѣреніе перебраться и двинуться куда-нибудь для значительнаго набѣга. Совершенно случайно увидѣлъ ее какой-то изъ женатыхъ поселенцевъ, размыкивавшій заблудившуюся корову что ли, и приближалъ дать знать. Князь Чавчавадзе приказалъ трубить тревогу и одному эскадрону скакать къ мосту, чтобы лѣвою стороною угрожать отступленію непріятеля, если онъ уже успѣлъ переправиться черезъ рѣку, а другому слѣпить правымъ берегомъ, чтобы или атаковать горцевъ, или не допустить ихъ до переправы. Въ первомъ направленіи поскакалъ 3й эскадронъ, во второмъ—7й, командиръ—племянникъ полковника капитанъ Захарій Чавчавадзе, котораго и звали всегда и вездѣ Захарка, съ нимъ и прапорщикъ князь Николай Амилахваровъ.

Проскакавъ съ первыми нѣсколькими чело-вѣками версты двѣ внизъ по теченію, Чавчавадзе видитъ что вся партія

стоитъ на противоположномъ берегу. Не долго думая, онъ бросается въ бродъ. Нужно сказать что Сулакъ—рѣка значительная, быстрая и глубокая, переправиться въ бродъ можно съ рискомъ и то не всегда, въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ, привычному человеку и коню.

Съ чисто-кавказскою отвагой, съ единственною заботой какъ бы непріятель не ушелъ безъ дѣла, Чавчавадзе не оглянулся даже чтобы дать эскадрону становиться, а поспѣлъ прямо въ рѣку съ двумя или много съ тремя десятками человекъ; на срединѣ рѣки нѣсколько драгунъ опрокинулись и были снесены теченіемъ, одинъ утонулъ, у двухъ утонули лошади, а сами они какъ-то прибились къ берегу, съ остальными Чавчавадзе сталъ подниматься на противный крутой берегъ почти безъ дороги, кому гдѣ удобнѣе было, и когда собралось не болѣе взвода, около 25 драгунъ, этотъ храбрецъ выхватилъ шашку и кинулся въ атаку на толпу въ 300 человекъ, стоящую въ полной готовности. Между тѣмъ, то по два то по три, прибывали и остальные люди эскадрона, переправляясь выше и ниже по своему усмотрѣнію, и достигнувъ берега вскачь пускались къ своимъ товарищамъ, врубившимся уже въ непріятеля.

Дерзость ли нашихъ драгунъ, пустившихся въ бродъ и на десять разъ сильнѣйшаго непріятеля въ атаку, боязнь ли какой-нибудь хитрости съ нашей стороны озадачили горцевъ, не знаю; но даже трудно себѣ представить, какъ они не воспользовались такимъ удобнымъ случаемъ уничтожить эскадронъ почти по одиночкѣ. Стоило имъ снять первую кучку и тогда всѣ догоняющіе, вабиравшіеся на крутой берегъ одиночные драгуны попадали бы имъ въ руки какъ въ силки. Такъ или иначе, Чавчавадзе и Амилахверовъ, выхвативъ шашки, врызались со своими 25—30 человекъ и начали работать... Но и горцы не ударили лицомъ въ грязь: человекъ 40—50 встрѣтили нападающихъ почти безъ выстрѣла, тоже съ шашками. Произошла рѣзня, чисто кавалерійская рубка: Захарій Чавчавадзе получилъ сильный ударъ по кисти правой руки, не прикрытой эфесомъ (шашки у драгунъ были кавказскаго образца) и другой весьма сильный по лѣвому плечу; но такой несчастный случай: на конѣ былъ сюртукъ съ эполетами и ударъ прорубивъ почти насквозь кованый эполетъ не причинилъ вреда; не будь эполетъ (а вѣдь на Кавказѣ они надѣвались въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, обыкновенно ходили и в

службу съ тогдашними узелъскими поперечными погончиками), тамъ бы ему конечно и лечь жертвой неумѣстно безумной отваги. Амилахварову пуля въ близкомъ разстояніи, вѣроятно пистолетная, попала въ голову, сзади лѣваго уха, причинивъ сильную, глубокую рану. Нѣсколько драгунъ изрублено, нѣсколько ранено, нѣсколько лошадей порублено... И орды очевидно уже стали приходить въ себя отъ перваго внезапнаго впечатлѣнія и нашими смельчакамъ могло придтись сосѣдствъ плохо. Въ эту минуту сѣвѣ по дорогѣ замѣчается столбъ дыма, непріятельскій пикетъ дѣлаетъ выстрѣлъ—это показался скачущій Познякъ съ 3мъ эскадрономъ. Партія начинаетъ медленно отступать, удерживая ружейными выстрѣлами насѣданіе 7го эскадрона, и отойдя съ версту потянулась въ гору къ лѣсистому хребту.

Такъ окончилась эта тревога и Захарій Чавчавадзе и Амилахваровъ отъ ранъ излѣчились, безъ особенно вредныхъ послѣдствій. Оба они лежали рядомъ въ комнатахъ дома полковаго командира и у нихъ постоянно толпились офицеры; говоръ, лѣсни, шумъ, чаепитіе, закуски, безъ конца до поздней ночи.

Вскорѣ послѣ этого получили мы извѣстіе о начавшейся войнѣ съ Турками, а вслѣдъ затѣмъ приказаніе всему драгунскому полку выступить чрезъ Тифлисъ въ Александрополь.

Чиръ-юртъ опустѣлъ. Шумъ смѣнился тишиной. Въ драгунскомъ штабѣ остались одни женатые поселяне, нѣсколько востроевыхъ солдатъ и офицеровъ съ семьями. Весь интересъ сосредоточился на извѣстіяхъ изъ Турціи. Мы крѣпко завидовали драгунамъ и плакались на свою горемычную судьбу. Въ самомъ дѣлѣ: вмѣсто того чтобъ идти сражаться съ Турками, принять участіе въ большихъ сраженіяхъ, отличиться или лечь геройски,—сиди въ опротивѣвшихъ невыносимо-скучныхъ баракахъ, ходи на ученія, выслушивай дерзости помѣтшаго Б. и оставайся въ какомъ-то раздраженномъ, почти безнадежномъ положеніи. Охъ, какъ грустно становилось подъ часъ! Какъ хотѣлось хоть какой-нибудь перемѣны, какого-нибудь улучшенія существованія,—въ нравственномъ смыслѣ, конечно, о матеріальномъ мы мало заботились, привыкли ко всякой гадости, да и съ прекращеніемъ урагана, съ наступленіемъ осени столыка оказывалась даже лучше Кутушинской.

Сю минуту, дописывая послѣднія слова, я вспомнилъ объ одной замѣчательной личности въ драгунскомъ полку, о

кѣторой въ видѣ куріоза стоить сказать нѣсколько словъ. Служилъ тамъ юнкеромъ одинъ князь, да еще свѣтлѣйшій. Это былъ богатѣйшій матеріалъ для психологическихъ исследованийъ. Я, насколько поможетъ мнѣ память, разкажу здѣсь нѣсколько чертъ образа жизни этого антака въ своемъ родѣ.

Любилъ онъ пьянствовать; но не въ самомъ пьянствѣ была суть его удовольствія; напротивъ, еслибъ его пригласили въ офицерскую компанію и предложили шампанскаго, онъ бы непременно отказался. Ему нужно было зайти въ кабакъ, устыться тамъ за грязный столъ съ какимъ-нибудь фурштатомъ, чьимъ-нибудь деньщикомъ, потребовать штофъ, зеленого стекла грязный шкаликъ и пить, точъ въ точъ какъ простой народъ нашъ пьетъ, вести сначала пошлый разговоръ, послѣ затянуть тѣсики, а улупившись затѣвать драку, быть избитымъ, получить фонари подъ глазами, оказаться съ разодранною шинелью и бѣедемъ, свалиться и заснуть тамъ же въ кабацкѣ подъ столомъ... Все наслажденіе его заключалось не въ водкѣ, не въ томъ чтобы нализаться, утопить горе или удовольствовать несчастной болѣзни, залоемъ называемой; нѣтъ, онъ не страдалъ залоемъ, онъ могъ пожалуй не пить, ему это все равно было, ему главное, нужно было окунуться совѣмъ съ головой въ жизнь солдата, простолюдина, пропойцы какого-нибудь, кабачнаго завсегдатая; ему нужно было быть въ роли солдата, фурштата, извощика, чего хотите, — только не аристократа, не привилегированнаго человека, не бѣлоручки. И мало быть вообще въ роли солдата или извощика, нѣтъ, именно въ той части его роли, когда солдатъ или извощикъ пьянствуетъ, безобразничаетъ; онъ именно искалъ компаніи съ такими солдатами и деньщиками, съ такими бабами, которые уже извѣстны были среди своихъ за драку, пьяницы и пролащихъ людей!....

Онъ никогда ничего не читалъ, не писалъ, избѣгалъ всякаго общенія съ интеллигентною частью окружающаго общества. Иной разъ вдругъ оборветъ всѣ сношенія съ солдатскою компаніею и весь окунется въ кругъ духаниковъ изъ Армянъ и мирныхъ туземцевъ ближайшихъ ауловъ. Покупаетъ, продаетъ, мѣняетъ лошадей, производить какія-то таинственныя сношенія, уѣзжаетъ куда-то, нарядившись въ азіатскій костюмъ, пролаждаетъ по цѣлымъ медѣлямъ въ Петровскѣ, въ Кизлярѣ. Вдругъ опять по-

явится и ознаменуетъ появленіе какимъ-нибудь кабацкимъ скандаломъ.

Въ полку на него махнули рукой; онъ выпросился въ партизанскую команду, которою завѣдывалъ славный малый поручикъ графъ Менгденъ, а этотъ убѣдившись въ рѣшительной невозможности что-нибудь сдѣлать съ княземъ, далъ ему волю дѣлать что хочетъ и убираться хоть къ Шамилю, хоть къ самому чорту. Вотъ и шатался онъ по всѣмъ окрестностямъ съ кунаками. Когда же тѣ убѣдились что онъ богатый человѣкъ, то задумали утащить его въ горы въ лѣны и пользоваться знатымъ выкупомъ. Стали подкарауливать и ждали удобнаго случая. Таковой имъ вскорѣ и представился.

Возвращаясь какъ-то князь изъ Петровска въ Чирь-юртъ. Отдохнувъ на дорогѣ у казачьяго поста, проглотивъ изрядное количество сивухи въ духанѣ съ казаками, онъ, уже хмѣльной, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Верстахъ въ двухъ отъ поста, изъ балочки вдругъ выскакиваютъ три горца и прямо къ нему. Смекнувъ въ чемъ дѣло, князь пускаетъ коня маршъ-маршемъ по дорогѣ. Горцы за нимъ. Версть осмынадцать удиралъ онъ отъ нихъ и благодаря отличному скакуну успѣлъ-таки вокочить въ Чирь-юртъ, хотя погоня настигала чуть не на хвостъ лошади. Горцы отстали уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ драгунскихъ конюшень, пустивъ ему въ догонку два выстрѣла. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ осторожнѣе. Въ послѣдствіи слышалъ я отъ знакомыхъ драгунъ что въ Азіатской Турціи князь упрямилъ генерала Багговута, бывшего тамъ начальникомъ кавалеріи, взять его къ себѣ ординарцемъ. Генералъ согласился и думалъ держать его при себѣ въ обыкновенной роли ординарца для посылокъ со служебными приказаніями и т. п., въ качествѣ личнаго адъютанта; но князю такая роль была не по душѣ: онъ предпочелъ присоединиться къ компаніи вѣстовыхъ, чистилъ генеральскихъ лошадей, водилъ ихъ на водопой, обчищалъ навозъ у коновязей и проч.

Таковъ былъ этотъ непомято-уродаивый субъектъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, изъ военныхъ приказовъ я узналъ что онъ произведенъ въ офицеры въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. ЗИССЕРМАНЪ.

РУССКІЙ ХУДОЖНИКЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ *

ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ

СЕМЕЙНЫЯ ПИСЬМА ПОКОЙНАГО НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА РАМАЗАНОВА

XII.

Неаполь (мѣтомъ 1844). Что это за шумъ, за гвалтъ сегодня въ Неаполѣ; хотя здѣсь всегда шумно необыкновенно, такъ что Валери говоритъ: les Napolitains sont les maîtres dans l'art de crier, но сегодня Неаполитанцы просто себя превзошли. Представьте, все что есть народа, лошадей, экипажей — все это летитъ сломя голову по превосходной здѣшней мостовой. Вотъ въ цѣптахъ, въ лентахъ, со знаменами, съ распушенными плашками, съ образами, съ каштанами, съ вѣсками. Я стою на балконѣ въ квартирѣ синьора Коломби, прекраснаго молодого Неаполитанца, очень образованнаго и занимающагося самоучкой русскимъ языкомъ, и спрашиваю его что означаетъ эта сумятица. Сегодня праздникъ Madonna dell'Arca и весь народъ стремится туда. Что за балконъ у синьора

* См. *Русскія Вѣстники* № 11 и 1877 и № 2 и 1878 года.

Колонны, нельзя желать лучшаго! Неаполь и море со своими островами какъ на блюдечкѣ. Не прошло и получаса какъ синьоръ Колонна отрекомендовалъ меня и Рязанова синьорѣ Маріи, очень хорошенькой молодой Неаполитанкѣ, которую онъ называетъ своею воспитанницей. Не прошло олять получаса какъ начали являться и другія молоденькія Неаполитанки, а съ ними и кавалеры. Здѣсь достаточно одного взгляда чтобы сдѣлать знакомство, и потому чрезъ нѣсколько минутъ мы уже разсыпались въ любезностяхъ съ откровенными, прямыми Итальянками; а потомъ уже синьора Марія переставляла мои пальцы на клавишахъ прекраснаго флигеля, дабы научить меня играть тарантеллу. Она хотѣла непременно плясать, чтобы мы имѣли понятіе о ихъ національномъ танцѣ, и требовала отъ насъ русской пляски. Въ этомъ миломъ, нецеремонномъ обществѣ мы веселились за полночь, очарованные глазами, ротиками, таліями; за то въ свою очередь, синьора Марія сказала что двое молодыхъ русскихъ чрезвычайно милы и очень ей нравятся и цѣловала въ передней наши шляпы, какъ мы лотомъ узнали. О, синьора Марія большая шалуныя! Да и не можетъ быть иначе при здѣшнемъ пылкомъ, живомъ характерѣ. Надо сказать правду что Неаполь въ удобствахъ жизни, въ движеніи далеко превзошелъ Римъ, въ который пріѣзжаешь изъ Неаполя какъ въ деревню: не говорю конечно о Ватиканѣ и другихъ римскихъ чудесахъ. Въ самомъ Неаполѣ музеумъ превосходный, но описывать его на лету невозможно, — къ тому же я не имѣлъ достаточно времени осмотрѣть его какъ слѣдуетъ. Строеній замѣчательныхъ въ Неаполѣ мало; а новая церковь что противъ дворца—уродство въ высочайшей степени. Всѣ столицы міра помѣшались на римскомъ Петрѣ и на Берниніевской колоннадѣ, и всѣ онѣ обладаютъ пародіями, которыя дожата стыдомъ на бездарность архитекторовъ. Казарма, которая говоритъ послужила Кокорину образцомъ для построения нашей Академіи, далеко уступаетъ въ красотѣ послѣдней. Театръ Санъ-Карло громаденъ, да что толку въ большомъ болванѣ; послѣ Рима становишься взыскательнѣе и къ себѣ, и къ другимъ. Вообще вкуса у Неаполитанцевъ немного, даже и въ малыхъ вещахъ; римскіе *pizzascioli* (въ родѣ нашихъ колбасниковъ) просто художники въ сравне-

ни съ неаполитанскими; надо видѣть какъ красиво, какъ аппетитно они развѣшиваютъ въ лавкѣ свои сыр, колбасы, колбасику; какъ грулируютъ банки, боченки съ простями, съ ликантностями. Да, Неаполитанцы безвкусны, несмотря на то что помпейскія выѣски хранящіяся въ музеумѣ, могли бы послужить къ развитію въ нихъ изящнаго вкуса; но надо отдать справедливость сицилійской лавкѣ на улицѣ Св. Бригиды. Здѣсь царство ликантностей въ самомъ блестящемъ, гармоническомъ видѣ; все что только шибетъ море добраго, все здѣсь просолено, мариновано, варено, жарено, полужарено; а ужъ какая марсала: такой въ самой Сициліи не льютъ.

Вы можете-быть спросите есть ли публичное гульбище въ Неаполѣ, и я отвѣчу что оно едва ли не выше всѣхъ столичныхъ гульбищъ. Вилла Реале, расположенная по берегу моря, съ прекрасными развѣсистыми деревьями, съ прозрачнымъ, здоровымъ воздухомъ, представляетъ необыкновенно пріятное мѣсто, съ которыми я, какъ и со всѣмъ Неаполемъ, долженъ проститься. Витурино нанять и ѣдетъ насъ въ Капуѣ, куда мы отправляемся по только-что открытой желѣзной дорогѣ. Здѣсь во время завтрака нашего намъ ужасно надоѣлъ импровизаторъ, старичишка безъ зубовъ, безъ голоса, съ разбитою мандолиной, который воспѣвалъ намъ лутешество, и такъ какъ изобрѣтательность его также выѣстъ съ нимъ состарѣлась, то онъ съ полчася растягивалъ на всевозможные тоны: „добрый путь синьѣоры“. Волѣдъ за этимъ, мы отправились въ Санта-Агату, а вечеромъ уже были въ Molle di Gaetta, гдѣ наслаждались прогулкою при лунѣ. Море было восхитительно; вдали видѣлась гора Torre di Orlando, гдѣ былъ праздникъ и жители слугили фейерверкъ, что было очень эффектно. До Террачины мѣста очень дики, но живописны. При самомъ вѣздѣ въ Террачину мы опять увидѣли море, дающее всегда жизнь городамъ, лежащимъ подлѣ него; но здѣсь хотя и портъ, и городъ, но дикость и мрачность оказалъ, которая смотрятъ на эти крошечные домики, наводятъ грусть на душу. Осматривая здѣшнія церкви мы по ошибкѣ попали въ женскій монастырь, изъ котораго намъ очень учтиво показали дорогу назадъ, а монашенка смотрѣвшая въ это время изъ оконъ, не мало смѣялась надъ нами, забывъ христіанское смиреніе. Изъ монастыря мы ударились во внутрь города, гдѣ наткнулись на казематъ, который

ходимъ въ этомъ краѣ, изобилующемъ ворами и раз-
идами; самая мѣстность около Террачины много спо-
гвуетъ ихъ удалству и беззаконному ремеслу гра-
лей. Въ окнахъ каземата мы встрѣтили такіа отчаян-
разбойничьи рожи что какъ мы ни любимъ живопис-
ь и картинность одушевленныхъ и неодушевленныхъ
метовъ, но на этотъ разъ не хотѣлъ бы имѣть подоб-
модели предъ глазами. Мусье, мусье, date mezzo bai-
кричать они одинъ за другимъ и потомъ всѣ залива-
самымъ непріятнымъ смѣхомъ, потрясающимъ до
ны сердца и превращающимъ чувство состраданія
чувство отвращенія. Въ сумерки я сидѣлъ у окна
смотря на море, былъ совершенно одинъ и мнѣ что-
то стало грустно. Однообразный прибой морскихъ
ь совершенно согласовался съ расположеніемъ моего
а можетъ-быть оны-то и былъ причиной моего безот-
ого раздумья... Вдругъ слышу знакомый темль знакома-
нца, при которомъ въ Римѣ я никогда не могу быть
одушенъ. До меня долетаютъ звуки бубенъ, рѣзкій
танцующихъ; выглядываю въ окно... Салтарелла въ
омъ разгарѣ на самомъ берегу моря. Я ожилъ и долго
вался этимъ не размашистымъ какъ русская пляска, но
шено особеннымъ, живымъ, граціознымъ танцемъ.
дикъ для назъжаго иностранца; но когда ознакомишься
тнью жизнью, съ характеромъ здѣшняго простона-
а, то влодѣвъ поймешь эту яредельность выразительныхъ
ній. Разъ какъ-то въ Римѣ я былъ приглашенъ
Огаревой отобѣдать вмѣстѣ съ ней, съ Воробьевымъ
двумя пріѣзжими Русскими въ Трастевеѣ. Обѣда-
чисто римскій народный, простой, но превосход-
а vino sincero мы пили какъ нектаръ. Послѣ обѣда
съ два игрока на мандолинахъ; одинъ изъ нихъ былъ
номъ смысломъ артистъ; дребезжація ноты, извлекавшія-
съ необыкновеннымъ проворствомъ пальцемъ изъ
аго инструмента падали на слухъ какъ электрическія
а и прожигали всѣ нервы. Это не музыка, а ольгаченье,
ъ! Вотъ вышла на средину комнаты стройная, черно-
а молодая дѣвушка, за ней молодецъ Трастевеѣнецъ.
жились, загорѣлись... утомились; я пошелъ выручить
янца; въ ту же минуту изъ толпы Трастевеѣнкоѣ по-
сь еще болѣе живая балерина, смѣнившая уставшую.

Сократъ (Воробьевъ) смѣнилъ меня; балерина стала третьею красавицею, и такъ пошла всѣ въ перебранку. Былъ безпрестанный смѣхъ: одинъ выручалъ друга, выручала другую. Живой танецъ зарумянилъ лица Т. веринокъ, которая совершенно утомившись не могла встать на мѣстахъ и снова порхала какъ птица изъ комнаты. Это просто танецъ смерти; я не знаю остался живъ!

Боже мой, когда мы пройдемъ Повтійскія болота! Проливной, пустырь на протяженіи 26 миль, только изредка буйволы, вѣчно покоящихся въ водѣ; корявые, изъѣденныя лица, да слышишь кваканье несмѣтнаго числа гусекъ. Дорога скучная, однообразная, прямая какъ линия исправнаго архитектора. Гнилая, вредная испарина такъ сильна лѣтомъ что единственная гостиница куда мы встрѣтили по дорогѣ и та пустая; всѣ жильцы съ вымытыми жарами удаляются отсюда боясь мучительныхъ жаровъ. Дождь провожалъ насъ до Велетри, слывшаго прекраснымъ виномъ, котораго мы между прочимъ пили. Здѣсь любезная церковь и колокольня Св. Климента. Наконецъ мы въ Аричи, Джерсано и въ Альби и следовательно всего двѣнадцать миль отъ Рима, гдѣ мы нестерпимы; иностранцы и художники покидаютъ

Представьте, только что теперь вспомнилъ, что въ Римѣ прекрасное Campo Santo; да впрочемъ всякая мысль о смерти здѣсь не находитъ мѣста въ головѣ. Кладбище расположено по горѣ; оно очень богато мраморными надгробниками всевозможныхъ родовъ и цвѣтами, такъ что и составляетъ собою пріятное мѣсто прогулки; да и видъ сюда на Неаполь и море—чудо! Изъ памятниковъ одинъ поразилъ новизной идеи, въ особенности; но и я прочиталъ на немъ имя Тенерани, художника отличающагося особенною изобрѣтательностію, то счелъ излишнимъ удивляться. На пьедесталѣ помѣщенъ мраморный ангелъ трубой въ рукѣ, ожидающій гласа Божьяго, дабы возвести часть справедливѣйшаго суда. Положеніе ангела указываетъ совершенно идею художника, которую помню съ разу.

Дѣла мои начнутся не ранѣе конца августа мѣсяца. Взялъ мастерскую уважающаго въ Петербургѣ милаго гановскаго, которому мы задали прощальный обѣдъ, и

это водится. Я и Рязановъ записные обѣдѣнные по-
 вожаемыя отсюда всѣхъ стихами, которые хотя и
 тѣ въ Лету, но въ данный моментъ производить желае-
 эффектъ. Въ настоящую минуту мнѣ захотѣлось крѣп-
 ть на мѣстѣ Логановскаго, чтобы провести съ вами
 медвѣлки двѣ, а потомъ опять подѣ небо Италию, гдѣ
 пріютно жить, свободно дышать, чувствовать и мыслить.

ХІІІ.

Представьте мое рискованное положеніе! Я уже дѣлаю
 путешествіе изъ Рима съ чужимъ паспортомъ. Ког-
 отъправился въ Неаполь, то наканунѣ дня отъѣзда мнѣ
 если паспортъ Климченки, уже визированный въ по-
 лтвахъ; въ короткое время нельзя было перемѣнить его,
 бывъ таковъ! По пріѣздѣ изъ Неаполя я явился въ
 цію, чтобъ объявить ей ея ошибку; но при отправленіи
 Аня Санта ошибка опять повторилась, поправлять
 пять было поздно,—я опять бывъ таковъ! Теперь ва-
 Николая перекрестили въ Константина; но обидѣе
 о что всѣ любезности женскаго пола я получаю на
 Климченки, котораго паспортъ лобывалъ въ такихъ
 дахъ что ему и во снѣ не снились. Теперь мы
 Чарпі; солнце жжетъ, ко сну такъ и клонить; но я
 осилилъ себя и отправился съ Бейме въ кафе, отку-
 мы сдѣлали рисунки частички города. Около насъ
 опытныхъ было цѣлое стадо; потомъ я одинъ отпра-
 ся къ Ponte rotto, который находится за городомъ въ
 звычайно картинномъ мѣстѣ; красивѣе этого моста изъ
 внихъ я еще не встрѣчалъ; детали его прекрасны. Въ
 время какъ я рисовалъ его поднялся ужасный вѣтеръ,
 оловившій Тибръ и загнавшій меня въ австерію, гдѣ я
 иелъ общество Италианцевъ простаковъ, игравшихъ въ
 ты. Я вступилъ съ ними въ разговоръ и сталъ упрекать
 за горячность и вѣчную готовность прыгнуть кожомъ
 тру, незнакомца, брата, отца. „Такая кровь!“ отвѣчали
 въ вѣчное свое оправданье. За нѣсколько дней предъ
 амъ отъѣздомъ изъ дома, въ воскресный день, вышла
 ра въ австерію; одни говорятъ: изъ-за женщины, дру-
 —изъ-за запрещенной игры, называемой passatello, кото-

рой я васъ научу когда буду въ Петербургѣ. Результатомъ этой ссоры была смерть четырехъ молодыхъ Италианцевъ: одинъ изъ нихъ, получившій ударъ ножомъ подъ сердце, упалъ замертво на земь; на него уже никто и не обращалъ вниманія; но спустя несколько секундъ упавшій немощно очнулся и собравъ послѣднія силы почти подползъ къ своему убійцѣ и далъ ему смертельную рану ножомъ же въ бокъ. Насъ везъ ветурино Джиузелло, молодой, славный малый, который хвалился всевозможные закоулки Италиі и жестоко ругалъ Римлянъ за безсовѣстность, виченство и разбойничество. „Былъ я разъ въ Римѣ съ двумя моими товарищами, рассказывалъ онъ. Въ остеріи встрѣтились мы съ Римлянами, которыхъ было человекъ десять; они предложили сыграть въ *passatello*—мы согласились. Проигравшіеся выставляли фольетъ; выпито было много. Римляне охмѣлѣли и раздосадованные проигрышемъ требовали чтобы мы выпили все вино которое принадлежало намъ по праву выигрыша. Намъ было не въ мочь; мы, чтобы показать что не гнушаемся ихъ виномъ, предложили взять его съ собою; но Римляне вынули ножи. Трое противъ десятихъ—плохо! Товарищъ мой потушилъ лючерку и мы, воспользовавшись темнотою, ускользнули чрезъ заднія двери авостеріи. На другой день эти каналы были взяты полиціей всѣ израненные; въ потьмахъ, пьяные, не подозревая нашего ухода, они рѣзали другъ друга и одинъ изъ нихъ имѣлъ двадцать двѣ раны.“ Откуда у нихъ набралось ножей? спросилъ Бейне у Джиузелло. „Всегда при насъ,“ отвѣтилъ послѣдній. „Привстаньте сеньйоры!“ сказалъ онъ трусливому Бейне и вытащилъ изъ-подъ его подушки порядочной величины ножъ, тронулъ пружину и орудіе было къ его услугамъ. „Только я, при моемъ ветуринаскомъ ремеслѣ, ношу его про всякій случай, на защиту, и никогда не подниму его какъ разбойникъ, какъ Римлянинъ; у меня есть хлѣбъ, я работаю; а Римляне—туесадцы.“ Кстати скажу вамъ еще объ одномъ случаѣ, бывшемъ въ прошломъ лѣтѣ, въ Орвиетто, котораго свидѣтелями были двое моихъ товарищей. На городской площади, днемъ, при большомъ стеченіи народа, убилъ братъ брата и убѣжалъ въ горы; потомъ скрылся въ монастырь, откуда не позволяетъ его взять здѣшній законъ. Толпа на площади и вниманія не обратила; одни продолжали играть въ карты, другіе оканчивали на минуту прерванныя

казки. Но полагаю я надобно вамъ, рассказывая про давнюю и известную сторону Италиі. Здѣсь насъ ужасно смѣшитъ одинъ вечеръ за ужиномъ старичокъ, родственникъ хотя, котораго ужасно бѣситъ то что онъ, несмотря на свою внимательность къ нашему разговору, не можетъ лопать изъ него ни слова: каждый вечеръ аккуратно возобновляетъ свои посвященія и я боюсь чтобъ онъ не помѣшался на этомъ; онъ же говоритъ полупомѣшанный. Не познакомся съ однимъ женатымъ Италиянцемъ дѣтъ; въ разговорѣ онъ спросилъ Италиянца:

Чѣмъ вы занимаетесь?

Ничѣмъ, отвѣтилъ Италиянецъ.

Что же вы дѣлаете? возобновилъ вопросъ мой товарищъ.

Ничего.

Какъ, рѣшительно ничего не дѣлаете?

Рѣшительно ничего!

этакихъ людей въ Италиі не надо искать; они на каждомъ шагу. Верстахъ въ пяти отъ Аква Санта находится замокъ, построеніе котораго нужно отнести къ Среднимъ вѣкамъ; объ немъ есть преданіе что онъ принадлежалъ какому-то владѣтелю, который со своими вассалами разбойничалъ, такъ что не было средства остановить его; папы отрѣшили его отъ церкви, проклинали, а онъ себя рѣзалъ да грабилъ; не было возможности захватить его, потому что замокъ былъ отлично укрѣпленъ и вассаловъ было число предочное. Наконецъ въ Римѣ было объявлено что кто найдетъ этого разбойника, живаго или мертваго, тому дадутся всѣ его богатства, и самая земля, и замокъ. Два рыбаковъ, по фамиліи Чучи, доставлявшіе въ замокъ рыбу, узнавъ объ этомъ, улучили время когда вассалы ушли на добычу и владѣлецъ одинъ находился у себя въ комнатѣ; они убили его и такимъ образомъ вступили во владѣніе землей, замкомъ и всѣми богатствами. Въ то же время лотомки этихъ двухъ рыбаковъ, удержавъ ту же фамилію, разорились, прожили все и вошли въ нищету, такъ что одинъ изъ нихъ продалъ кузнецу въ Аква Санта восемь полныхъ рыцарскихъ вооруженій, и бралъ за нихъ мѣди, желѣза и стали три и два баттока. Да возрыдаетъ эволюція! Кузнецъ не археологъ, перековалъ достоинства въ подковы, гвозди и проч. Чучи на италянскомъ языкѣ значить свиньи, и надо правду сказать что эти Чучи

поддержали честь своей фамилии; разъѣхались по разным городамъ, а замки и земля ихъ теперь продаются съ личнаго торга.

XIV.

Асколи, 1844, 6го августа. Расскажу, какъ я попыт-
взойти на Сибиллу. Проснувшись въ Санта-Дженте-
остеріи Доменико Антонио, мы съ Пранкомъ подъ-
пошли съ проводникомъ въ дорогу, но онъ преслы-
обжидать себя, говоря что нужно сходить въ Пер-
и что сейчасъ воротится. Оставшись вдвоемъ и неохот-
доверяя нашему проводнику, на наше несчастіе съ-
бойничьею рожей, мы, узнавъ теперь дорогу по-
рой нужно добираться до вершины горы, пусти-
луть одни. Дорога была все въ вышину, но от-
потому мы должны были обогнуть порядочное про-
ство, пока добрались до подошвы Сибиллы. Уста-
раза три прилежали къ землѣ тутъ же на дорогѣ
подъ камнемъ, или въ кустахъ; но каждый разъ на-
лавшій вечерній холодъ и вѣтеръ будили насъ, и мы с-
шли. Когда совершенно стемнѣло, мы начали подым-
на крутыя горы, разчитывая что по этому направлению
ладемъ къ цѣли; долго шагали по мелкому камню и
видѣвъ гору, подымались, полагая что очутимся на С-
Сибиллѣ, но подыавшись видѣли опять другую вершину
такъ обманывались раза четыре, такъ что потеряли
дежду лопасть когда-нибудь на желаемое мѣсто. Товари-
мой совершенно изнемогъ, да и я иззябъ, такъ что не-
нель, ни вино, ничто не помогало. Плохо, подумавъ я
вѣтовалъ товарищу вернуться домой или по крайней мѣ-
поискать жилища, дабы отогрѣться и соснуть; онъ
согласился и мы начали спускаться въ долину кото-
лежала очень глубоко и гдѣ не было признака жилья.
будешь дѣлать? Чтò это чернѣется вдали, какъ бы
хижина? Мы встрепенулись радостью и полетѣли стрел-
къ тому мѣсту, но увя! это былъ простой большой кам-
означающій границу здѣшнихъ провинцій.

Вдругъ слышимъ—раздаются бубенчики муловъ, и
нами идутъ двое Итальянцевъ. Мы къ нимъ; одинъ изъ
старикъ, осмотрѣвъ насъ подозрительно съ ногъ до го-
ла

обращая вниманія на наши вопросы, продолжалъ идти и ускорилъ шаги. Хорошо, должно-быть, мы, подумая, когда и эти народы насъ боятся. Другой, молодой, былъ съ двумя мулами, нагруженными виномъ и извѣй, отвѣчалъ ласково: нѣтъ! на нашъ вопросъ: есть ли близости здѣсь остерія или какая-нибудь хижина? — не имеемъ со мной до нашего города; я дамъ вамъ лошадь и уложу спать. — А далеко ли до твоего города? — часа ѣзды. — А можно сѣсть на твоего мула? — Съѣдешь, чтобы ты заладилъ! отвѣтилъ Италіанецъ, облобызавъ насъ, и сѣлъ на седло, обвязавъ боченками. Нечего дѣлать, я ухватился за голову и помѣстился на выюкахъ. Товарищъ мой обрадовался вояжѣ, что совершенно воскресъ духомъ и стремился дойти до города лѣшкомъ. Противъ такимъ образомъ полчаса времени, я обратился къ едущему сзади меня Франку съ вопросомъ: — Послушайте, где ваши альбомы? Долго не получаю отвѣта. — Что же? — Я потерялъ и свой и вашъ, оба были въ узлѣ. — Кровь бросилась въ голову и я соскочилъ съ мула; Италіанецъ протянулъ руку, я далъ ему два лаола и сказалъ другу, что останусь въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мы нашли, хотя пятеро сутокъ, и во что бы то ни стало найду альбомъ. Ровно до утра мы дѣлали поиски; откуда же силы: я послѣ самъ удивлялся. Но вотъ взошло солнце, мы опять на высокой горѣ, на которой провели ночь и которая служитъ, какъ мы увидали утромъ, только вѣнцомъ къ Сибиллѣ; картина открывается великолѣпная: долины, море, все загорѣлось свѣтомъ; но мнѣ не до этого. Я не нашелъ альбома. Товарищъ мой, пригрѣтый лучами солнца, упалъ на камни и заснулъ мертвымъ. Я жалѣлъ его, проклиналъ за потерю, просто былъ глупъ. Вдругъ слышу крикъ: *signor Constantino, Constantino* (имя Климченки)! Проводникъ шелъ ко мнѣ и ругалъ меня, что мы его не подождали накануне; но я его успокоилъ, давая ему скинъ, если онъ найдетъ мой альбомъ. Въ явѣ появились стада лошадей, овецъ, барановъ, которые на ластбище; проводникъ между ластухами выбралъ лошадь и отправился съ нами рыскать по скату горы. Я же продолжалъ мои поиски; но не раньше какъ черезъ часъ проводникъ закричалъ мнѣ съ вышины и показалъ ея имъ узелъ. Я полетѣлъ стремглавъ къ нему,

разбудилъ Прака, залапалъ обоимъ Итальянцамъ за
 ды и тотчасъ, перетянувъ альбомъ веревкой, прива-
 на груди. Мы выпили всѣ вмѣстѣ вина и держали се-
 идти ли сейчасъ на Сибиллу или не идти? первымъ дѣ-
 былъ въ виду завтракъ и проводникъ повелъ насъ съ
 четверть часа ходьбы къ пастухамъ. Позавтракавъ, са-
 въ походъ! Пошли... — Дѣлакомъ, нѣтъ ли гдѣ напитокъ.
 А вотъ чрезъ часъ ходьбы, близъ вершины, будетъ фонтанъ.
 Мы безпрестанно садились отдыхать на камни; съ
 начало жечь, товарищу сдѣлалось дурно. Надо обоимъ
 Посидѣли, опять пошли; увидѣвъ фонтанъ воскресли си-
 и, достигнувъ его, начали мыться и пить чистѣйшую
 кристаллъ и холодную какъ ледъ камчовую воду, кото-
 поять пастухи свою скотину. Освѣжившись струян-
 наго потока, мы погѣзли выше и не раньше какъ
 два часа съ половиной достигли Сибиллы. Можете-
 я вамъ уже и прискучилъ подробностями моего
 шествія, но нечего дѣлать. Журнала своего я теперь
 веду, а письма замѣняютъ его мѣсто. По пріятно
 пріятно будетъ вспомнить самому по этимъ письмамъ
 мои походы и при разказахъ дополнять вамъ мно-
 мною во время письма. Эта необыкновенно красивая
 листая гора вѣроятно получила свое названіе отъ тѣхъ
 скихъ женщинъ которымъ приписывалась способность
 роцествовать. Мы надъ облаками; необъятное пространство
 открылось нашему зору: вся Адриатика, едва зима
 полоса Средиземнаго моря, а горы безъ числа, безъ
 тянутся во всѣ стороны. Картина невообразимой
 отчего на этой ужасной высотѣ, гдѣ все такъ
 прекрасно, грудь стѣсняется тоской? Привычка
 быть въ шумномъ кругу людей?.. А здѣсь такая
 даже не видишь птицъ, не видишь и слѣда людей, а
 страшно ужасное! Чувство ли собственного ничто-
 сравнительно съ этими громадами, разсыпавшимися по
 могучею рукой Творца? Или просто дѣйствіе разре-
 го воздуха? Я думаю все это вмѣстѣ было причиной
 въ ту же минуту какъ достигли крайней точки
 ны, мы захотѣли быть внизу. Въ предпріятіи
 тѣшесствіи мы сдѣлали большую ошибку, не взявъ
 бой ни воды, ни вина, и жажда насъ до того довела
 встрѣтивъ свѣтъ близъ вершины, забыли всю опас-

и его глотать. Теперь взгляните опять на верхъ, гдѣ ку на землѣ; кровь печенками идетъ изъ носу, ноги утса отъ усталости. Джіакомо зоветъ смотрѣть озеро, кое на вершинѣ горы, какъ въ бассейнѣ; глубина его, о словамъ, неизвестна. Мы едва доползли до края, на комъ виденъ вдали нашъ проводникъ, чтобъ увидеть такое, живописное озеро, про которое въ здѣшнихъ краяхъ легенда что стадо овецъ и барановъ ластуха-убійсе побросалось въ воду и потонуло. Угодливый Джіа-зоветъ смотрѣть гротъ Сибиллы, но нѣтъ никакой возможности слѣдовать за нимъ. „Въ Санта-Джему“, кричимъ му и едва вставъ съ земли отправляемся въ обратный который не менѣе затруднителемъ и еще болѣе энъ. Ноги измѣлали, скользили; каменья, ускользая подъ моихъ разорванныхъ салогъ, какъ будто смѣлались мной. Я измѣлаъ себѣ ноги, товарищъ мой также; и насъ мучила жажда; встрѣчая источникъ, мы съ жую жаждою припадали къ нему. „Экой сумасшедшій!“ тѣ-быть скажете вы мнѣ: „ну къ чему было дѣлать по-е путешествіе?“ Послушайте что было поводомъ. Рано мѣ, 21го іюля, я, Бейне, Пиццалкинъ и Пранкъ отправи-сдѣлать небольшой вояжъ съ Аква Санта на горы, гдѣ автракали, рисовали и восхищались окрестными чудес-и видами. Въ числѣ горъ которыя мы видѣли, видѣлась льнемъ разстояніи и Сибилла, страшная и сѣдая; мы на порядочной вышинѣ.“ А если быть на Сибиллѣ, лѣ Бейне, то и эти горы, говорятъ, кажутся совершенно кими.“—„Я отправляюсь завтра!“ сказалъ я. „Пустяки“ тили мнѣ. Завязался споръ; любопытство, потомъ же-поставить на своемъ; наконецъ путешествіе лѣшкомъ, лькій рискъ, все это вмѣстѣ принудило меня идти въ же вечеръ, а Пранкъ пошелъ со мной въ товарищи. мы на возвратномъ пути и хотя ногъ подъ собой не димъ, но несемъ много воспоминаній, и видъ Италіи и Сибиллы кажется и мертвому мнѣ будетъ снится. Въ а-Джему я пришелъ рѣшительно безъ подошвъ и безъ ка денегъ; за обѣдъ и вино хватило заллатить; но про-ику и за ночлегъ въ Питрарѣ? Джіакомо обѣщавъ мнѣ свои башмаки, предложилъ свой домикъ—провести ночь, инъ. Пришедши въ Петрару я получилъ башмаки; въ ланіи ужина, Джіакомо взялъ мандолину и началъ играть

прекрасно салтареллау, какой-то молодой человекъ ему аккомпанировалъ. Началась пляска; я не вытерпѣлъ—куда дѣлась усталость!—и вотъ отличаюсь съ преловкою Италианкой. Потомъ жители всего города обступили меня съ разспросами о моемъ отечествѣ. Я говорилъ, сравнивалъ, примѣшивалъ поговорки, анекдоты, потомъ перешелъ къ ужину, за которымъ было превосходное леденто, хорошее вино, и наконецъ уснулъ на жесткой кровати Джакомо какъ рѣдкіе спятъ на луговикахъ.

XV.

20го сентября 1844. Вотъ я въ Асколи, да еще въ какую пору! въ праздникъ Св. Эмидіа, когда не только городъ подымается на ноги, но и жители всѣхъ окрестностей слѣзаетъ въ этотъ городъ, чтобы пропировать на пролетъ три дня и три ночи. Здѣсь встречаемъ женщинъ верхами; тамъ женщины и мужчинами вмѣстѣ, то на лошадяхъ, то на мулахъ, то на ослахъ; иногда и трое помѣщаются на одномъ животномъ. Тащатъ съ собою куръ, фрукты въ подарки роднымъ, знакомымъ; все стремится въ городъ 5го августа. Тутъ цѣлая банда музыкантовъ тянется съ неаполитанской границы; по другой дорогѣ сельскіе оркестры, примѣръ чему можете видѣть на картинкѣ, со скрилками, гитарами, мандолинами,violonчелами слѣзаетъ къ торжеству. Въ городѣ въ это время почиваются всевозможные завалавшіеся инструмента. Наканунѣ праздника, то-есть 4го августа, въ прекрасной древней церкви Св. Эмидіа помѣщается огромный оркестръ любителей, а также пѣвцы; храмъ, несмотря на свои огромные объемы, весь украшенъ самымъ великолѣпнымъ образомъ. Надо сказать что Италианцы вообще мастеровски украшаютъ свои церкви въ праздничные дни. На любовавшись торжественною картиной храма и наслаждавшись вдоволь музыки и пѣнія, я спустился въ подземную церковь, гдѣ просто обомлѣлъ отъ восхищенія. Представьте себѣ цѣлый лѣсъ колоннъ самыхъ драгоценныхъ мраморовъ, и все это освѣщено безчисленнымъ множествомъ лампадъ! Крестьянки то на колѣнахъ, то совершенно припавъ къ землѣ, молятся при отдаленныхъ звукахъ орга

лѣнія; тутъ и сѣдовласый старикъ, и дитя—веселящая мою мысль о Богѣ, все проникнуто молитвой! Нельзя же равнодушнымъ при видѣ этого прекраснаго зрѣлища и я оставался тутъ по крайней мѣрѣ часть, не переставая любоваться въ то же время и очаровательною, эффектною картиною. По выходѣ изъ церкви я замѣтилъ подлѣ меня тутъ же въ городѣ, приготовленія къ фейерверку, и въ это время услышалъ во всѣхъ концахъ площади, на которой находится Св. Эмидій, мотивъ салтареллы. Около *Radi governo*, зданія красивѣйшей архитектуры, которое не выходитъ на площадь, расположились лавочки, шаляки съ налитками прохладительными и горячительными, фруктами, съ мороженымъ. Кстати рекомендую вамъ мороженое въ кафе на здѣшнемъ корсѣ, какого я еще не видалъ ни въ какомъ городѣ, по этому случаю я и телеръ сидѣлъ въ кафе, а оттуда отправился бродить по городу; и ни оглянусь—вездѣ группы играющихъ поселянъ и авентильная салтарелла въ полномъ разгарѣ. Веселье не что чудо! Толкотня, шумъ, остерія настѣжъ, бабы орѣвшись, красотки приодѣвшись; все поетъ, все отвѣчаетъ никто другъ другу не мѣшаетъ, ссоръ не видно. Въ городѣ тутъ и горожанки, и князья, и графы, и всякаго рода. Однако до фейерверка еще времени довольно; надо скорѣе познакомиться съ Асколи. Городъ древнѣе Рима, имѣетъ въ плодородной долинѣ; но по обширности своей имѣетъ мало жителей. Палаццы громадныя, въ которыхъ живутъ по три, по четыре души, а иногда и одна; бабы безъ числа; каждый изъ военачальниковъ Среднихъ вѣковъ, возвращаясь съ войнъ въ родимый городъ, имѣлъ во выстроить башню при своемъ домѣ. Аристократія простая, хотя и не многочисленная, гордится давною родою своихъ благородныхъ предковъ. Я здѣсь познакомился въ одномъ домѣ, гдѣ не замедлялъ влюбиться Лючію Корси, предъ которою размышляюсь мелкимъ бѣдѣ. Итальянки ладки на иностранцевъ, какъ мухи на варенье, и потому Лючія отвѣчала мнѣ по внутреннему Амура, каждый мой визитъ предлагала мнѣ свой вѣтеръ для прощанія. Надо правду сказать что я около нея очень горюхился; но насмѣшка судьбы! она отдула меня тѣмъ же рономъ, которымъ и привлекала; узнавъ что я, строя ей мѣсто, строилъ въ то же время куры и ея горничной,

которая была еще оживѣе хозяйки, вдругъ стала холодной и мороженого и увеличила размѣръ моего носа. „За двумя зайцами погонишься ни одного не поймаетъ.“ Припомнилъ пословицу, но поздно. Представьте себѣ что какъ у насъ при богатствѣ лѣса хотѣтъ обратить деревянныя строенія въ каменные, посредствомъ фальшивыхъ подкрасокъ, такъ здѣсь, при богатствѣ камня, хотѣтъ дать ему видъ дерева.

Браво! самыя выстрѣлы пушки, надо бѣжать на площадь, начинается фейерверкъ. Я думаю нигдѣ въ мірѣ фейерверкъ не бываетъ такъ разнообразенъ и затѣйливъ какъ въ Италіи; да и нигдѣ такъ имъ не наслаждаются какъ здѣсь. Еслибы во время этого удовольствія пришли и сказали Италіянцу что у него умираетъ жена, мать, онъ бы кажется не шелохнулся, засмотрѣвшись на потѣшныя огни, игру которыхъ онъ или ободряетъ словами: *bravo, viva!* или осмистываетъ въ случаѣ неудачи. Сколько чудеснаго, сколько добраго, прекраснаго въ этомъ народѣ, но ему, кажется, навсегда закрыта дорога къ образованію, которое могло бы смягчить иногда неукротимые порывы снѣговъ юга. Даже и классъ людей, посвятившихъ себя на всю жизнь трудному изученію науки здѣсь не имѣетъ уваженія. Недалеко ходить, въ Асколи живетъ докторъ Орсиани, человѣкъ пользующійся европейскою извѣстностью и почти умирающій съ голоду въ своемъ отечествѣ.

Съ двѣнадцатилѣтняго возраста онъ посвятилъ себя наукамъ: ботаникѣ, химіи, минералогіи, металлургіи, наконецъ медицинѣ; ему теперь лѣтъ 50 лѣтъ, и онъ прокармливается небольшою алтеею, которую содержитъ въ Асколи, да щедрыми придаными жены, часть коего потратилъ на пріобрѣтеніе рѣдкостей для своего кабинета, который могъ бы быть чудеснымъ музеумомъ любого университета. Весь отданный наукѣ, онъ хлопоталъ только чтобы правительство прибавило ему комнату въ пустомъ *palazzo*, для увеличенія кабинета, потому что матеріаловъ пренасыти и въ томъ ему отказали. За то уже онъ и копитъ здѣшнихъ меценатовъ! Показывая намъ свой кабинетъ, гдѣ находится также богатѣйшій гербаріумъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ показывалъ намъ золото Сибири и разныя ископаемыя нашего отечества.

Когда мы перешли къ прелестнѣйшимъ коллекціямъ бабочекъ, то онъ съ раздосадованнымъ видомъ, указавъ намъ

пустую булавку, говоря что за годъ предъ этимъ у него украли чудеснѣйшую бабочку одна неаполитанская графиня; я такъ и ждалъ что онъ залацетъ. Боже мой, и этотъ человѣкъ едва имѣетъ чѣмъ пропитаться; но и здѣсь русская, свѣжая, молодая нація, въ лицѣ графа Воронцова, умѣла отдать справедливость труду человѣка. Орсини посылаетъ молодыя оливы въ Одессу для разсадки и не можетъ нахвалиться вниманіемъ графа и его обходительностью.

XVI.

1844 года 29го сентября. Жара нестерпимая, несмотря на то что путь идетъ все берегомъ Адриатики. Мы то пожирали арбузы для прохлажденія, то выходили изъ душнаго экипажа и шли пѣшкомъ. Куда же мы ѣдемъ? спросите вы. Въ Севигалію на ярмарку,—и кто именно? Росси, Алфераки, Пиццакини и я. Ночью мы оставили Асколи; къ утру были въ Санъ-Бенедето. Прѣзжая Porto di Ferno, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи покататься въ морѣ, а вошедши разъ въ воду, не хочется разотаться съ волнами, которыя то опрокидываютъ, то обрызгиваютъ брызгами. Наслажденіе! И что за чудное это Адриатическое море! что за краски, что за блескъ на его поверхности, по которой скользятъ теперь корабли идущіе въ Севигалію и обратно. А какъ хорошо вечеромъ, когда спадаетъ жаръ! Ночуемъ мы въ Лоретто. Только-что мы отделились отъ моря, предъ нами раскинулась пышный коверъ итальянской растительности: серебристая олива, виноградъ, мирты, лавры,—все подернулось багровою дымкой; солнце закатилось за Лоретто, и самый городъ обрисовался чистымъ силуэтомъ на прозрачномъ воздухѣ, ароматомъ котораго мы такъ отрадно дышали послѣ полуденнаго жара. Городъ обширенъ и довольно богатъ; мы остановились въ лучшей локальдѣ, гдѣ встрѣтили множество путешественниковъ, которые уже возвращались съ ярмарки. Накормили насъ недурно; за ужиномъ мы, не подозревая встрѣтить человѣка который попалъ бы нашія лямки, говорили совершенно свободно, смѣялись, рассказывали всакую всячину и, между прочимъ, жестоко смѣялись надъ толстою дамой, которой мушкетеръ лѣтъ сорока говорилъ удивительные комплименты.

Такъ какъ мы ждали съ нетерпѣніемъ услышать въ Сенигаліи Фреполини, то часто уладалъ разговоръ и на нее. Между прочимъ мы позвали камеріера и спросили о цѣнахъ мѣстъ въ театрѣ. Въ это самое время мужчина е которомъ я сказалъ выше обратился къ намъ и увѣрялъ насъ по-русски что легко будетъ достать билеты. Насъ какъ куплеткомъ обдало. Это былъ Евгенийъ Полятовскій, который уже шесть лѣтъ какъ оставилъ Россію и живетъ въ Италіи, имѣя около Флоренціи свою виллу. Въ Лоретто я купилъ четокъ чтобы подарить хозяйкамъ. Незадолго до восхода солнца мы выѣхали изъ Лоретто, и утромъ, часовъ въ девять, были у Анконы, не въѣзжая, впрочемъ, въ городъ въ экипажъ, дабы избѣжать таможенныхъ осмотровъ. Отправились лѣшкомъ и успѣли осмотрѣть нѣсколько церквей. Торговая дѣятельность видна на каждомъ шагѣ, а биржа въ Анконѣ чудесна, въ готическомъ вкусѣ, съ балкономъ выдающимся на море. Въ Анконѣ находился древній амфитеатръ, но остатки его покрыты новыми строеніями. Лучшій памятникъ этого города — *Арка Трояна*, вся изъ превосходнаго мрамора и хорошо сохранилась. Глядя на нее и потомъ на остальные стресія гавани, невольно пожалѣешь о жалкихъ потомкахъ Римлянъ, о ихъ безвкусицѣ и невѣжествѣ. Кафе въ которомъ мы завтракали принадлежитъ Греку, который знакомъ съ Алфераки, и такъ какъ Грекъ отправился раньше насъ часомъ въ Сенигалію, то Алфераки просилъ его похлопотать о нашей квартирѣ въ хорошемъ отелѣ. Мы съѣли съ Алфераки въ шляпку маринаровъ, и вотъ идемъ мимо гавани, города, пристать къ берегу гдѣ стоитъ нашъ витурино невозможно — ужасно мелко, и вотъ я въѣзжаю верхомъ на спинахъ морскаго звѣря. Съѣли въ витуру и поѣхали опять все берегомъ моря; но на этотъ разъ насъ солнце такъ прилекло что мы прокляли и путешествіе, и Италію. Наконецъ, завидѣли Сенигалію. При въѣздѣ въ городъ, какъ водится, насъ продержали съ полчаса изъ-за паспортовъ. Грамотность здѣшнихъ народовъ не бойка, и потому я долженъ былъ диктовать наши фамиліи по одной буквѣ. Въ Римѣ меня называютъ Пармезанъ, Фармазанъ, Таразанъ и удивляются какъ можетъ какой-нибудь Фармезанъ говорить по-италіански. А я на мимку также не скулъ и когда говорю, то не маловажную роль разыгрываю.

ваютъ и руки, и лицо. Итакъ мы въ Сенигаліи. Улицы все заставлены экипажами, скопище народа ужаснее: шумъ, крикъ, хлопоты, суета, и вѣтъ мѣта, вѣтъ коммать въ гостиницѣ. Ждемъ на улицѣ, чемоданы не можемъ тронуть, невозможно поворотить экипажъ; досадъ многихъ разсмакъ услужившихъ мальчишекъ и камеріеровъ, мы пробрались въ частный домъ, гдѣ встрѣтили трехъ сестрицъ грацій далеко не первой молодости; однако же, чтобы не терять практики, мы строили имъ курмы. Я еще въ жизни моей никогда не видалъ ярмарки, и потому не удивительно что она мнѣ понравилась, несмотря на то что здѣшняя ярмарка съ году на годъ бѣднѣетъ числомъ судовъ, которыя вѣсколько лѣтъ тому назадъ приходили изъ Египта, Турціи и Греціи въ большомъ числѣ, также какъ и въ Пезаро и Родини, которме лежатъ выше Сенигаліи. Первымъ дѣломъ было хорошенько пообѣдать; потомъ отправились гулять по городу, главнымъ улицы котораго были завѣшаны холстами отъ солнца. Чего только мы ни встрѣчали въ этихъ скоропостижныхъ лавкахъ и шалашикахъ: матеріи, сукна, этрусскія золотыя серьги, палки, носовыя платки, часы, запонки, эстампы, зовтики, пиво, шелки, малага, марсала; но главный продуктъ, на который я обратилъ особенное вниманіе было кипрское. Въ каждомъ предметѣ есть своего рода красота, и потому я не могъ видѣть равнодушно группу колоссальныхъ бочекъ, налитыхъ благороднымъ налиткомъ. Одна въ запахъ этой мальвазіи уже столько проливаетъ въ душу наслажденія. Не даромъ съ такою бережливостью возить человѣкъ чрезъ моря эту живительную влагу. Но загляните въ кафе, гдѣ пестрота обоевъ бьетъ въ глаза, а пестрота дамскихъ нарядовъ и игра глазъ заставляютъ биться сердце; еще къ частию есть прекрасное мороженое, которое можетъ вѣсколько охладить искателя приключеній. Въ этомъ кафе собирается лучшее общество, и вечеромъ въ немъ раздается прекрасная музыка. Пора въ театръ! Идетъ *Эрнани*, опера Верди, восхитительнаго, молодаго композитора. Вотъ ужъ именно, не судите по наружности; ни что въ мірѣ не можетъ такъ оправдать этой поговорки какъ театръ Сенигаліи. Такой пошлый, неуклюжій съ фасаду, и такой милый, удобный внутри, какого я еще не встрѣчалъ въ моемъ путешествіи, развѣ только Дрезденскій; даже нашъ, нашъ Михайловскій

уступить ему въ красотѣ. А Фреццоллини? Отъ ся пѣнія теперь сходить съ ума вся Италія. По послѣднимъ слухамъ, Фреццоллини небудетъ пѣть нынѣшнюю зиму въ Римѣ, а ѣдетъ въ Миланъ; къ намъ же будетъ изъ Берлина Маальвани, про которую я уже вамъ писалъ. Феррари—прекрасный теноръ и милый человекъ, пріѣхавъ сюда, отыскалъ меня, и живо напомнилъ мнѣ то время когда я веселился въ Берлинѣ. Въ первый вечеръ мы съ трудомъ достали ложу, потому что былъ бенефисъ Фреццоллини; слухъ и зрѣніе наше были очарованы въ этомъ граціозномъ театрѣ, наполненномъ лучшимъ обществомъ, которое представлялось цѣлѣйшимъ красавицъ. Второй вечеръ мы имѣли мѣста въ партерѣ; я былъ удивленъ, увидѣвъ податъ себя прекрасно одѣтыхъ молодыхъ людей, которые не имѣли шляпъ. Чтò же оказалось? По окончаніи спектакля, они вынули шляпы изъ тѣхъ самыхъ скамеекъ на которыхъ сидѣли; внутри подѣланы ящики чтобы класть пальто и шляпу. Удивительно удобно разчитано, такъ что не похоже на Италіянцевъ, потому что и въ самомъ Римѣ, гдѣ, положимъ, что дешево платишь за театръ, но уже такъ тѣсно и грязно что иногда противно. А какъ ловко видѣть всѣхъ въ Сенигальскомъ театрѣ: деревянные стѣнки раздѣляющія ложи не доходятъ совершенно до краевъ барьера, такъ что дамы сидящія обыкновенно впереди видны чудесно.

Въ Сенигаліи мы пробывали два дня, и послѣдній день за обѣдомъ въ локалдѣ пили давно желанную балльсамину, чистую соперницу любого бордо. Отсюда въ ночь поѣхали съ Росси въ Фолиньяо; при выѣздѣ изъ города таможенная стража напала на насъ коршуномъ; но такъ какъ Италіянецы музыкальный народъ, то не могли устоять противъ звуковъ монеты, и мы отправились ничѣмъ уже не тревожимые. Вотъ и Фолиньяо со своими очаровательными окрестностями; это большой, торговый городъ и очень богатый. Пріѣхали мы въ него на другой день вечеромъ; заказали обѣдъ; умывшись, мы начали уничтожать его, и въ это время камеріеръ разказывалъ намъ о праздникѣ сѣдующаго дня, о всѣхъ предстоявшихъ увеселеніяхъ; но вѣтуріно былъ уже накатъ въ Перуджіо, и потому, проспавъ нѣсколько, въ четыре часа утра мы оставили Фолиньяо.

XVII.

1845, 20го февраля. Не помню писалъ ли я вамъ о праздникѣ въ Орвието, гдѣ во время вечерней службы, въ соборѣ пѣли: „сжался“ (grâse) и другія аріи изъ Роберта. Теперь я васъ поведу въ Витербо, гдѣ я только перекусилъ съ Рязановымъ, а потомъ тотчасъ же отправились въ маленькій городокъ Банью, котораго площадь наполнена народомъ. Такъ какъ мы пустились изъ Орвието въ ночь и компаньйонкой случайной была намъ одна простая Италіанка, именно сестра витурина, съ которымъ мы ѣхали, то можете себѣ представить, какъ радовался Амуръ въ это время, и сколько мы въ честь его надѣлали шалостей. По пріѣздѣ въ гостепріимный городокъ мы были встрѣчены чрезвычайно радушно семействомъ Джентили, у котораго и провели пять дней къ ряду. Былъ праздникъ Св. Рокка, и статую его изъ палитуръ, окрашенную, вмѣстѣ съ собакой, потому что святой былъ охотникъ, носили по городу; все духовенство шло сзади и спереди уродливой статуи. Потомъ пріѣхалъ губернаторъ Витербо и остановился въ одномъ домѣ съ нами. Намъ ему отрекомендовали, и мы не маловажную роль разыгрывали съ нимъ вмѣстѣ на балконѣ; но эти глупыя церемоніи намъ надоели и мы отправились къ закадычному нашему другу, канонику Банучіо, и взявъ съ нимъ билеты на томболу (лотерею), которая разыгрывалась на площади, помѣстились въ окнахъ верхняго этажа. Нужно сказать что губернаторъ пріѣхалъ крѣпко охраняемый солдатами, потому что онъ боялся перепалки со стороны народа, между которымъ онъ въ 1843 запретилъ травлю быковъ и коровъ; но несмотря на запрещеніе, въ томъ же году, въ день праздника вышелъ на площадь сѣдой старикъ Баньянецъ и вывелъ съ собою быка котораго началъ дразнить и травить собаками, его примѣру послѣдовали и другіе, такъ что началась снова любимая потѣха народа. Дали знать въ Витербо, и пріѣхали конные карабинеры, не подавая впрочемъ вида что имѣютъ какое-нибудь особенное порученіе; они обогнувъ площадь, составили цѣль около сумашествовавшихъ и, захвативъ самыхъ отчаянныхъ, доставили ихъ въ Витербо. Послѣ непродолжительнаго ареста ихъ освободили; но злость въ народѣ

осталась навсегда противъ делегата. У Италіянцевъ все такъ путается вмѣстѣ что для новаго глаза становится очень рѣзкимъ и страннымъ. Вотъ напримѣръ: пять церковь въ которой они утромъ усердно молились Богу, а въ три часа пополудни предъ этою самою церковью они бѣсуются, кричатъ, ащутъ выигрыша и перестаютъ быть похожими на людей. Самый большой выигрышъ выпалъ на долю нашего пріятеля кавоника, и надо было слышать какихъ ругательствъ, какихъ проклятій ни посылали на его голову. Не забудьте что утромъ онъ служилъ обѣдню и вотъ готовы были цѣловать его руки и ноги. Я, Разановъ и Кракау, который также былъ съ нами, взяли тоже билеты и благодарили небо что не выиграли; иначе бы кажется народъ нашъ разорвалъ по клочкамъ. Оно впрочемъ было и справедливо! Это былъ ихъ праздникъ, а не нашъ. Покушавъ прекраснаго мороженаго и въ ожиданіи фейерверка, который былъ приготовленъ тутъ же на площади, мы находясь довольно высоко, любовались живописными группами пировавшихъ Италіянцевъ, которыхъ освѣщало закатывавшееся солнце. Несмотря на нѣкоторые недостатки, это чудный народъ и удивительно живописный, и потому неудивительно что то нравишь ихъ, то увлекаешься ими. Первая ракета затрещала въ воздухѣ и всѣ группы измѣнили свои положенія, обратившись съ любопытными взглядами къ фейерверку, до котораго, уже я вамъ писалъ, всѣ Италіянцы страстные охотники. Загремѣлъ цѣлый оркестръ превосходныхъ музыкантовъ, которые по этому случаю пришли сюда изъ Рима, оставивъ свои полки. Фейерверкъ кончился какъ все кончается въ мірѣ; а продолжавшаяся за полночь музыка вызвала насъ изъ дому и мы гуляли по площади подъ руки со знакомыми Италіянками; но на мою долю достался такой уродъ что я потерялъ способность слушать музыку. Къ ночи все стихло; на утро же начались новыя удовольствія. Италіянцы празднуютъ имена своихъ святыхъ патроровъ три дня, а иногда и болѣе. Весь народъ собрался у выхода изъ города, гдѣ бѣгали лошади; это то же что корсо во время карнавала въ Римѣ. Въ толпѣ народа вдругъ поднялся ужасный шумъ; явились молодцы карабинеры и поймали молодого парня, который убилъ своего товарища, скрываясь цѣлый годъ въ горахъ; его ловили, искали, все время. Разъ онъ, навѣщая ночью свою любовницу, былъ замѣченъ

полиціей; но его не могли схватить, потому что онъ убѣжалъ въ трубу, потомъ по крышамъ соседнихъ домовъ, а тамъ и саѣдъ пропалъ. Надѣясь на большое стеченіе ивгородныхъ жителей по случаю праздника, что и было, онъ полагалъ быть незамѣченнымъ; но не тутъ-то было! Надо видѣть здѣшнихъ карабинеровъ чтобы любоваться ими. пойманнаго связали и отвели въ команду. Поговорили, поговорили о случившемся, а потомъ сейчасъ забыли, потому что предстояло новое удовольствіе: *corso della stella*; и такъ какъ это корсе было назначено подъ вечеръ, то мы пошли прогуляться за городъ и взглянуть на церковь построенную по рисунку Браманте, которая находится въ городишкѣ Кверчѣ. Пройдя съ версту отъ города, около мостика перекинутого черезъ рѣчку, мы были поражены ужаснымъ воемъ и плачемъ; устремившись въ ту сторону откуда слышались крики отчаянья, мы нашли двухъ женщинъ, простыхъ крестьянокъ, заливавшихся слезами. На всѣ наши вопросы, на предложенія услугъ, онѣ ничего не отвѣчали. Мы были поражены ихъ положеніемъ не зная какъ помочь несчастнымъ; но лишь только мы взглянули на дорогу которую прошли, те дѣло сейчасъ и объяснилось. Обѣ женщины заслышавши топотъ коней, выбѣжали изъ кустовъ на дорогу и бросились на шею пойманнаго утромъ убійцы, который былъ связанъ по рукамъ; веревки держали двое верховыхъ карабинеровъ, ведшіе его между двухъ своихъ лошадей, а сзади ѣхалъ третій. На всѣ ласки, на всѣ благословенія матери и сестры, на всѣ ихъ слезы, закоренѣлый преступникъ отвѣчалъ толчками и вырывался изъ объятій родныхъ. Сцена была ужасная; у насъ кровью обливались сердца при видѣ этого нечеловѣческаго поступка. Одинъ изъ карабинеровъ страшно взглянувъ на преступника, сказалъ что онъ не стѣбитъ и одной слезы своей матери и сильно дернувъ его за веревку, поволокъ за свою лошадь. „Экъ разревѣлись бабы, вскрикнулъ Баньянецъ, — развѣ уже маѣ хотятъ рубить голову?“ Мы пошли рядомъ съ этимъ извергомъ чтобы всмотрѣться въ его лицо; карабиеры хранили между собою молчаніе; но долго еще насъ провожали крики несчастной матери, которая стоя посреди дороги, простирая руки въ ту сторону куда увели сына. Церковь большаго монастыря въ Кверчѣ наполнена любопытными памятниками, которые сдѣланы изъ кар-

тома и окрашены. Въ числѣ ихъ есть одинъ какого-то рыцаря, который избѣгнулъ въ жизни плахи, и онъ представленъ въ латахъ, съ головой положенною на плаху, въ знакъ того что былъ спасенъ молитвами. Монастырскій дворъ красоты удивительной; войдя въ столовую монаховъ, которые здѣсь очень богаты, мы нашли накрытый столъ, заставившій насъ думать что эти отшельники отъ міра нисколько не убиваютъ плоть свою.

Мы опять въ Банѣ; толпы народа снова на площади. Посреди одной улицы, отъ одного дома къ другому, на высотѣ около двухъ сажень, протянута веревка, на которой посрединѣ прикрѣплена зеркальная фигура въ родѣ звѣзды.

Выбранные верховые наѣзники скачутъ одинъ за другимъ, съ кольями и стараются продѣть остриемъ копья звѣзду; но долго продолжался этотъ *корсо звѣзды* безъ всякаго успѣха, а награда назначенная правительствомъ болѣе и болѣе разгорячала наѣздниковъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ вышелъ побѣдителемъ и громкіе крики огласили воздухъ. Вслѣдъ за этимъ корсомъ, семейство Джентилии предложило намъ войти въ ихъ долю для покупки трехъ кувшновъ матеріи, въ награду тѣмъ изъ женщинъ, которыя имѣя на головахъ большіе мѣдныя кувшины наполненные водой, перегоняютъ бѣгомъ прочихъ. Немедленно на балконѣ, на которомъ мы находились какъ судьи, были повѣшены въ родѣ знаменъ матеріи, которыя развѣиваясь въ воздухѣ, не мало привлекли охотницъ на корсо кувшиновъ. У насъ предъ глазами былъ фонтанъ, около котораго собрались и жительницы городка и другія простолюдинки, чрезвычайно красиво одѣтыя, которыя наполняли кувшины водой, а подъ нашимъ балкономъ выбрали мальчишку съ самою смѣшною рожей и назначили его секретаремъ бѣга. Сейчасъ же вынесли столъ, за который его посадили; надѣли на него большой бумажный колапакъ, вымазали ему сажей лицо, дали сахарной булги и пруть для вписанія именъ побѣдителей.

Вся площадь заливалась смѣхомъ, карабинеры наблюдая учтиво порядокъ, фыркали также отъ смѣха и очищали дорогу для бѣга. Я былъ совершенно въ своей тарелкѣ и веселился отъ души съ моими товарищами и знакомыми. Опередившая должна была сбросить съ головы кувшинъ на столъ секретаря и облить послѣдняго водой. Одна, которую уже крики народа называли побѣдительницей, близъ самаго

ца бѣга запнулась и полетѣла на земь. Это корсо повто-
ось три раза и каждый разъ съ какимъ-нибудь при-
ченіемъ. Награды были розданы, и мы большою компа-
и отправились обѣдать въ домъ Джентили. Сѣли за столъ
компаніи одного монсиньора, который постоянно хотѣлъ
игрывать важную роль; подлѣ него сидѣлъ секретарь
этого-то кардинала и выказывалъ большую претензію на
вость; длинноногая его жена хотѣла казаться дамой
шаго свѣта, но манеры ей измѣняли. Потомъ родствен-
ъ Джентили, капитанъ палской службы Газано, совер-
но не умѣвшій говорить по-французски, французилъ такъ

мы едва удерживались отъ смѣха; Паоло Дезидери,
и милый, добрый малый, также секретарь кардинала,
е имѣлъ слабость говорить по-французски. Сама Дези-
и и родственница ея безпрестанно подсмѣивались надъ
ми; мы же въ началѣ обѣда совершенно предались пре-
мно приготовленнымъ блюдамъ, особенно напали на гри-
приготовленные соусомъ. Въ концѣ обѣда разговоръ
иался общимъ. Намъ разспрашивали о нашемъ отече-
и; потомъ, одушевленное виномъ, общество пустилось
путки, въ разказы, анекдоты, а къ вечеру въ сосѣднемъ
ѣ, гдѣ было много хорошенькихъ, подняли на ноги и
ареллу. На утро мы гуляли въ очаровательной виллѣ
ге, которая несмотря на то что залущена, заключаетъ
ебѣ столько прелестей, что разъ вошедши въ нее, не
ется выйти. Фонтаны и каскады во всевозможныхъ ви-
о окружаютъ насъ отовсюду. Одинъ изъ каскадовъ вил-
падавшій съ горы въ видѣ огромнаго рака, говорятъ
долго изсякъ, но былъ превосходенъ.

е хотите ли вы взглянуть теперь на *корсо мѣшковъ*.
стеро мальчишекъ нашаось охотниковъ надѣтъ на
мѣшки и бѣжать въ нихъ въ перегонку до назначен-
мѣста. Призъ назначенъ, знакъ поданъ и четверо уже
итъ на землѣ; а одинъ похитрѣ прочихъ запасся но-
и въ то время какъ были приготовленія къ бѣ-
онъ разрѣзалъ мѣшокъ и такимъ образомъ освободилъ
ноги, получилъ бы вѣроятно награду, но народъ, за-
авъ эту хитрость, сейчасъ засвисталъ, закричалъ, заау-
и его не допустили бѣжать дальше, а шестой, между
имъ, достигъ цѣли и получилъ призъ. Этотъ бѣгъ по-
ялся нѣсколько разъ и имъ закончился праздникъ.

XVIII.

20го апрѣля, 1845. На возвратномъ пути изъ Витербо въ Римъ особеннаго ничего не случилось; только за день предъ моимъ проѣздомъ убили пилигримку; но я боюсь вамъ извѣсть подобнаго рода разказами. Я видѣлъ казнь преступникъ и несмотря на его злодѣянія во мнѣ родилось состраданіе какъ и во всей толлѣ народа, который за минуту до появленія осужденнаго шутилъ и пересмѣливался. Когда увидѣли несчастнаго двадцати-пятилѣтняго красиваго мушкетера, съ обнаженною головою и грудью, взоры котораго съ отчаяніемъ были потуплены въ землю, то шутки народа какъ бы исчезли въ воздухъ, и наступила страшная тишина. Когда же преступникъ приблизился къ лѣстницѣ эшафота и когда лѣваго его затрясло, такъ что онъ чуть не грянулся на землю, то многіе отвратили глаза въ сторону и толпа, казалась, вздохнула съ нимъ вмѣстѣ въ послѣднее. Исповѣданіи съ опущенными капюшонами, подхватили его подъ руки. Распятіе, одѣтое трауромъ, остановилось у подножія гильотины, и убійца прощался братскими поцѣлуями съ палачемъ, который въ свою очередь цѣловалъ его какъ бы въ знакъ прещенія, что не онъ, а законъ лишаетъ несчастнаго жизни. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу, и я не могъ быть свидѣтелемъ ужасной минуты, — отвернулся, такъ что только могъ видѣть верхъ гильотины, гдѣ блестѣлъ на солнцѣ страшный топоръ, который мгновенно слетѣлъ съ вышнихъ и ударомъ смертельнымъ отозвался въ ушахъ присутствующихъ, изъ которыхъ одинъ вскрикнулъ: *è morto*; другой ровнего посто, *infelice posto*! Солнце было во всей красотѣ въ этотъ день, но уже не было радостью для того котораго голова была надѣта на гвоздь и выставлена на позоръ за преступленіе, изъ разряда *infamo*; въ другихъ случаяхъ ее не выставляютъ. Народъ долго еще бродилъ, всматриваясь въ послѣднее, ужасающее выраженіе головы страдальца; наконецъ трупъ и голову обросили въ приготовленный заранѣе гробъ. Войско пошло по домамъ; полиція также; вскорѣ снесли и гильотину, но не надолго. Въ рашаго 29го апрѣля снова она красовалась на площади.

из храма Весты, и упала голова двадцати-двухлѣтняго
авда, который былъ посаженъ въ крѣпость за убійство,
крѣпости убилъ еще сторожа. Смертныя приговоры
ковенно объявляютъ преступникамъ въ полночь, на-
нѣ дня казни; но этому объявить изъ предосторожно-
не хотѣли, а на утро сказали ему что повезутъ его
удѣ; когда же связали руки и прочли приговоръ, онъ
сканулъ: „Еслибъ я зналъ это, то еще бы убилъ по край-
мѣрѣ двѣнадцать человекъ.“ Онъ не хотѣлъ исповѣ-
ся; но завидя мѣсто казни приступилъ къ исповѣди и
уху признался еще въ двухъ преступленіяхъ. Твердымъ
ли онъ взомель на эшафотъ, говорилъ къ народу,
илъ прощенія; сталъ самъ на колѣни, вложилъ голову
тверстіе — топоръ упалъ... Голова покатиалась, а тудо-
в судорожно взбросилось кверху и гравулось о по-
тъ. Палачъ взялъ голову за волосы и показалъ народу,
рый снова разошелся по домамъ; говоря о вновь пред-
щей казни троихъ убійцъ. Разсказъ о нихъ я непре-
хо хочу вамъ сообщить, потому что этотъ случай поре-
ленъ явственнымъ участіемъ Провидѣнія которое на-
лаетъ надъ злодѣемъ и караетъ его въ ту минуту, когда
словѣнный думаетъ скрыть преступленіе предъ Богомъ и
ми. Одинъ изъ служителей здѣшняго правительства оби-
л подать съ виньероловъ, и везя съ собою 200 оукъ
ѣтилъ на берегу Тибра, за городомъ, своихъ знакомыхъ,
рые разспрашивали его о суммѣ которая съ нимъ нахо-
сь. Послѣ нѣсколькихъ пріѣздовъ и разпросовъ, они
ребовали отъ него деньги; тотъ отоваривался, но ви-
предъ собой троихъ вооруженныхъ, отдавъ имъ всю
му, послѣ чего грабители потребовали чтобы онъ со-
лъ съ лошади. Служитель повиновался; они взяли лошадей
редложили ему выбрать родъ смерти: быть зарѣзаннымъ
кинутымъ въ рѣку. Несмотря на мольбы, утѣшанія и
щанія несчастнаго не докопоть правительству о слу-
шемся, онъ принужденъ былъ выбрать рѣку. Его завя-
а по горло въ мѣшокъ и съ крутого берега сбросили въ
трый Тибръ. Упавъ въ воду, онъ долго боролся со
сильной; силы его почти оставали; но на пути ему
рѣнилось дерево, котораго вѣтви наклонились къ водѣ.
вцѣпилася въ оукъ дерева зубами и отчаяннымъ голо-
ъ началъ звать на помощь. Проѣзжавшіе въ то время

три конныхъ солдата немедленно поспѣшили къ нему и спасли его; потомъ отвезли въ ближайшую остерію, гдѣ испуганный, промокшій до костей служитель узналъ у воротъ свою лошадь и разказалъ бывшій съ нимъ случай. Немедленно одинъ изъ солдатъ, узнавъ отъ хозяина, что наверху сидятъ три купца и дѣляютъ деньги, одѣлся прислужникомъ остеріи и вошелъ въ ихъ комнату, гдѣ точно нашелъ ихъ за столомъ съ деньгами. Объявивъ что заказанные ими блюда готовы, онъ получилъ въ отвѣтъ, чтобы подождать и что его кликнуть, когда будетъ нужно. Всѣмъ за этимъ собрали толпу поселянъ вооруженныхъ дрекольями, которые ожидали распоряженій солдатъ. Тотъ же переодѣвшійся солдатъ явился снова къ комнатѣ гдѣ были мошенники и имѣлъ за спиной свой палаши. На крикъ солдата сбѣжались остальные, и разбойники были схвачены. Когда ихъ привели внизъ, то они были поражены какъ громомъ, увидѣвъ человека на погибель котораго такъ вѣрно разчитывали; послѣдній же спросилъ ихъ, какъ имъ будетъ угодно: связать ли ихъ по рукамъ ими по ногамъ. Теперь ихъ судить, какъ убійцъ. Вы можете-быть меня упрекнуть, что я такъ часто пишу вамъ о здѣшнихъ проказахъ, а молчу объ искусствахъ; повремените: всему своя чреда. Чтобы не надѣлать ошибокъ, надо ближе всмотрѣться въ предметъ, а судить въ этомъ отношеніи о Римѣ слегка мнѣ было бы непросто-тельно.

Когда я возвращался въ Римъ изъ путешествія, мнѣ казалось что я вѣхалъ въ родной городъ; когда же заидѣлъ Петровскій куполъ, сердце такъ и запрыгало; въ то же время съ нами вѣхала старушка-простолюдинка, которую везъ сынъ, показать на старости лѣтъ вѣковой городъ; но она говорила что ея городишко для нея лучше, потому что она тамъ родилась и постоянно жила. Да вѣдь всего разнообразія чувствъ и мыслей человека не перечесть, и потому мы оставимъ это и поговоримъ о другомъ. На дняхъ я кончаю эскизы для работъ въ храмъ Спаса и посылаю въ Академію; статуя моя по этому случаю нѣсколько оставилась; но во всякомъ случаѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ я начну ее изъ мрамора. Черезъ недѣлю я кончаю бюстъ С. Д. Левицкаго и начну еще небольшую статую дѣвочки.

Погода у насъ началась удивительная; подъ моимъ окномъ разцвѣла сирень, а артишоки и спаржа не сходятъ

ю стола. Я свою молоденькую хозяйку учу вальсъ; фортепиано у меня совершенно новое и прекрасное. Выучилъ новую, безподобную лѣсню, и постараюсь ее написать, если мажу, и перешлю вамъ. До свиданія, мои милые, будьте здоровы и оставайтесь въ перепискѣ также тверды, какъ и въ прошломъ году.

XIX.

29го ноября, 1845 года. На дняхъ, налюбовавшись игрой и красотой Ристори въ роли Джульеты на театрѣ Метастасіо, я возвратился домой и съ самыми пріятными впечатлѣніями обнялъ подушку и заснулъ. Сновидѣнія одно пріятнѣе другаго представляли мнѣ превосходную сцену Ромео и Джульеты въ склепѣ. Потомъ вдругъ послышалось какое-то погребальное лѣніе; я самъ очутился уже на холмѣ надъ камнѣ; Ромео и Джульета исчезли и я внятно услышалъ голоса поющихъ. Меня объялъ ужасъ и я отъ страха проснулся, и можете себѣ представить, уже не во снѣ, но на яву я увидѣлъ что вся моя комната задымилась огнемъ и раздавалось лѣніе самое печальное, полнотой голосовъ. Я схватилъ себя за голову, протеръ глаза и рѣшился положить что это начало горячки; отъ испуга и чтобы хотя нѣсколько себя успокоить, я вскочилъ съ кровати, подбѣжалъ къ окну и растворилъ его....

Тутъ только объяснилась эта страшная для меня сцена. Въ первыхъ числахъ ноября у католиковъ есть „праздникъ мертвыхъ“, и Римляне большою толпою обираются ночью въ фонарями и факелами и идутъ на загородное кладбище къ Св. Себастьяну (тамъ также любопытныя катакомбы). Лѣніе ихъ въ этомъ случаѣ невольно потрясаетъ душу; къ тому же мракъ ночи, печальный свѣтъ факеловъ и фонарей дѣйствуютъ самымъ грустнымъ образомъ на иностранца. Шествіе составляетъ ночью для того чтобы послѣтъ къ первой обѣдѣ у Св. Себастьяна, церковь котораго довольно далеко отъ города. Такимъ-то образомъ эти люди, дающіе обѣтъ пройти ночью на кладбище, для совершенія молитвы объ умершихъ, останавливались какъ разъ подъ моими окнами и лѣли предъ. Мадонной находящейся противъ моего дома, и потому не удивительно

что свѣтъ факеловъ и фонарей и громкое погребаніе показались мнѣ въ самой моей комнатѣ. Я босая дѣлалась, накинута на себя шивель и вглядывалась въ мрачную картину; сосѣдъ мой, Венеціанецъ, такъ открытое окно и пояснилъ мнѣ это ночное шествіе, о которомъ я прежде не имѣлъ никакого понятія.

Что за ужасы нынче дѣлаются въ Римѣ! Присѣвъ въ театрѣ Argentina мѣста въ партерѣ восемь places до четырехъ рублей ассигнаціями). Да, это просто не похоже, а ужь подавно не похоже на Римъ. Аши говоритъ: „Помилуйте, господа, да вѣдь такая тара какъ эта не беретъ за вечеръ менѣе 1.200 франковъ банка на первое представленіе пошла, а на второе было очень мало, и пустили партеръ по шести франковъ. Итальянцы народъ упрямый и все-таки не идутъ въ театръ; теперь кажется пять places мѣсто и по полонѣ. Я вамъ долженъ сказать, мои милые, что Дидона или Психея, воспитанная Апулаемъ, Лафонтеномъ, Бюшомъ, портреты которой дѣлали Греки, Канова, Теннисъ, не умерла! Она между нами, я ее видѣлъ въ образѣ въ театрѣ. Она превосходитъ всѣ статуи и мраморы ея въ честь и всѣ мраморы носящія ея изобразившія. Фанни Эльслеръ играла въ балетѣ Жизель.

Въ началѣ балета она явилась очаровательною молодой, со всеми пріемами французской крестьянки: въ двухъ послѣднихъ актахъ она была такою Дуной, которую трудно найти въ ряду античныхъ статуй. Я не разорвалъ себѣ ротъ отъ криковъ bravo и fortissimo вооружаемся цвѣтами. Была здѣсь Черитта, увлекательная по игрѣ, граціи и танцамъ; но она дѣлала плохую тѣнь противъ Эльслеръ. „Ахъ, воскликнулъ вассеръ, съ которыми мы были вмѣстѣ въ театрѣ, эта прелесть хоть на мгновеніе явилась у меня въ окошкѣ!“ и я невольно раздѣлилъ съ нимъ вмѣстѣ это точное желаніе! Вся масса фигурантокъ и фигурантовъ другихъ персонажей балета служила только жалкою, малюю рамкой. Фанни Эльслеръ. Нѣкоторые обличья, которые мы не привыкли видѣть на римской сценѣ, въ изобрѣтенныя также ею и были безплодны. Декорации очень были удачны, исключая четвертаго акта, въ невѣжество для чего прикрасили къ Жизели: предъ

какое-то заоблачное царство, увѣшенное гирляндами цвѣтовъ; зажгли бенгальскіе огни и вздернули на воздухъ нѣсколькихъ фигурантокъ съ тощими ногами. Эти уродины и на землѣ-то не могутъ быть граціозны; можете себѣ представить какую онѣ фигуру разыграли, вися на веревкахъ, въ заоблачномъ царствѣ. Публика громко смѣялась. Да еще на бѣду при поднятій занавѣса машинистъ и декораторъ не успѣли уйти со сцены и въ своихъ шляпахъ и сюртукахъ составили такую забавную группу съ фигурантками, которымъ поправляли платья для приличія, что нельзя было не смѣяться.

7го ноября вечеромъ, мы были у бѣднаго Штернберга и я читалъ во всеуслышаніе Гоголя; а 8го ноября въ девять часовъ утра Штернберга не стало! Онъ оставилъ насъ навсегда. Съ него сняли маску и будетъ сдѣланъ мраморный памятникъ съ медальономъ или съ его бюстомъ. Онъ былъ лютеранинъ и потому послѣ краткой и прекрасной проповѣди пастора, мы съ нимъ простились и положили его подлѣ могилъ Петровскаго и Томарискаго. Не желая измѣнять обычаю нашей земли, мы помянули его въ ближайшей австеріи, откуда видно самое кладбище, и пролѣли ему вѣчную память. Рано умеръ; а какой былъ талантъ, умница и доброта.

Общанный пріѣздъ въ Римъ нашего государя производитъ ужасно много толковъ въ здѣшнемъ народѣ и всѣ нетерпѣливо желаютъ его видѣть. Пускай-ка на него полюбуются послѣ своего палы. Любопытство Италіянцевъ растетъ съ каждымъ днемъ; на дняхъ меня одинъ Италіянецъ, послѣ долгихъ разспросовъ о государѣ, спросилъ: также ли широко ваше корсо какъ наше? А я, отвѣтивъ ему что одни тротуары нашего корсо будутъ шире вдвое римскаго корсо, самъ испугался, потому что Италіянецъ разинулъ ротъ такъ что въ него могла бы проѣхать карета. А рѣка-то у васъ какая? Да будетъ вѣтеръ шире Тибра; да ужъ и вода-то не вашей чета, не уступитъ и фонтану Треви.

Италіянецъ посмотрѣлъ на меня сомнительно, потомъ почесалъ затылокъ и сказалъ:

— Чортъ возьми! любопытно видѣть вашъ край.

Когда же онъ услышалъ что рѣка замерзаетъ и по ней ѣздить, то у него оказались чуть не конвульсіи на лицѣ, и повидимому онъ испугался. Врядъ ли можно найти бѣльшихъ

невѣждъ какъ въ Италіи; образованіе здѣсь чрезвычайно ограничено; но много своего природнаго свѣтлаго ума, а смѣлливость даже замѣчательна, какъ сама италіанская лѣтность. Рабочій въ Англіи круглымъ числомъ трудится въ день шестнадцать часовъ; а здѣсь только восемь; у перваго вѣтъ солнца, а туманы не выманиваютъ на прогулку; здѣсь же, напротивъ, туманы въ рѣдкость или по крайней мѣрѣ разыгрываютъ свою роль очень короткое время. Неаполитанскому рыбаку вмѣсто постели, одѣяла и подушки служитъ морской берегъ; вмѣсто одежды—солнце и потому онъ почти нагой, только лишь голова прикрыта краснымъ колпакомъ; ему жарко—онъ кидается въ море; къ ногамъ его прилапываютъ морскія животныя или морскіе пауки; онъ ихъ ловитъ, рветъ имъ лапки, сдираетъ скорлупку и ѣстъ ихъ живьемъ; вотъ у него и завтракъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ вѣсколько разъ этой роскошной трапезы, и никогда не рѣшался ее испробовать; теперь же вѣтъ живыхъ пауковъ съ большимъ аппетитомъ и безо всякаго отвращенія. Лѣзвивыя щи у Лелре доведены до совершенства и камеріеръ Антоніо стоитъ быть утѣшительнымъ.

Къ намъ пріѣхалъ графъ О. П. Толстой, но пробывъ здѣсь только два три, не успѣвъ видѣть многого; но мы смотрѣли вмѣстѣ Фанни Эльслеръ; онъ отправился теперь въ Неаполь, къ зимѣ же возвратится опять сюда. Постарѣлъ онъ, однако путешествіе его поправило. Опять я видѣлъ Фанни Эльслеръ, но уже въ балетѣ *Мечтанья Животисца*. Въ тотъ же вечеръ она плясала какую-то мазурку-немазурку, Богъ знаетъ что, а потомъ какой-то испанскій танецъ. Дураки Римляне совершенно не поняли ея прелести въ *Жизели*, а теперь въ восторгѣ отъ этой мазурки. Фанни, въ отищеніе имъ за ихъ невѣжество, кажется просто начала ихъ дурачить своими характерными танцами, но для насъ это не утѣшительно. Я пересталъ ходить въ театръ и жду *Измеральды*.

Нынче холода начались ранѣе обыкновеннаго и потому чаще вспоминаешь теплыя петербургскія комнаты и веселыя кружки знакомыхъ и родныхъ. Кажется 18го ноября мы увидимъ здѣсь нашего царя, но говорятъ, онъ пробудетъ не долгое время; все-таки любо взглянуть на него. Въ ма-стерскихъ кипитъ большая дѣятельность.

XX.

20 ноября 1845. Прочтите разказы про римскія проказы. 19 ноября было предпоследнее представленье Эсмеральды, которой восхищала всѣхъ Фанни Эльслеръ. У нея въ балетѣ есть па, которое заставляетъ трещать весь оръ; такъ случилось и въ этотъ разъ... и публика начала вить страшнымъ образомъ: bis! bis! bis! Но здѣсь, Богъ знаетъ почему, запрещено артистамъ исполнять такого рода вѣя публики; оркестръ театральнй и оркестръ духовой музыки на сценѣ принялись играть дальше: но вой публики ительно заглушалъ ихъ, такъ что Фанни не могла должать. Она раскланивалась, пристѣдала, показывала знаками что охотно протанцовала бы еще разъ, но это запрещено, и въ это время наводила глаза на губернаторскую ложу. Губернатора самого не было, а депутатъ сидѣвшй въ ней былъ непреклоненъ; кельмейстеръ не зналъ на что рѣшиться, держа смычокъ въ воздухѣ и какъ-то по ошибкѣ наклоненіе головы депутатъ принималъ за знакъ разрѣшенія, и гранула музыка подѣрую должна была протанцовать Фанни всѣмъ желанное. Немедленно депутатъ замахалъ платкомъ, музыка осталась, и приведенный въ отчаяніе кельмейстеръ сталъ должать далѣе, но въ ту же минуту подушки скамеекъ партерѣ, которыя здѣсь ничѣмъ не прикрѣпляются, полли въ музыкантовъ и въ губернаторскую ложу. Депутатъ удралъ, а музыканты, захвативъ свои инструменты, обратились въ бѣгство. Опустили занавѣсъ и публика шумомъ удалилась изъ театра, не имѣвъ счастья видѣть конца балета. Цѣлая толпа народа дожидались вывѣ Фанни изъ театра и проводили ее до дому съ ужасными криками, и огромная банда музыкантовъ закончила восторга публики. Серенада была на славу! Это было послѣднее представленье *Эсмеральды*; bis содея; но послѣ всевозможныхъ криковъ, вскакивая на стулья, самыхъ затѣливыхъ букетовъ, которые ичане нарочно вылисывали изъ Генуи, какъ-то: съ ами марабу, съ золотыми цѣлочками, кружевами;

бросаніе подушками такъ понравилось публнкѣ что и на этотъ разъ начали ихъ кидать; но не въ губернаторскую ложу и музыкантовъ, а между собой. Я такой потѣхи въ театрѣ еще никогда не видалъ. Мѣсто я занимаю въ первомъ ряду, подлѣ оркестра; какой-то Англичанинъ (говорю вамъ нисколько не преувеличивая), при каждомъ вызовѣ, тянулся къ Фанни черезъ весь оркестръ и махалъ ей платкомъ, крича какъ быкъ на бойнѣ, а въ другой рукѣ у него была палка, которою онъ стучалъ по ящику, служившему подмосткомъ капельмейстеру (это здѣсь позволено) и до того достучался что проломилъ дыру и потерялъ палку; потомъ приходили толпы любопытныхъ смотрѣть дыру пробитую Великобританцемъ въ честь Фанни Эльслеръ. Послѣ театра насъ нѣсколько человѣкъ ужинали въ трактирѣ Фалькони; вдругъ слышимъ ревъ на улицѣ,—прѣзжала Фанни и всѣ затѣливые букеты были сложены въ огромной корзинѣ, стоявшей на каретѣ. Мы къ окошкамъ, и давай аллодировать и кричать; а сегодня всѣ охрипли.

У меня сегодня былъ въ мастерской графъ Толстой и былъ очень доволенъ статуей, равно ею довольны и всѣ товарищи, что меня очень радуетъ и оживляетъ на новую работу, эскизъ которой сегодня сформовали и я покажу его государю. Кромѣ того у меня есть группа въ рисунокѣ, чтобъ ему показать. Напишите пожалуйста что-нибудь о чистыхъ рисункахъ въ московскій храмъ, которые я послалъ въ Петербургъ. Объ этомъ можно справиться у К. А. Тома; поговоритесь этимъ; я ничего не знаю насчетъ ихъ. Мы очень ошиблись, не оставивъ прорѣзей съ этихъ рисунковъ, дабы показать ихъ здѣсь государю. Орвѣтскій храмъ со всѣми своими деталями — просто прелестъ! Церковь Св. Николая Чудотворца въ Барѣ, написанная Раевымъ, чудесна, такъ что государю будетъ что посмотрѣть.

Послѣ смерти Штернберга у меня остался его рисунокъ дуба въ паркѣ Гаджи (около Рима); это тотъ самый дубъ который былъ названъ Лебедевымъ красавцемъ. Такъ какъ между нами затѣвается памятникъ покойному Штернбергу, то мнѣ можетъ быть придется заплатить за этотъ рисунокъ; но ужъ лучше заплачу, а не вымучу изъ рукъ клада. Вчерашній день мы были въ числѣ восьми человѣкъ въ Ватиканѣ съ графомъ Тол-

стымъ и сдѣлали вотъ какого рода открытіе: правая рука Лаокона реставрирована вмѣстѣ съ частью лопатки и плеча ученикомъ Микель-Анджело и реставрирована ошибочно. Вмѣсто того чтобы вытянуть эту руку, ее слѣдуетъ положить на голову Лаокона гдѣ остались и знаки того мѣста гдѣ была прикрѣплена потерявшаяся рука. Теперь прочтите о Сикстинской капеллѣ, построенной папой Сикстомъ IV, который не былъ большимъ знатокомъ живописи, но любилъ славу, которая рождается изъ процвѣтанія искусства и вѣнчаетъ главу царствующаго. Въ *Страшномъ Судѣ* Микель-Анджело, раскинувшись по огромной стѣнѣ своимъ гениемъ и знаніемъ рисунка, истинно страшно, потому что праведники почти также безлокоинны какъ и грѣшники. Пора намъ снять съ глазъ своихъ повязку и призвать на судъ справедливость, однимъ словомъ—осудить здраво *Страшный Судъ* Микель-Анджело. Существуетъ такъ много противорѣчащихъ мнѣній объ этомъ произведеніи и до тѣхъ поръ будутъ противорѣчія пока мы не отрицемъ предубѣжденія. Чтобы судить о достоинствахъ Страшнаго Суда, надо сперва знать личный характеръ Микель-Анджело, именно его горячность, запальчивость, суровость, его сатиры, эпиграммы, его колоссальное самолюбіе, которое восплатывали сами папы: Павелъ III, напримѣръ, въ сопровожденіи десяти кардиналовъ, явился къ нему, приглашалъ и даже просилъ о написаніи Страшнаго Суда. Доживъ до глубокой старости, Микель - Анджело никогда не былъ покоенъ душой; его стрептливая натура не допускала любви и спокойствія, съ которыми только познается небо. Отвѣтъ его на совѣтъ жениться, слово его: *parla!* и брошенный молотокъ къ ногамъ оконченнаго Моисея; потомъ собственнй его носъ, перешибенный во время ссоры во Флоренціи; наконецъ дерзость вырубить свое имя на полѣхъ Мадонны,—все это обличаетъ совершенную противоположность съ Рафаелемъ, за которую одинъ голландскій писатель называлъ его львомъ, а Рафаеля—ангеломъ. Это аллегорическое опредѣленіе совершенно вѣрно. Микель - Анджело не носилъ неба въ душѣ и намъ передать его не могъ. Эта громадная фреска была написана подъ вліяніемъ Данта и окончена послѣ осады Рима; она носитъ на себѣ отпечатокъ того смутнаго времени и личнаго мрачнаго характера художника, разливашаго злость въ своей картинѣ, но не показавшаго намъ райскаго неба. У Микель-Анджело будемъ

смотреть адъ, а рай увидимъ у Рафаеля, котораго и жизнь была лѣною херувима и невозмутимаго спокойствія. Христосъ и праведники въ *Страшномъ Судѣ* совершенно и выражаютъ сюжета. Еслибы былъ живъ Микель-Анджело, ему не любялся бы сказать это, а тѣмъ болѣе говорю путешественникамъ, которые судятъ по гудамъ. Сравненіе Микель-Анджело съ Рафаелемъ занимаетъ меня очень и когда-нибудь приведу въ совершенный порядокъ эту тему. *Страшный Судъ* много пострадалъ отъ времени, отъ сырости, отъ невниманія кустодовъ, отъ всплшекъ пороховицъ въ замкѣ Св. Ангела. Въ началѣ Павелъ IV хотѣлъ уничтожить картину, и за то Беаджіо очутился въ лицѣ Микель-Анджело (Беаджіо, церемоніймейстеръ, подавшій мысль объ уничтоженіи фрески). Наказавъ такимъ образомъ Беаджіо, Микель-Анджело отвѣчалъ на варварское предложеніе папы: „Сожгите пальъ, что это дѣло небольшое и легко можно исправить, пусть онъ исправитъ міръ, а я живопись исправлю скоро.“ Надо замѣтить что предложеніе уничтожить фреску было подъ тѣмъ предлогомъ что она наполнена было множествомъ нагихъ фигуръ, что казалось неприличнымъ въ церкви. По этому случаю Даніель де Вольтеръ (написавшій прекрасное Святіе со Креста, что въ Римѣ и Санта Тринита) вызвался прикрыть во фрескѣ всѣ наги части драпировками, за что получилъ названіе Пантагоныка.

Можетъ-быть ни одна вещь не имѣла столько подражателей какъ *Страшный Судъ* Микель-Анджело. Когда онъ приходилъ и видѣлъ копирующихъ его произведеніе, то часто говорилъ: „О, сколько людей сдѣлаетъ неискusstами моя работа!“ При этой заносчивости у Микеля не было мѣста святому чувству; гордость руководила его кисти. Сила, знаніе рисунка, щегольство изломать человѣка, уничтожить,—вотъ характеръ Микель-Анджело. Пиаффонъ въ Биллелѣ Сикстинны съ сюжетами изъ Ветхаго Завета едва ли не лучшее его произведеніе послѣ Петровскаго купола. До сихъ поръ я говорилъ о духѣ произведеній этого великаго человѣка; что же касается знанія механическаго, то скажу что одні руки Моисея могли бы замѣнить три статуи Кановы, поставленныя въ Ватиканѣ рядомъ съ Аполлономъ и Лаокономъ. Амаль.

17го декабря. Вчера мою мастерскую постигла царь: былъ очень доволенъ; подробности въ слѣдующемъ письмѣ

XXI.

20го декабря, 1845. 13го декабря, Ставассеръ, Эальсонъ, Григорій Волконскій, Устиковъ и я пѣли обѣдню для государя, а 16го декабря у меня дорога къ мастерской была усыпана аркимъ желтымъ пескомъ для большей чистоты. Около двухъ съ половиною часовъ подѣхала коляска, сопровождаемая другими четырнадцатью колясками, и я побѣждалъ встрѣтить нашего царя. Съ нимъ были: Орловъ, Адлербергъ, Принцъ Ольденбургскій, Ливенъ, нашъ графъ Толстой и множество другихъ лицъ изъ свиты, также здѣшній археологъ, кавалеръ Висконти, который ѣздилъ съ нимъ по Риму. Государь, разсмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ мою статую, похвалилъ меня, и спросилъ: „Заказана тебѣ эта статуя?“ Я отвѣчалъ что заказана. „Кѣмъ?“ — „Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.“ — „Ну, а я хотѣлъ заказать.“ Въ эту минуту я обратилъ вниманіе государя на близъ стоявшій, только-что оконченный алебастровый эскизъ группы: *Сатиръ проситъ поцѣлуя у Нимфы подѣ фонтаномъ*, о которой я сказалъ, что хочу сдѣлать въ pendant Ставассеру (отъ группы котораго царь былъ въ восхищеніи). Я поворачивалъ кругомъ мой эскизъ, дабы видѣть его со всѣхъ сторонъ; государь же, разсмотрѣвъ его внимательно, замѣтилъ что сочиненіе этой группы слишкомъ выразительно. Я боялся что онъ хотѣлъ сказать соблазнительно, и потому отвѣчалъ что могу сдѣлать болѣе скромнымъ Сатира. „То-то же“, отвѣтилъ государь, „иначе нельзя будетъ поставить во дворецъ.“ Толстой поздравилъ меня съ работой, чему я душевно обрадовался. — „Ты еще не начиналъ изъ мрамора этой статуи?“ спросилъ царь. — „Нѣтъ еще, ваше величество, но медѣли чрезъ двѣ пачку, и мраморъ уже купленъ прекрасный.“ — „У тебя женщина очень облагорожена противъ натуры!“ — „Въ то время какъ я работалъ эту статую, ваше величество, у меня перебывало до сорока женщинъ въ мастерской.“ — „Да иначе и нельзя!“ замѣтилъ онъ; простился и уѣхалъ. Вслѣдъ за этимъ вошла остальная часть свиты въ мастерскую, гдѣ прежде не могли воѣ вдругъ помѣститься, и воѣ очень хвалили статую. Я на радостяхъ побѣждалъ ѣсть устрицы, и выпилъ стаканъ сицилійскаго вина.

Въ тотъ же день, вечеромъ, мы дожидались нашего царя въ Ватиканѣ, который весь былъ освѣщенъ огнями. Картина была прелестная! Длинная галлерей Ватикана освѣтилась; мраморные боги, герои и богины еще рѣзче выступили изъ своихъ нишъ, а въ первой залѣ лалская прислуга ожидала съ факелами въ рукахъ пріѣзда царя, который вскорѣ пріѣхалъ, и всѣ Русскіе густою толпою сопровождали его по Ватикану. На *Аполлона Бельведерскаго* онъ заглядываясь кажется болѣе всего, и съ большого числа статуй всматриваясь сдѣлать отлѣпки и отослать въ Петербургъ. Въ Ватиканѣ я познакомился съ докторомъ государя, Енохинымъ, превосходнымъ медикомъ и чудеснымъ человекомъ. Ахъ, забылъ сказать что царь сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе въ статуй, именно насчетъ тонкости ногъ, и я нашелъ это замѣчаніе совершенно справедливымъ. У него глаза удивительный; проходя въ Ватиканѣ ряды статуй, онъ поражающъ лучшими и самъ останавливаясь предъ ними. На другой день я, ободренный похвалами царя, а лѣжа съ другими товарищами за нимъ по Риму. Сзади государственной коляски ѣхали одиннадцать колясокъ, и изъ Пантеона мы отправились въ термы Каракаллы, гдѣ царь долго разговаривалъ съ нашими архитекторами о различіи построекъ древнихъ и новѣйшихъ. Когда ему предложили взойти на порядочную вышину, на верхъ термъ, то онъ окликаясь окликался: „Нѣтъ, ужъ пользуйте вы, а я не подѣзу!“ Здѣсь онъ взялъ на память два обломка прекраснаго мрамора. Изъ термъ Каракаллы государь прѣѣхалъ мимо *Fontana di Trevi* въ мастерскую скульптора Фабриса, который, правду сказать, совершенно не стоилъ этого посѣщенія. Отъ него поѣхали къ Фивелли, гдѣ царь встрѣтилъ много вещей и *Версери* *вышедшую изъ раковины* заказалъ. Отъ Фивелли поѣхали къ церкви *Маріи Ангеловъ*, устроенной въ развалинахъ термъ Диоклитіана и поражающей своею огромностью, при сообразованіи пропорцій. Тутъ же провели государя на монастырскій дворъ, гдѣ посажены Микель-Анджеломъ кипарисы. Наша прогулка съ государемъ окончилась поѣздкой въ очаровательную виллу Альбани, гдѣ я не могъ надивиться неутомимому вниманію съ которымъ онъ разсматривалъ картины, статуи, самую виллу. Отсюда мы проводили царя въ Квиринальскій дворецъ, а потомъ въ палаццо гдѣ онъ жилъ. Бывъ въ Пантеонѣ, государь ока-

залъ что ни одно изъ строеній Рима не нравится ему такъ какъ Пантеонъ, и что все истинно прекрасное никогда не потеряетъ своей цѣны! На самомъ дѣлѣ Пантеонъ ограбленный, обнищавшій до сихъ поръ прекрасенъ какъ сама слава!.. Когда государь призывалъ къ себѣ нашихъ архитекторовъ и благодарилъ ихъ, то снова сказалъ: „Вы и скульпторы—молодцы; честь вамъ и слава, потому что вы дѣлаете честь вашей родиѣ. Прекрасно, прекрасно! Продолжайте такъ работать.“

Въ ночь на 18е число, наканунѣ дня своихъ именинъ онъ оставилъ Римъ. 18го числа мы всѣ были съ графомъ Толстымъ у принца Ольденбургскаго съ поздравленіемъ, который насъ прекрасно принялъ; а потомъ были у П. М. Волковскаго, который снова изъяснилъ намъ, какъ государь нами доволенъ, и со своей стороны насъ очень благодарилъ. Отслуживъ обѣдню мы отправились за городъ, и несмотря на дурную погоду, отпраздновали именины нашего царя весело и дружно соединенные его монаршими милостями. Теперь опять за работу до карнавала, который буду проводить съ нашимъ достойнѣйшимъ Толстымъ. Во время пребыванія государя въ Римѣ стояли прекрасные, ясные дни, но очень холодные, такъ что Итальянцы говорили: вашъ сѣверный царь привезъ намъ холоду. На другой день его отъѣзда началась прескверная, хотя и теплая погода, и до сихъ поръ не можетъ установиться. У меня въ большой и красивой квартирѣ невозможно быть отъ сырости и холода и фортепьяно безпрестанно надо настраивать. На дняхъ былъ бѣдшій градъ здѣсь и съ тѣмъ вмѣстѣ что вѣтрикъ, которымъ меня одолжили знакомые, принялъ превратную форму, а самъ я вмѣсто остеріи, куда шелъ обѣдать, очутился въ какой-го прачешной. Ну, ужъ зима нынче! Просто срамъ!

19го декабря. Вчера слушалъ оперу *Эрмани* Верди, что было высокимъ наслажденіемъ, потому что Ивановъ со своимъ соловьинымъ голосомъ, потомъ Коллинни и примадонна (не помню фамиліи) пѣли превосходно. Я былъ въ ложѣ у русскихъ дамъ, изъ которыхъ одна видѣла Иванова два года тому назадъ и говорила что его узнать нельзя, такъ онъ усовершенствовался и въ пѣніи и въ игрѣ. Говорятъ онъ занимался у Россини. Голосъ—прелесть, поетъ прекрасно, но слабъ для тріо съ примадонной и басомъ; за то ужъ аріи

его прелестны. По выговору замѣтно только сейчасъ что не Италіанецъ; вмѣсто *ма* поетъ *мя*, что ему отчасти мѣшаетъ совершенно увлечь римскую публику. Балетъ, какъ водится, былъ прескверный, и его освистали. Ни Фавни, ни Тальони еще не начинали танцовать. Говорятъ, послѣдняя отказалась и антрепренеръ театра началъ съ нею процессъ. Теперь идетъ лотѣха на всѣхъ театрахъ, что будетъ продолжаться во все время карнавальнаго сезона. Въ кукольномъ театрѣ Фіано, Кассандро уже не существуетъ, а на мѣсто его острить и смѣшить публику пучильель, этотъ выродокъ Неаполя. Въ послѣднемъ представленіи, служа какому-то отважному рыцарю, онъ владѣлъ огромнымъ мечомъ и разгорячившись противу непріятелей, перерубилъ всѣ декораціи, за что получалъ оглушающіе аллодисменты. На театрѣ Валле прескверно поетъ принадонна, но такъ хороша собой что совѣстно становится шикать и свистать. На Метастазію опять появилась красота и превосходная актриса Ристори, которая особенно хороша въ *Маріи Стюартъ*. Я два раза пропустилъ случай познакомиться съ Ивановымъ, но это еще не увидѣть, потому что онъ довольно часто посѣщаетъ нашъ столъ у Лепре.

XXIV.

19го января, 1846. Если я не показалъ моей мастерской Каратыгинымъ, мои друзья, то единственно потому что въ Римѣ они еще и болѣе интересныхъ вещей не видали. Пять дней на Римъ! Положимъ что это имъ не упрекъ; однако это все равно что у гуся съѣсть только крылышко. Подозрѣній же на счетъ прилежанія, пожалуйста, не имѣйте, потому что я лѣнивъ безо всякихъ подозрѣній; а вѣдь все-таки комедія дѣло вѣнчаешь! Письмо къ нимъ я прилагаю. Ну, а какой сюрпризъ я вамъ приготовилъ въ работѣ, по словамъ Каменскаго? Вотъ такъ-то и всѣ слухи о насъ отчужденныхъ! Тамъ говорятъ о лѣни, тутъ о какомъ-то колоссальномъ произведеніи, а настоящаго дѣла никто не знаетъ. Я вчера видѣлъ Фавни въ балетѣ: *Несчастіе во снѣ*, и признаюсь, ничего не видалъ въ этомъ родѣ подобнаго. Танцы, игра, фигура ея могутъ свести съ ума и дурака.

Довольно много читаю; познакомился съ вещами которыя не сниклись нашимъ мудрымъ головушкамъ, съ виду

кажущимся очень учеными. Единственный Гоголь, которому воздвигнутъ алтари, въ послѣдствіи, за *Мертвые Души* и *Шинель*,—вотъ писатель который станетъ на раду съ Сервантесомъ и Мольтеромъ. Дивная услуга Россіи! Не знаю, дають ли ему настоящую цѣну въ отечествѣ или только оскорбляются.

На дняхъ я справлялъ должность секретаря у министра Волковскаго, который моею расторопностью и знаніемъ дѣла остался очень доволенъ и благодарилъ. Представьте, что было съ Бориспольцемъ въ Парижѣ! Онъ зашелъ куда-то за городъ, да такъ далеко, что совершенно забылъ обратный путь, да на несчастіе забылъ имя площади на которой жилъ. Изъ трактира уже всѣ вышли; хозяинъ просилъ и его также выйти, но тотъ въ совершенномъ отчаяніи не могъ припомнить имени площади; въ досадѣ, въ бѣшенствѣ подбѣгаетъ вдругъ къ хозяину и кричить: *bourse, bourse, bourse!* Побѣдѣвшій отъ страха хозяинъ принялъ было его за бандита, за вора, который требуетъ кошелекъ и отступивъ назадъ, призвалъ прислугу. Черезъ нѣсколько времени дѣло объяснилось. На вопросъ хозяина: *peut-être c'est la Place de la Bourse, que vous desirez?*—*Oui, oui, oui!* вскричалъ обрадованный Борисполець; его посадили въ фіакръ и онъ пріѣхалъ домой. На дняхъ будетъ сюда Михаилъ Геденовъ который, говорятъ, ударился въ антикварство. Посмотримъ; этотъ человѣкъ интересенъ, потому что уменъ и образованъ. Вчера было послѣднее представленіе Фанни и просто изъ рукъ вонъ, такъ была хороша сорокалѣтняя танцовщица. Теперь должна начать Таальони, а съ 24го Ивановъ будетъ пѣть въ *Лучии*. Театръ мнѣ ничего не стоитъ; я каждый разъ приглашенъ въ ложу, за что благодарю всегда покупкой апельсинавъ. Черезъ двѣ недѣли начинаю груллу, заказанную мнѣ государемъ. Теперь пойдетъ дѣло скорѣе; уже довольно ознакомился съ женскою натурой, а первая фигура меня помучила. Натурщица будетъ та же что была и у Ставассера, только жаль что она нѣсколько похудѣла. Но терпѣніе! Доброе вино и жареная курица поставятъ ее на ноги. Вотъ пошелъ третій годъ моей заграничной прогулки и уже начинается вторая работа. Стало-быть пророчества что я за границей ничего не одѣлаю, не сбылись. Ежели я одѣлаю всего три вещи, слава Богу; но уже полагая не будетъ женщина, а сильная мужская фигура. У

насъ теперь начались дни совершенно лѣтніе и такъ страшно не видать уже два года снѣгу, на горахъ-то онъ въ изобиліи, но для этого нужно выйти за городъ.

Право хотѣлось бы серьезно прозябнуть, нанять лихаго извозчика, прикрыться въ санкахъ медвѣжьей پوستыю и прикатить къ вамъ, къ обѣду; вѣрно бы засталъ кашу или румяный пирогъ; если дастъ Богъ вѣку, то я это и сдѣлаю. Лимонныя и алаальсивныя деревья уже такъ присмотрѣлись что и не обращаешь на нихъ вниманія. Если къ юнню кончу груллу, то получите отъ меня письма издалека: въ Римѣ же проводить время невозможно; рѣшительно ничего не дѣлаешь, такъ ужь лучше вояжъ.

XXV.

4го февраля, 1846. 31го января Римъ ожидалъ появленія Тальони на театрѣ Аполло; но спектакля не было. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ этотъ день было страшное разлитіе Тибра и сильное землетрясеніе, съ тѣхъ поръ театры ежегодно закрываются 31го января. А мнѣ была подарена на этотъ вечеръ ложа; просто былъ въ отчаяніи, однако на другой день, именно 1го февраля очередь осталась за мной и я видѣлъ заѣсъ Тальони; но лучше бы было не видать ее послѣ Фанни Эльслеръ. Многіе находятъ что Тальони необыкновенно благородна и раскланивается съ лубликой безъ кокетства; но за то уже собственно искусство, танцы, чистота, жизнь, энергія, ловкость, ноги, умѣнье одѣться и разнообразіе па, и игра въ совершенно различныхъ роляхъ, все на сторонѣ Фанни. Во время балета Тальони аплодировали; но по его окончаніи даже не вызвали. Пора бы на покой. Ну, плясала бы себѣ дома, если ее страсть къ танцамъ такъ одолеваетъ. Цѣны въ театрѣ увеличились, и Римляне жестоко злы на антрепренера и на Тальони. Въ тотъ же вечеръ я слышалъ Иванова въ *Lucia*. Онъ пѣлъ прекрасно; но финалы арій у него всегда неудачны. Начнетъ, зальется съ его соловьинымъ голосомъ, просто предель, заслушаешься, а какъ придется кончить, все очарованіе исчезаетъ! Чудесныя, полныя ноты, при совершенномъ *largo*, онъ вдругъ раздробитъ, разобьетъ, жеманно произведетъ эффектъ, какъ дѣлаютъ Италіяны; но у не-

сѣдннихъ это выходитъ красиво, а у него нѣтъ. Подражаніе точно не ведетъ далеко! Эту стравицу закончу анекдотомъ. Здѣсь живетъ докторъ, изъ Пиемонта, Града, страшный буффонъ, къ которому я часто прибѣгаю въ послѣднее время, по случаю встрѣчи со старымъ милымъ знакомымъ гемороемъ. Видя что лѣкарство его плохо мнѣ помогаетъ, я какъ-то спросилъ его изъ любопытства: „Скажите пожалуйста, почему у четвероногихъ нѣтъ гемороа?“—„Вы сами избрали себѣ лѣкарство отвѣтилъ онъ пресеріозно, попробуйте походите на четверекахъ.“—„Хорошо, сказалъ я, но уже не будьте, докторъ, въ претензіи если я при встрѣчахъ съ вами не буду вамъ кланяться“.

Я рѣшительно въ восторгѣ отъ новой мастерской, которую нанялъ на два года у скульптора Лемуэна. Славный, милый, старый Французъ, прекрасный художникъ, котораго группа Меден убившей дѣтей до сихъ поръ у меня въ мастерской. Она возвратилась изъ Парижа; король пожалѣлъ денегъ на покулку, и Лемуэнъ, какъ кажется по этой причинѣ бросилъ скульптуру и занялся литературой, которою онъ занимался прежде. Вотъ что мнѣ подаю случай завладѣть превосходною мастерской, въ чемъ мнѣ и иностранные художники завидуютъ. Милый Лемуэнъ оставилъ очень много матеріаловъ въ мастерской, которыми предоставилъ мнѣ пользоваться.

Вчера мы возвратились изъ путешествія которое дѣлали по горамъ съ графомъ Толстымъ, видѣли столько красотъ что даже утомились отъ впечатлѣній; нужно отдохнуть, потому что 14го февраля, въ субботу, начинается карнавалъ. Уже у меня одна изъ моделей, именно Маріуча, выпросила сегодня красныя ливталовы отъ пуританскаго костюма, который я имѣлъ въ Чербарахъ, и два большихъ красныхъ пера на шляпу.

Вчера Ивановъ такъ расплѣлся въ *Эрмани*, какъ мы еще не слышали, прелесть! Но публичку здѣшнюю, правду говорить графъ Толстой, нужно бы было выстѣчь за ея невѣжество, которое теперь совершенно обнаружилось въ пристрастіи къ овоимъ и въ самомъ слѣломъ, уродливомъ пристрастіи.

Они отъ Колаини, пѣвца далеко уступающаго Иванову, просто бѣсуются, а про Иванова говорятъ: „Недурно“ и большею частью оказываютъ ему небреженіе. Вотъ вамъ

и Римъ — судья лѣвцовъ, а все отъ того что настояще знатоки и любительницы музыки, сидящіе въ первыхъ ярусныхъ ложахъ находятъ неприличнымъ аллодировать, что будто это несвойственно bon-ton'у, и потому судей дѣлается партеръ, состоящій изъ цирюльниковъ, правдопатающихся, сидѣльцевъ и тому подобное.

Лишь только музыка и лѣніе имѣютъ представителей, и тѣ обратились въ какіе-то судорожные звуки и завываніе. Чистаго, прямаго искусства, идущаго прямо отъ сердца, право мало! А вѣдь Италянцы рождаются подъ прежнимъ же солнцемъ, среди чудесъ произведенныхъ ихъ предками.

Новѣйшая церковная музыка Италіи не представляетъ ничего, кромѣ пустоты и шума; въ ней рѣшительно отсутствуетъ всякая идея и потому отсутствуетъ мотивъ, а если иногда и является послѣдній, то болѣе выражаетъ отчаяніе или какую-нибудь бѣшеную страсть, а не высокое и главное теченіе гармонической молитвы. Италянцы допускаютъ даже темпъ вальса въ церквахъ. Многіе извиняютъ это живостью ихъ характера, приводя въ доказательство что въ Неаполѣ въ церквахъ играютъ даже народные лѣски, раздающіяся на берегу моря каждый вечеръ; но мнѣ это кажется просто уладкомъ музыки, ея нищетою. Вообще нынче мало обращаютъ вниманія въ Италіи на церковную музыку и даже хоръ Сикстиновой капеллы, который всегда поетъ при служеніи палы, далекъ до сравненія съ нашею придворною капеллою.

Я говорилъ кажется, что мѣсто умершаго Кассандры, въ кукольномъ здѣшнемъ театрѣ, занялъ Пульчинелъ. Вчера я былъ въ этомъ театрѣ съ графомъ Толстымъ, который самъ страшный любитель механики и не мало дивился совершенству механизма съ которымъ устроены движенія главнаго лица, именно Пульчинеля. Слова произносимыя за кулисами въ такой соотвѣтственности съ мимикой деревяннаго актера, который превосходить своимъ талантомъ многихъ дюжинныхъ артистовъ. Аллодисмены публики ему уже ни почемъ! Представьте что входъ въ этотъ театръ, въ партеръ, стоитъ 23½ копѣйки, а въ ложу 53 копѣйки на наши деньги. Въ продолженіе вечера три представленія, и простой народъ наслаждается этими зрѣлищами вполне. Сверхъ того, въ продолженіе всей зимы находится множество разныхъ фокусъ

никовъ, косморамъ, восковыхъ фигуръ, за самую малую цѣну, что дѣлается доступнымъ для всѣхъ классовъ народа. Наконецъ самый огромный изъ театровъ Рима, Алиберъ, назначенъ для простонародныхъ представлений.

У насъ еще карнавальныи сезонъ не начался и потому хорошихъ оперъ, пѣвцовъ и пѣвицъ еще мы не слышимъ. Но *Фоскари* Верди рѣшительно прелесть! Весь Римъ, начиная съ какого-нибудь *principe* или *conte*, до послѣдняго бирбачона (уличный мальчишка), поетъ мотивы изъ *Фоскари*; всѣ полковые оркестры духовой музыки, какой у насъ не усаманить, разыгрываютъ *Фоскари* при каждомъ праздникѣ и при каждомъ удобномъ случаѣ. Иногда соберется нѣсколько сапожниковъ, портныхъ, къ нимъ присоединятся камеріеры изъ трактировъ (прислужники), да какъ подымутъ хоръ венеціанскихъ сенаторовъ по улицамъ Рима ночью, то я часто покидаю постель и заслушиваюсь у раствореннаго окна. Недавно какъ-то я пришелъ домой довольно поздно, закутался въ одѣяло и задремалъ; вдругъ флейта.... да какъ играла съ акомпаниментомъ гитары, просто прелесть! Вышло вотъ что: надо мной живетъ очень милая Итальянка, за которою волочится флейта, а за сестрой этой милашкой волочится гитара, и эти два влюбленные инструмента до того играли, покажишь обѣ сестрицы въ юпочкахъ не появились съ постелей у окна и не бросили по букету цвѣтовъ страдальцамъ любви. Молоденькая эта Итальянка большая охотница пѣть; ея звонкій голосокъ слышится цѣлый день въ моей комнатѣ. Теперь какъ только она запоетъ, я ей аккомпанирую на фортепіано *riapiezimo*; въ началѣ это ее сердило и она переставала пѣть, а послѣднее время такъ привыкла къ этому что мнѣ иногда приходится аккомпанировать полчаса и болѣе. Я еще кажется ни разу не говорилъ о здѣшнихъ импровизаторахъ, которыхъ собственно въ Римѣ трудно встрѣтить; но въ загородныхъ остеріяхъ они появляются и въ особенности въ Трастеверѣ, въ части города гдѣ жители считаютъ себя чистыми и прямыми потомками древнихъ Римлянъ и даже не вступаютъ въ браки съ жителями другихъ частей города.

Точно удивительный талантъ къ импровизаціи въ этомъ народѣ! Оборванный старичишка, съ полулыскою рожей, который съ виду только и способенъ просить: Христа ради. Дашь ему вдругъ тему на слова: Рафаель, разбойникъ и

персикъ, онъ начинаетъ раскачивать головой и всѣмъ туловищемъ; въ минуту соображаетъ, раскидываетъ плащи и мѣрыми, иногда очень удачными стихами прилетѣтъ геній Рафаеля, предъ Мадоннами котораго и разбойникъ можетъ раскаться, а колоритъ его уподобить персику. Я пробовалъ давать предметы самые рѣзкіе по противоположности, самые дальніе по отношеніямъ; но находчивость фантазіи у Италіянцевъ удивительна.

Послѣднее время Римляни, Форли и Равенна отложились отъ власти папы; не знаю чѣмъ все это кончится. Около береговъ Алколы, Чивита-Веккіа, Фіумичино и Римляни показались суда, которыхъ папа очень испугался; даже въ Альбаго, въ Фіумичино было послано войско которое въ слѣдствіе здѣшной дисциплины, едва передвигаетъ ноги.

Недавно ночью я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ бирбачоне хотѣлъ отнять ружье у часового, и послѣдній, орбѣвъ, кричалъ: „къ оружію!“. Рѣшительно смѣхъ беретъ, глядя на эти каррикатуры древней римской славы. На караулъ у здѣшнихъ солдатъ постоянное занятіе, игра въ каминки, которыми они иногда попадаютъ и въ прохожихъ.

XXV.

Спѣшу описать какъ мы встрѣтили дорогихъ гостей В. А. и А. М. Каратыгиныхъ, которые провели здѣсь дней шесть и только-что уѣхали въ Неаполь. При маломъ срокѣ который они посвятили Риму, я не только охотнѣе согласился на ихъ желаніе, но и поставилъ себя въ обязанность ознакомить ихъ съ главными чудесами города, въ которомъ проживаю уже второй годъ. Интересно было слѣдить за ихъ восторгомъ при видѣ Колизея, термъ Каракаллы и катакомбъ, которые кажется въ особенности поразили ихъ. Въ Колизей нашъ знаменитый артистъ вспоминалъ роль гладиатора, въ катакомбахъ оба они вспоминали драму: *Жизель якобица*. Колоссальныя развалины древняго Рима представлялись ихъ глазамъ живою декорацией, а обломки мраморовъ, яшмы, порфира—дѣйствительною обстановкой тѣхъ драмъ которыя разыграли на театрѣ исторіи республика и имперія Римлянъ. При посѣщеніи этихъ памятниковъ древности я боялся нарушать моими малыми свѣдѣніями ихъ удоволь-

ствіе созерцать живымъ воображеніемъ каменный скелетъ умершаго на всегда колосса. И Аполлонъ и Лаоконъ въ лѣсу статуй Ватикана и комнаты Борджіа, и Моисей Микель Анджело, и великолѣпныя комнаты Августа, теперь засыпанныя землею, и безсмертный Рафаель, однимъ словомъ все что литасть душу художника, все нашло отзвѣвъ въ Каратыгиныхъ.

20го іюня около пяти часовъ часовъ вечера русскіе художники собрались въ виллѣ Понятовской и полные радостія и уваженія къ пріѣхавшему знаменитому артисту и къ его супругѣ, готовились встрѣтить Василия Андреевича и Александру Михайловну съ ихъ дочерью римскимъ хлѣбомъ-солью. Между красивыхъ группъ киларисовъ, лимонныхъ деревьевъ, раскидистыхъ аллей и журчащихъ фонтановъ былъ помѣщенъ столъ, усыпанный яркими цвѣтами. Надъ столомъ, съ кедровъ на киларисъ были переброшены въ живописномъ безлорядкѣ драпировки, защищавшія отъ здѣшняго іюньскаго солнца припецовъ сѣвера, собрашихся въ отчизнѣ Рафаеля ликовать торжество двухъ извѣстныхъ русскихъ талантовъ. Совершенно безоблачное, яркое голубое небо и нѣга здѣшняго прозрачнаго воздуха, казалось также приняла участіе въ нашемъ праздникѣ; день былъ такъ прекрасенъ, такъ чудесенъ что нельзя было и желать лучшаго.

По пріѣздѣ ждаемыхъ гостей (мы узнали изъ иностранныхъ газетъ объ отѣздѣ Каратыгиныхъ изъ Петербурга и о ихъ намѣреніи быть въ Римѣ), все общество русскихъ художниковъ лично познакомилось съ ними, нѣкоторые же знали ихъ и прежде. Разказы, обоюдные разспросы о предметахъ искусства; шутки, проникнутыя веселостію и искренностью оживляли гостей и хозяевъ. Я забылъ вамъ сказать что по срединѣ стола красовалась статуя летящей Славы съ двумя живыми вѣнками въ рукахъ, изъ которыхъ одинъ былъ лавровый, а въ другомъ къ лаврамъ были примѣшаны цвѣты. Когда былъ предложенъ тостъ за здоровье Василия Андреевича и Александры Михайловны, одинъ изъ художниковъ обратился къ нимъ со слѣдующими словами: „Слава уже давно плела вамъ вѣнки, теперь мы просимъ васъ взять ихъ изъ ея собственныхъ рукъ.“ Громкое ура! огласило воздухъ; Каратыгины взяли вѣнки и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарили общество художниковъ. Потомъ

раздалось ура при тостѣ за благодѣяніе нашего царя-благодѣтеля и пролѣта была за него молитва. Наконецъ слѣдовали тосты за здоровье и честь нашихъ пестуновъ. Дочь Каратыгиныхъ, Евгенія Васильевна, не могшая быть хладнокровною зрительницей праздника своихъ родителей, на которомъ неподдѣльность общихъ чувствъ и прямое удивленіе прекрасному были лучшимъ выраженіемъ похвалы двумъ необыкновеннымъ талантамъ, получивъ отъ художниковъ въ память этого дня нарочно приготовленный для нея букетъ цвѣтовъ, который если увянетъ въ дорогѣ, то гдѣ-то не потеряетъ своего значенія въ ея воспоминаніи. Послѣ обѣда мы разобрали букеты, служившіе украшеніемъ стола, и при крикахъ: „Каратыгины не видали римскаго карнавала“, осыпали ихъ цвѣтами. Все общество слилось въ одну единодушную семью, которая изъявляла радость и удивленіе къ дорогимъ гостямъ. Прекрасный вечеръ взманилъ дамъ прогуляться по предестной виллѣ; ихъ сопровождала одна часть художниковъ, а другіе составили кружокъ около Василія Андреевича и разговаривали объ искусствѣ. Вы себѣ представить не можете какъ прекрасенъ былъ Каратыгинъ въ лавровомъ вѣнкѣ, между кедровъ и кипарисовъ, освѣщенный закатывавшимся римскимъ солнцемъ. Изъ виллы Полатовской мы вернулись въ Римъ, въ огромную мастерскую Александра Андреевича Иванова, гдѣ при оглѣдѣ Каратыгины очень долго любовались его прекрасною картиной: *Іоаннъ проповѣдуетъ въ пустынь*. Такъ мы провели время съ двумя нашими славными артистами, съ которыми насъ заставилъ разстаться близкій часъ ночи. Мы проводили ихъ до коляски и далеко напутствовали громкими желаніями счастливаго возвращенія на родину.

XXVII.

9го іюля 1846. Великолѣпный братъ мой Петръ, ты исполнилъ мою душу умиленіемъ. Въ короткое время, въ одно мгновеніе ока—два письма; очеса мои не хотѣли вѣрить, но точно два письма! Съ настоящими жарами, отъ которыхъ мы терлимъ здѣсь, трудно, въ самомъ дѣлѣ, собраться писать, но для такого брата какъ ты я снялъ рубашку, затворилъ жалюзи, зажегъ лючерну; однимъ словомъ день обратилъ въ ночь;

но все-таки пишу въ потѣ лица! Ужасно досадно что здѣсь купаться рѣшительно негдѣ; ѣздили на двахъ въ Джемсано, которое верстахъ въ пятидесяти отъ Рима, я испробовалъ это удовольствіе, окунувшись въ озеро Немми, которое Римляне называли „зеркаломъ Діаны“ за красоту его. И точно предель что за мѣсто! Но представь себѣ, только что мы вышли изъ воды, какъ Михайлаовъ увидалъ на поверхности воды плававшую вилеру; мы однимъ стрелкомъ были вдругъ отъ берега на нѣсколько сажень, хотя рыбакъ находившійся тутъ и утѣрялъ что вилеры въ водѣ не жалятъ, однако мы лоторопились оставить это мѣсто. Тутъ же мы не мало смѣялись, когда мальчишка, смотрѣвшій за нашими ослиами, ловилъ какихъ-то животныхъ въ водѣ, величиной съ рака, и, обрывая у нихъ одну ногу за другою, сосалъ ихъ какъ гостиницы; но надо сказать что у этого морскаго лаука есть клещи, которыми онъ и впѣлся въ палецъ мальчишки. Чтò у него сдѣлалась за физиономія, умора! Однако мальчишка свернулъ ему голову и кончилъ на немъ свой завтракъ. Въ Неаполѣ всѣ простолюдины во время купанья завтракаютъ такимъ образомъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ находятъ удовольствіе купаться въ Тибрѣ, въ нарочно устроенной на немъ ваннѣ, но можешь себѣ вообразить какова вода въ Тибрѣ, когда мы ее называемъ *caffe-latte*, то-есть съ молокомъ-кофе который мы пьемъ по-утрамъ, а В. А. Каратыгинъ назвалъ Тибръ габержь-суломъ чтò совершенно справедливо. Вѣроятно событія римской исторіи возмутили его навсегда, такъ что онъ безпрестанно несетъ свои воды пополамъ съ ледкомъ. Невольно вспомнишь о прозрачной невской водѣ! Къ тому же Тибръ чрезвычайно быстръ и вероенъ, а весной отъ тающихъ снѣговъ на горахъ разливается и по улицамъ. Ты мечтаешь быть здѣсь; будь утѣренъ что я столько же занятъ этимъ; хоть поздно, хоть на короткое время, а надо вамъ будетъ попробовать рая на землѣ. Терпѣніе! Взгляни ты на милаго ослика, который везетъ меня; никакая дубина въ мірѣ не прожимаетъ его благородной кожи. Онъ и философъ, и либералъ; выносить лобомъ самымъ стоическимъ образомъ; перебирая маленькими, аккуратными ножками, онъ бѣжитъ въ тѣнь, и не разбирая будетъ ли то удобно всаднику, идетъ подъ деревомъ, а ты стучаешься ногами о лѣн. Есть и такіе либералы между ними, которые при геніальной

мысли лѣчь на землю, ложатся вмѣстѣ со всадникомъ и начинаютъ валаться съ боку на бокъ, опять не разбирая приятно ли то будетъ всаднику или нѣтъ. Страшная порода! А ужъ какъ сластолюбива, Боже уласи! Они выражаютъ свою любовь такимъ крикомъ что морозъ по кожѣ ползаетъ. За то уже когда надо взобраться на гору по каменьямъ, или спуститься въ оврагъ между обрывовъ, или объѣхать край пропасти, то оселъ остороженъ какъ Немецъ и легокъ какъ муха, престо озолотить бы его въ эти минуты; ну, да если не италянскіе такъ другіе бѣги облиты золотомъ,—все равно, родственники. Въ настоящую минуту я надуваюсь лимонадомъ; то-есть такъ гауль ставишься съ этою жарой что не знаешь какъ и горю помочь.

То лимонадъ, то мороженое, то раздѣнешься и такъ работаешь, то обольешься весь водой, то надѣваешь чистую рубашку, то ходишь съ босыми ногами. Дождя въ надеждѣ даже нѣтъ ни капли. Небосклонъ раскалился, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ; видишь какъ воздухъ дрожитъ какъ струна.

XXVIII.

Пишу изъ Альбано. Брожу по горамъ и очаровательнымъ долинамъ Альбанскимъ, непрерывно пересчитывалъ дорогіе письма съ родины. Въ одной изъ прогулокъ въ Альбано мы были втроемъ: я, Сократъ Воробьевъ и Бейне; солнце палило землю безлощадно, мы шли по дорожкѣ, то разговаривая, то прилѣвая; вдругъ Сократъ кричитъ мнѣ: „Рамазановъ, бѣги прочь!“ я сдѣлалъ въ испугѣ, причины котораго еще не зналъ, такой прыжокъ что очутился на сажень отъ того мѣста гдѣ шелъ. Я ждалъ увидѣть змѣй подъ ногой, но то что такъ напугало насъ было еще хуже это была вилера, укушеніе которой считается здѣсь неизлечимымъ. Сократъ закричалъ мнѣ именно въ ту минуту когда я готовъ былъ наступить на нее. Вилера—маленькая змѣйка, побольше поларшина, очень красивая, гибкая, съ зубами полными самаго разрушительнаго яда. Недавно одинъ католическій священникъ былъ укушенъ вилерой въ ногу; ядъ распространился по всему тѣлу и чрезъ день его уже отлѣвали. Мы не довольствовались тѣмъ что избѣжали это

непріявеннаго животнаго и рѣшились убить его, начали брать издали камнями и наконецъ прилягнули къ нему, а потомъ стали разсматривать и любоваться. Люди даже чувтъ близость этого гада и бросаются въ воду. Едва мы успели окончить посылъ испуга, какъ наткнулись на кабу, отъ которой задали такого стрелка что вошь трое уловствовали одышку, и такъ были настроены къ лугаги, что малѣйшій шелестъ листьевъ или бѣгъ ящерицы савляли насъ дѣлать такіе забавные прыжки что если кто могъ видѣть со отороим, смѣху было бы довольно.

дѣло началось уже такіе жары что въ день раза три лѣтѣишь рубашку; когда смотришь вдаль, въ горы или въ долину, то видишь какъ зной движеть воздухъ и вся даль-атмосфера колеблется, дышетъ, такъ что въ глазахъ итъ и вошь предметы кажутся движущимися. А Неаполь? мое пребываніе въ немъ было совершеннымъ сномъ и мнѣ волшебнымъ. Это соединеніе колоссальныхъ красотъ роды поразительно! Море, блестящее всевозможными окнами, синія цѣли горъ, во главѣ которыхъ страшный вулканъ; растительность самая роскошная, граціозная, приливая; бальзамическій воздухъ; эти груды скалъ, упирающихся подошвой въ море, наконецъ самая жизнь Неаполитанцевъ привольная, безпечная,—все это заставляетъ мнѣ побывать тамъ, ложить еще, что я въ будущемъ году одѣлаю, а теперь разкажу вамъ истинное происшествіе, бывшее съ моимъ товарищемъ Росси. Надо вамъ сказать что въ послѣднюю революцію въ Неаполѣ главнымъ инициаторомъ былъ вѣкто Александръ Росси, который теперь живетъ въ Англіи. Нашъ Росси крѣпко завидовалъ намъ, когда мы сѣли въ дилижансъ, и вслѣдъ за нами ѣхалъ въ Неаполь; ночью онъ прѣѣхалъ на неапольскую границу и только-что занесъ ногу чтобы пересѣсть на другой дилижансъ, явились карабинеры, задержали его и потомъ повели къ префекту полиціи, который объявилъ что не можетъ пропустить Александра (нашего зовутъ же) Росси, которому запрещено вѣздъ въ отечество. Русскій паспортъ, ни убѣжденія словесныя ни къ чему послужили; Росси струхнулъ, не зная исторіи революціи, и уже въ самомъ дѣлѣ началъ припоминать, не вѣдствовалъ ли онъ въ какомъ-нибудь бунтѣ. Солдаты

довелъ его до римскаго дилижанса, и онъ съѣзъ въ него отправился обратно въ Римъ. Бутеневъ (нашъ посланникъ въ то время въ Римъ) обѣщалъ похлопотать о потерянныхъ деньгахъ, которыя Росси потратилъ въ дорогѣ. Мы же много смѣялись этой исторіи. Черезъ недѣлю я собираюсь въ Асколи, брать свѣренны ванны; потомъ заѣду въ Анкону; на обратномъ пути въ Орвіето, а оттуда назадъ въ Римъ на работу.

Пришелъ полдень, и ей Богу не знаешь куда дѣться, ходишь по комнатамъ въ томъ же платьѣ, какъ и Адамъ, жара невыносимая, на фортепиано играть невозможно. За то рано поутру и вечеромъ здѣсь восхитительно, а въ воскресенье, когда Албанки приварадятся въ свои яркіе, пунцовые корсажи, надѣнутъ на прекрасныя свои головки блестящей бѣлизны накладки и пойдутъ съ мѣдными кувшинами къ фонтану за водой,—просто неслыханная картина. Прощайте!

ОЧЕРКИ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО ВОЗСТАНІЯ *

XIV.

При звукѣ выстрѣловъ я взглянулъ вопросительно на Пеко. Онъ ѣхалъ крунѣйшею рысью, нахмуренный, какъ бы погруженный въ думу и не выпуская своей вѣчной трубки изъ рта.

— Чуешь? обратился я къ нему, указывая въ сторону выстрѣловъ.

— Дóбро чую.... луцають, — отвѣтилъ онъ какъ бы нехотя.

-- Турчинъ?

— А кто же иной какъ не Турчинъ!

— Значить Турки выступили въ ночь и застали твоихъ врасплохъ?

— Пеко взглянулъ на меня пристально и затѣмъ, помолчавъ немного, отвѣтилъ не то съ усмѣшкой не то съ укоризной.

— Вотъ что я тебѣ скажу... Турчину еще не удавалось и не удастся застать Пеко врасплохъ. Зналъ я хорошо что они идутъ. Вышли они еще вчера предъ ночью. Мои мѣ говорили это....

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 11, 12 и 24 1877 и 24 1878 года.

— Такъ зачѣмъ же ты ничего мнѣ не сказалъ про это?

— А ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ? И онъ уперся на меня взоромъ.

— Зачѣмъ? Ты знаешь зачѣмъ: тебя видѣть, осмотрѣть Мурстовицкое поле....

— Видишь. Самъ ты говоришь: осмотрѣть Мурстовицкое поле, потому что тамъ невѣсть что говорить и не вѣрять что мы побили Турчина и уложили ихъ *гиляду*.... * А что бы ты подумалъ еслибы Пеко отвѣтилъ тебѣ вчера что поле осмотрѣть нельзя будетъ потому что Турчинаъ идетъ? подумалъ бы ты что мы неправду писали и не побили Турчина.... Видишь!

Тутъ я все поглядывалъ: и озабоченный видъ Пеко, когда я наконецъ объявилъ ему желаніе осмотрѣть поле, и почему онъ самъ поѣхалъ со мной и взялъ такую отборнѣйшую свиту. Онъ считалъ дѣломъ чести показать мнѣ поле во что бы то ни стало и поэтому ни словомъ не упоминалъ о несвоевременности и опасности подобнаго осмотра.

Эпическая натура этого человека все ярче и ярче выяснялась въ моемъ умѣ.

— Такъ твои тамъ теперь дерутся?

— Да. Я приказалъ *отвести* Турокъ отъ поля, потому что настоящій имъ путь есть чрезъ Мурстовицу. Они дурны. Наши встрѣтили ихъ тамъ⁷ подалѣе и стали понемногу принимать вѣтво, а Турчинаъ за ними....

Онъ усмѣхнулся взглянувъ на меня выразительно. Перестрѣлка усиливалась.

— Ты примешь серьезно дѣло или только такъ попуцаешь съ ними? спросилъ я.

— Нѣтъ, я тебѣ вчера вѣдь говорилъ, *какъ мы теперь ни тайма* ***, ни *фйшкова* **** вѣтъ.... Срамота! Нельзя мнѣ будетъ удержать Турчина на этотъ разъ, если только онъ сильно полѣзетъ впередъ.

— Къ Горавску?

— Да, къ Горавску. Тамъ, знаешь, мрутъ съ голоду, ну такъ лаша захочетъ имъ помочь.... Посмотримъ тамъ! приба-

* Тысячу.

** Провіанту.

*** Патроновъ.

визъ онъ, посасывая трубку.—Ты, чуешь, поддай рыси чтобы намъ скорѣе доѣхать.

Стрѣльба между тѣмъ, замѣтно усилившаяся и раздававшаяся теперь гораздо ближе, обратила на себя вниманіе Прайора. Англичанинъ справился у своего словоохотливаго слуги-ка о причинѣ пальбы, и полученные отвѣты вѣроятно далеко не пришлись ему по вкусу. Онъ подтѣхалъ ко мнѣ съ довольно растеряннымъ видомъ.

— Mon ami?

— Чтò?

— Тамъ дерутся и стрѣляютъ.

— Да.

— Такъ какъ же тогда?

— Вы увидите сраженіе.... это какъ будто по заказу, вы должны быть рады.

— Да, конечно, отвѣтилъ онъ съ напряженнымъ видомъ.— Но какой это превосходный народъ! какой храбрый! Посмотрите, имъ будто все равно, будто не ихъ дѣло! они курать!.... а между тѣмъ они будутъ драться и сражаться.... не то чтò мы, которые *конечно* станемъ въ совершенно без-опасное мѣсто чтобы только наблюдать....

Онъ очевидно хотѣлъ косвенно напомнить мнѣ обѣщаніе не подвергать его опасности.

— Вы сами меня *поставите*, mon ami, не правда ли? потому что эти добрые люди вѣроятно не хорошо понимаютъ чтò именно мнѣ надо.... Пожалуста, только не оставляйте меня одного съ monsieur le duc, потому что онъ мнѣ прямо сказалъ что бросится отыскивать самого лашу.... Онъ кажется ужасно храбрый и даже, я думаю, mon ami, безумно отваженъ; онъ забудетъ что я только мирный художникъ.... вы понимаете?

Я конечно отлично понималъ чего добивался Англичанинъ и обѣщалъ ему, насколько можно было въ такомъ дѣлѣ обѣщать, возможную безопасность.

— Ну хорошо, mon ami, я ужъ во всемъ буду васъ слушаться, отвѣтилъ онъ.—Но только я вамъ скажу, какой долженъ быть храбрецъ этотъ господинъ герцогъ!

Кстати, подумалось мнѣ, посмотримъ-ка каково смотреть теперь Дука; трудно мнѣ что-то вѣрится чтобы онъ былъ ужъ такимъ молодымъ.

Дука ѣхалъ сзади между двумя *офицерами*. Всѣ трое

смѣялись, причеиъ дука ораторствовалъ, сильно жестикующа. Дикость и безличность—ничего другаго на всѣхъ трехъ лицахъ.

— Эхъ! Дука, Дука! проговориалъ, продолжая смѣяться и покачивая головой, одинъ изъ офицеровъ.

— Чего, Дука! огрызнулся „герцогъ“.—Увидишь ты какъ дука работаетъ. Погоди, братъ.

И снова всѣ трое засмѣялись. Въ эту минуту высоко надъ нами рѣзко и звучно прожужжала первая пуля. Прайоръ прыгнулъ къ сѣдау.

— Яребица! * весело замѣтилъ дука, подставъ палецъ и будто сѣдя за полетомъ пули.

Остальные смѣялись.

— Это куролатка пролетѣла, обратился дука по-французски къ Прайору, стараясь сохранить серьезный видъ.

Тотъ глядѣлъ полурастерянно полудоволпросительно и кажется недоумѣвалъ, вѣрить ему или нѣтъ.

— Увѣрю васъ, сэръ, что это куролатка. Онъ такъ всегда визжать подъ старость, продолжалъ балагурить Дука.

Дука, замѣтившій душевную тревогу Англичанина, думалъ надъ нимъ подсмѣяться. Я предупредилъ Прайора и посоветовалъ ему быть насторожѣ, чтобы не сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ. Британское самолюбіе совершило въ этомъ случаѣ чудо: съ этой минуты, не взирая на страхъ и нервное возбужденіе, Англичанинъ держалъ себя довольно сносно; одно только, онъ постоянно становился за мною и сдѣлался совершенно нѣмъ.

Мы подѣвжались къ мѣсту боя. Пули поминутно жужжали высоко надъ нами, но сражающихся еще не было видно. Ружейная пальба гулко гремѣла по горамъ. Впереди насъ—незначительная возвышенность, за которою, какъ сѣдовало предполагать, происходило дѣло; вѣвво подымалась высокая гора покрытая рѣдкимъ лѣсомъ. Мы взѣхали рысью почти до гребня возвышенности. Пеко былъ впереди. Немного не доѣзжая вершины онъ остановился; остальные послѣдовали его примѣру.

— *Чѣкайте* тутъ, сказалъ Пеко.

Онъ слѣзъ съ коня, вытресъ трубку, заложилъ ее „за

* Куролатка.

фронтъ“ и пошелъ одинъ на верхъ. Пули свистали, сто- и жужжали сливаясь въ одинъ общій гулъ; Турки по новенію не жалѣли пороха. Для насъ этотъ адскій огонь совершенно безвреденъ благодаря прикрывавшей насъ ашенности.

ко сдѣлалъ шаговъ пятьдесятъ и прилегъ осматривая чность. Я подошелъ къ нему и легъ возлѣ.

изу кипѣла битва. Дорога извивалась черною полосой и холмистой мѣстности слабою покрытой сѣнгомъ, одила у противоположнаго подножія возвышенности оторой мы находились. Напротивъ, шагахъ въ четырехъ была другая почти параллельная возвышенность. Усталые по склонамъ этихъ двухъ обширныхъ лѣсистыхъ овъ по обѣ стороны дороги и обстрѣливали послѣднюю. право отъ насъ наступали Турки: густая чернѣющая а цѣль; за цѣлью замѣтно было большое движеніе зна- льныхъ частей, фланги были далеко шире раскинуты ; фронтъ усталей.

Дьяволе! пробормоталъ свозъ зубы Пеко.

Чтѣ, не хорошо? спросилъ я.

Юкъ *, отвѣтилъ онъ,—поѣдемъ.

ы сѣли на коней чтобъ обогнуть холмъ со стороны тиволопной Туркамъ. Пеко слѣшилъ чтобы взять по- те въ руки управленіе боемъ. Этому человеку, совер- о безграмотному, „темному“, достаточно было нѣсколь- ь минутъ внимательнаго осмотра чтобы безошибочно ить условія боя и принять рѣшеніе.

ме можно было впередъ считать проиграннымъ для тавшихъ не взирая на кажущуюся выгоду ихъ по- нія: Турокъ было много, ихъ широко растянутые фла- же охватывали справа и слѣва позицію возставшихъ; этомъ сильный недостатокъ боевыхъ припасовъ, го- ... О серіозномъ сопротивленіи и думать было нечего. коръ намъ стали попадаться раненые медленно плету- я съ поля битвы. Она шла по одиночкѣ, безо всякой оронней помощи, поохивая и слотыкаясь. Необычайное ! Между ними были съ прострѣленною насквозь грудью, прострѣленными бедрами, и эти люди, баснословно крѣп-

ѣтъ.

кіе и выносливые, шли одни безъ поддержки, лишь оставаясь и присаживаясь по временамъ.

Обогнавъ холмъ мы сразу очутились въ сферѣ огня. Кругомъ насъ „пѣли“ пули. Непріятная эта музыка была самая разнообразная: то рѣзкій, высокій моментальный свистъ, то отрывистое шипѣніе, то басистое болѣе продолжительное жужжаніе, то дребезжащій вой, то какъ бы трескъ, то будто металлическое вибрированіе.

Пеко вѣхалъ не обращая ни малѣйшаго вниманія на этотъ концертъ и уже снова курилъ трубку, посматривая хмуро но внимательно во всѣ стороны, какъ бы ориентирясь и изучая мѣстность.

Вправо отъ насъ небольшой выступъ возвышенности представлялъ превосходную защиту отъ пули. Въ этомъ безопасномъ уголкѣ стояло нѣсколько коней и сидѣли люди. Мы повернули туда. Находившіеся здѣсь люди и кони изображали нѣчто въ родѣ перевязочнаго пункта, унтеръ-штаба и обознаго ларка отряда.

Пять коней съ вьюками, увы! облегченными до крайности, изображали обозный паркъ.

Человѣкъ двадцать раненыхъ перевязывавшихъ другъ другу раны какими-то невыразимо грязными лохмотьями изображали перевязочный пунктъ.

Четверо пятнадцатилѣтнихъ мальчишекъ присматривавшихъ за лошадьми и таскавшихъ воду въ шалкахъ для раненыхъ изображали унтеръ-штабъ.

Здѣсь мы слѣзли съ коней.

— Пойдемъ, сказалъ мнѣ Пеко.

— Пойдемъ, но знаешь, *Инглеза* надо будетъ здѣсь оставить.

— Добро, только чуешь, онъ можетъ разсердиться за это.

Это замѣчаніе характеризуетъ вполнѣ Пеко. Бронзовый, неустранимый человѣкъ судилъ наивно о другихъ по себѣ.

Между тѣмъ Англичанинъ, найдя пристанище это по себѣ рѣшился засѣсть здѣсь во что бы то ни стало.

— Мон ами! отсюда я все вижу и все нарисую... но дальше, прибавилъ онъ вдругъ съ какою-то отчаянною рѣшимостью,—дальше я не пойду: *J'ai un femme, et mon femme sera fâché si je marcherais là où vont les balles.*

— Оставайтесь въ такомъ случаѣ тутъ, сэръ, вѣтъмаса дукъ, подошедшій и услышавшій послѣднія слова Прайора—

оставайтесь, потому что впереди адъ... Тысячи смертей лежатъ на встрѣчу смѣльчакамъ, героямъ, хотѣлъ я сказать, которые холодные, голодные, покрытые лишь рубищемъ, но огрѣтые, сгараемые было бы вѣтряе, пылающіе патріотизмомъ святыхъ и безкорыстныхъ, умираютъ на грозныхъ, рачныхъ, занесенныхъ сѣтгомъ скалахъ, не думая....

— Пойдемъ! крикнулъ мнѣ Пеко.

Онъ былъ безъ плаща и закуривалъ трубку поджидая меня. Мы пошли. У поворота я оглянулся. Прайоръ сидѣлъ на камнѣ, а Дука стоя предъ нимъ размахивалъ руками вѣроятно доканчивая свою непомѣрную фразу, конца которой мнѣ не пришлось дослышать.

— Герой дука хочетъ кажется убить сразу двухъ зайцевъ, подумалось мнѣ:—обдѣлать Прайора и отдѣлаться отъ опасности.

Впереди бой былъ въ полномъ разгарѣ. Турки видимо приблизились, а возставшіе отступали, потому что линія напего огня была теперь значительно ближе. Нѣсколько разрывныхъ повстрѣчались намъ. Издали раздавались крики, возгласы и дикія завыванья. Пули шлепались о камни съ глухимъ звукомъ. Мы пробирались по самой подошвѣ холма между деревьями, чтобы нѣсколько укрыться отъ выстрѣловъ. Надъ нами то и дѣло трещали и ладали сучья поломанные лулями.

Вотъ и сами бойцы. За камнями, за деревьями, лежа, сидя, пригнувшись, отстрѣливались они группами въ пять-шесть человекъ, перекакиваясь между собою, бросая ругательства и вызовы непріятелю. Впереди, изъ-за деревьевъ, открытое холмистое пространство, а шагахъ въ четырехъ стахъ длинная линія появляющихся и исчезающихъ дымокъ. Здѣсь на мѣстѣ шумъ пальбы казался гораздо слабѣе.

Положеніе оказалось далеко невеселое: устами, по недостатку патроновъ, могли только слабо отвѣчать Туркамъ; оба фланга непріятеля далеко забирали вправо и влево, такъ что огонь его становился перекрестнымъ. Сами люди казалось это чувствовали и дѣйствовали безъ увлеченія и вяло. Я взглянулъ на Пеко.

Онъ казалось вдругъ переродился. Сгорбленная фигура выпрямилась, сонные глаза блестѣли ярко и необычайно

подъ густыми наморщенными бровями. Молодецкая и величавая была его фигура!

Онъ уже все взвѣсилъ, все оцѣнилъ. Окинувъ быстрымъ оравнымъ взглядомъ картину, Пеко засунулъ два пальца в ротъ и пронзительно свистнулъ поворачиваясь вправо и влево. Это былъ его обычный сигналъ и боевой зовъ.

При этомъ знакомъ звукъ люди будто востреленулись, огонь усилился. Вскорѣ справа и слева стали подходить офицеры, т.-е. начальники четъ, вызванные свистомъ къ боеводѣ. Пеко передалъ имъ въ двухъ-трехъ словахъ приказаніе. Тѣ выслушали, двое что-то возразили и стали по-яснять.

— Ну, гайда, * соколѣве, локовчилъ Пеко.

Начальники четъ быстро пошли по своимъ мѣстамъ.

Минутъ чрезъ двадцать справа и слева стали показываться длинныя вереницы усташей идущихъ изъ „линн“ гуськомъ по лѣсу. Огонь поддерживался, несмотря на это, въ одинаковой силѣ, чтобы возможно долѣе оставить Турокъ въ невѣдѣніи относительно отступленія.

— Куда же мы отступимъ? въ Смерчно? спросилъ я Пеко.

— А вотъ туда, на гору. Онъ показалъ на высокую гору влѣво.—Въ Смеркѣ они ужъ есть, а мы уйдемъ на гору... Тамъ увидимъ, прибавилъ онъ съ какою-то загадочною усмѣшкой, причемъ его могучія челюсти злобѣще оскалились.

Мы пошли назадъ. За нами группы лежащихъ впереди усташей подымались одна за другою и медленно отходили. Впереди смутно и глухо слышались крики: *Алла! Алла!* Турки замѣтили наконецъ наше отступленіе, привѣтствовали его торжествующими возгласами и напирали сильнѣе. Огонь ихъ сталъ адскій, нашъ же совершенно ничтоженъ. Оставшіеся еще въ цѣли усташе не выдержали, поднялись и стали быстро отходить, обгоняя насъ.

Вдругъ Пеко, медшій съ трубкой въ зубахъ, замѣтилъ это слишкомъ послѣднее отступленіе. Взоръ его сверкнулъ, блеснулъ, заискрился. Онъ остановился.

— Чу! закричалъ онъ страшнымъ громовымъ голосомъ, растопыривая руки.

Тутъ только я могъ понять и оцѣнить то необычайное

* Идите.

ие, то необычайное обаяніе и нравственную силу котор-
этотъ необыкновенный человѣкъ имѣлъ надъ своими
ки. Далеко, вправо и влѣво, всѣ остановились какъ вко-
е подъ грознымъ взглядомъ своего вождя. Два было
о въ эту минуту; одинъ покотился впередъ головой....
о не пошевелился, не двинулся съ мѣста. Пеко по-
тъ минуты съ двѣ, грозно поглядывая по сторонамъ.
остался, повидимому, доволенъ видомъ и послушані-
людей: взглядъ его смягчился и потухъ.

За мной идите, соколове! крикнулъ онъ гораздо ме-
нѣе и медленно пошелъ далѣе. Усташи соразмѣрили
свой съ Пеко и, чтобы не находиться въ пассивномъ
кеніи подъ выстрѣлами, отстрѣливались по временамъ.
и стали взбираться на гору длинными нестройными ве-
дами. Внизу раздавались торжествующіе клики Ту-
Перестрѣлка прекратилась. Я предполагалъ дѣло со-
енно оконченнымъ.

верху, съ конями, утеръ-штабомъ и ранеными пере-
завшими уже въ эти безопасныя мѣста, я нашелъ Прай-
Зивидѣвъ меня, Англичанинъ выразилъ непритворную
уть.

Mon ami! mon ami! vous êtes tout à fait vivant! Какъ я
главъ! вскричалъ онъ, бросаясь мнѣ на шею.—Я все
лъ, всю битву и все это уже нарисовалъ.

А гдѣ же вашъ чичероне? спросилъ я его.

Какой чичероне, mon ami?

Дука.

Ахъ! Дука?... Дука это герой, mon ami!

Почему же герой?

Онъ обѣщалъ мнѣ принести турецкую голову.... непре-
ю принести, и ту которую самъ отрубить.

И что же? онъ пошелъ за ней?

Да.

Долго будете вы ждать этой головы?

Нѣтъ, mon ami, увѣряю васъ.... Онъ, вы знаете, очень
дается теперь въ деньгахъ и самъ сказалъ мнѣ въ са-
ужасную минуту, когда вы тамъ сражались: Хотите ви-
попавшійшую побѣду?—Хочу, сказалъ я ему конечно.—
ите?! они самые которые наступаютъ на насъ со всѣхъ
онъ будутъ разбиты совершенно!—Я бы очень радъ и
таивъ былъ этому, говорю я. — Хотите вы голову

турецкую? хотите ее тутъ, у вашихъ ногъ? — Я былъ такъ сердитъ на этихъ *méchants garçons*, которые столько разъ ранили и убили, и такъ боялся за васъ что сказалъ ему: хочю, да, хочю! — Ну такъ сообщайте мнѣ пятнадцать дукатовъ, потому что съ одною славой не сошьешь себѣ плаща, а мнѣ нужно теперь плаще. Дайте мнѣ три дуката впередъ на всякій случай, неизвестно что можетъ случиться... Хотите? — Хочю, сказалъ я. — Ну такъ вынимайте деньги. Я далъ ему три дуката, онъ сказалъ: Ну, теперь смотрите и присуйте, и побѣждалъ внизъ.

Все это было разказано съ наивнѣйшимъ убѣжденіемъ.

Ну, дука! подумалось мнѣ. Падшій авантюристъ *grand genre* таскаетъ теперь уже по колѣбкамъ, сидраетъ гдѣ можетъ и что можетъ, не заботясь даже объ „обстановкѣ“. Артистъ лошуба Казановы, судя по разказамъ по крайней мѣрѣ, превратился въ мелкаго карманнаго ворышку.

Я сдѣлалъ серьезное внушеніе Прайору насчетъ того чтобъ онъ впредь не поддавался на подобныя удочки. Англичанинъ однако не взирая на свои: *c'est bien, c'est bien, mon ami!* кажется не совсѣмъ сомнѣвался въ дукѣ и надѣялся что послѣдній исполнитъ обѣщанное.

XV.

Съ горы гдѣ мы находились открывался видъ на всю мѣстность впереди. Турецкая лѣхота быстро заняла два холма между которыми проходили дороги. Холмъ за дорогой былъ удаленъ отъ насъ версты на двѣ съ половиной, такъ что перестрѣлки между нѣмъ и горой не могло происходить. Вскорѣ по дорогѣ потянулся длинный рядъ навьюченныхъ коней, прошелъ между холмами и сталъ переходить по мосту черезъ рѣку. Въ это же самое время вдали по дорогѣ, у третьяго холма, показалась турецкая лѣхота, очевидно арріергардъ шедшій за транспортомъ и почему-то отставшій.

Намѣренія Турокъ были повидимому такія: занять авангардомъ холмы, пропустить транспортъ, выждать пока онъ переправится чрезъ мостъ, затѣмъ дожидаться арріергарда и потомъ уже отойти самимъ. Неизвѣстно однако вслѣдствіе

какихъ соображеній, опасаясь ли быть атакованнымъ и отрѣзаннымъ, или просто такъ по турецкой безлечности и безтолковости, отрядъ занимавшій первый холмъ очистилъ свою позицію и сталъ отступать къ мосту какъ только хвостъ транспорта очутился за мостомъ. Второй холмъ оставался занятымъ, но сверху видно было что находившіяся на немъ войска скучивались поспешно въ сторону рѣки. Въ это самое время турецкій арріергардъ шелъ у третьего холма.

Пеко, какъ коршунъ, внимательно слѣдилъ съ высоты за движеніями Турокъ. Кругомъ его въ живописномъ беспорядкѣ были разсыпаны усташа, столь же жадно наблюдавшіе за непріятелемъ и шумно, азартно разсуждавшіе о томъ что происходило внизу; видно было что многихъ подымало спуститься чтобы еще разъ помѣряться съ Турками. Вдругъ Пеко, замѣтившій ошибку Турокъ очистившихъ ближайшій холмъ, быстро вскочилъ на ноги, бросилъ трубку, засунулъ два пальца въ ротъ и богатыроки свистнулъ. Вся окружавшая его ватага почти въ то же мгновеніе очутилась на ногахъ, готовая къ бѣгу. Они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поняли также и ошибку Турокъ, и какъ ея слѣдовало воспользоваться.

— *На юришъ* *, секолове! За чесни *Крестъ*! равкнулъ только Пеко, не трогаясь съ мѣста.

Какъ лавина покатились внизъ съ горы усташа, покатились со страшнымъ гикомъ, что конечно было въ высшей степени неразумно, такъ какъ эти дикіе крики должны были тотчасъ же привлечь вниманіе Турокъ, которые могли легко снова занять оставленный холмъ.

Пеко остался на горѣ.

— Ты хочешь отрѣзать то войско что идетъ сзади? спросилъ я его.

— Дѣло бы это было, отвѣтилъ онъ, — *да не могу*. ** Турчинъ еще сидитъ на той *гласицѣ*; *** войско что *на путу* **** прямо къ нему пристанетъ.

— Такъ зачѣмъ же ты послалъ ихъ въ такомъ случаѣ на юришъ, коли ничего не выйдетъ?

* Въ атаку, на приступъ.

** Невозможно.

*** Холмъ.

**** Дорога, путь.

— Побьютъ *колико* * Турака и то добро буде.

— А самъ ты не спустишься?

— Не треба, не...

Онъ вдругъ остановился какъ бы удивленный, пораженный чѣмъ-то и впился глазами въ происходящее внизу.

— Бѣгами! дай *турбину*, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, почти выхватывая у меня изъ рукъ бинокль.

Пеко былъ взволнованъ. Это меня очень удивило, и я сталъ смотрѣть съ напряженнымъ вниманіемъ по тому направлению куда „герцеговинскій волкъ“ навелъ бинокль.

Это направленіе было второй холмъ, но какъ ни напрягалъ зрѣнія, я не замѣтилъ тамъ ничего такого что могло бы объяснить мнѣ волненіе Пеко: замесенная снѣгомъ возвышенность, покрытая рѣдкимъ лѣсомъ и кустарникомъ; на лѣвой оконечности сплошное чернѣющее лѣто—турецкая лѣхота. Больше ничего. Я зналъ впрочемъ что тягаться насчетъ зрѣнія съ этими сынами горъ, обладающими ординарнымъ зоромъ, было немислимо.

— Что ты видишь такое? спросилъ я.

— Добро, бѣгами, добро, проговорилъ Пеко про себя, продолжая смотрѣть.

— Да скажи же что ты тамъ видишь?

— Добра битка буде... Гляди на ту глѣвицу, сказалъ онъ, отдавая мнѣ бинокль и указывая на второй холмъ.

Я посмотрѣлъ. Холмъ былъ испещренъ небольшими открытыми пространствами и лужайками между деревьями и кустарникомъ. Со стороны противоположной Туркамъ, въ бинокль можно было видѣть людей по одиночкѣ и небольшими группами перебѣгавшихъ черезъ лужайки. Первые изъ нихъ находились уже на срединѣ холма, не болѣе полуверсты отъ Турокъ. Ясно было что они скрытно пробирались чтобы застать врасплохъ непріятеля.

Эта партія смѣльчаковъ не могла быть изъ числа тѣхъ которые спустились недавно съ горы, потому что послѣдніе—это намъ было отлично видно—только еще начинали взбираться на первый холмъ.

— Коней! крикнулъ Пеко.

— Что это за люди тамъ пробираются? спросилъ я его.

* Нѣсколько.

— Не знаю, богами, знаю только что юаки... Ъдемъ, прибавилъ онъ.

Пеко видимо былъ очень доволенъ. Онъ моментально оцѣнилъ положеніе и захотѣлъ самъ управлять боемъ. Онъ послалъ было людей внизъ „пострѣляться“ съ Турками и больше ничего, послалъ *такъ* для поблажки и поддержки дука послѣ проигранной „бѣтки“, послалъ не считывая ни на какіе особенные результаты. Но теперь дѣло вдругъ и совершенно неожиданно принимало другой оборотъ: удайся нечаянная атака тѣхъ которые пробирались на второмъ холмѣ, сбрось они Турокъ внизъ къ рѣкѣ, турецкій арріергардъ можно было впередъ считать погибшимъ.

Мы стали спускаться, Прайоръ остался на горѣ. Происходящее внизу было видно какъ на ладони.

Спустившіеся съ горы устами быстро занимали первый холмъ; передніе изъ нихъ, увлеченные удовольствіемъ „пострѣляться“ съ Турками, открыли уже съ невѣроятнаго расстоянія огонь по турецкому арріергарду. Послѣдній—наглазъ баталіона два—остановился немного при этомъ, разсыпавъ густую цѣль и затѣмъ продолжалъ двигаться, принявъ направленіе прямо на второй холмъ. Происходившее на этомъ холмѣ намъ не было видно, но вдругъ, когда мы спустились до полугоры, въ томъ направленіи затрещала сильная перестрѣлка. Бой становился чрезвычайно интереснымъ.

Мы быстро спустились, проскакали лошину, въѣхали на первый холмъ, соскочили съ коней и пошли къ цѣли.

Здѣсь сильнѣйшая трескотня. Люди бѣгутъ впередъ съ увлеченіемъ, съ дикою страстью и жарятъ немилосердно по приближавшемуся арріергарду. Имъ нѣтъ удержа; они прыгаютъ черезъ камни, скатываются внизъ, падаютъ, снова вскакиваютъ на ноги и стрѣляютъ, стрѣляютъ, стрѣляютъ, забывая что жгутъ послѣдніе патроны. Одушевленіе невообразимое и суматоха безлардоннѣйшая.

Вдругъ, среди этой безурядицы, среди этого грома, раздался пронзительный, извѣстный всѣмъ, свистъ. Другой свистъ, третій, четвертый, пятый, быстро слѣдуя одинъ за другимъ.

Я обернулся. Никогда не выйдетъ изъ моей памяти эта

картина! Пеко стоялъ неподвижно какъ каменная статуя. Онъ мнѣ показался вдвое выше, какимъ-то великаномъ. Огромные безъ того глаза широко раскрыты, необычайные огненные зрачки искрятся, мечутъ молніи и смотрятъ какъ-то неопредѣленно, вдохновенно, фатаально. Нижняя челюсть нетерпѣливо, злобѣще подергивается.

Онъ стоитъ и ждетъ, и кинуть отъ нетерпѣнія зная что каждая минута теперь неоцѣнима.

На настойчивый зовъ вожда подбѣгаютъ нѣсколько ближайшихъ капитановъ и офицеровъ.

— Четко, бѣги *отла* * на ту главицу. Тамъ наши бьютъ Турака.

— Наши тамъ?!

— Да, бѣги, соко.

— Гдѣ они, бѣгами?

— Гдѣ лущаютъ.

Четко Пеювичъ, командиръ Баніанцевъ, понесся къ своимъ.

— Вуле, чуешь, *гайдѣ на ову страну*, продолжалъ Пеко, указывая склонъ втораго холма обращенный къ турецкому арріергарду.—Разумишь, Вуле?

— Дѣбро.

— Не лущай того Турака что на лѣту. Чуешь?

— Чую.

— На юришъ безъ моего слова не иди. Чуешь?

— Дѣбро чую.

— Ну гайдѣ, соко, а мы тутъ будемъ.

Вуле Ходжичъ побѣждалъ къ своимъ.

— Перо, бѣги назадъ, не лущай на нашу главицу Турокъ съ рѣки. Разумишь?

Пеко показалъ въ ту сторону нашего холма обращенную къ рѣкѣ.

— Дѣбро, отвѣтилъ Перо.

— Не лущай ни за что, а коли не ладно буде, *дошли кого*.

Перо только кивнулъ головой въ отвѣтъ и побѣжалъ. Остальнымъ офицерамъ Пеко сказалъ продолжать бой на мѣстѣ. Всѣ разошлись.

* Сейчасъ.

— Дай *дугану*, не *та выше* *, обратился тотчас же вслѣдъ за этимъ ко мнѣ Пеко прочищая трубку.— *Добрѣ данасъ* ** *погінетъ* Турака, прибавилъ онъ страшно, заговѣще ослабляясь, и пошелъ вдоль цѣли медленною, какъ бы разбитою походкой, покуривая и присматривая за ходомъ боя.

Этотъ человекъ въ одинъ мигъ, посредствомъ дерзновеннѣйшихъ, но яснѣйшихъ и опредѣленнѣйшихъ приказаній, разсортировалъ, направилъ и осмыслилъ бой. Теперь ему оставалось выжидать результатовъ и развѣ только при случаѣ поддать гдѣ нужно жару, попридержатъ сличкомъ зарвавшихся и востерлѣившихъ, или дать сигналъ для конечной атаки въ ножи.

Только съ наступленіемъ сумерекъ, когда противники перестали различать другъ друга, прекратилась битва. Приобрѣтенные результаты были значительны: застигнутые врасплохъ Турки были сброшены со втораго холма, и затѣмъ, не взирая на упорнѣйшія усилія, главный отрядъ уже не могъ пробиться обратно на выручку арріергарда; наконецъ, обзятый паникой и вѣроятно опасаясь ночнаго нападенія, онъ весь перешелъ подъ вечеръ на другую сторону рѣки. Арріергардъ, пытавшійся было нѣсколько разъ прсбиться, но каждый разъ отбрасываемый назадъ, отступилъ предъ сумерками на третій холмъ. Усташи обложили его со всѣхъ сторонъ въ этой западнѣ, перестрѣливаясь до наступленія ночи.

Такъ стояло дѣло когда мы расположились на ночь вокругъ огромнаго костра.

XVI.

Бивуакъ нашъ былъ на вершинѣ перваго холма. Вокругъ насъ, на довольно значительномъ пространствѣ, пылали маленькіе костры, у которыхъ лежали и грѣлись усташи. Наканунѣ имъ досталось всей ѣды по двѣ пригоршни *брашна* *** на человека, утромъ они ничего не ѣли, весь день дрались, теперь имъ приходилось опять провести ночь впроголодь, а на завтра снова предстоялъ бой. Казалось, при

* Табаку не имѣю больше.

** Сегодня.

*** Мука разведенная въ водѣ.

такихъ условіяхъ слѣдовало бы скорѣе завалиться и пользоваться страшною истомой, заснуть чтобы забыть голодъ, но этотъ необычайно выносливый народъ и не думалъ спать; вездѣ громкій говоръ, смѣхъ, споры и пересуды о только-что прекратившейся битвѣ и о завтрашаемъ днѣ.

У нашего костра насчетъ ѣды также было очень жидко. У Прайора, спустившагося къ намъ съ конями и утѣрь-штабомъ подъ самый конецъ дѣла, оставалось очень мало изъ провизіи. Не взирая однако на это, Англичанинъ, расшевеленный вѣстемъ что видѣлъ, заявилъ мнѣ на ухо что желалъ бы подѣлиться послѣднимъ съ Пеко и другими храбрецами; себѣ онъ приберегалъ только двѣ лапки шоколата на всякій случай.

Вывули остатки провизіи: двѣ коробки сардинокъ, штукъ десять сухарей, бутылку коньяку.... Это на двадцать паръ богатырскихъ челюстей, на двадцать голодныхъ утробъ, на двадцать человѣкъ глядѣвшихъ волчьими глазами на появившіяся неожиданныя яства.

Прайоръ разложилъ методически угощеніе на своемъ лагдѣ, но къ ѣдѣ мы не приступали потому что Пеко еще не вернулся со втораго холма, куда онъ отправился чтобы осмотрѣть на мѣстѣ результаты боя и распорядиться на-завтра. Съ нами сидѣли у костра пять добровольцевъ успѣвшихъ и подрагаться и перевязать человѣкъ тридцать раненыхъ; сидѣли тутъ и Авдро, дравшійся весь день *сoс атоге*, Ристо Павловичъ, братъ Пеко и человѣкъ десять командировъ.

— Ну а дука? Видѣли вы его послѣ? спросилъ я Прайора.

— Ахъ! да, *мон ами*, гдѣ же *monsieur le duc*? Я забылъ совсѣмъ о немъ, такъ я былъ занятъ тѣмъ что у васъ происходило.... Нѣтъ, я не видѣлъ его.

Не успѣлъ онъ договорить какъ послышался конскій топотъ и чрезъ минуту появился Пеко въ сопровожденіи дуки и Симо. Пеко пробрался между лежавшими и сидѣвшими и сѣлъ на свое мѣсто, обозначенное разложеннымъ маленькимъ засаженнымъ ковромъ. Симо, ободравный и окровавленный, быстро юркнулъ поближе къ огню и растянулся покрывая отъ удовольствія. Дука, держа въ рукѣ что-то довольно грузное, завязанное въ синюю турецкую солдатскую куртку, направился прямо къ Прайору.

— Вотъ, сэръ, обѣщанное, произнесъ онъ ле-французски съ пафосомъ, положивъ узелъ на землю и становясь въ театральную позу.

— Что такое? спросилъ Прайоръ.

— То что вы желали: турецкая голова.

— Голова! вскрикнулъ съ ужасомъ и отвращеніемъ несчастный Прайоръ, откидываясь назадъ.

— Да, сэръ, голова, со спокойнымъ величіемъ произнесъ дука.—Вотъ она. Хотите развяжу?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... Унесите ради Бога!... Я только такъ вамъ сказалъ.... Я не думалъ что.... Мнѣ тошно, mon ami, обратился замирающимъ голосомъ ко мнѣ Англичанинъ.

— Le Monténégrin n'a qu'une parole, monsieur! рисовался между тѣмъ Дука, откинувъ голову назадъ и лихо подбоченившись.

— Хорошо.... я вамъ вѣрю.... бормоталъ Прайоръ, испуганно косясь на мѣшокъ.

— Вы требовали турецкую голову у дуки. Дука лопнулъ и снялъ эту голову. Эта голова, полная жизни еще нѣскольکو минутъ тому назадъ, эта голова теперь у вашихъ ногъ, сэръ.

Эту эффектную рацію дука продекламировалъ стараясь поддѣлаться подъ тояъ эпической простоты.

Прайоръ просто замиралъ. Окружавшіе слѣдили съ любопытствомъ за этою непонятною для нихъ сценой. Пеко, знавшій что заключалось въ узлѣ, посмотрѣлъ пристально и какъ бы насмѣшливо на Прайора, потомъ на дуку, потомъ опять на Прайора.

— Дука, а дука, сказалъ онъ наконецъ не выпуская изъ рта трубки.—Ты видишь ему *нужно*. Неси вонъ!.... Срамота! пробурчалъ онъ, бросивъ еще одинъ невыразимый взглядъ на несчастнаго Англичанина, у котораго, какъ говорится, выворачивало все нутро отъ ужаснаго содѣяства.

— Неси вонъ, дука! повторилъ Пеко, видя что „герцогъ“ не собирается убрать свою отвратительную поклажу.

Дука почесалъ затылокъ, медленно взялъ узелъ, приподнялъ его высоко какъ бы показывая вѣтъ, и покосъ вонъ.

— Вотъ вамъ и дука! обратился онъ балаганно вызывающимъ голосомъ къ окружающимъ.

Сидѣвшіе устали засмѣялись. Пеко еле ухмыльнулся.

— Не любить турецкихъ головъ Инглазе, прохрипѣлъ онъ наклоняясь ко мнѣ.

— Не любить, Пеко... Да и кто же можетъ ихъ любить?

— То *исто*, отвѣтилъ Пеко, ошибаясь въ смыслѣ моихъ словъ, ошибаясь, можетъ-быть, намѣренно. — Никто ихъ не можетъ любить ни на плечахъ, ни такъ просто.

— А гдѣ ты нашелъ дуку? спросилъ я его чтобы пере-мѣнить разговоръ.

— Дуку? а тамъ, на той гавани. Это онъ напалъ на Турокъ.

— Такъ это дука повелъ тѣхъ людей что мы видѣли въ *турбину*?

— Да, онъ самъ... юнакъ. Легкая голова, а юнакъ.

Это сообщеніе меня крайне удивило. Такъ этотъ самый дука, парижскій, лондонскій, берлинскій и венецiанскій авантюристъ, этотъ шутъ парадный, этотъ наглый лгунишка и хвастунъ, этотъ человѣкъ еще утромъ безсовѣстно и нахально выкалывавшій у Прайора немного денегъ, этотъ дука въ самомъ дѣлѣ человѣкъ блестящей и осмысленной храбрости!

Внезапно эта курioзная личность привала въ моемъ умѣ иныя размѣры и явилась несравненно болѣе сложною, оригинальною и крупою фигурой; явилась дѣйствительно уже фигурой.

Что это за странная, аномальная смѣсь? Безобразнѣише, гаусыя истинкты и выходки и вмѣстѣ блестящiе геройскіе порывы. Совершенный имъ подвигъ былъ чудомъ храбрости и смѣлости; мало того, онъ былъ дѣйстви-тельно придуманнымъ и выполненнымъ... Но мотивы этого подвига? Неужели только одна надежда заработать выторгованный кушъ у Прайора? Во всякомъ случаѣ уже одна эта блестящая и *дальная* храбрость усложняла фигуру дуки и дѣлала ее несравненно болѣе интересною.

Я рѣшился внимательно изучить этого человѣка.

Какъ-то онъ расписеть намъ свой подвигъ? Воображаю что тутъ будетъ, или скорѣе чего только тутъ не будетъ, подумалось мнѣ.

XVII.

Темно. Рѣзкій холодъ. Густой туманъ окутываетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Послѣднія полуистлѣвшія головки ко-стра еле-еле углятся. Кругомъ все спитъ въ ловаку гау-бокимъ богатырскимъ сномъ. Какой-то человѣкъ—онъ меня и разбудилъ толчкомъ—осторожно пробирается между спящими.

— Ты кто? спрашиваю его.

— А Пеко хочу.

— Зачѣмъ?

— Надо. Турчинъ утекъ.

— Откуда?

— Съ той главицы.

Онъ показалъ по направленію холма, куда укрылся ту-рецкій арріергардъ.

— Какъ же могли бѣжать Турки когда вы окружили гла-вицу со всѣхъ сторонъ?

— Утекъ. Не досмотрѣли. Спали.

Повторилась значить и на этотъ разъ вѣчная исторія съ устахами: днемъ молодцы хоть куда и сторожевую службу исполняютъ удивительно, а ночью никуда не годятся, хоть бери руками и проходи подъ носомъ. У нихъ то же прави-ло что у Турокъ: день дерись, ночь спи.

Пеко проснулся. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ только что-то пробурчалъ и крякнулъ.

— Всѣ ушли? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Не знамъ. Знаю только что прошелъ *аскеръ*; * слѣдъ видѣли на сѣгугу.

— Кто видѣлъ?

— Самъ Вуле видѣлъ.

— А въ какую сторону слѣдъ?

— Назадъ къ Горанску.

— Пытали главу на главицѣ?

— Не. Всѣ спали еще когда Вуле послалъ меня до тебя чтобы сказать.

— Добро... Иди скажи Вуле что я дойду, а чтобы пока сторожилъ.

* Слѣдъ.

Кругомъ проснулись. Костеръ, на который навалили щелую охапку прутьевъ, весело запылалъ. Пеко закурил трубку, пододвинулся къ огню чтобы отогрѣть окоченѣвшіе члены и только прохрипѣлъ какъ бы про себя: Дóбро бы теперь кáвы. *

Дѣйствительно было бы хорошо проглотить послѣ такой ночи хоть глотокъ горячаго кофе чтобы подкрѣпиться, но кофе, какъ и всего другаго, не оставалось ни зерна.

— *Мон ами*, шепнулъ Прайоръ, засовывая украдкой руку подъ мой пледъ,—возьмите.

Онъ мнѣ сунулъ маленькую палочку шоколата, стараясь сдѣлать это такъ чтобы никто не замѣтилъ. Мнѣ пришлось въ голову подѣлаться съ Пеко. Я предложилъ половину палочки воеводѣ.

— Это что? спросилъ Пеко, оглядывая вопросительно шоколатъ.

— Шоколатъ.

— А что то ёсть, шоколата?

— Это тебѣ вмѣсто кавы.

— То тварда кава?

— Нѣтъ, не кава, а другое. Попробуй.

Онъ положилъ шоколатъ въ ротъ, сталъ осторожно грызть его, поглядывая на меня, но почти тотчасъ же выплюнулъ.

— Что, не нравится? спрашиваю.

— Не валя ништо. **

— Почему?

— Нудить. Сладко... Имашь раки? ***

— Нѣтъ. Вчера всю раки у Инглеза выпили.

— Ну такъ пойдемъ такъ. Пора. Надо Турчина *снимать* съ главицы.

— Да вѣдь онъ ушелъ, Турчина-то.

— Не. То гаупство. Знаю я это; послали человека или двухъ въ Горанско чтобы вѣсть дать, а сами они ночью не пойдутъ.

Около шести часовъ утра всѣ мы, исключая Прайора и унтеръ-штаба, шли среди густаго мглистого тумана къ третьему холму.

* Кофе.

** Не стоить ничего.

*** Водка.

XVIII.

Занимается сумрачное зимнее утро. Сквозь туманъ начинаеть сквозить какой-то смутный неопредѣленный свѣтъ. Тихо, какъ привидѣнія, двигаемся мы по снѣжной равнинѣ. Сколько насъ—нельзя опредѣлить, потому что только ближайшихъ, головныхъ видно. Мягкія опанки скользятъ безшумно, оружіе не бряцаетъ, разговоръ не слышно. Впереди идетъ Пеко большимъ горскимъ шагомъ, локуривая грубку.

Въ небольшой котловинѣ, среди груды камней, натыкаемся мы на группу усташей челоѣкъ въ двадцать. Они сидятъ вокругъ костра.

— Гдѣ Вуле? спрашиваетъ Пеко.

— А тамъ вонъ, отвѣчаетъ одинъ, указывая вправо.

— Веди къ нему.

— Дóбро.

— А вы тутъ что дѣлаете?

— Чекама Турчина.

— Гдѣ же сторожевые?

— Мы сами сторожевые.

Шагахъ въ трехстахъ вправо нашли мы Вуле Ходжича удивнаго также у костра. Онъ всталъ при появленіи Пеко, когда какъ окружающіе продолжали сидѣть.

Вуле былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова, огромнаго роста, богатырски сложенный, смуглый брюнетъ съ блестящими выразительными черными глазами. Въ нѣсколькихъ словахъ сообщилъ онъ Пеко о положеніи: онъ послалъ нѣсколькихъ людей на гавицу высмотрѣть остались ли тамъ Турки. Не добрались они и до полугоры какъ одинъ изъ нихъ почти въ упоръ наткнулся на турецкаго солдата и былъ раненъ пулей въ грудь. Гавица слѣдовательно еще занята, но сколько еще тамъ и сколько ушло — неизвестно.

— Дóбро, сказалъ Пеко. — Скажи другимъ командирамъйти до меня.

Мы ушли въокругъ костра въ ожиданіи командировъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, у другаго костра, лежалъ только-что захваченный Черногорецъ и слабо стоялъ.

Собрались пять командировъ. Распоряженія Пеко были по обыкновенію чрезвычайно кратки и опредѣленны: ты зайди *туда* и полѣзай со своими на гланицу *до* *къ* не начнетъ онъ стрѣлять, а какъ начнетъ стрѣлять, залечь за камни, стрѣлай, а самъ все помялу надвигайся. Ты зайди съ *двой стороны* и дѣлай то же, и такъ далѣе. И разкѣстивъ ихъ такъ чтобы весь холмъ былъ оцѣленъ совершенно, Пеко присовокулилъ одно общее приказаніе для всѣхъ: безъ моего слова *на юришъ* * не идти.

Тихо крадучись какъ кошки, полѣзали устами по склонамъ холма среди тумана начинавшаго рѣдѣть. Мы съ Пеко подымались съ отрядомъ Буле Ходжича. Около полудня приблизительно царило мертвое молчаніе, грозное и тагостное. Но вотъ, гдѣ-то вдали раздался глухой выстрѣлъ, за нимъ другой, третій. Черезъ минуту затрещала сильнѣйшая пальба сверху и надъ нами засвистали пули. Турки догадались въ чемъ дѣло и не взирая на туманъ открыли огонь на удачу.

Мы приостановились на минуту, залегли, укрылись каждый какъ могъ, кто за камнемъ, кто за рывтиной, кто за лиемъ, и стали осторожнѣе подвигаться, перебѣгая отъ одного укрытія къ другому. Между тѣмъ туманъ быстро разотулился, и вскорѣ показались неясныя очертанія вершины холма съ развалинами старой кулы. Огонь Турокъ сдѣлался болѣе опредѣлительнѣе и мѣткѣе. Мы тоже начали отѣчать. Не прошло и двадцати минутъ послѣ перваго выстрѣла какъ ужъ весь холмъ былъ охваченъ двумя поясами огня, однимъ наверху бьющимъ внизъ, другимъ на полугорѣ бьющимъ вверхъ.

— Поздно полѣзали, ворчалъ Пеко. — Туманъ *ушелъ*. Побьетъ много нашихъ Турчинъ.

Не взирая на сильный и мѣткій огонь Турокъ—разстояніе между противниками было шаговъ сто не болѣе — мы все-таки подвигались, хотя чрезвычайно медленно. Малѣйшая неосторожность, малѣйшая олошность стоили ранъ жизни. Наконецъ пришлось совсѣмъ остановиться, потому что впереди мѣстность была ровнѣе, а камни служившіе укрытіемъ гораздо меньше. Мы, по приказанію Пеко, стрѣ-

* На приступъ.

ляли возможно рѣже; Турки, напротивъ, ежеминутно учащали огонь.

— То добро, бормоталъ проиически Пеко при каждомъ особенно сильномъ залпѣ противника.

Такъ прошло часа два. Мы не двигались впередъ и слегка пострѣливали; Турки же, охваченные вѣроятно паникой, видя себя оставленными на произволъ судьбы, расходовали необычайное количество патроновъ. Наконецъ, огонь съ ихъ стороны сталъ слабѣть; съ нашей—совсѣмъ прекратился. Настала минута затишья какъ бы по общему уговору. Еще пять-шесть одиночныхъ выстрѣловъ, затѣмъ все смолкло. Противники находились шагахъ въ семидесяти другъ отъ друга, но ни тѣхъ, ни другихъ не было видно.

Вдругъ, среди этого грознаго молчанія, раздается мощный голосъ.

— Сдавайся, аскеръ! кричитъ Туркамъ Вуле Ходжичъ, лежавшій вѣскольکو впереди насъ за большимъ камнемъ.

— Кто намъ это говорить? откакиается кто-то по-славянски со стороны Турокъ.

— Я говорю.

— А кто ты такой?

— Вуле Ходжичъ.

— Коли ты Вуле Ходжичъ, такъ покажись.

Мощная красивая фигура Вуле Ходжича появилась изъ-за камня. Онъ поднялся во весь ростъ и гордо выпрямился.

— Вотъ Вуа....

Онъ не успѣлъ договорить. Раздался выстрѣлъ одинокій и какой-то особенно гудкій; что-то шлепнулось съ матовымъ звукомъ; глубокій вздохъ; могучая фигура Вуле пошатнулась, покачнулася впередъ и назадъ, и затѣмъ несчастный, ораженный измѣнническою пулей, повалился какъ снопъ на землю.

Съ минуту все замерло въ какомъ-то оцѣпенѣннн, только сверху до меня явственно долетѣла вѣмецкая фраза произнесенная скороговоркой сердитымъ густымъ басомъ:

— Was macht ihr, verdammte Teufell

Но это была одна лишь минута оцѣпенѣннн. Ожесточеніе и негодование охватили усташей при видѣ лавшаго Вуле Ходжича, котораго всѣ любили. Страшенъ и необычайно мощный былъ послѣдовавшій взрывъ. Камни, прикрытія, все

забыто. Всѣ вскочили на ноги. Ружья брошены, выхвачены изъ ноженъ длинные ятаганы. *Юришь! юришь!* раздаются отовсюду неистовые крики. Все ринулось впередъ съ остервенѣніемъ, въ какомъ-то самозабвеніи. Нужны будутъ потоки крови чтобъ утолить эту жажду мести.

— Юришь, соколове! гремитъ голосъ Пеко, выхватившаго также ножъ, и богатырскій свистъ покрываетъ на минуту шумъ и крики.

Вершина холма олоясывается кольцомъ бѣлаго дыма; залялъ садуетъ за залпомъ; адскій свистъ, жужжаніе, резъ, тресканье, шлепанье пуль. Много валится нашихъ, но удержатъ ихъ теперь нѣтъ возможности. Впередъ! впередъ! впередъ! Вотъ ужъ передніе наскочили на Турокъ, видно какъ они возятся. Изъ-за камней поднимаются Турки. На развалинахъ кулы идетъ рукопашная схватка, идетъ страшная безлардонная рѣзня. Все гуще, гуще насаждаютъ устатки. Не слышно выстрѣловъ, слышны только крики злобы и отчаянія, торжествующіе клики, ужасные стоны, вопли, хриплія...

Черезъ десять минутъ все было кончено. Ни одного живаго Турка не осталось на вершинѣ холма.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

РАЗКАЗЫ БАБУШКИ *

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ ЕЯ ВНУКОМЪ

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Къ числу нашихъ родныхъ, не очень близкихъ, принадлежало и семейство Яльковыхъ, жившихъ въ Москвѣ. Они доводились намъ родственники по Татищевымъ, именно: отецъ моего прадѣда Василя Никитича, Никита Алексѣвичъ, имѣлъ еще брата Федора Алексѣвича, бывшаго комнатнымъ стольникомъ царицы Параскевы Федоровны, невестки Петра I; сынъ Федора Алексѣвича, Иванъ Федоровичъ, двоюродный братъ моего прадѣда, былъ женатъ на Степанидѣ Алексѣевнѣ Новосильцевой и имѣлъ сына Семёна Ивановича и двухъ дочерей Анну Ивановну и Марью Ивановну, которыя доводились стало-быть бабушкѣ Евпраксіи Васильевнѣ троюродными, что по нашимъ понятиямъ о родствѣ считалось еще не очень дальнимъ родствомъ. Василий Никитичъ съ Иваномъ Федоровичемъ былъ друженъ и когда онъ служилъ въ Сибири при горныхъ заводахъ и былъ губернаторомъ въ Оренбургѣ, то присылы-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 35 1878 года.

валъ ему разные гостинцы: персидскіе ковры, китайскую посуду и тому подобное; многое изъ этого и я еще заста-
ла. Бабушка считалась родствомъ съ его дѣтьми. Вотъ старшая-то дочь Ивана Ѳеодоровича и вышла замужъ за Александра Давидовича Янькова. Яньковы были родомъ изъ Македоніи, откуда ихъ предокъ выѣхалъ отъ турецкаго угнѣвленія и поселился въ Польшѣ. Ихъ было нѣсколько братьевъ: одинъ остался въ Польшѣ и назывался Яньковскій, другой братъ ушелъ въ Венгрію и сталъ писаться Яньковичъ, а двое изъ нихъ, Иванъ Васильевичъ и Ѳеодоръ Васильевичъ, прибыли въ Россію при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Ѳеодоръ былъ очень ученый человекъ и потому былъ принятъ въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую Академію и постригшись сталъ называться Ѳеодосіемъ Яньковскимъ *. Онъ былъ потомъ при Петрѣ I новгородскимъ архіереемъ, короновалъ Екатерину I, былъ членомъ синода, и ежели бы Проколовичъ не повредилъ ему, можетъ-быть онъ былъ бы и митрополитомъ послѣ Яворскаго. Но Ѳеодфанъ, который самъ, кажется, мѣтилъ на это мѣсто, опасаясь его, подыскивался подъ него, перетолковывалъ его слова и дѣйствія не въ его пользу, наводилъ императрицу Екатерину I на гнѣвъ и добился наконецъ что его лишили архіерейства и даже монашества и сослали куда-то въ Архангельскъ въ монастырь.

Братъ его Иванъ Васильевичъ имѣлъ сына Давида, который поступилъ при Петрѣ I въ военную службу и началъ называться въ отличіе отъ другихъ своихъ родственниковъ Яньковымъ. Онъ былъ женатъ на Дмитріевой ** Анна Ивановна, служилъ при дворѣ императрицы Анны: сперва помощникомъ гофъ-интенданта, строилъ Анненгофскій дворецъ, за что былъ пожалованъ въ майоры и потомъ сдѣ-

* Подробности о жизни преосвященнаго Ѳеодосія Яньковского см. въ книгѣ Чистовича: *Ѳеодфанъ Прокоповичъ и его время*.

** Ея мать Евдокія Никифоровна Бартелева, дочь Никифора Ивановича, была замужемъ два раза: 1) за Иваномъ Юліевичемъ Дмитріевымъ (дочь Анна), 2) за Василиемъ Ивановичемъ Горскимъ (сынъ Василия). У Никифора Ивановича былъ еще сынъ въ плечотѣ Іоаннъ. Сестра Никифора Ивановича Дарья была за Іаковомъ Коселовымъ; двое дѣтей: сынъ Дмитрій, дочь Ирина, за Колотанниковымъ Дмитріевичемъ Есауловымъ, три сына: Давидъ, Іосифъ, Ѳеодоръ.

гофъ-интендантомъ и несмотря на опасное свое положеніе при дворѣ въ то время, когда ужасный любимецъ Анна-ионовны Биронъ дѣлалъ что хотѣлъ, онъ однако удержался на своемъ мѣстѣ до конца жизни, скончался въ Рибургѣ въ 1738 году и былъ положенъ въ Александровскомъ монастырѣ. Ему особенно покровительствовалъ Федоръ Матвѣевичъ Алраксинъ, который въ свое время былъ сильнымъ человѣкомъ.

Задолго до кончины своей Данила Ивановичъ отдалъ за свою старшую дочь Анну за Адріана Лукьяновича Качева. Вдова его Анна Ивановна осталась съ двумя дѣтьми: сыномъ Александромъ Даниловичемъ, которому было восемнадцатый годъ, и съ дочерью Ольгой, лѣтъ одиннадцати.

Воспитаніе своему сыну Александру Янковъ далъ самое лучшее: онъ прекрасно говорилъ и писалъ по-французски и по-нѣмецки, учился италіянскому языку и португальскому, изучалъ разныя науки, исторію, математику, астрономію, морское плаваніе, и мало ли чему его учили. Онъ былъ красивъ собою, уменъ, да къ тому же еще и состоятельно получилъ послѣ отца очень большое и по всему этому былъ принятъ въ лучшемъ кругу.

Въ какомъ полку онъ служилъ, этого я право не знаю, но знаю, что къ нему былъ очень расположенъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ и скоро взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Онъ много съ нимъ путешествовалъ: ѣздилъ то въ Польшу, то въ Берлинъ, то въ Ригу, жилъ сколько-то времени въ Стокгольмѣ, былъ въ Глуховѣ, въ Нѣжинѣ, и у Голыковыхъ въ домѣ былъ своимъ человѣкомъ. Графъ Голыковъ имѣлъ къ нему большое довѣріе и просилъ его заботиться за его сыномъ Иваномъ Петровичемъ и слѣдить, такъ ли его учатъ наукамъ. Когда молодому графу исполнилось восемнадцать лѣтъ и пора ему было вступить на службу, то графъ Петръ Семеновичъ, находившійся въ то время либо въ Ригѣ, либо въ Митавѣ, просилъ Янкова заботиться за своимъ сыномъ въ Москвѣ и привести его для вступленія на службу, что тотъ и сдѣлалъ.

Александръ Даниловичъ женился въ 1745 году на Аннѣ Ивановнѣ Татищевой, дочери Ивана Федоровича и жены Степаниды Алексѣевны, урожденной Новосильцевой. Дѣва была въ Москвѣ, въ приходѣ Успенія на Овражкѣ,

въ Газетномъ переулкѣ, гдѣ у нихъ былъ свой домъ*. Жениху былъ двадцать лѣтъ, невѣстѣ пятнадцатый; по тогдашнему это было такъ принято что дѣвушекъ отдавали рано замужъ; сказывали мнѣ что матушкина мать княжна Мещерская была двѣнадцати лѣтъ, когда выходила замужъ.

Женившись на Татищевой, Явковъ попалъ въ очень знатное родство: родная тетка его тещи Марья Яковлевна Новосильцева была за именитымъ человекомъ Григоріемъ Строгановымъ, слѣдовательно всѣ Строгановы—Григорьевичи: Николай, Александръ, Сергій, сколько ихъ тамъ было, приходились Аннѣ Ивановнѣ двоюродными дядями, а другая Новосильцева Марья Іоанишна, двоюродная ея тетка, была за адмираломъ Александромъ Ивановичемъ Головинымъ, тоже въ свое время люди со значеніемъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя ввучатныя сестры Анны Ивановны, баронессы Строгановы, сдѣлали прекрасныя партіи: одна вышла за родного племянника императрицы Екатерины Скавронскаго, другая за Голицына, третья за Долгорукова, сына извѣстной схимницы Нектаріи, дочери Шереметева Бориса Петровича. Всѣ эти родственныя связи еще болѣе улучшали положеніе Явковыхъ, и выдвигали ихъ впередъ и давали имъ почетное мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ. Мать Александра Давидовича Анна Ивановна была хорошая хозяйка, умѣла вести свои дѣла исправно и имѣла послѣ мужа около 5.000 душъ въ лучшихъ губерніяхъ; одна всѣмъ заправляла до самой своей кончины въ 1751 году. Кажется она преимущественно жила въ Москвѣ, должно-быть и ея невѣстка оставалась съ нею, а сынъ былъ все въ разѣздахъ вмѣстѣ съ Сытыковыми.

Родство въ Москвѣ было большое. Когда Александръ Давидовичъ женился, то была еще въ живыхъ бабушка его жены схимонахиня Анеиса; она была слишкомъ семидесяти лѣтъ и жила въ Зачатіевскомъ монастырѣ. Сама по себѣ Братцова Анна Васильевна была за Алексѣемъ Яковлевичемъ Новосильцевымъ и имѣла отъ него трехъ дочерей: Степаниду что за Татищевымъ (Иваномъ Ѳедоровичемъ), Дарью которая была за Соковыми (Петромъ Алексѣевичемъ) и Марью за Шишкинымъ (Василіемъ Михайловичемъ). Всѣ эти семьи жили въ Москвѣ. Овдовѣвъ, Анна Васильевна

* Нынѣ онъ принадлежитъ купцу Живаго.

пошла въ монастырь и постриглась под именемъ Александра, прожила сколько-то времени въ монастырѣ и пожелала принять схиму. Она скончалась три года спустя послѣ женитьбы Янькова на ея внучкѣ Татищевой и погребена у соборной церкви напротивъ самаго алтара. Нѣсколько лѣтъ спустя рядомъ съ нею схоронили ея двухъ дочерей: Татищеву * и Шиткину и зятя Ивана Ѳедоровича Татищева **.

Александръ Даниловичъ жилъ очень хорошо и открыто; когда онъ женился у него была золотая карета, обитая внутри краснымъ рытымъ бархатомъ, и вороной цугъ лошадей въ шорахъ съ перьями, а назади, на заплатахъ, букетъ. Такъ называли трехъ людей которые становились сзади: лакей въ фидвой въ ливреѣ по цвѣтамъ герба, налудренный съ пучкомъ и въ треугольной шляпѣ, гайдукъ высокаго роста, въ красной одеждѣ и Аралъ въ курткѣ и шароварахъ ливрейныхъ цвѣтовъ, опоясанный турецкою шалью и съ бѣлою чалмой на головѣ. Кромѣ того, предъ каретой бѣжали два скорохода, тоже въ ливреяхъ и въ высокихъ шалкахъ: тулови на подобіе сахарной головы, узенькія поля и предлинный, длинный козырекъ. Такъ выѣзжали только въ торжественныхъ случаяхъ, когда былъ нуженъ парадъ, а когда ѣздили запросто, то скороходовъ не брали, на заплатахъ бѣжалъ только лакей да Арабъ, и ѣздили не въ шесть лошадей, а только въ четыре, но тоже въ шорахъ, и это значило ѣхать запросто. Лошадей въ то время держали много: у батюшки при жизни матушки было три цуга: одинъ для него, одинъ для матушки, да запасный, и кромѣ того нѣсколько лошадей разсыльных для людей, водовозокъ, такъ что на конюшняхъ набиралось лошадей около тридцати, а у кого и больше. Стало-быть и кучеровъ и конюховъ человѣкъ по десяти.

У Александра Даниловича, оказывала мнѣ его дочь, было

* Степанида Алексѣевна Татищева скончалась въ Москвѣ 26го февраля, въ 7 часовъ утра, 1756 года. Иванъ Ѳедоровичъ скончался въ Москвѣ 24го іюня 1756 года. Когда скончалась Марья Алексѣевна Шиткина, намъ неизвестно.

** Гдѣ схоронена третья дочь старицы Анны Д. А. Соковнина, мы не знаемъ. Соковнины жили въ своемъ домѣ на Срѣтенкѣ, у Спаса въ Пушкинахъ. Петръ Алексѣевичъ Соковнинъ умеръ 13го декабря 1755 года, а 15го его схоронили у Никиты что у Красныхъ Колоколовъ.

три цуга: вороной крулвый; вороной ангайтскій кургузый, гнѣдой; четверная сѣрая; четыре лошади кургузья верховья, да разныхъ еще лошадей съ четыре. И это не казалось въ ту пору что много.

Людей въ домахъ держали тогда множество, потому что кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и официантовъ были еще дворецкій и буфетчикъ, а то и два; камердинеръ и помощникъ, парикмахеръ, кондитеръ, два или три повара и столько же поварятъ; ключникъ, два дворника, скороходы, кучера, форейторы и конюхи, а ежели гдѣ при домѣ садъ, такъ и садовники. Кромѣ этого у людей достаточныхъ, и не то что особенно богатыхъ, бывали свои музыканты и лѣселяки, ну хоть по немногу, а все-таки человѣкъ по десяти. Это только въ городѣ, а въ деревнѣ: тамъ еще всякіе мастеровые, и у многихъ псаря и егеря, которые стрѣляли дичь для стола; а тамъ скотники, скотницы,—право, я думаю, какъ всѣхъ сосчитать городскихъ и деревенскихъ мушницъ и женщинъ, такъ едва ли въ большихъ домахъ бывало не по двѣсти человѣкъ прислуги, ежели не болѣе. Теперь и самой-то не вѣрится, куда такое множество народа держать, а тогда такъ было принято, и вѣдь казалось же что иначе и быть не могло. Это, я думаю, потому что все было свое: и хлѣбъ, и живность, и всѣ припасы, все привозилось изъ деревень; всего заготовляли помногу, стало-быть и содержаніе стоило не дорого; а жалованье людямъ платили небольшое, сапоги шили имъ свои мастера, платье тоже, холстъ былъ рекулаенный.

Въ то время какъ матушка Александра Даниловича окончалась,—это было въ началѣ января 1751 года въ Москвѣ,—онъ былъ съ женой въ Петербургѣ. Извѣстіе пришло къ нему на шестой день; онъ два два просбрился еще: служилъ въ то время провіантмейстеромъ, стало-быть и отлучиться безъ отпуска нельзя; потѣхалъ съ женой въ Москву и пріѣхалъ уже на одиннадцатые сутки послѣ ея кончины. Хоронить дожидались. По близости ихъ дома отъ Никитскаго монастыря тамъ и сгорючили; а отпѣвалъ и оорочивымъ правилъ преосвященный Левъ изъ рода Юрловыхъ. Онъ жилъ тогда въ Москвѣ, въ какомъ-то монастырѣ, на локоѣ, послѣ тѣхъ скорбей которыя онъ испыталъ. Вотъ что о немъ мнѣ разказывали люди достовѣрные, помнившіе его. Онъ былъ сынъ нижегородскаго дворянина и

назывался Лаврентіемъ. Родители его оба умерли, и онъ остался сиротой. Сродни ли были ему Троекуровы или изъ жалости, но почему-то одинъ изъ князей Троекуровыхъ взялъ его къ себѣ въ домъ и воспитывалъ вмѣстѣ со своими дѣтьми. Потомъ Лаврентіа записали въ лоакъ и онъ былъ въ походахъ, но вдругъ онъ задумалъ идти въ монахи и постригся; былъ послѣ того архимандритомъ и наконецъ былъ сдѣланъ воронежскимъ архіереемъ. Когда вошла на престолъ императрица Анна, онъ почему-то не отслужилъ въ скорости молебна: кто-то изъ городскихъ ваятелей, по неприязни къ нему, и донесъ на него въ синодъ. Вотъ изъ-за этого и вышла вся бѣда: Проколовичъ его не жаловалъ, такъ какъ онъ былъ изъ дворянъ и могъ ему быть помѣхой на пути, а кромѣ того былъ еще и въ дружествѣ съ архіереемъ изъ рода Дашковыхъ, которыхъ Проколовичу хотѣлось стереть съ лица земли. Началось дѣло, пошли допросы, и кончилось тѣмъ что Дашкова и Юрлова и еще сколько-то архіереевъ разстригли и разослали по разнымъ монастырямъ отдаленнымъ. Больше десяти лѣтъ томился Юрловъ. Когда вошла на престолъ императрица Елисавета Петровна, то по милостивому манифесту подвели и ссыльныхъ архіереевъ подъ прощеніе: которые перемерли, а Юрлова вернули и все ему опять возвратили, потому что знали что онъ страдалъ невинно; хотѣли было опять его сдѣлать гдѣ-нибудь мѣстнымъ архіереемъ, но онъ не пожелалъ и просилъ чтобъ ему дали какой-нибудь монастырь въ Москвѣ, гдѣ онъ и жилъ чуть ли не лѣтъ двѣнадцать. Вся Москва его очень чтитъ и уважала: онъ былъ точно истинный святитель и слуга Христовъ, человекъ умный и пріятный.

Много причинилъ вреда этотъ Проколовичъ, а все изъ-за того только что опасался людей достойныхъ, которые могли стать ему на пути. И чѣмъ же все это для него окончилось? Онъ умеръ не дождавшись чего такъ добивался—митрополитства, погубилъ множество добрыхъ и честныхъ людей и оставилъ по себѣ очень не хорошую память. Теперь все это давно позабыто, а кто помнилъ его время, не съ похвалой, а съ ужасомъ объ немъ отзывался.

Александръ Даниловичъ за погребеніе своей матери поднесъ преосвященному Льву лавнагію, а въ монастырь была заказана поминовенная служба на годъ: съ лѣвчими, со свѣчами и съ ладаномъ по субботамъ обѣди и лавнахиды; и

что же за все это? только двадцать пять *рублей* * въ годъ. Говорю это чтобы показать какія тогда были цѣны и какъ дороги деньги.

Сестра Александра Даниловича, Ольга, была сговорена и Приклонскаго Ивана Михайловича, когда ихъ матушка скончалась. Чтобы не откладывать свадьбы до лѣта, такъ какъ наступала масляница, она вѣнчалась до истеченія шести недѣль. Мать этого Приклонскаго была по себѣ Кошмычона, кажется Екатерина Ивановна.

У Яныковыхъ было двѣ дочери, Анна и Клеопатра, и мальчики все умирали, умерло и нѣсколько дочерей.

Въ то время, т.-е. въ 1752 или 53 году, стали прославляться мощи Ростовскаго митрополита святителя Димитрія и много совершалось чудесъ отъ его мощей; слышны это, Яныковы не разъ туда ѣздили и положили что ежели Господь имъ даруетъ еще сына, непременно назвать его Димитріемъ.

Между тѣмъ Александра Даниловича сдѣлали прокуроромъ въ чинѣ полковника и послали въ Бѣлгородъ; это уже было должно-быть въ 1760 году. Они купили домъ въ Бѣлгородѣ у Толстаго и тамъ основались на житье. Когда они туда ѣхали, то людей отправляли въ фурахъ и одна фура была съ горничными, въ числѣ которыхъ было и нѣсколько кружевницъ, которымъ были заданы уроки, сколько сплести кружева во время дороги: такъ какъ ѣхали на волахъ, очень тихо, то и велѣно было дѣвкамъ не терять даромъ времени, а заниматься дѣломъ. Это я слышала отъ одной изъ кружевницъ, Акульки, которую я уже стала знать когда она была въ лѣтахъ, женой прикащика, и потому изъ Акульки сдѣлалась Акулиной Васильевной.

Въ Бѣлгородѣ въ то время архіереемъ былъ преосвященный Иосафъ, ** человекъ очень умный и обходительный, и Александръ Даниловичъ съ нимъ очень сошелся и просилъ его утѣшая въ 1761 году въ Петербургъ, чтобы онъ навѣщалъ его, жену во время его отсутствія и что ежели безъ него родится

* Бабушка постоянно и говорила и писала: *рублей*, а не *рублей*; много *дѣловъ*, а не *дѣлъ*; и хотя слышала какъ говорятъ другіе, не смѣняла своей привычки.

** Иосафъ Миткевичъ въ 1748—1750. Префектъ и ректоръ Новгородской семинаріи; въ 1756 году архимандритъ Хутынский; въ 1758 году апрѣля 26го епископъ Бѣлгородскій; погр. въ Бѣлгородѣ.

ребенокъ, котораго ожидали, и будетъ сынъ, то чтобы пресвященный не отказался быть восприемникомъ и далъ бы ему имя Димитрія, въ честь новопрославленнаго святителя. И какъ ожидали и желали, такъ и случилось: Янковъ поѣхавъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, и не прошло мѣсяца какъ онъ получилъ уведомленіе что жена его родила сына, названнаго Димитріемъ, и крестилъ его архіерей, который при крещеніи благословилъ своего крестнаго сына рукописною книгой „Лѣтописецъ святителя Димитрія“ съ собственноручными замѣтками святителя.

Въ концѣ того же года Александра Даниловича вызвали въ Петербургъ и сдѣлали прокуроромъ въ главной провіантской комиссіи, и онъ снова поселился въ Петербургъ, гдѣ въ 1763 году родился у него еще сынъ Николай.

Меньшая сестра Анны Ивановны, Марья Ивановна, послѣ кончины своихъ родителей жила частію у сестры, а когда та уѣхала въ Бѣлгородъ, то стала жить въ домѣ у своей кузины Скавронской, жены графа Мартына Карловича, и изъ его дома вышла замужъ за Николая Алексѣевича Мамонова. Такъ какъ Янковы были съ хорошимъ состояніемъ, то Анна Ивановна по совѣту мужа и отказалась отъ своей части изъ отцовскаго имѣнія въ пользу сестры своей Мамоновой.

Братъ Янковой и Мамоновой, Семенъ Ивановичъ, былъ женатъ на княжнѣ Урусовой Анастасіи Васильевнѣ; * свадьба эта была въ 1757 году въ Москвѣ, въ домѣ у Александра Даниловича, въ Газетномъ переулкѣ; вѣроятно посаженою матерью была родная тетка Соковнина, а посаженнымъ отцомъ Александръ Даниловичъ. Когда именно умеръ Семенъ Ивановичъ и его жена—я не знаю, но они жили не долго, дѣтей не оставили, и Татищевское имѣніе, Село Новое, ** перешло къ Марьѣ Ивановнѣ Мамоновой, а послѣ нея досталось ея дочери Аннѣ Николаевнѣ Неклюдовой.

* Въ родословной Догадюкиныхъ Татищевыхъ Иванъ Ѳеодоровичъ и всѣ его дѣти пропущены, и въ родословной князей Урусовыхъ Анастасія Васильевна не показана; думаемъ что она дочь князя Василія Алексѣевича (№ 70) и сестра Анны Васильевны Зимова-вой (№ 83). Анну Васильевну Зимовьеву, думаемъ, слѣдуетъ помѣ-
стить въ родословной (изд. *Русск. Стар.*) съ ея мужемъ между №№ 56 и 57.

** Неклюдова Анна Николаевна, вдова генерал-майора, имѣла двухъ дочерей: 1) Варвару Сергѣевну, за генералъ-лейтенантомъ

II.

Въ концѣ 1764 года Яньковы переехали опять на житье въ Москву: Александръ Даниловичъ все хворалъ и въ концѣ мая 1766 года скончался и былъ погребенъ въ своей приходской церкви у Успенья на Овражкѣ, въ придѣлѣ Св. Николая, за лѣвымъ клиросомъ у оконъ, рядомъ со своими малолѣтними дѣтьми, тамъ же погребенными.

Анна Ивановна осталась съ четырьмя дѣтьми: двумя дочерьми—Анной, 16 лѣтъ, Клеопатрой, 14 лѣтъ, и двумя сыновьями—Димитріемъ, 5 лѣтъ и Николаемъ, 3хъ лѣтъ. Года два спустя, она поѣхала въ Петербургъ и помѣстила своихъ мальчиковъ въ малолѣтній шляхетскій корпусъ, гдѣ былъ въ то время директоромъ извѣстный Иванъ Ивановичъ Бецкій, и гдѣ воспитывался первый изъ Бобринскихъ, въ послѣдствіи графъ Алексѣй Григорьевичъ. Императрица Екатерина весьма заботилась о его хорошемъ воспитаніи, и потому, говорятъ, малолѣтній корпусъ былъ тогда въ самомъ цвѣтущемъ положеніи.

Анна Ивановна, говорятъ, очень грустила что разсталась съ дѣтьми и прожила еще до 1772 года скончалась отъ простудной горячки на другой день Рождества Христова. Ее отпѣли въ Москвѣ, но такъ какъ хоронить въ приходскихъ церквяхъ со времени чумы было воспрещено, то и схоронили ее въ подмосковной, въ селѣ Горкахъ, въ придѣлѣ пророка Давіила.

Умирая, Анна Ивановна завѣщала своихъ дѣтей ввучатной своей сестрѣ княгинѣ Аннѣ Николаевнѣ Долгорукой, урожденной Строгановой, а мужа ея, князя Михаила Ивановича, назначила опекуномъ надъ дѣтьми и надъ ихъ имѣніемъ.

Обѣ дѣвицы Яньковы переехали жить къ Долгорукимъ въ ихъ домъ близъ Дѣвичьяго Поля, въ приходѣ Воздви-

Владиміромъ Григорьевичемъ Гаазеналъ, дѣтей не было, и 2) Марью Сергѣевну, за тайнымъ совѣтникомъ Владиміромъ Николаевичемъ Шеншинымъ: три дочери и сынъ Сергій. По нерасположенію къ меньшей дочери А. Н. Некаюдова отдала все свое имѣніе, помимо ея, чужимъ—дѣтямъ своего зятя Гаазеналъ. Нынѣ Село Новое принадлежитъ Михаилу Владиміровичу Гаазеналъ.

женія на Пометномъ Вражѣ. Младшая изъ дочерей, Клеопатра, была, говорятъ, прекрасна собою, но слабого здоровья. Она очень любила свою мать, послѣ ея смерти стала чахнуть и спустя два года послѣ нея скончалась отъ чахотки; ее отпѣли также въ Москвѣ и повезли въ село Горки и схоронили тамъ въ церкви возлѣ ея матери. Ей было отъ рожденія 22 года.

Старшую сестру я знала; она бывала у батюшки и всегда его величала: братецъ, потому что доводилась ему правнучатною сестрой, и онъ тоже называлъ ее сестрицей. Но онъ не очень ее долюбивалъ и про нее говорилъ: „Эта старая дѣвка прехитрая и прелукавая, и только у нея и разговору что ея Долгорукіе“.

Я стала ее знать въ концѣ 80хъ годовъ, когда ей было уже лодъ сорокъ лѣтъ. Она была очень мала ростомъ; головка прехорошенькая, премилое лицо, глаза преумные, но туловище самое неуклюжее: горбъ спереди и горбъ сзади, и чтобы скрыть этотъ недостатокъ, она всегда носила манталью съ капюшономъ очень большимъ и весьма сборчатымъ, такъ что сверху изъ капюшона выглядывала маленькая головка, а снизу тащилась прелопная юбка съ длиннымъ шлейфомъ, что выходило пресмѣшно. Анна Александровна была очень умна и воспитаніе получила хорошее, что тогда было довольно рѣдко. Все ученіе въ наше время состояло въ томъ чтобы уметь читать, да кое-какъ писать, и много было очень знатныхъ и большихъ барынь которыя кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ подписывали свое имя каракулями; Анна Александровна, напротивъ того, и по-русски и по-французски писала очень изрядно и говорила съ хорошимъ выговоромъ.

По смерти сестры своей она осталась жить у Долгорукихъ, которые имѣли трехъ дочерей: Прасковью Михайловну, Анну Михайловну (въ послѣдствіи за графомъ Ефимовскимъ) и Елизавету Михайловну (потомъ за Селецкимъ) и сына Ивана Михайловича, который былъ сочинителемъ и стихотворцемъ. Княжны были моложе Янковой, и живя у нихъ въ домѣ она за ними приглядывала и какъ старшая иногда съ ними выѣзжала.

У батюшки она бывала изрѣдка, и хотя онъ принималъ ее по родственному, но особаго вниманія ей никогда не оказывалъ, и такъ какъ съ Долгорукими не былъ знакомъ, то къ ней и не ѣздилъ.

Когда ея братья Дмитрій и Николай вышли изъ корпуса въ 1783 году, она съ ними пріѣзжала къ батюшкѣ, но это было въ то время какъ скончалась матушка и намъ тогда было не до того; не помню принимали ли ихъ или нѣтъ. Послѣ того они бывали у насъ три - четыре раза въ годъ, но съ 88 или 89 года Анна Александровна стала у насъ бывать чаще и чаще.

Разъ какъ-то батюшка и говорить за столомъ:

— Не понимаю, отчего это Янькова такъ зачастила ко мнѣ; давно ли была, а сегодня опять ко мнѣ пріѣзжала; не знаю что ей нужно, а ужъ вѣрно не даромъ, она преукавая.

И старшій изъ ея братьевъ тоже сталъ у насъ бывать по-чаще прежняго. Младшій Николай былъ уже въ то время женатъ и жилъ большею частію съ женой въ деревнѣ.

Прошло еще сколько-то времени, пріѣзжаетъ къ батюшкѣ тетушка Марья Семеновна Корсакова и говоритъ ему:

— А я, Петръ Михайловичъ, къ тебѣ свахой пріѣхала, хочу сватать жениха твоей дочери.

— Которой же?

— Елизаветѣ, батюшка.

— Елизаветѣ? Она такъ еще молода... А кто женихъ?

— Старшій изъ Яньковыхъ, Дмитрій.

— Нѣтъ, матушка сестрица, благодарю за честь, но не принимаю предложенія: Елизавета еще молода; я даже ей и не окажу.

И точно, батюшка мнѣ ничего и не сказалъ и не спросилъ моего мнѣнія; а узнала я это отъ сестры Елизаветы Александровны: пока тетушка была съ батюшкой, она мнѣ и говоритъ: „Елизавета, поди-ка сюда“, отвела меня въ сторону и шепчетъ:

— Матушка пріѣхала тебѣ сватать жениха, Янькова Дмитрія Александровича.

Тетушка уѣхала; батюшка молчитъ; проходитъ день, другой, третій; такъ батюшка ничего мнѣ и не сказалъ и только послѣ уже мнѣ это рассказывалъ.

Прошло должно-быть съ годъ, опять тетушка Марья Семеновна повторяетъ батюшкѣ то же предложеніе и опять онъ не отказалъ наотрѣзъ, а сказалъ: „Слѣдуетъ нечего, Елизавета еще не перестарокъ; а засидится не велика бѣда, и въ дѣвкахъ останется.“

И мнѣ объ этомъ ни слова; а сестра Елизавета мнѣ опять шепнула.

Думаю себѣ: „Стало-быть батюшка имѣетъ какія-нибудь причины что это ему не угодно“.

Помнится мнѣ что однажды я подхожу въ залѣ къ окну, и вижу: ѣдетъ на дворъ карета Янковой; у меня отчего-то сердце такъ и упало.

Я прошла во вторую гостиную. Батюшка былъ дома у себя въ кабинетъ. Ему деложали, онъ вышелъ въ гостиную и Анну Александровну привалъ; изъ насъ никого не позвали, они посидѣли вдвоемъ, что говорили—было не слышно, и Янкова уѣхала.

Тутъ батюшка меня кликнулъ:

— У меня сейчасъ была Янкова, пріѣзжала сватать тебя, Елизавета, за брата своего Димитрія. Говоритъ мнѣ: „Петръ Михайловичъ, вотъ вы два раза все говорили тетускѣ Марьѣ Семеновѣ что Елизавета Петровна еще саишкомъ молода; неужели и теперь мнѣ то же скажете, а братъ мой пристунаетъ чтобъ я узнала вашъ рѣшительный отвѣтъ“. Я ей на это и сказала: „Мы, сестрица, родня... И что это, право, далась вамъ моя Елизавета; неужели кромѣ ея нѣтъ и невѣстъ въ Москвѣ?“ Про Димитрія Александровича нельзя ничего сказать кромѣ хорошаго: человекъ добрый, смирный, неглупый, наружности пріятной, да это и послѣднее дѣло смотреть на красоту; ежели отъ мущины не шерахается лошадь, то значить и хорошъ... Родство у Янковыхъ хорошее, они и намъ свои, и состояніе прекрасное: чѣмъ онъ не женихъ? Не будь сестра у него, а никогда бы ему не отказалъ... Но вотъ она-то меня пугаетъ: пресамоправная, прехитрая, братьями такъ и вертитъ, она и тебя смала бы подъ коблукъ; это настоящая зомевка-колотовка, хоть кого заклюеть. Не скорби, моя голубушка, тебя любя я не далъ своего согласія... а быть тебѣ за нимъ, прибавилъ батюшка немного помолчавъ, — такъ и будешь, по пословицѣ: Суженаго конемъ не объѣдешь!

Это что я разказываю было или въ 92мъ году предъ Рождествомъ, или въ началѣ 93го года.

Дѣло о сватовствѣ совершенно заглохло: Янковы бывали рѣдко, вѣрно считали себя обиженными. А мнѣ, признаюсь, Димитрій Александровичъ приходился по мысли: не го чтобъ я была въ него влюблена (какъ это срамницы барышни теперь говорятъ) или бы сокрушалась что

батюшка меня не отдастъ, вѣтъ, но дай батюшка свое согласіе, и я бы не отказала.

Настала весна; мы начали собираться ѣхать въ деревню, и часть обоза отправили уже впередъ; это было послѣ Николая дядя; вотъ, какъ-то я утромъ укладываю кой-что для отправки тоже, присылаетъ за мною батюшка: „Покалуйте, Елизавета Петровна, въ гостиную.“ Спрашиваю: „Кто тамъ?“ Говорятъ: Янкова.

Вошла я въ гостиную; батюшка сидитъ на диванѣ преселый, рядомъ съ нимъ Димитрій Александровичъ, весь раскраснѣлся и глаза залаканы; когда я вошла онъ всталъ. Батюшка и говоритъ мнѣ:

— Елизавета, вотъ Димитрій Александровичъ дѣлаетъ тебѣ честь, проситъ у меня твоей руки. Я далъ свое согласіе, теперь зависитъ отъ тебя принять предложеніе или не принять... подумай и скажи.

Я отвѣчала: „Ежели вы, батюшка, изволили согласиться, то и я не стану противиться, соглашаюсь и я...“

Димитрій Александровичъ поцѣловалъ руку у батюшки и у меня; батюшка насъ обоихъ обнялъ, былъ очень растроганъ и заплакалъ, глядя на него заплакали и мы оба, его обняли и поцѣловали руку. Потомъ батюшка говоритъ, смѣясь и обнявъ Янкова:

Вѣдь экой какой упрямецъ, четвертый разъ сватается, и добился таки своего! Ну, Елизавета, вѣрно, было тебѣ написано на роду что тебѣ быть за Янковымъ... Поди объяви сестрамъ что я тебя просваталъ, и позови ихъ сюда, мы помолимся.

Я побѣжала къ сестрамъ и объявила имъ новинку что я невѣста; всѣ меня цѣловали, поздравляли и мы пошли вмѣстѣ въ гостиную. Батюшка сталъ предъ образомъ лицомъ на восходъ и потомъ взялъ мою руку и передалъ Димитрію Александровичу.

— Вотъ, другъ мой, сказалъ онъ,—отдаю тебѣ руку моей дочери, люби ее, жалуй, береги, и въ обиду никому не давай; ея счастье отъ тебя теперь зависитъ.—А мнѣ батюшка примолвилъ:—А тебѣ, Елизавета, скажу одно: чтѣ, уважай и люби мужа и будь ему покорна; помни что онъ глава въ домѣ, а не ты, и во всемъ его слушайся.

Это называлось въ наше время „ударилъ по рукамъ“; чрезъ нѣсколько дней былъ назначенъ сговоръ.

Моему жениху было 34 года, мнѣ 25 лѣтъ. Начались у насъ въ домѣ хлопоты о приданомъ, и тутъ больше всего помогла намъ сестра Екатерина Александровна Архарова: она имѣла понятіе обо всемъ, знала всему цѣну и была женщиной съ большимъ вкусомъ.

Сговоръ былъ назначенъ чрезъ нѣсколько дней. Такъ какъ май былъ уже въ исходѣ и многіе изъ родныхъ разъѣхались по деревнямъ, то звали самыхъ близкихъ изъ тѣхъ которые еще не уѣхали, и то однако же было довольно.

На сговорѣ мая 27го были: бабушка Аграфена Федотовна Татищева съ дочерьми; тетюшка Марья Семеновна Корсакова, сестра Елизавета Александровна и ея сестра Архарова; дядюшка Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, кажется съ женой; матушкина двоюродная сестра, тетюшка Аграфена Сергѣевна Мясоѣдова, Прасковья Александровна Ушакова, батюшкина двоюродная тетка (дочь Прасковьи Никитичны Татищевой, бывшей въ первомъ бракѣ за Александромъ Ивановичемъ Терлевымъ), матушкина пріятельница Наумова (урожденная Сафонова) и еще человѣкъ съ десяткомъ, которыхъ теперь и не упоминаю. Это съ моей стороны. Съ жениховой стороны: его сестра Анна Александровна, княгиня Анна Николаевна Долгорукова, двоюродный дядя жениха Сергѣй Петровичъ Соковнинъ, пріятель его Щербачевъ; ну, конечно, братъ жениха Николай Александровичъ, одинъ безъ жены, и еще кто-то и тоже по давности не могу вспомнить. Въ этотъ вечеръ былъ молебень, и потомъ долженъ былъ быть обрядъ образовъ: жениховъ какъ водилось остается у невѣсты, а невѣстину у жениха. Меня батюшка благословилъ большою иконою Влахерской Божіей Матери; ждали что и съ жениховой стороны привезутъ икону, и что же? Анна Александровна привезла на серебряномъ подносѣ крестъ съ мощами. Конечно, это была святая, но какъ-то страннымъ показалось всѣмъ что на сговорѣ привезли крестъ, а не икону.

Женихъ привезъ мнѣ жемчужные браслеты, потомъ дарилъ мнѣ часы, вѣера, шаль турецкую, ахатовый перстень османовъ брилліантами и множество разныхъ другихъ вещей.

Тутъ же на сговорѣ батюшка оказалъ Аннѣ Александровнѣ: „Ну, теперь ужъ перестаньте меня называть братцемъ; дочь моя выходитъ за вашего брата, ихъ пожалуй еще и разведутъ.“ По Татищевымъ батюшкѣ приходился

мой женихъ правнучатымъ братомъ и былъ мнѣ сѣдовательно дядей. По нашимъ понятіямъ о родствѣ думали что нужно архіерейское разрѣшеніе: женихъ ѣздилъ, не умѣю сказать, къ викарію ли, или къ самому митрополиту; и когда онъ объяснилъ въ чемъ дѣло, то ему показали что прелатствія къ браку нѣтъ и разрѣшенія не требуется.

Батюшка жаловалъ мнѣ въ приданое по сговорной записи: 200 душъ крестьянъ въ Новгородской губерніи, въ Череповскомъ уѣздѣ, и приданое на двадцать пять тысячъ рублей серебромъ. Въ томъ числѣ были брилліантовые серьги въ 1.500 руб.; вахтъ-тишъ (т.-е. туалетъ) серебряный въ 1.000, столовое и чайное серебро, изъ кармана на булавки 2.500 р.

Мы жили близъ Остоженки въ своемъ домѣ и вѣнчались у Ильи Обыденнаго, поутру іюня 5го. Подвѣнчное платье у меня было бѣлое глазетовое, стоило 250 рублей; волосы конечно напудрены и вѣнокъ изъ красныхъ розовъ, такъ тогда было принято, а это уже гораздо послѣ стали вѣнчать въ бѣлыхъ вѣнкахъ изъ флеръ-д'оранжъ. Батюшкѣ угодно было чтобы свадебный обѣдъ былъ у него въ домѣ.

Онъ сказалъ заранѣе жениху:

— Что тебѣ, братецъ, тратиться на свадебныя угощенія, а это беру на свой счетъ: старшихъ у тебя въ домѣ нѣтъ, сестра твоя дѣвушка, лучше у меня отобѣдаете, а къ вечеру и отправитесь къ себѣ въ домъ.

Никогда послѣ того не пришлось мнѣ объ этомъ говорить съ батюшкой, но думаю что онъ такъ распорядился того ради чтобы съ перваго раза не дать хозяйничать моей золовкѣ.

На слѣдующій день мы поѣхали съ визитами, и мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть князя Михаила Ивановича Долгорукова, родственника Яльковыхъ и ихъ опекуна во время малолѣтства.

Онъ жилъ въ своемъ домѣ у Вязиженья, на Пометномъ Вражкѣ, близъ Дѣвичьяго Поля. Долгоруковы были прежде очень богаты, но вслѣдствіе опалы и гонимія на ихъ семейство, многіе изъ нихъ при Аннѣ и Биронѣ лишились почти всего; потомъ хотя имъ и возвратили имѣніе, они никогда не могли совершенно оправиться, но, помимо какъ жилали ихъ отцы и дѣды, танулись за ними и все болѣе и болѣе залутывались въ своихъ дѣлахъ. Этотъ домъ у

Девичьяго Поля былъ прежде загороднымъ, а московскій домъ былъ гдѣ-то, на Мясницкой, на Покровкѣ, на Тверской и былъ проданъ въ 1784 году*—не знаю навѣрно. Когда средства поубавились, то загородный домъ сталъ городскимъ. Можетъ-быть, еслибы средства князя Михаила Ивановича были значительнѣе, онъ и не сталъ бы жить въ Москвѣ, а постарался бы въ Петербургѣ быть поближе къ солнышку, да по пословицѣ: бодавой коровѣ Богъ рогъ не даетъ, не имѣлъ возможности. Въ Петербургѣ жили его родные: Шереметевы, Строгановы, Черкасскіе, Скавронскіе, всѣ пребогатые, ему ли съ его средствами было за ними тянуться? Вотъ и разсудилъ онъ что лучше жить въ Москвѣ да и тутъ подальше чтобы было поменьше приемовъ. Его мать, многострадавшая и добродѣтельная старица Нектарія, послѣ всѣхъ тяжелыхъ своихъ испытанийъ, пришла, говорятъ, въ великое смиреніе и живя въ Кіевѣ въ монастырѣ, на самомъ дѣлѣ отреклась отъ всякой мірской суеты, а сынъ ея, напротивъ того, былъ самымъ суетнымъ, мелочнымъ и тщеславнымъ человѣкомъ. Онъ былъ очень недалежнаго ума и лотому пренадменный и легковѣрный. Онъ едва не попалъ въ большую бѣду и чуть-чуть съ собою не втянулъ въ эту бѣду совершенно невинно мать моего мужа и все ея семейство.

Вотъ какую затѣяли было интригу, пожалуй назови это даже заговоромъ: хотѣли возвести на престолъ Ивана Антоновича, при содѣйствіи князя Михаила Ивановича, и обѣщали ему что если онъ въ этомъ поможетъ, то молодой императоръ женится на его старшей дочери, княгинѣ Прасковѣ Михайловнѣ. Долгорукій вѣрилъ возможности привести это въ исполненіе и принялъ участіе въ этой интригѣ, которая къ счастью окончилась ничѣмъ. Свиданіе между Долгорукимъ и Иваномъ Антоновичемъ, который явился къ нему подъ видомъ монаха съ Афонской горы, было въ Кіевѣ, когда князь туда ѣздилъ со своимъ семействомъ въ 1770 году; вмѣстѣ съ ними ѣздила и Анна Ивановна Ялькова. Долгорукой такъ былъ легковѣренъ что уговорилъ Ялькову выстроить у себя въ Веневской деревнѣ, въ селѣ Петровѣ, домъ гдѣ будетъ жить Иванъ Антоновичъ и дожидаться чтобъ его провозгласили императоромъ.

* См. *Копище моего сердца*.

Домъ Долгорукихъ былъ преогромный деревянный: большая зала, большая гостиная, за нею еще другая, тутъ на подмосткахъ покрытыхъ ковромъ на золоченомъ креслѣ сидѣлъ у окна князь Михаилъ Ивановичъ. Въ глухой своей гордости онъ считалъ что дѣлаетъ великую честь когда сойдетъ со своихъ подмостей и встрѣтитъ на половникъ комнаты или проводить до двери, даже онъ никогда не ходилъ ни для кого.

Когда мы пріѣхали, онъ спустился со своихъ лѣсовъ и встрѣтилъ насъ какъ молодыхъ чуть ли не у двери. Ему было на видъ лѣтъ 60 или болѣе, небольшого роста, очень дорогой и тучный человекъ, въ зеленомъ бархатномъ кафтанѣ очень поношенномъ, кружевное жабо и манжеты тоже очень лоистреланныя, напудренный, завитой въ три локона съ лучкомъ и съ кошелькомъ. Лицомъ онъ былъ бы не дуренъ, но напыщенный и надменный видъ его производилъ самое непріятное чувство. По своему понятію онъ принялъ насъ милостиво, но мы очень не полюбились его покровительственная и спусходительная привѣтливость. Княгиня Анна Николаевна была просто ласкова, безо всякихъ штукъ, княжны внимательны, а отъ князя такъ и разлило его чужарствомъ.

Мы не долго пришлось посѣщать князя: съ небольшимъ чрезъ годъ послѣ моего замужества онъ умеръ, и тогда я могла бывать у доброй княгини безъ непріятнаго чувства, къ ней я могла ѣхать въ гости, а къ нему приходилось ѣхать на поклонъ.

Одна изъ княженъ вышла потомъ замужъ за графа Ефимовскаго, а другая за Селедкаго.

У князя былъ еще младшій братъ, князь Димитрій Ивановичъ, прекрасный собой, но больной и слабый головой, то есть немного скудоумень. Ему хотѣлось вступить въ монашество, но императрица Екатерина II воспрепятствовала и онъ былъ постриженъ въ раску и жилъ очень благочестиво. За нѣсколько времени до кончины онъ совершенно пришелъ въ себя: умъ его сдѣлался совершенно здравымъ, слабое здоровье укрѣдилось, онъ предугадалъ свою кончину, которая послѣдовала (кажется) во время чумы бывшей въ Кіевѣ.

Анна Александровна Янькова, съ дѣтства привыкшая къ обхожденію Долгорукова, не чувствовала его надменности

и по привычкѣ очень предъ нимъ благоговѣла и, какъ батюшка говаривалъ, подличала предъ нимъ и очень удивлялась что я не расположилась къ этому очень не привлекательному старику. Кромѣ того, я была съ нимъ насторожѣ потому что батюшка меня предупредилъ: „Будь ты съ нимъ осторожнѣе: онъ, говорятъ, старый грѣховецъ, великій охотникъ до хорошенькихъ и молоденькихъ женщинъ.“

Весь домъ Долгорукихъ поражалъ непріятно: во всемъ замѣтна была напыщенность, желаніе бросить пыль въ глаза и показать свою вельможественность, а средства-то были очень плоховаты и потому въ передней лакеи были въ гербовыхъ презатаканныхъ ливреяхъ; въ гостиной золоченая мебель была мѣстами безъ позолоты, штофная обивка съ залпатами, хрустальные люстры и жирандоли безъ многихъ хрусталей, ковры протерты, потолки закопѣлые, старинные портреты въ полинялыхъ рамахъ, и такъ во всемъ сквозь гордость просвѣчивала скудость; я рѣдко уѣзжала изъ этого полуразрушеннаго дома безъ очень тяжелаго чувства.

Мы были между прочимъ съ визитомъ и у Сергѣя Петровича Соковина: милый, привѣтливый и обходительный человекъ. Домъ не роскошный, но видно что во всемъ достатокъ, вездѣ чисто, хорошо и просто, но ладно и потому нарядно.

Какъ только прошло съ недѣлю времени послѣ нашей свадьбы и мы окончили всѣ наши свадебные визиты мы собрались отправиться въ деревню; батюшка съ сестрами вскорѣ уѣхалъ въ Покровское, а мы поѣхали въ нашу подмосковную, въ село Горки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Подмосковная Яньковыхъ, село Горки, была у нихъ всегда самымъ любимымъ мѣстомъ и хотя они имѣли кромѣ того много очень хорошихъ усадебъ: Петрово, Орѣхово, Теплое, Мыза подъ Петербургомъ, они предпочитали всемъ прочимъ Горки. Можетъ-быть потому что оно только въ 40 верстахъ отъ Москвы, да и кромѣ того очень хороша мѣстность и садъ раскинутъ по горамъ. Покойная моя свекровь сюда часто приглашала къ себѣ Долгорукихъ и Стрѣгано-

вмѣхъ, когда они жилали въ Москвѣ, и они гащивали по нѣскольку день. Потомъ село Новое, Ивана Ѳеодоровича Татищева, было въ 25 верстахъ, а Маренино, гдѣ жилали Салтыковы, Петръ Семеновичъ съ семействомъ, было въ 20 верстахъ. Слышала я что при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Горки были пожалованы какому-то Измайлѣ, потомъ не знаю какимъ мамеромъ перешли къ Аргамаковымъ и отъ нихъ за долгъ поступили Данилѣ Ивановичу Янькову. При раздѣлѣ Горки достались моему мужу, брату его—Петрову, въ Веневскомъ уѣздѣ, а Теплое (тоже тамъ) моей золовкѣ.

Время стояло въ ту пору очень знойное и потому мы поѣхали не рано, а когда уже сталъ жаръ лоскаивать и хотя ѣхали скоро по дорогѣ очень хорошей, но стали подѣзжать къ селу когда ужъ очень обвечерѣло и становилось довольно темно, какъ бываетъ въ 10мъ часу въ концѣ юня. Послѣднія двѣнадцать верстъ дороги—все лѣсами и это меня не мало тревожило потому что я слышала что тамъ водились тогда медвѣди и на моей памяти нѣсколько лѣтъ спустя убили тамъ медвѣдя, должно-быть послѣдняго старожилла.

За мостомъ, гдѣ начинается садъ, вѣтви были тогда большой и густой лѣсъ; нижній садъ тоже былъ какъ настоящій лѣсъ. Меня просто бралъ ужасъ: Куда это мы ѣдемъ; точно вертепъ разбойниковъ.

Наконецъ, слава Богу, вѣхали на прекрутую гору, проѣхали мимо церкви и остановились у крыльца; у меня отлегло на сердцѣ. Моя золовка встрѣтила насъ съ хлѣбомъ-солью.

Домъ былъ совершенно новый, только-что отстроенный и ничѣмъ еще внутри не отдѣланный.

На слѣдующее утро, когда я вышла на балконъ который въ садъ, я увидѣла очень хорошій видъ: направо и налево за палисадникомъ рощи, предъ домомъ за рѣкой густой лѣсъ и только маленькій простѣкъ напротивъ дома, узенькій какъ щелка...

— Ну, какъ тебѣ нравится видъ? спрашивалъ меня мужъ.—не правда ли что очень хорошъ?

— Да, мѣстность очень хороша, но только лѣсу слишкомъ много и глухо; хорошо ежели бы повырубить и открыть видъ.

Такъ потомъ и сдѣлали, и вотъ тогда и вышелъ тотъ прекрасный видъ которымъ всѣ любятъ. Предъ обѣдомъ

мы ходили въ церковь и служили павнихиду по матушкѣ Аннѣ Ивановѣ и по сестрѣ Димитрія Александровича, Клеопатрѣ Александровнѣ: одна погребена была за лѣвымъ клиросомъ, другая нѣсколько правѣе. Тогда былъ только одинъ придѣлъ пророка Давиіла и потому такъ и приворожили, а въ посабствіи когда мужъ мой тепауу церковь распространилъ и задумалъ сдѣлать два придѣла вмѣсто одного, то и вышло что надъ тѣломъ Анны Ивановны пришлоеь поставить престолъ.

Въ прежнее время, очень давно, церковь была, говорятъ, за рѣкой, деревянная. Кто и когда перенесъ ее сюда, на эту сторону, этого никто не зналъ и не помнилъ изъ Янковыхъ, хотя къ нимъ имѣніе перешло въ 1720 году. Церковь была тоже деревянная и сгорѣла; тогда по смерти мужа своего Анна Ивановна въ 1738 году стала просить позволеніе построить церковь каменную во имя пророка Давиіла, а не Святителя Николая, какъ было прежде, но ей этого не дозволили, а разрѣшили построить церковь опять во имя Святителя Николая съ придѣломъ пророка Давиіла. Итакъ эта церковь и была построена въ 1739 году и должно думать что тогда же и освящена, потому что антимиасъ, говорятъ, этого года. Колоколенька была въ то время низъ каменный а верхъ деревянный и кровля тесовая.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ былъ праздникъ Казанской Богоматери и какъ всегда въ этотъ день ярмарка. Къ обѣдѣ пріѣхали изъ сельца Сокольниковъ за полторы шерсты наши сосѣди, Титовы Василій Васильевичъ и Анна Васильевна его жена, урожденная Матюшкина; тутъ я съ ними и познакомилась. Это были люди добрые, хорошие сосѣди, и съ глѣхъ поръ мы были съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Василій Васильевичъ умеръ задолго до своей жены, а Анна Васильевна умерла въ 1825 году въ февралѣ глѣсѣхъ; и въ теченіе нашей одишкомъ тридцатилѣтней дружбы у насъ не было никогда ни малѣйшей размолвки. Чочь ея, Надежда Васильевна Балкъ, тоже до своей смерти въ 1852 году была постояннымъ и искреннимъ другомъ сего нашего семейства.

Послѣ обѣда Титовы пришли къ намъ и у насъ обѣдали; кромѣ ихъ гостей никого еще и не было, потому что мы не успѣли еще никого изъ сосѣдей обѣхать. Предъ бѣдомъ, какъ изстари водилось, предъ параднымъ крыль-

цомъ собрались всѣ крестьяне изъ нашихъ деревень. Тутъ меня вывелъ мой мужъ имъ показать и какъ они просили я жаловала ихъ къ своей рукѣ; потомъ всѣхъ мужиковъ угощали ливомъ, виномъ, пирогами, а бабамъ раздавали серьги и перстни и изъ окна бросали дѣтямъ пряники и орѣхи. Такъ праздновались прежде во всѣхъ селахъ храмовые главные праздники.

Послѣ Казанской мужъ повезъ меня знакомить съ соотѣдами. По близости мы посѣтили Титовыхъ (жившихъ за полторы версты отъ насъ въ селѣ Сокольникахъ) и такъ любезно пріѣхавшихъ къ намъ на праздникъ не дожидаясь нашего пріѣзда. Василій Васильевичъ былъ человѣкъ очень пожилой лѣтъ, ему было я думаю лѣтъ подъ 70; по своимъ лѣтамъ и по старой привычкѣ въ прежнее время ни съ кѣмъ не церемониться, онъ съ перваго разу, кто бы ни былъ, мужчина или женщина, всѣмъ говорилъ ты и это такъ у него было складно что не только не выходило обидно, но казалось что иначе и быть не могло. Онъ не пудрился, а былъ стриженъ въ кружокъ, носилъ предлинный смортокъ и высокіе сапоги съ кисточками по верху лаптя. Онъ былъ женатъ два раза и обѣ его жены носили то же имя: первая его жена—Анна Васильевна была урожденная Головцына, сперва была за Нащокинымъ Василиемъ Александровичемъ и когда онъ умеръ въ 1760 годахъ, нѣсколько лѣтъ спустя она вышла за Титова; дѣтей у нихъ не было. Вторая жена Василя Васильевича—Анна Васильевна (тоже) была Матюшкина (дочь Василя Кирилловича, женатаго на Плоховой), у нея была сестра за Филимоновымъ. Анна Васильевна Титова была премилая и предобрая, очень умная женщина лѣтъ 55 и совершенно простосердечная, весьма благочестивая, набожная и правдивая. Въ то время у нихъ было три дочери и сынъ. Сына не было дома, онъ уже служилъ въ Петербургѣ, а дочери воспитывались дома: старшая Клеопатра Васильевна была лѣтъ 14, потомъ она была замужемъ за Никифоровымъ, а потомъ за Вышеславцевымъ; вторая Надежда Васильевна лѣтъ 11, она была за Павломъ Михайловичемъ Балъ*, и Вѣра Васильевна лѣтъ 8хъ или 4хъ, потомъ вышла за Ростислава Васильевича

* Павелъ Михайловичъ Балъ былъ долгое время председателемъ Московской уголовной палаты.

скина, пензенского помещика. Мы очень скоро сдру-
жились съ Титовыми и не проходило недѣли чтобъ они у
насъ не побывали или мы у нихъ. Въ послѣдствіи когда на-
шѣ дочери подросли и намъ случалось съ мужемъ ѣзжать
доску на нѣсколько дней, то я и отвезу, бывало, сво-
дѣвочекъ въ Сокольники, онъ тамъ и гостить пока мы
возвратимся. Когда сестра моя Анна Петровна стала
жить у насъ, она очень сошлась со второю Титовой На-
дѣй Васильевной и мы ихъ все называли *les deux amies*.
Моя Клеопатра была большаго роста и лицомъ пре-
красная изъ себя.

В домѣ теперь въ какомъ порядкѣ мы ѣздили по со-
мѣ, да это и все равно—когда и съ кѣмъ мы познако-
мись; буду говорить по мѣстности гдѣ и кто жилъ въ
то время моего замужства.

В четырехъ верстахъ отъ насъ въ селѣ Шиховѣ жилъ
старикъ Бахметевъ Петръ Алексѣевичъ: человѣкъ ста-
рѣе, закала, предерзкій и пренебреженный; а у него только
или два всего и была; мужъ мой изрѣдка у него бы-
валъ, но меня не приуждалъ ѣздить, потому что я была
маленькая, а старикъ былъ очень нескроменъ въ обхожденіи,
и въ разговорѣ тоже слишкомъ свободенъ; словомъ ска-
жу, былъ старый любезникъ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ
Марья Семеновнѣ, у нихъ былъ только одинъ
сынъ Владиміръ Петровичъ. Не знаю сколько лѣтъ жили
въ мѣстѣ, только Марья Семеновна не могла больше вы-
нести жизни съ такимъ мужемъ и его оставила и потомъ
замужъ вышла съ согласіемъ мужа за другаго, не помню навѣрно за
кого, а кажется ежели не ошибаюсь, за Якова Андреевича
Иванова.

У него въ деревнѣ былъ по ночамъ бабій караулъ: пооче-
дно каждую ночь наряжали двухъ бабъ караулить село и
ближнія хоромы; одна баба ходила съ трещоткой около до-
роги и стучала въ доску, а другая должна была ночевать въ
домѣ и дежурить внутри. Хорошо былъ старикъ, нечего
сказать! Мудрено ли что послѣ этого отъ него жена
ушла....

Какъ я вышла замужъ онъ жилъ уже одинъ. Онъ пріѣ-
халъ однажды къ намъ; я не вышла, оказалась нездоровою.
— А гдѣ же барыня-то? спросилъ онъ.
— Не здорова, не выходитъ, отвѣчалъ мой мужъ.

— Ну, такъ я самъ къ ней пойду.

— Нѣтъ, Петръ Алексѣевичъ, не трудитесь, нельзя, онъ въ постели...

— Экой ты, братецъ, чудакъ какой чтобы старика не пустить.

И больше онъ у насъ и не бывалъ.

Когда умеръ этотъ грѣховецъ, я не припомню, а такъ же и гдѣ: въ деревнѣ или въ Москвѣ, можетъ-быть не во время ли нашего отсутствія, когда мы жили въ тамбовскомъ имѣніи. Гораздо спустя, въ Шиховѣ жилъ сынъ этого старика, Владиміръ Петровичъ. Онъ былъ два раза женатъ: первая его жена была прекрасная собой, Марья Владиміровна Бутурлина, не графиня; у нея было еще нѣсколько сестеръ, одна за Нероновымъ, другая за Колокольцовымъ, третья за Потуловымъ; были ли еще сестры или братья, не знаю. Отъ этой первой жены у Бахметева было двѣ дочери: одна за Кашицевымъ, Авдотья Владиміровна, вторая за Колотовскимъ, онѣ обѣ были почти однихъ лѣтъ съ моими двумя старшими дочерьми. Послѣ матери онѣ остались дѣвочками и воспитывались подъ руководствомъ мачихи, второй жены ихъ отца, которая была для нихъ истинною матерью. Ее звали Дарья Александровна, урожденная Нащокина: собою не была очень хороша, но преумная, прелюбезная и премилая. Характера была живаго и веселаго, и предобрая: умѣла быть умна, смѣялась, шутила, но никогда ни про кого не говорила дурно и всѣмъ желала добра, потому что не была завистлива. Я душевно ее любила и была съ нею искренно дружна, всегда ее вспоминаю съ пріятностію и жалею, что она не долго жила на свѣтѣ. У нея былъ сынъ Петраша, который теперь женатъ на Ховриной, и дочь Лизавька, была потомъ выдана за Повалишина и тоже кажется умерла молода.

Владиміръ Петровичъ жилъ долгое время вдовцомъ, былъ въ Москвѣ уѣзднымъ предводителемъ довольно долго. Подъ старость сдѣлался, говорятъ, скупцомъ, жилъ въ деревнѣ одинъ, въ большомъ неопрятствѣ: съ собаками, съ кошками, съ обезьянами, съ птицами, выжилъ изъ памяти и тоже во многомъ сталъ походить на своего отца, но въ этомъ положеніи меня Богъ не привелъ его видѣть, и слава Богу!

Версты четыре за Шиховомъ, въ селѣцѣ Пескахъ, а за стала Волковыхъ: мужа звали Степанъ Степановичъ, жену

ерина Петровна; они ѣзжали къ батюшкѣ. И мужъ, и предоброе, преласковое и гостепріимное хлѣбосома хъ я и не видывала. Первое ихъ удовольствіе было кор- своихъ гостей, да вѣдь какъ: чуть не насильно застав- фать. Степанъ Степановичъ любилъ и самъ кушать, ѣ и заказать обѣдъ и охотникъ былъ говорить про ные: какой пирогъ хорошо одѣлать, съ какою начин- съ какою подливкой соусъ лучше или хуже, а ужъ ое дѣло подчиваніе гостей. Онъ бывало и не са- за столъ, а ежели сѣлъ, то поминутно вскакиваетъ чить дворецкому: „Постой, постой, куда ты ушелъ, шь не берутъ или мало взяли, кланяйся, проси“ и тот- самъ подбѣжить и станетъ упранивать: „Матушка, авета Петровна, локушайте, пожалуста положите еще отъ немножко, вотъ этотъ кусочекъ.“ Не возьмешь— аая обида. Или приступить къ женѣ: „Катерина Пе- ая, ты совсѣмъ не смотришь за гостями, никто ниче- ушаетъ, посмотри сама...“ И ну опять подчивать. Столъ къ былъ прекрасный, блюдъ премажество и все блю- ятными, да бери помногу, ну, просто, бывало, бѣда: ѣшь, того и гляди что захвораетъ. Отказаться отъ а, когда зовутъ, это—огорчить его до крайности. Одинъ не помню, въ Москвѣ или въ деревнѣ, онъ звалъ насъ, почему-то не позвали и не послали извѣстять что не гъ. Боже мой, какъ обидѣлся! Мѣсяцъ къ намъ не ѣз- прѣдемъ, сидитъ у себя не выходитъ. Дѣлать нечего, ми сказать что тогда-то прѣдемъ обѣдать: встрѣтилъ— радехонекъ; цѣлуетъ руки, не знаетъ какъ и принять. ушка, голубушка, ужъ вотъ хорошо, вотъ хорошо, за- вы насъ, разлюбил...“ И сталъ выговаривать что не али обѣдать. Добрый былъ человекъ, хороший и умный ѣкъ, однимъ веселее—заподчиваетъ. Иногда вдругъ метъ, ни съ того, ни съ сего, пирогъ или какое-нибудь кное. Въ Москвѣ у нихъ бывали часто обѣды и насъ а ужъ пригласитъ за вѣсколько дней, а поутру въ день а пришлетъ просить столового серебра, видно у нихъ мало, и опять наломать намъ что насъ ждутъ. ѣ умеръ первый: жена его жила еще послѣ него вѣ- ко лѣтъ. Она была тоже предобрѣйшая, но съ боль- стравностями и была очень мнительна на счетъ здо- и. Прѣдешь къ ней въ деревнѣ, это когда она была

уже вдовой, на дворѣ жара, а у нея въ комнатахъ во всѣхъ окнахъ вставлены сѣтки изъ кисеи и пречастой, такъ что воздухъ не проходитъ: болалась мухъ и комаровъ. Сама лежить въ спальнѣ, въ постели, окна закрыты ставнями, голова обвязана платкомъ намоченнымъ уксусомъ съ водой или привязанъ калустный листокъ; на столѣ отклявочки съ разными калаями и примочками. „Катерина Петровна, что съ вами?“ спросишь ее.

— Ахъ, милюся (она была картава), умираю, совсѣмъ умираю, голова болитъ.

И точно голосъ слабый, еле говорить; кто ея не знаетъ, могъ бы подумать что она и взаправду больнохонька.

Посидишь съ нею, поговоришь, она забудетъ свою болѣзнь и начнетъ снимать всѣ свои компрессы: и съ головы и съ рукъ; пройдетъ еще нѣсколько времени, велитъ открыть ставни... „Вотъ, милюся, ты прѣехала, мнѣ вѣдь стало лучше“. Потомъ, гладитъ, позоветъ дѣвушку: „Дай одѣться“. И немного погодя выйдетъ въ гостиную, а тамъ на балконѣ и пойдеть гулять...

У нея была дочь, которую она очень любила и лишилась ея лѣтъ 15ти. Кромѣ того еще дѣтей не было, и изъ любви къ дочери она ея нянюшку всюду съ собой возила... Она была большая трусиха въ дорогѣ: ѣдетъ въ большой четырехмѣстной каретѣ и то и дѣло что кричитъ: „Стои, стои, лустите, лустите... а выйду... гора... ай, ай, ай—косо-горъ... стои, стои, мостъ. Я боюсь... лустите...“

Человѣкъ подойдетъ и станетъ ее уговаривать:

— Помилауйте, сударыня, никакой горы нѣтъ—ровное мѣсто, не извольте безлокоитъся...

— Ну хорошо, стулайте... Такъ ты говоришь нѣтъ опаснѣости?

— Никакой, сударыня, будьте покойны.

Но только что тронутся съ мѣста, опять кричитъ: „Стои, стои“ и опять та же исторія.

Нянюшка, которая знала ея трусавость, какъ видитъ что гора или мостъ, и заведетъ о чемъ-нибудь рѣчь; Екатерина Петровна заговорится и не замѣтитъ что ѣдутъ въ гору или подъ гору.

Вотъ еще ей бывала бѣда когда гроза: закроютъ ставни, завѣсятъ окны, зажгутъ свѣчи; сама она уляжется въ постель, закроется одеялами, а няня стои и молишь. Станетъ

ей душно, вотъ она и начнетъ открывать одѣяло и спрашивать: „Ну что, няня, тише?“ — „Тише, матушка, гораздо тише.“

Вдругъ раздается ударъ грома...

„Ай, ай, ай... Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваноев... Ай, ай, ай, осавна въ вышнихъ.“ И опять забьется подъ одѣяло и лежитъ ни жива, ни мертва.

Измучается пока гроза не пройдетъ, а тамъ начнутся всякія болѣзни: то голова болитъ, то ей душно дѣлается или съ ней жаръ... И мудрево ли: лежитъ подъ пятью одѣялами, какъ тутъ не задохнуться и не разболѣться головѣ? Но добрая была и хорошая женщина.

Въ Ярцовѣ жилъ долгое время батюшкинъ двоюродный братъ Андрей Васильевичъ Римскій-Корсаковъ, деверь тетюшки Марьи Семеновны и братъ тетюшки Анны Васильевны Кретовой. Добрый старичокъ, который принялъ насъ по-родственному, и мы у него бывали столько же разъ сколько бывалъ и онъ у насъ. Потомъ онъ все больше сидѣлъ дома и съ трудомъ могъ выѣзжать.

Въ Храбровѣ, это версты три за Ярцовымъ, издавна владѣли Оболенскіе и въ то время тамъ жилъ старикъ князь Николай Петровичъ. Мы ѣхали въ Гарушки къ Петру Михайловичу Власову и заѣхали къ Оболенскому. Человѣкъ лѣтъ преклонныхъ, характера нелокойнаго и раздражительнаго: онъ былъ нѣкоторое время съ моимъ мужемъ въ ссорѣ; вотъ изъ-за чего вышла у нихъ неприятность. Земля Іевлевскихъ нашихъ крестьянъ граничитъ съ его Храбровскою землею, и случилось какъ-то что нѣсколько крестьянскихъ скотинъ зашло на его землю. Князь велѣлъ ихъ схватить и загнать въ Храброво и потребовалъ выкупа. Крестьяне просили отлустить такъ, князь не согласился; дѣлать было нечего, бѣдные мужики заплатили, и что-то не мало. Черезъ нѣсколько дней все княжеское стадо зашло на Іевлевскую землю, тогда и крестьяне стадо загнали къ себѣ и послали требовать отъ князя выкупа. Вотъ и пошла бѣда: князь рветъ и мечетъ; выкупа не даетъ и требуетъ чтобъ его стадо возвратили; крестьяне не отлускаютъ. Оболенскій пишетъ предерзкое письмо къ Дмитрію Александровичу и требуетъ чтобъ онъ приказалъ своимъ мужикамъ отлустить его скотину. Дмитрій Александровичъ отвѣчалъ что это не его дѣло, и что ежели князь бралъ выкупъ съ крестьянъ, то вѣтъ причины чтобъ и крестьяне

не поступили съ нимъ точно также; вышла предлинная исторія и вѣсколько лѣтъ мой мужъ съ нимъ и не видался.

Не могу назвать князя человѣкомъ надменнымъ или заносчивымъ, а скажу что онъ просто былъ грубый человѣкъ, хотѣвшій казаться гордымъ, да какъ-то это у него выходило смѣшно и нескладно, и пока онъ княжилъ въ Храбровѣ мужъ мой очень изрядка у него бывалъ, а я и вовсе не бывала.

Когда мы пріѣхали въ Гарушки, нашимъ самый радушный пріемъ отъ почтеннаго и милаго старика Власова Петра Михайловича.

— Спасибо вамъ, матушка моя Елизавета Петровна, что вы посѣтили старика, премного меня утѣшили. Я вмѣстѣ съ батюшкой вашимъ служилъ, онъ мнѣ хорошій всегда былъ пріятель, назову даже другомъ, душевно люблю и уважаю его, и для меня было бы прискорбно ежелибы дочь хорошаго моего друга меня старика не навѣстила. Пожалуйста, сударыня, и впередъ меня не забывайте.

Онъ очень насъ обласкалъ, мы у него обѣдали и возвратились къ себѣ поздно вечеромъ. Послѣ того мы у него бывали каждое лѣто два или три раза, и всегда находили пріемъ самый радушный: видно что и старику было пріятно наше посѣщеніе, и своимъ ласковымъ пріемомъ онъ дѣлалъ и намъ удовольствіе. Много значить пріятельность въ обществѣ; какъ она всегда располагаетъ сердце и къ себѣ привлекаетъ!

Въ послѣдствіи Гарушки купилъ Оболянинъ Петръ Хрисановичъ, но это было много лѣтъ спустя; въ свое время разкажу и объ немъ.

Въ Селявинѣ тогда жили Фаминцыны: Аграфена Андреевна, Елизавета Андреевна и Анна Андреевна, вышедшая за графа Татищева; у нихъ былъ братъ Сергій Андреевичъ, служившій въ Петербургѣ. Настоящая фамилія ихъ не Фаминцыны, а Фаменины. Ихъ дѣдъ или прадѣдъ, навѣрно не знаю, былъ лифляндскій Нѣмецъ, дворянинъ, взятый въ лѣтъ и обрусѣвшій, и потому и фамилію свою переложилъ онъ на русскій ладъ. Это были очень милые и добрыя сосѣдки, большія рукодѣльницы и хорошія хозяйки, которыя умѣли и лѣпить: составляли разнаго мака, примочки и пластыри и гнали изъ разныхъ травъ воды. Къ нимъ изъ околотка приходило много больныхъ и онѣ имъ

и помогали простыми средствами. Помню что они глагоду изъ васильковъ—средство отъ воспаления глазъ; воду изъ тымина—заваловъ въ желудкѣ и много другихъ средствъ, кото-
 рѣ я и не припомню. Кто была ихъ мать не могу теперь
 помнитъ, а вѣдь слышала не разъ и фамилія-то очень
 юмал.

къ имѣньюце было не подалеку отъ села Ольгова, при-
 ежавшаго Апраксину Степану Степановичу, который
 о время служилъ въ Петербургѣ, и кажется не былъ
 женатъ и жилъ у сестры своей Марьи Степановны
 азиной. Она была вдовою, и гораздо старше брата, лѣтъ
 0 или не много менѣе. Отецъ ихъ, Степанъ Федоровичъ,
 въ фельдмаршаломъ при императрицѣ Елизаветѣ Петро-
 и былъ батюшкинымъ начальникомъ.

аршая сестра Елена Степановна была за княземъ Ку-
 шнымъ, и умерла очень молодою, въ самый годъ моего
 цениа. Старшій сынъ ея, князь Александръ Борисовичъ,
 въ посланъ въ Парижъ при первомъ Наполеонѣ и имѣлъ
 астіе быть на томъ ужасномъ балѣ, во время котораго
 ался пожаръ, и Куракина нашли на другой день подъ
 рѣвшими досками. Онъ ея остался живъ, но изуродо-
 мый и больной жилъ еще послѣ этого несчастнаго слу-
 лѣтъ семь или восемь. Этотъ несчастный праздникъ у
 рійскаго поела, по случаю втораго брака Наполеона
 очерью австрійскаго императора, надѣлалъ въ свое
 а много шуму, и про пожаръ тогда говорили какъ про
 ое предвѣстіе для Наполеона.

и ѣздили съ мужемъ въ Ольгово къ Марьѣ Степанов-
 алызиной, когда она туда пріѣхала, въ 1794 или въ 1795
 . Она знала и помнила батюшку когда онъ служилъ
 ея отцѣ, и меня очень обласкала.

тешка разказывалъ про нее, что она была въ молодости
 ойкая и пребѣдовая: „Пріѣдешь бывало къ фельдмаршалу,
 а подстережетъ.—Корсаковъ поѣдемъ кататься.“ Гово-
 ей: „Что это Марья Степановна, какъ можно, батюшка
 етъ, будетъ гнѣваться. — Не узнаетъ, а узнаетъ бѣды
 удетъ. Я беру на себя. — Да, вамъ-то и сойдеть, а мнѣ
 .—Да, вѣдь гсворять же, что вѣтъ.“ Иногда отдѣлаешь-
 мъ нея; а то а схватитъ, ежели вечеромъ, и изволь ее
 гь. Кажется она имѣла виды на батюшку, и едва ли
 т. сxxxiv.

не было и страстишки; не знала отчего она была и
лизица.

Ольгово тогда было еще совсѣмъ не то чѣмъ стало
въ послѣдствіи, когда тамъ стали жить сами Апраксины.
тогда была маленькій, какъ есть только середина, а
газетеръ и флигеля, все это пристроено послѣ.

Съ Апраксинами мы познакомились нѣсколько
послѣ.

Еще не подальше и отъ насъ и отъ Ольгова, въ се
Коломенѣ, жила наша родственница Марья Ивановна
Кевичъ.

Она была сама-по-себѣ Нащокина, дочь Ивана Анд
дровича, и была замужемъ за Енафродитомъ Ивановичемъ
Станкевичемъ, который былъ сынъ Прасковья Никиты
Татищевой, родной тетки бабюшкиной матери, охотно
но приходилась бабушкѣ двоюроднымъ дядею, и дѣти
всегда называла Марью Ивановну бабюшкой.

Станкевичи польскаго происхожденія, то-есть изъ
и ихъ гнѣздо въ Смоленской губерніи; тамъ ихъ ро
жество. У Енафродита Ивановича было нѣсколько де
тей, и у всѣхъ пренеобикновенная имена: Филаретъ, М
лосъ, а другихъ я и не упоминаю. У Марьи Ивановны
тоже много дѣтей, но я знаю только Александра Ена
фродитовича; одна изъ его сестеръ Александра была и Е
бановичъ, а Федосья, которая всегда и жила съ нѣ
вышла потомъ за Николаемъ Александровичемъ Акимовымъ.
Она воспитывалась въ Смоленскомъ монастырѣ и
тамъ нѣсколькихъ монаховъ, которые тамъ дожили
вѣкъ послѣ того какъ монастырь былъ переименованъ
Институтъ.

Марья Ивановна очень была къ намъ расположена
часто видалась то у насъ, то у Титовой Анны Васильевны
у Оболяяиновыхъ и у Бахметевыхъ; всѣ мы жили
дружно. Бабушка скончалась въ 1823 году. Были е
сѣди не очень близкіе—Головинъ, въ Дедѣневѣ, Павелъ
сильевичъ, и Сокоревъ или Шокаревъ, порядкомъ жили
въ Шукаловѣ. Къ нимъ ѣзжалъ только Дмитрій Алекс
вичъ, и они по разу въ лѣто бывали у насъ. Шокаревъ
сейчасъ вижу, въ кафтанѣ брусничнаго цвѣта, нануды
и съ пучкомъ; такъ онъ и дожилъ свой вѣкъ въ
ливъ моды.

вздумали еще вскорѣ по прїѣздѣ въ деревню къ родителям моего мужа, къ Марьѣ Ивановнѣ Мамоновой, въ Новое. Это въ двадцати пяти верстахъ отъ насъ. Тогда была очень слаба и больна, у нея была водяная. На ней могло быть лѣтъ около шестидесяти, и я думаю ко ей и было: овекровъ мой, Анна Ивановна, родилась января 1731 года, а Марья Ивановна была, вѣроятно, еще. Въ свое время она была очень хороша собою, о можно судить и по ея портрету, писанному въ 1758 однимъ очень хорошимъ въ то время мастеромъ.*

Ивановна была смуглая лицомъ и только румянилась, а что безъ этого нельзя было обойтись въ то время, бѣлилась; а Марья Ивановна была лицомъ бѣлая, и о румянилась и бѣлилась. Тогда бѣлиться не считали предосудительнымъ, но и не требовалось, какъ необходимо, а румяниться должны были всѣ. Помню что когда я прїѣхала въ собраніе, пришла прямо въ туалетъ и остановилась предъ зеркаломъ поправить свои волосы. Предъ мной стоитъ одна Грязнова и румянить свои щеки. Одиной баринъ стоявшій сзади насъ и подходит къ ней и говоритъ: „Позвольте, сударыня, вамъ замѣтить что щека у васъ больше нарумянена.“ Она поблагодарила румянила и правую щеку. Теперь румянятся лети-у, а тогда это составляло необходимое условіе и тобъ ся въ люди.

Сохранилось три портрета у насъ въ семействѣ: 1) Александра Даниловича Янкова, 2) Анны Ивановны, его жены, вые въ 1757 году, и 3) Марьи Ивановны Мамоновой 1758 года. На портретахъ поясные, кисти прекрасныя, отъѣлка тщательная. Напоминаетъ портреты извѣстнаго Дамидова, величественны въ настоящую величину. Александръ Даниловичъ одетъ въ синій бархатный кафтанъ и бѣломъ атласномъ, съ золотымъ шнуромъ; причесанъ *à l'oise de pigeon*; на накинута въ поперекъ красная мантия Анна Ивановна въ цвѣтѣ *conleur sainton*, шея и плечи открыты, бриллианты серьги въ три подвѣски, большой букетъ изъ фарфоровыхъ цвѣтовъ на корсажѣ, съ плечъ полуспускается синяя лентя; волосы слегка напудрены—*en frimas*. Марья Ивановна въ бѣломъ пудесу съ красными бантами, видно что она и ярко нарумянена; букетъ на корсажѣ, цвѣтокъ на головѣ, рена *à la neige*; мантию нѣтъ. Всѣ три портрета безъ изобра-
рукъ.

При жизни тетушки мнѣ еще не привелось побывать. Навомъ, она вскорѣ скончалась и была тамъ погребена.

Марья Ивановна выходила замужъ въ Петербургъ дома родственниковъ своихъ Скабринскихъ, въ 1764: помолвка ея была въ февралѣ, а когда была свадьба помню; въ августѣ 1765 года у нея родилась дочь Софья Петербургъ. *

Въ селѣ Батовѣ жила въ то время Авдотья Иванъ Сабурова, урожденная княжна Оболенская, двоюродная сестра того которому принадлежало Храброво. Она была вѣдомъ, мужа ея звали Иванъ Федоровичъ. Домъ въ Б. былъ очень хорошъ и отдѣланъ весьма богато; во въ безопасности хорошъ былъ садъ регулярный, стриженный: была тогда мода, все разнымъ манеромъ: были и подстриженные пирамидами, зонтикомъ, и некоторымъ было немного, кажется гдѣ-то по угламъ, — были выстрижены на подобіе медвѣдей. Все это въ то время очень нравилось. Хозяйка любила водить гостей любоваться этими причудами. Авдотья Ивановна была очень богата, имѣла прекрасное столовое бѣлье — голландское, и опасаясь чтобы его не испортили, два раза въ годъ посылала его стирать въ лавдію. Можно себѣ представить чего это тогда стоило.

* Кроме того у Мамонтовыхъ былъ сынъ Петръ Николаевичъ (женатъ былъ на Кобылкиной, дочери Василия Федоровича, которымъ была послѣдняя княжна Солнцева-Засѣкина, Анна Ивановна, и двѣ дочери: Анна Николаевна за Некаюдовыми, Сергѣемъ Васильевичемъ, который былъ губернаторомъ въ Тамбовѣ и Владимирѣ, и Прасковья Николаевна, за Кречетниковыми. У Николаевича Мамонтова былъ сынъ Иванъ Петровичъ (умеръ дѣтскимъ и женатъ не былъ) и три дочери: 1) Анастасья Петровна за Андреемъ Васильевичемъ Дашковымъ; 2) Марья Петровна за Алексѣемъ Гавриловичемъ Сазоновымъ; 3) Елизавета Петровна за Степаномъ Ивановичемъ Шиловымъ. У Дашковой два сына: первый умеръ; второй, Василий Андреевичъ, почетный опекунъ, и дочь Софья Андреевна за княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ. У Сазоновой дѣти: 1) Петръ Гавриловичъ и три дочери: Екатерина за Левашовымъ, Прасковья Прибытковымъ и Елизавета не помню за кѣмъ. У Шилова: 1) Иванъ, 2) Степанъ и 3) Петръ и дочь Анна за Воейковымъ. У Кречетниковой: Михаилъ Ивановичъ, умеръ неженатымъ, Степанида Ивановна, за Александромъ Гавриловичемъ Хвостовымъ; дѣтей не было.

урова была очень обходительная и привѣтливая женщина пятидесяти, и пока она жила въ Батовѣ, мы ко другу ѣзжали по нѣскольку разъ въ лѣто и она въ бывала у насъ въ Казанскую. Она умерла прежде лѣтъ, полагаю около 1820 годовъ. У нея было два и дочь Надежда Ивановна; была ли она замужемъ или — что-то не припомню.

е гдѣ-то верстахъ въ восьми или въ десяти отъ насъ старичекъ Поздѣвъ. Въ прежнее время онъ служилъ [адолѣтнемъ Шляхетскомъ] корпусѣ въ Петербургѣ; тамъ или учителемъ, или инспекторомъ, и мой мужъ при немъ въ корпусѣ. Поздѣвъ потомъ жилъ въ имѣніи и кажется безвыѣздно и чуть ли противъ нѣ: онъ былъ масонъ, попавшійся въ исторію ко- была въ концѣ 1780 годовъ. Былъ онъ человекъ очень и, ученый, но большой нелюди и съ большими стран- ни. Какъ звали его не припомню; онъ былъ женатъ въ дѣтей. Мужъ мой у него бывалъ, и Поздѣвъ всегда ему очень радъ и любилъ поговорить про жизнь въ гоѣ. Когда онъ умеръ, послѣ него, говорятъ, осталось о деревнѣ множество масонскихъ картинъ, книгъ раз- и всякихъ вещей, которыя масоны употребляли въ къ собраніяхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

гда я была невестою, большой каменный домъ, что токъ въ Газетномъ переулкѣ, былъ еще за Ясько- , но кому-то уже проданъ, и я въ этомъ домѣ всего только одинъ разъ: ѣздила съ визитомъ къ женой сестрѣ; а послѣ свадьбы мы пріѣхали съ мужемъ вую домъ который у него былъ у Неопалимой Ку- въ переулкѣ. Къ намъ переехала и золовка моя, Анна сандровна. Домъ былъ деревянный, очень большой, по- ительный, съ садомъ, огородамъ и огромнымъ лу- емъ, гдѣ весною, пока мы не уѣдемъ въ деревню, пас- наши двѣ или три коровы.

томъ батюшка пожаловалъ къ намъ въ деревню со и четырьмя сестрами и прогостилъ у насъ сколько-то

дней, потомъ поѣхалъ опять въ Боброво, а на закуску поѣхалъ въ Москву, и мы также.

Все что батюшка говорилъ мнѣ про мою золовку (т. е. о ней) вполнѣ справедливымъ: она была пресамоврава, хотѣла командовать Дмитріемъ Александровичемъ, стала вооружить его противъ меня. Много тутъ вытекло отъ нея непріятностей: я была молода, вспыльчива; тоже не очень терпѣливаго десятка, а мужъ очень и одержанъ. Онъ жалѣлъ меня и любилъ, а немножко бабился и старшей сестры своей, а потому при этихъ разногласіяхъ всегда бывалъ какъ между двухъ огней. Своимъ братомъ онъ раздѣлился, а съ сестрой у него дѣла еще не было, и потому волей-неволей приходило терпѣть отъ нашего несогласія. Наконецъ я настояла, онъ отдалъ свою сестру, и она переехала въ свою, по близости отъ насъ, но и тутъ не мало причиняла скорби...

Въ мѣсяцѣ, 20го числа, у насъ родилась дѣвочка. Было утромъ въ двѣнадцатомъ часу, и Дмитрій Александровичъ тотчасъ отправился къ батюшкѣ съ радостнымъ вѣстью и спрашиваетъ его: „какъ прикажете назвать новорожденную?“

Батюшка обнялъ его, поздравилъ и говоритъ: „какое имя новорожденной въ вашей волѣ, но ежели ты спрашиваешь, то мнѣ всего пріятнѣе если назовутъ вѣнцу именемъ покойнаго моего друга—Аграфеемъ“.

Такъ мы и сдѣлали. Батюшка пожаловалъ мнѣ на это 500 рублей.

Крестнымъ отцомъ былъ батюшка, а крестною мнѣ бабушка, Аграфена Федотовна Татищева.

Матушку называли Аграфеемъ въ честь ея бабушки, т. е. Аграфены Федоровны Щербатовой, урожденной Тихоновой; и Аграфена Федоровна тоже была названа въ честь своей бабушки: отецъ ея, Федотъ Михайловичъ менскій, былъ сынъ Михаила Сергѣевича, женатаго на Аграфенѣ Юліановнѣ Чедищевой. Дочь Аграфены Федоровны Елизавета Евграфовна, замѣшданная за Ивана Филипповича Новосильцева, свою дочь тоже назвала Аграфеемъ.

Въ 1795 году скончалась старшая моя сестра, крестная мать, Екатерина Петровна, въ декабрѣ мѣсяцѣ.

сестѣ Покровскомѣ, гдѣ тогда батюшка находился со всеми моими сестрами. Тамъ ее и схоронили. Это было для меня большое горе, потому что я ее очень любила, а для батюшки это была очень тяжелая потеря: сестра Екатерина Петровна послѣ кончины матушки, какъ старшая изъ всѣхъ насъ, всѣмъ распорядилась по хозяйству, а когда батюшка отлучался куда-нибудь, то она по его указанію заведывала и дѣлами. Она была при своей кончинѣ не вступило 40 лѣтъ. Отъ природы очень умная, добрая и благочестивая дѣвушка, но собою очень не красива, и такъ какъ она не имѣла намѣренія идти замужъ, то батюшка на нее и рассчитывалъ какъ на вѣрную блюстительницу и меньшихъ сестеръ, и всего домашняго обихода, и объ ней очень горевалъ.

Въ этомъ же году родилась у насъ сынъ котораго мы назвали Петромъ въ честь батюшки, а въ 1796 году родилась дочь Анна, и крестили ее мой деверь Янковъ и моя золовка, Анна Александровна; батюшка былъ въ деревнѣ. Для за два до ея рожденія мы были дома молоту, вдругъ слышимъ въ совершенно необычное время ударили въ кремль въ колокола, потомъ въ другомъ мѣстѣ, еще гдѣ-то и у насъ приходѣ... Что такое? Послали узнать: приходятъ и говорятъ что получено извѣстіе изъ Петербурга что скончалась императрица.

Димитрій Александровичъ тотчасъ отправился къ батюшкѣ, потомъ немного погодя вернулся, надѣлъ свой дворянскій мундиръ и отправился въ соборъ присягать новому государю. Немного погодя, говорятъ мнѣ, пришелъ квартальный надзиратель и меня желаетъ видѣть. Я къ нему вышла. „Что вамъ угодно?“ спрашиваю я.—Не имѣете ли старыхъ газетъ 1762 года и манифестовъ; и ежели у васъ сохранились, то пожалуйста, велѣно обирать.“—„Отчего же?“—„Этого сударыня, я не знаю, а таково распоряженіе начальства.“ Я стала догадываться въ чемъ дѣло и сказала ему: „Теперь моего мужа нѣтъ дома, а безъ него я ничего не могу вамъ сказать и не знаю: есть ли то что вы спрашиваете; ежели найдется что, то мы вамъ пришлемъ“.

Обирали тогда вездѣ манифестъ Петра III о его отреченіи... Хотя у насъ были и манифестъ и газеты 1762 года, мы все это скорѣе отправили въ деревню и тамъ сберегли. Ихъ велѣно было обирать и жечь.

Покойную императрицу довелось мнѣ видѣть всего только два раза: одинъ разъ въ соборѣ въ Петровъ день, другой въ Московскомъ Благородномъ Соборѣ. Это было когда праздновали двадцатилѣтіе ея воцаренія. Въ соборѣ намъ пришлось стать довольно близко отъ того мѣста гдѣ стояла государыня, и изъ-за другихъ можно было иногда ее видѣть. Въ этотъ день было провозглашеніе московскаго архіепископа Платона митрополитомъ. Тогда разказывали что предъ начатіемъ обѣди приказано было отъ императрицы первому протоіакову, чтобы на первой эктеньѣ, когда дойдетъ очередь поминать преосвященнаго Платона, называть его митрополитомъ и чтобы этого до того времени ему не оказывать. Діаконъ вышелъ на амвонъ и какъ было приказано такъ и сдѣлалъ; эктенья окончилась—митрополитъ вышелъ изъ алтаря и, сдѣлавъ шагъ на амвонъ, молча поклонился императрицѣ и вошедши въ алтарь продолжалъ обѣдню своимъ чередомъ.

На другой день былъ великій праздникъ, который давалъ Шереметевъ императрицѣ у себя въ Кусковѣ, но мы тамъ не были: съ графомъ батюшка знакомъ не былъ и толкаться въ толпѣ и давкѣ онъ намъ не позволялъ. „Будетъ государыня въ Соборѣ на дворянскомъ балѣ, тогда и вы ее увидите“.

Сестрѣ Александрѣ Петровнѣ было 21 годъ, мнѣ 19 лѣтъ, и мы отправились въ собраніе съ сестрой Екатериной Александровной Архаровой. Балъ былъ самый блестящій и такой парадный какихъ въ теперешнее время и быть не можетъ: дамы и дѣвицы воѣ въ платьяхъ или золотыхъ и серебряныхъ или шитыхъ золотомъ, серебромъ, камнями и въѣхъ преможаство и муццимъ тоже въ шитыхъ кафтаныхъ съ кружевами, съ камешьями. Пускали въ Собраніе по билетамъ самое лучшее общество; но было много.

Императрица тоже была въ серебряномъ платьѣ, но великій ростомъ, но такъ величественна и вѣстѣ милостива ко всемъ что и представить себѣ трудно. Играли и пѣли

Громъ победы раздавался,
Веселится храбрый Россѣ....

И каждый куплетъ оканчивался стихами:

Славься сущѣ Екатерина,
Славься пѣжная къ намъ Мать!

Мнѣ пришлось танцевать очень не подалеку отъ императрицы и я вдоволь на нее наглядѣлась. Когда приходилось кланяться во время мимовета то всѣ обращались лицомъ къ императрицѣ и кланялись ей; а танцующіе стояли такъ чтобы не обращаться къ ней слишкомъ. Блестящій былъ праздникъ.

Прежде и послѣ того случалось мнѣ видѣть издали и на лицахъ государыню, но такъ близко никогда.

Въ то время главнокомандующимъ Москвы былъ Петръ Імѣтріевичъ Ермокинъ, хорошій батюшкинъ знакомый; онъ давалъ для государыни праздники у себя въ домѣ, но батюшка и самъ не былъ и насъ не отпустилъ на балъ: „Много и безъ насъ тамъ будетъ и познатеѣе и поважитеѣе“. А ужь куда какъ хотѣлось ѣхать! Не-пришлось. Отчего батюшка не заблагоразсудилъ мы объ этомъ какъ-то и не разсуждали: не угодно ему, вотъ и вся причина.

Ноября 11го родилась Анночка, тутъ ужь мнѣ было сагой до себя и какія были новости—я не слыхала, а мнѣ не говорили.

Когда прошло еще нѣсколько дней и стали ко мнѣ приважать съ поздравленіями, вотъ мнѣ и стали сказывать какія вѣсти изъ Петербурга о милостяхъ новаго государя.

Всѣ Гатчинскіе (т.-е. приверженцы малаго двора, потому что великій князь Павелъ Петровичъ жилъ больше въ Гатчинѣ) подавали головы: при императрицѣ большой дворецъ не очень къ нимъ хорошо относился.

Тогда мнѣ сказывали что на третій день послѣ кончины императрицы государь пожаловалъ Андрея Первозваннаго Архарову,—деверю Екатерины Александровны, Николаю Петровичу, который въ ту пору былъ новгородскимъ губернаторомъ; сказывали также, и это для всѣхъ было недыханною новостію, что государь самъ возложилъ этотъ орденъ на митрополита петербургскаго Гавріила: до тѣхъ поръ духовенству не давали орденовъ, а награждали только камиганами да крестами или жаловали одежды, какія-нибудь корогія.

Архаровы тогда были въ деревнѣ, за Тамбовомъ: почему-то Иванъ Петровичъ въ послѣдніе годы императрицы былъ въ немилости. Вскорѣ онъ возвратился и былъ тоже пожалованъ звѣздой, Анненскою или Александровскою—этого я ужь не упоминаю, Многие изъ тѣхъ которые были удалены на

жительство по деревнямъ получили дозволеніе выѣзда и свободнаго жительства въ столицахъ. Между прочими и одинъ хорошій знакомый батюшки и сосѣдъ по калужскому имѣнію — Василій Алексѣевичъ Каръ или какъ его всегда называли Каровъ.

Онъ служилъ въ военной службѣ генераломъ и былъ виднѣно у императрицы на очень хорошемъ счету, потому что когда сталъ разгораться бунтъ Пугачева, государыня своею рукой писала къ нему чтобъ онъ отправился противъ возмутителя. Онъ послѣдовалъ исполнить повелѣніе, отправился; потомъ вдругъ слухъ разнесся что Каръ вернулся въ свое имѣніе: какъ такъ? Дошелъ этотъ слухъ и до батюшки: „Что за вздоръ, можетъ ли это быть“? Не повѣрилъ. Потомъ слухъ оправдался: говорили что почему-то онъ вдругъ передалъ свою команду другому, а самъ безъ спроса уѣхалъ. Всѣ его очень осуждали и долгое время многіе боялись къ нему ѣздить. Батюшка однако у него бывалъ: „Что мнѣ за дѣло что онъ подъ опалой: я ѣзжу къ своему знакомому, а ежели онъ неисправенъ по службѣ, такъ суди его законъ, а не я“.

Онъ и жилъ у себя въ деревнѣ, занимался хозяйствомъ и былъ очень хорошій хозяинъ и охотникъ строить: онъ свою усадьбу отстроилъ на славу. Онъ былъ богатъ, жилъ въ большомъ довольствѣ и никогда и не намекалъ что былъ отставленъ отъ службы.

Когда императрица скончалась, его вскорѣ послѣ того потребовали въ Петербургъ; думали: „Ну, вотъ теперь бѣда,“ ни чуть, дѣло его пересмотрѣли и разрѣшили ему жить свободно гдѣ онъ пожелаетъ. Онъ былъ очень любезный и милый человекъ и мы у него не разъ бывали въ гостяхъ, когда онъ сталъ жить въ Калугѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Хованской, Марѣ Сергѣевнѣ; у нихъ было два сына и дочери: одна изъ нихъ была за Бѣлкинымъ, другая за Хрущовымъ. Самъ Каръ былъ старше батюшки; онъ имѣлъ еще брата и сестру, которая была за Голицынымъ и я ее знавала. Каръ умеръ первый, когда именно не знаю, но въ то время какъ сестра Варвара Петровна выходила за Комарова * замужъ онъ былъ еще живъ и мы

* Иванъ Евсеевичъ Комаровъ статскій совѣтникъ, калужскій вице-губернаторъ; женился въ 1805 году, умеръ въ 1823 году.

у него были въ гостяхъ и обѣдали. Жена его, овдовѣвъ, пошла въ монастырь, что въ Калугѣ, и тамъ умерла послѣ первой холеры въ тридцатыхъ годахъ.

Немного попрежде по времени, но тоже въ этомъ году, женился нашъ родня князь Борисъ Ивановичъ Мещерскій, (сынъ князя Ивана Никаноровича) матушкинъ троюродный братъ. Онъ взялъ за себя Тютчеву Авдотью Николаевну. Эти Тютчевы—Смоленскіе: мать Авдотьи Николаевны была Памятина; знаю это по насамышнѣ, но сама ее не знавала. Было вѣсколько братьевъ и изъ нихъ я видала Ивана Николаевича и знала сестру княгини Надежду Николаевну Шереметеву, а другихъ двухъ сестеръ: Надаржинокую и Безобразову, не помню даже видала ли я когда-нибудь.

Съ Шереметевымъ была очень дружна двоюродная сестра моего мужа А. П. Неклюдова и у нея-то я съ нею и встрѣчалась особенно часто.

Мещерская была моложе меня лѣтъ на пять или на шесть, она была замужемъ менѣе трехъ мѣсяцевъ: ея мужъ простудился и умеръ отъ горячки, оставивъ овою жему беременною. Тутъ попалъ у нихъ въ семьѣ большія несправности: ишгнѣе послѣ Бориса Ивановича было изрядное, такъ братьямъ-то его и хотѣлось оттягать его, а княгиня была беременна, обобрать ее было нельзя; придумали разный вздоръ, клеветали на бѣдную, однако Господь сохранилъ ее и она своевременно родила дочь, Настасью, и тѣмъ былъ положенъ конецъ всѣмъ домогательствамъ ея деверьевъ. Въ послѣдствіи я съ княгинею очень сошлась и подружилась и до самой ея кончины въ 1837 году мы съ нею были въ самыхъ родственныхъ отношеніяхъ и мои дочери съ ея дочерью были очень дружны. Въ 1812 году когда все изъ Москвы бѣжало отъ Француза, и Мещерская уѣзжала въ Моршанскъ и гостила у насъ въ Тамбовской деревнѣ. Объ этомъ разкажу въ другое время.

Новый годъ 1797 мы встрѣтили съ мужемъ и съ дѣтми въ Москвѣ безъ батюшки и безъ сестеръ, которые въ то время были въ деревнѣ: до ноября они прожили въ Бобровѣ, а потомъ перѣехали въ Покровское. Нашъ домъ у Неопаляимой Кулишиной становился старъ и ветхъ, мы его не хотѣли перестраивать, а продать; батюшка и предлагали намъ переехать въ его домъ, гдѣ было теплѣе а я сама была въ такомъ положеніи что мнѣ нужно было беречь

себя, а главное—Петруша все кашлялъ и хрипѣлъ, и я очень за него оласалась. Сестры мнѣ писали чтобы я не тревожилась на его счетъ и давала бы ему по одной гарлемской кашлѣ. Меня Господь привелъ Анявочку родить благополучно и послѣ того оправиться, а мальчику моему не суждено было жить: онъ скончался 12го февраля 1797 года. Отпѣвали его въ приходѣ у Неопалимой Кулины, а скоронили въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Съ первыхъ чиселъ марта мѣсяца стали съѣзжаться въ Москву, къ коронаціи прибыла гвардія и офицеровъ, и солдаты разставляли по домамъ. Въ нашъ домъ былъ назначенъ молодой офицеръ, Николай Ивановичъ Свѣшниковъ; очень молоденькій и почти мальчикъ, прекраснаго поведения и стыдливый, и робкій какъ дѣвушка. Онъ очень къ намъ привыкъ и съ тѣхъ поръ, хотя и прошло много дѣсятковъ лѣтъ, всегда насъ помнилъ и когда бывалъ въ Москвѣ насъ посѣщалъ. Онъ былъ потомъ гдѣ-то уѣзднымъ предводителемъ и, будучи отставленъ съ полнымъ мундиромъ александровскаго времени, до конца жизни ходилъ въ этомъ стородавнемъ мундирѣ.

Марта 10го прибылъ государь съ государыней со всѣмъ семействомъ и со всѣмъ дворомъ. Начали разъѣзжать по городу герольды и объявлять о днѣ коронаціи. Государь въ Москву не въѣхалъ, а остановился въ новомъ Петровскомъ дворцѣ, который отстроила покойная императрица, и туда собрались всѣ городскія власти и митрополитъ Платонъ бывшій законоучителемъ еще великаго князя и говорилъ ему вострыную рѣчь. Въ вербное воскресенье былъ торжественный въѣздъ государя въ Москву: онъ и старшіе великіе князья ѣхали верхами, а государыня со своими невѣтками въ восмистекальной золотой каретѣ.

Императрица была очень моложавая, хотя ей и было безъ малого сорокъ лѣтъ, и пріятной наружности; не старшая съ невѣтка, жена Александра Павловича, была красоты аполлоновой, совершенно ангельское лицо. Императрица улыбалась и кланялась всѣмъ направо и налево. Когда она вышла изъ часовни Иверской чтобы сѣсть въ карету, она остановилась на площадкѣ: смотрѣла направо и налево, милостиво кланялась и простояла минуты съ двѣ, какъ будто давала время на дню наглядѣться. Вотъ тутъ-то я и посмотрѣлась на старшую великую княгиню—обворожительное лицо.

Побывавъ въ Кремль и приложась къ мощамъ въ соборахъ, торжественный поѣздъ отправился обратно по Никольской къ Краснымъ воротамъ. Тутъ у запаснаго дворца была встрѣча и потомъ опять поѣхали въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ вся царская семья и пребывала до великой субботы.

Самшу, говорятъ въ этотъ день въ будуть въ Чудовѣ у обѣдни причащаться. Много было въ церкви, однако провели насъ и я опять могла всёхъ видѣть очень близко и хорошо. Но самъ государь и государыня были, но не общались, въ ожиданіи сѣдующаго дня Пасхи и дня коронаванія.

Изъ Чудова государь прошелъ въ соборъ и тамъ все осматривалъ, но туда изъ постороннихъ никого не пускали и мы, дождавшись чтобы государь оттуда вышелъ, тоже ходили и все видѣли.

Гдѣ былъ государь у утрени—я не знаю, только кажется въ Успенскій соборъ никого не пускали. Мы были у утрени и у обѣдни у себя и, разговѣвшись дома, вскорѣ отправились въ Кремль на мѣста: утро было тихое, ясное, теплое, совершенно лѣтнее. Народу было уже много... Часомъ въ 7 раздался сигнальный выстрѣлъ, потомъ благовѣстъ, и вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ выходъ съ Краснаго крыльца: подъ баадахиномъ мимо нашихъ мѣстъ довольно близко прошла государь и государыня вдвоемъ къ горнымъ дверямъ Успенскаго собора и имъ была тутъ архіерейская встрѣча. Государь былъ въ мундирѣ, государыня въ ларчевомъ платьѣ. И звонъ прекратился; потомъ болѣе помучаса слытъ опять выстрѣлъ, пушечная пальба, колокольный звонъ, барабанный бой, военная музыка: всё перекрестилось и три раза раздалось въ народѣ ура! Когда пушечная пальба кончилась, стали благовѣститъ къ обѣднѣ и трезвонить; трезвонили еще къ Евангелію, потомъ опять пальба, трезвонъ и выходъ въ соборы и по Красному Крыльцу возвращеніе во дворецъ. Государь былъ въ царскомъ дайматикѣ, поверхъ царская мантия, и во всю недѣлю были царскіе выходы въ соборы во всемъ царскомъ одѣяніи.

Въ день своей коронаціи императоръ осыпалъ щедрыми и великими милостями своихъ приверженцевъ: нѣкоторымъ по двѣ, по три награды были. Кому 6.000 душъ и Андрея, кому 3.000, 4.000 и 5.000 душъ. Всего было роздано въ этотъ

день до 90 тысячъ душъ; такихъ щедротъ никогда не было не бывало.

Для народа былъ обѣдъ: начиная отъ Никольскихъ воротъ по всей Лубянской площади были разставлены столы и рундуки съ жареными быками; фонтанами било красное и бѣлое виноградное вино, и столы шли по Мясницкой до Красныхъ воротъ. Для государя каждый день были въ избу въ вечеръ праздники или при дворѣ балы; и продолжалось недѣли съ дѣть. Потомъ государь со всѣмъ семействомъ былъ въ Троицкой Лаврѣ и кушалъ въ Вѣнѣ у митрополита. Въ Премословеніе былъ въ Кремлѣ большой парадъ, и тутъ государь олять былъ въ царскомъ мундирѣ и въ золотомъ дайматикѣ, и въ его присутствіи иподполковникъ благословлялъ военныя знамена и окропалъ войско святою водою, а онъ въ этомъ уборѣ командовалъ войсками. Первые дни послѣ коронованія, — кажется мѣсяца два, — была иллюминація во всемъ городѣ: катаніе въ экипажахъ по улицамъ; на площадяхъ для народа качели и разныя забавы.

Такой веселой и шумной Свѣтой Недѣли я и не запомню. Эта коронація была первая и послѣдняя, которую мы имѣли въ Тамбовскую деревню; въ третью коронацію, Николая I, я была въ Москвѣ какъ и въ четвертую, но на той другой не видѣла и только слышала о нихъ разказы. Пришлось мнѣ жить во время пяти царствованій: Елизаветы, Павла, Александра I, Николая и Александра II. Я прабабушкѣ, при дѣдѣ, отцѣ и правнукѣ...

Не помню въ какое-то время былъ при дворѣ большой маскарадъ и гулянье во дворцовомъ саду въ Лефортовѣ. Это мая большее гулянье въ Сокольникахъ. Потомъ мы уѣхали изъ Москвы, а мы жѣли въ деревню.

Много ожидали отъ царствованія императора Павла: думали что вотъ настало время благоденствія для Россіи.

ТЕНЬ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Les origines de la France contemporaine, par H. Taine. Tome II: La Révolution.

Читатели *Русскаго Вѣстника* уже знакомы съ содержаніемъ перваго тома замѣчательной книги г. Тена, въ которомъ изобразилъ онъ состояніе французскаго общества наканунѣ переворота, достигшаго это общество въ концѣ прошлаго вѣка. Талантъ автора обнаружился здѣсь въ полномъ блескѣ: изысканный развратъ высшихъ классовъ, нищета и грубое невѣжество народа, безсиліе власти, вліяніе на умы новыхъ радикальныхъ ученій, все это написано такими яркими красками что оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе. По мнѣнію многихъ, авторъ не сказалъ ничего особенно оригинальнаго, но и никто не думаетъ отрицать вѣрность нарисованной имъ картины. Книга его встрѣчена была вообще съ большимъ сочувствіемъ. Но на сочувствіе, по крайней мѣрѣ во Франціи, едва ли можетъ разсчитывать только-что появившійся второй ея томъ. Даже люди умѣреннаго образа мыслей нѣсколько смущены содержаніемъ его, и нѣтъ ничего удивительнаго если, какъ замѣчаетъ г. Моно, одинъ изъ редакторовъ *Revue historique*, „огромное большинство французской публики причислитъ этотъ плодъ серіознаго и глубокаго изученія къ разряду реакціонныхъ ламфлетовъ“.

Чѣмъ же навлекъ г. Тень это негодование? Что высказалъ онъ такого что идетъ въ разрѣзъ съ установившимися взглядами? Не трудно отвечать на подобные вопросы. Во Франціи укоренилось убѣжденіе что какими бы ушами ни была запятана французская революція, все-таки это событіе должно считаться величайшимъ и благотворительнымъ въ исторіи человечества. Не говоримъ уже о радикальной партіи, — она все одинаково одобряетъ въ немъ и готова преклоняться предъ самыми мрачными героями Конвента, — но даже для людей по своему образу мыслей нисколько не принадлежащихъ къ этой партіи революція знаменуетъ собою главную эпоху перерожденія французскаго общества на новыхъ началахъ. Извѣстно что такъ называемые принципы 1789 года сдѣлались для Французовъ основнымъ политическимъ догматомъ. И не одни только эти принципы, но вообще вся дѣятельность Учредительнаго Собранія, провозгласившаго ихъ, служить для представителей французскаго либерализма предметомъ національной гордости. Они сроднились съ мыслью что въ 1789 году Франція отдала свои судьбы въ руки законодателей, которые, обладая высокою политическою мудростью и просвѣщеннымъ патриотизмомъ, исполнили достойнымъ образомъ свою задачу, и что не ихъ слѣдуетъ винить если воздвигнутое ими зданіе рушилось подъ напоромъ разуданныхъ демократическихъ страстей. Все-таки, — привычки мы слышать до сихъ поръ, — зданіе это останется навсегда славнымъ памятникомъ въ исторіи, и какъ нельзя болѣе понятно что посѣдующія поколѣнія, вплоть до настоящей минуты, не переставали и не перестаютъ обращать на него свои взоры. Вотъ, противъ этого-то убѣжденія или вѣраго оказывать предразсудка даже лучшей части французскаго общества и имѣлъ мужество возстать г. Тень. Пожалуй, и на этотъ разъ можно замѣтить что взглядъ его не поражаетъ оригинальностью. То что кажется новымъ для Французовъ, давно уже утратило характеръ новизны для другихъ историковъ приступавшихъ къ изученію французской революціи безъ предвзятыхъ теорій. Въ доказательство можно было бы сослаться на извѣстное сочиненіе Зибеля *Geschichte der Revolutionszeit* о которомъ еще недавно читали мы въ *Revue politique et litteraire*, отзывъ такого осторожнаго и здравомыслящаго писателя

какъ г. Рамбо, что это не болѣе какъ памфлетъ направленный противъ величія и славы французскаго народа. Уже Зибель доказалъ что начало революціи было вполнѣ достойно ея конца, что дикая анархія окватила всю страну не съ той только поры какъ рушилась королевская власть, а гораздо прежде, въ то время когда Учредительное Собраніе лишь приступало къ своей дѣятельности, что новые законодатели Франціи и провозглашенными ими принципами, и приватными ими мѣрами, содѣйствовали разложенію всѣхъ основъ на которыхъ зиждется общественный строй, что революція ни въ какой періодъ своего развитія не переставала быть болѣзненнымъ явленіемъ—болѣзненнымъ потому что народъ, прибѣгнувшій къ ней какъ къ послѣднему средству, былъ уже зараженъ страшнымъ недугомъ. Такого же взгляда держится и г. Тенз. „Страшная болѣзнь, говоритъ онъ, встрѣчается обыкновенно въ бѣднѣйшихъ изъ городскихъ кварталовъ. Рабочій, подавляемый непосильнымъ трудомъ и нищетой, лишенный хорошей пищи, начинаетъ пить; съ каждымъ днемъ онъ пьетъ все больше; по простествію нѣсколькихъ лѣтъ первая его система, уже ослабленная голодомъ, доходитъ до послѣдней степени возбужденія. Наступаетъ наконецъ минута когда пораженный мозгъ перестаетъ управлять организмомъ; онъ приказываетъ и не встрѣчаетъ повиновенія; каждый изъ членовъ, каждая артерія, каждый мускулъ, дѣйствуя независимо одинъ отъ другаго, предаются безпорядочнымъ конвульсивнымъ движеніямъ. А между тѣмъ человѣкъ веселъ; онъ воображаетъ себя милліонеромъ, царемъ, убѣжденъ что всѣ его любятъ и всѣ удивляются ему; онъ не сознаетъ зла которое причиняетъ себѣ, не понимаетъ обращенныхъ къ нему совѣтовъ, не хочетъ принимать лѣкарствъ, поетъ и кричитъ по цѣлымъ днямъ, а главное—пьянствуетъ болѣе чѣмъ когда-нибудь. Мало-по-малу физіономія его омрачается, глаза наливаются кровью; веселая видѣнія уступаютъ мѣсто чудовищнымъ и мрачнымъ призракамъ; онъ видитъ вокругъ себя только угрожающія лица, злодѣевъ спрятавшихся куда-то чтобы напасть на него враслохъ, убійцъ уже заносащихъ надъ нимъ свою руку, лапачей приготовляющихъ орудія казни, ему кажется что онъ ходитъ по косямъ въ крови. Тогда онъ бросается на другихъ и принимается убивать чтобы не быть самому убитымъ.

Нѣтъ существа болѣе страшнаго, ибо имъ руководитъ бредъ; физическая его сила необычайна, всѣ движенія не ожиданны, и онъ можетъ, ничего не замѣчая, выносить такія лишенія и такія раны отъ которыхъ погибъ бы здоровый человѣкъ.“ Съ недугомъ, симптомы коего описаны здѣсь, сравниваетъ г. Тень недугъ охватившій Францію въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ немъ также обнаруживались два періода—періодъ веселаго и періодъ мрачнаго иступленія. Первый изъ нихъ продолжался до паденія королевской власти, и если Франція оболящала себя мыслью что она выступила наконецъ на путь который приведетъ ее къ блаженству, то это былъ съ ея стороны лишь горячечный бредъ, и чтобы убѣдиться въ этомъ нужно присмотрѣться со вниманіемъ къ тому что дѣйствительно происходило въ ея средѣ. Въ ночь съ 14го на 15 іюля 1789 года герцогъ Ларошфуко-Ліанкуръ разбудилъ Людовика XVI и объявилъ ему о взятіи Бастиліи. „Это, стало-быть, бунтъ?“ воскликнулъ король.—„Нѣтъ, это революція,“ отвѣчалъ ему герцогъ. „Ни то ни другое несправедливо, замѣчаетъ г. Тень: Франція переживала не революцію и не бунтъ, для нея началось разложеніе всѣхъ основъ на которыхъ зиждется общественный строй,—она стояла въ преддверіи такого порядка вещей подобіе коему нужно было искать развѣ на островѣ Отаити.“ Таковъ взглядъ автора. Онъ сознаетъ какъ нельзя лучше что недостаточно высказать какую-нибудь мысль, слѣдуетъ еще доказать ее, и вся книга, изданная имъ теперь, посвящена этимъ доказательствамъ. Онъ явился предъ читателями съ массою фактовъ, но большей части еще неизданныхъ. „Я заимствовалъ ихъ, говоритъ авторъ, изъ національных архивовъ, изъ рукописной корреспонденціи министровъ, интендантовъ, членовъ судебного сословія и другихъ должностныхъ лицъ, изъ корреспонденціи военныхъ начальниковъ, армейскихъ офицеровъ и офицеровъ жандармеріи, комиссаровъ Учредительнаго Собранія и короля, а также частныхъ лицъ, обращавшихся къ королю, собранію и министрамъ. Каждый изъ нихъ говоритъ за себя, они не знали другъ друга и не могли условиться между собою. Никто изъ нихъ не ищетъ литературнаго эффекта и вѣроятно даже не помышляетъ что писаніе его будетъ когда-нибудь обнародовано. Я старался по возможности приводить подлинныя слова этихъ

лицъ. Такимъ образомъ читатель, имѣя предъ собою самый текстъ, можетъ истолковывать его по своему и выработать себѣ самостоятельное сужденіе; предъ нимъ тѣ же документы которыми пользовался и я самъ; ничто не мѣшаетъ ему сдѣлать придти къ противоположнымъ выводамъ.“
 Вѣрна ли картина начертанная г. Теномъ? Вѣрность ея не подлежитъ, кажется, ни малѣйшему сомнѣнію. Не съ этой стороны впрочемъ и обращены нападки противъ автора. „Конечно,—такъ разсуждаетъ г. Моно, о которомъ мы упомянули выше,—изображеніе сдѣланное г. Теномъ не грѣшитъ противъ истины; онъ не прибѣгаетъ ко фразамъ, а даетъ факты; онъ собралъ множество оригинальныхъ и еще не обнародованныхъ документовъ, изслѣдовалъ событія до мельчайшихъ подробностей, и событія эти выступаютъ подъ его перомъ съ ужасающею рельефностью. Все это такъ, но достигъ ли онъ своей цѣли? Представилъ ли онъ намъ философію революціи, объяснилъ ли ея результаты и тотъ луть которымъ создавалась современная Франція? По мнѣнію его революція была не что иное какъ припадокъ бѣшенства; но если такъ, гдѣ же искать разгадку того энтузіазма который она внушала даже своимъ жертвамъ, и вліяніе обнаруживаемое ею на европейскія государства?“ Вопросы такого рода теперь неумѣстны уже потому что г. Темъ еще далеко не кончилъ своего труда; мы еще не имѣемъ общей оцѣнки описываемыхъ имъ явленій; онъ старается пока уловить характеръ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, и если проливаетъ на нихъ настоящій свѣтъ, то уже въ этомъ нельзя не признать большую съ его стороны заслугу.

Появившаяся нынѣ книга г. Тена раздѣлена на три части. Сперва въ отдѣлѣ озаглавленномъ *Anarchie spontanée* изображаетъ авторъ броженіе охватившее всю Францію въ самомъ началѣ революціоннаго періода; затѣмъ (*Assemblée Constituante et son oeuvre*) разсматриваетъ дѣятельность Учредительнаго Собранія, принципы выставленные имъ и мѣры къ которымъ оно прибѣгло въ виду народнаго движенія; послѣдняя глава (*La constitution appliquée*) посвящена вопросу: каковы были плоды политическаго и гражданскаго устройства, начертаннаго этимъ собраніемъ для страны, и какъ оно примѣнялось на дѣлѣ. Въ три части отдѣланы съ одинаковымъ искусствомъ и содержатъ массу поучительнаго.

I.

Зима 1788 и 1789 годовъ была тяжкою зимой для Франціи, такъ начинается авторъ свой разказъ. Термометръ опустился до 19° ниже нуля; Сена замерзла на протяжении Парижа до Гавра; въ Провансѣ, Лангедокѣ, Севеннахъ погибло огромное количество оливковыхъ и каштановыхъ деревьевъ; голодъ господствовалъ повсюду, несмотря на то что частная благотворительность усугубляла свои усилія чтобы помочь ему, а правительство затратило болѣе 40 милліоновъ франковъ на пособіе бѣднымъ. Наступило лѣто, но не принесло съ собою облегченія. „Вплоть до 14го іюля (день взятія Бастиліи), говоритъ одинъ современникъ, голодъ постоянно усиливался. Булочки съ утра до ночи были окружены толпою, которой раздавали хлѣбъ самыми значительными порціями. Хлѣбъ этотъ былъ черенъ, перемѣшанъ съ пескомъ, горекъ и причинялъ желудочныя боли. Онъ отзывается иногда весьма дурнымъ запахомъ и былъ такъ черствъ что приходилось рубить его топоромъ. А между тѣмъ, чтобы добыться куска этого хлѣба, негоднаго даже для собакъ, несчастные вынуждены были по цѣлымъ часамъ стоять на улицѣ.“ Г. Тень, въ первомъ томѣ своей книги, достаточно рельефно изобразилъ бѣдствія отъ которыхъ страдалъ народъ; понятно слѣдовательно что испытывалъ онъ въ эти тяжкіе мѣсяцы, когда обычная нищета увеличилась до невообразимыхъ размѣровъ вследствие исключительныхъ обстоятельствъ. Положеніе дѣла становилось тѣмъ ужаснѣе что народъ былъ уже не такимъ какъ прежде. Къ двумъ провинціальнымъ собраніямъ, учрежденнымъ Неккеромъ въ 1778 и 1779 годахъ, присоединилъ Ломени де-Бриенъ въ 1787 году еще девятнадцать; одновременно съ ними возникли собранія для округовъ, а затѣмъ для приходо- и такимъ образомъ вся административная машина подверглась коренному преобразованію. Важнѣйшія дѣла, начиная съ раскладки и сбора податей, стали сосредоточиваться въ этихъ новыхъ собраніяхъ; простые крестьяне, фермеры заступаютъ въ нихъ наряду съ прелатами и богатыми землевладѣльцами. „Они прислушиваются и запоминаютъ, говоритъ авторъ, какую огромную цифру податей и разнаго рода

вностей приходится имъ выплачивать; въ воскресные по окончаніи обѣдни, или даже въ будни деревен-прокуроръ бесѣдуетъ съ ними на эту тему. Подоб-сборища не только не запрещены, но власти нароч-ызыываютъ ихъ. Въ 1788 году, провинціальныя собранія чили синдикатъ, при содѣйствіи обывателей, въ каждомъ одѣ произвести дознаніе какаѣ часть ихъ доходовъ въ на уплату податей, какія тягости несутъ на себѣ сѣлаецъ, сколько привилегированныхъ лицъ живетъ въ одѣ, какъ велико ихъ состояніе, отъ какихъ повинно-они изъяты; прокуроръ, заведующій собраніемъ по-ихъ справокъ, называетъ по имени каждое изъ этихъ критикуетъ его образъ жизни, оцѣниваетъ его дохо-азчитываетъ сколько вреда причиняетъ онъ деревнѣ ги льготами... По выходѣ изъ подобнаго засѣданія являющъ долго размышляетъ о томъ что онъ слышалъ...⁶ругъ правительство среди этого настроенія умовъ за-ить о намѣреніи своемъ прибѣгнуть къ радикальнымъ мѣ чтобы исцѣлить удручавшее всѣхъ зло. Съ ноября года, то-есть съ того времени какъ король выразилъ го-ость созвать генеральныя чины (государственныя сосло-до 7 февраля 1789 года, когда сдѣлано было окончатель-аспоряженіе о выборахъ депутатовъ, неистовая агитація остражила по всей странѣ. Агитація эта коснулась и ихъ классовъ. Для нихъ вопросъ представлялся въ самой ой и грубой формѣ: если правительство остановилось на гъ-то не совсѣмъ для нихъ понятномъ, но чрезвычай-жномъ рѣшеніи, то очевидно оно должно было имѣть ду только одну цѣль—устранить разомъ тѣ бѣдствія оторыхъ страдалъ народъ. Очевидно, оно стремилось му чтобы хлѣбъ былъ въ изобиліи, чтобы землевла-ы не смѣли утаивать его у себя, чтобы они продава-о по дешевой цѣнѣ, чтобы былъ отмененъ акцизъ на и соль, чтобы не существовало на будущее время ни вныхъ, ни господскихъ, ни муниципальныхъ, ни ка-другихъ повинностей. Чего могло бы желать прави-тво какъ не именно этого? Отсюда недалеко было и угаго заключенія, если принять въ расчетъ что голодъ влялъ себя ощущать все сильнѣе и сильнѣе: реформы ны, онъ наступать въ самомъ скоромъ времени, а у не благоразумнѣе ли приняться за нихъ самимъ?

Какъ скоро правительство уже твердо рѣшилось помѣшать намъ, неужели мы обязаны сидѣть сложа руки?..

Подъ вліяніемъ этой мысли, неотступно овладѣвшей родомъ, тотчасъ же и повсюду начинаются мятежи. И те же, говоритъ г. Тенъ, вспыхивали и при Людовикѣ XII и при Людовикѣ XV, но они были сурово подавлены и принадлежали лишь къ частнымъ и преходящимъ явленіямъ. Главныхъ виновныхъ вѣшали, другихъ посылали на каторгу, и крестьянъ, рабочихъ, убѣдившись въ своей бѣдѣ, покорно возвращались къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Если стѣна слишкомъ высока, то никто и не попытывается перелѣзть черезъ нее. Но вотъ стѣна дала трещину, и кто только обязанъ былъ ее оберегать—духовенство, дворянство, среднее сословіе, литераторы, политики, даже и правительство—устраиваютъ въ ней широкій проломъ. И подавленные судьбою бросаются въ него сперва кучки, затѣмъ толпой, и мятежъ становится всеобщимъ. "Переломъ съ самаго начала принимаетъ социальный характеръ. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ Бастиліи, было во Франціи болѣе трехсотъ мятежей, и эти мятежи были направлены исключительно противъ собственности. У народа тотчасъ же являются предводители, контрабандисты, всякіе праздноватающіеся, нищіе, преступники, высидѣвшіе срокъ тюремнаго заключенія; подъ предводительствомъ оныхъ ищутъ повсюду склады хлѣба, хватаютъ ихъ и дѣлятъ между собою, вымогаютъ деньги у помѣщиковъ и монастырей, требуютъ чтобы хлѣбъ давали по самой дешевой цѣнѣ, и горе тѣмъ кто пытался укротить эти необузданные порывы! Никакія увѣщанія, совѣты не дѣйствуютъ; толпу, какъ мѣтко выражается г. Тенъ, можно было сравнить въ эту минуту съ быкомъ, который съ налитыми кровью глазами становится поперѣ дороги и грозитъ рогами всякому кто хочетъ подойти къ нему. Въ книгѣ г. Тена приведена масса выдержекъ изъ разныхъ официальныхъ докесеній, неизмѣнно повторяющихъ одно и то же: „Народъ забралъ себѣ въ голову будто бы онъ хочетъ чтобы все было поровну, будто бы отъ него не должно быть ни епископовъ, ни помѣщиковъ и ни какихъ-либо общественныхъ различій“; „народъ твердитъ одинъ голосъ что онъ не намѣренъ платить ни податей, ни налоговъ, ни десятины, ни даже частныхъ долговъ

женія такого рода встрѣчаются не сотнями, а тысячами. о время какъ среднее сословіе препиралось съ духовнымъ и дворянствомъ о своихъ правахъ, а передовые измышляли различные проекты конституціи, вся Франція уже объята страшнымъ пожаромъ.

Болытво среди всего этого твердое убѣжденіе народа имѣлъ законное право поступать такъ какъ укажетъ, что правительство было на его сторонѣ и могло лишь довольно самовольною его расправой съ припровааннымъ или вообще зажиточнымъ классомъ обще-

Нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ; ибо какъ только начались безпорядки, всѣ мѣстныя власти, консулы, синдики, члены городскихъ муниципалитетовъ, отступая второй планъ. Они не смѣютъ возвысить голосомъ образомъ потому что не надѣются встрѣтить ни поддержки сверху. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ господствовало необычайно благодушное навіе; тамъ казалось совершенно неумѣстнымъ въ торжественную минуту, знаменовавшую собою перерожденіе націи, прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ даже противъ та- дѣйствій какъ грабежъ, насилія и поджоги. Либераль- не допускалъ ничего подобнаго. Всякія, околько-ни- энергическія распоряженія, принимаемыя на мѣстѣ, обуздаты неистовства толпы, были отмѣняемы изъ жа. Въ Провансѣ парламентъ привлечъ къ судебному ствію виновниковъ мятежа, но правительство даровало амнистію; въ Обани (Aubagne) злоумышленники по- ны были въ тюрьму,—пришло приказаніе вылуотить въ Марсели жандармерія была выгнана изъ города, и ей мѣлаи возвращаться туда чтобы не раздражать стра-

„Кротость короля, военныхъ начальниковъ по истинѣ ительна, говоритъ авторъ; они только и твердятъ что изъ—ребенокъ который если провинится, то по заблуж- , что нужно полагаться на его раскаяніе и какъ скоро иется онъ, принимать его съ отверстыми объятіями. Въ юсти же это былъ не ребенокъ, а слѣпой колоссъ, до- ный до отчаянія нищетою; вотъ почему онъ разру- все что попадалось ему подъ руку....“

къ было въ провинціяхъ, но столица представляла еще е страшное зрѣище. Не слѣдуетъ забывать что по ви 1786 года оказалось тамъ болѣе 200.000 человекъ,

изъ коихъ каждый зарабатывалъ среднимъ числомъ не болѣе 50 акю въ годъ, что число лицъ не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій и влачившихъ кое-какъ со дня на день свое существованіе простиралось до 120.000, что еще до революціи правительство вынуждено было устроить въ родѣ національныхъ мастерскихъ съ цѣлю прокармливать этотъ голодный людъ. То была страшная сила, непревыкшая дорожить ничѣмъ и ждавшая только случая обружить свои противообщественныя тенденціи. Если въ провинціяхъ, какъ замѣчаетъ г. Тенъ, образъ жизни низшихъ классовъ въ первые мѣсяцы 1789 года имѣлъ много сходнаго съ жизнью номадовъ захватывавшихъ себя собственностью, полагаясь только на свою отвагу и грубую силу, то Парижъ и въ этомъ отношеніи не замедлилъ вскорѣ занять первое мѣсто. „Давно уже, говоритъ авторъ, новая записка начинаетъ проникать въ невѣжественную дикую массу, новыя идеи распространяются въ ея средѣ. Сперва эти идеи овладѣли высшими классами общества, аристократіею, членами судебнаго сословія, образованною частью сословія средняго, литераторами, педагогами, всею молодежью, а затѣмъ мало-по-малу, тысячами различныхъ путей, распространяются онѣ и между людьми въ лотѣ лица зарабатывающими хлѣбъ. Важные господа, занимаясь утрома тѣмъ, осмѣивали христіанскую религію и предъ своими актами, парикмахерами и содержателями модныхъ магазиновъ разглашествовали о правахъ человѣка; литераторы, адвокаты, прокуроры излагали въ еще болѣе рѣзкой формѣ тѣ же самыя теоріи въ кофейняхъ, ресторанахъ, на публичныхъ гуляньяхъ и во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ. Все это говорилося вслухъ предъ народомъ какъ будто его тутъ не было, и отъ всѣхъ этихъ діатрибъ, отъ всего этого краснорѣчія, остался сильный осадокъ въ умахъ простаго рабочаго, кабачника, торговки и солдата.“ Неккеръ писалъ въ февралѣ 1789 года что „наредѣ рѣшительно выбился изъ повиновенія и что нельзя разчитывать даже на войска“. Агитація поддерживалась сборищами и рѣчами которыя произносились на нихъ. Центромъ самаго опаснаго изъ этихъ сборищъ служилъ Пале-Рояль, клубъ подъ открытымъ небомъ, клубъ привлекавшій ежедневно съ утра до ночи огромныя толпы народа. Онъ представлялъ большія выгоды въ томъ отношеніи что въ силу привилегій приви-

лежавших фамиліи герцоговъ Орлеанскихъ, его хозяевъ, полиція не имѣла права проникать сюда. Здѣсь можно было сѣдовательно не стѣсняясь ничѣмъ говорить что угодно. Въ Пале-Ройяль стекалась публика какъ нельзя болѣе пригодная для подобнаго мѣста—обычные посѣтители игорныхъ домовъ, люди питавшіе отвращеніе къ труду, но жаждавшіе развлеченій, всякаго рода авантюристы, гуляки, не удавшіеся литераторы и адвокаты, студенты, рабочіе, которые не имѣли занятій убивали кое-какъ время глядя на окна магазиновъ. Ежедневно, сообщаетъ англійскій путешественникъ Артуръ Юнгъ, перебываетъ въ Пале-Ройяль не менѣе 10.000 человекъ. „Весь этотъ людъ сходится туда какъ бы въ театръ, съ необузданной жаждой сильныхъ ощущеній, легко поддается громкимъ фразамъ, схватываетъ на лету всякіе слухи, которые распространяются тамъ съ чудовищными преувеличеніями; повсюду только видишь и слышишь вопли, сцены, рукоприкладствія, топанье ногами, словно въ трагедіи“. Брошюры мерзайшаго содержанія, нарочно приукрашенныя ко вкусамъ этой публики, появлялись во множествѣ—„сегодня“, говоритъ Артуръ Юнгъ, „тринадцать, вчера шестнадцать, а въ теченіе всей прошлой недѣли девяносто двѣ“. Ораторы непрерывно обращаясь къ толпѣ съ рѣчами въ которыхъ доскалывали неистовства совершавшіяся во Франціи. Камилла Демуленъ еще до 14го іюля вполне безпрепятственно доказывалъ необходимость всеобщаго грабежа. „Врагъ попался теперь въ западню и нужно покончить съ нимъ, восклицалъ онъ; никогда еще такая обильная добыча не ожидала побѣдителей; сорокъ тысячъ дворцовъ и замковъ, двѣ пятны всего движимаго и недвижимаго имущества страны будутъ плодомъ вашей побѣды...“ Сборы Пале-Ройяля имѣли большой успѣхъ; они не прекращались и въ послѣдствіи, въ теченіе всего революціоннаго періода, и въ глазахъ революціонеровъ имѣли важное преимущество предъ законодательными палатами. „Здѣсь, говоритъ одинъ изъ нихъ, не нужно дожидаться очереди; каждый выступаетъ съ тѣмъ или другимъ предложеніемъ; если предложеніе нравится, оратору приказываютъ стать на стулъ, а если не нравится, его прогоняютъ со свистками. Такъ именно поступали древніе Римляне...“

Мы дѣлаемъ только общій очеркъ, а нужно обратиться къ книгѣ г. Тена чтобъ изъ фактовъ, въ обилии собранныхъ

имъ, но которыхъ привести здѣсь нѣтъ возможности, составить себѣ понятіе о томъ какъ дѣйствовала чернь подъ руководствомъ подстрекателей изъ Пале-Ройяла. Авторъ краснорѣчиво описываетъ цѣлый рядъ мятежей, стоявшихъ жизни Ревельёну, Фулону, Бертье, и самый страшный изъ нихъ сопровождавшійся взятіемъ Бастиліи. Этотъ мятежъ, разразившійся 13 и 14 іюля 1789 года, имѣетъ важное значеніе, ибо онъ знаменуетъ полное упраздненіе всякой власти и въ Парижѣ, и вообще во Франціи. Власть преклонилась въ эти дни предъ разъяренною толпою; никому и въ голову не пришло преслѣдовать виновниковъ совершенныхъ тогда убійствъ; напротивъ, со всѣхъ сторонъ только и слышатея похвалы „побѣдителямъ Бастиліи“ (*vainqueurs de la Bastille*), повсюду повторяли что они своимъ подвигомъ спасли Францію. „На всѣ лады“, говоритъ г. Тель, „славятъ народъ, его здравый смыслъ, великодушіе, обнаруженное имъ чувство справедливости; предъ новымъ владыкой повергаются въ прахъ, твердятъ и официально, и въ газетахъ, и въ національномъ собраніи что онъ обладаетъ всеми добродѣтелями, что въ немъ одномъ источникъ всякаго права, всякой власти. Если онъ и пролилъ кровь, то безъ намѣренія, будучи вынужденъ къ тому, обнаруживъ даже и тутъ непогрѣшимый инстинктъ. Политическіе люди предпочитаютъ вѣрить теоріямъ, вычитаннымъ ими въ книгахъ, чѣмъ тому что дѣйствительно происходило предъ ихъ глазами; они унорно держатся за идеалію которая возникла въ ихъ воображеніи; къ тому же они тѣшатъ себя мыслію что не далѣе какъ завтра, когда конституція будетъ наконецъ готова, народъ сдѣлается разсудителенъ и послушенъ; не будемъ же отвѣчать на бурю которая должна привести насъ въ безмятежную гавань....“ Въ ожиданіи этой счастливой минуты, судьбы государства совершенно преданы въ руки неистрой черни; и какъ было не ослѣпѣть ей, когда все работало преклонялось предъ нею? вмѣсто того чтобы дать ей почувствовать свою власть, министры старались укротить эту толпу униженіемъ и лестью. Когда въ городской ратушѣ (*Hôtel de ville*) мятежники хотѣли умертвить г. Базенвала, первымъ министръ обращался къ нимъ съ такими словами: „я преклоняюсь, я готовъ стать на колѣни предъ самымъ неизвѣстнымъ, самымъ незначительнымъ изъ парижскихъ гражданъ“, а нѣсколько дней спустя въ Сенъ-Жерменъ часамъ

національнаго собранія дѣйствительно, не на словахъ только, стояли среди улицы на козняхъ, стояли долго, обливаясь слезами и простирая руки къ толлѣ, которую они просили пощадить двухъ несчастныхъ; лишь одинъ изъ нихъ былъ спасенъ, а другой растерзанъ. Толпа распоряжалась не на площадяхъ только и на улицахъ, она усвоила привычку наводнять залу національнаго собранія, застранивать депутатовъ свистками и криками, очень часто врываться даже въ ихъ среду и наносить имъ личныя оскорбленія. „Хотя зала нашихъ засѣданій была въ сущности закрыта для публики“, говоритъ Бальи, „въ ней никогда не находилось менѣе шестисотъ зрителей“, которые считали себя въ ней полными господами. И тутъ они не встрѣчали ничего кромѣ угодовости и лести. Однажды Малуэ предложилъ приступить къ обсужденію какой-то важной мѣры при закрытыхъ дверяхъ; одинъ изъ депутатовъ отвѣчалъ ему при громкихъ рукоплесканіяхъ толпы: „не забывайте что мы находимся здѣсь въ присутствіи нашихъ повелителей (nos maîtres), предъ которыми должны отвѣчать за всѣ свои слова и дѣйствія“. Въ сущности, замѣчаетъ тотъ же Малуэ, собраніе не пользовалось ни малѣйшею свободой, а если не существовало свободы для него, если министры вынуждены были считаться съ чернью, а королевская фамилія въ Версалѣ ежедневно ожидала для себя всякихъ ужасовъ, то что сказать о другихъ властяхъ? Мы уже упоминали до какого ничтожества были онѣ доведены въ провинціяхъ въ самомъ началѣ революціоннаго броженія; теперь же, послѣ взятія Бастиліи, онѣ окончательно потеряли голову. „Интенданты, парламенты, военные начальники, чины судебнаго вѣдомства и полиціи, говоритъ г. Тенъ, имѣя предъ глазами убійства гг. Делоне, Фулона, Бертье, бѣгство изъ Франціи маршала Броля, очень хорошо знаютъ что такое значить относиться серіозно къ исполненію своихъ обязанностей, а еслибъ они и забыли объ этомъ, то безпрерывныя возстанія тотчасъ же напоминаютъ имъ о горькой дѣйствительности.“ Изъ Парижа получаютъ они инструкціи отнюдь не разчитанныя на то чтобы внушить имъ мужество. „Старайтесь, лишутъ имъ, какъ можно менѣе пользоваться вѣрною вамъ властью, заставьте народъ видѣть въ васъ своихъ друзей, придерживайтесь въ отношеніяхъ съ нимъ

той кротости которую нужно оказывать равнымъ себѣ, и повѣрьте что народъ оцѣнитъ этотъ образъ дѣйствій.“ Правительство искало опоры не столько въ назначаемыхъ имъ самимъ агентахъ сколько въ представителяхъ мѣстныхъ муниципалитетовъ,—плохая опора! Лица эти были выборными, а любимая теорія того времени гласила что выборный долженъ быть работою и слѣпымъ орудіемъ своихъ избирателей; впрочемъ народъ и безо всякихъ теорій привыкъ командовать ими. „Никогда, рѣшительно никогда, читаемъ мы въ одномъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ изъ Альзаса,—муниципалитетъ не отважится прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ; онъ скорѣе допуститъ самыя безобразныя преступленія чѣмъ дерзнетъ обуздать своихъ согражданъ, которые рано или поздно могутъ призвать его къ отвѣту.“ Особенно незавидно положеніе муниципальных чиновниковъ въ городахъ, гдѣ революціонный элементъ сильнѣе сравнительно съ селами. По выраженію одного изъ современниковъ, они „засѣдаютъ въ ратушахъ на своихъ креслахъ какъ на минѣ, которая ежеминутно можетъ быть взорвана подъ ними.“

Толпа привыкла слушаться только голоса своихъ вожаковъ, постоянно раздражавшихъ ея страсти чтобы тѣмъ легче ловить въ мутной водѣ рыбу. По большей части то были писцы нотаріусовъ, актеры, журналисты, преимущественно адвокаты. Эти послѣдніе производили обаятельное впечатлѣніе на чернь. „Какъ скоро одинъ изъ нихъ, говоритъ безпристрастный наблюдатель, — открывалъ ротъ, то мы знали заранее что будемъ наводняемъ цѣлымъ потокомъ высокопарныхъ цитатъ и афоризмовъ часто по поводу какихъ-нибудь уличныхъ фонарей или лавчиковъ мелкихъ торговцевъ. Ораторъ потрясалъ своимъ Стенторовскимъ голосомъ своды залы, и когда послѣ двухчасовой болтовни легкія его надрывались наконецъ отъ напряженія, то отвѣтомъ ему были крики, энтузіазмъ, ослѣпленіе, доходившіе до ярости.“ Взгляните только, говоритъ г. Темъ, на главнѣйшихъ вождей мятежниковъ въ самомъ Парижѣ,—это все неудавшіеся литераторы и адвокаты, иногда молодкососы, лишеныя всякой опытности, знанія людей и дѣлъ. Камиллу Демулену было двадцать девять лѣтъ, журналисту Лустало—двадцать семь, и вся политическая ихъ мудрость была заимствована изъ школьных

тетрадокъ и произведеній Рейналя и другихъ подобныхъ ему писателей. Бриссо и Маратъ не выходили изъ своихъ чердаковъ до той минуты когда вообразили себя способными руководить судьбами цѣлаго народа. Зависть, мучительная зависть не давала имъ покоя. „Кромѣ желанія осуществить свои принципы, говорилъ Демуленъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—меня радовало то что я могъ показать свою силу людямъ презиравшимъ меня, низвести на одинъ уровень со мною тѣхъ кто отличался происхожденіемъ и богатствомъ. Моимъ девизомъ былъ девизъ всѣхъ честныхъ людей—не допускать надъ собою никакого превосходства.“ Это чувство зависти вдругъ нашло полное удовлетвореніе: еще недавно, какіе-нибудь три мѣсяца тому назадъ, Демуленъ былъ жалкимъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго успѣха адвокатомъ и погрязавъ въ долгахъ; Лустало тщетно бѣгалъ по Парижу приискивая себѣ какія-нибудь занятія; Бриссо, страждущій нищій, бросался всюду, и въ Америку, и въ Англію, но не вывезъ оттуда ничего кромѣ превратныхъ попятій и озлобленія за испытанныя имъ неудачи; Дантонъ, тоже второстепенный адвокатъ, съ трудомъ могъ занять денегъ чтобы заплатить за свой дипломъ и пробивался кое-какъ благодаря тому что получалъ ничтожное пособіе отъ своего отчима, продавца лимонада; наконецъ Маратъ, плохой писатель, освищенный философъ, ученый уличенный физикомъ Шарлемъ въ фальшивыхъ опытахъ, выступилъ когда-то съ громадными притязаніями, а кончилъ тѣмъ что вынужденъ былъ довольствоваться должностію врача при конюшняхъ графа Артуа. И вдругъ какая перемена! Всѣ эти люди играютъ теперь первую роль,однимъ своимъ словомъ направляютъ разсвирѣпѣвшую толпу въ ту или другую сторону: Дантонъ, президентъ клуба Кордельеровъ, можетъ въ своемъ округѣ арестовать кого ему угодно; Камиллъ Демуленъ, „*prosecuteur général de la lanterne*“, какъ онъ величалъ самъ себя, съ улыбкой похваляется что „огромное большинство столицы считаетъ его однимъ изъ главныхъ, если не самымъ главнымъ, виновникомъ революціи“. Всѣ эти искатели приключеній съ изотупленіемъ развиваютъ одну и ту же тему что „въ правильно организованномъ обществѣ настоящій государь это—народъ“, и народъ который они провозглашаютъ государемъ, рабски слѣдуетъ за ними.

Иначе не могло и быть. Предоставленная самой себѣ и все разрушавшая на своемъ пути, толпа шла впередъ какъ

бы съ завязанными глазами. У г. Тена есть превосходная страница гдѣ онъ изображаетъ то положеніе въ которомъ толпа очутилась тотчасъ послѣ произведеннаго ею разгрома. „Помяну, говоритъ авторъ, какъ пользовались импровизованныя шайки захваченною ими властью,—властью которая представляетъ столько затрудненій даже и для вполне компетентныхъ людей. Дѣло шло о заготовкѣ продовольствія и его распредѣленіи, о податяхъ, количествѣ этихъ податей, раскладкѣ и способѣ ихъ взиманія, о частной собственности, ея правахъ и ограниченіяхъ, о всѣхъ сложныхъ цѣлкихъ колесахъ великой экономической соціальной и политической машины; толпа въ каждомъ округѣ налагаетъ на нихъ свою руку, уродуетъ или ломаетъ ихъ наугадъ подъ вліяніемъ минуты, нисколько не ломышая и не заботясь о послѣдствіяхъ. Точно такимъ образомъ вырвавшіеся на волю негры толкаютъ и тянутъ каждый въ свою сторону, думая тѣмъ направить корабль которымъ овладѣли. Въ подобныхъ случаяхъ бѣлые отнюдь не лучше негровъ, ибо толпа собравшаяся съ цѣлью произвести какое-нибудь насиліе не только состоитъ изъ людей наиболее негодныхъ, отчаянныхъ, склонныхъ къ своеволію и разрушенію, но въ то время какъ она совершаетъ свой подвигъ, каждый изъ этихъ людей, какъ бы ни былъ онъ глупъ, безразсуденъ и развращенъ, становится еще хуже, доходитъ до послѣднихъ границъ безсмыслия жестокости... Онъ не страшится закона потому что низвергаетъ законъ. Начавшееся безчинство увлекаетъ его далѣе чѣмъ онъ хотѣлъ идти. Гнѣвъ усиливается въ немъ по мѣрѣ опасности и встрѣчаемаго имъ сопротивленія. Онъ заражается горячкой охватившею всѣхъ другихъ и слѣдуетъ за разбойниками которые одѣлались его товарищами. Прибавьте къ этому огульные крики, лѣяство, зрѣлище разрушенія, физическое сотрясеніе организма, нервная система коего напряжена болѣе чѣмъ способна вынести, и вы поймете какимъ образомъ крестьянинъ, рабочій, уже поддавшійся смягчительному вліянію давнишней цивилизаціи, вдругъ превращается въ варвара, хуже того—въ животное, въ кривляющуюся и кровожадную обезьяну, которая умерщвляетъ и разрушаетъ съ зубоскальствомъ и уродливыми прыжками. Вотъ каково было правительство которому въ дѣйствительности подчинилась Франція. Послѣ полуторагодового опыта, одинъ изъ

самыхъ разсудительныхъ, свѣдущихъ и глубокомысленныхъ современниковъ революціи (Малле-Дюпанъ) имѣлъ полное право уподобить тогдашнее состояніе Франціи состоянію Римской имперіи въ IV вѣкѣ: „Гунны, Герулы, Вандалы и Готы придутъ къ вамъ не съ сѣвера и не отъ Чернаго Моря, восклицалъ онъ, — они уже находятся посреди насъ.“ Еслибы мнѣніе Малле-Дюпана было заподозрѣно потому что онъ принадлежалъ къ явнымъ противникамъ тогдашняго порядка вещей, то можно привести много другихъ на которыя не способно пасть подобное подозрѣніе. Журналистъ Лустало былъ конечно яростнымъ поборникомъ революціи, а между тѣмъ вотъ что говоритъ онъ о вѣршицѣ происходившемъ предъ его глазами: „Представьте себѣ человека у котораго каждая нога, каждая рука, каждый членъ тѣла были бы одарены самостоятельной волей; представьте себѣ что одна нога хотѣла бы ходить, а другая не двигается, что глотка закрывалась бы когда желудокъ настоятельно требовалъ бы пищи, что ротъ ощущалъ бы непреодолимое влеченіе пить когда глаза смыкались бы для сна, и вы получите самое вѣрное понятіе о состояніи Парижа и всей вообще страны. Можно сказать что во Франціи еще до провозглашенія республики существовало уже множество независимыхъ одна отъ другой республикъ.“ Свѣдѣтельно политическая анархія со всеми обычными ея явленіями, но отиѣченными на этотъ разъ особенно страшными чертами! Къ чему впрочемъ приводить мнѣнія тогдашнихъ современниковъ когда существуетъ масса официальныхъ документовъ, въ которыхъ по большей части не выражается никакихъ мнѣній, а просто излагаются факты. Преимущественно къ нимъ обратился г. Тенъ для изображенія состоянія Франціи отъ взятія Бастиліи до насильственнаго переселенія короля Людовика XVI изъ Версаля въ Парижъ.

Патріоты имѣютъ полное право распоряжаться чужою собственностью—таково убѣжденіе крѣпко засѣвшее въ головахъ крестьянина и рабочаго. Всякій кто только успѣлъ достать себѣ ружье преспокойно занимается охотою на земли принадлежащей помѣщику; для него нѣтъ никакихъ преградъ, онъ разрушаетъ изгороди, бродитъ по заставленнымъ полямъ; оленямъ, ланямъ, козамъ, нѣтъ ни малѣйшей помехи, кому бы они ни принадлежали; самъ

король безпрерывно слышитъ ружейные выстрѣлы въ своемъ Версальскомъ паркѣ. „Въ теченіе всего этого времени, говоритъ г. Тенъ, непрерывная стрѣльба идетъ по всей Франціи и, какъ въ американскихъ саваннахъ, каждое животное считается законною добычей того кто первый его застрѣлъ.“ Лѣса истребляются наголо. Очень часто толпа крѣстьянъ приходитъ въ садъ помѣщика чтобы не спрашивая его позволенія удить рыбу въ прудѣ, или стрѣляетъ по его голубятнямъ и потомъ ему же предлагаетъ купить убитыхъ голубей. Иногда экскурсіи такого рода совершаются въ помѣщичьи погреба. Но это еще ничто, и еслибы дѣло ограничивалось только этимъ! Худо то что толпою безпрерывно овладѣваютъ припадки бѣшенства или вслѣдствіе озлобленія противъ тѣхъ въ комъ она привыкла видѣть своихъ враговъ, или подъ вліяніемъ безотчетной навики. Вдругъ распространяется напимѣръ слухъ будто аристократы собрали гдѣ-нибудь по сосѣдству вооруженную силу и угрожаютъ нападениемъ; говорятъ что подъ командой у нихъ не менѣе 15.000 человѣкъ; раздаются звуки набата, уже приняты энергическія мѣры для отраженія опасности, но проходитъ день, два и враговъ не видно; тогда численность ихъ мало-по-малу уменьшается, вмѣсто 15.000 ихъ было не болѣе 1.500, но и этихъ никто не видѣлъ; не можетъ же однако быть чтобы тренога не имѣла никакого основанія, и вотъ толпа ищетъ на комъ излить ярость. Въ Мянсѣ г. Кюро, проживавшій въ своемъ замкѣ Нуэ, изумалъ послѣ одной изъ подобныхъ сценъ увѣрять крѣстьянъ что никакой бѣды не грозило имъ, что напрасно поддавшись они мелкому страху,—не ясно ли изъ этого что онъ былъ въ отношеніяхъ съ заговорщиками, а быть-можетъ даже готовился предводительствовать ими. Его влекутъ вѣнцы изъ зятенъ его г. Монтессомомъ въ деревню, по дорогѣ этихъ несчастныхъ бьютъ, толчутъ ногами, плюютъ имъ въ лицо и наконецъ одного изъ нихъ застрѣливаютъ изъ ружья, а другаго слѣзая докнать ножами; какой-то столяръ отстрѣзываетъ имъ головы, и дѣти носятъ эти головы по улицамъ при звукахъ барабановъ и скрипокъ. Недалеко отъ Вандфора, богатый и знатный землевладѣлецъ г. Момме, очевидно желавшій жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ сосѣдними крѣстьянами, пригласилъ ихъ въ свой замокъ и устроилъ для нихъ фейерверкъ; но несчастію одна изъ ракетъ хотѣла

неудачно; толпою тотчасъ же овладѣвается лавица, убѣждена что попала въ западню, и замокъ сожжеть. Ионгъ разказываетъ что ему случилось протѣзжать въ Клермонъ, когда жители находились въ неопысанномъ энѣ по поводу распущеннаго кѣмъ-то слуха что коро- съ мѣстнымъ дворянствомъ задумала взорвать городъ вздухъ подземными минами, а всѣхъ кто уцѣлѣетъ отъ катастрофы отправить на галеры: его прижали за од- изъ участниковъ заговора и съ большимъ трудомъ а онъ спастись отъ угрожавшей ему участи. „Такова жизнь во Франціи, замѣчаетъ г. Тепъ, въ каждомъ го- въ каждой деревнѣ всѣ лица возвышавшіяся своимъ ственнымъ положеніемъ находились въ рукахъ дика- трепетали предъ шайками каннибаловъ. Въ Труа эти ыры замучили г. Гюэза на манеръ Гуроновъ; въ Канѣ обрекли г. Бельзона на такую же смерть какая постиг- алперуза на островахъ Фиджи,—разрѣзали его на части ащина съѣла его сердце“. Г. Бриссакъ былъ схваченъ осемъ помѣстьѣ около Ла-Флеша, и мятежники обра- съ въ Парижъ съ запросомъ сѣдуетъ ли отправить уда или „предварительно обезглавить“ (*ou le décoller soirement*). Повсюду неудержимый потокъ сносилъ зам- орадскаго сословія съ лица земли: прошло лишь че- мѣсяца, а въ Бургони разрушено было три аббатства двадцать замковъ, во Франшъ-Комте болѣе сорока овъ, въ Дофике двадцать лѣтъ, въ Маконе и Божоле десять два, въ Оверни девять и т. д. Впрочемъ, гроза улась не дворянъ только, но вообще зажиточныхъ лю- ьтяюдь не принадлежавшихъ къ привилегированному уу. Въ концѣ іюля 1789 года, одинъ изъ членовъ анія Лаали - Толандавъ собралъ въ своей рѣчѣ цѣлый фактовъ вполне достовѣрныхъ и производящихъ асающее впечатлѣніе: „Въ Лангедокѣ, говорилъ онъ, баррабъ былъ разрѣзанъ на куски въ присутствіи і беременной супруги, которая умерла отъ этого ужа- ь Нормандіи злодѣи сожгли на кострѣ одного поражен- ларалицомъ дворянина; во Франшъ-Комте надъ голо- гжи Батильи держали топоръ до тѣхъ поръ пока она залась отъ всѣхъ своихъ земель и выдала документы ахъ; гжѣ Листене надѣла на шею рогатину; графа Мон- есна и его жену вытащили изъ кареты и бросили въ т. еххiv.

прудъ, а барона Монакюстена цѣлѣй часть держала над лодцемъ, прелираясь между собою нужно ли бросить ея да или умертвить какимъ-нибудь другимъ способомъ: и леру Амблѣ вырвали волосы и брови, затѣмъ посадили въ навозную кучу и плытали вокругъ него...“ Всѣ французскіе историки очень чувствительно описываютъ сцену происходившую въ Учредительномъ Собраніи въ ночь 17 августа 1789 года, когда депутаты—представители пригнорированныхъ сословій—однѣ за другимъ входили на буну и отказывались отъ принадлежавшихъ имъ правъ. Но является вопросъ какими образомъ могли бы сохранить за собою эти права среди происходившаго грома? Совершенно справедливо замѣчаетъ поэтому Жюль что „съ точки зрѣнія дѣйствительности нельзя считать большимъ самоотреченіемъ съ ихъ стороны если отказались они отъ того что уже было уничтожено огнемъ мечомъ“. Они разчитывали что этимъ средствомъ удержатъ по крайней мѣрѣ оградить свою жизнь, но послѣдствія событія обнаружали всю несостоятельность данныхъ скромныхъ надеждъ.

Послѣднимъ словомъ анархіи, въ медовый мѣсяцъ революціоннаго періода, были роковыя дни 5го и 6го октября. Власть не имѣла уже никакой силы, но тѣмъ не менѣе продолжали приписывать различные замыслы и способности осуществить ихъ. Любимые ораторы тогда утверждали что права предоставленныя Учредительнымъ Собраніемъ королю могутъ свѣдаться страшнымъ образомъ въ его рукахъ,—отсюда мысль овладѣть королемъ и его семьею, лишить ихъ сравнительно болѣе безопаснаго убѣжища которое представлялъ для нихъ Версаль, держать ихъ въ непосредственной зависимости отъ черни. Сцена это мастерски изображено г. Теломъ. Беспорядочная толпа направляется къ резиденціи Людовика XVI она окружаетъ Національное Собраніе, которое не имѣетъ ни мужества, ни средствъ воспретить ей доступъ въ средѣ. Сначала вторгаются нѣсколько женщинъ, за ними садуютъ и весь остальной сбродъ, вооруженный палками алебардами, луками; все это смѣшивается въ залѣ депутатовъ, все это кричитъ, изрыгаетъ ругательства, депутаты не позволяютъ оказать ни слова, наконецъ одинъ кидаетъ свое кресло, которое и слышитъ зажать какою

Но мало этого униженія для представителей народа: заставляютъ выбрать изъ себя депутацію, и депутація, президентомъ собранія во главѣ, въ сопровожденіи той пьяной и дикой толпы, идетъ подъ дождемъ и по грязи ворцу. Здѣсь въ теченіе пяти часовъ сряду происходитъ еще болѣе отвратительныя сцены. Наконецъ Лудовикъ XVI вынужденъ уступить; онъ соглашается переехать со своимъ семействомъ въ Парижъ. Надо видѣть какъ идилліей представляются эти событія подъ перомъ чинныхъ французскихъ историковъ, напримѣръ Мишле, который заканчиваетъ описаніе ихъ восторженнымъ восклицаніемъ: „наконецъ народъ завоевалъ себя своего короля!“

Картина омѣнена у него нѣсколько инымъ коломъ. „Все кончилось, остается только радоваться,— завершаетъ онъ свой разказъ о мятежѣ 5го и 6го бря,—и кортежъ двигается въ путь: по срединѣ его королевская семья и около сотни депутатовъ, размѣстившись въ каретахъ; затѣмъ артиллерія съ женщинами веревъ на пушкахъ; далѣе подводы съ мукой; вокругъ корольская стража и парижская національная гвардія; по бокамъ толла вооруженныхъ мушкетеровъ, женщинами плѣшкочкомъ, на лошадяхъ, въ фіакрахъ и телѣгахъ. Впереди о торжественнаго шествія несутъ на оконечностяхъ кресты шестовъ отрубленные головы; въ Севрѣ, гдѣ произошла остановка, заставляютъ парикмахера завить и накрутить эти головы, сопровождая все это хохотомъ и прикриками. Мушкетеры и женщины держатъ другъ друга за плечи, поютъ и пляшутъ въ грязи. Таково новоизобрѣтенное равенство—погребальный кортежъ всѣхъ законныхъ вѣстей, торжество грубой силы надъ интеллигенціей, кровавая маскарадная процессія влачащая съ собою всѣхъ людей Франціи, короля, министровъ, депутатовъ, для того бы заставить ихъ подчиниться своему безумію, держать подъ ножомъ локтя не явится охота перерѣзывать ихъ.“

Такимъ было состояніе Франціи тотчасъ послѣ того какъ она приступила къ реформамъ. Мы уже замѣтили выше Зибель выставилъ его именно въ этомъ свѣтѣ. „Чтобы оживить картину всѣхъ бѣдствій удручавшихъ страну, критикъ онъ, необходимо имѣть въ виду мятежи рабочихъ и встанія крестьянъ. Глубокое молчаніе которое хранили

объ этомъ де сихъ поръ * историки революціи составляетъ достойный сожалѣнія пробѣлъ, ибо оно дало укорениться предположенію будто восемнадцатый вѣкъ имѣлъ въ виду только политическую революцію и что лишь въ нашъ вѣкъ проявились стремленія къ революціи соціальной, начало коей впервые было положено во Франціи Бабёфомъ. Въ послѣдніе годы, однако, былъ продѣтъ свѣтъ на этотъ вопросъ, и теперь часто повторяютъ что самые отчаянные изъ позднѣйшихъ коммунистовъ брали примѣръ съ якобинцевъ; но нужно сдѣлать еще очень много чтобы выяснитъ съ *этой точки зрѣнія* исторію революціи. "Нельзя не согласиться что съ этой точки зрѣнія г. Темъ выяснилъ ее лучше чѣмъ кто-нибудь.

II.

Мы видѣли народъ, но не все сосредоточивалось въ немъ. Наряду съ народомъ дѣйствовала интеллигенція страны, а законнымъ органомъ ея было Учредительное Собраніе, на которомъ лежала громадная задача начертать основы новаго политическаго и гражданскаго устройства для Франціи. Посмотримъ же, стояло ли оно въ уровень со своимъ призваніемъ.

Уже при первомъ взглядѣ на лицъ изъ которыхъ состоялъ этотъ ареопагъ, говоритъ г. Темъ, слѣдовало бы усомниться въ успѣхѣ ихъ дѣятельности. Отличительная ихъ черта заключалась въ томъ что они были слишкомъ впечатлительны или, какъ выражается нашъ авторъ, слишкомъ чувствительны (*trop sensibles*). То были большею частью люди воспитанные въ правилахъ изысканной вѣжливости, отличавшіеся изящными манерами, доводившіе пониманіе общественныхъ приличій до такой тонкости что иностранцу это казалось даже приторнымъ; они были проникнуты гуманными понятіями своего вѣка, жаждали примѣнить ихъ на дѣлѣ, ласкали себя мыслью что переворотъ совершится тихо и безматежно, что онъ будетъ имѣть характеръ какой-то грандіозной и очаровательной идилліи. И вдругъ очутились они лицомъ къ лицу съ разъяренными страстями, вовлечены были въ такую борьбу въ которой

* Первый томъ сочиненія Зибеа появился въ 1853 году.

средства считались позволительными, выслушивали ежедневно самыя грубыя оскорбленія, самыя наглыя угрозы, вергались самымъ безсовѣстнымъ клеветамъ,—все это вѣствовало на нихъ, такъ что съ самаго начала ярвавшее равновѣсіе было совершенно утрачено ими. „Они только экзальтированы, говоритъ г. Тень, но экзальтація имѣлась ихъ потребностью; подобно льявицѣ который вѣвѣ требуетъ все болѣе крѣпкихъ напитковъ, они бы умышленно стараются изгладить въ себѣ послѣдствія спокойствія и здраваго смысла; они любятъ наденность, выпрежную реторику, лустозвонное и сенти-гальное краснорѣчіе.“ Только этимъ и слѣдуетъ объяснить сцены невозможныя ни въ какомъ другомъ серіозномъ собраніи, но которыя производили чарующее вліяніе на умы: нѣсколько десятковъ наемныхъ бродягъ, персидскихъ Испанцами, Голландцами, Турками, Арабами, Персидцами, Индусами, Монголами, Китайцами, титулующихъ себя членами человѣческаго рода, являются въ палату подъ предводительствомъ Прусака Анахарсиса Клотца чтобъ упражняться въ діатрибахъ противъ тирановъ, и ихъ принимаютъ почетомъ, приглашаютъ ихъ присутствовать въ засѣданіи.

Малолѣтнія дѣти приходятъ въ собраніе посланцами вѣстно отъ кого; одинъ изъ нихъ,—двѣнадцатилѣтній ребенокъ,—произноситъ заученую съ голоса, напыщенную рѣчь о вѣщахъ новаго порядка вещей, и президентъ Трельяръ, вѣсиваясь подъ его тонъ, очень серіозно отвѣчаетъ имъ лгунцамъ: „Вы заслуживаете раздѣлить славу тѣхъ кто установилъ свободу, ибо готовы пролить за нее свою кровь.“ Все это кажется невѣроятнымъ, и если однако все происходило, то очевидно люди руководившіе судьбами націи находились не въ нормальномъ настроеніи духа. Они держатся того мнѣнія что между ними было вообщемъ мало такихъ кого можно было бы считать политическими людьми въ настоящемъ смыслѣ слова; конечно вообщемъ не оказывалось въ нихъ недостатка: они напались между интендантами и военными начальниками разныхъ провинцій, между прелатами управлявшими обширными епархіями, между членами парламентовъ, которые наряду съ судною пользовались также и административною властью, между вліятельнѣйшими членами провинціальныхъ собраній,—все это были люди опытные, привыкшіе къ

практической дѣятельности, люди большею частью не образованные, благонамѣренные и искренно расположенные къ реформамъ, но лишь немногіе изъ нихъ попали въ Идентификационное Собраніе. Не заседали въ немъ такіе дѣльцы Мато и Мальзербъ, не заседали ни одиозный евангелистъ, исключеніемъ Малюзъ; изъ 577 депутатовъ средняго сословія только десять занимали въ прежнее время важныя должности, всѣ остальные нигдѣ не имѣли еще случая испытать своихъ силъ и, какъ выражается г. Тентъ, „упражились лишь подъ руководствомъ Руссо и Рейналя въ философскихъ прогулкахъ въ мечтательныя сферы“.

Впрочемъ, если не доставало опытности членамъ Идентификаціоннаго собранія, они могли пріобрѣсти ее прислушавшись къ совѣтамъ тѣхъ кто могъ представить весьма полезныя указанія для ихъ дѣятельности. Такихъ лицъ было много и они не скупились на совѣты. „Я республиканецъ, говоритъ Моррисъ, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Тюльерійскомъ дворѣ, можно сказать что не давѣе вчера заседали я въ собраніи которое выработало новую республиканскую изъ всѣхъ республиканскихъ комитетовъ; я не перестану твердить здѣсь объ уваженіи къ закону, объ уваженіи къ правамъ дворянства, о необходимости соблюдать умеренность не только въ выборѣ, но и въ сдѣланіи цѣли.“ Съ другой стороны, демократъ и республиканецъ Джефферсонъ, лишь только собрались сословія (général), ревностно убѣждалъ Лафайета и его друзей, въ сдѣлку съ королемъ, обезпечить свободу печати, свободу религіозную, судъ присяжныхъ, habeas corpus, — всѣ нововведенія которыя король конечно принималъ бы, и не дать какое дѣйствіе произвести они на народъ, выходя до тѣхъ поръ пока онъ сдѣлается способнымъ къ дѣланнымъ пріобрѣтеніямъ.“ Артуръ Йонгъ повторялъ имъ тамъ что „пренебрегать указаніями опыта, полагаться на теорію для того чтобы установить равновѣсіе власти и упрочить гарантіи политической свободы въ странѣ двадцатью лѣтъю милліонами населенія было бы величайшимъ безразсудствомъ, квинтэссенціей заблужденія.“ Во Флоренціи, говорилъ онъ, существуютъ славныя преданія; онъ передаетъ еще многимъ чѣмъ должна дорожить, и, отбросивъ разомъ отъ этого богатаго наслѣдія, поставить на карту, значило бы дѣйствовать такъ какъ приличествуетъ

яннымъ авантюристамъ“. Ничто не помогало. Законодатель Франціи предпочитали идти по совершенно иному. „Такъ какъ до послѣдняго времени, читаемъ мы въ одномъ письмѣ Морриса, они ощущали только тяжесть королевской власти, то всякое ограниченіе ея представляется весьма желательнымъ; такъ какъ они до сихъ поръ не ни случая извѣдать невыгоды саишкомъ слабаго правительства, то безпорядки порождаемые анархіей не произзтъ на нихъ никакого впечатлѣнія. Они хотятъ у себя американскую конституцію съ королемъ вмѣстѣ президента, не помышляя о томъ что у нихъ нѣтъ для

конституціи американскихъ гражданъ. Если у нихъ нѣтъ здраваго смысла для того чтобъ обезпечить двоякому сословію извѣстную долю вліянія, то вырабатывая ими конституція можетъ оказаться долговѣчною; е она породитъ деспотизмъ или чистую демократію. итъ ли эта послѣдняя во Франціи? Не думаю; полагаю что нѣтъ, если только нравы общества не подвергнутъ оренному измѣненію.“ Съ теченіемъ времени отзывы

риса объ Учредительномъ Собраніи становятся все мрачнѣе. „Точно видишь предъ собою полетъ испуганныхъ птицъ; онѣ мечутся во всѣ стороны и неизвѣстно гдѣ усяются. Несчастливая страна, залутавшаяся въ погонѣ за мѣстическими химерами, представляетъ умственному взору зрѣлище повсемѣстнаго разрушенія. Собраніе, одоменно полновластное и порабощенное, готовое на всѣ вности въ теоріи и неопытное на практикѣ, захвативъ всѣ отрасли управленія и неспособное руководить ни о изъ нихъ, сбросило съ грубаго и жестокосердаго да всѣ узы религіи и уваженія къ авторитету... Счастливый случай улуценъ, и на этотъ разъ по крайней мѣрѣ юцію слѣдуетъ считать неудавшеюся...“

точки зрѣнія этихъ понятій первые его удары обрусь на свѣтскую аристократію. По мнѣнію автора, ие могао быть печальнѣе этого; ибо тогдашняя французская аристократія обладала всѣми данными для того ь оказать важныя услуги странѣ. По тѣмъ ея предателямъ которые стекались при дворѣ еще нельзя было гь о всемъ сословіи. Аристократія сдѣлалась ненавистною своими привилегіями, но привилегіи эти были давнимъ, исторически сложившимся зломъ, за которое

несправедливо было видѣть какое-либо одно поколѣніе, и къ тому же въ огромномъ большинствѣ высшаго сословія онѣ уже не встрѣчали защитниковъ. „Не забудемъ, говоритъ авторъ, что философія XVIII вѣка имѣла въ вельможахъ, епископахъ, членахъ парламентовъ, банкирахъ наиболѣе ревностныхъ своихъ поборниковъ; никогда еще аристократія не была столь либеральною, гуманною и расположенною къ реформамъ; многіе изъ ея среды остались вѣрны этому устройству даже послѣ вожомъ гильотины.“ Но Учредительное Собраніе не сознавало никакой нужды въ услугахъ этого класса общества и прежде всего разорило его въ матеріальномъ отношеніи. Оно заявило что „безусловно отмѣняетъ феодальный порядокъ вещей“, и легко было предвидѣть послѣдствія такого заявленія среди тогдашняго броженія умовъ. Правда, собраніе допустило различіе между правами принадлежавшими дворянамъ: одни изъ нихъ были отмѣнены безо всякаго вознагражденія, другія должны были быть выкуплены; но, во первыхъ, не принято было равно никакихъ мѣръ для того чтобъ облегчить, регулировать выкупъ, а во вторыхъ, какъ побудить къ выкупу крестьянъ которые совершенно безнаказанно привыкли распоряжаться чужою собственностью? Въ высшей степени знаменательно что въ этомъ отношеніи примѣромъ для революціонной Франціи ставить г. Тенъ Россію. „Еслибы, говоритъ онъ, Учредительное Собраніе менѣе гонялось за эффектными фразами, еслибы оно имѣло въ виду не столько слова сколько житейскія отношенія, то оно поступило бы точно такъ же какъ было поступлено въ Россіи въ 1861 году: оно облегчило бы участь бѣдныхъ, не доводя до разоренія богатыхъ; оно упрочило бы свободу не нарушая нравъ собственности; оно примирило бы противоположныя интересы, а не разнуздавало бы народныя страсти чтобъ исполнить на дѣлѣ беззаконную конфискацію; словомъ, закончало бы социальную реформу не междуусобною войной, а прочнымъ миромъ.“ Учредительное Собраніе устроило дѣла такъ мудро что дворянину не осталось ничего кромѣ его титула и его герба, да и это отличіе онъ не надолго удержалъ за собою. Законъ 19го іюня 1790 года провозгласилъ что „наслѣдственное дворянство оскорбляетъ справедливость, противорѣчитъ понятію объ истинной свободѣ“, что тамъ гдѣ оно существуетъ, „не можетъ быть настоящимъ

политическаго равенства". Вслѣдствіе того, строгій запретъ французскимъ гражданамъ титуловать себя принцами, герцогами, маркизами, графами, имѣть гербы на домахъ и экипажахъ, одѣвать въ ливрею своихъ лакеевъ и т. п. Кажется, послѣ всего этого дворянинъ даже съ точки зрѣнія тогдашнихъ понятій становился совершенно безопаснымъ существомъ, но ожесточеніе противъ него не ослабѣваетъ, и для огражденія своей жизни ему не остается ничего болѣе какъ бѣжать изъ Франціи. „Собраніе, говоритъ г. Тень, поступило съ дворянствомъ совершенно такъ же какъ Лудовикъ XIV поступилъ некогда съ протестантами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ лица подвергшіяся гоненію составляли избранную часть общества. И тогда такъ же какъ теперь принудили ихъ обречь себя на изгнаніе, и тогда такъ же какъ теперь конфисковали ихъ имущества, наказывали всѣхъ кто давалъ имъ пристанище, и невыносимыми гоненіями достигли того что они сдѣлались мятежниками. Возстанію въ Севернахъ соотвѣтствуетъ возстаніе Вандеи; сто тысячъ Французовъ изгнанныхъ изъ своего отечества въ концѣ семнадцатаго вѣка, сто двадцать тысячъ Французовъ изгнанныхъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка, вотъ какимъ образомъ демократія проникнутая нетерпимостью завершала подвиги столь же проникнутой нетерпимостью монархіи. Нравственная аристократія Франціи была скошена въ интересахъ однообразія; аристократія социальная была скошена во имя равенства. Въ другой разъ и съ одинаковымъ успѣхомъ абсолютный принципъ воззаетъ свое лезвіе въ живой общественный организмъ. Одинъ изъ депутатовъ собранія услышавъ что эмиграція съ каждымъ днемъ усиливается воскликнулъ съ восторгомъ: „тѣмъ лучше,—Франція очищается...“ Дѣйствительно, она очищалась отъ лучшихъ своихъ соковъ.“

За аристократіей слѣдуютъ корпораціи свѣтскія и церковныя, преимущественно церковныя. Никто не рѣшится отрицать что важныя злоупотребленія вкрались въ нихъ: огромные ихъ доходы были распределены очень дурно; нѣкой епископъ или аббатъ, ведшій свѣтскую праздную жизнь, имѣлъ 100.000 ливровъ дохода, а наряду съ нимъ множество обремененныхъ занятіями священниковъ получали лишь по 700 франковъ въ годъ; и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, вмѣсто положенныхъ по уставу 80 или 50 было только 20

или 5 монаховъ; часто образъ ихъ жизни далеко не былъ безупреченъ и служилъ соблазномъ для общества; вообще религиозное чувство было въ большомъ упадкѣ, а вслѣдствіе того неудивительно что многія корпораціи возникшія съ благотворительными и другими высокими цѣлями не исполняли своей задачи. Все это такъ, и нигдѣ реформа не была столь необходима какъ въ этой области,—реформа разумная, которая имѣла бы цѣлью не разрушеніе, а лишь улучшеніе существовавшаго порядка вещей, ибо было въ немъ много такого что слѣдовало бы тщательно сохранить. Такъ, жаловались на распущенность монашескихъ орденовъ, но забывали что были между этими орденами бенедиктинцы, прославившіеся своими учеными заслугами, неусмыслимо посвящавшіе время такому монументальному труду какъ *Gallia christiana*; были траписты собственными руками воздѣлывавшіе землю; были монашескія общины ревностно занимавшіяся обученіемъ дѣтей, уходомъ за больными: особенно соперничали между собою въ этомъ отношеніи монастыри женскіе имѣвшіе на своемъ попеченіи предъ началомъ революціонныхъ смутъ множество дѣвочекъ. Въ то время ни государство, ни свѣтское общество не сдѣлали еще для женскаго образованія ровно ничего; закрыть женскіе монастыри значило нанести этому образованію жестокій ударъ. Къ тому же сравнительно съ монастырями мужскими они пользовались доброю и вполнѣ заслуженною репутаціей, ибо если безнравственность проникала и сюда, то какъ весьма рѣдкое исключеніе. „Вотъ почему въ этой области, говоритъ авторъ, слѣдовало избѣгать крутыхъ мѣръ, да къ тому же нужно было предвидѣть что крутыя мѣры не достигнутъ цѣли; тщетно отарался бы законодатель искоренить явленіе, оно возникаетъ снова, ибо лежитъ въ самомъ характерѣ католической націи; предъ революціею было у насъ 37.000 монахинь, а теперь 86.000, то-есть на 100.000 жевщицъ приходится ихъ нынѣ по 45 вмѣсто 28 какъ прежде.“

Но если государство рѣшилось конфисковать имущества принадлежащія церковнымъ корпораціямъ, то во всякомъ случаѣ оно не должно было упускать изъ виду первоначальнаго ихъ назначенія. Имущества эти образовались вѣками изъ частныхъ пожертвованій, преслѣдовавшихъ ясныя и опредѣленныя цѣли,—цѣли религиозныя, благотворительныя

воспитательныя,—и воля завѣщателей въ основѣ своей должна была остаться ненарушимой. Вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ можно и даже необходимо было распределить совершенно иначе обильныя средства которыми надѣлили они корпораціи, но все-таки несправедливо было давать этимъ средствамъ совершенно иное назначеніе, все-таки государство не имѣло права брать ихъ въ полное свое распоряженіе. „Но для политиковъ новой школы, замѣчаетъ г. Темъ, принципъ—выше всего. Слѣдя теоріямъ *Contrat Social*, они утверждаютъ что государство не должно допускать существованіе корпорацій; съ одной стороны государство, а съ другой,—масса ничѣмъ не связанныхъ между собой личностей, вотъ идеалъ къ которому слѣдуетъ стремиться; не нужно никакихъ ассоціацій, никакой группировки гражданъ, ибо, какъ выразился одинъ ораторъ, гражданинъ, постулая въ ряды той или другой ассоціаціи, привязывается къ ней какъ къ семейству, а между тѣмъ монополія всѣхъ привязанностей, всѣхъ симпатій, принадлежитъ исключительно государству. Къ тому же, какъ скоро человѣкъ становится въ ряды извѣстнаго частнаго общества, онъ пользуется поддержкою съ его стороны, слѣдовательно пріобрѣтаетъ такое положеніе котораго лишены другіе, а это противорѣчитъ принципу равенства. Вотъ почему, если хотятъ чтобы люди были равны, не надо допускать общенія между ними, несогласнаго съ интересами государства.“ Съ этой точки зрѣнія Собраніе дѣйствовало послѣдовательно издавъ декретъ гласившій что „такъ какъ истинно свободное государство не можетъ терпѣть въ своей средѣ корпорацій даже такихъ которыя оказали несомнѣнныя заслуги своими заботами объ общественномъ образованіи, даже такихъ которыя посвящаютъ свою дѣятельность попеченію о госпиталяхъ и уходу за больными“, отмѣняетъ на будущее время всякія конгрегаціи, общины мужскія и женскія, свѣтскія и церковныя, отмѣняетъ всѣ созданныя и поддерживаемыя ими учрежденія съ благотворительною и воспитательною цѣлью. Конвентъ идетъ еще дальше: при немъ уничтожены всѣ общества литературныя, всѣ ученые академіи, онъ конфисковалъ принадлежавшіе имъ имуществы, библіотеки, музеи и ботаническіе сады. Конвентъ только примѣнялъ принципъ который впервые устанавленъ былъ не имъ: печальная честь провозглашенія этого принципа всецѣло принадлежитъ Конституантѣ.

Объявлена была непримиримая война всѣмъ частнымъ союзамъ въ государствѣ, но, продолжаетъ г. Тель, существовалъ союзъ обширный, могущественный и освященный въ-ками, союзъ католическаго духовенства подъ главенствомъ римскаго первосвященника. Могло ли Собраніе отвѣстись къ нему равнодушно? Могло ли оно не наложить руку и на него, если хотѣло оставаться вѣрнымъ своимъ началамъ? Нѣтъ, и онъ подвергся разгрому вслѣдствіе выработанной Собраніемъ такъ-называемой „гражданской конституціи для духовнаго сословія“ (*constitution civile du clergé*). Авторъ, котораго ужь никакъ нельзя причислять къ клерикаламъ, доказываетъ что этою конституціей подорваны были самыя основы католической церкви, которая—еслибы восторжествовало устройство дарованное ей въ 1790 году—могла бы пожалуй считать себя пресвитеріанскою, но ужь отнюдь не католическою. Все прокинуто было въ ней строгою дисциплиной, все опиралось на повиновеніе духовенства представителю этой церкви, и именно эта-то связь между ними, именно эта дисциплина была безусловно нарушена. Собственною властью и безо всякаго соглашенія съ Римомъ Собраніе произвело новое распредѣленіе діоцезовъ, причемъ отмѣняло вовсе 48 прежнихъ епископскихъ кафедръ; епископъ называется правительствомъ и не долженъ обращаться къ папѣ съ просьбой объ утвержденіи въ своемъ санѣ; если онъ считаетъ невозможнымъ посвятить священника, то обязанъ изложить причины этого на бумагѣ и окончательный приговоръ о томъ, основательно ли поступилъ онъ въ этомъ случаѣ, принадлежитъ свѣтскому суду; онъ только посвящается въ духовное званіе, но выборъ принадлежитъ не ему—выборъ зависитъ всецѣло отъ жителей того или другаго прихода. „Случалось, говоритъ авторъ, что въ иномъ избирательномъ собраніи, напримѣръ въ Нимѣ, Монтобанѣ, Страсбургѣ, Мецѣ, большинство состояло изъ кальвинистовъ, лютеранъ и Евреевъ; случалось что подъ вліяніемъ мѣстнаго клуба, большинство это относилось самымъ враждебнымъ образомъ не только къ католицизму, но вообще къ христіанству, но это не значило ровно ничего; все-таки предполагается что оно дѣйствуетъ подъ вліяніемъ Св. Духа и выборъ предоставляется ему.“ Епископъ лишень былъ всякаго вліянія на священниковъ, ибо предположимъ что онъ от-казалъ бы въ посвященіи такому избранному лицу котораго

и по его образу мыслей, и по его поведенію не было никакой возможности допустить въ среду духовенства,—но мы уже сказали что въ подобныхъ случаяхъ послѣднее слово принадлежало свѣтскому суду, который всякое противорѣчіе воли избирателей привыкъ считать самымъ беззаконнымъ дѣломъ. Священники пользовались слѣдовательно полною независимостью, но независимостью только относительно своего духовнаго начальства, ибо вмѣстѣ съ нимъ, хуже чѣмъ самыя мелкіе чиновники, были они подчинены строгому надзору муниципальной власти. Если священникъ или епископъ захотятъ отлучиться куда-нибудь на нѣсколько дней даже для исправленія церковныхъ требъ, они обязаны застаться установленнымъ свидѣтельствомъ изъ ратуши; иначе они подвергаются вычету изъ жалованья. Духовенство должно принести присягу въ томъ что будетъ неуклонно соблюдать установленные для него законы, а тѣ изъ его членовъ которые откажутся отъ этой присяги, лишаются своего званія и своихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, уже до 1791 года, изъ 70.000 священниковъ изложено было не менѣе 46.000; въ каждомъ приходѣ возникаютъ двѣ церкви, два общества вѣрующихъ; вражда разгорается съ каждымъ днемъ, гоненія принимаютъ въ послѣдствіи такой характеръ что напоминаютъ первобытные вѣка христіанства; на грубое насиліе съ одной стороны слѣдуетъ отвѣтомъ столь же грубое насиліе съ другой — вотъ результаты дѣятельности Учредительнаго Собранія, вотъ тотъ новый порядокъ вещей который создало оно для блага и процвѣтанія страны!

Но само Собраніе думало иначе. Самоувѣренность его не знала никакихъ границъ. Оно считало себя какъ нельзя болѣе способнымъ пересоздать на вложенъ раціональных основахъ политическій и общественный строй не только собственной страны, но и всего человѣческаго рода. Замки пылали въ огнѣ, городскія ратуши подвергались опустошеніямъ, судьи не осмѣливались произносить приговоры, частная собственность была отдана въ жертву грабежу, убійства слѣдовали одно за другимъ, а представители французскаго народа занимались философскими словолпреніями подобно Византійцамъ которые упражнялись въ богословскихъ спорахъ въ то время какъ Магометъ II громилъ своими лашками стѣны Константинополя.

„И все это отъ того, замѣчаетъ г. Тенъ, что у нихъ

была теорія,—теорія которая по ихъ мнѣнію устраняла необходимость всякихъ специальныхъ знаній. До того времени конституцію создавали или исправляли точно такъ какъ создаютъ или исправляютъ корабль. Дѣйствовали при этомъ ощупью или присматривались къ образцамъ другихъ кораблей; прежде всего заботились о томъ чтобы корабль могъ плавать; строили его такъ или иначе смотря по матеріаламъ находившимся подъ рукой; предварительно изслѣдовали эти матеріалы, старались опредѣлить ихъ прочность, вѣсъ и упругость. Но теперь все это кажется черезчуръ отсталымъ; наступилъ вѣкъ разума и члены собранія самымъ просвѣщенны чтобы придерживаться рутинны; сообразно требованіямъ времени, по примѣру Руссо, они приближаются къ *deducium* взявъ въ основу какое-нибудь абстрактное понятіе о правѣ, государствѣ и общественномъ договорѣ (*contrat social*). Этимъ путемъ, придерживаясь такъ-сказать лишь политической геометріи, они надѣются что имъ удастся построить идеальный корабль несомнѣнно, что въ качествѣ идеальнаго онъ будетъ плавать гораздо лучше чѣмъ всѣ другіе корабли. Вотъ ихъ принципъ и, понятію какого рода разсужденія могутъ быть на эту тему! Не нужно никакихъ фактовъ, никакихъ точныхъ аргументовъ; слушаю ораторовъ, смѣнявшихъ другъ друга на трибунѣ, трудно даже и вообразить что они собрались для какого-нибудь практическаго дѣла. Отвлеченныя, лишенные всякой твердой почвы разглагольствія длятся бесконечно, какъ будто школьники упражняются въ риторикѣ или престарѣлые литераторы собрались провести пріятно время. “И отъ такихъ-то законодателей требовалъ Моррисъ чтобы принимая въ расчетъ особыя условія своей страны они не упустили изъ виду и другихъ государствъ опередившихъ ихъ на пути политической свободы? Имъ ли заимствовать и подражать, и гдѣ имъ искать примѣры достойные подражанія? Развѣ Сіейсъ не объявилъ что англійская конституція—чистѣйшее шарлатанство, и что Англичане вообще не богае какъ дѣти въ вопросахъ такого рода? Нужно замѣтить что страстью къ отвлеченнымъ теоріямъ и высокомернымъ презрѣніемъ къ опыту заражены были представители не радикальной только партіи, но и партіи консервативной. Общее настроеніе овладѣло и ими; они не могутъ говорить иначе, ибо сознаютъ что другой языкъ былъ бы веповятенъ.

Эта роль Учредительнаго Собранія была очень по вкусу лублики. Оно не могло и не желало освободиться отъ нея въ виду щедро расточаемыхъ ему похвалъ. Ежедневно на всѣ лады твердили ему одно и то же: „Вы одни—полновластные государи; въ васъ источникъ всякаго права; король обязанъ лишь исполнять вашу волю; всякое частное общество, всякая гражданская или церковная корпорація незаконны если вы не признаете ихъ существованія; вы можете даже, если захотите, измѣнить религію; вы отцы отечества; вы спасли Францію и переродили родъ человѣческій; цѣлый міръ взираетъ на васъ съ восторгомъ; довершите же свой славный подвигъ, идите впередъ не останавливаясь ни предъ чѣмъ.“ Подъ громомъ такихъ похвалъ, они не слышатъ треска разрушаемаго зданія. Они не допускаютъ и мысли чтобы были какіе-нибудь недостатки въ ихъ дѣятельности, и если указываютъ имъ на нихъ, то указанія такого рода принято считать клеветой. Всякое выраженіе неудовольствія дѣйствуетъ непріятно на ихъ нервы. Въ то самое время какъ повсюду, и въ провинціяхъ, и въ самой столицѣ жгутъ, грабятъ, убиваютъ, депутатъ Мерленъ говоритъ что „слѣдовало бы заставить молчать эгоистовъ-феодаловъ, которые такъ нахально жалуются на свое разореніе“. И что значать эти жалобы, что значать тѣ или другія частныя страданія, когда дѣло идетъ о принципахъ безусловной правды, торжество коей нужно обезпечить во что бы то ни стало? Къ тому же какъ обуздать народъ послѣ столькихъ торжественныхъ заявленій что все должно дѣлаться не только для народа, но посредствомъ народа? „Въ великомъ національномъ банкетѣ, говоритъ г. Тенъ, къ участію въ коемъ собраніе приглашало всю Францію, оно олохмѣлялось сначала лишь благороднымъ виномъ; затѣмъ стало чокаться съ чернью, и мало по-малу, подъ вліяніемъ своихъ собутыльниковъ, скизшло до жгучихъ, грубыхъ налитковъ, до болѣзненнаго и непристойнаго опьяненія,—тѣмъ болѣе непристойнаго и болѣзненнаго что именно оно и казалось ему здоровымъ и нормальнымъ состояніемъ.“ По крайней мѣрѣ, еслибы палата, въ то время какъ она занималась реформами, несла на себѣ отвѣтственность за состояніе страны; но она сочла очень мудрымъ дѣломъ отстранить отъ себя эту отвѣтственность; она постановила что никто изъ ея членовъ не можетъ быть микистромъ. То была въ высшей

степени вредная мѣра. Самый отчаянный теоретикъ, если онъ не невѣжа и не гаулець, начинаетъ отрезываться отъ своихъ увлеченій какъ скоро сталкивается съ дѣйствительностью, съ требованіями жизни, какъ скоро онъ знаетъ что о немъ будутъ судить не по тому только краснорѣчиво ли онъ проповѣдуетъ тѣ или другія идеи, а потому успѣшно ли применяетъ ихъ на практикѣ. Учредительное Собраніе закрыло для себя этотъ путь: оно предпочло заниматься лишь критикою, затруднять на каждомъ шагѣ дѣйствія администраціи, которая уже и безъ того при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ находилась въ невыносимомъ положеніи.

Такова общая характеристика этого собранія, представленная г. Теломъ. Онъ приступаетъ затѣмъ къ вопросу, что было разрушено имъ и что поставило оно на мѣсто разрушеннаго?

Но нужно ли было вообще производить безплодную, ни предъ чѣмъ не останавливающуюся ломку всего что было завѣщено Франціи ея вѣковымъ историческимъ развитіемъ? Неужели благоденствіе французскаго народа могло быть обезпечено только такимъ путемъ? Не было почти историка который не задавалъ бы себѣ подобнаго вопроса, и г. Тель принадлежитъ къ числу тѣхъ которые отвѣчаютъ на него самымъ рѣзкимъ отрицаніемъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, говоритъ онъ, Франція страдала главнымъ образомъ отъ двухъ золъ: привилегированные классы перестали оказывать странѣ услуги доставившія имъ некогда исключительное положеніе, но несмотря на это пользовались попрежнему своими привилегіями, казавшимися вслѣдствіе того особенно тягостными и ненавистными; королевская власть привыкла смотрѣть на общественное достояніе какъ на свою частную собственность, распоряжалась имъ безо всякаго контроля и самымъ произвольнымъ образомъ. Необходимо было измѣнить этотъ порядокъ вещей, и измѣнить его было тѣмъ легче что и король, и высшія сословія вполнѣ сочувствовали реформѣ. Г. Тель доказываетъ что еслибъ осуществляемы были требованія изложенныя въ инструкціяхъ депутатамъ земскихъ собраній, (*états généraux*), то Франція достигла бы слѣдующихъ результатовъ: нельзя было бы ни установить новаго налога, ни заключить новаго займа безъ согласія сословія; имъ же

ежегодно подлежало бы обсужденіе и утвержденіе государственнаго бюджета; отстраненъ былъ бы произволъ въ распредѣленіи и сборѣ податей; возникло бы въ странѣ самоуправленіе, органами коего саужили бы провинціальныя собранія заведующія публичными работами, больницами, тюрьмами, школами, путями сообщенія и т. д.; уничтожена была бы барщина и наиболѣе обременительныя и несправедливныя повинности; исчезли бы внутреннія таможи, и установлено было бы на новыхъ началахъ судебное устройство. Вслѣдствіе того что всѣ классы общества были бы привлечены къ платежу налоговъ, матеріальное положеніе народа быстро измѣнилось бы къ лучшему: вмѣсто того чтобы платить 53% со своего чистаго дохода, крестьянинъ платилъ бы 25% или даже 16%, а вслѣдствіе постелевнаго выкула феодалныхъ и церковныхъ повинностей, онъ не далѣе какъ чрезъ двадцать лѣтъ приобрѣлъ бы въ собственность латую часть всей земли, т.-е. безъ страшнаго революціоннаго разгрома достигъ бы тѣхъ же самыхъ выгодъ которыя принесла ему революція. „Кажется этого было бы довольно, говорить г. Тенъ, ибо организмъ человѣческаго общества, точно такъ же какъ и организмъ отдѣльнаго лица, подвергается болѣзненному потрясенію если дѣлають надъ нимъ слишкомъ отважныя эксперименты, а реформы, о которыхъ упоминаютъ нами, слѣдуетъ считать высшимъ предѣломъ того что способна была перевести Франція въ 1789 году.“ Но все это казалось слишкомъ недостаточнымъ Учредительному Собранію которое имѣло въ виду не современное ему общество, а общество существовавшее въ его воображеніи, которое избрало руководствомъ для себя не дѣйствительныя, созданныя исторіею потребности, а отвѣченныя понятія о правахъ человѣка.

Въ дѣлѣ разрушенія обнаружило оно необычайную энергію и искусство; посмотримъ же теперь какимъ характеромъ отличалась организаторская его дѣятельность. Во главѣ управленія страню поставило оно двѣ власти, исполнительную и законодательную; первая принадлежала королю, а вторая—народному собранію; между этими властями никакаго посредствующаго органа, ибо такой органъ какъ верхняя палата, которая состояла бы изъ лицъ имѣвшихъ по своему происхожденію и положенію въ обществѣ, слишкомъ противорѣчила господствовавшимъ демократиче-

скимъ тенденціямъ. Слѣдовательно, еслибы возникло столкновение между двумя властями, то не было средства примирить, согласить ихъ; одна изъ нихъ непременно должна преклониться предъ другою, и конституція заранѣе предусматрѣла которая изъ этихъ властей осуждена на подчиненную роль. Она осудила на нее власть королевскую. Король окруженъ почетомъ, но въ сущности онъ не значитъ ровно ничего. Не онъ созываетъ избирателей; они собираются сами собою, безъ его призыва, и избираютъ депутатов; король не имѣетъ права ни распустить палату, ни отсрочить ея засѣданія; онъ не предлагаетъ ей даже проекты законовъ, а только „приглашаетъ ее принять въ соображеніе“ тотъ или другой вопросъ. Право помилованія всегда составляло одну изъ главныхъ и лучшихъ прерогативъ королевской власти,—новая конституція отнимаетъ у нея это право. Король можетъ объявить войну не иначе какъ на основаніи декрета палаты, декретъ коей нуженъ и для заключенія мира; то же самое предписано относительно торговыхъ и другихъ трактатовъ. Ни онъ самъ, ни его наследникъ не могутъ отправиться за границу безъ разрѣшенія собранія; онъ не въ состояніи даже вослѣдствовать такъ какъ бы ему хотѣлось своего сына. Словомъ, королевская власть лишена всякаго самостоятельнаго значенія, всякой инициативы; она должна ограничиваться лишь административною дѣятельностью въ тѣсномъ смыслѣ слова; но по крайней мѣрѣ поставлена ли она въ такія условія чтобы въ этомъ отношеніи могла дѣйствовать съ успѣхомъ? Чтобы управлять хорошо, нужно пользоваться свободою въ выборѣ своихъ агентовъ и нужно разчитывать на ихъ повиновеніе; но и съ этой стороны король стѣсненъ до крайнихъ размѣровъ. Судьи, прокуроры, сборщики податей, полицейскіе комиссары, мэры, чиновники стоящіе во главѣ департаментскаго, городского и сельскаго управленія—все это выборныя лица, должныствующія дѣйствовать на свою отвѣтственность; правда, въ случаѣ явнаго нарушенія ими закона, — и только въ этомъ случаѣ,—король можетъ смѣстить ихъ съ должности, но имъ принадлежитъ право апелляціи къ народному собранію, которое можетъ отменить рѣшеніе королевской власти. Конституція гласитъ что король распоряжается военными, сухопутными и морскими силами страны, но и это такой же призракъ какъ все остальное: національная гвардія вовсе не подчинена ему; жандармерія и другія войска должны безъ

его вѣдома повиноваться приказаніямъ выборныхъ муниципальныхъ властей; королю принадлежить лишь известная часть назначеній въ рядахъ арміи. Въ виду всего этого, странною проміей отзываются слова конституціи что король—„глава всего управленія страню, верховный вождь сухопутныхъ и морскихъ силъ, наслѣдственный представитель націи, вѣщеносный стражъ общественнаго порядка и спокойствія“: въ сущности же онъ нигдѣ и ни въ чемъ не можетъ пользоваться свободно своею мнимою властью, лишень всякихъ средствъ принудить ту или другую общину къ уплатѣ податей, настоять на исполненіи судебного рѣшенія, подавить мятежъ, оградить частную собственность и личную безопасность. Такъ какъ должностныя лица очень мало зависятъ отъ него, то ему не остается ничего болѣе какъ дѣйствовать на нихъ увѣщаніями и совѣтами. Подобная роль совершенно невыносима, и лишь человекъ съ такимъ флегматическимъ характеромъ какъ Лудовикъ XVI способенъ былъ мириться съ нею. Впрочемъ, даже и для него оказалась она невозможною. Если, придерживаясь точнаго смысла конституціи, онъ обрекалъ себя на пассивный образъ дѣйствій, собраніе вопило противъ распущенности, вераднія власти, а какъ только являлась у него, или вѣрнѣе сказать у его министровъ, попытка преступить обозначенныя для нихъ границы и обнаружить подобіе энергіи, то Лудовика XVI выставляли заклятымъ врагомъ свободъ. Легко было предвидѣть съ самого начала къ какой катастрофѣ долженъ былъ привести такой порядокъ вещей.

Если король, по выраженію г. Тена, походилъ на „человѣка безъ рукъ и безъ ногъ, засѣдающаго на разволоченномъ креслѣ“, то и іерархія вѣдшихъ органовъ управленія устроена не менѣе оригинальнымъ образомъ. Съ перваго взгляда нельзя не замѣтить здѣсь одну отличительную черту: въ этой іерархіи нѣтъ начальниковъ и подчиненныхъ, а каждый дѣйствуетъ самъ за себя. Если министры финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, не могутъ уволить отъ службы лицъ стоящихъ во главѣ различныхъ отраслей вѣреннаго имъ управленія, то точно также чиновники на вѣдшихъ ступеняхъ администраціи независимы отъ тѣхъ которые призваны руководить ихъ дѣйствіями. Къ тому же, управленію повсюду придаемъ коллегіальный характеръ: куда ни обратимъ взоры, мы видимъ безчислен-

ное множество совѣтовъ подѣ предсѣдательствомъ лицъ не пользующихся какимъ бы то ни было на нихъ вліяніемъ. Могло однако случиться что нѣкоторые изъ этихъ совѣтовъ принялись бы серьезно за дѣло, или что тѣ или другіе изъ застѣвавшихъ въ нихъ лицъ стали бы добросовѣстно исполнять свои обязанности: съ цѣлью воспрепятствовать этому было постановлено что, во первыхъ, составъ совѣтовъ измѣняется какъ можно чаще, а вторыхъ, извѣстныя категоріи ихъ членовъ не могутъ быть избираемы вновь. Принципъ равенства и тутъ доведенъ до крайнихъ предѣловъ. Дѣйствительно, еслибы нѣкоторые лица своею опытностью, усердіемъ, знаніемъ дѣла приобрѣли прочное вліяніе, то являлось опасеніе что они образуютъ своего рода аристократію: нужно было слѣдовательно гнать ихъ, нужно было принять мѣры чтобы никто не мечталъ о возможности возвыситься надъ другими даже не происхожденіемъ и богатствомъ, а хотя бы только природными способностями. Боязнь чтобы начальники не поработали подчиненныхъ преобладала не только въ гражданскомъ управленіи, но и въ войскѣ: если нужно назначить унтеръ-офицера, то всѣ унтеръ-офицеры баталіона составляютъ списокъ кандидатовъ, изъ коихъ капитанъ выбираетъ трехъ лицъ, а полковникъ избираетъ одного изъ этихъ трехъ; такая же процедура господствуетъ и при назначеніи помощника лейтенанта; въ жандармеріи каждый жандармъ можетъ быть опредѣленъ не иначе какъ сообразуясь съ указаніями муниципальныхъ властей округа; что касается національной гвардіи, то тутъ выборное начало примѣняется безо всякихъ ограниченій: всѣ унтеръ-офицеры и офицеры до капитанскаго чина избираются солдатами, а высшіе офицеры низшими, причемъ они исполняютъ свою должность въ теченіе лишь извѣстнаго срока и не могутъ быть избраны на нее два раза сряду какія бы ни оказали въ ней отлучія. „Очевидны послѣдствія такого порядка вещей, говоритъ г. Тенъ, и въ гражданской, и въ военной сферѣ принципъ авторитета совершенно подорванъ; нѣтъ никакой возможности полагаться на подчиненныхъ; начальникъ лишенъ какого бы то ни было на нихъ вліянія; вслѣдствіе того приказанія его исполняются вяло, неохотно, а часто не исполняются и вовсе; словомъ, распущенность господствуетъ повсюду и не вслѣдствіе случайныхъ причинъ, а въ силу самаго закона.“

Можно сказать что если еще власть существовала гдѣ-нибудь не на словахъ, а на дѣлѣ, то въ мѣстныхъ муниципалитетахъ. Муниципальные чиновники въ городахъ и селахъ, вотъ кто управляетъ Франціей. Никакое распоряженіе высшей администраціи не примѣняется на дѣлѣ если они не захотятъ приложить къ тому своихъ рукъ; они занимаются почти безконтрольно распределеніемъ и сборомъ податей и налоговъ, имѣютъ право призывать на помощь къ себѣ военную силу, пользуются слѣдовательно самымъ широкимъ полномочіемъ и никакъ нельзя сказать чтобъ эта новая власть отличалась податливымъ и сговорчивымъ характеромъ: созная свою силу, муниципалитеты то и дѣло оспариваютъ распоряженія высшаго начальства, возражаютъ противъ декретовъ, и короля, и народного собранія, иногда просто-на-просто отказываются исполнять ихъ. Въ сущности въ королевствѣ образовалось сорокъ тысячъ самостоятельныхъ республикъ. Могущество ихъ такъ велико что позднѣе одна изъ нихъ, Парижская коммуна, будетъ властвовать надъ Конвентомъ и даже распоряжаться судьбами Франціи.

Что же это были за муниципалитеты? Г. Тень представилъ въ своей книгѣ подробную и вполнѣ безпристрастную ихъ характеристику. Задача ихъ была громадна и повидимому превышала человѣческія силы. Трудность ея увеличивалась еще тѣмъ что имъ приходилось не рутинѣ слѣдовать, а пролагать совершенно новые пути. Въ ихъ распоряженіи было движимое и недвижимое имущество духовенства и эмигрантовъ, суммою на шесть съ половиною милліардовъ, которую они оцѣнивали, дѣлили ей инвентарь, дробили на участки и пускали эти участки въ продажу; у нихъ на рукахъ было до восьми тысячъ монаховъ и сорокъ шесть тысячъ епископовъ, священниковъ и монаховъ, которыхъ они смѣщали, изгоняли, переводили изъ одного мѣста въ другое. Они обязаны созывать мѣстные собранія гражданъ, руководить ихъ дѣйствіями, исполнять ихъ постановленія; обязаны распределять подати и налоги, назначать сборщиковъ, наблюдать за тѣмъ какъ эти сборщики ведутъ дѣло, въ порядкѣ ли у нихъ книги и касса; они занимаются обмундированіемъ и вооруженіемъ національной гвардіи, принимаютъ мѣры чтобы жители не терпѣли отъ недостатка продовольствія, закупаютъ хлѣбъ въ

только на мѣстѣ, но иногда и на далекомъ разстояніи, оберегаютъ по возможности дѣла, слѣдятъ за правильнымъ взиманіемъ лошаины со съѣстныхъ припасовъ и т. п. Нужна большая опытность и большая энергія чтобы исполнять удовлетворительно столь сложныя обязанности, а между тѣмъ несомнѣнный фактъ что изъ 40.000 муниципалитетовъ по крайней мѣрѣ половина состояла изъ людей совершенно безграмотныхъ. Замѣчаніе это относится преимущественно къ селамъ. Духовенство не можетъ быть допущено къ муниципальному управленію, ибо это запрещено закономъ, а о томъ чтобы допустить къ нему лицъ дворянскаго происхожденія не хочетъ самъ народъ. Поневолѣ приходится такимъ образомъ довольствоваться людьми не умѣющими ни читать, ни писать; но дѣло идетъ не лучше даже и у тѣхъ кто успѣли въ грамотѣ. Тогдашній языкъ правительственныхъ декретовъ и декретовъ Народнаго Собранія, языкъ вычурный и испещренный философскими тенденціями, не легко поддавался разумѣнію сельскихъ обывателей. Они приходили въ городъ, требовали объясненій, повидимому понимали то что было имъ растолковано, а потомъ оказывалось что они не поняли ровно ничего. Въ городахъ дѣло шло конечно лучше. Тутъ членами муниципалитетовъ были большею частію нотаріусы, адвокаты, прокуроры, купцы, люди принадлежавшіе къ образованному классу общества, но всѣ они, говоритъ г. Текзъ, съ яростію усвоили себѣ революціонныя идеи, относились враждебно ко старому порядку вещей, ненавидѣли аристократію и духовенство, помѣшались на теоріи о правахъ человѣка, готовы были оправдывать самыя воліющія безобразія черни, въ сущности же большіе мастера ораторствовать, щеголять своимъ краснорѣчіемъ предъ толпой, но весьма плохіе администраторы. Къ тому же, какъ ни широка дѣятельность муниципалитетовъ, они видимо стѣснены въ ней, какъ ни велика ихъ власть, они должны подчиняться другой болѣе могущественной власти—власти своихъ избирателей, власти горожанъ и поселянъ которымъ они обязаны своимъ назначеніемъ въ должность. „Мы ихъ избрали для того чтобы они исполняли нашу волю“, вотъ что слышится повсюду, и это кажется всѣмъ до такой степени неоспоримою аксіомой что никто не дерзаетъ возражать противъ нея. Члены муниципальных управленій не болѣе

какъ орудія въ рукахъ толпы; они сѣло повинуются ея требованіямъ или лучше сказать ея прихотямъ; пусть только окажутъ они малѣйшее противодѣйствіе, и тотчасъ же обнаружится ихъ безсиліе.

Такимъ образомъ, королевская власть лишена была всякаго дѣйствительнаго значенія; административная іерархія, подчиненная этой власти, но въ сущности мало зависѣвшая отъ нея, тоже не могла похвалиться своимъ авторитетомъ; настоящее управленіе страной сосредоточивалось въ рукахъ муниципалитетовъ, но они находились въ тѣсной зависимости отъ толпы; изъ всего этого ясно что ни предъ кѣмъ не отвѣтственное лицо, гражданинъ, „избиратель“ (*électeur*), вотъ кому принадлежали судьбы Франціи. Ему обязаны были своимъ существованіемъ почти всѣ власти, начиная съ сельскаго мера и кончая депутатами народного собранія, со включеніемъ сюда членовъ высшей и низшей судебной магистратуры. Онъ то и дѣло участвуетъ въ выборахъ. Г. Тень разчиталъ что не проходило почти недѣли когда не вынужденъ былъ бы онъ являться въ мерію или ратушу чтобы подавать голосъ. Онъ теряетъ на это цѣлую треть своего времени, а время крестьянину, торговцу, кулцу очень дорого. При постоянно усиливавшейся анархіи высшіе классы общества, классы зажиточные все болѣе и болѣе устранились отъ публичной жизни, и вся ея тягость падала на людей которые своими руками зарабатывали хлѣбъ, у которыхъ было очень мало досуга чтобы посвящать его общественнымъ дѣламъ. Можно ли было требовать отъ нихъ чтобы они непрерывно отрывались отъ своихъ обычныхъ занятій для исполненія обязанностей возложенныхъ на нихъ конституціей? Въ первые мѣсяцы дѣло еще шло кое-какъ, но съ теченіемъ времени число избирателей желавшихъ пользоваться своимъ правомъ начинаетъ быстро уменьшаться: тамъ гдѣ по спискамъ насчитывалось ихъ 5.000 или 6.000, являлось не болѣе 700 или 900 Франція Людовика XVI рѣшительно оказывалась неспособною превратиться со дня на день въ средневѣковую Флоренцію или въ древнія Аѳины.

Если значительная часть общества устранилась отъ избирательной урны, то ею овладѣваетъ меньшинство, стоявшее весьма низко и въ умственномъ, и нравственномъ отношеніи, но именно поэтому—такъ какъ ему нечего было

терять и представлялась напротивъ возможность много выиграть—обладавшее и энергіей, и отвагой. „При такомъ порядкѣ вещей, замѣчаетъ г. Тень, когда всѣ видныя должности выборны и выборы происходятъ очень часто, политика открываетъ широкую карьеру для людей ищущихъ въ ней удовлетворенія своихъ частныхъ интересовъ; въ каждой деревнѣ найдется пять или шесть такихъ искателей приключеній, въ каждомъ мѣстечкѣ два или три десятка, въ каждомъ городѣ нѣсколько сотенъ, и нѣсколько тысячъ въ Парижѣ. Вотъ настоящіе полноправные граждане. Они одни посвящаютъ все свое время общественнымъ дѣламъ, ведутъ постоянную перелиску съ парижскими депутатами и журналистами, совѣщаются между собою, устраиваютъ сходки, держать подъ строгимъ своимъ надзоромъ мѣстныя власти, покровительствуютъ тѣмъ или другимъ кандидатурамъ, обязываютъ различныя мѣстности чтобы пріискать себѣ приверженцевъ... Такъ бываетъ всегда въ чистыхъ демократіяхъ; вотъ почему между прочимъ въ Соединенныхъ Штатахъ расплодился *politicians*. Въ награду за свою тревожную дѣятельность эти неутомимые агенты требуютъ конечно вознагражденія, а вознагражденіемъ служатъ для нихъ выборныя должности, потому что выборы сдѣлались ихъ монополіей.“ Во Франціи аччюсть ихъ къ мѣстамъ могла быть удовлетворена вполне: не говоря уже о департаментскомъ, городскомъ и сельскомъ управленіи, посредствомъ выборовъ нужно было назначить болѣе 80 епископовъ, 750 депутатовъ народнаго собранія, 400 членовъ уголовныхъ и 3.700 членовъ гражданскихъ судовъ, 5.000 мировыхъ судей и 20.000 ихъ помощниковъ, 40.000 общинныхъ сборщиковъ податей и 46.000 священниковъ. Всякое честолюбіе, всякая корысть, мѣтившія высоко и довольствовавшіяся малымъ, могли тутъ найти себѣ пишу. Агитаторы имѣли предъ собою цѣль, и для достиженія ея не щадили никакихъ усилій. Главнымъ средоточіемъ ихъ дѣятельности служили клубы, которые уже въ 1790 году по образцу парижскаго клуба Якобинцевъ возникаютъ во всѣхъ городахъ и чуть ли не во всѣхъ селахъ. Здѣсь каждый вечеръ собираются такъ-называемые патріоты „чтобы содѣйствовать благу общественнаго дѣла“ (*pour coopérer au salut de la chose publique*); здѣсь получаютъ они сами и раздаютъ другимъ лозунгъ, здѣсь своими рѣчами не даютъ они

на минуту утихнутъ анархіи, здѣсь тѣмъ услышаніе противодѣйствуютъ они возстановленію порядка и спокойствія что сама конституція даетъ имъ для этого твердую опору. Во главѣ этой конституціи находилась декларация о правахъ человека, и само Народное Собраніе озабочилось истолковать что всѣ остальные постановленія конституціонной хартіи имѣютъ временный преходящій характеръ, но что лишь истины заключающіяся въ деклараціи всегда одинаково справедливы и непреложны. „Незнаніе, забвеніе правъ человека или презрѣніе къ нимъ, гласитъ упомянутый актъ, вотъ единственная причина всѣхъ общественныхъ бѣдствій и злоупотребленій правительствъ“; „общество должно безпрерывно имѣть ихъ предъ своими взорами“; оно обязано не только памятовать о нихъ но и направлять всѣ усилія чтобы „охранять эти естественныя и неотъемлемыя права“. Положимъ, является сомнѣніе какъ истолковать тотъ или другой законъ; для этого существуетъ только одно средство—искать руководства въ деклараціи о правахъ человека. Для того-то, говорила конституціонная хартія, и обозначены они подробно „чтобы всякое дѣйствіе законодательной и исполнительской власти могло быть ежеминутно прѣвѣряемо ими.“ А кто же будетъ прѣвѣрять эти дѣйствія какъ не общество, то-есть отчаянное меньшинство присвоившее себѣ право говорить и дѣйствовать отъ имени цѣлаго общества? Каждая статья пресловутой деклараціи становится въ его рукахъ, какъ замѣчаетъ г. Тенъ, кинжаломъ направленнымъ противъ общественнаго порядка. И надо видѣть какъ ловко пользуются вожаки клубовъ этимъ орудіемъ. Декларация давала гражданамъ право „противиться притѣсненію“, и вотъ тотчасъ же слышатся вопли: мы притѣснены, намъ это извѣстно лучше чѣмъ кому-нибудь, возстанемъ же противъ притѣснителей! Другое право состояло въ томъ чтобы „требовать отчета у лицъ облеченныхъ властью за административную ихъ дѣятельность“: пойдемъ же въ городскую ратушу, подвергнемъ допросу ненадежныхъ или слишкомъ робкихъ чиновниковъ, посмотримъ не лгутъ ли они аристократамъ и священникамъ, и не замышляютъ ли чего-нибудь противъ духовенства! Въ деклараціи стояло что „всѣ граждане рождаются свободными и равными относительно своихъ правъ“: стало-быть не можетъ быть никакихъ различій относительно

допущенія въ ряды національной гвардіи; всякій долженъ получить ружье или саблю чтобъ оберегать свою свободу. „Законъ есть выраженіе общей воли“, а если такъ, прислушайтесь только къ реву толлы, взгляните на адреса стекающіеся изъ вѣхъ клубовъ; развѣ это не общаа воля? Какъ же иначе распознать ее? Иля этимъ лутемъ демагоги низвергнуть престолъ, поработать законодательное собраніе и будутъ внушать ужасъ даже Конвенту.

Но гдѣ же искать начало зла какъ не въ дѣятельности Учредительнаго Собранія? Правда, оно не создало его, но постаралось узаконить и развить. Вотъ почему г. Тенъ считаетъ себя въ правѣ произнести о немъ суровый приговоръ. „Многими узаконеніями, говорить онъ, преимущественно касавшимися частныхъ правъ, Собраніе посылало добрыя сѣмена, но въ области политическихъ учреждений и общественнаго устройства оно дѣйствовало какъ было бы прилично академіи утолистовъ, а не законодательной палатѣ, состоящей изъ практическихъ людей. Оно подвергало вѣрныи его полеченіямъ больной организмъ столь же неутираннымъ сколько и бесполезнымъ ампутаціямъ, налагало на него повязки въ недостаточномъ количествѣ и крайне не пригодины. За двумя или тремя исключеніями вызванными непоследовательностью, къ которымъ слѣдуетъ причислить сохраненіе лишенной всякаго авторитета королевской власти и установленіе ничтожнаго избирательнаго ценза, Собраніе до конца оставалось вѣрно своему принципу, то-есть принципу Руссо. Оно упорно хотѣло видѣть не живыя лица находившіяся предъ его глазами, а отвлеченныя существа созданныя книгами. Вслѣдствіе того, съ ослабленіемъ руководящаго лишь теоріями хирурга, оно уничтожило въ организмѣ лежавшемъ подъ его ножомъ не только опухоли и наросты, но самыя органы, уничтожило всѣ вѣковыя, естественныя группировки, которыя создаются географіей, исторіей, общностью интересовъ и занятій, снесло съ лица земли вѣхъ прирожденныхъ вождей, которые по своему происхожденію, воспитанію, независимости и способностямъ имѣли право на первенствующую роль. Благодаря этой операціи порвана всякая связь между людьми, исчезла всякая подчиненность или іерархія. Нѣтъ ни начальниковъ, ни кадровъ; остаются только разрозненныя личности, двадцать шесть милліоновъ равныхъ

между собою и разрозненныхъ атомовъ. Столь же неискусное въ дѣлѣ созиданія какъ и въ дѣлѣ разрушенія, Собраніе изобрѣло чтобы возстановить какой-нибудь порядокъ во взбаламученномъ обществѣ машину, которая была способна перевернуть вверхъ дномъ даже общество наслаждавшееся спокойствіемъ... Высшій предѣлъ умозрительнаго совершенства и практическаго безсмысла достигнуть; конституція узаконила анархію, и анархія эта отличалась такимъ образцовымъ характеромъ въ своемъ родѣ что ничего лучше еще не было видано начиная съ IX вѣка..."

III.

Г. Тень изобразилъ разложеніе общества, начавшееся во Франціи въ первые мѣсяцы революціи; третій отдѣлъ своей книги посвятилъ онъ тому какимъ образомъ это разложеніе продолжалось подъ вліяніемъ законовъ устанавливаемыхъ Учредительнымъ Собраніемъ, и этотъ отдѣлъ по обилію собранныхъ въ немъ фактовъ едва ли не замѣчательнѣе остальныхъ. Мы не можемъ конечно исчерпать его подробно, а остановимся лишь на общихъ чертахъ, обозначенныхъ авторомъ.

Франція представляла необычайное зрѣлище: на словахъ и въ законодательствѣ необыкновенная симметрія, а въ дѣйствительной жизни несмѣримый произволъ и безурядица. Издали могло показаться что въ странѣ утвердилось безграницное господство философіи, а вблизи она каломинала собою злоху Каролинговъ. Малоу говорить о тогдашней Франціи что это—Алжиръ, даже хуже—Алжиръ безъ деа. Приморскіе департаменты, не сносясь съ правительствомъ, налагаютъ амбарго на находящіеся въ ихъ гаваняхъ корабли; муниципалитеты возвращаютъ министрамъ ихъ приказы даже не удостоивая ихъ распечатать; войска не повинуются своимъ начальникамъ; какой-нибудь полкъ получаетъ приказаніе двинуться въ извѣстный пунктъ, но по дорогѣ въ томъ или другомъ городѣ, мѣстная власть приглашаетъ его остановиться, и онъ располагается на квартирахъ не смотря на возобновлявшіеся распоряженія изъ Парижа. Не трудно понять какво было при этомъ настроеніе народа. „Потокъ новыхъ смутныхъ и несообразныхъ идей, говоритъ

г. Тень, овладѣлъ умами. Дѣло шло о громаднѣхъ интересахъ, о которыхъ толпа никогда не помышляла,—о нравительствѣ, королевской власти, церкви, иностранныхъ державахъ, опасностяхъ внутреннихъ и внешнихъ, о томъ что происходило въ Парижѣ и Кобленцѣ, о возстаніи въ Нидерландахъ, о кабинетахъ Лондонскомъ, Мадридскомъ, Вѣнскомъ и Берлинскомъ: о всемъ этомъ толпа собирала слухи гдѣ и какъ можетъ. Одинъ офицеръ (Дамартенъ) рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ что ставленныя смотрители не давали ему лошадей до тѣхъ поръ пока онъ не дѣлился съ ними новостями; крестьяне останавливали на дорогѣ его экипажъ и приставали къ нему съ разспросами; въ Отвѣ пришлось ему несмотря на жестокий холодъ, рассказывать изъ открытаго окна все что онъ зналъ о Народномъ Собраніи. Слухи конечно искажались, принимали чудовищную форму перехода изъ однихъ устъ въ другія. Мало-по-малу возникали изъ нихъ цѣлая легенды вполне приспособленныя къ умственному складу и страстямъ толпы. Прослѣдите только какимъ образомъ отзывались эти басни на грубой, невѣжественной, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбужденной до послѣдней степени черни—на крестьянахъ, торговкахъ, въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городишкѣ, и вы увидите что вліяніе ихъ было громадно. Иначе не могло и быть, ибо у этихъ людей увѣренность въ чемъ-нибудь тотчасъ переходитъ въ дѣло, побуждаетъ ихъ къ насильственнымъ кровавымъ поступкамъ. Только усвоенное долгимъ путемъ хладнокровіе, размышленіе и культура ставятъ между пробудившеюся страстью и готовымъ совершиться подъ ея вліяніемъ дѣйствіемъ—соблюденіе формъ и уваженіе къ закону. Все это чуждо народу. Онъ не умѣетъ остановиться самъ и не терпитъ чтобы его останавливали другіе. Къ чему проволоочки, когда опасность на носу? Къ чему соблюденіе формъ, когда дѣло идетъ о спасеніи? Можетъ ли быть что-нибудь священное въ законѣ, если законъ прикрываетъ враговъ народа? Не злодѣй ли естественно и справедливо самому покарать тотчасъ же на мѣстѣ преступленіе? Не недѣло ли ждать для этого приговора робкихъ и ослѣвленныхъ судей? Такимъ образомъ въ глазахъ толпы быстрая и самовольная расправа—не только обязанность, но и великое достоинство. Еслибы центральная власть находилась у нея подъ рукой,

е задумалась бы наложить руку и на нее, но за невозможностью этого, тогдѣ замѣняетъ ее собой на всемъ пролегающей территоріи совмѣщая въ себѣ и жандарма, и судью, и пача...

и полной разнузданности страстей пробуждаются и страсти которыя не имѣли ничего общаго съ революціей. Въ южныхъ департаментахъ протестанты не замедлили испытать на себѣ что такое свобода, какъ понималъ народъ. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ отмѣнены были истинныя постановленія налагавшія на нихъ тяжкій налогъ; въ 1787 году возвращены были имъ всѣ гражданскія права, но не такъ легко было искоренить вѣковую вражду у нихъ и католиками, и теперь эта вражда непрерывно даетъ поводъ ко кровавымъ столкновеніямъ. Естественнымъ слѣдствіемъ повсемѣстной и безобразной анархіи

то что отъ нея одинаково страдали и народъ, и образованные классы общества, и наконецъ государство. Что это были массы народа, то главнымъ образомъ поглощенная она была мыслію объ обезпеченіи продовольствія, о вѣснѣ хлѣба, но возможно ли было достигнуть этого тогдашнимъ порядкомъ вещей? Для торговли наступилъ полный застой; люди зажиточные старались припрятать то успѣвали производить выжидая болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ; хлѣбъ лежалъ въ складахъ, продаваемого лишь тайкомъ, не иначе какъ въ вѣрные руки и слышанной до тѣхъ поръ цѣнѣ. Противъ этого принципа были разныя мѣры, только ухудшавшія положеніе, а именно обыски, запрещеніе перевозить хлѣбъ изъ одного мѣста въ другое, такса, но ни что не помогало. Хлѣбъ шивался какъ залуганное животное, несмотря на все ни за нимъ, говоритъ г. Тенъ. Въ бумагахъ того времени и дѣло встрѣчаются жалобы что „землевладѣльцы аваяютъ на рынокъ очень мало хлѣба, лишь сколько необходимо чтобъ оградить себя отъ преслѣдованій и угрозъ.“ Такимъ образомъ народъ своими неистовыми самъ усиливалъ свою нищету, но не сознавалъ ко- о тѣсную зависимость одного изъ этихъ явленій отъ другого, и продолжалъ вопить противъ барышниковъ, про- чинниковъ которые будто бы находились съ ба- рышниками въ стачкѣ. Иногда Національное Собраніе по- ло депутатовъ въ тѣ мѣстахъ гдѣ волненіе прини-

мало особенно опасный характеръ; депутаты говорили рѣчи продолжавшіяся по два и по три часа сразу; въ отвѣтъ на эти потоки краснорѣчія толпа при нихъ же начинала разсуждать слѣдуетъ ли ихъ повѣсить, утопить или отрубить имъ головы. Она не слушала никакихъ совѣтовъ, хотѣла распоряжаться сама, непрерывно возставала противъ чиновниковъ которые ею же самою облечены были властью, и нерѣдко власть эта переходила въ такія руки что изумленію нѣтъ границъ. Дѣло дошло до того что однажды въ Ліонѣ, самомъ значительномъ изъ городовъ послѣ Парижа, въ теченіе трехъ дней сразу городскимъ управленіемъ за вѣдывали публичныя женщины низшаго разряда. „Онѣ подчинили себѣ центральный клубъ,—гласятъ современные документы,—обращались съ воззваніями къ народу, осматривали магазины, устанавливали таксу на всѣ жизненные припасы, грозили смертью всякому кто дерзнетъ не повиноваться ихъ распоряженіямъ“, и чтобы слѣдить за успѣхомъ своего дѣла, назначили такихъ же публичныхъ женщинъ какъ онѣ сами полицейскими комиссарами.

Такъ какъ среди этой неслыханной анархіи приступлено было къ осуществленію громадной экономической реформы, то не трудно представить себѣ въ какомъ положеніи находились государственные доходы. Вопросъ о банкротствѣ серьезно обсуждался въ Учредительномъ Собраніи; оно отступило предъ этою крайностью, но необходимость заставляла немного ранѣе или позднѣе примириться съ нею, ибо казна пустѣла съ каждымъ днемъ. Народъ хотѣлъ платить какъ можно меньше, и собранію оставалось только подчиниться этому требованію; многіе изъ его декретовъ были у него вырваны почти силой; прежде всего дѣла коснулось косвенныхъ налоговъ; собраніе значительно понизило нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ соляную регалію и акцизы на табакъ, въ сущности не допускало мысли о совершенной ихъ отміну. Пришлось однако мало-по-малу прибѣгнуть къ этой мѣрѣ: въ 1790 году отмінена была соляная регалія, пошлины на кожу, масло; крахмалъ, въ 1791, акцизы на съѣстные припасы при ввозѣ ихъ въ города, акцизы на табакъ и всѣ пошлины на производство и продажу вина. При этомъ уменьшеніи податей слѣдовало по крайней мѣрѣ надѣяться что прямыя налоги будутъ правильно поступать въ казну, но какъ побудить къ этому

Теперь, говорить г. Тенъ, каждый изъ обывателей есть себя полнымъ господиномъ въ своей общинѣ: онъ пользуется правомъ голоса, занимаетъ мѣсто въ рядахъ национальной гвардіи, можетъ сдѣлаться меромъ, ему прижитъ право распорядиться вооруженною силой и пригъ участие въ распредѣленіи налоговъ. Попробуйте вы его чтобъ онъ вытащилъ на свѣтъ Божій главный горшокъ въ который положилъ всю свою душу и все, чтобъ онъ разстался съ серебряными монетами ко- я копилъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ не рѣшаясь одовать ихъ даже тогда когда приходилось ему терпѣть голода!" Неудивительно поэтому что къ маю 1790 *tailles* и другія государственныя подати принесли казнѣ то 161 милліона только 28; въ такъ-называемыхъ *rayons* * вмѣсто 28 милліоновъ собрано было не болѣе 6. ание установило новый налогъ—*don patriotique*, а именно жило взимать одну четверть со всякаго чистаго дохода ышавшаго 400 ливровъ, и $2\frac{1}{2}\%$ съ драгоценныхъ ей, золотыхъ и серебряныхъ вещей, принадлежавшихъ нымъ лицамъ. Налогъ этотъ принесъ въ 1790 году .000 ливровъ. Всего же отъ государственныхъ ло- й и отъ *don patriotique* было получено 43 милліона. но безошибочно предполагать, замѣчаетъ г. Тенъ, значительная часть этой суммы, по крайней мѣрѣ двѣ рети, падали на прежніе привилегированные классы; были зажиточнѣе другихъ и съ ними не церемонились; правность ставилась имъ въ преступленіе, а если такъ, въ первый годъ революціи, крестьяне о которыхъ въ то время говорили что они *taillables et corvéables à vie*—не улачивали изъ своего кармана почти ровно ни-

овая конституція нисколько сдѣдовательно не улучшила оженія дѣлъ. А между прочимъ многіе утѣшали себя на- цой что если анархія господствовала на всемъ протяженіи нціи, то она была вызвана лишь временнымъ взрывомъ

Какъ назывались семнадцать провинцій, сохранившихъ провин- ные штаты до самой революціи. Сравнительно съ другими онѣ дились въ выгодномъ положеніи, ибо избѣгли крайностей адми- ративной централизаціи.

страстей, которыя не замедляютъ успокоиться какъ скоро Собраніе выработаетъ основы правильнаго устройства для страны. Вотъ почему при первомъ извѣстіи объ обнародованіи конституціи эмигранты начали толпами возвращаться изъ-за границы; по словамъ тогдашнихъ газетъ, напавъ этотъ былъ такъ силенъ что на нѣкоторыхъ почтовыхъ станціяхъ не хватало лошадей для проезжавшихъ. Приверженцы королевской власти были убѣждены что кризисъ миновалъ и что теперь по крайней мѣрѣ можно будетъ жить спокойно; они заботились только о безопасности своего личнаго существованія; они готовы были примириться съ новыми демократическими учрежденіями, смѣшаться съ толпой, избѣгать всего что могло бы напомнить объ ихъ прежнемъ положеніи въ обществѣ, лишь бы только предоставляемо было имъ пользоваться такими же правами какія принадлежали другимъ сословіямъ. Конечно, они знали что ихъ отъснять отъ участія въ мѣстномъ управленіи, что ихъ не допускать ни къ одной изъ должностей которыя замѣщались по выборамъ, но охотно мирились съ этою участію уже потому что въ прежнее время не были знакомы съ дѣятельностью такого рода. „Дороже всего этого, замѣчаетъ г. Тенъ, была имъ возможность вести спокойную жизнь, заниматься охотой, чтеніемъ, бесѣдой, прогулкой, подѣлывать лишь условіемъ чтобы у себя дома и въ публичномъ мѣстѣ они пользовались покровительствомъ закона наравнѣ съ любыми конюхомъ и лавочникомъ.“ Грустная дѣйствительность разочаровала ихъ на этотъ счетъ! Тотчасъ же по возвращеніи своемъ они увидали что при господствѣ конституціи дѣла пошли еще несравненно хуже. Обыкновенно стараются объяснить это тѣмъ что прежнее дворянство только и дѣлало что ухищлялось въ заговорахъ, что оно поставило себѣ задачею испровергнуть новый порядокъ вещей и стремилось къ этой цѣли со всею своею энергіей и умѣньемъ. Пора отбросить подобную клевету, замѣчаетъ г. Тенъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію что представители знатныхъ фамилій, избравшихъ себѣ убѣжищемъ Кобленцъ и Туринъ, составляли заговоры, и это вполнѣ повѣстно съ ихъ стороны: они потеряли все—власть, значеніе, доходныя мѣста, имущество; неистовая злоба овладѣла ими, и они не отступали предъ самыми отчаянными планами. Но возможно ли допустить чтобы люди которые не

рѣшались покинуть Францію или слѣдили возвратиться въ нее какъ скоро просіялъ для нихъ лучъ обманчивой надежды—мелкіе и средней руки дворяне, никогда не блиставшіе въ Версаль, не покидавшіе почти своихъ скромныхъ замковъ—отважились на борьбу съ революціоннымъ потокомъ когда милліоны глазъ зорко слѣдили за ними и когда не только неосторожное дѣйствіе, но неосторожное слово неминуемо навлекало на нихъ бѣду. Къ тому же и они, подобно другимъ классамъ общества, давно уже утратили подъ вліяніемъ административной централизаціи привычку дѣйствовать сообща; они могли бы еще предпринять что-нибудь если бы толчокъ къ тому данъ былъ имъ свыше, ихъ естественнымъ вождемъ—королемъ, но король, находившійся въ рукахъ черни, только и совѣтовалъ имъ покориться, сидѣть спокойно. „Короче сказать, говоритъ г. Тенъ, въ теченіе тридцати мѣсяцевъ сряду, подъ непрерывнымъ дождемъ угрозъ грабежа и оскорбленій, оставшіеся во Франціи дворяне не предпринимаютъ никакого враждебнаго дѣйствія противъ правительства воздвигнушаго на нихъ гоненіе. Никто изъ нихъ, даже Булье, не пытался исполнить настоящій планъ междоусобной войны; въ упомянутый періодъ времени я вижу въ ихъ рядахъ только {одного рѣшительнаго человека, готоваго дѣйствовать и старающагося организовать противъ враждебной силы тоже силу; онъ—заговорщикъ въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ сносится съ графомъ Артуа, собираетъ подписи подъ просьбой обезпечить свободу короля и церкви, формируетъ вооруженные отряды, старается привлечь въ нихъ крестьянъ, возбуждаетъ возстаніе въ Лангедокъ и Провансъ, не этотъ человекъ не дворянинъ, а простой буржуа—Фроманъ изъ Нима. Въ рѣшительную минуту изъ восемнадцати отрядовъ, на которые разчитывалъ онъ, только три согласились послѣдовать за нимъ. Другіе спрятались по домамъ гдѣ, послѣ того какъ былъ убитъ Фроманъ, перерѣзали и ихъ.“

Кажется, народъ могъ бы ужиться съ такимъ дворянствомъ если бы не всецѣло овладѣвшее имъ чувство, которое г. Тенъ называетъ „мономаніей подозрительности“. Эта мономанія породила уже страшныя бѣды въ самомъ началѣ революціоннаго движенія, но она принимала все большіе размѣры и послѣ того какъ новый порядокъ вещей уже утвердился и оставалось повидимому только торжествовать

побѣду. А что если придется возвратить духовенству отня-
 тая у него помѣстья? Что если опять нужно будетъ пла-
 тить тѣ налоги отъ которыхъ освободилъ насъ законъ, и
 тѣ отъ которыхъ мы уклоняемся несмотря на предписа-
 ния закона? Что если ограбленнымъ нами дворянамъ возвра-
 щены будутъ ихъ прежнія права? Очевидно они сами толь-
 ко и думаютъ о томъ какъ бы возстановить прежній поря-
 докъ вещей, сносятся съ чужеземными врагами и выжида-
 ютъ удобнаго случая все повернуть назадъ: необходимо
 слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ, не спускать съ нихъ
 глазъ! Эти мысли неотступно овладѣли толлою. „Только въ
 городахъ, да и то не во всѣхъ, говорить г. Тень, дворя-
 нинъ еще могъ какъ-нибудь укрѣпиться; по крайней мѣрѣ
 здѣсь призраки создаваемые воображеніемъ не такъ грубы;
 нѣкоторая доля образованія и остатокъ здраваго смысла
 препятствуютъ распространенію слишкомъ неаппетитныхъ бас-
 ней. Но въ темной крестьянской средѣ ничто не удержи-
 ваетъ монаманію подозрительности. Всякія дикія бредни
 переходятъ здѣсь въ твердую увѣренность и убѣжденіе:
 онѣ приносятъ обычные свои плоды—озлобленіе, вражду,
 кровавые и разрушительные помыслы. Въ каждомъ замкѣ
 крестьяне видятъ Бастилію, и вмѣсто того чтобы, какъ
 прежде, при встрѣчѣ съ дворяниномъ приветствовать его
 поклономъ, помышляютъ лишь о томъ какъ бы пустить ему
 пулю въ лобъ.“ Естественно что иной дворянинъ ожидая
 съ минуты на минуту нападенія запасается кое-какимъ
 оружіемъ; народъ прослышалъ объ этомъ, и вотъ явился до-
 статочная причина для того чтобы сжечь его жилище и
 подвергнуть его самого страшнымъ истязаніямъ; онъ одинъ
 не имѣетъ права держать у себя ни ружей, ни пистолетовъ
 когда всѣ вокругъ него вооружены съ ногъ до головы. Если
 онъ такъ остороженъ или такъ безропотно покорился своей
 участи что и не помышляетъ о средствахъ оградить свою
 жизнь, то найденъ будетъ какой-нибудь другой предлогъ.
 Въ одномъ замкѣ портному заказано шить плащъ; порт-
 кой случайно разказалъ въ трактирѣ что ему не велѣно
 приставлять къ плащю пуговицы, что это сдѣлано будетъ
 послѣ, и вотъ фантазія его слушателей начинаетъ рабо-
 тать: очевидно что дѣло идетъ не о простомъ плащѣ, а о
 какомъ-нибудь мундирѣ, отличительнымъ знакомъ коего
 должны служить пуговицы; вѣроятно такихъ мундировъ

изготавливается много; нѣтъ сомнѣнія что они предназначены для отряда который соединится съ войсками графа Артуа и принца Конде; быть-можетъ дѣйствія его начнутся не далѣе какъ завтра, а потому благоразуміе требуетъ предупредить опасность. Отъ словъ не далеко до дѣла—замокъ разграбленъ и сожженъ, а владѣльца его бросаютъ въ тюрьму, изъ которой не выходитъ онъ вовсе или выходитъ лишь по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ Брестѣ кто-то нацарапалъ на стѣнѣ одного дома антиреволюціонную карикатуру: кого же подозрѣвать въ этомъ какъ не дворянъ? Толпа бросилась на нихъ, нѣсколько человѣкъ избито, а одного убили, отрѣзали ему голову и съ торжествомъ носили ее по городу. Въ Парижѣ избранное общество—въ томъ числѣ посланники датскій и Венеціанской республики—собралось на вечеръ въ одномъ изъ отелей С.-Жерменскаго предмѣстья; случилось что въ ворота этого отеля вѣхала телега съ сѣномъ. Какой то „патріотъ“ выпускаетъ слухъ будто подъ сѣномъ скрывался непримѣнно самъ король, прибѣгнувшій къ этому способу чтобы вступить въ совѣщанія со своими сообщниками-аристократами. Отель немедленно окруженъ со всѣхъ сторонъ, начинается обыскъ, и несчастные гости очень рады что имъ удалось уйти домой подвергнувшись не побоямъ, а только угрозамъ и оскорбленіямъ толпы. Мы ограничились лишь немногими примѣрами, но въ книгѣ г. Тена посвященъ имъ цѣлый рядъ страницъ, и всѣ эти примѣры доказываютъ самымъ убѣдительнымъ образомъ что жизнь при такихъ условіяхъ сдѣлалась для многочисленнаго класса общества тяжкимъ бременемъ.

Увидѣвъ собственными глазами во что превратилась Франція послѣ обнародованія конституціи, возвратившіеся были эмигранты рѣшились снова покинуть отечество; бѣжали вмѣстѣ съ ними и многіе изъ дворянъ, которые до послѣдней минуты упорствовали оставаться на мѣстѣ. Тѣ у кого не хватало денежныхъ средствъ для этого переселенія, шли пѣшкомъ. „Эмиграція, говоритъ одинъ изъ современниковъ, была вызвана исключительно анархіей. Если бы личная свобода не подвергалась ежедневно опасностямъ, если бы не пущенъ былъ въ ходъ бессмысленный догматъ что въ преступленіяхъ совершаемыхъ толпой нужно видѣть приговоръ самого Неба, то Франція сохранила бы по

крайней мѣрѣ двѣ трети бѣглецовъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ подвергались они постыднѣйшимъ опасностямъ, всякаго рода угрозамъ, безчисленнымъ преслѣдованіямъ, должны были страшиться убійцъ и поджигателей, страшиться доносцовъ своихъ подкупленныхъ слугъ, и въ награду за все это ихъ требовали къ отвѣту за то что у нихъ вырывался иногда ропотъ, за то что они обнаруживали иногда ощущение боли которое жаль видѣть даже въ страдающемъ животномъ... Съ самаго начала установлено было двойное право, двойное правосудіе, двойная нравственность: на основаніи одного изъ нихъ разрѣшалось прибѣгать противъ своего ближняго, считавшагося аристократомъ, ко всякимъ такимъ дѣйствіямъ которыя признавались въ высшей степени преступными относительно патріотовъ. Могъ ли кто-нибудь предвидѣть что по истеченіи двухъ лѣтъ Франція, получившая новые законы, новые суды, національную гвардію обязанную, согласно своей присягѣ, охранять общественное спокойствіе и порядокъ, все еще будетъ походить на арену на которой дикіе звѣри пожирали безоружныхъ людей! Учредительное Собраніе и затѣмъ Собраніе Законодательное не допустили никакаго различія между эмигрантами; всѣ они одинаково подвергались карѣ, то-есть были лишены гражданскихъ правъ. Имъ предоставлялъ былъ одинъ выборъ: или возвратиться и подставить свою шею подъ ножъ убійцъ, или же обречь себя на скитальческую жизнь и нищету. Понятно что у человѣка который вовсе не былъ аристократомъ и по происхожденію не принадлежалъ къ Франціи, у Малле-Дюлана, вырвался отчаянный вопль: „Какъ! двадцать тысячъ семействъ совершенно чуждыхъ замысламъ Кобленцкихъ эмигрантовъ, двадцать тысячъ семействъ разсыянныхъ по лицу Европы ужасами каубезъ, преступленіями разбойниковъ, отсутствіемъ всякой личной безопасности, позорнымъ безсиліемъ запуганныхъ властей, грабежомъ собственности, наглостью шайки тирановъ безъ штановъ и безъ куска хлѣба, рѣзней и пожарами, низкимъ лютворствомъ министровъ, словомъ, всѣми бичами революцій,—какъ, эти двадцать тысячъ доведенныхъ до отчаянія семействъ, женщины и старики, должны помириться съ мыслью что ихъ законное наслѣдіе сдѣлается добычею хищниковъ! какъ гжа Гилленъ напримѣръ, которая должна была съ ужасомъ бѣжать изъ того мѣста гдѣ

чудовища сожгли ея домъ, зарѣзали и съѣли ея мужа, а теперь спокойно проживаютъ рядомъ съ ея помѣстьемъ, осуждена на то что имущество ея будетъ конфисковано въ пользу общины совершившей всѣ эти варварскіе подвиги!“

Дворянство страдало не одно. Наряду съ нимъ совершенно такой же участи подверглось духовное сословіе,—та часть его которая не подчинилась гражданской конституціи клира, то-есть громадное большинство. Священники могли, кажется, подобно дворянамъ разчитывать что ихъ оставить въ покоѣ; они исполнили все чего требовалъ отъ нихъ законъ; ихъ лишили жалованья, и они безропотно подчинились этому; у нихъ отняли приходы, и они послушливо уступили мѣсто своимъ преемникамъ; они держатся въ сторонѣ, и только желающіе по доброй волѣ обращаются къ нимъ за совершеніемъ требъ. Но толпа никакъ не могла простить имъ подобный образъ дѣйствій. Если священникъ не присягаетъ гражданской конституціи духовнаго сословія, которая составляетъ часть конституціи общей, то значитъ онъ врагъ всего новаго порядка вещей. Но этотъ новый порядокъ вещей представляетъ собою верхъ совершенства; если дѣла идутъ при немъ не такъ хорошо какъ бы слѣдовало, то единственно потому что у него есть враги. Нужно слѣдовательно истребить этихъ враговъ—и гоненіе начинается. Для людей высшихъ классовъ уже приискаана позорная кличка—*аристократъ*; найдена она и для священниковъ—*фанатикъ*. Во всѣхъ департаментахъ устраивается за ними настоящая травля. Безъ слѣдствій и суда „фанатиковъ“ хватаютъ десятками и сотнями, сажаютъ ихъ въ тюрьмы, устраиваютъ надъ ними строгій надзоръ, не позволяютъ имъ ни на шагъ удаляться изъ мѣстности, въ которой силою поселяютъ ихъ. Ненависть обращена не только противъ этихъ несчастныхъ, но и противъ всѣхъ кто осмѣливается прибѣгать къ ихъ духовной помощи: едва распространяется слухъ что въ тотъ или другой домъ вошелъ тайкомъ со святыми дарами священникъ не привесшій присяги (*prêtre non assermenté*) какъ этотъ домъ тотчасъ же окруженъ, толпа выбиваетъ въ немъ стекла, нерѣдко наноситъ истязанія хозяевамъ. Народъ дѣйствуетъ при этомъ подъ вліяніемъ различныхъ побужденій; одно изъ нихъ г. Тенъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Приближается

Пасха, а въ теченіе года совѣсть крестьянъ, приобрѣтшихъ церковныя имуществы, становится все болѣе и болѣе тревожною. Къ 24 мая 1791 года продано было ихъ только на 180 милліоновъ, но такъ какъ Собраніе отсрочило платежи и облегчило способы перепродажи по мелкимъ участкамъ, то искушеніе было слишкомъ сильно для крестьянина: онъ рѣшился разетаться со своимъ столь бережно хранимымъ кладомъ. Въ теченіе семи мѣсяцевъ приобрѣлъ онъ на 1.346 милліоновъ и наконецъ достигъ своей завѣтной цѣли—получилъ въ полную собственность клочокъ земли, на который столько лѣтъ бросалъ свои жадные взоры, а быть-можетъ еще и что-нибудь больше—лѣсъ, мельницу или лугъ. Теперь ему оставалось только очистить себя предъ церковью; ибо если разчетъ денежный отсроченъ, то исповѣдь отсрочить нельзя. Съ незапамятныхъ временъ привыкъ онъ говѣть въ извѣстное время, говѣть вмѣстѣ съ женой и матерью, и еслибы даже онъ самъ рѣшился уклониться отъ этого, то онъ непреклонны. Къ тому же нужно причастить больного отца, крестить ребенка, но причащеніе, исповѣдь, крещеніе и вообще всѣ таинства только тогда доброкачественны когда они исходятъ изъ вѣрнаго источника, а такимъ источникомъ нельзя считать священниковъ принесшихъ присягу; кредитъ ихъ падаетъ съ каждымъ днемъ подобно кредиту ассигнацій. Поневола́ нужно прибѣгнуть ко священнику не присягавшему, который только одинъ въ состояніи изречь настоящее отпущеніе грѣховъ, но именно этотъ священникъ не только отказывается въ немъ, но еще признанъ завѣдомымъ врагомъ всего новаго порядка вещей. Въ этомъ затруднительномъ положеніи крестьянинъ прибѣгаетъ къ обычному своему средству — къ ручной расправѣ: онъ схватываетъ священника за горло чтобы силой принудить его исполнить свои требованія. Разумѣется, и корысть играла при этомъ не малую роль. Мы уже замѣтили выше что ярость толпы преслѣдовала не только духовенство, но и оставшихся вѣрными ему свѣтскихъ лицъ, а такъ какъ по обыкновенію все это сопровождалось грабежомъ, то тутъ открыто было широкое поприще для наживы. Особенно въ тѣхъ департаментахъ гдѣ населеніе отличалось ревностною привязанностью къ католицизму происходили страшныя сцены; въ Арль жители были такъ счастливы что въ теченіи

оальных мѣсяцевъ гарнизонъ довольно исправно являлъ ихъ отъ разбойничьихъ шаекъ, но затѣмъ окончилъ приказаніе перейти въ другой городъ. „Неопытный ужасъ овладалъ всѣми при этомъ извѣстіи, читавшіе въ одномъ официальномъ документѣ: мужчины, женщины, дѣти, обливаясь слезами, окружають командира павона, умоляютъ его чтобъ онъ не покидалъ ихъ, хватаются за его руки и ноги...“ Преслѣдованіе людей являвшихъ сочувствіе не присягнувшимъ священникамъ, очень выгодно между прочимъ въ томъ отношеніи при этомъ ударамъ подвергались не одни только дворяне, ненавидимые „аристократы“; ихъ не избѣгали и лицаго незавиднаго происхожденія если обладали материальнымъ достаткомъ.

Все это еще только начало, — конецъ вперед. „Что выйдетъ, спрашиваетъ авторъ, когда гроза нависнетъ ствительно надъ Франціей, когда войска потерпятъ поражение, Національное Собраніе объявитъ отечество въ опасности, Лафайетъ бѣжитъ за границу, когда непріятель войдетъ въ предѣлы страны, Пруссаки займутъ Шампаню, крѣпости будутъ сдаваться имъ почти безъ сопротивленія, когда къ ужасамъ войны съ чужеземцами присоединятся еще ужасы войны междоусобной въ Вандеѣ, въ маіи подозрительности, убѣжденіе въ измѣнѣ распространится повсюду?“ Что произойдетъ когда въ отвѣтъ призыву къ головному ополченію посамшится повсюду: „Да, мы пойдемъ подъ знамена, но прежде поастроимъ все внутри (mais auparavant nous purgerons l'intérieur)?...“

IV.

ольшая заслуга—вступать въ открытую борьбу съ установленными ложными понятіями хотя бы они достигли безграничнаго господства, и этою заслугой можетъ по справедности гордиться г. Тенз. Онъ долженъ былъ знать что не рѣшится симпатій въ огромномъ большинствѣ французской нации, и не колебался однако сказать правду. Мы уже минали выше объ упрекахъ обращенныхъ къ автору будто възглянулъ слишкомъ узко на революцію и не умѣлъ оцѣнить великаго ея значенія; мы замѣтили по этому поводу что

взглядъ на нее г. Тена еще не выяснился вполне, но намъ кажется что и теперь вѣрность его не можетъ быть оспариваема. Великое значеніе революціи! Значеніе для кого и для чего? Для самой ли Франціи? Мы знаемъ однако какими явленіями сопровождалось въ ней это событіе и видимъ теперь его послѣдствія. Съ конца прошлаго вѣка исторія этой страны представляетъ лишь цѣлый рядъ судорожныхъ, но тщетныхъ порывовъ установить какой-нибудь прочный порядокъ вещей, порывовъ все болѣе и болѣе усиливавшихся рознь и вражду въ средѣ общества и приведшихъ ее къ тому что она утратила мѣсто которое занимала между европейскими государствами. Неужели и послѣ этого все еще нужно повторять что революція воскресила Францію къ новой жизни?

Значеніе для Европы? Повидимому революція дѣйствительно имѣла для нея полезное значеніе, но въ такомъ случаѣ нужно уяснить почему Европа извлекала изъ нея пользу, а самой Франціи причинила она только вредъ? Объясняется это тѣмъ что для Европы послужила она лишь могучимъ толчкомъ осуществить такіа идеи которыя уже прежде были выработаны умственнымъ движеніемъ XVIII вѣка и составляли лучшее достояніе тогдашняго и послѣдующихъ поколѣній; Европа стремилась къ политической свободѣ, огражденію правъ личности, равенству гражданъ предъ закономъ, религіозной вѣротерпимости, а объ этомъ ли шло дѣло во Франціи? „Французская революція, говоритъ г. Тенъ, какими бы она ни прикрывалась громкими принципами, свободой, равенствомъ, братствомъ, была въ сущности *перемѣщеніемъ собственности изъ однихъ рукъ въ другія* (la translation de la propriété): вотъ въ чемъ состояла внутренняя ея опора, главный ея двигатель, присущая ей сила и историческій ея смыслъ“. Получила она во Франціи такой характеръ, потому что французское общество уже давно было заражено тажкимъ недугомъ, и охватившій его переворотъ былъ лишь симптомомъ этого недуга. Но другія государства Европы не находились въ такомъ положеніи и потому они пошли своимъ путемъ: мы видимъ что въ средѣ ихъ возникаютъ новыя учрежденія, новые порядки какъ будто по примѣру и подъ вліяніемъ революціонной Франціи, но присмотрѣвшись къ нимъ не

трудно убѣдиться что съ французскими порядками они не имѣли ничего общаго, ибо въ основѣ ихъ лежали начала которыя во Франціи не встрѣтили примѣненія. Связь была сѣдовательно болѣе кажущаяся чѣмъ дѣйствительная: не подлежитъ сомнѣнію что Франція вызвала движеніе, но не послушная для него первообразомъ.

И послѣдующее развитіе этой страны отмѣчено тѣмъ же самымъ усвоеннымъ ею съ конца прошлаго вѣка направлениемъ. Соціальный вопросъ стоитъ на первомъ планѣ: Бурбоны потеряли престолъ въ 1830 году, потому что масса народа приписывала имъ планы возвратитъ собственность конфискованную во время революціи прежнимъ ея владѣльцамъ; социалистическій характеръ переворота 1848 года сличкомъ очевиденъ; Наполеонъ III вступалъ въ союзъ съ социализмомъ, а Парижскую коммуну породили тѣ же самыя инстинкты которые господствовали еще въ 1789 году. Никто не станетъ утверждать чтобы таково же было развитіе и остальныхъ европейскихъ государствъ, а потому не основательно предположеніе будто бы исходною точкой для развитія какъ Франціи, такъ и остальной Европы одинаково служила революція конца XVIII вѣка. Нѣкоторые французскіе писатели утѣшаютъ себя—печальное утѣшеніе! — что рано или поздно и она не избѣгнетъ судьбы постигшей ихъ отечество. Ренанъ, изобразивъ въ недавно изданной имъ книгѣ * мрачными красками теперешнее его положеніе, говоритъ: „Если еще что-нибудь позволяетъ намъ безъ особеннаго страха взирать на будущее, такъ это то что вѣроятно всѣ европейскія государства придутъ къ тому же самому къ чему пришли и мы.“ Быть-можетъ этого не случится, и не случится именно потому что примѣръ Франціи сличкомъ поучителенъ: нужно только глубже вдумываться въ него.

P.

* *Mélanges d'histoire et de voyages.*

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ

(Памяти графа Алексѣя Константиновича Толстаго)

Увы, гдѣ розы тѣ которыя такой
Веселой радостью и свѣжестью дышали?
Фемѣ.

А тотъ кому я въ дружной встрѣчѣ
Страсти перья читала,
Того ужъ нѣтъ...

I.

Свѣтлымъ вечеромъ, въ началѣ мая 1850 года, дорожная коляска катилась по шоссе, по направленію отъ Москвы къ одному изъ ближайшихъ къ ней губернскихъ городовъ. Въ коляскѣ, со слугой на козлахъ, сидѣли два молодые человека, 23—24хъ лѣтъ, два пріятеля, и вели между собою оживленный разговоръ.

— Богъ знаетъ что ты со мной дѣлаешь, Ашанинъ, говоришь полудозабоченно, полуусмѣхаясь, одинъ изъ нихъ, свѣтлоокій, съ лѣжнымъ цвѣтомъ кожи и большими сѣрыми, красиваго очерка, глазами.

Тотъ къ кому относились эти слова былъ что назывался писанный красавецъ, черноглазый и чернокудрый,

съ какимъ-то любящимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лукавымъ, выраженіемъ лица, слышій въ то время въ Москвѣ неотразимымъ Довъ-Жуаномъ.

— А что я съ тобою, съ казанскимъ сиротой, дѣлаю? перепразнивая пріятеля, расхотѣлся онъ въ свою очередь.

— Ну, съ какой стати вѣду я съ тобою въ Сидкое, къ людямъ о которыхъ певатія не имѣю?

— Волерыхъ, ты вѣдешь не въ Сидкое, а куда тебѣ слѣдуетъ,—то-есть, въ Сашино, къ себѣ домой, къ милѣйшей тетущкѣ твоей, Софьѣ Ивановѣ, а въ Сидкое ты только *запѣскаешь* изъ дружеской услуги,—меня довести. Вотъ-рыхъ; самъ ты говоришь,—ты князя Ларіона Васильевича Шастунова знаешь съ дѣтства.

Бѣлокурый молодой человекъ—звали его Гундуровымъ—качнулъ головой:

— Знаю!.. Десять лѣтъ тому назадъ, когда я мальчишкой изъ Дворянскаго Института пріѣзжалъ на каникулы въ Сашино, я его три раза видѣлъ у тетущки. Важное знакомство!

— Все одно, онъ съ Софьей Ивановой давно и хорошо знакомъ, а тебя теперь по твоей университетской репутациі знаетъ... Да и я мало ли про тебя всѣмъ имъ говорилъ зимою!.. Ручаюсь тебѣ что приметъ онъ вашу милость наилюбезнѣйшимъ образомъ: онъ вообще благоволитъ къ молодымъ людямъ, а тебя тѣмъ болѣе оцѣнить по первому же разговору.

— Еслибы мы еще къ нему собственно вѣхали, молилъ Гундуровъ,—такъ и быть!.. А то вѣдь онъ и самъ гоститъ въ Сидкомъ. Оно вѣдь не его?

— А вѣсточки его, княгини Аглаи Константиновны—знаю. Князь Ларіонъ, братъ ея мужа и олекунъ ея дѣтей, слѣдовательно не гоститъ, а живетъ по праву въ Сидкомъ... А тамъ театръ, во всей формѣ театръ, съ ложами, говорятъ съ помѣщеніемъ человекъ на четыреста, и княжна Лина, восхитительнѣйшая Офелія какую себѣ можетъ только представить самое пламенное воображеніе, горячо расходился чернокудрый красавецъ.

— Ну, поскакалъ теперь на своемъ конькѣ! засмѣялся его пріятель.

— И ни чуточки!.. Ты знаешь, барышни не по моей части, это разъ; а затѣмъ княжна Лина одно изъ тѣхъ созданий (какая-то серьезная, чуть не грустная юта зазвучала въ голосъ Ашанина) къ которому ты съ нечистымъ

помысламъ и подойти не рѣшишься. И нашъ братъ, отжитый ходокъ, чувствуетъ это вѣрнѣе чѣмъ всѣ вы, непорочные, взятые вмѣстѣ. Я на нее поэтому вовсе и не смотрю какъ на женщину, а говорю тебѣ, единственно какъ на Офелію...

— И съ талантомъ она ты думаешь? спросилъ Гундуровъ, невольно увлекаясь.

— Не сомнѣваюсь, хоть она всего разъ, говорила мнѣ, играла за границей въ какой-то французской пьесѣ. Она не можетъ не быть талантлива.

Блѣокурый молодой человекъ задумался.

— Воля твоя, любезный другъ, заговорилъ онъ нерѣшительно, — а, согласишься ты съ этимъ, очень неловко выходитъ что я у совершенно незнакомыхъ мнѣ людей стану вдругъ ломаться на сценѣ...

— Ломаться! негодующимъ кликомъ воскликнулъ Ашанинъ, — играть *Гамлета* значить у тебя теперь *ломаться*!... Это что же ты изъ *петербургской* твоей жизни почерпнулъ?.. Гдѣ же эта горячая любовь къ искусству о которой ты намъ постоянно проповѣдывалъ? Развѣ не помнишь какъ мы съ тобою читали Шекспира, какъ ты не разъ говорилъ мнѣ и Валяковскому что есаибы не твои занятія, не университетъ, не каеэдра къ которой ты готовилась, ты бы почелъ себя счастливымъ сыграть роль Гамлета, что это было бы для тебя величайшимъ наслажденіемъ?

— Я и теперь такъ думаю, вырвалось у Гундурова.

— Такъ изъ-за чего же ты теперь ломаешься?... Да, заблуждался Ашанинъ, — *ломанье*-то выходитъ у тебя теперь, а не когда ты выступишь на сцену!.. И какой еще тебѣ можетъ лучший случай представиться? Далеко отъ Москвы, никому не вѣдомо, въ порядочномъ обществѣ... Каеэдра, — ты сама говоришь что послѣ того какъ тебѣ отказали въ заграничномъ паспортѣ, о ней пока думать нечего. Что же ты ки-снуть теперь станешь, болѣть, *самоглотать* себя будешь?... Вѣдь жить надо, Сережа, просто жить, жи-ить! протянулъ онъ, схватывая пріятеля за руку, и наклонившись къ нему, ласково и заботливо глянулъ ему въ лицо.

Гундуровъ положилъ его руку и замолчалъ: онъ не находилъ внутри себя отвѣта на доводы Ашанина.

Онъ только накануне вернулся изъ Петербурга, гдѣ провезъ всю зиму и откуда наконецъ бѣжалъ подъ гнетущимъ

впечатлѣніемъ испытанныхъ имъ тамъ недочетовъ. Вотъ что съ нимъ было:

Окончивъ, въ Москвѣ, блестящимъ образомъ курсъ по филологическому факультету, Гундузовъ, готовившій себя къ ученой карьерѣ и занимавшійся преимущественно славянскою филологіей и исторіей, отправился на берега Невы добывать себѣ заграничный паспортъ въ Австрію и Турцію, для изученія,—такъ подробно было прописано въ подаваемой имъ о томъ просьбѣ—„исторіи и быта славянскихъ племенъ“. Объ этомъ путешествіи, на которое онъ полагалъ посвятить три года, онъ мечталъ во все время пребыванія своего въ университетѣ; безъ этого, безъ живаго изученія на мѣстѣ славянскихъ языковъ, безъ личнаго знакомства съ Гамкой, съ Шафарикомъ, съ апостолами славянскаго возрожденія—„какой я славянистъ, какой я буду профессоръ!“ основательно разсуждалъ онъ. Самый предметъ избранный имъ для магистерской диссертациі требовалъ этого путешествія: нужны ему для нея источники онъ могъ найти только въ Прагѣ, гдѣ и думалъ поселиться на нѣкоторое время... Послѣ нѣсколькихъ недѣль ожиданія, онъ былъ вызванъ въ паспортную экспедицію, гдѣ съ ужасомъ увидѣлъ что подаваемая имъ просьба была возвращена ему въ копіи, съ копіей же на ней слѣдующей резолюціи: „Славянскій бытъ—слово это было подчеркнуто—можно изучать отъ Петербурга до Камчатки...“ Гундузовъ ничего не понялъ и страшно взволновался; онъ кинулся ко всѣмъ кого только мало-мальски знавалъ въ Петербургѣ, жаловался, объяснялся, просилъ. У него былъ дядя занимавшій довольно видное мѣсто въ тогдашней администраціи; этотъ достойный савоѣвикъ пришелъ, въ свою очередь, въ ужасъ, частью отъ того что племянникъ его „губить себя въ конецъ“, а еще болѣе вслѣдствіе такого соображенія что и самъ онъ, Петръ Ивановичъ Осьмиградскій, тайный совѣтникъ и директоръ департамента, можетъ быть, пожалуй, компрометтированъ, если узнаютъ что у него есть близкій родственникъ съ такимъ опаснымъ образомъ мыслей.

— Какую стѣну думаешь ты прошибить? укорялъ и наставлялъ онъ Гундузова; —самъ все себѣ дѣло напортилъ, а теперь думаешь крикомъ поправить! Въ просьбу, въ официальную просьбу ввернулъ быть какой-то дурачій! Какой тамъ быть въ Турцію и кто въ Турцію

видѣть путешествовать? Понимаешь ли ты *какъ* это могло быть понято?!

Бѣдный молодой человѣкъ совершенно растерялся: дядя мрачно намекнулъ ему даже на какую-то *черную книгу* въ которую онъ „за невоздержанность языка“ будто уже успѣлъ попасть, благодаря чему ученая карьера навсегда де для него закрыта.

— И вѣдь нашелъ же время о какой-то *славянской наукѣ* говорить, разсуждалъ Петръ Ивановичъ,—когда еще недавно мятежники Венгерцы своего законнаго государя чуть съ престола не ссадили!

— То Венгерцы, пробовалъ возражать Гундуровъ,—а Славяне сласли и престолъ, и династію Габсбурговъ...

Но Петръ Ивановичъ только руками махалъ.

— Поступай ты сюда на службу; это твое единственное спасеніе.

Увы, все то что ни видѣлъ, ни слышалъ Гундуровъ въ Петербургѣ служило ему лишь роковымъ, неотразимымъ подтвержденіемъ доводовъ дяди. „Какая, дѣйствительно, нужна мнѣ, а для насъ какая возможна наука теперь?“ говорилъ онъ себѣ.

Что же однако было ему дѣлать съ собой? Съ отчаянія и поддаваясь внушеніямъ дяди, доказывавшаго ему что никто ему не мѣшаетъ, состоя и на государственной службѣ, готовиться къ экзамену на степень магистра, „дѣлаю мнѣ полезному тѣмъ что все-таки получится лишній чинъ этимъ путемъ“, Гундуровъ попробовалъ яоступить къ нему въ департаментъ „на испытаніе“. Но онъ чуть не задохся въ невыносимой для него свѣжаго студента и Москвича, духотѣ петербургской канцеляріи: и люди, и то что они дѣлали такъ было для него, глубоко, болѣзненно ненавистно; его тошвило отъ одного вида синихъ обложекъ дѣлъ, изъ которыхъ перучалось ему составить справку; ему до влости противны были желтый ротъ и обглоданные ногти поручавшаго ему составлять эти справки Владиміра Егоровича Краснохвостова, его начальника отдѣленія... Протосковавъ всю зиму въ Петербургѣ, Гундуровъ, едва вскрылась Нева, не выдержавъ и, холодно распрощавшись съ дядей, уѣхалъ въ Москву.

Тетки его не было въ городѣ,—она еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ уѣхала въ деревню. Ему нетерпѣливо хотѣлось увидать ее, и онъ тотчасъ же собрался ѣхать въ Сашино, не пови-

давшись ни съ кѣмъ изъ московскихъ знакомыхъ. Только Ашанинъ, его пансіонскій товарищъ и большой пріятель, при-
скакалъ къ нему, узнавъ случайно о его пріѣздѣ.

Ашанинъ, когда-то много обѣщавшій юноша, поступилъ въ университетъ изъ Дворянскаго Института одновременно съ Гундузовымъ, но на первомъ же курсѣ вышелъ изъ него чтобы жениться на какой-то перерѣзлой дѣвѣ, которая влюбляла его въ себя тѣмъ выраженіемъ съ какимъ пѣла Варламовскій романсъ, а черезъ два года ревнивыхъ ссезъ и супружескихъ бурь отошла въ вѣчность, оставивъ его двадцатилѣтнимъ вдовцомъ и коптителемъ неба. Добрый-шій сердцемъ и вѣчно увлекающійся, онъ жилъ теперь въ Москвѣ ничего не дѣлая или, вѣрнѣе, дѣлая много долговъ, въ ожиданіи какого-то никакъ не дававшегося ему наслѣдства, вѣчно томась своимъ бездѣйствіемъ и вѣчно не находя для себя никакого занятія. Все время остававшееся ему отъ безчисленныхъ любовныхъ похожденій онъ отдавалъ театру и любительскимъ спектаклямъ, въ которыхъ неизмѣнно держалъ амлауа перваго любовника.

Эта страсть еще болѣе чѣмъ пансіонская дружба служила связью между имъ и Гундузовымъ. Не менѣе пылко любилъ и молодой славистъ драматическое искусство, но разумѣлъ его и выше, и глубже чѣмъ это дѣлалъ Ашанинъ, цѣнявшій театральныя произведенія прежде всего со стороны ихъ сценической удобоисполняемости. Серіозныя, поглащающія почти все его время въ университетѣ, занятія по его специальности и боязнь повредить скоморошествомъ своей молодой ученой репутаціи заставляли его налагать строгую узду на свои собственные театральныя хотѣнія; но онъ понималъ Ашанина, онъ не разъ завидовалъ ему, его „безалаберной свободѣ“ при которой онъ, Гундузовъ, еслибы былъ на его мѣстѣ, непременно поставилъ бы на сцену Шиллеровскаго *Валленштейна*, Шекспировскія драмы!... Ашанинъ съ своей стороны находилъ въ этой любви Гундузова къ театру какъ бы оправданіе себѣ и серіозной разѣ послѣ бесѣды съ нимъ возводилъ въ собственнымъ глазахъ свои упражненія *перваго любовника* на степень дѣйствительнаго дѣла. Онъ при этомъ былъ самаго высокаго понятія о способностяхъ, объ образованности Гундузова, глубоко уважалъ его мнѣніе и любилъ его отъ всей души.

Онъ тотчасъ же со врожденною ему сообразительностью понималъ что отказъ Гундузову въ дозволеніи вѣхать за

границу, неудавшаяся его попытка найти себѣ другое дѣло, весь этотъ разгромъ лучшихъ, чистыхъ, законныхъ желаній припиралъ пріятеля его къ стѣнѣ, оставлялъ его безъ выхода, — но что теперь, сейчасъ, „ничего съ этимъ не подѣлаешь, никакой *изводящей* звѣздочки на небѣ не выразишь“. Теперь представлялась одна задача: не дать объ этомъ пока думать Гундурову, вырвать его на время изъ подъ гнета впечатлѣній вынесенныхъ изъ Петербурга, словомъ, говорилъ себѣ Ашанинъ, припоминая чью-то шутовскую выходку: „коли безъ хлѣба, такъ дать хоть маленько пряничкомъ побаловаться.“ Пряничекъ этотъ тотчасъ же представился Ашанину въ образѣ любительскаго спектакля, единственнаго „балованья себя“ на которое могъ согласиться Гундуровъ, — спектакля гдѣ бы пріятель его могъ сыграть „хорошую“, любимую роль, въ которую онъ „ушелъ бы весь, ушелъ ото всей этой петербургской мерзости“. А тутъ и случай выходилъ великолѣпный: княгиня Шастунова, съ которою Ашанинъ познакомился зимой, и въ домѣ которой часто бывалъ, затѣвала у себя въ деревнѣ спектакль, въ которомъ собирались участвовать всѣ почти состоявшіе тогда въ Москвѣ на лицо актеры-любители. Оказывалось при этомъ что имѣніе Гундурова и Сидкое Шастуновыхъ находились въ томъ же уѣздѣ, въ какихъ-нибудь латнадцати верстахъ разстоянія, что кромѣ того существовали даже старинныя добрыя отношенія между теткой его пріятеля, Софьею Ивановною Перевериной, и владѣльцами Сидкаго.

— Да это сама благоволящая къ тебѣ судьба такъ удачно устроила, горячо доказывалъ Ашанинъ;—вѣдь подумай, Сережа, тамъ можно будетъ *Гамлета* поставить!

Онъ лепеталъ, что говорится, въ самую жилку. Выходя, попробовать себя въ *Гамлетъ*, — какъ пламенно мечталъ объ этомъ Гундуровъ въ оныя дни! Во всей литературѣ онъ не признавалъ ничего выше *Гамлета*, ни одно великое произведеніе такъ глубоко не „забирало“ его. Онъ зналъ наизусть всю роль датскаго принца и бывало, увлекаясь до слезъ, читалъ ее въ свободныя минуты Ашанину и общему ихъ пансіонскому товарищу Вальковскому, бѣдному и малообразованному чиновнику какой-то палаты, во который опять-таки былъ дорогъ Гундурову вслѣдствіе уже совершенно фанатической любви своей къ сценѣ.

„Къ тому же, поддавался молодой человекъ на доводы пріятеля, ему *теперь* действительно нужно разсѣяться: вѣдь съ ума можно сойти вертась какъ бѣлка въ колесѣ все на той же мысли: что я съ собой буду дѣлать?...“ Гунду-рову было двадцать три года; „не пропадать же въ самомъ дѣлѣ!“ подсказывала ему его здоровая, ослонная къ энту-зіазму натура...

Кончилось тѣмъ что онъ принялъ предложеніе Ашанина довести его къ Шастуновымъ въ Суцкое, по дорогѣ къ себѣ въ деревню, гдѣ ждала его тетка воспитавшая его, къ которой онъ былъ горячо привязанъ; „а тамъ увидимъ... смотря какъ... я не отказываюсь, но и...“

Ашанину ничего болѣе не нужно. Онъ мигомъ собрался, и друзья, пообѣдавъ въ Троицкомъ трактирѣ и выпивъ, по предложенію Ашанина, бутылку шампанскаго „за здравіе искусства“, выѣхали, не теряя времени, изъ Москвы.

Они теперь были отъ нея уже довольно далеко; солнце быстро склонялось на западъ...

— Эта твоя княгиня, заговорилъ опять Гундузовъ, — вдова должно быть князя Михаила Васильевича Шастунова, что посланникомъ гдѣ-то былъ. Онъ вѣдь умеръ?...

— Два года тому назадъ. Онъ оставилъ дочь и сына маль-чашку. Они всѣ, съ князь-Даріономъ, жили потомъ въ Ита-ліи, а выѣзшнюю зиму провели въ Москвѣ. Княжѣ Ливъ минеть 19 лѣтъ; ее вывозили въ свѣтъ зимой, но она, го-ворять, на балахъ скучала. Я имъ и предложилъ „театрикъ“, какъ выражается Ваальковскій.

— А что, Ваальковскій, гдѣ онъ? прервалъ Гундузовъ.

— У нихъ теперь, въ Суцкомъ, я его познакомилъ; съ не-дѣлю какъ туда уѣхалъ съ декораторомъ, полотномъ, крас-ками и цѣлою библіотекой театральныхъ ліесъ, которыя какъ-то умѣлъ добыть изъ Малаго Театра.

— Онъ все тотъ же?

— Неизмѣненъ! разсмѣялся красавецъ: — все также грубъ, та же рожа сорокалѣтняго верблюда и кабаній клыкъ со свиномъ, и та же страсть играть съ этою рожей молодые роли... Студента Фортункина мечтаетъ теперь изобразить въ *Шиллѣ съ лѣнкой не утаишь*. Можешь себѣ представить какъ милъ будетъ!...

— И ты думаешь, началъ помолчавъ Гундузовъ, — что *Гамлета* действительно можно будетъ поставить?...

— Еще бы! Какъ разъ по вкусу хозяйки! Она, видишь ты, непремѣнно хочетъ „что-нибудь *классическое*“, — du Molière ou du Shakespeare, говоритъ, все равно, только que ce soit sérieux“. Она, сказать кстати, молвила разсыпаясь Ашанинъ, — княгиня-то Аглая, глаула какъ курица, а къ тому съ большими претензіями. Ей смерть хочется чтобы принимали ее за прирожденную большую барыню, а на ея бѣду, рождена она Раскаталовою, дочь миллионера-откупщика, и рожденіе то ея, несмотря что она всегда въ свѣтъ жила, и даже по-славицей была, — нѣтъ, нѣтъ, да и скажется... Иной разъ вслѣдствіе этого у князь-Ларіона вырываются жесткія слова по ея адресу.

— А что онъ самъ за человекъ? спросилъ Гудуровъ; — въ дѣтствѣ онъ мнѣ представлялся всегда какимъ-то очень *важнымъ* и суровымъ...

— Онъ настоящій *баринъ* и рѣдко образованный человекъ!... Онъ, вѣдь ты знаешь, занималъ большіе посты за границей и здѣсь; долго въ большой силѣ былъ, говорятъ. Два года тому назадъ, въ 48 году, онъ попалъ въ немилость и вышелъ въ отставку. Въ это же время умеръ его братъ; онъ уѣхалъ къ его семейству, въ Италію, — и вотъ съ тѣхъ поръ живетъ съ ними.... Онъ, кажется, князю очень любить, — но любезную невестушку видимо въ душѣ не переноситъ!... И понятно: его барской брезгливости долженъ быть нестерпимъ этотъ — какъ бы тебѣ сказать? этотъ душокъ Раскаталовскаго подвала, пробивающій сквозь ея англійскій ess bouquet... Къ тому же... Они, надо тебѣ сказать, съ братомъ въ молодости, — тебѣ вѣрно рассказывала Софья Ивановна, — очень сильно прожились: шли они по службѣ очень быстро, состояли при графѣ Каподистріи, въ дипломатической канцеляріи самого императора Александра, ѣздили съ нимъ въ путешествія, на конгрессы и вездѣ жили барами, игру большую вели.... А тутъ еще Байронъ со свободою Греціи, филалливами они были, жертвовали, говорятъ, несмѣтными деньгами.... Старикъ отецъ ихъ, Екатерининскій генералъ-аншефъ, другъ князя Потемкина, со своей стороны счета деньгамъ не зналъ. Словомъ, распорядились они втроемъ такъ прекрасно что все ихъ Пастуновское княжество съ молотка бы пошло, еслибы князь Михайла, по приказанію отца, не женился на распрекрасной Аглаѣ. Ея миллионами все было выкуплено; но и она, не

а глаула, хотя и была какъ кошка влюблена въ мужа, го и князь Ларіона-имѣніе — старикъ князь тутъ же и померъ — выкупила все на свое имя. Мужъ такимъ изомъ очутился по состоянію въ ея зависимости, а князь іонъ остался бы почитай безъ гроша, еслибы не насѣдѣлъ полуторы тысячи душъ отъ матери, которая не жи- рѣ его отцемъ и умерла католичкой въ какомъ-то мона- рѣ въ Римѣ.... Князю Михайлѣ жена его, говорятъ, вну- а полное отвращеніе, тѣмъ болѣе что она всю жизнь сѣдовала его своими нѣжностями, — все одно что меня локойница, комически вздохнулъ красавецъ, — съ тою ницей только что моя просто пѣла мнѣ: „Люби меня, и меня!“, а Аглая своему мужу припѣвала еще къ это- „я любовь твою купила“, и никакъ не хотѣла поми- ся съ тѣмъ что этотъ купленный ею товаръ никакъ не ался ей въ руки.... А князь Михайла былъ, говорятъ, овѣкъ прелестный, необычайно счастливый въ женщ- стѣ. Аглая бѣсилась, умирала отъ ревности, чуть не по иальству жаловалась, вслѣдствіи компрометтировала своего жа. Долгое время, говорятъ, супружество ихъ было адъ ціи!... Но года за два до смерти онъ вдругъ измѣнился, мѣ въ haute dévotion, какъ это было съ его матерью, — и изиался съ женой христіанскаго смиренія ради.... Ну, съ изъ-Ларіономъ другая пѣсня, засмѣялся Ашанинъ: предъ имъ сама она должна смиряться...

— Они что же, въ Москвѣ теперь будутъ жить по жи- мѣ? заинтересовался Гундуровъ.

— Полевовъ! Княгинѣ-то смерть хочется въ Петербургъ, не рѣшается; князь Ларіонъ ни за какія сокровища не ѣдетъ теперь въ этотъ „ефрейторскій городъ“, какъ онъ вѣжды выразился при мнѣ; ну, а одной ей тамъ поселить- не выходитъ! Личныхъ связей у нея никакихъ тамъ нѣтъ, зумѣется; къ тому же съ замужства все за границей жи- . Богата она очень, могла бы домъ открыть... Но, пер- е, денегъ она безъ особаго разчета кидать не любитъ; а тѣмъ, деньгами Петербурга не удивишь, надо тамъ еще го-то и она это хорошо понимаетъ. Что въ Петербургѣ открытый домъ куда Дворъ не ѣздитъ? Ну-съ, а этого а могла бы достигнуть единственно чрезъ князь-Ларіона, либъ онъ былъ въ прежнемъ положеніи. Вотъ она и мо- тся о немъ дежно и мощно: „пошли ему Господи поменьше

гордости, а свыше побольше къ нему милости“ и, въ ожиданіи исполненія желаній, возить окрѣла сердца дочь въ московскій свѣтъ, который почитаетъ не стоящимъ вниманія уже потому что „dans tout Moscou, говоритъ она, il n'y a pas l'ombre d'un женихъ pour ma fille“...

— Удивительный ты человѣкъ, Ашанинъ, улыбулся его слугникъ,—чтобы про каждого гдѣ ты только вхожъ, всю подмогостную разузнать!...

Ашанинъ весело пожалъ плечами.

— И не стараюсь, само какъ-то въ уши лѣзетъ. У Шастуновыхъ живетъ одна не молодая особа дѣвическаго званія, Надеждой Федоровной Травкиной прозывается, весьма не глухая—и знаешь, этотъ особый родъ стармхъ дѣвъ: прокія снаружи и тщательно скрываемая, безконечная сентиментальность внутри.... Она князю газеты читаетъ и пользуется вообще извѣстнымъ значеніемъ въ домѣ.... На первыхъ же порахъ моего знакомства съ ними, сталъ я замѣчать что она по мнѣ втайнѣ мѣшетъ: такое ужъ у меня счастье на этихъ особы!—И Ашанинъ подвѣлъ глаза къ небу.—Что же однако, думаю, пусть себѣ мѣшетъ, меня отъ того не убудетъ. Сталъ я ее, знаешь, поощрять. Она мнѣ всю закулисную про этотъ домъ и выложила.... И вотъ эту самую Надежду Федоровну, заключаю оны,—а заставаю теперь королеву Гертруду сыграть; отлично сыграетъ, ручаюсь тебѣ!...

— А Клавдіо кто бы могъ? заволокнелся опять Гумдурозъ.

— Разумѣется, Зяблинъ. Такъ и смотреть театральными змодѣемъ!

— Ты Лаерта?

— Или Гораціо, мнѣ все равно. Пусть Лаерта лучше сыграетъ Чичковскій, оны съ жаркомъ актеръ. А мнѣ роли не меньше учить!...

— Вальковскій Полоція.

— Не выгоритъ у него, боюсь, закачалъ головой Ашанинъ,—оны его сейчасъ *шаржемъ* возьметъ.... А тамъ у нихъ, слышно, есть мѣстный актеръ, превосходнѣйшій, исправникъ, Акулинъ по фамиліи; такъ вотъ его надо будетъ попробовать. Дочь у него также, говорятъ, институтка петербургская, — и съ прелестнымъ голосомъ, хоть оперу станъ, говорить....

Друзья опять заговорили о Галлетъ, объ искусствѣ Юнымъ, бывалый восторгъ накопилъ постелекно въ душѣ

Гундунова. Что же, не пропадать въ самомъ дѣлѣ? все громче говорилось ему. Ему не позволяютъ быть ученымъ, онъ не въ состояніи сдѣлаться чиновникомъ... Но вѣдь вся еще жизнь впереди,—онъ не знаетъ что будетъ дѣлать, но онъ не сложитъ рукъ, не дастъ себя потопить этимъ мертвыми волнамъ, онъ найдетъ..... А пока онъ *уйдетъ*, какъ говоритъ Ашанинъ, отъ всего этого гнета, отъ тревогъ, жизненной заботы, въ волшебный, свободный міръ искусства,—онъ будетъ переживать сладостайшія минуты какія дано испытать человѣку: его устами будетъ говорить величайшій поэтъ міра и *человѣчнѣйшій* изъ всѣхъ когда-либо созданныхъ искусствомъ человѣческихъ типовъ. Погрузиться еще разъ въ его безконечную глубину, стихъ за стихомъ прослѣдить гениальныя противорѣчія этой изумительно сотканной паутины: немощь, безуміе, скептицизмъ, высокій помыселъ,—и каждой чертѣ дать соответствующее выраженіе, *найти* звукъ, оттѣнокъ, жестъ, и пережить все это въ себѣ, и воспроизвести въ стройномъ, поразительномъ, животрепещущемъ изображеніи,—о, какой это великолѣпный трудъ и какое наслажденіе!..

И Гундуновъ, нагнувъ покрѣпче отъ вѣтра мягкую шапку на брови, уютно уткнувшись въ уголъ коляски, глядѣлъ разгорѣвшимися глазами на бѣжавшее вдаль стѣноватою лѣвтою шоссе съ подотулавшими къ нему зелеными лугами, только-что обрызганными какою-то одиноко пробѣжавшею тучкой... Все тѣ же неслись онъ ему на встрѣчу, съ дѣтства знакомыя, съ дѣтства ему милыя картины и встрѣчи. По влажной тропкѣ, за канавкою, идетъ на босу ногу солдатикъ, съ фуражкой блиномъ на затылкѣ, съ закинутыми за спину казенными салогамъ; кланяются противъ въ поясъ прохожія богомолки въ черныхъ платкахъ подвязанныхъ подъ душику, съ высокими посошками въ загорѣлыхъ рукахъ; лѣниво позвякиваетъ колокольчикъ обратной тройки, со слящимъ на днѣ телѣги ямщикомъ, и осторожныя вѣроны тяжелыми взмахомъ крылъ слетаютъ съ острыхъ грудъ наваленнаго по краямъ дороги щебня.... А солнце заходитъ за кудравыя вершины недалекаго лѣсочка, и синими полосами ладаютъ отъ него косыя тѣни на пыльные всходы молодой озими.... И солнце и тѣни, и эта волнующаяся тихая даль родной стороны, и телами струи несущагося на встрѣчу вѣтра,—все это какими-то

торжествующимъ напоромъ врывалось въ наболѣвшую „въ петербургской мерзости“ душу молодого человѣка, и претворялось въ одно невыразимо сладостное сознаніе бытія, въ безпричинное, но неодолимое чаяніе какого-то сіяющаго впереди, невѣдомаго, но несомнѣннаго счастья....

Онъ со внезапнымъ порывомъ обернулся къ товарищу:

— Жить надо, а? Жить, просто *жить*, такъ Ашанинъ?

— И на-слаж-дать-ся! отвѣтилъ ему тотъ лютю звучными грудными нотами въ нисходящей гаммѣ, и тутъ же, сразу затаивъ во всю глотку старую студентскую лѣсню:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum su umus...

— Что хорошо? засмѣялся онъ въ отвѣтъ на смѣявшійся же взглядъ обернувшагося на эти звуки амщика; — это, братъ, по-нашему; валяй по вѣтмъ, лока кровь каючомъ бьетъ!...

— Охъ вы, соколики! тутъ же мигомъ встреленувшись на козлахъ, подобралъ разомъ четверку такой же какъ и Ашанинъ черноглазый и кудравый амщикъ. И коляска, взвизгнувъ широкими шинами по свѣже-настланной щербакѣ, повеселась стремглавъ подъ гору и взлетѣла на пригорокъ словно на крыльяхъ разгулаившагося орла.

На другой день, рано утромъ, пріятелей нашихъ, сладко заснувшихъ подъ полночь, разбудилъ старый сауга Гувдурова: они подѣзжали къ Сипкому.

II.

Большой, бѣлый, Александровскаго времени домъ, въ три этажа, съ тяжелыми колоннами подъ широкимъ балкономъ и висячими галлереями, соединявшими его съ двумя выходящими фасадами на дворъ, длинными флагедами, глядясь, если не величественно, то массивно, съ довольно крутой возвышенности, подъ которою сверкала подъ первыми лучами утра довольно широкая, свѣтлая рѣчка, въ полуверстѣ отсюда впадавшая въ Оку. Темными кущами спускались отъ него по склону съ обѣихъ сторонъ густыя аллеи стариннаго сада, а предъ самымъ домомъ стлался высидающимъ ковромъ испещренный цвѣтами лугъ, съ высоко-

бывшимъ фонтаномъ на полугорѣ. Сквозь деревья нарядно мелькали трельяжи и вычурная крыша китайскихъ бесѣдокъ и свѣже-окрашенная скамейки бѣжали надъ тщательно усыпанными толченымъ кирпичомъ дорожками.

— А вѣдь красиво смотреть! говорилъ Ашанинъ, любясь видомъ въ ожиданіи парома подтягивавшагося съ того берега.

Гундуровъ еле замѣтно повелъ плечомъ.

— А тебѣ не нравится?

— Не приводитъ въ восторгъ во всякомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ не сейчасъ;—мнѣ, засмѣялся онъ,—какъ сказалъ древній поэтъ, „болѣе всего уголки улыбаются“ *.

— Вѣрю, замѣтилъ Ашанинъ,—только вотъ бѣда: въ уголки-то „театрика“ не устроишь.

— Д-да, не будь этого...

Ашанинъ глянулъ ему прямо въ глаза:

— А знаешь что, Сережа, а тебѣ скажу—вѣдь ты ужасный гордецъ!

Румянецъ внезапно вспыхнулъ на щекахъ Гундурова:

— Я гордецъ!.. Съ чего ты взялъ?..

— А съ того, голубчикъ, что я тебя лучше самого себя знаю... Только, повѣрь, тебя здѣсь ничто не оскорбитъ!

— Да я и не думалъ...

— Ну, ладно!

И Ашанинъ, не продолжая, любѣжалъ на паромъ.

— Колокольчикъ подважи! настаивалъ онъ ямщика:—а то мы пожалуй тамъ всѣхъ перебудимъ. Бывалъ ты въ Сидкомъ?

— Какъ не бывать, батюшка! Возиалъ!..

— Такъ какъ бы намъ такъ подѣхать чтобы грохоту отъ насъ поменьше было?

— Да вамъ къ кому, къ самимъ господамъ, аль къ управителю? молвилъ на это уже нѣсколько смѣясь ямщикъ.

— Къ скотнику, милый мой, къ скотнику! расхохотался Ашанинъ. Трогай!..

Они поднялись по шоссированной, отлогою спиралью огибавшей горѣ, дорогѣ—и очутились у ограды на каменныхъ столбахъ, съ желѣзными между ними кольями остріемъ вверхъ и высокими по середкѣ воротами аркой, надъ которою словно зѣвава развѣвута ластъ грубо вытесаннаго

* Mihi praeter omnes angulus ridet. Virg.

изъ мѣстнаго камня льва на заднихъ лапахъ, съ передними опирающимися на большую позолоченную мѣдную доску, на которой изображенъ былъ рельефомъ княжескій гербъ Ша-стунowychъ. Все это было ново, и рѣзало глаза свѣжею бѣлою краской и рѣзкостью линий...

— Ишь ты, звѣрища-то какого подняли! проговорилъ ямщикъ, осаживая лошадей предъ полупримкнутыми половьями воротъ и заглядываясь наверхъ.

— Въѣхать, что ль? обернулся онъ къ господамъ.

— Безвкусица-таки порядочная! также поднявъ глаза на каменнаго звѣря, молвилъ Гундуровъ.

И смутился...

Предъ ними стоялъ только-что вышедшій изъ воротъ высокій и сухой, въ широкополой сѣрой шляпѣ и длинномъ сюртукѣ à la propriétaire мущина, которому, по бодрому его виду, едва замѣтной просѣди и живости темныхъ глазъ свѣтившихъ изъ-подъ сѣдоватыхъ, какъ и его волосы, бровей, можно было дать на первый разъ никакъ не болѣе пятидесяти лѣтъ.

Онъ стоялъ, глядя на Гундурова и мягко улыбаясь тонко сложенными губами, какъ бы говорившими: я совершенно съ тобою согласенъ...

— Князь Ларіонъ Васильичъ! воскликнулъ Ашанинъ, поспѣшно сымая шляпу и выскакивая изъ коляски. — Позвольте представить вамъ спутника моего, и лучшаго друга...

— Сергѣя Михайловича Гундурова не такъ ли! досказалъ самъ князь съ тою же мягкой улыбкой, и протянулъ этому руку. — Софья Ивановна ждетъ васъ давно, прибавилъ онъ какъ-то особенно внимательно и приветливо продолжалъ глядѣть въ лицо Гундурову.

— Вы ее видѣли? даже нѣсколько удивился тотъ.

— Непремѣнно-съ! Какъ только узналъ о ея прибытіи въ Сашино, послѣдшилъ навѣстить... Я давно привыкъ любить и уважать вашу тетюшку! какъ бы счелъ нужнымъ объяснить князь ту благосклонность которую онъ теперь видимо оказывалъ незнакомому ему молодому человѣку.

— Княгиня Аглая Константиновна будетъ очень рада вашему пріѣзду, сказалъ онъ Ашанину;—вы вѣдь, кажется, главный рычагъ въ ея театральной затѣѣ?

— Позвольте отклонить не подобающую мнѣ честь, весело отвѣчалъ красавецъ, — я только начинатель, а главная

пружина дѣятельности пріятель нашъ Ваьковскій... Смію спросить ваше сіятельство, какъ онъ ведетъ себя здѣсь? Видите ли вы его иногда?

Усмѣшка еще разъ скользнула по устамъ князя Ларіона.

— Является къ обѣду, и то не всегда; цѣлый день въ театрѣ,—плакать, мажеть и клеить.

— Онъ какъ есть фанатикъ! засмѣялся Ашанинъ.

— Да, сказалъ на это серьезнымъ тономъ князь, — черта рѣдкая у насъ, и всегда говорящая въ пользу человѣка... Что же ты стоишь, милый мой, главулъ онъ на ямщика;—вѣзжай!..

— Куда прикажете подвѣзжать? спросилъ Ашанинъ.

— Я вамъ укажу.

Онъ вошелъ съ молодыми людьми на дворъ, и направился къ одному изъ флигелей.

— Мнѣ говорила почтенная Софья Ивановна что вы изъ Петербурга бѣжали? обратился онъ снова къ Гундурову, очевидно вызывая молодого человѣка на откровенный разговоръ.

Гундурову нечего было скрывать; къ тому же этотъ, казавшійся ему въ дѣтствѣ „суровымъ“ человѣкъ, влекъ его къ себѣ теперь своею привѣтливостью и обаяніемъ какого-то особаго изящества всей своей osoby. Онъ передалъ ему въ короткихъ словахъ все то что уже извѣстно читателю.

Князь слушалъ его внимательно, медленно подвигаясь впередъ и глядя не на него, а куда-то въ сторону, совершенно, казалось, безстрастными глазами; только по изгибу его губъ замѣлось какое-то едва уловимое выраженіе печали...

Гундуровъ давно замолкъ когда онъ, остановившись посреди двора, проговорилъ вдругъ почти строго:

— Главное, душевная бодрость!... Мнѣ недавно показывали стихи, съ большимъ талантомъ и горечью написанные... Вы ихъ вѣрно знаете? Тамъ говорится: „Разбейтесь силы, вы не нужны...“ * Не вѣрьте, не отдавайтесь этому! Вы молоды!.. Рано ли, поздно ли, силы эти—онѣ пригодятся... И также внезапно перемѣняя тонъ: — Это, кажется, у васъ въ водевилѣ въ какомъ-то поетсѣ. Князь обернулся на Ашанина: — „Не все жъ на небѣ будетъ дождь, анось и солнышко проглянетъ?..“

* Стихотвореніе И. С. Аксакова.

— Не помню-съ, а съ моралью согласенъ! отвѣчалъ-ся красавецъ:—даже всю дорогу отъ Москвы сюда проповѣдывалъ ее Гундурову... И если ваше сіятельство не откажете въ вашемъ согласіи, мы ее тотчасъ же приложимъ къ дѣлу?

— Чтò такое? спросилъ слегка нахмурился князь.

— Я уговариваю Сережу принять участіе въ нашихъ спектакляхъ здѣсь, и именно сыграть роль Гамлета, которую онъ наизусть знаетъ и страстно любитъ...

Князь подыалъ вопросительно глаза на Гундурова, затѣмъ перевелъ ихъ на Ашанина, влившагося въ него, въ свою очередь, своими выразительными черными глазами, и тотчасъ же сообразилъ въ чемъ дѣло...

— Это прекрасная мысль, Сергѣй Михайловичъ, поощрилъ онъ его,—и затѣя Аглаи Константиновнѣ приметъ такимъ образомъ совсѣмъ иной, серьезный характеръ....

— А ужъ какая Офелія будетъ у насъ княжна Елена Михайловна! воскликнулъ торжествуя Ашанинъ.

Подъ нависшими вѣками князя Ларіона что-то мгновенно сверкнуло и погасло...

— Офелія... д-да... она дѣйствительно... проговорилъ онъ, какъ бы думая о чемъ-то другомъ, и не глядя на нашихъ друзей...

Она опять остановилась.

— Такъ вы хотите играть *Гамлета*, молодые люди?... Я видѣлъ *Гамлета* на всѣхъ сценахъ Европы и, между прочимъ, въ Веймарѣ, въ то еще время когда Гёте былъ тамъ директоромъ театра,—заговорилъ князь послѣ минуты молчанія съ какимъ-то внезапнымъ оживленіемъ,—и, признаюсь вамъ, выходилъ каждый разъ изъ театра неудовлетворенный... Въдѣ это удивительное произведеніе, господа, и невообразимо сложный типъ, и Гизо совершенно справедливо сказалъ что два вѣка не успѣли еще исчерпать всю его глубину....

— Да, это вѣрно, воскликнулъ Гундуровъ,—и потому можетъ-быть, онъ такъ и манитъ, такъ и влечетъ къ себѣ, что каждый подступающій къ нему находитъ въ немъ родственныхъ себѣ чертъ....

— И, можетъ-быть, именно вслѣдствіе этого, замѣтилъ въ свою очередь князь Ларіонъ,—онъ въ исполненіи такъ рѣдко удовлетворяетъ *всѣмъ*... У васъ подходящая къ тѣлу

наружность, замѣтилъ вдругъ князь, окидывая взглядомъ Гундурова: — блѣлое, блѣдное лицо, задумчивый обликъ, только (онъ усмѣхнулся), тонки слишкомъ.... Замѣтите, какъ глубоко и вѣрно схвачено это у Шекспира, молодые люди! Гамлетъ — натура вдумчивая, рефлексивная, „мечтанью преданъ онъ безмѣрно“, какъ сказалъ когда-то Пушкинъ про современнаго человѣка, къ которому Гамлетъ такъ удивительно, такъ невольно близко, что самъ Гейне, этотъ кровный поэтъ *своего* поколѣнія, слегка подчеркнулъ князь, — какъ бы не ближе стоитъ къ нему чѣмъ онъ, чѣмъ этотъ мистическій Датскій принцъ.... Такія натуры мало подвижны, малокровны, склонны вслѣдствіе того къ раннему ожирѣнію, — гений Шекспира уловилъ даже эту физиологическую черту; его Гамлетъ тяжеловатъ, страдаетъ одышкой. Помните, въ сценѣ поединка: „He's fat and scant of breath“ *, прямо говорить про него его мать... Вѣдь вы новимаєте по-англійски? перебилъ себя этимъ вопросомъ князь, обернувшись къ Гундурову.

Молодой человѣкъ повелъ утвердительно головой и съ живымъ интересомъ, читавшимся на его лицѣ, уставился на своего собесѣдника, въ ожиданіи что онъ скажетъ далѣе.

Но его собесѣдникъ какъ бы уже усталъ или не хотѣлъ продолжать.

— Попробуйте, сказалъ онъ, видимо обрывая разговоръ, — попробуйте сыграть Гамлета, это дѣло хорошее!...

Гундуровымъ овладѣло смущеніе.

— Вы такой знатокъ, я вижу, князь, проговорилъ онъ робко, — что я никогда не осмѣлюсь выйти предъ вами...

— А вы какъ-съ — и князь съ тѣмъ же строгимъ, почти повелительнымъ выраженіемъ, съ какимъ глядѣлъ онъ, внушая Гундурову бодрость духа, взглянулъ на него опять, — вы бы хотѣли играть лишь для тѣхъ кто аза въ глаза не понимаетъ?... Такихъ у васъ будетъ полна зала, можете быть спокойны!...

* Онъ толстоватъ и дышитъ коротко... Весьма странно что нѣкоторые русскіе переводчики Гамлета вовсе не поняли значеніе этой драгоцѣнной черты (на блѣлостъ и тучноватостъ Гамлета, какъ на характерный физиологическій признакъ, прямо указываютъ Гёте въ своемъ *Вильгельмъ Мейстеръ*) и либо вовсе опускаютъ ее, либо искажаютъ самымъ невольнымъ образомъ. Такъ у Кронеберга, напримеръ, мѣсто это передается такъ: Онъ неженъ и усталъ (!).

— Не вѣрьте ему, князь, торопливо заговорилъ Ашанинъ:— я слышалъ какъ онъ читаетъ роль, и смѣю васъ увѣрить, что онъ, хотя и въ русской передачѣ, изобразить вамъ типъ Гамлета удачнѣе чѣмъ многие изъ самшанныхъ вами въ Европѣ Англичанъ и Нѣмцевъ!

Тонкая улыбка чуть замѣтно пробѣжала по губамъ князя.

— Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, ласково оглянувъ молодыхъ людей,—что одна изъ принципиальныхъ чертъ этого характера никому такъ, кажется, не можетъ быть понятна какъ русскому человеку; это именно колебанiя его и неустой.

— Это точно, подхватилъ на лету со смѣхомъ Ашанинъ,—потому русскiй человекъ, какъ сказалъ Брюловъ, на всѣ руки, да всѣ руки коротки...

— Да-съ, замѣтилъ на это князь Ларiонъ, сжавъ брови и какъ бы недовольнымъ взглядомъ глянувъ на него,—но объ этомъ, пожалуй, въ пору скорѣе плакать чѣмъ смѣяться...

Коляска молодыхъ людей подѣхала тѣмъ временемъ къ крыльцу флигеля у котораго они сами съ княземъ теперь остановились, и слуга Сергѣя Михайловича принялся стаскивать съ козелъ привязанный тамъ чемоданъ Ашанина.

— Потрудись, любезный, сказалъ ему князь,—зайти сюда къ дежурному, направо, и разбуди его чтобъ онъ шелъ съ ключами скорѣе комнаты отворять, какъ вамъ удобнѣе, господи,—вмѣстѣ или порознь?

— Вы извините меня, князь, сказалъ Гундуровъ,—но я никакъ не разчитывалъ встрѣтиться съ вами, и потому у насъ положено было съ Ашанинымъ что я его только доведу сюда, а самъ тотчасъ же отправляюсь къ тетюшкѣ, которую еще не видалъ...

— Вы всегда успѣете вылить здѣсь чашку чаю, прервалъ его князь Ларiонъ;—вамъ до Сашина никакъ не болѣе часа ѣзды, а теперь (онъ вынулъ часы) половина седьмого. Софья Ивановна, при всѣхъ ея качествахъ, приковалъ онъ шутиливо,—не имѣетъ вѣроятно моей привычки вставать зимой и лѣтомъ въ шесть часовъ утра...

— Зимой и лѣтомъ, даже вскрикнулъ Ашанинъ.

— Точно такъ-съ, и совѣтую вамъ дѣлать то же. Самъ я веду этотъ образъ жизни съ двадцатилѣтняго возраста, по совѣту человека котораго я близко зналъ и высоко цѣнилъ, Лафатера, и до сихъ поръ благословляю его

за это... А вотъ и дежурный!... Показать господамъ комнаты и подать имъ чаю и кофе куда они прикажутъ!... Вашъ пріятель, господа, живетъ тутъ же, въ этомъ флигелѣ... Я не прощаюсь съ вами, Сергѣй Михайловичъ, примовилъ князь, — но вы мнѣ дозволите докончить мою ежедневную двухчасовую прогулку; это также *conditio sine qua non* моей гигиены...

И кивнувъ молодымъ людямъ, онъ удалился.

— Да, онъ дѣйствительно очень уменъ и образованъ, молвилъ Гундуровъ, подымаясь съ Ашанинымъ по лѣстницѣ, вслѣдъ за бѣжавшимъ впереди слугой.

— И ядовитъ! примовилъ смѣясь его пріятель; — замѣтилъ ты какъ онъ очевидно хотѣлъ колынуть меня „неустоимъ“ русскаго человека?

Они вошли въ корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены были комнаты назначаемыхъ гостямъ.

Не прославившійся еще слуга ткнулся о первую попавшуюся ему дверь:

— Пожалуйста! приглашалъ онъ зѣвая.

— Мы бы прежде всего хотѣли увидать господина Вальковскаго, сказалъ Ашанинъ.

— Вальковскаго? Это, то-есть, какіе они изъ себя будутъ? недоумѣвалъ сонный дежурный.

— А вотъ я тебѣ объясню: волчьи зубы, на головѣ боръ, и въ театрѣ цѣлый день съ рабочими бравится...

— Знаю-съ! широко ослабилъ поймавшій слуга, и протеръ себѣ глаза, — пожалуйста!...

III.

Вальковскій спалъ спиной вверхъ, ухвативъ подушку, едва выглядывавшую изъ-подъ его ручищъ и раскинувшихъ по ней, словно ворохъ надерганной кудели, включенныхъ и какъ лѣсъ густыхъ волосъ.

— Гляди, расхохотался Ашанинъ, входя въ комнату съ Гундуровымъ, — *фанатикъ*-то! Вѣдь спитъ совсѣмъ одѣтый, только сюртукъ успѣлъ скинуть... Пришелъ, значитъ, изъ „театрика“ безъ ногъ, и такъ и повалялся... Экой шутъ гороховой!..

— Жаль будить его, бѣднягу, говорилъ Гундуровъ.

Но Вальковскій, прослышавъ сквозь сонъ шага и гелоса, встрепенулся вдругъ, быстро перевернулся на постели, сѣлъ и, не открывая еще глазъ, закричалъ:

— Что, подмалевали подзѣры?

— Чучело, чучело, помиралъ со смѣха Ашанинъ, — какіе тебѣ подзѣры! Гляди кто предъ тобой!..

— Гундуровъ, Сережа, мамочка! визгливымъ фальцетомъ отъ преизбытка радости, заголосилъ Вальковскій, — разумни-ца ты моя писаная!.. Князь говорилъ мнѣ вчера что тебя ждутъ... Станешь играть доктора? такъ и огорошилъ онъ его съ перваго раза.

— Какого доктора? проговорилъ озадаченный Гундуровъ.

— Да въ *Шилъ*... Зяблинъ отказывается, дрянъ эта сальная! Чижевскій еще, чортъ его знаетъ, прѣдетъ ли...

— А я тебѣ говорю, такъ и напустился на него Ашанинъ, — чтобы ты мнѣ про свое *Шило* и заикаться не смѣлъ, а то я тебѣ имъ брюхо пропору!.. Станетъ Сережа объ эту твою мерзость мараться, когда мы вотъ сейчасъ лорѣшили съ княземъ *Гамлета* ставить...

— *Гамлета*! Съ княземъ!.. Вальковскій даже въ лицѣ измѣнился, и судорожно началъ ерошить свои сбитые волосы; — какая жь мнѣ тамъ роль будетъ?.. Горацио развѣ сыграть мнѣ? неуверенно, сквозь зубы проговорилъ онъ, изподлобья поглядывая съ постели на Ашанина.

— Ну, съ твоимъ ли мурломъ, крикнулъ на него тотъ опять, — лѣзть на молодые роли, да еще *резонеровъ*! Или не помнишь какъ ты провалился въ Герцога въ *Скупомъ Рыцарѣ*?

Сконфуженный „фанатикъ“ опустилъ голову и принялся натягивать салоги на ноги.

— Полоній, вотъ тебѣ роль! Да и то еще надобно тебя пощупать.

— Нечего меня щупать! огрызая на этотъ разъ Вальковскій: — на репетиціяхъ я себя не покажу... Я актеръ нервный, играю *какъ скажется*...

— И лжешь, лжешь, отъ начала до конца лжешь, доказывалъ ему Ашанинъ: — вопервыхъ, у тебя не нервы, а каа-ты которые толоромъ не перерубишь; вовторыхъ, только то у тебя и выходитъ что ты у себя въ комнатѣ предъ зеркаломъ продѣлалъ сто разъ, пока добился своего эффекта... А какъ ты только до цыганскаго лота надъ ролью не проработалъ, — такъ и гони тебя вонъ со сцены!...

— И это тебѣ въ похвалуказывается, Вальковскій, утѣшай его Гундуровъ—роль, что кладъ, дается въ руки лишь тому кто доросется до нея.

— Ну вотъ! фыркнулъ „фанатикъ“, направляясь къ умывальнику,—а Мочаловъ?

У Гундунова заморгали глаза, что всегда служило въ немъ признакомъ охватывавшаго его волненія; онъ опустился въ кресло:

— Мочаловъ, повторялъ онъ, — это я постоянно слышу. Мочаловъ! А я вотъ тебѣ что скажу, Вальковскій — и да простить это мнѣ его, вѣдь намъ дорогая память! Эта Мочаловская манера игры *какъ скажется*, какъ Богъ на душу положить, возведенная въ теорію, погубить русскую сцену! Вѣдь это олицетвѣннѣе все то же наше варварское *аессека*, въ примѣненіи къ искусству, — пойми ты это!...

— Погоди, погоди-ка Сережа! прерывалъ его Ашанинъ. — А помнишь,—мы съ тобой вмѣстѣ были тогда; на первомъ это курсѣ было,—какъ однажды въ *Гамлетѣ*, послѣ сцены въ театрѣ, онъ, поднявъ голову съ кофты Орловой—Офеліи, поползъ... Помнишь?—да, поползъ на четверенькахъ черезъ всю сцену къ рампѣ и этимъ своимъ чуднымъ, на всю залу слышимымъ шелотомъ проговорилъ:

„Олеся ранила стрѣлой.“—

И засмѣялся... Господи... Помаю, ты даже привскочилъ!... У меня даже зубы встучали и я три ночи послѣ этого не могъ заснуть, все слышался мнѣ этотъ шелотъ и смѣхъ.

Гундуровъ заволаговался еще сильнѣе.

— Боже мой, да я развѣ этого не помяю, развѣ отрицаю гениальность его вѣтуры? Минуты у него бывали божественныя, но *минуты!* подчеркивалъ онъ; — полнаго, цѣльнаго образа...

— Что—о? такъ и заревѣлъ Вальковскій, отрываясь мокрымъ лицомъ отъ умывальника въ которомъ плескался онъ, кидаясь на средину комнаты съ этимъ мокрымъ лицомъ и неотертыми руками:—въ Миллерѣ, въ *Коварствѣ* и *Любви*, онъ тебѣ не давалъ образа?...

— Въ Миллерѣ, началъ было Гундуровъ...

— Что же ты, въ Петербургѣ Каратыгинымъ обѣлся видно! Каратыгинъ теперь, по твоему, великій актеръ? чуть не съ лѣвой у рта подступалъ къ нему тотъ.

— Позволь тебѣ сказать...

— Фельдфебель! трескотня, казенщина!... Барабашникъ французскій,—вотъ онъ что, твой Каратыгинъ! ревѣлъ Валяковскій, ничего не саушая...

— Эко чудело! Эка безобразина! надрывался смѣхемъ Ашанинъ, глядя на него.

— А въ *Заколдованномъ* долъ видѣлъ ты его? спросилъ Гундуровъ.

— Въ *Заколдованномъ* долъ? повторилъ „фанатикъ“, мгновенно стихая;—видѣлъ!...

— Ну, и что же?

— Хорошо былъ, гаухимъ баскомъ проговорилъ онъ, и опустивъ голову, опять отешелъ къ своему умывальнику...—Король былъ, дѣйствительно.... настоящий... страшный... правдою страшный! отрывисто пропускалъ уже Валяковскій, отфыркиваясь и леща въ тазу.

— То-то и есть, заговорилъ опять Гундуровъ, — онъ далеко не вдохновенная натура какою безспорно былъ Мочаловъ, въ немъ и дѣйствительно, какъ ты говоришь, не мало „трескотни и казенщины“.... А казенщины потому что онъ *петербургскій* актеръ, что ему вѣчно *Иголкины* и *Денщикове** изображать приходится.... Но когда доведется ему *настоящую* роль сыграть, какъ вотъ эту роль Лудовика XI въ *Заколдованномъ* долъ, ты видишь сейчасъ что это не дюжинный лицедѣй, а актеръ думающій и образованный, знающій *кого, когда, что* онъ играть. А при всей гениальности нашего Мочалова ему вотъ этого-то всегда не доставало....

— Такъ какъ же, по твоему, прервалъ его „фанатикъ“, останавливаясь въ раздумьи предъ нимъ, съ полотномъ въ рукахъ, — *вдохновенье* артисту надо, значить, ле боку?

— Вдохновенье! горячо воскликнулъ Гундуровъ,—вопросъ въ томъ что разумѣешь ты подъ этимъ словомъ? Вдохновенье есть и въ дикой калмыцкой пѣснѣ, а у безобразнаго Тредіаковского вышло въ невзначай пять вдохновенныхъ

* *Иголкинъ*, драматическое представленіе Полевого и пятиактная драма Кукольника, *Денщикъ*, долго, какъ извѣстно, держался на репертуарѣ Александринскаго театра.

стиховъ.... * Но я говорю тебѣ о настоящемъ искусствѣ, о охватывѣ, къ которой нельзя подходить съ неумытыми руками....

— Молодчина Сережа! воскликнулъ, приведенный въ восторгъ этими послѣдними словами Ваальковскій, кидаясь обнимать его, — дай, валяю тебѣ безешку за это!...

— Нельзя приступать, продолжалъ рѣчь свою нашъ герой, отпихивая его отъ себя обими руками, — безъ подготовки, безъ труда, безъ размышленія.... Вспомни какъ Пушкинъ былъ строгъ къ своему дарованію!... А въ сценическомъ мірѣ посмотри какъ относились къ дѣлу Гаррики, Кембля, Таальма, вотъ эти, дѣйствительно большіе, артисты! Возьми, наконецъ, нашего Щелкина....

— Михайла Семеновъ! неожиданно расхохотался во весь ротъ „фанатикъ“: зубрило, бестія! По сю пору безъ суфлера дѣйствуетъ.

— А для меня, изъ смысла басни сей, принялся, въ свою очередь, комически вздыхать Ашанинъ, — выходитъ то что вы отъ меня потребуете въ долбашку вытвердить реалъ Лерта?

— И вызубришь! сказалъ Гундуровъ.

— Какже! Держи карманъ, хихиканулъ Ваальковскій; — выйди, и ни въ зубъ толкнуть! Онъ у насъ, извѣстно, какъ толстые кучера у купечества, на *фигуръ* выѣзжаетъ.

Ашанинъ весело тряхнулъ головой на заую выходку пріятеля.

— Каждому свое, Валя: — я фигурой, а ты волчьимъ ртомъ....

— И лисьимъ хвостомъ, договорилъ самъ Ваальковскій; — вѣдь и точно, братцы, клягилу-то здѣшнюю я совсѣмъ объѣхалъ!

— Какъ такъ? спросилъ Гундуровъ.

— А такъ что что я ни захочу, то она и дѣлается. — Шесть перемѣнъ новыхъ у насъ въ театрѣ уже готовъ: двѣ комнаты, зала съ колоннами, улица, садъ, лѣсъ.

* Волъми, о небо, и реку!

Земля да слышитъ усть глаголы!

Какъ дождь а словомъ потеку

И спидуть, какъ роса къ цвѣтку,

Мои вѣщанія на долы!

Старыя декораціи, какія отъ временъ стараго князя были, тѣ всѣ подновилъ. И какія декораціи, братцы! Ренжи, говорятъ, писалъ... Старикъ-то, видно, челоуѣкъ вкусомъ былъ и страсть къ искусству имѣлъ, труша постоянная была. Самъ императоръ Александръ, разсказуютъ тутъ старые дворовые, пріѣзжалъ къ нему съмотить—и на спектакль былъ. Баринъ былъ важный... а эта, — Вальковскій подмигнулъ и осканилъ свой языкъ, — какъ есть Жидъ-баба, кулакъ; только оченъ чванна при этомъ, такъ этимъ ее какъ рыбицу на удилище водишь. Какъ начали мы здѣсь театръ устраивать, и бовала она отъ декоратора смѣты. Я Александрову говорю: „Ты, братъ, ее не жалѣй, валяй такъ чтобы на спектакль театръ вышелъ.“ Онъ и вкаталъ ей смѣту въ полтора сѣчи. Она такъ и взвизгнула: „Ахъ, говорить, *каль* и и и неужто все это нужно?“ И на меня такъ и уставилъ. Я ничего, молчу. Начинаетъ она уамбаться: „И де не нельзя, спрашиваетъ, *моншеръ* Иванъ Ильичъ?“— „О, говорю, можно; вотъ я въ Замоскворѣчьи у купца Гундурикова театрикъ устраивалъ, всего расхода на полтора цѣлѣкашей вышло.“ Такъ, повѣрите, ее ажъ всю ажъ „Потрудитесь, говоритъ Александрову, представить эту мою контору; сколько вамъ нужно будетъ денегъ, получите.“ Съ тѣхъ поръ, расхотѣлся „фаматикъ“ и ви скажу, то свято!.. Да что мы здѣсь дѣлаемъ. вскинулъ онъ вдругъ,—ходимъ въ театръ! Сами увидите что мы дѣлаемъ!

— Мнѣ ѣхать домой пора, сказалъ Гундуровъ, — и пошелъ...

— Лошадей вашихъ князь велѣлъ отправить, дождь сауга, входившій въ ту минуту въ комнату съ часомъ.

— Какъ отправить?

— Сказывать изволили что когда пожелаете, всегды лошади могутъ васъ отвезти.

— Молодецъ князь! воскликнулъ Вальковскій. — Любезно мнѣ чай на сцену; да булокъ побольше, а чайку... Ну, Сережа, чего ты оговѣлъ? Напьемся чаю, театръ осмотришь, а тамъ уѣдешь себѣ съ Богомъ...

— Ладно, сказалъ за Гундунова Ашанинъ, — только вамъ себя нѣсколько въ порядокъ привести!

Друзья умылись, переодѣлись бѣлье, причесались и поправились вслѣдъ за Вальковскимъ въ „театрикъ“.

IV.

Люблю тебя, люблю, мечты моей созданье;
 Съ очами полными лазурнаго огня,
 Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
 За рощей первое сіянье.

Лермонтовъ.

Помѣщеніе театра занимало почти весь правый, двухъ-этажный флигель дома. Гундуровъ такъ и ахнулъ войдя въ него. Онъ никакъ не воображалъ его себѣ такимъ объемистымъ, удобнымъ, красивымъ. Широкая и глубокая сцена, зала въ два свѣта, амфитеатромъ, отставленные временно къ стѣнамъ кресла, обитыя стариннымъ, еще мало выцветшимъ малиновымъ тисненымъ бархатомъ, пляшущія нимфы и толстопузые амуры, расписанные по высокому своду плафона, сверкавшія подъ утренними лучами стеклышки спускавшейся съ него большой хрустальной люстры, проливающій запахъ свѣжаго дерева и краски,--все это подымало въ душѣ молодого любителя цѣлый строй блаженныхъ ощущений всю забирающую прелесть которыхъ пойметъ лишь тотъ кто самъ испытывалъ ихъ, кто самъ льялъ и замиралъ отъ восторговъ и тревоги подъ вѣяніемъ того что Французы называютъ *l'enivrant et âcre senteur de la gampe*....

И Гундуровъ съ безотчетною, счастливою улыбкой осторожно пробирался теперь, вслѣдъ за Вальковскимъ, промежь брусковъ, горшковъ съ краской, гвоздей и всякаго хлама, мимо растянутаго на полу залы полотна, на которомъ сохла только-что вчера написанная декорация. „Фанатикъ“ трещалъ какъ канарейка. Онъ говорилъ объ оркестрѣ набранномъ чѣмъ изъ музыкантовъ Малаго Театра, съ которыми, какъ и со всѣмъ московскимъ театральнымъ міромъ, состоялъ *на ты*, и тутъ же поминалъ крѣпкимъ словомъ дворецкаго княгини, съ которыми уже успѣлъ два раза выругаться; передавалъ о какой то старой кладовой, гдѣ онъ нашелъ „самую подходящую“ къ *Гамлету* мебель, и о томъ что первый „театрикъ“ имѣеть быть 3 іюня, въ день рожденія княжны которой микеть 19 лѣтъ, и что къ этому дню

найдетъ въ Сидкое чуть не пол-Москвы, и даже изъ Петербурга какіе-то генералы общались быть....

Но вся эта болтовня шла мимо ушей Гундунова. Онъ только видѣлъ предъ собою сцену, на которой онъ появлялся вотъ изъ-за этой второй налѣво кулисы, изображающей теперь дерево съ тѣми невиданными желтыми цвѣтами какіе лишутся подъ нимъ на декораціяхъ, а которая тогда будетъ изображать колонну или пиластръ большой залы въ Эальсинортъ, появится съ выраженіемъ „безконечной печали на челѣ“, въ едва держащейся на плечахъ мантии со спущеннымъ на одной ногѣ чулкомъ, какъ выходилъ Кинъ, и скрестивъ на груди руки, безмолвно, не подымая глазъ, перейдетъ направо, подальше отъ Клавдіо....

— Отбрось ночную тѣнь, мой добрый Гамлетъ, навѣстъ Гертруда,

„Зачѣмъ искать съ опущенной рѣсницей
Во прахъ благороднаго отца?
Ты знаешь: все что живо, то уметь....“

— Да, отвѣтитъ онъ, и какъ онъ это скажетъ!

Да, все уметь!

— „А если такъ

То что жъ тебѣ тутъ кажется такъ странно?“

А онъ.... И Гундуновъ, взбѣжавъ на сцену, уже стоялъ со скрещенными на груди руками, на этомъ своемъ мѣстѣ направо, и пробовалъ резонансъ залы:

Нѣтъ, мнѣ не *кажется*, а точно *есть*,
И для меня все *кажется* ничтожно....
Нѣтъ матушка, ни траурный мой плащъ,
Ни грустный видъ унылаго лица,
Ни слезъ текущій изъ очей потокъ,
Ничто, ничто изъ этихъ знаковъ скорби
Не скажетъ истины....

читалъ онъ, постепенно повышая голосъ, давая самъ себѣ реплику и бессознательно увлекаясь самъ....

— Вѣрно, хорошо! одобрительно покачивалъ головой глѣдѣвшій на него снизу Ашанинъ.

— Э, братъ, крикнулъ въ свою очередь Вальковский, — ты своего что ли *Гамлета* читаешь?

— Какъ такъ?

— Я выхождъ-то Мочаловъ хорошо ломаю, совсѣмъ не тѣ слова были....

— Ну да, объяснилъ Гундуровъ, — въ театрѣ у насъ играть, по переводу Полеваго, а я читалъ по Кронеберговскому.

— Для чего же это? недовольнымъ голосомъ спросилъ Ваальковскій.

— А потому что онъ и ближе и изящнѣе....

— А къ тому всѣ привыкли, знаютъ, вся Россія... торговцы въ городѣ его знаютъ, такъ нечего намъ мудровать съ тобою. Тутъ не въ вѣрности дѣло, а чтобы каждый *сердцемъ* понялъ.... — Ваальковскій, запнулся, не умѣя, какъ всегда, договорить свою мысль.

— Да къ тому же и Варламовская музыка, всѣмъ извѣстная, поддержала его Ашанинъ.

И онъ заплѣлъ фальцетомъ на всю залу:

Моего ль вы знали друга?

Онъ былъ бравый молодецъ...

— Въ бѣлыхъ перьяхъ, статный воинъ,

Первый Дани боецъ,

неожиданно отвѣтилъ ему вблизи чей-то свѣжій, звучный женскій голосъ, — и изъ-за стремительно отворившихся на обѣ половинки ближайшихъ къ сценѣ дверей вылетѣла, остановилась на бѣгу, зардѣлась, и вдругъ залилась раскатистымъ, не совсѣмъ естественнымъ смѣхомъ быстроглазая, свѣжая и пышная брюнетка, — дѣвушка лѣтъ девятнадцати...

— Pardon, заговорила она сквозь смѣхъ пріятнымъ груднымъ голосомъ, — слышу, поютъ — знакомое... я думала... Она не договорила, приподняла длинныя рѣсницы, и взглянула въ недоумѣвавшіе глаза Ашанина. Ахъ, здравствуйте Иванъ Ильичъ! кинулась она съ протянутою рукой къ Ваальковскому: — это, вѣрно, monsieur Ашанинъ? спросила она его шепотомъ, самшаннымъ на всю залу.

— Самъ? нахмурившись пробурчала ей въ отвѣтъ „фалатикъ.“

— Я такъ и знала! проговорила она, повела еще разъ на красавца своимъ возбуждательнымъ взглядомъ, и побѣждая назадъ въ ту дверь откуда появилась. — Лина, Лина, слышался ей звонкій голосъ въ корридорѣ куда вела эта дверь, — что же вы меня оставили одну на свиданіе?..

— Что за прелесть? Кто такая? съ загорѣвшимися зрачками обратился Ашанинъ къ Вальковскому.

— Стрекоза! отрѣзалъ тотъ, отворачиваясь.

Гудуровъ глядѣлъ на все это со оцены, — и ничего не понималъ....

Но вотъ опять изъ тѣхъ же дверей вынеслась быстроглазая особа. За нею вступила въ залу та которую звали Линой.

Ашанинъ былъ правъ говоря о ней Гудурову: болѣе соотвѣтствовавшей Офеліи наружности трудно было себя представить. Высокая и стройная, съ золотистымъ отливомъ густыхъ косъ лежавшихъ вѣнцомъ, по модѣ того времени, кругомъ ея маленькой, словно выточенной головы, она являла что-то невыразимо-дѣвственное и свѣжее, что-то *полевое*, какъ васильки, цвѣта которыхъ были ея длинныя, тихіе, никогда не улыбавшіеся глаза, какъ спѣлый колосъ, къ которому можно было приравнять ея тонкій, красиво и мягко, какъ бы отъ слабости гнувшійся станъ. Словно вся благоухала этою дѣвственнымъ, полевою свѣжестью княжна Луна, — Елена Михайловна Шастунова.

Она остановилась, съ любезнѣйствомъ обводя вокругъ себя взглядомъ, и тихо, одною головою, съ какимъ-то застѣнчивымъ достоинствомъ поклонилась нашимъ друзьямъ...

Самъ суровый „фанатикъ“ размякъ отъ этого появленія.

— Пожалуйте сіятельная, пожалуйста, гостя будете, приѣхствовалъ онъ ея, — только осторожнѣе подбирайте ножельки чтобы башмачечковъ и платьица о красочку не замарать...

— Да какая же вы ранняя лташка, княжна? молвилъ, подходя къ ней Ашанинъ.

— Это я, я, *monieur* Ашанинъ, не давъ той отворить рта, защебетала черноглазая ея слугница, отбоясь къ молодому человѣку будто всю жизнь была съ нимъ знакома, — я подняла сегодня Лину спозаранку... Князь вчера дразнилъ насъ непробудными сонями, такъ вотъ мы ему и доказали!... Ахъ, вотъ и Надежда Федоровна! Несносная! кинула она въ полголоса не то княжнѣ, не то Ашанину, и темныя, красиво очерченныя ея брови сдвинулись надъ еще весело сверкавшими глазами барышней.

Надежда Федоровна Травкина, которую Ашанинъ такъ непочтительно называлъ „особою дѣвическаго званія“, была

дѣвушка далеко не молодая, съ довольно правильными, но непривлекательными чертами лица подъ натянутою на нихъ, словно полинялою кожей, мягкимъ выраженіемъ большихъ, вѣсколько подсафловатыхъ глазъ, и весьма замѣтною, не то презрительною, не то горькою усмѣшкой, постоянно игравшею въ уголкѣ ея рта. Держала она себя чрезвычайно чинно и опрятно. Сухія очертанія ея тѣла скрывались подъ хорошо окроеннымъ, ловко сидѣвшимъ на ней темнымъ платьемъ. Вся она, въ этомъ скромномъ платьѣ, гладкихъ воротничкахъ и нарукавничкахъ ослабительной бѣлизны, являвала собою почтенный, и мало извѣстный въ Россіи типъ Француженки-протестантки.

Она холодно обмѣнялась поклономъ съ бойкою дѣвицей и подошла къ княжѣ.

— Я сейчасъ отъ васъ Луна; мнѣ показали... Василій Петровичъ, со мгновенно сдержаннымъ взрывомъ радости, не договоривъ, протянула она Ашанину свою руку.

— А вы не знали что monsieur Ашанинъ здѣсь? лукаво воззрилась на нее быстроглазая барышня.

— Не знала, Ольга Елипидифоровна, и тѣмъ болѣе рада... А вы знали видно? спокойно и вѣсколько ядовито промолвила Травкина, между тѣмъ какъ вѣки ея нервно помаргивали.

— И тѣмъ болѣе будете рады, Надежда Федоровна, послѣдній заговорить Ашанинъ,—что счастливая моя звѣзда позволила мнѣ привести сюда того о комъ я такъ часто вамъ говорила... Гундуровъ, представлялся дамамъ, обернулся онъ къ сценѣ, на которой попрежнему стоялъ его пріятель, не зная что съ собою дѣлать.

— Такъ позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ съ подмошквою сойти, отвѣчалъ онъ кланяясь и слегка конфузясь,—а то я здѣсь точно звѣрь какой-то выведенный напоказъ...

Ольга Елипидифоровна такъ и покатила. Улыбнулась и княжна, улыбнулась молодою улыбкой, отъ которой словно все освѣтилось вокругъ нея, какъ показалось Гундурову.

— Нѣтъ ужъ, нѣтъ, пожалуйста! замахалъ ему руками Вальковскій,—лучше вотъ вы на сцену переходите, благо и чай тамъ поданъ... А то вотъ вы мнѣ, вскинулся онъ на продолжавшую хохотать барышню,—цѣлую крышу съ декораций смахнули юлками-то вашими!...

— Ахъ, какой вы дерзкій, какъ я посмотрю! отпаривала

Ольга Елпидифоровна, быстро откидывая голову за спину, въ тревогѣ за слѣды этой крыши на ея юпкахъ...

За кулисами оказались три стула, складная дѣстница, какой-то табуретъ, и столъ съ чаемъ и огромнымъ количествомъ булокъ, принесенныхъ для Ваальковского. Общество кое-какъ разсталось на сценѣ.

— Прежде всего позвольте извѣстить васъ, княжна, полутаиннымъ, полуторжественнымъ тономъ началъ Ашанинъ,—что здѣсь, на этой сценѣ, мы собираемся ошаченно-дѣйствовать...

— Чтò такое? усмѣхнулась она.

— Мы *Гамлета* оставимъ, княжна! объяснилъ онъ.

— *Гамлетъ*, сочиненіе Вильяма Шекспира! проговорилъ окороговоркой Ольга Елпидифоровна:—мнѣ есть тамъ роль?

— Совершенно справедливо извоили сказать: *Гамлетъ*, сочиненіе Вильяма Шекспира! повторилъ, вняко ей качаясь Ашанинъ;—и роли для васъ, увы, тамъ не имѣется.

— А почему такъ? вспыхнула опять барышня и отъ отказа, и отъ вѣжнаго взгляда который по этому поводу счелъ нужнымъ препроводить ей красавецъ.

— Потому-съ что тамъ только двѣ роли: Офелія, каковая непременно должна быть блондинка,—вы же очаровательная брюнетка,—и Гертрудъ, матери Гамлета, которую мы попросимъ взять на себя милѣйшую Надежду Федоровну.

— Меня! испуганно вскрикнула та:—помилуйте, я въ жизнь свою ни разу не играла!

— Это ничего не значитъ!...

— Разумѣется, ничего! лоспѣшно подтвердила, слегка зааѣвъ и пожимая ей руку, княжна;—она видимо вся оживилась отъ удовольствія предстоявшей ей роли.

— Не радуйтесь заранѣе, Лина, зачала головою Надежда Федоровна:—эти господа рѣшили, но еще невѣдомо согласится ли *начальство*...

— Отчего? живо возразила княжна. — Я прочла всего Шекспира, и самъ дядя мнѣ книгу подарилъ.

— Вашъ Шекспиръ съ пропусками,—дѣтское изданіе! съ легкою гримаской замѣтила немолодая дѣвица.

— Чтò же, можно и съ пропусками играть,—лишь бы княжна могла участвовать! не давъ ей договорить Гудуровъ, самъ не понимая какъ могъ онъ сдѣлать такую уступку и чувствуя какъ кровь выступила у него на щекахъ

подъ благодарнымъ взглядомъ который повела на него за это княжна.

— Позвольте васъ всѣхъ успокоить, вмѣшался Ашанинъ:— *начальство*, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, князь-Ларіона Васильевича, на мѣсту согласно; играть ее съ пропусками или безъ нихъ—вопросъ второстепенный. Намъ же теперь слѣдуетъ порѣшить распредѣленіе главныхъ ролей. Итакъ: Офелія—княжна; Гертруда—Надежда Федоровна...

— Чтѣ вы, чтѣ вы! Да я ни за чтѣ не буду!...

— Вы не будете? протянулъ Ашанинъ.

— Нѣтъ, я вамъ сказала! слабо унывая и избѣгая его глазъ отвѣтила она.

— Саушаю-сь! онъ отвернулся отъ нея.—Такъ не угодно ли *самъ* принять эту роль! обратился онъ къ бойкой барышнѣ.

— Чтѣ это, я—старуху. Это было бы оригинально!.. А впрочемъ, и она лукаво закусилла губу,—смыла моего будетъ играть кто, вы?

— Къ заолоучію моему нѣтъ; Гамлета играетъ Гуладуровъ.

Но вѣрное чутье подсказывало, какъ видно, быстроглазой дѣвицѣ что съ этой стороны взять было нечего. Она мелькомъ глянула на блѣднѣлаго молодого человѣка и саргика нахмурилась.

— Вѣдь мнѣ главное чтобы было пѣніе, а это драма; тамъ не поютъ?

— Поетъ одна Офелія, сказалъ Ашанинъ.—Ахъ, да, княжна, вѣдь у васъ, не правда ли, голосъ есть?

— И прелестный! отвѣчала за нее Ольга Елпидионовна,—не такой большой какъ у меня, но....

— Гдѣ же кому противъ васъ! неожиданно фыркнулъ Вальковскій, все время молча поглядывавшій на нее.

Всѣ разсмѣялись невольно.

Барышня разсердилась было, но вдругъ расхохоталась сама:

— Знаете чтѣ, на васъ и сердиться нельзя! Вы все равно чтѣ тотъ красныи полугай у княгини, который, какъ только кто мимо пройдетъ, начинаетъ самымъ галымъ образомъ кричать: а-ра, а-ра!.. Чтѣ онъ кричитъ, чтѣ вы грубите—совершенно все одно!....

— Bravo, bravo! зааплодировалъ ей Ашанинъ:—такъ ему и нужно лугалъ-огороднику!...

Вальковскій сконфужено только покосился на нихъ...

V.

Большая входная въ залу дверь, прямо противъ сцены, отворилась. На порогъ ея показался князь Ларіонъ. Онъ успѣлъ кончить свою прогулку и переодѣться, и въ сѣдившемъ его длинномъ сюртукѣ свѣтлѣмъ, по лѣтнему, утреннему туалету казался теперь еще моложе чѣмъ въ первую минуту его встрѣчи съ нашими друзьями.

— Князь! воскликнула завидѣвъ его Ольга Еалидифорова, — къ намъ, къ намъ, милости просимъ!..

— Да къ вамъ какъ въ царство небесное пройти мудро! сѣла она, пріостановившись предъ раставнутыми на полу декораціями.

— А я вашимъ ангеломъ-хранителемъ буду, я проведу! крикнула она ему, сбѣжала опростетью со сцены въ залу, къ великому ужасу Вальковского и, подобравъ на сей разъ осторожно свои юбки, стала пробираться на кончикахъ нѣсколько грубоватыхъ фермой, но тщательно обутыхъ ногъ по еще не загрунтованнымъ краямъ полотна.

Она добралась до князя, просунула свою руку подъ его руку, слегка прижалась къ нему и, глядя на него снизу вверхъ со своею вымывающею улыбкой, проговорила полупшепотомъ:

— Милый, милый князь, какъ бы я хотѣла быть въ самомъ дѣлѣ вашимъ ангеломъ-хранителемъ! Но вы сами ангелъ! Вы такой добрый, умный, ну, милый, совсѣмъ милый!

— Вы находите? разсѣянно отвѣтилъ онъ, глядя не на нее, а на сцену, и прищуривъ для этого свои нѣсколько близорукіе глаза.

— Вотъ она куда бѣтъ, сказалъ себѣ Ашанинъ, отъ зоркаго взгляда котораго ни что не ускользало, — и подошелъ къ Надеждѣ Ѳедоровнѣ, сидѣвшей у кулисы нѣсколько поодаль отъ стола, за которымъ княжна и Гундуровъ пили чай, а „фанатикъ“ пожиралъ булки одну за другой.

— Такъ вы такъ-таки рѣшительно отказываетесь отъ роли? оказалъ онъ.

Она приподняла на него свои большіе, печальные глаза:

— Я вамъ сказала, я не играла никогда... И не хочу никогда! со внезапною рѣшительностью произвела она.

— Даже еслибъ я васъ очень, очень объ этомъ просилъ? вкрадчиво и мягко проговорилъ нашъ Довъ-Жуанъ, глядя на нее не отрываясь.

Некрасивое лицо бѣдной дѣвы слабо зарумянилось подъ этимъ неуступчивымъ взглядомъ...

— Боже мой, отвѣчала она не сразу и какъ бы перемогая пролимавшую ее дрожь, — какой вы удивительный человекъ!... Къ чему вамъ я!.. Заставьте.. вы все можете! вырвалось у нея, — заставьте играть эту безстыдную дѣвочку, отъ которой вы уже безъ ума!

И она презрительнымъ движеніемъ указала на быстроглазую барышню, медленно подвигавшуюся ко сценѣ объ руку съ княземъ Ларіономъ.

— Я безъ ума! невинѣйшимъ тономъ воскликнулъ Ашанинъ; — помните я въ первый разъ отъ роду вижу ее сегодня, и даже кто она, — не знаю...

— Она дочь здѣшняго исправника Акулина, нехотя объявила Надежда Федоровна.

— И, какъ кажется, по части князь-Ларіонъ Васильича... не договоришь Ашанинъ.

— Какъ видите! Я и не воображала никогда, воскликнула пересерѣлая дѣвица, — чтобы можно было быть такою дерзкою кокеткой въ ея годы!..

— Чтò же, это не дурно, Надежда Федоровна!

Онъ засмѣялся. Она горько улыбнулась.

— Знаете, заговорила она послѣ минутнаго молчанія, страстно и въ то же время злобно взглянувъ на него, — я не понимаю какъ можетъ женщина рѣшиться полюбить васъ!

— Такъ кто же изъ нихъ и не рѣшается, Надежда Федоровна! смиренно вздохнулъ на это Ашанинъ: — вы сами знаете, ну кто меня любить?...

— Подите вы отъ меня! проговорила она, отворачиваясь и неволью усмѣхнулась.

— А все же вы Гертруду играть будете! заключилъ онъ, торжествуя...

Она не отвѣчала.

Тѣмъ временемъ княжна Лина и Гундуловъ вели слѣдующій разговоръ:

— Когда мнѣ Ольга сказала что monsieur Ашанинъ пріѣхалъ съ какимъ-то еще молодымъ человекомъ, — я тотчасъ же догадалась что это непременно вы, говорила она.

Онъ изумился:

— Почему же такъ, и какъ могли вы знать обо мнѣ, княжна?

— Я знала чрезъ monsieur Ашанина, который безпрестанно говорилъ намъ о васъ зимой, — Лина усмѣхнулась, — что вы его другъ, а ваша тетушка сказала намъ что вы должны на дняхъ пріѣхать изъ Петербурга.

— Вы знаете мою тетушку? еще болѣе удивленъ былъ Гундуровъ.

— Да. Мы были у нея съ татан. Дядя давно съ нею знакомъ и очень любитъ ее, а теперь повезъ и насъ. Она и папа покойнаго хорошо знала. Я очень рада что съ нею познакомилась, примолвила княжна съ какимъ-то особымъ оттѣнкомъ серьезности.

— И я люблю васъ, съ увлеченіемъ сказалъ Гундуровъ, — тетушка моя чудесная женщина!

Она отвела голову отъ чашки, низко наклонясь къ которой прилебывала чай своими свѣжими губками.

— Вы это очень хорошо сказали! съ ласковою улыбкой проговорила она.

У нея были какіе-то *лебединые*, медленные какъ медленная была и ея рѣчь, повороты шеи, которые приводили въ восторгъ Гундурова. Какая это дивная вещь — женская грація! думалъ онъ.

— Я сказалъ что чувствую, произнесъ онъ громко, — я не помню ни отца, ни матери; тетушка съ ласкою вырастила меня, воспитала, спасла мое наследство отъ гибели... И ей все въ обязанъ!...

Княжна сочувственно покачивала своею осыпленною золотистыми косами головкой.

— Она именно на меня такое впечатлѣніе произвела ваша тетушка что она думаетъ и поступаетъ *хорошо*....

— Какъ это ужасно, примолкнувъ на мигъ заговорила она опять, — что васъ за границу не пустили!...

— Да! и глаза Гундурова мгновенно заискрились, — это ударъ для всего моего будущаго! И за что, за что? воскликнулъ онъ въ неудержимомъ порывѣ. — Оторвали человека отъ всего что было для него жизнью, связали по рукамъ и по ногамъ....

Онъ не договаривалъ. Княжна внимательно поглядѣла на него....

— Я, тихо промолвила она, — все жила за границей до сихъ горъ, и не могу понять чтобы можно было такъ поступить съ человѣкомъ ни въ чемъ не виноватымъ. Знаете, я очень люблю свое отечество, и такъ рада что мы наконецъ въ Россіи! Но это ужасно, когда....

Она вдругъ задумалась. Гундуровъ, въ свою очередь, подвигая на нее глаза съ какимъ-то благоговѣніемъ.

— Вы *будете* играть Гамлета? спросила она чрезъ мигъ.

Онъ помолчалъ, еще разъ глянулъ на ея опущенныя вѣки.

— Буду, княжна! произнесъ онъ, будто только теперь окончательно рѣшившись, — и я какъ-то надѣюсь что я вамъ отъ этого не покажусь смѣшнымъ.... А посмѣетесь, грѣхъ вамъ будетъ! промолвилъ онъ, наклониваясь на шутивый тонъ и слегка краснѣя. — Признаюсь вамъ, я бы не рѣшился въ другую минуту, но мнѣ надо уйти отъ тоски.... отъ того что чуть съ ума не свело меня тамъ... въ Петербургѣ... Вотъ тѣмъ оно и дорого, тѣмъ велико искусство, княжна, горячо зазвучалъ голосъ молодого человѣка, — что въ него можно уйти и позабыть тамъ все что гложетъ, мутитъ, свѣдаетъ здѣсь наше я....

Онъ остановился вдругъ съ невольнымъ сомнѣніемъ: не покажется ли ей это слишкомъ горячимъ, *юношескимъ*, ему вдругъ ужасно страшно стало что она его *не пойметъ*, не пойметъ того что именно заставляетъ его рѣшиться выступить на сцену въ незнакомомъ домѣ, приняться за то что обыкновенно считается дѣломъ однихъ „праздношатающихся, нустыхъ *свѣтскихъ людей*“....

Но въ сосредоточенномъ вниманіи съ которымъ слушала она его ему какъ-то разомъ оказалось что никто въ эту минуту не былъ бы въ состояніи такъ *понять* его какъ эта *свѣтская* дѣвушка, съ ея спокойнымъ обликомъ и не улыбающимся взглядомъ.

— Постарайтесь сыграть хорошо, сказала она просто, — мнѣ такъ хочется видѣть его на сценѣ. Я читала *Гамлета*... Настоящаго! подчеркнула Лива; — у меня былъ въ Гаянверѣ учитель англійскаго языка, старикъ; онъ меня очень любилъ и подарилъ мнѣ всего Шекепара: дурное къ вамъ не пристанетъ, говорилъ онъ. И, въ самомъ дѣлѣ, я всегда такъ думала что дурное только къ дурнымъ пристаеъ.... Вы однако не говорите объ этомъ всѣмъ.... многіе не понимаютъ... Да вы и не скажете, я знаю! своимъ особымъ

серioзнымъ тономъ заключила, не договоривъ княжна, и пошла на встрѣчу подымавшагося на сцену дяди.

Онъ взялъ ее руку:

— Bonjour Hélène,—онъ никогда не называлъ ее уменьшительнымъ именемъ,—такъ равно, и здѣсь?... Я никакъ не ожидаю... Ты здорова? И онъ заботливо, почти тревожно гла-нулъ ей въ лицо....

— Совершенно здорова! не дала ей отвѣтить Ольга Елпидифоровна,—это мы еще вчера съ Лилой сговорились встать въ шесть часовъ, *roug vous faire plaisir, mon prince!* низко, по театральному, пришла она предъ нимъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Hélène? съ блеснувшимъ на мигъ взоромъ обратился онъ снова къ племянницѣ,—ты... вы для меня это сдѣлали?...

— Еще бы! крикнула барышня.

— Для васъ, дядя, именно для васъ! И княжна закивала ему улыбаясь.

Онъ сталъ какъ-то чрезвычайно веселъ и шутливъ.

— Сергѣй Михайловичъ, очень радъ видѣть васъ опять!.. Вы познакомились съ Еленою Михайловной?... А этой птичкѣ-лѣвчѣй были вы представлены? указалъ онъ на быстроглазую дѣвицу, не перестававшую вертѣться около него,—рекомендую, русскіе романсы поетъ восхитительно!..

Черноглазая барышня сжала свои крупные губы.

— Monsieur Гудуровъ не обратилъ на меня никакого вниманія.

— Онъ слишкомъ молодъ, улыбулся князь Ларіонъ съ едва уловимымъ отѣвкомъ насмѣшки,—чтобъ умѣть оценить всѣ ваши совершенства; только такіе старцы какъ я...

— Вы старецъ, вы! перебила его барышня, воззрѣвъ на него нѣжно-упрекающимъ взглядомъ:—вы просто кокетничаєте своимъ старчествомъ!

Князь нахмурился и поведъ на нее холодными глазами, отъ чего она впрочемъ нисколько не смутилась.

— Да, да, кокетничаєте! повторила она.

— Что же, Сергѣй Михайловичъ, отходя отъ нея спросилъ князь Ларіонъ,—вы порѣшили насчетъ *Гамлета*?

— Ахъ да, дядя, пожалуйста, молвила княжна Лина,—мнѣ этого такъ хочется....

Онъ глянулъ ей опять прямо въ лицо, какъ-то задумчиво усмѣхаясь и не отводя отъ нея взгляда.

— Could beauty, mylord, have better commerce than with honesty? * медленно проговорилъ онъ, и обернувшись къ Гундурову: — Удивительно говорила это и веда всю эту великодушную сцену съ принцемъ одна очень молоденькая тогда дѣвочка, дочь, кажется знаменитой *mistriss Siddons*, сестры Кембля, которую я видѣлъ въ 1821 году въ Лондонѣ. До сихъ поръ эти слова, выраженіе ея остались у меня въ памяти....

— Такъ можно будетъ, дядя? спросила опять княжна.

— Можно, *Hélène*, можно! Онъ пожалъ ей руку....

— Звонятъ! слышался внезапно голосъ Вальковского, который тѣмъ временемъ заснулъ „подъ тѣною кулисъ“ во всемъ безматеріи велорочной души.

— Къ завтраку; это, кажется, по вашей части, Иванъ Ильичъ? досказала весело князь Ларіонъ.

— Боже мой, вскрикнулъ Гундуровъ, — а я еще не уѣхалъ!... Всѣ разсмѣялись.

— И прекрасно сдѣлала, княгиня Агая Константиновна вамъ бы этого никогда не простила!... *Mesdames*, господа, пожалуйста! приглашалъ князь; — *Sergei Михайловичъ*, вашу руку княжатъ!..

Бойкая барышня шагнула къ нему:

— Ваше сіятельство не откажете мнѣ въ чести быть моимъ кавалеромъ? прошептала она „птичкой дѣвчею“...

Князь Ларіонъ поглядѣлъ на нее съ полуулыбкой:

— Позвольте вамъ предложить болѣе *подходящаго* для насъ слутайка, подчеркнул онъ, указывая на Ашанина.... — Пойдемте, Иванъ Ильичъ!..

Надежда Федоровна прошла одна, за вѣми, съ поникшимъ челомъ и своею вѣчно-горькою усмѣшкой, и отправилась къ себѣ, въ третій этажъ.

VI.

Хозяйка дома, расплывшаяся сорокалѣтняя барыня съ крупнымъ, еще свѣжимъ лицомъ и *сладкими*, томао вращавшимися глазами, которымъ какъ-то странно противорѣчилъ весьма замѣтный лущокъ, темнѣвшій надъ ея твердо очер-

* *Офелія*. Для красоты, принцъ, не лучшая ль подруга чистота? Актъ III. сц. I.

ченными полными губами,—уже кутала чай когда молодое общество съ княземъ вошло въ столовую. Она была не одна. У длиннаго стола, сверкавшаго блескомъ свѣжей узорчатой скатерти и уставленнаго на ней всякими серебряными мисками, кастрюлями и приборами, занимали мѣста нѣсколько человѣкъ гостей прибывшихъ въ Сидкое за нѣсколько дней ранѣе нашихъ пріятелей. О деспотную княгиню, съ помуреннымъ видомъ обмакивая длинно нарезанные ломтики хлѣба въ айдо, сидѣлъ нѣкто Забелинъ, разочарованный и разоренный московскій левъ, господинъ съ большимъ грузинскимъ носомъ и отланными, цѣпята ворона - крыла, бакенбардами кругомъ лица, — „не сдѣланный калабрскій бригантъ“, говорилъ про него князь Ларионовъ. По другую ея руку полпрыгивалъ на своемъ стулѣ, что-то разказывая ей и громко хохоча своему собственному разказу, „шутъ Шугаревъ“, какъ относился о немъ Ашанинъ,—одинъ изъ тѣхъ счастливицевъ которыхъ щедрая природа одѣлила способностью воспроизводить съ изумительнымъ сходствомъ жужжанье мухи подъ лопящими ее пальцами, визгъ отворяемой табатерки на деревянныхъ шпалерахъ, блеяніе овцы и мяуканье кота, доставать азыкомъ кончикъ собственнаго носа, и тому подобными салонными талантами. Комикъ на сценѣ онъ былъ превосходный, а наружностью своею напоминалъ болотную птицу вообще, и лиголицу въ особенности... На противоположномъ концѣ стола, рядомъ съ Mme Grébillon, эксъ-губернантикою самой Аглаи Константиновны, живою старушкой съ густыми сѣдыми букаями подъ тюлевымъ челцомъ, бѣлѣлась золотунная и чухонская физиономія Ивана Карловича Мауса, молодого малаго, вылуценнаго недавно изъ Училища Правовѣдѣнія, въ которомъ отецъ его былъ докторомъ. Юный Иванъ Карловичъ сознавалъ повидимому вполнѣ это двойное свое преимущество: быть Нѣмцемъ, разъ, и вылуценникомъ заведенія, имѣющаго поставлять на Россію государственныхъ мужей, — два: а потому, хотя пока и занималъ лишь скромную должность губернскаго стряпчяго, держалъ себя такъ внушительно важно и разсыпанно - дѣланно, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ былъ уже министромъ юстиціи... Одинокъ, межъ незанятыхъ еще стульевъ, ежась, словно боясь притронуться къ своему прибору, невзрачный и тощій уѣздный землемѣръ, вытребованный владѣлицею Сидкаго для какого-то размежеванія. Наслаждался его

робкимъ видомъ, нагло ухмылялася стоявшій прямо противъ него monsieur Vittorio, не то Италиянецъ, не то Бельгіецъ, рослый и видный изъ себя, лѣтъ сорока франтъ, бывшій курьеръ покойнаго князя, теперь factotum и мажордомъ княгини.

— Откуда вы? съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросила она, увидавъ дочь объ руку съ незнакомымъ ей молодымъ человекомъ.

— Сергѣй Михайловичъ Гундузовъ, племянникъ Софьи Ивановны Переверзиной, громко и нѣсколько торжественно указывая на него рукою, представилъ его князь.

Быстроглазая барышня не дала княгинѣ отвѣтить; она съ разлета бухнулась на колѣни предъ ея кресломъ, схватила ея руку:

— Милочка моя, княгинюшка, предѣсть моя, хорошо ли вы провели ночь? проговорила она вкрадчивымъ, шутиливо-ребяческимъ голоскомъ.

— Merci, petite, merci, отвѣчала та жалобнымъ тономъ, — я давно разучилась спать, ce qui s'appelle dormir, vous savez... но мнѣ лучше сегодня, merci. — Настоящая комечка! поощрительно улыбулась Аглая Константиновна, и ласково провела рукою по ея щецѣ, — levez vous donc, petite!

— Enchantée de vous voir chez moi, monsieur, нашла она наконецъ время обратиться ко все еще стоявшему предъ ней въ выжидательной позѣ Гундузову.

— Извините, княгиня, заговорилъ онъ, — что я осмѣливаюсь предстать предъ васъ въ такомъ неприличномъ видѣ, — онъ указалъ на свое дорожное пальто, — но я здѣсь совершенно юрпризомъ, и на виноватаго въ этомъ я прямо вамъ указываю въ лицѣ князя Ларіона Васильевича, которому угодно было удержать меня на пути...

— Безъ извиненій и садитесь, любезно перебила она его: ей понравились и благообразная наружность молодого человека, и это его извиненіе, которое она находила bien touché, и даже то что онъ сказалъ „предстать предъ васъ“, а не „предъ вами“, — оборотъ который, въ ея понятіи, употребленъ былъ имъ для выраженія особой къ ней почтительности.

— А у меня и извиненія никакого нѣтъ! заговорилъ Ашанинъ, также не успѣвшій перемѣнить свой дорожный котомъ, — кладу на плаху повинную голову!

Онъ низко наклонилъ ее къ рукѣ княгини.

— *Tenjours beau.*

И она прижала сама эту руку къ его губамъ: она питала слабость къ Ашанину какъ въслѣдствіе того что „онъ такъ хорошъ“ былъ, такъ и потому что онъ неподражаемо умѣлъ сообщать ей на ухо разные скабрзные анекдоты, до которыхъ она была *in petto* большая охотница.

Общество между тѣмъ разсаживалось за столъ.

— Позвольте вамъ предложить мое мѣсто, княжна, молвилъ Зяблинъ беззвучнымъ и мягкимъ, наломивавшимъ о одобномъ тѣстѣ голосомъ, странно противорѣчившимъ его наружности „калабрскаго бригавта“.

— Благодарю васъ, улыбнулась ему, прохода мимо, Лина—и, окинувъ столъ быстрымъ взглядомъ, пошла занять мѣсто рядомъ съ одиноко сидѣвшимъ землеѣромъ, съ которымъ тотчасъ же завела какой-то разговоръ.

Зяблинъ испустилъ глубокій вздохъ, и налилъ себѣ рюмку иортвейна.

— Садитесь подлѣ Лины, тамъ свободно!... сказала княгиня Гундунову, искавшему глазами мѣста...

Онъ поспѣшилъ ловиковаться.... Сердце у него внезапно забилось; самъ онъ не рѣшился бы пойти сѣсть подлѣ нея, онъ чувствовалъ....

— Видѣли вы меня во снѣ, какъ обѣщались, *monieur* Маусъ? спрашивала Ольга Елпидифоровна, опускаясь на стулъ между нимъ и Ашанинымъ и развертывая свою салфетку.

Правовѣдъ повернулъ голову, и подлѣ уголь его зрѣнія попало сразу красивое, полное плечо сквозившее подлѣ прозрачнымъ кисейнымъ лифомъ его сосѣдки. Онъ вспыхнулъ какъ лучина, и такъ и замеръ отъ этого зрѣища.

— Давно ли вы оцѣмѣли? нѣсколько насильственно засмѣялась, опустивъ глаза барышня отъ которой никогда не ускользали впечатлѣнія производимыя ея красотою.

— Я сегодня очень крѣпко спалъ, отшутился Маусъ, глядя на нее съ телячьей страстностью, и внушительно ухаживая подбородкомъ въ неизмѣримо высокіе воротнички своей рубашки.

— Такъ постарайтесь не спать такъ крѣпко въ другой разъ!—*Il est bête donc!* тепнула она, обернувшись къ Ашанину.

— Кого вы дуракомъ не сдѣлаете! отвѣчалъ онъ ей въ это такимъ же шелотомъ.

— Ну, пожалуйста, только не вась!
 — Почему вы знаете?
 — Точно я въ Москвѣ не бываю, не слыхала про вась?
 мнѣ все про вась извѣстно!
 — А что именно? усмѣхался Ашанинъ.
 — А то что вы какъ есть прожиги! объяснила барышня звонкимъ смѣхомъ:—мнѣ еще надобно будетъ вами специально заняться, примолвила она, грозя ему пальцемъ....
 Ашанинъ такъ и ожегъ ее горячимъ взглядомъ:
 — А вы дадите мнѣ слово заняться мною *специально*? едва слышимымъ, проникающе-нѣжнымъ голосомъ подчеркнул онъ.

Она взглянула на него.... Въ глазахъ ея на мигъ блеснуло что-то, какъ пламень, которымъ пылали глаза красавца.... Она быстро отвела ихъ отъ него и вся заалѣвъ:

— Не знаю, какъ бы проронила она....—Только вы мнѣ не смѣшайте! вырвалось у нея вдругъ,—а то онъ, кажется, изъ ревнуетъ.... И она еле замѣтно кивнула въ сторону изъ Ларіона, безмолвно и ни на кого не глядя приклеивавшаго въ эту минуту чай изъ большой чашки.

— А вы надѣетесь?.. не договорилъ Ашанинъ, и закусилъ губу чтобы не разсмѣяться...

— Почему же нѣтъ?... Онъ старикъ; тѣмъ лучше. Вѣдь я не жевитесь на мнѣ! озадачила она Ашанина своею кровожадностью.—Не отговаривайтесь, пожалуйста, засмѣясь бойкая особа его невольному замѣшательству,—я вѣдь знала, и вы тоже, кажется... Вамъ и не слѣдуетъ! есть тамъ мужчины которымъ никогда не слѣдуетъ связывать себя...

— А женщины есть такіа? спросилъ онъ, усмѣхаясь въ свою очередь.

— Женщина только тогда и свободна когда замужемъ, изъ улыбки отвѣчала она на это.

— Et où est donc le jeune prince? послышался въ это время громкій вопросъ княгини.

Monsieur Vittorio, къ которому относились эти слова, инулся быдо къ дверямъ... Но въ ту же минуту въ столовую вошелъ самъ le jeune prince, то-есть омызъ княгини, мальчикъ въ одиннадцати, съ замѣчательно для его лѣтъ опредѣлившимися, холодными чертами лица, очень наломаннаго по матери, тщательно причесанный и разодѣтый. Его сопровождали два его наставника: молодой, здоровый Англи-

чавиизъ гувернеръ, и еще болѣе молодой студентъ, взяты княгиней изъ Москвы на лѣто „для русскаго языка.“

— Ты всегда олаздываешь, Basile, замѣтила она сыну, цѣлуя его въ щеку.

— Я одѣвался, шатап! отозвался онъ недовольнымъ тономъ, словно правый.

— Очень заботаивъ всегда насчетъ своихъ туалетовъ вполголоса и улыбаясь сообщила княгиня сосѣду своему, Шугареву.

— Мальчикъ, извѣстно, рано встающій, самъ себя умивающій! немедленно загаерничалъ тотъ;—князенька, золотая палочка, шелкова кисточка, дайте свою ручку брильянтовую!

Мальчикъ нехотя положилъ руку въ протянутые пальцы Шугарева; онъ ихъ тотчасъ же стиснулъ и щелкнулъ языкомъ, изображая звукъ прихлопнуваемаго замка.

Князекъ спокойными глазами глянулъ ему въ лицо, вы свободилъ руку, и пошелъ садиться, въ сопровожденіи своихъ надзирателей.

— Луна, сказалъ онъ прямо противъ него сидѣвшей сестрѣ,—ты въ театрѣ была?

— Почему ты знаешь? улыбнулась она.

— Семенъ Петровичъ маѣ сказалъ, кивнулъ онъ на услаживавшагося подлѣ него студента,—онъ все время глядѣлъ на тебя изъ-за занавѣски когда ты шла.

Студентъ покраснѣлъ до самыхъ волосъ, и пробормоталъ что-то чего никто не разслышалъ...

— Да, я была въ театрѣ, сказала княжна, и опять заговорила съ землемѣромъ.

— И она была, началъ снова мальчикъ, указывая кивкомъ на Ольгу Елпидифоровну;—что вы тамъ всѣ дѣлаете?

— Мы тамъ театръ будемъ играть, душечка! отозвалась бойкая барышня.

— Вы актерками, стало-быть, будете?

— Актерками, ангелъ мой, актерками... Какая душка! расхохоталась она на весь столъ.

— А я ви за что не хочу быть актеромъ! съ презрительною гримаской проговорилъ Basile.

— Не актеромъ, бретеромъ будешь, всѣхъ шпалой и сквозь, заголосилъ опять Шугаревъ, — князекъ-лѣтушокъ, золотой гребешокъ... дайнь, дайнь!...—И схвативъ два пощипа онъ принялся подражать сабельному дзыгу.

Я флигель-адъютантъ буду! твердо произнесъ князекъ. умоленный до сихъ поръ князь Ларіонъ поднялъ глаза земляника.

А чтобы ты въ твои годы не о флигель-адъютантствѣ, урокахъ своихъ думалъ, протяжно промолвилъ онъ, — тебя сѣкъ по два раза въ недѣлю.

мальчикъ весь перемигивался въ лицѣ... слезы выступили на глазахъ и обернувшись къ студенту:

Когда я буду большой, прошепталъ онъ со злобой въ вѣ, — я дядю въ тюрьму посажу.

Nonsense! * отрѣзалъ ему на это съ другой его стороны идѣвшій мистеръ Ноксъ и потянулъ къ себѣ кастрюль съ картофелемъ.

княгиня Аглая Константиновна сочла нужнымъ вступить за сына.

Я не понимаю за чтѣ вы его разбрали, князь Ларіонъ сказала она перегинаясь къ нему черезъ столъ, — le ge enfant сказалъ только очень понятное въ его годы, ... хвальное, je trouve, желаніе... Маѣ кажется, bien au faire qu'il faut encourager dès le jeune âge les nobles tions.

князь Ларіонъ поглядѣлъ на нее сверху внизъ.

У васъ такіа единственныя есть словечки, княгиня, шепталъ онъ насмѣшливо склоняя голову, — что остается ко ахнуть, и смолкнуть.

княгиня Константиновна растерянно заморгала глазами, она его не поняла.

Il est unique, Larion, n'est ce pas? попробовала она по-пытъ сочувствія у соседа своего Зябуина.

Зябуинъ взглянулъ на нее, опустилъ глаза, потомъ опять взглянулъ уже вѣжко и испустилъ глубокій вздохъ... Онъ ничего не понималъ.

важна до сей минуты еще ни единымъ словомъ не об-молвилась съ Гундуровымъ. Вдругъ она обернулась къ нему... о ея было блѣдно, вѣки покраснѣли.

Еслибы пала былъ живъ, этого бы не было! проговорила она и снова отвернулась.

его этого? спрашивалъ себя Гундуровъ, что хотѣла она сказать: этого ли суетнаго направленія воспитанія ея брата, этихъ оскорбительныхъ для ея матери словъ? И того

Вадоръ.

и другаго вѣроотно... Онъ уже настолько угадывалъ въ его помятѣяхъ она могла, должна была страдать того и отъ другаго. Но чѣмъ и какъ помочь ей? Чѣмъ спасти для этого онъ, Гундуровъ? А между тѣмъ онъ ясно чувствовалъ, онъ готовъ былъ на все... чтобы никогда не дрожали слезы на этихъ глазахъ.

— Qu'est-ce que vous allez donc jouer à votre théâtre? тилась черезъ столъ къ княжѣ старушка Mme Crébillon которая изъ всего предшествовавшего повела томъ что рѣчь идетъ о театрѣ и актерѣхъ.

— *Hamlet*, madame, получила она въ отвѣтъ.

— Ah bien! la tragédie de Ducis! закивала она, прикладывая руку къ лбу.

— Но, но! De Ducis... *Hamlet* de Ducis! ни вдругъ весь отъ смѣха мирно до сихъ поръ пожимая плечами мистеръ Ноксъ.

— Eh ben, qu'a-t-il donc à rire comme cela, l'Anglais! платилась обиженная Франуженка; je dois, pardieu, le savoir, moi, puisque feu monsieur Crébillon, mon mari, un descendant direct de Crébillon, le fameux auteur de *la damante*, dont Ducis était le disciple, et que j'ai vu jouer la pièce à Paris en dix huit cent dix, *l'omelette* en disaient les rieurs du temps... *.

— *Hamlet*, de Ducis, но, но... de Ducis! проковыляла надрываться мистеръ Ноксъ.

— Il y a deux tragédies, почелъ нужнымъ объяснить и сосѣдкѣ господина Маусъ, и съ достоинствомъ вышелъ на нее съ высоты своихъ воротничковъ,—une française une anglaise.

— Ah bien! on l'aura traduite en anglais alors! услохнулась старушка; mais il n'est pas poli toujours, le *jaune bouc* (Bull) проворчала она, поглядывая искоса на все еще штывавшегося Англичанина.

— Маман, сказала поднимаясь со своего стула княжна сегодня воскресенье...

* Чего онъ смѣется, Англичанинъ? Я должна, кажется, это: мужъ мой покойникъ былъ прямой потомокъ Кребильона, меншаго автора Радаманта, котораго Дюсисъ былъ ученикомъ, а сама въ 1810 года видѣла пьесу въ Парижѣ, яичницу, какъ ли ее тогда зубоскалы. (по созвучію: *Аллеме*,—*omelette*).

— Ахъ, да-а! протянула княгиня:—надо въ церковь!... *Vit-torio, les voitures!* немолчавъ съ минуту, скомандовала она словно на погребеніе.

— Я уже далъ приказъ, отвѣчалъ съ поклономъ распорядительный Италіанецъ.

Она одобрительно и грустно кивнула ему, обернулась къ Зяблику, и вздохнула:

— Такъ это непріятно когда нѣтъ домовой церкви!...

Зябликъ приподнималъ свое разбойничье лицо, поглядѣлъ на нее вѣжно, и тоже вздохнулъ.

— А ѣхать надо! томо проговорила княгиня и поднялась съ мѣста.

Послышался шумъ отодвигавшихся стульевъ... Гости подходили съ поклономъ къ хозяйкѣ... Княжна и Ольга Елпидифоровна пошли надѣвать шляпки. Проходя мимо князя Ларіона, Лива пріостановилась на мигъ:

— Дядя, а я васъ такъ просила! тихо промолвила она, не подымая глазъ.

Онъ поналъ—и смутился:

— Ты сердисься на меня, *Hélène?*—его голосъ дрогнулъ:—ну, виноватъ, руби голову! добавилъ онъ какимъ-то невѣрно-шутливымъ тономъ.

Она прошла не отвѣчая.

Гундуровъ тѣмъ временемъ прощался съ княгиней.

Она съ необычайною любезностью благодарила его за посѣщеніе и изъявила желаніе увидѣть его опять какъ можно скорѣе:

— Клянѣйтесь, *je vous prie*, очень, очень вашей тетускѣ, говорила она, я весьма благодарна князю Ларіону за знакомство съ нею. *C'est une personne si comme il faut!*.. Она еще не была у меня, слегка подчеркнула Аглая Константиновна,—но я надѣюсь что вы намъ ее привезете, *n'est ce pas?*.. Вы примете также участіе въ нашемъ театрѣ? Но перебила она себя вдругъ, мы ѣдемъ въ церковь, и объ этомъ не слѣдуетъ говорить! *Il ne faut pas mêler le profane au sacré, а dit, je sçois, Boileau...*

И давъ такимъ образомъ молодому человѣку достаточное понятіе о своей образованности, она величаво наклонила голову въ знакъ того что аудіенція его кончена.

Гундуровъ вышелъ на крыльцо съ Ашанинымъ и Ваальковскимъ.

VII.

— Я бы проводилъ, Сережа, тебя до деревни, сказалъ Ашанинъ, — да у васъ чай съ Софьей Ивановной много есть кое-чего своего перетоковать на первыхъ-то порахъ, такъ чтобы не помѣшать вамъ?..

— Да-да, пожаау, отвѣчалъ Гумауровъ, — да и тебѣ-то отсюда не хочется? Онъ засмѣялся.

— Ну вотъ! отвѣкивался тотъ.

— А удалая эта дѣвица, брюнетка, какъ ее звать-то?

Акулина... не Акулина, а Ольга, и къ тому же Еленин-форовна... Да, братъ, — Ашанинъ ловилъ губами, — эта особа далеко пойдетъ...

— Пролазъ дѣвка, коротко сказать! отрѣзалъ Вальковскій.

— А ты хаять-то ее погоди, чучело китайское! крикнулъ на него красавецъ. — Какъ ты ее грубостями своими доведешь что она съ тобой играть наотрѣвъ откажется, что ты тогда скажешь, чурбанъ эдакой? А мало ль у васъ съ нею водевилей съ хорошими для обоихъ ролями? *Барская слеза, Хороша и дурна...*

— Ну что въ этой? перебилъ Вальковскій: *Стрелчачья роль*. „Здравствуй, кумъ ты мой любезный, здравствуй, кумушка моя!“ Вѣдь и все тутъ!..

— А *Лесъ Гурычъ Синичкинъ*?

— *Лесъ Гурычъ*!..

— Ну, да! Какъ разъ по тебѣ роль!

— *Лесъ Гурычъ*! повторилъ, словно осянанный свыше „фанатикъ“... Да, братцы, это роль хорешая... сообрази она у меня изъ головы вонъ! Давно садилось бы мнѣ попробовать въ ней! Это точно, хорошая роль, братики!..

И расцвѣтшій душой Вальковскій заходилъ по крыльцу, соображая что онъ сдѣлаетъ изъ роли Синичкина...

— Ну, а теперь, Сережа, сказалъ Ашанинъ, глянувъ прителю прямо въ лицо, — что ты мнѣ про княжну скажешь?

Гумаурову стало вдругъ ужасно досадно на него за этотъ вопросъ.

— Ничего не скажу! отрѣзалъ онъ, отворачиваясь.

Брови Ашанина тревожно сжались; онъ хотѣлъ что-то сказать и не успѣлъ: сама княжна съ Надеждой Федоровой и бойкою барышней выходили на крыльцо въ шляпкахъ и мантіяхъ, готовые къ отъѣзду.

— Вы съ нами или домой? спросила Лина, идя къ Гундурову и застегивая на пути перчатку.

— Мнѣ надо ѣхать, княжна! черезъ силу отвѣчалъ онъ.

— Да вамъ надо... Потѣжайте, сказала она не отрывая глазъ отъ своей перчатки. А когда назадъ? спросила она, помолчавъ.

— Скоро, очень скоро! вырвалось у Гундурова.

Отъ нея ускользнуло, или не хотѣла она понять, что именно сказывалось за этими вылившимися у него словами Безмятежно, попрежнему, подняла она на молодого человека свои длинные синіе глаза и также безмятежно улыбнулась.

„Les voitures,“ какъ торжественно выражалась княгиня Агая Константиновна, то-есть, большая открытая, четверомѣстная коляска четверкой, съ форейторомъ, и *долеуша*, обитая сѣроватымъ солдатскимъ сукномъ съ шерстяными басонами, въ которой могло усадься человекъ до двадцати, запряженная парой рослыхъ лошадей, подѣхали ко крыльцу. За ними вели кровную англійскую кобылу рыжей масти подъ верхъ князю. Коляска Гундурова, со всѣмъ багажомъ и слугою на козлахъ слѣдовала позади.

— Me voilà! послышался голосъ самой хозяйки, тяжело-вато (она, какъ говорилъ про нее Ашанинъ, была вѣсколко „тѣломъ обильна“) спускавшейся съ лѣстницы. Разубрана она была точно сейчасъ съ модной картинки соскочила...

Щегольски одѣтый грумомъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати бѣжалъ предъ нею съ перекинутымъ на одной рукѣ паломъ и богато переплетеннымъ въ бархатъ, съ золотымъ на немъ кованымъ везелемъ ея подъ княжескою короной, молитвенникомъ въ другой.

Она подошла къ коляскѣ. Стоявшій у дворецъ видный, высокій лакей въ новешенькой ливреѣ, однихъ цвѣтовъ съ грумомъ, и monsieur Vittorio во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, съ обнаженной головой, почтительно съ обѣихъ сторонъ подсадили ея сіятельство подъ локотки. Грумъ послѣдно разоставилъ на ея колѣни толстую ткань пестраго лаеда, и

вскочилъ съ молитвенникомъ къ кучеру на козлы; дюжій лакей оловито полѣзъ на заднее сидѣнье...

— Вы за нами? съ любезною улыбкой обратилась княжна изъ коляски къ вышедшему на крыльцо съ Шугаревымъ и князькомъ Зяблину, пока подлѣ нея усаживалась Надежда Федоровна и занимали малюсенькія мѣста княжна и дѣвица Акулина.

Зяблинъ нѣжно покосился на нее; уныло кивнулъ головою и испустилъ глубокій вздохъ.

— Et vous, Larion? И Аглая Константиновна заискивающимъ взглядомъ глянула на князя Ларіона, садившагося въ это время на лошадь.

— Поручаю себя вашимъ молитвамъ, сухо отвѣтилъ онъ, осаживаясь на стременахъ.

Коляска тронулась. Княжна медленнымъ движеніемъ головы поклонилась Гудурову.

Мужская компанія съ князькомъ и его студентами отправилась на *долгую*.

— До свиданія, Сережа, пріѣзжай скорѣе! кричали Гудурову друзья.

Онъ глядѣлъ на удалявшуюся коляску... Онъ ждалъ еще разъ взгляда, „прощальнаго“ взгляда княжны,—точно они на вѣки разставались...

Но коляска заворачивала подъ лѣсъ, и, кромѣ головы лакея въ шляпѣ съ ливрейною кокардой, никого уже въ ней не было ему видно... Онъ отправился ко своему экипажу. Князь Ларіонъ поглядѣлъ ему вслѣдъ. Какая-то невеселая улыбка заиграла въ углахъ его тонкихъ, лобсклыхъ губъ. Словно что то давно, давно погибшее, милое и печальное, промелькнуло предъ нимъ... Онъ далъ поводъ, и, проѣзжая мимо молодого человѣка, ласково кивнулъ ему головой.

Гудуровъ успѣлъ снять шляпу...

Миновавъ пышно зеленѣвшія на трехверстномъ пространствѣ поля Супскаго, экипажъ его вѣхалъ въ граничившій съ ними большой казенный лѣсъ, доходившій почти до самаго его Сашина, и о которомъ онъ съ дѣтства хранилъ какое-то жуткое и славное воспоминаніе... Лѣсъ весь звенѣлъ теперь весеннимъ гамомъ и птичьимъ свистомъ... Дорога лошадь плохая и коляска пробиралась по ней шабкомъ, хрустя по валежнику, накиданному на толстыхъ мѣстахъ. Лошади весело фыркали и потряхивали гривами,

потряхивая широко раздутыми ноздрями влажный лѣсной воздухъ. Большія мухи, сверкая на солнцѣ изумрудными спинками, прилежно перебирали ножками на листьяхъ еще низкаго лопушника. Межъ корявыхъ сосновыхъ корней роились въ забиравшейся муравьѣ бѣлые какъ недавній свѣтъ колокольчики ландышей... Гундуновъ велѣлъ остановиться, выскочилъ, нарвалъ ихъ цѣлый лучокъ—и жадно погрузилъ въ нихъ лицо. Ихъ раздражающе-свѣжій запахъ кинулся ему какъ вино въ голову... Онъ откинулся затылкомъ въ спилку коляски и сталъ глядѣть вверхъ. Тамъ надъ нимъ узкою полоской сияло небо, бѣжали жемчужныя тучки и по вершинамъ березъ золотимые полднемъ, дрожали вѣжные молодые листы... Ему вдругъ вспомнилась арія слышанная имъ зимою въ Петербургѣ,—ее вставлялъ Марію въ какую-то оперу... И Гундуновъ, какъ наканунѣ Ашанинъ, неожиданно залѣлъ во весь голосъ:

Io ti vidi e t'adorai!...

Старый Θεодосій, не привыкшій къ такимъ *пассажажамъ* со стороны барина, недоумѣло поглядѣлъ на него съ козелъ... А-і-і... отвѣтило гдѣ-то вдали, въ самой глубинѣ лѣса. Испуганный тетеревъ, словно сваясь съ вѣтки, зашуршалъ въ кустахъ торопливыми крыльями... А запахъ ландышей все также невыносимо сладко билъ въ голову Гундунова, и лѣсъ гудѣлъ вокругъ него всѣми весенними голосами своими...

О молодость, о невозвратныя мгновенія!...

VIII.

Хорошая, дѣйствительно, была жевщина Софья Ивановна Переверзина, тетка Гундунова. И наружность у нея была соответствующая,—почтительная и привлекающая. Воспитанница Смоленскаго Монастыря лучшихъ временъ императрицы Маріи Θεодоровны, она, несмотря на долголѣтнюю жизнь въ деревнѣ, сохранила всѣ привычки, вкусы, весь складъ хорошаго воспитанія. Врожденная въ ней живость нрава умѣрялась постоянною привычкой сдержанности и обдуманности, приобретенною ею въ тяжелой жизненной битвѣ. Софья Ивановна смолodu перенесла много горя. Дочь небогатыхъ потомковъ когда-то боярскаго рода

Осьмиградскихъ, вышла она, лѣтъ двадцати восьми, замужъ за пожилаго, изувѣченнаго генерала, стараго друга ея семейства, къ которому искренно привязалась она въ благодарность за глубокое, богомольное обожаніе которое онъ съ самаго дѣтства ея питалъ къ ней. То что въ этомъ бракѣ замѣняло счастье, спокойное, безбѣдное существованіе, продолжалось для нея не долго. Мужъ ея занималъ довольно важное мѣсто въ военной администраціи. Довѣрчивый и недалекій, онъ былъ опутанъ своимъ правителемъ канцеляріи, дѣльцомъ и мошенникомъ, и, — что говорится, какъ куръ во щи — попалъ въ одинъ прекрасный день подъ судъ за растрату его управленіемъ значительной казенной суммы, постепенное исчезновеніе которой виновный умѣлъ необыкновенно ловкими и дерзкими продѣлками, въ продолженіе дѣлныхъ годовъ, скрывать отъ близорукаго своего начальства. Бѣдный старикъ не перенесъ павшаго на него удара, не перенесъ ужасныхъ для него словъ, сказанныхъ ему по этому поводу однимъ очень высокопоставленнымъ лицомъ, покровительствомъ котораго онъ долго пользовался: „ваше превосходительство, вы обманули *личное* къ вамъ довѣріе государя императора“; — онъ скончался скоропостижно, не успѣвъ принять никакихъ мѣръ къ обезпеченію судьбы своей молодой жены. Все его состояніе пошло на удовлетвореніе наложеннаго на него вѣчета... Послѣ трехъ лѣтъ замужества, Софья Ивановна осталась вдовой чуть не нищею. Родителей ея уже не было на свѣтѣ; братъ, человѣкъ семейный, служилъ въ Петербургѣ, и на извѣщеніе сестры о постигшемъ ее горѣ отвѣчалъ письмомъ на четырехъ страницахъ, исполненномъ чувствительныхъ фразъ, но въ которомъ ни о помощи, ни о пристанищѣ ни словомъ не упоминалось. Но въ это же самое время она получила другое, сердечное письмо отъ младшей сестры своей Гундуровой, горячо звавшей ее къ себѣ, „въ Сашино, въ свой рай земной,“ какъ выражалась она. Александра Ивановна Гундурова, почти одновременно съ Софьей Ивановной вышедшая замужъ по любви за молодого, образованнаго сосѣда помѣщика, была красивое, восторженное и нѣжное созданіе, страстно любимое мужемъ, для которой, дѣйствительно, жизнь до тѣхъ поръ была заманчивымъ раемъ... Не успѣла поселиться у нихъ Софья Ивановна, какъ однажды осеннимъ

утромъ Михаила Сергѣевича Гундурова принесли бездыханнаго съ охоты: онъ самъ застрѣлилъ себя, неосторожно перескакивая черезъ канаву съ ружьемъ взведеннымъ на оба курка... Александра Ивановна увидала это безжизненное тѣло, кровь еще сочившуюся сквозь прострѣленную охотничью куртку,—и, не крикнувъ, упала какъ смоль на трулъ мужа... Черезъ три мѣсяца не стало и ея. Ей было двадцать лѣтъ, мужу двадцать семь. Какъ двѣ ладучія звѣзды мелькнули на мигъ эти молодая жизнь—и исчезли... На рукахъ Софьи Ивановны осталась полуторагодовой Сережа... Надъ имѣніемъ малолѣтняго назначена была опека. Въ опекуны напросился, и назначенъ былъ двоюродный братъ покойнаго Михаила Сергѣевича, отставной гусаръ, игрокъ и кандидатъ предводителя. Въ три года достойный этотъ родственникъ чуть не разорилъ въ концѣ вѣтренное ему сиротское имѣніе. Неопытная Софья Ивановна нашла въ сознаніи своего долга, въ любви ко младенцу котораго она осталась матерью, достаточно силы чтобы войти съ этимъ господиномъ въ открытую и упорную борьбу. Благодаря отчасти нѣкоторымъ связямъ имѣвшимся у нея въ Петербургѣ, отчасти старику князю Шастунову, отцу князя Ларіона, пользовавшемуся большимъ вліяніемъ въ губерніи, и котораго заинтересовало положеніе молодой вдовы, побѣда осталась за нею. Опекуны были удалены, и смѣнены другимъ избраннымъ самою Софьею Ивановною, которая на самомъ дѣлѣ сдѣлалась единственною управительницею насажденнаго племянника. Обязанностямъ возлежавшимъ теперь на ней она отдалась вся,—а обязанности эти были не легки. Въ послѣдніе мѣсяцы своего управленія опекуны-гусаръ, отчаявшись сохранить долѣе власть въ рукахъ, запуталъ со злости дѣла такъ „чтобы самъ чортъ, говорилъ онъ, концовъ въ нихъ не доискался.“ Софья Ивановна послѣ него не нашла въ конторѣ ни гроша денегъ, ни книгъ, ни счетовъ, ни документовъ первой важности по процессу затѣянному еще съ дѣдомъ малолѣтняго, однимъ крючкотворомъ сошедомъ, и который въ это время находился на разсмотрѣніи Сената.. Какими чудесами терпѣнія, смѣтливости, бережливости, какимъ неустаннымъ трудомъ, какою ежечасною заботой успѣла выпутаться изъ этого положенія молодая женщина, мы читателю передавать не будемъ. Ему достаточно

знать что ко времени вступленія Сережи въ отрочество процессъ его былъ выигранъ, и тетка его располагала уже достаточными средствами для широкихъ расходовъ на его образованіе; къ его совершеннѣйшій имѣніе его было чисто отъ долговъ; онъ владѣлъ, по тогдашнему способу опредѣленія, пятьюстами незаложившихъ душъ и правильно устроенное его хозяйство дѣлало отъ восьми до десяти тысячъ серебромъ дохода. Какъ безконечно счастлива была, передавая ему въ этотъ день отчеты, Софья Ивановна!

Она любила племянника со всѣмъ пыломъ горячей, всю себя сосредоточившей на одномъ предметѣ души, она гордилась имъ, его здоровою головою, его чистымъ, гордымъ сердцемъ. Его успѣхи, карьера имъ избранная были ея дѣломъ,—дѣломъ неуклонно веденнымъ съ самыхъ юныхъ его лѣтъ. Съ тѣхъ поръ еще, изъ деревенской глуши своей, Софья Ивановна вѣрнымъ и зоркимъ взглядомъ слѣдила за событіями. 1825 годъ былъ не далекъ и памятенъ ей; роковыя послѣдствія его для русскаго общества были для нея очевидны. Не разъ просиживала по цѣлымъ часамъ Софья Ивановна надъ кроваткою заснувшего Сережи, задумавшись надъ вопросомъ: „Какъ воспитать въ этомъ ребенкѣ *человѣка*,—и тѣмъ самымъ въ то же время не приготовить ему гибели въ будущемъ?“ По мѣрѣ того какъ росъ Сережа, мальчикъ оказывался даровитымъ и прилежнымъ, возрастала и тревога ея за него, за его будущее.... Случайный разговоръ разрѣшилъ ея недоумѣніе. Пріѣхавъ однажды навѣстить больного старика Шастунова,—къ которому сохраняла она доброе чувство со временъ войны своей съ олекуномъ гусаромъ,—она застала у него сына его, князя Михайлу, прискакавшаго изъ-за границы по первому извѣщенію о болѣзни отца, съ тѣмъ чтобъ отвести его въ Карлсбадъ, куда старикъ ѣздилъ каждый годъ, и гдѣ вскорѣ съ тѣмъ и умеръ.... Молодой еще тогда дипломатъ и Софья Ивановна, видѣвшая его въ тотъ день въ первый разъ, проговорила вдвоемъ цѣлый вечеръ. Онъ былъ недавно женатъ, занималъ, уже видное мѣсто при посольствѣ въ Лондонѣ, но изъ-за его небрежно-насмѣшливыхъ рѣчей просѣчивала какая-то глубокая внутренняя тоска и недовольство своимъ положеніемъ....—„Еслибы мы теперь приходилось начинать жизнь сначала, говорилъ онъ между прочимъ, не

ю смѣясь,—я бы непремѣнно сдѣлаалъ изъ себя какой-нибудь ученаго геолога и кристаллографа. Впервые, благонамѣреннѣйшая изъ всѣхъ специальностей,—и я не знаю ни одного примѣра чтобы такой господничалъ въ Сибирь иначе какъ по собственной охотѣ, науки а восторыхъ,—и это главное — человѣкъ поглощается интересами абстрактнаго содержанія, которые... рые не даютъ ему времени додумываться до отчаян-глухо, какъ бы про себя, промолвилъ князь Михай-

Софья Ивановна вернулась къ себѣ въ этотъ вѣкъ озаренная. Помогли мнѣ Богъ, разсуждала она, — авить Сережу къ ученой карьерѣ: наука спасетъ И съ этой минуты всѣ помыслы ея, всѣ силы и устремлены къ достиженію этой цѣли. Постоянно аясь вызывать любознательность ребенка, она съ дочнымъ вниманіемъ наблюдала за тѣмъ куда клонились природные дары, къ какой области вѣдѣнія тянули они Скоро должна была она убѣдиться и не безъ сожалѣнія къ точнымъ наукамъ у Сережи было мало расположе-и что едвали могла она надѣяться увидѣть его когда „благонамѣреннымъ кристаллографомъ“, какъ выражался князь Михайло. Мальчикъ за то оказывалъ самыя рѣзвыя лингвистическія способности.—Что же, подумала а Ивановна, и это дѣло, и это можетъ сдѣлаться „ин-сною, поглощающею спеціальною“. Надежда ея съ стороны осуществилась вполнѣ, и новымъ счастли-в днемъ въ ея жизни былъ тотъ день когда Сережа, орделивымъ румянцемъ на щекахъ, пришелъ объявить то онъ можетъ имѣть виды на занятіе кафедръ.

омовымъ ударомъ для нея была вѣсть полученная изъ ьбурга отъ племянника объ отказѣ ему въ загранич-паспортѣ. Она огорчена и поражена была этимъ го-о болѣе чѣмъ самъ Гундуковъ, она была испугана. Всѣ ловавія, все это зданіе, которое она съ такою любовью, акою заботой воздвигала въ продолженіе столькихъ , все это, казалось ей, разлеталось въ прахъ!... Что будетъ дѣлать теперь? спрашивала она себя съ мучи-ною тревогой, — чѣмъ наполнить жизнь?... Не знатъ гъ наполнить жизнь,“ чему „отдать душу;“ она, вѣчно дѣ-ная и мыслящая,—ничего ужаснѣе себѣ представить не

могла. Отсутствіе живыхъ интересовъ, серьезной задачи и эта душевная пустота и уныніе которыя замѣчала она въ лучшихъ людяхъ съ какими случалось ей встрѣчаться, что бы ни доводило ихъ до того, — ничего въ ея лопатяхъ не было болѣе печальнаго.... Боже мой и неужели *это все* должно ждать Сережу, ея питомца, ея надежду, жизнь ея?

Извѣщеніе его о томъ что онъ, по совѣту ея брата, поступилъ „на испытаніе“ на службу въ Петербургъ не успокоило ее,—напротивъ! Она лучше чѣмъ онъ самъ себя знала его, знала что это для него не исходъ, — а еще ближе путь къ тому унынію, которому она со своею энергическою натурой придавала тотъ ужасающій смыслъ смертнаго грѣха, въ какомъ его понимаетъ церковь... Но слѣдовало ли ей отзывать его изъ Петербурга? У нея еще въ первый разъ въ жизни опускались руки. „Нѣтъ, какъ Богу будетъ угодно“, рѣшила она....

И съ какимъ-то двойнымъ ощущеніемъ робости и тревоги ждала она его теперь, въ Сашинѣ, въ этомъ сплассенномъ и возсозданномъ ею гнѣздѣ его, послѣ того какъ получила она отъ него наконецъ извѣстіе что чиновникомъ онъ рѣшительно быть не въ силахъ, что онъ возвращается къ ней, къ своимъ книгамъ, къ своимъ занятіямъ, что онъ положилъ—терпѣливо ожидать лучшихъ временъ....

Она сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ своей прохладной и просторной спальнѣ, у окна выходившаго въ старыя, тѣнистый липовый садъ, и провѣряла какіе-то счеты. Ручная канарейка весело попрыгивала по ея столу, взлетала ей на плечо и, поглядывая избока ей въ лицо своими блестящими глазками, усиленно чирикала, будто спрашивала: отчего ты мною такъ мало занимаешься?... Былъ часъ двѣнадцатый. Въ цѣтиникѣ, подъ окномъ, на пышно распускавшіеся шары лунцовыхъ люковъ ладалъ отѣсно горячій свѣтъ солнца....

Софья Ивановна вдругъ приподняла голову, насторожила ухо... Какой-то далекій гулъ донесся до нея изъ сада....

Она не знала когда именно долженъ пріѣхать племянникъ, не знала даже о прибытіи его въ Москву. Но это былъ онъ: сердце ея такъ сильно не забилося бы еслибъ это былъ не онъ!....

Она подвигаясь съ мѣста, перекрестилась широкимъ крестомъ и пошла было къ дверямъ, но не могла. Дрожавшія ноги отказывали двигаться..... Она опустилаcь снова въ свое кресло, нажимая обѣими руками до боли трепетавшую грудь....

Послышались въ домѣ крики, возгласы, возня.... Въ спальню ворвалась горячійшая Софья Ивановна:

— Баринъ, Сергѣй Михайлыч! визжала она какъ подъ ножомъ.... Подъ крыльцомъ уже грохотала подѣзжавшая его коляска....

Еще мгновеніе, и онъ стоялъ на козлыахъ на скамеечкѣ у ея кресла и горячо цѣловалъ ея руки....

IX.

Ее точно что-то кольнуло когда узнала она что онъ прямо отъ Шастуновыхъ.

— Какъ ты попалъ туда? спрашивала она, изумаясь.

Онъ началъ разказывать подробно, слишкомъ уже подробно....

Театръ, Ашанинъ, князь Ларіонъ, все это странно звучало въ ея ушахъ. Она никакъ не ожидала что первымъ предметомъ бесѣды ея съ Сережей будетъ *это*.

Въ *этомъ* было на ея глаза что-то легкомысленное и какъ будто искусственное, неестественное и необычное ему.

— Онъ знаетъ что меня тревожитъ и нарочно отдалаетъ разговоръ чтобы не навести на меня тоску на первыхъ же порахъ, объяснила она себѣ *это*.

Но она никогда не отступала предъ тѣмъ отъ чего ей бывало тяжело и больно.

— Что же ты будешь теперь дѣлать, Сережа? поставила она прямо вопросъ о которомъ днемъ и ночью думала она полгода сряду.

— Я вамъ писалъ, тета,.. отвѣчалъ онъ какимъ-то разсѣяннымъ тономъ, очень удивившимъ ее.

— Что жъ что ты писалъ,—я тебя спрашиваю теперь, —казала она, съ недоумѣніемъ глядя на него;—неужели же для тебя всѣ надежды на ученую карьеру кончены?

— Нѣтъ, молвилъ Гудуровъ, какъ бы цѣлаясь за убѣгавшую отъ него мысль,—я познакомился съ однимъ... Я встрѣтился въ последнее время съ однимъ вліятельнымъ человѣкомъ въ министерствѣ...

— Что же этотъ вліятельный человѣкъ? нетерпѣливо подготавлила его Софья Ивановна.

— Онъ говорилъ мнѣ что я повею дѣло невѣрными путемъ, что мнѣ не слѣдовало проситься за-границу отъ себя, а чрезъ университетъ... что еслибъ университетъ вошелъ съ рѣшительнымъ ходатайствомъ обо мнѣ, то тогда...

— Фу, какъ ты нескладно разказываешь! прервала его она;—что жъ, ты видѣлся теперь, въ Москвѣ, съ кѣмъ-нибудь изъ университетскихъ?...

— Ни съ кѣмъ, тета; я къ вамъ слѣдилъ...

— И просидѣлъ все утро у Шастуновыхъ! упрекала она его съ полуулыбкой:—а я видѣлась, говорила, узнала что есть прямое предписаніе чтобы за границу, впредь до новаго повелѣнія, никого изъ молодыхъ людей не посылать...

Гудуровъ пожалъ плечами.

— И ты такъ легко мирисься съ этимъ? плако вскрикнула за этимъ движеніемъ Софья Ивановна

— Что же мнѣ дѣлать! усмѣхнулся онъ слегка:—противъ рожа не прятъ! Все что отъ меня зависѣло я сдѣлалъ, специальности своей я не кину; я и въ Петербургѣ проводилъ время за разборомъ славянскихъ рукописей... Къ диссертациі—что же дѣлать!—придется начать готовиться въ Москвѣ... А тамъ... Не все жъ на небѣ будетъ дождь, тета, вспомнилъ онъ слова князя Ларіона, — авось и солнышко проглянетъ!..

Она глядѣла на него, ушамъ своимъ не вѣря. Такъ вотъ какъ *философски* относился онъ теперь къ своей несбывшейся поѣздкѣ, къ которой онъ готовился, о которой онъ мечталъ съ такимъ восторгомъ, безъ которой, писалъ ей еще изъ Петербурга, все что пріобрѣлъ что могъ бы еще пріобрѣсти изъ книгъ было бы только однимъ бесполезнымъ „ученымъ хламомъ, безжизненнымъ матеріаломъ, лишеннымъ всякаго плодотворнаго и оплодотворяющаго духа.“ Откуда же вдругъ это равнодушіе, это поверхностное отношеніе къ тому что было, что должно быть ему такъ дорого?.. Неужели Петербургъ успѣлъ его такъ скоро измѣнить?...

Но относительно самого факта онъ былъ правъ и не заслуживалъ упрека. Дѣйствительно имъ было сдѣлано все что отъ него зависѣло, и оставалось единственно ждать когда проглянетъ солнышко... Тѣмъ не менѣе, на душѣ у Софьи Ивановны не было покоя; она боялась *умнѣя*, а тутъ онъ вернулся вдругъ весь сіяющій, сіяющій какою-то „непонятною фривольностью“, говорила себѣ она...

Она внимательно сѣдила за нимъ изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ, между тѣмъ какъ онъ, поднявшись съ мѣста, принялся ходить по спальнѣ, останавливаясь предъ шкапами и этажерками, заглядываясь на ея сакоонскія куколки, на фарфоровые горшки съ мѣсячными розами разставленные по окнамъ, на оббитый вѣчною зеленою плюща портретъ Императрицы Маріи Феодоровны, въ золоченой рамкѣ подъ стекломъ,—самый драгоценный для Софьи Ивановны предметъ въ ея комнатѣ,—и улыбался какою-то умиленною и радостною улыбкой...

— Онъ счастливъ что вернулся домой, и ни о чемъ другомъ не можетъ думать въ эту минуту! объяснила себѣ Софья Ивановна съ успокоеннымъ чувствомъ, и улыбнулась тоже.

— Позвони, Сережа, сказала она,—ты мнѣ пыли нанесъ въ комнату, ужасъ!

Вошедшему слугѣ она приказала стереть пыль съ салотовъ Сергѣя Михайловича, и подмести полъ.

— Вы не измѣнились, милая тета, весело разсмѣялся Гундуровъ,—все та же у васъ монаманія чистоты!...

— Вотъ ты надо мною трудишься, также весело отвѣчала она,—а я отъ твоей княгини Шастуновой аппробацію за это получила когда была она здѣсь... И все это охала она, громко разсмѣялась Софья Ивановна,—и охала, удивляясь какъ я, несмотря на „провербiальную грязь“ русской прислуги, успеваю „*obtenir ses effets la*“, то-есть, попросту, какъ достигаю держать домъ въ опрятности. Уморилъ меня князь Ларіонъ: „а это, пресерьiозно объясняетъ онъ ей за меня, иначе не достигается, какъ посредствомъ геометріи; совѣтую, говорить, вамъ учителя взять“... А она слушаетъ его и ничего не понимаетъ....

— Онъ удивительно что иногда позволяетъ себѣ отпущать еѣ! сказалъ Гундуровъ. Образъ княжны какъ живой

промелькнулъ предъ нимъ въ эту минуту, и онъ перешелъ Софью Ивановну эпизодъ съ князькомъ за завтракомъ.

— Да, онъ умный человѣкъ, но *терпакъ*, молвила онъ своимъ обычнымъ, серьезнымъ тономъ и какъ бы отыскавая подходящее выраженіе. — Князь-Михайлу онъ дѣлалъ его собою не замѣнить! примолвила Софья Ивановна и молчала, и вздохнула.

— И какъ это чувствительно для княжны Лины! выразилось у Гундурова.

Въ звукъ его голоса было что-то опять такъ и колыхавшее Софью Ивановну. Она уставилась на него:

— А ты почему думаешь? спросила она, стараясь изъяснить это какъ можно слоконѣе.

Но онъ стоялъ къ ней спиной и глядѣлъ въ садъ; онъ не могла видѣть его лица.

— Княжна въ разговорѣ, отвѣчалъ онъ не сейчасъ вопросу тетки, — сказала нѣсколько словъ про отца, и въ нихъ я могъ заключить...

— Что ей дорога его память, договорила Софья Ивановна, не дождавшись конца фразы племянника; — это ей пріятно, честно!... Онъ стоялъ этого!...

— Вы его любили, тети? спросилъ Гундуровъ, обернувшись къ ней.

Странное дѣло, эти слова какъ бы смутили Софью Ивановну. Она нѣсколько времени не находила отвѣта. Кто извѣдаетъ изгибы женскаго сердца? Быть-можетъ, въ эту минуту совсѣмъ въ иномъ значеніи представлялася для нея безхитростный вопросъ племянника, и въ душевной гонимости своей старалась разобрать она какое въ дѣйствительности чувство внушалъ ей этотъ человѣкъ, съ которымъ она встрѣчалась на нѣсколько часовъ въ длинные интервалы трехъ-четырехъ лѣтъ, не разумѣя его никогда иначе какъ за умнаго и пріятнаго собесѣдника, но который каждое слово въ эти рѣдкія ихъ встрѣчи хранила съ жеманностью до сихъ поръ, а смерть глубоко и долго щемила ей сердце...

— Онъ такой же былъ какъ князь Ларіонъ, промолвила она наконецъ, — образованный и блестящій; они оба очень хорошо учились, сперва въ Англіи, потомъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Но болѣе теплоты въ немъ было, сердца-

Счастіемъ въ жизни онъ похвалиться не могъ! Эта его жельтиба.... Они совсѣмъ было разорились; у отца ихъ были счеты со старикомъ Раскатыловымъ; онъ въ одинъ прекрасный день вылисалъ князь-Михайла изъ-за границъ и женилъ его безъ церемоніи... на этой Аглаѣ... Тяжела, говорятъ, была ему жизнь съ нею, очень тяжела... да и онъ, по правдѣ, мужъ-то былъ не образцовый... Въ службѣ тоже,—началъ великолѣпно, а кончилъ ничѣмъ. Подъ конецъ ужъ года за три до смерти, попалъ онъ посланикомъ къ ничтожному нѣмецкому двору. „Я похороненный человѣкъ,“ говорилъ онъ мнѣ; мы тогда, предъ его отъѣздомъ туда, видались съ нимъ... ты былъ тогда въ павсіонѣ:—„я похороненный человѣкъ и могу говорить о себѣ какъ о мертвомъ и о чужомъ. У меня были способности, а главное, горячее желаніе служить отечеству, служить настоящимъ, *русскимъ* пользамъ. Былъ случай, во время войны Грековъ за независимость, я имѣлъ возможность оказать свое положительное слово. На меня было обращено вниманіе... Но съ тѣхъ поръ я былъ, повидимому, записанъ въ число опасныхъ,—и къ дѣлу уже меня болѣе не допускали.“ Никогда не видала я его такимъ печальнымъ какъ въ этотъ, въ послѣдній разъ... домогвила Софья Ивановна, помогавъ опять. „У меня, говорилъ онъ, осталась одна радость, дочь! Дай Богъ мнѣ дожить...“

— Да, тетя, перебилъ ее неожиданно Гундуровъ,—она необыкновенная дѣвушка!

— Необыкновенная... повторила бессознательно Софья Ивановна, и такъ и обмерла...

Эти сверкавшіе глаза, зазвенѣвшій какъ натянутая струна голосъ—у нея не оставалось сомнѣній... Это былъ пожаръ, разомъ охватившій его въ эти два-три часа проведенные въ Сацкомъ и съ которыми—она сейчасъ это получила—приходилось серьезно считаться.

Открытіе это застигало ее совершенно врасплохъ. Умная женщина была Софья Ивановна, но, какъ это часто случается съ умными людьми, она въ своихъ соображеніяхъ забывала о случайностяхъ, вѣчнымъ игроищемъ которыхъ бываетъ наша бѣдная человѣческая жизнь. Она въ неустанной заботѣ своей о судьбѣ племянника, казалось ей, все предвидѣла, все, кромѣ этого!...

— Сережа! испуганно вскрикнула она подъ первымъ впечатлѣніемъ, но тутъ же сдержала себя, не даромъ была умна...—Она тебѣ очень понравилась?

И Софья Ивановна улыбнулась ему черезъ силу...

Но онъ былъ на-сторожѣ. Онъ зналъ тетку также какъ и она его знала. Вырвавшееся у нея восклицаніе, и теперь эта натынутая улыбка: онъ понялъ и сжался какъ цѣтокъ подъ холоднымъ вѣтромъ.

— Д-да, проговаривалъ онъ почти равнодушно,—она, дѣйствительно, замѣчательная... я по крайней мѣрѣ такой еще не встрѣчалъ, съ такимъ здоровымъ и благороднымъ образомъ мыслей, тетя... Мнѣ большое удовольствіе доставило бесѣдовать съ нею...

— Она мнѣ самой очень понравилась, тотчасъ же впадая въ его тонъ, молвила Софья Ивановна,—такая красивая и порядочная!...

— И вы, тетя, почелъ не бесполезнымъ сообщить ей Сергѣй,—проявили на нее самое лучшее впечатлѣніе!..

— Да? Чтѣ же я очень рада!.. Она очень похожа на отца этимъ своимъ изящнымъ спокойствіемъ... Ты говоришь, она его напоминаетъ?

— Да...

— Она успѣла тебѣ говорить о немъ?

— Что же „успѣла“? вдругъ заволокнулся Гумдуровъ:—у нея вырвалось невольное... И не мнѣ одному, она бы, вѣроятно, всякому сказала... только я ближе къ ней сидѣлъ... Когда князь Ларіонъ отпустилъ эту козкость ея матери, она сказала что еслибъ отецъ ея былъ живъ, этого бы не было...

— Она права!..

Софья Ивановна одобрительно кивнула и тѣмъ задумалась. Чѣмъ достойнѣе ея сочувствій могла оказываться эта княжна, тѣмъ страшнѣе была она для нея.

Прошло довольно долгое молчаніе. Гумдуровъ опять заходилъ по комнатѣ.

— Чтѣ же ты думаешь скоро опять въ Сидкое? спросила его наконецъ тетка.

Онъ остановился:

— Мнѣ говорила княжна что она ждетъ меня съ сестрой, тетя, проговаривалъ онъ чуть не умоляющимъ голосомъ.

— А тебѣ скоро *надо?* подчеркнула она.

— Да, я тамъ играю...

— Играешь! недоумѣло повторила Софья Ивановна, глядя на него во всѣ глаза.

— Да, Гамлета, глухо добавилъ онъ; онъ себѣ почему-то показался минуту очень мелкимъ и смѣшнымъ.

— Вотъ какъ! Скоро же вы это съ господиномъ Ашаенинымъ устроили!.. И она... княжна, тоже играетъ.

— Да, Офелію...

— И ты, улыбулась Софья Ивановна,—будешь просить ее... какъ бишь тамъ: „сударыня“, или „прекрасная дѣвица, помолитесь о моихъ грѣхахъ“?

— О, нимфа! Помяни

Мои грѣхи въ твоихъ святыхъ молитвахъ!

процитовалъ онъ.

— Странно какъ-то, и только у Шекспира можно встрѣтить, замѣтила она,—*святая* молитва, и *нимфа!*..

— Да, но прелестно! воскликнулъ Гундуровъ.

— Не спорю, улыбулась она опять. А не хочешь ли ты отдохнуть, спросила она его, послѣ дороги... и этого *сизита?* Мы, какъ всегда, будемъ обѣдать въ три часа.

— Если позволите, тетя, послѣшно отвѣтилъ онъ,—я, дѣйствительно немного усталъ...

Она долго, сжавъ руки, глядѣла ему вслѣдъ. Глубокая морщина сложилась между ея бровями, и нижняя губа слегка шевелилась, будто шептала она что-то про себя... Да, она *этого* не предвидѣла и глубоко упрекала себя за то... Но чѣмъ могла бы отвести она отъ него это?.. Она уберегла его до сихъ поръ отъ всѣхъ соблазновъ молодости. Чистая и строгая жизнь его не знала до сихъ поръ тѣхъ увлеченій которымъ отдается обыкновенно юность въ его годы... Ужь не ошибка ли была это съ ея стороны? спрашивала себя теперь въ тревогѣ Софья Ивановна; то что такъ долго удавалось ей сдерживать въ немъ прорвалось, и польется теперь кипящимъ неустержимымъ потокомъ... Она предвидѣла—онъ весь теперь тамъ будетъ; онъ отдастся *ей* всѣмъ своимъ сердцемъ!.. И что оказать, какъ упрекнуть его за то? Онъ правъ, къ несчастію правъ; эта дѣвушка, она прелестна, она ее, старуху, очаровала съ перваго раза, она похожа на отца своего, который... Они стоятъ другъ друга

съ Сережей... Но вѣдь это не возможно, достаточно только разъ взглянуть на эту Аглаю, на это дѣтище разбогатѣвшаго кабачника. Можно ли допустить чтобъ она дочь свою, княжну, согласилась когда-нибудь отдать за профессора! Она къ тому же уже лорѣшила судьбу своей дочери, Софья Ивановна имѣла основанія предполагать это... Горе, уныженіе, одно мучительное горе можетъ принести ему эта любовь... И не чѣмъ теперь оторвать, не куда увезти, усадъ его отъ неотразимаго соблазна! Какъ же спасти его отъ ожидающаго его отчаянія? Неужели нѣтъ средствъ?..

Она судорожно хрустнула сжатыми пальцами, обернулася на образа подъ напывомъ какой-то смертельной тоски, и прешептала:

— Владычица небесная, освѣни его твоимъ покровомъ!..

X.

Долѣ трехъ дней не въ силахъ была Софья Ивановна удержать племянника въ Сашинѣ. Онъ видимо томился, скучалъ, избѣгалъ разговоръ, уходилъ съ утра въ дальнія поля, опаздывалъ къ обѣду... „Онъ весь тамъ, онъ уже весь ея, намъ съ тобою уже болѣе ничего не осталось отъ него, Биби,“ отвѣчала она подавая слезы на вопросительное чирканье своей канарейки, сидя съ ней по цѣлымъ часамъ одна въ своей уютной, свѣжей комнатѣ, въ которой онъ, тутъ рядомъ съ ея постелью, за этими старыми лаковыми китайскими ширмами, спалъ до девятилѣтняго возраста въ своей маленькой кроваткѣ, гдѣ каждый уголъ напоминалъ ей его дѣтство, его первый лепетъ и первые ласки... Но не въ характерѣ Софьи Ивановны было тосковать и плакать. „Волку прямо въ глаза гляди“, любила говорить она въ трудныя минуты жизни, и прямо шла на него, на этого волка. И въ этотъ разъ поступила она точно также: встрепенулась разомъ, отерла слезы, надѣла свое праздничное шелковое, не то табачнаго, не то гороховаго цвѣта, платье которое называлось у нея поэтому „la robe feuille-morte de madame Cottin,“ * велѣла заложить фаятъ и послала горничную сказать Сергѣю Михайловичу что она собирается въ Суцкое...

* Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ въ книгѣ воспитательнаго характера, пользовавшейся въ тридцатыхъ годахъ огромною попу-

Онъ тотчасъ же приближалъ и безъ словъ кинулся обнимать ее. Глядя на его молодое, радостно сиявшее лицо, Софья Ивановна вдругъ упрекнула себя въ эгоизмъ. „Въ сущности, молвила она внутренно, я во всемъ этомъ болѣе о себѣ чѣмъ о немъ думала, и вслѣдствіе этого преувеличивала, можетъ-быть, прелестности которыя ожидаютъ его тамъ. Неодолимы ли они въ самомъ дѣлѣ? Или это только мнѣ кажется такъ потому что самой не хочется чтобъ онъ ихъ преодолевалъ, потому что тогда я лишусь его, лишусь совѣтъ... Но развѣ эта минута не должна была придти для меня рано или поздно, развѣ я давно не готовилась къ ней?.. Нѣтъ, тутъ дѣло идетъ не о моемъ, а о его счастьи, надо дѣйствовать!.. А тамъ посмотримъ!“

Черезъ часъ тетка и племянникъ выѣхали вдвоемъ въ новенькомъ легкомъ фаetonѣ четверкою молодыхъ, выхолощенныхъ караковыхъ лошадокъ въ щегольской сбруѣ, и Гудуровъ съ какимъ-то еще не испытаннымъ имъ доселѣ чувствомъ ребяческаго тщеславія подумалъ что вотъ они какъ парадно подкатятъ подъ широкое крыльцо Сацкаго, и тотчасъ же, слегка покраснѣвъ, сказалъ себѣ: „какъ мило бываетъ однако на душѣ человека даже въ лучшія его минуты...“ Онъ какъ-то очень ясно сознавалъ что для него пришли эти „лучшія минуты.“

Добрѣя лошадки домчали ихъ безъ передышки до казеннаго лѣса, уже знакомаго нашему читателю, за которымъ начинались владѣнія Шастуновыхъ. Тамъ по узкой и изрытой подсыхавшими колесами дорогѣ приходилось по-ловолѣ ллестись шажкомъ.

Громкій крикъ понесся имъ на встрѣчу, едва въѣхали они въ лѣсъ. Чей-то надрывающійся голосъ лился перекатами по лѣсному пространству, еще невнятный, но несомнѣнно грозный. Кто-то гнѣвался противъ кого-то очень сильно.

жаркостью въ русскихъ семействахъ, *Conseils à ma fille*, соч. Bouilly, разказъ одного эпизода изъ жизни творца знаменитаго Малекъ-Адеа (въ романѣ *Mathilde ou les Croisades*) и многихъ другихъ сентиментальныхъ героев и героинь,—гжи *Комтесс*, женщины весьма благотворительной. Гжа *Комтесс* носила постоянно одно и то же темное, дѣтскаго образца платье, по которому и узнаеть ее въ этомъ разказѣ тайно спасенная ею отъ гибели дѣвушка.

— Что тамъ такое? привсталъ невольнo Губауровъ.

— Левизоръ значитъ; на счетъ порубки, стало-быть, объяснилъ съ козелъ Федосѣй. Кучеръ дернулъ вожжами, четверня прибавила шагу...

Послышались уже явственно слова:

— Не видишь, распротоканалъ ты эдакая, не видишь? А вотъ я тебѣ покажу! звенѣлъ словно надтреснутая труба разъяренный начальственный баритонъ.

— Батюшка, ваше высокородіе... помилуйте! Куда жъ свернуть прикажете? раздавался подначальный, перепуганный фальцетъ:—кладъ свалишь!..

— И вали, сто ершей тебѣ въ глотку, вали, сиволаный чортъ! слышалось все яснѣе и звончѣе.

За ближнимъ уклономъ дороги открылось слѣдующее зрѣлище: Посредиѣ самаго проѣзда, межъ тѣсно сходящимися здѣсь съ обѣихъ сторонъ стѣнами лѣса, стояли другъ противъ друга тройка въ тарантасѣ и застрявшая колесами въ глубокой колеѣ извожничья телега. Высоко нагроможденные на нее деревянные жбаны, миски и кадучки неуклюже торчали и крепили на бокъ изъ-подъ дырявой рогожи и плохо увязанныхъ кругомъ веревокъ. Хозяинъ безъ шапки, явно только-что сброшенной съ его головы, прижавшись къ своей кладѣ, стоялъ съ приподнятыми къ лицу растопыренными ладонями, въ огражденіе его отъ чаемаго удара подстулавшей къ нему руки въ красномъ облагѣ... Рука принадлежала господину въ форменномъ сюртукѣ и фуражкѣ, необыкновенно быстрому и юркому въ своихъ движеніяхъ, хотя животъ начинался у него отъ самаго горла и коротенькія ножки съ трудомъ, казалось, могли поддерживать грузъ наседавшаго на нихъ объемистаго туловища. Онъ видимо только-что выскочилъ для кратчайшей расправы, изъ своего экипажа, въ которомъ сидѣлъ слугаикъ его, плотный молодой человѣкъ въ стромъ плащѣ и бѣлой волосистой фуражкѣ.

— Исправникъ! доложилъ оборачиваясь къ барину Федосѣй.

— Я его знаю! проговорила слѣшно Софья Ивановна, которую покорило отъ этой сцены.—Господинъ Акуликинъ, господинъ Акуликинъ! крикнула она громко, между тѣмъ какъ экипажъ ихъ останавливался за тарантасомъ исправника.

Рука въ обшлагѣ машинально ояпустилась. Господинъ Акулинъ обернулся. Обернулся и молодой человѣкъ сидѣвшій въ тарантасѣ.

— А, Гундуровъ, здорово!

Гнѣвъ, о поэтъ, ты воспой Баллидифора Павлова сына!

крикнулъ онъ, закатываясь оглушительнымъ хихиканьемъ и кивая на исправника.

— Это кто? нахмурясь спросила племянника Софья Ивановна.

— Свищовъ, юристъ бывшій.... Нахаль! примолвилъ онъ жвось зубы.

— Это видно....

Господинъ Акулинъ тѣмъ временемъ ковылялъ къ фазтону на своихъ коротенькихъ ножкахъ.

— Ваше превосходительство, Софья Ивановна....

Она не дала ему договорить.

— Дратся, можетъ быть и очень пріятно, отрѣзала она ему прямо, только это нисколько дѣлу не помогаетъ....

— Pardon, madame, нѣсколько обиженно и слегка сконфузясь отвѣчалъ онъ,—я образованный человѣкъ.... mais ses saupailles, эти сивалалыя бестіи....

Она прервала его еще разъ.

— Все это прекрасно, только вы видите что онъ засѣлъ въ колею и пока тамъ будетъ сидѣть, ни вашему, ни нашему килажу пробхать нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно прежде всего надо вытащить его телѣгу.

— Бездосѣй, пойдемъ, поможемъ! молвилъ Гундуровъ, выкакивая изъ фазтона. Онъ едва сдерживался...

Исправникъ, надувъ губы, быстро отковылялъ къ своему арвантасу. Спутникъ его присоединился къ Гундурову и го саугѣ. Они вчетверомъ съ кучеромъ Акулина долго бились, стараясь одвинуть заднія колеса тяжело нагруженной сѣлги, между тѣмъ какъ извозникъ усердно уськая и подлестывая подъ брюхо свою скользившую въ вязкой глинѣ ошадь, то отчаянно тянулъ ее справа за узду, то, переѣжавъ налѣво, наваливался всѣмъ тѣломъ на оглоблю... Кончилось тѣмъ что бѣдный конь, рванувшись въ бокъ подлѣвнымъ усиленіемъ, вывезъ телѣгу и тутъ же свалился съ ею на край дороги, споткнувшись о какой-то корень. Миски и кадучки покатались подъ ноги исправниковой тройки.

— Ну, теперь пройдемъ;—садитесь, Николай Игнатьичъ звалъ Акулинь Свищова.—За урокъ получи! величествомъ крикнулъ онъ.

Смятая имъ въ комъ бумажка завертѣлась въ воздухъ и опустилась къ ногамъ растеряннаго извожика.

— Алкантара-Калатрава, грандъ испанскій! расхохотался на весь лѣсъ Свищовъ, подсаживаясь къ Акулину въ таритасъ и подмигивая оттуда на него Гудурову. — Ты такъ въ Сицкое? тутъ же спросилъ онъ его.

Гудуровъ не безъ удивленія поднялъ глаза: онъ никогда не былъ на ты со Свищовымъ.

— Ну, такъ до свиданія! преспокойно кивнулъ ему тотъ не дождавшись отвѣта.

Тройка локатила, гремя бубенцами наборной сбруи...

— Извольте и ваша милость проѣзжать! обернулся къ нему герою извожикъ, услѣвший тѣмъ временемъ, съ помощію Федосѣя, отлустить дугу и подвѣять свою лошадь.

— А какъ же съ клядью-то твоею быть,—свалилась въ она вся?

— Ничего, батюшка, ваше сіятельство, спасибо вашей милости,—самъ управляюсь. Живо справляю, примочивилъ онъ улыбувшись во весь ротъ.

— Грозенъ, небось, на вашего брата, неисправнаго, исправникъ-то? состригъ въ свою очередь Федосѣй.

— Бѣда! (Извожикъ тряхнулъ головой.) Какъ сорветъ и та онъ съ меня шалку... Ойначе дай имъ Богъ здоровы не обидѣли!...

XI.

На балконѣ Сицкаго, охватывавшемъ весь фасадъ дома со стороны двора и соединявшемся съ боковыми висащими галлереями, которыми, въ свою очередь, соединялись съ главнымъ корпусомъ флигеля его, можно было отличить еще издали присутствіе цѣлаго общества. У Гудурова такъ и заходило въ груди. Тутъ ли клякша? сгаралъ онъ мучительнымъ нетерпѣніемъ, также мучительно стараясь не дать это замѣтить сидѣвшей съ нимъ рядомъ теткѣ! въ то же время съ глубокимъ смущеніемъ чувствуя что тетка видитъ его насквозь....

княжамъ, ни матери ея, ни дяди тутъ не было, и общезнакомое по балкону, всякіе сосѣди обоого пола, едва знакомо Софья Ивановна и ея племяннику. Надежда Теодоровна, узнавъ ихъ, любѣжала на лѣтѣ встрѣчать „генеральшу“ (Софью Ивановну иначе ли въ уѣздѣ), и тотчасъ же провела ихъ въ собственн-плартаментъ хозяйки, куда допускались только „по-ые“ гости (къ мелкой сомкѣ, „le menu fretin“, какъ алась она въ интимитѣ, сіятельная Агдла выходила ольшимъ выходомъ предъ завтракомъ и обѣдомъ) и а теперь сидѣла вдвоемъ съ „калабрскимъ бригад-

ывавшимся въ разныхъ любезностяхъ и изъясненіяхъ

Софьей Ивановной, импонировавшею ей своимъ сломъ достоинствомъ, а главное тѣмъ что она когда-то императрицей Маріей Теодоровной въ перелискѣ была, ая усадила ее въ самое мягкое кресло своего щеголь-съ иголки ситцевого кабинета, а monsieur Serge но отослала „къ молодымъ“.

Засѣ давно ждуть, уамбалась она ему, релетициі нача-и всѣ они теперь въ театрѣ avec Larion. Вамъ го-весеаѣ тамъ будетъ qu'avec une vieille femme comme Monsieur Зябливъ, и вы... ступайте, ступайте! Я васъ ерживаю...

лилъ вздохнулъ, повелъ на все телачьимъ взглядомъ. бы говоря: „жестокая!“ и не тронулся съ мѣста.

хитительная жеящина! подумалъ обрадованный Гунъ чуть не со слезами умиленія чмокая жирную руку алымъ арсенаомъ колецъ на короткихъ пальцахъ кля-которую протянула она ему не безъ нѣкотораго по-тельственаго оттъика, и вышелъ изъ кабинета сдер-и спокойно.

то съ лѣстницы онъ чуть не скатился кубаремъ....

театрѣ, дѣйствительно, шла та невообразимая неуря-что у актеровъ-любителей называется „первая реле-“. Суетня была страшная, всякаго ненужнаго народу ество; на сценѣ бѣгали, толкались, искали чего-то; ѣ, лискѣ, горячія слова слора неслись, звуча какимъ-южающимъ звукомъ, подъ высокій сводъ залы. Успѣв-уже охрипнуть режиссеръ вызывалъ то и дѣло, то го, то другаго изъ дѣйствующихъ лицъ *Лѣва Гурьча* чкина (шла проба этого водевиля):

— Раиса Микишна, Борзиковъ! Катя! Нада! Маша! Варя! перекликалъ онъ имѣвшихъ *выходить* въ эту минуту актеровъ.

Слышались возгласы:

— Развѣ мнѣ выходить?

— Конечно вамъ!...

— Ахъ, виновать, я не дослышалъ...

— Варя! Варя! Кто Варя, mesdames?...

— Нѣтъ ея!...

— Какъ вѣтъ? А ты?

— Я Нада.

— Не правда, я Нада....

— Ахъ, Боже мой, я твою роль захватила!... А гдѣ же моя?... Не выдавалъ ли кто моей роли, messieurs?

— Шш... ради Бога, господи, ничего рѣшительно не слышно...

— Ни за что, ни за что я этого не скажу! звѣлъ голосъ Ольги Елпидионовны:—надо это вычеркнуть!...

— А куда жъ я репашку-то мою дѣну? гудѣлъ Ваальковскій. Всѣ были такъ заняты что никто не замѣтилъ какъ вошелъ Гундуровъ.

— Четвертое дѣйствіе.... Сударыни, куплетъ! хрипѣлъ написанный изъ Москвы режиссеръ Малаго Театра, ансамбль: графъ Зефиловъ и дѣвицы... Пожалуйте!

— Я не знаю этой музыки...

— И я не знаю...

— Ха, ха, ха... А вчера цѣлый вечеръ за фортепiano повторяли!

— Позвольте, музыкантъ сейчасъ вамъ подыграетъ.

Одинокая скрипка заиграла мотивъ вальса.

— Графъ Зефиловъ, вамъ!..

Шигаревъ, занимавшій сцену съ какими-то четырьмя барышнями, на которыхъ онъ каррикатурно выпучивалъ глаза, залѣлъ, подражая разбитому старческому голосу:

А! это вы, мои лунярки!...

Хохотъ отвѣчалъ ему изъ всѣхъ угловъ.

— Извольте, вамъ-съ! Сейчасъ же за графомъ всѣ вмѣстѣ:

Слышала каждая изъ насъ....

кричалъ барышнямъ режиссеръ, халяя себя въ тактъ на ладоши рукописью пѣсы.

Барышня сбѣлилась всѣ въ одну кучку и, выглядывая изъ-за спины одна другой, открыли рты, собираясь пѣть...

— Позвольте, позвольте-съ! кинулся между нихъ несчастный распорядитель:—такъ невозможно! Вы должны кружкомъ стоять около графа!...

— И даже „присѣдать съ граціозностью“, сказано у Ленскаго! кричалъ имъ снизу Свищовъ, бывший тутъ же и что-то очень суетившійся.

— Хи, хи, какъ смѣшно, хи, хи! загомосили ему въ ладъ барышня, которыхъ успѣли кое-какъ разставить кругомъ Шигарева.

— Извольте же сначала!

А, это вы, мои пулярки!

А это что у васъ? Подарки?

зашѣлъ опять Шигаревъ.

Слѣшила каждая изъ насъ

Съ дшемъ ангела поздравить васъ...

немилосердно запищали хоромъ Катя, Маша, Варя и Надя.

Ай, ай, ай, ай. Какъ рѣжутъ насъ!

залищаль въ подражаніе имъ, Свищовъ, затыкая себѣ пальцами уши.

Хохотъ въ залѣ раздался лучше прежняго...

Одна изъ пулярокъ сильно разобидѣлась:

— Что же это? Просятъ, а потомъ смѣются!... Я не буду играть!...

— И я!... И я! О-охъ! О-о-хъ!...

— Ну... за что... не бу-у-демъ!.. привалялись онѣ хныкать уже всѣ вчетверомъ.

Режиссеръ растерянно поглядѣлъ на зрителей.

Изъ перваго ряда креселъ отдѣлилась высокая, полная барыня, жена окружнаго начальника государственныхъ имуществъ, игравшая роль Раисы Мининой, самая „образованная дама“ въ уѣздѣ, и подбѣжала къ сценѣ:

— Оеничка, Eulampe, finissez, quelle honte! Je vous ai donc amenées ici! (Дѣв изъ пулярокъ были ея племянницы).

Но Eulampe, Евлампія тожь, и Оеничка оставались глухи на ея внушенія:

— Потому что мы не свѣтскія... не графини!.. всхлипали онѣ.

Вальковскій, стоявшій все время въ кулисѣ, весь поглощенный, повидимому, чтеніемъ своей роли Сивичкина, однимъ прыжкомъ очутился у рамы:

— Вонъ! Пошелъ вонъ! съ расширившимися не въ мѣру зрачками и дрожавшею губой вскинулся онъ на Свищова, главнаго виновника этихъ слезъ, который, со свойственнымъ ему нахальнымъ спокойствіемъ лица, глядя въ устланныя на разобиженныхъ барышень.

— Ты съ ума сошелъ! подмывая онъ блѣднѣя на Вальковского свою коротко à la mal content остриженную голову.

— Ты разстроивать, ты только разстроивать! бѣшено кричалъ на него тотъ.

Все перелопотилось въ залѣ....

— Господинъ Вальковскій! раздался вдругъ рѣзкимъ и отчетливымъ звукомъ голосъ князя Ларіона Васильевича, — вы въ домъ княгини Шастуновой!...

„Фаматика“ точно чѣмъ-то приляснуло: онъ покосился на уголъ откуда донесся до него этотъ голосъ, повернулся на длинныхъ ногахъ, и безъ словъ, опустивъ голову, какъ перелуганный волкъ, отправился назадъ въ свою кулису.

Гундуровъ воспользовался смятеніемъ чтобы незамѣтно пододвинуться ближе къ диванчику у окна, на которомъ сидѣла княжна, рядомъ съ Ашанинымъ. Оба они, показались нашему герою, такъ увлечены были своимъ бесѣдой что ничего того что происходило вокругъ не достигало ни до слуха ихъ, ни до зрѣнія. Подойти прямо къ Ливъ, — „а это была его прямая обязанность, какъ къ хозяйкѣ“, говорилъ онъ себѣ, — мѣшало ему овладѣвшее имъ вдругъ чувство какой-то неодолимой робости. Ему было невыразимо досадно на Ашанина за то что тотъ такъ всецѣло поглощаетъ все вниманіе, — и въ то же время онъ какимъ-то необъяснимымъ чутьемъ отгадывалъ, былъ увѣренъ что Ашанинъ говоритъ о немъ, и что у Ашанина съ нею никакого серьезнаго разговора и быть не можетъ кромѣ о немъ, Гундуровъ...

— Да вотъ и онъ, легокъ на поминъ! какъ бы въ явное подтвержденіе его догадокъ, обернувшись и увидавъ его, кивнулъ на него князь Ашанинъ.

Она поклонилась ему съ мѣста своимъ милымъ долгимъ поклономъ сверху внизъ.

Гундуровъ подошелъ.

— Здравствуйте! сказала она, улыбаясь, какъ всегда, одними губами и не подавая ему руки. (Онъ замѣтилъ что она никому не подавала руки и это ему очень нравилось въ ней: женщина, рассуждалъ онъ, никогда ни съ кѣмъ не должна быть фамиллярна.)

— Ты только пріѣхалъ? спросилъ, обнимаясь съ нимъ, его пріятель.

— Да, съ полчаса... съ тетуской...

— А, и ваша тетуска здѣсь? молвила Лина съ какимъ-то оживленіемъ и прибавила: — сюда... вы теперь совсѣмъ... *играть?*...

— У насъ все устроилось, и, еслибы ты самъ не явился, я сегодня долженъ былъ ѣхать за тобой, елѣнцъ передать ему новости Ашанинъ. — Въ воскресенье, послѣ того какъ ты уѣхалъ, прибыло сюда много народа: Чижевскій, Духонинъ изъ Москвы, сосѣди здѣшніе... вотъ это крутая дама (онъ кивнулъ на жену окружнаго) очень хорошая актриса оказывается... Мы съ Вальковскимъ воспользовались этимъ, и съ разрѣшенія и при помощи княгини и княжны Елены Михайловны набрали полную труппу и на драму, и на водевилъ. Это все, что видишь сидитъ въ креслахъ — родственницы и родственники, близкія и дальнія актеровъ нашихъ и актрисъ, съѣхались на релетицію посмотрѣть.

— Мама, вы знаете, согласилась на *Гамлета*, съ тѣми пропусками какіе нужными сочтеть сдѣлать дядя, сообщивъ въ свою очередь княжна; — я почти уже всю роль свою играю.

— И Гертруда будетъ? спросилъ Гуадуровъ Ашанина.

— Есть; Надежда Федоровна... Но чего это мнѣ стоило быстрымъ шепотомъ проговорилъ ему тотъ на ухо: — только для товарища можно это сдѣлать!...

Въ это самое время къ княжнѣ, расстаркиваясь и крутя усомъ, съ ловкостью бывалаго, прожженаго гусара, пропымгнулъ мимо толпившихся у сцены толстый исправникъ, Элидифоръ Акулинъ.

— Позвольте пожелать вамъ добраго утра, *princesse*, загораилъ онъ сладкимъ, искательнымъ голосомъ, раздувая свои ртвислыя щеки, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣку прежде всего откровенному и страстному (засмѣялся онъ вдругъ) прямо обратиться къ вамъ съ просьбой: позвольте мнѣ по-полюперничать съ моею Ольгой, пользующеюся, къ чести ея,

а моему неизреченному счастью, благорасположеніемъ княгини, матушки вашей, и осмѣливаюсь думать и вашимъ собственнымъ...

— Что такое? слегка смѣшавшись и ничего не понимая, взглянула на него Лина.

— Рольки прошу-съ, самую крошечную рольчку. Что дѣлать! страсть-съ, съ дѣтства!... Неодолимая! Родилась актеромъ... а насмѣшница судьба вотъ чѣмъ повела быть!...

И господинъ Акулинъ негодующимъ движеніемъ вытащилъ впередъ красные обшлага своего полицейскаго мундира.

— Ваша артистическая слава здѣсь извѣстна, послѣднимъ отвѣтитъ за княжну находчивый Ашанинъ, любезно уминая исправнику, между тѣмъ какъ Гундуровъ морщилъ лобъ, вспоминая свѣжую сцену въ лѣсу, — и вы съ самаго начала имѣлись у насъ въ виду на роль Половія въ *Гамлетѣ*... если только вы не предпочитаете водевильныя роли...

— Да какъ же это можно-съ! съ увлеченіемъ воскликнулъ на это отставной гусарь. — Шекспиръ! Да это мой богъ. моя религія!

Брови у княжны какъ-то болѣзненно сжались вдругъ, — она отвернулась...

— Искренно, душевно благодарю васъ! Осчастлививши, можно сказать! схвативъ руку Ашанина, мала ее въ избытокъ радости въ толстыхъ пальцахъ своихъ исправникъ; — Половія я вамъ *выражу-съ*, смѣю думать, въ настоящемъ видѣ...

— Я хочу вашу тетюшку повидать! сказала, вставая съ мѣста, княжна Гундурову и вышла изъ залы.

Молодой человѣкъ чуть не съ ненавистью глянулъ на отдувавшіяся лавиты господина Акулина. „Это онъ заставлялъ ее уйти“, не могъ онъ простить исправнику...

Исправникъ самъ замѣтилъ неблагопріятное впечатлѣніе произведенное имъ на дѣвushку, хотя еще менѣе чѣмъ Гундуровъ способенъ былъ объяснить себѣ чѣмъ именно.

Онъ отошелъ отъ нашихъ друзей и проковылялъ предъ нимъ путемъ на противоположный конецъ залы, гдѣ, рядомъ съ княземъ Ларіономъ сидѣла его дочь и щебетала не умолкая, заглядывая ему въ самые зрачки своими ~~выста~~вающими глазами.

Остановившись отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ, господинъ Акулинъ принялся изподтишка слѣдить за всею этою

продѣлкой съ наслажденіемъ настоящаго артиста какимъ онъ на самомъ дѣлѣ и былъ.

— Лиза! Гдѣ Лиза! раздалось со сцены.

— Я! отозвалась, вскакивая съ мѣста Ольга Едипиди-форова, увидала отца, и направилась въ его сторону.

— Ну что кажетъ? крикнулъ онъ ей вполголоса.

— Да вотъ, подите попробуйте! И она прошла мимо, до-садливо дернувъ плечомъ.

— А ты не плашай! наставлялъ ее достойный родитель.

— Намъ сейчасъ выходить будетъ! подбѣжалъ къ ба-рышнѣ Маусъ. Онъ игралъ въ *Синичкинъ* роль Борзикова и неустанно пожиралъ ее со сцены страстными глазами во все продолженіе ея разговора съ княземъ.

— Иду!..

Взбунтовавшихся *пулпрокс* успѣли тѣмъ временемъ укро-тить. Онъ стояли опять на сценѣ въ позиціи, окружая Ши-гарева и хихикая въ перегонку фиглярничаньямъ которыя выдѣлывалъ онъ теперь съ сугубымъ усердіемъ, ради вя-щаго поощренія ихъ.

Я вамъ связала ко-ше-лекъ,

шелтала „говоркомъ“, по совѣту Вальковского, и все-таки заикаясь отъ робости Нада.

Спасибо миленькіи дружочекъ,

лѣзалъ въ отвѣтъ ей Шигаревъ, сѣменя ножками и подбѣгая къ ней лѣтучкомъ.

Вамъ леюшко снивала я,

завизжала тономъ выше скрипки картавая Варя, приподы-мая чуть не къ самымъ волосамъ огромныя черныя брови.

Спасибо, косецька моя!

сюсюкнулъ ей въ отвѣтъ графъ Зефиоровъ, и обнялъ ее за талию.

— Ахъ, ахъ, что это, какъ вы смѣете! визгнула она уже совсѣмъ неестественно.

— Я по лѣсѣ, я долженъ васъ цѣловать,—и васъ, и васъ, и васъ, всѣхъ долженъ перецѣловать!..

— Неправда, неправда! мы не позволимъ! заголосили онъ опять всѣ.

— Это точно-съ, въ лѣсѣ! подбѣжалъ къ нимъ съ тет-радью режиссеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Мы лучше совсѣмъ лѣтъ не будемъ.

Новый, чреватый грозами бунтъ цѣломудренныхъ пулярокъ усмирень былъ на этотъ разъ мудростью образованной окружной: она согласилась ихъ на томъ что Зефировъ-Шигаревъ долженъ только *faire semblant* ихъ цѣловать, и что такимъ образомъ и *situation* будетъ соблюдена, и *convenances* спасены.

— А на представленіи я все же васъ съ настоящую чмокну! обѣщалъ имъ вполголоса Шигаревъ.

— А я васъ за это тутъ же тресну! обѣщала ему, въ свою очередь, Еулапре, самая рѣшительная изъ пулярокъ.

— Пойдемъ въ садъ покурить, сказалъ Гундурову Ашанинъ, — князь здѣсь, при дамахъ, не позволяетъ. Они сейчасъ кончатъ *Синичкина*, а затѣмъ наша релетиція; хорошо что ты пріѣхалъ, а то мы хотѣли ужъ безъ тебя считку сдѣлать, время дорого...

— Но княжна ушла... съ нѣкоторымъ усиленіемъ проговорилъ Гундуровъ.

— Придетъ! коротко отвѣтилъ красавецъ, направляясь къ дверямъ.

Они вышли въ садъ.

XII

Гундуровъ втайнѣ надѣялся что пріятель его непременно начнетъ съ того что перескажетъ ему свой разговоръ „о немъ“ съ княжною. Но тотъ къ его удивленію, не только не началъ съ этого, но какъ будто старался даже обходить все что касалось лично до княжны въ томъ перечнѣ театральныхъ новостей который онъ торопился теперь досказать ему. Нашему герою показалось даже что Ашанинъ какъ бы избѣгалъ смотрѣть ему въ лицо, и что его обычный смѣхъ не звучалъ прежнею его искренностью. Что-то кольнуло въ сердце Гундурова. „Ужъ не самъ ли онъ?..“ зашевелились и не досказались въ его встревоженной мысли. И онъ безлобковыми глазами ловилъ эти, казалось ему, избѣгавшіе ихъ глаза Ашанина.

А тотъ, дѣйствительно какъ бы съ намѣреніемъ не давая Гундурову времени заговорить о чемъ-то другомъ, подробно передавалъ ему о костюмахъ для *Гамлета*,

сторыми, съ письмомъ отъ него и отъ Вальковского къ у Степанову *, посланъ былъ наканунѣ нарочный отъ нихъ въ Москву.

Прошлою зимой, когда дворъ былъ въ Москвѣ, объѣхъ Ашанинъ,—на ряженомъ балу у графа (тогдашняго лаго начальника столицы), была *Россія въ костюмахъ*, и *Елисаветы* изъ Валтеръ-Скоттовскаго *Кенильворта*. помнилъ что англійскіе костюмы почти всѣ теперь или къ Степанову; я ему такъ и написалъ чтобы при-, всѣ какіе только у него есть. Онъ, по дружбѣ, дастъ на прокатъ намъ за самую сходную цѣну. Какъ разъ то намъ нужно, костюмы Шекспировскаго времени, но такіе въ какихъ, по всей вѣроятности, играли въ *тѣ* онъ и его товарищи, свѣжіе, всего два раза надѣ-ме... Тамъ какъ разъ для тебя костюмъ есть старика екса, весь черный бархатъ и атласъ. А я возьму ко-тъ Четвертинскаго—онъ Лейстера изображалъ,—луно-съ бѣлымъ. Прелесть!... У Чижевскаго его синій съ-гомъ остался отъ бала; онъ не продавалъ его... Одѣты мы будемъ великолепно!... Только вотъ не знаю, туша исправникъ, которому я сейчасъ Половія отдавалъ, най-ли для него что-нибудь по мѣрѣ? Въ трико-то онъ навѣрно, ни въ чье не влѣзетъ...

Да роли всѣ ли распредѣлены? спрашивалъ Гундуровъ, продолжая ловить вырвашіе по сторонамъ глаза Ашанина. Всѣ, всѣ! Придется, можетъ-быть, какого-нибудь Вол-ада или Франческо похѣрить, да и то найдутся... Валь-сій въ восторгѣ, я ему Розенкранца далъ, молодую роль еры“ въ третьемъ дѣйствіи, они же и могильщики въ-мъ, будутъ превосходные: они мнѣ вчера роли свои и. Одинъ Постниковъ, землемѣръ тутъ есть такой; ой Факирскій, студентъ при князѣ, не гауный ма-а рыный Жоржъ-Сандистъ.

Это тотъ, неловко улыбаясь промолвилъ Гундуровъ,—изъ-за занавѣски княжну высматриваетъ?

Можетъ-быть... И кто же ему можетъ помѣшать! какъ-стерпѣливо отвѣчалъ его пріятель.—Однако, словно

известный тогда, весьма даровитый актеръ Малаго Театра; вралъ на Чистыхъ Прудахъ большой костюмерный мага-

слыхватися онъ, кидая свою папироеку,—мнѣ надо въ контору за ролями, актерамъ раздать...

— И только? такъ и вырвалось у Гундурова.

— Что, только? спросилъ тотъ, останавливаясь на ходу.

— Отзвонилъ, и съ колокольни долой!... Тебѣ... тебѣ нечего болѣе передать мнѣ? робко договорилъ онъ.

— Ахъ да! засмѣялся красавецъ, возвращаясь:—я тебѣ говорилъ про Гертруду: что мнѣ стоило...

— Ну?

— Я вѣдь опять вляпался, Сережа!...

— Какъ такъ?

— Да, такъ... Ну, не хочетъ женщина, ни за что не соглашается играть; а я чувствую, вижу что лучшей Гертруды намъ не сыскать!... Я ей и посвятилъ два дня, два цѣлыхъ дня посвятилъ ей исключительно... Вотъ, вчера это вечеромъ случилось, вздохнулъ Ашанинъ,—ночь была такая чудесная—вышелъ я послѣ ужина сюда, въ садъ, погулять... Сѣлъ на скамью, соловьи такъ и заливаются, воздухъ вѣжить... Только, слышу, чьи-то шаги скрипятъ по песку. Она, моя Надежда Федоровна идетъ, прогуливаетъ свои обветшалыя красы... Ахъ, ахъ, это вы?—Ахъ, ахъ, это я! отвѣчаю ей въ тонъ... Гляжу, она и дрожитъ, и унываетъ... Взялъ я ее подъ руку—пошли... Я опять про Гертруду, внушительнымъ рѣчи ей держу,... „Что за ночь, за луна, когда друга я жду“, и такъ далѣе... А тутъ, на бѣду, бесѣда-зашли, сѣли... Вотъ она слушала меня, слушала, да вдругъ голову мнѣ на плечо, да такъ и залилась... А я, ты знаешь женскихъ слезъ видѣть не могу...

— Господи! даже воскликнулъ Гундуровъ.

— Должно-быть на роду уже ей такъ написано... Любилъ она, говорить, впервой какого-то учителя; общалъ онъ ея жениться,—надулъ, подлецъ! Она возьми да и отравись! Да, самымъ настоящимъ манеромъ отравилась,—мышьякъ хватила... „Пятнадцать лѣтъ, говорить, замаливала я этотъ грѣхъ... А теперь, говорить, я не снесу! Если ты, говорить меня обманешь,—для меня все кончено!...“ Помилуй, схижи, вдругъ разгнѣванно крикнулъ Ашанинъ, — да вѣдь же непременно обману, да вѣдь я же ни единой еще женщиной въ мірѣ не общалъ быть вѣрнымъ!... Да вѣдь это хуже чѣмъ съ моею покойницей!...

— Ты ее съ толку сблизъ, несчастную, и на нее же сердисься! строго и озабоченно говорилъ Гундуновъ:—что ты будешь дѣлать теперь?

— Что буду дѣлать? повторялъ тотъ:—Ярмо надѣла она на меня пока не отбудемъ спектакля — вотъ бѣда! Такія натуры не шутать,—пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, съ дуру въ воду кинется... Пошеволи оглядываться приходится!... А тутъ, какъ на смѣхъ, эта черноокая Акулина... Замѣтилъ ты ея глаза, а? Вѣдь мертвого поднимать способны!... И какъ подумаю что влѣзъ я въ эту штуку единственно изъ-за того чтобы *Гамлетъ* нашъ не разстроился... Между тѣмъ какъ...

И Ашанинъ, съ такимъ легкомысліемъ относившійся къ судьбѣ бѣдной пересрѣной дѣвицы, имѣвшей несчастье полюбить его, взглянулъ теперь на пріятеля съ выраженіемъ какой-то глубокой тревоги въ большихъ, говорившихъ глазахъ...

Гундуновъ, въ свою очередь, съ тою болѣзненною чуткостью что рядомъ со сдѣлотою дана въ удѣлъ влюбленнымъ, тотчасъ же понялъ что говорили эти глаза и такъ же услужался теперь чтобы Ашанинъ не произнесъ имени княжамъ, какъ за минуту предъ тѣмъ страстно желалъ услышать изъ устъ его это имя.

— Что же ваша считка, поспѣшно заговорилъ онъ,—ты говорилъ, надо роли раздать?....

— Господа, васъ просятъ на сцену! въ то же время раздавался за ними чей-то голосъ.

Это былъ тотъ студентъ Жоржъ-Сандистъ, юноша лѣтъ девятнадцати, въ которомъ чуялъ себѣ соперника Гундуновъ. Юноша смотрѣлъ прямымъ московскимъ студентомъ тѣхъ временъ: что-то выстѣ открытое и вдумчивое, серьезное и мягкое въ лошибѣ чертахъ въ выраженіи большихъ карихъ глазъ, неряшливо ладавшіе на лобъ волосы, и потертый уже на швахъ рукавовъ новыи сюртукъ съ синими воротничкомъ и форменными съ орлами луговицами....

Онъ съ своей стороны, не чуялъ, видимо, ничего похожаго на нерасположеніе къ себѣ въ нашемъ героѣ:

— Позвольте вамъ себя представить,—Факирскій, молвилъ онъ ему, подходя и кланяясь,—кланяясь даже съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ почтительности,—я также былъ филологъ, теперь на юридическій перешелъ, но вы меня вѣроятно не помните: я былъ на первомъ курсѣ когда вы

кончали.... Только я васъ очень уважаю, скороговоркой добавилъ онъ, какъ то неловко отворачиваясь и въ тоже время протягивая свою руку Гундурову.

— Я вамъ очень благодаренъ сказалъ тотъ пожимая ее,—но не знаю чѣмъ заслужилъ...

— Я вашу кандидатскую диссертацию имѣлъ случай прочесть, пояснилъ студентъ,—превосходная вещь-съ! Хотя я и не славистъ, а истинное наслажденіе мнѣ доставила... Ученость ученостью, а пріемъ у васъ такой... теплый... Тамъ гдѣ вы это о братствѣ народовъ по поводу Славянъ развиваете....

— То-есть, о племенной славянской связи, поправилъ улыбаясь Гундуровъ.

— Да-съ, да-съ, закивалъ головою Факирекій,—только это у васъ гораздо шире понимать слѣдуетъ... я по крайней мѣрѣ, такъ поналъ. Тутъ между строкъ прямо выясняется вашъ идеалъ: чтобы „народы распри позабыли“—*естъ* народы-съ, не одни славянскіе—„въ великую семью соединились“. Такъ говорилъ великій Пушкинъ со словъ великаго Мицкевича, такъ думаютъ въ наше время и всѣ великіе мыслители на западѣ... И изъ вашей диссертациі я поналъ что вы именно проводите мысль объ этомъ братствѣ....

— Конечно, если угодно вамъ такъ понимать... перебилъ его нашъ герой, который въ эту минуту всѣ народы и всѣхъ мыслителей запада отдавалъ бы за то чтобы поскорѣе отдѣлаться.—Но вы, кажется, звали насъ на сцену?..

— Да-съ, тамъ князь и княжна просили всѣхъ участвующихъ въ *Гамлетѣ*... Да вотъ-съ уже прямо, искусство, ухватился опять студентъ за видимо любезную ему мысль,—вотъ-съ уже первая и неразрывная международная связь! Шекспиръ, возьмите, развѣ онъ исключительно *англійскій*, а не общечеловѣческій поэтъ? Вѣдь онъ для Нѣмцевъ еще дороже и выше чѣмъ для Англичанъ, а для насъ...

Но Гундуровъ уже не слушалъ его болѣе и, вслѣдъ за Ашанинымъ, направился въ театральную залу.

В. МАРКЕВИЧЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АЛБІОНЪ.

Какъ падаютъ на западѣ народы!
Какъ былъ могущъ и славенъ Альбіонъ,
Отечество Шекспира и свободы,—
И что теперь являетъ міру онъ!

Поникнулъ онъ главою своею надменною,
Възда его весь блескъ почти потухъ,
Померкла мысль, умолкъ гласъ вдохновенный,
Метется въ немъ одинъ крамольный духъ.

Его грызетъ могущества утрата,
Господствовать надъ міромъ нѣтъ ужъ силъ,
И накопить успѣлъ онъ груды злата,
Но душу въ нихъ свою похоронилъ.

Въ немъ совѣсть, честь и чувство человѣче
Все подъ расчетъ, все на барышъ пошло:
Въ обманъ и ложь одѣлось краснорѣчье,
Доброемъ ему чужое стало зло.

И, наконецъ, въ вожди Иокarıота
Себѣ онъ взялъ безстыдно, на позоръ,
Чтобъ не было ужъ съ совѣстью расчета,
Бездушію чтобъ полный дать просторъ!

Давно уже всѣ вѣдаютъ народы
Что общій врагъ бездушный Альбіонъ,
Что не щадитъ ни благъ онъ, ни свободы
Другихъ, и всѣмъ куетъ крамолы онъ.

Сложилось его существованье
 Особнякомъ и всѣмъ онъ сталъ чужой,—
 Замкнулъ себя въ корыстное стаханье,
 Весь думалъ міръ держать своимъ слугой.

И мудрымъ онъ прослылъ; но язва глубокихъ
 Какъ много онъ къ душѣ людской привнесъ
 Ученіемъ о пользахъ одинокихъ,
 Признаніемъ неправдъ и темныхъ силъ!

Какъ сатана онъ презираетъ чувство
 И братство и любовь между людьми;
 Онъ сатанѣ избралъ себѣ искусство
 Какъ рушить связь и братства и любви.

И былъ могущъ, пока межъ племенами
 Могъ стять рознь; но есть конецъ всему:
 Тѣ племена теперь сомкнулись сами
 Въ великіе народы, и ему

Одинъ еще, какъ яблоко раздора,
 Служить бы могъ въ Европѣ уголокъ,
 И уповалъ, крамоламъ для простора,
 Онъ сохранить закованымъ Востокъ.

Но ужъ и тутъ къ концу приходитъ повѣсть:
 Послѣдняя должна пролиться кровь,
 Богъ пробудилъ у всѣхъ народовъ совѣсть,
 Очнулись въ нихъ и братство и любовь.

И Альбіонъ, бессильно свирѣлая,
 Не выдержалъ игры своей въ Христа,
 Сорвавъ съ себя личину фарисея,
 Открыто онъ возсталъ противъ Креста!

Скажите же народы, вы зовете
 Зачѣмъ его на мирный вашъ совѣтъ?
 Для общихъ пользъ какихъ совѣтовъ ждете
 Отъ общаго врага себѣ въ отвѣтъ?

Самъ Альбіонъ въ семьѣ ужъ Европейской
 Не лишнимъ ли себя съ тѣхъ поръ призналъ,
 Какъ частью сталъ имперіи Индійской,
 Какъ островъ свой туда отмежевалъ?

Ужель еще омущаютъ васъ преданья
О силахъ тѣхъ какихъ ужъ больше нѣтъ?
Вѣдь это все отжившія сказанья,
Лишь призраки, лишь тѣнь минувшихъ лѣтъ.

Пусть золотомъ казна его богата;
Но золота сильнѣе вѣдь булатъ,
А въ наши дни какъ много есть булата,
Да не гдѣ взять его ужъ на прокатъ.

На флотъ онъ, въ аршинъ броней обшитомъ,
Пушай себя гуляетъ по морямъ;
Но съ Крупномъ споръ тяжелъ, и съ динамитомъ
Плохой разчетъ теперь по берегамъ.

Не тотъ уже сталъ Альбионъ кичливый:
Онъ гордъ и нагль пока пугаетъ васъ;
Но бросьте взглядъ ему нетерпѣливый,
И рѣчь свою повизгитъ онъ тотчасъ.

За чтò жъ ему межъ вами честь такая,
Что вашимъ онъ чуть не главою сталъ?
Вы жить его оставьте, не мѣшая,
Но чтобы онъ и вамъ жить не мѣшалъ.

Напрасно съ нимъ вы ищете общенья,
Исторія васъ розно повела:
Васъ призвала ко благамъ единенья,
Его жъ на рознь со всеми обрекла.

Не мѣсто быть ему въ совѣтъ съ вами,
Нельзя ему вамъ добрый дать совѣтъ.
Вамъ вредно быть между собой врагами,
А для него полезень общій вредъ.

Рѣшитесь же, великіе народы!
Прочь, прочь отъ васъ коварный Альбионъ!
Не ждите вы ни мира, ни свободы,
Пока вамъ въ жизнь мѣшаться будетъ онъ.

М. ЮЗЕФОВИЧЪ.

ДЕНЬГИ МИЛЕДИ

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ МОЛОДОЙ ДѢВУШКИ, РАЗКАЗАННЫЙ УИЛКИ КОЛЛИНЗОМЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ГЛАВА XII.

Совѣщаніе леди Лидіардъ съ мистеромъ Трой на возвратномъ пути въ Лондонъ привело къ нѣкоторымъ практическимъ результатамъ.

Услыхавъ отъ своего адвоката что слѣдствіе по дѣлу о пропавшихъ деньгахъ на время пріостановлено, леди Лидіардъ отбала одно изъ тѣхъ смѣлыхъ предложеній, которыми она въ рѣшительныя минуты привыкла удивлять своихъ друзей.

Ей была известна необыкновенная ловкость французской полиціи, и теперь ей пришло въ голову, по совѣщаніи съ своимъ племянникомъ, мистеромъ Феликсомъ Свитсеромъ, послать въ Парижъ чтобы пригласить оттуда себя на помощь кого-нибудь изъ агентовъ парижской полиціи.

— Феликсъ знакомъ съ Парижемъ совершенно также какъ съ Лондономъ, замѣтила она. — Онъ свободенъ и по всей вѣроятности избавить насъ отъ всякихъ хлопотъ взявъ дѣло

въ свои руки. Во всякомъ случаѣ онъ навѣрно можетъ указать къ кому будетъ нужно обратиться въ нашемъ теперешнемъ положеніи. Что вы на это скажете?

Мистеръ Трой выразилъ сомнѣніе, благоразумно ли будетъ посвящать иностранца въ такое дѣло, которое требуетъ совершенно полнаго знакомства съ англійскими нравами и обычаями. Но кромѣ этого замѣчанія, онъ одобрилъ мысли леди Лидіардъ касательно совѣщанія съ ея племянникомъ.

— Мистеръ Свитсеръ свѣтскій человѣкъ, сказалъ онъ. — Объяснивъ ему дѣло мы можемъ быть увѣрены что онъ осмыслитъ его намъ съ новой точки зрѣнія.

Подъ впечатлѣніемъ этого разговора леди Лидіардъ написала письмо своему племяннику.

На другой день посвѣщенія миссъ Пинкъ всѣ трое собрались у леди Лидіардъ. Феликсъ, никогда не отличавшійся аккуратностью, явился на свиданіе опоздавъ по обыкновенію. Онъ извинился ложимая рукой лобъ, интонація его голоса выражала усталость и безпомощность страдающаго человѣка.

— Отвратительный англійскій климатъ, сказалъ мистеръ Свитсеръ. — Страшная тяжесть здѣшней атмосферы, послѣ живительнаго воздуха Парижа, невыносимая грязь и лондонская скука убійственно дѣйствуютъ на мои нервы. Ваше письмо застало меня еще въ постели, милая текушка. Вы не можете себѣ представить до какой степени я былъ пораженъ извѣстіемъ о покражѣ, я упалъ на подушки какъ убитый. Вамъ слѣдовало быть нѣсколько осторожнѣе, миледи, при сообщеніи подобныхъ непріятныхъ сюрпризовъ человѣку обладающему такимъ чувствительнымъ организмомъ. Впрочемъ не бѣда, мой камердинеръ настоящее сокровище, онъ тотчасъ же принесъ мнѣ успокоительныхъ капель на кусочкѣ сахара. Однѣхъ меня Альфредъ (его зовутъ Альфредомъ), сказалъ я ему — онъ одѣлъ меня; мнѣ это напомнило дѣтскіе годы, когда на меня натягивали лавтамончики — съ той поры я всегда одѣвался самъ. Не забылъ ли Альфредъ чего-нибудь? Надѣты ли подтяжки? Не выскочилъ ли я въ одномъ жилетѣ? Дорогая тетушка, мистеръ Трой, что я могу сказать? Что я могу сдѣлать?

Не показавъ никакого участія къ первымъ страданіямъ племянника, леди Лидіардъ кивкомъ головы предложила юристу объяснить дѣло.

— Вы расскажете ему, сказала она.

— Полагаю что я выражу желанія миледи, началъ мистеръ Трой,—если скажу что прежде всего мы желаемъ знать какъ вы смотрите на это дѣло?

— Расскажите мнѣ его снова, сказалъ Феликсъ.

Терпѣливый мистеръ Трой повторилъ съ начала до конца всю исторію.

— Чтò же? сказалъ Феликсъ.

— На кого, отвѣтилъ мистеръ Трой,—по вашему мнѣнію падаетъ подозрѣніе въ кражѣ? Вы можете смотрѣть на это дѣло трезвымъ взглядомъ.

— Мнѣ кажется что вы сію минуту упоминали о священникѣ, которому были посланы эти деньги. Какъ его имя?

— Преподобный Самуилъ Бредстокъ.

— Вамъ угодно чтобъ я назвалъ челоуѣка котораго я подозреваю?

— Да, отвѣтилъ мистеръ Трой.

— Я подозреваю преподобнаго Самуила Бредстока, сказалъ Феликсъ.

— Если вы пришли сюда говорить гаулыя шутки, прервала его леди Лидіардъ,—я совѣтую вамъ отправляться лучше назадъ въ вашу постель, намъ нужно слышать серьезное мнѣніе.

— Я его высказываю, спокойно отвѣтилъ Феликсъ;—во всю свою жизнь я никогда не говорилъ серьезно, вы, миледи, незнакомы съ пріемомъ употребляемымъ въ подобныхъ случаяхъ; надо держаться того что я назову системой исключеній. Итакъ, падаетъ ли подозрѣніе на вашихъ честныхъ слугъ? Нѣтъ. На вашу пріемную дочь, миледи? Обстоятельства дѣла говорятъ противъ бѣдной дѣвушки, но вы ее слишкомъ хорошо знаете. Подозрѣваете ли Мудди? Нѣтъ. Гардимана, который былъ въ то время въ домѣ? Смѣшно и подумать! Но и я былъ тогда тутъ же. Не меня ли можете вы подозревать? Эта мысль не менѣе смѣшна. Теперь пересчитаемъ: люди, воспитанница Мудди, Гардиманъ, Свитсеръ—всѣ подозрѣны. Кто же остается? Преподобный Самуилъ Бредстокъ.

Это ловкое изложеніе „системы исключеній“ не произвело никакого впечатлѣнія на леди Лидіардъ.

— Вы заставляете насъ терять время, замѣтила миледи

съ горечью. — Вы хорошо знаете сами что говорите вздоръ.

— Нисколько, отвѣтилъ Феликсъ, — но совѣсти разбирая всѣ возможныя джентльменскія профессіи, я не знаю никого кто былъ бы такъ жадеиъ къ деньгамъ и кто бы меньше стѣснялся въ способахъ ихъ приобрѣтенія какъ священники. Кто другой способенъ такъ наскучать съ этимъ вѣчнымъ клянчаніемъ денегъ, кто другой вамъ станетъ севать подъ носъ свой мѣшокъ для сбора, кто будетъ посылать своего клерка обивать пороги чтобы выпросить нѣсколько шиллинговъ подъ видомъ „пасхальной жертвы“? Все это дѣлаетъ священникъ. Бредстокъ священникъ, я ставлю вопросъ на логическую почву, сбейте меня если можете съ позиціи!

Мистеру Трой хотѣлось попытаться разубѣдить Феликса, и онъ уже началъ было говорить въ этомъ смыслѣ, но леди Лидіардъ благоразумно перебила его.

— Когда человѣкъ настойчиво желаетъ говорить глупости, замѣтила она, — тогда молчаніе самый лучший отвѣтъ; поддерживая разговоръ вы только поощряете его.

Обратясь къ Феликсу она продолжала: — Я желаю вамъ предложить вопросъ, но одно изъ двухъ, или вы отвѣтите серьезно или мы расстаемся.

Послѣ этого короткаго вступленія она потребовала мнѣнія о примѣнимости своего намѣренія касательно приглашенія агента французской полиціи. Феликсъ совершенно раздѣлялъ взглядъ мистера Трой на этотъ предметъ.

— Хотя французская полиція, сказала она, — превосходить англійскую въ развитіи, но зато далеко уступаетъ ей въ смѣлости. Французскіе агенты въ состояніи дѣлать чудеса у себя дома, между своими соотечественниками. Но, дорогая тетюшка, на земномъ шарѣ не существуетъ двухъ болѣе различныхъ народовъ, какъ Англичане и Французы. Агенты французской полиціи хотя и владѣютъ нашимъ языкомъ, но они совершенно неспособны понять духъ англійской жизни, ея нравы и обичаи. Пошлите ихъ въ Пекинъ работать по какому-нибудь секретному дѣлу, и по прошествіи нѣкотораго времени они вполнѣ поймутъ Китайцевъ, но отправьте ихъ по такому же дѣлу въ Лондонъ, и англійское общество останется для этихъ господъ постоянно неразгаданною загадкой. По моему одно лондон-

ское воскресенье способоно заставить каждаго Француза въ отчаяніи возвратиться въ Парижъ. Ни баловъ, ни театровъ, ни концертовъ, даже музеи и картинныя галлерей не открыты въ этотъ день, всѣ лавки заперты, кромѣ развѣ кабаковъ, на улицахъ никакого движенія, за исключеніемъ продавцовъ мороженаго, и въ воздухѣ слышится лишь звонъ церковныхъ колоколовъ. Сотни Французовъ навѣщаютъ меня по прїѣздѣ въ Англію. Каждый изъ нихъ убѣгаетъ въ Парижъ въ слѣдующую же субботу, не рѣшаясь оставаться въ Лондонѣ двухъ воскресеній сряду. Но попробовать вы все-таки можете. Дайте мнѣ письменное изложеніе этого дѣла, и я пошлю его къ одному изъ официальныхъ представителей Іерусалимской улицы, который чтобы сдѣлать мнѣ одолженіе употребитъ всѣ возможные усилія. Разумѣется,—прибавилъ Феликсъ, обращаясь къ мистеру Трой,—кто-нибудь изъ васъ имѣетъ нумеръ украденнаго билета? Если воръ спустилъ билетъ въ Парижъ, мой тамошній агентъ можетъ вамъ быть полезенъ.

— Трое изъ насъ имѣютъ нумеръ украденнаго билета, отвѣтилъ мистеръ Трой,—миссъ Изабела Миллеръ, мистеръ Мудда и я.

— Очень хорошо, сказалъ Феликсъ,—пришлите мнѣ его вмѣстѣ съ письменнымъ изложеніемъ дѣла. Могу я еще что-нибудь сдѣлать для отысканія пропавшихъ денегъ? прибавилъ онъ, обращаясь къ тетулкѣ.—Во всемъ этомъ дѣлѣ, продолжалъ Феликсъ,—есть по крайней мѣрѣ та хорошая сторона что деньги пропали у особы достаточно богатой, которой будетъ не особенно тяжело перенести эту потерю. Боже мой, что еслибъ эти деньги украли у меня?

— Я теряю вдвойнѣ, сказала леди Лидіардъ,—и во всякомъ случаѣ не довольно богата чтобы перенести это легко. Деньги были предназначены на одно благотворительное дѣло и я считала своею обязанностью уплатить ихъ вторично.

Феликсъ поднялся со стула и приблизился къ креслу леди кетвердою походкой, какъ подобало человѣку одержимому разными недугами. Онъ взялъ руку леди Лидіардъ и поцѣловалъ ее съ восторженнымъ благоговѣніемъ.

— Удивительное существо! проговорилъ онъ,—вы можете быть сами не сознаете этого, но вы меня примиряете съ человѣчествомъ! Какъ великодушна! Какъ благородна! Я думаю теперь можно отправиться въ постель, мистеръ Трой?

Если впрочемъ вамъ не нужно еще чего-нибудь отъ меня. Я чувствую какъ кружится моя голова, какъ дрожать мои ноги. Но это ничего, мнѣ станетъ легче когда Альфредъ меня раздѣветъ. Да благословить васъ Богъ, тетюшка, я никогда еще такъ не гордился редствомъ съ вами какъ сегодня. Прощайте, мистеръ Трой. Не забудьте же о запискѣ, не беспокойтесь провожать меня до дверей, я надѣюсь что не уладу дорогой, но еслибъ это даже и случилось, въ передней есть швейцаръ, который меня подниметъ. О, швейцаръ, какъ я тебя завидую, ты жиренъ какъ масло, и лѣнивъ какъ борозъ! До свиданія! до свиданія! и поспывая рукой поцѣлуи, онъ разслабленною походкой удалился изъ комнаты.

— Онъ дѣйствительно боленъ, какъ вы думаете? спросилъ мистеръ Трой.

— Моему племяннику за пятьдесятъ лѣтъ, отвѣчала леди Лидіардъ.—а онъ все еще хочетъ жить какъ будто бы былъ молодъ; отъ времени до времени природа говоритъ ему: Феликсъ, ты уже старъ! Тогда Феликсъ отправляется въ постель, приписывая все нервамъ.

— Полагаю, можно повѣрить что онъ сдержитъ слово и напишетъ въ Парижъ, продолжалъ мистеръ Трой.

— О, да! онъ можетъ-быть отаожить, но сдѣлаетъ навѣрно. Несмотря на его флегматическую манеру, на него находятъ минуты когда онъ удивляетъ своею энергіей. Такъ какъ мы уже начали говорить о всевозможныхъ сюрпризахъ, то я вамъ должна сказать вѣчто о Мудди. За послѣдніе два дня я замѣтила въ немъ значительную перемену и перемену къ худшему.

— Вы удивляете меня, миледи. Въ какую же сторону измѣнился Мудди?

— Вы сейчасъ услышите. Вчера была пятница. Вы взяли его съ собой рано утромъ по дѣламъ.

Мистеръ Трой молча поклонился. Онъ не считалъ удобнымъ говорить о свиданіи при которомъ старый Шаронъ выманилъ у него гинею.

— Въ теченіе дня, продолжала леди Лидіардъ, — мнѣ понадобилось его видѣть, и мнѣ доложили что. Мудди опять ушелъ со двора. Куда онъ уходилъ? Никто не зналъ. Сказалъ ли онъ когда вернется? Нѣтъ, ничего подобнаго онъ не говорилъ. Конечно онъ не находится въ положеніи

обыкновеннаго слуги, и я не требую чтобъ онъ просилъ позволенія отлучаться, но все-таки я требую чтобъ онъ по крайней мѣрѣ заявлялъ кому-нибудь изъ прислуги о времени своего возвращенія. Когда онъ спустя нѣскольکو часовъ вернулся домой, я, разумеется, потребовала у него объясненія. И можете ли вы повѣрить что онъ мнѣ отвѣтилъ? Онъ сказалъ что ходилъ по собственнымъ дѣламъ, не выражая ни малѣйшаго сожалѣнія и не представляя никакихъ объясненій. Словомъ, онъ держалъ себя какъ совершенно независимый джентльменъ. Вы не повѣрите, но я сдержала себя, я замѣтила ему только что надѣюсь, это не повторится въ другой разъ. Онъ поклонился и сказалъ: „Дѣла мои еще не кончены, миледи, и я не могу поручиться что они всякую минуту не заставятъ меня снова отлучиться“. Что вы объ этомъ думаете? Изъ десяти человѣкъ девять отказали бы ему отъ мѣста. И я начинаю думать что я необыкновенная женщина: я ограничилась лишь тѣмъ что указала ему дверь. Иногда слышишь что у людей неожиданно дѣлается разжиженіе мозга. Признаюсь вамъ, я боюсь за состояніе мозга Мудди.

Во все время этого монолога мысли мистера Трой бродили по улицамъ ведущимъ къ дому гдѣ жилъ Шарокъ. Остерегаясь чтобы какъ-нибудь не выдать леди Лидіардъ того что занимало его въ настоящую минуту, мистеръ Трой объявилъ что онъ слишкомъ удивленъ всѣмъ слышаннымъ и не въ состояніи высказать какое-нибудь мнѣніе.

— Подождите, сказала леди Лидіардъ, — я еще не достаточно удивила васъ. Вы, я думаю, видали здѣсь мальчика грума; это очень хорошій мальчикъ; онъ отпросился двѣи на семь къ себѣ домой ложить съ своими родными. Самый подходящій человѣкъ, которымъ слѣдовало бы его замѣнить на это время, снабдивъ его башмаками, салогами и другими мелкими принадлежностями, былъ, разумеется, самый младшій изъ лакеевъ, который всего года на два старше грума. Но какъ вы думаете поступилъ въ этомъ случаѣ Мудди? Онъ, для замѣщенія грума, пригласилъ въ домъ, который и безъ того уже набитъ достаточнымъ количествомъ безплоднаго народа, — совершенно посторонняго человѣка. Сегодня утромъ я усыхала въ людской какой-то необыкновенный шумъ. Возгласы и хохотъ достигали столовой. Положимъ я люблю чтобы прислужки

зающие мнѣ люди были веселы, но всему есть границы, сегодняшній же шумъ выходилъ изъ предѣловъ приличія. Я освѣдомилась о причинѣ такого веселья у моей горячливой и узнала что весь этотъ гамъ и хохотъ возбуждается своими шутками нанятой моимъ управляющимъ вмѣсто отлученнаго грума, какой-то пожилой человѣкъ, смѣшныя котораго, по ея словамъ, ничего нельзя себѣ вообразить. Я переговорила по этому поводу съ Мудди, и онъ записывая отвѣчалъ мнѣ что думалъ исполнить свою обязанность нанимая этого человѣка, но что во всякомъ случаѣ онъ предложитъ ему вести себя прилично. Я спросила его гдѣ онъ слышалъ объ этомъ человѣкѣ, онъ отвѣтилъ только: „совершенно случайно, миледи“, и больше я не могла добиться отъ него ни слова. Вамъ извѣстно что Мудди всегда нанимаетъ слугъ, но до этого времени онъ обыкновенно совѣтовался со мной если случалась надобность нанять кого-нибудь. Я право безюкоюсь относительно этого человѣка который былъ введенъ въ домъ такимъ страннымъ образомъ — можетъ-быть это какой-нибудь мошенникъ или лаяница; мнѣ бы хотѣлось чтобы вы сами, мистеръ Трой, переговорила съ Мудди. Не будете ли вы добры позвонить?

Мистеръ Трой разумѣется не замедлилъ исполнить желаніе миледи и позвонилъ.

Было бы излишнимъ говорить что онъ въ эту минуту припелъ къ убѣжденію что Мудди не только ходилъ на свой трахъ совѣтоваться къ старому Шарону, но даже возмнилъ непростятную дерзость ввести Шарона въ домъ въ качествѣ пліона. Сообщение объ этомъ леди Лидіардъ, при настоящемъ я расположеніи духа, повлекло бы за собой немедленное удаленіе управляющаго изъ ея дома. Другой выходъ изъ того положенія представлялся въ разговорѣ съ глаза на лазъ съ Мудди. Мистеръ Трой имѣлъ въ виду серьезно прекратить его за подобное поведеніе, потребовать немедленнаго удаленія Шарона и только подъ этимъ условіемъ огласился бы не доводить этого дѣла до свѣдѣнія леди Лидіардъ.

— Я полагаю бы, миледи, что дѣло съ Мудди можетъ строиться лучше еслибы вы позволили мнѣ переговорить съ нимъ наединѣ, обратился къ ней мистеръ Трой. — Не разрѣшите ли вы мнѣ сойти внизъ и переговорить съ нимъ въ его комнату?

— Зачѣмъ вамъ безпокоиться, отвѣчала леди Лидіардъ, — новидайтесь съ нимъ здѣсь, а я на это время уйду въ будуаръ.

Не успѣла она договорить, въ дверяхъ гостиной появилась лакей.

— Пошлите сюда Мудди, приказала ему леди Лидіардъ.

Отвѣтъ слуги въ данную минуту представлялъ особую важность, которая повидимому не заключалась въ сказанныхъ имъ словахъ:

— Миледи, мистера Мудди нѣтъ дома.

Г Л А В А XIII.

Въ то время какъ происходили переговоры леди Лидіардъ и мистера Трой по поводу страннаго поведенія управляющаго, Мудди сидѣлъ запершись въ своей комнатѣ и писалъ къ Изабелѣ. Не желая чтобы кто-нибудь видѣлъ кому было адресовано письмо, онъ самъ отнесъ его на почту; къ сожалѣнію выбранное имъ для этого время совпало со временемъ выбраннымъ леди Лидіардъ для разговора между нею и мистеромъ Трой: Десять минутъ спустя послѣ того какъ лакей объявилъ миледи о его отсутствіи, Мудди вернулся домой, но было уже поздно явиться въ гостиную. Между тѣмъ мистеръ Трой простился съ леди Лидіардъ, и акція Мудди еще болѣе упала въ глазахъ миледи.

Изабела получила письмо на другой день утромъ. Если нѣкоторые пункты подозрѣній мистера Трой требовали подтвержденія, форма письма Мудди совершенно оправдывала эти подозрѣнія.

„Дорогая Изабела (надѣюсь что я могу васъ называть такъ въ вашемъ теперешнемъ горестномъ положеніи), я имѣю сдѣлать вамъ нѣкоторое предложеніе, которое, примете вы его или нѣтъ, во всякомъ случаѣ должно остаться тайной для всѣхъ кромѣ васъ самихъ. Вы поймете мое желаніе когда я вамъ скажу что дѣло касается отысканія сѣдло пропавшаго билета. Я нахожусь въ сношеніяхъ съ нѣкоторымъ человекомъ, который, я полагаю, одинъ въ состояніи помочь намъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ уже сдѣлалъ совершенно секретно нѣсколько попытокъ къ открытію истины; нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ извѣстны, другихъ же онъ не открывалъ

мнѣ. Человѣкъ о которомъ я говорю, особенно желаетъ видѣться и переговорить съ вами въ моемъ присутствіи. Я васъ долженъ предупредить что онъ очень страшенъ, старъ и безобразенъ, но я надѣюсь что вы не обратите вниманія на его недостатки, ради той пользы которую онъ можетъ принести. Можете ли вы назначить намъ свиданіе въ концѣ той линіи коттеджей гдѣ живетъ ваша тетюшка, послѣ завтра въ четыре часа? Отвѣчайте мнѣ въ двухъ словахъ, принимаете ли вы это предложеніе, и удобно ли вамъ назначенное мною время. Остаюсь вашъ покорный слуга и другъ Робертъ Мудди.“

Предупрежденіе мистера Трой, чтобъ она не слишкомъ довѣрялась предложеніямъ со стороны Мудди, пришло на память Изабелы во время чтенія его письма. Будучи обязана молчаніемъ, она не могла прибѣгнуть къ совѣтамъ мистера Трой и должна была предоставить все собственному рѣшенію.

Прелатствія къ исполненію рѣшенія, каково бы оно ни было, не предвидѣлось. Послѣ ранняго обѣда въ три часа, миссъ Пикъ имѣла привычку удалиться въ свою комнату, для размысленія, какъ выражалась она. Размысленія эти обыкновенно принимали въ концѣ-концовъ одау и ту же форму продолжительнаго сна, длившагося обыкновенно нѣсколько часовъ. И въ этотъ промежутокъ времени Изабела была совершенно свободна и могла дѣлать все что ей угодно. Послѣ довольно продолжительнаго колебанія, ея безграничная вѣра въ преданность и правдивость Мудди, соединенная съ чувствомъ любопытства увидать его страннаго спутника, заставила Изабелу рѣшиться идти на условное свиданіе.

Отправившись на назначенное мѣсто въ услованный день и часъ, она думала что совершенно приготовилась перенести худшее изъ впечатлѣній какое могъ бы на нее произвести самый непріятный человѣкъ. Но при видѣ Шарона, грязнаго по обыкновенію, одѣтаго въ длинное потертое сѣрое пальто, съ молсомъ у его ногъ и закоптявою трубкой въ зубахъ, въ бѣлой высокой шляпѣ на головѣ, имѣвшей видъ какъ будто ее только-что вытащили изъ водосточной трубы, при взглядѣ на подлое выраженіе его умбающихся глазъ и его ухорскую походку, она была поражена изумленіемъ и едва могла отвѣтить Мудди на дружеское рукопожатіе; что же касается его спутника,

то у нея не хватало силъ взглянуть на него еще разъ. Она устремила свой взоръ на собаку которая во всякомъ случаѣ имѣла видъ болѣе благородный чѣмъ ея хозяйка. При такихъ обстоятельствахъ положеніе становилось весьма затруднительнымъ. Мудди, сконфуженный молчаніемъ Изабеллы, не зналъ какъ начать разговоръ. Онъ казалось размышлялъ какъ бы удобнѣе вернуться на станцію желѣзной дороги, откуда онъ только-что пришелъ. Но къ счастью возлѣ него находился человѣкъ который (хотя разъ въ жизни) оказался на своемъ мѣстѣ.

— Я не очень красивый старикъ, не правда ли, другъ мой? сказалъ онъ прищуривая на Изабеллу свои хитрые, полузакрытые глаза,—но Богъ дастъ вы скоро ко мнѣ привыкнете, а изъ той матеріи которая, какъ говорятъ, плохо моется, и все это отъ любви, казавсь жизнью! Еще въ самомъ началѣ минувшаго столѣтія, всѣ мои юношескія увлеченія были заморожены, и съ той поры я пересталъ обращать на себя вниманіе. Разочарованіе принимаетъ у людей разныя формы, и я думаю что за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ у меня даже не было желанія хоть разъ причесать себѣ волосы. О, мистеръ Мудди! Она была прелестная женщина! Но она швырнула меня, какъ горячую картофелину! Ужасно! Ужасно! Не будемъ продолжать этого грустнаго разговора. Ахъ, какая это милая деревушка! Какое здѣсь чудное голубое небо! Я такъ люблю деревню, миссъ, мнѣ такъ рѣдко удается бывать въ ней. Вы ничего не имѣете противъ прогулки въ поля? О, поля, поля! Они возрождаютъ всю поэзію моей души! А гдѣ собака? Погги, сюда, сюда! Порыскай и поищи себѣ травы, это знаете принесетъ пользу его желудку, посять лондонской мясной діэты. Боже мой, какъ укрѣпляются мои силы на этомъ благодатномъ воздухѣ! Не правда ли, что даже цвѣтъ моего лица становится свѣжѣе, миссъ? Не хотите ли пробѣжаться со мной, мистеръ Мудди, или можетъ-быть вы предоставите мнѣ свою спину для чехарды? Не бойтесь, я не ломѣшался, моя дорогая, я только веселъ. Видите ли я постоянно дышу испорченнымъ воздухомъ Лондона, и на меня съ непривычки слишкомъ сильно дѣйствуетъ запахъ травы и полевыхъ цвѣтовъ. Дѣйствительно онъ мнѣ бросается немощко въ голову и ослѣпляетъ меня. Я люблю

отъ свѣжаго воздуха. Ахъ, какой чудный день! Боже, какъ-
кимъ я чувствую себя молодымъ и невзвѣннымъ!

И онъ началъ напѣвать:

Мнѣ хотѣлось бы быть маленькой мухой
Чтобъ отдохнуть на груди моей милыи.

— Ага, вотъ мы пришли на славную, мягкую травку. Боже мой, что я вижу? Никакъ этотъ холмъкъ спускается уступомъ въ ту лощину; нѣтъ, я не могу удержаться, мистеръ Мудди, подержите мою шляпу и берегите ее лучше зеницы ока. Ну, попробуемъ. Съ этими словами онъ передалъ удивленному Мудди свою ужасную шляпу; взобравшись на холмъ онъ растянулся во весь ростъ и покатился кубаремъ подъ гору. Поламъ его длиннаго сѣраго пальто развѣвались по вѣтру, собака бросилась за нимъ, съ веселымъ лаемъ перескакивая черезъ него. Шаронъ взвизгивалъ и восклицалъ, онъ катился кверху все быстрѣй и быстрѣй; докатившись до ровнаго мѣста, онъ вскочилъ на ноги и весело закричалъ стоявшимъ наверху спутникамъ:

— Я чувствую какъ двадцать лѣтъ свалилось съ моихъ плечъ!

Человѣческая серьезность не могла долѣе выдержать. Молчаливый и грустный Мудди улыбнулся, а Изабела покати-
лась отъ смѣха.

— Ну вотъ, оказалъ онъ,—не говорилъ ли я что вы ко мнѣ привыкнете; не правда ли въ старикѣ еще есть сила? Мистеръ Мудди, бросьте мнѣ мою шляпу и теперь за дѣло. Дѣло Погги! крикнулъ онъ рѣзкимъ голосомъ обращаясь къ собакѣ, и Погги немедленно замолчалъ.

— Ну-съ теперь, оказалъ Шаронъ присоединившись къ своимъ спутникамъ,—будемъ говорить о васъ, миссъ. Говорилъ ли вамъ мистеръ Мудди кто я такой и что мнѣ отъ васъ нужно? Очень хорошо, смѣю ли предложить вамъ мою руку? Нѣтъ? Вы предпочитаете независимость, не правда ли? Все равно, какъ вамъ угодно, я очень любезный старикъ; ну-съ теперь насчетъ леди Лидіардъ, вы мнѣ расскажете, напримѣръ, какъ вы съ нею познакомились.

Хотя немного удивленная этимъ вопросомъ, Изабела тѣмъ не менѣе рассказала свою маленькую исторію. Наблюдая за выраженіемъ лица Шарона, Мудди замѣтилъ что тотъ не обращаетъ ровно никакого вниманія на то что ему разка-

зываютъ. Взоры его черныхъ, острыхъ, бевстыдныхъ глазъ разсѣянно бродили по лицу молодой дѣвушки, его толстыя губы складывались въ сардоническую и самодовольную улыбку; было очевидно что онъ готовилъ ей западню. Западня эта обнаружилась безъ всякаго съ его стороны предупреденія; какъ разъ въ срединѣ разказа Изабелы Шаронъ открылъ ротъ и произнесъ:

— Я говорю какимъ образомъ вы запечатала письмо миледи?

Вопросъ этотъ не имѣлъ ни малѣйшей связи съ тѣмъ что въ эту минуту разказывала Изабела. Не ожидая вопроса, она вздрогнула и обратила на Шарона удивленный взглядъ. Старый мегодай захихикалъ.

— Замѣтили вы? шелгулъ онъ на ухо Мудди.—Извините, миссъ, продолжалъ онъ,—я не буду прерывать васъ больше. Боже мой, какъ это интересно! Не правда ли, мистеръ Мудди? Пожалуйста продолжайте.

Но Изабела хотя и вѣжливо, но отказалась продолжать.

— Лучше я разкажу вамъ, сэръ, какимъ образомъ мнѣ удалось запечатать письмо миледи, и какъ мнѣ кажется, если я не ошибаюсь, это единственная сторона моей исторіи которая привела васъ сюда сегодня на свиданіе со мной.

Безъ дальнѣйшаго вступленія, она прямо разказала всѣ обстоятельства которыя заставили ее взять на себя гибельную отвѣтственность запечатать письмо. Стало замѣтно что вниманіе Шарона опять разсѣивается; было ясно что онъ готовилъ ей новую западню. Во второй разъ онъ прервалъ Изабелу въ срединѣ ея разказа. Внезапно остановившись онъ указалъ на барана проходившаго по полю, куда они шли.

— Вотъ прекрасный видъ, сказалъ онъ,—посмотрите на этихъ баратковъ жующихъ траву и слѣдующихъ по обыкновенію одинъ за другимъ; а тамъ у забора видите ли вы хитрую собаку, которая ждетъ когда баранъ потребуетъ ея услугъ. Это мнѣ напоминаетъ публику и стараго Шарона.

Онъ захихикалъ отъ найденнаго имъ удачнаго сравненія публики съ баранами и себя съ собакой, и вдругъ совершенно неожиданно предложилъ слѣдующій вопросъ:

— Послушайте, а не прочитали вы письма, прежде нежели запечатали его?

— Конечно нѣтъ! отвѣчала Изабела.

— Даже и адреса не читали? Нѣтъ, потому что думали въ это время о чемъ-нибудь другомъ?

— Очень можетъ быть, отвѣчала Изабела.

— Не о новой ли шляпкѣ думали вы, моя дорогая?

Изабела засмѣялась.

— Женщины не всегда думаютъ только о новыхъ шляпкахъ, сказала она.

Повидимому Шаронъ прекратилъ на этомъ свои вопросы. Онъ протянулъ свой худой коричневый палецъ и снова указалъ въ этотъ разъ на домъ находившійся въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи.

— Навѣрно это ферма, сказалъ онъ.—Послѣ моего катанья съ горы, мнѣ ужасно хочется ѣсть; какъ вы думаете, миссъ, не дадутъ ли мнѣ тамъ молока?

— Я увѣрена что не откажутъ, отвѣчала Изабела,—я знаю живущихъ на фермѣ. Хотите я пойду и попрошу у нихъ?

— Благодарю васъ, моя дорогая. Только одно слово, прежде нежели вы уйдете, все на счетъ залечиванія этого письма, скажите о чемъ вы думали когда вы печатали его? — Онъ посмотрѣлъ на нее строго и вдругъ взялъ ее за руку.—Не думали ли вы о нашемъ возлюбленномъ? теплотомъ сиропилъ онъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ Изабелѣ что во время печатанія письма она думала о Гардеманѣ. Она покраснѣла при этомъ воспоминаніи. Робертъ, замѣтя ея затруднительное положеніе, сурово сказалъ Шарону:

— Вы не имѣете права предлагать подобныхъ вопросовъ молодой дѣвушкѣ, будьте впередъ осторожны.

— Бога ради не будьте ко мнѣ слишкомъ строги, взмолился старый лаути.—Такой старый уродъ какъ я можетъ позволить себѣ отъ времени до времени невнятную шутку. Такъ ли, миссъ? Я убѣжденъ что у васъ слишкомъ доброе сердце чтобы сердиться на человека который не хотѣлъ васъ обидѣть. Покажите мнѣ что вы не сердитесь, и ступайте какъ прощающій ангелъ за молокомъ.

Обращеніе къ доброму сердцу Изабелы никогда не бывало напрасно.

— Я съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу, сказала она и торопливо направилась къ фермѣ.

ГЛАВА XIV.

Едва Изабела отошла на такое разстояніе что не могла ихъ слышать, старый Шаронъ ударилъ Мудди по плечу.

— Теперь когда я ее устранилъ, выслушайте меня. Я покончилъ съ этимъ маленькимъ ангеломъ, теперь хочу возвратиться въ Лондонъ.

Мудди посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Боже мой, какъ вы мало знаете плутовъ, воскликнулъ старый Шаронъ;—другъ мой, я испытывалъ ее двумя способами. Если вамъ были нужны доказательства ея невиновности, то они также ясны какъ то что носъ у васъ на лицѣ. Слышали вы, какъ я спросилъ ее какимъ образомъ случилось что она залечатала письмо, и спросилъ именно въ тотъ моментъ когда она думала совершенно о другомъ?

— Я слышалъ это, сказалъ Мудди.

— Замѣтили вы какъ она вздрогнула и какъ посмотрѣла на меня?

— Да, замѣтилъ.

— Все что я могу вамъ сказать еслибъ она украала деньги, она и не вздрогнула бы, и не посмотрѣла бы такимъ образомъ. У нея былъ бы уже приготовленъ отвѣтъ. Я по опыту знаю что если воръ женщина, то вы никогда не можете застичъ ее врасплохъ; запишите это замѣчаніе, можетъ-быть оно вамъ когда-нибудь пригодится. Замѣтили вы какъ она покраснѣла и оскорбилась когда я упоминалъ о ея возлюбленномъ? Какъ вы думаете, могъ ли бы воръ имѣть такое выраженіе лица? Напротивъ, еслибъ она была виновна, она бы обрадовалась что я могу отвести ея смущеніе къ вопросу о возлюбленномъ. Воръ бы подумалъ: прекрасно, чѣмъ дольше этотъ старикъ справляется о любовникѣ, тѣмъ дальше онъ отъ истины. Такъ-то почва расчищается все больше и больше, другъ мой Мудди! Я перебралъ всѣхъ слугъ, я допросилъ миссъ Изабелу, я навелъ справки вездѣ гдѣ только считалъ полезнымъ, и что же выходитъ? Тотъ совѣтъ который я далъ вамъ съ юристомъ (котораго я, кстати сказать, ненавижу), когда вы оба пришли ко мнѣ, остается во всей своей силѣ. Я запримѣтилъ вора, проговорилъ

старый Шаронъ, и закрылъ, потомъ вдругъ быстро открылъ свои хитрые глаза. — Я вижу его также ясно какъ вижу васъ въ эту минуту. Ни слова больше объ этомъ, продолжалъ онъ, зорко припоминаясь къ тропинкѣ, которая вела на ферму. — Я имѣю сказать ничто особенное — и у меня на это хватитъ времени, до возвращенія этой милой дѣвушки. Послушайте: знакомы вы съ камердинеромъ досточтимого мистера Гардимана?

Взглядъ Мудди остановился на Шаронѣ, выражая недоумѣніе.

— Камердинеръ Гардимана, проговорилъ Мудди, — я совершенно не ожидалъ что вы произведете это имя.

Старый Шаронъ въ свою очередь посмотрѣлъ на Мудди взглядомъ торжествующаго демона.

— Ага! сказалъ онъ, — ужель мои уроки пошли въ прокъ и вы уже начинаете различать вора сквозь мои очки?

— Мнѣ казалось что я начиналъ догадываться, когда мы заглянули вамъ гнѣю на совѣтъ въ вашей квартирѣ.

— Шепните же мнѣ его имя, сказалъ Шаронъ.

— Не теперь, я боюсь еще ошибиться, я надежду пока болѣе очевидныя доказательства не подтвердятъ что вы правы.

Старый Шаронъ сдвинулъ свои густыя брови и покачалъ головой.

— Еслибы у васъ было немножко больше смѣлости, вы были бы ловкій человекъ, сказалъ онъ. — А теперь... и вмѣсто окончанія фразы, онъ защелкалъ пальцами и презрительно ухмылялся. — Но къ дѣлу. Вы возвращаетесь въ Лондонъ на одномъ поѣздѣ со мной? или останетесь здѣсь съ молодымъ особой?

— Нѣтъ, я поѣду.... послѣ васъ.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ вамъ дать немедленныя наставленія, сказалъ Шаронъ. — Познакомьтесь лучше съ камердинеромъ Гардимана. Дайте ему денегъ, если онъ ему нуженъ, не пренебрегайте ничѣмъ чтобы стать и намъ въ близкія сношенія. Я не могу взяться за это — меня выдаетъ моя наружность. Вы можете сдѣлать это, у васъ такой респектабельный видъ съ головы до пятки. Васъ никто не заподозритъ. Не возражайте. Можете вы поладить съ камердинеромъ? Да или нѣтъ?

— Я постараюсь, сказалъ Мудди, — затѣмъ что?

Старый Шаронъ приблизилъ свои толстыя губы къ уху Мудди.

— Вашъ другъ скажетъ вамъ кто банкиръ его господина и онъ одинъ будетъ въ состояннѣ снабдить васъ обрашникомъ дочерка своего господина.

Мудди отскочилъ такъ внезапно какъ есаибъ его себе-свадикъ приставилъ ему ножъ къ горлу.

— Старый негодяй! воскликнулъ онъ,—вы кажется хотите чтобы я едѣлаалъ подлогомъ?

— Вы несчастный гаулець, отвѣтилъ Шаронъ,—замолчите ли и дадите ли мнѣ кончить?... Вы должни отправиться къ банкиру мистера Гардимана съ запиской писанною какъ будто его рукой; письмо это будетъ написано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мистеръ Гардиманъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе такому-то, и не будучи увѣренъ былъ ли за послѣднюю недѣлю произведемъ платежъ въ 500 фунтовъ за его счетъ, покориѣше просить уведомить поступила ли такая сумма и кѣмъ она была внесена.“ Вы получите отвѣтъ банкира и сообщите его мнѣ. Очень можетъ быть что има которое вы боитесь произвести шепотомъ будетъ красоваться въ письмѣ. Если такъ случится, то воръ у васъ въ рукахъ. Развѣ это вы называете подлогомъ, мой неразумный мистеръ Мудди? Вотъ что я вамъ скажу: Есаибъ, доживъ до вашихъ лѣтъ, я зналъ людей также мало какъ вы, я бы повѣсился. Ты... вотъ наша прекрасная молодая особа и съ молокомъ. Не забудьте моихъ наставленій и не падайте духомъ, если изъ моего мала ничего не выйдетъ; въ такомъ случаѣ я буду знать какъ дѣйствовать дальше; скажу вамъ больше: всю эту исторію я беру на свой рискъ и страхъ. О Боже мой! Неужели мнѣ придется пить это молоко?

Онъ подошелъ къ Изабелѣ чтобы избавить ее отъ кувшина.

— Вотъ такъ праздникъ! воскликнулъ онъ искусно надѣвая маску поддѣльнаго удовольствія;—я вижу милую, добрую дѣвушку, которая хочетъ напоить старика изъ собственныхъ хорошенькихъ ручекъ.

Онъ замолчалъ и взглянулъ на молоко такими глазами какъ есаибъ предъ нимъ была микстура.

— Не хотите ли кто попробовать прежде? спросилъ онъ предлагая кувшинъ Изабелѣ и Мудди.—Вотъ видите, я въ сущности не привыкъ къ настоящему молоку, я пью обыкновенно смѣсь изъ мѣла и воды, я не знаю какого рода вліяніе добродѣтельная корова произведетъ на мой желудокъ.

Онъ попробовалъ молоко съ самыми большими предосторожностями.

— Клянусь душой это слишкомъ жирно для меня. Съ вашего позволенія я разбавлю молоко нѣсколькими каплями джина. Эй! Погги, сюда!

Онъ поставилъ молоко предъ собой, и вытащивъ изъ кармана фляжку опорожнилъ ее однимъ духомъ.

— Это по мнѣ! примолвилъ онъ облизывая губы съ видомъ безконечнаго наслажденія.—Мнѣ, правда, стыдно, миссъ, что я такъ много надѣлалъ вамъ хлопотъ и все напрасно. Но виновать не я, а мое невѣжество, я право не зналъ, пока не попробовалъ что я недостоинъ пить настоящее молоко, и знаете ли что, прибавилъ онъ, посматривая на станцію желѣзной дороги:—начинаю думать что мнѣ не къ лицу даже дышать такъ долго свѣжимъ воздухомъ, и мою начинаетъ овладѣвать какое-то неодолимое желаніе снова вдохнуть въ себя вонючій воздухъ Лондона, и я уже начинаю чувствовать тоску по моей милой родной грязи! Здѣшній воздухъ слишкомъ для меня прозраченъ и небо слишкомъ чисто и потомъ сказать по правдѣ, когда привыкнешь къ шуму экипажей, омнибусовъ и каретъ, тишина этихъ мѣстъ для меня ужасна. Свидѣтельствую вамъ мое почтеніе, миссъ, я возвращаюсь въ Лондонъ.

Изабела обратилась къ Мудди съ выраженіемъ отчаянія.

— Это все что онъ могъ сказать намъ. Вы говорили что онъ можетъ найти настоящаго вора?

Шаронъ услышалъ ее.

— Я дѣйствительно могу вамъ назвать его также легко какъ въ состояніи назвать васъ.

— Такъ отчего же вы этого не дѣлаете? спросила его нетерпѣливо Изабела.

— Потому что время еще не пришло для этого, это первая причина; потому что, еслибы я при настоящемъ положеніи дѣла назвалъ вора, вы, миссъ, сочли бы меня за сумашедшаго и сказали бы мистеру Мудди что я напрасно взялъ съ него деньги, это вторая причина. Дѣло въ ходу, имѣйте терпѣніе подождать еще немножко.

— Еслибы вы дѣйствительно могли назвать вора, возразила Изабела,—вы это одѣлали бы теперь же.

Она отвернулась, нахмуривъ свое хорошенькое личико. Старый Шаронъ последовалъ за ней. Даже на его притупленные чувства красота и молодость оказали свое вліяніе.

— Послушайте, мы должны разстаться друзьями, а то у меня разорвется сердце, сказалъ онъ.—У насъ есть на фермѣ молоко, это я знаю, а есть ли тамъ бумага, перо и чернила?

Изабела отвѣчала не поворачиваясь:

— Разумѣется есть.

— И сургучъ есть также?

— Вѣроятно.

Старый Шаронъ положилъ ей на плечи свои грязныя, костлявыя руки, такъ какъ это былъ единственный способъ заставить ее повернуться, чтобы освободиться отъ этихъ рукъ.

— Пойдемте, сказалъ онъ,—я успокою васъ нѣсколькими строками на бумагѣ.

— Затѣмъ вамъ нужно чтобъ это было написано? недо-вѣрчиво сказала Изабела.

— Потому что я хочу поставить нѣсколько условій, прежде нежели посвящу васъ въ тайну.

Черезъ десять минутъ они были уже на фермѣ. Тамъ никого не было дома кромѣ жены фермера, которая при взглядѣ на Шарона задрожала отъ страха. Во всю свою безмятежную жизнь, она никогда не подозрѣвала чтобъ человѣческій образъ могъ предстать предъ ней въ подобномъ видѣ. „Боже, спаси насъ, прошептала она. Изабела, какъ это могло случиться что вы въ обществѣ такого господина?“

По просьбѣ Изабелы она принесла письменныя принадлежности и затѣмъ скользнула въ дверь.

— Извините меня, миссъ Изабела, примолвила она, бросая взглядъ ужаса на своего страшнаго гостя,—я не могу оставаться вмѣстѣ съ этимъ комкомъ грязи, да еще въ моей чистой гостиной.

Съ этими словами она исчезла и болѣе ее уже не видѣли.

Оставаясь совершенно равнодушнымъ къ оказанному ему приему, Шаронъ сталъ писать; написавъ вложилъ бумагу въ конвертъ и залечатаал за неимѣніемъ чего-нибудь лучшаго мундштукомъ своей трубки.

— Теперь, миссъ, сказалъ онъ,—дайте мнѣ честное слово—онъ остановился и съ улыбкой посмотрѣлъ на Мудди,—и вы также дайте мнѣ ваше, что ни одинъ изъ васъ, до истеченіи недѣли, считая съ сегодняшняго дня, не вскроетъ этого пакета. Вотъ условія, миссъ Изабела, на которыхъ я вамъ

сообщу желаемыя вами свѣдѣнія. Не спорьте, иначе, вы видите, на столѣ горитъ свѣча, и я сожгу письмо.

Было бесполезно возражать ему, Изабела и Мудди дали обѣщаніе которое онъ отъ нихъ требовалъ. Онъ съ низкими поклономъ передалъ Изабелѣ пакетъ и промолвилъ:

— Черезъ недѣлю вы убѣдитесь что старый Шаронъ гораздо умнѣе чѣмъ вы его находите теперь. Добрый вечеръ, миссъ. Погги! Погги! Прощай отвратительная чистота деревни и да здравствуетъ милая лондонская грязь и вонь!

Онъ кивнулъ Мудди, сдѣлалъ глазки Изабелѣ и щелкнувъ языкомъ удалился съ фермы.

ГЛАВА XV.

Изабела, опутивъ глаза на письмо, молча его разглядывала; затѣмъ, обратившись къ Мудди, сказала:

— Мнѣ уже и теперь хочется его распечатать.

— Какъ, послѣ того что вы обѣщались этого не дѣлать? возразилъ тихо Мудди, но Изабела взглянула на это возраженіе съ логикой женщины:

— Развѣ обѣщаніе что-нибудь значитъ когда его даютъ такому грязному и скверному лауту какъ старый Шаронъ? Меня даже удивляетъ какъ вы можете довѣряться такой твари.

— Я ему также не довѣрялъ какъ вы, когда я впервые увидѣлъ его будучи вмѣстѣ съ мистеромъ Трой. Но въ свѣтѣ который онъ далъ намъ при этомъ первомъ свиданіи, было нѣчто такое что заставило меня перемѣнить о немъ мнѣніе. Мнѣ не нравится его наружность и его манеры, какъ и вамъ, скажу больше: мнѣ даже стыдно показывать вамъ такого господина, и все-таки я не могу сказать что поступилъ не благоразумно прибѣгнувъ къ его помощи.

Изабела слушала его разсѣянно; ей хотѣлось еще что-то сказать, и она обдумывала въ какой формѣ выразить это.

— Могу ли я вамъ сдѣлать вопросъ довольно смѣлый? начала она.

— Какой вамъ будетъ угодно?

— Вы.... запнулась она и казалось была въ затрудненіи

продолжать, но вдругъ рѣшившись проговорилъ:—Вы много заладили Шарону?

Вмѣсто отвѣта, Мудди замѣтилъ что уже пора возвращаться на дачу миссъ Пикъ.

— Ваша тетюшка можетъ быть безлокоится о васъ, сказалъ онъ.

Изабела молча вышла изъ дома. Мудди послѣдовалъ за ней.

Проходя полемъ, они все-таки опять заговорили о Шаронѣ и о деньгахъ.

— Я увѣрена что вы не обидитесь если я вамъ откровенно признаюсь что меня очень безлокоить этотъ расходъ. Я разрешаю вамъ располагать вашимъ кошелекомъ, какъ моимъ собственнымъ, но я должна вамъ сказать что у меня почти ровно ничего нѣтъ.

Мудди сталъ умолять ее не говорить объ этомъ.

— Могу ли я лучше распорядиться деньгами какъ трата ихъ для вашей пользы? спросилъ онъ. Единственная цѣль моей жизни состоитъ въ облегченіи вамъ тяжести настоящаго положенія. Я буду счастливѣйшій человекъ если вы хотя одною минутой счастья будете обязаны моей о васъ заботливости.

Изабела взяла его руку и взглянула на него со слезами благодарности.

— Какъ вы добры ко мнѣ, мистеръ Мудди, сказала она.— Мнѣ хотѣлось бы чѣмъ-нибудь доказать вамъ, какъ глубоко чувствую я всю вашу доброту.

— Вы это легко можете сдѣлать, отвѣтилъ онъ съ улыбкой,—зовите меня Робертомъ, а не мистеромъ Мудди.

Она схватила его за руку съ такою откровенною довѣрчивостью которая восхитила его.

— Еслибы вы были моимъ братомъ, я бы называла васъ Робертомъ, и разумѣется никакой братъ не могъ бы быть предавнѣ васъ.

Онъ трепетно посмотрѣлъ ей въ лицо и проговорилъ застѣнчиво:

— Могу ли я надѣяться стать вамъ когда-нибудь ближе и дороже брата?

Она опустила голову и не отвѣчала ничего. Мудди вспоминался вопросъ Шарона касательно „возлюбленнаго“—она покраснѣла когда онъ спросилъ ее объ этомъ; но что съ нею случилось когда Мудди предложилъ ей своей вопросъ? Ея лицо отвѣтило за нее, она стала блѣднѣе и серьезнѣе обыкновен-

наго, и хотя онъ и не былъ знатокомъ женщинъ, внутреннее чувство подсказало ему что это дурной признакъ.

— Я надѣюсь что не оскорбилъ васъ? сказалъ онъ съ грустью.

— О, нѣтъ.

— Лучше бы я не начиналъ этого разговора, мнѣ не хотѣлось бы чтобы вы могли подумать, что я стараюсь быть вамъ полезнымъ изъ эгоистическихъ цѣлей.

— Я не думаю этого, Робертъ, я никогда не могла бы ожидать отъ васъ чего-нибудь подобнаго.

Но онъ все-таки не былъ удовлетворенъ.

— Еслибы вы даже вышли замужъ за другаго, продолжалъ онъ,—это не измѣнило бы характера моихъ къ вамъ отношеній; какъ бы я ни страдалъ, я бы все-таки старался быть вамъ полезнымъ.

— Зачѣмъ вы говорите такъ? вдругъ вспыхнула она:—ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не имѣетъ больше васъ права на мое уваженіе и благодарность. Какъ можете вы допускать такія мысли? У меня нѣтъ тайнъ и нѣтъ друзей которыхъ бы вы не знали. Удовольствуйтесь этимъ, Робертъ, и оставимъ этотъ разговоръ.

— Чтобы никогда больше не начинать его? снова спросилъ онъ съ настойчивостью человѣка хватающагося за послѣднюю надежду.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ Изабела отвѣтила бы ему быть-можетъ не такъ спокойно.

— Не теперь, сказала она.—Я сама еще не знаю своего сердца. Дайте мнѣ время обдумать.

Робертъ ухватился за эти слова какъ утопающій хватается за соломинку. Онъ взялъ ея руку и вѣжно прижалъ къ своимъ губамъ; она не показала неудовольствія, можетъ-быть она жалѣла въ эту минуту этого бѣднаго безумца—не больше. Они продолжали идти молча рука въ руку. Пройдя послѣднее поле они вышли на дорогу, которая вела къ аллеѣ гдѣ шла миссъ Пинкъ. Головы обоихъ были заняты мыслями, ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ всадника ѣхавшаго къ нимъ на встрѣчу въ сопровожденіи гroma. Всадникъ приближался тихо, и только подѣхавъ близко замѣтилъ путешественниковъ.

— Миссъ Изабела! окликнулъ онъ.

Она вздрогнула, оглянулась и узнала Альфреда Гардімана.

Онъ былъ одѣтъ въ прекрасный свѣтло-коричневый костюмъ, на головѣ у него была высокая луховая шапка того же цвѣта, немного темнѣе, которая очень шла къ его наружности. Черты его лица, обыкновенно неподвижны, оживились отъ удовольствія при встрѣчѣ съ дѣвушкой. Онъ остановилъ лошадь—превосходнаго гунтера, легкаго и граціознаго. Его руки были ловко обтянуты въ желтыя перчатки. Послушный слуга, тоже на великолѣпномъ конѣ, ожидалъ его приказаній. Мистеръ Гардиманъ казался воплощеніемъ благородства происхожденія и благовоспитанности, богатства и благоденствія. Какой контрастъ въ глазахъ женщины онъ долженъ былъ представлять собою съ этимъ застѣнчивымъ, блѣднымъ и грустнымъ человѣкомъ въ дурно сидѣвшемъ платьѣ, съ неувереннымъ и блуждающимъ взглядомъ, стоявшимъ ниже его въ общественномъ положеніи и сознающимъ это! Невольный румянецъ покрывалъ щеки Изабелы, ее стѣснвало присутствіе Мудди, устремленный на нее его пылливый взоръ.

— Вотъ счастливый случай, на который я не могъ рассчитывать, проговорилъ мистеръ Гардиманъ съ своею холодною сухою и спокойною манерой оживившись въ присутствіи Изабелы.—Я только сегодня вернусь изъ Франціи и отправился къ леди Лидіардъ, въ надеждѣ встрѣтить васъ тамъ. Ее не было дома, мнѣ сказали что вы въ деревнѣ, и люди не знали вашего адреса. Я ничего не могъ отъ нихъ добиться кромѣ того что вы отправились гостить къ какой-то родственницѣ.

Во время этого разговора онъ поглядывалъ на Мудди.

— Скажите не видалъ ли я васъ гдѣ-нибудь прежде? небрежно спросилъ онъ.

— Да, у леди Лидіардъ.

— Вы ея управляющій, не правда ли? Какъ поживаете?

Мудди съ глазами опущенными въ землю отвѣчалъ ему молчаливымъ поклономъ. Мистеръ Гардиманъ совершенно равнодушный къ тому отвѣтилъ ли ему управляющій леди Лидіардъ или нѣтъ, повернулся на сѣдлѣ и съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на Изабелу.

— Я готовъ думать что счастье начинается улыбаться мнѣ. Я направлялся къ себѣ домой потерявъ уже всякую надежду видѣть миссъ Изабелу, какъ вдругъ сама миссъ Изабела встрѣчаетъ меня на дорогѣ. Хотѣлось бы мнѣ

„также ли довольны вы видѣть меня какъ я радъ васъ. Вы живете въ нашемъ сосѣдствѣ?“

абелѣ ничего не оставалось какъ отвѣчать на этотъ видный вопросъ. Гардиманъ встрѣтилъ ее на прогулкѣ умѣется уже наводить справки, хотя былъ достаточно благовоспитанъ чтобы сказать ей объ этомъ.

Да, сэръ, отвѣчала она застенчиво, — я живу здѣсь по-прежнему.

А кто же ваша родственница? продолжалъ Гардиманъ въ естественномъ тономъ. — Леди Лидардъ говорила, а я имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ у нея въ домѣ, у васъ есть тетушка которая живетъ въ деревнѣ; у хорошаго ламата относительно всего что касается васъ, тѣ Изабела, это ваша тетушка, не правда ли? Я знаю тѣ живущихъ въ этихъ мѣстахъ. Какъ фамилія вашей тетки?

Изабела, продолжая держать Роберта за руку, почувствовала какъ при послѣднемъ вопросѣ мистера Гардимана рука дрожала. Еслибъ она вела этотъ разговоръ съ кѣмъ-нибудь равнымъ себѣ, она бы знала какъ устроить такъ чтобы не отвѣчать прямо на вопросъ, но что могла сказать у великолѣпному джентльмену, на великолѣпномъ статскомъ конѣ? Ему стоило только послать одного изъ своихъ слугъ чтобы узнать съ кѣмъ живетъ эта молодая особа, и жина ртовъ послѣдшіи бы удовлетворить его любопытство. Она бросила умоляющій взглядъ на Мудди и произнесла знаменитое имя миссъ Пивкъ.

Миссъ Пивкъ? повторилъ Гардиманъ. — Да вѣдь я ее знаю (на самомъ же дѣлѣ онъ не имѣлъ о ней ни малѣйшаго понятія). Гдѣ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ? Онъ началъ припоминать разные сельскіе праздники на которыхъ ему были представлены мѣстные обыватели. — Было ли на праздникъ Колейщиковъ? или въ начальной школѣ когда раздавались награды? Нѣтъ. Ну такъ на цвѣточнѣйшей выставкѣ? не правда ли?

Гардиманъ дѣйствительно видѣлъ миссъ Пивкъ на выставкѣ цвѣтовъ, и Изабела слышала объ этомъ отъ своей тетки по крайней мѣрѣ пятьдесятъ разъ и теперь должна была въ этомъ сознаться.

Мнѣ просто стыдно что я до сихъ поръ еще не былъ знакомъ у вашей тетушки, продолжалъ Гардиманъ, — но

говоря правду, у меня столько дѣла, и вообще я не охоты визитовъ. Вы идете домой? Позвольте мнѣ проводить и лично извиниться предъ миссъ Пикъ.

Мудди взглянулъ на Изабелу; она поняла его.

— Я боюсь, сэръ, что тетушка не будетъ въ состоянiи принять васъ сегодня, сказала она.

Мистеръ Гардиманъ не настаивалъ, онъ умѣла потренировать своего коня.

— Въ такомъ случаѣ до завтра, сказалъ онъ, — и послѣ полудня.

— Позвольте, миссъ Пикъ живетъ въ....?

Онъ остановился, какъ будто ожидая что Изабела разъ поможетъ его нестерпимой памяти. Изабела своимъ движениемъ. Гарди сдѣлалъ движенiе чтобъ обратиться къ Груму разумеется узналъ бы адресъ, если онъ его не зналъ и безъ того. Кромѣ того въ концѣ дороги видѣлась кучка дачъ. Изабела должна была указать на дачу какъ приличiе требовало чтобъ она сдѣлала это предъ темъ какъ Грумъ могъ бы предупредить ее.

— Тетушка живетъ тамъ, въ домѣ который называютъ „Лужайка“.

— Разумеется я долженъ былъ самъ это помнить. У меня столько дѣла о которыхъ я долженъ думать. Но того мнѣ кажется что я начинаю старѣться, моя жизнь уже далеко не такъ свѣжа какъ прежде. Я такъ радъ видѣлся съ вами, миссъ Изабела, не пожалуйте ли къ намъ въ субботу съ вашею тетушкой взглянуть на моихъ лошадей. Вы любите лошадей? Любите ѣздить верхомъ? У меня есть спокойная лошадь которая привыкла находиться въ сѣдлѣ; она какъ разъ годится для васъ. Я думаю просилъ передать мое почтенiе тетушкѣ?

— Да.

— Какъ вы хорошо смотрите, вамъ полезенъ этотъ воздухъ. Я боюсь что заставилъ васъ стоять слишкомъ долго, подъ впечатлѣнiемъ удовольствiя встрѣчи я и не думалъ объ этомъ. Прощайте, миссъ Изабела, до завтра.

Онъ поклонился Изабелѣ, кивнулъ Мудди и пошелъ. Изабела взглянула на своего спутника. Глаза Мудди все еще потуплены. Блѣдный, неподвижный, молчалъ онъ напоминая собаку ожидающую сигнала своего вѣдущаго чтобы двинуться въ путь.

— Вы не сердитесь на меня за разговоръ съ мистеромъ Гардиманомъ? спросила она его съ нѣкоторымъ безлокойствомъ.

При звукѣ ея голоса онъ поднималъ голову.

— Сердиться на васъ, моя дорогая? Да за что же бы я могъ сердиться?

— Вы такъ измѣнились, Робертъ, съ минуты встрѣчи съ мистеромъ Гардиманомъ. Развѣ я могла не говорить съ нимъ?

— Конечно нѣтъ.

Они направились къ дачѣ. Изабелѣ было не по себѣ, въ молчаливой покорности Мудди было нѣчто такое что унижало и огорчало Изабелу.

— Ужъ не ревнуете ли вы? спросила она робко улыбаясь.

Мудди стараясь казаться равнодушнымъ отвѣчалъ ей:

— Мнѣ некогда ревновать пока у меня на рукахъ ваши дѣла.

Она съ нѣжностью пожала ему руку.

— Не бойтесь, Робертъ, никогда новые друзья не заставятъ меня забыть самого близкаго и лучшаго друга, который въ эту минуту около меня.

Она замолчала и посмотрѣла на него съ трогательною нѣжностью.

— Я могу не видѣть мистера Гардимана, когда онъ придетъ завтра: вѣдь онъ придетъ къ тетускѣ, а не ко мнѣ.

Это было великодушно съ ея стороны. Но Изабела думала о настоящемъ, мысли же Мудди проникали въ будущее. Онъ уже начиналъ испытывать всю горечь самопожертвованія.

— Поступайте какъ вы сочтете за лучшее, сказалъ онъ, — и не думайте обо мнѣ.

Въ это время они подошли къ забору дачи, онъ пожалъ ей руку и сталъ прощаться.

— Вы развѣ не зайдете: зайдите.

— Не теперь, моя дорогая, я долженъ какъ можно скорѣе возвратиться въ Лондонъ. Тамъ еще нужно похлопотать по вашимъ дѣламъ, и чѣмъ скорѣе я это сдѣлаю тѣмъ лучше.

Она не обратила вниманія на его объясненіе.

— Вы не похожи на себя, Робертъ, что съ вами? О чемъ вы думаете?

Мудди думалъ въ эту минуту о краскѣ покрывшей лицо ея при встрѣчѣ съ мистеромъ Гардиманомъ. Онъ думалъ о сдѣланномъ Гардиманомъ приглашеніи посѣтить его конный

заводъ и покататься на его смирной лошади. Мудди думалъ о томъ безпомощномъ положеніи въ которомъ онъ находился относительно Изабелы съ одной стороны и высокорожденнаго джентльмена восхищающагося ею—съ другой.

Но ему не хотѣлось обнаружить этотъ страхъ и эти сомнѣнія, и онъ еще разъ протянулъ руку.

Изабела была дѣйствительно разстроена.

— Не прощайтесь со мной такъ холодно. Она взглянула на него... губы ея слегка дрожали.

— Робертъ, поцѣлуйте меня на прощанье.

Она выговаривала эти смѣла слова вѣжно и грустно, они вытекали изъ чувства глубокаго сожалѣнія, съ какимъ она относилась къ нему.

Онъ вздрогнулъ, лицо его озарилось радостью, уже исчезавшая было надежда возродилась снова. Но еще минута и онъ понялъ что это была не любовь, а сожалѣніе. Когда онъ коснулся губами ея щеки, онъ лобзѣдывалъ.

— Не забывайте меня, проговорилъ онъ глухимъ голосомъ и удалился.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

23го апрѣля 1878.

Цѣлый мѣсяцъ канулъ въ вѣчность и ни одного луча, ни одного просвѣта въ обширномъ туманномъ пространствѣ, именуемомъ политическимъ положеніемъ Европы. Легко сказать, тридцать дней напряженнаго, томительнаго ожиданія отвѣта на жгучій вопросъ: „Что же дальше?“

А отвѣта нѣтъ какъ нѣтъ!

Что же однако дѣлалось въ продолженіе этого мѣсяца? Чѣмъ-нибудь да занималась же дипломатія, взявшая съ 19го января, со дня заключенія нами съ Турками перемирія, все великое, обильно орошенное кровью дѣло въ свои руки?

Конечно, дѣлала, и даже съ превеликимъ усердіемъ; горе только въ томъ что весь ея усердный трудъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, оказывается камнемъ Сизифа... Это лучше всего доказывается словами одного изъ состоящихъ на службѣ дипломатіи русско-французскихъ листковъ. На дняхъ *Agence Générale Russe*, для утѣшенія нетерпѣливаго желанія публики получать точныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи, говоритъ что затронутые нынѣ международные вопросы состоятъ изъ *détails* касающихся *оттѣлковъ* очень важныхъ и существенныхъ, но ускользающихъ отъ публики, относительно коихъ она не можетъ дать себѣ

отчета и даже понять ихъ; а пока объ этихъ *деталяхъ* ведутся переговоры, о нихъ нельзя говорить безъ большихъ неудобствъ.

Итакъ, все дѣло въ *деталяхъ* и *оттѣнкахъ*! Не мудро ли что публика не можетъ дать себѣ отчета и даже понять какъ можно въ такомъ положеніи и при такихъ обстоятельствахъ заниматься деталями и оттѣнками. Гдѣ же не посвященнымъ въ тайны дипломатическихъ тонкостей людямъ оцѣнить всю силу, все великое значеніе какихъ-то деталей когда имъ, этимъ профанамъ, представляется вопросъ: какой выходъ изъ невыносимо тягостнаго, разорительнаго положенія, не войны и не мира, положенія сдававшего всю Россію желѣзными тисками?

Представьте себѣ врача призваннаго рѣшить вопросъ о жизни и смерти, указать средство къ устраненію на волосъ висящей опасности, который вмѣсто этого вздумалъ бы толковать о какихъ-то деталяхъ и оттѣнкахъ собственныхъ болѣзни и различныхъ методахъ ея лѣченія!

Тяжело такое положеніе, тѣмъ болѣе тяжело что видишь кругомъ признаки неизбежной грозы, готовой охватить насъ не взирая ни на какія комбинаціи.

Извѣстный циркуляръ маркиза Солсбери и критическій разборъ его нашимъ государственнымъ канцлеромъ казались документами долженствующими дать рѣшительный толчокъ ходу всего дѣла. Можно было думать что каждая сторона послѣ этого выскажетъ послѣднее рѣшающее слово, одна допускаетъ ли осуществленіе условій Санъ-Стефанскаго договора, или намѣрено противиться ему съ оружіемъ въ рукахъ, другая—на какія измѣненія въ немъ можетъ согласиться, готовая отстаивать остальное. А для обезпеченія успѣха въ предвидимомъ отстаиваньи и парализованіи остатка силъ побѣжденной Турціи, какъ эквивалентъ занятія англійскимъ флотомъ Дарданеллъ, Россія займетъ Босфоръ и преградитъ доступъ въ Черное Море.

Ничего подобнаго однако не случилось. И циркуляръ и возраженіе остались какъ бы безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, только вооруженія Англіи приняли съ тѣхъ поръ еще болѣе лихорадочный характеръ, число судовъ ея эскадры чуть не удвоилось, сухопутныя силы стали увеличиваться контингентами индійскихъ войскъ, реорганизация турецкой арміи приняла болѣе осязательную форму, укрѣпленія

Галлиполи, кругомъ Константинополя и у доступовъ къ Босфору увеличены и усилены до весьма внушительной, по нѣкоторымъ извѣстіямъ даже до неприступной степени. Все это должно было ясно показывать что Англія не допускаетъ осуществленія Санъ-Стефанскаго договора и готова противиться этому силой, а для обезпеченія успѣха такому сопротивленію не теряетъ времени и становится твердою ногой тамъ гдѣ находитъ нужнымъ. Простая логика требовала бы, повидимому, совершенно такого же образа дѣйствій и съ противной стороны. Но вмѣсто этого мы видимъ совершенно другое: русскія войска остаются на своихъ мѣстахъ, ни Константинополь, ни берега Босфора не заняты (о Галлиполи и рѣчи нѣтъ,—занятіе его уже вышло изъ области возможнаго). Шумла, Варна и Батумъ до сихъ поръ Турками не очищены, всѣ ихъ дѣйствія по обыкновенію лукавы до очевидности, и, въ довершеніе всего, въ тылу или лучше въ центрѣ нашего расположенія возбуждены сильныя беспорядки въ горныхъ округахъ Родопа, гдѣ мусульманское населеніе вмѣстѣ съ остатками разбитыхъ войскъ Сулейманъ-паши уже столкнулись съ нашими войсками... Между тѣмъ выразители дипломатическихъ тенденцій, наши французскія изданія продолжали тянуть свою унылую канитель на тему „*Europe* видитъ наше незлобіе и миролюбіе, наше желаніе избавить ее (о себѣ и рѣчи нѣтъ; все о ней, объ Европѣ, этомъ драгоценномъ идолѣ нашемъ!) отъ ужасовъ войны и т. д. *Обмѣны мыслей* продолжается, и надежды на удовлетворительный исходъ кризиса далеко еще не потеряны и пр.“ Англо-мадьярскія газеты со злораднымъ удовольствіемъ замѣтили что *бряцаніе саблей* нашихъ французскихъ листковъ (!) замѣнилось *благоразумными* рѣчами. Какая злая иронія! Обвинять наши дипломатическіе органы въ бряцаніи саблями все равно что обвинять *Neue Freie Presse* и *Daily News* въ руссофильствѣ.

Однако былъ моментъ когда казалось что дипломатія, передавъ веденіе дѣла въ руки германскаго желѣзнаго канцлера, извѣстнаго своею энергіей и категорическими рѣшеніями, отрекается отъ своей канители и серьезно хочетъ положить конецъ томительной неизвѣстности. Извѣстіе что „честный маклеръ“ перешелъ къ роли болѣе дѣятельнаго посредника оживило надежды на скорѣйшее разрѣшеніе

вопроса: миръ или война? Увы! и эта надежда оказалась обманчивою какъ десятки ея предшественницъ во весь длинный періодъ нынѣшнихъ замѣшательствъ на Востоку. На всѣ предложенія князя Бисмарка, каковившіяся главнѣйшимъ образомъ къ убѣжденію Англіи принять участіе въ конгрессѣ, въ томъ числѣ и на предложеніе одновременнаго отступленія русскихъ войскъ и англійскаго флота изъ-подъ Константинополя, мы изъавляли полнѣйшее согласіе и уступчивость, готовясь принести гораздо болѣе жертвъ чѣмъ противная сторона; но Британское правительство не повиновало въ такихъ мысляхъ и миролюбивыхъ чувствахъ; оно не отказывало конечно наотрѣвъ берлинскимъ предложеніямъ, оно даже заявило на отступленіе флота изъ Мраморнаго Моря (но не изъ Дарданелла) полное согласіе — въ *принципѣ*; оно провело лишнхъ двѣ недѣли въ безплодныхъ переговорахъ, очевидно заранѣе рѣшивъ не соглашаться ни на какіе компромиссы, подающіе надежду на мирное разрѣшеніе вопроса; наконецъ, изъ всѣхъ этихъ предложеній ничего не вышло, уйти изъ Мраморнаго Моря Англичане отказались, опять заговорили о своемъ требованіи чтобы Россія представила весь Санъ-Стефанскій договоръ на обсужденіе конгресса, т.-е. явилась бы въ униженной роли подсудимаго.

Князь Бисмаркъ заболѣлъ и уѣхалъ отдыхать въ свои имѣнія, а наши французскія газеты продолжаютъ и до сихъ поръ увѣрять что переговоры не прерваны, что они при посредствѣ Германіи продолжаются съ Англіей, объ удаченіи военныхъ силъ отъ Константинополя, а съ Австріей относительно касающихся ея вопросовъ: что *принципъ обмѣна идей между Петербургомъ и Лондономъ относительно интересующихъ Англію вопросовъ принятъ...* Какъ вамъ правится эта фраза? Принципъ обмѣна идей принять!?! Ура, торжеству! смущенный неизвѣстностью и тревогою миръ! достигнуть великій результатъ: Петербургъ и Лондонъ почти кидаются въ объятія другъ другу, они уже пришли къ соглашенію что принципъ обмѣна идей вещь хорошая, можно принять ее—въ принципъ...

Одно оправданіе подобнымъ переливаніямъ изъ пустаго въ порожнее можно было бы допустить еслибы это дѣлалось для выигрыша времени необходимаго на вооруженіе, на обезпеченіе со всѣхъ сторонъ успѣха

неминуемо предстоящей борьбы. Англія такъ и дѣлаетъ, даже съ нѣкоторою циническою откровенностью не только предъ посторонними зрителями, но и предъ своими, ибо, распуская парламентъ на довольно продолжительные парламентскія каникулы, министры ея британскаго величества уверяли представителей въ палатѣ общинъ что переговоры пока не вызываютъ еще никакихъ тревожныхъ опасеній, и что безъ парламента во всякомъ случаѣ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ принято не будетъ; а между тѣмъ на другой день закрытія сессіи уже стало извѣстно движеніе войскъ изъ Індіи на Мальту и другія не менѣе воинственныя распоряженія. Съ тѣхъ поръ какъ Галлиполи окончательно занятъ и укрѣпленъ до совершенной неприступности, Англичане сдѣлались полными хозяевами Мраморнаго Моря; для сопротивленія Русскимъ занять Константинополь и укрѣпиться въ Босфорѣ тоже приняты мѣры; возбужденіе возстанія въ тылу нашемъ непременно должно развлечь и наше вниманіе и наши силы; Турки, Египетъ и Греція окончательно привлечены въ англійскія объятія; въ Румыніи возбуждены враждебныя противъ насъ чувства до того что эти господа не только о присоединеніи части Бессарабіи вмѣсто Добруджи слышать не хотятъ, но ставятъ еще спорнымъ пунктъ о нашихъ сообщеніяхъ чрезъ Румынію съ Болгаріей, такъ что пришлось стянуть значительныя русскія силы къ окрестностямъ Букурешта, чтобы хоть не много образумить рьяныхъ представителей Молдо-Валахскаго народа. До чего доходитъ энергія британской дѣятельности, до чего Англичане не упускаютъ случая ставить своему противнику гдѣ только возможно какія-нибудь затрудненія, можно судить по тому что они сумѣли устроить между Лазами и Кобулетцами волненія выразившіяся въ заявленіи предъ англійскимъ консуломъ торжественною депутаціей желанія оставаться турецкими подданными и не сдавать Русскимъ Батума, хотя пришлось бы защищать его силой. Словомъ, приходится еще и еще разъ повторять что Англія пользуется временемъ вполне. Въ теченіе менѣе чѣмъ трехъ мѣсяцевъ она достигла въ своихъ морскихъ и сухопутныхъ вооруженіяхъ громаднѣйшихъ успѣховъ, да и Туркамъ пособила опомниться поправиться отъ ударовъ.

Можемъ ли мы сказать то же и о себѣ? Воспользовались ли мы въ такой степени временемъ? Нѣтъ, не воспользовались. Какія бы распоряженія въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ ни дѣлались для укомплектованія арміи, созыва резервовъ, формированія новыхъ частей, пополненія снарядовъ, запасовъ и пр., съ какою энергіей ни шла бы подготовка новобранцевъ, ихъ вооруженіе и т. п.,— все это не можетъ замѣнить того что выигрывалось занятіемъ укрѣпленій Проливовъ. Въ мѣры военнаго вѣдомства могутъ совершаться въ полной тайнѣ и не проникать въ пубliku, и мы могли бы допускать что ошибаемся, потому что ничего не знаемъ; но мы знаемъ все что *сдѣлали* наши противники, повидимому не заботящіеся объ особенно строгой тайнѣ, мы не менѣе хорошо знаемъ что *не сдѣлано* нами: займи мы Константинополь, укрѣпились въ Босфорѣ и т. п., скрыть этого не было бы возможности; корреспонденціи и чужія и свои давно бы насъ познакомили съ такимъ пріятнымъ событіемъ. Съ такимъ „ручнымъ залогомъ“ не такъ невыносимо досадно было бы взирать на тоау времени въ безплодной болтовнѣ.

Для вынужденія у насъ уступокъ, для низведенія результата нашихъ кровавыхъ усилій до возможнаго minimum, для униженія пріобрѣтеннаго нами на Востокъ обаянія и восстановленія своего, сильно пошатнувшагося,—вслѣдствіе пораженія ея protégé, — Англія избрала систему угрозъ и нашего финансоваго истощенія; посредствомъ этого она до сихъ поръ успѣшно двигалась къ цѣли: послѣ каждой уступки являлись новыя требованія, длилось время, разорительное военное положеніе истощало нашу казну, ложилось тяжелымъ бременемъ на весь экономическій бытъ народа. Въ виду этого, само собою, ей ничего лучшаго и желать не приходится какъ длить дѣйствіе своей системы до крайнихъ предѣловъ. Не то было бы еслибы на угрозы отвѣчали твердостью и энергическими мѣрами. Попала бы коса на камень, разговоръ былъ бы другой, да и Туркамъ пришлось бы бросить лукавую политику и помириться съ совершившимися фактами, не разчитывая отдѣлаться отъ только что подписаннаго договора. Нѣтъ никакого сомнѣнія что и крѣпости были бы уже давно очищены, и никакого возстанія въ Родопскихъ горахъ, никакихъ демонстрацій Батумскаго населенія не было бы. Рѣшимость и твердость

вездѣ дѣйствуютъ благотворно, а въ Азіи въ особенности; всякая же уступчивость, мягкая готовность на компромиссы, благодушіе въ пользу противника и въ явный вредъ себя принимаются за слабость и возбуждаютъ улавльшій духъ разбитаго, умоляющаго о пощады противника. Пусть только возстаніе турецкаго населенія въ Болгаріи пріобрѣтетъ нѣкоторый успѣхъ, молва во стократъ преувеличитъ его, и при помощи англійскихъ агентовъ и ихъ золота оно можетъ послужить заразительнымъ примѣромъ. Навербованныя Лейардомъ орды Черкесовъ появляются опять на нашей закавказской границѣ; окрестности Батума, Эрзерума, даже Карса и Баязида могутъ сдѣлаться театромъ партизанской войны, крайне обременительной для войскъ; искры наконецъ могутъ опять попасть въ легко воспламеняющееся мусульманское населеніе Кавказа. Допуская даже что подобныя попытки не будутъ имѣть серьезныхъ результатовъ, но при войнѣ съ Англіей это развлечетъ наши силы, наши средства и увеличитъ заботы.

До войны съ Турціей, и во все время войны, крайне враждебныя отношенія къ намъ Англіи были очевидны; сомнѣваться что раньше или позже она выступитъ открыто и станетъ поперекъ нашего пути къ достиженію цѣли нельзя было ни минуты. Не слѣдовало ли заблаговременно готовиться къ возможности боя съ этимъ безплощаднымъ противникомъ и ненавистникомъ Россіи? Не слѣдовало ли, обезпечивъ себя позиціями въ Дарданеллахъ и Босфорѣ, обратить кромѣ того особое вниманіе на слабую сторону британскаго могущества, ея морскую всемірную торговлю и запасться оружіемъ для пораженія ея, этой Ахиллесовой паты нашего врага?

Да, слѣдовало. Но за исключеніемъ *Московскихъ Вѣдомостей*, подыавшихъ этотъ вопросъ, и уморительной полемики по этому поводу возникшей, мы ничего не сдѣлали. И только теперь, когда врагъ, можно сказать, ante portas, по почину Москвы взялись за снаряженіе добровольнаго флота крейсеровъ, да на дняхъ получено извѣстіе о прибытіи нѣсколькихъ сотъ нашихъ матросовъ въ Америку. Сколько потеряннаго времени, сколько лишняго милліоновъ потрачено! А между тѣмъ угроза крейсерской войны, угроза не фиктивная, а реальная, въ видѣ готовыхъ къ отплытію нѣсколькихъ десятковъ

скороходныхъ судовъ, управляемыхъ Барановымъ, Дубасовымъ, Шестаковымъ и другими русскими моряками, достаточно показавшими на что наши моряки вообще слособны, заставила бы войнолюбивыхъ руководителей британской политики подумать и подумать прежде чѣмъ выступать на тотъ путь который въ настоящую минуту едва ли приведетъ къ мирной развязкѣ.

Удивительно какъ наше „авось“, „да какъ-нибудь“ да „поспѣемъ“ и т. п. присказки не теряютъ своей силы и съ какою-то фатальною преемственностью повторяются постоянно, не взирая на всѣ историческіе примѣры даже самыхъ новѣйшихъ временъ. Казалось бы Зивинъ и Плевна достаточно показали что значить олаздывать и въ критическую лишь минуту наворачивать потеранное!... И еще странная черта: какое-нибудь пустое домашнее дѣло мы всегда начнемъ съ превеликою помпой, съ самою щедрою, дорого стоящею обстановкой, на широкую ногу, а закончимъ совершеннымъ равнодушіемъ, забвеніемъ, не дадимъ ему развиться, роскошная обстановка превратится въ нищенскую щедрость, въ скрапничество; къ серіозному же великому дѣлу, наоборотъ, мы приступимъ какъ-то ёжась, съ ограниченными средствами, экономичая, и когда насъ за это постигнетъ жестокая кара, тогда только мы проснемся и начнемъ развертывать силы и средства, половина коихъ въ началѣ была бы достаточно для избѣжанія кровавыхъ уроковъ.

Приходится утѣшаться тѣмъ что лучше поздно чѣмъ никогда. Обращаюсь собственно къ политическому положенію настоящей минуты. Въ глазахъ всякаго читателя видится большой вопросительный знакъ, и это совершенно естественно: всякъ желалъ бы получить какое-нибудь разъясненіе этой замѣчательной, безпримѣрной въ исторіи путаницы, когда побѣдителя тянутъ къ суду, когда мирный трактатъ остается какою-то фикціей, когда государство несетъ всѣ тяжести военного времени, армія пребываетъ на чужбинѣ, а между тѣмъ войны нѣтъ и мира нѣтъ. Къ крайнему сожалѣнію, на вопросъ читателя есть только одинъ отвѣтъ: положить плечами.... Развѣ есть возможность понять что-нибудь въ этомъ хаосѣ разнообразныхъ извѣстій, въ этомъ водоворотѣ словъ мира, дѣйствій архи-военноуниверсального характера, масличныхъ вѣтвей

подносимыхъ на кончикахъ штыковъ? Англійскіе министры, напримеръ, говорятъ рѣчи, увѣряя что никогда не подстрекали Турокъ къ войнѣ, увѣряя въ своихъ миролюбивѣйшихъ намѣреніяхъ, въ нежеланіи унижать Россію, во въ единственномъ якобы стремленіи защищать права трактатовъ нарушаемыхъ Санъ - Стефанскимъ договоромъ, они принимаютъ военныя мѣры вовсе никому не угрожающія, только изъ предосторожности. Можемъ ли мы повѣрить хоть единому слову этихъ политическихъ Тартюфовъ? Конечно, нѣтъ; ибо кому же неизвѣстны всѣ адскія махинаціи пущенныя въ ходъ Англійскимъ правительствомъ, чтобъ искра Герцеговинскаго возстанія обратилась въ пламя пожара и втянула насъ въ войну; кому неизвѣстны средства употребленныя Англіей къ поддержанію упорства Турокъ, къ увеличенію ихъ ресурсовъ сопротивленія и т. д.; кому неизвѣстны наконецъ всѣ послѣднія дѣйствія Англіи: прорывъ въ Мраморное Море флота вопреки трактатамъ, усиленныя вооруженія, *смыканіе* всякихъ дипломатическихъ усилій къ мирному соглашенію? Кажется ясно какъ Божій день что Англія, выразивъ свой взглядъ на Санъ-Стефанскій договоръ, называемый ея министрами гибельнымъ (?), прямо желаетъ уничтоженія его, слѣдовательно и всѣхъ плодовъ достигнутыхъ нами, желаетъ рѣшительнаго нашего униженія, ибо какъ же иначе можно назвать положеніе въ которомъ мы очутились бы предъ глазами всѣхъ Славянъ вынужденные собственными руками разрушить только что созданное для нихъ освобожденіе, предъ глазами всего Востока вынужденные склонить побѣдную голову предъ угрозой Инглаиза, предъ самими собою, наконецъ теряя результаты такихъ геройскихъ подвиговъ арміи, такого напряженія народныхъ силъ, отказываясь отъ акта совершеннаго 19 февраля и принятаго всею Россіей съ такими ликованіями? Такъ повидимому долженъ разсуждать всякій русскій человѣкъ, и иначе нельзя разсуждать, даже по самомъ зрѣломъ взвѣшаніи всѣхъ обстоятельствъ и условій группирующихся кругомъ нашей злобы дня. А между тѣмъ возьмите хоть послѣднія вчерашнія телеграфныя извѣстія и прочтите что сообщаютъ изъ Петербурга въ *Politische Correspondenz*,—газету солидную и получающую свои свѣдѣнія изъ хорошихъ источниковъ. „Сегодня, 16 (28) апрѣля, утромъ, происходило засѣданіе совѣта

министровъ, на которомъ, говорятъ, приняты важныя рѣшенія. Непосредственно послѣ того посланы были депеши въ Вѣну и Лондонъ. *Довольно достоверно* что принятыя въ этомъ засѣданіи рѣшенія носятъ въ высшей степени *прижимательный и успокоительный характеръ.*“ Дальше изъ Вѣны сообщаютъ что по надежнымъ свѣдѣніямъ между Лондономъ и Петербургомъ снова начались переговоры касающіеся конгресса и установленія демаркаціонныхъ линій. (Съ державой не находящеюся въ войнѣ будутъ устанавливать демаркаціонныя линіи!) Изъ Константинополя телеграфируютъ: Россія согласилась на значительныя уступки. Изъ Петербурга въ газету *Times* телеграфируютъ, отъ 21 апрѣля: „саухъ о томъ будто Россія намѣрена обратиться къ Портъ съ *ультиматумомъ* насчетъ скорѣйшаго очищенія крѣпостей не имѣетъ основанія. Пока существуетъ *основательная надежда* (?) на мирное рѣшеніе, Россія вѣроятно не сдѣлаетъ ничего такого что затруднило бы кризисъ. (Конечно, гдѣ же Россія осмѣлится Портъ *ultimatum* заявлять и затруднять кризисъ вызванный и поддерживаемый Англіей, самою Англіей!) Повѣрить приведеннымъ извѣстіямъ — просто духу не хватаетъ.... Не повѣрить, конечно, благоразуміе, но никакъ нельзя отдѣлаться отъ невольнаго смущенія; чувствуешь какъ краска подступаетъ къ щекамъ; что-то тоскливое закрадывается въ душу.... Уступаемъ, еще и опять уступаемъ.... но гдѣ же предѣлъ?

Дипломатія, вопреки всей очевидности, силится внушать намъ убѣжденіе въ мирномъ исходѣ дѣла; но, при всемъ искреннемъ желаніи ей успѣха, приходится крѣпко сомнѣваться въ этомъ: факты громко говорятъ что вопросъ усиліями лорда Беконсфильда поставленъ на такую дорогу съ которой едва ли возможно возвратиться къ мирному разрѣшенію. Въ собственной странѣ онъ возбудилъ такую ненависть, такой воинственный задоръ противъ Россіи что вѣскольکو благоразумныхъ голосовъ теряются въ хорѣ дикихъ возгласовъ, и возобновляющаяся завтра сессія англійскаго парламента, безъ сомнѣнія, ничего не измѣнитъ въ положенія достигшемъ слѣшкомъ остраго напряженія. Въ другихъ же странахъ Европы, за исключеніемъ одной Германіи, все тащится на буксирѣ Англіи; даже Италія въ последнее время не выказываетъ наклонности противорѣчить Беконсфильдовскимъ взглядамъ на Санъ-Стефанскій договоръ;

республиканская Франція рѣшительно держится англійской стороны, а Австрія продолжаетъ свою традиціонную политику вліянія, выжиданія, желая въ мутной водѣ удить рыбу; заручившись уже, повидимому, широчайшими съ нашей стороны уступками, она провозглашаетъ нейтралитетъ въ случаѣ войны Россіи съ Англо-Турками, но плоть положить на ея обѣщанія едва ли возможно. Во всякомъ случаѣ Босніи и Герцеговинѣ уже едва ли избѣжать участи попасть въ руки Австріи. Когда ей предлагали это въ началѣ войны, она противилась чтобы не дѣйствовать какъ бы заодно съ нами, тогда она еще надѣялась на сохраненіе цѣлости Оттоманской имперіи и на удачу славянскаго освобожденія; теперь же, занявъ Боснію внушительною силой, подъ предлогомъ обезпеченія вынужденныхъ возвратиться туда бѣглецовъ отъ мусульманскихъ репрессалій, Австрія будетъ имѣть возможность угрожать Сербіи и Черногоріи и удержать ихъ отъ возобновленія сомыстности съ нами дѣйствій противъ Турціи, когда возгорится съ минуты на минуту ожидаемая новая кампанія. Ея дружественный нейтралитетъ обходится намъ не дешевле войнъ.... При всемъ томъ, однако, въ коалицію не вѣрится.

Гроза приближается; раскатовъ грома еще не слышать, но они уже чувствуются въ удушливой атмосферѣ, и вѣняемый вѣтеръ, могущій разогнать скопившіяся тучи, былъ бы по истинѣ необычайнымъ явленіемъ. Не станемъ же обманывать себя обманчиво завъртѣнками дипломатовъ, не станемъ скрывать отъ себя трудностей предстоящаго дѣла, главное, не станемъ ждать грома чтобы креститься. Обильно пролитая кровь, громадная жертвы, должны быть искуплены положительными результатами; отказаться отъ нихъ значило бы отказаться отъ своего достоинства, отъ своей чести; а это развѣ мыслимо, развѣ возможно великой державѣ, великому восьмидесятимиліонному народу, имѣющему за собою не мало блестящихъ историческихъ страницъ и предъ собою великую будущность? Не убоимся и не посрамимся во вѣки!

А. ЗИССЕРМАНЪ.

Р. S. Я уже вкладывалъ статью въ конвертъ для отсылки на почту когда маѣ принесли послѣднія газеты. Первое что кинулось въ глаза — это извѣстіе, сообщенное газетъ

Times ея петербургскій корреспондентомъ, слѣдующаго содержанія: Россія готова ради сохраненія мира войти *и всякую* одѣлку съ Англіей если только главная цѣль, *улучшеніе быта* восточныхъ христіанъ, будетъ обезпечена, и Россія получить *самое умѣренное вознагражденіе* за свои жертвы. Въ виду молчанія Лондонскаго кабинета на наше требованіе формулировать свои положительные взгляды на счетъ переустройства Востока, въ виду энергическихъ англійскихъ вооруженій и ободреній Турціи, Россія будто бы сама предлагаетъ слѣдующія уступки: 1) границы Болгаріи будутъ опредѣлены заново международною комиссіей; 2) вмѣсто русскаго комиссара для внутренняго устройства Болгарскаго княжества можетъ быть назначена европейская комиссія; 3) срокъ русской оккупации и численность корпуса могутъ быть сокращены; 4) Болгарское княжество можетъ быть раздѣлено на двѣ провинціи (Придунайскую и Забалканскую), согласно предложенію маркиза Солсбери на Константинопольской конференціи; 5) для опредѣленія способа уплаты контрибуціи можетъ быть составленъ европейскій синдикатъ который приметъ во вниманіе интересы прежнихъ кредиторовъ Порты; 6) въ Малой Азіи Россія считаетъ существенными только Карсъ и Батумъ, по всѣмъ другимъ пунктамъ возможно соглашеніе; 7) Россія удовольствуется присоединеніемъ той маленькой части Бессарабіи которая населена Русскими.

У меня руки опустились!... Неужели въ этомъ извѣстіи есть что-нибудь правдивое? Неужели путь уступокъ довелъ насъ уже до такого результата? Нѣтъ, этого не можетъ быть; тѣмъ болѣе что Англія, получивъ такіа предложенія, не удовольствуется ими и потребуетъ новыхъ семи пунктовъ, а получивъ и эти, подъ шумъ заканчиваемыхъ вооруженій, потребуетъ еще семь... Можетъ кончиться тѣмъ что, истощивъ весь запасъ уступокъ, Россія очутится въ необходимости прилачивать уже своимъ добромъ!

Какія однако шутки позволяютъ себѣ надъ нами господа Англичане!

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАГО

М А Р Т Ъ.

	Стр.
Шекспиръ въ передѣлкахъ Екатерины II. <i>В. А. Лебедева</i>	5
Отрывки изъ моихъ воспоминаній. Гл. XL—XLI. <i>А. Л. Зиссермана</i>	20
Муромская драма. Разказъ судебного сѣдователя. <i>С. А. Панова</i>	53
Скрежетъ зубовой. Романъ. Часть третья. <i>В. Г. Асенька</i>	85
Подъ громомъ Крымской войны. (Изъ дневника веденнаго покойнымъ А. Д. Камоускимъ въ Крыму, во время военныхъ дѣйствій 1853 года.).....	163
Пій IX и Викторъ-Эммануилъ. <i>Н. В. Щербана</i>	198
Прияцъ Альбертъ въ цѣтливой перелискѣ. Новая англійская книга о Крымской войнѣ. <i>Р.</i>	211
Русскіе моряки на крайнемъ Востокѣ. <i>Б.</i>	257
Ракушанскій меламедъ. Разказъ на бивакѣ. <i>Н. С. Ляскова</i>	291
Разказы бабушки. Изъ воспоминаній пяти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. I.....	326
Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей. Русскіе великаны въ прусской службѣ. <i>М. П. Пущило</i>	374
Фуражировка за Вислой въ польскую кампанію 1831 года. <i>А. М. Дренякина</i>	401
Деньги миледи. Эпизодъ изъ жизни молодой дѣвушки, разказанный Уилки Коллинзомъ. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая.....	412
Изъ воспоминаній о первомъ походѣ за Балканы. <i>Князя А. В. Шаховскаго</i>	445
Объяснительное предисловіе автора къ тридцати седьмому изданію романа <i>Набавъ</i>	463
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана</i>	467

А П Р Ъ Л Ъ

- Наши тюрьмы и тюремный вопросъ. *Н. В. Муромовъ*.
 Отъ судьбы не уйдешь. Разказъ туриста. *А. Незлобинъ*.
 Отрывки изъ моихъ воспоминаній. Гл. XLII—XLIII.
А. Л. Зиссермана
 Русскій художникъ за границей въ сороковыхъ годахъ.
 (Семейныя письма покойнаго Николая Александровича Рамазанова.) Гл. XII—XXVIII.
 Очерки Герцеговинскаго восстанія. Гл. XVI—XVIII.
Петра Петрова.
 Разказы бабушки. Изъ воспоминаній пяти поколѣній.
 Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. II—IV.
 Телъ о Французской революціи. *Р.*
 Четверть вѣка назадъ. Правдивая исторія. (Памяти
 графа Алексея Константиновича Толстаго.) Гл.
 I—XII. *В. М. Маркевича*.
 Альбионъ. Стихотвореніе. *М. Юзефовича*.
 Деньги миледи. Эпизодъ изъ жизни молодой дѣвушки
 разказанный Уилки Коллинзомъ. Переводъ съ
 англійскаго. Часть вторая. Гл. XII—XV.
 Политическое обозрѣніе. *А. Л. Зиссермана*.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1878

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоитъ въ 12 Москвѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей пять копѣекъ, съ доставкой на домъ въ Москвѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста семнадцать рублей.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства дѣющія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англию, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Денмаркъ, Італію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1878

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1878 годъ въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ казенныхъ объявленій четырнадцать рублей 50 копѣекъ, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки шестнадцать рублей 50 копѣекъ, съ доставкой и пересылкой девятнадцать рублей 50 копѣекъ.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ бульварѣ.

—*—*—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ Бульварѣ.

MAY 27 1954

